ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ НОГАЙЦЕВ РОССИИ «НОГАЙ ЭЛ»
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. У. Д. АЛИЕВА
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КЧР

НОГАЙЦЫ: XXI ВЕК

ИСТОРИЯ. ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОТ ИСТОКОВ – К ГРЯДУЩЕМУ

**Материалы Первой Международной научно-практической конференции
г. Черкесск, 14-16 мая 2014 г.**

НОГАЙЛАР: XXI ОЬМИР

ТАРИХ. ТИЛ. МАДАНИЯТ. АЬВЕЛГИДЕН – КЕЛЕЕККЕ

**Биринши Халкаралык илми-практикалык конференциядынъ йыйынтыгы
Черкесск, 14-16 мамыр 2014 й.**

NOGHAIS: XXI CENTURY

HISTORY. LANGUAGE. CULTURE. FROM SOURCE TO THE FUTURE

**Proceedings of the 1st International Scientific and Practical conference
Cherkessk, May 14-16, 2014**

**ЧЕРКЕССК
2014**

УДК 902.7
ББК 63.3 (2Р37)
Н-76

Печатается по решению:

Высшего Совета Федеральной национально-культурной автономии ногайцев России «Ногай Эл»
Редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева

Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему.
— Черкесск, 2014. — 480 с.

ISBN 978-5-8307-0298-0

Ответственные редакторы:

Суюнова Н. Х. (д.ф.н.),
Курмансеитова А. Х. (к.и.н.),
Кукаева С. А. (к.ф.н.)

В сборник включены материалы Первой Международной научно-практической конференции «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему», ставшие результатом научных изысканий ученых-гуманитариев Северного Кавказа, других регионов России, академических институтов Москвы, стран центрально-азиатского и восточно-европейского регионов, посвященные проблемам изучения историко-культурного, социально-экономического и политического развития ногайского общества в историческом и современном аспектах, во взаимосвязи с историей и культурой множества народов, в тесных контактах с которыми вершилась полная триумфов и потерь многовековая историческая судьба этноса.

Книга рассчитана на специалистов – ученых гуманитарного профиля, а также широкий круг читателей.

Ответственность за сведения, содержащиеся в материалах сборника, несут авторы статей.

ISBN 978-5-8307-0298-0

Материалы конференции изданы при финансовой поддержке ФНКА ногайцев Росссии «Ногай Эл»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая Международная научно-практическая конференция «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему», инициированная Федеральной национально-культурной автономией ногайцев России «Ногай Эл», открывает серию научных форумов, которые планируется проводить один раз в два года, с привлечением, как и в этот раз, ученых – представителей различных сфер гуманитарного знания, научных школ, разных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, так или иначе соприкасавшихся с разработкой научных проблем ногаеведения.

Ни одна этническая история (как и политическая, культурная) не вершится в изоляции. Так и история ногайского народа, его культуры – это, прежде всего, «история его великих контактов». Поэтому одна из задач форума — аккумулирование рассредоточенных в обширном научном пространстве сведений о многовековой историко-культурной взаимосвязи ногайцев с множеством генетически и культурно родственных, географически близких и отдаленных народов Евразии. При этом для нас очень важна достоверность источников аккумулируемых сведений. Известно, что таковыми являются государственные исторические архивы, различного рода ведомственные хранилища, заслуживающие доверия частные собрания, результаты полевых исследований ученых, свидетельства современников.

Вторая (по счету, но не по важности) задача состоит в том, чтобы в ходе живого профессионального общения ученых-гуманитариев России (Москвы, Татарстана, Башкортостана, Крыма, Астрахани, Северного Кавказа), а также Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Турецкой республики, представителей других территорий, являющихся родиной историко-культурных символов современных ногайцев, принять решение о системном обмене научной информацией по истории этноса, о содействии защите от разрушения объектов историко-культурной памяти ногайцев, находящихся на их территориях, популяризации материалов архивных фондов, в организации сбора полевого фольклорного материала, сохранению и развитию ногайского языка в местах компактного проживания ногайских общин и диаспор.

Приглашение к очному участию в работе форума известных ученых, посвятивших специальные научные исследования освещению истории и культуры ногайцев, других северокавказских народов, истории их взаимодействия, предполагается сделать традицией конференции. Значимость живого слова ученых, знания об их трудах особенно возрастают на фоне активизировавшейся ныне, в том числе и в интернет-ресурсах, пропаганды, зачастую и с добрыми намерениями, невыверенных историко-культурных знаний. Задача гуманитарных наук – реально быть основным и компетентным источником пропагандируемых в обществе знаний, тем более, не отдать это право околонаучным "доброжелателям» с сомнительными целями, которые, зачастую, пользуясь отсутствием внятного научного мнения по иным острым вопросам, распространяют в информационном пространстве опасные домыслы, намеренно актуализируют негативные примеры из истории взаимодействия народов, провоцируя, как минимум, межэтническое напряжение.

В XX веке этническая история ногайцев всегда изучалась в рамках истории регионов, где ногайцы, как правило, составляют меньшинство. Многовековая культура письма, традиции образного мышления народа (эпос и поэзия *йырау*), оказавшие влияние на развитие духовности многих народов Великой Степи, длительное время замалчивались, дабы не умалять роль Октября в судьбах народов страны. Целостная же история этноса, комплексное изучение его культуры еще только должны сложиться. Но уже сейчас понятно, что здесь не обойтись без участия ученых академических центров Москвы, представителей ученого мира огромного евразийского континента. И это будет знанием не только об истории ратных триумфов этноса, но и об истории поражений, истории мирной созидательной жизни в соседстве с множеством других этносов. Знание, а не переживание этой разной истории, сохранение хладнокровия в оценках событий прошлого, умение применять уроки истории к нынешней, уже по-другому сложившейся реальности, не разрывая при этом уже установившихся исторических взаимосвязей с многими народами и культурами, — очевидно, на таких принципах плодотворно строить современное гуманитарное знание.

Рубеж XX – XXI веков – время, когда изрядно пошатнулись основы одной из хмурых догм истекшего столетия о скором приходе эпохи безнациональности и скорбного одноязычия. Пренебрежение к национальным языкам, культурам, провозглашение их барьером, мешающим сближению народов, движению, по сути, к монокультуре, достаточно встречается в современных исследованиях, в том числе и ученых-гуманитариев, однако, сохранение многообразия культуры, многоязычия страны и мира – это путь к сохранению здоровья цивилизации. Проводником этой идеи должна стать система образования — существенный и неотъемлемый элемент многонациональной духовной культуры. Она обеспечивает трансляцию знаний, идей, умений, ценностей, национальных традиций от одних групп общества к другим, от поколения к поколению. Его роль в будущем будет только возрастать.

Организаторы конференции «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему» — Федеральная национально-культурная автономия ногайцев России «Ногай Эл», Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР и Редакционная коллегия собрания Материалов конференции — выражают благодарность всем ученым, поддержавшим нашу идею о воссоздании и реконструкции истории многовековых контактов ногайцев с другими народами Евразии, и приглашает к дальнейшему плодотворному сотрудничеству.

КИРИС СОЬЗ

«Ногайлар: XXI оьмир. Тарих. Тил. Маданият. Аьвелгиден – келеекке» деп аталган Халкаралык илми конференция, эки йылда бир озгарылаяк илмилик йыйылыслардынъ бириншиси болады. Онынъ катнасувшылары – уьйкен илмиде ногайдынъ тарихи-маданиятынынъ орнын ашыклап, оьз куллыкларында эс караткан гуманитарлык билимнинъ туьрли тармакларынынъ илми аьрекетшилери — оькиметимиздинъ туьрли юртларынынъ, тыс кыраллардынъ элшилери.

Эш бир халк та оьзининъ миллет, саясат, яде маданият тарихин оьз алдына, айырым кепте туьзбейди. Ногайдынъ тарих-маданиятынынъ уллы данъкын да – Евразия кенълигиндеги ювык эм узак халклар ман туьзген яркын байланыслары коьрсетеди. Сонынъ да уьшин, илми конференциядынъ асыл мыратларынынъ бириси – уьйкен илмидинъ кенълигинде ногайдынъ яйрап яткан мынъйыллык йылязбасынынъ бетлерин табып-йыйып, байланысларын ашыклап, саклав. Бу исте айлак та маьнели зат – ол илмилик билимнинъ булакларынынъ акыйкатлыгы. Олай дегенимиз – оькимет тарихлик архивлерде, сенип болгандай байыр казналарда сакланган, замандаслардынъ шаатламалары кепте калган асабалык.

Илми йыйылыстынъ тагы бир асыл мырады бар: Ресейдинъ (Москва, Татарстан, Башкортостан, Кырым, Ажитархан, Керуьв Кавказ), биргесине – Казахстаннынъ, Туркменстаннынъ, Туркиядынъ эм баска, буьгуьнги ногайлардынъ тарихлик-маданият эстеликлери сакланган ерлердинъ элшилери – аьлимлер мен бир неше, айлак та маьнели, ой-токтасларга келуьв. Олай дегенимиз – халкымыздынъ тарихи акында илмидеги янъы билим мен дайым авысув, ногайлардынъ бурын яшаган ерлеринде сакланган миллет эстеликлерин бузылувдан коршалав, архив шаатламаларынынъ сакланувына себеп этуьв, халк авызында сакланган фольклор байлыгын йыйып алувда демевлик этуьв, шашылып-тоьгилип яшаган ногай халктынъ тилин саклав эм оьрлендируьв куллыгын токтатпав.

Конференциядынъ куллыгында ногайдынъ тарихи эм маданиятына оьзлерининъ коьп илмилик излевлерин багыслаган белгили аьлимлерди шакырувымызды йыйылыстынъ ийги аьдетлерининъ бири этип беркитеек мырадымыз бар. Аьлимлердинъ абырайлы соьзлери, олардынъ язган затлары акында билимнинъ сыйы боьтенде буьгуьн оьр болган. Неге десенъ, сонъгы заманда боьтенде, халклардынъ тарихи акында, илми булакларга негизленмеген коьп туьрли ялган ойлардынъ ямагат арасында кенъ яйылувына карсылык этуьв кереги коьринеди.

Гуманитарлык илми халк арасында яйылган билимнинъ шынты булагы, негизи болувы — куьн йосыгында. Боьтен де сол кие затты шексинуьв тувдыратаган мыратлары болган бузгыншылардынъ колларына беруьв айлак та зарарлы зат. Кайбир оьткир соравлар бойынша беркитип айтылган илми ойдынъ йоклыгы ман пайдаланып, сол кара куьшлер халклардынъ тарихлик айкасларынынъ кайда бир онъайсыз вакытларын айырып алып, байрак этип коьтерип, миллет арасында шексинуьв, карсылык тувдырадылар.

XX-ншы оьмирде ногайлардынъ миллет тарихи, коьбинше, сол оькимет йойылган сонъ, кесек-кесекке боьлинип яшап калган ерлерининъ тарихининъ калыбында тергелип келеятыр. Ол ерлерде болса, ногайлар дайым да аз санлы миллетлер арасында боладылар. Коьп оьмирлер бойынша халктынъ язба маданияты, оьнерли ой-пикири (эпос, йыравлар шайирлиги) болганы эм сол байлыгы Уллы Даладынъ коьплеген халкларынынъ рух байлыгын оьрлендируьвге уьйкен себеплик эткенини акында зат айтылмай бара эди. Туьп маьнеси — Октябрь революциядынъ аз санлы халклардынъ онъайлы бактысына эткен себеплигининъ маьнесин кемситпес уьшин. Сонынъ да уьшин ногай халктынъ миллет тарихи тутас эм уьзилмес кепте бир де тергелмеген. Тек буьгуьн болса баска заманлар келгенлер, эм сол исти энди толы кепте бажарамыз десек, Евразиядынъ уьйкен илмилик орталыкларында, Москвадынъ академиялык илмисинде ислейтаган аьлимлер мен байланыс тутпай, мырадымызга етуьв кыйын болаягы белгили. Сол илми билими миллеттинъ тек бир уьйкен енъуьвлерининъ, уллы данъкынынъ тарихи болмай, онынъ оькинуьв тувдырган куьнлерининъ де, коьплеген конъысы-кардаш халклардынъ аьелинде тынышлык коьрген куьнининъ де хабарын билдиреек. Сол тарихти юректен оьткерип тувыл, акылымыз бан анълап-билип, кайнап оьткен оьзгерислерине баа беруьвде, тамамлар этуьвде шалтлыкка берилмей, буьгуьнги куьнимиз бен акылбалык кепте сол сулыпты байланыстырып билуьвимиз яс оьспирлерге пайда аькелген зат болар. Неге десенъ, буьгуьнги аьллер энди баскаша туьзилип туры, халклар ара байланыслар беркиген, аьдетлер яшавга синъгенлер. Сол затты анълавга негизленген гуманитарлык илми билими, эште, дурыс йолда.

XX–XXI-нши оьмирлердинъ мажасындагы заман – кайда бир сай ойдынъ оьркенлери курыган заман. Ол ой – оьз алдына миллетлер маданиятынынъ заманы артта, ер юзиндеги аьдем ырувы бир тилде соьйлеек куьнине келмеге туры, тил баскалыклары энди шайылып кетеятыр деген зат.

Миллет тиллерге эс бермей, кайтарасына, оларды халклардынъ бирлесуьвине буршав этип коьруьв аьлиги заманнынъ илми-тергев ислеринде де расады, тек маданияттынъ миллет баскалыкларын саклав, оькиметтинъ эм дуныядынъ тил коьплигин йоймав – аьдем ырувын саклавдынъ да соравы. Сосындай ойды беркитуьвдинъ бас амалы – окув-билим тармагынынъ онъганы, неге десенъ ол – коьп миллетли маданияттынъ саклавшысы, шынты баалыкларын аркадан аркага, миллеттен миллетке еткеруьвшиси. Келеекте окув-билимнинъ эне сол кие аьрекетининъ маьнелиги тек оьсип бараяк.

«Ногайлар: XXI оьмир. Тарих. Тил. Маданият. Аьвелгиден — келеекке» деген илми конференциядынъ бас уйгынлавшысы – «Ногай Эл» атлы Россия ногайларынынъ миллет-маданият автономиясынынъ басшылыгы, миллетимиздинъ окув-билим, илми тармакларына онйыллыклар бойынша кадрлар аьзирлеп келеяткан У.Д. Алиев атлы Карашай-Шеркеш оькимет университети, Карашай-Шеркеш гуманитарлык тергевлер институты эм сосы Йыйынтыктынъ Редколлегиясы ногай халктынъ юзйыллыклар ман оьлшенген тарих-маданиятынынъ Евразия халкларынынъ бактылары ман тар байланысларын ашыклавда коьп уьлисин косып турган белгили аьлимлерге уьйкен муьсиревлигин билдиредилер эм алдыда да сосы биргелес кие исти токтатпаска шакырады.

FOREWORD

The 1st International Scienctific and Practical conference "Noghais: XXI century. History. Language. Culture. From source to the future" opens the planned series of scientific forums that are to be held biannually, with the participation of scientists representing various areas of the humanities, various schools of thought and regions of Russia, the near and far abroad, who are involved, in one way or another, in the research on the Noghais.

It is obvious that no ethnic history (as well as politic or cultural one) is made in isolation. The history of the Noghai people and of its culture as well is, first of all, the "history of its great contacts". Therefore, one of the main goals of the forum is the accumulation of the widely dispersed information on centuries-long historical and cultural relationships of the Noghais with the many genetically and culturally related, geographically close or far nations of the Eurasia. At the same time, the reliability of the sources of the gathered knowledge is very important. The reliable sources are: state historical archives, various departmental depositories, trustworthy private collections, the results of scientists' field research, contemporaries' accounts.

The second goal is to further the live professional communication between the humanities scholars of Russia (Moscow, Tatarstan, Bashkortostan, Crimea, Astrakhan, Dagestan, Chechnya) and also of Kazakhstan, Turkmenistan, Turkey, and other places of origin of the historical and cultural symbols of the contemporary Noghais; and together, to come to an agreement on the systematic exchange of scientific information on the history of the ethnos, on the joint efforts to protect the objects of the Noghai historical and cultural memory on the corresponding territories, to preserve the archive materials, to organize the gathering of field folklore material, the preservation and development of the Noghai language in the areas of compact settlement of the Noghai diaspora.

The involvement of renowned scientists, authors of dedicated research on the history and culture of the Noghais and other North Caucasian peoples and the history of their interactions is planned to become a tradition of the conference. Live interaction with the scientists, familiarizing the general public with their work becomes essential because of the growing popularization in the media, including the Internet, of the often well-meaning but unverified historical and cultural information. The task of the humanities is to actually be the main and competent source of the knowledge that is being popularized in the society, and especially not to leave this role to the pseudo-scientific "well-wishers" with dubious intentions, who are exploiting the lack of clear scientific opinion on some of the relevant topics, often spreading dangerous speculations, intentionally bringing to attention the negative examples in the history of interactions between peoples, provoking, at the very least, cross-cultural tension.

In the XX century, the ethnic history of the Noghais was always studied in the framework of the history of regions where they are a minority. The centuries-old written culture and the thinking traditions of the Noghais (the epos and the jirau poetry), as well as other peoples which had an influence on the spiritual development of many nations of the Great Steppe, was concealed for a long time in an attempt not to belittle the role of the October Revolution in the fates of the country's peoples. The whole history of the ethnos, the comprehensive study of its culture is yet to be formed. But it is clear already that that cannot be done without the participation of scholars from the academic centers of Moscow and the representatives of the scientific world of the enormous Eurasian continent. And that will be the history of not only military triumphs of the ethnos, but also the history of defeats, the history of peaceful and constructive life among many other ethnoses. Knowing, but not relieving this varied history, being level-headed in one's judgements of the past events, able to apply the lessons learned from history to the modern reality while not severing the established historical connections with many peoples and cultures at the same time – obviously, that is the productive way for building the modern humanities knowledge.

The foundations of the gloomy doctrine of the impending age of cultural unification and doleful monolingualism have been shaken considerably at the turn of the century. Disregarding the languages and cultures of ethnical minorities and proclaiming them to impede the rapprochement of peoples, – basically, the move towards a monoculture, – is rather frequent in contemporary research, including the works of humanities scholars. But the preservation of the cultural diversity, the multilingualism of the country and the world is the efficient way to build a healthy civilization. The education system, being an essential and integral part of the multinational spiritual culture, has to promote this idea. It ensures the translation of knowledge, ideas, skills, values and national traditions from one group of society to another, from one generation to the next. Its role in the future will only increase.

The organizers of the "Noghais: XXI century. History. Language. Culture. From source to the future" conference, the Noghai Federal cultural autonomy "Noghai El", U.D. Aliev Karachay-Cherkess state university, Karachay-Cherkess humanities research institute and the editors would like to express their sincere gratitude to all scientists who have supported the idea to recreate the history of the centuries-long contacts of the Noghais with the other Eurasian nations, and to invite them to further fruitful collaboration.

ИСТОРИЯ

АЛИЕВА С. И.

Институт Истории Национальной академии наук Азербайджана
г. Баку, Азербайджан

НОГАЙЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XV–XVIII вв.: РАССЕЛЕНИЕ, СТАТУС, ЭТНОПОЛИТИЧЕКИЕ КОНТУРЫ

Процесс образования ногайского конгломерата на Северо-Западном Кавказе длился несколько столетий. Появление и пребывание ногайцев на Кубани и Восточном Причерноморье во многом связано с их военно-политической историей.

На формирование ногайцев оказали влияние тюркские племена: уйсуны, уйгуры, найманы, керейты, канглы, конгырат, мангыт, катаган, асы, кьтай, байата, кобан (VI–VIII вв.), а также тюрки Печенежского (IX–XI) и Кыпчакского (XI–XIII) союзов племен. Решающее значение в этногенезе ногайцев принадлежало кыпчакам и мангытам [23, с. 13-23; 25, с. 19-20]. Ногайский Улус появился в Приазовских степях в 1260 году и сначала он существовал в качестве административной единицы Золотой Орды. В 1277 году Ногай во главе войск хана Мангу-Тимура покорил территорию от Дона до Днепра и Дуная, а так же население Тамани и Кубани. При Токте хане власть Ногая распространилась и над Крымом [1, с. 3-5; 18, 245; 30, 75]. В Крыму и на Кавказе, где до этого господствовали аланы, зихи и кыпчаки, стали властвовать Чингизиды, которые объединили и возглавили массу тюркских племен и родов. Так в составе Золотой Орды и появился Крымский улус, который охватывал и часть Северо-Западного Кавказа. Крымское ханство в целом включало территорию Крымского полуострова, Причерноморской низменности, Приазовской возвышенности, Северо-Восточного Причерноморья и Кубано-Приазовской низменности [7, 117; 15, с. 49-51, 86-89, 104-105; 29, с.6; 35, с.12-13; 37, 97-98; 39, 36; 41, с.31-100; 45, 64-65]. В 1297 году Ногай нанес поражение хану Токтаю и тем самым завоевал право именоваться правителем особого самостоятельного государственного образования – Ногайского Улуса. В его состав вошли некоторые земли Крымского ханства. В 1300 году произошло второе сражение между Ногаем и ханом Токтаем. Ногай погиб. Владения, приобретенные и управляемые Ногаем, был разделены между двумя сыновьями хана Токтая. Сын Ногая – Чока вместе с тысячным войском ушел в Болгарию, где на время воцарился (1299–1301). А улусные люди Ногая были рассеяны по другим улусам. Потомки Ногая вместе со своими людьми заняли просторы Предкавказья.

В Крымском ханстве было четырех санджака (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак). Со временем название Кыпчак вытесняется наименованием Седжеут. Выделяется род Мангыт, под которым подразумеваются ногайцы. Некоторые исследователи выделяют Мангыт наравне с Барын, Аргын и Ширин. Постепенно Мангыт подменяется названием Мансур. Все это было связано с возрастанием значения тех или иных бейликов и событиями XIII–XV веков. Первым в родословной Мансуровых с титулом бей отмечен Эдиге-бей, вторым – Мансур-бей, затем – Темир-бей и т.д. [7, с. 352; 10, с.16, 22-24; 18, с. 245; 41, 170, 323]. К концу XIV века произошло объединение тюркских племен белоордынским эмиром Эдиге в Мангытский Улус, именуемый позже Ногайской Ордой. Почти до конца XV века мангыты ведут борьбу за свое независимое существование в степях Дешт-и Кыпчака,

стремясь к созданию собственного государственного образования и к управлению своей правящей династией.

С конца XIII века Османский эмират активно расширяет свои владения, превращаясь в мощную тюркскую империю. В 1478 году Крымское ханство (бывшее владение Золотой Орды) признало сюзеренитет Османской империи. В XV веке Русь освободилась от Золотой Орды. Набирающие силу Османская империя, Московское государство и Сефевидское государство вступили в политическую гонку за наследство ослабевшей и раздробленной Золотой Орды.

В конце XIV века ногайцы, живущие в районе Азова, были переселены князем Витовтом в Литву (1397) [26]. В первой половине XVI века отдельные группировки ногайцев составляли пестрый контингент населения между Азовским морем и Доном. Причем, статус и занятия этих ногайских «казаков» являлись предметом разбирательств между Московским государством, Крымским ханством, Астраханским ханством и Ногайской Ордой. Официально дружественный договор с ногайцами заключил астраханский хан, допустивший их через р. Волгу в свои владения.

Крымский хан Мухаммед Гирей I (1514 – 1523) переместил ногайцев из окрестностей Азова за Волгу (1515). Во время похода некоторые подразделения ногайцев, живущие в Астраханском ханстве, присоединились к войску хана и он затем поселил их на Кубани по соседству с черкесами [4, с. 6, 52; 20, с.199, 206, 234; 24, с. 117-119; 32, с. 27, 76-86; 45, 66]. Ногайцам придавалось особое значение как к родственному тюркскому Крымскому ханству этносу, который мог стать опорой Крымского ханства в восточных провинциях – на Северо-Западном Кавказе – среди кавказских народностей. С начала XVI века ногайцы становятся привилегированным этносом в регионе: тюркский язык – основной язык общения во владениях Крымского ханства; ногайцы упрочивают свое влияние среди знатных татарских родов Крымского ханства; зачастую из их числа назначались местные военачальники.

Ногайцы Северо-Западного Кавказа официально признаются подданными Крымского ханства со времени правления крымского хана Сагиб Гирея I (1532 – 1551). Он разместил ногайцев преимущественно на самом Крымском полуострове, местах сопредельных с Буджаком, на перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком (крымская крепость Перекоп). К четырем знатным родам Ширин, Барын, Арын (Аргын) и Кипчак Сагиб Гирей I прибавил еще один – Седжеут. Эти роды обладали одинаковыми правами и привилегиями в ханстве. Возрастает значение ногайского рода Мансур. К нему было присоединено племя Ходжа-Атай.

Ногайские поселения имелись так же в Кафинском эйалете. Ногайцы, жившие в пределах Крымского ханства со временем переходили в ведение султана и освобождались от уплаты налогов в пользу крымского хана. Крымские власти использовали их как надежный оплот в борьбе Османской империи с соседними государствами [34, с. 1-6; 36, с. 32; 41, с. 412-413].

После присоединения в 1551 году князя Юсуфа к военно-политическому союзу, заключенному между Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, между сторонниками и противниками российской ориентации возникло противоборство. Мурза Измаил занял пророссийскую позицию, а князь Юсуф – крымскую [33, 188-192]. В середине XVI века произошел раскол Ногайской Орды на Большую Ногайскую Орду и Малую Ногайскую Орду. История ногайцев Большой Ногайской Орды с XVI века связана с российским государством, так как эти ногайцы оказались в поле российского влияния. Часть ногайцев вынуждены были поменять места расселения и направиться на крымскую сторону, а на территории их обитания размещались российские воинские гарнизоны, а в дальнейшем – другие поселяне. Царское правительство еще с XVI века практиковало выселение, переселение местных кавказских народностей с благоприятных или стратегически важных мест в отдаленные районы, либо вообще за пределы исторического обитания.

Малая Ногайская Орда нашла места для кочевья в степном Предкавказье, между Доном и Кубанью, на правобережье Нижней и Средней Кубани, в Приазовье, на юге Украины, на Тереке, т. е. в пределах прилегающих к Ногайской Орде Астраханского ханства и пограничного на западе к Астраханскому – Крымского ханства [8, с. 169—170; 17, с. 170—171; 33, с. 188-192]. Первым, намеренно переселившимся к Азовскому морю – под

власть крымского хана, был мурза Малой Ногайской Орды – Казый Ураков, основавший со своими людьми Казыев Улус. [1]

Дети Юсуфа, два сына Измаила и их сторонники – Кошумовы, Шигимовы, Уразлыевы признали протекцию крымского хана. Под власть крымского хана перешли племена Большой Орды – Мансур, Урак, Мамай, Ор-Мамбет, Касай, Едигек и Джембойлук, кочевавшие по реке Волге. Они составили главную опору крымского хана Саадет Гирея (1524 – 1532) [31, с. 36; 41, с. 442-443].

Малая Ногайская Орда кочевала от низовьев Волги до Терека, в нижнем Придонье и Приазовье, в Причерноморье и на Кубани, а так же в западных пределах Крымского ханства. Малая Ногайская Орда подразделялась на Уракову и Касаеву половину. Уракова половина представляла собой род мурза Казыя Уракова со своими людьми. Казыев Улус кочевал между Доном и Кубанью, к востоку от Азовского моря. Крымский хан называл Казы-мурзу «каменной стеной Крымскому юрту и Азову». Касаева половина включала род Касая мурзы. Среди них различали Каспулат-Улу, Новруз-Улу, Солтан-Улу, то есть Каспулатовых детей, Новрузовых детей, Солтановых детей [8, с. 169-170; 43, с. 371-375].

В 1650-1660-е годы отток ногайцев в крымские места продолжал осуществляться в основном через Дон. Только в 1569 году в Бессарабию перешли, по сведениям Тунманна, 30 тысяч астраханоногайских семейств [45, с.59]. А. Дженкинсон, находясь в 1558 году в Астрахани, писал: «...страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани, и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря до земли татар, называемых туркменами (Turkamen) носит название страны Мангат или ногаев, жители ее держаться закона Магомета. Все они были истреблены в 1558 г., в бытность мою в Астрахани, гражданскими усобицами, сопровождаемые голодом, чумою и всякими моровыми поветриями, так что в сказанном 1558 году от той или другой причины погибло свыше 100000 человек из этого народа. Такого мора не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами; теперь же они пусты к большому удовольствию русских, у которых были долгие и жестокие войны с ногайцами...» [17, 169].

В вестовом списке русского посла в Османской империи Г.А. Нащокина 1593 года о ногайцах Казыева улуса и черкесах сказано, что они – «которые за турским». Ногайцы Малой Ногайской Орды обитали на территории Северо-Западного Кавказа наряду с другими народами, главным образом по соседству с черкесами. Жан де Люкк отмечал: «Черкесы соседят с ногайскими татарами». Николай Витсен различал на Кубани «Черкесию» и Малый Ногай». В «Книге Большому Чережу» (1627) география расселения Малой Ногайской Орды отображается следующим образом: «А от реки Кубы, от гор к Черному морю и к Азовскому морю, и до верх реки Манычи от тех гор все кочевье Малых Ногаев Казыева Улусу...», «... а ниже Улки горы, меж мор и гор, от Черного и Азовского моря, все кочевье Малых Ногаев...», «А промеж от усть реки Дону от Азова от Азовского моря и от Черного моря по реке по Кубе и по реке по Манычу поли промеж Азова и Астрахани от Азова 300 верст, а от Астрахани тож, а на реке Куме Мажаров юрт; и в тех местах на тех полях все кочевье Меньших Ногаев...». Стрейс Я. Я. (1668 – 1673) писал, что «Черкесская область собственно начинается у реки Тимянки и отделяется степью от Ногаи (Nagaja), а с другой стороны р. Быстрой от дагестанских татар...» [28, с. 50, 88, 92, 145, 147; 38, с. 96; 40, с. 70-71; 44, с. 214].

Турецкий историк Эвлия Челеби, дважды побывав на Северном Кавказе (1641, 1666) и наблюдая ногайцев, прослеживал примеры тесных дружественных и родственных контактов между ногайцами и черкесами. Ему было известно, что ногайцы Чобан-мирзы (1600 – 1619) из Большой Орды побратались с «черкесским племенем по имени шегаке», они взяли «девиц у черкесов, не отдавая, впрочем, своих, и породнились. Установив юрты в стране шегаке – Черкесстане, они жили там и кочевали в горах и степях. И так черкесы шегаке кое-где составляли один народ с ногайцами племени чобан». Аналогично ногайцы Новруз мирзы из Касаевой половины Малой Орды «поселились на земле этих черкесов», расположившись на берегу р. Кубани «среди гор, в окрестностях Адами и Болоткай».

[1] Казыев Улус – так называли Малую Ногайскую Орду по имени внучатого племенника Исмаила. Малая Ногайская Орда появилась на Северном Кавказе в 1557 – 1559 годы.

Ногайцы Навруза проживали в крепости Афипс-керман, стоящей поблизости от р. Афипс, впадающей в Кубань. Ногайцы совместно с черкесами размещались в кабаке Субай, состоящем из 500 домов. О том, что на «крымской стороне» находились улусы мирзы Арсланбека Каспулатова, мирзы Навруза Касаева, мирзы Девея Канмурзина сообщалось и в русских документах 1652 года [21, с.52-53, 64-65, 75; 22, с.306-309].

По европейским источникам, в XVII веке по р. Лабе фиксируются первые огороженные «кибиточные поселения» ногайцев: летние и зимние, которые по описанию Дж. Лукка, «обносятся тыном» [16, с.142-143]. Эвлия Челеби отмечал, что «ногайские татары обрабатывают землю» по р. Кубани. По наблюдениям Я.Я. Стрейса и Э. Челеби, они сеяли яровую и озимую пшеницу, просо, ячмень, рис, лен, коноплю, табак. Ногайцы осуществляли торговый обмен с абазинами, карачаевцами, русскими, татарами, турками, черкесами, и др. в городах Анапе, Астрахани, Казани, Москве, др. [48, с.11-12, 29, 31, 37, 52-55, 64-66, 75, 83-84, 87-91, 150, 221-222].

К первой трети XVII века на Северо-Западный Кавказ прибывают отдельные роды Большой Ногайской Орды, чьи мурзы в 1613 году порвали отношения с Москвой и приняли османское подданство. Те обстоятельства, при которых Малая Ногайская Орда была принята на Северо-Западном Кавказе и расселена в наиболее благоприятных местах, обусловили личную преданность мурз Малой Ногайской Орды по отношению к крымскому хану. Общие интересы, взаимозаинтересованность позволяли мурзам Малой Ногайской Орды и крымским властям строить взаимные расчеты. Воинственность ногайцев и их непоколебимость вернуть утраченные позиции использовались крымскими ханами. Ногайцы завоевали для себя полицейско-боевой статус, участвуя в военных операциях не только в приграничье и на международном театре военных действий, но и в решении внутренних дел собственно кубанского сераскирства (санджака), а иногда даже проблем самих крымских ханов. Ногайские владетели имели родственные отношения со знатным крымским родом Гиреев. Возвышение ногайцев, во многом связанное с привилегированностью положения этого народа, заслуженный авторитет и само происхождение все вместе ставило ногайцев в особый ранг.

Постепенно ногайские предводители добились от османского султана непосредственного им переподчинения, освобождения от уплаты налогов в пользу казны Крымского ханства (1532, 1666, 1667, 1669). Это касалось и ногайских владетелей Буджака, Бессарабии и др. [23, с. 208-209, 213-239].

Размещение некоторой части такого активного народа на территории Северо-Западного Кавказа вызывало опасение местных мурз, а также астраханских и терских казачьих властей. Казаки в течение 30 - 40-х годов пытались привести Казыеву Кабарду, т.е. ногайцев мурз Алегуки и Атажука «под царскую высокую руки в холопство»... Именно ногайцы Казыевой Кабарды совершали нападения на терских казаков. В марте 1642 года стало известно о перекочевке ногайцев мурз Алегуки и Атажука из Казыевой Кабарды за Кубань [22, с. 208-209, 213-239].

Осенью 1643 года на Казыев улус Малых Ногаев, на Кабарду и Кубань, а так же на ногайцев, перешедших на р. Терек, обрушился удар калмыцких тайшей Урлюка и Еркея. Не представляет сомнений, что походы калмыков против ногайцев инспирировались со стороны российских властей. В Москве были недовольны сближением Малой Ногайской Орды и многих подразделений Большой Ногайской Орды с Крымским ханством. Еще в 1628 году калмыки стали теснить на запад улусы Большой Ногайской Орды ногайского князя Каная. В 1629 году они обрушились на ногайские улусы, расположенные на р. Яик [9, с.4-6; 27, с.57-59; 45, с.4-5]. Таким образом, к 1630-м годам ногайцы были оттеснены из приэмбских и приуральских степей. Эти ногайцы нашли новые места пребывания преимущественно за р. Волгой, в Малом Ногае. Попытки калмыков под руководством Дайчина занять левый берег Волги («ногайскую сторону»), где сохранились ногайцы Большой Ногайской Орды (1632), были пресечены астраханскими войсками. Российские власти запретили калмыкам нарушать границу с ногайцами по р. Волге, а ногайцам переходить на Крымскую сторону (ушедшие должны были возвращаться). Но это не снимало общей

проблемы. Продолжались междоусобные распри в Большой Ногайской Орде. В 1619 году астраханский воевода писал, что «мы специально сеем среди них вражду, чтобы еще больше их разорить». В 1634 – 1636 годы казаки войска Донского совместно с калмыками вытеснили ногайцев со степей в междуречье Волги и Дона, разорив и истребив многих из них [3, с.32-33; 27, с.63,67]. Ногайские мурзы Ураковой половины дали аманатов Муцалу Черкасскому и переселились на р. Куму [22, 242-245, 247-251, 266-267]. В 1646 году, когда российские власти пытались организовать поход кабардинцев во главе с князем С. Пожарским на Азов, их остановил мурза Чобан Иштереков, который недавно поселился со своими людьми на Кубани. Он совершил нападение на кабардинских мурз Камбулата Пшимаховича, Татархана и Тонжехана Араслановичей Черкасских, отогнав у них табун лошадей, лишив их, таким образом, средств передвижения. 28 июня 1646 года кабардинские мурзы сообщали о невозможности идти в поход на Азов в связи с нападением на них ногайцев и поступающих в их адрес угрозах со стороны Чобана мурзы, который действовал против них с мурзами Малого Ногая [22, с. 272-273].

С образованием Калмыцкого ханства на месте пребывания Большой Ногайской Орды едисанские и джембойлуковские ногайцы оказались включенными в калмыцкие тайши. Это повлекло перемещение отдельных племен на правый берег Волги и на Кубань. Постоянный приток ногайцев на Северо-Западный Кавказ – в пределы Крымского ханства - обеспечивал рост удельного веса ногайцев в регионе и расширение их экономической и военной базы. Постепенно в руках ногайских владетелей сосредоточилась военная и административная власть. Крымский хан за период 1613 - 1634 гг. расселил ногайцев Большой Ногайской Орды по рекам Белой, Лабе, Малому Зеленчуку, в верховьях левобережной Кубани. С переселением Большой Ногайской Орды на правый берег Волги степи междуречья Волги пришли в запустение. Калмыки преследовали ногайцев, перешедших за Волгу, в Малый Нагай, в Казыеву Кабарду и на р. Терек. По Эвлии Челеби, калмыки нападали и на мурз Малой Ногайской Орды Касаевой половины — Арсланбека и Новруза. Решительную поддержку ногайцам оказывали черкесы и кабардинцы. Крымский хан Мухаммед Гирей IV (1641-1644, 1654-1666) распорядился соорудить на берегу р. Кубани крепость «в память о Новруз-мирзе», а на берегу р. Зеленчук — мурзе Арсланбеку для борьбы с калмыками [44, с. 185; 48, с. 64-65, 83-85, 87-88, 162, 229].

В 1643 году под Астрахань возвратились ногайские мурзы Иштереков, Салтанаш и другие со своими людьми (10 тысяч человек). После антироссийского восстания, вспыхнувшего около Астрахани в 1654 году, ногайцы, принявшие в нем участие, ушли на р. Кубань [27, с.68, 70, 80-83].

В 70-е годы XVII века во время разгоревшейся среди калмыков войны, междоусобные распри охватили и едисанских ногайцев, Больших и Малых Ногаев. Из-за этих событий, едисанцы мурзы Сиюнч Седулова ушли в Астрахань и присоединились к находившимся там бунтовщикам и к Степану Разину. А улус мирзы Малого Ногая Ямгурчея Уракова откочевал на р. Терек. В 1671 году мурза Ямгурчей вернулся на Кубань и с подкреплением из черкесов, крымских татар, Больших Ногаев и напал на едисанцев. В итоге, ему удалось увести всех едисанских ногайцев, а так же юртовских татар Мурзы-бека Орлашева и других в горы за Кубань под власть крымского хана. В 1672 году калмыцкий хан Аюка силой «возвратил» этих ногайцев в российское подданство. Малые Ногаи были им размещены в Кабарде близ р. Терека. А Больших Ногаев он водворил на старые места у р. Волги. В 1696 года ногайцы Большой Ногайской Орды мурз Джагмата и Агаша, увлекая за собой некоторых едисанских и джембойлукских ногайцев, приведенных ханом Аюкою в российское подданство, и Малых Ногаев с Кабарды подались на Кубанскую сторону к крымскому хану, а некоторые затем перебрались в Бессарабию [2, с. 176; 4, с. 208-210; 5, с. 230; 8, с. 170-171; 11, с. 31, 54, 60, 90, 169-170, 220; 14, с. 31, 54, 60, 90, 169-170, 220; 46, с. 181-182].

Итак, появление и присутствие части ногайского народа на Северо-Западном Кавказе обуславливались их непримиримостью с потерей самостоятельности Ногайской Орды и победой сторонников российской ориентации. К XVIII веку ногайцы, живущие на Северо-

Западном Кавказе, наряду с черкесами, населяли Восточное Причерноморье, побережье Азовского моря, бассейн реки Кубани.

Ахмед Ресми эфенди, в своем трактате об османских крепостях начала XVIII века фиксировал местонахождение племени «бурлак из народа, называемого ямансадак ногаилы (ногайцами ямансадак)» (400 - 500 душ) на Таманском полуострове (Ада-йи Шахи - полуостров Шахи) у «абазинских и черкесских беев». Кроме того, он указывает племя иштерек-оглу (2 тыс. чел.) на полуострове Минтана, где находилась крепость Ачу. На берегу р. Кубани рядом с крепостью Ачу и в сторону крепости Азова (Азак) он отмечает ногайские племена кыпчак (6 тыс. чел.) и кытай (5 тыс. чел.). Притом, ногайцы ямансадак, численностью 2 тыс. человек размещались еще и у крепости Ачу, а так же в местности Капылы, недалеко от крепости Ачу. Турецкий автор добавлял, что «и опять из той же группы людей (ямансадак ногаилы - А.С.) имеется 8 тысяч, которых называют племенем джедисан. Они живут на земле черкесской области, на берегу реки Лана, недалеко от места, называемого Тыган калеси (крепость Тыган), которая раньше была восстановлена Девлет-Гиреем-ханом...» [19, с.124-125, 128, 130].

Ферран в 1709 году сообщал о соседстве ногайцев и черкесов: «после двадцатидневного пути через ногайские страны достигли Черкесии... Переехав ногайские земли, вступили мы в Черкесию, которую татары называют Адда. Земля Черкесская граничит с севера с ногайцами. Область Адда простирается до речки Кара-Кубани, служащей ее границей; она населена ногайскими татарами...» [47, 110-111]. Иоганн Густав Гербер в 1728 году указывал, что «черкесы с запада граничат с кубанскими татарами...Кубань течет на запад через земли кубанских татар в Черное море...» [12, с.152-154]. Ксаверио Главани также отмечал, что «страну от впадения в Меотийское болото реки Кобан (Кубань) и до Терка занимают ногайцы. Численность их определяют в сто тысяч казанов или семейств. За ногайцами находится 14 черкесских областей...» [13, с.164]. Жан де Люк в 1625 году указал место пребывания ногайцев, которое сохранялось неизменным до второй половины XVIII века: «Ногайские татары живут вне полуострова и граничат с Россией (т.е. Малороссией), Московским государством и страной Черкесов (circassie)...» [40, с. 485-488]. Ферран в 1700 году писал про кубанских ногайцев» [47, с. 111].

Начало российской экспансии на Северный Кавказ (Кубанский поход), русско-турецкие войны, российско-крымское противостояние, завершившееся ликвидацией Крымского ханства в 1783 году привело изменению этнополитической карты Кавказа, выселению и перемещению ногайцев. Для ногайцев война против российского присутствия в регионе началась с 1737 года. С 1737 по 1783 годы ногайцы пережили свою Кавказскую войну, свое мухаджирство, свою историю выселения в отличие от своих остальных кавказских соседей, испытавших силу русского оружия лишь через сотню лет.

Российское правительство умело использовало противоречия между крымскими и ногайскими властями. Ногайцы не поддержали крымского хана в решающей для Крымского ханства и Османской империи войне 1768 – 1774 годов. Однако, их отложение от Крымского ханства, означало не только гибель Крымского ханства, для которых ногайцы были боеспособным контингентом на всех: западных, северных, восточных и южных рубежах, но и для самих ногайцев, не сумевших соорганизоваться и выжить самостоятельно. Ногайские орды, кочующие от Дуная до Кубани, изъявив желание отторгнуться от Османской империи, хотели избрать себе собственного хана - Шагин Гирея - едисанского сераскира. Но для царского двора тогда больший интерес представляло скорейшее удаление ногайцев из Крыма для высвобождения дороги российским войскам. Все это завершилось трагедией ногайского народа. Некогда мощный ногайский массив был истреблен, а незначительная часть выживших - рассеяна по свету.

Итак, ногайцы Северо-Западного Кавказа жили вместе с другими местными народами, но в результате российской внешней политики и российско-османских войн сильно пострадали, погибли, либо переселились в другие места.

1. Александров Н. А. Ногайцы. М., 1900.
2. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное издание, 1992.

3. Борисенко И. В. Очерки исторической географии Калмыкии (дореволюционный период). Элиста, 1991.

4. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823.

5. Брун Ф. Крым в половине XVIII столетия. Одесса, 1867.

6. Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852 – 1877). Ч. 1. Одесса, 1879.

7. Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф.Бруна (1852–1877). Часть II. Одесса, 1880.

8. Бутков П. Г. Материалы для Новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год П.Г. Буткова. Ч. 1. СПб., 1869.

9. Венюков М. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации в 1841, 1860 и 1863 гг. Б.м., б.г.

10. Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930.

11. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.

12. Гербер И. Г. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году// АБКИЕА.

13. Главани К. Описание Черкесии// АБКИЕА.

14. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследований трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывания в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777.

15. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. Л., 1950.

16. Дж. Де Лукка. Отчет святой конгрегации по пропаганде веры о татарах, черкесах, абазах, мингрелах и пр./Пер. с иальянского В.М. Аталикова (из книги В.М. Аталикова «Наша старина»). Нальчик, 1996.

17. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558 – 1560 гг.// Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

18. Д-р Эренжен Хара-Даван. Чингиз-хан и его наследие. Белград, 1929.// На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X – XVI в. М., 1996.

19. Зденка Весела. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в.// Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы. Вып. 2. М., 1969.

20. ЗООИД. Т. 5. Одесса, 1863.

21. ЗООИД. Т. 2. Одесса, 1848.

22. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.

23. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988.

24. Керейтов Р.Х. К вопросу о ногайских казаках//«Половецкая луна». Черкесск, 1995, №1/9.

25. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999.

26. Кидирниязов Д. Западные ногайцы// Половецкая луна. № 3/7. 1993.

27. Кичиков М. Исторические корни дружбы русских и калмыцких народов. Образование ими государства в составе России. Элиста, 1966.

28. Книга Большому Чертежу. М. - Л., 1950.

29. Колли Л. Хаджи-Гирей и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд по политические отношения Кафы к татарам в XV веке. Симферополь, 1913.

30. Коновалова И.Г., Русеев Н.Д. Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона (по сведениям письменных источников)// Uvulmediu Tumpurie in Moldova. Chisinau Stiintd, 1994.

31. Королев В.Н. Азакский Санджак (вторая половина XVI – первая треть XVII в.)// Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году. Азов, 1987.

32. Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Т. 1. XVI век. Вып. 94. М., 1946.

33. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII века). М., 1963.

34. Лашков Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Б.м., б.г.

35. Лашков Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.

36. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XV – XVII вв. Симферополь, 1891.

37. Нарушевич А. Таврикия или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма, и его жителях до наших времен. Киев, 1788.

38. Николай Витсен. Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов..// АБКИЕА...

39. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах Татарского племени. СПб., 1776.

40. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и груз Жана де Люка// ЗИООИД. Одесса, 1879. Т. II.

41. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

42. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. Т. I. М., 1946.

43. Статейный список И.П. Новосильцева (Турция)// Путешествия русских послов XVI - XVII вв./ Статейные списки. М., Л., 1954.

44. Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935;

45. Тунманн. Крымское ханство. Б.м., 1909.

46. Фарфровский С.В. Народное образование ногайцев Северного Кавказа... С. 181 – 182.

47. Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар, в 1709 г.// АБКИЕА.

48. Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979.

ГАПУРОВ Ш. А., МАГОМАЕВ В. Х.

Академия наук Чеченской Республики
г. Грозный, Россия

ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ НОГАЙСКОГО НАРОДА

(к событиям на Кубани в 1783 г.)

Ногайцы являются одним из древнейших народов, со своей славной историей, частью большой группы тюркоязычных этносов. Иосиф Дебу, российский автор начала XIX в., долгие годы служивший на Кавказе, хорошо знавший местную этнографию и историю, писал о ногайцах: «Сей народ, а особенно его мурзы, воинствен, неустрашим, способен переносить невероятные трудности и нужды, уметь управлять своим оружием, которое любит и сохраняет более всего; не боясь что-либо потерять, склонен к хищничеству и разбоям; ведет жизнь подвижную, укладываясь и переносясь с одного места на другое с невероятной проворностью. При малейшей же тревоге в пути делает с величайшей скоростью из телег своих четвероугольное укрепление, внутри которого помещает свое имущество, жен и детей. И обороняется отчаянно, притом же имеет непременным правилом, что ногаец никогда не может быть невольником. Не было еще примера, чтобы мурза или простой ногаец взят был в плен, ибо сие почитают они крайним бесчестием, посрамляющим весь их род; тем самым и отличались они от соседственных с ними черкесов» [1, с. 71].

Одной из трагических страниц в истории ногайского народа являются события, разыгравшиеся весной-летом 1783 года на Кубани. Они напрямую были связаны с борьбой между Россией, Османской империей и ее вассалом Крымским ханством. С середины XVI века, с выходом России к рубежам Северного Кавказа, ей пришлось вступить в борьбу с Османской империей за этот регион. При этом плацдармом Турции в этой борьбе являлось Крымское ханство, ее вассал. Следует отметить, что крымские татары в течение длительного времени постоянно нападали и на южнорусские земли. Поэтому решение крымской проблемы являлось насущной задачей для России, стремящейся обезопасить свои южные рубежи и одновременно закрепиться на Северном Кавказе.

К началу последней трети XVIII века Россия значительно окрепла экономически и в военном плане. Учитывая эти факторы и будучи уверенной в победе над Османской империей в случае новой с ней войны, российская императрица Екатерина II 8 апреля 1783 года издала манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубани к России. В рескрипте на имя Г. А. Потемкина императрица писала: «Крымский полуостров, остров Тамань и всю Кубань с их жителями, кои какого бы рода и звания ни были, имеют от сего времени состоять в подданстве Ея императорского Величества» [8, с. 221].

В апеле 1783 года Г. А. Потемкин отдал распоряжение привести новых подданных к присяге на верность России и «относиться к ним ласково, оказывать уважение к религии, освободить от рекрутчины и уменьшить подати» [8, с. 245]. Очевидно, что этими уступками российская власть стремилась расположить к себе население вновь присоединенных территорий. Если бы российская администрация продолжила бы в дальнейшем подобную «политику ласканий» в отношении всех народов, населявших тогда Кубань, возможно, события здесь приняли бы несколько иной характер. Хотя, справедливости ради, следует указать и на то, что и ногайские мурзы, и адыгские феодалы, находясь в водовороте борьбы России и Турции за этот регион, вели себя весьма непоследовательно и далеко не всегда соблюдали взятые на себя обязательства.

Присоединение Крымского ханства к России имело для нее стратегическое значение. Крым обеспечивал России господство в Северном Причерноморье. С этого времени Россия получила выход к Черному морю. «Присоединение Крыма к России сыграло огромную

роль в судьбах народов Северного Кавказа. Народы региона избавились от разорительных набегов крымских татар, бравших с местного населения дань людьми.

Народы Прикубанья, в том числе и ногайцы, освободившись от притязаний отсталой в общественном развитии Турции, попали в сферу прогрессивного экономического и культурного влияния России» 3, с. 162].

К середине XVIII века на Кубани уже жили около 1000 кибиток (семейств) ногайцев (большей частью сольтанаульцы). Усиление России в Северном Причерноморье привело к тому, что все больше ногайцев стало склоняться к принятию российского подданства и переселению в Прикубанье. «В 1771 г., перед военным вторжением в Крым, Екатерина II организовала переселение в обширные степи правобережья Кубани около 30 000 ногайцев с северо-запада Крымского ханства. «Первыми поддались ногайские орды хана – едисанцы и буджаки. Лишенные после взятия русскими Ларги, Кабула и Бендер доступа в родные степи, они вступили в союз с Россией, отказавшиь от турецкого верховентсва. Им последовали едичкулы и джамбулуки, после чего Крым остался в одиночестве. Перемещенные на правобережье Нижней Кубани ногайцы стали российскими союзниками. А территория, ими занятая, становилась недосягаемой для Османской империи.

...Так потомки знаменитой некогда Большой Ногайской орды, разделенные на орды: Буджакскую, Едисанскую, Едишкульскую и Джембойлукскую (В.А. Потто называет их «главными ногайскийми ордами» [6, с. 80]), расселились от Кубани до р. Еи, что имело важное тактическое значение для развития российско-татарских и российско-османских отношений. ...Таким образом, миграция ногайских орд была осуществлена в военно-тактических целях Российской империи для принуждения крымских ханов к отказу от покровительства Османской империи» [4, с. 53,54].

Переселение ногайцев из Крыма на Кубань было серьезной стратегической победой России, поскольку они составляли основную часть войск Крымского ханства. Но именно в силу этой причины (воинской силы ногайцев) и Россия опасалась держать ногайцев на Кубани, где шла острая борьба между Турцией и Петербургом. Стремясь усилить пророссийские настроения в среде ногайцев, Екатерина II обещала создать на Кубани ногайскую область, однако, вместо выполнения этого обещания, императрица вскоре решит вообще убрать ногайцев из Прикубанья, где они в любой момент могли перейти на сторону Турции или оказать содействие закубанским адыгам в их борьбе с Россией.

Османская империя, потерпев поражение в войне 1768-1774 гг. с Россией, не собиралась смириться с этим и активно готовилась к новой войне для восстановления своих позиций на Кавказе. Было очевидно, что основной ареной боевых действий в этой войне станет Прикубанье. Позиция ногайцев, как весьма боеспособной военной силы, могла сыграть важную роль в этой предстоящей войне. Это понимали хорошо и в Петербурге, и в Стамбуле.

Готовясь к предстоящей войне с Портой, Петербург решил усилить российские позиции на Кубани. С этой целью в 1778 году сюда, в качестве командира Кубанского корпуса был направлен прославленный русский генерал А.В. Суворов. Царица поставила перед ним задачу: подчинить ногайцев Кубани российскому влиянию, разъединить силы ногайцев и адыгов противодействовать осуществлению планов турецкого командования. В течение короткого времени Суворов построил линию (Азово-Моздокскую) военных укреплений и редутов (их было более 20) – по правому берегу Кубани до Ставропольской крепости [2, с. 183].

Частью плана по закреплению российского влияния на Кубани было приведение ногайцев к присяге на подданство России. З.Б. Кипкеева считает, что это было нужно для России, чтобы переселить их в уральские степи. Приказ об этом Суворов получил от Г.А. Потемкина еще весной 1783 г. Но переселить ногайцев вглубь России можно было только как российских подданных, чтобы избежать протестов со стороны Порты [4, с. 78].

По мнению Д.С. Кидирниязова, генерал А.В. Суворов, в отличие от большинства царских военачальников в крае, не был склонен к применению крайних мер в оформлении акта присоединения ногайцев. Он прекрасно понимал, что принуждение местных народов

к присяге не даст положительных результатов и во всяком случае не послужит гарантией прочного мира. «Используя внутренние противоречия среди ногайцев, А.В. Суворов рассчитывал политически изолировать сторонников турецкой ориентации, а остальных убедить в необходимости присоединения к России. Командир Кубанского корпуса внимательно вникал в настроения, желания ногайских мурз. Чтобы наладить с ними контакты, он просил атамана Войска Донского А.И. Иловайского прислать к нему переводчиков. Он стремился прекратить распри между ногайской знатью, удержать их от побега за Кубань, вернуть оттуда бежавших ранее едисанцев... Суворов «подарками и ласкою» добился расположения нескольких знатных ногайских мурз, в том числе мусса-бия из Джембойлукского улуса, едисанского мурзы Джанмамбета» [3, с. 163].

Принятие присяги ногайцев на верность России было назначено на 28 июня 1783 года. При этом Суворов действовал методом «кнута и пряника». С целью недопущения волнений среди них волнений, а также предотвратить их бегство за Кубань, командир корпуса расположил российские войска по правому берегу реки Кубани. В то же время. стремясь задобрить верхушку ногайцев, генерал разослал приглашения представителям светской и духовной власти, знатным и уважаемым старейшинам ногайцев. Многие из них получили ценные подарки. Одновременно для праздника были приготовлены 100 быков, 800 баранов, 500 ведер водки.

28 июня 1783 года у Ейского укрепления для принесения присяги было собрано около 6 тыс. ногайцев. «...Вся степь вокруг города Ейска покрылась татарскими кибитками. Суворов постарался придать, насколько возможно, более торжественности празднику. Все русское войско поставлено было в ружье, в полковых церквах служили молебны за здравие и долгоденствие императрицы, новой повелительницы древней Тавриды, откуда воссиял России свет истинной веры. Гром пушек и колокольный звон возвестили народу об окончании религиозной церемонии. Тогда Суворов, сопровождаемый блестящей свитой, явился в кругу ногайских старшин и громким голосом прочитал манифест Шагин-Гирея (крымского хана, чьими подданными до этого считались ногайцы. – Авт.), в котором он, отказываясь от престола, уступал свое царство русской императрице. Ногайцы выслушали манифест спокойно и от лица всего народа тут же присягнули на верность новой повелительнице.

После этого начался пир. Сто волов и восемьсот баранов было изжарено и сварено для угощения народа. Шесть тысяч ногайцев засели на разостланных коврах и, забывая постановления Корана, дружно осушали кружки с вином, медом и пивом. Два дня длился пир и на третий завершился народными конскими скачками и джигитовкой» [6, с. 86].

После завершения процедуры принятия присяги верности у ногайцев Суворов приступил к следующему этапу «решения» «ногайской проблемы» — переселению их за Урал. Делалось это под предлогом ограждения ногайцев от влияния Турции, удаления их от Закубанья, куда они могли уйти в случае возникновения недовольства и с целью заселения ими малолюдного и разоренного после подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева Уральского края.

А. В. Суворов вел переговоры с представителями ногайской знати, чтобы уговорить их переселиться с подвластными на Урал. Он привлекал их посулами и наградами. Едишкульскому мурзе Джан-Мамбету он обещал титул бия за помощь в переселении ногайцев, а для Халил-эфенди – повышение в чине. В то же время российское командование опасалось проявления недовольства со стороны ногайцев и потому решено было конвоировать их до Урала. В конце июля 1783 г. ногайцы, разбитые на колонны, под присмотром российских войск, тронулись на Урал.

Ногайцы не хотели покидать родные аулы, перспектива переселения в Уральскую степь их страшила. Историк XIX века А. Петрушевский указывал, что ногайское «переселение было в самом своем основании насилием» [5, с. 230-231].

Когда ногайцы уже отошли на 100 верст от Ейска, ночью 31 июля они подняли восстание. Вот как об этом пишет В.А. Потто: «Неожиданная весть о переселении орд на Урал поразила умы диких ногайцев, враждебно относившихся ко всякой новизне. Вдобавок воз-

ник слух, что русские нарочно ведут ногайцев в непроходимые степи с целью погубить их. Повсюду послышался глухой ропот и призыв к оружию. Междоусобная брань (видимо, между сторонниками и противниками переселения. – Авт.) запылала так быстро, что, прежде чем русские успели вмешаться, уже погибли все лучшие и преданнейшие России люди. Десять тысяч мятежников устремились на роту Бутырского пехотного полка, содержавшую форпост на реке Ее» [6, с. 88]. 31 июля в урочище Урай-Илгасы ногайцы были разбиты: множество пало на месте, прочие были загнаны в р. Ею, имеющую тинистый грунт, и перестреляны. Ногайцы, «не видя спасения, в припадке бессильной злобы сами истребляли свои драгоценности, резали жен и бросали в воду младенцев» [6, с. 88].

Потеряв около трех тысяч человек убитыми, ногайцы прорвались через кордоны царских войск и ушли за Кубань, на реку Лабу. Оттуда вместе с адыгами ногайцы стали нападать на царские укрепленные пункты. Так, 23 августа восставшие напали на Ейское укрепление и три дня держали его в осаде. Правда, с большими потерями вынуждены были отступить.

К августу 1783 года большинство ногайцев на Кубани, в той или иной степени, оказались втянутыми в восстание. Этими обстоятельствами сразу же попыталась воспользоваться Турция, чьи эмиссары резко активизировали свою антироссийскую провокационную деятельность. В этих условиях российское командование решило окончательно разгромить ногайцев. А.В. Суворов, получив соответствующий приказ Г.А. Потемкина, 19 сентября, собрав большие силы, двинулся вверх по правому берегу Кубани, к устью Лабы. 1 октября российские войска перешли на левый берег Кубани, т.е. на турецкую сторону и у местечка Керменчик, на рассвете, атаковали ногайцев. Последние оказали отчаянное сопротивление, но не смогли противостоять регулярной армии. В.А. Потто так описывает этот бой (или побоище): «Ночью перешли Кубань, и в верстах в 12-ти, близ урочища Керменчук, настигли ногайцев. Они стояли огромным табором. Видимо не ожидая нападения. Суворов тотчас подал сигнал к атаке. ...Казаки со всех сторон ринулись на неприятеля: два батальона егерей поддержали их, — и началась страшная сеча. Хуже вооруженные, хуже предводимые, не дисциплинированные, не имевшие понятия о строе, ногайцы резались со злобой, и гибли массами. В бессильной ярости, сами истребляли свои драгоценности, убивали своих детей, резали женщин. Больше десяти тысяч ногайских тел лежало на десяти-верстном пространстве» [7, с. 3]. «Казаки побивали без разбора стариков, детей, женщин», — добавляет А. Петрушевский [5, с. 235]. Российская армия захватила в результате этого похода огромное количество скота.

События лета-осени 1783 года нанесли тяжелый удар по ногайцам. Проживавшие до этого, в целом, компактно в Крыму и на Кубани, они после 1783 г. оказались разбросанными на огромных пространствах: в Закубанье, Зауралье, на правобережной Кубани, в Крыму; часть их переселилась в пределы Османской империи.

Для России же присоединение Крыма и правобережья Кубани имело огромное значение: она получила выход из Азовского в Черное море и укрепила свои позиции на южных рубежах. С исчезновением на политической карте Крымского ханства северокавказские проблемы перешли в русло военно-политических отношений между Российской и Османской империями [4, с. 80].

1. Дебу Иосиф. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске //Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001.

2. История Адыгеи. Майкоп, 2009.

3. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и России в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003.

4. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.

5. Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Т. 1. СПб., 1884.

6. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. М., 2006.

7. Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника Цесаревича полка. Т. 2. СПб., 1893.

8. Сб. РИО. Т. 27.

ГРИБОВСКИЙ В. В.

*Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского
Национальной академии наук Украины
г. Киев, Украина*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИСТАВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ КУБАНИ и Еи В 1771–1790 гг.

Отношения российской пограничной администрации с ногайцами, проживавшими на правом берегу Кубани с 1771 до 1790 гг., относятся к числу слабо разработанных вопросов, нашедших лишь фрагментарное освещение в научной литературе [7; 9; 11; 12; 17 и др.]. Тем не менее, без их изучения невозможно получить четкое представление об обстоятельствах и процессе вхождения значительной части ногайцев в состав России, также как и прояснить демографический, политический и социальный аспекты истории ногайского народа конца XVIII в.

Целью данного исследования есть рассмотрение процесса складывания российского приставства и эволюции его функций в отношении ногайцев междуречья Кубани и Еи в период завоевания Россией данного региона.

В августе 1770 г. ногайцы Едисанской и Буджацкой орд, кочевавшие в Северном Причерноморье и находившиеся в подданстве крымского хана, заключили союз с российским командованием. К осени 1771 г. они, вместе с едичкульскими и джембуйлуцкими ногайцами, были переселены на правобережье р. Кубань [9]. Предполагалось, что на Кубани они станут буфером, принимающим на себя нападения горских народов и кубанских ногайцев, враждебно настроенных к России, а также возлагались надежды на то, что ногайские мурзы будут склонять крымскую знать к заключению такого же союза с Россией [8, с. 47, 53]. Во время переправы ногайцев через р. Дон (июль – сентябрь 1771 г.), по пути их следования на Кубань, к ним был назначен в приставы подполковник Стремоухов, который принимал их на правом берегу и передавал на левый берег подполковнику Шелекхейчу [18, с. 69]. После завершения переселения ногайцев, Стремоухов расположил свою резиденцию возле устья реки Ея, разделявшей владения России и Крымского ханства.

Название должности и полномочия российского представителя у ногайцев постоянно менялись. Состоянием на 27 августа 1771 г. Стремоухов представлен как "эдисанский начальник", в марте 1772 г. – без уточнения функций: "обретающимся при экспедиции переселения татарских орд на кубанскую степь". В его подчинении находились "и прочие в других ордах офицеры", командированные для постоянного наблюдения за ногайцами, а также переводчик из Коллегии иностранных. Стремоухов был подотчетен Е. А. Щербинину, руководителю Комиссии татарской негоциации, и, в случае необходимости присылки войск, напрямую сносился с астраханским губернатором, командующим Кавказским корпусом и атаманом Войска Донского [8, с. 64–65, 95]. Так, 30 марта 1772 г. в его распоряжение отправили пятисотенную команду донских казаков, ранее назначенную для подкрепления Кавказского корпуса [8, с. 95–96]. Хотя, военная сила применялась в крайних случаях, дабы не вызвать массовых миграций ногайцев в турецкие владения на левом берегу Кубани. Надзор за ногайцами приставу следовало производить следующим образом: "имея безприметное за их поступками примечание, дабы инако не возчувствовали принуждения.., искусным образом иногда при случаях им советовать не весьма от границ здешних удаляться" [8, с. 57].

Впрочем, не всегда приставу приходилось полагаться на силу своего совета. Более надежный результат достигался благодаря содержанию сыновей знатных ногайских мурз в аманатах. Чтобы прикрыть этот нелицеприятный факт, Стремоухов, используя ногайскую традицию, выступил в роли аталыка, бравшего ногайских мальчиков "на воспитание" [8, с. 141–142]. Кроме того, он иногда вмешивался во внутреннее управление ногайцев; в част-

ности, весной 1773 г. добивался от едичкульцев избрания в их начальники Узун-Али-мурзы, сына умершего главного едичкульского мурзы Мамет-бея. Не приняв этого, они перешли на турецкую сторону и в начале мая, соединившись с некрасовцами, черкесами, абазинцами и адалинцами, намеревались "захватить ... подполковника Стремоухова и прочих во всех ордах находящихся российских офицеров", а затем напасть на донских казаков. Однако Стремоухову удалось удержать ногайцев от выступления и принудить к послушанию Узун-Али [10, с. 538, 542, 546].

К августу 1773 г. влияние России в Крыму сошло на нет. Крымский калга-султан Шагин-Гирей, вернувшийся из Петербурга в Бахчисарай, не нашел здесь поддержки и удалился в Полтаву. Поскольку правобережье Кубани оставалось под российским военным контролем, в Петербурге решили провозгласить Шагин-Гирея правителем ногайцев, что позволило бы ему, по примеру Крым-Гирея в 1758 г., претендовать на крымский престол. Полагая, что провозглашение Шагина правителем ногайцев сделало ненужным дальнейшее нахождение здесь пристава, Щербинин предложил Екатерине II отозвать Стремоухова. Но получил ее категорический отказ: "отлучение его и ныне и во всякое время не может не оставить по себе худых следствий и толкований" [8, с. 162]. В итоге, на междуречье Еи и Кубани возникло своеобразное троевластие, представленное приставской администрацией Стремоухова, чиновниками Шагин-Гирея и ногайскими мурзами во главе с едисанцем Джан-Мамбет-бием [8, с. 70].

Обстоятельства смещения подполковника Стремоухова неизвестны. Можно предположить, что Шагин, пытаясь освободиться от его цепкого контроля, смог убедить российские власти в целесообразности его отзыва. Последнее известное нам упоминание о Стремоухове датировано июнем 1774 г., когда он приводил ногайцев в покорность их официальному правителю [10, с. 558]. 1 августа 1774 г. на его место был назначен подполковник И. Ф. Лешкевич [4, л. 1], который всеми мерами укреплял власть Шагин-Гирея в регионе.

Состоянием на 21 августа 1774 г., Лешкевич "оставался при ордах приставом", а затем "содержал в зиму и навсегда посты на Чубурах и Еи; к тому был и приставом и бывшему Джан-Мамбет-бею", то есть осуществлял общий надзор за главным ногайским мурзою (бием) [13, с. 433–434]. Его стараниями обустраивалось Ейское укрепление, ставшее основным административным центром междуречья Еи и Кубани. Согласно приказу от 1 августа 1774 г. под его командой находилось 545 разных военных чинов, составлявших низовскую и нижегородскую пехотные роты, 2 гарнизонные команды ростовских низовских батальонов, включая и группу из 28 донских казаков. Артиллерия представлена одним 8-фунтовым единорогом, двумя чугунными городскими 6-фунтовыми орудиями и двумя 3-фунтовыми пушками [2, л. 28]. Позднее численность военных в Ейском укреплении сократилась, в связи с созданием Азово-Моздокской укрепленной линии и сети гарнизонов на Северном Кавказе. Это позволило правительству Екатерины II осуществлять успешные мероприятия по достижению стратегического преимущества в регионе, который de jure все еще принадлежал "независимому" Крымскому ханству.

С подписанием мира в Кючук-Кайнарджи, Крымское ханство стало независимым от Турции. Однако Петербургу не удалось реализовать план с возведением на бахчисарайский престол своего ставленника. Весной 1775 г. крымским ханом стал протурецки настроенный Девлет-Гирей, который, ссылаясь на мирный договор, считал правобережье Кубани своей территорией. Однако Россия не считала Девлета законно избранным ханом, указывая на то, что в его избрании не участвовали ногайцы. Для противодействия турецкому влиянию в Крыму Екатерина II решила "составить из ногайцев самостоятельную область, которая бы могла противовесить во всем области Крымской" [13, с. 129]. Во главе этого государства стал Шагин-Гирей, который все еще сохранял за собой второй по значению, после хана, титул калги-султана и, таким образом, считался претендентом на крымский трон. В марте 1776 г. командующий кубанским корпусом И. Ф. Бринк соорудил вблизи Ейского укрепления редут, в котором расположил временную столицу будущего крымского хана [11, с. 125], со временем получившую название Шагин-Гирейский городок. Это поселение стало местным торговым центром, выступая также под названием "Ейский татарский базар" [13, с. 317]. Первоначально штат Шагин-Гирея состоял из 24 российских служащих [13, с. 431–433], позднее он пополнился представителями крымскотатарской знати.

В силу имитации независимого правления Шагин-Гирея, статус ейского пристава не был определен официально. Кроме указанного выше случая, когда Лешкевич прямо назвал себя ногайским приставом, в других источниках имеем разнобой. Так, в ноябре 1776 г. он упоминается как "оставленный на устье Еи подполковник Ляшкевич"; весной 1777 г. сообщалось, что он "находится, как и прежде, на Еи у содержания посту" [13, с. 157, 433–434]. В 1782 г. он опять писал о себе как о чиновнике, поставленном "при посте Еиского укрепления в последних российских границах" [4, л. 1]; в другом документе за тот же год его снова называют "пребывающим на Еи пограничным комиссионером" [16, с. 438]. По той же причине и штат пристава, несмотря на огромную нагрузку, не был многочисленным: под его началом состояли отставной вахмистр, 2 толмача "из татар", 4 едисанских "чиновника" [13, с. 433–434].

Со дня своего назначения Лешкевич напрямую подчинялся генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву, командующему российскими войсками на турецком фронте. В 1781 г. пристава переподчинили азовскому губернатору В. А. Черткову. Последний же 8 мая того года уведомил Лешкевича о своем назначении на пост генерал-губернатора Харьковской и Воронежской губерний и просил больше не обращаться к нему по финансовой части [4, л. 1]. После разъяснения данного вопроса пристав стал подотчетен Г.А. Потемкину, правителю Новороссии.

Основной задачей Лешкевича было негласное поддержание власти Шагина-Гирея при помощи военных и материальных средств, отпускаемых российским правительством. Особенно сложная обстановка в регионе сложилась осенью 1775 г., после того, как крымский хан Девлет-Гирей назначил сераскером (наместником) своих номинальных владений на Северо-Западном Кавказе Тохтамыш-Гирея, и тот, при помощи турок, закрепился на Таманском полуострове. Турецкие гарнизоны, обосновавшиеся в Ачуеве и Темрюке, наглухо перекрыли ставленнику Екатерины дорогу на Крым [13, с. 461–464, 524, 559–560 и др.]. Поскольку неприкрытое использование российских войск для поддержки похода Шагина на Бахчисарай могло привести к нежелательной войне с Турцией, он должен был спешно формировать собственные отряды бешлеев, набранные, по большей части, из ногайцев и черкесов-жанинцев; их одели в российские мундиры и снабдили ружьями тульского производства [13, с. 79, 135, 141; 19, с. 86–87]. Лешкевич всемерно содействовал ему в этих приготовлениях. В начале января 1777 г. Шагин без боя занял турецкую крепость Копыл и назначил сюда своего коменданта Ислям-мурзу [13, с. 237]. Однако 21 января штурм Темрюка был провален: турки успешно отбили атаку и выяснили, что в его "армии" находились россияне, из-за чего произошел международный скандал. Чтобы не допустить политического осложнения, российская армия блокировала Крым со стороны Перекопа, 30 января вытеснила турок из Темрюка и 11 марта обеспечила переправу Шагина на Крымский полуостров. 22 апреля крымское общество признало его своим ханом [13, с. 299–304, 574].

После интронизации Шагин-Гирея в Бахчисарае при Ейском укреплении продолжала оставаться ханская администрация [13, с. 651]. Лешкевич по-прежнему должен был оказывать ей всяческую помощь и даже непосредственно направлять ее действия [6, с. 19–20; 14, с. 135, 207–208]. Летом 1781 г. едичкульцы вышли из повиновения Шагин-Гирею, но после того, как Лешкевич вызвал войска с Дона, остановились; кроме того, пристав активно применил подкуп. После умиротворения ногайцев Шагин-Гирей снова направил к ним своих сборщиков податей, и это вызвало их еще большее недовольство [16, с. 112–113]. Отчаявшись сохранить свою власть над ногайцами, Шагин-Гирей предложил Потемкину выселить ногайцев с Кубани, разделить их на две части и поселить одну часть к северу от Перекопа, другую – внутри Крымского полуострова; однако Потемкин не пошел на этот опрометчивый шаг [19, с. 145]. Единственной силой, которая еще могла принудить ногайцев к подданству Шагин-Гирея, была российская военная администрация, представленная, в первую очередь, приставом. Он в очередной раз вызвав военную команду и, ссылаясь на это, убедил едичкульских мурз оставаться послушными крымскому хану [16, с. 96].

По большому счету, ханские чиновники ограничивались лишь сбором налогов с населения междуречья Кубани и Еи, а также рассмотрением некоторых судебных дел. По-

лицейские функции они также перекладывали на Лешкевича. Так, 2 апреля 1779 г. он был крайне удивлен сообщению ханских чиновников о том, что Шагин-Гирей приказал им тайно арестовывать “нагайских орд мурз, ефендиев, мулов и агов”, приводящих “чернь в смятение”, и передавать их приставу для отправки под конвоем в близлежащие российские крепости. Получив от Лешкевича рапорт об этом ханском приказе, нарушающем международные нормы, А. Суворов просил российского посланника в Крыму А. Константинова подтвердить существование такового и, в случае подтверждения, все же исполнять его [6, с. 194–195]. Подобные действия, конечно, не прибавляли любви ногайцев к Шагин-Гирею, как и, собственно, к приставу. 1 июля 1781 г. Лешкевич сообщил Румянцеву, что причиной недовольства ногайцев крымским ханом есть “безпорядочные поступки определенных от него чиновников” [16, с. 151–155]. Но и Шагин, со своей стороны, перекладывал вину на Лешкевича, утверждая, что в течение 3 лет ногайцы жаловались на него “в причинении им некоторых неудовольств явным вмешательством в обычайные распоряжения их, под видом несообразность в себе замыкающим”. Хан считал это главной причиной возникших у ногаев “неустройств” и заключил, что “пребывание на Еи ... Лешкевича не предвидится надобным”, а если России для общей с Крымом пользы нужен свой представитель, то надобно заменить его на другого, “тонкость с татарами обращения сведущего” [16, с. 147–148].

В ходе выступлений против ханских чиновников и пристава, у ногайцев нарастала разобщенность, особенно после смерти Джан-Мамбет-бия. Чтобы не допустить их миграции в турецкие владения, бригадир И. Бринк в марте 1776 г. перевел едичкульцев, более других склонных к беспокойству, на правую сторону р. Ея [11, с. 120–125]. Уже никому из ногайских мурз не удавалось достичь влияния, равного Джан-Мамбету. В итоге, внутреннее управление ногайцев постепенно оказывалось в руках ейского пристава, включая вопросы землепользования, регуляции перекочевок и отношений между кочевыми коллективами [16, с. 339]. Примечателен случай, произошедший в ноябре 1779 г., когда ногайцы, кочуя по правому берегу р. Еи, зашли вглубь российской территории. В виду этого, Азовская комендантская канцелярия потребовала взять с них “поземельные деньги” и немедленно вернуть их на левый берег. Причем данное требование адресовалось не ханским чиновникам и не ногайским мурзам, а приставу [15, с. 433–434]. Подобные случаи повторялись регулярно; появились жалобы российских подданных на незаконный покос ногайцами травы, побитие их скотом хлеба, занятие ими земли под посев зерна в районе Кагальника и др. [15, с. 435–436]. В феврале 1782 г. ногайцы снова стали кочевать между Еей и Кагальником, заявляя, что эта степь была “подарена” Россией Шагин-Гирею. Более того, ханские чиновники начали брать пошлину с российских подданных за пользование этой землей. Азовский губернатор вынужден был давать разъяснения, что часть занятой ногайцами территории принадлежит России с 1704 г., другая же – получена Россией по 20-й статье последнего мирного договора с Портой, и обе эти части входят в состав Азовской губернии. Однако, несмотря на протест российского посла в Крыму Веселицкого, Шагин-Гирей отказался выводить ногайцев с данной территории [3, л. 5]. Судя по всему, их все же выселили, вопреки воле хана.

Из-за слабости ханской власти и нарушения традиционной ногайской иерархии, приставу приходилось брать на себя функции защиты ногайцев от угроз и претензий, исходящих извне. В июле 1781 г. он категорически отказал кабардинскому владельцу Девлет-мурзе Касаеву, который просил разрешения “нагаев всех разбить, имущество и скот, детей и жен с собою угнать”, в отместку за прежнее разграбление ногайцами кабардинцев [16, с. 162]. Также Лешкевич добивался запрещения донским казакам, стоящим на форпостах на р. Кагальник, отгонять скот у ногайцев [16, с. 213]. Пропуск ногайцев на российскую территорию также производился сугубо с ведома Лешкевича, которого они должны были просить о выдаче билетов для проезда в российские владения для покупки хлеба или отправляясь на заработки [6, с. 250].

Быстро меняющиеся задачи и фактические полномочия ейского пристава не могла предусмотреть никакая должностная инструкция. Когда в 1782 г. Потемкин потребовал от Лешкевича общий отчет о работе, в ответ получил следующее: “К кубанской стороне обращаясь посреди своенравной и лехкомысленной нагайской необузданности, с поруче-

ностию в глубине пустои степи при посте Еискаго укрепления, в последних росииских границах вникло обозревая, на случаи во всем кубанском краю тож, черкеских горах и во всех тут пределах возъстановляя сеи ветреннои род в благовидности от всех неудобств на степень общего покоя, тишины, отъвлекая нередко бываемые черкеские злодеиские набеги з защитою россииских пограничных жителеи" [4, л. 1]. То есть, судя по документу, главной функцией Лешкевича, как и ранее у Стремоухова, было отслеживание состояния лояльности ногайцев и противодействие их переходу на сторону Турции. Для выполнения этой задачи был необходим систематический сбора информации [16, с. 10, 11, 15].

Зачастую пристава информировали армянские и греческие купцы, торговавшие в Ейском укреплении и регулярно бывавшие в ногайских кочевьях. [2, л. 3 об.–4.]. Всех информаторов, а также других лиц, приезжавших из-за границы, Лешкевич допрашивал под присягой, с протоколом и переводом на русский язык. Значительная часть полученных им сведений была уникальной и не дублировалась другими источниками. Собранные в Ейском укреплении данные отправлялись региональным представителям российской власти, компетенции которых конкретный вопрос касался. Среди других пограничных командиров его же ранга, которые занимались примерно той же работой, ейского пристава выделяло исключительные права напрямую обращаться к таким крупным военным и дипломатическим чинам, как малороссийский генерал-губернатор Румянцев, донской атаман Иловайский, российские послы в Крыму Константинов и Веселицкий, новороссийский генерал-губернатор Потемкин, генерал-поручик Суворов, генерал-майор Пиль и др. Неслучайно Веселицкий так характеризировал Лешкевича: "его донесения о ногайцах по здешнему посту на всегдашнее время нужны" и называл его "исправным пограничным комиссионером" [16, с. 687–688].

Тем не менее, штат пристава едва выдерживал нагрузку, связанную с возложенными на него обязанностями. 1 июля 1781 г., накануне крупного восстания ногайцев, в распоряжении Лешкевича находилось всего 35 казаков, небольшая гарнизонная команда и прибывшая на подкрепление рота пехотного полка с одним орудием. С этими силами он смог остановить подошедших к Шагин-Гирейскому городку вооруженных ногайцев, но вынужден был в срочном порядке просить командующего Кубанским корпусом генерал-майора Пиля закрыть границу по р. Ея [16, с. 151–155]. Осенью того года большая группа ногайцев начала активные боевые действия против россиян и совершила нападение на Ейское укрепление. 25 ноября Лешкевич призвал вооружаться всех торговцев "Татарского базара", преимущественно греков и армян. Сформированные таким образом отряды самообороны пристав укрепил своими 8 казаками, разделил их на 3 группы и отправил их вверх по р. Ея на броды. Сам же, взяв до 30 гарнизонных солдат с 1 орудием, стал на мосту, находящемся в 7 верстах от укрепления, и, в момент приближения ногайских всадников, произвел холостой выстрел из пушки, приведший нападающих в замешательство. Показательно, что находившийся поблизости отряд шагиновых бешлеев почти бездействовал [16, с. 336–337].

Весной 1782 г. ногайцев снова охватили волнения. В начале мая Лешкевич присутствовал на "великом собрании" в Едисанской и Джембуйлуцкой ордах, убеждая мурз не слушать призывов Батыр-Гирея, выступившего против Шагин-Гирея и поддерживаемого Портой, просил их не отходить от р. Еи, "хотя с тесностию, расположиться в последних границах наших, и то исполнив, начали уже с прилежанием хлебопашествовать" [16, с. 513–514]. Удержало ногайцев в послушании известие о переправе войск генерал-майора Пиля через Дон и его следовании к р. Ея [4, л. 1.]. У пристава на тот момент было всего 35 донских казаков, используемых на почтовой службе и "в разных посылках" [2, л. 1 об.]

Мощное восстание против Шагин-Гирея вскоре разразилось в Крыму, принудившее хана бежать в Керчь под защиту российского гарнизона. На Кубани активизировался Батыр-Гирей-султан, которого крымская знать избрала новым ханом; ногайцев снова охватили волнения. По сообщению от 4 августа 1782 г., в ногайских кочевьях царил разброд и голод. Сторонники Шагин-Гирея подтягивались к границам России на р. Ея, а признавшие ханом Богадыр-Гирея откочевывали поближе к Кубани. "Обе стороны, – писал Лешкевич, – стараясь одна другую превозмочь и привлечь к себе большее число, имеют между собою ссоры и драки" [2, л. 3–4].

Подытоживая длительную борьбу за обладание черноморским побережьем, Екатерина II 8 апреля 1783 г. подписала манифест "О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу", тем самым, ликвидировав "независимое" Крымское ханство. Ранее принадлежавшее ему междуречье Кубани и Еи переходило под прямое управление российской военной администрацией, возглавляемой Суворовым. 28 июня 1783 г. в Ейском укреплении состоялась торжественная церемония принятия от едисанцев и джембуйлуковцев присяги о российском подданстве, которой руководил Лешкевич в присутствии Суворова. Те же церемонии в Копыле провел генерал Фелисов с едичкульцами, а Елагин – на Таманском полуострове [12, с. 229–230]. В тот же день Суворов подал рапорт о том, что "труды ... Лешкевича должны ему при конце заслужить Владимирский орден" [6, с. 268].

Сразу же после принятия присяги, российские власти занялись подготовкой переселения ногайцев на уральские степи. Это намерение натолкнулось на их упорное нежелание покидать обжитую территорию, имеющую естественные границы – реки Кубань и Ею, и переходить в открытую степь, на которой располагались кочевья калмыков, башкир и казахов, что грозило столкновениями с ними. Кроме того, в памяти ногайцев хорошо отложилось переселение из Причерноморья в Прикубанье в 1770–1771 гг., в ходе которого они понесли большой материальный ущерб. Усобицы и хаотические миграции, с большим трудом остановленные российскими властями в июне 1783 г., возобновились с новой силой, как и участились случаи нападений ногайцев (часто – вместе с черкесами) на селения Моздокской линии.

31 июля джембуйлуковцы совершили крупный набег на ту часть ногайцев, которая оставалась под контролем Лешкевича. Пристав отправил отряды полковников Телегина и Павлова, которые рассеяли нападавших. В разных местах против них было использовано 4 эскадрона драгун, 4 пехотные роты, 3 пушки и полторы сотни казаков. В общей сложности погибло около 3 тыс. ногайцев и 14 российских военнослужащих, в т. ч. и секунд-майоры Масленицкий и Пряжевский, ранее бывшие приставами в отдельных группах ногайцев. Но противостояние усиливалось. 23 августа восставшие ногайцы вместе с черкесами напали на Ейское укрепление, смяли пикеты, нарушили коммуникацию и начали штурм, который был отбит со значительными потерями для обеих сторон. Попытки новой атаки безуспешно повторялись и в последующие два дня [6, с. 273, 274, 276, 279, 280, 285].

К началу сентября положение несколько стабилизировалось. 12 сентября Суворов отрапортовал Потемкину о восстановлении контроля правобережья Кубани, отмечая, что в военных действиях против ногайцев участвовало 15 эскадронов драгун при 8 орудиях, до 15 пехотных рот при 8 орудиях и все "подлежащие здесь казаки". Тем не менее, основные силы восставших были рассеяны, но не побеждены. Поэтому Суворов принял решение атаковать ногайские аулы, расположенные на левом берегу Кубани и привлек Лешкевича к участию в этой операции, поручив ему командовать отрядом драгун. До 20 сентября он прибыл к Суворову, оставив вместо себя в Ейском укреплении секунд-майора Куприна с правом напрямую обращаться к Потемкину. 1 октября на правобережье р. Лаба в урочище Керменчик ногайцы потерпели сокрушительное поражение, потеряв многих "почетных мурз и главных ... наездников". В сражении отличились и драгуны Лешкевича, выступавшие в авангарде [6, с. 282–283, 285, 288].

После этой, роковой для ногайского народа, военной кампании Лешкевич вернулся в Ейское укрепление и продолжил исполнение своих прежних функций, с тем отличием, что действовал уже напрямую от имени российской монархии. Хотя в Шагин-Гирейском городке продолжали находиться ханские чиновники. С декабря 1779 г. их возглавлял Халил-ага-эфенди, которому формально подчинялось "все собрание ногайских мурз, кочующих по здешней стороне Кубани с своими ордами" [15, с. 466, 467]. В 1783 г. он смог сохранить за собой звание марахаса (начальника), принимая активное участие в приведении ногайцев к присяге и организации их переселения на уральские степи. За это он получил штаб-офицерский чин и 500 руб. годового жалования [6, с. 257–258, 260–261], позднее его возвели в надворные советники [17, с. 15–16]. В силу скудости данных, невозможно установить, как именно распределялись полномочия пристава и марахаса. Однако вполне понятно, что с апреля 1783 и до августа 1790 гг. в ногайских ордах Лешкевич продолжал осуществлять функции контроля передвижения, надзора за состоянием политической лояль-

ности и взаимодействия с общероссийской и региональной властью. Халил-аге оставались вопросы внутреннего управления: суд, сборы средств на общественные нужды (налоги в российскую казну с данной группы ногайцев не взимались), представительские органы.

Зимой 1783–1784 гг. к приставу стали являться ногайцы, уцелевшие в перипетиях событий минувшего лета и осени, с прошением разрешить кочевание в определенных местах [6, с. 296]. По запросу Суворова, Лешкевич собирал сведения об убыли и остатке ногайского населения, однако не смог установить точное количество оставшихся, отмечая лишь их "малое число" таковых [6, с. 297–298]. Еще с лета особенно остро стояла проблема голода в ногайских кочевьях, побудившая Суворова дать распоряжение о передаче обедневших ногайцев (байгушей) Лешкевичу для переселения их в Войско Донское, а также указание атаману Иловайскому "чинить [им] самодолжное вспоможение, соглашать благовидно их волю" [6, с. 266, 267]. Количественный состав ногайского населения в междуречье Кубани и Еи не был постоянным как из-за нестабильного положения в их хозяйстве, так и в силу внешних причин, побуждавших их к миграции. Последнее крупное волнение охватило подвластных Лешкевичу ногайцев с мая 1785 г., когда стал распространять свои воззвания шейх Мансур, который до 1791 г. выступал во главе антироссийского движения народов Северного Кавказа [7, с. 10, 14]. Всего к 1790 г. под управлением Лешкевича и Халил-аги находилось 3 тыс. ногайских семей [5, л. 60–61 об.].

Администрация ейского пристава приостановила свою работу после смерти И. Ф. Лешкевича 13 августа 1790 г. [1, л. 8]. Тогда было принято решение не назначать нового пристава, но оставить главным среди ногайцев Халила-агу и переселить всех ногайцев с междуречья Кубани и Еи в степи Северного Приазовья, к р. Молочной [17, с. 15–16]. Вскоре на правом берегу Кубани расположилось Черноморское казачье войско.

Документы позволяют обрисовать некоторые черты личности Лешкевича, с деятельностью которого связано складывание определенного порядка отношений российских властей с ногайцами. Неспокойное положение на границе не мешало Лешкевичу завести собственный хутор "в тех безлесых местах", с винокуренным заводом и садом, которые в 1791 г. оценивались в 2817 руб. Кроме того, он владел 152 лошадьми, 97 ездовыми волами, 203 коровами, 2025 овцами. В этом хозяйстве находились и купленные им крепостные россияне, а также подаренные ему в 1779 г. "от ногайскаго общества на вечное и потомственное владение" три черкеса с женами и детьми, двое мужчин и одна женщина из калмык. В 1786 г. количество крепостных пристава пополнилось за счет ногайцев, попавших в плен (их численность в документе не указана) [1, л. 11–11 об., 12, 21]. Будучи обычным помещиком-крепостником и офицером-служакою, он не проявлял особо теплого отношения к ногайцам, вверенным его попечению. Это исчерпывающе характеризует написанная им фраза, передающая его почти эсхатологическое настроение: "...обращаясь посреди своенравной и лехкомысленнои нагаискои необузданности..." [4, л. 1].

Итак, изложенный материал позволяет проследить этапы складывания приставской администрации с центром в Ейском укреплении и становления ее функций:

1. Предоставление ногайцам статуса союзников России, их переселение из Северного Причерноморья в междуречье Кубани и Еи, в ходе которого к ним назначается пристав штаб-офицерского ранга с неявными контролирующими функциями; внутреннее управление сохраняется в руках ногайских мурз, возглавляемых Джан-Мамбет-бием.

2. Возникновение постоянного центра приставской администрации в Ейском укреплении; включение ногайцев в состав формально независимого государства Шагин-Гирея; разрушение традиционной ногайской иерархии после смерти Джан-Мамбет-бия; осуществление приставом управления ногайцами при номинальном посредничестве администрации Шагин-Гирея; последняя сохраняет за собой фискальную и, отчасти, судебную функции.

3. Ликвидация формально независимого государства Шагин-Гирея, официальное подчинение его региональной администрации приставу; приведение ногайцев в подданство России и осуществление всей полноты управления ими приставом.

1. Государственный архив Украины в Автономной Республике Крым. – Ф. 799. – Оп. 3. – Д. 197.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 261. – Ч. 2.

3. РГВИА. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 265. Ч. 1.
4. РГВИА. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 265. Ч. 2.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 383. – Оп. 29. – Д. 916.
6. А. В. Суворов. Русские полководцы. Сб. док. / под ред. А. В. Сухомлина и В.Д. Стырова. – Т. 2 / под ред. Г. П. Мещерякова. – М.: Военное издательство, 1951.
7. Александров И. Ф. Шеих имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII в. (По архивным материалам Таврического губернского архива) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: тип. В. И. Якубовича, 1919. – № 56.
8. Всевысочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским из семейного архива графа В. Н. Панина. – Т. I. – М., 1872.
9. Грибовский В. В. К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770 – 1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Дикаревские чтения (13). – Краснодар: ООО РИЦ "Мир Кубани", 2007.
10. Записки генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского / сост. и ком. А. К. Афанасьев и др. 1756–1776. – М.: Рос. Архив, 2004.
11. Кидырниязов Д. С. Русско-ногайские отношения в XVIII в. Дис. к. и. н. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР; ИИЯЛ им. Г. Цаласы, 1988.
12. Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1988.
13. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 1. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885.
14. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 2. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885.
15. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 3. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1887.
16. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 4. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1889.
17. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 г.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – № 48 / Под ред. А. И. Маркевича. – Симферополь, 1912.
18. Ханыков И. И. Подлинная записка о донской экспедиции // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 14. – Одесса, 1888. – С. 66–90.
19. Fisher Alan W. The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. – Cambridge: at the University Press, 1970.

ИДРИСОВ Ю. М.

Институт народов Кавказа имени Шамиля
г. Хасавюрт, Россия

КРАТКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ НОГАЙЦЕВ В XIX- начале XX вв., ВЫЯВЛЕННЫХ В ДАГЕСТАНСКИХ АРХИВАХ

В новейшей истории России источниковедение по истории и этнокультуре ногайцев недостаточно разработано, из-за отсутствия специалистов в данной области. В Центральном государственном архиве Республики Дагестан и Рукописном фонде Дагестанского научного центра РАН сохранились документы, раскрывающие историю ногайцев. При сборе документов в указанных фондах нами были выявлены ряд документов по истории ногайцев во второй половине XIX века.

В документе, озаглавленном как «Отношение Кизлярского коменданта и главного кумыкского пристава о высылке ногайцев, знающих границу между землёю шамхала и кумыкских князей» высыдке подлежали: по селению Ачамай-Аул Мамбет Экселиев, Алиимар Солтакай и Усейн-Акай Эйнакаевы; по селению Ас-Аул: Дидау Шабай и Осман Умаровы, по селению Коз-Тамгалы-Аул Умар Джанарсланов; по селению Тогунчи-Аул Бийкасим Сотаев [1, л. 3 об.]. Примечателен сам факт, что для определения границ кумыкских князей царская администрация обращалась за свидетельскими показаниями к ногайским аксакалам.

В августе 1845 смотритель Серебряковского провиантского магазина сообщал титулярному советнику Грушецкому, ссылаясь на информацию полученную от старшины ас-костамгалинского куба Якуба Нурлаева, о тайных сношениях абреках Арак-Мурзе скрывался у закубанца Кара-Мурзы. «К этому он присовокупил», что 28 августа к нему в кибитку

приезжал «моздокский черкес» Шаулюк Абреков, сказавший, что накануне ночью он был у брата «поясненного разбойника» едишкульского мурзы Терек-Бая, который будто-бы получил от брата письмо с советом откочевать подальше, чтобы не пострадать во время его рейдов «от русских» [2, л. 92-92 об.].

В том же августе 1845 года под суд был отдан уличенный в тайных сношениях с Арак-Мурзой житель селения Кубчак (так в документе) кара-ногаец Бакам-Мулла Кулгушев. Подпоручик Измайлов в раппорте на имя кизлярского коменданта Тимермана особо отметил, что при задержании Бакам-Мулла оказывал вооружённое сопротивление, у которого был изъят кинжал [3, 92-92об.].

В годы Кавказской войны вместе с аксаевскими князьями и сала-узденями лошадей перегоняли и пасли аксаевские и костековские ногайцы и один костековский уздень. На одних пастбищах с ним пас своих коней и брагунский князь. Делалось это, по-видимому, для совместной обороны от возможных нападений мюридов или конокрадов. Из аксаевских ногайцев самым большим табуном располагал Атай Гебек-Аджиев (62 головы, из которых 33 жеребца). У костековского узденя Ибрагим-Умара Солтанова было 30 лошадей. Существенно больше было лошадей у костековских ногайцев, которые, кстати, были богаче по данному показателю своих аксаевских соплеменников. Так у Капар-Аджи Эсенгельдиева было 85 голов, у Абакара Жумаказиева 75 голов, а у Арслана Эсенгулова 80 лошадей. Немалые табуны были у Атая Маликтова, Сатыбалова и Елавчи Чораева [4].

В документе «Список арестованных семей тарковских ногайских абреков» упоминаются, находившиеся на 1 июня 1839 года под гауптвахтным караулом, брат абрека Кара-Мурзы (не следует путать его с закубанцем Кара-Мурзой, товарищем вышеупомянутого Арак-Мурзы), Мамат Толеев 50 лет от роду, его жена Ашу Абакарова (40 лет отроду), сыновья: Сарау 3 лет отроду (помер), Байрам 10 лет и дочь Арюджан 10 лет. Вместе с ними находилась под арестом их холопка Курман-Бике Байрамалиева. Кроме них под караулом находилась семья абрека Айтухана, а именно жена его Сартан-Бике – 40 лет, сыновья Абдул 16 лет, Кувандык 14 лет и Байтуган 20 лет, дочери его Исеп 10 лет, Макюзим 8 лет и Дауш 6 лет. [5, л. 16-17]. На каждого из них выделялось в сутки по 10 копеек «кормовыми деньгами».

В 1860-е годы в Кумыкском (Хасав-Юртовском) округе была проведена крестьянская реформа, в ходе которой за ногайскими кубами были закреплены наделы. В единице хранения, озаглавленной как «Дело о разделе ногайских земель по кубам» говорится о закреплении участков земли за кубами Алаш (участок Рыболовное), Найман, Кайбулла-Кади (участок Тюбели-Карак) и Казан-Кулак, а также кубов, обозначенных по именам князей-сюзеренов (Арсланбековский, Алибековский, Уцмиевский, Эльдаровский, Айдемировский, Каплановский).

Меньше всего земли получили ногайцы Эльдаровского куба. На 126 дымов, включавших 245 семей было выделено 4 тысячи десятин земли. Объяснялось это тем, что эти земли, располагавшиеся близ села были поливными и плодородными. Арсланбековский, Алибековский и Каплановский кубы получили больше земли, а именно участки Айтхана, Урчук-Терек и Мужукай-Аульский. Однако их земли прилегали к Новому Тереку, где образовывались плавни и озёра, и её качество соответственно было хуже [6, л. 20-20 об.]. Все эти кубы составляли общество аксаевских ногайцев. Костековские ногайцы пожелали получить землю все вместе не разделяя по кубам, т.е. для общинного землепользования, что было характерно для ногайцев.

Ногайское население Кумыкского округа (в 1867 году был переименован в Хасав-Юртовский) насчитывало 296 оседлых и 1547 кочевых дымов, всего 1816 дымов. При исчислении населения необходимо учитывать, что как следует из приведённых выше данных по Эльдаровскому кубу на дым приходилось примерно 2 семьи. Всего ногайцам в Кумыкском округе было отмежёвано 77065 десятин и 2325 саженей земли. По мнению начальника отделения Межевой комиссии Терского округа надел «Ногайского участка Кумыкского округа можно считать удовлетворенным» [7, 22]. Если учесть что на каждый ногайский двор в среднем приходилось 36 десятин, а для сравнения в центральных областях России в среднем на двор приходилось 11,3 десятин, то в целом можно считать крестьянскую реформу в Ногайском участке успешной и выгодной для ногайского населения. Однако, если учесть, что ногайцы занимались скотоводством, указанное количество земли явно мало для использования под пастбища.

Вместе с тем, в силу бюрократического произвола в пользу ногайских, как в прочем и соседних кумыкских сел, так и не были переданы рыбные ловли, среди прочего пожалованные им по условиям крестьянской реформы. Оправдывая неблаговидное поведение своих подчинённых, не уведомивших местное население о его правах, уполномоченный главного управляющего по землеустройству и земледелия на Кавказе, утверждал, что у местных жителей якобы и так вдоволь земли и потому в доходе с рыболовства они не нуждаются [8]. Однако доходы с рыбной ловли необходимы были на социальные значимые нужды местных жителей, в частности, на улучшение экологии региона и строительство школ в Хасав-Юртовском округе.

В силу различных причин коренное население Хасав-Юртовского округа в конце XIX в. переживало относительный упадок. Не обошли кризисные явления и ногайцев. Начальник округа писал в 1897 году в управление Межевой комиссии Терской области: «препровождая при сём чертеже ногайской дачи состоящей в общем пользовании жителей Тамаза, Бакыл и Толма кубов и сведения о посёлках и зимовья имею честь уведомить управление Межевой частью, что убыль ногайского населения произошла вследствие большой смертности и переселения в Даргинский округ» [9, л. 10].

В списке учителей первых советских школ Темир-Хан-Шуринского округа за 1921 год мы обнаружили данные и по ногайским сёлам:

Ас-Аульская школа: Али-Султан Суюндуков – учитель;

Губечи-Аульская школа: Алиш Терик-Мурзаев – учитель;

Хум-Аульская школа – Абдул-Гамид Гаджиев – учитель;

Авлайкей-Аульская школа: Салават Акмурзаев, Исмаил-Хаджи Бекмурзаев;

Югари-Хумская школа: Нурмагомед Ибрагимов – учитель;

Узун-Аульская школа: Абдул Айдемиров – учитель [10, 48].

Выявление и сбор архивных материалов по истории и этнокультуре ногайцев в дагестанских архивных фондах необходимо продолжить. В новейшей истории написание монографического исследования по источниковедению ногайцев является перспективным направлением.

---

1. Центральный государственных архив Республики Дагестан (далее: ЦГА РД) Ф. 379 Оп. 1. Д. 33. Л. 3 об.
2. ЦГА РД Ф. 379. Оп. 4. Д. 1279. Л. 92-92 об
3. Там же
4. ЦГАРД Ф. 379. Оп. 4. Д. 534
5. ЦГАРД Ф. 379. Оп. 4. Д. 839. Л. 16-17
6. ЦГАРД Ф. 147. Оп. 3 . Д. 69. Л. 20, 20 об-21.
7. Там же. Л. 22.
8. Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 211
9. ЦГА РД Ф. 147. Оп. 5. Д.2. Л. 10
10. ЦГА РД Ф. Р-34. Опись 1. Д. 48. Л. 48

ҚАРАСАЕВ Ғ. М.

Мемлекет тарихы институты,
Астана, Казахстан

РЕСЕЙДІҢ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ БАТЫС СІБІР, АЛТАЙ ӨҢІРІН ОТАРЛАУЫНЫҢ АЛҒАШҚЫ КЕЗЕҢІНІҢ ЖЕКЕЛЕГЕН БАҒЫТТАРЫ ТАРИХИ ДЕРЕКТЕРДЕ
(XYI ғасырдың соңынан XYIII ғасыр басына дейін)
(мақсаты, нәтижесі)

Ресей империясының XVI ғасырдың соңынан басталған Батыс Сібір, Алтай аймағын бірнеше кезеңге созылған отарлауының тарихы, барысы, нәтижесі оның алғашқы басталуынан бергі уақыттан орыс ғалымдарының, жиһангерлерінің, т.б. зерттеу тақырыптарына арналды. Сол

мерзімдегі Ресей империясының ұлылығы мен қуаттылығын айқындайтын аталған өлкені отарлап, мемлекеттің құрамына толығымен қосу мәселесі ХХ ғасыр басына дейінгі арнайы басылымдар мен жинақтарда үнемі жарияланып келді. Осындай деректер арқылы Ресейлік отарлау саясатының көлемі, жергілікті халық үшін алапатын саралап, одан нақты қорытынды шығаруға болады.

Көрсетілген тұрғыдағы зерттеушілердің қатарына белгілі Сібір танушы Д.Клеменцті жатқызуға болады. Атап айтқанда, ХХ ғасыр басындағы шыққан "Сибирь, ея современное состояние и ея нужды." [1] атты жинақтағы "Население Сибири Д.Клеменца" деген тарауда автор нақты тарихи деректер негізінде Ресейдің Сібірді отарлауының басталуы, барысына кеңінен тоқтап, оған талдау жасаған.

Зерттеуші көрсетілген еңбегінде орыстардың Сібірмен алғашқы танысуының тарихына тоқтаған. Оның жазуынша: "1032 жыл новгородтықтардың темір қақпадан арғы Юграға сәтсіз жорығымен атап өтілді, ал Горяте Роговичь (1096 жыл) аң терілерін темір бұйымдарына айырбастауды айтады; XII ғасырдың соңында юграլықтар Новгородқа алым төлейтін болды. Осы мерзімде новгород әскер басылары Александр Абакумович пен Ляпа Обь өзенінің төменгі және орта ағысымен танысты. 1483 жылғы новгородттықтардың "тастың" арғы жағына табысты жорығынан кейін Иван III өзіне "Югорск жерінің князы" дәрежесін қосты. Сібір княздықтарының Мәскеуге алым жіберіп тұрғандығы туралы мәліметтер бар, мысалы Едігер 1555 жылы жіберген.

Орыстардың белсенді тұрғыдағы шығысқа жылжуындағы маңызды қадам Қазан мен Астрахань хандықтарын жаулау мен ағайынды Строгановтардың өнеркәсіптік мақсаттағы Оралдың арғы жағынан негізделген қоныстарды салулары болды. Бұл іскер адамдар ерекше құқықтарға иеленген патшаға бағыныштылар еді. Оларға әскер ұстауға, қашқан адамдарды өздеріне шақыруға, жерге орналастыруға рұқсат берілді. Олар өз мүмкіндіктерімен Югра жеріне орналасуға әрекет жасады, алайда бұл әрекет уақытша ғана табысты болды" [1.38].

Д. Клеменц XVI ғасырдың соңынан басталған Сібір хандықтарының әлсіреу жағдайларына тоқтап, олардың бөліске түсу себептерін көрсеткен. Оның айқындауынша: "Сібірді бағындыруға мақсаткер, әскери-әкімшілік қасиеттері бар талантты тұлға және қауіпті іске баруға дайын жергілікті адамдар саны қажетттілікке айналды. Осындай адам Ермак болды. Егерде ол өз қимылын Алтын Орданың кезінде бастаса ештеңе істей алмас еді. Екі татар хандығын талқандау, Төртінші Иванның Новгород пен Псковқа жаулық қатынасы, әскер басыларының дербестікке ұмтылуы мен жемқорлықтары Русьтің назарын әртүрлі хабарлар бойынша бос жерлерге, соның ішінде аңға, тағы да басқа байлыққа мол, ешқандай да әскер басы, бақылаушылар жоқ Еділге және Еділден кейінгі тастан арғы жерлерге аударды. Ішкі таластартыстың нәтижесіндегі Қазанның бағындырылуы бұрынғы қаһарлы татарлардың әлсіздігін көрсетті. Олар естерін жинап, өздерінің тәуелсіздіктерінің ең соңғы сағатында ғана бастарын көтеріп, ерлікпен, алайда нәтижесіз қарсылық көрсетті. Әбден әлсіреген Астрахань шағын ғана шабуылға шыдай алмады. ... Екі хандық құлағаннан кейін Сібірге қарай жол ашылды, сонымен қатар оған өтер жолда тоқтайтын, жабдықтарын толықтыратын Строгановтардың қоныстары болды.

Ишимдегі (Есілдегі,-Ғ.Қ.) татар хандығы жаулаушыларға қарсы үлкен қарсылық көрсете алмады. Бұлар Шыңғысханның қатал мектебінен өткен оның ізбасарлары емес, керісінше Астрахань мырзалары сияқты өзара таққа таласқан топ болды. Олардың арасындағы қатынас бұрынғы Мәскеу мен татарлар арасындағыдай емес болатын.

Сібір хандығының елшілері патшаның ықпалына арқа сүйеуді қалап, Мәскеуге алым жіберіп тұрды. Бұл оқиға 1356 жылы орын алып, 1579 жылдан Ермактың Сібірге жорығы басталды, ... [1.35].

Одан ары Д.Клеменц Батыс Сібірді Ермактың жаулау барысына тоқтап, оған жергілікті тұрғындардың қарсылықтарын баяндаған. Алғашқы орыс бекініс орындарының салынуын саралаған. Оның жазуынша: "1581 жылдың 26 қазанында Ермак Сібір хандығының астанасына енді. Салық жинаудың орнына орыстар оны басып алуды мақсат етті. Чинги-Тура қаласының орнына Тюмень қаласы, Тоболдың Ертіске құяр жеріне Тобольск (1588 ж.), 1592 жылы Пелым және Нарын, одан кейін Березов және Обдорск, сонымен бірге 1594 жылы Тара, ... 1600 жылы Мангазея мен Туринск салынды. 1603 жылы қырғыздармен алғашқы қарсылық орын алды және Кузнецк қаласының салынуына негіз жасалынды. Одан кейін қырғыздардан, әсіресе ойрат одағы құрылғаннан кейін едәуір тұрғыда күшейген қалмақтардан қорғау мақсатында бүтіндей (шекара,-Ғ.Қ.) жүйелері салына

бастады. Аталған бекініс орындары, жүйелер мен қоныстарды ұстап тұру үшін адамдар қажет болды. XVII ғасырдың басында орыстар Енисейдің жоғары сағасына жетіп, онда Абакан қалашығын негіздеді. Орыстардың аталған әскери-отарлау қозғалысы көптеген тайпалардың батыл, алайда нәтижесіз қарсылықтан кейін тарихи жерлерін тастап, өздерімен бірге отты жебе алып келген және жаңа әскери істі меңгерген соңғы жаулаушыларынан шығысқа, сонымен бірге оңтүстік-шығысқа, тайганың терең ішіне, тундраға және де далаға қашуларына мәжбүр етті.

Анығын айтқанда, орыстар елдің (Сібірдің,-Ғ.Қ.) терең қойнауына қашқан бұратаналардың артынан жүріп отырды. ... қырғыздар алғашқы қақтығыстан кейін-ақ орыстарды жек көріп, орыстардың XVII жүз жылдығы түгелімен осы жауларымен күреспен өтті. ... бұратаналардың көпшілігі қырылып қалды.

...Орыстардың қазіргі Тобол губерниясынан басқыншылық тұрғыдағы оңтүстікке және шығысқа жорығы XVII жүзжылдықта үлкен табыстар әкелді. Олар Телец көліне, Енисей арқылы Саян жоталарына дейін жетті, ...” [1.38-40]

Зерттеуші өзінің одан арғы мәліметтерінде Сібірді әскери жаулаумен қатар жүргізілген оны шаруашылықтық тұрғыдағы игеру мақсатындағы патша үкіметі тарапынан атқарылған істерге талдау берген. Оның осы тұрғыдағы көрсетуінше: “Мәскеу мемлекеті бір ғана казак жорықтары және күшейтілген қалашықтар салумен Сібір сияқты үлкен аймақты ұстап тұрудың мүмкін еместігін түсінді, сондықтан да ол жаңа өлкеге астық егуші адамдарды орналастыруға ұмтылды. 1590 жылы мұнда егін егетін 30 жанұя жіберілді. Бұл алғашқы қоныс аударушылар жаңа жерде орналасуға қажетті құралдармен жеткілікті тұрғыда жабдықталды; жер өңдеу құралдары және тұқыммен бірге оларға жұмыс аттары, сиыр, тіпті тауық, осылармен бірге әр жанұяға 50 рубльден берілді”[1.40].

Ғалым Батыс Сібір, Алтай өңірін отарлаудың алғашқы кезеңіндегі жергілікті халықты ашық қанау, оларды зорлау күштеу, қырғынға ұшыратудың жаппай орын алғандығын барынша ашып көрсеткен. “Ресейге,-деп жазады Д. Клеменц осыған орай,- Сібірдің аң терілеріне болмаған тұрғыдағы байлығы мен жерінің өңдеуге қолайлылығы туралы аңыз тарады. Шындығында да сол мерзімде әскери басқарма жанындағы кез келген іскер адамға қаржысын молайту арқылы баю Сібірде ешқандай қиын емес болатын. Салық жинау деген сылтаумен, ал кей жағдайда ешқандай да себепсіз орыс қызмет адамдары бұратаналарды тонады; іс олардың дүние-мүліктерін алумен ғана шектелмеді, орыстар ешқандай да шімірікпестен бұратаналарды құлдыққа айналдырды.

... Көшім хандығының күйреуге ұшырауын және орыс қаруының артықшылығын білген Батыс Сібір бұратаналары алым төлеуге мойын ұсынды, тіпті қарсылықсыз төлеуге келісушілер де болды, осыған қарамастан алым жинаудағы қатігездік пен асыра сілтеу бұратаналарды лажсыздыққа айналдырып, бұратаналардың қарсылығынсыз өткен жылдар өте аз болды. Осындай қарсылықтар өте көп болды және оның барлығына жуығы қанға боялып басылды.

... XVII жүз жылдық бойы қырғыздардың үздіксіз шабуылдары орын алды; олар Кузнецкіні қоршады, Красноярскіге таяп келіп, Ачинск острогын өртеді. Бұратаналарды орыс еркін адамдарының, казактардың, әскер басылары және өнеркәсіпшілердің аяусыз қырғынға ұшыратуы Ресей үшін кері жағдайды қалыптастырды.

... Шығыс Ресейді отарлаудың тарихымен үнемі айналысушы қазандық профессор Фирсов тарихшылардың арасында алғашқы, сонымен бірге ерекше (зерттеуші ретінде,-Ғ.Қ.) Сібірде жаппай орын алған осы айуандық пен қатігездіктің нәтижесін атап көрсетті.

Көрсетілген бағыттағы ойын ол: “Жартылай тағы бұратана тонаудан, қатігездік пен күштеуден қорлық көре отыра өзін қорлаушы орыстардан өш ала білді, ...” [1.43-44], - деген дәлелдермен жеткізді.

XIX ғасыр соңындағы “Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири” [2] атты келесі шығармада XVI ғасыр соңынан басталып, XIX ғасырдың соңына дейінгі жалғастырылған Батыс Сібір, Алтайды патшалық отарлау, оны әскери, өнеркәсіптік игеру, қоныстандыру ісінің барысы, нәтижесі сараланған. Онда баяндалғанындай: “Сібірдің Ресейге қосыла бастауы XVI ғасырдың соңына жатады. Орыстардың осы кең аймақты қаратуы ауқымды қантөгіс соғыссыз, үкімет үшін үлкен шығынсыз іске асырылды. Еркін казактар Сібірді аса жылдам басып алды, ал олардың соңынан мұнда тағы да басқа ержүрек табыс іздеушілер тобымен ағылды.

... Сібірді жаулап алудың қысқаша тарихы келесі себептермен айқындалуы мүмкін: кезіндегі

қазіргі Тобол губерниясын мекендеген фин тайпалары "югорларға" (олардың,-Ғ.Қ.) бағалы аң терілері қызықтырған іскер, саудагер новгородтықтардың шабуылы XII ғасырда жасалды. Атап айтқанда бұл жорықтар жаулау ретінде болмай, негізінде қымбат бағалы аң терілері арқылы алым алумен аяқталып отырды.

Орыстардың Сібір халықтарына деген нақты қатынасы XVI ғасырдан, атап айтқанда Ресейдің татарлардың Қазан және Астрахань хандықтарын талқандап, шеткі аймақтардағы орыс отарлаушыларының алдыңғы легін минералдық молшылыққа бай Оралға әкелген Еділ өзенінің барлық өңірлеріне ие болған кезден басталды.

Жеңіл өтетін Оралдан асып, бұл алғашқы отарлаушылар Оралдың арғы жағын мекендеп, көшіп жүрген татар тайпаларымен қақтығысқа түсуі тиіс болатын, нәтижесінде Иван Грозныйдың қуатты күші және қолдауымен алдымен оларды өздерінің ықпалына көндіріп, одан ары билігін мойындата бастады.

... 1555 жылы патшаға оңтүстіктегі тайпалар ығыстырған Сібір ханы Едігерден және тағы басқа Сібірдің кіші хандарынан өздерін патшадан қамқорлығына алу, алым салу, осы алымды алу үшін адамдарын жіберу туралы өтініштерін жеткізген елшілер келді. Патша келісті, алайда аталған тұрғыдағы қамқорлық берік емес еді, себебі (Едігер,-Ғ.Қ.) патшаның қамқорлығы мен көмегі оның иеліктерін жауларынан қорғайды деп үміттенді, алайда бұл үміт ақталмады; күткен қорғауды ала алмаған және де жаулас көршілерінен қысым көрген ол өз алымын уақытында төлемеді, ал Көшімнің хан болуымен алым төлеу мүлдемге орындалмады және алым алуға келген орыстар өлтірілетін болды" [2.3].

Аталған шығармада Ресейдің Батыс Сібірді әскери жаулаудан кейінгі оны шаруашылық тұрғыдағы игеру ісіне сипаттама жасалған. Онда: "... Оралдан арғы жерлердің (орыс патшалығына,-Ғ.Қ.) берік енуі орыс тұрғындарының солтүстік-шығысқа өнеркәсіптік-сауда мақсатында жылжуымен байланысты іске асырылды. Бұл қозғалыстың тарихындағы маңызды кезеңді Строгановтар әулеті алады. Кең аумақты тұрғынсыз жерлерге ие болған орыс княздары үлкен құлшыныспен қоныстандырып, өңдеу мақсатында бұл жерлерді іскер және бай адамдарға бере бастады, ондай адамдарға әртүрлі жеңілдіктерге: салықтан босату, салықсыз сауда, ... т.б. рұқсат берілді. ... Иван IV кезінде аталған бай өнеркәсіпшілер Кама өзенінің аңғарына тереңінен еніп, 1558 жылы патшадан бұл жерге қала салып, өнеркәсіпті негіздеп, әскер ұстап, оны тағылардан қорғау үшін Кама арқылы Чусовой өзеніне дейінгі жерлерді беруді сұрады.

(Орталықтан,-Ғ.Қ.) алыс болғандықтан сонымен қатар Оралдық және одан арғы халықтардың үнемі шабуылдарына тап болып, үлкен күйреуге ұшырауынан үкіметке Прикамск облысын өз күшімен қорғау қиынға түсті. Сондықтан да Строгановтардың ұсынысы неғұрлым тиімді болды, олар қабылданып, 20 жылға дейін әр түрлі жеңілдіктер беріліп, қоныстанушылар острогтар салу мен өз есептерінен әскер ұстауға міндеттенді. Біраздан кейін бұл жерлерде бірнеше қалашықтар пайда болып, өнеркәсіп едәуір дәрежеде ұлғайды, орыс тұрғындарының саны артып, бұған дейін өздеріне белгісіз жерлерге бекінді. Міне осылай, өздерінің мол қаржыларына, сонымен қатар батылдықтары, іскерліктері мен күш-жігерлеріне орай Оралдағы орыс билігін нығайтумен қатар орыс қоныстанушыларына тау жоталарының табиғат байлығына мол шығыс жағына жылжуларына мүмкіндік жасалды.

... Бұратаналармен орын алған үнемі қақтығыс, сонымен қатар үлкен территорияда өз өнеркәсібін дамытуға деген ұмтылыс Строгановтардың патшадан Оралдан арғы жерлерге орналасуға рұқсат сұрауға мәжбүр етті.

... Рұқсат беріліп, Строгановтар бұрынғыдай шарттар негізінде, тіпті қорғаныс қана емес, шабуыл жасау соғыстарына да өкілеттік алды. Одан ары кең ауқымды шабуыл қимылдарын жүргізуге Строгановтарға әскери адамдар жетіспеді, алайда соңғылары табылды да.

XVI ғасырдың екінші жартысындағы Иван Грозныйдың патшалық етуі кезінде көптеген халық Литва жеріне қашып, елеулі көлемдегі бос жатқан, Ресейге жаңадан қосылған шет аймақтарды мекендей бастады. Осындай шеткері өңірлерге қашқан адамдар өздеріне бостандық, еркіндік тауып, қажетінше жерге ие болды. Мемлекеттен мүлдем бөлініп кеткен, оны қажет етпей, өзіндік казактық өмір сүрген адамдардан бүтіндей жасақтар ұйымдастырылды.

Тонаумен айналысқан казактар патшаға бағынышты аймақтарды да шапқыншылыққа ұшыратты және өздерінің тонаулары үшін үкіметтің қудалауына ұшырады" [2.4], - делініп, Ба-

тыс Сібір өлкесін алғашқы шаруашылық тұрғыдағы игеру барысына, ондағы орын алған жағдайға талдау берілген.

Аталған кітапта: "Осындай қудалауға түскен әсіресе Еділдегі тонауларымен аты шыққан, сондықтан да патша әскерінің жазалауына ұшыраған Дон казактарының өздерінің атаманы Ермак Тимофеев бастаған тобы Кама арқылы жоғары көтеріліп, Строгановтардың иелігіне жетті. Строгановтар бұл оқиғаны пайдаланып, казактарды өздеріне қызметке шақырды, олар келісіп, біраз уақыттан кейін Строгановтар жабдықтап, олар Ермакпен бірге Орал тауынан ары Көшім ханның иелігіне аттанды.

1580 жылы Ермак Тураның жағалауына жетіп, татар ханы Епаншаны талқандады, одан кейін Чинга–Төре қаласын (ол жерде кейін Тюмень негізделген) алып, осы жерде қыстауға тоқтады. Келесі жылдың көктемінде Ермак Көшімнің астанасы "Искер" немесе Сібір қаласына жылжыды. Тура, Тобол және Ертіс арқылы үлкен қайықтармен жүзе отыра казактар 1581 жылдың 26 қазанында хан ордасына келіп, ауыр шайқастан кейін оны алды. Көшім және әскерлерінің қалдығы оңтүстік далаға қашты.

... Ермак өзінің сенімді көмекшісі атаман Кольцоны қымбат бағалы аң терілерімен патша Иван Васильевич Грозныйға "Жаңа Сібір патшалығының" қосылғандығы туралы хабарды жеткізуге жіберді. Патша Ермактың ескі кінәлерін кешірді, оны тонмен және медальмен марапаттап, көмекке әскер басы (воевода) Глуховты жіберді, алайда Ермак Тимофеевтың Сібірдегі билігі ұзаққа созылмады. 1584 жылы татарлардың қулығына түскен ол Ертіс өзені жағалауында болған шайқаста өзінің жасағымен бірге қайтыс болды. Мәскеуде Ермактың қайтыс болғандығын білмеді және 1586 жылы Тура өзеніне әскербасылар Сукин, Мясников, және Чулков бастаған 300 адам көмекке келіп, аталған өзен бойында Тюмень қаласын салып, осы жерден орыстардың Сібір бұратаналарын бағындыруы бастау алады.

1587 жылы Мәскеуден Сібірге тағы да 500 адамдық әскер жіберіліп, Көшімнің талқандалған астанасының орнында орыс қаласы Тоболскіні салу тапсырылды" [2.5], - делініп, Батыс Сібір өңірін Ермактың жаулауынан нақты мәліметтерді айқындайды.

Жинақтағы "Сібір хандығы орыс билігіне бағындырылғаннан кейін үкімет өзінің жаңа және ескі иеліктері арасындағы байланысты негіздеуге назар аудара бастады. Ол орыстар басып алған кең аймақ елді бос тастағысы келмей, өз тұрғындарының белгілі бөлігін болашақтағы іске асырылатын отарлаудың тірек орнына айналдыруды мақсат етіп, оны қоныстандыруға мәжбүр болды. XVI ғасырдағы Оралдан арғы жақтағы Тюмень және Тоболдан басқа негізделген тірек орындары Верхотурье, Пелым, Березов, Сургут, Обнорск, Нарын, Кетск және Тара болды.

XVII ғасырда тірек орындарын салу одан ары жалғастырылып, орыс билігі шығысқа қарай одан ары жылжыды. 1604 жылдан бастап біртіндеп кейін қалаларға айналған Томск, Туруханск, Кузнецк, Енисейск, Каинск, Красноярск, Якутск, Олекминск, Ачинск, Баргузинск, Иркутск, Балаганск, Нерчинск, ... қамалдары (острогтары) салынып, нәтижесінде орыс иелігі Сібірдің үш үлкен: Обь, Енисей және Лена өзендері аудандарына жылдам тарай бастады.

... Алғашқы қоныстанушылардың сапарлары Тура, Тавда, Тобол, Ертіс, Обь өзендері мен олардың салалары арқылы өтті.

XVII ғасырдың соңынан басталған отырықшы (егіншілікті,-Ғ.Қ.) отарлау XVIII ғасырда одан ары өркендей түсті. Мемлекет бос жерлерді қоныстандыра отыра оларды жаңадан басталған отарлауға қарсы жиі болып тұрған Орта Азияның далалы аудандарына ығыстырылған көшпенділердің шабуылдарынан қорғауды іске асыра бастады. Жаңадан басталған отарлауды қорғау мақсатында осы мерзімде (XVIII ғасыр басында,-Ғ.Қ.) Омбы, Ямышевск, Петропавловск қамалдары және Бийск, Семей, Усть-Каменогорск қалалары салынды.

... Острогтар мен қамалдар аралығындағы шептерді аралық бекіністермен өзара жалғастыру, сонымен қатар тау зауыттарын көшпенділердің шапқыншылығынан қорғау үшін жүйелерді қоныстандыру мен казак қорғаныс жүйелері мен қоныстарын негіздеу басталды. 1744-1745 жылдары Тобольск мен Тары арасындағы жүйе, одан кейін Ишим (Есіл,-Ғ.Қ.) мен Омбы, Чауск острогы мен Томск аралығы 1762-1780 жылдары Тара мен Чауск острогтарының аралығы қоныстандырылып,

1763 жылы Екатеринбург жолы салынды. Казак қорғаныс жүйелерінен 1720-1773 жылдары Ертіс, 1755 жылы Омбы мен Звериноголовск арасындағы жүйе, одан ары отарлаудың Алтайдың ішіне қарай тереңдеп енуіне орай Колывано-Кузнецк және 1780 жылы Бұқтырма жүйелері салынды.

Белгісіз аймаққа (Сібірге,-Ғ.Қ.) барар жолда жатқан Тобол губерниясы басқаларға қарағанда ол жерлерде тұру қиынға соққан Ресейдің Европалық бөлігі тұрғындарына жататын қашқын адамдармен молынан қоныстандырылды. Сібірде бұл қашқын адамдар ну ормандар және батпақтарға жасырына отыра мекендер салып, шаруашылық орындарын негіздеді. Ормандарды тазалап, ол жерлерді егістікке айналдырды. Үкіметтен жасырын бірнеше жылдар бойы мекендеді. Осындай қоныстарды тапқан воеводалар (әскербасылар,-Ғ.Қ.) оларды талқандамай, мемлекеттік салық салды. Бос жатқан өлкені қоныс етіп, оны игере бастаған осындай адамдар тобы әскер басыларына қажет болды.

Бұқтырма каменщиктеріне (тас адамдарына,-Ғ.Қ.) таудың арғы жағын немесе Алтайдың таулы өңірлерін қоныс еткен діни жікке бөлінушілерге, қылмыскерлерге кешірім жасалып, оларды (Ресей,-Ғ.Қ.) қарамағына алу әдемі Алтай аңғарына Ресейдің қожалығын қамтамасыз етті.

Тұрақтар салу арқылы қоныстанушылар маңайдағы жерлермен танысып, қолайлы өңірлер табуына орай жаңа шаруашылық орындарын негіздей бастады. Әркім өз қалаулары бойынша жеке бөліктерге орналасты. Ол жерде қалғысы келмегендер өз жерін басқаға беріп, өздеріне қолайлы деп есептеген жерді іздестіруге кірісті.

Осындай жасырын отарлау уақыт өткен сайын едәуір үлкен мөлшерге жетіп, мемлекеттік билік мұндай қолайсыз қозғалысты тоқтату үшін қатаң шаралар қолдануға мәжбүр болды" [2.4,5,6,9,10,11], - деген мағлұматтар Батыс Сібірді отарлаудағы әр бағыттағы атқарылған шаралардан анықтама береді.

XX ғасырдың бірінші онжылдығы мерзімінде шыққан Н.А. Скалозубовтың "Организация общественных сил в целях изучение Сибири' [3] - атты шығармасында отарлау барысындағы Сібірді алғашқы зерттеушілер, соның ішінде осы өңірге қоныс аударып келген қарапайым адамдар арасынан өлкенің әр саласын зерттеумен айналысқандар туралы құнды мәліметтер бар. Шығарма мазмұнынан аталған зерттеулердің Сібір өңірін шаруашылықтық игеру, оның Ресейлік екендігін паш ету мақсатынан туғандығын білуге болады. Онда көрсетілгеніндей: "ХҮІІ ғасырда Тоболскідегі төменгі қызмет адамдарынан шыққан Ремезов осы қолтаңбаны өзі салған суреттермен безендірген Сібір жылнамасын жазды. Осында Есипов жылнамасын құраған Есипов еңбек етті.

XVIII ғасырда Тобол жылнамасын ямщик Илья Черепанов жазды. Қалған мәліметтерін келесі Иркутск жылнамашысы Пежемский пайдаланған Иркутск жылнамасын жазған Шегоринның қызметі ХҮІІІ ғасырға жатады.

XIX жүзжылдықтың бірінші жартысында Иркутск көпесі В.И.Басин Мәскеу сыртқы істер мұрағатына өткізген қолжазбалар мен карталардың бай қорын жинады. XIX ғасырда кейін Америкаға 450 мың рубльге сатылған сібіртануға арналған кітапхананы жинаған Красноярск көпесі Г.В. Юдин ерекшеленді.

Нерчинскінің ұсақ көпесі М.А. Зензинов (Сібірдегі,-Ғ.Қ.) барша, соның ішіндегі өнеркәсіптік, ауылшаруашылықтық халықтық қызметінің салаларына қызығушылық танытып, көптеген мақалалары жарияланып, өзінің еңбегі үшін Императорлық географиялық (қоғамынан,-Ғ.Қ.) медаль алды. Ол осылармен қатар қолданбалық маңызы бар өсімдіктерді, пайдалы қазбаларды жинады.

Тюмень уезіндегі Кулаков селосының көпесі Чукмолдин өзінің балалық кезеңіне арналған қызықты естеліктер, т.б. жазды.

С.К. Патканов Тобольскінің жанындағы Филатово деревнясында жүйелі түрде жыл сайын дән себу және астық жинау, егіс пен өнім көлемі, жұмыс күшінің бағасы туралы шаруашылық жазбасын жүргізген шаруаны кездестірген. Жазбаларды оның ұлы одан ары жалғастырып, қорытындысында алдымен С.К.Патканов өңдеп, содан кейін "Тоболск мұражайының жылдық жаршысы" редакциясы толықтырған бірнеше онжылдықты қамтыған үздіксіз мәлімет алынды.

Филатово деревниясының аталған шаруасы минерология мен геологиядан коллекция жинады.

...Халық жыршылары мен ертегі жинаушыларынан жинақтаған ауызша деректер С.К. Паткановқа Ертіс жағалауы остяктарының эпосы туралы белгілі зерттеуіне бай мәлімет берді.

Тюмендегі тарихшы П.А Словцов; Ив. Яков. Словцовтан басқа, Батыс Сібірдің археология, флора, фауна және геологиясынан жан-жақты жұмыс істеді.

Костров Томскіде; Барнаулдан С.И.Гуляев қырғыз даласындағы шөлді аймақтарда өсетін кендыр (кендір,-Ғ.Қ.) жіп дайындайтын өсімдіктерге назар аударды және қой терісін илеудің әдісін тапты. Енисей мұражайы үшін көп еңбек етіп, халық медицинасы туралы мәліметтер жинаған А.И.Кытманов; Минусинск мұражайының негізін салушы, мамандығы бойынша провизор Н.М.Мартьянов; Иркутскідегі жергілікті археология ісімен айналысушы Попов, лингвистика және фольклормен айналысушы Алтайдағы миссионер, священник Вербицкий; метрология саласында жұмыс істеген Иркутск гимназиясының директоры Щукин Иркутск жылнамасын қалдырды (XIX ғасырдың 40-50 жылдары).

Сібірді зерттеуге декабристерден басталған саяси жер аударылғандар ерекше еңбек сіңірді. Ғылыми мәліметтер жинаумен қатар олар жергілікті қоғамдар мен мұражайларды ұйымдастыру, сонымен бірге жұмыстарын бағыттауға қатысты. Олардың қатарында Д.И.Завалишин - декабрист; И.А.Худяков – каракозовшы, якут халқының тілінен мол мәліметтер қалдырды; А.Л.Чекановский - географ және геолог, 1863 жылғы поляк көтерілісіне қатысқаны үшін жер аударылған, И.Д.Черский - поляк, Сібір омыртқалы жануарларының палеонтологиясынан классикалық еңбек шығарған, Дыбовский - поляк, зоолог; А.П.Иванов – тарихшы, және тағы басқалары” [3.5,6].

Қорыта айтқанда, бұл туындыларда жарияланған мәліметтерден Батыс Сібір, Алтай аймағын ресейлік отарлаудың нақты мақсатын, барысын, нәтижесін білуге болады. Сонымен қатар аталған шығармаларда патшалық отарлауға қарсы Батыс Сібір, Алтайдың байырғы тұрғындарының алғашқы қарсылықтары баяндалған. Ал соңғы деректің мазмұнынан да бұл аймақты есімдері көпшілікке белгісіз зерттеушілер туралы нақты мағлұматтар алынып, осы анықтамалар Сібірдің, соның ішінде Алтай өңірінің отарлану кезеңіндегі тарихнамасын жасаудағы тың мағлұматтар болып табылады.

Яғни, талданған шығармалар жоғарыдағы айтылғандармен қатар өздерінің мәліметтерінің келелігімен ерекшеленіп, өлкенің нақты тарихын негіздеуде үлкен орын алады деп есептеуге болады.

---

1. Сибирь, ея современное состояние и ея нужды. - Сборник статей под редакцией И.С. Мельника «Население Сибири: Д. Клеменца». - Спб., 1908. – С.37-78.

2. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири. Издание Департамента торговли и мануфактуры Министерство финансов.-Спб., 1893. – С.309.

3. Организация общественных сил в целях изучение Сибири.- Спб., 1912, С.30.

КРАСОВИЦКАЯ Т. Ю.

Институт российской истории РАН
г. Москва, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДИЗАЙНЕ ФЕВРАЛЯ–ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Империю устраивают навсегда как Мир для каждого. Но в феврале 1917 г. ландшафт был далеко не величествен. Как образно выразился Т. Нейрн, «под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этакой маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности» [1, с. 357]. Задуманный Мир разваливался: кротовьи дорожки обозначили «слабость»

швов в конструкции российской империи. Мир становился многолюднее, но не имел хорошей репутации. Ощутимо ухудшалось отношение людей к государству. На горизонте, грозя политической и экономической катастрофой, возникал «девятый вал».

Падение Российской империи – явление гигантских масштабов. Ясно, это что произошло не только в мире, но и с Миром, с людьми вообще. Такие события трудно понять, как они вообще могли произойти? Традиционные регулятивы культурных ресурсов и их продукты уже не следовали привычным путем [2]. Они становились зигзагообразнее, расходились в разные стороны. Этнические запросы еще являлись символами, ничего не говорящими о том, что будет в конце дороги. Символы, однако, представляли реальные потребности, которые следовало оформить в стратегии, обеспечить структурами, компетентными персонажами, способными конкретизировать эти символы и предложить их решение. Главная программа действий должна была возникнуть из столкновения с действительностью.

Российское государство отличалось от других не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития своих регионов, что наиболее наглядно в отношении окраин. Имперская власть стремилась к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств.

Переходная ситуация отличалась беспрецедентной неоднозначностью, разнонаправленностъю и неустойчивостью протекания процессов и событий.

Крымский татарин Дж. Сейдамет на юридическом факультете Парижского университета брал уроки политических и социальных наук, слушал Ж. Жореса. Получив звание «бакалавра прав Французской Республики», он вернулся в Крым: «...Мы даже не думали в то время о полном развале России. Мы желали нашей Родине благоденствия, а нашему народу развития цивилизации, поэтому, прежде всего, считали своим долгом ускорить революцию в России... Мы думали только о народе Крыма и о спасении его от деспотизма и тирании... Я говорил о реформации власти, об усилении просветительских и идеологических течений, об уничтожении царизма во имя осуществления революции» [3].

Сейдамет отметил: «Основной нашей задачей, – пишет далее Сейдамет, – было обеспечивать свободу нашего национального движения. И мы верили, что революция поможет нам в этом. Возможности, которые представились благодаря ней, мы хотели использовать в соответствии со своими интересами, для создания своей организации ... во имя укрепления наших национальных прав и свобод» [4, с. 166–167].

14 марта в Грозном на чеченском съезде, после доклада о задачах национального движения А.-М.О. (Тапы) Чермоева [5, с. 45–53], наметились две политические группы. Одну группу составляла светская интеллигенция: А-М.О. Чермоев, А.М. Мутушев, Д.Д. Шерипов, Т.Э. Эльдерханов и др., к ним примкнули предприниматели, часть офицерства. Представители этой группы считали, что в Чечне должна быть создана светская система национального самоуправления горской национально-территориальной автономии. Влиятельные шейхи и муллы из второй группы ратовали за установление теократического режима, основанного на шариате. Активные проповедники идеи шариата шейх Гайсумов, Арсанов Дени, Митаев Али, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский «со своими партиями мюридов ездили по Чечне и агитировали за себя без конца» [5, с. 17].

Весьма полезно внимательно рассмотреть публику, собиравшуюся на многочисленных съездах в феврале – октябре 1917 года.

Среди пламенных агитаторов из многих партий в большинстве, интеллигентов (преобладали школьные учителя, студенты), были и рабочие, немало и солдат. И те, и другие, и третьи представляли свое видение будущего. Февраль стал своеобразной точкой отсчета «новой истории». «Начались бесконечные национальные военные съезды, – вспоминал А.И. Деникин, – вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане – требуя провозглашенного «самоопределения», – от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно» [6].

На съездах внимали ораторам люди, не имевшие широкого горизонта для осмысления произошедшего, ни устремленных вдаль мыслей. 1 апреля 1917 г. В.Г. Короленко писал из Полтавы: «Приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом

два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они... При всех несовершенствах и противоречиях – крайние партии все-таки организовали массу, и теперь она – не человеческая пыль, а масса, пронизанная по разным направлениям организацией и сознательными стремлениями» [7, с. 285].

Идущая война уже заставила бывшую «массу» двигаться по большим дорогам, останавливаться на главных перекрестках, почувствовать ветры, дующие в разные стороны, жизнь как взаимообмен разных сил. От сшибок с ними вспыхивало странное пламя. Лица слушателей выдавали их социальное происхождение, в основном, крестьянское. Часто это люди, уже взявшие в руки оружие для защиты семьи, земельного надела, пастбища и пр. Погруженные в свои мысли, их представления о жизни, и об их личной роли в ней весьма сильно расходились со складывавшимся положением вещей. Слушатели стремились отделить, по возможности, фантазии и обещания от фактического положения, понять, что их ожидает в будущем. Разум пребывал в смятении и беспокойстве. Особенно внимательно слушали тех, кого трудно представить в чиновничьем кресле. Неважно, скольких слушателей они привлекут на свою сторону, важно, сколько сомнений они посеют в их душах. Неважно, кто потом соберет урожай этих душ, важно, что он будет обилен. Новое манило высвобождением энергии, которая еще не открыта, но всегда присутствует в обществе, в его старых ценностях [8, с. 43]. «Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного настоящего» – писал в дневнике В.Г. Короленко [9]. Публицисты прибегали к религиозным образам, ассоциируя эту энергию с «духом Божьим, носившимся в феврале над водами, животворя и воскрешая все, что было задушено старым режимом» [10].

Налицо слияние, совмещение, одновременность и взаимосвязь образующихся потоков сомнений и размышлений, несущихся сквозь 1917 год, таких бурных в своих проявлениях, переменчивых и мятущихся, увлекающих за собой. Вот строки о пережитом марийца А.Н. Алаева, будущего сотрудника Наркомнаца. Родился «в бедной инородческой семье. Дома учился и кончил 2-х классное училище, потом ненасытная жажда знаний забросила меня, 14-летнего мальчика в Казань, где кончил образцовое городское училище при Учительском институте. Дальше полуголодное существование и хватание на лету знаний, служба по различным конторам, рабочим, матросом и сотни других профессий до рокового 1914 г. Осенью 14-го забрили в солдаты и вольноопределяющимся направили на Юго-западный фронт. Испытал юношеский националистический угар, молодой задор и “”борьба до победы”. Окопная жизнь и жизнь тыловиков, кутеж офицеров с сестричками, ничем не прикрытый грабеж “”серой скотинки” отрезвили меня» [11].

Война сильно обесценила человеческую жизнь, сделав привычной гибель миллионов людей. За всю историю России впервые по мобилизации через огромную армию прошли до 15 млн человек (из них около 1 млн. только мусульман). 80-90% их них – крестьяне, пришедшие в армию со своими представлениями о «земле и воле». Замыкание на личные интересы обобщил А.И. Солженицын как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей» [12, с. 25]. «Лакейское требование “побарствовать”, — утверждал Д.С. Пасманик, — было характерно для всей нашей революции» [13, с. 49].

Сторонник независимости Белоруссии Я. Лёсик с неприкрытым разочарованием писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка ... а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте. ...По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как тёмный и некультурный народ... Народ – вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет» [14, с. 5–6]. Историк С. М. Дубнов 8 июня на еврейском митинге говорил: «И из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского проис-

хождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют» [15, с. 383]. Свой портрет слушателей на съездах дал Шолом-Алейхем: «Город маленьких людей ... забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит этот город, заворожен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей, стремлением подавить один другого и всеми прочими милыми вещами, которые люди удосужились создать, придумав для них всякие названия, вроде "культура", "прогресс", "цивилизация" и другие красивые слова, перед которыми порядочный человек с величайшим благоговением снимает шапку» [16]. Читатели Шолом-Алейхема оглядывались на штетл как на музейный экспонат. Дети не только штетла, но и кавказского аула, татарской деревни и пр. чтобы вернуть себе достоинство человеческого бытия, усваивали идеи нового мира, присоединяясь к нему или подражая ему. Внедряясь в русскую культуру, овладевая ее языком, литературой, идеологией, системой поведения и наукой или становясь членом русского языкового сообщества или же создавая параллельную культуру на родных языках, в которой присутствовали бы современные нормы, идеи, институты и достижения. Так достигалось присоединение к космополитичной в целом европейской культуре [17, с. 5–6]. Но возникло многоаспектное центробежное движение в разных направлениях и с множеством ответвлений. Кроме массы фронтовиков, среди участников съездов были и те, что заплатили огромную эмоциональную цену, покинув родные места, родительские дома, расставшись с языком детства, верой, манерой говорить ради усвоения новых моделей поведения, нового языка, новых черт, традиций и верований. Через десятки лет, они, постарев в эмиграции, будут замирать, выискивая Шагаловский Витебск на куполе парижской Оперы или Метрополитена, узнавая в нем вызовы, вставшие перед тогдашними его жителями, теперь уже парижанами. Идеологический фон поисков обнаруживается в готовности видеть мир в процессе перемен, овладевшей этническими элитами.

В. Ленин отразил 30 января 1917 г. в письме И. Арманд важное понимание «текущего момента» – историю, услышанную от бежавшего из плена солдата: «Пробыл год в немецком плену... в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагеря по нациям и всеми силами откалывают их от России. Украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2 000 были за «самостийность»... Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам. Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!» [18, с. 377].

Революция для участников съездов была, прежде всего, внутренней, она происходила в умах и сердцах каждого индивида. Она направлена против властных структур и против господствующей семиотики – набора верований, ценностей и поведенческих моделей – ради усвоения идеалов новой страны.

«Почему массы во все лезут и всегда с насилием?», вопрошал позже Х.-Д. Ортега [19]. Но не насилие еще влекло людей на митинги, собрания и съезды. Фронтовики воочию видели хаос, разорение от войны, страдали от него, научились даже его уважать. Но и в тылу столкнулись с социокультурными задачами более высокой сложности: требовалось усвоить новые социальные практики. Кончалось терпение: когда же откроется взгляду новый порядок, и каким он будет?

Происходящие перемены имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, распространяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания старого устройства власти, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской антропологии становился очевидней разрыв границ и параметров традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии. Интенсивность социокультурной динамики (избирательное право, борьба за универсализацию прав граждан, институционализация социальных изменений, рационализация, светская

культура) существенно модифицировали чувство онтологической опасности, новые формы ограничения [20, с. 36].

Настроение основной массы населения – крестьянского еще было пассивно-выжидательным, но с определенной тенденцией к «охранению за народом свобод и завоеваний революции», как оно, конечно, понималось им. Сложна увязка их надежд с воззрениями своих национальных лидеров, с их намерениями. Большая часть этносов не была готова к независимой государственной жизни, но в условиях острой социальной нестабильности этнос выступал в качестве аварийной группы поддержки, ведущей и определяющей направление социальной самоидентификации. Караимский съезд (27 августа – 3 сентября, Феодосия), заявил: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохранившую неразрывную духовную связь со своими Констатантинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами» [21, с. 8]. Председательствующий светский и духовный глава С.М. Шапшал, закрывая съезд, напомнил: «лишь единение рождает силу, а сила побеждает все». В программе партии Мусават 1917 г., назвавшей себя Тюркской демократической партией федералистов, подчеркивалось: «Нация – это существо органическое, а не механическое соединение отдельных личностей. Она живет, мыслит, имеет свои цели и стремления. И поэтому каждая человеческая личность связана с нацией, а не с государством. Нация – это человеческое общество, связанное общностью языка, религии, традиции, литературы, культуры, истории и нравов» [22].

Этнос выступал как группа обеспечения экономических и политических преимуществ, хотя и не был единственной, к которой, осознавая свою принадлежность, человек искал опору. Среди других групп можно назвать немногие: церковные организации, партии, профессиональные объединения, неформальные объединения (общества). Люди, конечно, «погружались» в одну из подобных групп, но с их помощью стремление к психологической стабильности не всегда могло быть реализовано. В таких ситуациях важно чувство принадлежности к целостной структуре, осознание человеком того, что он - ее часть, занимает в ней бесспорное положение.

Идентичность помогала человеку найти свою нишу, избежать одиночества и сомнений. Хотя взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также с чувством свободы и чувством одиночества сложна, но определенный баланс между ними устанавливается в процессе идентификации. Опора оказывалась не слишком устойчивой: состав групп постоянно обновлялся, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могли за какой-то проступок из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, устойчивая во времени, для нее характерна стабильность состава. Человека невозможно «исключить» из этноса [23]. Традиционная коллективистская ментальность большей части российского общества сохранилась. Хотя экономические, социальные и политические противоречия начала XX века уже не могли быть разрешены обществом в рамках этой ментальности, но социальная и политическая альтернатива в ее рамках не успела вызреть. На съездах и собраниях людей проще всего было убедить, подчеркнув национальный элемент, поскольку на национальный призыв большинство реагирует автоматически или почти автоматически.

Этнос оставался для человека надежной группой поддержки. А.А. Гольденвейзер вспоминал атмосферу национального съезда на Украине: «Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М.С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было ему поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал...» [24].

Всплеск эмоций, характерный для первых дней, даже когда он окрашен в национальные цвета, не имел ничего общего со стремлением к сепаратизму. В. Винниченко, называвший киевскую манифестацию «грандиозным взрывом национального чувства», писал: «Ни о каком сепаратизме, самостийности даже речи не могло быть, а когда слышались реденькие голоса, то это были голоса или схоластиков, чистых теоретиков, заядлых “самостийников” или людей слишком уже болезненно проникнутых национальным чувством. На конференции укр. соц.-дем. раб. партии в апреле вопрос о самостийности встретил почти единодушное негативное отношение. За самостийность высказались ... только два-три голоса» [25].

Программные социально-культурные и политические требования национальных движений можно подразделить на крестьянские и интеллигентские. Первые включали использование родного языка в образовании, делопроизводстве, официальном общении, богослужении. Молдавская народная партия требовала предоставить Бессарабии «самую широкую административную, судебную, церковную, школьную и экономическую автономию», создать краевое законодательное собрание «Сфатул цэрий» («Совет страны»), чтобы «в школах всех ступеней языком преподавания был национальный язык», «чтобы администрацию и суд осуществляли сверху донизу служащие – выходцы из народа, на языке народа» [26, с. 214].

В Полтаве В. Короленко 23 марта отмечал в дневнике: «Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. Среди черных сюртуков и кафтанов мелькали «червоны жупаны», в которые нарядились распорядители ... с лицом не то немца, не то англичанина, в бакенбардах. Говорилось много неосновательного, а один слишком уж «щирый» господин договорился до полной гнусности: по его словам, «Украина не одобряла войны, а так как ее не спрашивали (а кого спрашивали?), то она свой протест выражала тем, что будто бы украинцы дезертировали в количестве 80%». Я при этом не был (ушел раньше); если бы был, то непременно горячо протестовал бы против клеветы ... Никакого представления о необходимости «спрашивать у народа» его воли перед началом войны у украинцев, как и у русских, конечно, не было, и украинский дезертир уходил не потому, что у него не спросили, а по разным побуждениям, не исключая малодушия и трусости. И уверение, будто украинский народ дал 80% малодушных и трусов, есть клевета на родной народ «щирых украинцев», психология которых очень похожа на психологию «истинно русских»» [27].

В сентябре 1917 г. Ахмет Цаликов подчеркнул: «Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции» [28]. Он выделил это обстоятельство: «Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие». В Ташкенте, получив текст универсала Рады об автономии Украины, размещенные на стенах объявления к утру вымарали черной краской [29]. В феврале 1918 г. В.В. Розанов писал П.Б. Струве: «Тайная моя мысль, – а в сущности, 20-летняя мысль, – что только инородцы – латыши, литовцы (благороднейшая народность), финны, балты, евреи – умеют в России служить, умеют Россию любить и каким-то образом уважать, умеют привязываться к России...» [30, с. 680].

Конечно, обострены претензии к императорской России, не благоволившей национальному самовыражению составляющих ее народов. Никакой возможности создать собственные национально-территориальные структуры управления для них не существовало. Национальные окраины управлялись из центра. Вспоминались противоречия из-за земельных, водных и прочих ресурсов, территориальные конфликты, исторические счеты и обиды, нанесенные тем или иным народам в ходе политики русификаторства, которая проводилась царским правительством, и друг другу при его попустительстве. Межнациональные отношения оставались сложными, степень их остроты еще замещали «резолюции» трудящихся, осуждения противников как контрреволюционеров, рассказы о стычках, сотрясавших различные уголки страны, этнофобские расправы, подчас и этнические чистки [31, с. 63].

Но демократические лозунги Февральской революции открыли такие возможности легитимации этничности, при которых имперский порядок уже был излишним. Делегаты многочисленных съездов хотели услышать, что у них будет место в новом мире и новом государстве. Этнические элиты сумели придать неожиданный размах национальным съездам, активно включить в них этнические сообщества, обострив тем самым проблемы управления всеми сферами общественной жизни. Национальные движения выступали под лозунгом ценности собственной конфессиональной, культурной и общественно-политической идентичности. Идея культурно-национальной автономии активно обсуждалась съездами представителей многих этносов, напрямую касаясь структур управления ними.

Активность этнических элит на съездах делала очевидным тот факт, что состоявшиеся в 1917 г. многочисленные совещания и съезды начали выдвигать этатистские требования.

Национальные съезды в 1917 г. считали необходимым создание федеративной демократической республики. Предлагался союзный тип федеративной власти, без жесткой вертикали. Составной частью вопроса явилось решение съездов о создании своих территориальных автономий. Выделяя общие черты национальных съездов, необходимо отметить: 1) схожесть механизма их созыва; 2) их явную антисепаратистскую тенденцию и схожесть характера резолюций, с первоочередностью требования реализации права наций на самоопределение; 3) требование создать центральный правительственный орган, ответственный за справедливое решение национального вопроса и реализацию реформы государственного устройства страны; 4) создание или наделение властными полномочиями национальных органов самоуправления, с попыткой определения этнографических границ автономий; 5) апеллирование к Всероссийскому Учредительному собранию и Временному правительству, как высшим политическим инстанциям, в адрес которых обращались резолюции съездов; 6) призыв к межнациональному сотрудничеству, как основы новой федерации – союза равноправных национально-территориальных автономий; 7) и в то же время – отсутствие решений о конкретном политическом статусе и форме автономии, их компетенции, разграничении полномочий между будущим федеральным центром и местными национальными властями. Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы.

Центр тяжести смещался от проблем культурной антропологии, от оценки процессов, связанных с представлениями о трансляции ценностей, к формированию структур, ответственных за их укоренение в культуре этносов. Съезды стали опорой в установлении легитимности национальных структур управления, строительством их после октября 1917 г. займутся большевики.

---

1. См.: Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие / Нации и национализм. Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002.

2. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века — начало (20-е годы) XX в. М.: Новый хронограф, 2011.

3. Зарубин В.Г., Зарубина А.А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/_

4. Seydahmet (Kirimer) Cafer. Bazi hatiralar [Из воспоминаний]. – Istanbul, 1993.

5. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.); Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. – Махачкала, 1994.

6._Деникин_А.И. Очерки русской смуты. Том 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль - сентябрь 1917. Париж, 1921; Глава XXVIII.

7. Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 т. Том 10. Письма 1879–1921. М.: ГИХЛ. 1956.

8. Коукер К. Сумерки Запада. – М., 2000.

9. Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. М.: Советский писатель, 2001.

10. Свободный народ. 1917. 19 августа. № 67. Л. 1.

11. ГА РФ. Ф. Р- 1318. Оп. 21. Д. 374. Л. 285.

12. Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб. М.: – Париж. 1974.

13. Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. – Париж, 1926.

14. Лёсік Я. Аўтаномія Беларусі. – Мн., 1917.

15. Дубнов С.М. Книга жизни. – СПб., 1998.

16. Шолом-Алейхем. В маленьком мире маленьких людей. Пер. М. Шамбадала. – М., 2012.

17. Харшав Б. Язык в революционное время. – М.: Текст, 2008.

18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49.

19. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2003. Гл. VIII.

20. См.: Фомичев П. Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор / Социологические исследования на пороге XXI в. – М.: РАН. ИНИОН. 2000.

21. Известия караимского духовного правления. 1917. № 5–6.

22. http://www.ourbaku.com/index.php5. Перевод с тюркского 1919 года.

23. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности / Этническая психология и общество. – М., 1997.

24. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) / Революция на Украине по мемуарам белых. Сост. С.А. Алексеев, ред. Н.Н. Попов. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1930.

25. Винниченко В. Відродження нації. Історія української революції. Марець 1917 р. – грудень 1919 р. – Київ-Відень, 1920.

26. Цит. по: Стати В. История Молдовы. – Кишинев, 2002.

27. Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. – М.: Советский писатель, 2001.
28. Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября.
29. Исхаков С. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии /Acta Slavica Iaponica, Т. 18. 2001.
30. Розанов В.В. О себе и жизни своей. – М.: Московский рабочий. 1990.
31. Булдаков В.П. Хаос и этнос. – М., Новый хронограф. 2013; Государство и личность в истории России. – Новосибирск. 2004.

КИДИРНИЯЗОВ Д.С., АБАСОВА А. А.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
г. Махачкала, г. Белоярск, Россия

ПЕРВЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ РОСИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА СЕВРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – первой половине XIX в. И НОГАЙЦЫ

Официальные основания для распространения юрисдикции Российской империи на Северный Кавказ появляются в конце XVIII в. после Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) российско-турецких договоров, а реальная российская власть в регион стала приходить только в XIX в.

После окончания русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного трактата начинается постепенное вовлечение Северного Кавказа в сферу административного влияния Российского государства.

Необходимо отметить, что широкая градостроительная деятельность положила начало российской колонизации в регионе. Российское правительство начало с укрепления и расширения старых и возведения новых крепостей Моздокско-Азовской линии (Кизляр, Моздок, Екатериноград, Ставрополь и др.). Указанные военно-административные центры Российского государства на Северном Кавказе затем стали опорными пунктами Кавказской укрепленной линии, в которых размещались административный и судебный аппарат, склады военных и продовольственных запасов. Комендантам городов-крепостей вменялось в обязанность собирать сведения о соседних местных народах.

В XVIII в. российские власти пытались применить в регионе аманатство (аманат – араб. «заложник»). Заложниками в основном становились представители местной знати, и они регулярно обменивались на новых. Так, в Кизляре для заложников был выстроен специальный «двор» [9, с. 157, 268]. Необходимо отметить, что аманаты были призваны служить средством распространения российского влияния в крае. В январе 1786 г. ген.-поручик П.С. Потемкин в рапорте князю Г.А. Потемкину представил «Положение» об аманатах. В нем, в частности, говорилось о материальном обеспечении заложников: «Из давних времен положено с разных народов сопредельных, которые ныне уже подданные суть престолу Е.И.В., брать аманатов... по одному владельческому сыну и двух узденей, а с деревень, которые владельцам не повинуются брать по одному из старшинских детей...» [1, л. 13-14 об.] С этой целью императорскими указами предписывалось аманатов обучать грамоте, «стараться искусным образом отвадить от варварских нравов, вселять модность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими» [9, с. 157, 268].

Необходимо указать, что российские города-крепости для народов Северного Кавказа имели важное значение не только как политические и экономические, но и как культурные центры края. В Кизляре возникли первые русские школы для местных народов на Северном Кавказе. Так, при Кизлярском монастыре и Осетинской комиссии существовала особая школа для аманатов, детей из влиятельных северокавказских семей. В 1763 г. был издан царский указ, предписывающий содержащихся в Кизляре аманатов обучать русской грамоте. В 1775 г. астраханский губернатор П. Кречетов предложил открыть школу, куда дети могли приезжать на учебу со своими воспитателями. По его мнению, со временем, возможно, было бы вообще отказаться от практики аманатства [18, с. 131]. Согласно документальным данным 70-х гг. XVIII в., в числе аманатов здесь были ногаец К. Тоганов, кумык

Д. Хасаев, кабардинец Ш-Г. Куденетов и др., которые «в Кизлярских школах обучались и знали русской грамоте читать и писать» [3, л. 38-40; 9, с. 268].

С конца XVIII в. российские власти приступили к созданию в стране мусульманских религиозных учреждений и форм организаций их служителей. Законодательными актами было начато формирование органов управления мусульманами Российской империи [22, т. 22, с. 1107; т. 23, с. 20-21, 452-454]. Так, именным указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г., данным Сенату по религиозным вопросам, мусульманские народы Российской империи, в том числе Северного Кавказа были переданы Оренбургскому муфтияту [22, т. 22, с. 1107-1108]. Таким образом, был определен юридический статус мусульманства в России, и верующие страны получили религиозную автономию в лице Магометанского Духовного Собрания в Оренбурге [17, с. 77-78].

После же присоединения в 1783 г. Крымского ханства к России власти взяли на себя содержание муфтията в Крыму. В 1794 г. было создано Таврическое магометанское духовное правление [17, с. 78].

Следует отметить, что кавказская администрация в регионе, понимая роль ислама в жизни местного населения, использовала это обстоятельство на общее благо. Так, в Кизляре дети знатных мусульман-горожан обучались в школах-медресе при мечетях. В 20-х гг. XIX в. здесь существовало 5 школ для ногайцев, преподавателями в которых были мусульманские священнослужители [13, с. 105].

Для ускорения процесса подготовки верных правительству кадров из представителей местных народов, российскими властями принимается решение отправлять их на учебу в Московский университет. Учреждались и особые «кавказские» стипендии для содержания учащейся молодежи, в которых видели будущих просветителей и проводников русской культуры среди местного населения [11, с. 239].

Следует отметить, что сложная ситуация на Северном Кавказе мешала Министерству народного просвещения полно заниматься устройством школ для местных народов, и оно, в основном, перекладывало основные заботы и тяготы на плечи кавказской администрации.

Однако необходимо указать, что все эти меры российского правительства были эпизодическими и не могли организовать целенаправленной и последовательной политики в сфере просвещения, хотя в этой области были достигнуты определенные успехи.

В целом российские власти преследовали прагматическую цель приобщения северокавказских народов к порядкам империи.

С начала XIX в., начатое еще в середине XVIII столетия, усилилось православное миссионерство на Северном Кавказе. В Петербурге было открыто Православное миссионерское общество. В 1806 г. в ногайском селе Карас шотландские миссионеры издали на тюркском языке книгу о преимуществе христианской религии над исламской [20, с. 100, 101]. К миссионерству в регионе подключилось также Русское Библейское общество. Его отделение в крае было открыто в Георгиевске в 1818 г. [24, с. 90]. В 1810 г. на ногайском языке шотландские миссионеры в Астрахани издали «Святое Евангелие» арабским шрифтом [20, с. 101].

Как известно, взаимоотношения с кабардинцами начали осложняться с 20 августа 1766 г., когда был издан именной указ, в котором население Кабарды объявлялось «посемейным войском» [22, Собрание 1, т. 22, №15432]. Командующий на Кавказе учредил здесь должность главного пристава «для наблюдения за кабардинскими князьями» [6, с. 82]. Так, например, с 1770 по 1781 гг. главным приставом кабардинцев был внук знатного ногайского мурзы Мусы г.-м. Д.В. Тоганов. С 1784 по 1798 годы он был комендантом г. Моздока и дослужился до звания генерал-майора, получивший воспитание и образование в Санкт-Петербурге и принявший там христианство [2, л. 40].

Следует подчеркнуть, что в 1800 г. северокавказские народы, населявшие Астраханскую губернию, и «залинейные» жители, с 1796 г. находившиеся под управлением командующего Кавказской линией и астраханского военного губернатора К.Р. Кнорринга, были переданы в подчинение назначенного главного пристава коллежского советника К.С. Макарова [6, с. 730]. Так, 24 ноября 1802 г. главный пристав обратился с рапортом в Государственную коллегию иностранных дел о злоупотреблениях караногайского кадия Батыра Байманбетова, где указывалось, что «общество ногайское великое претерпевает» от него «утеснения и обиды» [7, с. 985-986].

В функции главного пристава входило посредничество между местными народами и российскими властями. В его обязанности вменялось регулирование отношений народов региона с кавказской администрацией, разбор спорных дел и т.д. [6, с. 731].

Следует отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. система управления ногайцами менялась несколько раз. Так, в 1793 г. российским правительством территория, населенная ногайцами на Северном Кавказе, была разделена на три приставства. В самом начале XIX в. управление ногайцами было в ведении Кавказского генерал-губернатора. Несколько позже, с 1802 г., этим занималась Государственная коллегия иностранных дел. Необходимо отметить, что в начале XIX в. Петербург впервые попытался установить в регионе гражданское управление. Непосредственное управление ногайцами, согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 г., возлагалось на главного пристава и трех частных приставов [4, л. 65-70]. В мае 1802 г. над кумскими абазинами (тапанта) и ногайцами, проживавшими в районе Пятигорья, был поставлен главный пристав коллежский советник Макаров, непосредственно подчиняющийся Коллегии иностранных дел. На практике власть главного пристава в реальности оказывалась только номинально. Они не пользовались влиянием среди местных владетелей. Кроме того, главные приставы, не имея воинских сил для предотвращения междоусобиц, часто обращались за помощью к военному командованию в регионе. Поэтому в 1804 г. новый пристав снова был подчинен командующему Кавказской кордонной линии [7, с. 986; 15, с. 43].

Следует отметить, что с учреждением российской администрации на Кавказе немало из представителей ногайской знати поступили на службу в военно-колониальные управления. Так, в частности, в 1803 г. главным ногайским приставом был назначен ногайский князь, ген.-м. Султан Менгли-Гирей, которого, по представлению главнокомандующего российскими войсками в Грузии П.Д. Цицианова, император Александр I утвердил в этой должности [7, с. 986, 994].

Следует отметить, что главнокомандующий российской армии на Кавказе П.Д. Цицианов в рапорте императору Александру I от 23 марта 1804 г. предлагал преобразовать должность пристава в Кабарде на должность начальника. Он также просил заменить название «Кабардинский народ» на «Кабардинскую область». На взгляд главнокомандующего наименование «Кабардинский народ» «напоминает им (адыгам-Д.К.), что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи» [7, с. 953]. Кроме того, он предлагал заменить гражданского чиновника военным в качестве представителя российских властей в крае.

В 1822 г. российским правительством территория, населенная ногайцами Северного Кавказа, была разделена на четыре приставства. Во главе приставства стоял частный пристав, назначаемый правительством. Частные приставы подчинялись главному приставу, который находился в г. Ставрополе [7, с. 994; с. 16, с. 92]. В сентябре того же года «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногайцев» [4, л. 8-12]. В ней указывалось, что все живущие «в одной (местности) магометан под общим именем Ногайцев, выходя из ведомства Азиатского Департамента,... должны состоять в ведении Главного Пристава Ногайского, подчиняемого Начальству здешнему» [5, л. 15]. 6 февраля 1827 г. «Наказ» был утвержден как «Устав для управления ногайцев» [7а, с. 933]. Вскоре, согласно «Уставу» все ногайцы региона были причислены ведомству главного пристава [4, л. 7]. Этот «Устав» с небольшими изменениями действовал до 1917 г. Несмотря на назначение на должности главных и частных приставов русских чиновников, сами ногайцы не отстранялись от управления своим народом. «Устав» провозгласил и выборность местной администрации (старшин и его помощников в аулах и начальников кубов [подразделений]) [16, с. 97]. Следует отметить, что российское правительство, вводя начало выборности в местных органах власти, сохраняло за собой право их утверждения, а в необходимых случаях освобождение от должностей.

Следует отметить, что институт приставства получил распространение и просуществовал в регионе несколько десятилетий, став важным инструментом российской политики для осуществления функций надзора и контроля над местными народами. Необходимо указать, что окончательно военно-приставская система управления в регионе сложилась к 1830-1840 гг. [10, с. 323].

В 1828 г. из числа мурз и узденей адыгов, ногайцев, ингушей, осетин и др. народов сформировался Кавказско-горский взвод для несения конвойной службы при Высочайшем дворе [8, с. 185].

Имея огромную территорию на Северном Кавказе в своих руках, российское правительство решило оформить её присоединение к империи юридическим актом – созданием Кавказского наместничества. 5 мая 1785 г. был дан именной указ Сенату об учреждении Кавказского наместничества [26, с. 345].

Однако в связи с выступлением шейха Мансура открытие наместничества затянулось. Ген.-поруч. П.С. Потемкин в донесении от 26 ноября сообщал в Петербург, что раньше января 1786 г. открыть наместничество невозможно [26, с. 346].

18 января 1786 г. в г. Екатеринодаре, в присутствии съехавшихся в большом количестве князей и местных властей, первый кавказский наместник П.С. Потемкин торжественно объявил об открытии Кавказского наместничества [26, с. 346]. Оно включало в себя Астраханскую губернию, которая вошла в него в качестве области, и вновь образованную Кавказскую губернию. Сначала губернским центром стал г. Екатериноград, а с 1790 г. – г. Астрахань. Наместничество было разделено на 6 уездов (Екатеринодарский, Георгиевский, Моздокский, Кизлярский, Ставропольский, Александровский), а бывшие российские крепости превращались в уездные города [19, с. 150].

С учреждением Кавказского наместничества степное Предкавказье было окончательно включено в административную систему Российской империи [25, с. 23].

Наместничество просуществовало более 10 лет. В декабре 1796 г. кавказское наместничество было преобразовано в Астраханскую губернию, в которой вводилось губернское правление. Общее военно-гражданское управление было возложено на астраханского военного губернатора [22, т. 24, №17634]. Из ведомства командующего Кавказской линией и военного губернатора Астрахани К.Ф. Кнорринга выделялось управление кавказским населением Астраханской губернии и так называемыми «залинейными» жителями, оставшимися за пределами укрепленной линии. Они передавались в подчинение к специально назначенному Коллегией иностранных дел в 1800 г. главному приставу. Он был призван осуществлять взаимодействие между военно-гражданскими властями и местными народами. Однако по требованию К.Ф. Кнорринга, считавшего нецелесообразным двойное подчинение кавказских народов, «залинейные» жители были изъяты из владения главного пристава [19, с.с. 152-153].

В ноябре 1802 г. специальный комитет подготовил проект реформ военно-гражданского управления, легший в основу указа Правительствующему Сенату. Согласно реформе, учреждались должности начальника Астраханской и Кавказской губерний, инспектора Кавказской линии и главноуправляющего в Грузии. Из Астраханской губернии выделялась Кавказская с Кизлярским, Моздокским, Ставропольским, Александровским и Георгиевским уездами [7, с. 153]. Общее управление обеими губерниями было подчинено Военному начальнику Кавказского края в Грузии. Кавказскую губернию возглавил губернатор, подчинявшийся главноуправляющему, а в его отсутствие – Правительствующему Сенату. Административным центром был выбран Георгиевск, получивший статус губернского города [14а, с. 21].

Следует отметить, что гражданская власть в обеих губерниях передавалась гражданским губернаторам. Российские власти понимали, что успешное управление местными народами будет возможно при наименьшей степени вмешательства в их внутренние дела. Чтобы свести к минимуму недовольство местных жителей действиями русских властей в регионе и облегчить прямое управление в интересах Российского государства, в качестве основного принципа политики кавказской администрации провозглашался принцип постепенности. Это означало, что в управлении северокавказскими народами необходимо было сохранить привычные для них нормы самоуправления и судопроизводства, оставить за местной элитой все привилегии.

Главноуправляющий князь П.Д. Цицианов, сменивший генерала К.Ф. Кнорринга в 1802 г., получил предписание не вмешиваться в дела местных народов и избегать конфликтных ситуаций. Цицианов предложил свою программу политико-административных реформ в регионе. В 1804 г. он представил на рассмотрение Петербурга проект, основная идея которого сводилась к отказу от форсированных действий и к постепенности при внедрении любых

нововведений. Чтобы успешно управлять кавказскими народами, по мнению П.Д. Цицианова, следовало руководствоваться местными обычаями и традициями.

Как уже отмечено, сложившаяся в Кавказской губернии административная система управления местными народами просуществовала в течение 10 лет почти без радикальных изменений.

Однако со временем российское правительство закрепило преобладание военного управления над гражданским. Кроме того, усилилась тенденция к централизации власти на Кавказе, что отразилось в последующих административно-правовых документах. Необходимо указать, что гражданским властям был придан военно-бюрократический характер, а административный аппарат превращался, по сути, в военно-полицейскую систему.

Следует отметить, что сложившаяся на первом этапе колонизации Кавказа система институтов государственно-административного управления выглядела весьма несовершенной. Формально она повторяла российскую (наместничество, губерния), но уже тогда начинала формироваться система специфических административных и судебных учреждений по управлению кавказскими народами [10, с. 319, 323].

Так, в §11 «Устава» 1827 г. указывалось, что «заседатели или депутаты в окружной суд, равно головы, старшины и казначеи по ведомствам или родам утверждаются главным приставом» [7, с. 933]. Кроме того, «Уставом» определялась компетенция каждого из местных органов.

Указом Правительствующего сената от 17 мая 1835 г. на Северном Кавказе было отменено понятие «ясырь» (холоп). Но само патриархальное рабство существовало до отмены крепостного права, а 28 ноября 1866 г. утверждением царя Александра II «Положения» об освобождении ясырей Ставропольской губернии от зависимости владельцев, [16, с. 142] вообще ушло в прошлое.

В 1816 г. на должность главноуправляющего Грузией вступил А.П. Ермолов. Он получил от Александра I огромные полномочия, позволявшие ему самостоятельно формировать кавказскую политику [16, с. 156]. Своё видение организации управления Кавказом ген. А.П. Ермолов изложил в специальной «Записке» императору. По распоряжению императора он разработал план административного переустройства губернии. Так, предложенный ген. А.П. Ермоловым проект волостного управления в Осетии был также нацелен на создание в регионе административных форм, адекватных общероссийским [21, т. 2, с. 271].

После поездки на Кавказ группы сенаторов и дебатов в Сибирском комитете был опубликован указ Правительствующего Сената от 24 июля 1822 г. об изменении кавказской административной системы [22, Собрание 1, т. 33, №29138]. Кавказская губерния была преобразована в область с центром в г. Ставрополь. Главное же управление областью возлагалось на главнокомандующего войсками на Кавказской линии, в Черноморском крае и в Астрахани. К 1838 г. была учреждена на Кавказе Палата государственных имуществ. В 1841 г. ногайцы региона были переданы под попечительство Министерства государственных имуществ. 2 мая 1847 г. Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. В 1860 г. были созданы Терская, Дагестанская и Кубанская области [16, с. 91].

Российскому правительству было нелегко вырабатывать единые принципы политики в регионе. Однако верховная власть нечасто прибегала к практике дифференцированного подхода. А.П. Ермолов с первого дня осуществлял жесткий курс, прагматизм которого основывался на тактических установках.

Главноуправляющий на Кавказе И.Ф. Паскевич считал целесообразным немедленно перенести российскую административную систему на Кавказ, не оглядываясь на местные реалии, в чем пытался убедить императора Николая II. [27, с. 180].

На каждом этапе политико-административного освоения Северного Кавказа стратегическое направление правительственного курса во многом определяли взгляды конкретных правителей края, которые зачастую придерживались диаметрально разных представлений о способах и формах интеграции региона в имперский организм.

В среде высших чиновников в российском правительстве шёл постоянный спор о выборе действенных политических инструментов для организации успешного управления северокавказскими владениями, сродни борьбе ангицистов и ориенталистов в Великобритании, отстаивающих разные точки зрения на политику в отношении заморских колоний, в частности Индии. Расхожий взгляд на методы разрешения кавказской проблемы выразил

адмирал Серебряков, по мнению которого для покорения Северного Кавказа требовалось сочетание разнородных мер: главными из них он считал силу оружия, водворение русского народонаселения, образование внутреннего порядка, выбор способных и достойных начальников, развитие торговли и промышленности [12, 289].

Таким образом, в последней трети XVIII – первой половине XIX века российское правительство практически не предпринимало каких-либо решительных действий в отношении местных народов. Действия русских властей не выходили за рамки внешнего контроля и поощрения торгово-экономических связей местных народов с переселенцами из Центральной России и Украины. Контроль осуществлялся военными властями, активно внедрявшимися в географическое пространство Северного Кавказа (строительство крепостей, укрепленных линий, создание новых гарнизонов и мест дислоцирования российской армии).

В целом административные реформы российского правительства на Северном Кавказе в рассматриваемое время соответствовали интересам правящих классов Российской империи и способствовали дальнейшему укреплению царизма в регионе.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 194/1. Ч. 2. Д. 366. Л. 13-14 об.

2. Российский государственный архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 23. Д. 13. Ч. 1. Л. 38-40;

3. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. 1781 г. Л. 40.

4. Государственный архив Ставропольского края. (ГАСК). Ф.249. Оп. 3. Д. 167. Л. 7, 8-12, 65-70.

5. ГАСК. Ф.249. Оп. 3. Д. 1508. Л.15.

6. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). - Тифлис, 1866. Т. 1. С. 82, 730, 731.

7. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). – Тифлис, 1868. – Т. 2. С. 933, 953, 984, 985-986, 994

8. Алиева С. Ногайские тюрки. – Баку, 2010. – С. 185.

9. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. – Владикавказ, 2005. – С. 319, 323.

10. Бутков П.Г.Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. - СПб., 1869.-Ч. 1.-С. 157, 268.

11. Гарунова Н.Н. Административная и культурная роль городов-крепостей в политике России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII- первой половине XIX века. – Махачкала, 2008. – С. 239.

12. Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 289.

13. Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V– сер. XIX в. – Ростов-на-Дону, 1984. – С. 105.

14. История Востока. – М., 2004. Т. 4. Кн. 1. – С. 148.

15. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. –Черкесск, 1988. – С. 43;

16. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. – Махачкала, 2006. – С. 91, 92, 97, 142.

17. Кидирниязов Д.С. Политика России в Дагестане и на Северном Кавказе в XVIII – 20-е гг. XIX в. – Махачкала, 2013. – С.77-78.

18. Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). – Пятигорск, 2006. – С. 131.

19. Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). – Владикавказ, 2008. – С. 150, 156.

20. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги. – Черкесск, 2009. – С. 100, 101.

21. Материалы по истории осетинского народа: Сб.документов /Сост. В.С. Гальцев. – Орджоникидзе, 1942. – Т.II. – С . 271.

22. Полный свод законов (ПСЗ). – СПб., 1830. – Собр. 1. – Т . 22, № 15432, с. 1107-1108,

Т. 23. – С. 20-21, 452-454.

Собр. 1. – Т. 33, № 29138;

Собр. 1. – Т. 24, № 17634.

23. Россия и Кавказ: история и современность. – Махачкала, 2010. – С. 669.

24. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 90

25. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. – М., 1960. – С. 23.

26. Чекменев С.А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII века // Ученые записки /Пятигорский пединститут. – Пятигорск, 1956. – Т. 13. (Общественные науки). – С. 345, 346.

27. Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. – Т. 1. – С. 180.

КИДИРНИЯЗОВ Д. С.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
г. Махачкала, Россия

РАССЕЛЕНИЕ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XV–XIX ВВ.

Этническая карта региона в XV–XIX вв., как и в предыдущие эпохи, не оставалась неизменной. В исследуемое время на Северном Кавказе окончательно сложились территориально-языковые общности, основы которых были заложены в предшествующий период.

В новейшей научной разработке проводится мысль, что ногайцы в регионе, в том числе и на Кубани, кочевали, по крайней мере со времен гуннов. Она основывается на том, что в составе гуннов было племя уйсун (усунь), относимое исследователями к догунской эпохе [1, с. 27, 104.]. Так, у современных ногайцев Карачаево-Черкесии уйсуны носят фамилию Исунов. Представители этого племени живут среди всех ногайцев Северного Кавказа. Этноним «сирак» бытует также в составе нынешних ногайцев и своим названием восходит к одноименному племени сарматской эпохи [2, с. 12, 28.]. Кроме того, среди ногайцев Северо-Восточного Кавказа распространен тухум «Къобаншылар», т. е. Кубанские, со своей оригинальной тамгой. Все это подчеркивает глубокие корни ногайцев на Кубани, питавшиеся ранней тюркоязычной средой, включавшей кроме гуннов еще и древних булгар, хазар, печенегов (канглы), гузов и т. д. [3, с. 104, 493].

Так, картина исторической географии ногайцев на Северо-Западном Кавказе воссоздается с конца XIII в., когда огромные пространства Северного Кавказа были вовлечены в орбиту этнополитического влияния Золотой Орды. Известные исследователи В.Б. Виноградов и С.Н. Савенко считают, что в улусе Ногая жили прямые потомки кипчаков конца раннего средневековья и относят к ним ногайцев-борганов, базировавшихся первоначально вокруг Кисловодска и известных на Кавказе с XIII в. [4, с. 53, 8].

Начиная, по крайней мере, с XIV в., ногайцы играют важную роль в истории региона [5, с. 102–109]. В ходе длительных миграций восточно-кипчакские (будущие ногайские) племена во второй половине XIV в. (до образования Ногайской Орды) – заселяют и некоторые местности северокавказского региона (по Тереку, Кубани), о чем сохранились воспоминания в фольклоре вайнахов, башкир и др. [6, с. 19].

С XIV в., ногайцы играют важную роль в истории Северо-Западного Кавказа – до конца XVIII в. – части Крымского ханства. С XV в. ногайцы попадают в номинальную зависимость от Оттоманской Порты и оказываются в сфере ее политики.

Известные сегодня письменные источники дают возможность нам говорить, что некоторые районы, в частности, Бештау (Пятигорье), входили в область кочевания ногайцев уже в XV веке.

В «Песне об Эдиге» говорится о переселении части ногайцев из Крыма «...к подошве Кавказских гор» уже в период Мамая [7, с. 393–394]. Так, рядом с современным с. Плиево Назрановского района Республики Ингушетия стоит мавзолей «Борга-Каш», построенный в 808г. х. (29 июня 1405–17 июля 1406 г.) и где похоронен ногайский владетель Бек-Султан, сын Худайнада [8, с. 6, 8, 11]. Некоторые исследователи размещают ногайцев в XV в. в районе Маджар, а к 1490-м годам и в Дагестане [9, с. 17, 5].

В русском документе 1492 года говорится о том, что часть ногайцев «покочевала к Пятма горам, под Черкасы» [10, с. 167]. В другом источнике сказано, что в 1524 н. «пошел Мамай-мурза от Астрахани кочевать на старое Ногайское кочевище на Терек на реку под Тюмень... к Хвалынскому (Каспийскому – Д.К.) морю» [11, с. 128].

Некоторые осетинские исследователи отмечают, что в Дигорском ущелье жили также ногайцы. Следы пребывания ногайцев на территории современной Северной Осетии-Алании подтверждаются данными топонимики и этнонимики [12, с. 161]. По мнению известного кавказоведа Г.А. Кокиева, ногайцы появились в горах Дигории одновременно с асами-дигорцами после распада Золотой Орды и продвижения кабардинцев к предгорьям Центрального Кавказа (в XIV–XVвв.). Г.А. Кокиев также указывает название населенных

пунктов и мест, где обитали ногайцы. К ним, в частности, относятся Уаллагком и с. Стыр-Дигора [12, с. 161].

И только в XVIII веке, с проведением Кавказской кордонной линии по левому берегу Терека и с основанием Моздока стала осуществляться мечта осетин (переселение на предгорную равнину Северного Кавказа). Переселенцы-осетины обосновались в Моздоке и прилегавшем районе, прибывая сюда в течении XVIII–нач. XIX в. из разных регионов нагорной Осетии целыми семьями и группами родственных семейств. Так сложились моздокские поселения осетин.

На границе между современной Кабардино-Балкарией и Северной Осетией-Аланией был построен уникальный памятник времен Золотой Орды – Татартупский минарет XIV в., некогда находившийся в черте города Татар-тупа. Краниологический материал, полученный при раскопках могильников на городищах Нижний Джулат и Халидия, подтвердил, что «в эпоху позднего средневековья в районах равнинной Кабардино-Балкарии проживали предки ногайцев» [13, с. 30].

Таким образом, в XV– II-ой пол. XVI века ногайцы в Предкавказье кочевали на территории между Доном, Манычем и правобережьем нижней и средней Кубани, а отдельные их кочевья доходили до Терека [14, с. 88–92].

В XVI–XVII вв. часть равнинных территорий Северного Кавказа, некоторые районы Приазовья, Причерноморья, горные части по Кубани, Зеленчукам, Баксану, Тереку становились местами не только кочевания, но и оседания групп ногайского народа. Вплоть до конца XVIII в. письменные источники показывают картину многочисленных передвижений ногайцев, обусловленных не спецификой их кочевого образа жизни, а внешнеполитическими событиями и феодальной борьбой внутри ногайского общества [15, с. 8–17].

Необходимо отметить, что начиная с XVI в., правобережье Кубани (от устий до начала верховий), а также равнинное междуречье Кубани и Лабы были населены родоплеменными подразделениями ногайцев. До самого конца XVIII века они плотно входили в орбиту военно-политических действий и интересов политики Крымского ханства и стоявшей за ним Османской империи.

Согласно преданий ногайцы еще до тимуровского похода проживали в районе Дылыма (современный Казбековский район РД). Из-за постоянных трений с чеченцами за пастбища ногайцы вынуждены были оставить это место [16, с. 45].

В русских источниках 1633 и 1635гг. сообщаются сведения о том, что ногайцы Малого Ногая кочевали «вверх по Кубану реке, под горами между Бесленей и «Абазы», к «бесленеем близко» [17, с. 142].

В статейных списках посольства Елчина и Захарьева в Грузию (1639-1640 гг.) есть известия о том, что какая-то часть ногайцев обитала в соседстве с баксанскими карачаевцами. Русские послы, будучи на Баксане, ходили в гости к ногайскому владетелю Урустембеку [18, с. 305].

С 30–40-х гг. XVII в. ногайцы Приазовья и другие их подразделения стали заселять Закубанье. Так, турецкий автор середины XVII в. Эвлия Челеби отмечал,что в это время ногайцы жили на левобережье Кубани между реками Пшиш и Псекупс, на реке Белой, в устье Лабы (наврузовские ногайцы), в верховьях Чамлыка, по соседству с бесленеевцами (адыгами) [19, с. 48].

В одном из русских документов 1643 г. говорится, что «казыевские (Малые Ногаи – Д.К.) ногайцы и казыевский князь с улусами кочевал по ногайским степям за Кубой (Кубанью) меж гор... и близко горских черкас» [20, с. 741]. Такие же сведения о князе Касае из Малого Ногая, мы находим в отчетах русских послов в Грузию Мышецкого и Ключарева (1640–1643 гг.) [21, с. 43]. В архивных источниках за 1640 г. Малые Ногаи указаны как соседи кабардинских князей Алегуки и Ходождуки [22, с. 186–188]. Алегукина или Казыева Кабарда находилась к северо-востоку от Карачая по рекам Малка и Баксан [23, с. 35]. Некоторые кабардинские кабаки (кабардинские селения) находились и западнее, на левом берегу Верхней Кубани. В числе этих кабаков были также кабаки Алегука и Ходождука [19, с. 63].

Более точно установить местонахождение Малых Ногаев Касаева улуса нам позволяют русские документы 1642 и 1644 гг. В документе 1642 г. читаем: «Покочевали де Алегук и Ходождук мурзы Казыевы со своими людьми со старых своих кочевных мест в сход к

Малому Ногаю за Кубань реку под Абазы» [24, с. 208]. В документе 1644 г. сказано, что кабаки Алегуки, Ходождуки и Малые Ногаи находились на крымской стороне, т. е. на левом берегу, «под Бесленей» [24, с. 250].

Письменные источники говорят и о причинах переселения ногайцев на Верхнюю Кубань. В документах «Донских дел» 40-х гг. XVII в. отмечается, что между приазовскими ногайцами и донскими казаками иногда происходили столкновения, поэтому правитель Крымского ханства рекомендовал селиться за Кубанью и в ее верховьях. Так, в одном документе за 1646 г., приводятся показания бывшего пленного донского казака, бежавшего из Темрюка: «Ногаи де Меньшой и Казыев улус откочевали далече прочь, а которые кочевали под Азовом Большово Ногаю и те де побежали с ними же вверх по Кубе реке под снеговые горы, под Черкасского князя Алегуку (под Эльбрус)... А писал де к ним крымский царь, велел им кочевать вверх по Кубе реке» [20, с. 266–267].

Таким образом, как видно из письменных источников, в XVII в. ногайцы перешли Кубань и поселились в Восточном Причерноморье и в Закубанье, на левобережье нижней и средней Кубани.

Если верить данным Эвлии Челеби, в конце 30-х гг.. XVII в. по рекам Большой Дженджек и Дженджек, на верхней Кубани, а также в верховьях Кумы, в Пятигорье (Бештау) обитали различные ногайские подразделения, в том числе арсланбековские ногайцы. В Пятигорье помимо других пунктов жили в крепости Бургустан [15, с. 57, 259, 262–267, 269].

Кроме того, здесь были ногайские аулы: Беймурза (Биймурза) – рядом с Железноводской станцией [25], Султановский – располагался в прошлом на месте современного г. Минеральные Воды, Каррас (Карас) – на месте современного пос. Иноземцево и др. [26, с. 114–117].

Во второй половине XVII в. проникновение ногайцев в верховья Кубани продолжается. Сюда под натиском калмыцких тайш вынуждены были переселиться джембойлуковцы, едишкульцы, едисанцы и другие подразделения Большого Ногая, кочевавшего в Прикаспии. В 1671 г. на Кубань переселяются едисанцы во главе с мурзой Сююнч Седуловым [27, Л. 10]. В 1696 г. «наиболее влиятельные мурзы» Большого Ногая ушли на Кубань, захватив с собою некоторую часть едисанцев и джембойлуков. При этом они увели с собой из района Терека и «Касай-улу» [27, Л. 15].

В конце XVII в. Предкавказье и Северо-Западном Кавказе кочевали ногайские улусы – буджакский, аккерманский, джембойлукский, едишкульский и едисанский [28, с. 147].

В XVII–XVIII вв. в Засулакской Кумыкии, наряду с другими народами, проживали эндиреевские, аксаевские и костековские ногайцы, а в Тарковском шамхальстве-тарковские ногайцы.

На Северо-Восточном Кавказе, на правой стороне Терека, в первой четверти XVIII в., как и раньше, проживали две группы ногайцев: терская и аксайско-сулакская. Первая располагалась около крепости Терки, причем часть жила оседло недалеко от Терков, а другая – кочевала в тех же местах [29, с. 64]. После срытия Терской крепости в 1724 г. ногайцы были переселены к крепости Святого Креста на реке Сулак [30, с. 77].

В XVII–XVIII вв. в Засулакской Кумыкии, наряду с другими народами, проживали эндиреевские, аксаевские и костековские ногайцы, а в Тарковском шамхальстве-тарковские ногайцы.

В XVI–XVII вв. часть равнинных территорий Северного Кавказа, некоторые районы Приазовья, Причерноморья, горные части по Кубани, Зеленчукам, Баксану, Тереку становились местами не только кочевания, но и оседания групп ногайского народа. Вплоть до конца XVIII в. письменные источники показывают картину многочисленных передвижений ногайцев, обусловленных не спецификой их кочевого образа жизни, а внешнеполитическими событиями и феодальной борьбой внутри ногайского общества [15, с. 8–17].

По данным французского автора XVIII в. К. Пейсонеля на Северо-Западном Кавказе ногайцы, разделенные на 4 большие улуса – орды – Буджакская, Едисанская, Джемболукская, Кубанская кочевали от р. Дуная до Азова и Кубани [31, с. 12].

В 70-е годы XVIII в., по данным И.А. Гильденштедта, ногайские кочевья занимали всю северокавказскую равнину от Азовского до Каспийского морей. Они распадались на три группы: Прикаспийскую, Кубанскую и Большую Ногайскую Орду [32, с. 108–110]. Между устьями рек Зеленчука и Арса располагались касаевские ногайцы [32, с. 109]. Наврузовцы жили в устье Лабы [32, с. 109].

В начале XIX в. кубанские и кумские (бештау) ногайцы проживали от Каменного Моста на Кубани до впадения в нее Лабы, а также в северном междуречье Кубани и Лабы, по берегам Кумы и ее притоков и в окрестностях горы Бештау [28, с. 311].

В 1793 году территория, населенная ногайцами в регионе, была разделена на три приставства: Калаусо-Саблинское и Бештово-Кумское; Калаусо- Джембойлуковское и Ачикулак-Джембойлуковское [33, с. 94–95].

В 1822 ногайцы Ногайской степи региона в административном отношении были распределены на 4 приставства: Калаусо-Саблинское и Бештово-Кумское; Калаусо-Джембойлуковское и Ачикулак-Джембойлуковское, Караногай-Едишкульское [34, с. 21]. Согласно ведомости главного пристава, численность ногайского населения в Кавказкой области по состоянию на 16 октября 1838 г. составляла 64232 человек [35].

Во второй половине XIX века очень большая группа ногайцев переселилась в Турцию и страны Ближнего Востока.

На Северо-Восточном Кавказе в XIX в. проживали ачикулакские, едисанские, джембойлуковские, едишкульские ногайцы – в западной части Ногайской степи Ставропольской губернии [36, с. 8].

Терские, кизлярские ногайцы и караногайцы жили на левом берегу Терека, занимая основную часть современной Ногайской степи [36, с. 8].

В пределах Терско-Сулакского междуречья в XIX в. проживали, как и ранее аксаевские, эндиреевские, костековские, тарковсие ногайцы [36, с. 8].

В ноябре 1802 года образовалась Кавказская губерния в составе пяти уездов. Основная масса ногайцев проживала в Моздокском и Кизлярском уездах. В 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в область с центром в г. Ставрополь. В 1847 году Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. Через 13 лет, в мае 1860 г. образуются две новые области: Кубанская и Терская. Хасавюртовский округ вошел в состав Терской области [37]. В 1888 году караногайцы также вошли в состав Терской области [34, с. 21].

Согласно сведениям А.М. Буцковского за 1812 г. в Засулакской Кумыкии проживало 1100 ногайских семейств [38, с. 245]. По преданиям капчугайцев (Капчугай – кумыкское село, располагавшееся на территории Буйнакского района РД и разрушенное землетрясением 1970 г.) ногайцы издавна жили в их селе [39, с. 72–73]

В «Прошении кумыкских ногайцев» [40] 1860 г. указывается, что их «поселили в северной стороне Дагестанских гор, в 1844 [1440–1441] году на нижней стороне Дороги Хромого Тимура и Шахского Окопа (Шахсенгер» – местность близ с. Башлы-кент Каякентского района РД). В документе также отмечается, что они жили в Капчугае, в Манасе (в Каякентском районе РД.), в Тарки, Бакасе (озеро близ с. Шамхалянгиюрт и Аджидада Кумторкалинского района РД. и др. местах).

В 50-х гг. XIX в. в Ставропольской губернии насчитывалось около 80 тыс. ногайцев (3,7 %), в том числе 14,5 тыс. калаусско-джембойлуковских, 12,2 ачикулак-джембойлуковских и 38,5 тыс. караногайцев вместе с едишкульцами [41, с. 495].

В 80-х гг. XIX века в Хасавюртовском округе из 1300 семей ногайцев, оседло жило до 3585 человек в 4-х аулах: Толма-Куб, Тамаза-Тюбе, Мужукай, Бакыл-Куб [37, с. 65]. По официальным сведениям к 1-му января 1892 г. в Ачикулакском приставстве Ставропольской губернии насчитывалось 17021 ногайцев, из них мужчин – 9273 человек и женщин – 7748 человек [42, с. 51]. В начале XX в. в пределах Кизлярского округа Терской области проживали 36,5 тыс. ногайцев [43, с. 385].

Таким образом, ногайцы являются потомками давних жителей Северного Кавказа.

---

1. Бартольд В.В. Соч. Т.II Ч.I. М., 1963; Виноградов В.Б. Средневековая Кубань: земляки и соседи. – Армавир,1995.

2. Керейтов Р.Х. К истории некоторых ногайских фамилий. – Черкесск, 1994.
3. Виноградов В.Б. Средневековая Кубань: земляки и соседи. – Армавир, 1995; Народы Дагестана. – М., 2002.
4. Виноградов В.Б. Время, годы, люди. – Грозный, 1980; Савенко С.Н. Состояние и перспективы изучения археологических памятников Кавминвод / на материалах эпохи раннего средневековья // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). – Кисловодск, 1994.
5. Трепавлов В.В. Предки ногайцев на Северном Кавказе (миграции мангытов в Дешт-и Кипчаке XIV в.) // Состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. – Махачкала, 1998.
6. Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 2010.
7. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб., 1895.
8. Виноградов В.Б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980.
9. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Дискуссионнные проблемы ранней истории ногайцев // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.: Терекли-Мектеб, 1991; Волкова Н.Г. Маджары // Кавказский этнографический сборник. – М., 1972.
10. Сб. РИО. – СПб., 1884. Т. 41.
11. ПДРВ. Ч. 8.
12. История Северо-Осетинской АССР. – Орджоникидзе, 1987. Т.1.
13. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. – М., 1974.
14. Книга Большому Чертежу. / Изд. Н.Н. Сербиной. – М., Л., 1950.
15. См.: Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999.
16. Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. – Махачкала, 1988.
17. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией / вторая пол. XVI – 30-е гг. XVII в. – М., 1963.
18. Белокуров С.А. Материалы для русской истории. – М., 1888.
19. Челеби Э. Книга путешествия. – М., 1979. Вып. 2.
20. Донские дела. – СПб., 1906. Кн. 2.
21. Полиевктов М.А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640–1643 гг. – Тифлис, 1928.
22. КРО. Т.1.
23. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. – Черкесск, 1957.
24. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (далее – КРО). М., 1957. Т.1.
25. Ставропольские губернские ведомости. – 1859. – № 12.
26. Фоменко В. Археологические памятники Пятигорья и ранняя история ногайцев Предкавказья // Половецкая луна. – Черкесск, 1994. – № 1.
27. АВПРИ. Ф. Ногайские дела. 1743 г. Оп. 127/1. Д. 1. Л. 10.; Л. 15.
28. Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь, 1967. Т.1.
29. Гербер В.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы (далее – ИГЭД). – М., 1958.
30. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. – М., 1979.
31. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891. Вып. II.
32. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770–1773 гг. – СПб., 1809.
33. Щеглов И.Г. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1910. Т.1.
34. Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. – СПб., 1901.
35. ГАСК. Ф.249. Оп.2.Д23. Л.147; Оп.2. Д.2737. Л. 12–14.
36. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX–начале XX в.
37. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. – Тифлис, 1888. Ч.I. С.XXXIV
38. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД.
39. Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. – Махачкала, 1991.
40. Оразаев Г.М.-Р. «Прошение кумыкских ногайцев» 1860 г. как историко-этнографический источник // Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. – Махачкала, 1989.. Следует указать, что в тексте оригинала ногайцы называются «дагестанские ногайцы» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 136–139).
41. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. – М., 1957.
42. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893 г. Ставрополь, 1893.
43. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.

КИПКЕЕВА З. Б.

Московский государственный университет приборостроения и информатики,
филиал в г. Ставрополе
г. Ставрополь, Россия

МИГРАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ НОГАЙЦЕВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII-XIX ВЕКАХ

История формирования нынешних территорий ногайского этноса остаётся одной из актуальных тем в кавказоведении, так как современная этнолокализация в различных административных субъектах Российской Федерации существенно осложняет не только культурное и экономическое развитие народа, но и адекватное, исторически обусловленное осмысление и сохранение этнической самоидентификации.

В отечественной историографии конец Ногайской орды, одного из самых могущественных государственных образований позднего средневековья на территории современной России, приурочивается к началу XVII в., однако ногайцы ещё долго оставались довольно значительным этносом и играли заметную роль в военно-политической жизни России и Крымского ханства. В XVIII в. ногайцы бывшей Большой Ногайской орды, распавшись на Едисанскую, Джембойлукскую, Едишкульскую и Буджакскую орды, кочевали от степей Предкавказья до Дуная, Караногай занимал прикаспийскую равнину в Дагестане, а восточные границы Крымского ханства заселяли потомки бывшей Малой орды (Казыева улуса) под общим названием Кубанские ногайцы, составлявшие основу крымского войска в особом бейлике (наместничестве) от Керченского пролива до Кабарды [1, с. 85].

Караногайцы вступили в российское подданство ещё во время Персидского похода Петра I в 1722 г., а к середине XVIII в. граница между владениями России и Крымского ханства на Северном Кавказе условно пролегла по ногайским кочевьям от устья Дона по р. Калаусу через Маджары на р. Куме (совр. г. Будённовск, Ставропольский край) до крепости Кизляр в устье Терека [2, с. 60]. Эти два обстоятельства, видимо, стали началом окончательного территориального разъединения ногайцев, неуклонно оказывавшихся на пути продвижения границы, менявшейся по результатам русско-турецких войн. Перед ногайцами, как и перед другими пограничными народами, неизменно ставилось условие: принимать российское подданство и перемещаться на российскую сторону границ, так называемых Кавказских линий. При этом прерывалась не только связь между группами ногайцев, но терялись привольные кочевья, составлявшие первую жизненную необходимость для обширного скотоводства. Взамен ногайцам предлагались весьма сомнительные проекты по переселению, ни один из которых не был интегрирующим или хотя бы безопасным для этноса.

Так, во время русско-турецкой войны 1736-1739 гг. солтанаульцы, часть бывшей Малой орды, были переселены с Кубани в Кизляр и приведены к присяге России, однако в 40-е годы около 6 тысяч семей бежали назад, а 30 их аулов осталось в Кабарде. Чтобы предотвратить массовое бегство, 3 тысячи кизлярских солтанаульцев власти переселили к Астрахани, а часть - в Оренбургскую губернию. В русско-турецкую войну 1768-1774 гг. Кабарда вошла в состав России, расширяя её территорию, империя соответственно увеличивала свою, поэтому было поспешно заявлено, что «Бештовые горы состоят во владении кабардинских черкес» [3, с. 291]. В 1769 г. Екатерина II велела расселить здесь различные кубанские народы под видом «данников» кабардинских князей с весьма определённой целью: «...тогда общее кабардинское имя уничтожит особенные оных народов, и они потому учинятся подданными российскими, как и сами кабардинцы» [4, с. 72]. Скрывавшиеся в верховьях Кумы солтанаульцы бежали в горные ущелья Карачая, но за ними были посланы 5 тысяч калмыков и войска с артиллерией. Перейдя через Каменный мост в верховьях

Кубани, они вынудили солтанаульцев покориться и водворили в Пятигорье, «у Бештовых гор», формально причислив к Кабардинскому приставству.

В 1771 г. Екатерина II организовала переселение с северо-западных степей Крымского ханства на правобережье нижней Кубани потомков Большой Ногайской орды, «основную и наиболее воинственную часть татарского войска» [5, с. 135]. 80 тысяч ордынцев расселились до границ Войска Донского по р. Ея и стали союзниками России, обманутые Екатериной II, обещавшей создать для них независимую Ногайскую область. В результате этой коварной политической игры крымский хан, оставшийся в военное время без ногайской конницы, был вынужден согласиться на требование Екатерины II и отказаться от покровительства Османской империи. С Крымским ханством, как с суверенным государством, по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. на Кавказе была учреждена граница от Азова в юго-восточном направлении до Моздока. Прикубанье осталось в составе Крымского ханства, но степи на правобережье, занятые ордынцами, фактически составили «буферную» зону между российскими и крымскими владениями. В 1777 г. началось укрепление Азово-Моздокской границы со строительством крепостей и изъятием кочевий. В 1779-1780 гг. от засухи, голода и чумы погибли тысячи людей, пал скот, так как привольные пастбища по Манычу занимали донские казаки [6, с. 244]. Таким образом, ногайцы снова оказались заложниками границы.

В 1783 г. Крым вошёл в состав России, а северокавказские владения ханства Российская и Османская империи разделили по р. Кубань. Турецкий султан получил Закубанье с обитавшими здесь бывшими подданными Гиреев, в том числе кубанскими ногайцами, а ордынцы оказались в составе России, и правительство решило переселить их в Уральские степи. К этому времени значительная их часть бежала на левобережье Кубани, и чтобы предъявить официальный протест османским властям, президент Военной коллегии Потёмкин приказал срочно привести к присяге всех ногайцев на правобережье. Так началась чудовищная провокация, подробно описанная в литературе. В июне командующий Кубанским корпусом Суворов поспешно привёл ордынцев к присяге на р. Ея, но, узнав, что предстоит переселение за Урал, они бежали за Кубань, нещадно уничтожаемые в пути преследовавшими их войсками. Преследуя ордынцев, как беглых российских подданных, Суворов перешёл со своим корпусом границу и после кровопролитного сражения на Лабе вывел уцелевших на правобережье Кубани, но так как началась массовая колонизация степных просторов русским населением, ордынцев переселили в Крым, откуда большая их часть мигрировала вместе в Османскую империю. Тогда же часть ногайцев была переселена за Урал, а часть оставлена в Кавказской губернии. Так в составе России, кроме караногайцев и солтанаульцев оказались и остатки ордынцев. Разделённые ногайцы уже не представляли единой военной силы, и само название «орда» исчезло с их былым могуществом. Однако это не было концом ногайского этноса, хотя исследователь Бутков поспешил закончить описание истребления ордынцев словами: «Таким образом исчез остаток империи монголов!» [7, с. 193].

В мирное время Россия соблюдала международные соглашения, закреплявшие границы и правовой статус северокавказских народов. После раздела Крымского ханства российско-османская граница пролегла от устья Кубани до впадения в неё Урупа, а дальше шла по «сухой» линии в предгорной полосе через верховья Кумы до Георгиевска [8]. Карачаевцы на Верхней Кубани остались независимыми, так как разделу между империями подлежали только народы, «издревле к Крымской области принадлежавшие» [9, с. 885]. Средоточием военно-политической деятельности российских властей на Северном Кавказе стало Пятигорье. Началось постепенное занятие близлежащих земель впереди границы и водворение на них под охраной войск ногайцев и абазин-алтыкесеков, а самовольное переселение за Кубань рассматривалось как бегство российских подданных. Трансграничные перемещения ногайцев регулировались российско-османскими договорами. Екатерина I писала им: «... ни у России, ни у Порты Оттоманской не можете, конечно, найти ни убежища, ни защиты потому, что обе сии великие империи формальным договором точно и свято одна другой обещали полюбовно между собой согласиться в рассуждении всяких надобностей по делам, до татарских народов касающимся» [10, с. 90].

В критическом положении оказались и кубанские ногайцы, так как их кочевья были разделены между двумя империями, и теперь для сохранения обычных маршрутов они вынуждены были переходить государственную границу. И русские, и турки пытались использовать кочевников в своих военно-политических интересах, привлекая владельческую аристократию. Многие добровольно переходили на российскую службу, так как указом Екатерины II с 1784 года было позволено «князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» [11, с. 51]. В 1787 г. началась очередная русско-турецкая война, и российские войска перешли границу по Кубани. Кубанские ногайцы пытались скрыться в верховьях Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, но войска прошли за ними на территорию Карачая и вывели на равнины, большая часть из них была переведена на российскую сторону и получила кочевья в ставропольских степях от Кумы до Егорлыка. Эта массовая миграция на российскую сторону прошла в два этапа: в 1787 г. и 1790 г. Когда в 1790 г. состоялся поход из Анапы турецкого корпуса под предводительством Батал-паши, на Кубани оказать ему военную помощь было просто некому. Турки были разбиты, и владельцы закубанцев стали искать покровительства России, как более могущественной стороны. Так, в 1790 г. российское подданство принял сын кубанского сераскира Султан Менгли-Гирей, и подвластные ему ногайцы-наврузовцы перешли на правобережье Кубани [12, с. 387].

По Ясскому договору 1791 г. на Северном Кавказе сохранилась граница по Кубани, но её правобережье по нижнему и среднему течению заняли казаки, переселённые Екатериной II с разгромленной Запорожской Сечи, а ногайцев переместили в другие районы Кавказской области. Началось смешивание различных орд и родов в местах компактного расселения, и ногайцы стали называться по уездам: кизлярские, моздокские и бештовские. За кизлярскими ногайцами в Дагестане субэтническое название «караногай» сохранилось до наших дней. Основная масса моздокских ногайцев (джембойлуковцев и едисанцев) в основном составляют нынешнее ногайское население Ставропольского края. Значительные смешивания орд произошли в Пятигорье, «бештовские» ногайцы включали каспулатовцев, кипчаков, едисанцев, едишкульцев, джембойлукцев и наврузовцев, которые поддерживали родственные связи с закубанскими ногайцами. Кабардинское приставство потеряло свою актуальность, и власти больше не пытались смешивать ногайцев, абазин и кабардинцев. В 1800 г. было учреждено несколько приставств «магометанского исповедания народов, кочующих от Кубани до Каспийского моря», пятигорские ногайцы и абазины составили отдельное Бештовское приставство и кочевали вблизи Пятигорья вдоль рек Кумы, Калаусу, Янкулям и до Кубани.

В 1798 г. был устроен Баталпашинский редут на верхней Кубани между устьями её правых притоков Тохтамыш (р. Абазинка) и Батмаклы (р. Овечка), после чего уже отсюда «сухая» граница шла на юго-восток по ногайским кочевьям до крепости Константиногорской в Пятигорье. Положение Бештовских народов ухудшилось в связи с отводом их земель под размещение войск, кроме того, целенаправленная деятельность властей по изъятию кочевий не учитывала последствий резкого перехода к оседлой жизни, и социальные бедствия не заставили себя долго ждать. В 1803 г. во главе народов Пятигорья стал генерал-майор Султан Менгли-Гирей. Александр I велел использовать его на службе, «чтоб привязанность его к России обращалась в добрый пример его соотечественников и утверждала бы их в приверженности к империи» [13, с. 276]. Кавказовед Бентковский писал: «Назначение Султана Менгли-Гирея начальником ногайцев было для них великим и желанным событием, а с нашей стороны большим политическим тактом» [14, с. 45]. Менгли-Гирей пытался обеспечить ногайцев пастбищными землями, и правительство не оставалось безучастным к его настойчивым обращениям. Так, в 1802-1803 гг. положение Бештовских ногайцев усугубилось необычайными морозами, начался массовый падёж скота. Признав, что голод и высокая смертность начались из-за уменьшения кочевий и падежа скота, император подписал манифест о помощи ногайцам и разрешении косить сено на отобранных «для крестьян Александровской округи землях по рр. Сабле и Калаусу» [15]. Ногайцы были расселены так, что «пашни их и др. потребности были с русскими общими» [16]. В 20-х годах XIX в.

на российской стороне, начиная от Георгиевска, тянулись «кочевья разных татар» [17, с. 57]. Это были, в основном, бештовские ногайцы в Пятигорье и по рр. Танлык, Барсуклы, Янкули, Калаус и Карамык. Выше Баталпашинского укрепления переходы через Кубань были неподконтрольны российским властям, и чтобы иметь «буферное» население между границей и Карачаем вдоль «сухой» линии водворили солтанаульских ногайцев или тохтамышевцев, так как за чертой линии они обосновались по речке Тохтамыш.

В 1817 г. главнокомандующий на Кавказе Ермолов начал свою деятельность с наделения землёй казаков. Александр I поддержал его и повелел отмежевать на каждого казака по 30-ти десятин, но при этом стараться не ущемлять «выгод казённых поселян и Азиятских народов, оседлую и кочевую жизнь ведущих» [18, с. 446]. Однако Ермолов изъял у ногайцев обширные степи в приграничной полосе, более того, в 1822 г. правительство, выделив в частную собственность Менгли-Гирею 5 тысяч десятин, поставило народ перед выбором: жить на земле владельца в качестве крепостных или, оставшись на «казённой» земле, стать государственными крестьянами [19]. В 1825-1827 гг. Ермолов поселил от Кубани до Кумы станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Барсуковскую, Бекешевскую и Карантинную с отводом им земель из кочевий тохтамышевцев.

В 1828 г. российские войска завоевали Карачай и присоединили к России, а после поражения в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Османская империя уступила Российской империи пространство между Кубанью и Чёрным морем. Ногайцы постепенно были сконцентрированы в низовьях Малого и Большого Зеленчуков и составили ногайский этнос современной Карачаево-Черкесии. В Ставропольской губернии ногайское население оставалось довольно значительным до массового исхода в Турцию в 1857-1861 гг., в которое они вовлекли и значительную часть кубанских ногайцев. Миграция под предлогом паломничества в Мекку началась из-за сокращения кочевий, принуждения к оседлому образу жизни и проектов (неосуществлённых) по привлечению их к рекрутской повинности. Примечательно, что часть этих ногайцев вернулась из Турции и основала крупное селение Канглы в Пятигорье [20].

Так, в результате военно-переселенческой деятельности российских властей ногайский этнос сохранился в местах компактного расселения на Северном Кавказе, но не был объединён в единое административное устройство и оказался в качестве этнического меньшинства в разных частях бывших обширных кочевий.

---

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. - М.: Наука, 1974. - 274 с.

2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. - Нальчик: Эль-Фа, 2001. - 356 с.

3. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 2. Сборник документов. - М.: Издательство АН СССР, 1957. - 480 с.

4. Бутков П.Г. Указ. соч.

5. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. - М., Наука, 1964. - 232 с.

6. Сенютин М. Военные действия донцов против ногайских татар в 1777-1783 годах// Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1781-1786 гг. Том 3. - Нальчик, Эль-Фа, 2000. - 330 с.

7. Бутков П.Г. Указ. соч.

8. Карта Кавказа с показанием политического состояния до 1801г./Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Том 1. - Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. - 827 с.

9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXII (1784-1788). - СПб, 1 830. - 1168 с.

10. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763-1774. Том 3. - Нальчик: Эль-Фа, 2000. - 330 с.

11. ПСЗ Российской империи с 1649 года. Указ. соч.

12. Фелицын Е. Материалы для истории Северного Кавказа 1787-1792гг.// Кавказский сборник. Том 18. - Тифлис, 1902. - 432 с.

13. Бутков П.Г. Указ. соч.

14. Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. - Ставрополь, 1883. – 134 с.

15. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
16. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 2-5.
17. АКАК. Том 3. - Тифлис, 1869. - 767 с.
18. АКАК. Том 6. Часть 2. - Тифлис, 1875. - 957 с.
19. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93. Л. 12-12 об.
20. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5789. Л. 9 об.

КОНДРАТЮК Г. Н.

Крымский инженерно-педагогический университет
г. Симферополь, Россия.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ И НОГАЙЦЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ 1920-х ГОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Выработка целостной государственной концепции регулирования национальных отношений должна учитывать опыт советской этнополитики в отношении тюркских народов в 1920-х годах. Цель работы состоит в том, чтобы провести сравнительный анализ особенностей национальной политики проводимой в Крыму и на Кавказе в отношении таких тюркских народов как крымские татары и ногайцы в 1920-х годах.

Изучение и анализ практических мероприятий советской этнополитики в отношении тюркских народов было начато ещё в межвоенное двадцатилетие. Авторами публикаций являлись партийные и советские работники, представители интеллигенции. В данных работах содержались как доктринальные установки реализуемой этнополитики, так и осмысление проведённых практических мероприятий в области работы советских органов власти, местных советов, создания национальных ногайских и крымскотатарских районов и сельских советов. В последующем, были опубликованы и острополемические работы, направленные против «национал-уклонистов». Таковы, в частности политические публикации Биляла Чагара, Рамазана Александровича, А. Самединова, изданные в Крыму. Анализ национальной политики происходил как на региональном уровне, у названных авторов, так и представителями центральных органов власти и управления. Так, в публикациях работников Народного комиссариата по делам национальностей, фиксировались доктринальные установки национальной политики в отношении тюркских народов Крыма, Кавказа и Поволжья. Публикации 1920-х годов характеризуются разнообразием мнений и подходов. В 1921 году увидел свет сборник статей, подготовленный Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР. Авторами работ являлись нарком И. Сталин, И. Трайнин, М. Павлович. Анализу был подвергнут самый широкий спектр вопросов. В области аграрных преобразований отмечалось, что «РКП ставит задачей возвращение пахотных участков и вообще всех пригодных земель трудовым туземным массам» [1, с.44]. Земельная реформа была чрезвычайно актуальной для Северного Кавказа. Для крымских татар земельная реформа была насущнейшей, так как половина крестьян была безземельной и арендовала землю на крайне невыгодных для себя условиях. Подобного рода работы были подготовлены и позднее. В сборнике под редакцией Г.И. Бройдо, был сделан акцент на значении национально-освободительного движения в колониях. Большевики ещё жили идеями «экспорта революции» «коммунистические партии обязаны оказывать активную поддержку всем тем национальным движениям и войнам, которые направлены за своё освобождение против империализма» [2, с.31]. Крымская АССР рассматривалась как плацдарм для экспорта революционных идей на Ближний Восток и Турцию. Для крымских татар должна была быть создана образцовая автономия с тем, чтобы продемонстрировать тюркскому миру, что национальные вопросы решаются только в СССР. Акцент работ 1930-х годов иной – это борьба с уклонистами от «ленинской национальной политики». Был рожден лозунг «социалистической по содержанию, но национальной по форме культуры» означавший завершение относительной свободы национального развития [3, с.20]. Вывод носил бес-

компромиссный характер «наши коммунистические организации на окраинах могут стать на ноги только в том случае, если они преодолеют национализм» [4, с.9]. Подавляющее большинство крымских татар, членов местной организации ВКП(б) были отнесены к «правым» или «левым» национал-уклонистам и подверглись разным формам репрессирования. Подобная судьба была и у коммунистов Татарской АССР в Поволжье, членов партийных организаций Северного Кавказа.

Советская этнополитика межвоенного периода получила название коренизации. Её основные принципы были провозглашены на X и XII съездах РКП(б), в частности в апреле 1923 года. Провозглашение коренизации стало своеобразным подведением некоего промежуточного итога в поиске советской модели этнополитики. Её формирование было начато в период гражданской войны. Своё видение фундаментальных принципов этнополитики в отношении тюркских народов, Мирсаид Султан-Галиев и Мулланур Вахитов представили в Декларации прав народов Востока 2 ноября 1917 года и «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года. Авторы этих основополагающих документов, принципиально важным считали формирование государственности для тюркских народов. По их мнению, без государственности невозможно было разрешить ни одной насущной задачи. В марте 1918 года была провозглашена Татаро-Башкирская советская республика. На первом этапе её существования национальное начало доминировало над коммунистическим. Опыт строительства автономии был перенесён затем и в другие регионы тюркских народов, в том числе на Кавказ и в Крым. Крымская ССР создавалась как автономия, структуры которой были призваны решать насущные проблемы крымскотатарского народа.

Один из лозунгов большевиков декларировал стремление уничтожить национальное угнетение. В ответе на вопрос о том, как же регулировать межнациональные отношения мнения в партии разделились. Бесспорным было одно. РКП(б) должна была сохранить монополию на обладание политической властью и происходящие этнические процессы направить в необходимое для себя русло. Осознание данного факта привело таких теоретиков восточного коммунизма, как М. Султан-Галиев, к необходимости формирование тюркских коммунистических структур. Такие специализированные структуры были созданы. В 1921 году в Москве состоялся II Всероссийский съезд Мусульманских Коммунистических организаций. В резолюции по партийно-организационному вопросу отмечалось, что «наша коммунистическая партия централизована в боевой штаб, борющийся за всемирную революцию против тёмных сил» [5, л.11]. Съезд принял решение об организации Центрального бюро Организаций Народов Востока. Центральное Бюро формировалось из 7 человек. Задача Центрального Бюро состояла в том, чтобы направить и координировать всю партийную работу через областные бюро в тюркских республиках. Центральное Бюро формировалось из отдела международной пропаганды, издательского, информационного и организационного. Необходимо отметить, что в работе II съезда принял участие Исмаил Фирдевс, который вынес на рассмотрение съезда проект резолюции по докладу заместителя председателя Центрального бюро Коммунистических Организаций Народов Востока. Резолюция отмечала, что съезд «рельефно и отчётливо выразил взгляд коммунистов-мусульман на постановку национального вопроса среди трудовых татарских масс» [6, л.4].

Формирование национальной политики в отношении тюркских народов Крыма и Северного Кавказа было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Важным объективным фактором являлась численность этноса. Согласно статистическим данным в 1920 году численность ногайцев составляла 20034 человека [7, л.155]. В апреле 1921 года в Крыму была проведена первая предварительная перепись населения. Согласно её данным крымских татар насчитывалось 186715 человек [8, с.10-11]. От общего количества населения Крыма 720373 человека, крымские татары составляли 25,9%[9, с.5]. Численность этноса в национальной структуре региона во многом определяла комплекс мероприятий коренизации, получившей в Крыму название татаризации. В Карачаево-Черкесской автономной области в 1923 году проживало 150 тысяч человек, из них ногайцы составляли 6% [10, л.79-80]. Одним из главных внутренних факторов в работе органов советской власти являлось стремление перехватить инициативу у движения национальной интеллигенции, выросшей

из джадидизма. Представители национальной интеллигенции пользовались огромным авторитетом у тюркского крестьянства. Революция вызвала подъём творческой энергии крымских татар. Созданная в революционные годы крымско-татарская партия «Милли-фирка» в первой половине 1920-х годов продолжала свою деятельность. Её легальной формой стал крымско-татарский кооператив «Шеркет». Подъём общественно-политической активности явился общетюркской тенденцией. На данный факт обратил внимание заместитель народного комиссара по делам национальностей Мирсаид Султан-Галиев. Он побывал в Крыму с инспекционной поездкой в феврале-марте 1921 года и был хорошо знаком с ситуацией в Крыму. В его статье «Татары и Октябрьская революция» отмечено общественно-политическая активность тюркских народов, которая логически должна была быть оформлена новым государственно-административным статусом. М. Султан-Галиев пишет: «Мы видим пробуждение целой закабалённой царизмом и обречённой на полное культурное и экономическое вырождение и вымирание нации. Забивает ключом освободившаяся от оков новая мысль. Начинается лихорадочное искание новых путей развития... Лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея национального возрождения татар» [11, с.2]. Общая задача в реализации комплекса мероприятий национальной политики решалась во всех регионах Советского Союза, в том числе на Кавказе и в Крыму. Второй вектор – социальная и экономическая модернизация, в которую были вовлечены ногайцы и крымские татары. Модернизация на социалистических, большевистских установках, а не в прежней системе координат. Модернизация предполагала проведение аграрной реформы и создание национального пролетариата. Для крымско-татарского народа аграрная реформа, ликвидация бедности, являлись насущной задачей. Без обладания реальными политическими рычагами решить эту задачу было невозможно. Необходимо отметить, что неслучайно М. Султан-Галиев содержание национальной политики трактовал рационально: «Основная политическая установка наша по нацвопросу в СССР заключалась в стремлении завоевать для нацрайонов соответствующий их экономическому значению и политической роли удельный вес в общественно-политической жизни Советского Союза. Организационно мы это мыслим как минимум действительное закрепление за нацрайонами тех конституционных прав, которые были выработаны в процессе развития Октябрьской революции и окончательно зафиксированы, как неприкосновенное право националов, XII партсъездом; как максимум мы это представляли в расширении конституционных прав автономных нацобразований РСФСР...до положения союзных республик. Политически же это мыслилось в усилении активной роли националов в разрешении общесоюзных экономических, политических и социально-культурных вопросов по линии партийной и советской, в усилении их влияния на постановку и разрешение отдельных вопросов социалистического строительства в союзном и республиканском масштабах в соответствии с интересами нацрайонов и националов вообще и в организации подлинного представительства националов в соответствующих центральных органах» [12, с. 565-566]. Почти половина крестьян крымских татар были безземельными, являясь арендаторами-скопщиками. Руководство Народного комиссариата земледелия, наркомы С. Меметов, а затем У. Ибраимов инициировали проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Специфика крымской аграрной реформы, в отличие от преобразований в Средней Азии, в том, что земельная реформа должна была повлиять на формирование этнического баланса региона в будущем. Нахождение экономического баланса в межнациональных отношениях было чрезвычайно актуально и для Кавказа. Межселенное землеустройство предполагало, что часть безземельных южнобережных крестьян будет переселена в Северный Крым и таким образом, предпосылки притока иноэтнического населения из-за пределов Крыма будут блокированы. Таким образом, земельная реформа состояла не столько в изменении права собственности, сколько перспектив развития крымско-татарского народа. Земельная реформа, проводимая в различных регионах Советского Союза, в частности на Кавказе, должна была дать зримые результаты для крестьян и сформировать, таким образом, социальную базу для поддержки власти большевиков. Специфика национальной и аграрной политики проявилась также и в том, что руководство крымской автономии во главе с Председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым, отдали приоритет развитию хозяйств зажиточных крестьян. «Кулацкий» путь развития аграрного сектора Крымской АССР вызвал

особо острую критику общесоюзного партийно-политического руководства. Распределение земельной собственности между различными народами Крыма и Кавказа составило один из ключевых элементов национальной политики в этих регионах. В условиях этнически более гомогенных регионов Средней Азии взаимозависимость «этнос - земельная собственность» был не так выражен. Аграрные преобразования были начаты с момента установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года. Приоритетное оказание помощи крестьянам крымским татарам нашло закрепление в резолюции по докладу «О сельскохозяйственном строительстве в Крыму», принятой II беспартийной татарской областной конференцией. В документе отмечалось, что «самыми разорённым с/х является хозяйство татарского крестьянства, то поэтому оно более всех других народов нуждается в поддержке государства» [13, л.30об.]. Большевиками в начале 1920-х годов решение национального вопроса виделось как решение крестьянской потребности в земле. Конференция приняла решение, что помощь будет оказана при посредстве Сельскохозяйственного банка, в состав правления которого будут направлены три представителя крымских татар, делегированных мероприятием. Коллегия С/х банка должна была приоритетно оказывать помощь крестьянам крымским татарам.

Тезис о решении, прежде всего экономических запросов тюркских народов, как практическая реализация национальной политики, прозвучал в выступлении Мирсаида Султан-Галиева «О задачах Советского строительства среди татаро-башкир». Докладчик отметил, что «состояние экономики татаро-башкир настоятельным образом диктует Советской власти и её хозяйственным органам необходимость выделения работы по восстановлению и возрождению хозяйства татаро-башкир, в смысле ударности, первоочерёдности» [14, л.14]. М. Султан-Галиев сформулировал комплекс причин, которые, по его мнению, привели к экономической катастрофе: «хозяйственно-экономическая жизнь татаро-башкир характеризуется крайней отсталостью и состоянием полной разрухи и разлада...Такое состояние татаро-башкир объясняется следующими причинами: а) культурная, политическая и экономическая порабощённость татаро-башкир до революции. Система эта заключалась в следующем: а) искусственное обезземеливание татаро-башкир, путём насильственного отчуждения земельных угодий б) ограничение татаро-башкир в правах недвижимой собственности на окраинах, в) искусственное экономическое обезсиливание татаро-башкир в районах колонизации, путём материальной и моральной поддержки, конкурирующих с ними в хозяйственном отношении переселенческих и колонизационных элементов» [15, л.11-12].

Национальная политика в тюркских регионах Советского Союза, в Крыму и на Кавказе, реализовывалась не только в аграрном секторе, но и промышленности и кустарных промыслах. Во всех тюркских национальных республиках отсутствовала социальная база большевистской власти в виде пролетариата. Большевистская доктрина была ориентирована на промышленный пролетариат. В результате хозяйственной разрухи 1918-1920 года Крым оказался деиндустриализирован и количество промышленных рабочих в социальной структуре невелико. Формирование слоя промышленных рабочих крымских татар стало более интенсивным с началом индустриализации 1930-х годов. Для всех предприятий определялись квоты, которые должны были пополняться только крымскими татарами. В составе ЦИК Крымской АССР в сентябре 1929 года был создан специализированный структурный орган – Комиссия по татаризации советского, кооперативного аппарата и общественных организаций. Невыполнение квот объявлялось «уклонизмом» и было наказуемо. Коренизация на промышленных предприятиях была тесно связана с «выдвиженчеством». Выдвиженцы из среды батраков и рабочих должны были замещать посты так называемых «ответработников», то есть руководителей предприятий. Этот процесс получил также название «орабочивание аппарата».

Важнейшим направлением в реализации национальной политики стал процесс получивший название «коренизация аппарата». Коренизация в органах власти и управления означала выделение квот для служащих определённой национальности. В Крымской АССР коренизация органов власти и управления получила название татаризации. Квоты были определены и для ногайцев в регионах их компактного проживания. Коренизация предполагала также создание национальных районов и сельских советов в местах компактного проживания ногайцев и крымских татар. Так, к октябрю 1931 года в Дагестанской АССР был

создан один ногайский национальный район [16, л.82-99]. Создание национальных ногайских административных структур было продолжено в 1931-1935 годах. В Дагестанской АССР существовали 2 ногайских национальных района и 24 ногайских национальных сельских совета. В Черкесской АО 6 ногайских национальных сельских советов. В Крымской АССР в рассматриваемый период существовали 8 национальных крымско-татарских районов и работало 172 национальных крымско-татарских сельсовета [17, л.1-10].

Термин татаризация не случаен, так как в 1920-х годах национальная политика была ориентирована, прежде всего, на крымских татар. Помимо квотирования важным политическим аспектом коренизации стало применение крымско-татарского языка в области государственного строительства. Определение крымско-татарского языка государственным, наряду с русским, закреплённое в Конституции Крымской ССР 1921 года, существенно изменило сферу его применения. В резолюции крымско-татарской беспартийной конференции отмечалось: «Принимая во внимание опубликованный декрет КрымЦИК и Совнаркома по вопросу о татаризации советских аппаратов и применения татарского языка в государственном быту, Всекрымская Татарская Беспартийная конференция выносит пожелание о скорейшем и энергичном проведении этого декрета в жизнь, не жалея никаких сил и средств» [18, л.30]. Также резолюция была принята по докладу «Об участии трудящихся татар в советском строительстве», сделанном председателем правительства автономии Османом Дерен-Айерлы. Конференция высказала пожелание о создании постоянно действующего органа по практическому осуществлению мероприятий по «татаризации советских аппаратов и огосударствления татарского языка в Крыму». Важным аспектом статуса языков крымских татар и ногайцев было получение детьми образования на родном языке и ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Всесоюзная перепись населения декабря 1926 года зафиксировала, что на тысячу человек среди ногайцев было 69 человек грамотных. Цифра свидетельствует о важности общественной инициативы в деле распространения просвещения [19, л.2-3]. В 1936 году в РСФСР насчитывалось 12 ногайских школ, в которых обучалось1301 ребёнок [20, л.129-132].

Национальная политика в отношении тюркских народов в начале 1920-х годов включала также построение определённых отношений с национальной интеллигенцией, линии «власть-духовенство». Руководство крымской автономии было вынуждено признать влияние национальной интеллигенции, активно участвовавшей в национальном движении периода гражданской войны. Из части этой интеллигенции вышли советские служащие, сотрудники народных комиссариатов, прежде всего Народного комиссариата просвещения. Национальные школы и техникумы призваны были подготовить новое поколение молодёжи проникнутое духом патриотизма и готовое участвовать в государственном строительстве.

Специфика национальной политики в отношении тюркских народов Крыма и Кавказа заключалась в формах автономных образований. Тюркские народы получали статус для своих административно-территориальных единиц в форме республики, края или области. Границы этих образований и объём полномочий определялись многими факторами. На I Всекрымском съезде советов Крым был объявлен советской социалистической республикой. Одним из главных факторов создания республики являлся внешнеполитический. Надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались. Выступления коммунистов в Баварии, Венгрии в 1918 году завершились поражением. Вектор внешнеполитических надежд был обращён на Восток: Турцию и Иран. Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности тюркских народов находят решение. Советский Союз предлагает свой вариант модернизации для тюркского мира, основанный на принципах коммунистической партии, а не кемалистов. В свою очередь крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на Ближнем Востоке. Показателен характер докладной записки, подготовленной членом крымского обкома РКП(б) Г. Шидаревым 16 июля 1921 года «Методы подхода к устройству Крымской ССР, как факела Российской социалистической революции на Ближнем Востоке». Г. Шидарев пишет: «Крым является всероссийским окном в Турцию, в значительно большей степени, чем кавказские республики, потому что нет народа более тесно связанного с турками, чем крымские татары... Крым должен стать притягательным для мусульман центром, доступным для обозрения всему Востоку и Крым может стать таким только при условии использования предоставленной ему автономии» [21, л.325].

В сентябре 1920 года в Баку состоялся съезд народов Востока. Мероприятие предполагало наметить перспективы для революционного движения на Ближнем Востоке. Крымская автономия должна была стать транзитным пунктом в экспорте коммунистических идей в Турцию. Данная установка активно обсуждалась в среде коммунистов крымских татар. Одним из первых коммунистов С. Меметовым был подготовлен доклад «К вопросу о государственной форме Крыма». Автор указывает на то, что автономия на полуострове создана с учётом международных, революционных и национальных факторов. Удовлетворение потребностей крымских татар занимает одно из центральных мест в работе органов государственной власти. В своей работе С. Меметов писал, что в Крыму необходимо создать «образцовый советский уголок», который бы послужил агитацией для всего Востока и притянул бы ориентацию Востока к себе [22, л.73]. Необходимо отметить, что целый ряд преобразований, проводившихся в контексте национальной политики в отношении тюркских народов, коррелируются с мероприятиями в Турции. Это светский характер государства, отделение школы от церкви, латинизация алфавита, индустриализация и поддержка национального промышленного производства. В конечном итоге национальная политика призвана была реализовать коренные интересы тюркских народов, позволив им занять своё место в динамике событий XX века.

Практические мероприятия национальной политики рождались во внутрипартийных дискуссиях РКП(б). Общесоюзные мероприятия вырабатывались Народным комиссариатом по делам национальностей (Наркомнацем). Региональная специфика обсуждалась в Крымском ОК РКП(б), ЦИК и СНК Крымской АССР. К 1923 году в крымской партийной организации сформировались две группы крымских татар-коммунистов, так называемые «правые» и «левые». Подобное деление существовало в партийных организациях Казани, Уфы и других тюркских республик. В среде «правых» и «левых» активно дискутировалась практика этнополитики Советского Союза. Яркими фигурами внутри крымской партийной борьбы стали Исмаил Фирдевс, Осман Дерен-Айерлы, Решид Ногаев, Вели Ибраимов, Умер Ибраимов, Мурат Мамут-Недим, Усеин Балич, С. Меметов. Участники внутри крымских дискуссий поддерживали связь, в частности, с представителями казанской партийной организации, бывшими лидерами Наркомнаца. Одна из ключевых фигур Наркомнаца, заместитель наркома М. Султан-Галиев. Он стал одной из центральных фигур политической оппозиции тюркских республик в начале 1920-х годов. Несколько месяцев в феврале-марте 1921 году М. Султан-Галиев работал в Крыму, проводил обследование крымской партийной организации. В марте 1921 года в Симферополе прошла партийная конференция. Один из центральных докладов был сделан М. Султан-Галиевым «Очередные задачи партии в национальном вопросе». Центральная идея выступавшего, состояла в том, что решение национальных проблем, не тактический приём, а долгосрочная перспектива.

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что в реализации национальной политики в отношении крымских татар и ногайцев можно выделить как общее, так и особенное. Комплекс мер коренизации в Крыму в отношении крымских татар был несравненно более масштабным и многоплановым, чем в отношении ногайцев Северного Кавказа.

---

1. Национальный вопрос и Советская Россия. – М.: Государственное издательство, 1921. – 91с.
2. Национальный и колониальный вопрос и РКП(б). Материалы и статьи. под ред. Г.И. Бройдо. – М.: «Московский рабочий», 1925. – 411с.
3. Национально-культурное строительство в РСФСР к XV летию Октябрьской революции. Сборник статей. под ред. А.Р. Рахимбаева. – М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, Государственное учебно-педагогическое издательство, 1933. – 191с.
4. Итоги разрешения национального вопроса в СССР. Сб. статей. под ред. С.М. Диманштейна. – М.: Издательство «Власть Советов» при президиуме ВЦИК, 1936. – 223с.
5. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ) Ф.1, оп.20, д.753, л.11.
6. Там же. д.753, л.4.
7. ГА РФ. Ф.1318, оп.1, д.216, л.155.
8. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. – Симферополь, 1922.
9. Статистико-экономический атлас Крыма. – Симферополь, 1922.

10. ГА РФ. Ф. 1318, оп.1, д.452, л.79-80
11. Жизнь национальностей. – 1921. – 5 ноября. - №24(122).
12. Султан-Галиев М. Избранные труды. – Казань: Гасыр, 1998. -719с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп.61, д.112, л.30об.
14. РГАСПИ. Ф.17, оп.61, д.104, л.14.
15. Там же. д.104, л.11-12.
16. ГА РФ. Ф.1235, оп.130, д.3, л.82-89.
17. ГА РФ. Ф.1235, оп.130, д.3, л.1-10.
18. Там же. д.104, л.30.
19. ГА РФ. Ф. 1235, оп.122, д.9, л.2-3.
20. РГАСПИ. Ф.17, оп.114, д.829, л.129-132.
21. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1, оп.1, д.63, л.325.
22. ГАРК. Ф. П.-1, оп. 1, д.102, л.73.

КУРМАНСЕИТОВА А. Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ: ОТ МОГУЩЕСТВЕННОГО БИЯ ЭДИГЕ ДО АБДРАХМАНА УМЕРОВА

Ногайская Орда, образованная после распада Золотой Орды, была исламским государством, и потому здесь продолжили функционирование институты ислама, сформированные в империи чингизидов. Широкая сеть мечетей, соответствующая система образования (кораническая школа, мектеб и медресе) – тому свидетельство. Из среды мусульманского духовенства наиболее образованные привлекались к работе в государственном аппарате Ногайской Орды. О чиновниках восточных государств М. Худяков писал: «Особенной тонкостью отличалась служба чиновников на дипломатическом поприще, требовавшая выдающихся качеств – ума, находчивости, упорства, умения ориентироваться в непривычных условиях, отлично владеть собой, сохранять чувство собственного достоинства и кроме того подразумевавшая превосходную образованность и специальную подготовку» [23, с. 208].

Именно такие критерии предъявлял Управленческий аппарат Ногайской Орды к каждому из своего многочисленного чиновничества, что свидетельствует о наличии достаточного количества образованных и опытных кадров в ногайском государстве [11, 38-46]. Бий, возглавлявший Мангытский юрт, а затем и Ногайскую Орду, избирался предводителями родов и племен. Вторым лицом в государстве ногаев был нурадин, третьим являлся кековат, во второй половине XVI в. учреждена новая должность – тойбуга. Среди чиновников Ногайской Орды наиболее были распространены карачеи.

Карадуван – основной орган управления ногаев, находившийся в столице Ногайской Орды – Сарайшыке (Сарайчик), возглавлял чиновник, носящий титул Кара Дувана, соответствовал визирю (министру, сравни: уазир (вазир) – ног. яз.). Канцелярией и всем придворным хозяйством бия руководил Тока Дуван, финансы были в ведении казначея карадувана. «Дуваны выполняли различные дипломатические и финансовые поручения бия, вели дипломатическую переписку, встречали иностранные посольства, – пишет Б.-А.Б. Кочекаев, – являлись секретарями на советах при бие, возглавляли сбор пошлин от транзитной торговли с иностранцев, собирали налоги с подвластного населения и выполняли судебные функции» [11, с. 41-42]. Наряду с дуванами были чиновники низшего ранга, бакшеи – писари, даруги – сборщики налогов и другие.

Первые дипломатические связи Московское княжество установило с Мангитским Юртом (Ногайской Ордой) и с Крымским ханством. В Российском государственном архиве древних актов самыми ранними письменными памятниками являются грамоты ногайских князей и мурз к российским правителям. На языке оригинала их сохранилось

мало, однако, в подстрочном переводе на русский язык имеется большое количество документов из посольской переписки между Ногайской Ордой и Московским княжеством. (ссылку на Посольские книги) Эти древние письменные памятники на ногайском языке - свидетельство многовековой письменной традиции, сохранившей свою непрерывность вплоть до XXI века.

В российских и зарубежных исторических архивах сохранилось немало ногайских письменных памятников, в числе которых множество образцов фольклорных записей, переписки – дипломатической и частной, грамот, а также жалоб и прошений ногайских крестьян и подневольных. Такой факт - отчасти свидетельство грамотности не только представителей высшего сословия ногайского общества, но и выходцев из низшего сословия. Распространению грамотности, как правило, способствовали представители духовенства, так как при мечетях всегда были мектебе и медресе.

Описывая культурные связи Казанского ханства с Туркестаном, Персией, Портой (Турция) и Аравией, М. Худяков отмечает, что ближе всего по культуре и по природным условиям к Казанскому ханству стояло ногайское государство. Он пишет: «Письменное делопроизводство, огромные переписи всего населения – все это решительно устраняет обычные представления о татарах как полудиких кочевниках. Мы уже видели, какое громадное потребление бумаги было в Ногайском княжестве – оно, разумеется, предполагает развитое делопроизводство и хорошую грамотность» [23, с. 238]. Большое количество письменного наследия ногайцев свидетельствуют о том, что основная заповедь священной книги исламской религии: «Каждый истинный мусульманин должен уметь читать Коран на её материнском языке» ногайцами выполнялся безукоризненно.

Князь Эдиге, введя ислам государственной религией Золотой Орды, в жизни руководствовался Кораном и сунной. Современник Эдиге, арабский историк Ибн-Арабшах пишет: «Был он смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен... высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью и сообразительностью, любитель ученых и достойных людей... постился и по ночам вставал на молитву, держался за полы шариата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним» [20, с. 473-474]. Имеются также сведения, что Эдиге «прочел до последнего слога все четыре книги, ниспосланные с неба» [15, с. 470].

В посольской переписке с московскими государями ногайский князь Юсуф пишет: «Наши книжники так сказывают, что от смерти никому не (отбыти) то по нашему пророку в Коране написано (и) пророку ва Евангелие то написано же» [14, с. 319]. Учитывая, что перевод грамоты князя Юсуфа подстрочный и выполнен весьма сумбурно, тем не менее, в нем наглядно прослеживается знание ногайским князем священных Писаний не только мусульманской, но и христианской религии. Необходимо учитывать, что Коран «приучает к почитанию Торы и Евангелия» и всех пророков, предшествовавших пророку Мухаммаду. Чтение христианской религиозной литературы ногайскими князьями свидетельствует о том, что они были знакомы с мировыми памятниками общечеловеческой культуры.

Коран занимал особо важное место в духовной и политической жизни Ногайской Орды. При заключении договоров с иностранными государствами ногайские послы давали клятву на Коране. В посольской переписке ногайских князей неоднократно встречаются записи, свидетельствующие о шерти (клятве) ногайских послов на Коране. «В начале XVII в., – пишет Е.П. Алексеева, – с ногайцами, прибывшими в Москву, приехали их сеиты, чтобы ногайцы могли дать клятву по их мусульманскому закону» [2, 117]. Вышеприведенные факты свидетельствуют, что правители Ногайской Орды руководствовались заповедями Корана. Очевидно, первой арабоязычной книгой в круге чтения у ногайцев был Коран.

Известно, что в восточных странах были ситуации, когда государством управляли женщины. В.В. Григорьев писал: «Жены и матери властвующих ханов играли всегда значительную роль в правлении, имели огромное влияние на дела государственные, на все милости, исходившие от трона, наконец, на самое избрание государей, ибо видим, что в Великой Орде и Персии они участвовали и по законам Яса должны были участвовать во всех курилтаях или государственных сеймах, собиравшихся как для избрания нового императора или хана, так и в случае других каких-либо важных событий. По кончине же

императоров или ханов участие их вдов в правлении увеличивалось еще более. До собрания сейма и избрания нового государя правительницею государства оставалась всегда одна из жен покойного» [24, с. 181].

Образованными в Ногайской Орде были не только мужчины, но и ногайские женщины (бийке – жена бия или мурзы, тотай – княжна (дочь бия или мурзы, а также девочки из состоятельных семей). Ногайские женщины принимали активное участие в общественно-политической жизни не только Ногайской Орды, но и ряда восточных государств. Ногайские княжны сидели на престолах Сибирского, Астраханского, Касимовского, Крымского ханств и ряда среднеазиатских государств, но чаще всего они восседали на троне Казанского ханства. Их имена известны в истории Ногайской Орды, Казанского ханства, России и ряда стран Ближнего Востока. Историк М. Худяков писал: «Иностранные (русские) летописи сохранили память о Нур-Салтан, двух ханшах Фатимах, о Ковгоршад и Сююн-Бике, являвшейся последним могущественным монархом на казанском престоле: ее низложение было одним из наиболее ярких моментов падения ханства и глубоко врезалось в память народа. Ханше Нур-Салтан посвящена статья Н.М. Бережкова «Нур-Салтан, царица Крымская» [23, с. 179]. Фатих Урманче её жизни и деятельности посвятил исследование «Ханбикэ Нурсолтан» [21, с. 128-136]. Автор отмечает, что её мужья, Халил и Ибрагим, были казанскими ханами, а Менгли-Гирей – крымским ханом. Сыновья – Мухаммед-Эмин и Абдул-Латыф – занимали престол Казанского ханства.

Нур-Салтан, дочь знатного ногайского бека Тимура, была замужем за казанским ханом Халилом, умершим в 1467 г. У них не было детей, престол наследует его младший брат Ибрагим. В Казанском ханстве, как и в ряде восточных государств, сохранялся обычай левират, по которому вдова обязана выйти замуж за брата своего мужа. В соответствии с этим обычаем она выходит замуж за Ибрагим-хана. После смерти Ибрагим-хана Нур-Салтан выходит замуж за крымского хана Менгли-Гирея.

В истории Казанского и Крымского ханств, а также Московского княжества Нур-Салтан известна как видный политический деятель и искусный дипломат. Фатих Урманче пишет: «Нурсолтан являлась средоточием трех государств, судеб трех властителей. С большими усилиями, во имя общего блага, она пыталась сгладить противоречия сторон. Ей понятна главная суть происходившего: чтобы наиболее близкие ей люди – муж Менгли-Гирей и сыновья Мухаммед-Эмин и Абдул-Латыф – жили в добром здравии. Взаимоотношения трех государств должны оставаться дружескими. И, видимо, немалая заслуга в достижении согласия в той сложной ситуации между Крымом, Казанью и Москвой, сохранявшегося долгие годы, принадлежала именно ханбикэ Нурсолтан» [21, с. 133]. Историки свидетельствуют, что её замужество за казанскими ханами и сыновья улучшили взаимоотношения между Ногайской Ордой и Казанским ханством, а замужество Нур-Салтан за Менгли-Гиреем укрепили политические и экономические связи Казанского и Крымского ханств. Благодаря её благотворному влиянию на мужа, хорошие взаимоотношения установились между Менгли-Гиреем и Иваном III.

М. Худяков писал: «До нас дошла (в русских переводах) замечательная переписка Нур-Салтан с сыновьями и с Иваном III, сохранившаяся в Крымских делах Московского архива б. Министерства Иностранных Дел и опубликованная в 41-м Сборнике Русского Исторического Общества. Письма эти представляют большой интерес, так как сквозь официальную форму дипломатической переписки можно различить следы личных переживаний. ... Кроме того, замечателен общий тон глубокого чувства гуманности, которым насквозь проникнуты письма Нур-Салтан. ... [она] пользовалась глубоким уважением в Казани, Крыму и России, а известность ее простиралась на Ногайское княжество, Турцию, Аравию и Египет» [23, 182].

В 1467-1519 гг. Нур-Салтан была непосредственно в центре всех событий, происходивших в Восточной Европе. В то же время она была самым близким человеком для правителей Крыма и Казани, с московскими князьями Иваном III и Василием III у нее были тесные отношения почти в течение полувека [21, с. 135]. Обширная переписка Нур-Салтан с сыновьями Мухаммед-Эмином и Абдул-Латыфом, а также с Иваном III, её активное участие в политической жизни Казанского и Крымского ханств, Московского княжества свидетельствуют о незаурядной личности.

В середине XVI в. в истории Евразии имя Сююнбике, дочери ногайского князя Юсуфа, было весьма популярно. О ней сохранились «многочисленные легенды, живущие

как среди татар, так и среди русских, и специальная книжка Атласова «Сююн-Бике»» [23, с. 179]. В 1534 г. Сююн-Бике вышла замуж за казанского хана Джан-Али. 25 сентября 1535 г. в результате переворота в Казанском ханстве, Джан-Али был убит. На престол был приглашен из Крымского ханства Сафа-Гирей (как это было принято на Востоке при подобных переворотах) женился на вдове своего предшественника [8, с. 452]. Об этом князь Николай Юсупов пишет: «Младшая по летам, но старшая по знаменитости рода из жен Сафа-Гирея, она с титулом царицы сделалась первенствующей и любимою женою нового властителя. Она любила его. Он был отцом её сына» [25, с.55]. В марте 1549 г. хан Сафа-Гирей скоропостижно скончался. В тот же год ханом был провозглашен сын царицы Сююн-Бике, маленький Утямыш. Царица была объявлена регентшей государства [23, с. 112, 115].

В период правления Сююн-Бике Московское княжество в 1549 и 1550 гг. приходило с войском, чтобы завоевать Казанское ханство, но оба раза потерпело поражение. Несмотря на неоднократные уговоры князя Юсуфа не воевать против Казани, Иван Грозный не оставил свое намерение завоевать волжский водный путь и выйти к Каспийскому морю. В конце января 1550 г. русская армия выступила из Нижнего Новгорода и 13 февраля, достигнув Казани, взяла её в осаду. Однако 25 февраля с большими потерями они были вынуждены отступить. Казанцы держали только оборону и при отступлении русских войск они не стали преследовать противника и добивать его.

В 1551 г. русскими построен Свияжский городок, все водные пути, ведущие к Казани оказались в блокаде, сельские населенные пути потеряли связь между собой. Казань оказалась в блокаде, в городе активизировалась прорусская партия, власть перешла к ним в руки. После взятия русскими Казани «современники поняли низложение Сююнбике как падение Казанского ханства» [23, с. 182]. В Москве был заключен договор, по которому казанцы обязались, что «царя и царицу отдадут государю и крымцев и детей их...». Это условие договора было выполнено. 11 августа 1551 г. временное правительство выдало русским царицу Сююн-Бике и хана Утямиш-Гирея.

5 сентября Сююн-Бике с сыном и сопровождавшими их князем Бибарс Растовым и хаджи Али-Миргеном прибыла в Москву. Иван Грозный встретил их торжественно и разместил в одном из кремлевских дворцов. В феврале 1552 г. она была выдана замуж за Шах-Али, они выехали на постоянное место жительства в г. Касимов. Предположительно в 1557 г. Сююн-Бике умерла. При взятии Казани письменные памятники были уничтожены, в то же время была уничтожена деловая и личная переписка последней царицы Казанского ханства – Сююн-Бике.

Следует отметить, что ни в Московском княжестве, ни в Казанском ханстве, ни в Ногайской Орде не было женщин, которые могли бы сравниться с Сююн-Бике красотой, высоким образованием, глубиной ума. Она прекрасно знала не только восточные языки, но владела древнегреческим языком и латынью. Жизни и деятельности известных ногайских женщин в истории Евразии необходимо посвятить специальное исследование.

Ногайская Орда – это империя, оставившая своим потомкам богатую духовную культуру. Золотая сокровищница духовной культуры ногайцев – это богатый фольклор. В ногайских эпических произведениях «Эдиге» («Кубугул»), «Кобланды», «Алпамыш», «Шора батыр», «Эр-Таргын», «Айсылдынъ-улы аьруьв Амет», «Ногайдынъ кырк баьтири» и в других ногайские певцы поют об исторических событиях, происходивших непосредственно в Мангытском юрте, а затем в Ногайской Орде. Ногайские певцы (йырав) посвящали эпические песни ногайским биям, мурзам, отважным богатырям (баьтир, алп) [17, 86].

Эпос «Эдиге» («Кубугул») посвящен основателю Мангытского юрта Эдиге. Востоковед В.В. Бартольд пишет, что историческая песня об «Эдиге» зародилась в Ногайской Орде, позже ногайские батыры разнесли эпос по всему ареалу проживания тюркоязычных народов» [3, с. 89]. «В эпоху правления Эдиге, – пишет П.А. Фалев, – ногайцы достигли вершины своей славы» [22, с. 34]. Когда Золотая Орда распалась на ряд самостоятельных ханств – Казанское, Астраханское и Крымское, ногаи сумели сохранить свою самостоятельность. Зная их воинственность, соседние государства приглашали ногайских богатырей для защиты своих границ. П.А. Фалев утверждает, что именно в этот период ногайцы разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая. Эпосы «Эдиге» («Кубугул»), «Кобланды»,

«Алпамыш», «Шора батыр», «Эр-Таргын», «Айсылдынъ-улу аьруьв Амет», «Ногайдынъ кырк баьтири» и другие являются неотъемлемой частью духовной культуры ногайцев, так как они созданы непосредственно в Ногайской Орде ногайскими певцами (йырав).

Предки ногайцев, древние тюрки, жили в центре Азии. Тогда эту местность называли Туран, позднее она стала известна под названием Туркестан (страна тюрков), сегодня её называют Центральной Азией. На этой территории соприкоснулись великие культуры Востока: византийская, арабская, персидская, индийская и китайская. Тысячу лет назад древние тюрки сумели взять из мировой культуры самое лучшее и в то же время сумели сохранить и развить свои собственные традиции.

Известно, что в Туркестане использовались три языка – тюркский, арабский и персидский. Арабский язык был языком науки и религии, персидский язык был языком поэзии. Тюркский язык являлся языком общения, но постепенно он стал использоваться при написании художественных произведений.

В средневековом Туркестане на протяжении бесчисленных войн в огне пожарищ были сожжены неисчислимое количество рукописей. Дошедшие до нас памятники письменности свидетельствуют о том, что предки ногайцев – древние тюрки – оставили богатую и уникальную письменную литературу. Яркие и талантливые произведения древнетюркских классиков Абу-Насыр аль-Фараби (870-950), Абу-р-Рейхан Бируни (973- ок. 1050), Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Хасан ибн Сина (Авиценна) (ок. 980-1037), Юсуфа Баласугуни (ок. 1021- ?), Фирдоуси Абу ал-Касима (ок. 940-1020 или 1030), Махмуда Кашгари (XI в.), Ахмеда Ясави (ок. 1005-1066), Ахмеда Югнеки (XII в.), Рашид-ад-дина (1247-1318), Абулгази Бахадура вошли в золотой фонд мировой культуры.

Общетюркские памятники письменности имеют непосредственное отношение к этнокультуре ногайцев. Об участии предков ногайцев в создании духовной культуры древних тюрков профессор С.Х. Акбиев писал: «Такие тесные политические и экономические контакты, близость языка, национальной культуры ногайцев и татар стали одним из факторов того, что они совместно принимали участие в создании многих общетюркских памятников литературы, языка и фольклора: «Кудатгу билиг» Юсуфа Баласугунского, «Диван лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, «Кодекс куманикус», «Китаби Деде Коркуд и др.» [1, с. 29]. Фольклорист Ашим Сикалиев сказал: «Имена и художественные творения Коркута, Баласугуни, Найманлы, Ясави и других пользовались среди ногайцев популярностью как литературное наследие предков» [16, 210].

Родословная основателя ногайской государственности – князя Эдиге – восходит к Ходже Ахмеду Ясави (Ахмад ал-Йасави), известному как святой Баба Туклес. В связи с этим распространение его учения среди ногайцев не вызывает сомнения. Суфийское братство Накшбандийа проникло в Поволжье в XVIII в. и бытовала до 20-х годов XX века [9, с. 187]. Однако А.А. Ярлыкапов отмечает, что после потери политической самостоятельности и трагедии мухаджирства, ногайцы утратили собственные суфийские традиции [26, с. 27]. Тем не менее, «ногайская устная и письменная словесность на протяжении веков развивавшаяся в тесной взаимосвязи с литературами мусульманского Востока и являясь таковой сама, не могла не испытывать вместе со всеми влияния суфизма и свойственной ему литературной традиции» [18, с. 55]. В связи с этим мы полагаем широкое распространение суфийской поэзии Ходжа Ахмеда Ясави среди ногайского населения. Он поэт-суфий и проповедник ислама, оказавший огромное влияние на развитие тюркоязычной поэзии. В его сборнике стихов «Диван-и-хикмет» сохранились сведения, что он написал четыре книги. Первая из них посвящена шариату (мусульманскому учению), вторая – истории (тарихи). Третья познанию истины (хакикат), четвертая – суфизму (тарикат). Из указанных трудов сохранился лишь сборник стихов «Диван-и-хикмет»,

Шейх Суфи Аллаяр (Аллайар) – астраханский ногаец. Бытуют воспоминания современников, что он в юном возрасте вместе с родителями уехал из Нижнего Поволжья в Туркестан [13, 6 с]. В ряде источников даты его жизнедеятельности указаны как 1616-1716 гг. Сохранились сведения, что Шейх Аллаяр умер в 1721 или в 1723 году [7, 427].

Шейх Аллаяр написал четыре книги: «Маслэкел моттэкыйн» («Бэхэссэз караш», или «Достоверное убеждение»), «Морадел гафирун» («Цель познавших истину), «Михрабел-мотыйгыйн» («Святилище послушника») и «Сабат-ал-гаджизин» («Твердость слабых») или

«Куьчсизликлернинъ ныклыгы» [19, с. 18]. Из сочинений поэта-суфия наиболее популярным и любимым среди мусульман Средней Азии, Поволжья и Кавказа стала поэма «Сабат-ал-гаджизин». Сочинение «Морад ал-гарифин» Шейха Суфи Аллаяра, написанное на фарси, было посвящено суфизму. Произведения Шейх Суфи Аллаяра «Сабат-ал-гаджизин» и «Морад ал-гарифин» изучали в медресе, они разошлись в мусульманском мире в рукописных списках, а также к ним были написаны многочисленные комментарии.

Богатая ногайская эпическая традиция способствовала зарождению староногайской поэтической школы. Всему тюркскому миру известны произведения староногайских поэтов Сыбра йырав, Шал-Кийиз Тилинши улы (XV в.), Асан Кайгылы (конец XV – начало XVI в.), Досмамбет Азавлы (XVI в.), Казы-Тувган Суьиниш улы (XVII в.), Саркынбай Крымлы (XVIII в.), Элбурган Найман улы (конец XVII – начало XVIII в.), Алхайдар Сыддык-Бай, Фахруддин Абушахманов, Кысрау Тияк, Ораз Айтманбет улы (XIX в.), Абдул-Халык Абдул-Рашит улы, Арслан Шабан улы (XIX в.), Баймырза Манап улы, Аьжи-Молла Ногман улы и другие. Чокан Валиханов писал: «Время управления Джанибека, когда две родные орды ногаев и казаков жили вместе, воспевается в киргизских поэмах как золотой век. К этому времени принадлежит большая часть преданий; нравственные изречения Джиренче-Чечена (мудрого), [Аз-] Джанибека и ногайского философа Асана Горемычного (Асана-Кайгы) употребляются до сих пор» [4, с. 265].

В конце XIX века – начале XX столетия востоковеды отмечают прогрессивное движение в культуре мусульман России, связанное с педагогической и издательской деятельностью Исмаила Гаспринского. С 10 апреля 1883 года он начал издавать в Бахчисарае газету «Терджиман» («Переводчик»). Материал в газете печатался на литературном языке тюрки и частично на русском языке. Газета «Терджиман» освещала идеи модернизации культуры мусульман России в сфере образования, книгопечатания, издания периодической печати и содействовала распространению идей джадидизма в России. Это периодическое издание выписывали и ногайцы, поддерживавшие прогрессивное движение джадидизма, направленное на развитие образования, книжного дела и периодической печати мусульман России. Астраханские ногайцы Абдул-Маджит Абдуллин, Абдрахман Исмаилович Умеров, муэдзин мечети №1 Мухамед-Керим Умеров сотрудничали в газете «Терджиман» [6, л. 9, 11].

Однако славу и известность Исмаилу Гаспринскому принесла не только газета «Терджиман», но и азбука, составленная им по европейскому звуковому методу. Прогрессивная ногайская интеллигенция поддержала движение джадидизма, реформу народного образования. Новометодные школы были почти во всех регионах проживания ногайцев.

Издание газет и журналов, книг стало смыслом жизни ногайцев – джадидистов. Деятельности ногайской интеллигенции в становлении книгопечатания и восточной печати посвящено монографическое исследование и ряд научных публикаций [12].

Абдрахман Исмаилович Умеров (1866-1933) астраханский ногаец, один из ярких представителей прогрессивного просветительского движения российских мусульман. Он известен в среде российских мусульман как редактор, книгоиздатель и автор учебников по арабскому языку для новометодных тюркоязычных школ. А. Умеров пользовался большим авторитетом среди астраханских мусульман, за безупречную репутацию и высокую эрудицию он был избран Председателем Мусульманского Собрания г. Астрахани и Астраханской губернии. За педагогическую деятельность и высокое профессиональное мастерство его удостоили звания мударриса (профессора). Оренбургское Духовное Собрание мусульман присвоило ему почетное звание – ахун.

16-21 августа 1906 г. А. Умеров в Нижнем Новгороде участвовал в работе III Всероссийского съезда Мусульман России, он был также делегатом и всех последующих съездов. В 1917 г. в Астрахани он избран мухтасибом (духовное лицо, пресекающее публичное нарушение мусульманской морали и наставляющее на путь истинный).

Первые книги Абдрахмана вышли в свет в Казани в типографиях «Умид» Б.Л. Домбровского, братьев Каримовых, И.Н. Харитонова и «Миллят». Его учебник по грамматике арабского языка «Мугаллим сарф лисан ал-араб» был опубликован 9 раз, тираж каждого издания книги 6000 экз. и синтаксис арабского языка «Мугаллиму нахви лисан ал араб» напечатан 2 раза, рассказы о пророках «Кыссаи ал-анбийя» вышли в свет 6 раз.

В 1907 г. А. Умеров открыл в Астрахани в собственном доме типографию. В типографии «А. Умеров и К» напечатано более 60 книг, общий тираж – свыше 123500 экз.

Абдурахман Умеров на протяжении всей своей жизни собирал ногайские фольклорные памятники в Нижнем Поволжье и Башкирии. В 1912 г. в Астрахани он издал фольклорный сборник «Ногай жырлары» (Ногайские песни).

В архивах Санкт-Петербурга, Казани и Астрахани сохранились ценные документы, раскрывающие книгоиздательскую и общественную деятельность ученого и издателя А.И. Умерова. В крупнейших библиотеках России хранятся книги и периодические издания, напечатанные А. Умеровым в Казани и Астрахани. В XXI веке творческое наследие А.И. Умерова стало объектом исследования российских востоковедов.

В начале XX века Гасри Наджиб (Наджиб Аллабердиевич Мавлюбердиев (1879-1934)) был одним из активных участников мусульманского просветительского движения [12]. Он родился в ауле Мошаик Астраханской губернии в семье ногайца Аллаберды Мавлюбердиева. В мусульманской общине России он известен под именем Наджиб Гасри (Наджып Гасрый), ногайцы в Нижнем Поволжье называли его Наьжиб Асри. Первоначальное образование Н. Гасри получил в ногайских селениях Нижнего Поволжья, продолжил учебу в Стамбуле. Известен как общественный деятель, редактор, журналист и литературовед.

В начале XX века Наджиб жил в Астрахани и в 1906 г. он вступил в астраханское исламское общество «Шурай-Исламия». В 1917 году Н. Гасри был избран членом Временного центрального бюро мусульман России, организованного по инициативе депутатов Мусульманской фракции 4-й Государственной Думы.

Н. Мавлюбердиев внес значительный вклад в становление и развитие восточной печати России. Он временно занимал должность редактора астраханской мусульманской газеты «Бурган-Таракки» («Сторонник прогресса». 1906-1910). В 1913 г. Наджиб Гасри по приглашению Гаяза Исхаки выехал в Петербург и вместе с ним редактировал газету «Иль» («Страна». (22.10.1913 г. – 27.03.1915 г.)). В 1917 г. в Астрахани Наджиб Гасри редактировал газету «Ирек» – орган Астраханского Национального комитета.

Большой вклад Н. Гасри внес в развитие тюркоязычной литературы, он написал статью «Наша литература нуждается в критике» (Ил. – 1914. – № 22). В публикаци «Страничка из жизни молодежи» Н. Гасри дал объективный анализ художественного творчества молодых писателей и указал на слабые стороны их литературной деятельности. Принципам символизма в тюркоязычной литературе посвящено его исследование «Мазарстанда». Он издал историческую книгу «Сонъгыр хан тоьбесинде» («На кургане последнего хана»). Наджиб Гасри является одним из первых исследователей творчества Гаяза Исхаки. О публикациях Наджиба, посвященных тюркской литературе, М. Гайнуллин писал: «За свою долголетнюю работу преподавателем литературы в оренбургском медресе «Хусаиния» он накопил большой опыт анализа и оценки литературных произведений. Этот опыт выработал у него убеждение в том, что неоднократные переиздания некоторых совершенно слабых в идейном отношении произведений результат отсутствия принципиальной критики» [5, 116-117, 181]. Известный писатель М. Гали в своей биографии с благодарностью пишет, что сумел стать писателем лишь благодаря помощи своего учителя Наджипа Гасрыя. В XXI веке научные труды Н.А. Мавлюбердиева широко используются в российской науке.

Движение джадидизма в этнокультуре ногайцев до сих пор не исследовано. Тем не менее, сохранившиеся разрозненные факты свидетельствуют о том, что последователи Исмаила Гаспринского были во всех регионах проживания ногайцев.

Ногайская интеллигенция приняла активное участие в книгоиздании на ногайском языке. Некоторые авторы и издатели скрыли свои подлинные имена и фамилии под псевдонимами. Али Акбар Нугаев в типографии братьев Каримовых издал книгу Эль-Гаури Али бин-Ахмеда «Кензель-гибад фи шарх ал-Аурад». Это толкование на сочинение ал-Аурад Шагабуддина ас Сагверди на арабском языке. Здесь издана книга Шагверди Шагабуддина «Метна аурад» («Текст сочинения Аурад») на арабском и персидском языках, сочинение опубликовал К.Г.А. Нугаев.

Гимад Ногай-бей (бек) переложил драму Везирова Неджиф-бея «Мусы бет-и-Фахреддинъ» («Несчастие с Фахреддином»), которую в 1907 году издал в типографии «Братьев Каримовых» в Казани.

Ногайбек Гимад выпустил ряд книг для новометодных школ: “Торлок” (Грамматика татарского языка, печатанная с новой транскрипцией. – Казань, 1911), «Башлангыч» («Начало». – Казань, 1911), учебник «Оьрнеклер» (Образцы новой транскрипции. – Казань, 1911). В «Книжной летописи» фамилия Гимада напечатана как «Ногай-бей (бек), Ногай-бекъ и Нугайбеков» [10, №№ 12351-12352]. Имеются сведения, что он известен и как Гимаметдин Нугайбеков и Гибад Нугайбек. Один из указанных нами издателей пишется как Али Акбар Нугаев и К.Г.А. Нугаев. Издатели, так же как Гимад Ногай-бек, скрыли свои подлинные фамилии под псевдонимами, указав лишь свою этническую принадлежность – ногай.

Ногайская интеллигенция внесла значительный вклад в становление восточной печати российских мусульман. Хабибулла Умеров – редактор, журналист и общественный деятель. Он родился в а. Каргалы (Каргалинское) Астраханского уезда. В начале XX века Х. Умеров жил в Астрахани в 5 участке на 1-й Армейской улице в собственном доме. Хабибулла работал преподавателем частного мусульманского училища. Он был членом общества «Шурай-Исламия», часто исполнял обязанности редактора газеты «Бурган-Таракки». Х. Умеров был редактором юмористического журнала «Топъ» («Пушка», 1907, № 1-3). Цензура из-за нарушения Закона о печати неоднократно возбуждала против него уголовные дела, он подвергался штрафам, был арестован и отбывал наказание в тюрьме. В 1917 г. в Астрахани выходил журнал «Азат халык» («Свободный народ») под редакцией Х. Умерова. В 1930-х годах Хабибулла Умеров был репрессирован.

«Бурган-Таракки» (1906-1910) – первая мусульманская газета Астрахани, печатавшаяся на литературном тюрки. Издатель-редактор газеты «Бурган-Таракки» Мустафа Хаджи-Садрутдинович Измайлов из Шемахи (Азербайджан), учредитель астраханского исламского общества «Шурай-Исламия». «Бурган-Таракки» редактировали ногайцы Хабибулла Умеров, Курбан-Али Эрембетов и Наджиб Гасри (Мавлюбердиев).

Газета «Идел» («Эдил» – «Волга». 1907-1914 гг.) – орган печати астраханского исламского общества «Джамияти исламия». «Эдил» входила в число наиболее популярных изданий восточной печати России. Издателем и редактором газеты был А. Умеров. С 1907-1914 гг. газета печаталась в собственной типографии А. Умерова. В рекламе Абдрахман писал, что газета «Эдил» – это газета литературная, экономическая ... сторонник прогресса в просвещении и культуре, издается на тюрки. Цензура определила направление газеты как «умеренно-либеральное» и «строго прогрессивное, националистическое». В газете особое внимание уделялось развитию школьного образования среди мусульман Нижнего Поволжья и поощрялось обучение в светских учебных заведениях.

В марте 1907 г. начала выходить на литературном тюрки газета «Ислахъ» («Мир»). Она печаталась в типографии П.Г. Никифорова в Астрахани на 5-м участке по Персидской улице в собственном доме. Издатель астраханский ногаец ахун Ады Ходжаев, ответственный редактор крестьянин Саратовской губернии Абубекир Дашкин редактировал мартовские номера газеты, с апреля 1907 г. редактором был мещанин Абдула Алиевич Ильязов.

Журнал «Магариф» (1909-1910) печатался в Астрахани в типографии «Торгового Дома А. Умеров и К». Слово «магариф» в переводе с арабского языка означает «знание, просвещение», но издатель А. Алиев в заявлении дал перевод на русский язык: «Культура». 2 декабря 1908 г. указной мулла Абдрахман Алиев и крестьянин Мухаммед-Садык Рахимкулов получили свидетельство №9068 на право издания журнала «Магариф». Первый из них был издателем, а второй редактором. С 14 июля 1909 г. редактором и издателем был Абдрахман Алиев.

В новейшей истории журнал «Топъ» («Пушка». 1907. № 1-3) стал значимым объектом исследователей восточной периодической печати. «Топъ» – это литературно-экономический, политико-юмористический журнал, периодичность – 2 раза в месяц. Журнал признан одним из социально значимых восточных изданий России. Астраханские ногайцы Курбан-Али Эрембетов – издатель, член астраханского исламского общества «Шурай-Ислам» и Хабибулла Умеров – редактор в 1907 г. выпустили лишь три номера журнала «Топъ». Впоследствии за антиправительственное направление журнала «Топъ» издатель и редактор были арестованы, а издание запрещено навсегда.

Значительный вклад в развитие восточной печати российских мусульман и в становление книгопечатания на арабской графике внесли ногайцы: Абдрахман Умеров, Хабибула Умеров, Наджиб Гарси (Мавлюбердиев), Курбан-Али Эрембетов, Ады Ходжаев, Закир Ходжаев, Абдрахман Алиев, туркмен А. Ниязи, татарин Сагид Рамеев, русский П.Г. Никифоров и многие другие.

Духовная культура отражает историю народа. Без понимания, знания, учета этнографических, экономических, культурных, политических обстоятельств мы никогда не поймем тех внутренних механизмов (процессов), которые характеризуют развитие национальной духовной культуры. В настоящее время у ногайцев отсутствует комплексное исследование истории духовной культуры. До сих пор не изучена роль интеллигенции в истории становления ногайской государственности. Староногайская поэзия, не стала объектом специального исследования, не изданы на родном языке посольская переписка ногайских правителей с российскими государями, а также прошения и жалобы ногайских крестьян и рабов. Не опубликованы многочисленные рукописи фольклорных памятников и арабописьменные тептеры (тетради), которые пока еще хранятся в семейных архивах ногайцев во всех регионах их проживания. Сбор и изучение ногайских рукописных арабописьменных памятников, восстановление канонических текстов ногайских эпических произведений и других жанров фольклора, безусловно, обогатит современное ногайское источниковедение.

---

1. Акбиев С. М. Связь времен и дружба литератур. – Махачкала, 1985. – С. 29.
2. Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI – XVII вв. – Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1957. – С. 117.
3. Бартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Баку, 1925. – С. 89.
4. Валиханов Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, 1986. – С. 265.
5. Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. – Казань, 1966. – С. 116-117, с. 181.
6. Государственный архив Астраханской области. Ф. 1, оп. 1а, 1900 г., св. 160, д. 3454, л. 9, 11.
7. Дмитриева Л. В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга //Рукописная книга в культуре народов Востока. – М., 1987. – С. 427.
8. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – С. 452.
9. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 187.
10. Книжная летопись. – 1911. – №№ 12351-12352.
11. Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV – XVIII вв. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1988. – С. 38-46, с. 41-41.
12. Об участии ногайской интеллигенции в движении джадидизма, направленного на становление книгопечатания и периодической печати см.: Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века). – Черкесск: КЧИГИ, 2009. – 215 с.; Курмансеитова А.Х. Вклад ногайской интеллигенции в развитие восточной печати Астрахани //Ислам на Юге России. – Астрахань, 2007. – С. 194-207; Курмансеитова А.Х. Просветительская деятельность Наджиба Гасри //Basileus. – М., 2007. – С. 202-207; Курмансеитова А. Х. Издательская деятельность астраханских исламских обществ //Восточный архив. – 2008. – №17. – С. 36-45.
13. Миннегулов Х. Рухи пакьлеккэ ондэнгэн китап //Мирас. – 1998. – №10. – С. 6.
14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489 – 1549 гг. – Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1985. – С. 319.
15. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С. 470.
16. Сикалиев А. И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы //Советская тюркология. – 1970. – №4. – С. 210.
17. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск: КЧИГИ, 1994. – С. 86.
18. Суюнова Н. Х. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М. : ИМЛИ РАН, 2006. – С 55.
19. Таджеддин Ялчыгул. Рисалеи Газизе //Мирас. – 1998. – №10. – С. 18.
20. Тизенгаузен В.Г. Сборник, относящийся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. – Т. 1. Извлечение из сочинений арабских. – С. 473-474.
21. Урманче Ф. Ханбикэ Нурсолтан //Половецкая луна. – 1993. – №1-2 (5-6). – С. 128-136.
22. Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литературных наречий: Лекции, читанные в 1921 г. в Туркестан. вост. ин-те. – Ташкент: Госиздат, 1922. – С. 34.
23. Худяков М. Очерки истории Казанского ханства. – Казань, 1990. – С. 208.
24. Цитирую по книге: Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990. – С. 181.
25. Юсупов Н. О роде князей Юсуповых //Половецкая луна.– 1992. – №2/4/. – С. 55.
26. Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. – М.: ИЭА РАН, 2008. – С. 27.

ЛИДЖИЕВА И. В.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
г. Элиста, Россия

КОЧЕВЫЕ ИНОРОДЦЫ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В XIX ВЕКЕ

Степные районы Ставропольской губернии в силу своих природно-климатических особенностей в первой половине XIX века представляли полиэтничное общество, отмеченное И. В. Бентковским в работе «Наши кочевники и их экономическое состояние» —«В Ставропольской губернии насчитывается до 90 000 разных кочующих народов: калмык, трухмен, киргизов, едисанцев, едишкульцев, джембулукцев и каранагайцев» [8, с. 1].

Уже с конца XVIII века Российской империей активно осуществлялась колонизация Северного Кавказа, которая повлекла изменения в его административно-территориальном устройстве и управлении. В 1785 г. Указом императрицы Елизаветы было учреждено Кавказское наместничество, куда на правах областей вошли Астраханская и Кавказская губернии. В Астраханскую область вошли Астраханский, Енотаевский, Красноярский и Черноярский уезды, в Кавказскую – Екатериноградский, Георгиевский, Кизлярский, Моздокский и Ставропольский. Но уже в 1796 г. правительство упразднило институт наместничества, в связи, с чем Кавказское наместничество прекратило свое существование, а составлявшие его Астраханская и Кавказская области обрели самостоятельность. Географическое положение Степного Предкавказья привлекало народы, ведущих кочевой образ жизни. Устойчивый массив кочевого населения на территории будущей Ставропольской губернии обосновался здесь гораздо раньше, чем представители славянских народов. Именно степняки являются старожильческим населением этого региона. Данное локальное сообщество народов составили представители трех этносов: ногайцы, туркмены и калмыки, которые, покинув основные места кочевания, прошли большой исторический путь развития, итогом которого было появление в Ставропольской губернии обособленного сообщества кочевых народов.

В первой половине XIX века российским правительством был принят ряд законодательных актов, вводивших территорию заселения калмыков, туркмен и ногайцев в общероссийскую систему управления. В пестром этническом сообществе северокавказского региона особое место занимали кочевые народы, представители которых с 1822 г. в российских законодательных актах стали называться «внутренними инородцами». Так, специальным документом, определявшим правовой статус кочевых народов, стал «Устав об управлении инородцами», утвержденный 22 июля 1822 г. [2]. Инородческое население империи делилось на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. В основу деления согласно параграфу 1 главы 1 Устава был положен принцип хозяйствования и «степень гражданского образования», последнее рассматривалось как уровень общественного развития народа. По мнению А. Д. Градовского, «эти три разряда соответствовали вместе с тем степени подчинения означенных инородцев условиям русского управления и гражданским законам России» [10, с. 414].

В дальнейшем более подробно статус кочевников, населяющих Кавказскую область, был определен «Учреждением для управления Кавказской областью» 1827 г. [3]. Этот документ, помимо особой главы VI, намечавшей общие контуры организации управления инородцами, содержал «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» [4], который являлся составной частью Учреждения. Согласно Уставу, внутренние инородцы были разделены на оседлых и кочевых. К первым были отнесены армяне, грузины и евреи, ко вторым – ногайцы, калмыки и туркмены, которые управлялись «особенным начальством на основании их степных обычаев и обрядов».

В 1892 г. было издано «Положение об инородцах» [7], в котором, как и в Уставе говорилось о разделении инородцев на разряды, но не указывалось, какие народы относились к тому или иному разряду, как это было в Уставе. В Положении отмечалось, что кочевыми считаются те, кто «имел постоянную оседлость, но по времени года переменяемую, и не живших деревнями».

Статус инородцев также рассматривался в разделе 5 «Закона о состояниях» [6], куда вошли нормы, регулирующие положение коренных народов отдельных частей империи – Сибири, Севера, Астраханской и Ставропольской губерний (ст. 1208 – 1811). Указанный документ также как и Устав, и Положение разделял инородцев на оседлых, кочевых и бродячих. В ст. 714 Законов о состояниях 1832 г. впервые получил законодательное закрепление перечень народов причислявшихся к инородцам. В особую группу были выделены сибирские инородцы (ст. 1209 – 1258), сибирские киргизы (ст. 1259 – 1286), самоеды Архангельской губернии (ст. 1316 – 1325), ногайцы (ст. 1316 – 1325), калмыки (ст. 1326 – 1364) и евреи (ст. 1365 – 1511).

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что законодательный термин «инородцы» относился к категории подданных империи, квалифицирующей характеристикой которых была не национальная принадлежность, а юридический статус в административно-правовой системе государства. Словарь Брокгауза и Ефрона трактует данный термин как «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение» [15, с. 224]

В разделах «Устава об управлении инородцами», как одного из основных документов, регулирующего государственную политику в отношении кочевых народов, посвященных организации самоуправления кочевых и бродячих инородцев отмечено, что они управлялись «по их собственным законам и обычаям».

Согласно «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» для управления всеми кочевым народами на территории Ставропольской губернии учреждалась должность Главного пристава, который являлся членом Областного управления и подчинялся ему. Кандидатура Главного пристава утверждалась министром внутренних дел по представлению областного начальника и согласию главноуправляющего на Кавказе. Особенной обязанностью главного пристава был сбор сведений о законах и обычаях степных народов, их упорядочивание, обнародование и охрана. Поэтому поводу в законе содержится инструкция о принципе классификации норм обычного права кочующих народов с выделение трех основных категорий: права лиц (социальное деление, семейные и религиозные нормы), общие законы и обычаи (традиционная система управления, форма судопроизводства и т.п.), частные законы (виды преступлений, обычные нормы наследственного права и т.п.) В помощь Главному приставу с функцией охраны общественного порядка были определены четыре Частных пристава, утверждаемые главноуправляющим по представлению областного начальника. Статус частных приставов Уставом приравнивался к земскому управлению.

Организация по решению вопросов местного значения осуществлялось выборными лицами из числа самих кочевников, кандидатуры которых подлежали утверждению Главным приставом. Родовой и аульный уровень местной власти соответствовал волостной «степени» управления в Кавказской области, на что в законе содержалось прямое указание [4, с. 151-153]. Компетенция родового головы, старшин и казначея, а также аульных старшин и десятников, которые избирались на три года, лежала в сфере общественного порядка, суда и хозяйства и заключалась в непосредственной реализации политики российского правительства и местной власти в отношении кочевых народов. Таким образом, для кочевых народов получила официальное оформление такая форма управления как приставство. Сложившийся дуалистический характер управления требовал создания особой нормативно-правовой базы, при этом царское правительство не могло не учитывать такие факторы как большое разнообразие этнических и конфессиональных особенностей, а также правовых норм и обычаев местных народов. Характерной чертой действующих законов Российской империи в отношении номадов являлась устойчивая тенденция сохранения местных правовых систем на основе поддержки самоуправления.

Оказавшись под юрисдикцией российского законодательства, кочевые народы находились на разном уровне социально-экономического развития, в связи с чем, управление ими осуществлялось дифференцированно. По мере хозяйственного освоения степных районов Предкавказья переселенцы приобретали не только свой этнокультурный облик, но и вырабатывали весьма своеобразную общественную структуру и самоуправление.

Определение численности кочующих народов осложняется постоянной перекочевкой, а то и уходом отдельных групп этого населения за пределы административной системы. Однако материалы ревизского и административного учета позволяют, установить соотношение представителей различных национальных групп, входивших в состав населения Ставропольской губернии.

Самую многочисленную национальную группу Ставропольской губернии составляли ногайцы. Первые сведения о появлении ногайцев в северокавказских степях, в том числе в низовьях Терека и Сулака, относятся к концу XVIII века, хотя можно предположить, что ногайцы как правопреемники Дешт и Кипчака кочевали здесь с более ранних времен. Как считает Н. Г. Волкова [9, с. 94], процесс образования этнической территории ногайцев в пределах Северного Кавказа включает три периода. Первый — примерно до 80- х гг. XVIII века, когда ногайцы-кочевники передвигались на больших пространствах Предкавказья, Северного Кавказа, западнее Дона и восточнее Волги. Второй этап этого процесса связывается с возникновением постоянных поселений в Пятигорье, по Куме, Кубани, в низовьях Лабы, по Большому и Малому Тегеням. Третий период характеризуется созданием в 30-е годы XIX века четырех ногайских приставств, имевших определенные территории для кочевания и поселения отдельных групп ногайцев в Предкавказье, Закубанье и на Северо-Восточном Кавказе. Согласно ведомости Главного пристава кочующих народов, численность ногайского населения в Кавказской области по состоянию на 16 октября 1838 года в четырех приставствах составляла 64232 человека [1, л. 5-6].

Для кочевых ногайцев характерны социальные объединения, имевшие определенные признаки территориального и экономического единства, т.е. кочевые (аульные) общины. Каждое из них консолидировалось отношениями родства. Подобные объединения в большинстве случаев представляли собой семейно-родственные группы, т.е. группы семей, находившихся в родстве и связанных сознанием происхождения от одного памятного предка. Объединение называлось «бир атадынь балалары» - дети одного отца. [12, с. 252]. Родовое подразделение называлось аксакальством. Иногда в одно аксакальство объединялось несколько аулов. В таком ауле члены общины были связаны круговой порукой. Для решения всех важных вопросов проводились сходы. В них участвовали, как правило, мужчины. Женщины не имели право голоса на общинном сходе, иногда в виде исключения общинное собрание могли посетить несколько женщин преклонных лет, пользовавших авторитетом среди соплеменников. Община в лице своего высшего органа — схода и должностных лиц решала все основные вопросы, связанные с экономической и социальной жизнью: о земле, семейном разделе, об отбывании повинностей, хозяйственные и другие проблемы местного значения. По каждому обсуждаемому вопросу на сходе составлялись приговоры, которые письменно фиксировались.

В XIX веке среди кочевых ногайцев имелись старейшины (акъсакалы). Они руководили мелкими племенными подразделениями. Аулом управлял старшина, избираемый общинниками. Здесь еще сохранялись остаточные формы кочевой демократии. Общинники могли переизбрать своих старшин.

Для внутреннего управления аулом или кочевьем на год избирались голова, двое старшин и казначей, а в каждом ауле, состоящем не менее как из десяти кибиток, выбирается, сверх того, староста и десятник. Старшина был не только главой общины, но и представителем государственной власти в ауле. В одном из донесений пристав едисанцев и джембойлуковцев писал: «Они, не давая мне знать, сами собой переменили старшин» [14, с. 91], то же сообщалось о «кукубееовом ауле» едишкульцев. Но постепенно эти демократические традиции вытеснялись. В руках старшин сосредотачивались ряд административно-полицейских функций. К его компетенции относились: надзор за общественным порядком в ауле и за своевременным сбором налогов; созыв общинного схода; исполнение приговоров схода; наблюдение за всеми другими должностными лицами общества; надзор за исправностью межевых знаков; принуждение к исполнению договоров жителей между собой; заведывание общественным хозяйством и общественными суммами и некоторые другие обязанности.

Исторической родиной ставропольских туркмен являлись степи юго-восточного Прикаспия и реки Амударьи. В середине XVII века большая часть туркмен переселяется под натиском ханов Хивы на территорию современного Ставропольского края. Всего обосновалось три рода: Эгдыровский, Чавдуровский и Сайнаджиевский, кочевавшие в зимний период в районе Кумы – Зимней ставки, летом в долине реки Маныч — Летней ставки. Северокавказские туркмены получили законное право располагать свои кочевья на огромном пространстве – от прибрежных районов Каспия до реки Калаус, согласно утвержденному 19 мая 1806 г. «Положению об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской и Кавказской».

Интенсивное заселение восточной части Ставрополья переселенцами из других районов империи потребовало упорядочить жизнь кочевников. С этой целью в 1825 г. правительство выделило туркмен в самостоятельную административную единицу под названием Приставство туркменского народа, непосредственно подчиненного главному приставу всех кочующих народов, состоявшему при Ставропольском губернаторе. По Уставу 1827 г. туркмены находились под управлением частного пристава и должны были ежегодно избирать из своей среды голову, старшин, аксакалов и десятников.

В первой половине XVII века калмыки приняв российское подданство, оказались в иных геополитических условиях, сохранив традиционный образ жизни. «... до 1860 года весь калмыцкий народ, живший в пределах Европейской России, в делах административного управления им составлял одно целое и входил в состав Астраханской губернии. С этого же года, то есть 1860 незначительная часть калмыков, именно принадлежащая к Больше-Дербетскому улусу, отчислена была от Астраханской губернии и вошла в черту Ставропольской, чем и округлила границы последней» [11, с. 11]. Таким образом, в 1860 г. все находившиеся в пределах Ставропольской губернии калмыцкие земли перешли под управление Ставропольской администрации. До этого события Большедербетовский улус и отдельная часть Малодербетовского улуса территориально входила в состав Ставропольской губернии, но в административном отношении подчинялась астраханской администрации. Это создавало определенные сложности в управлении ставропольскими калмыками и постоянно порождало бесконечные споры о полномочиях между властями двух губерний. Переданный в Ставропольскую губернию Большедербетовский улус был под управлением попечителя, который находился в подчинении Главного пристава.

Институтом местного самоуправления в Калмыцкой степи в XIX в. был сход. Как отмечает К. Н. Максимов, сход являлся выборным органом местного самоуправления на определенной территории, по составу и полномочиям, напоминающим сословно-представительные органы [13, с. 58].

На сходах демократическим путем регулировались все стороны жизни аймака: выборы на альтернативной основе старшин для управления аймаком сроком на три года, выборы хотонных старост, по два кандидата на каждую должность; распределение натуральных повинностей; бюджетная политика, учет малолетних сирот и назначение над ними опекунов; вопросы создания объектов социальной инфраструктуры: школы, фельдшерские пункты и т.д. Дела на сходе решались или с общего согласия, или большинством голосов.

23 апреля 1847 г. Высочайшим указом Николая I было утверждено новое «Положение об управлении калмыцким народом» [5], создававшее правовую основу для введения калмыцкого народа в общий уровень экономической, социальной, культурной жизни других народов Российской империи. Указанным правовым актом в Калмыкии на законодательном уровне впервые были заложены основы местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов, формируемых на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения.

Анализ управленческой структуры ногайцев, туркмен и калмыков показывает, что российское правительство, в проводимой на национальных окраинах политике стремилось синтезировать сложившуюся правовую систему местных традиции и обычаев с имперским законодательством, в первую очередь, поддерживая принципы самоуправления. Исторический опыт самоуправления данных кочевых народов доказывает эффективность существовавшей системы, которая и сегодня представляет определенную ценность.

Введение в хозяйственный оборот земель Степного Предкавказья и включение кочевых народов в единое экономическое пространство Российского государства имело взаимовыгодное значение, так как это был товарообмен между народами с разными способами хозяйствования.

Таким образом, при сохранении допустимых правовых норм, местных традиций и обычаев, на наш взгляд, основной целью имперской политики по отношению к присоединенным народам было стремление унифицировать систему управления, в связи с возрастанием значения указанного региона, как в стратегическом, так и в хозяйственно-экономическом отношении. Все мероприятия, осуществляемые властями, безусловно, способствовали более тесному хозяйственному и культурному взаимодействию кочевых и оседлых народов.

Включение кочевых народов Степного Предкавказья в общегосударственную структуру Российской империи привело к оформлению системы управления с элементами дуализма, заключавшейся в сочетании государственного и общественного управления. При этом царское правительство не могло не учитывать большого разнообразия интересов, привычек и нравов, веками установившихся правовых норм и обычаев местных народов.

По мере утверждения царской администрации в Степном Предкавказье, общинное самоуправление этнических сообществ целенаправленно заменялось государственно-административным управлением на основе общих норм права Российской империи. В ходе постепенного законодательного реформирования административных органов управления осуществлялся процесс преобразования совершенствования взаимодействия центральных, региональных и местных органов власти.

---

1. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК) Ф. 249. Оп. 3. Д. 2919.

2. Устав для управления инородцами от 22 июля 1822 г. // ПСЗРИ. Т.38. – № 29126. СПб., 1830.

3. Высочайше утвержденное учреждение, для управления Кавказской областью от 6 февраля 1827 г. // ПСЗРИ. Т.II. – № 877. СПб., 1830.

4. Устав управления магометанскими народами. 1827. // ПСЗРИ. Т.2. – № 878. СПб., 1827.

5. Положение об управлении калмыцким народом // ПСЗ РИ. Т. 22. – № 21144.

6. Закон о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. IX. 1892. Спб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1857. 581 с.

7. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. Т. II. 1892. Спб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1892. 436 с.

Использованная литература

8. Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние. //Ставропольские губернские ведомости. № 32. 1897.

9. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - нач. XX в. М.: Наука, 1974. – 125 с.

10. Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2006. – 470 с.

11. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. –181 с.

12. Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 464 с.

13. Максимов К. Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

14. Новосельский А. А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948,9. – 452 с.

15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб.: Типо-Литография, 1894. 480 с.

МАГОМАЕВ В. Х., МУСАЕВ И. Л.

Чеченский государственный университет
г. Грозный, Россия

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ С УЗБЕКАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

В результате распада Золотой Орды и усилившихся феодальных междоусобиц, как в самой Золотой Орде, так и в империи Тимуридов в 20-х гг. XV в. в восточной части Дешт-и Кипчака[1] возникло государство кочевых узбеков. Уже в начале XV в. появляются первые упоминания об узбеках. Это государство просуществовало более 40 лет, но сыграло большую роль в дальнейших судьбах народов Центральной Азии. Основателем этого государства был хан Абу-л-Хайр, дед завоевателя империи Тимуридов Мухаммеда Шейбани-хана. В середине XV в. это государство объединяло под своей властью огромную территорию, включавшую Юго-Западную Сибирь и часть современной Республики Казахстан.

В истории Узбекского ханства мангиты (ногайцы) играли весьма значительную роль. Уже при возведении на престол в 1423 г. Абу-л-Хайра, как об этом свидетельству-

ет «Абулхайр-ханская династия», значительное число мангитской знати присутствовало на происходившем в г. Таре пышном торжестве. Позже мангиты участвовали в походах Шейбани-хана.

Судя по сведениям Абу-л-Гази, Шейбан кочевал летом на обширном пространстве между предгорьем Урала и реками Тобол, Урал (Яик), Илек, Иргиз, а зимой – в бассейне Аральского моря по рекам Чуй-су, Сары-су и в низовьях Сыр-Дарьи.

В 20-х гг. XV в. в улусе Шейбана правили несколько независимых ханов. Один из этих правителей, хан Джумадук (1425–1428 гг.) ханствовал по соседству с Мангитским юртом. Можно полагать, что улус этого хана находился к северу от Аральского моря, между реками Сары-су и Эмбой. В те годы в Мангитском юрте правил бий Гази, сын Эдиге.

В 20-х гг. XV в. смута, послужившая толчком к крупным феодальным междоусобиям во всех улусах Шейбанидов, имела место и в Мангитском юрте.

Джумадук-хан выступил против мангитских повстанцев, но в кровопролитном сражении потерпел поражение. Многие предводители его войска и он сам попали в плен и по решению главных мангитских мурз были казнены. В плен попал и юный Абу-л-Хайр, командовавший тогда левым крылом. Но ему не только была сохранена жизнь, но и оказана поддержка при приходе к власти, в частности Сары-Османом и Алаша-бахадуром.

Мангитские кочевые феодалы играли большую роль в политической жизни Дешт-и-Кипчака в конце XIV в. и на всем протяжении XV в. Эдиге в течение 20 лет держал в своих руках всю власть в Золотой Орде, а его сыновья правили отдельными ее областями и занимали высшие государственные посты при ханах Джучидах. Старший брат Эдиге Исабек в период господства Тохтамыша (1381–1395) был одним из его темников, а при хане Фуладе (1409–1411) занимал должность старшего эмира. Большую роль в политической жизни Дешт-и-Кипчака XV – начала XVI в. играли потомки Эдиге – Ваккас-бий, Муса-мурза, Ямгурчи и др. Мангитские эмиры сажали на престол лишь того из чингизидов, кто проводил их политику, а в противном случае смещали его с престола.

Спустя два года после избрания Абу-л-Хайра ханом, накануне похода кочевых узбеков на Хорезм (1430/1431), с ним объединился Ваккас-бий, внук Эдиге, предводитель мангитов. «Сближение между Абу-л-Хайром и главой ногайцев Ваккасом, – писал П.П. Иванов, – объясняется, по-видимому, стремлением последнего найти поддержку среди узбеков против своих противников в ногайском улусе» [6]. Ваккас-бий опасался, с одной стороны, чтобы его не постигла участь его предшественника Гази-бия, а с другой – побаивался в какой-то степени соседнего с ногайцами хана Мустафы.

При помощи ногайского Алаша-бахадура и знати его владения Абу-л-Хайр собрал крупный отряд и весной 1429 г. прибыл в свое владение. Многочисленные междоусобные войны заставили кочевых владетелей сплотиться вокруг сильного правителя. Все это нашло отражение в образовании государства кочевых узбеков во главе с ханом Абу-л-Хайром.

Хан Абу-л-Хайр поставил перед собой задачу не только объединить улус Шейбана, но и распространить свою власть на все земли, расположенные к востоку от р.Урал, некогда подчиненные Золотой Орде. В том же 1428/29 г. состоялся его успешный поход на Туру. Тура стала столицей государства Шейбанидов и оставалась ею вплоть до 1446 г.

Упорная и кровопролитная междоусобная борьба феодальных владетелей шла в Золотой Орде и в период господства Кичик-Мухаммеда. Эта борьба происходила с активным участием ногайцев, о чем свидетельствует следующее сообщение летописца: «Тое же осени (1440 г.) царь Махмет Большиа Орды (Кичик-Мухаммед –Д.К.) убил большого своего Князя Ордынского Мансупа (Мансура – Д.К.) и много татар тогда избиена бысть в Орде, не точию же тамо» [2].

Абу-л-Хайр умело воспользовался усилением междоусобиц и смут в Золотой Орде и значительно укрепил свое положение в западной части Дешт-и-Кипчака. В течение 15 лет (1431–1446) Абу-л-Хайр не вел больших войн с целью расширения своего владения. Это объясняется следующими причинами. Джанибек, Гирей и др. правители не повиновались Абу-л-Хайру и вели с ним борьбу с первого же дня его возвышения. Самым ярым противником Абу-л-Хайра был хан Мустафа, которому позже удалось склонить на свою сторону большую часть ногайцев.

Незадолго до начала военных действий между Абу-л-Хайром и Мустафой предводитель ногайцев Ваккас-бий, находившийся при Абу-л-Хайре с 1428 г. тайком покинул последнего и, объединившись с Мустафой, начал подстрекать его к войне с Абу-л-Хайром. Ваккас и Мустафа собрав большое войско пошли против Абу-л-Хайра. Сражение между ними произошло на левом берегу Атбасара и было очень ожесточенным. Хан Мустафа потерпел полное поражение. Успех Абу-л-Хайра в этом кровопролитном сражении подготовил в некоторой степени переход на его сторону ногайского бия Ваккаса. Мустафа бежал в Мангышлак. Вскоре же после смерти Абу-л-Хайра (1468/69 г.) государство кочевых узбеков распалось.

1. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях. Ч.2. СПб., 1864.
2. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
3. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков /Родоплеменная структура и расселение в XIX – начале XX в. М.; Л.,1950.
4. Абу-л-Гази хан. Родословная древо тюрков. Казань, 1906.
5. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т.2.
6. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958.
7. Полное собрание русских летописей. Т.12. М., 1965.

МАНЫШЕВ С. Б.

Институт российской истории РАН,
г. Москва, Россия

«НЕПРЕМЕННО ЧИТАНА БЫЛА ИМИ ВО ВСЕХ МЕСТАХ ИЛИ СОБРАНИЯХ...»
(О молитве за царя у ногайцев Северного Кавказа в первой четверти XIX в.)

В 1800 году Государственная коллегия иностранных дел приняла решение о передачи кавказских народов, населявших Астраханскую губернию, в подчинение специально назначенного пристава. Главный пристав для жителей Северного Кавказа, будучи представителем гражданской власти, выступал своеобразным посредником между управляемыми им народами и администрацией губернии [1, с. 728].

В подчинение главного пристава переходили все частные приставы, состоявшие при народах, кочевавших в губернии, а также кабардинский пристав [6, с. 29]. Первоначально главным приставом над ногайцами был назначен ногайский князь Султан Менгли-Гирей из Закубанских князей [7, с. 43].

Институт приставства эволюционировал и изменялся неоднократно за годы своего существования: с 1803 года из его ведомства были изъяты «залинейные народы» [6, с. 31]. В 1822 году император Александр I повелел соединить управление над ногайцами в лице одного главного пристава, выбор которого был предоставлен генералу А. П. Ермолову [1, л. 21]. А с 1827 года управление производилось на основании «Положения о кочующих инородцах», которое было составлено в том числе и с привлечением материалов, собранных главным приставом П. В. Балуевым, упоминаемым в публикуемых ниже документах [7, с. 43].

Однако вернемся к публикуемым документам. Молитва за царя, составленная А. П. Ермоловым, достаточно хорошо известна как исламоведам, так и кавказоведам и публиковалась неоднократно [10, с. 454; 11, с. 25; 4, с. 370 – 373]. Но ранее приводился лишь сам текст молитвы без сопровождающих ее документов. В извлеченных же нами материалах из фонда 350 – «Главное приставство караногайского народа Терского областного правления» Центрального государственного архива Республики Дагестан приводятся два рапорта, характеризующие механизм реализации решений высшего кавказского командования, и позволяющие проследить пути их исполнения от главноначальствующего в крае до частных приставов, служивших на местах.

В целом же составление подобной молитвы находилось в русле конфессиональной политики России, заключавшейся «в стремлении к абсолютному государственному контролю над всеми без исключения религиозными институтами на территории страны» [5, с. 10].

Как отмечает известный специалист по истории ислама в Российской империи Д. Ю. Арапов, текст молитвы можно рассматривать как утверждение в народе идеи о божественном происхождении власти [4, с. 371].

Документы публикуются в соответствии с современными нормами орфографии с сохранением стилистики оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

№ 1. Предписание генерал-майора К. Ф. Сталя
главному приставу караногайского народа П. В. Балуеву

6 ноября 1820[2]
Георгиевск[3]

Главному караногайскому приставу господину коллежскому асессору и кавалеру Балуеву[4]

Господин главноуправляющий в здешнем крае генерал от инфантерии и кавалер Ермолов[5] при предписании от 19-го числа прошлого октября № 3562, препроводил ко мне 25 экземпляров молитвы, литографически при корпусном дежурстве его отпечатанной на татарском и арабском языках, о снабжении оною магометанского духовенства караногайского народа с строгим подтверждением, чтобы она непременно читана была ими во всех местах или собраниях в каждый молитвенный их день и в праздники, а особливо в торжественные дни. Во исполнение чего, я, препровождая при сем все оныя экземпляры[6] с переводом одного на российском диалекте к вашему высокоблагородию, предписываю разослать их по принадлежности во все подведомственные вам караногайские аулы с тем, чтобы оныя непременно были читаны караногайцам их духовенством в каждый молитвенный их день и праздники, иметь за точным исполнением сего как приставам, так и ваше наблюдение.

2 На документе помета: «Получено 14 ноября 1820 года».

3 Георгиевск — центр Кавказской губернии в 1802 – 1822 гг.

4 Балуев Петр Васильевч – чиновник Азиатского департамента Коллегии иностранных дел, главный пристав караногайского народа. Активно занимался изучением быта, обычаев и традиций ногайцев, в дальнейшем эти сведения легли в основу разработанного в 1827 г. «Положения о кочующих народах» [Месяцеслов, 1821, с. 351; Акты, 1875, с. 517].

5 Ермолов Алексей Петрович (1777 – 1861) – генерал от инфантерии (1818), с 1816 года командир Отдельного Грузинсокго (кавказского) корпуса, главноуправляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях.

6 В деле отсутствуют печатные экземпляры молитвы.

Генерал-майор Сталь[1]
ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 306. Л. 1 – 1 об.

№ 2. Ордер главного пристава караногайского народа П. В. Балуева
частному приставу Н. А. Ахвердову

№ 557
Декабря 20 дня 1820 года

Г[осподину] подпоручику Ахвердову[2]

Его превосходительство г[осподин] генерал-майор и кавалер Сталь при послании от 6 ноября за № 1051 препроводил ко мне полученные им от господина Главноуправляющего в здешнем крае генерала от инфантерии и кавалера Алексея Петровича Ермолов 25 экземпляров молитвы, литографичекси при корпусном дежурстве отпечатанной на татарском и арабском языках. Изволил предписать мне снабдить оною магометанское духовенство вверенного управлению моему ногайского народа с строгим подтверждением, чтобы оная

неприменно читаема была ими во всех мечетях или собраниях в каждый молитвенный их день и в праздники, а особливо в торжественные дни.

В исполнение чего препровождаю при сем из числа означенных экземпляров четыре док[умента] арабских и два татарских с переводом одного на российском диалекте к вашему благородию, предписывая раздать их в вверенных управлению Вашему Едисанским и Джембуйлукавским народах[3] в каждом по два – по одному татарскому и другому арабскому, с тем, чтобы оныя непременно были читаемы ногайцам их духовенством в каждый молитвенный их день и праздники, и иметь за точным исполнением сего неослабное ваше наблюдение.

Исполнения сего мне донести.
ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 306. Л. 3 – 3 об.

№ 3. Русский перевод молитвы за царя

Боже всесильный, премилосердный Боже, щедрот и всякие утехи молим тебя, да волею твоею поставленного над нами царствовати, тобою возлюбленного самодержавнейшего великого государя императора Александра Павловича всея России сохранивши в величии и славе. Умножи дни живота его в здравии ненарушимом и непременяемом благополучии, даруй ему премудрость, ду судит в правду людям твоим. Покажи его врагам победительна, злодеям страшна, добрым милостива. Да в нем обрящет бедствующий презрение, утесненный заступление. Даруй обширным царствам, власти его покорствующим, мир, тишину, благорастворение воздуха и земли плодоносие. Утверди доброе согласие и взаимную доверенность с соседственными нам народами, до тебя единого Творца исповедующие, тебе, всемогущий, поклоняющиеся, поживем мы в тишине и спокойствии. Тебе слава и держава во веки веков. Аминь!

С копиею верно
Дивизии адъютант штабс-капитан (подпись неразборчиво)
ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 306. Л. 2 – 2 об.

1 Сталь Карл Федорович (1774 – 1824) – генерал-майор (1811), командующий войсками на Кавказской линии [Месяцеслов, 1825, с. 221 – 222; Акты, 1875, с. 1875].

2 Ахвердов Николай Александрович (1800 – 1876) – подпоручик, частный пристав.

3 Имеются в виду ногайцы, проживавшие на территории Едисанского и Джембулоковского приставств.

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 249.
2. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Т. I. – Тифлис, 1866.
3. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Т. VI. Ч. II. – Тифлис, 1875.
4. Арапов Д. Ю. Ермоловская молитва за царя 1820 г. // Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. – М., 2007.
5. Арапов Д. Ю. Россия и мусульманский мир // Сборник Русского исторического общества. Т. 7 (155): Россия и мусульманский мир / Под ред. Д. Ю. Арапова. – М., 2003.
6. Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ, 1992.
7. Калмыков И. Х, Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1988.
8. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат чинов Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. Ч. I. – СПб., [б/г].
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат чинов Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Ч. II. – СПб., [б/г].
10. Молитва для мусульман Кавказа, составил в 1820 г. А. П. Ермолов /Сообщил А. П. Берже // Русская старина. 1881. № 10.
11. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: Сборник документов / Сост. В. Г. Гаджиев, Ю. У. Дадаев, Х. Х. Рамазанов. – М., 2005.

ПАНЕШ А. Д.

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева
г. Майкоп, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АДЫГОВ И НОГАЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Изучение исторических судеб адыгов и ногаев не может проводиться вне рассмотрения истории международных отношений в Восточной Европе. Только анализ всей системы, сложившейся после распада Золотой Орды позволит с максимальной полнотой выявить корни политических событий, участниками которых являлись адыги и ногаи.

Начало интенсивных контактов адыгов с ногаями восходит к 90-м гг. XV в., когда продолжалась борьба с Большой Ордой [1, с. 71]. В дальнейшем ногаи сыграли заметную роль в установлении военно-политических контактов между адыгами и Россией. На фоне успехов Русского государства в борьбе с Крымом и Казанью начинаются контакты представителей адыгской феодальной элиты с русским правительством. Обращение ряда адыгских князей в Москву с просьбой принять их «на службу» к Ивану IV было продиктовано внешнеполитическими соображениями. Первое посольство от западноадыгских племен жане, бесленей и, возможно, некоторых других прибыло в Москву в ноябре 1552 г. Отправилось оно, следовательно, еще до падения Казани 2 октября этого года. Следующие посольства — 1555 и 1557 гг. от кабардинцев и западных адыгов вновь продемонстрировали решение значительной части адыгов ориентироваться на Русское государство. Обращению адыгов в Москву, скорее всего, предшествовали какие- то первоначальные переговоры. Можно предположить, что контакты адыгов с русским правительством были установлены через ориентировавшихся на Москву ногайских правителей. В пользу этого говорит факт подчинения кабардинцев ногаям в 1549 г. Из кратких сообщений летописей известно, что в ходе русско-адыгских переговоров речь шла о защите от крымских набегов. Весьма вероятно, что одним из важных моментов переговоров было предоставление адыгам огнестрельного оружия. В военных столкновениях решающий перевес в силах крымскому войску над адыгами (как и, скажем, над астраханским ханом в 1546 г.) давало обладание именно огнестрельным оружием и артиллерией. Крымское ханство получало оружие из Турции. Единственным путем приобретения такого оружия для адыгов было обращение к России. Оружие являлось «заповедным товаром» во внешней торговле Русского государства, для его покупки нужна была санкция правительства. Известно, что огнестрельное оружие поставлялось из Москвы в середине XVI в. в Ногайские орды [2, с. 85]. Возможно, полученная от ногаев информация сыграла свою роль в решении адыгских правителей обратиться к Ивану IV. Во всяком случае, известно, что помощь адыгам в борьбе против Крыма была оказана русским правительством сразу же после заключения русско-адыгского договора.

В XVIII в. внешнеполитическое положение Северо-Западного Кавказа было весьма напряженным. Ситуацию в этом регионе определяло военно-политическое взаимодействие двух основных сил – России и Османской империи. К середине XVIII в. Россия наращивает свое присутствие в Западной Черкесии.

Активизация российской политики на Кавказе также была связана с окончанием русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора позволили российскому правительству значительно укрепить свои позиции на Черном море. В 1777 г. началось строительство укреплений Азово-Моздокской военной линии.

Для укрепления позиций России на Северо-Западном Кавказе по указу Екатерины II на Кубань был направлен в качестве командира корпуса генерал А. В. Суворов. Он прибыл на Кубань в январе 1778 г. С учетом сложившейся обстановки А. В. Суворову предстояло решить ряд стратегических задач. Для правительства было важно подчинить ногаев Северо-Западного Кавказа российскому влиянию. Решение этой задачи предполагало разъединение сил ногаев и адыгов. А. В. Суворову также предстояло активно противодействовать планам турецкого командования. Полководец действовал решительно. Для выполнения поставлен-

ных задач Суворов решает построить военные укрепления по правому берегу реки Кубани и далее восток до Ставропольской крепости Азово-Моздокской военной линии [3, с. 186].

Зимой и весной 1778 г. под руководством А. В. Суворова на правом берегу Кубани было построено более 20 укрепленных пунктов. Эти действия противоречили условиям Кючук-Кайнарджийского договора. Военные укрепления были возведены на территории независимого государства — Крымского ханства. Обеспокоенные действиями царизма, османы высадили в 1778 г. крупный военный десант в Суджук-кале, что фактически означало подготовку к войне.

Появление военных укреплений на правом берегу реки Кубани вызвало обеспокоенность адыгов. На этой территории располагались пашни и пастбища. Следует отметить, в конце XV в. территория между Азовом и Кубанью являлась составной частью Черкесии и лишь в XVI в. попала под контроль кочевников. В условиях экспансии России адыги-жанеевцы оставили в 1778 г. свои земли по правому берегу р. Кубани. В этих условиях перспективы российско-адыгских отношений были далеко не радужными. Адыгские лидеры были обеспокоены сложившейся ситуацией. Они понимали, что все адыгские земли могут стать объектом притязаний Санкт-Петербурга.

Появление военных укреплений на правом берегу Кубани вызвало ответную реакцию адыгов. Небольшие отряды черкесов совершали нападения на укрепленные пункты [4, с. 32]. Странно, что попытки адыгов защитить свою территорию вызвали возмущение Суворова, который обвинил их в воровстве и грабеже [5, с. 140]. Столь же высокомерно он относился к ногаям, про которых писал, что они «...легкомысленны, лживы, неверны и пьяны» [6, с. 139].

Командир Кубанского корпуса вынашивал далеко идущие планы. Завершив строительство военной укрепленной линии, Суворов предложил перенести границу России к реке Кубани. Однако правительство Екатерины II, опасаясь дальнейшего обострения отношений с Турцией, не согласилось с подобным предложением. В Санкт-Петербурге считали, что планы Суворова не соответствовали реальным политическим условиям. Из письма П. А, Румянцеву от 28 января 1778 г. видно, что Суворов предлагает построить военные укрепления на левом берегу Кубани[7, с. 139]. Получив отказ от правительства, генерал в своей политике в отношении адыгов стал прибегать к таким методам как подкуп феодальной знати. Суворов также пытается установить торговые связи с горцами. В апреле 1778 г. в связи с новым назначением Суворов отправляется в Крым. На его место командира Кубанского корпуса был назначен генерал В. И Райзер.

Тем временем продолжалась борьба адыгов с военной экспансией царизма. Весной и осенью 1778 г. небольшие мобильные отряды черкесов совершали нападения на укрепленные пункты. В ответ на это генерал Райзер совершил ряд карательных акций в Закубанье. Однако сопротивление адыгов нарастало, о чем свидетельствует письмо Суворова Райзеру, где он выражает явное недовольство действиями генерала[8, с. 149].

Турецкое правительство выражало недовольство действиями России в Крыму и на Кубани. Однако обострение русско-турецких противоречий не переросло в войну. Обе стороны выразили готовность пойти на взаимные уступки. В марте 1779 г. Россия и Турция подписали Айналы-Кавакскую конвенцию, ставшую дополнением Кючук-Кайнарджийского договора. Принятию данной конвенции послужили пробелы в тексте указанного договора, который признавал за Россией право на независимость Крымского ханства от Османской империи и одновременно давал России еще право на защиту и покровительство христиан в дунайских княжествах, в частности, в Молдавии.

Османская империя подписав Договор не признала Крымским ханом Шагин-Гирея и не собиралась выполнять своих обещаний насчет христианского населения Молдавского княжества. Выполняя условия конвенции, русские войска покинули Правобережную Кубань. Были также уничтожены военные укрепления.

В сложившей ситуации резко возросла активность турок. Попытки османского военачальника Сулеймана вмешаться в дела адыгов встретили упорное противодействие. Жители Черкесии не желали установления в своей стране ни русского, ни турецкого владычества.

В 1779 г. происходит активизация военных действий адыгов . Западные адыги и кабардинцы пытаются скоординировать свои действия. В то время когда темиргоевцы и бесленеевцы во главе с Чулак-султаном атакуют Ставрополь, кабардинцы нападают на Алексеевский редут [9, с. 147]. Азово-Моздокская военная линия находилась под угрозой разгрома. Однако адыги не могли противостоять хорошо вооруженным регулярным войскам. В сентябре 1779 г. кабардинцы потерпели поражение.

В начале 80-х гг. XVIII в. русско- турецкие противоречия вновь обострились. Это было связано с присутствием России в Крыму и Прикубанье. Для османов Суджук-кале представлял стратегическую важность. Наличие этой крепости позволяло туркам поддерживать связи с представителями адыгской феодальной элиты.

В 1781—1783 гг. османы возвели на адыгском побережье Черного моря сильную крепость Анапу. Это вызвало справедливое возмущение адыгов. Небольшие отряды во главе с Ахмедом Шупако пытались помешать строительству этой крепости и неоднократно нападали на строившиеся укрепления. Анапа стала важным опорным пунктом османов.

В июле 1781 г. крымские татары обратились к российскому правительству с просьбой избрать другого хана. Их обращение было отклонено [10, с. 147]. Вскоре против Шагин-Гирея выступили кубанские ногаи. Весной 1782 г. поднялось и население Крыма. Крымский хан был свергнут. Однако осенью 1782 г. Россия с помощью военной силы восстановила власть Шагин-Гирея.

Тем временем российское правительство стало разрабатывать план присоединения Крымского ханства к империи. Шагин-Гирей отрекся от престола, а 8 апреля 1783 г. был издан Манифест, провозгласивший присоединение к России Крыма, Тамани и Правобережья Кубани. Вскоре последовало указание Екатерины II о приведении к присяге всех ногаев на правом берегу Кубани. Часть ногаев хотела уйти в Черкесию.

28 июня 1783 г. на торжественном собрании ногаев, живущих около Копыла, была совершена церемония принятия присяги. Российские власти представлял Фелисов.

Тем не менее российские власти вынашивали планы переселения ногаев в уральские степи. Суворов вел переговоры с представителями ногайской знати, чтобы уговорить их переселиться с подвластными на Урал. Выселение ногаев с Правобережной Кубани началось в июле 1783 г.

31 июля 1783 г. часть ногаев во главе с Канакаем подняла восстание в районе реки Куга-Ейки и повернула обратно на Кубань. К ним присоединились и другие группы ногаев. В августе 1783 г. восстание охватило большинство ногайских аулов. Получив поддержку адыгских лидеров, ногаи стремились уйти в Закубанье. Несмотря на противодействие Суворова, отдельным группам ногаев все же удалось переправиться на левый берег Кубани. Объединившись с адыгами, они атаковали царские укрепленные пункты.

23 августа 1783 г. объединенные силы адыгов и ногаев напали на Ейское укрепление. Овладеть укреплением не удалось, но его гарнизону был нанесен значительный урон. Вскоре Суворов получил предписание нанести удар ногаям. Первого октября 1783 г. войска Суворова атаковали ногаев на левом берегу Кубани. Военная акция против ногаев завершилась почти полным истреблением народа. Оставшиеся ногаи были разорены и рассеяны. Часть ногаев расселилась среди темиргоевцев и бжедугов.

Установление русской власти в Крыму и на Правобережной Кубани вызвало острое недовольство турецкого правительства. Однако 13 февраля 1784 г. Стамбул был вынужден официально признать присоединение к России указанной территории.

Таким образом, исторические судьбы адыгов и ногаев во второй половине XVIII в. оказались тесно связанными с борьбой за независимость. В силу сложившейся геополитической обстановки им пришлось испытать влияние двух основных противоборствующих сторон- России и Турции.

---

1. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV- первая половина XVI в.). – М.: Наука, 1990.- 128 с.

2. Кочекаев Б. А. Ногайско-русские отношения в XVI-XVIII вв.- Алма-Ата.: Наука,1988. – 272 с.

3. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.- Майкоп.: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009.- 452 с.

4. Суворов А. В. Сборник документов.- М.: Воениздат, 1951.- Т. 2.- 610 с.

5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – СПб.: Типография Императ. Акад. Наук, 1869.- Ч.2.- 601 с.
10. Алиева С. И. Ногайские тюрки (XV-XX вв.). — Баку.

РАХАЕВ ДЖ. Я.

Институт Российской истории РАН
г. Москва, Россия

КАЛМЫКИЯ, МАЛАЯ НОГАЙСКАЯ ОРДА И КАБАРДИНСКИЕ КНЯЖЕСТВА В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ МИХАИЛА РОМАНОВА [1]

В начале XVII в. на северной окраине Степного пояса, вблизи границ Московского государства появляются ойраты. Прикочевав к сибирским пределам, ойраты вступают в договорные отношения с российским правительством. В 1610–1620 гг. несколько родовых объединений, отделившись от общей массы ойратов, достигнув Волги, вытеснила ногаев и заняла территорию Большой Ногайской Орды. Ногайцы перекочевали на правый берег Волги и далее до Терека, Кубани, Крыма и Буджака. Предводители калмыков – тайши Дайчин, Лоузан и Хо-Урлюк – предложили астраханской администрации закрепить за ними занятые земли в Нижнем Поволжье. Московское правительство, ослабленное внутриполитическими потрясениями начала XVII в., оказалось не в состоянии оказать действенную поддержку союзным ногаям в отражении ойратской экспансии. Между тем, подчинив себе большую часть ногаев, тайши решили включить в свои владения кубанских и терских ногаев.

Осенью 1643 г. объединенный ойрато-ногайский отряд, численностью в 2500 воинов, под предводительством Лузана совершили набег на Казыевский улус мирзы Карашеима. Кубанские ногаи понесли ощутимый урон: попали в плен брат Карашеима – Идиль-мурза, сын – Чораш-мирза, супруга мурзы; десятки улусных людей в качестве ясыря; скот и лошади [2].

Вдохновленные успехом, в конце 1643 г. калмыки, под предводительством тайши Даян-Эрке, предприняли безуспешную попытку отогнать улусы ногайского мирзы Касполата Мамаева. Предвосхищая нападение, ногайцы заблаговременно отступили в горы, во владения кумыцкого князя Казаналпа. Стремительное формирование антикалмыцкой коалиции на Северном Кавказе оказалось совершенно неожиданным для калмыков. В ситуации, когда тайши не только не располагали союзными отношениями с дагестанскими владетелями и кабардинской аристократией, но даже не имели договоренностей о нейтральной позиции горцев по отношению к калмыцко-ногайскому конфликту, дальнейшее развитие наступления было бы стратегически не верно. Несколько дней калмыцкие войска стояли в низовьях Терека. Наконец тайши приняли решение о возвращении назад, в улусы. Но, практически сразу, изменили решение на диаметрально противоположное – калмыки двинулись на Эндери.

Уже 3 января 1644 г. российская администрация в Терках была осведомлена об изменении военно-политической обстановки в крае. Последовали незамедлительные действия – кабардинские и кумыкские князья и ногайские мурзы своевременно получили сведения о калмыцком вторжении. Фактор внезапности атакующих был упущен: 4 января 1644 г. калмыцкие отряды Даян-Эрке возле Терского города встретили ожесточенное сопротивление казаков, кабардинцев и юртовских татар. Понеся большие потери, тайша отступил вверх по Тереку. Даян-Эрке намеревался, дождавшись подхода основных сил – отрядов Хо-Урлюка и Лузана – нанести новый удар по Терскому городу. Однако к нему подоспели только лишь отряды Нима-Церен и Сюнке, общей численностью 2 тысячи воинов. Общая численность воинов Даян-Эрке, Нима-Церен и Сюнке достигла около 10 тысяч всадников. Теперь тайши попытались захватить терских ногаев, ушедших на территорию Брагун. Им удалось овла-

деть небольшим улусом ногайского мирзы Карасаина Иштерекова. Однако большая часть ногаев мурз Янмамета, Куденета и Карасаина Иштерекова соединившись с кумыкскими отрядами, сумели отразить калмыцкое нападение. Тайши, простояв в районе междуречья Терека и Аксая около недели, вынуждены были вернуться в родные улусы. Калмыцкое отступление осложнили терские воеводы, сосредоточившие у Царева брода крупный отряд. Понеся крупные потери, тайши не сумели переправиться через Терек. Сильные январские морозы дали шанс на спасение, калмыки сумели переправиться по замерзшей реке и достичь Волги. Астраханский отряд сумел навязать калмыкам Даян-Эрке бой, в результате которого лишь немногие отступающие вернулись в улусы.

В начале января 1644 г. главные калмыцко-ногайские силы, возглавляемые тайшами Хо-Урлюком [3], Елденом и Кирсаном выдвинулись в направлении Кабарды. Известно, что верные принципам степной дипломатии, тайши попытались расколоть кабардино-ногайский оборонительный союз. Кабардинская аристократия благоразумно отвергла предложение уступить тайшам ногайские улусы: «Мы... сделались братьями. И это племя ногай мы Вам не отдадим»[4]. Усиление и без того опасного степного соседа за счет остатков Малой Ногайской Орды, в условиях обострения крымско-кабардинских отношений, было недопустимо. Война была неизбежна.

В преддверии калмыцкого нашествия верховный князь Кабарды Алегуко Шогенуков (1619–1654) сумел организовать оборонительный союз, объединивший вооруженные силы кабардинских княжеств и Малой Ногайской Орды. Военный потенциал кабардинцев и ногайцев к началу конфликта составлял приблизительно 15 тысяч воинов. Современный российский источник свидетельствует: «Кабардинские... и ногайские мурзы Малого Нагаю, собрався со своими ратными людьми, тотчас учинили в кабаках своих сторожи крепкие»[5].

Передовой кабардинский отряд принял бой с авангардом калмыцко-ногайских войск при впадении реки Малка в Терек: «И... пришли под черкасские кабаки и под Малой Нагай многи калмыцкие воинские люди и приступали х кабаком их жестокими приступы и в кабаки их вошли»[6]. Кабардинцы вынуждены были отступить к р. Псыган-су. Калмыки, в погоне за ясырем и скотом, рассредоточились. Войска Алегуко Шогенукова разделились: меньшая, наиболее маневренная часть, умело используя особенности ландшафта, начала истреблять небольшие отряды противника, в то время как главные силы заняли укрепленные позиции у реки Псыган-су. Калмыки были вынуждены объединиться и двинуться навстречу главным кабардинским силам. Тайшам удалось выбить осажденных из укрепленных позиций дальше, и преследуя их углубиться в ущелья Центрального Кавказа. Кабардинцы успешно отбивали многочисленные калмыцкие атаки, но несли тяжелые потери: «Льется кровь ручьями в нашем Каш-Катау, и нет места развернуться нашим доблестным наездникам и храбрым витязям в узком ущелье»[7].

Ход сражения, и войны в целом, предрешила внезапная атака соединенного отряда ногайцев и горцев Центрального Кавказа в тыл атакующим калмыкам. «Убили... у калмыцких людей начальных людей начальных их людей большово Урлюка-тайшу да детей ево Гирейсана-тайсу да Иргентень-тайсу да Желдень-Тайсу, да в полон в языцех взяли живых двух тайс – Илгердея-тайсу, а другому имени..., а с ними в языцех калмыцких и едисанских людей взяли больши тысячи человек. А было... с теми тайсами калмыцких людей и етисанских и янбулутцких мурз и улусных их воинских людей 10500 человек, а ушли... с того боя от черкас и от Малово Нагаю тысячи с полторы или з две врозь пеши, а лошади и животину всю у них отбили кабардинские и Малово Нагаю улусные люди»[8], – сообщает российский источник. Кабардино-ногайское войско настигло и навязало бой отступающим калмыцким отрядам «на степи за Кумою рекою». В результате сражения атакующие «многих калмыцких людей побили...»[9].

Для кабардинских княжеств Кара-Кашхатауская битва оказалась Пирровой победой: погибли/тяжело ранены практически все выдающиеся представители аристократических фамилий Кабарды, княжества понесли тяжелые потери в людских и материальных ресурсах в самый суровый период зимы 1643/1644 г., внешнеполитическое положение кабардинских

княжеств надолго, вплоть до середины XVII в. приобрели в лице калмыцких улусов мстительного и опасного степного соседа.

Стремительное государственно-территориальное развитие Калмыцкого ханства в результате решающего поражения в Кабарде было непоправимо подорвано. Уже в середине 40-х г. XVII в. позиции тайшей в степи оказались настолько шаткими, что они всерьез рассматривали возможность откочевки из Поволжья в Джунгарию[10]. Однако без возвращения останков погибших тайшей и выкупа/обмена пленных покинуть степи Северного Прикаспия калмыки не могли, и это, в конечном счете, кардинально изменило характер калмыцко-кабардинских и русско-калмыцких отношений.

Для ногаев участие в калмыцко-кабардинской военно-политической конфронтации середины XVII в. окончилось окончательным рассеянием на огромных пространствах Восточной Европы. Короткий период самостоятельного развития в рамках Малой Ногайской Орды и Алтыульского владения завершился включением ногайцев в состав соседних народов и государств[11].

Калмыцко-ногайско-кабардинское противоборство на Северном Кавказе в 40-х г. XVII в. предоставило российскому правительству возможность системно и высокоэффективно, без привлечения значительных материальных и людских ресурсов, реализовать свои геополитические интересы в регионе. Дальнейшая провинциализация русско-калмыцких, русско-кабардинских и русско-ногайских отношений позволила Московскому государству сосредоточить усилия в противоборстве с главным своим соперником на Юго-Востоке Европы – Крымским ханством.

---

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVIII-XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

2. РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 13.

3. Хо-Урлюк (монг. Хоо – «рыжий», «желтый»; Орлог – «полководец») первый главный тайша калмыков-торгоутов, представитель рода кереит, сын Зульзуган-Урлюка и внук Буйго-Урлюка.

4. Эвлия Челеби. Книга путешествий. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Перевод и комментарии. Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 87.

5. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. Д. 1. Л. 154.

6. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. Д. 1. Л. 154.

7. Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958. С. 128.

8. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. Д. 1. Л. 155.

9. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. Д. 1. Л. 155.

10. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 111.

11. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 426.

САМАШЕВ З.С., КОЖА М. Б.

Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана
г. Астана, Республика Казахстан

ЭЛИТНЫЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС САРАЙЧИКА

В 2006 году на территории городища Сарайчик нами исследован мемориально-культовый комплекс, о котором пойдет речь ниже. Отметим, что наряду с планомерными раскопками на развалинах древнего города идет работа по выявлению новых исторических сведений о городе, анализ и сличение данных археологии с материалами письменных источников, казахских генеалогий и легенд. Некоторые итоги комплексного подхода к источникам по истории Сарайчика были изложены в ряде публикаций [1; 9].

Ранее не привлекавшиеся по истории Сарайчика материалы встречены в статье М.Шафиги о «Ханской родословной» – рукописной генеалогии XVIII в., хранящейся в Научной библиотеке АН Казахстана: «Саин хан к землям отца присоединил государства

Кипчак, Алан, Иртыш, Етиль, Жайык, первый построил город Сарайчик, поставил трон правителя. Объединил много народу, дал названия Ногай, Моголистан, Ак арыс, Жан арыс, Бек арыс – Старший жуз, Средний жуз, Младший жуз, назначил биев Кудретти би, Найман би, Алшын би. Сарайшық приобрел столичный статус во времена Саина...». Сообщение «Ханской родословной» о принятие в Сарайчике исторического решения о делении кочевого населения на три жуза находит подтверждение в сочинении Курбангали Халиди [2, 65 б], где появление казахских жузов связывается со временем правления золотоордынского хана Жанибека, который взошел на престол в Сарайчике. Эти сведения в совокупности с данными археологии еще раз подчеркивают роль этого памятника в истории Евразии.

В вышеупомянутой генеалогии имеется информация о вступлении Узбек хана на престол в Сарайчике: «Сарайшық шаһарында ол хан болды» [3, с. 35]. На столичный статус города указывает и сам урбоним Сарайчик – уменьшительное название от Сарая – по-персидски «дворец» – названия столицы Золотой Орды. По словам Абул-л-Гази, в Сарайчике взошли на престол ханы Золотой Орды Жанибек, Бердибек [4, с. 170–171]. Предполагается, что город являлся и одной из резиденций ханов рода Шейбани [5, с. 32].

В Сарайчике – столице Ногайской Орды, базировались верховные ногайские правители [6, с. 585–586].

Столичной статус Сарайчика должен был найти свое отражение и в топографии городища, ибо Сарайчик в отличие от золотоордынских Сараев продолжал играть роль административного центра Дешти-Кипчака почти до конца XVI в. Однако характерный для средневековых городищ Средней Азии и Южного Казахстана резко выделяющийся на местности бугор – «цитадель, арк» в Сарайчике отсутствует. В раннемонгольский период Сарайчик, скорее всего, представлял собой группу аристократических усадеб, окруженных жилищами пленных-рабов, зависимых ремесленников и строителей, насильно переселенных в это место. Такую структуру имели в ранний период столичные города Золотой Орды [7, с. 14]. Рашид-ад-Дин писал: «Так как он (Угедей) еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в (своем) юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами... Последовал указ, чтобы каждый из (его) братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то (их) оказалось целое множество [8, с. 40].

Полевые работы на Сарайчике вскрыли относительно хорошо сохранившийся архитектурный комплекс, имеющий много общих черт с сооружениями типа среднеазиатского «ханако». Такие монументальные сооружения могли выполнять и роль резиденций для правителей и их дворов [9, с. 60–78]. Раскоп 2005 г. на берегу Жайыка выявил остатки бани [10, с. 159–162], которая, скорее всего, представляла собой часть разрушенного рекой аристократической усадьбы.

Территория городища, занятая частью современным поселком Сарайчик и действующим кладбищем, в большей части потеряла первоначальный облик. В то же время нельзя не заметить, что в микрорельефе памятника прослеживаются остатки вала, отделяющую юго-западную часть территории городища от остальной части. В связи с этим для нас большой интерес представляет описание развалин Сарайчика 1906 г.: «Место, на котором стоял древний Сарайчик, было ограждено с востока р. Уралом, с запада речкой Сарачинкой (рукав Урала), с юга и с севера стенами. Обе стены начинаются с востока, от берега р. Урала и, направляясь на запад, упираются в речку Сарачинку. Таким образом, площадь, занимаемая древним Сарайчиком, представляет вид почти четырехугольника (если не считать зигзагов, образуемых рекой Сарачинкою), каждая такая стена будет равна одной версте приблизительно. Имея сказанное ограждение, Сарайчик был изолирован отовсюду; такая изоляция была обитателям Сарайчика необходима в смысле стратегическом: при частых вражеских нападениях. В настоящее время стены имеют вид простого вала. На выше описанной площади находятся бугры мусора от древних Сарайских построек. В общем, своем составе бугры, представляют из себя одно целое возвышение. Сказанное возвышение имеет в окружности две версты. В южной части расположения холмов имеется местность, обнесенная валом. Этот внутренний вал являлся, видимо, чем-то в роде кремля среди других построек. Названный внутренний вал имеет в окружности 250 саж.» [11, с. 96].

Таким образом, юго-западная часть городища, ограниченная сохранившимся до настоящего времени валом, по описанию 1906 г. «внутренним валом», и есть территория «кремля» Сарайчика. Внешний вал охватывал, видимо, весь город. Как видно из описания 1906 г. протяженность каждой из стен составляла в 1 версту (около 1070 м.). По разным источникам общая окружность валов составляла в 5 верст, 2 версты или 3 версты 250 сажен (соответственно около 5330, 2134, 3733 м.). По мнению В.В. Трепавлова следует больше доверять последней цифре, поскольку она принадлежит чертежнику Алексееву, по данным которого городище занимало в длину 1 версту 100 сажен (1280 м), в ширину – 1 версту 50 сажен (1173 м) [6, с. 593].

С учетом того, что существенной чертой золотоордынских городов являлось слабое или полное отсутствие оборонительных линий можно предполагать позднее происхождение валов Сарайчика. Недостроенный вал и ров зафиксированы на Водянском городище, валы известны на Селитренном городище, на Царевском городище, на Старом Орхее, где они были сооружены в период смут в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1994, с.25, 30,43). Внешний вал, присутствующий в описании 1906 г. Сарайчика, охватывал видимо весь город и скорее всего относился к золотоордынскому периоду истории города. Внутрений вал охватывает только юго-западную часть городища. На этой территории был заложен раскоп III, за отмеченным выше валом располагаются раскопы V, XII, IV (рис. 1).

До 1850–1860-х годов «с южной стороны кремля находилась башня из обожженного кирпича... По рассказам казаков лет 30–40 тому назад стояли еще остатки каменных стен. Казаки, не зная цены древности, стены разобрали и кирпичом выслали полы в своих домах» [11, с. 96]. В настоящее время на огороженном участке кладбища, прослеживаются следы двух грабительских ям, с отвалами насыщенным битым кирпичом и крошкой алебастровой штукатурки и раствора. Видимо здесь и располагались разобранные на кирпичи сооружения.

К востоку от этих ям, в секторах А 58–30, А 58–31, А 59–31 1999 г. был заложен раскоп III (рис.2). 2006 г. исследования на данном участке городища были продолжены и общая площадь раскоп III составила около 200 кв. м. (рис. 3).

В 1999 г. в срединной части раскопа была обнаружена стена, сложенная из обожженного кирпича (размером 23х23х5 см) на суглинистом растворе. Стена была ориентирована в 40?. Ширина этой части стены равна 23 см. Далее на северо-запад она опускалась до уровня 1 кирпича. В срединной части стены сохранилась перпендикулярная кладка, достигающая 5 рядов кирпичей. В северо-западном направлении она имела в плане 2 выступа, оштукатуренных с восточной стороны алебастровой штукатуркой толщиной в 0,5 см. Сама стена далее на северо-запад не сохранилась. Ее участок в срединной части имел ширину около 50 см. В восточной части угол стены был укреплен выступающими кирпичами первого ряда ввиду того, что стена по длине мягко просаживалась к этому участку на 10 см. С юго-западной стороны близ сохранившегося угла находилось в северо-западной стороне в 70 см остатки колонны 1, первоначально принятая за гульдасту мавзолея. Сложена она по наружной поверхности 5 ряда из трапециевидного подтесанного кирпича. Ее юго-западный край отходил от обреза юго-западной стены на 15 см. Кирпичи основания колонны опускались ниже уровня начала выкладки стен на 1 ряд, т. е. колонна фрагментарно сохранилась на 6 рядов кирпича.

2006 г. при расширении раскопа (рис. 4, 5, 6) на северо-восток на уровне вышеописанной колонны и стены были выявлены остатки еще двух колонн. Колонна 2 расположена в 5 м к северо-востоку от первой. Она сложена из трапециевидного подтесанного кирпича размерами 22–22,5х22,0–22,5 х 5,0–6,0 см на алебастровом растворе (рис. 7). Колонна покрыта тонкой (0,8–1,0 см) алебастровой штукатуркой. Диаметр колонны равен 84–85 см, наибольшая сохранившаяся высота остатков 22–23 см. На оголившихся участках толщина раствора достигает 3–4 см. Нижний ряд кладки колонны впущен в грунт серого цвета. На нижнем ряду отсутствует внешняя обмазка-штукатурка. Судя по штукатурке, на вскрытом участке сохранившиеся три верхних ряда кладки кирпича выступали над древней поверхностью, а нижняя кладка была заглублена. Гладкая поверхность штукатурки колонны к концу третьей кладки, от дошедшей до нас верхней кладки колонны, завершается небольшим изгибом-поворотом на уровне пола. Утоптанная серая поверхность вокруг колонны находится на глубине 90 см от дневного горизонта.

Колонна 3 в плане круглая, 85–90 см в диаметре. Она сложена из трапециевидного подтесанного кирпича. Сохранилось 5 слоев кладки кирпича на алебастровом растворе. Крайний южный кирпич третьей колонны располагается в 190 см к северо-западу от крайнего северного кирпича первой колонны. Серая поверхность, на котором стоит колонна, находится на глубине 80 см от дневной поверхности.

На расстоянии 70–75 см к северо-востоку от колонны 3 выявлена угловая часть сооружения. Она находится на той же серой поверхности, что и колонны. Однако направления стен и направление колонн не совпадают, что позволяет считать их элементами различных сооружений. Культурный слой между колоннами 2 и 3, угловой частью сооружения был насыщен обломками обожженного кирпича, алебастрового раствора, фрагментами глиняного раствора, кирпичной и алебастровой крошкой.

При раскопках 2006 года были выявлены отдельные детали архитектурного декора существовавших здесь монументальных сооружений – целые образцы и фрагменты кирпичей и плиток (толщиной стенок от 2 до 4 см) покрытые голубой глазурью, фрагменты специальных кирпичей – сухарей, используемых в возведении купольных перекрытии. Сухари имеют на противоположных расширяющихся гранях выточеные выемки глубиной до 2,5 см. Примечательны прямоугольные декоративные плитки размером 4,5х9 см. с остатками алебастрового раствора с рельефным орнаментом с двумя зеркально расположенными трехлепестковыми цветками с точкой в центре. Узкие грани плиток скошенны в сторону плоской, длиной 2,2–2,5 см. Размер лицевой части около 5х10,5 см. Рельеф выступает на 4–5 мм.

При расчистке участка к западу от колонн найден фрагмент алебастровой штукатурки размером 12х8 см с остатками процарапанной арабографичной надписью, где различаются две буквы «лям» и «х», возможно слово Аллах.

В заполнении слоя перекрывающего поверхность, на котором стоят колонны 2 и 3 найдены две монеты. Одна монета относится к чекану крымского хана Менли-Гирея 1480–1490 гг., вторая периода Золотой Орды.

В южной части раскопа выявлены остатки склепов типа корхана и ступенчатого надгробия из обожженного кирпича. Корхана 1 имеет прямоугольную конструкцию с внутренним размером 317 см с юго-запада на северо-восток на 310 см (у юго-западной стены) – 317 см (северо-восточной стены) с юго-востока на северо-запад (Рис. 8). Северо-западная и юго-восточная стены были ориентированы с азимутом в 35°. Заполнение корханы было представлено перемесом культурного слоя, упавшего в разрушенный участок свода. Он заполнил корхану на высоту около 1 м с линзовидно выпуклым верхом слоя. Затем помещение корханы стало заполняться разрушенным эррозией культурным слоем в виде затека и завеяний. Дно было относительно ровным и имело стяжку из довольно чистой супеси. Стяжка делалась от кирпичных стен. Ее толщина около 1,5 см. Склеп сложен из обожженных целых кирпичей с размерами 21–22х21–22х5 см. Раствор связки суглинистый чистый. Имел толщину около 2 см. Стены конструкции на высоту в 17 рядов кирпичей (107) в срединных участках были вертикальными, а затем начинался вальмовый свод. Он сохранился на высоте в 150 см. По центру стен располагались стрельчатые ниши высотой в 100см и шириной по основанию 150 см (рис.9). Щеки ниш были углублены на 6–8 см. В углах сооружения стены были вертикальны на высоту в 6 рядов. Выше начинался выход на парус. По всему периметру, на уровне 5–6 кирпича находился декоративный фриз в виде ребристой кладки в 2 слоя кирпичей, уложенных углом во внутрь помещения и выступающих углом на 5–6 см во внутрь корханы от плоскости стен.

В северо-западной стене по ее середине располагался проход шириной в 95 см. Стены прохода были вертикальные на высоту в 6 рядов кирпичей. На них опиралась арка прохода из кирпичей клиновидной кладки. Основания арки внедрялись в тело стены на 5–6 см, т. е. переход от вертикальных стенок на арку был уступчатым. Высота входа была около 95 см. С наружной стороны к нему, видимо вел ямообразный желоб, шириной равной ширине входа. В проходе видна его закладка из обожженных плоско уложенных кирпичей на 66 см выше уровня дна корханы. Линия северо-восточной стены прохода приходилась довольно точно на северо-восточный край сохранившейся выкладки с уступами на стене.

На дне корханы находились остатки деревянного гроба с железными пластинчатыми прямоугольными скобами, в котором лежали смещенные кости мужчины возрастом около 40 лет (судя по черепу). У юго-восточной стены находились перемешанные кости женщины порядка 30 лет (судя по черепу).

В ходе расчистки примыкающего культурного слоя к стенам склепа было прослежено, что перед возведением склепа в культурном слое была вырыта прямоугольная яма несколько шире стен склепа. В северо-западном углу была срезана стена из сырца 38х7,5х21 см. В кладке стены фрагментарно прослеживаются обломки обожженного кирпича. Длина юго-западной стенки прямоугольной ямы составляла 356 см. К сожалению, из-за кирпичного склепа 2 и не вскрытого захоронения невозможно определить длины остальных стен ямы для склепа.

При углубленной зачистке пола склепа в юго-западной части выявлен полукруг диаметром 153 см., уходящая за стенки склепа. Четко прослеживается желто-коричневый обожженный край полукруга. Это остатки керамической печи, разрушенной при рытье ямы для склепа.

Вход в корхану 1 был разрушен грабительским перекопом в период, последовавший после раскопа 1999 г. и поэтому наши попытки выявить ее не дали положительного результата. Расчистки на площадке перед корханой 1, т. е. к северо-западу от склепа не выявили остатков какой-либо планировки. На данной площадке бессистемный разброс фрагментов кирпича, алебастровой штукатурки и раствора.

Склеп корхана 2 сооружен из целого и крупных фрагментов обожженного кирпича на глиняном растворе с белыми включениями. Вход в камеру осуществлялся через арочный проход в середине северо-западной стены. С внешней стороны вход был заложен в 6 слоев кирпича. Проход шириной 77 см, высотой 60 см. Склеп, безусловно, имел сводчатое перекрытие, который к моменту вскрытия сохранился фрагментарно. На полу камеры обнаружены 9 захоронении, положенных вытянуто на спине, направленных головой на северо-запад (рис.10). В западной части камеры располагались детские погребения: скелет подростка 10 лет и скелет мальчика 4 лет. Под скелетом последнего прослеживались остатки деревянных досок.

Корхана 2 юго-западной стенкой вплотную примыкал к корхане 1. С трех, других сторон склеп 2 находится в окружении сырцовых стен. Создается впечатление, что, скорее всего корхана 2 специально была впущена в пространство ограниченное сырцовыми стенами. Сырцовая стена в юго-западном отрезке прилегает к остаткам керамической печи диаметром 40–42 см. Сохранилось продолжение сырцовой стены в восточном направлении. Корхана 2 с северо-восточной стороны почти вплотную соприкасается со стеной, возведенной из сырца различного оттенка. Здесь прослеживается кладка из сырцового кирпича фиолетового цвета. Видимо для отливки кирпичей был использован культурный слой с золой. В сырцовом кирпиче прослеживаются вкраплины горелого, мела или извести. Местами сохранилась глинянная штукатурка светло-желтого цвета.

При углублении на один штык, на глубине 25 см от современной дневной поверхности у южного борта раскопа выявлены остатки надгробия, выложенного из сырцового кирпича и облицованного обожженным. К сожалению, часть надгробия была уничтожена при рытье могильной ямы нового времени, а другая часть уходит за край южного борта раскопа.

Надгробие состоит из трех различных параллелепипедов, поставленных друг на друга, ширина основания в восточной части 181 см, высота 65 см (рис 11). Основа всего сооружения выложена из сырцового кирпича, обложенная по бортам положенными плашмя целыми и половинками обожженного кирпича. Завершающая часть надгробия не сохранилась. Высота, сохранившегося верхнего параллелепипеда 20–24 см, сложена по борту половинками положенных плашмя обожженных кирпичей в три слоя. Раствор между кирпичами глиняный. Крайние угловые кирпичи не сохранились.

Вблизи южного угла корхана 1 на уровне чуть ниже колонн выявлены остатки стены. Сохранился участок из 6 рядов кладки из обожженного кирпича форматом 23–24х23–24х5 см. Раствор кладки глиняный, имеет желтый оттенок. Толщина раствора 2–3 см. Стена состоит из двух параллельных простенок. Пространство между двух кладок заполнено фрагментами кирпича и мусора. Общая ширина стены 62 см. Отрезок стены разрушен

захоронением, имеющим заклад длиной 2,4 м из целых обожженных кирпичей форматом 23–24х 23–24х5 см и фрагментов кирпича. Ширина в два целых кирпича, 50–54 см. На поверхности заклада слой камыша толщиной 1–2 см. Ориентировка заклада с востока на запад. Захоронение не вскрывалось. Причем после захоронения к северу идет фрагмент стены, который можно считать продолжением предыдущего. Прослеживается описанная выше конструкция стены в два ряда из целого обожженного кирпича с заполнением между ними фрагментами кирпичей.

Из выявленных в ходе исследовании на раскопе III объектов наиболее ранним следует считать остатки керамических печей и сырцовые стены, срезанные в ходе рытья ям для склепов. Из находок к этому времени относятся печной припас и фрагменты ошлакованных стенок печей. Большая часть красноглиняной и поливной керамики из раскопа III относится к XIV–XV вв.

Верхний строительный горизонт представлен остатками колонн, обрывками стен из обожженного кирпича, надгробием, оштукатуренных алебастровым раствором и склепами. Из этого слоя происходят монета конца XV в. Встречены несколько образцов глазурованной керамики XV–XVI вв. Отсутствие хозяйственных построек (очаги, тандыры), незначительные находки керамики в верхнем строительном горизонте позволяют предполагать нерядовой характер вскрытых сооружений на раскопе III. Стратиграфия участка и нумизматический материал позволяет отнести раскопанные колонны и склепы типа корхана к ногайско-казахскому периоду Сарайчика.

Особый интерес вызывает обнаруженный на этом участке остатки колонн. В Средней Азии массивные опоры в виде округлых кирпичных столбов известны (за исключением Варахши) с IX–X вв. и чаще в мечетях (12, с. 55). Большая часть известных в настоящее время мечетей Золотой Орды представляли квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад [7, с. 67–69; 13, с. 38]. Круглая в сечении колонна имеется в старинной мечети Ханга-баба, расположенной в 30 км от г. Актау [14, с. 12]. Мечети, раскопанные в южных районах Казахстана, имеют колонны квадратного сечения [15, с. 106–108]. На наш взгляд, колонны, вскрытые на раскопе III Сарайчика, принадлежат мечети, скорее всего соборной или дворцовой. В Российском государственном архиве древних актов «ногайских книгах и столбцах» сохранилось сообщение 1564 г. ногайского мирзы Дин-Али б. Хаджи–Мухаммед о своем желании получить сторублевое жалованье, чтобы «тем бы мне поставити в Сарайчике мечит». Есть архивные данные и о намерениях ногайских правителей возвести в Сарайчике бийский дворец в 1562 г. [6, с. 569, с. 587–588].

Наличие захоронений рядом с мечетью не должно удивлять. Так во время функционирования мечети на Водянском городище и главным образом после ее разрушения, внутри, а также вне ее стен неоднократно производились захоронения [16, с. 108]. К примеру, дворец Ширваншахов в Баку включал дворец и «диван-хане» со склепом, мавзолей «дервиша», дворцовую мечеть, усыпальницу, баню [17, с. 108–118]. Необходимо отметить что, если вскрытые до этого склепы на других раскопах Сарайчика располагались хаотично относительно друг друга, то исследованные на территории раскопа III склепы-корхана располагаются в одну линию, что позволяет предполагать об обнаружении на данной территории городища архитектурно организованного элитного, культово-мемориального комплекса. Уровень пола склепа 2 и расположение юго-западной стенки вплотную к склепу 1 позволяет считать склеп 2 более поздней постройкой.

Примечательно, что корхана 1 раскопа III в отличие от многих вскрытых склепов Сарайчика полностью возведен из целого кирпича. Кроме этого сохранившиеся здесь остатки стен свидетельствуют о наличии наземной части, т. е. мавзолея со склепом. Примечательно и наличие фриза внутри склепа в виде ребристой кладки в 2 слоя кирпича. Склепы типа корхана как специальное подпольное погребальное помещение известны в мавзолеях Среднего Востока с XI в. [18, с. 122; 19, с. 64]. В Средней Азии к домонгольскому периоду относятся мавзолей Шабурган-ата, мавзолей Ходжа Дурбад на юге Таджикистана, «башенные» мавзолеи на кладбище Машад у Дахистана [20, с. 222, 229, 231]. Корхана получили большое распространение в мавзолеях монгольского и тимуридского времени. В ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде обследовано 18 склепов XIV–XV вв. [21, с. 45–50].

В оформление интерьера подземных камер вводятся элементы декора в виде мраморной облицовки, поливных изразцов (склепы мавзолеев Биби-ханым, Ишрат-ханы, Ак-сарая, склеп, вскрытый южнее мавзолея Гур-Эмир, склеп Тимура в комплексе Дорус-Сиадат в Шахрисябзе) [21, с. 48].

Помимо Сарайчика склепы известны и на других средневековых городищах Казахстана. Под мавзолеем Кок-Кесене, где был похоронен правитель кочевых узбеков Абулхаир, что в окрестностях Сыгнака, был также устроен склеп. Подземные склепы имелись и в центральном некрополе Сыгнака [11, с. 188–192; 19, с. 81–82]. Вокруг мавзолея ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане были вскрыты склепы: под мавзолеем Рабии султан Бегим XV в. [22, с. 277–278], под безымянным мавзолеем XVI–XVII вв. [23, с 59–72], под мавзолеем Есимхана, датируемый XVII в. [24, с. 93–98].Здесь обнаружен отдельный склеп, перекрытый куполом типа «балхи» [24, 1961, с. 102]. Склепы представляли собой фамильную усыпальницу феодальной знати. Так на полу склепа в безымянный мавзолей XVI–XVII вв. в г. Туркестане былы обнаружены шесть взрослых и одно детское погребение в деревянных ящиках [23, с 59–72], в склепе мавзолея Рабии султан Бегим обнаружены части обтянутых кожей деревянных ящиков и костные остатки шести человек [22, с. 277–278]. В сыгнакском склепе оказалось 19 человеческих черепов [11, с. 188–192]. Н.Б. Немцева описывая склеп мавзолея эмира Бурундука, отмечает что погребения как в этом склепе, так и в других склепах ансамбля Шахи-Зинда в большей части оказались в перемешанном состоянии. Лишь три поздних погребения в склепе мавзолея Бурундука не были потревожжены и лежали в анатомически правильно. А судя по числу черепных коробок в мавзолее было похоронено 9 человек [21, с. 49].

Захоронение в склепах-корхана отличается от общепринятых и распространненых мусульманских обычаев погребения умершего. По этнографическим данным обычай погребать покойников в подземных склепах у части казахов сохранилось до середины XX в. Этнограф С.Н. Акатаев отмечает: «Сагана у казахов – костехранилище умерших членов одной семьи, представляет собой подземное помещение с отдельными площадками или полками, с лестницами. Стены подземного помещения прочно облицованы жженым кирпичом или сланцовыми плитами, потолок из мощных бревен, сверху покрытых утрамбованным гравием. Над саганой возвышается надземное куполовидное сооружение...» [25, с. 47]. Подземный склеп с двумя камерами зафиксирован в некрополе Макат с. Шенбер Улутауского района Джезказганской области, где покойника не закапывали, как обычно, в землю, а помещали в камеру. При новом погребении останки предыдущего покойника спускали в могильную яму, расположенную рядом [26, с. 11–13]. Достаточно полное представление об устройстве склепного погребения в мавзолеях Центральном Казахстане дано в статье М.К. Семби. Исследователь справедливо отмечает, что следует различать склепные погребения – на захоронения в склепах, где останки человека не тревожатся и очередное трупоположение не нарушает порядок расположения костей предыдущего покойника и на склепные погребения, где кости покойника либо сгребаются в угол склепа, либо как в данном случае сталкиваются в специальное костехранилище, напоминающее захоронение костей в оссуариях. В Центральном Казахстане местное казахское население к склепным подземным погребениям применяют специальное название «сахана» [27, с. 391–398]. Последнее захоронение в склепе Рамазана, расположенного в Жанааркинском районе Джезказганской области совершено в 1984 г. В данном склепе умерших помещали, открыто в один ряд. У передней стены лежали останки шести покойников разной сохранности, с обеих сторон лестницы располагались еще два покойника. Во всех сагана умершего хоронили в саване. Аналогичные сооружения известные в районе Сарысу, в западных и южных районах Казахстана [28, с. 103; 29, с. 277, 295; 30, 30–33 бб]. Склепы использовались как семейные усыпальницы и предназначались для знатных фамилии светской и духовной аристократии и не является повсеместной и широко распространенной .

Как известно Сарайчик и в последний период своей истории оставался местом захоронения элиты Дешти-Кипчака. В Сарайчике располагалась усыпальница всех ногайских правителей и элиты.

По мнению одних историков в Сарайчике был погребен один из основателей казахского ханства Жанибек [6, с. 585], по мнению других, произошла путаница золотоордынского хана с одноименным казахским ханом, и в действительности в Сарайчике покоится Жанибек – правитель Золотой Орды [4, с. 171]. В ногайской легенде о Тохтамыше и Едиге о

Сарайчике говорится буквально – «хандарды койган Сарайшык, хан суйегі кие деп» т.е. «Сарайчик, где погребены ханы, и кости ханов заповедны» [31, с. 395]. Здесь же располагался некрополь знатных мангытов [6, с. 568].

Выявленные в ходе исследования сооружения раскопа III представляют памятники Сарайчика ногайско-казахского периода. С раскопок из района «кремля» и прилегающей к ней территории происходят монеты XV–XVI вв. [1, с. 87]. Верхняя хронологическая граница существования Сарайчика как административного центра 1580 г., когда город был разрушен до основания казаками, причем были извлечены даже мертвецы из могил [31, 1966, с. 395]. Оставшиеся в живых жители Сарайчика покинули город. Видимо часть, население Сарайчика перебралась в Хиву: «Сим именем называется лежащий от Оренбурга в 700 верстах главный город Хивинцев, такого народа, который прежние времена проживал на реке Нижнем Урале или старинном Яике, где и ныне еще во 60 верстах выше устья Сарайчика – знатнейшего их города – есть явные признаки бывшего их тут пребывания; будучи же оттуда выгнаны, пошли на Восток к Аральскому морю и поселились в нынешней небольшой земле, которою назвали Хивою, а себя Хивели» [32, с. 222]. Однако Сарайчик продолжал оставаться культовым, сакральным центром региона. Почти вся территория городища превращается в некрополь, состоящий из склепов и могил.

1. Самашев З. Исследование золотоордынского города Сарайчик (предварительное сообщение) // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – с. 137–162; Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В. Монеты Сарайчика. – Алматы, 2006; Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. – Алматы, 2001.

2. Курбангали Халиди. Тауарих хамса. – Алматы, 1992.

3. Шафиѓи М. Хандар шежіресі // Сирек кездесетін кітаптармен ќолжазбаларды саќтаудыњ µзекті мєселелері, ѓылыми зерттеудегі µзара ыќпалдастыќ жєне жања технологияларды енгізу. ЌР БЃМ ОЃК ѓылыми-практикалыќ конференциясыныњ материалдары. – Алматы, 2004.

4. Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001.

5. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965.

6. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2002.

7. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.,1994.

8. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.–Л., 1960.

9. Самашев З., Плахов В. Об одном архитектурном комплексе Сарайчика. // Материалы пленарного заседания международной научно-практической конференции «История цивилизации и духовной культуры кочевников», посвященной 100-летию академика А.Х. Маргулана. – Павлодар, 2004.

10. Кожа М., Самашев З. Новые материалы к изучению бань золотоордынского времени // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2006, № 2 (41). – С. 159–174.

11. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург, 1910.

12. Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. – Берлин–Рига, 1992.

13. Мендикулов М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. – Алма-Ата, 1987.

14. Зиливинская Э. Д. Мечети Золотой Орды // Проблемы взаимодействия национальных культур. Часть 2. – Астрахань, 1995.

15. Акишев К. А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987.

16. Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976.

17. Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В. Искусство Азербайджана IV–XVIII веков. – М., 1976.

18. Армарчук Е. Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма,функция и возраст // Татарская археология. – 2001. – № 1–2 (8–9).

19. Пугаченкова Г. А. О мавзолее Ишратхана и дворце Дилькуша // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. – Ташкент, 1997.

20. Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии. XI–начала XIII. Часть 1. – Берлин–Рига, 1996.

21. Немцева Н. Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-зинда // общественные науки в Узбекистане. – 1969. – С. 45–50.

22. Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Т. Мавзолей Рабии Султан Бегим // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994. С. 277–278.

23. Ерзакович Л. Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977. С. 59–72.

24. Немцева Н. Б. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви (1958) // Известия АН Каз. ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1961 Вып. 1 (15). – С. 92–104.

25. Акатаев С.Н. Культ предков у казахов в прошлом и зороастризм // Известия АН Каз. ССР. Сер. обществ. наук, 1973, № 2. – С. 43–49.

26. Джанибеков У. Культура казахского ремесла. – Алма-Ата, 1982.
27. Семби М. К. Реликты архаических ритуалов в памятниках казахской архитектуры Сарыарки // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. – Алматы, 2001.
28. Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – Алма-Ата, 1991.
29. Ажигали С. Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002.
30. Сейдімбек А. Суйек косу // Мадениет. 2006. – № 1.
31. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. Соч., Т. IV. – М., 1966.
32. История Узбекистана в источниках. – Ташкент, 1988.

ТЕПКЕЕВ В. Т.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
г. Элиста, Россия

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ XVII В. О НОГАЙСКОМ ПОЭТЕ КАЗЫ-ТУГАНЕ

В отличие от творчества, жизнеописание ногайского поэта Казы-Тугана не было темой отдельного исследования и поэтому практически не известно для широкой общественности. В основном, немногочисленные сведения из жизни поэта исследователями творчества почерпнуты из его же собственных произведений. Например, мы знаем, что Казы-Туган был сыном едисанского мирзы Суйиниша Сейит-Абдулла улы (в русских документах именуется как Сююнча Абдулов), жил на Волге, а затем со своим улусом перебрался на Кубань [2, с. 255, 257, 258]. Вместе с тем это вполне конкретный исторический персонаж, сведения о котором, хотя и редко, но встречаются в русских документах второй половины XVII века. Стоит отметить, что собственно материалы о ногайцах, хранящиеся в фонде «Ногайские дела» Российского государственного архива древних актов, практически ограничиваются 1660-ми годами. Однако более поздние сведения об этом народе отражены в материалах других фондов, таких как «Крымские дела», «Кабардинские дела», «Донские дела», «Калмыцкие дела» и др. В данной статье предполагается осветить некоторые моменты из жизни Казы-Тугана конца XVII столетия, которые удалось обнаружить в архивных фондах.

Впервые сведения о Казы-Тугане мы находим в русских документах за 1673 г., когда в феврале калмыцкий правитель Аюка с другими тайшами в ходе русско-калмыцких переговоров и накануне подписания шерти выступил с ходатайством перед астраханскими властями об освобождении молодого ногайского мирзы с Аманатного двора. Конечно, позиция калмыцких тайшей в первую очередь отражала интересы кочевавшего с ними едисанского мирзы Сююнчи Абдулова, который и приходился отцом Тогану (так Казы-Туган именуется в документах). Несмотря на то, что тайши подчеркивали заслуги Сююнчи перед государем, астраханские власти не могли решить этот вопрос самостоятельно без соответствующего из Москвы царского указа. Последующее за этим давление на воевод со стороны тайшей попытался смягчить кабардинский князь К.М. Черкасский, объяснив калмыкам всю сложность разрешения этой проблемы и «обнадеживал их государской милостию». Тайши согласились с доводами князя, пообещав заслужить «государскую милость» [3, с. 56]. Таким образом, получается, что детские годы Казы-Туган провел в астраханском Аманатном дворе, правда, сроки пребывания его там нам пока не известны.

Пребывание едисанских улусов в составе Калмыцкой орды можно отсчитывать с 1643 г. Именно в этом году ногайские мирзы впервые добровольно присоединяются к калмыкам, в то время как в прошлые годы присоединение в основном носило насильственный характер. Общая численность едисан на тот момент составляла примерно 5 тыс. улусных человек. Более полные сведения документы дают о жизни отца Казы-Тугана, Сююнчи Абдулова. Впервые отцовское имя фигурирует в документах за 1643 г., когда осенью этого года он в составе калмыцко-ногайского отряда совершил набег на Казыевский улус, был

также участником Крымского похода 1648 г., участвовал в русско-калмыцких переговорах при подписании шертей 1657 и 1673 гг. [4].

О браке родителей, в результате которого на свет появился Казы-Туган, вскользь идет речь в поэме «Родная земля»: «Родимая, свободная земля, Где поселилась Белая Орда, Где молодой отец мой Суьйиниш Однажды зятем долгожданным стал, Где мать моя – красавица Бозтувган Невесткой в дом желанною вошла» [2, с. 257]. В архивных документах, возможно, мы находим косвенное этому подтверждение, поскольку в 1647 г. калмыцкие тайши заключили с мирзами династические союзы. Так, калмыцкий правитель Дайчин выдал свою дочь замуж за едисанского мирзу Салтамурата Тинбаева, тайша Лузан выдал свою дочь за Сююнчу Абдулова, другим калмыцким тайшам рекомендовалось брать в жены дочерей ногайских мирз [10, л. 27, 28, 30]. Отсюда можно сделать предположение, что мать Казы-Тугана, Бозтувган, о которой идет речь в поэме, возможно, и была представительницей указанной калмыцкой знатной семьи.

Миграции ногайских улусов из нижневолжского в причерноморский регион или на Северный Кавказ в XVII в. происходили не только в период так называемого «калмыцкого нашествия», т.е. в первой половине столетия, но и последующие периоды. Пребывание ногайцев в составе Калмыцкой орды было весьма не устойчивым, особенно в момент внутриполитического кризиса в калмыцком обществе или резкого ухудшения в целом ситуации в регионе, как это было во время разинского восстания. Уход Казы-Тугана с Волги на Кубань, о чем он воспевает в своих произведениях, также можно проследить по архивным документам и даже уточнить его сроки.

В следующий раз имя Казы-Тугана встречается в документах второй половины 1694 г. В этот период отношения калмыков с соседями, в первую очередь это касалось донских казаков и башкир, резко ухудшились. Калмыцкие улусы, опасаясь ударов со стороны казаков, начинают откатываться на левобережье Волги и далее за Яик. Опасность того, что калмыки могут уйти в Джунгарию и захватить с собой ногайские улусы, сильно тревожила мирз, и в случае подобного развития сценария они искали все возможные варианты ухода из-под власти хана Аюки.

В декабре к астраханскому воеводе Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину с тайным посланием обратились кочевавшие с калмыками едисанские мирзы Тинбаевы – братья Тоган, Азамат и Аджи. Всего в клане Тинбаевых насчитывалось около 200 мирз и 10 тыс. улусных людей. Ногайские мирзы выразили желание откочевать от калмыков непосредственно по государеву руку. Свое пребывание у калмыков они отсчитывали с того времени, когда ушли из-под Астрахани из-за ссоры с тогдашним воеводой Ф.А. Телятевским. Мирзы сообщали о намерении Аюки изменить государю и откочевать за Яик. Причиной этому послужило якобы то, что Аюке стало известно от саратовского воеводы, будто на калмыков планируют направить карательные царские войска. Уход с калмыками на восток не входил тогда в интересы ногайских мирз, поэтому в случае подобного развития сценария ими не исключалась откочевка на Кубань или в Крым.

Но задуманное мирзам удалось реализовать только в 1696 г., когда отмечается бегство части ногайских улусов из-под власти калмыков на Кубань. По сведениям В.М. Бакунина, именно в этом году ногайцы под предводительством своих мирз, Джакшата и Аташа, ушли от Волги на Кубань под протекцию крымского хана, захватив также часть едисан и джембойлуков [1, с. 25]. Согласно крымским источникам, уход 10 тыс. ногайцев произошел примерно в апреле 1696 г. Крымский калга Давлет-Гирей с 3-тысячным отрядом отбил нападение 4-тысячного калмыцкого отряда и проводил ногайцев в безопасное место, где строилась крепость Ачу. Другой крымский источник сообщает, что ногайцы, предварительно объединившись с отрядом калги, разграбили пригороды Астрахани. Хан Аюка с сыновьями направился за ногайцами в погоню, разделив войско на три группы по 4 тыс. человек в каждой и возглавив арьергард. В ходе сражения калмыки разгромили отряды ногайцев, но были остановлены солдатами-секбанами, вооруженными мушкетами. По мнению М. Ходарковского, это была тщательно подготовленная акция, в результате чего прекратились посольские отношения калмыков с Крымом [5, p. 129-131].

Русские источники дают более полную картину об этих событиях. О действия калмыцких войск на Кубани нам известны из сообщения донских казаков, которые в октябре 1696 г. отправляли своих посланцев в Малый Ногай для призыва их под государеву руку. В то же время Чакдорджаб с войском стоял на правом берегу Кубани, которая служила естественным водоразделом между калмыцким и крымско-кубанским войсками, возглавляемое сыном крымского хана. Некоторое время противостоявшие стороны не переходили в открытое вооруженное столкновение, а только обменивались посланцами. На требование Чакдорджаба выдать ему бежавших ногайцев, калга ответил отказом, сославшись на шерть, которую дал его отец: «как кто от Аюки, так же и от хана к Аюке збежит, с обеих сторон никого не спрашивать». Крымцы были в курсе, что Аюка помирился с московскими властями и «хочет их воевать заодно». По приказу калги против калмыков была мобилизована практически вся Кубанская орда, готовая к прямому военному столкновению, и в то же время, не исключая мирного урегулирования, он дал указ «изготовить подарки сыну аюкину». Чакдорджаб стоял лагерем в Мусостовой Кабарде уже около двух месяцев. По сведениям казаков, «а между ими малое разстояние, только одна Кубань река» [6, л. 3, 4, 30].

Более подробные сведения о событиях в 1696 г. привез в Москву 18 января 1697 г. посланец Аюки – Замба-кашка. Из письма Аюки известно, что к нему прибыл кабардинский князь Казы Мусостов с просьбой принять его со всем владением и разрешить кочевать на Тереке. К Мусостову на помощь был направлен Чакдорджаб во главе тысячного отряда, а также с целью вернуть ушедших на Кубань едисан и малибашей. Однако крымский калга с 3-тысячным войском пришел в Кабарду раньше калмыков, поэтому Аюка поспешил с подкреплением к сыну к Куме, а в Астрахань отправил Унитея-бакши с сообщением, что готовится к войне с крымцами. Калмыцкий правитель рассчитывал, что калга не решится на открытое боевое столкновение с калмыками и отойдет в Крым, и в этом случае Кубань и Кабарда, по мнению Аюки, могли стать «под государеву руку». Об этом плане Аюка напрямую сообщал в Москву, а не в Астрахань, так как имел серьезные опасения по поводу того, «чтобы у переводу того листа татаровя, проведав, к салтану на Кубань ведомости не подали». Уже словесно калмыцкий посол передал, что Аюка просит для кубанского похода командировать из Астрахани стрелецких командиров Ефрема Армянинова, Дмитрия Голочалова, Михаила Кереитова и 3 тыс. стрельцов, а также пушки и донских казаков. В Москве согласились с инициативой Аюки и, сверх этого, указала выделить дополнительно 700 стрельцов из Самары, Царицына и Саратова [7, л. 29-32].

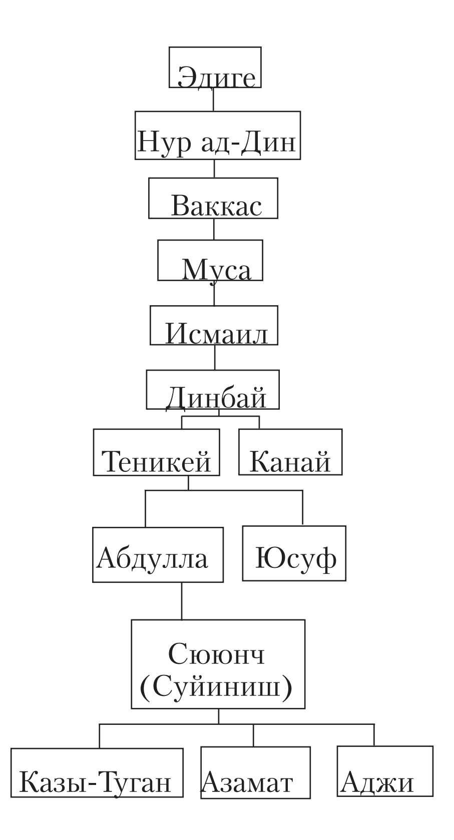
Весьма любопытны сведения, полученные в ходе допроса пленного крымского татарина Чебана, доставленного калмыками в Москву в апреле 1697 г. С его слов, он находился в составе отряда крымского калги под Азовом. После падения турецкой крепости в 1696 г. калга отступил в Кабарду, куда к нему от калмыков пришел с улусом едисанский мирза Тоган, сообщивший о намерении и других ногайских мирз, в частности Салтамурата, также откочевать из-под власти Аюки на Кубань. Тоган просил калгу оказать военную поддержку, чтобы встретить другую группу ногайцев и препроводить их в Малую орду. Собрав 8-тысячное войско, калга выступил по направлению к Волге и Астрахани, направив передовой отряд под командой Кубек-аги, который и привел улус Салтамурата. Это мероприятие проводилось в спешке, и бегство на Кубань шло «наспех днем и ночью, опасаясь калмыцких ратей». Опасения были не беспочвенны, так как уже на Куме стало известно об организованной калмыками погони за ногайским улусом. Опасаясь за свою жизнь, калга с отрядом из 500 человек, бросив ногайцев, бежал в Кабарду. Оборону ногайского улуса возглавили Кубек-ага и Тоган. В один из дней, за три часа до вечера, к Куме подошло калмыцкое войско, и началась битва, длившаяся до вечера, но не закончившаяся в чью-либо пользу. С обеих сторон погибло немалое количество людей, но с крымско-ногайской стороны погибло намного больше, в том числе и знатные крымские люди – Алиш-ага, Сафар-ага и Кубек-ага. В одну из ночей едисаны и татары, «пометав скот и животы», побежали на Кубань. Однако калмыки не стали их преследовать, поскольку войско было малочисленным, насчитывавшим около 2 тыс. человек, а основные силы во главе с Аюкой еще не успели подойти. Калмыки, собрав брошенный ногайцами скот и другое имущество, двинулись в обратном направлении [8, л. 9, 10].

Следующие сведения о Казы-Тугане нам становятся известны из сообщения ногайского посланца Бейшим-аги. В начале 1698 г. едисанские мирзы Тоган и Гидемир с письмом

отправили его в Астрахань и Москву, но по дороге он был перехвачен калмыками, а затем передан астраханскому воеводе Мусину-Пушкину. По словам Бейшима, в конце 1697 г. левобережье Кубани замело глубоким снегом, и от бескормицы начался падеж лошадей, что заставило едисан выгнать свои конские табуны на правый берег реки. Крымский калга с 500 человек ушел зимовать к горским владельцам в Бесленеи, а на правобережье Кубани для охраны табунов направил крымского Девлет-Гирея во главе сотни человек и едисанского Тогана с тысячным отрядом [9, л. 1, 2].

К сожалению, сведения о судьбе Казы-Тугана этим пока и ограничиваются. Дальнейшее всестороннее исследование архивных материалов позволит раскрыть новые страницы истории ногайцев, в том числе и о жизни реально в то время живших народных поэтов и певцов из аристократических семей, пытавшихся своей деятельностью и творчеством повлиять на ход исторического развития ногайского народа.

Родословная Казы-Тугана



1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. – 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. – 153 с.

2. «Йыр иеси мен эдим»: Поэзия йыйынтыгы / Сост. Кулунчакова Б. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2009. – 360 с.

3. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672-1675 гг. / Сост. Н.М. Рогожин, М. М. Батмаев. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 316 с.

4. Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – 376 с.

5. Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y., 1992.

6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 111 (Донские дела). Оп. 1. 1696 г. Д. 7.

7. РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1. 1697 г. Д. 6.

8. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7.

9. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 3.

10. РГАДА. Ф. 127 (Ногайские дела). Оп. 1. 1648 г. Д. 1.

ТОРОПИЦЫН И. В.

Астраханский государственный университет
г. Астрахань, Россия

КУНДРОВЦЫ (НОГАИ) В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVIII В.

В Астраханском крае издавна проживали представители разных ногайских групп, к числу которых относятся кундровцы («кундровские татары»). Подробностей их пребывания в Нижнем Поволжье не много. Большинство известных нам сегодня фактов из их истории связаны с т первой половиной 1740-х гг. В этот период кундровцы во главе с мурзами Адилем и Ак Темирбулатовыми кочевали на правобережной стороне Волги, от них были взяты местными властями аманаты, которые содержались в Астрахани вместе с юртовскими татарами [13, с. 139; 24, с. 345–347; 23, с. 93–94]. И.А. Бирюков указывал, что в начале 1740-х гг. кундровцы были привлечены астраханскими властями к обслуживанию тракта Астрахань-Кизляр [3, с. 16]. Хорошо известным является и тот факт, что в 1744 г. кундровцы были высланы из Астраханской губернии на поселение в Оренбургскую губернию [4, 177–179; 24, с. 348–350].

Более ранние периоды истории кундровцев и последующие этапы жизни этого народа после переселения в Оренбургскую губернию исследованы слабо.

В историографии можно встретить разные трактовки происхождения кундровцев и объяснения причин их появления на Нижней Волге. Главная сложность в выяснении вопроса о происхождении кундровцев заключается в узкой источниковой базе, доступной исследователям, многие из которых апеллируют к трудам своих предшественников, а не к первоисточникам.

Большинство исследователей, начиная с П. Небольсина, отождествляют их с карагашами [18, с. 77; 11, с. 50–51; 12, с. 137; 21, с. 29; 5, с. 309]. По этой причине некоторые исследователи считают кундровцев представителями Малых Ногаев [2, с. 13], но есть и те, кто относит их к Большим Ногаям, причем, не обязательно связывая их с карагашами [8, с. 34; 25, с. 401].

В некоторых исследованиях предприняты попытки обосновать происхождение кундровцев на основе местных топонимов. В качестве варианта выдвигается версия об обозначении этой ногайской группы по названию некоего селения Кундрау [16, с. 71]. В других работах делается попытка провести параллели между названием Черный лес (кара-агач – отсюда карагаши) и кондурами – кундровцами. При этом само месторасположение Черного леса, где росли деревья породы кара-агач, одни исследователи относят к району современного г. Пятигорска, а другие к территории Кумыкии [21, с. 29; 9, с. 43].

На сегодня в науке доминирует точка зрения, что своим появлением на Нижней Волге кундровцы обязаны калмыкам, которые их покорили и заставили кочевать вместе с собою, а после побега последних в 1771 г. из России в Джунгарию (Китай) они перешли под управление местных российских властей. Ряд исследователей утверждают, что кундровцы попали в орбиту влияния калмыков в период Персидского похода русский войск 1722–1723 гг. [6, с. 36; 1, с. 37; 4, с. 178–179; 19, с. 40]. Другие уверены, что эти ногайцы кочевали в другом районе Северного Кавказа (окрестностях современного Пятигорска), где и были пленены калмыками в 1723 г. [21, с. 29].

Впрочем, разные, порой взаимоисключающие друг друга, трактовки истории появления кундровцев в Нижнем Поволжье можно встретить не только в научной литературе, но подчас и одном произведении. Так, в монографии «История Астраханского края» в одной главе утверждается, что «кундровцы», по современному названию – «карагаши», появились на границах Астраханского края, выйдя в 1723 г. из состава Крымского ханства» [10, с. 467]. А в главе, посвященной Астраханской губернии в XVIII в., сообщается, что ногайскую орду «кундровцев» захватили и привели с собой на Волгу калмыки, участвовавшие в Персидском походе Петра I (1722–1723 гг.) [10, с. 215]. Как видим, на лицо явное разночтение одного

и того же факта, так как прикаспийские территории Северного Кавказа, через которые проходил маршрут Персидского похода Петра I, в первой четверти XVIII в. не входили в состав Крымского ханства.

Отсутствие единства взглядов у представителей научного сообщества на проблему происхождения кундровцев, их появления и адаптации в Нижнем Поволжье выдвигает на первый план задачу расширения круга источников, которые могли бы пролить свет на события эпохи XVIII в., связанные с кундровцами.

В этой связи представляет несомненный интерес сочинение А.Г. Митирова, посвященное истории калмыцкого народа, в котором автор передает содержание разговора представителя российских властей и наместника Калмыцкого ханства, состоявшегося в 1752 г. Полковник Н.Г. Спицын, будучи на приеме у Дондука-Даши, интересовался происхождением татар, которые находились в подчинении у калмыков. А.Г. Митиров пишет, что наместник сообщил Н.Г. Спицыну, что когда «калмыцкий народ пришел к Волге в подданство российское, тогда джитсанские и джамбулацкие и малебашские татары, кочующие тогда по ту сторону Яика по разным местам, были завоеваны ими, калмыками, и приведены к Волге, которые здесь и находились, но в бывшее замешание, тех из малебашских татар половина ушла в турецкую протекцию, тому более сорока лет, а другая половина, минхундру называемая, осталась при Кизляре и тамо кочевали». Эта группа, по словам наместника, была захвачена калмыцким владельцем Бату во время Персидского похода Петра I (1722–1723 гг.) и возвращена в калмыцкие улусы, где они впоследствии с «джитсанями и енбулуками обще кочевали». Далее Дондук-Даши пояснил, сообщает А.Г. Митиров, что во время калмыцких междоусобий «оставшая малебашских татар половина обще с джетсанскими и джимбулуцкими татары ушли в турецкую протекцию тому двадцать девятый год» (то есть в 1723 г.). При этом наместник Калмыцкого ханства заявил Н.Г. Спицыну, отмечает автор, что «из тех татар, малебашских, мурзы – прежде ушедшей половины Тим мурза и после ушедшей половины минхундровских Дегой мурза – просят о возвращении» [17, с. 213].

Документ, который приводит в изложении А.Г. Митиров, весьма интересен с точки зрения передачи официальной беседы (переговоров) российских и калмыцких властей, в которых затрагивается история появления в калмыцком подданстве тюркских народов. Она подтверждает, что ногайцы были подчинены калмыками в XVII в., что в историографии не оспаривается. Принципиально важной представляется характеристика Дондуком-Даши состава ногайских орд, попавших в зависимость от калмыков. Наряду с джетисанцами и джембуйлуковцами он указывает малибашцев. К составу последних наместник Калмыцкого ханства относит минхундровских татар («минхундру называемых»), которые обитали на Северо-восточном Кавказе в районе Терека.

Первые две ногайские орды из числа перечисленных Дондуком-Даши достаточно хорошо известны в истории – о них сохранилось немало сведений. Малибашцы также периодически упоминаются в источниках и историографии, посвященных событиям на Северном Кавказе в XVII – начале XVIII вв. [14, с. 29, 213–214; 15, с. 138; 19, с. 37; 26, с. 439; 22, с. 49].

Изложенная Дондуком-Даши хронология событий конца XVII – начала XVIII вв., связанная с бывшими у калмыков в подчинении ногайцами, вполне согласуется с общеизвестными фактами. Так, П.Г. Бутков пишет, что ногайцы, которых калмыки захватили в 1722 г. в ходе «Дербентского похода» (Персидского похода 1722–1723 гг.), содержались «при калмыцких улусах года с два в великом утеснении и оскорблении, от чего они пошли жить на прежния места за Терек и были под ведением бывшей крепости Святаго креста» [4, с. 179]. В комментариях к данному тексту автор указал, что «калмыки называли сих Нагай Хондро и минкудровскими Татарами» [4, с. 179].

По сведениям Н.Н. Пальмова, во время «Дербентского похода» в 1722 г. калмыки захватили тысячу кибиток «кумыцких татар-хундровцев», которые в следующем году были присоединены к астраханским татарам. Два года спустя часть из этих «татар-хундровцев» была передана калмыцкому владельцу Дасангу, которая стала кочевать с группой «убогих» татар, не ушедших на Кубань в 1723 г. [19, с. 40].

В конце XX в. было опубликовано сочинение В.М. Бакунина, написанное еще в 1761 г., в котором автор указывал, что командовавший калмыцким войском в «Дербентском походе» владелец Бату, внук хана Аюки, на обратном пути захватил и увел с собой от Терской крепости больше тысячи кибиток «тамошних татар... именуемых хондроу», которые были российскими подданными. Из них несколько сот кибиток, принадлежавших Арслан-мурзе с его родом, были «отобраны» к Астрахани. Он также подтверждает факт ухода от калмыков в период их «замешания» 1723–1724 гг. бывших в их власти ногайцев в турецкое подданство [1, с. 37, 40].

Таким образом, можно сделать определенные выводы. Во-первых, ногайцы кундровцы (кундровские татары) были частью орды, известной по русским и калмыцким источникам, как Малибашская, которая, в свою очередь, была составной частью Больших Ногаев. Из этого следует, что отнесение кундровцев к Малым Ногаям следует признать ошибочным. Во-вторых, малибашцы попали в зависимость от калмыков в первой половине XVII в., но впоследствии мигрировали от них на Северный Кавказ. Там произошло их разделение: одна часть, сохранив название малибашцы, откочевала на Кубань, а оставшаяся на Северо-восточном Кавказе, стала известна калмыкам под именем мунхундровских татар.

В ходе Персидского похода русских войск калмыкам удалось ненадолго вернуть под свой контроль ногайцев-кундровцев, большая часть которых в 1723 г. вновь ушла от них в места прежних кочевий на Северо-восток Кавказа (к р. Тереку, а впоследствии к крепости Святого креста), откуда в 1730-х гг. они были переведены кубанцами в свои владения. В период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. часть кундровцев во главе с Адиль-мурзой Темирбулатовым вновь перешла в российское подданство и ей были отведены места для кочевья на Нижней Волге, откуда в 1744 г. их выслали на жительство в Оренбургскую губернию.

Что касается устоявшегося представления о кундровцах, как о карагашах, то это может быть связано тем, что с 1743 г. в составе Калмыцкого ханства одновременно оказались две новые группы ногайцев: салтанаульцы (Малые Ногаи), захваченные русским войсками в лесу в урочище Караагат [24, с. 341], часть которых впоследствии была передана калмыкам, и кундровцы (малибашцы – Большие Ногаи), которых захватили сами калмыки в ходе похода на салтанаульцев. Сведения об этом сообщает Н. Попов, который пишет, что в 1743 г. во время перехода к Кизляру, калмыцкое войско захватило «кондуровских татар в 280 арбах, несколько человек кубанцев, кабардинцев и салтанаульцев» [20, с. 323].

Известно, что в сентябре 1744 г. с Нижнего Поволжья были высланы часть салтанаульцев, удержанных российскими властями при Астрахани, и кундровцы из аула мурз Темирбулатовых. Салтанаульцы, которые были переданы российскими властями калмыкам, были избавлены от переселения в Казанскую губернию. Фактов выселения из Астраханской губернии кундровцев, не входящих в аул мурз Темирбулатовых, не выявлено. Есть основания полагать, что захваченные в 1743 г. калмыками кундровцы, как и переданные им местными властями в том же году салтанаульцы, остались в калмыцких улусах. Не исключено, что эти кундровцы могли быть присоединены к той части своих соплеменников «татар-хундровцев» из числа «убогих» татар, которые с начала 1720-х гг. находились в улусах Дасанга, а потом, видимо, других владельцев.

В том, что и салтанаульцы и кундровцы, оказавшись в 1740-х гг. в подчинении у калмыков, могли в дальнейшем называться «карагаши», нет ничего удивительного, особенно если учесть, что эти группы связывала не только общность ногайского происхождения, но и время и обстоятельства перехода под власть калмыков. По всей видимости, таким способом калмыки выделяли своих новых подданных от тех, кто оказался раньше под их властью или в результате других обстоятельств.

Нам удалось выявить в Государственном архиве Астраханской области документы, которые свидетельствуют о том, что под именем «карагашей» в середине 1760-х гг. фигурировали как кундровцы, так и салтанаульцы. В частности, наместник Калмыцкого ханства Убуши обратился летом 1764 г. в Астраханскую губернскую канцелярию с просьбой позволить ему забрать от Астрахани «ведомства его наместника караагашских и тогмутских

13 Заказ

татар». При этом он указывал, что «те татара» собрались выехать к нему в улусы, но их не отпустили неизвестные люди, которые заявили, что эти татары являются их должниками. Астраханская губернская канцелярия поручила Астраханской конторе татарских и калмыцких дел выяснить этот вопрос, принять меры к уплате должникам денег, а подвластных наместнику Калмыцкого ханства людей передать присланным от него бодогчеям.

В результате расследования выяснилось, что среди подвластных калмыкам людей действительно есть такие должники. В частности в феврале 1761 г. кундровский татарин А. Жентемиров занял 17 рублей у астраханского татарина И. Темирева из улуса Бий-мурзы Урусова. В декабре 1763 г. кундровец А. Смаилов взял в долг 7 рублей у астраханского татарина И. Ишимова из улуса Бий-мурзы Урусова. Еще два кундровца К. Жиекалиев и М. Асанов заняли 256 рублей у астраханского татарина М. Жушакаева из улуса Уракмурзы Тинбаева. В мае 1764 г. кундровец А. Арысланов взял в долг 16 рублей 25 копеек у астраханского татарина К. Саламова из табуна А. Казбулатова, а салтанаулец Э. Ажимаметев позаимствовал в долг 10 рублей у астраханского татарина Д. Жушакаева из табуна Т. Абдиева. Наряду с этим были выявлены сделки, в которых выступали заимодавцами калмыцкие «киргизцы» (то есть «тогмутские татары») и туркмены [7, л. 1–7об.].

При этом в ведомости, подготовленной Астраханской конторой татарских и калмыцких дел, карагаши не упоминаются. Из чего можно сделать вывод, что термин «карагаши» – это собирательное название ногайцев в составе Калмыцкого ханства, данное им калмыками. В то же время сами ногайцы продолжали считать себя либо кундровцами, либо салтанаульцами, что и было зафиксировано в заемных документах, записанных в Астраханской конторе татарских и калмыцких дел и различных городских канцеляриях Астраханской губернии.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в XVII–XVIII вв. кундровцы (малебашцы – Большие Ногаи) пережили сложный период своей истории. Попав в XVII в. в зависимость от калмыков, они к началу XVIII в. сумели обрести независимость от них, но при этом им пришлось разобщиться. Большинство из них нашло новую родину в Кубанской области под покровительством Крымского ханства – вассала Османской империи. Меньшая часть кундровцев в XVIII в. осталась под властью России. Одни из них продолжали кочевать на Северо-востоке Кавказа в Кумыкии, другие были переселены в Оренбургскую губернию. Часть кундровцев в XVIII в. вновь оказалась в подчинении у калмыков, с которыми их связывала общая история до побега калмыков в 1771 г. на свою историческую родину.

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995.

2. Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. I. Ставрополь, 1883.

3. Бирюков И. Астраханская казачья трехсотная команда (1737–1750 г.). История возникновения, строеваго устройства и службы. Астрахань, 1906.

4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Т. I.

5. Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Этническая история и традиционная характеристика астраханских ногайцев // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III.

6. Георги И.Г. Описание всех в российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. Пер. с немецкого. СПб., 1776.

7. Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2473.

8. Идрисов Э.Ш. Этнокультурные и социальные аспекты взаимоотношений ногайцев-карагашей с народами Нижнего Поволжья в XVIII – первой половине XIX века // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Астрахань: Изд-во «Color», 2012.

9. Идрисов Ю.М. Взаимоотношения ногайцев с тюркскими народами Северного Кавказа с древнейших времен до конца XIX века // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Астрахань: Изд-во «Color», 2012.

10. История Астраханского края: монография. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та. 2000.

11. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1988.

12. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2009.
13. Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.
14. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
15. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
16. Курумбаев А.Ш. Этнические группы Букеевской Орды казахов // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Астрахань: Изд-во «Color», 2012.
17. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998.
18. Небольсин П. Очерки волжского низовья. СПб., 1852.
19. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмык. Ч. III и IV. Ограничительные меры правительства в отношении к калмыкам. Астрахань, 1929.
20. Попов Н. Татищев и его время. М., 1861.
21. Сызранов А.В. Этносы и этнические группы Астраханской области: справочное пособие. Астрахань: ОМЦНК, 2008.
22. Тепкеев В.Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 года // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2010. № 1.
23. Торопицын И.В. Исламский фактор во внутренней и внешней политике России в первой половине XVIII века // Ислам на юге России: Сборник статей / Сост. и отв. ред. А.В. Сызранов. Астрахань: АФ ФГОУ ВПО ВАГС, 2007.
24. Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Вост. лит., 2011.
25. Торопицын И.В. Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2013.
26. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

ТРЕПАВЛОВ В. В.

Институт российской истории РАН,
г. Москва, Россия

НОГАЙСКАЯ ОРДА В ИСТОРИИ РОССИИ

Ногайский народ имеет богатую и насыщенную событиями историю. Ее «звездным часом» было существование Ногайской Орды в XV–XVII вв. на территории левобережного Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана. В первой трети XVII в. произошло постепенное ослабление и распад Орды, после чего основная масса ее населения мигрировала за пределы изначальной территории – главным образом, в Причерноморье и на Северный Кавказ.

Этногенез и ранняя история ногайского народа остаются во многом неизученными из-за недостатка источников. Однако даже те материалы, которыми мы располагаем на сегодняшний день, позволяют с уверенностью утверждать: в этнических истоках ногайцев не прослеживается монгольский элемент. По происхождению ногайцы – это восточные кипчаки, а Ногайская Орда по своему территориальному положению, административному устройству, внешней политике, этническому составу населения, его языку и культуре выступала непосредственной преемницей прежних кочевых империй Евразии. В историческом плане она (наряду с Казахским ханством) унаследовала кочевую цивилизацию Золотой Орды.

При этом истоки ногайской истории не могут связываться исключительно с Заволжьем и Казахстаном. Во-первых, ногайцы как часть огромного кипчакского мира были практически идентичны тем кипчакам, которые в раннем средневековье заселяли северокавказские степи. Во-вторых, в ходе длительных миграций восточно-кипчакские (будущие ногайские)

племена во второй половине XIV в. – до образования Ногайской Орды – заселяли и некоторые местности Северного Кавказа (по Кубани и Тереку), о чем сохранились воспоминания в исторических преданиях башкир, каракалпаков, чеченцев и др. Таким образом, ногайцы являются потомками давних жителей этого региона.

Во второй половине XIV в. наблюдалось постоянное продвижение так называемых Больших (т. е. заволжских) Ногаев на запад, что неизбежно приводило к еще более тесному их соприкосновению с народами Северного Кавказа. В степном Предкавказье появлялось все больше кочевых улусов, и эта зона постепенно стала рассматриваться как часть Большой Ногайской Орды. После наплыва номадов из-за Волги в 1630-х гг. Закубанье и левобережье Кубани тоже превратились в ногайские пастбища. Кроме того, в Центральном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе во второй половине XVI – первой трети XVII вв. существовала Малая Ногайская Орда («Казыев улус»).

Сейчас ногайцы проживают преимущественно на Северном Кавказе (в Дагестане, Карачаево-Черкесии, на Ставрополье) и принимают участие во всех бурных политических событиях региона, тесно контактируют с народами края. Следовательно, отношения между ногайцами и другими кавказскими народами являются необходимым звеном в общей геополитической ситуации, и без учета участия ногайцев освещение многих исторических и современных событий на Северном Кавказе окажется неполным.

Научный интерес к истории ногайцев возник в конце XVIII в., когда эти бывшие крымские и османские подданные вошли в состав Российской империи. Однако долгое время исследование этого народа находилось на периферии внимания историков. В 1774 г. один из них, И.Э. Фишер, имел полное основание констатировать, что «о ногаях не имеем мы порядочной истории» [13, с. 90]. Это утверждение во многом истинно и сегодня.

Мировой приоритет в монографическом изучении Ногайской Орды принадлежит, очевидно, М.Г.Сафаргалиеву. Во Введении к своей неопубликованной диссертации 1938 г. он верно отразил значение темы для российской историографии: «Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с «татарским игом», историю крымских и поволжских татар, башкиров, узбеков, казахов и каракалпаков – мы всегда будем сталкиваться с историей Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны» [10, с. 8]. Труды В. М. Жирмунского, А. А. Новосельского, Г. И. Перетятковича, М. Г. Сафаргалиева, многих других авторов позволили в целом представить историю Ногайской Орды. Но как правило, эта степная держава служила для большинства исследователей своеобразным фоном при освещении средневековых международных отношений в Восточной Европе и Центральной Азии XV?XVII вв. Слабая изученность породила стойкое мнение о ногаях как о некоей кочевой стихии, диких степняках, хаотичной совокупности улусов.

Слава основателя Ногайской Орды часто необоснованно приписывается Эдиге – беклербеку (т.е. верховному военачальнику) и фактическому правителю Золотой Орды в конце XV ? начале XV вв. Он являлся лишь родоначальником правящего клана будущей Ногайской Орды. Эдиге принадлежал к кочевому тюркскому племени мангытов. Служившие ему опорой мангыты и их юрт (район кочеваний) на реке Урал (Яик) в то время приобрели определенный приоритет перед соседними племенами и юртами. Связь с всемогущим «делателем королей» вызвала тенденцию к автономии мангытских кочевий в системе позднезолотоордынских улусов. Однако формальный ранг Эдиге и особенно его ближайших преемников, сыновей и внуков, не позволял правителям Мангытского юрта претендовать на сколько-нибудь значительную самостоятельность и тем более независимость. По меньшей мере до начала XI в. Мангытский юрт находился в структуре реликтового ханства так называемого левого крыла Золотой Орды. В силу ряда социальных и политических факторов аристократия мангытов заняла ведущие позиции в этом ханстве, но лишь на рубеже XV?XVI вв. (а номинально, очевидно позднее – с 1550-х гг.) смогла избавиться от сюзеренитета вышестоящих ханов.

Вторая половина XV в. отмечена двумя процессами, отразившими формирование нового очага государственности. Во-первых, происходило образование самостоятельной, суверенной системы управления, присущей независимым державам кочевников. Во-вторых, наблю-

далась первичная этническая консолидация населения в рамках относительно замкнутых границ. Появилось надэтничное (первоначально) имя «ногай» – его происхождение пока однозначно не выяснено. Оно служило обозначением населения Мангытского юрта (Ногайской Орды), вне зависимости от племенной принадлежности. Лишь обитатели северной периферии Орды – башкиры – к тому времени уже сформировали устойчивую этническую общность, и на них это «государственное имя» не распространялось (см. [12]).

Окончательное складывание Ногайской Орды можно связывать с именами ее правителей-биев Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая в 30?40-х гг. XVI в. Проведенные ими административные реформы позволили Орде встать в один ряд с ведущими восточноевропейскими державами того времени. Государственный строй развивался на основе золотоордынских и более ранних традиций. Но при этом традиция той же Золотой Орды не позволила ногайским биям – потомкам Эдиге – обрести ханский ранг, поскольку они, даже при отсутствии теперь над собой старших ханов, все-таки продолжали считаться беками, или беклербеками, т.е. главными военачальниками (бий – вариант произношения слова «бек»). Ханом мог стать только потомок Чингисхана. Это формальное обстоятельство не позволило лидерам ногаев уравнять себя с главами большинства соседних государств; крымский хан, например, воспринимал ногайского бия как своего сановника-карачи (см., например [9, д. 9, л. 95; 1586 г., д. 5, л. 5, 8]). Однако реальный военный и экономический потенциал Ногайской Орды в XVI в. превратил ее во влиятельного партнера международных отношений, заставил считаться с ней всех окрестных сюзеренов.

Социальные процессы в ногайском обществе подорвали могущество, созданное при Саид-Ахмеде и Шейх-Мамае. Особенности кочевой экономики и политического устройства привели к обособлению отдельных улусов. В течение XVI в. сформировалось сильное сословие мирз (мурз) – ногайской знати. Под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, опираясь на замкнутое хозяйство собственных кочевий, мирзы оказывались подверженными сепаратистским настроениям. На раскол знати повлияли и династические распри. Во второй половине XV в. ногайская государственность вступила в тяжелый и необратимый кризис. Обособление улусов сопровождалось активными миграционными процессами. Потоки переселенцев направлялись тогда, главным образом, в крымское Причерноморье и на Северо-Западный Кавказ.

Обстоятельства сложились так, что в последней четверти XVI — начале XVI в. на внутренние дезинтеграционные процессы наложилось сразу несколько неблагоприятных внешних факторов.

Во-первых, миграция калмыков. По пути из Западной Сибири на Волгу калмыки прошли сквозь основную территорию ногаев и частью вытеснили, частью подчинили их себе.

Во-вторых, набеги казаков. В 1581 г. волжские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчик, а затем стали обосновываться в центре ногайских кочевий – по берегам Яика.

В-третьих, экспансия казахов. По мере ослабления верховной власти биев некоторые племена Ногайской Орды переходили в подданство казахским ханам, которые, таким образом, расширяли подвластную им территорию на запад. В течение XVII в. бывший район главных ногайских кочевий оказался поделенным между яицкими казаками, калмыками и новообразованным Младшим жузом казахов.

В-четвертых, в результате падения Казанского и Астраханского ханств и резкого усиления Российского государства нарушился баланс сил, сложившийся в Восточной Европе после распада Золотой Орды. Ногаи столкнулись с необходимостью выбора ориентации на одного из двух противостоящих гегемонов региона – Крым или Россию. Знать Ногайской Орды раскололась на прокрымскую и пророссийскую партии. Этому расколу способствовали также интриги Москвы и Бахчисарая, их борьба друг с другом. Данное обстоятельство тоже мешало правительству Орды контролировать всю территорию распадавшегося государства. Были неоднократные попытки реванша (об этом свидетельствовали перекочевки обратно на левобережье Волги, переговоры с властями Бухары о восстановлении Сарайчика). Но

в результате внешних ударов ногаи в конце концов утратили прежние кочевья и превратились в кочующих скитальцев. В XVII в. они постепенно закреплялись в пределах нового Калмыцкого ханства, княжеств Северного Кавказа, а также во владениях Гиреев – по всей огромной степной полосе между Крымом и Россией.

Усиление Российской империи, продвижение ее границ на юг в конце XVIII в. привели к включению в ее состав ногайцев – на тот период по большей части крымских и османских подданных. В пределах России этот народ оказался уже раздробленным и ослабленным. Здесь сказались и разделение его на несколько территориально-политических объединений (орд), и массовый исход в турецкие владения, и военные действия российских войск, повлекшие истребление значительной части ногайцев.

В истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. В качестве научного термина это понятие фигурирует в историографии башкир и каракалпаков; фольклорные памятники казахов и киргизов связывают легендарный «героический век» с эпохой господства ногаев. С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и киргизов, татар казанских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также многих народов Северного Кавказа. Влияние ногаев на соседей можно свести к трем аспектам – политическому, этническому и культурному.

Ногайская держава доминировала в степях сравнительно недолго – в конце XV и первой половине XVI в. Однако ее политическое воздействие на соседей началось раньше и продолжалось после этого периода. Влияние ощущалось прежде всего в татарских ханствах – таких же, как и Ногайская Орда, наследниках Золотой Орды. Семья беклербека Эдиге – будущий правящий клан ногаев – занимала ведущее положение среди золотоордынской знати в XV в. Поэтому когда Золотая Орда развалилась, потомки Эдиге тоже заняли посты беклербеков в наследных юртах. Правда, в Крыму и Казани эта должность существовала лишь формально, но в Большой Орде и иногда в Астраханском ханстве мангытский беклербек являлся действительным соправителем монарха.

После разгрома крымцами Большой Орды в начале XVI в. значительная часть живших там мангытов переселилась в крымские владения, заняв кочевья между Перекопом и Днепром. Основная же масса мангытов и ассоциированных с ними племен (т.е. ногаи) сконцентрировалась в междуречье Волги – Яика – Эмбы и образовала Ногайскую Орду. Отношения новой державы с крымскими ханами-Гиреями складывались непростые, часто враждебные. Тем не менее нередкими были переходы ногайских улусов из-за Волги на так называемую Крымскую сторону реки. Эти миграции увеличивали число ногаев в государстве Гиреев. К середине XVI в. клан Мангыт стал одним из четырех знатнейших и наиболее влиятельных в Крыму; в конце того же столетия конница ханства состояла уже в основном из ногаев. В Крыму была учреждена заимствованная из Ногайской Орды должность нурадина – второго наследника престола.

Близкое соседство позволяло ногаям влиять на внутреннее положение в Казанском, Астраханском и Сибирском юртах, сажать на троны своих ставленников. По данным некоторых источников, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена – подданные ногайских биев.

Восточными соседями Ногайской Орды были казахи и ханства Средней Азии. Отношения ногаев с казахскими династами тоже развивались сложно, между ними случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но вскоре ногаи отвоевали свои земли, и Казахское ханство превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили, главным образом, приютом для беженцев из ногайской державы – биев и мирз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе.

Политическое влияние ногаев на Россию было практически не просматривается, а если и было то очень ограниченным из-за религиозного (ислам) и экономического (кочевое скотоводство) барьеров и по причине отдаленности. Лишь со второй половины XI

в. в Московское царство стали переселяться мирзы; некоторые из них положили начало княжеским фамилиям (Кутумовы, Урусовы, Юсуповы и др.). Ногайские отряды нередко действовали в составе русских армий в Ливонской войне и позже, в кампаниях против поляков, немцев и шведов.

В фольклоре каракалпаков – народа, предки которого некогда вышли из Ногайской Орды, сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногайлы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родоплеменных подразделений. Народ «ногой» фигурирует в героическом эпосе киргизов «Манас» как дружественный киргизам, составляющий с ними единое владение, улус; именно из ногоев происходил сам главный герой, богатырь Манас. В результате двух больших волн переселений XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что казахский Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Среди башкир, особенно юго-восточных, распространены группы с названием «ногай». Есть свидетельства о проживании ногаев на землях Сибирского юрта.

Таким образом, выходцы из Ногайской Орды проникли в состав почти всех окрестных народов. Инфильтрация ногаев повсеместно влекла за собой увеличение монголоидности в облике населения, количества кипчакских элементов в языке, кочевых черт в культуре.

Существенным оказалось воздействие ногаев на материальную и духовную культуру сопредельных стран. В XVI в. жители Ногайской Орды стали для земледельческих народов своеобразным эталоном степных кочевников, скотоводов и конных воинов. Именно оттуда получала пополнение для своей конницы, в частности, Россия: почти ежегодно огромные табуны пригонялись с юго-востока в Москву и Казань. В литературе высказано предположение, что русская дворянская кавалерия в XVI – начале XVII вв. в большинстве своем формировалась из ногайских лошадей [2, с. 40; 4, с. 48; 16, с. 45; 17, с. 22]. Соответственно и амуниция всадника (седло, стремена, аркан, саадак, плеть-нагайка, боевой нож) заимствовалась из того же источника. Ногаи прививали навыки обращения не только с лошадьми, но и с другим скотом, а также разведения его в Ставрополье и Дагестане (волы ногайской породы), Осетии и Черкесии (верблюды), на Ярославщине (овцы) [3, с. 60, 87; 8, с. 47; 11, с. 112]. Ногайские традиции сказывались и на повседневном быте. Например, в России и Турции славились ногайские тулупы; астраханские татары при выпекании хлеба пользовались ногайской печью (нугай пиче), а на праздниках боролись «по-ногайски» (нугайга) – когда соперники охватывали друг друга за поясницы полотенцами; барабинские татары имели обыкновение кочевать «по-ногайски в телегах» и т.д. [5, с. 68, 160; 6, с. 214; 7, с. 463; 13, с. 91].

В ходе своих миграций ногаи несли и некоторые элементы духовной культуры. Литературный язык-тюрки воспринимался османами как ногайский; калмыки использовали арабское («ногайское», как формулировали в Посольском приказе) письмо в сношениях с Москвой, пока здесь не обзавелись переводчиками, способными читать «мунгальские» грамоты [9, 1642 г., д. 1, л. 112; 15, с. 101]. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и прочих) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура Эдиге была сакрализирована казахами и каракалпаками. Они почитали его как покровителя лошадей [1, т. 3, с. 36; т. 4, с. 491, 492].

Рассмотрение различных форм и видов влияния ногаев на народы Евразии показывает, что самым ранним было политическое воздействие. Оно достигло кульминации в XV–XI вв., в эпоху существования Ногайской Орды. Вторым по значимости в тот период было влияние культурное. После распада ногайской державы в первой трети XVII в., когда ногаи расселились по всем направлениям от своего изначального Мангытского юрта, их политическая роль резко снизилась. Но появление их диаспоры привело к значительному усилению ее

этнического влияния и влияния ногайской культуры на соседей. Можно утверждать, что на протяжении последних пяти столетий ногайский народ внес значительный и долговечный вклад в историю и цивилизацию Евразии.

---

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 3. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1964. ; т. 4. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1968.

2. Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Труды Государственного исторического музея. ? Вып. 20. - М.: Изд-во ГИМ, 1948. – С. 29?46.

3. Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). – М.: Наука, 1993. 231 с.

4. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - 274 с.

5. Мухаметшин Ю. Г. Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. Отв. ред. Н. А. Халиков. Казань: Казанский научный центр РАН, 1992. - С. 48-73.

6. Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. - Т. 26. - М.,1948. - С. 198-216.

7. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. - Ч. 2. XIV-XV вв. Ред. Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - 811 с.

8. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. Ред. А. А. Новосельский, Н. В. Устюгов. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 1032 с.

9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 127. Оп. 1.

10. Сафаргалиев М. Г. Ногайская Орда в середине XVI в. - Канд. дисс. - М., 1938 (Научная библиотека МГУ, рукопись). – 184 с.

11. Трепавлов В. В. Конь боевой и романовский полушубок // Родина. - 1997. - №3/4. - С. 109-112.

12. См.: Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV-XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. - Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 1997. – 72 с.

13. Уразманова Р. К. Праздники и обряды астраханских татар // Астраханские татары. Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: Изд-во Казанского научного центра РАН, 1992. - С. 89-108.

14. Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. - СПб.: Изд-во АН, 1774. – 632 с.

15. Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). - Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Сост. А. Д. Желтяков. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 338 с.

16. Kappeler A. Moskau und die Steppe: das Verhaltnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. - 1992. - Bd. 46. - S. 87?105.

17. The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World. Ed. by M. Bennigsen Broxoup. - L.: Hurst & C°, 1992. – 269 p.

УЙСЕНБАЕВ А. А.

а. Тукуй-Мектеб, Ставропольский край, Россия

РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НОГАЙСКОЙ СТЕПИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В Ногайской степи задолго до октябрьской революции существовали учебные заведения двух типов: первые – одно- и двухклассные школы — находились на попечении государства, вторые — так называемые школы грамоты (мектебы) — обычно содержавшиеся ямагатом (обществом) или его состоятельными членами. Школа в ставке Ачикулак была построена в 1869 году. В ней были два ногайских класса, где преподавали: В. Е. Дибижева, А. А. Ребайн, А. М. Ребайн и Резван Курманьязов, и один класс для русских детей — учитель М. И. Возланова.

Одноклассные ногайские школы были также в ауле Ильяс-Кишлав, учителями ее были Фриц Ян Чубис, Караджай Ибрагимов, в ауле Камыш-Бурун — Магомед Мхце, Ризван Хусейнов, в ауле Махмуд-Мектеб — Мухамед Ахметов, Курбан Байрамкулов, Гусейн Гусейнов [1].

Общее количество учащихся в двухклассной школе составляло 175 учащихся, в одноклассной – около 50 детей. Для большего охвата учёбой стремившихся к знаниям детей,

в Ачикулаке, в двухклассном ногайском училище и в школах аула Махмуд - Мектеб и Ильяс-Кишлав были открыты интернаты. А в аулах Махмуд-Мектеб, Ильяс-Кишлав и Камыш-Бурун – школы, соответственно на 75, 45 и 40 мест, начали строить в1907 году. Всего на постройку школ в приставстве было израсходовано 46 075 рублей 39 коп., на содержание — 198 тыс. 580 руб. 31 копеек [3].

В 1910 году в школах Ачикулакского приставства училось 235 мальчиков и 49 девочек. [4] В Ачикулакском училище (школе) предметы и уроки были распределены следующим образом: вероучению ислама отводилось 4 часа, ногайскому языку- 6 часов, русскому языку- 12 часов, истории и пению – по 2 часа. Всего в неделю набиралось 33 уроков. [5]

Пять лучших учеников училища и школ ежегодно направлялись для дальнейшего повышения знаний в гимназии г. Ставрополя. Так, известный в Ногайской степи общественный деятель Сеид-Ахмет Аджиниязович Шабанов, после окончания Ставропольской мужской гимназии, поступил и успешно окончил один из московских вузов.

В школах, помимо привития теоретических знаний, детей приучали к общественно-полезному труду. С этой целью учитель Камыш-Бурунской одноклассной школы Хусейн Ризванов был командирован в Харьковское среднее сельскохозяйственное училище на курсы шелководов и пчеловодов [6].

Представляются интересными сведения о заработной плате учителей ногайских школ (училищ), которые составляли у завуча Ачикулакской школы (двухклассного училища) Куатова Рамазана Хасановича, учителей: Кишмахова Батоко-Али Гереевича, Дибижева Виктора Корнеевича и завуча Махмуд-Мектебского двухклассного училища Байрамкулова Амида Алиевича по 600 руб. в год [7].

Администрация приставства, инспекция народных училищ уделяли большое внимание развитию народного образования в среде ногайцев. Официальные школы не могли охватить всех желающих учиться в аулах, именно поэтому в предреволюционные и в первые годы Советской власти большой размах получил второй тип школ — мектебы (школы-грамоты). Они, как правило, создавались по инициативе ямагата, после предварительного согласования у пристава и инспектора народных училищ Ставропольской губернии. Мектебы содержались полностью на добровольные пожертвования состоятельных ногайцев-меценатов, увековечивших свои имена в названиях аулов, в которых построили мектебы и медресе: Тукуй-Мектеб, Махмуд- Мектеб. Всего в приставстве было 38 мектебов и 38 медресе, где обучались 357 мальчиков и 39 девочек. Преподавание в них велось на ногайском языке, с использованием арабского алфавита [8].

В 1911 году в Ачикулакском приставстве в ставке Ачикулак функционировала общественная библиотека – читальня [9], также находившаяся на содержании ногайского ямагата. Этой библиотекой широко пользовались учителя и учащиеся не только Ачикулакского двухклассного училища, но и Ильяс-Кишлауского, Камыш-Бурунского и Махмуд-Мектебского школ, учащиеся мектеба и медресе.

Общественная библиотека-читальня являлась культурным центром для жителей приставства. Известно также, что ее фондом пользовались будущие составители первого ногайского алфавита на латинице и кириллице М. Курманалиев, М. Садинов, А. Янтуганов. [10]

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что у ногайцев Ногайской степи к началу XX века система народного образования была развита достаточно высоко и имело специфику, когда, например, учащиеся 1-го типа школ (училищ) осваивали не только русский алфавит (кириллицу), но и арабский на уроках исламского вероучения. [11]

А мектебы, находившиеся на попечении ямагатов и меценатов, полностью осваивали знания на арабском. Впоследствии на этих знаниях базировалось создание арабографических письменных свидетельств развития просвещения у степных ногайцев. Однако, судьба этих источников повторила судьбу тех, кто их создал: в годы репрессий служителей культа, за редким исключением, была уничтожена и вся эта литература - книги, рукописи *(колязба)* на арабской графике.

После установления в Ногайской степи Советской власти, она вошла в состав Терской губернии в марте-апреле 1920 года. С тех пор, школы (училища), находившиеся на содержании ямагата, практически прекратили своё существование. Активно стали предприниматься меры, направленные на послереволюционную перековку сознания народов, в част-

ности, ногайцев. Постановление губернского Беспартийного съезда мусульман (ногайцев), состоявшегося 7 февраля 1922 года в городе Пятигорске тому свидетельство. Из доклада Умара Алиева: «Мы делегаты заслушав доклад о школах - грамоты /мектебы/ остались очень довольны -содержать все школы мы не можем, поэтому просим губком открыть кредит, дать просвещение отсталому мусульманскому / ногайскому/ народу, просить губком о приобретении как можно в скором времени шрифты на мусульманском языке, которые необходимы для ведения как политической так культурно-просветительной работы путем издания газет, брошюр и т.д..» [12]

Из Протокола заседания Северо-Кавказской краевой методической конференции для народностей Кавказа от 29.12.1923 г.: «Неграмотных среди карачаевцев - мужчин 83%, женщин - 97.5%, среди ногайцев мужчин — 40%, женщин -100%, среди черкесов и абазин мужчин-77%, женщин — 100%». (12) О 60% грамотных мужчин-ногайцев с оптимизмом говорил на коллегии наркомнаца РСФСР Умар Алиев.

В. И. Ленин считал обучение на родном языке одним из необходимейших условий правильного разрешения национального вопроса. [13]. В 1924 году Ногайская степь передается в состав Дагестана. Ногайское общество, как в целом население Дагестанской республики, разделилось к этому времени на 3 группы. Духовенство, будучи приверженцем сохранения арабского языка – религиозного языка мусульман, требовало сохранения соответственно и арабской графики для обучения в школе. Интеллигенция, из числа получивших русское образование до революции, ратовала за введение в школах в качестве языка обучения русского языка. Третья, наиболее мощная группа, ратовала за введение тюркского языка, носителями которого в Дагестанской республике были кумыки и ногайцы.

В результате длительных острых дискуссий группа Дибирова, которая стояла за введение тюркского языка в Дагестане как официального, склонила к своей точке зрения оппонентов. И Дагестанский обком предложил Наркомпросу республики считать тюркский язык единым для всех народов Дагестана государственным языком. На нем вели не только делопроизводство в государственных учреждениях, но и преподавали в школах 2-й ступени, а в школах 1-й ступени он был введен как предмет обучения.

В прямой связи с вопросом о языке находился также вопрос об алфавите и письменности. До 1917 и вплоть до 1923г. письменность у ногайцев была основана, в основном, на арабской графике.

В 1923 году в г. Пятигорске проходило совещание по вопросам просвещения народов Северного Кавказа и Дагестана. Основной темой его был вопрос выбора графики для строительства новой системы обучения в национальной школе. В резолюции совещания подчеркивалось, что право выбора той или иной графики для национальной письменности всецело принадлежит конкретной национальности, но, в то же время, соображения политического, педагогического и культурного характера заставляли высказываться в пользу единой графики для всех народов.[14]

В апреле 1924 года Дагобком созвал организационное совещание по вопросу о новом алфавите для народов Дагестана. Совещание высказалось за целесообразность и рациональность немедленного и революционного введения нового (латинского) алфавита, путем отмены старого арабского. [15]

Однако, духовенство Ногайской степи, представители которого — муллы — и составляли подавляющее большинство школьных учителей, развернуло борьбу за сохранение права преподавания мусульманского вероучения в школах. Из-за того, что позиции ислама были очень сильны, в июне 1924 года ВЦИК СССР принял Постановление о преподавании мусульманского вероучения в школах.

Ввиду недостаточности требуемого для выполнения новых задач уровня светской культуры у мусульман — мулл, им разрешалось преподавание вероучения в мечетях, мектебах, но категорически запрещалось его преподавание в двухступенчатых школах.

Переход к новому алфавиту на латинской графике, начавший осуществляться 1 октября 1929 г., сыграл положительную роль в культурном и социальном развитии народов Северного Кавказа.

С 1930 года в средних школах было признано необходимым преподавание в национальной школе со 2-го класса как предмет русского языка. При этом учащиеся получали достаточные знания русского языка для дальнейшего продолжения учебы.

Как выше было сказано, составителями ногайского алфавита на основе латинской графики были А-Х. Джанибеков, М. Курманалиев, М. Садинов, А. Янтуганов. Однако, вскоре стали высказываться суждения о том, что латинизированный ногайский алфавит, наряду с достоинствами, имеет ряд существенных недостатков. В нем существовали буквы, сходные по начертанию с русскими, но различавшиеся по произношению. Это создавало путаницу в процессе обучения детей начальной национальной школы. Латинский алфавит препятствовал освоению достижений языка и культуры разных народов. Признавалось, что кириллица имеет больше письменных знаков, чем латинский, и дает возможность унифицировать алфавиты разных народов, позволяя значительно сократить применение двойных знаков.

Переход на русский алфавит облегчил также типографическое и издательское дело на национальных языках, избавил национальные школы и школьников от необходимости излишней траты сил и времени на преодоление трудностей, связанных с освоением двух алфавитов с первого года обучения. Значительно облегчилась задача приобщения школьников к русской культуре, к языку Пушкина, Лермонтова и других классиков. Вопрос замены латинской графики русской был актуализирован и, в целом, общим культурно-экономическим ростом и усилением роли русского языка в складывающемся многонациональном обществе. Переход на кириллицу сразу после гражданской войны духовенство рассматривало как рецедив старой русификаторской политики царизма, как «гонение» на священный арабский язык.

Постановлением предлагалось выработать положение об открытии религиозных школ с соблюдением санитарных норм и педагогических условий, для чего подвергнуть преподавателей проверке их знаний [16]. По постановлению преподаватели религиозных школ облагались денежным налогом, так как эти школы содержались целиком на пожертвования родителей учащихся.

Предлагалось строго контролировать учебный процесс, чтобы под видом изучения вероучения не преподавались общеобразовательные дисциплины, и чтобы вероучение в светских школах разных ступеней преподавалось только в свободные от занятий дни.

В мечетях, мектебах, которых в каждом ногайском ауле в 20-е годы XX века было по нескольку, все дети, разбитые по группам, находились в одной комнате. Они, как правило, сидели в верхней одежде, зачастую на полу, поджав под себя ноги. Для поддержания дисциплины, в качестве помощников муллы, привлекались родители.

Полностью школы при мечетях и мектебы исчезли к началу 30-х годов XX века, когда активизировалась реформа образования. Большую роль в реформе национальной письменности сыграл ногайский просветитель Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков, чье мировоззрение и просветительские взгляды формировались в те годы под влиянием русской демократической культуры Белинского, Чернышевского, Добролюбова, через личное общение с передовыми представителями других народов, через размышления о судьбе собственного народа. [17] Это позволило ему выступить в качестве реформатора в области ногайской культуры: языка, письменности, педагогики, литературы, фольклора.

В 1926 году А-Х. Джанибеков, будучи делегатом 1-го Всесоюзного тюркологического съезда в Баку, участвовал в решении вопроса о латинизации алфавита тюркских народов, впоследствии реформировал ногайскую письменность на основе латинской графики.

Одновременно А-Х. Джанибеков и М. Курманалиев, при поддержке ВЦКНА (Всесоюзного комитета нового алфавита), а также ученых Москвы, Баку, Казани, развернули работу по созданию учебников и учебных пособий по ногайскому языку и литературе, по дальнейшему совершенствованию ногайского алфавита и орфографии, упорядочению терминологии. Школы все еще недостаточно были укомплектованы учителями по причине отсутствия в Северо-Кавказском крае педагогических учебных заведений для большинства национальностей [18].

В 1926 году А-Х Джанибеков в Ачикулаке познакомился с М. Курманалиевым, З. Дуйсалиевым, А . Колдасовым и З. Кайбалиевым и предложил им перейти на педагогическую работу в светские школы. В районе в то время была 21 школа. Материальная база их только складывалась: одним учебником приходилось пользоваться пятерым ученикам, а письменных принадлежностей и вовсе не имелось. Важным культурным событием стало создание в 1927 г. в Ачикулаке историко-краеведческого музея.

Уровень культурного развития ногайцев Северо - Кавказского края по переписи 1926 года характеризовался так: 10,3% от общего количества, в том числе грамотные на родном языке - 20,7%. [19] Общая грамотность совпадала по уровню с народами горских автономных областей [20].

На приобретение учебников для ногайских школ по тюркскому отделу в 1926-27 уч. году было израсходовано 1 200 рублей.

Степень обеспечения школами 1-й ступени ногайского населения в 1927-28 г. на 9 948 человек составила всего две школы [23]. В них обучалось 76 учащихся: 46 мальчиков и 30 девочек. Одновременно обучение велось в пяти группах, где число учащихся доходило до 92 человек, и с ними занимались три преподавателя[24].

В связи с переходом ко всеобучу, при Астраханском техникуме в 1927 году были организованы двухгодичные педкурсы по подготовке учителей для ногайских, туркменских и киргизских школ.

В объяснительном Акте по обследованию школ Черкесии от 8-18 января 1928 года зав. отделом обкома Магомед Мхце подчеркивает, что ввиду отсутствия своего издательства, в ногайских школах нет учебников на родном языке, и они заимствуются у карачаевцев. Налаженная впоследствии целенаправленная работа по подготовке национальных педагогических кадров дала свои плоды. Так, на 1929-1930 учебный год учителей ногайцев было уже 18 человек, из них 2 — женщин [26].

В связи с вышесказанным имеет смысл привести выдержки из текста Резолюции Всесоюзного тюркологического съезда, касающиеся просветительской работы среди ногайцев:

«В настоящее время для перевода преподавания на родной язык имеются следующие препятствия:

А). Абсолютное отсутствие учебников на родном языке в ногайских школах Северного Кавказа. (Пользуются учебниками кумыков, карачаевцев, татар). В Астраханской губернии ногайских детей обучают только по татарским и русским учебникам.

Б). Отсутствует достаточное количество учителей, умеющих преподавать на родном языке. В ногайских школах из 85 учителей только 42 знакомы с ногайским языком и преподают на нем, в остальных школах преподают татарские учителя.

Положительными моментами для перевода обучения на родной язык является следующее:

А). Сохранение родного языка в семье, в быту, и в общей жизни;

Б). Желание широких масс населения обучаться на родном языке.

В). Необходимость перехода на родной язык в целях дальнейшего и срочного развертывания дела народного образования.

На основании вышеизложенного необходимо проделать следующие мероприятия:

1. Издать на ногайском языке «Букварь», 1- 2 рабочие книги для чтения, арифметический задачник для 1-2 года обучения, ногайско-русский словарь и ряд других книг.

2. Организовать в городе Махачкала, по договоренности с Наркомпросом Дагестанской республики, 2-х годичные педагогические курсы на 40 человек для подготовки учителей, а также в городе Буйнакске организовать ногайское отделение на 30 человек при тюркском педтехникуме. Контингент учащихся курсов и педагогического отделения составить из числа имеющих образование не менее объема школы 1-й ступени.

3. Выявить возможность и организовать ногайские семилетки на Северном Кавказе и в Астраханской области.

4. В ставке Ачикулак проводить краткосрочные курсы по переподготовке ногайских учителей [28].

Вопрос о переводе письменности с латинского на кириллицу обсуждался на совещании при Дагестанском обкоме 16 ноября 1936 года. В соответствующем постановлении его было сказано: «Считать вполне своевременным и необходимым переход всех местных языков с латинского на русский алфавит». [29] Новый ногайский кириллический алфавит вступил в силу 3 ноября 1937 года [30].

Преподавание всех предметов в 30—40-е годы XX века, как и прежде, велось на ногайском языке, русский язык изучался как предмет. Свидетельством заботы о развитии ногайского языка даже в тяжелые годы Великой Отечественной войны является следующий документ: «Об издании учебников на ногайском языке для школ Грозненской области. В

целях обеспечения ногайских школ учебниками обязать Грозненское издательство отпечатать до 1 ноября 1944 года следующие 18 учебников на ногайском языке: «Букварь», «Книгу для чтения» по 2 тыс. экз., «Сборник арифметических заданий для первого класса», 2000 экз., «Книгу для чтения» для 2-го класса, 1600 экз., и т.д. Всего 44 700 книг. [3]

В целом, изучению родного языка в Ногайской степи до середины 60-х г. XX века уделялось достаточное внимание. В последующие годы, в результате целенаправленно проводимой политики стирания историко-культурной памяти, духовных традиций народа, ослабилось внимание к поддержке образовательной сферы жизни ногайского общества. Во всей Ногайской степи (за исключением Ногайского района Республики Дагестан) постепенно закрыли все национальные школы. Этот факт лег в основу всех современных проблем в разных сферах жизни ногайцев Ставрополья.

Даже в Дагестане в 1987-1988 уч. году только 37,9% учащихся Терекли-Мектебской средней школы изучали родной язык, Червленно-Бурунской и Карагасской средних школах - соответственно 44,2% и 34%. [31] Из проживающих в Дагестане 28 862 ногайцев, 2 856 человек родным языком назвали кумыкский, так как на нем осуществляется преподавание [32]. Ввиду сужения сферы функционирования, уничтожения социальной базы, повсеместно деградирует разговорный и не развивается литературный ногайский язык. В 1982 году общий сход жителей аула Тукуй-Мектеб Ставропольского края принял решение восстановить в Тукуй-Мектебской средней школе обучение на ногайском языке [33]. Но реального восстановления не последовало, так как вместо полных шести часов в неделю, ногайскому языку отвели всего три часа. Материал имеющихся учебников и пособий, рассчитанных на 6-часовое обучение, адаптировать под 3-часовое обучение не всегда получалось, да и устаревший материал учебников советского времени не способствовал привитию интереса учащихся к родному слову. В нулевом классе на изучение ногайского языка отведено и вовсе 2 часа в неделю. С годами дало свои плоды невнимание к воспроизводству педагогических кадров и ныне во многих аулах Ногайской степи родному языку обучают только в начальной школе [34].

Начавшееся было с 1989 года массовое обучение родному языку в ногайских аулах Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана, Шелковского района Чечено-Ингушетии, Нефтекумского района Ставропольского края и Красноярского района Астраханской области, повлекло массу проблем, связанных с обеспечением средствами обучения (учебниками и методическими пособиями). Научно-методической и полиграфической базой располагала и ныне располагает только Карачаево-Черкесия, и она, также переживая кадровый голод в сфере, не может обеспечить резко возросший объем (одновременно в 60 аулах Ногайской степи возобновилось преподавание родного языка).

Падение функциональной значимости родного языка, сужение сфер его употребления, падение престижа малооплачиваемого педагогического труда на фоне девальвации национальных культурных ценностей, духовных традиций – в основе современных проблем, в том числе и экономических, и политических в Ногайской степи.

---

1. ГАСК ф.249 д2022 оп.30 л. 28
2. ГАСК ф.1249 д.д.2253 л.63
3. ГАСК ф.249 д.2737 л.12
4. ГАСК ф.249 д.2737 л.13
5. ГАСК ф.249 оп.2253 л.59
6. ГАСК ф.249 д.2737 л.49
7. ГАСК ф.249-2 оп. 146 л.90
8. ГАСК ф.249 оп.2 л.27
9. Полевые материалы 1989 г.
10. Полевые материалы 1989 г.
11. ЦПА ИМЛ ЦК КПСС ф.17 оп.14 ед.хр. 820 л.23
12. ЦГА РСФСР ф. 296 оп.1 ед.хр.54 л.10
13. В.И.ЛЕНИН т.20 стр.204
14. Архив Дагобкома ф.оп.4 ед.хр.112 л.1
15. Архив Дагобкома ф.1 оп.4 ед.хр 118 л.2
16. Архив Дагобкома ф.1 оп.7 ед.хр 72 л.20
17. Архив Дагобкома ф.1 оп.7 ед.хр 72 л.208

18. А-Х. Джанибеков. Моё жизненное описание. Автобиографические записки. Рукопись. Объем в 9 л Хранится в архиве Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований; «Ногай адебият». 1933, с. 8-9.
19. ЦГА РСФСР ф.296 оп.1 д. 411 л.139
20. ЦГА РСФСР ф.296 оп.1 д. 411 л.137
21. Там же л.137 оба.
22. Там же л.42 оба.
23. ЦГА РСФСР ф.296 оп.1 д.411 л.144
24. Там же л.166
25. ЦГА РСФСР ф.296 оп.1 ед.хр. 461 л.93 об.
26. ЦГА РСФСР ф.296 оп.1 ед.хр. 164 л.л.28-29.
27. Архив Дагобкома ф.1 оп.15 ед.хр.72 л.58
28. Архив Дагобкома ф.1 оп.17 ед.хр.961 л.8
29. Полевые материалы 1989 г.
30. ЦПА ИМЛ КПСС ф.44 ед.хр.288 л.62 об.л.63.
31. Материалы 2-го Объединения съезда ногайского народа от 23 декабря 1989 года.
32. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года М.1963 г.с.324
33. Постановление общего схода с.Тукуй -Мектеб от 13.09.82 года.
34. Новое время /приложение/1989. — №12 декабрь.

ЮСУПОВ Ю. М.

Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан, г. Уфа, Республика Башкортостан

БАШКИРЫ И НОГАИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ

Ногайская Башкирия – принятый в историографии условный термин, обозначающий часть регионального субъекта Ногайской Орды, включающий значительные лесостепные и горнолесные пространства Южного Урала. В этнографии башкир этот период известен как ногайский период.

В историографии мнения о демографическом соотношении и этническом влиянии башкир и ногаев значительно варьируются. Одни авторы говорят о решающей роли миграции ногаев в этногенезе башкир и его преобладании на Южном Урале (Азнабаев Б.А., Исянгулов Ш.Н., Кузеев Р.Г.), другие о том, что непосредственно ногайский компонент на Южном Урале проявляется слабо и отношения зачастую не переходили плоскость политики (Буканова Р.Г., Юсупов Ю.М.).

В политическом отношении Ногайская Башкирия представляет собой наместничество Ногайской Орды, существовавшее де-факто в первой половине XVI в., когда в 30-е годы в Ногайской Орде окончательно оформляется улусно-крыльевое деление. Орда оказалась разделенной на три части: восточную — во главе с кековатом, центральную – улус самого бия и западную — с нураддином [15, с. 195]. Центральная и южная части Башкортостана вошли в состав Ногайской Орды, но в то же время не входили в ее улусно-крыльевую систему, а выделилась в автономный регион (Ногайская Башкирия), возглавляемый отдельно назначаемым ногайцами наместником [14, с. 22-24]. Этнополитическая ситуация в этом регионе, в отличие от других регионов Волго-Уральского региона, не характеризуется выраженными различными этносословными категориями, как это мы видим в Казанском или Сибирском ханствах. Башкиры и ногаи на Южном Урале, по историко-этнографическим данным, зачастую неотделимы, что говорит о возможности существования некоего кочевого симбиоза, видимое нам лишь в общих чертах. В этом отношении рассмотрим основной комплекс источников.

Письменные источники.

В большинстве своем, нарратив представлен Ногайскими посольскими книгами и столбцами, хранящимися в РГДА РФ. Башкирия в XV – первой половине XVI вв. лишь изредка попадает в поле зрения документов посольского приказа. Но и они не позволяют

как-то реконструировать этнополитическую картину региона. Дело в том, что текущая этнополитическая ситуация в Башкирии не играла роли в ногайско-русских отношениях.

Определенную информацию дают более поздние документы Ногайских дел. В 1586 году происходит известная дипломатическая переписка ногайского бия Уруса с московским царем. Претензии бия относились к постройке четырех городов «...на Уфа, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке». Урус пытался оспорить легитимность русской власти в регионе, ссылаясь на то, что землями, на которых русское правительство строит города, не владели ни деды, ни отцы русского царя. В свою очередь ногайскому князю башкирские территории представлялись как часть Орды: «поставил де город для лиха и недружбы... что бы мне с башкурдов и с остяков дани никакие не имати и только... дани пошлю своего человека данщика дани собирать с башкурдов и остяков и ты тех моих данщиков велишь побити» [9, с. 228-258]. Фигурирующие в источниках «башкурды» и «остяки» характеризуют двусоставность башкирского общества: башкиры – юг, иштяки – север. Аналогичное разделение прослеживается в значительно более раннем источнике – труде аль-Идриси (XII в.). Он обозначает их как внутренние (северные) и внешние (южные) башкиры [20, с 52-54]. Также в заметках голландского путешественника Избранд Индеса (XVII в.) фигурируют «уфинские и башкирские татары», проживающие в северной и южной частях исторического Башкортостана соответственно [21, с. 23-30].

По поводу башкиро-ногайского взаимодействия письменные источники дают довольно скудную информацию. На основе рассматриваемого вида источника В.В. Трепавлов выделил Башкортостан как отдельное наместничество в рамках Ногайской Орды, с нахождением там наместника с последующим назначением на пост нураддина – наместника правого крыла Ногайской Орды [14, с. 22-24].

Устное народное творчество

Одним из наиболее используемых в историографии источников по реконструкции этнополитической картины на Южном Урале являются: «Башкирская история» Кидраса Муллакаева записанная П.И. Рычковым [11, с. 154], шежере минцев, юрматинцев, а также исторические предания [4, 10]. Что касается исторических преданий, то для них характерна одна особенность: термин “ногай» как обозначение отдельного народа наиболее характерен для преданий, зафиксированных в более поздний период. Сведения Кидраса Муллакаева по «Башкирской истории» записал И.П. Рычков – русский, не уроженец региона, но уже сформировавший свое представление об истории региона, поэтому рассказ Кидраса Муллакаева определенно прошел интерпретацию ученого, что, конечно, могло негативно отразиться на его аутентичности. Не случайно, что Басман в рассказе Кидраса Муллакаева в интерпретации Рычкова уже фигурирует как ногаец. Шежере минцев и юрматинцев зафиксированы в XX в. к тому времени термин «ногай» башкирских произведений уже изменил свое содержание. Однако в источниках более ранней фиксации этого термина уже нет. Также другое содержание термина ногай мы видим в «экстракте» Алексей Михайловичу 1670 года представленной «из Тобольска». В сведениях «старца именем Лота» Далматского монастыря фигурируют «башкирцы ногайской нации» [8]. Сведения источников датируемых более ранними периодами, говорят, что в разные исторические периоды этот термин нес разные оттенки. В тоже время довольно слабо в этом отношении привлекается эпический материал. В устном народном творчестве наиболее ярким наследием ногайского периода являются варианты башкирского эпоса о Едигее: «Идукай и Мурадым», «Изиге», «Батыры Илеукай, Келяйле, Яик» и др. [6]. Весь цикл эпосов и преданий о Едигее у народов Дешт-и-Кыпчака (казахов, крымчан, ногацев, каракалпаков, узбеков, туркмен) делится на два основных типа: «кыпчакские» и «огузские» версии. Башкирские версии тяготеют к кыпчакскому, однако исследователи отмечают выраженную составляющую архаичного эпоса, что отличает их от комплекса более южных соседей, зачастую считается, эпос лишь «одел» на себя оболочку позднего героического эпоса, отражая, по сути, эпическую традицию более древнего периода. Примечательно, что комплекс фольклорных памятников (эпосов, шежере) касающиеся ногайского периода относится к юго-востоку и юго-западу Башкортостана, а если рассматривать в рамках цикла эпоса о Едигее, то здесь главными носителями этой информации выступают башкиры минских и тамъянских кланов. Кстати именно у тамъянцев собранны наиболее яркие и полные варианты текстов эпоса о Едигее,

также у тамъянцев зафиксированно шежере Шагали Шакмана, имеющего у себя в прадедах некоего Басман-хана, который хорошо отразился в рассказе Кидраса Муллакаева.

Устная степная историология (по терминологии В.П. Юдина) [16, с. 65].

Данный вид источника довольно нов для реконструкций по исторической этнографии башкир позднего средневековья. Хотя именно он в большей степени отражает этнополитические процессы, касающиеся башкирского общества ордынского периода (XIV – XVI вв.). К памятникам устной степной историологии относятся такие произведения как «Дафтар-и-Чингиз-наме», «Усерган тарихы», «Заманалар киссахы» и ряд других произведений [4]. Данные источники, в первую очередь, позволяют рассматривать политические процессы и этнополитическое развитие, исходя из социально-политической дифференциации общества. Ногайское влияние почти не отражается, как правило, основной акцент в данных источниках делается на династийной истории верховных правителей или кочевых кланов. В отношении последнего яркую и самобытную информацию дает источник «Дафтар-и-Чингиз-наме», где приближенными кланами Чингисхана предстают практически все башкирские клановые образования южной и восточной части Исторического Башкортостана (бурджан, джурматы, катай, кыпчак, тамъян и тд.). Для ордынских источников не характерно акцентирование внимания на этнонимах целого народа. Для них, как и для башкирских памятников, субъектом основного повествования выступает род. Не являются исключением «Усерган тарихы», «Заманалар киссахы», которые собственно и посвящены освещению политической роли и социальному статусу усерганцев и кыпчаков соответственно. Это определенно сближает башкирские литературные традиции с литературными традициями Улуса Джучи.

Данные антропологии и популяционной генетики

Корпус данных антропологии и популяционной генетики довольно редко становятся основными источниками в рассмотрении этнической истории региона на сравнительно недавний период и короткий промежуток времени. Эффективность использования этих данных в медиевистике зависит насколько дифференцирован привлекаемый материал.

Среди работ антропологов, где отражаются башкиро-ногайские связи, отметим работы Р.М. Юсупова и Н.А. Суворовой [1; 12, с. 101-116]. Выводы, сделанные Р.М. Юсуповым, говорят о наибольшей близости антропологического облика ногайцев с башкирами. Н.А. Суворова по данным одонтологии выделила наиболее близкие башкирские популяции к караногаям Дагестана. Ими выступили башкиры ногай-бурзянцев и кыпчаков Баймакского и Кугарчинского районов. В целом, по данным Суворовой, башкиры юго-восточной этнографической группы сближаются со среднеазиатскими популяциями и караногайцами, нежели северо-западные, центральные и юго-западные башкиры, которые тяготеют вместе с тем к западно-сибирским и средневолжским популяциям. Популяционная генетика в отношении башкиро-ногайских генетических связей представлена работами уфимских ученых Института биологии и генетики УНЦ РАН, а также московскими исследователями Медико-генетического научного центра РАМН. Совместно с последними родовой историей башкир и ногайцев занимается Институт гуманитарных исследований РБ. Результаты исследований также показали генетическую близость южных популяций башкир с караногайцами Дагестана. В последних исследованиях наибольшую близость к ногайским и казахским популяциям показали башкиры рода мин, усерган, тугаур по гаплогруппе N1c [3, с. 34-43]. Причем для усерганских башкир данная гаплогруппа является производной от минско-тунгаурского кластера данной гаплогруппы. То есть носители гаплогруппы N1c по происхождению являются родственны минцами и тунгаурам [3, с. 34-43]. Гаплогруппа R1b-M73, имеющая свои максимумы у караногайцев [13, с. 15], также является характерной для популяций Абзелиловского и Бурзянского районов [7], территория выборки уфимских генетиков совпадает с ареалом проживания тамъянских родов.

Вполне очевидно, что ногаи выступали как органичная часть этнополитической системы Южного Урала, зачастую различаясь с башкирами лишь политической ориентацией. С другой стороны, весьма определенно фиксируются правители – назначенцы ногайского бия. Данная ситуация стала возможна после окончательного укрепления позиций мангытов в степях Заволжья, Западного Казахстана и Приуралья, то есть после казахо-ногайской войны (20-е гг. XVI в.). Однако, необходимо отметить, что большого различия между кланами ногаев и башкир на этнокультурном уровне не было, и башкирская, и ногайская аристокра-

тия жила в рамках военно-кочевой традиции. Зачастую сложно отделить на Южном Урале ногаев от башкир, из-за общности этнокультурного характера и социально-политического статуса – в этом случае они были равны. Повторимся, что вполне вероятно, что мы здесь имеем дело с неким кочевым суперэтносом – симбиозом кочевников западно-казахстанских степей, объединенных под этнонимом ногаи и кочевые и полукочевые сообщества башкир. Связующими элементами данного симбиоза определенно выступали кланы минцев, тамъянцев у башкир и караногаи у ногайцев, в последующем откочевавшие на Северный Кавказ. Вполне очевидно, что именно эти популяции и должны стать основой для этнических и этносоциальных реконструкций того периода.

Определенно, причиной разрыва данного симбиоза стала довольно противоречивая политическая ситуация в регионе. Как уже было сказано, Ногайская Башкирия не была интегрирована в улусно-крыльевую систему Орды. На выделение Ногайской Башкирии в отдельное наместничество в какой-то степени влияла хозяйственно-экономическая и, как следствие, политическая замкнутость региона в рамках уже всей Ногайской Орды [14, с. 8]. Но в этом отношении можно назвать еще одну, на наш взгляд главную, причину. Во многом ее мы должны связывать со спецификой этнополитического развития всей Волго-Уральской ИЭО. Еще в XV в. когда кочевые племена Мангытского юрта (в том числе сами мангыты) являлись подданными ханов левого крыла Батыева улуса. В этих условиях каждое племя имело собственную правящую аристократию. Однако с выходом Мангытского юрта из подчинения хану, мангытская знать во главе с Мусой начинает претендовать на управление над всеми кочевниками. Безусловно, в условиях, когда основные элитарные группы юрты по статусу примерно равны, не могло обойтись без конфронтации мангытов с аристократией других племен. Но после разгрома мангытами Казахского ханства им начинает принадлежать абсолютная власть над кочевыми племенами в Орде и их вождями [15, с. 491]. Башкирия же вошла в орбиту мангытского внимания сравнительно поздно. Башкирская аристократия не прошла долгий путь «приживания» в Мангытском юрте, где фактическая власть находилась у нечингисидов-мангытов.

Основная ее территория относилась к правому крылу Золотой Орды. В течение конца XIV – XV вв. башкиры поддерживали в начале золотоордынских, затем казанских ханов из династии Тука-Тимуридов. Последними башкиры привлекались за счет определенных пожалований (тарханные ярлыки, оформление вотчин), выдача которых была исключительно в компетенции чингисидов, а именно Тука-Тимуридов. Эти отношения были традиционными между башкирской аристократией и ханами XV – XVI вв. Мангыты же не имели таких возможностей, потому и не могли полностью включить Башкортостан в систему Орды. Создав собственное кочевое государство со своей правящей династией, фактически ногаи посягнули на исключительную прерогативу чингисидов. Естественно это не могло положительно восприниматься соседями ногаев, в том числе и башкирами.

Башкирская аристократия находилась в системе Джучидских государств Поволжья, где за счет получения ханских пожалований чингисидов, находились в привилегированном положении в регионе при полном сохранении политической и социальной структуры общества [18, с. 327]. В ином же случае их ждала перспектива потери своих позиций на Южном Урале и вливание в массы ногаев-кочевников. И в данном отношении вполне оправданно выглядит выделение Ногайской Башкирии в отдельное наместничество, где основной формой проявления власти было нахождение в регионе наместника ногаев, осуществлявшего сбор ясака с местного населения.

Ногайские наместники, вместе со своими улусами, были нежелательным элементом в регионе. Нарушение вотчинных прав, вмешательство во внутреннее управление не могло способствовать повышению авторитета у пришлой ногайской аристократии и нередко приводили к конфронтации. В то же время вполне вероятно, что сам ногайский бий мог пользоваться поддержкой южных кочевых башкирских племен.

Таким образом, ввиду значительного фольклорно-этнографического соответствия башкир и ногаев, вполне возможно говорить о существовании между ними некоего этнокультурного симбиоза, с сохранением собственной этничности. Однако, довольно резкое разделение между этими группами произошло по политическим мотивам, выразившись, с

одной стороны, поддержанием былых ордынских правовых отношений, с другой - отрицания самого чингисизма в принципе [2, с. 49-51]. Беглый источниковый обзор показывает, с одной стороны, достаточность источников по реконструкции этнополитических процессов в степях Южного Урала, с другой - требует специализированного подхода и соблюдения методологических норм. В целом, весьма определенно вырисовываются области взаимодействия между башкирами и ногаями на Южном Урале: башкирские рода тамъян, мин, а также кыпчаки южной Башкирии и Оренбуржья. Со стороны ногайских популяций в этом аспекте имеет перспективы рассматриваться популяция караногаев Северного Кавказа.

1. Антропология ногайцев. М., 2003.

2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 49-51.

3. Асылгужин Р.Р., Сабитов Ж.Х., Юсупов Ю.М., Агджоян А.Т., Дибирова Х.Д., Балановская Е.В. Этнополитическая история и расселение минских родоплеменных объединений // Ватандаш. № 1. 2014. С. 34-43.

4. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

5. Башкирское народное творчество (на баш. яз.) VII т. Уфа, 2004. 624 с.

6. Башкирское народное творчество (на баш. яз.) VIII т.. Уфа, 2006.

7. Лобов А.С. Структура генофонда субпопуляций башкир. Авт. канд. дисс. Уфа, 2009.

8. Пекарский П.П. Известия времен царя Алексея Михаиловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавшихся в татарских могилах в Сибири // Известия императорского археологического общества ...

9. Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара // Р.Г. Буканова, В.Н. Фешкин Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. – Уфа, Китап, 2007. – С. 228-258

10. Полевые записи (Альшеевский район РБ), 2012.

11. Рычков П.И. История Оренбургской губернии. Уфа, 2003.

12. Суворова Н.А. Антропологическое разнообразие башкир и их место среди народов Северной Евразии (по данным одонтологии) // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию С.Н. Шитовой. Уфа, 22 декабря 2006 года. – Уфа, 2006. С. 101-116.

13. Схаляхо Р.А. Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: анализ изменчивости Y-хромосомы. / Автореф. диссер. на соискание к.б.н. М., 2013. 24 с.

14. Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв./ Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Уфа, 1997. 72 с.

15. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002.

16. Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тукатимуридов в казахских степях XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Чингыз-нама. - Алма-Ата, 1992. - С. 65.

17. Юсупов Ю.М. Эпос «Идукай и Мурадым» и его параллели с историческими реалиями. / Дип. работа кафедры археологии, древней и средневековой истории БашГУ. Уфа, 2003. 67 с.

18. Юсупов Ю.М. Башкиры в этносословной структуре Казанского ханства // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5-6 июня 2007 г.) – Уфа, 2007 – С. 326-327;

19. Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). Уфа, 2009.

20. Юсупов Ю.М. Письменные источники о городах средневековой Башкирии // Ватандаш. № 11. 2009. С. 52-54.

21. Юсупов Ю.М. Башкиры в путевых заметках иностранных путешественников XVII в. // Ватандаш. № 11. 2010. С. 23-30.

ЭТНОЛОГИЯ

БАРАЗБИЕВ М. И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

БРАЧНЫЕ КОНТАКТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШИХ СОСЛОВИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С КАБАРДИНЦАМИ В XVI–XVIII вв.

В период феодализма в этнокультурных контактах различных народов особое значение имели связи кровнородственного и брачного характера представителей аристократических родов. Целью нашего исследования является краткое рассмотрение брачных контактов представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа (кумыков, ногайцев и карачаево-балкарцев) с адыгами-кабардинцами в XVI–XVIII веках. Исторические предания и документальные материалы убедительно свидетельствуют, что представители аристократических родов указанных этносов с давних времен поддерживали межэтнические брачные контакты.

В качестве одного из первых примеров брачных контактов представителей кумыкской и кабардинской аристократии друг с другом можно считать брак шамхала Тарковского Чопана и дочери знатного кабардинского дворянина Узун-Черкеса Анзорова. Их сын Султан-Мут (правил примерно с 1574 по 1635 гг.) стал родоначальником княжеских фамилий Засулакской Кумыкии [1, с. 79]. Старшие братья Султан-Мута, рожденные от княгини (дочери уцмия Кайтага), не признавали его равным себе, вследствие чего он вынужден был собрать вооруженные силы в Салатавии и Кабарде и заставил уступить в потомственное владение «все земли, лежащие между реками Сулак и Терек, нижнюю часть Мичикича и Салатавского округа, до горы Керхи, что на границе Гунбета» [5, с. 49, 107; 1, с. 79].

Так, родственные взаимоотношения представителей аристократических родов кумыкского и кабардинского этносов способствовали возникновению нового политического образования Северного Кавказа – Эндиреевского удельного княжества, разделившегося впоследствии на собственно Эндиреевское, Аксаевское и Костековское [1, с.80]. Следует отметить, что значительная часть кабардинцев, пришедших Султан-Муту на помощь, остались жить в его владении навсегда, ассимилировавшись в кумыкской среде [13, с. 26].

Князь Султан-Мут использовал свои родственные и дружеские контакты с кабардинскими феодалами и впоследствии. Известно, что в знаменитом сражении на Караманском поле 1605 г., в котором он нанес поражение русским стрельцам, на его стороне выступила и часть кабардинских князей со своими отрядами [13, с. 40].

Понимая значимость подобных взаимоотношений, Султан-Мут и сам был женат на сестре кабардинского князя Мудара Алкасова, от которой у него родился сын Айдемир, ставший впоследствии высшим феодальным правителем кумыков – шамхалом Тарковским [1, с. 163].

Брачные и родственные контакты с кумыками поддерживал и князь Шолох Тапсароков, являвшийся в 1609-1616гг. старшим князем Кабарды [12, с. 130]. Так, в письме одному из кабардинских князей он сообщал: «Как же мне от крымского и шевкальского и кумыков

отстати? А в Крыму у меня две дочери и многие мой род и племя; а в шевкалах и кумыках таково же» [13, с. 38].

Мы предполагаем, что брачными узами с представительницей кумыкского народа был связан также и известный кабардинский князь Сунчалей Канклычевич Черкасский, в 1615г. пожалованный царем Михаилом Федоровичем Романовым русским княжеским титулом и назначенный им правителем «терских черкас и всего нерусского населения» Терской крепости [12, с. 120].

Основанием для подобного предположения служит тот факт, что в документе 1641г. отмечается, что родным племянником его вдовы Желегоши являлся правитель кумыкского селения Кафыр-Кумык - «мурза Тучелов» [6, с. 200].

В другом документе сын Сунчалея и Желегоши – князь Муцал Черкасский называл правителя кумыкского владения Брагуны – Эльдара своим родным братом [1, с.119].

Своеобразным подтверждением нашего предположения служит то, что секретарь голштинского посольства в Персию Адам Олеарий, посетивший в 1638г. Терки и лично видевший вдову Сунчалея Черкасского, называет и другое ее имя - «Бике» [7, с. 52], что в переводе с тюркских языков означает «княгиня», «госпожа» [14, с. 31]. Адам Олеарий отметил также, что дочь князя Сунчалея и княгини Бике (Желегоши) вышла замуж за персидского шаха [7, с. 50, 52]. Мы предполагаем, что этот брак также может быть объяснен родственными отношениями князей Черкасских с кумыкской аристократией, которая подобные контакты с правителями Персии наладила ранее. Известно, что в 1577 г. персидский престол занял сын шаха Тахмаспа I - Исмаил, мать которого Султаным-Хатун была дочерью кумыкского шамхала [1, с. 48].

Всего у князя Сунчалея и княгини Бике (Желегоши) было девять детей, из которых семеро – сыновья. Особого упоминания заслуживает их сын Алей, поступивший на русскую службу, получивший в крещении имя Михаил и достигший высочайшего положения в России: он стал боярином и первым в российской истории назван генералиссимусом [11, с. 47].

Родственными узами с правителями кумыкского княжества Аксай были связаны известные кабардинские князья XVIII столетия Касай Атажукин и Хамурза Росламбеков. Так, в одном из документов сообщается про мать Касая Атажукина, по имени Ханым: «... бывшего аксайского владельца Албека сестра родная» [2, л. - 55]. В документе 1761 г. присутствует информация о том, что сыновья аксайского владельца Уцмия Султан-Мамутова приходились родными племянниками князю Хамурзе Росламбекову. Один из них - князь Султанбек обращался за помощью к Росламбекову, чтобы он, как близкий родственник, способствовал его примирению со своими родными братьями [16, л.-79, 80].

Следует отметить, что брачные контакты с кабардинской аристократией поддерживала и феодальная знать ногайцев. При этом ногайские правители, также как и кабардинские, старались использовать вооруженные силы своих новых родственников в феодальной междоусобице. Показательно, что ногайские аристократы, придерживавшиеся прорусской ориентации, старались заключать браки с кабардинской знатью, также ориентировавшейся на Москву, а ногайцы прокрымской ориентации искали себе родственников в Кабарде из этого же политического лагеря [11, с. 141].

Так, прорусски настроенный правитель Большой Ногайской орды Исмаил своего сына Дин-Ахмеда женил на дочери князя Темрюка Идарова - Малхуруб. Заинтересованность в этом браке князя Идарова усматривается из того обстоятельства, что его дочь стала третьей женой в гареме Дин-Ахмеда, старшей в котором считалась дочь ногайского князя Саид-Ахмеда – Хандаза, а за ней по рангу шла некая Хантай [15, с. 313]. В свою очередь, противник Исмаила, правитель Малой Ногайской орды Кази Ураков породнился с противником Темрюка Идарова – князем Кази Пшеапшоковым, женившись на его дочери [11, с.141].

Необходимо отметить, что выгоды от родственных взаимоотношений ногайской и кабардинской аристократии друг с другом могли выходить и за пределы этих этносов, создавая почву для установления новых разнообразных контактов с представителями иных народов. Так, по мнению современных исследователей из Кабардино-Балкарии К.Ф. Дзамихова и Б.К. Мальбахова, в браке русского царя Ивана IV Грозного на дочери Темрюка Идарова Гошаней, заключенном в 1561г., определенное влияние сыграл правитель Большой

Ногайской орды Исмаил. Они предполагают, что в орбиту внимания русского царя княжна Гошаней Темрюковна могла попасть именно по его рекомендации [11, с. 142].

В результате заключения этого брака Русское государство создало мощный союз для борьбы с Крымским ханством и его союзниками. Этот союз способствовал укреплению позиций России в Прикаспии, давал возможность активизировать борьбу с Турцией и Ираном за Северный Кавказ [11, с. 143].

В свою очередь, Дин-Ахмед пытался использовать родственные контакты с родом Идаровых во взаимоотношения с Москвой, пытаясь повысить свой статус. Так, в документальных материалах отложилось, что родство своей жены и жены Ивана Грозного он понимал не только как условие союзнических отношений с русским царем, но и как взаимное «племянство», то есть условие равенства их статусов [15, с. 314].

Родство с правителем Малой Ногайской Орды князь Кази Пшеапшоков использовал после убийства в 1600-1601 гг. сыновей Темрюка Идарова – Домануко и Мамстрюка. Известно, что после этих событий он бежал в Бесленей, под защиту кочевавшего здесь Малого Ногая, где провел три года [9, с. 102].

Брачными узами с кабардинской аристократией был связан и мурза Большой Ногайской орды Карашаим Иштереков. Родство с кабардинцами мурза Карашаим использовал во время нападения на его владения в Прикубанье в 1643-1644гг. калмыков. Атакованный противниками, Карашаим вынужден был отойти в горную местность, опираясь на помощь других народов Северного Кавказа. Повествующий об этих событиях документ сообщает: «пошол… жить в кабардинские горы к тестю своему к Алегуке мурзе Черкасскому…» [4, с. 121].

В итоге, калмыкам пришлось столкнуться с объединенными силами ногайцев, кабардинцев, карачаевцев, сванов и абазин. Благодаря союзническим действиям объединенных народов Кавказа калмыцкое войско во главе с тайшой Урлюком потерпело сокрушительное поражение и вновь отошло за Волгу [4, с. 121].

Следует отметить, что между ногайскими и кабардинскими феодалами могли иметь место и серьезные противоречия, зачастую перераставшие в военные столкновения, но даже в этом случае подобные противоречия могли быть урегулированы династическими браками. Довольно показательны в этом отношении события 30-х годов XVIII века. В 1736-1739 гг. калмыцкий хан Дондук-Омбо и брат его жены Джан – кабардинский князь Магомет Атажукин одержали победу над правителем ногайцев-солтанаульцев мурзой Муссой и абазинами-алтыкесеками. В результате этого абазины были переведены в Кабарду, а ногайцы в окрестности Кизляра, где они кочевали в междуречье Терека и Кумы. Однако уже в 1738 г. 700 ногайских семейств бежали на Кубань, а оставшихся собирались разделить по калмыцким улусам.   Это рассеяние ногайцев не состоялось благодаря браку сына мурзы Муссы и дочери Магомета Атажукина, после чего калмыцкий хан оставил солтанульцев на Тереке, поручив их своим родственникам Атажукиным [10, с. 35].

Данный пример показателен и в отношении довольно высокого социального статуса ногайской аристократии в представлениях кабардинской знати, так как князь Атажукин пошел на установление родственных взаимоотношений с человеком, который незадолго до этого потерпел от него военное поражение и находился в затруднительной политической ситуации. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что основной причиной данного брака являлось стремление породниться с феодалом не менее знатного происхождения, нежели кабардинский князь.

Династические браки с кабардинской аристократией поддерживала знать и другого тюркского этноса Северного Кавказа – карачаево-балкарцев. Можно отметить, что наличие подобных контактов нашло отражение уже в первых русских документах, в которых упоминаются балкарцы. Так, первое документальное свидетельство о Балкарии в русских документах относится к 1629 г. и связано с разведкой русского государства в горах Северного Кавказа, и в частности, в Балкарии, залежей серебряной руды. В документах, освещающих эти события, отмечается, что правителями Черекского ущелья Балкарии являлись тогда родные братья Абши и Айдабол Тазритовы [6, с. 125, 126].

Мать братьев Тазритовых происходившая из влиятельного рода кабардинских князей Идаровых, была дочерью старшего князя Кабарды Камбулата Идарова и двоюродной

сестрой русской царицы Марии Темрюковны. Традиционность мирных, добрососедских отношений балкарцев с кабардинцами, а также высокий владельческий статус князей Тазритовых, подтверждается наличием их родственных взаимоотношений и с кабардинскими князьями Битемрюковыми [3, с. 90].

Вместе с тем родственные контакты братьев Тазритовых с кабардинскими князьями прорусской ориентации и их вероятная помощь в разработке на территории Балкарии серебряной руды вызывали негативную реакцию со стороны северокавказских феодалов противоположного политического направления. В связи с этим источники свидетельствуют, что им даже приходилось отстаивать свои интересы с оружием в руках.

Так, в феврале 1621 г. терский воевода И.А. Дашков сообщал в Посольский приказ, что объединенные дружины кумыкского князя Айдемира Султан-Мамутова и кабардинских князей Илдара и Суркая Ибаковых с карательной целью направились против братьев Тазритовых и их подвластных в Балкарию. Далее Дашков писал: «И Апшика деи, государь, з братьею против Айдемира да Илдара да Суркая стоят и с ними бьютца» [3, с. 90, 91].

О брачных контактах карачаевских феодалов Крым-Шамхаловых с кабардинскими князьями сообщается в одном из архивных документов второй половины XIX в., в котором написано: «...прежде Крым-Шамхаловы женились и на дочерях Кабардинских пши (князей-М.Б.)» [19, л.-115 об.]. Эта информация дополняется и фамильными преданиями Крым-Шамхаловых. Так, в них говорится, что Гилястан Бекмурзович Крым-Шамхалов, живший в первой половине XVII столетия был женат на кабардинской княжне Гекеж Таусултановой [8, с. 108].

Завершая данное исследование можно прийти к выводу, что брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа (кумыков, ногайцев и карачаево-балкарцев) с кабардинской аристократией в XVI-XVIII вв. носили династический характер, способствовали заключению политических союзов и урегулированию политических разногласий.

1. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала, 2008.

2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф.-115, оп. - 1, д.-3. (Документ выявлен и любезно предоставлен нам для использования д.и.н. Бегеуловым Р.М.).

3. Баразбиев М.И. Из истории балкаро-русских отношений XVII – начала XX века // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Ч. I. / Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России в 2-х частях. Карачаевск, 2008.

4. Бегеулов Р.М. Центральный Кавказ в XVII – первой половине XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск, 2005.

5. Гаджиева С. Ш. Кумыки. (Историко - этнографическое исследование). М., 1961.

6. Кабардино - русские отношения в XVI - XVIII вв. Документы и материалы в 2 - х томах. Т.1, Нальчик, 1957.

7. Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост.: В. Аталиков. Нальчик, 2010.

8. Каракетов М.Д. От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни севеокавказских элит в XVII-XIX вв. // Диаспоры. №4. М., 2004.

9. Кидирниязов Д.С. Ногайско-кабардинские взаимоотношенияв XVI – в первой половине XVII в. // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. VIII. Нальчик, 2009.

10. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.

11. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996.

12. Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994, с. 130.

13. Мамбетов Г. Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI-XVIII веках. // Ученые записки Кабардино - Балкарского научно - исследовательского института. Т. XXV, Нальчик, 1967.

14. Русско-татарский словарь / Под ред. Ганиева Ф.А. М., 1985.

15. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

16. Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР), ф.-1209, оп.-8, д.-3.

19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), ф.-262, оп.-1, д.-71.

ВИКТОРИН В. М.

Астраханский филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
НИЦ этнополитических исследований
г. Астрахань, Россия

К НОВЕЙШЕМУ ИЗУЧЕНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И СУБЭТНОКУЛЬТУР НОГАЙЦЕВ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ (рубеж XXI в.)

Наметился новый этап развития ногайского народа в России, всё сложнее и любопытнее для изучения. Произошёл рост численности этноса за 8 межпереписных лет – с 91 до 104 тыс. человек. Процессы Астраханского региона теперь уже прочно (хотя и по - своему) «вписаны» в общеногайские. О наличии многих земляков - «ногайцев» знает ныне, пожалуй, любой астраханец. Произошло почти что удвоение числа ногайцев в области («уточнением» самосознания, миграцией) – прогноз до 9-и тыс. человек, с повсеместным ростом в районах, кроме Володарского района (где небольшая субэтногрупа «кундровцы» – «тулга»). Однако ряды ногайской интеллигенции за почти четверть века не пополнились ни местными филологами, ни искусствоведами. Развиваются два процесса – этнокультурный и исследовательский – «рядом» и «по соседству», реже «вместе». Хотя редкие сочетания продуктивны и показательны и интересны. Как, выход в свет двух первых (пока что) содержательных «Ногаеведческих сборников» [15, 114 с.; 16, 133 с.].

Примером отличным остаются, комплексные по подходу и источникам, труды старшего поколения учёных – докт. филол. наук Л.Ш. Арсланова (г. Елабуга, Татарстан), занятого сейчас тонкими вопросами ногайской ономастики – антропонимии [16, с. 5-8], докт. историч. наук Р. Х. Керейтова (г. Черкесск, КЧР) с умелым балансом материалов по всем ногайским субэтносам, как и с неизменным добавлением материалов по нашему Нижневолжью [12, 464 с., как и мн. др.]. Астраханские материалы используются и, как правило, пропагандируются докт. историч. наук Д.С. Кидирниязовым (г. Махачкала, Дагестан [16, с. 72-80; ср.: 6, С. 23-28 и мн. др.]). Всегда активно привлекают астрахано - тюркскую проблематику автор основных ногаеведческих трудов, докт. историч. наук В.В. Трепавлов и специалист по постордынским государствам, канд. историч. наук И.В. Зайцев (оба – г. Москва [28, 752 с.; 9, 303 с. и др.]).

Защищены за минувшее десятилетие также были несколько диссертаций – молодым поколением деятелей региональной науки. Это, прежде всего, Э.Ш. Идрисов (гг. Астрахань - Волоград [10, 26 с.]) – по социально - властным структурам полукочевых групп населения, Ж.Х. Скрыльникова (гг. Астрахань - Москва [21, 32 с.]) – по этноэкологии и безопасности проживания совр. карагашей, Н.Г. Гайнуллина - Агдеева (г. Казань [7, 23 с.]) и А. Р. Усманова (гг. Астрахань - Саратов [21, 32 с.]) – по этномузыковедению и исполнению фольклора, И.С. Рахимов (г. Казань [18, 31 с.]) – по биобиблиовидению и просопографии деятелей науки и общественного развития данных регионов, постижения их творчества, а также ещё некоторые др.

В наших докладе и статье учтены исследователи и их работы классического «комплексного этнического знания» (Л.Ш. Арсланов, Р.Х. Керейтов), историки и политологи – краеведы и регионоведы (В.М. Викторин, Ю.Д. Гражданов, В.В. Грибовский, Д.В. Сень, Э.Ш. Идрисов, Ю.М. Идрисов, Д.С. Кидирниязов, А.Ш. Курумбаев, Е.В. Кусанинова, Ф.А. Кусегенова, Ж.Х. Скрыльникова, А.В. Сызранов, В.Т. Тепкеев и У.Б. Очиров, И.В. Торопицын и др.), этномузыковеды (М.Г. Хрущёва, Н.Ю. Альмеева, Н.Г. Гайнуллина - Агдеева, Р.С. Джальмухамбетова - Биканова, А.Р. Усманова и др.), иные искусствоведы (Ф.Ю. Канокова) и культурологи (Н.Р. Азизова), фольклористы с литературоведами (И.С. Капаев, М.И. Кидирниязова, Ф.А. Кусегенова, С.А. Кукаева, Н.Х. Суюнова и др.) и ономастоведы (Л.Ш. Арсланов, М.А. Булгарова), а также специалисты по историко - культурным биографиям (отец и сын И.С. и С.Т. Рахимовы, М.М. Имашева, В.М. Викторин и др.).

Некоторые учёные попутно сообщают нам важнейшие дискуссионные данные о ногайцах. Это, к примеру, Е.Л. Соснина (г. Пятигорск) – о путешествиях иностранцев

«классического века, рубежа XVIII - XIX вв.» по Югу России [20, 182 с.; 19, 422 с.]. Или же А.В. Курышев (г. Волгоград) – о переселениях части казачества в сер. XVIII в. с р. Волги на р. Терек, их службе (зачастую конвойной с кочевниками) на обоих пространствах [13, 352 с.].

Из конкретной тематики актуальна по-прежнему тема служилых групп в составе ногайцев. Так, проблема юртовцев (и «джетисанцев / едисан» среди них), привлекает к себе внимание – правда, не всегда равномерное и ответственное.

Несколько эклектичным и предвзятым выглядит указание Д.М. Исхакова (г. Казань), поддержанное И.В. Зайцевым (г. Москва), что юртовские татары – это самостоятельная этнообщность – народность. Но ... совпадающая «с астраханскими татарами (астраханцами) периода .. ханства». Только она ещё в XV - XVII вв. наметила, но не завершила свою «консолидацию с частью» ... «ногайского этнополитического образования» [см.: 9, с. 37 и сн. 13].

Данная мысль продолжена ещё менее удачно – заявлением двух сельских краеведов (Р.У. Джуманов и А.Д. Мусаев) из с. Татарская Башмаковка Приволж. р-на, что юртовцы «до нач. XVII в. под покровительством ногайских князей кочевали до Яика» [см.: 8, С. 285-294]. Вопреки данным (Э. Дженкинсон, Дж. Белл, А. Олеарий - Эльшленгер, К. де Бруин, сер. XVI - нач. XVIII вв.) что те, исходно ногайцы из Большой орды, жили постоянно и полуоседло в мест. «Юрт» (затем – «Тияк») при Астрахани и под её защитой, добавим – переходя к овощеводству.

Есть стремление «дипломатично не заметить» ногайскую основу юртовцев (Н.Р. Азизова, М.М. Имашева [2 - 3; 16, с. 45-56]). Или же оставить этот важный пункт без выделения, как «общее место» (И.В. Торопицын [26, с. 375-412]). Притом у И.В. Торопицына неясна цель подробной литературной (скорее, справочной) подборки, чтобы обозначить ясные снижение роли служилых юртовцев и резкий спад их численности постоянным бегством на Кубань в I - ой пол. XVIII в.

Постепенно вырисовывается и новое обращение к давним «казачьим» традициям в среде кочевых ногайцев, а также их полуоседлых и оседлых потомков (ср.: В.С. Казаков, Е.В. Кусаинова, мн. др.). Одна наша статья – о пребывании в Оренбургском казачьем войске как дальних потомков ногайцев (т.н. «нагайбаки»), так и их групп собственно, переселённых на службу из-под Астрахани и через Астрахань в 1744 г. – [4, с. 23-31]. А другая – завершает долгую (с 1987 г.) разработку темы «внутренней служилости» у юртовцев и едисан / джетисанцев, как и затрагивает «мусульманское казачество» у их аристократии [5, с. 60-70].

И совершенно новый ракурс зрения предложили проф. Ю.Д. Гражданов (г. Волгоград) и доц. Э.Ш. Идрисов (г. Астрахань) – о попытке от 1849 - 58 гг. «поверстать» в казачество ногайцев - карагашей, под Астрахань переселившихся (из состава Малой орды и из-под власти калмыков, в конце XVIII в.) [см.: 15, с. 38-39 и др.]. Переходная, необычная этногруппа между юртовцами и карагашами – «тулга - кундровцы» продолжает привлекать внимание и учёных, и прессы [1, 20 Кб; 15, с. 14, 16, 19, 34, 40]. В скором будущем, перед переписью 2020 г., обсуждений наверняка станет ещё больше.

Пока что интерес вызывают вопросы связи между Северным Кавказом, Нижнем и Среднем Поволжьем, Южным Приуральем, ногайских миграций (чаще вынужденных) и соотношения наименований (субэтнонимов) различных групп ногайцев. Это контакты между крупными ногайскими общностями («урдами»): «карагашами», «кундровцами» и «салтанаульцами». А также история каждой из них и их в отсоединившихся частей, подгрупп.

Просматривается, что первыми приходили под Астрахань и в губернию кундровцы затеречного Прикаспия (зависимые от калмыков – в нач. 20-х гг. XVIII в.), затем, сменив первых в улусах, карагаши с Пятигорья – Бештау (к рубежу 30-40-х гг.), по следам вторых – и салтанаульцы обоих берегов р. Кубань (переселены к сер. 40-х гг. XVIII в., через наш край, разными маршрутами к Средневолжью – Приуралью).

Буквально разбитыми «на части» оказались кундровцы, оставили свою подгруппу в Прикубанье салтанаульцы, но стали прочно привязанными к Астраханскому краю карагаши.

В последние годы новые документы по данным вопросам введены в оборот науки независимо (конвергентно), хотя и очень дискуссионно, двумя учёными и госслужащими С.Т. Рахимовым (г. Казань) и И.В. Торопицыным (г. Астрахань).

Вот только отец и сын Рахимовы привели собственные документы карагашей, но из семейного архива просветителя, имам - мухтасиба и учёного А.И. Умерова (1867 - 1933), – два письма правительству, от 25 декабря 1835 г. и 26 августа 1837 г. Интересны лексика и настоятельные оценки на русском языке: «Мы, карагасцы ... (берём) начало породы нашей от (горских) татар, допред кочевавших на реке Кубани, на (в) урочище Карагач ...» [18, с. 351, 356; ср. с. 7-8, 30].

Напротив, И.В. Торопицын использовал обширные, строго подобранные, но «вторичные» данные органов царской власти о кундровцах и салтанаульцах, их миграциях – из центральных архивах России [23 - 25]. И, что важно, вновь в архивных данных – урочище ?КараагаТ? (явный огрех переписчика), где прятались салтанаульцы в феврале - апреле 1743 г. [24, с. 341; 25, с. 109].

Но делать из того поспешное и недостоверное заключение И.В. Торопицына, что «переселение салтанаульцев ... нашло отражение в их новом самоназвании – карагаши ...» [25, с. 112] (?!) невозможно никак. Последние относились, что хорошо известно, к ногайской ветви и подветви «каспулат - касай - улы», а никак не к другой – ветви «салтан - улы».

О топонимах. Урочище «Тёмный лес – Кара(а)гаш», примыкающую большую г. Бударка (ныне Стрижамент) посетил 10 апреля 1798 г. (казачья станица и окопный «ретраншмйнт» на горе ужй были 2-3 года) польский писатель и путешественник, учёный - востоковед и один из первых иранистов в Европе и России граф Я.Ю. Потоцкий [19, с. 92-93, 141-142; 20, с. 82-83, 141-142]. Граф упомянул здесь «резиденцию Касая, князя (принца) мангытов» и его людей. Был это один из мурз Тагановых, сохранивших мусульманство (да, потомок мирзы Касая). Про этот лес – и легенда, приведённая И.С. Капаевым в с. Растопуловка, 31 мая 2013 г., на XXII-х Джанибековских чтениях.

Таким образом, ногайское население при данном урочище менялось минимум два или три раза. Характерны данные о подобных же топонимах по р. Терек, вблизи Каспия, – у аспиранта из г. Астрахани Р.В. Ишмухамбетова [ср.: 11, 8 с.]. Однако, карагашей иногда именовали ранее «кундровцами» – а не наоборот.

Критической стороны нашего обзора заслуживают две бывшие аспирантки А.А. Ярлыкапова (г. Москва), защитившихся по астраханским материалам в гг. Москве и Краснодаре (Н.Р. Азизова и Ж.Х. Скрыльникова). Первая уже упоминалась ранее за концептуальные погрешности и недостойные «заимствования» в свой текст [см.: 5, с. 60; 15, с. 6]. Вторая – за структурный дисбаланс в изложении, не рассмотрение усилий «экологической группы» с. Сеитовка и светлой памяти К.Т. Роматалиева, с острейшим кризисом, ранним пикетом на трассе 19 августа 1991 г.

Очень трудно согласиться, этически и, по сути, и с И.В. Торопицыным. Губернатором В.Н. Татищевым из г. Астрахани большинство кундровцев и основная группа салтанаульцев были направлены «в верховые губернии» д в у м я караванами.

Знатные люди – мурзы (в осн., салтанаульские) вышли по пути в г. Казань 1 марта 1744 г., под конвоем волжских казаков. И прибыли на место к сентябрю - сер. октября [А.В. Курышев: 13, с. 83, 267 и Табл. 13]. А вот основная масса салтанаульцев и кундровцев 19 сентября 1744 г., (в м е с т е – что знает из рапорта правительству и сам И.В. Торопицын) [2, с. 9; 24, с. 350] в правобережье – Свияжский уезд. Но усилиям кундровских мурз Темирбулатовых в столице второй караван до места не дошёл – был «завёрнут» на приграничную службу во вновь учреждённое Оренбуржье: где-то ясно в районе переправы Сызрань – Самара, уже известной крещёным калмыкам (и калмыков – мусульман с ними), будущим «ставропольско - волжским» казакам.

Откуда группа новопоселенцев в 1747 г. (25 семей, 100 юрт) бежала к казахами – скорее всего, окружение Темирбулатовых из «затеречных» жителей, и, может, с ними часть «тулга - кундровцев», кто-то из салтанаульцев,. Составив основу многократно выросшей вскоре группы «нугай - казак» (ср. у Р.В. Ишмухамбетова). А мурзы, из - под Казани, присоединились к своим сородичам в 1768 г.

Вышесказанное было опубликовано и находилось в доступном (Сеть «Интернет») научном обороте р а н ь ш е «ногайских» статей И.В. Торопицына [2008 г.: 4, с. 23-31]. Опубликованные недавно под ред. этномузыковеда Н.Ю. Альмеевой данные В.А. Мошкова о «крымских ногайцах» среди казаков - мусульман Оренбуржья подтверждают это [14, с. 182, 199, сн.. 206-208 и др.].

Умозрительно – и о «возврате» хотя бы части переселённых кундровцев обратно, на запад Прикаспия, после соединения с мурзами [см. 24, с. 355]. Преданий или записей об этом нет. А «тулгб» - кундровцы неплохо известны и после ухода калмыков, и по ревизии 1782 г.

Как и т о г нашего краткого обзора, встаёт проблема источников «первичных» и «вторичных»: по развитию ногайских субэтносов, и по их этнотрадиции – с «внутренней» и «внешней» оценкой. Притом занятия этнической историей точно подразумевает всегда «многообразие» фактических данных и их типов (ср. у деятелей науки ст. поколения).

Досадно и снижает результат, когда историки «общего», «гражданского» профиля, обращаясь к яркой и перспективной «этнической» материи, ограничиваются лишь одной разновидностью исходных сведений.

В дальнейшем, самих авторов можно науковедчески разделить на старших и младших, на астраханцев, «астраханцев бывших» и наших «коллег - соседей». На тех, кто посвятит теме «всю сознательную жизнь» и кто присоединился к ней «по случаю», временно. А среди научных работ следует выделить созданые «на» астраханских материалах и выполненные только лишь с их «учётом», либо «упоминанием». Возможно и создание «схемы текущих научных проблем». Так, становятся яснее «основные» предметные зоны изучения на данный момент, «наметившиеся», «ожидаемые» вскоре и «незаслуженно оставленные в стороне».

Среди, увы, последних – вопросы нижневолжской диалектологии и вообще ногайских говоров, в т.ч. в будущих фундаментальных «Ногайско - русском» и «Русско - ногайском» словарях – в их бумажном и электронном вариантах. Право же, совместные экспедиции были бы весьма кстати и продуктивны. Ибо родная речь А.-Х.Ш. Джанибекова не должна считаться лишь «пассивным» вариантом литературной нормы.

В XXI в. подготовлены кадры для изучения этнокультуры астраханских ногайцев, но для дальнейшего развития ногаеведения необходим приток молодых исследовательских сил.

---

1. Аверкин Д.А. Тулугановка: огонь для невесты / Заметки из провинции. № 23. Репортаж Каспийского пресс - центра. Астрахань, 2010, 20 октября // www.astrakhan.tv/programs/1/96. Video – 22 Кб

2. Азизова Н.Р. Семейная обрядность юртовских татар (историко-этнографич. исследование). – Автореф. ... канд. ист. н. – М., 2004, 27 с.

3. Азизова Н.Р. Традиционно-обрядовая культура локальных этнических групп в современной России (на примере юртовских татар). – Автореф. ... докт. культурол. – Краснодар, 2009, 41 с.

4. Викторин В.М. Тюркские переселенческо - служилые группы на Южном Урале в XVIII - нач. XX веков: нагайбаки (низовые и верховые) и ногайские татары (салтанаульцы и кондуровцы). К 450-летию регионов в составе России // Панорама Евразии. № 3 (3). – Уфа: [ИГИ АН РБ]. 2008 – С. 23-31 / www.igianrb.ru/Panorama_Evrazii/№3_2008/№3_2008_ Panorama_Evrazii.pdf – 145 Кб

5. Викторин В.М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев - едисанцев (джетисан) при г. Астрахани в XVIII - XIX вв.: к эволюции сообщества при переходе к оседлости // Тюркологический сборник. 2011 - 2012. – М.: Наука – Вост. лит - ра, 2013 – С. 60-70

6. Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Астраханские ногайцы // Возрождение: прошлое, настоящее и будущее народов Дагестана. Респ. журнал [ДНЦ РАН]. № 9. – Махачкала, 2006 – С. 23-28

7. Гайнуллина Н.Г. Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области. – Автореф. дис. ... канд. искусств. – Казань, 2003, 23 с.

8. Джуманов Р.У., Мусаев А.Д. Родоплеменной состав жителей села Татарская Башмаковка в XVII - XX вв. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II. Сб. мат. (18 мая 2010 г.). – Астрахань, 2010 – С. 285-294

9. Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М.: Вост. лит - ра. РАН, 2006. – 303 с.

10. Идрисов Э.Ш. Потестарно - политический процесс в традиционалистской этноспецифической среде (на примере народов Нижнего Поволжья) – Автореф. дис. ... канд. полит. н. – Волгоград, 2005 – 26 с.

11. Ишмухамбетов Р. В. К предыстории межкипчакской субэтнической группы «ногай - казах» в составе западной части казахов // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Сб. мат. I-ой М/н. науч.-практ. конф. (14 - 16 мая 2014 г.). – Черкесск: [КЧИГИ]. 2014 – 8 с. (в печати; данный же сб.)

12. Керейтов Р.Х. Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь: 2009 – 464 с.

13. Курышев А.В. Волжское казачье войско (1730 - 1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. – Волгоград, 2011 – 352 с.
14. Мошков В.А. Мелодии Волго - Камья. Отв. ред. М.Г. Кондратьев, науч. ред. Н.Ю. Альмеева. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд - во. 2011 – 366 с.
15. Ногаеведческий сборник. Вып. I – Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Гл. ред. Э.Ш. Идрисов. – Астрахань, 2012 – 114 с.
16. Ногаеведческий сборник. Вып. II – Мат. ?Джанибековских чтений? (разных лет). Ред - ры Э.Ш. Идрисов, А.В. Сызранов. – Астрахань, 2013 – 133 с.
17. Рахимов И.С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова (1867 - 1933). – Автореф. ... канд. ист. н. – Казань, 2004, 31 с.
18. Рахимов С.Т. Абдурахман Умеров: научно-биографич. сб. – Казань, 2002 – 384 б.
19. Соснина Е.Л. Два путешествия в Золотой Век: «Гениальный фантом» (Я.Ю. Потоцкий). Легенда в жизни М.Ю. Лермонтова. – Пятигорск, 422 с.
20. Соснина Е.Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». – Пятигорск, 2003 –182 с.
21. Скрыльникова Ж.Х. Современные этнокультурные процессы в среде ногайцев - карагашей – Автореф. ... канд. ист. н. – М., 2004. — 32 с.
22. Скрыльникова Ж.Х. «Астраханьгазпром" в судьбах ногайцев //Этнографическое обозрение. 2008. № 3 – С. 89-102
23. Торопицын И.В. Салтанаульцы: проблема геополитического выбора в контексте международных отношений на Северном Кавказе в XVIII веке / www.cossackdome.com/doc/toropitsin_saltanaul.pdf (История казачества, XVI - XVIII вв. – Украина). 2010 – 11 с.
24. Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2009 - 2010. – М.; 2011 – С. 330-359
25. Торопицын И.В. Эрс Магомет мулла – агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х годах) // Ногаеведческий сборник. Вып. 1 – Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. – Астрахань, 2012 – С. 106-112
26. Торопицын И.В. Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник. 2011 - 2012. М. 2013 – С. 375-412.
27. Усманова А.Р. Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов) Астраханской области. – Автореф. дис. ... канд. искусств. – Саратов, 2008, — 26 с.
28. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит - ра, РАН, 2002. – 752 с.
29. Фольклор и этнография Приволжского района. Сост.: А.Р. Усманова, А.В. Сызранов и др. – Астрахань, 2008 – 127 с.
30. Фольклор и этнография Володарского района Астраханской области. – Астрахань: [ОМЦНК]. 2013 – 126 с.

ГИМБАТОВА М. Б.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
г. Махачкала, Россия

НОРМЫ ИСЛАМСКОГО ЭТИКЕТА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НОГАЙЦЕВ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Ногайцы – один из тюркоязычных народов России, исповедующих ислам суннитского толка (ханафитского мазхаба). Принятый еще при хане Берке, приблизительно в 1254-1256 гг., ислам прочно укрепился в сознании племен, населявших Золотую Орду, в недрах которой и произошло формирование многих современных тюркоязычных народов нашей страны, в том числе и ногайцев. Только в столице Золотой Орды – городе Сарае функционировало 13 мечетей [1, с. 285]. Достойным продолжателем в деле укрепления позиций ислама в Золотой Орде был первый правитель ногайцев – Эдиге. Ибн Арабшах сообщает: «...постился (Эдиге. – *М. Г.*), по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и Сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом Всевышним» [2, с. 285].

Ислам оказал огромное влияние на формирование ногайской народа, консолидацию политических сил и становление Ногайской Орды как самостоятельного государства. Первые ногайские правители осознали всю важность и необходимость ислама в управлении

и поддержании порядка в государстве и сделали его официальной религией в Ногайской Орде. Польский путешественник Матвей Меховский еще в начале XVI в. отмечал, что ногайцы, последователи и поклонники Магомета, повинуются Пятикнижию Моисееву, совершают обрезание, соблюдают свой закон, колоколов не имеют, считают себя измаэлитами, а христиан называют динсиз, т.е. язычниками и гяурами, неверными и лишенными религии [3, с. 58-59].

В XV-XVI вв. позиции ислама в Ногайской Орде стали настолько прочны, что это дало возможность духовенству влиять на ход государственных дел. Так, Г. Перетяткович отмечает, что «их (ногайцев. – *М.Г.*) муллы бывали приближенными лицами к князю, следовательно, были не без влияния на общественные дела» [4, с. 138]. Б.Б. Кочекаев дополняет, что «бий Орды и влиятельные мурзы почитали за честь выдать своих дочерей за представителей духовенства, особенно за «сеитов» [5, с. 46]. Дальнейшее укрепление своих позиций духовенство видело в строительстве мечетей. Так, в XVIII веке И.Г.Георги, посетив астраханских ногайцев, отметил, что они имели у себя 15 мечетей..» [6, с. 30]. У кубанских ногайцев в исследуемый период, в ауле Тохтамыш (Икон-Халк) было 5 мечетей, Ураковском (Эркин-Юрт) – 5 мечетей, Нижне-Мансуровском (Эркин-Халк) – 2 мечети [7, с. 165]. В ногайских кочевьях на Молочных водах проживал 17401 человек в 43 селениях, и в каждом из них была мечеть (в кибитках) [8, с. 39]. В ауле Канглы в конце XIX в. на 546 дворов приходилось 13 мечетей [9, с. 182].

Духовенство оказывало большое влияние на умы и сознание ногайцев, ревностно следило за исполнением пяти основных обязанностей мусульманина (фард), к которым относятся шахада (произнесение и признание формулы единства Аллаха и пророческой миссии Мухаммеда), намаз (ежедневная пятикратная молитва), ураза (пост в месяц рамадан), закят (благотворительный налог в пользу бедных) и хадж (паломничество в Мекку). Следует отметить, что паломничество совершали, как правило, физически здоровые и материально обеспеченные ногайцы, так как путь был неблизким и трудным. Маршрут ногайского хаджа известен из расспросных речей астраханского юртовца, который ходил «по их мусулманской вере к Мекке для молбы» (1628 г.). Из Астрахани паломники направлялись в Казыев улус. А оттуда в Крым, где иногда до двух месяцев ожидали набора достаточной группы верующих. Из Крыма эта группа двигалась к турецким крепостям Подунавья (Ак-Керман, Джан-Керман, Измаил, Килия) и затем в Стамбул. Там в течение некоторого времени вновь ждали подхода паломников «с турских розных городов». Из османской столицы за шесть недель пешком преодолевали расстояние до «города Шамшарифа», от которого следовали уже до священной аравийской области Хиджаз «скорою ездою днем и ночью на верблюдех шесть недель [и] три дня, потому что... то место безводное». После месячного пребывания у святынь таким же путем возвращались в Стамбул и оттуда на родину [10, с. 566-567].

Еще в конце XV – первой трети XVII в. в Ногайской Орде существовало несколько категорий духовенства:

1. Сеиды – целая прослойка населения, восходящая происхождением к Пророку [11, с. 570][1]. В мусульманском мире сеиды считались главными представителями религиозных идей; обладая правом безнаказанно говорить монарху правду и даже обличать его в неправедном поведении, они при этом не подлежали смертной казни [12, с. 267];
2. Муллы – служители культа;
3. Хаджи – потомки четырех праведных халифов;
4. Садры – это или отпрыски бухарской династии первосвященников, или держатели вакуфных («церковных») владений в Ногайской Орде;
5. Шейхи – богословы;
6. Хафизы – знатоки священных текстов и преданий; являлись, вероятно, категорией духовенства, наиболее приближенной к простонародью и светской политике. Они участвовали в военных походах, вели делопроизводство в кочевых ставках и т.д.;
7. Суфии – члены аскетического «ордена», распространившегося от Магриба до Кашгара [13, с. 571].

А.П. Архипов отмечал, что «на духовенстве... лежит прямая обязанность заботиться о том, чтобы при отправлении религиозных обрядов никто из них (ногайцев. – *М.Г.*) не вдавался в неуместные толки и заблуждения. Духовенство обязано также обучать

магометанское юношество правилам благочестия, знанию и строгому отправлению установленных обрядов» [14, с. 347]. Постепенно ногайцы стали приобщаться и к религиозному этикету, который пришел к ним с исламом.

Наибольшее влияние ислам оказал на культуру поведенческой ориентации во времени. Ногайцам, как и всем мусульманам, полагается молиться пять раз в день – на утренней заре (салят ассубах), в полдень (салят асазухр), вечером до заката солнца (салят аль-аср), при заходе солнца (салят аль-магриб) и после захода солнца (салят аль-иша). Перед каждой молитвой (намазом) человек обязан совершить ритуальное омовение – тахара.

Намаз, помимо чтения молитв, включает в себя и кинесические приемы (жесты, мимика, движения, позы сопровождающие речь) – поклоны, коленопреклонение, поза падения ниц, жесты. Их количество строго варьируется в зависимости от времени суток, когда совершается намаз. Известно, что утренний намаз состоит из двух ракатов, в каждом ракате по три поясных поклона, обеденный - из четырех ракатов, послеобеденный - из четырех ракатов, вечерний - из трех, ночной - из четырех.

Ежедневные молитвы ногайцы совершали дома. Все ногайцы, достигшие по исламским канонам совершеннолетнего возраста (для мальчиков - 12 лет, для девочек - 9), обязаны были молиться. «Ежедневно в положенное время совершать намаз вырабатывало у детей привычку не пропускать обязательные молитвы», - писал Ф.О. Капельгородский [15, л. 134].

Все совершеннолетние мусульмане обязаны были с первыми призывали к молитве оставить на время свои дела и приступить к намазу. Перед намазом необходимо было совершить ритуальное омовение. Эта церемония состоит в умывании лица, мытье ног (до лодыжек) и рук (до локтя) чистой водой. Можно заменить эту процедуру обтиранием указанных частей тела песком. Не запрещено также проделать этот ритуал посредством жестикуляции, имеющей чисто символический характер. Для этого следует несколько раз провести ладонями по лицу, по ногам, а также имитировать процесс мытья [16, с. 248].

Прикосновение к грязным предметам, к женщине, иноверцу, покойнику, «нечистым» животным, обман, употребление спиртного, посещение туалета, выпускание газов из организма нарушали омовение, и согласно правилам требовалось совершить его повторно.

Мужчинам и женщинам следовало совершать намаз в одежде, прикрывающей все части тела, кроме ступней ног и ладоней рук. На голове мужчины должна быть тюбетейка, голову женщины должен покрывать платок так, что не было видно волос. Тело, руки и ноги молящегося, так же как и его одежда, должны быть чистыми и опрятными.

Определенные правила существовали и в выборе места для совершения намаза, т.е. в организации пространства (проксемике). Молящийся должен выбрать место тихое, спокойное, чтобы ни люди, ни животные не смогли помещать совершению намаза.

Молились обязательно в направлении Мекки, Каабы. Пространство, выбранное для молитвы, должно быть свободным от посторонних предметов, нельзя молиться в сторону каких-либо вещей. Человек, совершающий намаз должен, всецело погрузиться в молитву, никакие земные дела не должны его отвлекать. В народе говорят, что во время молитвы человек выходит на прямой контакт с Всевышним, и никто не вправе прерывать эту духовную связь с ним. В одном из хадисов говорится: «Когда кто-нибудь из Вас начинает молиться, это значит, что он вступает в тайную беседу с Господом своим».

В теплое время года ногайцы молились на свежем воздухе. Вот как об этом писал А. Павлов: «Каждый из них вынесет в летнее время на земную траву ковер, постелет его на ней; обмоет из кувшина холодною водою все члены своего тела, за исключением одной спины, вытрется белым полотенцем и, поджав ноги, с приподнятыми вверх руками произносит молитвы, вслух присоединяя к каждой: О Алла! О Алла!, т.е. О Боже! О Боже! [17, с. 23-24].

По исламским нормам считается запретным прерывать молящегося или готовящегося к молитве человека, отвлекать читающего Коран, совершающего омовение. Нельзя также проходить перед молящимся, разговаривать, шутить, смеяться при нем.

Согласно религиозным предписаниям и этическим нормам ислама человек, находящийся в непосредственной близости от совершающего намаз, должен присоединиться к нему, раскрыв на уровне груди ладони, и про себя произнести соответствующую молитву. Правила приличия предусматривали обращение к человеку, закончившему молитву, со словами: «Алла кабыл этсин эткен намазын» (Пусть примет Аллах твои молитвы).

По пятницам обеденный намаз (рузман) ногайцы совершали в мечети коллективно. Женщины к коллективным молитвам в мечети не допускались. Пятница, как день обязательной совместной молитвы (юма куьн), у ногайцев считалась праздничным днем [18, с. 274].

Согласно исламскому этикету порог мечети переступали правой ногой, босоногими. Собравшиеся на молитву обязательно приветствовали друг друга словами: «Ассаламу алейкум! Ваалейкум салам!» – и при этом обменивались рукопожатиями. В мечети во время пятничной молитвы люди, совершившие паломничество в Мекку, занимали места в первых рядах вслед за муллой.

В ногайском обществе хаджи (аьжи) – люди, совершившие паломничество в Мекку пользовались большим уважением и почетом. При встрече хаджи люди выказывали ему особые знаки почтения: приветствовали, слегка наклонив голову, брали руку и целовали ее, трижды прикладывая ко лбу, говорили с ним чувством глубокого уважения, выполняли любые его просьбы. Обращаясь к человеку, совершившему паломничество, к имени всегда добавляли слово аьжи. Например, Асанали-аьжи, Йолманбет-аьжи, Шарапдин-аьжи, Явгайтар-аьжи, Акманбет-аьжи. Расспросы о делах, здоровье, семье в данный момент были неуместными. Подобных правил поведения придерживались и горцы Дагестана [19, с. 254].

Определенные требования предъявлялись к поведению проходящих мимо мечети, кладбища. Так, подходя к кладбищу, люди прекращали любые разговоры, останавливались, поднимали руки на уровне груди, раскрыв ладони, склонив голову, произносили молитву «Альгам». Любые разговоры, смех, шутки возле кладбища строго запрещались.

Людям, проходящим мимо мечети, также запрещалось громко разговаривать, смеяться.

Определенные требования предъявлялись и к тем, кто держит в руках Коран, четки, молитвенный коврик. К ним нельзя было прикасаться немытыми, грязными руками. Перед прикосновением к четкам, Корану необходимо было произнести сакральную фразу, произносимую мусульманами перед началом любого дела: «Бисмилягьи рахмани рахим» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного). Коран хранили в специально сшитом матерчатом мешочке. Мешочек с Кораном держали в недоступном для детей месте. Поверх Корана ничего не клали, по своей святости Корану эквивалентен лишь хлеб. Недаром самыми прочными клятвами считались клятвы, данные на Коране и на хлебе. Также бережно относились к четкам (зулхан), молитвенному коврику (намазлык). Четки брали чистыми руками, их старались не ронять. Если все же четки случайно выпадали из рук, то их тут же поднимали, целовали и прикладывали ко лбу. Детям в руки четок для забавы не давали. Не разрешалось детям наступать на намазлык, особенно если ноги были нечистыми. Коврики для молитвы всегда хранились в чистом, укромном месте.

Многочисленные свидетельства подтверждают, что ногайцы были убежденными мусульманами и строго выполняли предписания ислама. Так, немецкий колонист И. Корнис отмечал: «Ногайцы исповедуют закон мугаммеданский с буквальною строгостию» [20, с. 15]. Между тем ногайцы были вполне толерантны в религиозном плане, им не свойственны религиозный фанатизм и навязывание инаковерующим своих религиозных убеждений, тем более задевать их религиозные чувства. Вот что писал по этому поводу А. Павлов: «Ногайцы в большинстве своем довольно уважительно относятся к представителям других исповеданий и не проявляют склонности к обращению в ислам иноверцев» [21, с. 22]. У горцев же Дагестана – наоборот: «спорить, убеждать иудея, христианина с целью «наставить его на путь истинный» не просто разрешалось, а даже приветствовалось, поощрялось»[2]. Вообще ногайские алимы и джамаат предостерегали кого-либо вступать в споры и диспуты на религиозные темы, не имея солидной суммы знаний и достаточной подготовки.

Во время бесед на религиозные темы совершенно были недопустимы антиэтикетные жесты и мимика. Строго пресекались богохульные разговоры. Запрещалось брать под сомнение мусульманское толкование о сотворении мира, о ниспослание Аллахом Корана людям, о пришествии пророка Мухаммеда и о неизбежности наступления конца света и т.д.

Ногайцы считали себя рабами божьими (Алланы кулу). Они были уверены, что от воли Всевышнего зависит ход человеческой жизни. Ногайцы твердо уверены в том, что все беды и радости людские - это не что иное, как послание божье, которые должны быть приняты с благодарностью. В народе говорят, что, посылая людям несчастья или же богатство, Аллах испытывает их. Если богатый забывает, что своим благополучием он обязан Всевышнему, то Аллах лишает его благосостояния, если же бедняк ропщет на судьбу и на Бога, то на него никогда не снизойдет милость божья.

Ногайцы убеждены, что все во власти Аллаха. Он всемогущ и милосерден, ему подвластно все. Ногайцы верят в то, что каждый мусульманин рождается со своей судьбой (кысмат), которая записана у него на лбу. Человек не в силах изменить судьбу, он должен увидеть все, что ему предначертано и только после этого Всевышний призовет его к себе. Так, у ногайцев существует ряд пословиц о судьбе: «Алланы язганын болар» (Что предначертано, то и сбудется), «Алланы язылганын баска келер» (Что написано на лбу, то и свалится на голову).

Во всех своих делах ногайцы полагались только на Аллаха. У ногайцев есть выражение: «Аллагъа аманат!» (букв. надеюсь на Аллаха, на все милость Аллаха). При жизненных затруднениях ногайцы советуют попросить Аллаха о благополучном исходе дела: «Аллага тилек сал, коьмек этсин!» (Аллаха попроси, пусть тебе поможет). Потому в речевом этикете ногайцев часто встречается слово Аллах.

В речевом общении ногайцами употребляется выражение, содержащее магическую направленность. Эта фраза известна всем тюркоязычным народам: «Алла буйыртса!», что означает «Если Аллаху будет угодно!». Употребляется и фраза арабского происхождения «Иншаллах!», имеющая то же значение, что и «Алла буйыртса!». Ногайцы верят, что произнесение этой сакральной фразы обязательно принесет удачу в делах и исполнения намеченого.

Имя Аллаха упоминалось в словах благодарности: «Алла разы болсын!» (Да благословит тебя Аллах!), «Аллага шуькур!» (Слава Аллаху!), в благопожеланиях: «Хайырлы болсын!» (Пусть пойдет впрок!), в проклятьях: «Алла урсун!» (Пусть накажет тебя Аллах!), «Алланы наьлети!» (Аллаха проклятье тебе!), «Алла янынъды алсын!» (Пусть Аллах заберет твою душу!).

Говоря о плохом человеке, используют выражение: «Алланы азабы» (Божье наказание). Когда хотят кого-либо остановить от совершения дурного поступка, говорят: «Алладан корк!» (Побойся Аллаха!), «Алла котермес!» (Аллах не простит!).

В разговорной речи междометия используют также для выражения удивления, недоумения: «Валла!» или «Лайлахи!» (Ей богу!). Выражения «Алла биледи!» (Аллах знает!), «Алладынъ иши!» (Дело Аллаха!) характерны для повседневного общения ногайцев.

В речи коммуникантов часто использовались словесные формулы, связанные с именем Аллаха. Они произносились при изъявлении благодарности, извинения, клятв, благопожеланий. Для стариков благопожелание было следующим: «Алла денинъе савлык берсин» (Пусть Аллах даст здоровья), «Юзим ашанъыз, юз йыл яшанъыз» (Ешьте виноград, живите сто лет), для молодых – «Ай, балам, сен таныйсынъма Айтулу курткады, юз йыл яшаган, сонынъ йолын берсин сага Алла, юз йыл яшамага» (Эй, дитя, ты знаешь старуху Айтулу, прожившую сто лет, дай бог и тебе жить столько же), для больного – «Алла иманынъннан айырмасын, Алла савлык берсин сага, я Алла» (Пусть Аллах не отлучит тебя от веры, пусть даст тебе здоровья, я Алла). Приведем наиболее часто употребляемые выражения, связанные с именем Аллаха: «Алла бермесин!» (Не приведи Аллах!), «Алла коьрсетпесин!» (Не покажи Аллах!), «Алла сакласын!» (Убереги Аллах!), «Алла оьмир берсин! (Дай Аллах долгую жизнь!), «Алла савлык берсин!» (Пусть Аллах даст здоровье!), «Алла наьсип берсин!» (Пусть Аллах даст счастья!), «Алла мырадына етсин!» (Пусть Аллах исполнит твои желания!), «Алла сабырлык берсин!» (Пусть Аллах даст тебе терпение!), «Алла пакыр этмесин!» (Не сделай меня несчастным!).

Клятвы, связанные с именем Аллаха были следующего плана: «Алла уьшин ант этемен» (Клянусь Аллахом), извинения – «Алла уьшин кештагы мени» (Прости меня, ради Аллаха). Использовались и другие клятвы: «Ант болсын, шерт болсын, алганым арам болсын» (Клянусь, божусь, если взял, пусть мне впрок не будет); «Картайган атам оьлсин, аявлаган балам оьлсин» (Чтоб мой старый отец умер, чтоб любимое дитя умерло);

«Анамнан эмген ак суьтим арам болсын» (Чтобы материнское молоко мне впрок не пошло); «Куьннинъ коьзин коьрмейим, айдынъ юзин коьрмейим» (Не видеть мне солнечного ока и лунного лика); «Малым арам болсын, хатыным талак болсын» (Чтоб скот мой пал (т.е. стал запретным), чтоб я с женой развелся). Извинения - «Алланы атыман кеш меннен» (Прости меня, ради Аллаха).

Итак, в речевом общении ногайцев, как и других мусульман, большое место занимает выражения, обращения, формулы религиозного характера, что свидетельствует об огромном влиянии ислама и мусульманского духовенства на их сознание и образ жизни.

Ногайцы, как и все мусульмане, отмечали религиозные праздники Ураза-байрам (Ораза-байрам), Курбан-байрам.

Уразе-байраму - Малому празднику разговения предшествовал 30-дневный пост в месяц Рамазан, предписывающий соблюдение определенных норм поведения для всех мусульман.

Пост в месяц Рамазан заключается в строгом воздержании от пищи в дневное время суток. Освобождались от поста беременные женщины, малолетние дети и больные. При людях, соблюдающих пост не ели, не пили, старались не говорить о еде, избегали фривольных тем. Соблюдающего пост старались не загружать тяжелой работой.

В день праздника было принято поздравлять словами: «Туткан Оразанъды Алла кабыл этсин!» (Да примет Аллах ваш пост!). По традиции, в начале ходили поздравлять семьи, в которых по умершему не отметили годовщину, а затем с поздравлениями направлялись к родственникам, соседям, друзьям. Младшие поздравляли старших, мужчины – мужчин, женщины – женщин.

Через десять недель после Ораза-байрама наступает главный мусульманский праздник – Курбан-байрам – праздник жертвоприношения. По этикету младшие ходили поздравлять старших, женщины – женщин, мужчины - мужчин. С праздником Курбан-байрам поздравляли словами: «Курманынъ хайырлы болсын!» (Жертвоприношение пусть на пользу будет!), в ответ говорили: «Алла разы болсын!» (Пусть доволен будет Аллах!). Первых с праздником было принято поздравлять старших. Празднование Курбан - байрама носило массовый характер и продолжалось в течение трех дней.

Помимо двух мусульманских праздников, ногайцы отмечали день рождения пророка, устраивали праздничные мавлиды по различным памятным датам.

Таким образом, ислам, став официальной и общепризнанной религией у ногайцев, привнес собой не только арабскую грамоту, знания, но и мусульманскую культуру, а вместе с ней и религиозный этикет, который, оказавшись на новой благодатной почве, впитал в себя местные этикетные нормы и приобрел статус народного.

---

1. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб: Издательство на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. Т.1. – 564 с.
2. Там же.
3. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М. - Л., 1936. – 274 с.
4. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки истории края и его колонизации). – М.: Тип. И.К. Грачева, В. Пречистенского, Д. Шиловой, 1877. – 331с.
5. Кочекаев Б. Б. Ногайско-русские отношения в XV - XVIII вв. – Алма-Ата: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1988. – 188с.
6. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4-х ч. – СПб: Иждивением император. АН, 1799. Ч.2. – 178 с.
7. Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып. 3. – Черкесск, 1990. с. 161-180.
8. Бентковский Г. Историко-статистическое обозрение инородцев - магометан, кочующих в Ставропольской губернии //Ногайцы. Ч. I. – Ставрополь, 1883. – 134 с.
9. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское кн. Изд-во, 1988. – 232 с.
10. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
11. Там же.
12. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. – СПб., 2000. – 320 с.
13. Трепавлов В.В. Указ. раб.

14. Архипов А.П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен //Кавказский календарь на 1859. – Тифлис, 1858. с. 347-355.

15. Капельгородский Ф.О. Караногай - страна кочевников и патриархального быта //Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф.5. Оп. 1.

16. Серебрякова М.Н. О некоторых особенностях этноэтикета у современных турок //Этикет у народов Передней Азии. – М: Наука, 1988. с. 221-263.

17. Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. – СПб., 1842. – 47 с.

18. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Кавказ. – СПб.: Изд. Департамента уделов, 1871. – 640 с.

19. Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 304с.

20. Корнис И. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836. Ч. 33. № 9.

21. Павлов А. Указ. раб.

22. Лугуев С.А. Указ. раб.

ЖЫЛҚЫБАЕВА А. Ш.

Семей қаласы мемлекеттік медицина университеті

Семей, Казакстан

ТАБИҒАТТЫ ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕСІНЕ ҚАТЫСТЫ ҚАЗАҚТЫҢ ЫРЫМ-ТЫЙЫМДАРДАҒЫ ТІЛДІК КӨРІНІС

Қазақтар - тумасынан табиғатты сүйіп өскен. Қоршаған ортаға үлкен ілтипатпен қараған халық. Бұған күні кешеге дейінгі туған өңір табиғатының таза болғандығын айтсақ та жеткілікті. Өкінішке орай, халқымыз көрегендікпен болашақты болжаған Шәкәрімнің «Дүниені түзетуші, һәм бұзушы – бір ғылым. Әрі залым, әрі ғалым, ел түбіне сол жетер» деген ойның мәнісін жете түсінбей, И.Мичуриннің «Адам табиғаттан рахым күтіп отыра алмайды, одан керектіні жеңіп алуымыз керек»,- деген ұранын ұстанымға айналдырды.

Қаһарман халқымыз тауды бұзып, тасты жарып, жерді терең қазып, өзен-көлді бұғалықтап, сол кездерде мұның қызығын да көрді. Ғылым мен техниканың ғаламат жетістіктері және шапшаң дамуы, адамзаттың барған сайын аш көздікпен табиғатты тонауы, биосферадағы жаратылыстың тепе-тендік заңдарын бұзды. Бұл мәселе жөнінде Д.Т. Менешев «Особую тревогу в наше время вызывают нарушения равновесия биосферы в результате отсутствия экологической грамоты у населения. Из-за безжалостного отношения к природе люди стали терять нравственно-духовные качества, являющиеся основой гармоничного развития личности. Болезнь природы вызвала болезнь общества, она повлияла на его духовное состояние: грубость, взаимные обвинения, равнодушие, неверие окружают нас»,- деп дабыл қаққан.

Ғылым жетістігінің бір ұшы Семей жеріне өшпестей қасірет әкелгендігі жайында академик Рымғали Нұрғали «Өлген тау» шығармасында «Әй, балаларым, інілерім, о заманда, бұ заман, тау өлгенін көрген кісі бар ма, міне соған да жеттік, менің атамекенім, туған тауым – Дегелең өлген екен, маған көңіл айтыңдар...» деген жан айқайын кейіпкерінің аузына салды.

Тақырыптың өзектілігіне сүйене отырып «Экологиялық тәрбие беру жұмысының негізі неде?» десек. Аймақ қажеттіліктері, жергілікті жағдайлар экологиялық тәрбие беру жұмыстарының бағытын, түрін, ұйымдастыруын анықтайды. Яғни экологиялық тәрбие беру, сол аймақта тұратын халықтың ұлттық мәдениетіне тікелей қатысты болып табылады. Ұлттық мәдениет – салт-дәстүріміз. Оның маңызды бір бөлігі табиғатты қорғауға, оның заңдылықтарын бұзбауға қатысты – ырым-тыйымдар. Соған сүйенгеніміз жөн.

Халқымыздың жануарларға, өсімдіктерге, суға байланысты ырым-тыйымдары төмендегідей:

Суға қатысты: «Судың да сұрауы бар» деп суды ысыраптамаған. Құдыққа түкірмеген, маңайын ластамаған. Су алатын жерге кір жумаған, күл төкпеген, дәретке отырмаған. Бұлақ көрсең

көзін аш деген. Бұдан халқымыз судың тіршілік көзі екндігін, оны үнемдеу қажеттігін білгендігін көреміз. Бүгінгі таңда ауыз су тапшылығы – ғаламдық мәселе.

Өсімдіктерге қатысты: Далада, жолда тұрған жалғыз ағашты кеспеген. Жалғыз ағаш қыста белгі, жазда пана ретінде сақталған. Жаңадан өсіп келе жатқан көкті жұлмаған. «Көктей солғыр» деген қарғыс осындайдан шыққан. Ағаштың тек қурағанын кескен. Сәбидің өмірге келуіне арнап ағаш егу салты болған. Қазіргі уақытта «басқа жақтарды айпағанда» ағаштардың қисапсыз кесіліп, оны пайда табу көзіне айналдыру салдарынан Семейдің «Қарағайлы орманы» құрып кету жағдайына жетті.

Жануарларға қатысты: Буаз, төл ерткен аңды атпау, оның киесінен қорқу ырымы болған. Терісі бағалы аңдарды оның жүні жетілген кезде яғни қыста, көктем басында ғана аулаған. Осы ырым-тыйымға қатысты шежіреші, этнограф Бекен Исабаев атамыз «Ұлылар мекені» кітабында «... Халқымыз қоңыр аңға архар, киік, бұғы, марал, елік, тау ешкіні жатқызады. Ертедегі аңшылар бір жерден осы аңдардың үштен артығы ұшырасса, оны «келе» деп, келеден біреуін атпай қоя беріп отырған. Артқы ұрпақ өсуіне жаман болар, «келені құртпау керек» деп өсиеттеген. Біз өткендерді «қара танымады» дегенмен, табиғат экологиясын қатты ұстанған. Туған жер көркінің бірі – оның жүгірген аңы мен ұшқан құсы екенін қатты пайымдаған» дейді. Осы халық ұстанымын жоғалтқан ұрпақтың жантүршігерлік әрекеті Шыңғыс Айтматовтың «Жан пида» романында қасқырдың психологиясы арқылы былай суреттеледі. «... Дүние дүние болғалы өздерінің сыбағасына, несібесіне жаратылған ақбөкендердің енді ет тапсыру жаспарын толтыруға керек болып жатқанын қасекеңдер қайдан білсін... .... Вертолеттердің кенет келе қалғаны сонша, жануарлдардың есі шығып, басшысынан айрылып, сеңдей соқтығысып, тым-тырақай быт-шыты шықты .... Үсті ашық «вездеход» машиналарға мінген атқыштар автоматтарын кезеніп, қалың киікке көздеместен, кәдімгі пішен орғандай, оқ бүркіп, орып-орып жібергені-ай. Олардың соңынан жүк машиналары ағылып, адамдар баудай түскен киіктерді жиып алып, қорапқа лақтырып жатыр. Судай тегін, қып-қызыл олжа».

Құстарға қатысты: Аққуды тазалық пәктік символы, өте киелі құс. киесі соғады деп пір тұтқан. Суда жүрген құсты атпаған, үркітпеген. Құстың ұясын, бұзбаған. Үйдің маңайындағы ағашқа, қораның ішіне құстар ұя салса жақсылықтың белгісі деп қабылдаған.

Уылдырық шашар кезде балық ауламаған. Бұдан халқымыз туған өлкесінің табиғатын сүйе отырып, ондағы жануарлар мен өсімдіктер әлемін де зерттей білгендігін тілге тиек еткен жөн.

Халқымыздың осындай ырым-тыйымдары келер ұрпағын табиғатпен қарым-қатынасын дұрыс жолға қойып, табиғат ананы сыйлауға, оның тамашаларына табынып, одан шабыт алуға насихаттайды. Шоқан Уәлиханов «Сұлулықты, көркемдікті түсіне білудің өзі үлкен эстетикалық тәрбие күші. Ұшқан құс, жүгірген аң, өзен-көл, тау-тас, өсімдіктер дүниесі – бәрі де адамға ләззат береді. Ес білгеннен бастап ата-анасының, үлкендердің өне бойы айтып отыратын өсиеттерімен тәрбиелеген ұрпақ өзі де табиғатқа нұқсан келтірмейді және өзгеге де жол бермейді»,-деп табиғатқа деген сүйіспеншіліктің, тәрбиенің қайнар көзін көрсетті. Шәкәрім «Тән сезіп, құлақ естіп, көзбен көрмек, Мұрын иіс, тіл дәмнен хабар бермек. Бесеуінен мидағы ой хабар алып, Жақсы, жаман әр істі сол тексермек» дей келе адамды қоршаған табиғаттың жұмбақ сырын ұқ, танып біл, оның өлшеусіз байлығын мұратыңа, қажетіңе жарат, ол үшін Жаратқан адамға ұғарлық ми берді деп атап көрсетеді.

Бүгінгі таңда профессор Н.С.Сарыбековтың жетекшілік етуімен келешек ұрпақты экологялық апаттан сақтап қалу үшін «Табиғатты қорғау орталығы» құрылып, көлемді жұмыстар атқарылып жатыр. Н.С.Сарыбеков әр сәбиді табиғат қорғауға тәрбиелеу әр отбасынан басталып, ары қарай бала-бақша бағдарламалары бойынша «табиғат», «жасыл желек», «мөлдір су», «көгілдір аспан», «торқалы топырақ», «денсаулық», «гүл», «сұлулық, әдемілік», «сайраған құс, жүгірген аң», «туған елім, жерім, отаным, республикам» деген ұғымдардың мән-мағынасын, мазмұнын жете біліп, түсіну керектігіне тоқталады. Сонымен қатар, «Экология және табиғатты қорғау курсын» оқытуды ұсынады

Қорытындылай айтар болсам, жас ұрпақтың өң бойына ұлттық тәрбиенің сарқылмас кендері мақал-мәтел, нақыл сөздер, аңыз әңгімелер, киелі сөздер, тыйым сөздерді тәрбиемен тығыз байланыстырып жүргізу нәтиже беретіндігі сөзсіз. Бұл ұрпақтың дүниетанымдық көзқарасын дамытып, рухани байлығын өрбітеді. Яғни қазақ халқының салт-дәстүрлері,

этнопедагогикалық элементтерін, имандылық, ізгі-ниет мінез- құлқын көруге болатын ұрпақ – ертеңгі ел, жер қорғандары, бойында патриоттық сезім орын алған болашағымыз.

1. Құдайбердиев Ш. Жолсыз жаза: Өлеңдер мен поэмалары.
Құраст. М.Мағауин. –Алматы: «Жалын», 1988. 55 б.
2. Қазақстан Республикасындағы жалпы орта білім беруді дамытудың тенденциялары мен мәселелері. – алматы, 2002.
3. Егеменді Қазақстан, 15 ақпан 2012 ж.
4. Қалиұлы С. Қазақ этнопедагогикасының теориялық негіздері мен тарихы. Алматы: Білім, 2003 – 180 б.
5. Тәжібаев Т. Жалпы психология. Алматы, «Қазақ университеті», 1993
6. С.Кенжеахметұлы «Жеті қазына» (3 кітап) – Алматы: «Ана тілі», 2007, 21 б.
7. Б.Исабаев Ұлылар мекені. Новосибирск, 2001, 28 б.
8. Ш.Айтматов Жан пида. – Алматы: Атамұра, 2005, 25-28 бб.

ЗИНЕЕВА З. З.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ПОТОМКИ НОГАЙСКОГО БИЯ ЮСУФА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Б. ЮСУПОВА)

Дворянский характер первого поколения интеллигенции Российской империи нигде так явственно не сказался, как в истории и культуре рода Юсуповых, принадлежащего в равной мере национальной истории как русских, так и ногайцев. Петр Долгорукий писал: «правнук Эдигея князь Муса, заключил в 1489 году договор дружбы и союз с Иваном Грозным. По кончине Мусы, улусами ногайскими владел сын его князь Юсуф. Брат сего последнего Князь Измаил в 1556 году убил Юсуфа, овладев улусами, и в 1565 году отправил в Москву обоих сыновей ...Юсуфовых: Иль-Мурзу и Ибрагима-Мурзу. Потомки их приняли, в последние годы царствования Алексея Михайловича, св. крещение и писались князьями Юсуповыми или Юсупово-княжево до конца прошлого века(XVIII в.- З. З.), с техъ поръ стали писаться всегда князьями Юсуповыми, от коих происходят нынешние князья Юсуповы» [1, л.9].

Разумеется, закономерным здесь должен быть вопрос о принадлежности этого ногайского рода к собственно ногайцам, а их жизненного пути – к истории ногайской интеллигенции. Здесь необходимо отметить все более явственно проступающее в современной историографии отношение к Юсуповым именно как к представителям ногайской аристократии. Из этих позиций будем исходить и мы.

Одно из видных мест в династии Юсуповых занимает потомок Юсуфа – мурзы князь Николай Борисович Юсупов-младший (1827 – 1891 г.). Об этом представителе высшего класса Российской империи известно, что он был личностью весьма разносторонней: писатель, музыкант, философ-богослов, вице-директор императорской библиотеки. Николай Борисович, получив образование на юридическом факультете Петербургского университета, который он закончил со степенью «кандидата прав», сделал придворную карьеру — был произведен в действительные статские советники и пожалован в гофмейстеры высочайшего двора. Все свободное время князь отдавал своим разнообразным увлечениям. Он состоял членом Парижской консерватории, Римской музыкальной академии, Мюнхенского художественного общества, но истинное свое призвание князь нашел в опекунской деятельности. Николай Борисович был членом различных обществ призрения и Института глухонемых, причем не просто номинально числился, но принимал в их работе самое деятельное участие.

Факты биографии Н.Б. Юсупова свидетельствуют о его подлинном радении за судьбу Отечества. В 1854 г. во время Крымской войны на собственные средства он вооружил два артиллерийских батальона [2, с. 52]. Еще накануне Русско-турецкой войны (1877 – 1877 гг.) Николай Борисович включился в благотворительную деятельность в пользу армии. Так, в документе «Переписка с разными учреждениями и лицами относительно благотворительной деятельности Юсупова по оказанию помощи раненым» говорится: «Общее собрание Общества попечения раненных и вольныхъ воинах в заседании своем от 15.04.1876 г. избрало Его Сиятельство Князя Николая Борисовича Юсупова своим членом-благотворителем» [3, л. 1]. Во время уже начавшейся войны с Османской Портой князь подарил армии санитарный поезд, который перевозил раненых из полевых лазаретов в госпитали Петербурга, что было отмечено 9 апреля 1879 г. знаком общества Красного креста и орденом Равноапостольного князя Владимира второй степени 22 июля 1880 г. [3, л. 17, 18 об.].

Благотворительностью занимался князь и помимо военных дел: основал множество благотворительных фондов, жертвовал больницам материальные средства. Например, в «Правительственном вестнике» № 50 от 29 февраля 1880 г. читаем: «Гофмейстер Князь Николай Борисович Юсупов, желая со своей стороны ознаменовать добрым делом только что минувший праздник 19-го февраля, принес в дар 10000 рублей на содержание из процентов нескольких кроватей в Александровской больнице ведомства попечительского совета. На принятие этого пожертвования последовало Всемилостивейшее соизволение государя императора, причем его Величеству благоугодно было выразить жертвователю монаршую благодарность.

Настоящее существенное приношение князя Юсупова является не первым его даром на общественную пользу, несколько лет назад им было пожертвовано 90000 руб. на устройство и содержание 50 кроватей в городской богадельне, а впоследствии еще 20000 руб. на нужды таких же богаделен и на устройство церкви в Александровском училище» [4, л. 2].

Особенно много времени и сил уделял Николай Борисович Институту глухонемых, особому заведению, выполнявшему функции одновременно приюта, медицинского и учебного заведения. В архивном деле, озаглавленном «Переписка Н. Б. Юсупова с разными учреждениями по вопросам, касающимся его деятельности в качестве управляющего училищем глухонемых: о постройке нового здания для училища, проекта устава училища и др. приложено сметное расписание училища на 1889 г.» в помещенном здесь письме в Санкт-Петербургское Присутствие Опекунского совета (май 1888 г.) читаем: «Высочайшей волею назначенный Управляющим СПб училищем Глухонемых, я, при вступлении моем в должность в январе 1888 года, задался целью рассмотреть все труды моих предместников относительно улучшения систем воспитания, обучения и быта воспитывающихся в училище детей, постройки нового здания, проектов нового здания, проектов нового устава, штаба и др. предположений, направленных к благу названного заведения. Многие из полезных предположений, направленных к благу названного заведения, уже осуществились и нуждаются лишь в дальнейшем развитии, но есть и такие, которые нуждаются в совершенной переработке, и на которые я считаю своим долгом обратить внимание Опекунского совета, прося вместе с тем разрешения на приведение в детстве следующих моих соображений... Училища, хотя и очень обветшавшее во многих своих частях, все-таки основательность ремонтом и пристройкой флигеля во двор для расширения мастерских может быть приведено в прекрасное состояние и вполне приспособлено к нуждам заведения с затратой до 70 тысяч рублей.

По приблизительному расчету архитектора при капитальной ремонтировке зданий училища потребуются следующие расходы, которые на деле, вероятно, будут меньше. Ввиду того что ведомство может затрудниться затратою сразу этой суммы, я, желая быть полезным вверенному мне заведению, предполагаю на покрытие установленных сметою расходов, открыть заведению в моей личной кассе кредит... Представляя за сим. Опекунскому Совету постановить окончательное решение по этому вопросу, честь имею покорнейше просить дать мне возможность начать осуществление означенных предположений в следующем 1889 году» [5, л. 18-19]. Из этого отрывка видно, что Н.Б. Юсупов был бескорыстным жертвователем и настоящим подвижником защиты прав тех, кого сейчас называют «людьми с

ограниченными возможностями». В этом подвижничестве уже очевидны качества настоящего интеллигента, то есть того общественного типа, который в аристократических семьях России второй половины XIX века приходит на смену феодально-вельможному типу.

Вместе с тем, проснувшееся в этом представителе старинного рода интеллигентское мировосприятие не могло не отозваться рефлексией по поводу своих корней. Николай Борисович очень гордился своим древним родом. Он потратил годы жизни на сбор материалов для составления истории рода Юсуповых, представив подробное описание жизни и деяний своих предков. В 1866 – 1867 гг. Николай Борисович издал двухтомный труд «О роде князей Юсуповых», который послужил отправной точкой для всех дальнейших исследований по истории этой фамилии. Первый том представляет собой серию обстоятельных, с большим количеством отсылок к историческим источникам очерков обо всех сколько-либо значительных представителях рода, главным образом с XVI в. и до середины XIX в. [6]. Во втором томе собраны сотни важнейших документов по истории Юсуповых [7]. Но и после издания этого весьма обстоятельного труда князь не прекращал своих генеалогических изысканий. При этом важнейшим его ресурсом была русская церковь, с иерархами которой он находился в переписке по поводу соответствующих документов о роде Юсуповых [8, л.5 и об.].

Другим важнейшим направлением деятельности Николая Борисовича была музыка. Можно сказать, что он всю свою жизнь отдал музыке. Князь был не только большим знатоком музыкально искусства и покровителем музыкантов, но и сам был неплохим музыкантом. Он занимался сочинением музыки, в основном для скрипки или для голоса. У него была огромная нотная библиотека. Н.Б. Юсупов собрал бесценную коллекцию старинных скрипок, среди которых были инструменты работы знаменитых итальянских мастеров Амати и Страдивари. Он являлся автором ряда книг о музыке. Это «Лютомонография» (история скрипичного искусства), «История музыки в России» (первая часть – «Духовная музыка») и др. Он покровительствовал многим музыкантам и композиторам. Его заслуги в этой области были высоко оценены Римской и Парижской консерваториями, принявшими его в свои почетные члены. [2, с. 54].

Тем не менее особое значение имела та сторона музыкального творчества Николая Борисовича, которая была связана в основном с церковью. 6 февраля 1883 г. он писал министру императорского двора: «Милостивый государь граф Иларион Иванович! Последовавшие церемонии в придворной певческой капелле дают мне повод препроводить Вашему сиятельству экземпляр изданного мною несколько лет тому назад сочинения под названием «История церковного пения». Труд этот хотя быть может и не заключает в себе совершенной полноты, но однако может служить достаточным руководством для верной оценке содержащегося в нем важного вопроса в связи с влиянием на него западных форм замечаемых с 20-х годов (XIX в. – З.З.)» [8, л.9 и об.]. Из данного отрывка видно, что для автора вопрос о западном влиянии на развитие русского церковного пения был весьма важным. Из следующего отрывка заметно, что Н.Б. Юсупов был скорее сторонником ослабления западноевропейских веяний в русском церковном пении. Так, 16 февраля 1883 г. он написал обер-прокурору Синода: «Милостивый Государь Константин Петрович! Неоднократно пользуясь благосклонным ко мне вниманием Вашего Превосходительства, я поставил себе за правило, во всех вопросах, кои имеют какое-либо полезное отношение к настоящему времени, при своем участии в них, с откровенностью представлять их на благоусмотрение Вашего превосходительства как изъявления искреннего моего уважения лицу, общественному, высокопреосвященного умом и высоконравственными своими достоинствами.

На основании сего, я имею честь препроводить Вам несколько лет тому назад изданною мною сочинение под названием «История церковного пения в России»... В то время, по поводу содержания этой книги я был в прениях с Директором придворной Певческой Капеллы Львовым, и долгом считаю заметить, что не разделяя моего мнения относительно необходимости сохранить в стиле нашего Церковного пения первообычного его вида – времени Иоанна Дамаскина» [8, л.10 и об.].

Существенно, что царская семья положительно отозвалась на сочинение Н.Б.Юсупова о русской духовной музыке. Секретарь императрицы Марии Александровны написал: «Государыня Императрица, удостоив благосклонно принять поднесенный Ея Величеству экземпляр сочинения Вашего сиятельства под заглавием «История музыки в России» – изволила повелеть мне благодарность Вас, Милостивый Государь, от августейшего Ея имения, за таковое поднесение» [8, л.2].

Вообще князь Николай Борисович не в пример большинству представителей либеральной общественности России того времени был человеком религиозным. Согласно письму протоиерея Исаакиевского кафедрального собора, Платона Карашевича, 20 марта 1882 г. в петербургском доме Юсуповых была освящена домовая церковь св. Лазаря [9, л.1]. На религиозность Николая Борисовича указывает и его переписка с настоятелем Брянского Свенского монастыря, архимандрита Иерофея по поводу некой чудотворной иконы [10, л.1].

Закономерным видится в связи с очевидным направлением мысли Николая Борисовича наличие в списке его сочинений работ не только по церковной музыке, но и собственно по богословию. Причем одобрение русской церкви в этом случае было для князя принципиально важным. Так, в своем письме от 13 февраля 1883 г. он пишет Митрополиту Новгородскому и СПб: «Высокопреосвященный Владыка! Внимательное сочувствие которое благоугодно было Вашему Высокопреосвященству выразить относительно сочинения, которое я умел уже честь препроводить Вам, дает мне повод просить того же снисходительного внимания и к другим двум вновь вышедшим моим сочинениям: «Таинственный отблеск небесного Царства», «Пророческие признания» – при сем препровождаемым. Питая надежду, что и к этим моим посильным трудам Вы не откажите в своем архипастырском благословении» [8, л. 7 и об.].

Однако разносторонний характер дарований Николая Борисовича не мог не выразиться и через творчество светского характера. Так, нам известна по крайней мере одна повесть, написанная князем и очевидно вписывающаяся в литературный процесс тогдашней России. Это прозаическое произведение – повесть «Любовь молодой женщины», черновик которой ныне хранится в РГАДА [11].

Но наиболее интересным с точки зрения соотнесенности мировоззрения Н.Б. Юсупова с мировоззрением русской интеллигенции второй половины – конца XIX в. представляются два сочинения князя: «Размышления по поводу смерти И.С. Тургенева» (1885 г.) [12, л. 4-12 и об.] и «О крепостных поселянах» [12, л. 1-12 и об.]. Оба сочинения сохранились лишь в рукописях. В «Размышлениях» Николай Борисович выступает как искренний почитатель творчества Ивана Сергеевича Тургенева. Он пишет: «И. С. Тургенев шел по прямому пути, проложенному его прекрасными чувствами. Он хладнокровно, без пристрастия обсуждал все социальные вопросы своего Отечества» [12, л.10 об. - 11]. Автор пишет о либерализме взглядов Тургенева как о положительной стороне мировоззрения писателя: «В сочинениях своих он является представителем гуманных и либеральных идей, который посвятил себя на защиту притесненному, служил опорою слабому, был судьею над несправедливостью и блюстителем будущего счастья своей родины.» [12, л.4].

Но много важнее, что для автора «Размышлений» великий русский писатель потому и занимает в отечественной литературе столь важное место, что оставался верен духовным корням русского народа при том, что уже и «религия отстранена, неверие пускает глубоко корни, нечестивые, увлекают за собою слабоумных» [12, л. 10].

Нельзя сказать, что Николай Борисович выступает в «Размышлениях» как некий реакционер, сторонник охранительной идеологии, хотя он здесь же, как может показаться, в чем-то идеализирует патриархальные отношения между крестьянином и помещиком, когда пишет: «Но несправедливо было бы во всех помещиках видеть какое-то отсутствие начала правды, нравственности и гуманности, если и встречались между ними предосудительные личности, то их можно было считать исключениями. Я однако знаю таких, которые считались отцами своих крестьян, они посвящали всю свою жизнь на счастье ближнего и когда смерть лишала крестьянина их любимого помещика, то грусть и скорбь этих добрых поселян была невыразима и доказательство их невыразимых чувств преданности и любви, они без всяких приготовлений и посторонних побуждений, отдавали последний долг своему благодетелю, неся его гроб на руках несколько десятков верст» [12, л. 8].

В не меньшей степени гражданскую позицию Николая Борисовича представляет его сочинение «О крепостных поселянах», написанном накануне отмены крепостного права. Не обеляя крепостничества, автор все же предостерегает от одностороннего взгляда на суть проблемы: «Особенности, которые досель отличают государственный союз России от союза других просвещенных держав света, заключается единственно в том только, что половина народонаселения империи, не имеющая не движимой собственности, прикрепленная к владельческим землям и лишена прав переменять по производству род жизни и место постоянного жительства. Это ограничение в правах личной свободы сословия... дало повод некоторым публицистам к заключению о господствующем будто в России не сообразном с духом века и правами человечества рабства и возбудило различные предположения к изменению коренных отношений крепостных поселян к владельческим землям» [13, л. 1 и об.].

Однако автор скептически относится к идее немедленного освобождения крестьян, так как считает, что устоявшийся патриархальный порядок в конечном итоге более соответствует чаяниям селян: «Теперь над крепостными поселянами власть патриархальная попечительная. Власть эта тесно связана взаимными интересами, они обеспечены достаточным количеством земли и угодий и запасами продовольствия, снабжены рабочим скотом и орудиями, ограждены от личных обид и притязаний. Домашний нелицеприятный суд и расправа при обыкновенном маловажным проступкам охраняют чистоту веры и поддерживают добрые нравы (по статистическим выводам число уголовных преступлений между крепостными поселянами несравненно меньше противу числа преступлений, совершенных поселянами свободных званий)» [13, л. 4 и об.]. Повторяя идеи славянофилов, Николай Борисович утверждает здесь, что «Россия по обширности пространства по государственному своему составу, по религиозности и законам и по господствующим нравам и обычаям, не имеющим никакого сравнительного тождества с иноземными державами, не может подражать безусловно часто изменчивым и утопическим постановлениям тех держав, особенно когда постановления подобного рода погрузили многие государства в бездну анархии» [13, л. 5 об. - 6].

Таким образом, князь Николай Борисович Юсупов являет собой противоречивый пример человеколюбия и гражданской ответственности. Но много более существенно то, что для нас он явил собой образ той части интеллигенции, которая подготовила появление настоящей национальной интеллигенции народов России. Сама рефлексия князя по поводу своих ногайских корней – эта та психологическая установка, без которой невозможным было бы формирование современной ногайской интеллигенции. Очевидным признаком ее культурных свойств является духовная преемственность от русской интеллигентской культуры, восходящей в свою очередь к дворянской культуре России середины – второй половины XIX в. Отсюда закономерным выглядит возрастающий интерес к истории рода Юсуповых, чей фонд в Российском государственном архиве древних актов является одним из наиболее востребованных, но, вместе с тем, еще далеко не освоенным в полном объеме.

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.1290. Оп. 1. Д.5
2. Кашук Л.А. Сумароковы-Эльстоны, Юсуповы и Крым. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. – 216 с.
3. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1649.
4. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1651.
5. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1583.
6. О роде князей Юсуповых. Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей, с XVI до половины XIX века и других фамильных бумаг, с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XIV века. Часть I. – С.-Пб.: Типогр. Н.Тиблена и Кє, 1866. – VIII, 192, VI с.
7. О роде князей Юсуповых... Часть II. – С.-Пб.: Типогр. Н.Тиблена и Кє, 1866. – III, 422, V с.
8. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1610.
9. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1979.
10. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1970.
11. РГАДА. Ф. 1290 Оп. 2. Ч.1. Д.1628.
12. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1620.
13. РГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1630.

ИШМУХАМБЕТОВ Р. В.

Астраханский государственный университет
г. Астрахань, Россия

К ПРЕДЫСТОРИИ МЕЖКИПЧАКСКОЙ СУБЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НОГАЙ-КАЗАХ»

Ногай — казахи (каз. «Ногай казактар») – это группа родов ногайского происхождения, в настоящее время дисперсно проживающих на большей части территории Казахстана. Особенно много их традиционных мест проживания в Западно-Казахстанской области.

Бурные этнополитические процессы второй половины XVII и начала XVIII веков (военные столкновения с Крымом и подвластной ему Кубанской Ногайской Ордой) вызвали «обратные» миграции ногайцев с территории Крыма и Прикубанья на территорию нынешних Дагестана, Ставрополья и Нижнего Поволжья, добровольно (а также в качестве пленных) принявших русское подданство, что и послужило одной из причин образования субэтнической группы ногай — казахов.

Казахи прежде (в период ногайской государственности) имели близкие отношения с ногайцами, у них, как и у башкир, кыргызов, татар, имеется до сих пор обширный «ногайский пласт» в истории и культуре.

Показательно существование у ногайцев понятия «казакка шыгув» («выйти казаковать»), так называли тех, кто отделился и удалился от своего юрта [5,с. 42]. В отношении ногай-казахов этот термин приобретает особое значение.

О предках ногай — казахов и их бегстве к казахскому хану Нурали впервые сообщается в книге российского чиновника и видного ученого П.И. Рычкова «Топография Оренбургская» ,которая вышла в свет в Петербурге в 1762 году. Первая работа,в историографии собственно ногай-казахов - это работа «Очерки Волжского Понизовья» П.И. Небольсина, который совершил в 1850-51 гг. поездку в прикаспийские степи в Букеевскую внутреннюю казахскую Орду, в составе которой были и ногай-казахи. Важное место занимает книга А.Н. Харузина «Киргизы внутренней Орды», вышедшая в 1890 году.

Также теме ногай — казахов были посвящены статьи и публикации астраханского ученого В. М. Викторина, в которых умело сочетаются архивный и этнографический материалы. Кроме того, темы ногай — казахов касались в своих статьях еще один астраханский ученый Э.Ш. Идрисов, а также западно — казахстанский краевед Н.Ш. Курумбаев. Имеется и обширный архивный материал, касающийся истории этой субэтнической группы. Так, о пребывании некоторых ногайских групп под властью калмыцких тайшей есть архивные документы [3, Ф. 394, оп. I, ед.хр. 2473, Л., I].

Интересно, что шеджере рода ногай-казак, снабженное генеалогическими цепочками и преданиями рода , которое вышло в печать в Уральске в 2003 году, также во многом совпало с имеющимися архивными данными и описаниями А.Н. Харузина и П.И. Небольсина.

В связи с происхождением ногай-казахов высказывались различные точки зрения. Не вызывает сомнения происхождение ногай — казахов от ногайских групп, переселившихся в Букеевскую Орду с территории Нижнего Поволжья, и оренбургских казачьих укреплений. Существует две основных версии происхождения предков ногайских казахов – «салтанаульская» и «кундровская», которые в принципе близки друг к другу и являются взаимодополняющими.

Однако, имеющаяся в исследованиях некая неясность того, какая именно группа сыграла решающую роль в формировании ногай — казахов, и вызвавшая некоторую терминологическую путаницу, должна быть разъяснена.

В этом отношении, вспомогательные исторические источники и методы исследования, такие, как традиционные шеджере, предания и сличение родоплеменного состава разных ныне, но исходно родственных групп, в соотнесении этих данных с архивными, - приобретают особое значение, позволяя выстроить картину исторических событий в полноте.

Нами выяснено, что историческими предками нынешних ногай-казахов являлись т.н. «терские ногайцы», нынешние потомки которых известны как «кумыкские ногайцы» (аксаевские, костековкие ногайцы), в пользу чего мы приведем сведения.

Пребывание предков кундровцев, карагашей и предков ногай - казахов на Тереке и их уход «в сторону Астрахани» зафиксированы в кумыкских преданиях.[17]

Существует такой документ как «Обращение кумыкских ногайцев» ,[18, л.13б-139], в котором описаны те группы большеордынских ногаев, кто попал под власть кумыкских феодалов. Оно датируется концом XIXв. Данное обращение очень важно, т.к позволяет пролить свет на предысторию ногай- казахов:

«А вот имена известных нам, ногайцам, наших предков,... В Капчугае (Къапчигъай) **жил уйсюнь**(курсив мой авт.) Амет-батыр, сын Айсула. В Манасе и Айса-тюбе жил Кулай, сын Айсы. В Тарки жил Таргул-агай. В Тарнаире (Тирен-айры) жил Мюсейке-агай. В Бюке-тала тайком проживали предки племени бюке. В Казанкулак -тала, в Чекбулае, в Бакасе (Бакъас) жили предки племени **казанкулак**... В Ярыкай -казма и в Отай-сюргене жил **уйсюнь** ...Отай...

В Байдарбае и в Мукам- белки проживал Байдарбай – сын **Коясы**.... В Чубар-арке и в Уче жили предки племени **кипчак** (къипчакъ). ... Итак, наши предки и мы — их потомки, дагестанские ногайцы, ... проживали на упомянутых выше землях..... Затем князьями нашими были Эл-мурза – сын Казия, – и Джанмурза. Затем, XVII – начале XVIII вв., князьями были Чин-мурза, сын Элмурзы, и Канбулат, а затем Чобан-мурза, **Девей-мурза** и **Агиш**-мурза, сын **Темирбулата**. Они над нами властвовали...»

Данный отрывок интересен тем, что в нем упоминаются все три племенных объединения, встречающиеся у т.н «кумыкских ногайцев» - они полностью соответствуют трем родам, свойственным объединению ногай-казахов, в других документах встречается также и четвертое -костамгалы, так же фигурирует в составе родов среди «кумыкских» ногайцев. По материалам Ю.М.Идрисова, в составе ногайцев Терско - Сулакского междуречья были следующие рода :

«В документации царских чиновников фигурировали следующие крупные кубы (роды) ногайцев Кумыкского округа: конгурат, ас, серкели, **костамгалы**, яглыбай, **казанкулак**, канглы, ашамайлы, агач, найман, джанбек-аджи, мажар, **кипчак**, уйгур, **батракай,** байдар-бай, садак, алаш, бекши-кади, **уйсунь**, бури и другие» [5].

В составе ногай-казахов сейчас имеются эти родовые объединения: Уьйсен(**уйсунь**), костанбалы (**костамгалы**), **казанкулак**, **кояс**(кара- **кипчак** кояс и **батыракай** кояс) см. Шеджере ногай — казахов. [15,с.14; с. 36]

У ногайцев — карагашей имеется интересная поговорка (ног. айтув), которая возможно сохранила память о родстве карагаш-ногаев с терскими ногаями и ногай - казахами: «баратаган ер Батракай, анда бизим нашакай» (ног. «я иду в Батракай, там наш дядя по матери») [10]. Наличие сходства родоплеменного состава ногай - казахов и терских ногаев налицо, и это, как мы покажем, вовсе не случайно. Чтобы доказать это утверждение нам надо обратиться к предыстории ногай - казахов. В книге «Топография Оренбургской губернии» П.И. Рычкова упоминается переселение «кундровских татар » с Астрахани в Оренбуржье, жизнь их в Кундровской слободе, а затем бегство этих кундровцев в составе 25 семей к хану Младшего жуза Нурали. В числе прочего упоминается их «природный начальник» Адиль - мурза Темирбулатов [12, с. 329]

В Очерках по истории Кавказа П.Г. Буткова мы находим сведения о перемещениях и злоключениях «кубанских» мурз : Темирбулата, Довея и сына Темирбулата - Адиль –мур-

зы, которые были потомками ветви Исмаил –бия. (об этом свидетельствует родословная терских мурз, данная П.Г. Бутковым в своей книге, возводимая к его сыну Тинехмату. [1, т.1,с.178-179 .]

Находясь перед сложным выбором, большеордынские ногайские мурзы, как и мурзы Малого Ногая, принимали то одну, то другую сторону – то российскую, то турецкую. При этом, как в своих статьях отметил В.В. Грибовский, в том, чтобы избавиться от ногайцев ни российские власти, ни их подданные противники ногайцев - калмыцкие тайши не были заинтересованы. Ногайцы, сохранив исходную родоплеменную структуру, вошли в калмыцкую систему управления улусами. Однако естественно подчиненное положение не могло радовать свободолюбивый ногайский народ. Что вылилось в постоянные миграции и смену политической ориентации. П.Г Бутков в своих «Материалах по новой истории Кавказа» сообщает: «Довей-Мурза, .. с тремя своими братьями и аулами кочевал подле гор, от Аксая к Сулаку, по степи; а по возвращении государя из Персии, все оные аулы взяты к Астрахани на Волгу; остались только аулы, называемые Еманчиевы, у шамхала тарковского» [1, т.3; с.18]

В примечаниях в том же источнике : «оный Адиль-Мурза жил при Тереке и, 1733 года, при проходе крымских и кубанских войск в Персию, отошел с аульными его на Кубань; а 1737 г., во время турецкой войны, добровольно, с аульными его, в 120 казанах, пришел к Азову и препровожден к Астрахани, но, за подозрением к побегу на Кубань, 1744 г. переведен на житье в Оренбургскую губернию. (Сей Адиль двоюродный брат Довею-Мурзе.)»

Эти имена терских мурз, перечисленные в документе, частично совпадают с именами, упомянутыми в «прошении кумыкских ногайцев» :

«Девей-мурза и **Агиш**-мурза, сын **Темирбулата**. Они над нами властвовали»

Если сличить это совпадение имен мурз в обоих документах, с совпадением состава подчиненных им родов-элей и составивших впоследствии основу ногай - казахов (уьйсен, костамгалы, кояс, казанкулак), с перечисленными в «обращении кумыкских ногайцев», то мы можем сделать однозначный вывод: речь идет об одной и той же группе большеордынских - терских (и временно, по документам иногда «кубанских» ногаев), которая разделилась в силу обстоятельств, так что часть ее составила основу субэтнического объединения «ногай-казак», а другая осталась терскими «кумыкскими» ногаями (ног. терк ногайлар)

Что же касается именования «кундровские», «хондроу», то, следуя предложенному Э.Ш. Идрисовым объяснению этого термина, под ним понимается «официальное имя» всех тех групп ногайцев, которые, перейдя на российскую сторону, попали в улусную систему управления калмыков, а не этническое самоназвание.

Хотя, как известно по материалам В.М Викторина, впоследствии оно было воспринято и используется именно в этом значении небольшой группой ногайцев–кундровцев в Астраханской области (они тоже потомки большеордынских ногаев). [2]

В то время как салтанаульцы же, судя по всему, это потомки ногайцев Малой Ногайской Орды, в пользу чего говорят данные, приведенные П.Г. Бутковым : «Здесь узнал он, что и на правой стороне Кубани, в горах, находятся кубанские ахлова и таганова рода мурзы в немалом числе людей, а с ними и Карач - Салтан. Сии Нагайцы суть бежавшие в 1742 году отъ Кизляра Салтанаульцы, и в сие время, по смерти Мусы-Мурзы, имели главными сына его Ислама Мусина, Касая Крыкова, Мамбета Таганова и прочих » [1, с.327] «Малый Ногай зовутся Солтан –улу» [1, с.520]. Таким образом, речь идет о двух разных по происхождению ногайских группах.

Сын Темирбулата - мирзы некоторое время, будучи аманатом, впоследствии был переведен в Оренбург. В документах Сенатского архива сохранился следующий документ, важный для нас: « ... докладываю, что июня 20- го 1744 г. пр. сенатом, обще с коллегиею ин. дел, опроделено: кундуровскаго Адиль-мурзу и брата его Ак-мурзу, с аулом их, из Астрахани перевесть в Казанскую губернию и тамо селить их между татары, и в том поселении край-

нее старание прилагать .. губернатору, чтоб к побегу на Кубань случая сыскать не могли, а потом,по вторичному пр. сената определению и по согласию оренбургскаго и казанскаго губернаторов, оные мурзы с их татарами, по переводе, селиться начали слободою в Оренбургской губернии по Сакмаре реке, где для них способное место избрано верстах в 11 от Озерной крепости, где их и поселилось больше 100 дворов, они ж и земли распахали и хлеба сеяли немало, и для лучшаго за ними присмотра близ той слободы и редут нарочный построен, а в 1747 г. в сентябре Оренбург. губернатор в сенат писал, что из оных татар ночною порою за Яик в степь бежало с женами и с детьми лучших 25 семей » [13, с.127]

Согласно шеджере, появление предков ногай - казахов среди рода берш связано с контактами казахов с последними, ввиду близости кочевий казахов с поселениями оренбургских казаков, где и предстояло нести службу в качестве казаков бывшим кочевникам - ногайцам. Один из батыров рода берш по имени Саржала предложил ногайцам переселиться под власть казахского хана ,что они в конце концов сделали. При этом формально они некоторое время временно считались вошедшими в состав рода берш из-за того, что кочевали на их землях и породнились.

Об этом в среде ногай - казахов сохранился бейт [15, с.9]:

Бериш Шомбал ногайды
Хан касында бак конган
Бериш болып сенъисти
Атасы келген Сакмардан

В среде младшежузовских казахов ногай — казахов называют «Сакмардан кашкан ногай». Причем представление о Сакмаре перемежается с памятью о пребывании их предков некогда под Астраханью. Один из информаторов сообщил: «Астраханнан, Сакмардан биз келдик» (мы пришли с Астрахани, с Сакмара) [10]. Этому сообщению о бегстве соответствуют и архивные сведения: «переведенных от Астрахани и поселенных в Оренбургской губернии живших по Сакмаре реке верстах в одиннадцати от Озерной крепости, Кундровских татар, с женами и с детьми лучших и пожиточных 25 семей, в которых мужеска пола 188 душ, в том числе возрастных мужеска пола 150 человек с немалым числом лошадей, и что оные в той киргис касацкой орде в Беряшском роду живут» [6]

Этот отрывок из архивного документа, можно считать прямым указанием на появление предков ногай - казахов в пределах Младшего Жуза.

Взаимовлияние между ногай — казахами и астраханскими ногайцами, представляется вполне возможным и даже более чем вероятным, учитывая рост их численности в короткий срок, что заметили еще А. Н. Харузин и П. И. Небольсин. О наличии его косвенно свидетельствуют некоторые факты.

Предположение о возможности пополнения ногай — казахов за счет дополнительного притока мигрировавших групп ногайцев было высказано многими исследователями. (П. И. Небольсин, А. Н. Харузин, В. М Викторин)

В подтверждение этого имеются архивные данные: «оренбургский губернатор Неплюев в бытность его здесь в коллегию иностранных дел доносил, что от приема выбегающих из киргис касацкого (казахского) полону персиян, хивинцов и трухменцов, что далее, то более, от киргис — касак затруднения и роптания происходит.. тайному советнику Неплюеву из коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 года апробован, и притом во изъяснение дополнено, что ежели из таковых персиян, также из крымских и кубанских мурз случится выбежать кому знатному и освобождение оного турецкому или персидскому двору добрым знаком дружбы быть может, то таковых киргисцам под пристойными претексты возвратно не отдавать, а отпускать оных в их отечества чрез Астрахань, но россиян, калмык, башкирцев, ногайцев и других наций подданных российских не токмо самих к ним не возвращать» [6]

Этот отрывок в свою очередь показывает, что в состав букеевцев попадали и иноплеменные элементы, упоминаются и кубанские ногайцы, которые вполне могли бежать из земель, на которых обитали волжские калмыки и подчинения им, к казахам, родственным единоверным и менее подчиненным царской администрации.

Как отметил Э.Ш. Идрисов был повод перемещаться в Букеевскую Орду и у ногайцев — карагашей, которые от рекрутчины и налогов часто порывались «убежать» к казахам. [4, с.19-26]

В своем «Мнении о ясашных татарах» 1840-х годов В.Н. Татищев сообщал о бегстве подвластных ему групп ногайских юртовцев не только на Кубань и Крым, но и к башкирам и кайсакам, т.е к казахам. [14]

Впоследствии, когда хану Букею было дозволено царскими властями перекочевать в Волго-Уральское междуречье, в образованной в начале XIX в. Внутренней Букеевской орде представители родоплеменного объединения «ногай–казак» составили особую служилую группу (о чем сохранились многочисленные сведения). Об этом свидетельствует к примеру их участие в подавлении восстания Махамбета Утемисова и Исатая Тайманова.. [2] . Курумбаев Н.Ш в своей статье, опираясь на источники и предания, рассказал о приближенности ногай - казахов и карагашногаев к букеевским ханам. [9]

И т а к, можно удостоверить, что в среде казахов родовое объединение ногай-казах относят к разряду родов, не входящих в жузы-«кырмес», что оговаривается традиционными шеджере.[15, с.7]

Родовые подразделения ногай - казахов имеют прямые параллели с родами «кумыкских» и ставропольских ногайцев. Например, Р.Х Керейтов упоминает рода: уйсен-кыпчак [8, с. 63] , костамгалы-кыпчак [8, с.49] казанкулак – кыпчак [8, с.110 ; с 49].

Вынужденное переселение части терских большеордынских ногаев под именем «кундровских татар» произошло в начале XVIII в. в пределы Оренбуржья, в результате бегства этих ногайских групп от военной службы, окончилось примыканием части их к казахам Младшего Жуза.

В образовавшейся в начале XIX века Букеевской Внутренней Орде ногай – казахи, став группой приближенной к ханам – торе, обрели новый статус и общественное положение. В сложении ногай- казахов, как субэтнической группы, судя по всему, участвовали и иные ногайские группы (юртовцы, карагаши), помимо упоминавшихся «кундровцев».

Отметим, что данную проблему можно считать одной из ключевых в формировании полукочевого тюркского населения в Нижнем Поволжье и соседних казахских степях. Поэтому она настоятельно требует дальнейшего внимательного изучения.

---

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. т.1-4.

2. Викторин В.М. Субэтносоциум «нугай-казак» на границе Западного Казахстана и Нижнего Поволжья: парадоксы взаимодействия тюркских этносов // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград, 2006.

3. Государственный архив Астраханской области Ф. 394, оп. I, ед.хр. 2473, Л., I

4. Идрисов Э.Ш. К вопросу об управлении полукочевыми ногайцами-карагашами в составе Астраханской губернии (конец XVIII - первая половина XIX вв.) //Каспийский регион: политика, экономика, культура» (Астраханский гос.унив-т). — 2011. № 2(27) // С.19-26.

5. Идрисов Ю.М. Ногайцы в Терско-Сулакском междуречье / _http://www.kumukia.ru/article-9501.html

6. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив, № 2 (87). 1938 / http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1720-1740/O_kirgiz_kasakach/text1.htm

7. Капаев И.С. Бессмертная смерть. — Ставрополь: «Шат-гора». — 2004. — 520 с.

8. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009. — 464 с.

9. Курумбаев Н.(Ш). Этнические группы Букеевской Орды // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. —Астрахань, 2006.

10. Личный архив автора.

11. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. — СПб, 1852. — 213 с.

12. Рычков П.И Топография Оренбургской губернии — Оренбург 1887. — 436 с.

13. Сенатский архив Т. 9 СПб, 1901 г.

14. Татищев В.Н «Мнение о ясашных татарах» // Эхо веков, № 1/2. 1996. 226 с.

15. Уалиев А. Ногай-казак шежереси Орал 2003 ж.(Шеджере ногай-казахов Уральск 2003. 54 с. (на казахском языке)

16. Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды. М.: 1889. —338 с.

17. Шихалиев Д.М. «Рассказ кумыка о кумыках». Махачкала 1993.
___http://kumukia.ru/article-1503&page=2

18. Центральный Государственный Архив Дагестана (ф.Ю5, оп.5, д.4, л.13б-139).

КАРАКЕТОВ М. Д.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
г. Москва, Россия

НОГАЙСКО-КАРАЧАЕВСКИЕ СВЯЗИ ДО НАЧАЛА XX в.

Многовековое этнокультурное многообразие Северного Кавказа ярко сверкает в именах народов и языков, отражается в разнообразии традиционной политико-правовой жизни, где уживаются архаические и достаточно развитые системы социальных отношений, в различных по уровню развития хозяйственно-культурных типах. Тем не менее, этнические общности, носители этих типов и отношений смогли создать уникальную историко-этнографическую область. И в этом процессе немаловажную роль играли не только установившиеся веками межэтнические связи народов Кавказа, но и тюркские государственности раннего и позднего Средневековий, в орбиту влияния которых входил и Северный Кавказ. К сожалению, эта сторона истории народов региона изучена недостаточно. Следует отметить, что недостаточно изучено также влияние ногайцев и их государственностей на историю, культуру, быт, социальные отношения народов Северного Кавказа, а оно было значительным и весомым.

Представленная статья посвящена семейно-брачным связям, другим сторонам исторического взаимодействия между ногайцами и карачаевцами.

В настоящее время о наиболее раннем сведении о таких связях говорится в документе 1639 г.: «в Карачаех ходил пировать к Карачайским мурзам к Ельбуздуке и к Галистану и к матери их и к зятю их, к Нагайскому мурзе Урыстямбеку... Нихто де мурзам не укажет» [1, с. 259–276].

Следует отметить, что в Российской империи, несмотря на то, что ногайцев в XIX в. осталось во много раз меньше, чем веком раньше, понимали, что определение статуса высших сословий без их сравнения с ногайской элитой было невозможным. Так, в ходе исследования сословного строя народов Северного Кавказа было выявлено, что свободный класс, народ представляет следующие градации: 1. У кабардинцев и в целом у адыгских племен первенствовали *пше*, у абазин разных обществ – *аха* и *Маршани*; у ногайцев – *мурзы,* у карачаевцев – *бии*; 2. За ними следовали: у кабардинцев и в целом у адыгских племен первенствовали *тлехотлеж* и *дежинуго* и абазин разных обществ – также *тлехотлежи* и *амиста-ду*; у ногайцев – *уздень* (*кайбаши*) и у карачаевцев – *улу-уздень*; 3. Затем силу и могущество племени составляли сословия: *уорки* разных наименований у кабардинцев и адыгов; *амиста* - у абазин, *асламбеке* - у ногайцев и *карахала* [кара-уздени] и *каракиши* у карачаевцев.

Такие сравнения были подкреплены фактами, приведенными карачаевскими депутатами, участвовавшими в заседаниях Комиссии, на основании которых сословный и правовой статус князей Карачая определялся ими таким образом: «Сословие бий по своему значению и принадлежащим ему правам равносильно Кабардинскому сословию *пше* (т.е. Княжескому), Султанским фамилиям и Ногайским мурзам» [2, 38-41].

Отношения между биями Карачая и соседними иноэтническими обществами, в том числе ногайскими, закреплялись установлением родственных связей, о которых говорится в различных источниках XIX в., в частности, в документах Комиссии для разбора прав сословий горцев Кубанской и Терской областей: «В брачные союзы бии вступали или между собой, или с фамилиями Султанов, Бесленеевских князей, Сванетских князей, Ногайских мурз и с знатными лицами других горских племен» [3, 38-41]. Данные связи подтверждаются известиями ногайских мурз, отмечавших, что «в брачные союзы мурзы вступали в прежнее время между собою, или с лицами из семейств пришлых из Крыма султанов, Кабардинских *пше* и Карачаевских биев» [4, л. 40об.]. Примерами этим выводам служат данные о семейно-брачных связях. Так, князь Нану Крымшамхалов, сын последнего верховного князя, Уалия Карачая Магомета Крымшамхалова, был женат на дочери Джамболат-Гирея Ханова – потомка султанских (ханских, из крымского дома Гиреев) фамилий. Княжна Даута Азамат-Гериевна Крымшамхалова вышла замуж за ногайского мурзу Батырмурзу Карамурзина, Паша Магомед-Гериевич Дудов был женат на дочери ногайского князя Бек-

мурзы Карамурзина; Джамбот Нануевич Дудов был женат на ногайской княжне Ханий Карамурзиной, князь Хаджи Азамат-Гериевич Крымшамхалов был женат на ногайской княжне Муслимат Ураковой и т.д.

В сведениях начальника Баталпашинского уезда Н.Г. Петрусевича отмечалось, что «прежде Крымшамхаловы женились и на дочерях Кабардинских *пше*, и Сванетских Дадашкелиани, и Ногайских мурз, и Абазинских, и Абхазских Маршани» [5, л. 109-119].

Бывали также случаи заключения браков *сыйлы узденей* с ногайскими мурзами. С мурзами Тугановыми породнились Джуккаевы: мать Эльмурзы Джуккаева, жившего примерно в XVII в., согласно генеалогическим преданиям, приведенным в 1990 г. 106-летним Д.М. Джуккаевым, была из ногайских мурз, князей Тугановых. *Сыйлы уздени* Алиевы и Хубиевы также были в родстве с Тугановыми, тогда как с мурзами Карамурзиными – *сыйлы уздени* Коркмазовы и Текеевы. Например, Мат-Гирей Текеев был женат на ногайской княжне Карамурзиной, сестре Чыкку-Гирея Карамурзина (конец XVIII в.).

Были также случаи воспитания карачаевскими узденями детей ногайских князей. Так, сарайма-узденка Тауджан Алиева (подразделение Гуланкаралары-Гуланкараевы) воспитывала ногайскую княжну Туганову, матерью которой была дочь князя Нанали Крымшамхалова.

Ногайские князья участвовали также в заседаниях, возникшего в Карачае в конце XVIII в. мусульманского судебного органа – *мехкеме* (от араб. *махкама* «суд»). Карачаевский *махкеме* получил признание среди абазин, кабардинцев и ногайцев. В его заседаниях, наряду с родственными карачаевцами- балкарцами из князей Урусбиевых, Балкароковых и Айдебуловых, принимали участие абазинские князья Лоовы, Джантемировы, Бибердовы, кабардинские князья Мисостовы, ногайские князья Карамурзины, Тугановы и др. У северной окраины Учкулана, по данным этнографа Р.Т. Хатуева, местность, где некогда заседал данный орган, по сей день носит наименование «Мехкеме».

В целом следует отметить, что у ногайцев и карачаевцев взаимосвязанная история, которая отражает не только тюркские истоки их формирования и принадлежность к тюркскому этноязыковому миру, но и долгое совместное проживание в различных государственных образованиях на Северном Кавказе.

---

1. Белокуров С. Ал. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел //Чтение имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете. – 1888. – Кн. 3, отд. 1. – С. 259–276).

2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия Алания (далее: ЦГА РСО–А). Ф. 262. Оп. 1. Д. 70. Л. 38–41.

3. ЦГА РСО–А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 70. Л. 38–41.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 40об..

5. ЦГА РСО–А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 71. Л. 109–119.

КЕРЕЙТОВ Р. Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

НОГАЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ НОГАЙЦЕВ С НАРОДАМИ ЕВРАЗИИ

Современные ногайцы делятся на этнические группы: караногайлар (караногайцы), таркушылар (таркинцы), яксайшылар (яксаевцы), костекшилер (костековские), сулакшылар (сулакские) – в Дагестанской и Чеченской республиках, къобаншылар (кубанские) в Карачаево-Черкесской республике и Кочубеевском районе Ставропольского края; эдилшидер (волжские) или аштарханшылар (астраханские) в Астраханской области, которые

подразделяются на карагашей, кундровцев, юртовцев; ашыкулакшылар (ачикулакские, подразделяются на емболуковцев, етишкульцев, етисанцев в Нефтекумском и Степновском районах Ставропольского края; куьми или бештавшылар (кумские или бештовские) – в Минераловодском районе, (Ставропольский край).

Ногайский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков, имеет два диалекта: караногайский и кубанский. Письменность связана с древнетюркской, уйгуро-найманской письменностью, продолжительное время использовали арабскую графику наряду с уйгурской, впоследствии полностью перешли на арабскую письменность, которую применяли вплоть до 1928 г., т. е. до перехода к латинице. В 1938 г. произошла очередная реформа письменности у ногайцев, осуществлен переход на кириллицу.

Последние антропологические исследования ногайцев подтвердили наличие у них европеоидности и в меньшей степени — монголоидности (18).

В истории сложения ногайского народа, без всяких домыслов и легенд, выделяются четыре эпохи:

— гуннская,
— время образования мадъярских племенных союзов (9-10вв.).
— эпоха Золотой Орды (13-14 вв.),
— эпоха Ногайской Орды (14-17 вв.).

Этническую основу ногайского народа составили древние племена: сираки, уйсуны, уйгуры, канглы, кыпчаки, кереиты, дормены, найманы, асы, аланы, булгары, байысы, бодыраки, кенегесы, катаганы, кобаны, байдары, мажары, аргыны и др., обитавшие в Прииртышье, Северо-Западной Монголии, Средней Азии, современном Казахстане, Поволжье, Северном Кавказе, большинство из них тюрки. Исследователь алтайского этноса Л.П. Потапова предполагает, что «... кочевые племена, особенно крупные, вовсе не исчезают бесследно даже в самые драматические времена их жизни, в период войн и поражений, а рассеиваются и вновь появляются, вновь консолидируются под старым или новым названием» [21, с. 9]. Представители выше перечисленных родоплеменных союзов сохранились среди современных ногайцев во всех регионах их расселения, вплоть до Турции. Среди ногайцев Турции сохранились как етисаны, так и джембойлуки и т.д. Родоплеменные союзы сохранили отличительные знаки (тамги, эн), которыми отмечают вещи домашнего обихода, скот, птицу, надгробные памятники [16, 17]. Сопоставления названий родов и племен, их тамг, выявляют этногенетические связи ногайцев с современными казахами, каракалпаками, башкирами, туркменами и другими тюркскими народами, в том числе и с азербайджанцами, турками, в формировании которых принимали участие, по мнению В.А.Гордлевского, представители племен канглы, кыпчак [5, с.22].

Территория Ногайской Орды простирались от Иртыша до Дуная, включая предгорья Северного Кавказа. Ареал распространения ногайской эпиграфики именно на указанной земле, известной в средневековье как Великие Ногайские степи. Ногайские эпитафии сохранились в мусульманских некрополях и отдельных резных надгробных камнях, связанных с ногайской этнической культурой. В них прослеживаются и особенности перехода кочевой части ногайского населения к оседлости [27].

Ногайская эпиграфика практически не исследована и не обрела до сих пор ни адекватного отражения и «представительства» в музейных коллекциях и экспозициях, ни прочной историко-культурной и историографической традиции.

Историко-культурологические и художественные особенности ногайской эпиграфики определяются, прежде всего, самим их положением в контактной зоне соприкосновения степных и горских, тюркских и кавказских культур, в транзитной области прохождения Великого шелкового пути, а также особенно устойчивыми традициями номадизма в хозяйственном укладе, в быту, в кочевническом образе жизни ногайского народа. Отсюда, с одной стороны, чрезвычайная «открытость» ногайской эпиграфики и этнонимики, их вовлеченность в разветвленную систему культурных связей, подверженность влияниям и с юга, и с севера, и с запада, и с востока, прежде всего, взаимовлияниям некоторых кавказских культурных комплексов (вайнахского, осетинского, адыгского), что гораздо реже встречается или вовсе не прослеживается в других регионах (или эпиграфических школах-системах) тюркско-мусульманского мира. В данном контексте напомним, что влияния были обоюдными, и мы

полностью не можем это утверждать, ибо вопрос в такой плоскости ждет подробного анализа. С другой стороны, в ногайской эпиграфике гораздо сильнее, чем в искусстве надгробий оседлых, земледельческих народов, формирующих государства, чьи столицы и культурные центры становятся уже в эпоху средневековья опорными пунктами исламской цивилизации, – выражены древние, доисламские, восходящие к тенгризму, к языческому политеизму тюркских скотоводов – кочевников, представления, законсервирована система знаков и символов (родовые тамги, изображения оружия, некоторые астральные, «звериные» и иные мотивы), давно утраченные в «классических» школах тюрко-мусульманской эпиграфики. Отчасти все это делает ногайскую эпиграфику более эклектичной. Эта эклектичность – в разные исторические периоды по-своему распространяется и на разнообразные формы архитектурных конструкций ногайских надгробных сооружений, и на формы декора, и на тексты самих эпитафий (на их содержание, литературную стилистику, свободный выбор не только «почерка», но и алфавитно-графической основы – рунических знаков, арабской вязи, латиницы, кириллицы – и даже языка). В то же время эта эклектичность оборачивается своеобразной творческой свободой, если не абсолютной (что в сакральном искусстве вообще немыслимо), то гораздо более выраженной (причем во все эпохи и исторические периоды от средних веков до наших дней), чем в тех регионах, где исламское искусство связано с константой определенного канона и стиля.

Поэтому в этом ряду большое значение имеет ногайская эпиграфика, имеющая не только связь, но и оригинальную, особенную область в культуре и искусстве ногайцев, формировавшихся на просторах Евразии.

Методология предполагаемого исследования (точнее первых подступов к исследованию ногайской эпиграфики) основана на формировании и применении междисциплинарного подхода к изучению, определению значения эпиграфических надгробных памятников ногайского этнического ареала. Они интересуют как исторические свидетельства и источники важнейших сведений по истории продвижения племен по этой степи ногайских кочевий и оседлых поселений.

Ценные сведения сохранились в эпитафиях, содержащих имена, даты, описания событий и другие исторические сведения. Интересны география и топография размещения разных мусульманских надгробий в Ногайской степи, фиксируя местонахождение памятников. Необходимо проследить процессы исламизации и модернизации (секуляризации) этой культуры.

На наш взгляд, интересен памятник, найденный на кургане, недалеко от ногайского аула Сеитовка в Астраханской области в Нижнем Поволжье. Он был разрушен, позднее с привлечением общественности восстановлен. Надпись на памятнике пока не расшифрована.

В Астраханской области сохраняется рассказ у местных ногайцев о святом Баба Тукли-Шашлы от которого, якобы произошли все ногайские богатыри, в том числе и основатель ногайского государства – Эдиге. Потомки Эдиге, известные в российской истории князья Юсуповы в своих родословных изданиях ссылаются также на Баба-Тукли-Шашлы. Хотя имя подсказывает, что Баба-Тукли Шашлы из племени Ас, этого вопроса не буду касаться, ибо он пока что очень спорен и нет достаточных аргументов, чтобы его полностью отнести к Асам. А сам же персонаж Баба-Тукли-Шашлы расшифровывается: Баба – предок, Тукли – покрытый шерстью, Шашлы – волосатый. В фольклоре ногайского народа – это покровитель, могучий жрец древней веры.

Археологические раскопки городищ, содержащих материал по средневековым ногайским крепостям (къала), городищ (шахар), поселениям разного типа («орда», «улус», «юрт», «аул», «коьй»), а также сохранившиеся старые кладбища и современные некрополи дают ценнейший материал для социологических исследований ногайского общества, включая такие аспекты, как продолжительность жизни, круг профессиональных занятий, социальный статус, культурный кругозор, этническое и религиозное сознание населения. Указанные проблемы культуры ногайцев раскрыты в антропологических исследованиях М.М. Герасимовой, Н. А. Дубовой, Г.П. Хить, В.А. Бабенко, А.А. Калмыковой, Н.А. Суворовой и других [18].

Вместе с тем остаются вне поля зрения исследователей памятники средневековья: Аьжи-Кала, мавзолей Борга-Каш и др. О ногайском городке-крепости XVII века упоминает турецкий путешественник Эвлия Челеби. Указанный памятник стоял на месте слияния рек Малый Зеленчук и Кубань на высоком скалистом берегу. Эвлия Челеби отметил здесь соборную мечеть, хозяйственные постройки, крепостной ров. Поблизости у городища находилось кладбище, которое, по данным Исы Капаева, называется *Шийих мезар* (кладбище шейхов). Данный городок должен стать объектом исследования для археологов.

Мавзолею Борга-Каш профессор В.Б. Виноградов посвятил несколько публикаций. Он пишет: «На левом берегу Сунжи, рядом с современным ингущским селением Плиево (Назрановский район Чечено-Ингушской АССР) стоит изящный белокаменный мавзолей с прямоугольным основанием и полукруглым куполом. С южной стороны его - стрельчатая арка, венчающая невысокий вход, на котором три плиты с арабскими надписями. Они сообщают, что мавзолей построен в 808 году хиджры (29 июня 1706-17 июня 1406 г.) для захоронения некоего Бек-Султана, сына Худайнада» [4, с. 6].

Кавказовед В.Б. Виноградов считает, что «ныне Борга-Каш единственный в своем роде погребальный памятник во всем Предкавказье. Однако сравнительно недавно, в XVIII-XIX вв. подобные мавзолеи высились еще среди развалин крупного золотоордынского города Маджары, расположенного на реке Куме, близ современного г. Буденновска в Ставропольском крае. Они сохранились до наших дней лишь в рисунках путешественников [4, с. 223]. Исследуя этническую принадлежность данного мавзолея, В.Б. Виноградов пишет: «Во всяком случае, по одному из наиболее популярных у ингушей преданий, в мавзолее Борга-Каш был похоронен властелин Татартупа Борга-хан – ногаец, один из ханов Золотой Орды. В правлении Мамая «ногайцы в большом количестве... перекочевали со своими стадами на плоскость нынешней Чечни, где глава их Бора-хан основал свою резиденцию». А в ногайской поэме «Мурза-Едиге» говорится о султане Берки-хане, властителе Татартуп» [4, с. 11].

Еще одно наследие зафиксировано уже в Краснодарском крае на р. Кубань у станицы Раевской. Здесь было городище Ногай-кале, в котором сохранилось надгробное сооружение, указывающее на ногайское происхождение, но и оно пока подробно не исследовано. Остается загадочным для ученых и сообщение Жана де Люка, что ногайская знать Казыева улуса в Крыму имела «селения и дворцы [8, с. 486].

Перечисляя городища и крепости, считающиеся ногайскими, трудно обойти данные украинских археологов В. Отрошенко и Ю. Росомакина, полученные ими при раскопках курганов на Молочных водах, мест обитания ногайцев, вынужденных уйти отсюда за пределы Российской империи в течение веков и окончательно в начале XIX века: «Масштабы погребального сооружения, богатство погребального инвентаря и золотой жезл правителя в правой руке свидетельствовали о том, что в кургане похоронен знатный кочевник, вероятнее всего Глава одного из племенных половецких союзов. Это подтвердил и знак, который был обнаружен на поясной чаше – две вертикальные линии, процарапанные на поверхности» [19 с. 78].Обратим внимание на слова «две вертикальные линии». У ногайцев на бытовых предметах и надмогильных камнях до настоящего времени высекают родовые тамги. Указанные две вертикальные линии – это родовой знак кыпчаков-половцев; на ногайском языке эта тамга называется «кос-тамга» и «кос-элип».

Распространенность родоплеменных союзов, участвовавших в формировании ногайцев, а позже и их самих на широких просторах Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья ещё раз подчеркивает ценность эпиграфики, этнонимики для изучения этногенеза народа. Памятники воздвигали на надмогильном кургане. «Балбалы», найденные на просторах Ногайской степи, находились на курганах, что подтверждаются «*балбалами*» распространенными, как в Нижнем Поволжье, так и на Северном Кавказе. Об особенности «*балбалов*» древних предков ногайцев написали в XIII веке путешественники Плано Карпини и Гильом Рубрук [22].

Мы пока не располагаем данными о надгробных камнях XIV–XVII вв. у ногайцев, но сам обычай сооружения таких памятников, уходя корнями в древность, сохранился до настоящего времени во всех местах расселения ногайцев, с указанием принадлежности их к определенному роду или племени. Об этом пишет С. М. Червонная: «О прочности

и длительности языческих традиций в ногайской культуре, удивительно долго и мирно уживающихся с исламской доминантой, свидетельствует такой исключительный, не имеющий аналогов в других этнических культурах пример, как сохранившийся (до наших дней!) обычай изображать родовую тамгу на каменных надгробиях, выдержанных в классических традициях мусульманских кабъырташей (в крымско-татарской интерпретации – такильташей) – вертикально врытых в землю каменных плит с арочным завершением (обычно – аркой на плечах»), с лицевой стороной, несущей эпиграфические тексты, обращенной в сторону Мекки» [25, с. 226-227]. Данная традиция зафиксирована во всех местах пребывания ногайцев, в том числе в Турции и в Республике Молдова. В настоящее время, помимо мусульманской символики (полумесяц, звезда) на правой стороне надгробной стелы и родовой тамги с лицевой стороны, на лицевой поверхности пишут эпитафии на кириллице.

Эпитафии на надмогильных камнях – это бесценный дар наших предков своим потомкам. Они сохранили ценную информацию. Тексты даже самых кратких, тем более, литературно развернутых, многословных эпитафий имеют огромное значение для изучения истории многоязычия, смены алфавитных систем, поэтической и прозаической стилистики. При этом надгробия, может быть, прежде и более всего, – привлекают и интересуют нас как произведения искусства, народного творчества, духовной и материальной культуры ногайского народа.

В настоящее время у всех групп ногайцев сохранились тамги (знаки, тавро). Само слово «тамга», бытующее в этом же произношении у народа, обозначает «печать», «отпечаток», восходит к одноименному древнетюркскому слову. В орхоно-енисейских надписях родоплеменные тамги фигурируют как клейма для скота у древних тюрок [более подробно см.: №16].

У предков ногайцев – древних тюрков была специальная должность «тамгачы» (ног. – тамгашы). Орхонские надписи указывают на бытование должности «хранителя печати». Анализируя монгольские взаимосвязи монгольского языка с тюркскими языками, академик В.В. Бартольд писал: «Темучин в стране найманов (а найманы в настоящее время среди ногайцев одно из распространенных названий племени – Р.К.) нашел уйгурского «хранителя печати), который познакомил его с употреблением печати... обо всем этом Темучин до сих пор не имел понятия [3, с. 359].

Самой ранней тамгой у ногайцев можно считать тамгу племени СИРАК ... Она сохранилась у фамилии: Карасираков (в народе их называют *«карасыйраклар»*), представители этого племени у кубанских ногайцев носят фамилии Суюнов и Султанбеков.

Представители племени *кереит* также имеют разновидности своей тамги, исходный знак которой крест (ног.: *каш*): ... и т.д. [более подробно см.: №№14-15].

Таким образом, названия родоплеменных союзов, их тамги, точнее, их наличие у современных тюркских народов, дают возможность ученым проводить сравнительно-сопоставительные исследования с культурой народов Евразии. Не сохрани ногайцы эти этнические названия и тамги, то процесс ассимиляции ногайского народа в среде титульных наций происходил бы более активно. Однако ногайцы, проживающие дисперсно в нескольких регионах России, сумели сохранить национальное самосознание и родной язык, благодаря знанию этнонимии и исторических корней этноса. Знание названия родов и племен, а также тамги позволяют сохранить ногайцам о древних корнях своей истории и культуры.

В заключение отметим, что в исследуемом ракурсе богатая ногайская эпиграфика недавно начала привлекать внимание специалистов. В их числе следует отметить работы профессора С.М. Червонной, успешно продолжающей изучение данной проблемы. Ее объективные заключения относительно и современного развития ногайского искусствоведения становятся достоянием заинтересованного читателя. Вот ее мнение о ногайском художнике, подвижнике культуры С. Батырове, сделавшего многое и в деле сбора этнографического материала: «Один только Сраждин Батыров, о котором, к сожалению, приходится говорить в прошедшем времени, был не только поэтом, ученым, собирателем ногайского фольклора, исследователем народного творчества, но поистине великим художником, чье «Золотое

руно» (самое значительное живописное полотно, соединившее в сложнейшей философско-поэтической интерпретации элементы бытового и анималистического жанра) стало одним из шедевров не только дагестанской, но и общероссийской художественной культуры второй половины столетия» [25, С. 235]. Она дала высокую оценку творчеству членам Союза художников России Ю.Б. Карасова, С. М. Утемисова.

Приведенные материалы свидетельствуют, что ногайский народ на протяжении веков выработал и создал интересную, оригинальную и самобытную культуру, в котором особое место занимает эпиграфика, в том числе мавзолеях (кешене) – Борга-Каш, Ногай-Кале; надмогильных памятниках, оседлые поселения с кладбищами. В этом ряду стоит отметить формирование разных поселений: городов, крепостей, оседлых аулов на просторах Евразии.

Данная статья – это шаг к будущим, более расширенным, исследованиям. Особо подчеркнем, что ногайская эпиграфика представляют собой практически неизвестную научному миру чрезвычайно интересную страницу не только национальной, как общетюркской, так и общекавказской истории и культуры. Необходимо более внимательное и бережное отношение к сохранившимся и полуразрушенным памятникам, рассеянным по Ногайской степи, до сих пор не взятым на учет и не находящимся под охраной государства. Данная проблема является актуальной задачей не только региональной, но и федеральной культурной политики и широкого комплекса гуманитарных наук (археологии, этнографии, исламоведения, искусствоведения, тюркологии).

---

1. Абакумов А.В. Арта и Сакаити... // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Омск, 2003.; Анфимов Н.Ф. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.

2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. М. 1963, Т. 5. М., 1968.

3. Виноградов В.Б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980; Его же. Мавзолей на холме. Археология. 1973.

4. Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.

5а. Полевые записи автора в Республике Молдова в 1993 и 2013 г.г.

Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М.: Наука., 1971.

6. Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625г. //Записки Императорского Русского географического общества истории и древностей . Одесса 1879, т.11.

7. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., Наука, 1974.

8. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма - Ата, 1960.

9. Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков. 1 Каракалпаки до 18 в. //Труды ИВАН т. 7. М.- Л. 1935.

10. Канокова Ф. Ю. Декоративно – прикладное искусство ногайцев. Автореферат канд. дисс М.2012.

11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.9. – М.: Терра. Книжный клуб, 2001.

12. Капаев И.С. Бессмертная смерть. Ставрополь, 2004.

13. Капаев И.С. Мифы, легенды и поверья ногайского народа. М., Голос-Пресс. 2012.

14. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь 1999.

15. Керейтов Р. Х. Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь.2009.

16. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 4. Антропология ногайцев . М.: «Памятники исторической мысли», 2003.

17. Отрошенко В., Росомакин Ю. История чингульского кургана //Наука и жизнь . 1981. № 7.

18. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М.: Наука 1982

19. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л. «Наука». 1969.

20. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957.

21. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001.

22. Халитов Н. Архитектура ислама в Российских городах // Архитектура и строительство России. 1991.№ 6.

23. Червонная С.М. Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации. Под ред. М.Н. Губогло. М., 1999.

24. Червонная С.М. Там же.

26. Червонная С.М. Тюркский мир юго-восточной Европы. Крым- Северный Кавказ. Берлин. 2000.

27. Червонная С.М., Керейтов Р.Х. Ногайская эпиграфика как объект археологических, этнографических и искусствоведческих исследований. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск. 2003.

28. Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев в 20 веке. Историко- этнографическое исследование. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1999.

Сокращения:

ИВАН – Институт Востоковедения Академии Наук

МУСАЕВА У. К.

Крымский инженерно-педагогический университет
г. Симферополь, Россия

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ НАРОДОВЕДЕНИЯ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В КРЫМУ (1920-1930 гг.)

В 1920 – начале 1930-х гг. историко-этнографические исследования были одной из приоритетных областей советской науки, объектом изучения являлись этногенез, культура и быт народов Советского Союза. Именно в это время проводились многочисленные экспедиции по сбору материалов о традиционной культуре, обычаев и обрядов народов СССР. Одним из центров историко-этнографических исследований был Центральный музей народоведения (ЦМН).

Проблема изучения этнокультуры народов Крыма являлась составной частью научной деятельности ЦМН. Задачи музея определялись, как «отображение и изучение экономики, производства, идеологии и быта народов СССР, колониальных и полуконтинентальных стран в диалектическом и историко-материальном разрезе; освещение классовой политики Коминтерна в национальном вопросе; освещение путей индустриализации, коллективизации и культурной революции в национальных районах СССР» [1].

В период организации музея, когда в Центральный музей народоведения были переданы этнографические коллекции из различных Московских собраний, оформившихся в досоветское время, стала очевидной задача создания отдельной экспозиции, посвященной крымским татарам. Однако материалов для нее не хватало [2]. У сотрудников музея родилась идея о проведении этнографической экспедиции в Крыме. Руководителем данной экспедиции назначен научный сотрудник Главного музея, который одновременно работавшй в ЦМН и преподававший в Первом Московском государственном университете, Борис Федорович Добрынин. Вторым участником экспедиции стала Софья Ивановна Добрынина-Дорошенко. Экспедиция проходила в течение четырех месяцев с 20 июня по 20 октября 1921 г. [3]. Её главной целью было определено «ознакомиться с материальным бытом и народным искусством народностей крымского полуострова, преимущественно – крымских татар» [4]. Кроме этого предполагался сбор этнографической коллекции для ЦМН. Экспонаты приобретались на привезенный из Москвы обменный материал. Московские этнографы продвигались по маршруту: Карасубазар – Старый Крым – Отузы – Таракташ – Судак – Капсихор. С 27 сентября по 19 октября сборы этнографической коллекции и записи фольклора этнографы проводили в Бахчисарае и его районе. Кроме сбора предметов одежды и домашнего быта они записывали народные поверья и делали фотоснимки. В итоге было собрано 95 предметов крымских татар [5].

Экспедиция в Крым была продолжена в последующие годы этнографом Крыма, научным сотрудником Центрального музея народоведения Борисом Алексеевичем Куфтиным (1892-1953). Его первая этнографическая экспедиция в Крым датируется 1923 г. Исследования были продолжены осенью 1924 г., когда ученый объехал ряд татарских деревень. Маршрут экспедиции позволили установить полевые записи этнографа: Бахчисарай – Керменчик – Аиргуль – Фоти-Сала – Гавры – Биюк-Узенбаш – Стиля – Ай-Василь – Ялта – Гурзуф – Дегерменкой – Биюк-Ламбат – Партенит – Ялта. Как явствует из этих записей, объектом изучения были крымские татары: их антропология, одежда, типы поселений, занятия, общественное устройство, календарные праздники, изобразительное искусство, фольклор [6].

Кратко охарактеризованы семейные обычаи и обряды, календарь, изобразительное искусство и поэтическое творчество крымских татар. В целом, статья явилась одним из первых в советской историографии развернутым научным очерком, посвященным этнографической характеристике крымских татар. Она давала объективное разностороннее представление о культуре и быте населения Южного берега Крыма.

На основе опыта экспедиционной работы в Крыму в 1923-1925 гг. по обследованию этнографии крымских татар Б. А. Куфтин подготовил доклад «Задачи и методы полевой этнологии», автограф тезисов сохранился в личном архивном фонде ученого. Работа над

докладом датируется 1924-1925 годами. Он был прочитан в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Первом МГУ [7].

Экспедиция Б. А. Куфтина в Крым весной 1925 г., как явствует из полевого дневника за этот год, была полностью посвящена изучению жилых построек крымских татар [8]. Она была проведена по заданию Антропологического научно-исследовательского института и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Экспедиция проходила по маршруту: Симферополь – Феодосия – Судак – Кутлак – Капсихор – Шелень – Ор Талан – Бекчи-Эли – Уйшунь – Карасубазар. В личном архивном фонде ученого нами выявлен интересный документ – карта Крыма с нанесенными карандашами маршрутами этнографических экспедиций Б.А. Куфтина в различные годы [9]. Этот документ помог восстановить географию его крымских разысканий.

Данные полевые дневников 1924 и 1925 годов были обобщены Б. А. Куфтиным в обстоятельном исследовании «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова», благодаря которому за этнографом закрепился стойкий имидж специалиста по данному вопросу [10].

Среди разнообразных по форме материалов интерес представляет статья Б. А. Куфтина «Крымская этнография как материал для учебно-показательных экскурсий в Крым» [11]. В ней он раскрыл своеобразие быта, права, этнографических типов, языка народов полуострова, указанные данные могут быть использованы для изучения этнографических объектов Крыма в учебно-познавательных экскурсиях.

Отдельное исследование Б.А. Куфтина «О происхождении тюрков» (1926-1930 гг.) [12] посвящено рассмотрению этимологии термина «тюрк». Автор показал исторические связи древнейших тюрков с кочевыми народами, прежде всего – скифами. При этом он опирается на древние и средневековые источники (Геродот, Махмуд Кашгарский). Сохранившиеся рукописные материалы демонстрируют хорошее знание автором европейской литературы по данному вопросу (А. Гутшмидт, Т. Нёльдеке, П. Пельо, Н. Поппе, В. Томсен).

Сохранились также и полевые записи Б. А. Куфтина, характеризующие тамги крымских татар [13]. Собранные Б. А. Куфтиным материалы представляют научную ценность в связи с наличием в них большого количества зарисовок.

Наиболее крупной из проведенных Центром музея народоведения в Крыму этнографических экспедиций под руководством Б. А. Куфтина стала поездка 1928 года. В экспедиции также участвовали Кондратьев, М. Орлов, К. Ф. Соколов, Е. М. Стройков, Н. Н. Чебоксаров, собиравшие на Керенском полуострове материалы о способах приготовления пищи, посуде, домашней утвари, сельскохозяйственных орудиях, постройках, миграциях населения. Полевые тетради и материалы, собранные этими исследователями сохранились в личном архивном фонде Б. А. Куфтина. Сам он во время этой поездки собирал данные об одежде, обуви, утвари крымских татар [14]. Сохранились также восемь сборников крымско-татарского фольклора: песни, эпические поэмы и былины, повести на крымско-татарском языке (вязь), приведенные Б. А. Куфтиным в этом году. Корреспондентами являлись местные жители.

В Центральный музей народоведения (до 1948 г. назывался Музей народов СССР), Б. А. Куфтин передал в музей коллекции женской и мужской одежды, полотенца, образы вышивок. Эта коллекция (19 предметов) собрана в течение 1923-1925 гг. в Судакском районе (д. Шелень) и Бахчисарайском районе (д. Керменчик). После ликвидации Музея народов СССР коллекция была передана в Музей этнографии народов СССР в Ленинграде, сейчас данные экспонаты хранятся в Санкт-Петербурге в Российском этнографическом музее.

Экспедиции Центрального музея народоведения 1921-1928 гг. содействовали сбору уникальных коллекций предметов культуры и быта татар и болгар Крыма. Экспедиции ученых данного музея были проведены непосредственно и в регионах проживания крымских ногайцев. В связи с этим необходимо выявление и изучение в материалах указанных экспедиций артефактов по этнокультуре ногайцев Крыма, так как история и культура крымских ногайцев в ногаеведении является малоизученным объектом.

---

1. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 15, д. 39, л. 28.

2. Крымские татары: Каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; Сост.: Э. Г. Тарчинская, Е. Б. Кочетова. – Л., 1989.– С. 6.

3. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 993, л. 7.
4. Там же.
5. Там же, л. 8.
6. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 115, л. 2; Куфтин Б. А. Южнобережные татары Крыма // Крым. – 1925.– № 1.– С. 22-31.
7. Куфтин Б. А. Задачи и методы полевой этнологии: Тез. докл. // Этнография. – 1929.– № 2 (Кн. 8). – С. 125-129.
8. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д.9.
9. Там же, д. 57, л. 1-3.
10. Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова //Мемуары / Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Этнографический отдел. – М., 1925. Вып. 1. – С. 1-58.
11. МАЭ, ф. 12, оп.1, д. 24,
12. Там же, л.108.
13. Там же, д. 10.
14. Там же, д. 11.

СЫЗРАНОВ А. В.

Астраханский государственный университет
г. Астрахань, Россия

МУСУЛЬМАНСКАЯ И НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ АСТРАХАНСКИХ КАРАГАШЕЙ (НОГАЕВ)

Астраханские ногайцы-карагаши издревле придерживаются ислама суннитского толка ханафитского мазхаба. Предки ногайцев были исламизированы ещё в эпоху Золотой Орды. Однако, наряду с прочными позициями «нормативного», «официального» ислама, у ногайцев-карагашей Астраханской области по сей день сохранился широкий круг представлений и обычаев, восходящих своими корнями или тесно переплетенных с доисламскими традициями, которые подверглись влиянию ислама. Это явление получило в исламоведческой литературе название «народный» ислам, под которым понимается синкретичный комплекс исламских и доисламских религиозных представлений [4, с. 6; 10, с. 109; 8, с. 3; 15, с. 3; 21, с. 69]. Это, прежде всего, исламизированное шаманство, культ предков, анимистические верования.

Впервые подробный анализ «народно-мусульманских» верований карагашей конца XIX в. впервые мы находим в работе этнографа В.А. Мошкова. Так, в частности, он сообщает сведения об анимистических персонажах ногайцев (*шайтанах*, *албаслы*, домовых, леших – *тирэк-шайтанах*), традициях мужского и женского шаманства [14, с. С. 25, 27-28, 31-32]. В.А. Мошков приводит интересное описание сеанса шаманского лечения, и, хотя он рассказывает о казахском шамане (*бахсы*), лечившем ногайца, подразумевается, что так же лечили и ногайцы-*бахсы* [14, с. 31]. О ногайских шаманках-*баксы* в конце 1920-х гг., рассказывает этнограф В.Д. Пятницкий. Пятницкий также приводит сведения об анимистических персонажах: демонах *шайтанах* и *албасты*, домовом – *джурт иеси*, духе воды – *су анасы* и др. [22, с. 160-161].

Для астраханских ногайцев-карагашей и по сей день характерна вера в существование различных демонологических существ: *шайтанов*, *джиннов*, длинногрудую *албаслы*, многоголового змея *аждаха*, прекрасных *пери* и др. [20].

Духов ногайской мифологии можно, более или менее определённо, поделить на три категории: духи-покровители (*аулья/аульялар*, *арвахи/арвахлар*), духи-демоны (*шайтаны*, *джинны/жины*, *албасты/албаслы*, *аждаха*, *пери*), духи-хозяева различных мест (*су иясе*, *уьй иясе*, *урман иясе*, *джер иясе*). Основное различие между тремя категориями духов лежит в представлениях о различном характере взаимоотношений между ними и человеком. Духи первой категории по своей природе не только не враждебны человеку, но, в основном, покровительствуют ему, хотя иногда они могут наказывать людей за совершение неблаговидных (с т.зр. этих духов) проступков либо принуждая таким образом исполнять их желания. Ко

второй категории относятся злые духи, демоны, враждебные людям по самой своей природе. Считается, что независимо от поведения человека они, улучив момент, принесут ему вред – болезнь или смерть. Духи-демоны никогда не покровительствуют человеку, а если временами и оказывают ему помощь (иногда даже трудятся на него), то только будучи принуждёнными к этому силой. Третья категория представлена духами-хозяевами различных мест, которых обобщённо можно назвать *иясе* (тюрк. «дух-хозяин»). Вера в *иясе* восходит к мифологии древних тюрков. Духи *иясе* связываются с определёнными элементами природы и жилищем человека. Под воздействием ислама *иясе* превратились в злых духов. Однако, по своей природе эти духи занимают промежуточное положение между духами двух первых категорий и могут как навредить человеку и даже иногда принести ему смерть, так и помочь ему по своей воле. Поэтому люди, с одной стороны, опасаются духов-хозяев, а с другой – стремятся умилостивить их и приносят жертвы (правда, не всем). Таким образом, основное различие между тремя категориями духов лежит в представлениях о различном характере взаимоотношений между ними и человеком.

Наиболее распространённым демоническим образом у ногайцев-карагашей является *шайтан*. *Шайтанами* обобщённо именуются все злые духи. В собственно арабо-мусульманской мифологии *шайтан* – одно из имён дьявола, а также одна из категорий *джиннов*. Слово «шайтан» родственно библейскому термину «сатана». По представлениям мусульман, каждого человека сопровождают ангел и *шайтан,* побуждающие его соответственно к добрым и нечестивым поступкам. *Шайтаны* могут являться в человеческом обличье, иногда имеют имена [17].

В.Д. Пятницкий сообщает: «Из существ, враждебных человеку, на первом месте стоит шайтан. Против козней шайтана помогают тумары (араб. *тумар* - «лист», «грамота», «письмо», «кусок папирусного свитка». – А.С.) – амулеты в виде карманов, нашиваемые на платье со вложенными в них молитвами. Одинаковую силу с тумарами имеют перья филина. Впрочем, последние действительны только относительны ребят» [22, с. 160]. У тех же карагашей в конце XIX в. В.А. Мошковым была записана интересная легенда о *шайтане* Тажале: «Где-то далеко на западе, на конце земли, есть высокие горы Гафдаһа, за которыми кончается мир и начинается царство шайтанов. Один из шайтанов по имени Тажаль задумал ещё в детстве завоевать человеческий мир. Отец Тажаля стал возражать ему, за что и был убит сыном. За это великое преступление Бог велел приковать Тажаля к тому месту, на котором он родился. С тех пор Тажаль сидит на цепи и роет гору, отделяющую его от нашего мира. Целый день он роется, затем засыпает, а на утро гора опять такая же как была. Но он не унывает и продолжает работу... Ему всё хочется увидеть этот мир, и когда он увидит, то свет кончится. Старики говорят, что когда это и случится» [14, с. 26-27]. Образ Тажаля явно восходит к Даджжалу (араб. «обманщик») – искусителю людей в мусульманской мифологии, который должен появиться перед концом света. Типологически и функционально Даджжал соответствует антихристу в христианской мифологии [18].

Шайтанов огромное количество. Во главе их стоит Иблис-дьявол. *Шайтаны,* по мнению туркмен, обитают в нечистых местах: в туалетах, кучах навоза, на мусорках, скотобойнях (где много крови) и т.п. Особенно опасными *шайтаны* бывают во время сумерек, при закате солнца. Детей в это время обычно не выпускают на улицу или заводят домой. Также нежелательно ложиться спать в эти часы. Их основное занятие – вредить людям. Шайтаны могут принимать любое обличье, например собаки или коровы. Если человек увидит *шайтана*, то может заболеть. Повсеместно самым эффективным средством против козней демонических существ вообще и *шайтанов* в частности считается чтение Корана (особенно 36-ой суры «Йа син») и ношение амулетов, именуемых *дога* (или *догалык;* от араб. *дуа* – «призыв», «молитва») - кожаных прямоугольных или треугольных мешочков с зашитой внутри молитвой из Корана. Кроме того, по мнению старожилов, *шайтаны* боятся острых железных предметов (например, ножа или ножниц [20].

Не менее распространённым персонажем является демон, именуемый *джинн/жин*, который был явно заимствован тюрками из арабо-мусульманской мифологии. В Аравии *джинны* были известны ещё в доисламскую эпоху (*джахилийа*) как неперсонифицированные божества, которых считали родственными Аллаху (Коран, 37: 158) и ставили рядом с ним (Коран, 6: 100); *джиннам* приносили жертвы, к ним обращались за помощью (Коран, 72: 6). Согласно мусульманской традиции, *джинны* созданы Аллахом из бездымного огня и

представляют собой воздушные или огненные существа, обладающие разумом. Они могут принимать любую форму. Есть *джинны*-мусульмане, но большинство *джиннов* составляют воинство Иблиса [19]. Духи *жин* в представлениях карагашей близки *шайтанам*. Они вредят людям, вызывая у них различные болезни и психические расстройства. Если увидишь *джинна*, то можешь тяжело заболеть.

Большое место в анимистических верованиях карагашей занимают поверья об *албасты/албаслы*. *Албасты* – злой демон, связанный с водной стихией; известен широкому кругу тюркских, иранских, монгольских и кавказских народов. Из работ В.А. Мошкова и В.Д. Пятницкого нам известно как представляли себе *албасты* астраханские ногайцы в конце XIX - первой половине XX вв. Так, В.А. Мошков сообщает: «Ногайцы Астраханские верят в существование водяного духа, которого они называют албаслы. Дух этот бывает обоих полов и плодится. Кроме воды, главного его местопребывания, он водится ещё в старых банях, в мельницах и на старых кладбищах. Видом он похож на человека, но у него нет носовых костей, а только одна ноздря. Тело его покрыто очень мягкой шерстью вроде пуха, а ноги обращены ступнями назад. Если его ухватить за волосы и привести домой, то он делается совсем как обыкновенный человек. У албаслы – необыкновенного размера груди, которые висят до земли и мешают ему бегать. Если человек застанет его в тот момент, когда груди у него впереди, то его легко догнать, если же он успеет груди перекинуть на спину, то тогда его нельзя догнать даже на лошади. Албаслы вредит человеку во первых тем, что стаскивает его в воду и топит, во вторых старается у беременной женщины, когда она родит, вынуть душу, что ему иногда и удаётся» [14, с. 27-28]. А вот что пишет об *албасты* В.Д. Пятницкий: «Женщинам особо вредит – албасты – существо женского же пола. Смертный исход во время родов – дело рук албасты. Водится в песках... Видеть её можно в полдень. Ростом в один аршин, ноги в один вершок. Безобразно отвисшая грудь при бегстве забрасывается за спину через плечи. Ходит пятками вперёд, ступнями назад» [22, с. 160].

Корме того, оба исследователя приводят рассказы о случаях подчинения *албасты* человеком. В случае, описанном В.А. Мошковым, один «знающий опытный человек» поймал демона, избил его гашником – ремнём от штанов (при этом исследователь отмечает, что *албасты* нужно бить только гашником) и вырвал два волоса из её головы, положив их в Коран. Тем самым этот человек приобрёл власть над *албасты*, и она около года вынуждена была работать на него, пока малолетний сын человека по незнанию не освободил демона, отдав ему те два волоса [14, с. 28]. В.Д. Пятницкий сообщает о неком Мурзали Салихове, который в молодости также поймал *албасты* и избил её поясом-гашником. «Та дала слово никогда не вредить его родственникам. Обещание выполняла честно. Больше того, если семья, в которой ожидается прибавление семейства, одолжится у старика Салихова чаплашкой, роды в таком случае проходят весьма благополучно» [22, с. 160-161].

Современные ногайцы-карагаши Красноярского района Астраханской области считают, что *албаслы* может принимать облик человека, лошади, верблюда, выглядеть как огонёк, но чаще она является в образе старой уродливой женщины с длинными волосами и такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. У неё вывороченные ступни или копыта на ногах. При передвижении *албаслы* может развивать необычайную скорость. Живёт демон в степи, в старых заброшенных домах, в лесу. *Албаслы* может «путать» человека в дороге, наслать на него болезнь. Особенно она вредит женщинам; стоит женщине увидеть духа, как она тут же может заболеть [20].

Ещё один злой дух в традиционной демонологии карагашей – *айдахар*. Он представляется как чудовищный змей, дракон, «главный среди змей». Демон может иметь несколько голов. *Айдахар* живёт на кладбищах. Поэтому, приходя на кладбище, необходимо молится, чтобы демон не появился. От него можно спрятаться под семью котлами-казанами. С *айдахарами* в древности сражались герои-батыры [20].

Образ *айдахара/аждахар*а распространён в мифологии многих тюркоязычных и ираноязычных народов Малой Азии, Центральной Азии, Северного Кавказа, Поволжья и Западной Сибири. Он восходит к персонажу иранской мифологии Ажи-Дахака. В зороастрийской «Авесте» Ажи-Дахака – трёхглавый дракон, один из сильнейших демонов. Он

был побеждён божеством Траэтаоной, закован в цепи и подвешен в вулканическом жерле священной горы Демавенд. Перед концом света Ажи-Дахака вырвется на волю и воцарится в мире на короткий срок [12].

С иранской мифологией и «Авестой» связано происхождение и другого демонического образа – *пери* [13]. Представления о духах *пери* у карагашей в настоящее время весьма скудны и находятся на стадии исчезновения. Известно, что *пери* – это злые духи, имеющие много общего с *шайтанами*. Они могут так заколдовать человека, что он становится «бешенным», психически нездоровым, теряет память. Среди *пери* есть и мужчины и женщины. *Пери* «кружат голову» человеку, парализуют его [20].

Образ *пери* находит аналогии в верованиях народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Поволжья, испытавших влияние иранской традиции. У большинства народов Центральной Азии *пари* – одни из главных духов-помощников шаманов. Даже одно из наименований шамана – *порхан/парихон* содержит в себе слово «*пари*» и означает буквально «отчитывающий *пари*». Широко распространены поверья о том, что духи *пари* могут вступать в сексуальную связь с людьми [3, с. 45; 13, с. 429].

Карагашам известны также злые духи *жалмауз/жалмауыз* и *убыр*. Про *жалмауза* говорят, что это очень прожорливый демон-людоед. В.Д. Пятницкий пишет: «Слово джалмауз, как глубоко обидное, фигурирует в ссорах и применяется к лицам, у которых подряд мрут дети» [22, с. 161]. Сегодня слово «*жалмауз*» может употребляться как синоним слов «жадный», «прожорливый».

Жалмауз - чисто тюркский персонаж. Так, у казахов есть демон *желмауыз кемпир* – старуха-людоедка, которая похищает и пожирает детей. Таков и киргизский демон *желмогуз кемпир*. Аналогичные персонажи известны казанским татарам (*ялмавыз карчык*), уйгурам и башкирам (*ялмауз/ялмауыз*), узбекам (*ялмовиз кампир*) [1]. Вопрос о происхождении этого образа сложный. Есть мнение о том, что образ *жалмауз*а восходит к древнему культу богини-матери [1]. Это предположение подтверждается карагашским материалом. По их представлениям *жалмауз* связан с Луной. Так, В.А. Мошков сообщает, что, по представлениям карагашей, солнце и луна есть большие полые шары, «внутри которых сидят две старушки, в солнце – Джилмаузкарт, а в месяце – Джилмауз. Они объезжают весь мир: одна днём, другая ночью, и смотрят, что делается на земле» [14, с. 24]. Луна у многих народов являлась небесным символом богини-матери [см., напр.: 11, с. 7]. При исламизации благодетельная богиня, видимо, превратилась в злую старуху-людоедку.

О демоническом персонаже *убыр* (обыр) нам удалось выяснить крайне мало; большинство информантов отождествляют его с *шайтан*ом.

В третью категорию духов-хозяев определённых мест входят: *су иясе, идэн иясе, урман иясе, джер иясе. Идэн иясе* – дух-хозяин дома, домовой [5]. Его другое название *йорт/джурт иясе* – «хозяин двора». По мнению карагашей, *идэн иясе* невидим, а когда показывается людям, то выглядит как карлик или великан. В целом, домовой считается полезным духом, он «смотрит дом», охраняет его, следит за порядком в доме. Однако если его побеспокоить, вызвать у него недовольство, то он станет буйствовать: стучать, вообще производить всякий шум, двигать предметы. Принято подкармливать домового. Для этого на печку или шкаф ему оставляют немного еды (хлеб, соль, чай). Домового, по их мнению, нельзя обижать и ругать. Он, в отличие от *шайтанов*, не боится Корана и не покидает дом, когда его читают. Существует обычай при переезде в новый дом приглашать домового переехать вместе с людьми [20].

О том, как представляли себе домового в прошлом ногайцы-карагаши, есть сведения у В.А. Мошкова и В.Д. Пятницкого. По мнению В.А. Мошкова, сами представления о духе-хозяине дома были заимствованы карагашами у русских. «Они (карагаши. – А.С.) думают, - пишет исследователь, - что домовой живёт в щелях дома, а когда выходит оттуда, то из маленького делается большим. Он давит иногда человека во сне, но если его ударить рукой на отмашь, то он отойдёт и больше душить не будет» [14, с. 29]. В.Д. Пятницкий сообщает о домовом следующее: «В противоположность шайтану и албасты, джурт иеси – домовой

– благожелательно настроен к человеку. Бывает, вор подойдёт к стаду, глядь, а хозяин тут как тут. На самом же деле, хозяин спит себе дома, а это домовой, принявший его образ. По-видимому, дух этот склонен к осёдлости. Переселяясь на новое место, карагач на покидаемом пепелище должен оставить что-либо для домового. Чаще всего, знаком внимания бывает кол с торчащим на нём истоптанным валенком». Далее В.Д. Пятницкий, в отличие от В.А. Мошкова, отмечает, что домовому не свойственно душить по ночам спящих [22, с. 161].

Су иясе / су анасы – дух-хозяин воды. Имеет антропоморфный облик и бывает обоих полов, но чаще всего представляется в образе женщины с длинными волосами. Считается, что *су иясе* живёт на дне глубоких рек и озёр. Дух может схватить за ноги неосторожных купальщиков и утопить. Однако, по мнению ногайцев-карагашей, духи-хозяева воды иногда помогают людям (например, при ловле рыбы). Образ *су иясе* известен казанским татарам и татарам-мишарям Среднего Поволжья и Приуралья, сибирским татарам, кумыкам, карачаевцам и др. [6; 7; 9, с. 182-183; 16, с. 187; 24, с. 360].

Урман-иясе (или ранее – *тирэк-шайтан*) – дух-хозяин леса, леший. Леший «путает» человека в лесу, т.е. сбивает его с пути, заманивает в чащу, может защекотать до смерти. Карагаши считают, что *урман иясе* выглядит как зелёный или красный свет. По материалам В.А. Мошкова, «Астраханские ногайцы (карагаши. – А.С.) называют лесного духа – тирэк-шайтан, а Оренбургские ногайцы – Шур-али. Первые говорят, что он является в разных видах: то человеком, то собакой, то просто огнём. Один Красноярский ногаец видел его раз ночью в виде огненной полосы, гнавшейся за ним. Полоса эта обратилась потом во что-то круглое, чёрное и катилось по его следам, пока он не доскакал до реки... Оренбургские ногайцы верят, что шур-али могут защекотать человека до смерти» [14, с. 30].

У ногайцев-карагашей сохранились также представления о *джер иясе* – духе-хозяине земли в образе змеи. Интересно, что у турок аналогичный персонаж *тарла-бекчиси* - дух-хранитель поля - также имеет облик змеи [2].

В целом, демонологические представления астраханских карашашей в XIX-XX вв. постоянно эволюционировали, причём это эволюционное развитие было направлено в сторону «ортодоксального» ислама. Многие образы всё более упрощались, утрачивали свою персональную специфичность и наиболее древние, доисламские черты и нивелировались под обобщённым названием «*шайтан*». Интересно также отметить, что некоторые демонологические персонажи (*пери, аждаха*) по своему происхождению связаны с иранской мифологией. Этот факт объясняется древними этнокультурными контактами предков современных тюрков с ираноязычным населением евразийских степей.

---

1. Басилов В. Н. Жалмауыз кемпир // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 214.
2. Басилов В. Н. Жир иясе // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 215.
3. Басилов В. Н. Избранники духов. - М.: Политиздат, 1984. - 208 с.
4. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. - М.: «Мысль», 1970. - 144 с.
5. Басилов В. Н. Ой иясе // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 413.
6. Басилов В. Н. Су анасы // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 514
7. Басилов В. Н. Су иясе // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 515
8. Басилов В. Н., Снесарев Г. П. Введение // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1986. - С. 3-5.
9. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань : Татарское книжное издательство, 1993. - 208 с.
10. Гольдциер И. Культ святых в исламе (Мухаммеденские эскизы). - М.: ОГИЗ, 1938. – 180 с.
11. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. - М.: Прогресс, 1992. – 624 с.
12. Лелеков Л. А. Ажи-Дахака // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 24.
13. Литвинский Б. А., Басилов В.Н. Пари // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 428-429.
14. Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского

края. Мелодии ногайских и оренбургских татар // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. - Казань, 1894. - Т. XII. - Вып. 1. – С. 1-67.
15. Мустафина Р. М. Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX – XX вв.). - Алма-Ата: «Казак университетi», 1992. - 176 с.
16. Мухаммедова Р. Г. Татары-мишари. - М. : Наука, 1972. - 247 с.
17. Пиотровский М. П. Шайтан // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 618.
18. Пиотровский М. П. Даджал // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 169.
19. Пиотровский М. П. Джинн // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. - М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 185-186.
20. Полевые материалы автора.
21. Поляков С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. - М.: «Знание», 1989. - 112 с.
22. Пятницкий, В. Д. Карагачи (По материалам поездки в 1927 г.) / В. Д. Пятницкий // Землеведение. Географический журнал им. Д. Н. Анучина. - Т. 32. - Вып. 3-4. - М., 1930. - С. 155-170.
23. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М.: «Наука», 1969. - 336 с.
24. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. - М.: «Наука», 1967. - 540 с.

ЧЕРКЕСОВА А. А.

Ростовская государственная консерватория (академия) им. С. В. Рахманинова
г. Ростов-на-Дону, Россия

ОБРЯДЫ НОГАЙЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ РЕБЕНКА
(по материалам полевых исследований автора в 2008-2014 гг.)

Настоящая статья посвящена обрядам ногайцев, отправляемым в преддверие и по случаю рождения, а также в связи с выхаживанием ребенка. Материалом послужили полевые исследования, выполненные автором в 2008–2014 гг. [1]. Родильный обрядовый комплекс ногайцев реконструирован по сведениям информантов в том виде, в каком он существовали у карагашей, кубанских, кумских и степных ногайцев вплоть до второй половины XX века. Большинство информантов выросло в многодетных семьях, сохранявших традиционный семейный быт. Их рассказы содержат не только впечатления детских лет и опыт собственного материнства, но и знания об этой стороне жизни предыдущих поколений [2, с. 501].

У всех народов потребности в репродуктивности населения требовавшего внимательного и бережного отношения к рождению, сохранению и воспитанию нового поколения. Создаваемая веками практика родовспоможения, ухода за ребенком и роженицей, включающая рациональные и религиозно-магические акты, имеющие этническую (или социально-этническую) специфику, обусловленную как объективной необходимостью приспособления и выживания в определенной среде обитания, так и религиозными воззрениями данного общества [2, с. 500].

Действия, направленные на обеспечение деторождения выполнялись в свадебном ритуале (осыпание молодой зерном) и пожелания многодетности. Отсутствие детей воспринималось как большое горе. Чтобы избавиться от бесплодия женщины обращались к знахаркам («*яракшы*»). Бездетные супруги нередко прибегали к усыновлению ребенка из родственных семей.

Существовала система запретов и предписаний во время беременности, предотвращающих негативные воздействия. По отношению к беременным женщинам употреблялись иносказания: «*аягы авыр*» (нога тяжелая), «шекли» (при небольшом сроке беременности). Беременная женщина освобождалась от тяжелой работы, а любая ее просьба выполнялась, так как отказ мог плохо отразиться на судьбе отказавшего человека. Дородовые запреты и рекомендации беременным женщинам основаны, главным образом, на магии подобия. Запрещалось смотреть на больных людей и на животных, особенно на кроликов (боялись,

что ребенок может родиться с заячьей губой), бить животных (опасались, что ребенок родится с большим родимым пятном на лице). Беременной женщине запрещалось посещать поминки и переходить путь покойнику. Перед родами для их облегчения женщины просили прощения у домочадцев: обидевшей свекровь, давали выпить воды, в которой та прошла предмолитвенное омовение [3].

Рождение мальчика в ногайских семьях было более желанным («*Эр – юрттын иеси*» «Мужчина – хозяин юрта»). Пол будущего ребенка определяли по внешнему виду беременной (по форме живота, пятнам на лице), а также предпочтениям в еде.

В селах, отдаленных от районных центров и города, вплоть до 1970-гг. роды могли проходить дома. Принимала их обычно повитуха («*эбия*»), ей помогали две-три близкие родственницы или соседки. Повивание детей можно рассматривать как профессиональное ремесло, так как за свой труд повитуха обязательно получала вознаграждение.

На время родов все домочадцы обычно покидали дом («*тасаланган*» – скрылся) [3]. Как правило, роды проходили в жилом помещении на полу, устланном мягким сеном, соломой, войлоком. Женщина во время родов принимала положение полусидя (на корточках), чтобы ребенок без травм мог «приземлиться» на сено [3, 4, 5]. Известно, что в некоторых селенияхженщины во время схваток тянули за узду, подвешенную к потолку [6]. К родам следовало определенным образом подготовиться, так как даже для женщин, рожавших не первый раз, они были опасны. Помимо физиологической природы родов, рождение человека имело и мистическое содержание. Если женщина долго не могла родить, прибегали как к рациональным, так и иррациональным способам: для вызывания потуг роженице делали массаж живота; для сокращения мышц живота искусственно вызывали рвоту – щекотали нёбо волосом Маржан-анай (мать Маржан). По представлениям ногайцев, появлению на свет ребенка могли препятствовать и злой дух (шайтан), которого отгоняла родственница роженицы, обходя дом и издавая шум при помощи песта от ступки («*келисап*»). В критических случаях повитухи прибегали к помощи посредством руки Маржан-анай, которую помещали в таз с водой. Раскрытие руки означало благополучный исход родов. После пития роженицей воды из таза ребенок рождался [5]. При благополучных родах принято говорить «*аман эсен яны калган*» («благополучно душа осталась»).

Благополучные роды во многом зависели от навыков повивальной бабки. Помимо принятия ребенка, она выполняла над ним и первые послеродовые процедуры, сопровождая их необходимыми действиями. Это были: *перерезание пуповины, действия с последом, обмывание ребенка и роженицы.* Пуповину перевязывали нитью и перерезали специальным ножом («*киндик кесуьв*»). Для ребенка повитуха становилась матерью, перерезавшей пуповину («*киндик кескен ана*») [3]. Через несколько дней пуповина отпадала и в зависимости от пола ребенка и принятых в той или иной группе ногайцев традиций выполнялись разные действия: пуповину девочки хранили в сундуке [3], мальчика – закапывали на развилке дорог или по истечении сорока дней привязывали к гриве лошади [5]. У ногайцев есть даже имена, связанные с пуповиной. Мальчиков, рожденных с крепкой пуповиной, нарекали Баубек, Бегендик (бек киндик) [7] . В народе бытует выражение, связанное с родиной: «*Бу меним киндигим кесилген ерим*» («Это земля, где перерезана была моя пуповина»). Рожденных от одной матери называют «*киндиклери бир*», что означает – пуповины едины [8, с. 39].

После выхода последа повитуха сразу же приступала к совершению всех необходимых процедур. У ногайцев, как и у многих других народов, существовало представление о том, что через послед, как и через пуповину, можно нанести вред ребенку и роженице. Даже неумышленное уничтожение его могло оказать пагубное воздействие. Поэтому зарыть послед повитуха должна была так, чтобы ни человек, ни какое-либо животное не могли добраться до него [3]. Традиционно повитуха закапывала послед во дворе или в углу комнаты, в которой был рожден ребенок [3]. Это было возможно, так как до конца XX в. во многих ногайских домах были земляные полы. При захоронении произносила молитву-благопожелание: «*Аллагув тала сосы тувган янды ериннен, Элиннен тентиретпесин, юз йыл яшап оьлсе де еринде, мине муна киндиги коьмилген еринде ятсын*» = «Аллах Всевышний! Эту рожденную душу от земли, от страны пусть не разделит, сто лет пусть живет на своей земле, где вот эта пуповина захоронена пусть упокоится» [8, с. 39]. Верят, что отправление

этого обряда способствует также усилению связи человека с родной землей. Отдельная молитва существовала для детей, «рожденных в рубашке» (*«куьби мен тувган бала»*). Ногайцы верят, что у этих детей счастливая судьба, и что их просьбы, молитвы доходят до Всевышнего быстрее [3].

После захоронения последа проводили обмывание (*«ювындырув»*). Тело новорожденного считали сырым (*«ший этли»*) и чтобы оно поскорее «затвердело» младенца в течение первых сорока дней жизни купали в подсоленной воде [9]. Первая забота повитух при рождении определить, все ли в порядке у новорожденного и по возможности постараться исправить недостатки. Повитуха легкими движениями поглаживала голову новорожденного, чтобы она стала круглее, поправляла ему руки, ноги и т. д. Искупаться роженице помогали родственницы или соседка. Повитуха туго завязывала на роженице пояс [4]. Воду выливали в яму, ждали пока она уйдет в почву, затем засыпали землей.

С верой в магическую силу вещей родных был связан широко распространенный у ногайцев, обычай надевать новорожденному рубашку *«ийт коьйлек»* («собачья рубашка»), сшитую из нательной рубахи свекра либо почтенного старца, чтобы новорожденный также долго жил [5, 10, 11]. Таким путем устанавливали магическую связь между ребенком и дедом.

Послеродовой период также характеризовался комплексом запретов. Первую неделю после родов женщине были противопоказаны физические нагрузки, поэтому работу по дому выполняли родственницы или соседки. До сорокового дня после родов женщина не могла совершать молитву (намаз), это было связано с ее «нечистотой» [3].

Отправление большинства родильных обрядов доверялось родственникам или соседям, что весьма типично для рассматриваемого цикла. Огромное значение придавали выбору людей осуществляющих обряды. Выбирали и приглашали людей добрых, здоровых из благополучных семей, работящих, спокойных, имеющих детей. Существовало ограничение на участие в обрядах родителей ребенка. Считалось неэтичным кормить, ласкать и ругать детей на людях, тем более при старших родственниках.

Согласно обычаю, новорожденного первый раз кормила родственница или соседка (*«авызландырув»* – дать в первый раз грудь новорожденному). Кормить ребенка следовало правой грудью. Ногайцы верят, что через молоко новорожденному передаются физические и душевные качества кормящей женщины. Кормилицу называли *«авызландырган ана»* («мать, давшая грудь»), а ее ребенка и новорожденного *«суьтлес»* («молочные родные»). Они считались родными и не могли вступать в брак. Для того чтобы их молочное родство в будущем не стало препятствием при заключении брака, важно было чтобы ребенок кормилицы был того же пола, что и новорожденный. В случае, если рождался мальчик и не находилось кормилицы среди родственников, то искали женщину у которой есть сын [12].

Накормив, ребенка укладывали в люльку (*«ел бесик»*), представлявшую собой деревянный короб с тканевым или войлочным дном, прикрепленную обычно к узде, за которую во время родов держалась женщина. Люльку подвешивали к балке [6], а позднее на потолочном крюке. В ней ребенок находился до заживления пуповины. Для того чтобы шея ребенка быстро окрепла роженицу кормили шейкой барана [11] или курицы [3, 14] и соответствующим бульоном с лапшой (*«ногай лакса»*). Кости куриной шейки оставляли сушиться, затем обернув в белый кусок ткани, хранили в сундуке [15], а бараньей – на крючке подвешивали к потолку в сарае [13]. Родственники и соседи, приходившие проведать роженицу в другие дни, также приносили бульон с лапшой [4]. Ногайцы считали, что мучная еда способствует быстрому заживлению ран и восстановлению сил, поэтому роженицу кормили клецками, приготовленными повитухой [5].

По обычаю первый раз стричь ногти (*«тырнак кесуьв»*) младенца могла только незамужняя девушка. Принято было приглашать девушку добрую, трудолюбивую из благополучной семьи (*«буьтин»*), чтобы у нее были живы родители. Постриженные ногти обычно заворачивали в белый платочек и хранили в сундуке [15].

Ногайцы старались в первую же неделю дать младенцу имя и определить его собственное место в доме (колыбель). Наречению имени придавалось большое значение, так

как имя вводит родившееся существо в человеческое сообщество, «очеловечивает его» [16, с. 34]. Правом наречения имени (*«ат атав»*) обладали старшие члены семьи (мужского пола) по отцу, но не отец ребенка. Чаще всего, младенца называл дед по отцовской линии, или старейшина рода. Имена давали, в основном, арабского или ногайского происхождения. Мужские ногайские имена часто обозначали событие, совпадавшее с рождением ребенка, например, если семья давно ждала сына: Кудайберды (Бог дал), Мурат (мечта), Савкат (подарок), Сагындык (заждались), если ребенок родился в пути – Сепер (дорога), если в месяц Рамадан – мальчика называли Рамазан; если в праздник Курбан-Байрам – нарекают Курман, Курманбий. Рожденному на новолуние давали имя Айтувган (луна родилась). Распространенные ногайские мужские имена: Ахлау, Тенгиз (море), Батыр (богатырь), Огырлы, Коьккоьз (голубоглазый), Крым, Янбек (душа), Темиржан (железная душа), Аскербий (воин), Айтек (луна), Айбар (луна есть), Ораз; женские имена: Айгуьл (лунный цветок), Айнара (лунная), Алтынай (золотая луна), Юлдыз (звезда), Шолпан (Венера), Маржан (коралл), Гуьлшахар, Гуьлназар, Гуьлсим [17, с. 171]. При частых болезнях имя ребенка могло заменяться другим.

Родители, отца ребенка, в определенный день приглашали родственников и соседей. В комнату, где находились гости, бабушка или тетя (также по отцовской линии) вносили младенца, обернутого тканью белого цвета. Это мог быть белый платок (*«казбалы»*) или одеяло. Дед, прочитав специальную молитву (*«азан шалув»*), правой рукой брал младенца и произносил его имя три раза поочередно на каждое ухо. В наши дни для этого приглашают священнослужителя – эфенди, которому после совершения обряда делают подарок. Родители ребенка не могли участвовать в обрядах в присутствии взрослых, также считалось нежелательным на людях звать своих детей по именам. Мать давала детям свои имена. Мать старшего ребенка обычно называла – *«уьйкен бала»*, а младшего – *«кишкей бала»*, *«кенжепай»* [3, 5, 10].

Обряд, посвященный первому укладыванию в колыбель (*«бесикке салув»*), проводили через несколько дней после заживления пуповины (на четвертый–пятый день). До этого времени ребенок находился в люльке «ел бесик», временном месте. По традиции мать роженицы дарила деревянную колыбель – азиатско-кавказского типа с дугообразными ножками (*«бесик»*), матрас (*«тоьсек»*), подушку (*«ястык»*), одеяло (*«яюв»*) и пеленки (*«яялык»* – общая, большая пеленка, *«боьлемиш»* – маленькая пеленка). Матрас и подушку набивали шелухой проса [3]. Колыбель изготовлялась из разных пород дерева. Ногайцы верят в магические свойства боярышника (оберег от сглаза и шайтана), стараются хоть одну деталь колыбели сделать именно из него. Также ребенку надевают на шею ниточку с бусинкой из боярышника [4]. Колыбель была устроена так, что позволяла оставаться ребенку сухим. С целью сохранения чистоты в отверстие на дне колыбели и матраса вставляли трубку из берцовой кости барана (*«симек»*) и использовали клеенку *«туьбек»*. Во избежание появления ранок на коже ребенка, кость оборачивали белым платочком, оставляя открытым отверстие. Применение *«симек»* и *«туьбек»* было достаточно гигиеничным. Трубка (*«симек»*) для девочек и мальчиков отличалось формой отверстия. В день мать брала ребенка на руки не более четырех раз (*«аркасын сувытпага»*) [12, 14]. В основном, ухаживали и воспитывали детей бабушки, так как у них больше опыта (*«Баладынъ баласы – балдан татли»*, что означает «Внук слаще меда»). Это связано еще и с загруженностью матери домашней работой.

По случаю первого укладывания в колыбель свекровь роженицы приглашала близких родственниц и соседок. По обычаю укладывала ребенка в колыбель уважаемая женщина – родственница роженицы. Женщина надевала младенцу рубашку; при пеленании использовала две пеленки (*«боьлемиш»*): одной до пояса, другой от пояса (чтобы можно было приложить трубку «симек»). Взяв младенца на руки, она становилась с правой стороны колыбели (левая сторона считалась «нечистой»), трижды укладывала его ногами к подушке и спрашивала у присутствующих: *«Онъма, солма?»* («Справа? Слева?»). На ее вопросы другие женщины должны были ответить неверно. Это делалось, чтобы «запутать шайтана»

[5, 12, 14]. Уложив ребенка в колыбель, его накрывали большой пеленкой (*«яялык»*). Для того чтобы ребенок лежал прямо и не упал его привязывали двумя широкими лямками *«тарткы»*. На колени малыша клали маленькую подушку и сверху, натягивая, завязывали лямку. Чтобы ребенок мог дышать свободно, лямку натягивали не сильно. Уложив младенца, женщина исполняла колыбельные песни *«бесик йырлар»* и произносила благопожелания [15]. После этого мать всегда кормила ребенка (правой грудью), поскольку сытый ребенок спит спокойнее и дольше. Чтобы матери было удобно кормить ребенка, возле колыбели всегда стоял низкий табурет. Верили, что если мать не накормит ребенка, то его может накормить шайтан (*«анасы эмгистпесе, шайтан эмгистеди»*) [12]. В качестве оберега от дурного сглаза под подушку клали Коран, дуа – специальные молитвы на арабском языке, записанные на бумаге и вложенные в мешочек, и веточку боярышника. Также оберегами служили острые металлические предметы: нож, ножницы, которые лежали в люльке у изголовья. По обычаю, колыбель после того, как ребенок подрастал, не выбрасывали. Ее тщательно хранили в укромном месте и передавали из поколения в поколение, не передавая посторонним [4].

На сороковой день жизни проводили обряд *«ийт коьйлек»* (собачья рубашка). Рубашку снимали и повязывали на шею собаки, чтобы она унесла с собой всё дурное, что есть в младенце (*«ийт акылын мутсын, деп»*, что в переводе означает «собачий ум, пусть забудет!»). Возможно «дурным» в ребенке считали то, что связывает его с другим (утробным) миром. После обряда гостей угощали чаем и сластями. В этот день ребенка купали подсоленной водой из сорока ковшей [12, 15]. Ногайцы считают, что на сороковой день новорожденный становится нормальным созданием [18, с. 270]. Ребенка, которому больше сорока дней, называют *«кыркынан шыккан бала»* («из сорока вышедший ребенок»). У ногайцев, как и у многих народов, число сорок имеет сакральное значение.

Отмечали также появление первого зуба. Поэтому поводу бабушка готовила ритуальную пищу *«соьк»* и угощала родственников и соседей. *Соьк* готовят из жареного пшена и едят преимущественно с молоком, сметаной. Отведавшие *«соьк»* желали, чтобы у ребенка зубы были крепкими (*«Баланъыздын тиси берк болсын!»)* [19, с. 163].

Члены семьи всегда ждут с нетерпением первых шагов ребенка. И когда малыш начинает самостоятельно вставать на ноги (*«казай турады»*) это вызывает радость у окружающих. Для того чтобы он скорее начал ходить ему проводят обряд перерезания пут (*«тысав кесуьв»*) и говорят такие слова [20]:

Казай турсанъ – каз соярман, Юрип кетсенъ – кой сорман, Ювырып кетсенъ – ат соярман!	Встанешь на ноги – гуся зарежу, Зашагаешь – барана зарежу, Побежишь – лошадь зарежу!

На обряде присутствуют бабушки, тети и соседки. Ноги ребенка связывают путами (*«тысав»*) [21] или символически кладут перед ним веревку [22], а затем разрезают. Важно, чтобы разрезающая путы женщина была здорова и активна.

Первые шаги – событие в жизни человека, получившее у ногайцев обрядовое оформление (*«калакай тыгыртув»* – хлеб прокатить). Когда ребенок начинал самостоятельно делать первые шаги, бабушка (по отцу) пекла небольшой круглый хлеб – *калакай* – и приглашала для проведения обряда *«калакай тыгыртув»* родственниц и соседок. Родственница или соседка катила (как колесо) между ног ребенка калакай и трижды произносила: *«Бисмилляхи рахман и рахим, сондай тыгырлы болсын!* / Во имя Аллаха милостивого и милосердного, таким же быстрым пусть будет!». Бабушка, стоящая на другом конце, поймав хлеб, делила и раздавала куски детям. Гости произносили пожелание: *«Калакайдай тыгырып юр!»* (Как хлеб, катясь, иди!) [19, с. 163, 164].

В возрасте одного года ребенку первый раз сбривали волосы. Проведение обряда *«бас кетеруьв»* поручалось дяде ребенка по матери – *«нагаш акай»*. Первые волосы младенца называют *«карын шаш»* («утробные волосы»). Считается, что если их не сбрить, то у ребенка будет плохой глаз, и его проклятия будут сбываться [5].

Для ногайцев, как и для всех мусульман, обрезание («*бабага олтыртув*») является обязательным актом социализации. Лишь после его проведения имя мальчика становится известным в мусульманской общине. Помимо религиозной инициации, обряд этот также открывает возможность для традиционных занятий: мужчина не прошедший обрезание не имеет права резать скот, что является существенным ограничением для скотовода-ногайца. В день совершения обрезания приглашали родственников и соседей мужчин (присутствие женщин исключалось). По окончании обряда гости поздравляли деда и отца мальчика.

Рассмотренные обряды, зафиксированные у ногайцев, принадлежащих к разным группам этноса, совпадают в основных характеристиках (последовательность обрядовых актов, время, место их проведения и состав участников).

Составляющие элементы обрядов имеют неодинаковую природу и в разной степени испытали влияние ислама.

Осмысление полевого материала позволяет говорить о том, что свойственная ногайскому народу культура материнства и детства являются актуальной частью их жизни и в начале XXI века.

---

1. Полевые записи (далее ПЗ) в аулах Икон-Халк, Эркин-Юрт Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики, в селах Канглы Минераловодского р-на Ставропольского края, Терекли-Мектеб Ногайского р-на, Вышеталовке Тарумовского р-на Республики Дагестан, Лапас Харабалинского р-на Астраханской обл., в г. Астрахани.
2. Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 500–516. – (сер.: Народы и культуры)
3. ПЗ Черкесовой А. А. 3.11.13 в ауле Икон-Халк Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Кумукова (Уракчиева) Клычхан Эреджеповна, 1942 г. р.
4. ПЗ Черкесовой А. А. 18.09.13 в с. Канглы Минераловодского р-на Ставропольского края. Инф. Мустафаева (Ажбекирова) Даурхан Абдуловна, 1936 г. р.
5. ПЗ Черкесовой А. А. 14.08.13 в с. Вышеталовка Тарумовского р-на Республики Дагестан. Инф. Такиева (Зарманбетова) Ису Зекерьяевна, 1983 г. р.
6. ПЗ Черкесовой А. А. 18.09.13 в с. Канглы Минераловодского р-на Ставропольского края. Инф. Мустафаев Измаил Магаметович, 1929 г. р.
7. ПЗ Черкесовой А. А. 13.08.13 в с. Терекли-Мектеб Ногайского р-на Республики Дагестан. Инф. Акманбетов ТахирАжиакаевич,1953 г. р.
8. Капаев С. И. Ногайдынъ уьйи [«Ногайский дом»]. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республ. кн. изд-во, 1995. – 216 с.
9. ПЗ Черкесовой А. А. 3.11.13 в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Кумукова (Джемакулова) Лёля Исмаиловна, 1935 г. р.
10. ПЗ Черкесовой А. А. 3.11.13 в ауле Икон-Халк Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Баисова (Агайгельдиева) Цуца Абдулаевна, 1936 г. р.
11. ПЗ Черкесовой А. А. 9.11.13 в с. Лапас Харабалинского р-на Астраханской обл. Инф. Якупова (Суйналиева) Канибек Арслановна, 1926 г. р.
12. ПЗ Черкесовой А. А. 3.11.13 в ауле Икон-Халк Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Агайгельдиева (Каракаева) Маутхан Исмаиловна, 1928 г. р.
13. ПЗ Черкесовой А. А. 8.11.13 г. Астрахань. Инф. Баубекова (Аймуханова) Гульназ Даутовна, 1955 г. р.
14. ПЗ Черкесовой А. А. 3.11.13 в ауле Икон-Халк Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Кумукова (Хутова) Татугей Султанмуратовна, 1936 г. р.
15. ПЗ Черкесовой А. А. 3.11.13 в ауле Икон-Халк Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Баисова-Туркменова Кельди-хан Хасановна, 1948 г. р.
16. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
17. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1988. – 232 с.
18. Капаев И.С. Ногайские мифы легенды и поверья. – М. : Голос-Пресс, 2012. – 424 с.
19. Гимбатова М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). – Махачкала: Эпоха, 2007. – 344 с.
20. ПЗ Черкесовой А. А. 18.09.13 в с. Канглы Минераловодского р-на Ставропольского края. Инф. Мустафаева (Ажмуратова) Асият Ажмамбетовна 1973 г. р. Перевод А. А. Черкесовой.
21. ПЗ Черкесовой А. А. 8.11.13 г. Астрахань. Инф. Иргалиева (Баубекова) Линара Зайдулловна, 1977 г. р.
22. ПЗ Черкесовой А. А. 14.08.13 в с. Червленные буруны Ногайского р-на Республики Дагестан. Инф. Садыкова (Арчикова) Кульсим Кадыровна, 1937 г. р.
23. ПЗ Черкесовой А. А. 7.03.14 в ауле Эркин-Юрт Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Бекуатова (Тулькуева) Софият Харуновна, 1941 г. р.

ЯРЛЫКАПОВ А. А.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
г. Москва, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ НОГАЙЦЕВ НОГАЙСКОЙ СТЕПИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Процесс оформления особой локальной формы ислама как на территории всего Советского Союза, так и, в частности, в Ногайской степи, включал в себя не только "упрощение" ортодоксальных форм ислама, эволюцию их в сторону простонародных форм бытования. Огромный пласт народных представлений, известный в литературе как "доисламские верования", тоже не был чем-то застывшим. Мало того, его эволюционное развитие было направлено навстречу так называемому "ортодоксальному исламу". Доисламские верования все более упрощались, теряя свои наиболее архаические черты, что в значительной мере означало и потерю прежнего языческого содержания. Многие персонажи доисламских верований уходили в сферу фольклора, т.е. переставали восприниматься людьми всерьез. Сохраняющиеся представления окончательно закреплялись в исламском осмыслении, мало в чем противореча основным текстам этой строго монотеистической религии.

Демонология

Первейшее место среди народных суеверий в советское время продолжала занимать вера в существование духов. Описания духов самые различные, однако прежнего разнообразия их видов уже не встречается. Окончательно в область сказочного фольклора ушли описания встреч с духами и демонами аздаа, деюв, пари, Елмауз и т.д. Сами информаторы подчеркивают, что они существовали в прежние времена, а теперь их уже нет. Все скуднее и расплывчатее становились представления об албаслы. Ногайцы в основном повторяли рассказы, известные еще с прошлого века, но уже никто не сообщал о своей личной встрече с этим демоном. Во всяком случае, мне не удалось встретить ни одного человека, который слышал бы что-либо подобное.

На основе полевых материалов можно утверждать, что в советское время за всеми духами окончательно утвердилось мусульманское наименование *йин* (джинн). Сохранялись представления о духах-хозяевах мест (*ие*), однако путем расспросов удается узнать, что так назывались духи йин, которые облюбовывали эти места. Таковыми могли стать дома, дворы, одинокие деревья и т.п.

К примеру, в селе Уй-Салган (Ногайский район Республики Дагестан) имеется дом, известный как место, имеющее духа-хозяина (*иели ер*). Жившая там ранее семья ладила с ним. Это был маленького роста йин, который часто забавлялся тем, что скакал по вечерам на подушках, прыгал по полу. Новые же хозяева, купившие этот дом, пришлись духу не по нраву. Он скрылся, стал издавать по вечерам разные звуки, совершать различные проделки. Новая семья, так и не прижившись в доме, была вынуждена покинуть его. Впрочем, рассказывают, что духа можно было утихомирить: он прекращал свои проделки, услышав чтение суры "Ихлас" (*кул пуды эситкенде*). Ногайцы считали эту короткую суру одной из самых действенных против духов, ее знал наизусть почти каждый верующий. О силе этой суры ходили легенды. К примеру, ногайцы верили, что если суру "Ихлас" прочесть тысячу раз с истинной верой, то перед чтецом раскроется море и по образовавшемуся проходу можно будет перейти на другой берег. Точно также турки, например, верили, что для достижения какого-либо желания достаточно произнести «определенное число раз какое-либо из избранных ("прекрасных") имен Божиих. Так, если кто желает влюбить в себя девушку, — сорок, пятьдесят тысяч раз взывает: "*Я ведуд*" (О, любвеобильный!)» [Гордлевский 1914, с.44].

Считалось также, что духи, будучи нечистыми существами, страшно боятся даже простого упоминания имени Аллаха. К примеру, мусульманская формула "Бисмилла" (Во имя Аллаха) моментально разрушала все их чары. Это же служило доказательством того,

что человеку встретился дух йин. Рассказывают, что однажды маленькая девочка, идя по дороге, встретила свою сверстницу, которая была одета во все синее. По пути девочка в синем обучила попутчицу игре и детской песенке. В ходе игры последняя споткнулась и непроизвольно произнесла "бисмилла". В тот же миг ее спутница пропала. Так обнаружилось, что это был йин.

Стойко сохранялась вера в то, что духи боятся Корана. Считалось, что духи покидают то помещение, где хранится список Корана. Ногайцы полагали, что слова Корана настолько священны, что духов можно отпугнуть и простым фрагментом из него. Почти каждая семья хранила дома если не полный список Корана, то хотя бы какие-то его отдельные части. Аккуратно сложенные в специально сшитый матерчатый мешочек, они часто подкладывались заботливыми матерями под подушку ребенка для защиты от козней духов.

Не было единообразия в представлениях о внешнем виде духов йин. Наряду с традиционными фиксируются и смешанные образы: зооморфные, зооантропоморфные (с головой птиц или животных) и т.д. Видимо, в этом также отражается процесс превращения духов йин в некий собирательный образ, вобравший в себя характерные черты разных демонологических персонажей народных верований. Получив исламское наименование — йин (джинн), они все же сильно отличались от описанных в Коране джиннов.

Во многих описаниях контактов с духами четко прослеживается момент избранничества. К примеру, в с. Терекли-Мектеб (Ногайский район Республики Дагестан) девушку А. часто посещал дух йин. Все посещения оборачивались для нее страданиями: она испытывала ужас, кричала, а после ухода духа все ее лицо покрывалось красными пятнами. Дух принимал в основном антропоморфный облик (с различными отклонениями в виде трехголовости и т.п.), редко — зооморфный (в виде коровы). Йин проявлял в отношении А. явную ревность. Посторонние мужчины в ее доме не могли ночевать, поскольку дух принимался душить их во сне.

Обеспокоенные посещениями духа, родители А. поехали к известному мулле в соседний Шелковской район Чечни. Путем расспросов тот узнал, что дедушка А. был "сильным муллой", дом которого был полон продуктов даже в голодные годы. Не ускользнуло от его внимания и то обстоятельство, что девушка родилась как раз в тот год, когда умер ее дед. "Этот дух достался ей по наследству, — рассудил мулла, — не бояться его надо, а напротив, схватить. В таком случае дух будет служить ей, и она сможет стать сильной знахаркой". Однако девушка не сумела преодолеть панического страха перед духом и была вынуждена поменять свое местожительство, уехав в далекий город. Только так ей удалось избавиться от назойливого джинна.

В данном случае мы можем наблюдать не только ярко выраженный мотив избранничества, но и элементы наследственной передачи сверхъестественных способностей (подобное наследственному шаманству [Басилов 1970, с.111]). А. считала, видимо, что в наследство от своего деда получила его духа-помощника; однако, отсутствие практических навыков "общения" с ним вполне мог восприниматься ею как фактор, мешающий ее переходу в разряд знахарок.

Культ святых

Культ святых у ногайцев относительно других народов Кавказа и Средней Азии, имел слабое распространение. К сожалению, доступные на сегодня источники не содержат практически никаких сведений о его существовании среди степных ногайцев в XIX — начале XX в. Однако полевые исследования показали, что культ святых бытовал у них в советское время, следовательно, он имел распространение и в более раннее время, но по каким-то причинам ускользнул от внимания наблюдателей.

В рассматриваемый период наиболее почитаемым святым был Кыдырнияз (некоторые старые люди произносят его имя как Кыдырлияз (Кыдырлыяс), или, редко — Кыдыр). Ногайцы представляли его как белобородого старца, одетого во все белое и путешествующего по свету на белом коне. Считалось, что он является людям чистым, со светлой душой, обычно перед какими-то переменами в их жизни. Кыдырнияз покровительствует людям в беде, его считают посланцем Аллаха. К примеру, он помогает находить пропажу, выйти из затруднительного положения. Порой ему приписывали и целительные функции. Считали даже, что этот святой исполняет желания встретившего его человека. Иногда Кыдырнияза представляли в виде старика маленького роста; возможно, это является результатом влия-

ния традиционных демонологических представлений ногайцев, где потусторонние существа обычно представлялись маленьких размеров.

Основной функцией Кыдырнияза у ногайцев считалось покровительство путникам. Вслед за отправляющимся в путь ногайцы читали молитву с такими словами: "*Йортканда йолы болсын, Кыдыр маьвлим йолдас болсын, Кыдырнияз йолдас болсын*" (Да будет ему путь открыт, да будет его попутчиком господин мой Кыдыр, да будет ему попутчиком Кыдырнияз). Казахи также считали, что Кыдыр покровительствует путникам. Подобно ногайцам, «отправляясь в путь казахи говорят: "Жортканда жолын болсын, жолдасын Кыдыр болсын!" ("Да будет в пути другом тебе Кыдыр!")» [Мустафина 1992, с.116]. Ногайцы полагали, что Кыдырнияз покровительствует всем, кто на суше, а Сулейман — всем, кто находится в водных просторах. Во время молитвы, выпрашивая благосклонность святого, говорили: "*Кырда Кыдырнияз, сувда Суьлеймен*" (На суше — Кыдырнияз, а в воде — Сулейман). Точно также турки верили, что на суше помогает Хызыр, а путешествующих на море защищает Ильяс [Тенишева 1998, с.174]. У ногайцев место Ильяса, уже слившегося в один образ с Кыдыром (Хизром), занял пророк Сулейман.

Ногайские муллы считали, что Кыдырнияз относится к категории святых, называемых "*рижал ил-гайыб*", что переводится с арабского как "люди сокровенные" [Андреев 1927, с.334]. В Средней Азии к ним относят широко известных чильтанов [там же]. Казахи также называли чильтанов "гайбиран" [Мустафина 1992, с.152], что, по мнению М.С.Андреева, происходит от персидского "гаiб jаран", т.е. "скрытые друзья" [Андреев 1927, с.344]. Однако в Средней Азии, судя по всему, Хизр не относится к числу чильтанов. Во всяком случае, в литературе нет указаний на это. Между тем ногайцы считали, что Кыдырнияз обязательно появляется там, где собирается 40 благочестивых людей, но сами в свою очередь ничего не знали о такой категории святых, как чильтаны.

В отличие от простых верующих, ногайские муллы четко осознавали, что Кыдырнияз является двойным святым, поскольку его имя произошло от соединения имен двух святых — Хизра (Кыдыр) и Ильяса (*Ильяс — Лияз — Нияз). О том, почему так случилось, рассказывают следующую легенду. У одного эфенди обучались Кожа (Ходжа Насреддин), Кыдыр (Хизр) и Ильяс. У них имелась всего одна овца, которую каждый день резали, готовили, съедали, а потом, завернув все кости в шкуру, с помощью специальной молитвы оживляли (подобные представления были широко распространены среди народов Средней Азии и Кавказа, где для того, чтобы животное "ожило" в мире духов, кости жертвенного животного тщательно собирали, заворачивали в шкуру и закапывали в землю [Басилов 1970, с.111; он же 1971, с.128, 129]). Однажды эфенди задержался, и голодные ученики решили не ждать его, а съесть овцу, а затем вновь ее оживить, воспользовавшись известной им молитвой. Однако, несмотря на все их старания, животное не оживало. Вернувшийся эфенди, разгневавшись, сказал ученикам: "Ты, Кожа, станешь муллой, и до Судного дня люди будут смеяться над тобой. Ты, Кыдыр, до скончания веков будешь гулять по всему миру (игра слов: имя Кыдыр созвучно ногайскому корню "кыдыр-", т.е. "гулять"), помогая людям. А твоим помощником в этом будет Ильяс". С тех пор Кыдыр и Ильяс ходят всегда вместе, поэтому у ногайцев их имена соединились в одно.

Итак, образ ногайского святого Кыдырнияза восходит корнями к образу мусульманского святого Хизра и ветхозаветного пророка Ильи (известного у мусульман под именем Ильяс). Предки ногайцев, видимо, были знакомы с этим образом еще тогда, когда кочевали на бескрайних просторах Золотой Орды. Мусульмане этого государства, судя по сохранившимся образцам поэзии, хорошо знали Хызр Ильяса [Аноним 2005, с.140]. Хотя имя Хизра и не встречается в Коране, мусульмане полагают, что именно к нему относятся слова Корана о "слуге из слуг" Аллаха, глубокий смысл действий которого так и не смог разгадать пророк Муса [Коран **18**:64-81]. У народов Средней Азии и Казахстана этот образ окончательно не слит с образом Ильяса. У казахов, как мы уже видели, он известен как "Кыдыр" [Мустафина 1992, с.116]. У таджиков Ходжа Хизр ("Досточтимый Хызр"), или Хазрати Хизр ("Святой/Пророк Хизр") является «в образе благообразного всадника в нарядной одежде благородных (светлых) тонов на богато убранной, светлой "в яблоках" лошади, которая несет его от кишлака к кишлаку, из страны в страну» [Рахимов 1994, с.76]. Однако уже и у них отмечается то, что «предание о Ходже Хизре часто соприкасается с Пророком Илийасом (библ. Илийа)» [Рахимов 1994, с.77]. Э.У.Лэйн считает, что библей-

ского пророка Илию с аль-Хидром путают "невежды" [Лэйн 1982, с.205]. Под "невеждами" имеется в виду, видимо, простой народ; мы уже видели, что и у ногайцев муллы довольно отчетливо понимали, что Кыдыр (Хизр) и Нияз (Ильяс) — это два отдельных персонажа, слившиеся в один образ. Египтяне считали, что и Ильяс, и Хизр отпили воды из источника жизни и, следовательно, доживут до Судного дня [Лэйн 1982, с.424]. Вообще мусульмане считают, что есть четверо "бессмертных": кроме Хизра и Ильяса к ним относятся Иса и Идрис [Пиотровский-ИЭС 1991]. В.В.Бартольд считает, что «в образе Хизра слились в одно целое легенды различных времен и народов, от вавилонского Гильгамеша до ветхозаветных Еноха и Ильи; с Ильей (по-арабски Ильяс) Хизр иногда сливается в одно лицо (отсюда "Хадер-ильяс" в "Ашик-Керибе" Лермонтова), иногда Хизр и Илья упоминаются рядом, причем Илье приписывается власть над пустынями, Хизру — над водами и культурными землями» [Бартольд 1992, с.33]. В Турции 6 мая празднуется день "Хыдреллез"; турки полагают, что в этот день весь год обходившие землю Хызыр (он делает это с правой стороны) и Ильяс (он делает это с левой стороны) встречаются и соединяются, чтобы затем вновь приступить к обходу земли [Тенишева 1998, с.186]. Р.Р.Рахимов, касаясь образов Хизра и Ильяса, отмечает: «Это вызывает определенную ассоциацию с зороастрийскими "Бессмертными Святыми" ("Амеша-Спэнта"), среди которых Амэрэтат и Хаурватат; последние почти всегда являются парой» [Рахимов 1994, с.77]. Можно добавить, что такого рода явление широко распространено в религиях мира; в православии, к примеру, можно отметить Космодемьяна (Козьма и Демьян).

Бытовал среди ногайцев и локальный культ святых, тесно связанный с соответствующими святыми местами. Святые места в Ногайской степи представляли собой исключительно могилы святых людей, которые назывались *шийх* ("шейх"). Известно три могилы, расположенные на территории Ногайского района: шейха Абдулгани на кладбище Коголи к юго-западу от с. Терекли-Мектеб, шейха Байрамказы на кладбище Бакый недалеко от аула Калинин и шейха Абулазиза на кладбище Ялгыз-сын вблизи аула Кунбатар. Среди населения ходили рассказы о чудесах, которые эти люди совершали при жизни. Так, шейх Абдулгани в месяц паломничества (*зуль-хиджжа*) каждый день творил пятикратную молитву в мекканской мечети, будучи при этом дома: перед ним земля якобы чудесным образом сжималась, и он мог легко попадать из родного аула в Мекку и обратно. Это типичный для мусульманской агиографии сюжет, широко известный в разных краях исламского мира [Гольдциэр 1938, с.33-34; Гордлевский 1962, с.410]. Игнатий Гольдциэр даже называет этот сюжет одним из «самых обыкновенных и часто встречающихся сюжетов, которые мы находим в житиях святых» [Гольдциэр 1938, с.34]. О шейхе Абулазизе известно, что он был туркменом. По рассказам местных жителей, туркмены из Ставрополья до недавнего времени совершали к нему *зиярат* — паломничество, устраивали жертвоприношение и совместную трапезу. Могилы святых посещались и ногайцами, но эти посещения не были массовыми. Изредка какая-нибудь больная старушка совершала единичный зиярат в сопровождении муллы. Ритуал зиярата был предельно прост: мулла читал молитву, после чего паломник несколько раз перекатывался на могиле. Верили, что после этого сила святого магическим образом воздействовала на паломника и приводила к его излечению. Могилы святых выделялись среди остальных невысоким шестом, обвязанным куском цветной материи и платками.

Обряды вызывания дождя

В засушливой Ногайской степи дождь всегда был желанным для местных жителей. Этим объясняется широкое распространение среди них обрядов вызывания дождя, которые продолжали бытовать и в советское время. Однако если ранее широко был распространен додольский обряд "Андир-Шопай", то теперь он, все более вырождаясь до уровня детской забавы, стал заменяться другими формами вызывания дождя.

Ведущее место среди них занимало исламское моление о дожде, известное у арабов как истиска [Массэ 1982, с.95]. Казахи называют его тасаттык [Мустафина 1992, с.123]. Среди ногайцев этот обряд особого названия не имел; по большей части люди называли его *дува ас* (т.е. молитвенное угощение).

Долгое отсутствие дождя в летнюю пору приводило к тому, что небогатая степная растительность буквально выгорала, обрекая ногайцев-скотоводов на значительные трудности и лишения. В этих случаях старейшины села принимали решение о проведении моления

о дожде. Создавалось нечто вроде “инициативной группы”, в которую входили уважаемые лица, знакомые с обычаями (при этом большую роль играли муллы). Ее члены обходили дворы, собирая средства для проведения обряда. На собранные деньги обычно покупалось несколько овец, которые предназначались для жертвенного угощения.

В назначенный день все, кто желал принять участие в обряде, выезжали в степь, в то место, которое было намечено заранее (обычно рядом с артезианским колодцем). Пока резался скот, и готовилось угощение, муллы приступали к чтению соответствующих случаю молитв и сур из Корана. Присутствующие здесь же старые женщины иногда распускали свои белые платки (*тастар*) и принимались жалостливо плакать. Это объяснялось желанием разжалобить милосердного Аллаха; возможно, это также и отголоски древних магических приемов, в которых обильные слезы ассоциируются с вожделенной небесной влагой. К примеру, у таджиков Южного Узбекистана окунали женщину в реке до тех пор, пока не вызывали у нее плач. Считалось, что именно ее плач должен вызвать дождь [Кадыров 1964, с.3]. В прикаспийских районах Азербайджана существовал обычай “мусалла”. При долгом отсутствии дождя жители села «забирают всех жен с детьми и скотину с молодняком и направляются к источнику. Там детей отделяют от матерей и молодняк от скотины, оставляя все эти четыре изолированные группы под палящим солнцем и не допускают их к источнику. Жажда и изолированность приводят к тому, что дети начинают плакать, а молодняк блеять и мычать. В свою очередь взрослые присоединяют свой плач к детям, а скотина ревет. Таким образом создается общественный плач» [Алекперов 1960, с.205]. По мнению А.К. Алекперова, этот плач «в первичной ступени появления обряда должен был вызвать дождь по аналогии (поток слез), а затем, в теперешнем понимании, эти слезы людей и животных должны умилостивить высшие силы» [там же]. С этим последним пониманием был связан туркменский обычай, в случае засухи оставлять под палящим солнцем на вершине холма жертвенное животное, которое своим жалобным блеянием должно было привлечь внимание пира (покровителя) дождя Буркут-бабы [Демидов 1987, с.17-18]. К месту моления скот с молодняком пригоняли и турки в некоторых областях Южной и Центральной Анатолии. Они «верили, что плач младенцев, соединившись с блеянием ягнят, дойдет до Аллаха, и тот ради них ниспошлет благодатный дождь» [Тенишева 1998, с.162].

Чтение Корана заканчивалось общей молитвой с воздеванием рук; при этом присутствующие муллы и старики по очереди читали молитвы — дуа. После этого приступали к трапезе, состоявшей обычно из сваренного мяса жертвенных животных и бульона с картошкой. Кости тщательно собирали и закапывали. Шкуры животных либо раздавали бедным, либо отдавали муллам. Считалось, что после проведенного обряда в ближайшее время должен пойти дождь. Примерно по такому же сценарию проводились подобные обряды у турок (*йагмур дуасы*) [Тенишева 1998, с.161-164] и у казахов (*тасаттык*) [Мустафина 1992, с.123-126].

Ногайцы столь часто прибегали к обряду вызывания дождя, что это вызывало тревогу партийных органов. К примеру, в 1968 г. Ногайский РК КПСС поднял этот вопрос на одном из заседаний своего бюро. В протоколе заседания отмечается, что «седьмого апреля муллствующие старики Манапов и Джуматов на окраине села Терекли-Мектеб организовали молебен, чтобы якобы вызвать дождь. Для этих целей они от отдельных религиозно настроенных семей собрали деньги, на что куплено две овцы для жертвоприношения» [ЦГА РД. Ф. п-3133, оп.1, д.421, л.67]. В обряде, якобы не поддержанном населением, приняло участие около пятидесяти человек, среди которых были и коммунисты (!). Последние, «оказавшись на месте молебна, не только не предотвратили это позорное явление, но и сами приняли участие в его совершении» [там же]. Примечательно, что властные структуры на местах весьма лояльно относились к проявлениям религиозности своих земляков. В цитируемом протоколе отмечается: «Руководители Терекли-Мектебского сельского Совета, отдельные работники отдела милиции, зная подготовительную работу религиозников, не приняли конкретных мер к недопущению справления религиозного обряда» [ЦГА РД. Ф. п-3133, оп.1, д.421, л.68].

Практиковались и другие способы вызывания дождя. К примеру, если описанный выше обряд не помогал, то верующие отыскивали кости черепа коня и приносили мулле с просьбой прочесть молитвы. Мулла прочитывал над черепом две молитвы: одну — чтобы

много воды было в колодцах, а вторую, — чтобы Аллах ниспослал воду с небес. При этом мулла время от времени дул на кости с характерным звуком: "*Суьф*". После этого верующие относили кости к колодцу и опускали в воду. Считалось, что кости ни в коем случае нельзя терять в воде; если они навсегда затонут, то дождь якобы будет лить, не переставая, пока не зальет всю землю.

Представления, связывающие высохшие кости животного или человека со способностью вызывать дождь, широко распространены, особенно среди кавказских народов [Миллер 1888, с.16; Генко 1941, с.101-102; Харатян 1978, с.67]. Ногайцы же в рассматриваемый период полагали, что сами по себе кости не способны вызвать дождь. Для достижения результата необходимы молитвы муллы.

Широко использовались ногайцами для вызова дождя и камни. Например, для того, чтобы пошел дождь, брали семь камешков, над каждым из которых читали по семь раз молитву — дуа. Затем их помещали в матерчатый мешочек (для обеспечения контакта камней с водой) и помещали в колодец. Для прекращения дождя мешочек вынимали из колодца. Другим вариантом было семикратное чтение над каждым из семидесяти камешков одного из аятов Корана. Существовала также молитва, которую требовалось читать 30 раз; она была очень длинной, поэтому читали ее два-три человека. Использование камней в обрядах вызывания дождя также широко распространено [Трофимова 1965, с.105-106; Алекперов 1960, с.205; Рижский 1940, с.54; Харатян 1978, с.66]. Возможно у ногайцев, как и у турок, эти обряды восходят к древнетюркским представлениям о дождевом камне "яда" [Тенишева 1998, с.]. Отметим лишь, что еще у древних римлян существовал "дождевой камень" (lapis manalis), который использовался жрецами в обряде "aquilicium" ("выманивание воды") [Кагаров 1913, с.11]. У ногайцев камень сам по себе не имел никакой силы; обряд требовал чтения мусульманской молитвы, которой придавалось основное значение.

Проводя обряды, в которых присутствует языческая атрибутика (кости, камни), мусульмане все же считали, что они не отступают от исламских принципов. Мольбы обращались к Аллаху, и только к нему. Камень (или кости) с прочитанными молитвами был лишь освященным традицией средством обращения к Богу. Кроме того, мусульмане опирались в этом вопросе на пример и авторитет Пророка. Аль-Бухари в "Книге моления о ниспослании дождя" своего сборника приводит следующий хадис: «Сообщается, что 'Абдаллах бин Зайд, да будет доволен им Аллах, сказал: "(Однажды) пророк, да благословит его Аллах и приветствует, отправившийся (к избранному им месту молитвы), чтобы обратиться к Аллаху с мольбой о ниспослании дождя, (надел) свой плащ по-другому"» [аль-Бухари 2003, с.211].

Похоронно-поминальная обрядность

В первой главе мы уже отмечали, что обряды похоронно-поминального цикла отличаются наибольшим консерватизмом. При этом важно понимать, что консерватизм вовсе не означает неизменности. Господствующая идеология накладывает отпечаток на весь комплекс верований и обрядов. Значительно потесненный в рассматриваемый период из других сфер жизни ногайцев, ислам практически полностью господствовал в похоронно-поминальной обрядности. Будучи весьма деликатной частью жизни людей, не обходившей никого из членов общества, она была более-менее защищена от посягательств извне. Недаром партийные работники, описывая успехи в антирелигиозной работе, все время отмечали: «Остается сильным влияние мулл при совершении похоронных обрядов» [ЦГА РД. Ф. п-3133, оп.1, д.643, л.9]. Н. Аширов, описывая деятельность мусульманских религиозных организаций в середине 1970-х гг., отмечал: «Религиозные объединения и служители культа уделяют большое внимание не только погребальным обрядам, но и самим кладбищам, понимая, что это — серьезный способ воздействия на живых. [...] Служители культа прибрали к рукам и подготовку тела к захоронению, и панихиду, и поминки, и даже поддержание в порядке самих кладбищ. Не случайно и то, что на многих сельских кладбищах у входа установлены религиозные эмблемы, афишируются выписки из Корана» [Аширов 1976, с.126].

Точно также и в Ногайской степи муллы сконцентрировали в своих руках все, что было связано с похоронами и поминками. Любое другое событие как-то могло обойтись без муллы, но приближающаяся смерть заставляла ногайца и его родственников вспомнить о нем. Как и в старину считалось, что мулла обязательно должен прочесть над умираю-

щим 36-ю суру Корана ("Йа Син"); полагали, что тем самым он "выводит его душу" (*янын шыгарады*). Сохраняли ногайцы и традицию громкого оплакивания, при этом женщины располагались в доме, а мужчины — на улице. Приходящие выразить соболезнование были обязаны прочесть первую суру Корана — аль-Фатиху или, как ее называют ногайцы, "Алхам" (отсюда соболезнование называется *алхам беруьв*, что означает "отдать Фатиху"). Эту суру уже мало кто знал, поэтому люди старались войти во двор со знающим человеком. Иногда хозяева просили какого-нибудь муллу стоять рядом с ними для чтения Фатихи. У ногайцев было принято также заходить в дом и читать Фатиху для женщин, выражая тем самым соболезнование и им.

Также как и раньше, после смерти ногайца его родные старались сразу же отправить гонцов в другие аулы, чтобы оповестить о случившемся горе родственников. Считалось, что они обязательно должны приехать проститься с покойным. В доме покойного занавешивали зеркала, а также все, что давало зеркальный эффект, даже экраны телевизоров.

Семья умершего в подготовке и организации похорон не принимала непосредственного участия, она была занята оплакиванием. Всеми организационными делами занимались ближайшие родственники, к ним иногда присоединялись и соседи. Обычай взаимопомощи в рассматриваемый период соблюдался ногайцами неукоснительно. Точно также и у узбеков члены семьи умершего в организации похорон непосредственного участия не принимают, занимаясь «оплакиванием покойного, приемом гостей, приходящих с соболезнованиями» [Сатвалдыев 1995, с.94].

Вместе с вестью о смерти посылали и весть о дате похорон — их обычно назначали на следующий день. Этот день называется *яназы куьни*, т.е. "день джаназы", поскольку в этот день совершается заупокойная молитва джаназа.

Обмывание тела проводилось в доме у покойного. Как и в старину, воду после обмывания следовало вылить в то место, куда не ступает нога человека. Труп обмывали над широким деревянным корытом на четырех ножках, которое ногайцы называли *каьрит* (от русск. "корыто"). Оно имело наклон, и сужение в сторону наклона, где на дне было пробито отверстие; под это отверстие подставляли ведро, куда и стекала вся вода.

Прежнего обычая не готовить 3 дня во дворе покойного уже не придерживались. Женщины принимались жарить на растительном масле баурсаки — маленькие поминальные пышки. Всех приходящих угощают чаем с баурсаками и конфетами. Мужчины готовили мясо для угощения муллам, которых и в день смерти, и в день похорон собирали на чтение Корана (*Куран окув*). Читались 1, 2, 36, 112, 113, 114-я и некоторые другие суры Корана. Считалось, что это делается для облегчения посмертных мук покойного. Египетские арабы в прошлом веке с той же целью устраивали обряд *сабха* ("четки"), который сопровождался чтением Корана и различных молитв. Считалось, что этот обряд должен «облегчить вхождение усопшего в состояние блаженства» [Лэйн 1982, с.404]. Узбеки также считали, что душа умершего подкрепляется молитвами и чтением Корана (хатми Куръон) [Сухарева 1960, с.31].

Чтение Корана в день поминок заканчивалось обычно к полудню. К тому же времени с кладбища возвращались люди, вырывшие там могилу (это считается богоугодным делом — саваб). Старший из родственников покойного обращался к собравшимся с просьбой совершить ритуальное омовение (*даьрет*) для предстоящего намаза по покойному. После этого все пришедшие люди усаживались прямо во дворе на импровизированных скамейках из деревянных балок. Каждый получал баурсак — тонкую поминальную пышку дискообразной формы, жареную на растительном масле, а также тарелку бульона с мясом и картошкой. Угощение понималось как своеобразное искупительное деяние, после него читалась молитва с просьбой к Аллаху принять эту искупительную жертву.

Затем скамейки убирали и во дворе стелили брезент для совершения молитвы по умершему (*яназы намаз*). Покойного (*мейит*) выносили и располагали во дворе перед выстроившимися для молитвы людьми головой на запад. Количество стоящих друг за другом на молитве людей обязательно должно было быть нечетным, обычно стояли по 5 или 7 человек. Руководил молитвой имам, который стоял непосредственно перед покойным; последний перед смертью мог назвать имама для совершения джаназы. Намаз состоит из четырех такбиров (слов "Аллаху акбар", т.е. "Велик Аллах") [Максуди б.г., с.74]. У шиитов джаназа состоит из пяти такбиров [Хисматулин, Крюкова 1997, с.69]. Ногайцы после

первого такбира читали Фатиху, после второго — молитву за Пророка, которую произносят во время обычной обязательной молитвы (намаз), после третьего — особую молитву за покойника, после четвертого можно ничего не читать, либо прочесть какую угодно молитву (*дува*). После этого совершается приветствие направо и налево (*салам*). Такой порядок в целом соответствует требованиям ханафитского мазхаба [Максуди б.г., с.74-75].

Покойного на кладбище везли обычно на борту грузового автомобиля. Наследием кочевого прошлого ногайцев оставалось отсутствие погребальных носилок; вместо них труп покойного, как и прежде, заворачивали в ковер или кошму. Проводить покойного в последний путь на кладбище у ногайцев отправлялись только мужчины. Мнения мусульман насчет участия женщин в похоронном обряде разделились. «В ряде республик Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения) служители культа запрещают женщинам принимать участие в похоронных процессиях, даже во время похорон близких родственников. Во многих же районах РСФСР, Казахской ССР, Азербайджана женщинам разрешается провожать умерших в последний путь на кладбище» [Аширов 1972, с.20-21]. Иранцы же не разрешают участвовать в похоронной процессии женщинам, для которых умерший был очень близким человеком из опасения истерики [Хисматулин, Крюкова 1997, с.69].

Всю дорогу до кладбища мулла, сидевший справа у изголовья покойного, читал 1, 36, 112-114 суры Корана. На кладбище сразу же приступали к церемонии погребения. Близкие родственники (2-3 человека) спускались в могилу и укладывали покойника в подбой (лахат). Подбой закрывали саманными кирпичами, тщательно заделывая щели зеленым камышом и травой (зимой — сухим камышом или соломой). Мулла принимался читать Коран, а присутствующие кидали по очереди землю в могилу. Когда земля в могиле доходила до уровня поверхности, все присутствующие отходили от могилы на расстояние семи шагов, а один из мулл упирался лопатой в головной столб (*басказык*) и принимался читать *талкын* — наставление для покойного, как отвечать ангелам Мункар и Накир, уже ведущим допрос в могиле. Примерно те же представления были и у единоверных ногайцам черкесов. Как пишет Хан-Гирей, «...все отступают от могилы на 40 шагов; мулла же, оставшись на могиле, читает молитву **«талкин»**, про которую суеверные рассказывают, что если покойник не отягощен грехами, то он повторяет ее слово в слово за священником» [Хан-Гирей 1978, с.317]. Затем четыре муллы приступали к совершению обряда "*доьрт муьйис*" (четыре угла). Мулла, стоящий в юго-западном углу могилы, читал суру Йа Син (36-ю), в северо-западном — Сежде (32-ю), в юго-восточном — Табарак (67-ю), а в северо-восточном — Духан (44-ю). Обряд под названием "дёрт мююш" (т.е. "четыре угла") проводили во время похорон и кумыки [Сергеева 1993, с.239]. После этого прочитывалась молитва-дуа и устраивался могильный холмик. Родные и близкие покойного набирали немного земли с его могилы, которую затем разводили в воде и пили. Считалось, что это способствует "успокоению сердца". Подобные представления, имеющие ярко выраженный магический характер, широко распространены среди мусульман. К примеру, в Иране «родственники умершего так, чтобы никто не обратил внимания, берут с могилы немного земли и ссыпают ее на чадру овдовевшей, чтобы она "остыла"», поскольку «земля с могилы умершего, по сравнению с самим покойником, делает человека безразличным и охладевшим ко всему» [Хисматулин, Крюкова 1997, с.63]. У турок земля с могилы святого, разведенная в воде, считалась по тем же соображениям целительным средством [Серебрякова 1980, с.169].

Во время похорон на кладбище, рядом с входом, муллы располагались в круг, чтобы провести обряд даур (*даьвир*) — своеобразного искупления грехов. Смысл обряда заключался в том, чтобы через пожертвование материальных ценностей искупить те грехи покойного, которые связаны с неисполнением основных обязанностей мусульман (*фард*) — упущенные молитвы и пост. Богословы-ханафиты считают проведение искупления (*фидия*) необходимым (*ваджиб*) [Максуди б.г., с.91].

Сам обряд проходил следующим образом. Участники обряда (до 12 человек) садились в круг. Ведущий обряда бьет по рукам каждого участника свертком с деньгами, при этом называя, за какой срок упущенных молитв или поста он дает искупление (обычно берется 1 год). Сидящий в кругу говорит: "Кабилту" (т.е. "принял"), либо "Алла кабыл этсин" (Да примет Аллах) и возвращает деньги ведущему. Так по кругу обходятся все участники обряда.

Подсчет выкупа за грехи у ногайцев производился первоначально в натуральном исчислении. Каждый пропущенный намаз и каждый день пропущенного поста оценивались в 0,5 сага (саг — мера сыпучих веществ, равная примерно 3 кг. 260 г.) или в 4 меры пшеницы (*доьрт куьреке*). Соответственно пропущенные за год молитвы (а их в день насчитывалось шесть вместе с дополнительной ночной молитвой витр) оценивались в 216 пудов пшеницы, а месяц поста — в 3 пуда пшеницы. Стоимость пшеницы в денежном исчислении и использовалась в обряде даур. По окончании обряда деньги раздавались в качестве искупления (*каффара*) десяти беднякам, копальщикам могилы, участникам даура.

Обряд искупления грехов покойного широко распространен среди мусульман Северного Кавказа [Авксентьев 1984, с.182; Гостиева, Сергеева 1996, с.200-201; Хан-Гирей 1978, с.316], Средней Азии [Кармышева 1986, с.142; Бабаева 1993, с.55-56; Камалов 1959, с.125], Казахстана [Мустафина 1992, с.20-21; Басилов, Кармышева 1997, с.90], Афганистана. Его название — даур, деур, давра — происходит от арабо-персидского слова "доур", одно из значений которого — круг, окружность. Оно отражает не только расположение участников обряда по кругу, но и постепенное, год за годом (в обряде — круг за кругом) искупление грехов покойного. При этом важно понимать, что искупление грехов покойного мыслилось мусульманами не как акт передачи их участникам обряда, а как результат благотворительного акта, которым заканчивался обряд — раздачи денежных средств бедным и участникам обряда.

Как и прежде, степные ногайцы поминали покойников на 7, 40, 100-й день и на годовщину. Поминки 3-го дня совмещались с днем похорон. Поминки сопровождались искупительным жертвенным угощением (*ас*) и чтением Корана (*Куран окув*). Существовал также обычай *кырк окув* ("сорок чтений"), согласно которому за отдельную плату одному из мулл поручали сорок дней читать полный текст Корана, передавая благость прочитанного духу покойного через намерение (*ниет*) и соответствующие молитвы — дуа, которые произносятся после чтения Корана. Кроме того, до поминок сорокового дня отмечали день смерти (*оьлген куьни*) и день похорон (*кабырга туьскен куьни*). Традиция проводить поминки ульган куьни ("день кончины") отмечена и у узбеков Ферганской долины [Сатвалдыев 1995, с.99]. У ногайцев две последние поминальные даты, а также поминки 52-го вечера (*элли эки кешеси*) отмечались довольно скромно. В эти дни приходили лишь самые близкие люди, а также муллы, специально приглашенные для чтения Корана. По окончании чтения Корана устраивалась трапеза. В отличие от других поминок, ели в помещении, однако женщины точно также ели отдельно от мужчин.

Ногайцы считают, что поминки 52-го вечера проводятся потому, что в этот день мясо отделяется от костей. Также считали и лезгины [Гаджиева 1985, с.309]. Традиция устраивать поминки на 52-й день существует и у карачаевцев, которые называют их сороковинами [Гостиева, Сергеева 1996, с.197]. Скорее всего, поминки 52-го дня действительно представляют собой передвинутые поминки 40-го дня. Известно, к примеру, что узбеки отмечали поминки двадцатого дня, четко осознавая, что это «сороковины, передвинутые на двадцатый день» [Кармышева 1986, с.151].

Таким образом, народные верования, имеющие корни в доисламской эпохе, в советский период продолжали трансформироваться в сторону утери архаических черт и прежнего содержания. В рассматриваемое время произошло их окончательное переосмысление в духе ислама. Нельзя сказать, что доисламские верования «исламизировались», ведь в понимании народа они уже давно были частью ислама. Вернее будет сказать, что они органично вплелись в систему исламских представлений, теряя свои архаические черты и окончательно наполняясь исламским содержанием и осмыслением. Благодаря такому переплетению, ислам становился значительно ближе и понятнее простым верующим, не избалованным в советские годы ни обилием информации об исламе, ни достаточным количеством мулл.

Материалы Центрального Государственного архива Республики Дагестан

Фонд п-3133. Опись 1. Дело 643. "Информация Ногайского РК КПСС по выполнению постановления бюро Дагестанского обкома КПСС от 22 октября 1986 г. "Постановление ЦК КПСС от 18.08.1986 г. "Об усилении борьбы с влиянием ислама".

Фонд п-3133. Опись 1. Дело 651. "Протоколы заседаний бюро Ногайского РК КПСС Дагестанской АССР".

Аноним 2005 – *Аноним*. Кисекбаш, или сказание об отрубленной голове // Поэзия Золотой Орды / пер. Равиля Бухараева. М.: Наталис: Рипол-Классик,2005.

аль-Бухари 2003 – Сахих *аль-Бухари*. Мухтасар: полный вариант. Перевод с арабского, примечания и указатели: Владимир Абдулла Нирша. М.: Умма,2003.

Коран – *Коран*. Перевод на русский язык И.Ю.Крачковского.

Авксентьев 1984 – *Авксентьев А.В.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь,1984.

Алекперов 1960 – *Алекперов А.К.* Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку,1960.

Андреев 1927 – *Андреев М.С.* Чильтаны в средне-азиатских верованиях // В.В.Бартольду – туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент,1927.- с.334-348.

Аширов 1976 – *Аширов Н.* Особенности идеологической и культовой деятельности мусульманских религиозных организаций в современных условиях // Актуальные вопросы атеистического воспитания. Алма-Ата,1976.- с.110-131.

Бабаева 1993 – *Бабаева Н.С.* Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX в.). Душанбе,1993.

Бартольд 1992 – *Бартольд В.В.* Ислам и культура мусульманства. М.,1992.

Басилов 1970 – *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: Мысль,1970.

Басилов, Кармышева 1997 – *Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х.* Ислам у казахов (до 1917 г.). М.,1997.

Гаджиева 1985 – *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.,1985.

Генко 1941 – *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа // Труды второй сессии Ассоциации арабистов. 19-23 октября 1937 г. Под ред. и с предисл. акад. И.Ю.Крачковского. / Труды Института востоковедения, вып. XXXVI. М.-Л.,1941.- с.81-110.

Гольдциэр 1938 – *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М.,1938.

Гордлевский 1914 – *Гордлевский В.А.* Из османской демонологии // ЭО. 1914. № 1-2.- с.1-45.

Гордлевский 1962 – *Гордлевский В.А.* Каракоюнлу (Из поездки в Макинское ханство) // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т.3. История и культура. М.,1962.

Гостиева, Сергеева 1996 – *Гостиева Л.К., Сергеева Г.А.* Поминальные обряды у мусульманских народов Северного Кавказа и Дагестана // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М.,1996.- с.194-203.

Демидов 1987 – *Демидов С.М.* Обряды и обычаи туркмен, связанные с земледелием и скотоводством // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад,1987.- с.4-30.

Кагаров 1913 – *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.,1913.

Кадыров 1964 – *Кадыров Р.К.* Обрядовый фольклор таджиков Южного Узбекистана (долина реки Кашка-Дарьи). М.,1964.

Камалов 1959 – *Камалов С.* Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпаков // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября – 4 ноября 1956 года. Сталинабад. М.-Л.,1959.- с.122-127.

Кармышева 1986 – *Кармышева Б.Х.* Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.,1986.- с.139-181.

Лэйн 1982 – *Лэйн Э. У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М.,1982.

Максуди б.г. – *[Ахмадhади Максуди]* Гыйбадэте исламия. Казань, б.г.

Массэ 1982 – *Массэ А.* Ислам. Очерк истории. М.,1982.

Миллер 1888 – *Миллер Вс.[Ф.]* Терская область. Археологические экскурсии / Материалы по археологии Кавказа. Вып.1. М.,1888.

Мустафина 1992 – *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX - XX вв.). Алма-Ата,1992.

Пиотровский-ИЭС 1991 – *Пиотровский М.Б.* ал-Хадир // Ислам. Энциклопедический словарь. М.,1991.- с.262.

Рахимов 1994 – *Рахимов Р.Р.* Явления «зеленого пророка» в представлении таджиков // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-кавказских) чтений. 1993. СПб.,1994.- с.76-77.

Рижский 1940 – *Рижский М.* О культе Шибле у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М.,1940.- с.47-57.

Сатвалдыев 1995 – *Сатвалдыев А.Н.* Ислам в жизни узбеков Ферганской долины. 1980-1990-е гг. Диссертация ... канд. ист. наук. М.,1995.

Сергеева 1993 – *Сергеева Г.А.* Похоронные обряды народов Дагестана: традиции и современность // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.,1993.- с.229-255.

Серебрякова 1980 – *Серебрякова М.Н.* О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.,1980.- с.165-177.

Сухарева 1960 – *Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент,1960.

Тенишева 1998 – *Тенишева А.Э.* Турецкий праздник Хыдреллез // Ислам и народная культура. М.,1998.- с.183-189.

Трофимова 1965 – Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азербайджанский этнографический сборник. Выпуск II. Баку,1965.- с.97-111.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. (Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова). Нальчик,1978.

Харатян 1978 – *Харатян З.В. Магический характер обрядов вызывания дождя у армян // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.,1978.- с.62-72.*

Хисматулин, Крюкова 1997 – Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. Спб.,1997.

ЛИНГВИСТИКА

АЙБАЗОВА (ОГУРЛИЕВА) Е. С.

г. Черкесск, Россия

ВОПРОСЫ ОРФОГРАФИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном ногайском языкознании предстоит решить ряд важных теоретических вопросов. Одной из спорных проблем ногайской орфографии является правописание сложных слов. Решение этой задачи тесно связано с установлением орфографических норм литературного языка, совершенствование которых еще требует многих усилий. В ногайской лингвистике, как известно, сделано немало по изучению сложного слова в аспекте традиционной лексикологии и словообразования. Однако в плане структурно-семантических отношений, морфонологических изменений компонентов в составе сложного слова, оно до сих пор не изучалось. Несомненно, это одно из важных и до сих пор нерешенных орфографических проблем, так как сложные слова в грамматических описаниях, как и в словарях, по-прежнему продолжают оставаться в лучшем случае освещенными наполовину [9, с. 72]. Поэтому основанием для изучения особенностей слитных сложных слов явились степень устойчивости и традиционности их употребления в языке, где наряду с составными терминами в отрасли знания имеются термины – сложные слова.

Как известно, при словосложении образуются новые сложные слова – так называемые единицы языка, а при сочетании слов – единицы речи. Однако они выполняют назывную функцию и являются номинативными средствами языка.

Ногайский язык располагает определенными номинативными средствами, с помощью которых именуются предметы, явления и действия.

Исследование морфологической структуры указанных слов показывает, что многие из наименований слов являются неразличимыми образованиями с затемненной семантикой. Выяснение этимологии подобных образований приводит к результатам, выходящим за рамки простого определения структурного состава таких слов. В этом плане интересно сопоставлять материалы современного языка с материалами других тюркских языков. Так, например, древнетюркские слова являются ценным источником для установления структуры наиболее древних корневых морфем, сохранившихся в настоящее время в современном ногайском языке.

В языке путем сложения двух, реже трех корней образуются сложные слова, значение которых мотивируются значениями компонентов. Слово *акылбалык* «подросток», «совершеннолетний» в современном употреблении в речи, никем не осознается как составное заимствование: (араб) *гакыл* «ум, разум» и (араб) *балыг* «достигший определенного возраста»; *лапавыз* «болтун» — *лап* (перс.) «слово, разговор» и *авыз* «рот» др. Такое явление можно квалифицировать как результат семантического способа словообразования. Факты показывают, что процесс образования новых слов и их структурных типов протекал на протяжении исторического развития лексики языка. Здесь интересно отметить, что при наименовании

предмета или явления мотивом могут служить его признаки. Например, *бозкырав* «иней, поздняя осень, первые заморозки»; *ералма* «картофель»»; *сокырюмран* «крот».

Номинативную функцию могут выполнять определительные словосочетания, предложения: *бой* «рост», *боз* «рост»: бойлы, *бойы еткен*, *ясы еткен*, *йигит болган* «рослый, взрослый мальчик, подросток, достигший определенного возраста»; (кирг.) *йигит*, *боз йигит*, «рослый мальчик, взрослый, достигший совершеннолетия» и, по утверждению Б.О. Оразбаевой, слово *боз* сохраняет первоначальное значение и ничего общего не имеет с омоничным (перс.) *боз* (серый, сивый» [5, с. 45]. Реже предложение: (ног.) *айланып кетейим*, *айнанайым*, и (каз.) *айналайн* «обращение к дорогому человеку»; «обойду вокруг тебя и заберу твои болезни» (подстрочный перевод), «принимаю твои болезни, любовь моя» (смысловой перевод).

Как видно из этих примеров, сложные слова дают богатейший материал для познания закономерности сложения слов в определенные модели – грамматические формы, в которых выявляются и функция слова, и его лексико-семантическая сущность. Поэтому при установлении правописания сложного слова необходимо исходить из его семантики, а также особенностей взаимосвязи и спаянности компонентов. Этот признак может быть принят за критерий слитного или раздельного его написания. Между тем в языке появилось множество сложных слов, которые все до единого предназначены для обозначения понятий, ранее не освоенных ногайским языком, которые с самого начала своего зарождения осознаны и бытуют как лексемы – носители этих понятий, а не как словосочетания. Например, *денсавлык* «здоровье», которое немыслимо представить как словосочетание. Оно возникло по структурному образцу ранее созданного, исторически сложного слова *белбав* «ремень» [7, с. 321].

Некоторые сложные слова только ныне формируются. Например, *ярымарал* «полуостров», *Хазар деньизи* «Каспийское море». Несомненно, что правописание сложных слов должно основываться на определенных, вполне конкретных языковых критериях. Их у сложных слов несколько: 1) взаимосвязь и спаянность компонентов; 2) лексико-грамматический характер компонентов; 3) семантика слова; 4) интонация.

Во всех случаях связь компонентов сложных слов, конечно, нельзя приравнивать к свободному синтаксическому соединению, так как компоненты не просто называют признаки предмета, но и выражают внутренние связи между этими признаками. Поэтому, сложные слова потенциально синтаксичны, они сохраняют эти сложившиеся связи на уровне глубинной структуры и таким образом получают формальное выражение.

Так, сложные образования типа *белбав*, *ата-ана*, *сары-сары*, *ер йийлеги, янбас, тасбака, куьнтувар*, которые встречаются почти во всех тюркских языках, являются продуктивными и активно действующими грамматическими формулами словообразования в ногайском языке.

Наряду с этими структурными типами сложных слов в последнее время появились и такие слова, которые позволяют отметить наличие в языке и новых способов образования слов. Например, *юзйыллык* «столетие», *коьзбоявлык* «очковтирательство», которые являются структурной разновидностью моделей сложных слов, появившихся под влиянием русского языка. Такие факты доказывают, что процесс образования сложных слов и их структурных типов протекал на протяжении исторического развития лексики языка.

Возникновение новых в семантическом отношении сложных слов – это почти всегда акт сознательного речевого новаторства. Для создания нового слова используются либо словообразовательные типы, существующие в языке, либо такие словообразовательные элементы и формы, которые во многом ещё не устоялись.

В лингвистической литературе существуют различные определения словообразовательных типов сложных имен существительных. На наш взгляд, термины «сложнообразованные», «парнообразованные», «составные» или «аналитические», используемые в ряде исследований, наиболее адекватно передают специфику структуры сложных слов. Следует отметить так же, что термин «структурный тип» в работе используется в значении «состав и внутренняя организация единого целого», а в понятие «сложнообразованные» входят такие разряды сложных слов, как «слитные» и «собственносложные».

В связи с неоднородностью морфологических функций компонентов сложных существительных следует также уточнить классификационные признаки единиц словообразования. Существенными признаками словообразовательного типа сложных слов являются: а) принадлежность членов словообразовательной пары к одной или разным частям речи; б) способы образования сложных имён существительных; в) морфологические показатели производящих компонентов; г) в некоторых случаях существенными оказываются особенности акцентного типа. В соответствии с этими основными признаками сложные имена существительные делятся на следующие категории: сложнообразованные, парнообразованные, аналитические или составные.

Сложнообразованные слова. Сложные слова, соответствующие полностью произношению, *коьгоьлен* «растительность, зелень, трава», *агув* «яд, отрава», *карагус* «орёл- стервятник», *майгарагай* «сосна» получили название сложнообразованных. При этом, в зависимости от семантических и грамматических изменений компонентов в составе сложного имени к сложнообразованным словам причисляются и «все случаи лексического опрощения» [1, с. 79]. Фонетические изменения межморфемных стыков служат усилению связей между корнями «морфемами», например, выпадения гласных, различные типы ассимиляции согласных звуков, а так же действия аналогии способствуют формальному переразложению компонентов и возникновению новых слов. То есть такие случаи, когда соответствие произношению имеет место не только у отдельно взятого звука, например, **к-г**, но и целого слога и корневой морфемы: *ошак* «тренога, таган» *(уьш-аяк); билезик* «браслет *(билек-юзик);* а также такие слова как куьнайлан «подсолнечник», *яргактамак* «перепонка на ногах гусей и уток», *ерсемирткиш* «удобрение», *отягар* диал. «место возле очага, дом», *карашаьвке* «грач»: *Кайда ды бир якта карга какылдады, эм онынъ артыннан карашаьвкелер шувылдастылар (Ф.А.)* «Где-то ворона закаркала, и вслед за нею зашумели грачи».

Парнообразованные слова. Сложные слова, образованные исключительно на основе новых значений без опоры на произношение, получили название парнообразованных, например: *ас-сув* «угощение», *аман-эсен* «благополучие», *тав-адыр* «предгорье, горный хребет, взгорье», *тал-кувак* «кустарники», *йолйорык* «наставление, руководство», *хабартебер* «весть, сообщение, извещение, эм *дарман* (даьри) «снадобье, лекарство», *кул-карабас* «рабы», *урыс-согыс* «сражение, (др. тюрк.) *урыс-токыс* «битва», *сав-эсен* «жив-здоров», *етим-оьксиз* «сирота», *ер-сув* «вселенная, земля, дух земли» [6, с.72]. «*Етим оьксиз йыласа, ер-сув йылар*» (посл.) «Если сирота заплачет, то заплачет дух земли».

Аналитические сложные слова. Сложные образования, соответствующие по произношению словосочетаниям и выступающие в функции одной сложной основы новых слов, получили название лексиколизованные выражения или аналитические слова, например: *ана коькис* «индейка», *эмен шетлевиги* «жёлудь», *Керван Кырган* «Юпитер», *туьн ортасы* «полночь», *куьн шувагы – куьн коьзи* «луч солнца».

Вышеуказанные способы словообразования рассматриваются как древние, в то же время продуктивные на данном этапе развития языка. По своим структурно-типологическим особенностям, и по степени слияния значения компонентов они делятся на:

а) структурно-полные, то есть слитные слова;
б) структурно-неполные, то есть парные слова;
в) аналитические, то есть составные слова;

Наиболее типичным соотношением слов-компонентов для моделей структурно-полных, то есть слитных слов, является такое соотношение:

1)имя существительное + имя существительное, *ийтбурын* «шиповник»;
2)имя прилагательное + имя существительное, *актамак* «ласка»;
3) имя существительное + отглагольное имя на *-ыс: атшабыс* «скачки»;
4) имя существительное + причастие будущего времени на *- ар,-ер*: *элгезер* «путешественник», *куьнбатар* «запад» и др;
5) имя существительное + глагольная основа на – н: *куьнайлан* «подсолнечник»и др.;

6) глагольная основа + имя существительное: *тувнаьлет* «прапрапраправнук»;

7) имя существительное и глагольная форма на *-мас*: *кусконмас* «крушина», *шыбынконмас* диал. «шалфей».

Приведенные факты показывают, что сложнообразованные композиты отличаются от парнообразованных и аналитических слов значительной словообразовательной пестротой.

Нам кажется несколько неубедительным разделение в грамматике ногайского языка [3, с. 121] сложных слов однотипной структуры, образованных путем словосложения, на слитные и собственносложные.

С одной стороны, встречающиеся колебания в слитном оформлении этой структурной модели сложных слов вполне оправданы неопределенностью выбора образца для их написания. Но с другой стороны, вряд ли правомерно сохранять в сложных именах существительных типа *бастарак – бас тарак, колязба – кол язба, балшыбын – бал шыбын, сувот – сув от* раздельное написание их компонентов, свойственное словосочетанию, так как, это в какой-то мере приводит к разрушению структурно-семантической монолитности сложных слов.

Исходя из языка, можно предполагать, что в данных словах процесс словообразования заключается в переходе от синтаксической конструкции к универбу, то есть в стяжении, свертывании этой конструкции в единое слово. Например, сравнительно небольшой словообразовательный ряд сложных слов со вторым компонентом *язба* «письменный, письмо» пополнился в последнее время еще одним производным, включив сложное имя существительное *йолязба* «путевые заметки». Рассмотрим структурное развитие этого слова.

Термин рукопись документально зафиксирован в 1940 году в работе Н.А. Баскакова «Ногайский язык и его диалекты» в виде однокорневого слова *«язба»*. Однако слово *«язба»*, постепенно преобразуясь по законам образования сложных слов в языке, утверждается в словарном составе в форме *«язба»:* композитное значение *кол* «рука», *язба* «письмо, письменный»; структурно-семантическое значение «ручной, письменный»; словообразовательное значение «рукопись». По аналогии со словом *«колязба»* стали появляться в языке новые производные: *йылязба* «летопись», *ойязба* «сочинение», *йолязба* «путевые заметки».

Так же по аналогии образовано новое слово *беженуьй* «хранилище». Слово *ожагуьй* (арх.) «дом, двор, хозяйство» явилось прототипом для выделения словарных слов: *казануьй* (диал.) «кухня», *конагуьй* «гостиница», *аятуьй* «прихожая, сени», *беженуьй* «хранилище».

Сложное слово *«беженуьй»* было создано (или, по крайней мере, пущено в обиход) в 1977 г. писателем И. С. Капаевым в произведении «Бердаьзи» на основе слов *бежен* «сапетка, плетеное приспособление для зимнего хранения кукурузы в початках» + *уьй* «помещение, дом, жилище» [4, с. 30]. Всё это показывает, что сложные слова производятя по модели ранее образованных, исторически сложных слов. При этом следует отметить, что в данных словах происходит переосмысление значений и грамматических функций их компонентов.

Как известно, в каждом языке для выражения тех или иных новых понятий используются свои собственные ресурсы. В данном случае слова типа *-уьй, -язба, -бас, -яга* и другие лексические единицы независимо от месторасположения выполняют функции словообразовательных морфем или аффиксов.

Естественно, приведенный перечень языковых явлений, анализ которых поможет раскрыть особенности лингвистической организации сложных образований, очень приблизителен и неполон. В процессе работы над сложным словом он будет конечно уточняться. Ясно одно, что процесс превращения сложений в лексическую единицу сопровождается разнообразными позиционными изменениями компонентов сложных слов, часть из которых обусловлена фонетическими законами (ассимиляцией, редукцией, элизией, протезой, эпентезой).

Таким образом, в зависимости от наличия между компонентами сложного слова той или иной семантической связи все соотносительные им сложные имена подразделяются на три основные группы: 1) сложные слова, в которых произошло слияние компонентов, полностью

утративших генетическое значение; 2) сложные имена существительные, появившиеся в результате сложения компонентов частично сохранивших свое значение и свое ударение; 3) сложные имена существительные, возникшие из словосочетаний, то есть созданные в индивидуальном порядке по моделям словосочетаний, так называемые аналитические наименования. Каждый тип имеет свои особенности, обусловленные морфологической структурой и лексико-словообразовательной функцией нового сложного слова.

Анализ указанных групп сложных слов с точки зрения их внутреннего семантического строения и сопоставления их между собой по степени смыслового содержания показывает, что сложные имена существительные имеют следующие лексико-семантические, морфологические и синтаксические особенности.

1. По своей морфологической структуре все три группы являются сложными. Например, сложные слова первой группы: *боьригоьз* «паслен» (*боьри – коьз); кысалтай (кысы алты ай)* «полгода зимы». Сложные слова второй группы: *бет-намыс* (порядочность, совесть), *бар-йок* «небылица», *ата-ана* «родители». Сложные слова третьей группы: *куьн коьзи* «луч», *тань сарысы* «ранняя заря».

2. Сложные слова, входящие во все указанные группы являются единицами словарного составного языка, способными изменяться и сочетаться с другими словами в предложениях и служить основой для словообразования или словоизменения.

3. Словообразовательные основы, как первой, так и второй и третьей групп слов могут быть корневыми, производными или грамматически оформленными.

4. Все группы сложных слов выполняют одинаковую синтаксическую функцию в предложении. Мы приходим, таким образом, к необходимости признать тот факт, что именно первая группа сложных имен существительных в результате сложения, сращения компонентов приобретает семантическую цельность. Потому что процесс превращения компонентов в одну лексическую единицу сопровождается разнообразными фонетическими изменениями. Наблюдаются различные случаи ассимиляции звуков компонентов сложного слова (сингармонии звуков): *буьртик* «зерно, зернышко, семя» *(бир + туьк)*. Синкопированные соединения: *каймике* (диал.) «старшая золовка» (*кайын + бийке)*. Редукция конечного гласного первого компонента: *эшкемшек* «акация финиковая косточковая» *(эшки + эмшек)*. Элизия или стяжение одного гласного **а**: *карат* «вороной» (кара + ат).

По линии консонантизма отмечаются чередования глухих и звонких согласных на стыке двух основ в зависимости от фонетической позиции, в которую они попадают: балгос «домик пасечника» (бал + кос).

Первый компонент сложного слова морфологически сводится к корню имени существительного, а второй компонент утрачивает аффикс принадлежности – и: *сувдынъ ягасы>сувяга* «берег», *сувягар* «набережная»». Эти и другие изменения исторически возникли разными путями: слитное написание слов этой группы поддерживается произношением и отражает воздействие фонетического принципа. Исходя из способов образования, слитные сложные слова делятся на два разряда: сложные слова – сращения и сложные слова – сложения, в этом числе сложные слова – кальки.

Морфологическая целеоформленность – постоянно и достаточно весомый признак для разграничения этого структурного типа сложных слов от парных и аналитически сложных слов.

Парные сложные слова с устойчивым порядком следования равноправных компонентов, сохраняющих свое ударение и значение каждого компонента, приобретают новое значение собирательности и обобщенности. В структурно-генетическом плане парное именное образование имеет отличие от других типов сложных слов. В качестве составляющих в названных образованиях, в отличии от других групп сложных слов, обычно выступают слова, принадлежащие к одной той же части речи: имя существительное + имя существительное: *эс-акыл* «сознание»; причастие + причастие: *келген-кеткен* «посетители», *еткен-еткен* «каждый встречный».

Что касается семантики этой группы слов, то в целом она возникает как результат синонимических, антонимических сочетаний или повтора и как бы равно сумме значений компонентов. Большинство парных слов употребляется в прямом значении, хотя наблюдаются при этом и сложения с переносным, образным значением: *канат-куйрык* «наследник», *бас-коьз* «забота, опекунство», *бас-сыйрак* «беспорядок».

В словообразовательном отношении данная группа слов однотипна. Иногда парные слова состоят из двух слов, из которых одно заимствованное слово (введение значения иноязычного слова): *эм-дарман* «лечебное средство» (снадобье – лекарство), *аман-эсен* «благополучие». Цельнооформленность в парных словах носит относительный характер, так как парность сложной основы остается всегда ощутимой. Сложные слова данного структурного типа представляют собой наиболее продуктивную разновидность сложных слов и функционируют в языке в виде парных слов, образованных для выражения нового лексического значения или же грамматических форм слова.

Аналитические (составные) слова представляют собой сочетания двух слов, обладающих структурной и семантической самостоятельностью, но объединенных общей лексической или грамматической функцией. Данный структурный тип сложных слов является наиболее близким словосочетаниям. Однако они являются разнопорядковыми единицами. Этот структурный тип сложных слов, восполняющий в языке отсутствие прямого обозначения понятий предметов, явлений продолжает активно пополнять словарный состав современного языка. Поэтому представляется правомерным выделение аналитических слов в самостоятельный структурный тип. Исходя из словообразовательных и лексико-семантических отношений между компонентами аналитических слов и соотношений этих слов со словосочетаниями, данная группа разделяется на три подтипа: а) составные слова, образовавшиеся путем соположения двух слов: *алма терек* «яблоня», *уьстев соьз* «приложение», *созык сес* «гласный», *Кызыл-Тогай* «название населенного пункта»; составные слова, образованные путем соединения именной части речи в нулевой форме Вин. падежа с именем действия: *сый табув* «заслуга»; в) отдельных случаях составные слова образуются по схеме второго типа изафета: *ер юзи* «планета, земля, мир, свет»; *коьз карасы* «зрачок»; *агаш иеси* «леший» и т.д.

Таким образом, анализ сложных слов в плане структурно-семантических и морфонологических изменений компонентов в составе сложного слова, позволяет сделать следующие выводы:

1. Все сложные слова обладают характером устойчивой грамматической структурой, в которой мотивирующие компоненты воспринимаются как словообразующие морфемы.

2. Выяснение структурной и семантической основы сложнообразованных сложных слов и их отличительных признаков имеет решающее значение и для установления других типов орфографии сложных слов. Тот факт, что его компоненты являются несамостоятельными словами, а морфемами, то есть корнями одного слова, предопределяют его правописание: компоненты этого типа сложных слов пишутся слитно.

3. Сложные слова, как семантические единства, обладающие грамматической (морфологической и синтаксической) и интонационной, то есть фонетической, монолитностью, относятся к слитным сложным словам, чего нельзя сказать о словосочетаниях: *алтынсуьрик* «иволга»,но *алтын юзик* «золотое кольцо», *кызылтоьс* (диал.) «снегирь», но *кызыл гуьл* «красная роза».

4. Компоненты слитных сложных слов, как морфемы, не подвергаются инверсии: *туздаьм* «пища, еда», но *(даьм, туз),* сарытамыз «июнь», но *(тамыз, сары)* [8, с. 59].

Семантические и морфологические отношения между компонентами сложных слов позволяют вместо множества различных формулировок правил слитного и раздельного написания сформулировать всего три:

1. Если при пропуске первой части сложного слова совершенно меняется или теряет смысл целого, то такие сложные слова пишутся слитно.

2. Сложные слова, первая часть которых сохраняет определительные функции и вторая часть имеет аффикс принадлежности *(-и, -си, -ы, -сы*), пишутся раздельно.

3. Дефисное написание сложных слов в целом имеет только семантическую основу, через дефис пишутся сложные слова: собственно-парные: *ата-ана* «родители», *курт-кумырска* «насекомые» и парно-повторные *айта-айта и т.д.*

---

1. Базарова Д.Х. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. – Ташкент, 1978. – С. 79.

2. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. – М.; Л., 1940. – С. 79.

3. Калмыкова С.А. Грамматика ногайского языка / С.А. Калмыкова, М.Ф. Саруева. – Черкесск, 1973. – С. 121.

4. Капаев И.С. Бердаьзи. – Черкесск, 1977. – С. 30.

5. Орузбаева Г.О. Словарь М. Кашгари как источник для изучения лексики // Советская тюркология. – 1972. – №1. – С. 45.

6. Потапов Л.П. «Йер суб» в орхонских надписях // Советская тюркология. – 1979. – №6. – С. 72.

7. Севортян Э.В. Словообразование в тюркских языках //Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1956. – С. 321.

8. Фаммуз – таммуз – тамыз в мифологии шумерский бог зерна, растений, воды и плодородия, умирающий осенью и возрождающийся весной // Русский язык и литература в средних учебных заведеиях УССР. – 1990. - №10. - С. 59.

9. Юлдашев А.Ю. К характеристике тюркских сложных слов // Вопросы языкознания. – 1969. - №5. – С. 72

АЛИЕВА Т. К.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

ЯЗЫКИ НАРОДОВ КЧР: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социолингвистика, как известно, изучает преимущественно язык в связи с социальными условиями его существования, т.е. по образному выражению американского ученого Уильяма Лабова, она изучает «язык в его социальном контексте». В рамках социолингвистики исследуются такие понятия, как языковое сообщество, языковая ситуация, социально-коммуникативная система, языковая социализация, коммуникативная компетенция, языковой код, переключение кодов, билингвизм (двуязычие), диглоссия, языковая политика, а также такие понятия как языковая норма, речевое общение, речевое поведение, речевой акт, языковой контакт, смешение языков, язык-посредник и др. Хотя понятие языковая ситуация применяется обычно к большим языковым сообществам (странам, регионам, республикам), в контексте общей языковой ситуации в не меньшей мере возникает необходимость освещения языковой ситуации по отношению к языкам малочисленных народов. Ученые всей планеты сегодня обеспокоены проблемой отмирания языков малочисленных народов. Доказано, что наиболее существенных результатов в деле сохранения и развития языков достигают те государства, в которых реализуется планомерная, продуманная, научно обоснованная языковая политика, эффективность и результативность которой заключается в научно-профессиональном подходе к её изучению – определению ее перспектив с учетом современных социально-политических условий и новых методологических подходов к ее формированию и реализации.

В традиционном понимании языковая ситуация это «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно политических образований» [9, С. 616]. При этом современные лингвисты подчеркивают многомерный характер методологических подходов. Так, некоторые ученые делают акцент на этнический, языковой и культурный аспекты, отмечая сочетание «коллективного и индивидуального начал» в «социолингвистическом портрете» языка [6, С. 27], другие предлагают рассматривать языковую ситуацию как общелингвистический

концепт, реализуемый в рамках различных лингвистических парадигм, в первую очередь социолингвистической и лингвокультурологической и т.д. С помощью социолингвистического инструментария ученые распределяют языки по сферам общения, изучают их функциональный статус, демографическую мощность, выявляя тенденции развития или, наоборот, угасания языка как компонента национальной культуры, делают прогнозы относительно витальности языка. Современные ученые также изучают ментальные установки этноязыковых коллективов по отношению к сохранению родного языка и культуры.

Языковая политика в России — система мероприятий в сфере языковой ситуации России, которая регулируется двумя нормативно-правовыми актами — Законом «О языках народов Российской Федерации» и Законом «О государственном языке Российской Федерации». Вопросы государственной языковой политики получили свое последовательное развитие в федеральных законах «Об образовании», «О национально-культурной автономии» и др. Конституция РФ (ст. 68) гарантирует всем народам страны право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В систему языковой политики входят также вопросы сохранения культурно-языкового многообразия, способствующие оптимизации межэтнических отношений, консолидации и толерантности. Характеризуя общую языковую ситуацию в РФ, следует отметить, что её социолингвистическими факторами являются сохранение общего для всей страны коммуникативного пространства, стабильности этнолингвистических и социально-демографических структур населения республик, выполнение русским языком функций межнационального макропосредника.

При этом во многих субъектах Российской Федерации, в том числе и в КЧР, на сегодняшний день остро стоит вопрос определения перспектив языковой политики с учетом современных социально-политических условий и новых методологических подходов к ее формированию и реализации.

Сегодня мы не располагаем социолингвистическими данными, отражающими состояние языковой ситуации в КЧР. Пролить свет на некоторые вопросы этноязыковой ситуации в КЧР могут данные Росстата по переписи населения (2010г). Так, по материалам Всероссийской переписи населения в Карачаево-Черкесской Республике проживает всего 477859 человек. Из них: карачаевцев — 194324 чел. (41,0%), русских — 150025 чел. (31,6%), казаков — 465 чел. (0,1%), черкесов — 56466 чел. (11,9%), абазин — 36919 чел. (7,8%), ногайцев — 15654 чел. (3,3%), осетин — 3142 чел. (0,7%), армян—2737 чел. (0,6%), украинцев—1990 чел. (0,4%), других национальностей—13103 чел. (2,7%).

В таблице, где приводится национальный состав населения Российской Федерации, балкарцев — 112 924; кабардинцев — 516 826; карачаевцев — 218 403; черкесов — 73184; ногайцев — 103660; абазин — 43341человек.

В таблице «Население РФ по владению языками» по данным переписи 2010 года приводятся следующие цифры: кабардино-черкесским языком владеют всего 515 672 чел.(всего по РФ по данным переписи 2010 года кабардинцев и черкесов – 5900010чел.); карачаево-балкарским - 305 364, (общее количество карачаевцев и балкарцев – 3331327 чел.); ногайским языком – 87119 человек; абазинским – 37831 человек. Приведенные цифры говорят сами за себя – многие представители народов не владеют языками своих этносов.

На основании Закона «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (1996г.), государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются русский, карачаевский, абазинский, ногайский и черкесский. На этих языках ведется телерадиовещание, издаются газеты, книги и журналы.

Однако в то время, когда одновременно с принятием Законов о языках или с некоторым временным разрывом во многих республиках РФ приняты Программы сохранения и развития государственных языков титульных этносов, в КЧР этого не произошло. В КЧР также не создан центр по руководству, координации и налаживанию практической деятельности всех министерств, ведомств и организаций, заинтересованных и ответственных за внедрение в жизнь Закона о языках. Ни КЧГУ им. У.Д. Алиева, ни КЧИГИ как академические научные учреждения, не привлечены для разработки программ развития языков народов КЧР.

При этом в Концепции национальной политики КЧР отмечено, что «содействие развитию общероссийской культуры, национальных культур и языков народов республики» [8: 2]. входит в основные принципы национальной политики КЧР. Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики», который «направлен на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков народов Карачаево-Черкесской Республики», гарантирует, что «Карачаево-Черкесская Республика на своей территории решает все вопросы, связанные с языками, обеспечивает их экономическую, социальную и юридическую защиту, стимулирует их изучение» [5: 2]. Статья 4 главы 1 этого же Закона гласит: «Государственные программы сохранения и развития языков народов Карачаево-Черкесской Республики разрабатываются органами государственной власти республики» [5: 2].

Составление региональных Программ поддержки и развития языков народов КЧР – составная часть Концепции национальной политики КЧР. Языковая ситуация в регионе требует решения вопросов по организации целенаправленной языковой политики по языковому строительству и языковому планированию: определить приоритетные направления развития языковой системы, основные целевые направления языковой политики, которые должны отражаться в долгосрочных и краткосрочных Программах сохранения и развития государственных языков КЧР. Непременными направлениями таких программ, как правило, являются: 1) усовершенствование национальной школьной системы образования; 2) создание новых поколений учебников и учебных пособий, двуязычных, толковых, нормативных, этимологических и других словарей как предпосылка сознательной нормализации языка; 3) формирование комиссий по нормализации и унификации региональных литературных норм, алфавитов и орфографий и др.

Во многих национальных регионах РФ реализация законов о языках предусматривает разработку и реализацию целого комплекса программ.

К примеру, в КБР для реализации закона о языках в 1996 году была разработана Государственная программа развития языков в КБР (рассчитанная на 10 лет), которая явилась юридическим обязательством Правительства КБР содействовать развитию национальных языков. Принятый в 1999 году «Закон КБР « республиканском комплексе учебников для образовательных учреждений» стал основой для разработки программ и учебников по дисциплинам национально-регионального компонента образовательных программ. Вопросы регулирования межэтнических отношений и языкового планирования отражены в целевой программе «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности в КБР» на 20111-2015 годы, в республиканских законах «Об образовании»», «О культуре» и др. В целях сохранения и развития языков народов Кабардино-Балкарской Республики принят «Закон КБР «О внесении изменений в Закон КБР «О языках КБР». По этому закону Правительством КБР образуются специальные уполномоченные коллегиальные экспертно-консультативные органы по сохранению и развитию указанных языков. 21 октября 2013 года Правительство КБР подписало распоряжение №548-РП об утверждении Положения об экспертно-консультативном совете по сохранению и развитию языков (кабардино-черкесского и карачаево-балкарского) коренных народов КБР при Правительстве КБР и составе экспертно-консультативного совета по сохранению и развитию языков (кабардино-черкесского и карачаево-балкарского) коренных народов КБР при Правительстве КБР и др.

Система образования, как правило, – зеркало языковой ситуации в регионе и положение дел в ней может отразить динамику её улучшения или ухудшения. Как лакмусовая бумажка, она выявляет уровень национального самосознания и этнической культуры народа, отношение властей к языковым проблемам и многие проблемы языковой ситуации.

Из таблицы классификации угроз исчезновения языка по степени опасности, разработанной ЮНЕСКО, выделим два пункта:

1.Серьёзная опасность исчезновения грозит тем языкам, носители которых постепенно отходят от языка: к примеру, старшее поколение (дедушка и бабушка) общается на родном языке, среднее поколение понимает родной язык, но не общается на нём между собой и с детьми;

2. Опасность исчезновения грозит тем языкам, дети носителей которых не изучают в школе родной язык.

Первая позиция опасности исчезновения языка сегодня является типичной для городских семьей КЧР. Действительно, приведенная схема владения родным языком способствует падению престижа родного языка, создает условия для его постепенного исчезновения. Похожая ситуация складывалась у депортированного народа. Многопоколенность семьи, способствующая передаче традиций, здесь разрывалась искусственно в результате изолирования семей друг от друга. Сегодня карачаевцы живут компактно на исторической родине, однако ценности, ради которых народ стремился на землю предков, преемственность поколений, безвозвратно теряются. Таким образом, традиция передачи языка и опыта народной культуры от родителей к детям не «работает».

По второй позиции ситуация обстоит следующим образом: хотя в школах КЧР сегодня родной язык изучается, тем не менее языковая ситуация в регионе далека от благополучной. Объяснений здесь может быть множество: во-первых, сегодня родной язык в школе имеет статус изучаемой дисциплины, в отличие от 30-х-40-х годов, когда в национальной начальной школе родной язык был языком обучения всех дисциплин. Во-вторых, изучение родного языка – дело добровольное (не обязательное). Это значит, что родители могут откааться от изучения ребенком родного языка, хотя это юридически неверный подход: каждый гражданин страны (а ребенок - тоже гражданин) должен сам решать, каким языком ему пользоваться. Если по решению родителей ребенок не изучал родной язык, то он априори не носитель языка. Налицо нарушение прав ребенка: каждый человек обязательно должен изучить свой родной язык, а вопрос о том, использовать его как средство общения, или нет, он может решить позже. Приведенные причины, способствующие постепенному росту представителей народа, не владеющих языком, и впоследствии угрожающие жизнеспособности языка, лежат на поверхности и могут быть устранены при грамотном подходе к решению задач языковой политики.

Примерную степень заинтересованности народов в сохранении и развитии родных языков дают статистические данные.

Таблица №1. Дошкольные учреждения по языкам, на которых ведется работа в группах

(данные Росстата за 2011 г.)

абазинский	6
кабардино-черкесский	15
карачаево-балкарский	8
ногайский	5

Таблица №2. Среднее образование

(данные Росстата с 1995 по 2003 годы по КЧР и КБР)

Язык	Число школ с преподаванием на языке					Число школ с преподаванием языка как предмета				
Год	1995/96	1997/98	2000/01	2001/02	2002/03	1995/96	1997/98	2000/01	2001/02	2002/03
Абазинский	1	1	0	0	0	32		31	32	35
Балкарский	23	17	10	8	5	68		78	88	89
Кабардинский	106	92	86	74	74	179		188	208	219
Карачаевский	0	0	0	0	0	105		110	107	111
Ногайский	2	0	0	0	0	9		9	10	11
Черкесский	8	7	7	8	7	41		43	41	43

Неполные данные о состоянии обучения на родном языке и их изучения как предмета говорят о том, что эксперимент по обучению на родном языке показал несостоятельность благих намерений авторов проекта. В полиэтническом регионе «замкнутый» однобокий характер этнизации школы вызвал негативное отношение большинства родителей. Несколько иную, современную концепцию содержит Федеральный проект «Развитие учебно-методической и кадровой базы по формированию российской гражданской идентичности в условиях поликультурного образования» По мнению авторов этого проекта (Т.Камболов, Р. Бзаров, А. Левитская), введение в ДОУ и школах экспериментальной модели полилингвального образования, где обучение ведется параллельно на двух языках - родном и русском – дает реальные гарантии для сохранения и развития родного языка. Кроме этого, решение этой задачи предполагает формирование системы ценностных ориентаций, гражданственности, патриотизма, толерантности, чувства собственного достоинства, умения понимать другого и самого себя. Проект работает в Северной Осетии, Чеченской Республике, Башкортостане. В рамках данного проекта в филиале кафедры ЮНЕСКО авторской группой разработаны УМК для 1 кл. и учебные материалы для ДОУ КЧР. Это УМК (учебники, рабочие тетради, прописи и методические пособия) на русском и карачаевском языках по окружающему миру, математике, ИЗО, музыке, а также по карачаевскому языку для детей, владеющих и не владеющих родным языком. Создан также прекрасный комплект для детей по русскому языку как неродному. Все учебники и учебные материалы прошли экспертизу и рекомендованы Министерством образования и науки РФ к использованию в экспериментальном формате в школах КЧР. Один из учебников – «Харифле» (для владеющих родным языком) - уже издан. Осталось издать и внедрить в школьную и дошкольную системы образования остальные учебные материалы – всего 45 наименований. Однако для их издания в КЧР средств не оказалось.

Проблема языковой ситуации в системе высшего образования - предмет отдельного исследования. Однако, изучая языковую ситуацию в регионе, нельзя не коснуться положения дел в вузах Республики. Судя по научной и учебно-издательской деятельности ученых КЧГУ, следует сделать вывод, что факт заинтересованности в вопросе сохранения и развития языков народов КЧР очевиден. Об этом говорят направления деятельности кафедр карачаевской и ногайской филологии, черкесской и абазинской филологии. Так профессорско-преподавательский состав кафедры принимает активное участие в организации и проведении региональных, всероссийских, международных научных конференций по теме «Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков народов Северного Кавказа». Как центр национальной культуры, языка и литературы, кафедра проводит значительную работу по пропаганде, сохранению и развитию национальных языков и культур, фольклорного богатства, вобравшего в себя философию и мудрость народов КЧР. Коллектив кафедры реализует проекты по разработке учебников, участвует в конкурсе грантов по проблеме сохранения языков народов России. Однако в системе высшего образования накопилось много проблем, которые предстоит решить.

Уровень заинтересованности народов в сохранении и развитии родных языков отражается также в поддержке ими печатных СМИ на родных языках. Судя по данным Росстата, этот уровень очень низкий. Печатные СМИ на языках народов КЧР и их реализация:

Таблица №3.

Язык	Выпуск газет на языках народов КЧР	Годовой тираж газет на языках народов России	Кол-во жур-ных изданий на языках народов России	Годовой тираж жур-ных изданий на языках народов КЧР	Численность народов в России
Год	1996	1996 *(тыс. экз.)*	1996	1996 *(тыс. экз.)*	1996
Абазинский	1	422	0	0	37942
Балкарский	1	900	2	2	108426
Кабардинский	3	3047	1	5	519958
Карачаевский	1	1260	0	0	192182
Ногайский	2	449	0	0	90666
Черкесский	0	0	0	0	60517

Таким образом, разработка программных действий должна быть закреплена поддержкой со стороны самих народов. В этом плане социолингвистические исследования проводятся в направлении изучения потребностей заинтересованных групп, их активности, национального самосознания и т.д.

Первостепенной задачей социолингвистов сегодня является комплексный анализ языковой ситуации в республике и выработка теоретических и практических рекомендаций для прогнозирования развития языков народов КЧР. Необходимо проанализировать социодемографический и этноязыковой состав населения КЧР и особенности его территориального расселения; исследовать ситуацию двуязычия в республике; проанализировать тенденции языкового поведения различных групп носителей языков; выявить влияние социальных процессов на развитие языков народов КЧР, изучить и решить проблемы литературных и орфографических норм, а также языковой вариантности, которая касается карачаево-балкарского и кабардино-черкесского языков.

Для выработки литературных и орфографических норм, унификации языка, повышения культуры речи, социолингвистической идентификации языков необходимо создать соответствующие условия. Данные, приведенные в статьях по идентификации языков народов КЧР Колесник Н.Г. (Абазинский язык; Кабардино-черкесский язык; Карачаево-балкарский язык; Ногайский язык), которые включены в социолингвистическую энциклопедию «Письменные языки мира». [7, С. 54, 182, 204], документируют языковую ситуацию 10-летней давности и могут быть полезны для исследования языка в его эволюции. Однако сегодня мы не располагаем социолингвистическими данными о языках народов КЧР, которые бы могли представить картину о вышеприведенных возможностях языка.

В дополнение к материалу по общей языковой ситуации, позволим себе на примере двух тюркских языков, функционирующих в КЧР, показать уровень их витальности в системе тюркских языков России.

В соответствии с социальной востребованностью и широтой охвата сфер функционирования тюркские языки России А. Баскаков подразделяет на следующие группы:

1. Категория языков тюркских народов России, обладающих наиболее высокой степенью витальности благодаря наивысшим показателям использования в семейно-бытовом общении, образовании и трудовой деятельности. К этой группе могут быть отнесены тувинский и якутский языки, а их носители — тувинцы и якуты — к народам, наименее подверженным национально-языковой и культурной ассимиляции.

2. Башкирский, татарский и чувашский языки могут быть отнесены к языкам народов России с относительно высокой степенью витальности главным образом благодаря многочисленности их носителей и развитости самих языков, а также социокультурной инфраструктуры в Башкортостане, Татарстане и Чувашии.

3. Алтайский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский и хакасский языки, имеющие, как указано выше, государственный статус, тем не менее не обладают высокой степенью витальности ввиду относительной немногочисленности носителей и недостаточно высокого уровня структурного развития, что существенно ограничивает их применение в сферах образования и квалифицированной трудовой деятельности. Витальность этих языков поддерживается главным образом благодаря компактному расселению в сельской местности большинства их носителей, владеющих диалектами, говорами и просторечными формами родных языков.

4. Последними на шкале жизнеспособности тюркских языков России располагаются шорский, долганский и тофаларский языки малочисленных тюркских этносов, а также языки казахов, азербайджанцев, узбеков, туркменов, киргизов, каракалпаков, уйгуров и прочих этнических групп, не имеющие официального статуса хотя бы номинально и защищённые федеральным и республиканским языковым законодательством, ограниченно используются в бытовом общении и практически не применяются в сферах образования и трудовой деятельности. Без серьёзной государственной поддержки, главным образом в системе народного образования, владение указанными языками младшими возрастными группами этих национальностей в ближайшем будущем будет полностью утрачено. [7, С. 17].

Вышеприведенные материалы – серьезный повод для беспокойства всего гражданского общества КЧР о дальнейшей жизнеспособности языков своих этносов.

1. Аккиева С. И., Улаков М. З. Этноязыковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике и проблемы реализации языковой политики. – Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, №6.(56) 2013. С.138-143.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. — Л., 1975.
3. Алпатов В. В. Языковая ситуация в регионах современной России //«Отечественные записки», № 2, 2005.
3. Баскаков А.Н.Тюркские языки: судьбы и прихоти. – Татарский мир.- №15, 2003. – С. 13-18.
4. Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики».– Черкесск, 1996.
5. Иванищева О. Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: подходы и методы исследования. Мурманск: МГПУ, 2008. 164 с.
7. Колесник Г. Н. и др. Социолингвистическая энциклопедия «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации», Книга 1. М., — 2000; Книга 2. М., — 2003.
8. Концепция национальной политики КЧР. — Черкесск, 2009.

YUSUF ALTINIŞIK

ANA DİL VE NOGAY AYDINI

ЮСУФ АЛТЫНШЫК

ХАРРАН Университет,
г. Шанлы Урфа. Турция

НОГАЙСКИЙ ЯЗЫК — МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК НОГАЙЦЕВ ТУРЦИИ

İnsan ve dil... Biri birisiz düşünülemeyecek, birbirinden ayrılamayacak iki anlamlı kelime.

Dil, güzellikleri başkalarıyla paylaştığımız sırlı dünyadır. Yüzyıllar öncesinin bilgi ve düşüncelerini bize ulaştırdığı gibi, bizim düşüncelerimizi, gönül varlığımızı geleceğe ulaştırır.

Dil, düşünce ve duyguları nesilden nesile, insandan insana aktarma aracıdır. Her türlü kültür faaliyetinin temeli dildir. İnsanoğlu dille düşünür. Dili kullanarak bilgi edinir." [1, s. 27]

Nevai, "İnsan konuşma özelliğiyle bütün varlıkların önüne geçmiş, dil ile seçkinlik kazanmıştır." der. [3 , s. 165]

En tatlı nağmeleri terennüm eden bir kuş, serin serin esen rüzgar, başımızın üstünden bütün güzelliğiyle süzülüp giden bulut, karşımızda bütün endamıyla boy veren ağaç, baharın simgesi kelebek…ve nice güzellikler, her insanın ruhuna farklı manalar telkin eder. Aynı dili konuşan kişilerde gördüğümüz bu mana zenginliği, farklı dilleri konuşan insanlar arasında daha bir çeşitlilik ve zenginlik kazanır.

Etrafımızdaki güzellikler, bütün dillerin incelikleriyle söz incisine döner ve ruhlarımızı süsler.

Dil, bizi bazen medeniyet hatıralarının saklandığı bilgi hazinelerine götürür. Bazen bizi cihan ufuklarını aydınlatan düşünce iklimlerine kanatlandırır. Bazen hayali cihan değer hatıralara ulaştırır. Bazen de bir şairin gönül dünyasındaki ürperişlerle baş başa bırakır. Artık biz, bütün güzellikleri, bir Fuzuli, bir Nevai, bir Mehmet Akif, bir Tolstoy, Lamartin, Goethe ve bir Puşkin'in mısralarında veya satırlarında yeniden görür, yeniden yudumlarız.

İnsanoğlu yeryüzüne geldiğinden beri sürekli, etrafında olup biteni anlama çabası içinde olmuştur. Bu çabaların sonuçları, dil aracılığıyla insanlara sunulmuştur. İnsanlık tarihi bir çeşit anlatma, konuşma ve yazma tarihidir. [5, sayı:74]

Dünyada, 5000'e yakın dil olduğunu söylüyor uzmanlar. Maddi ve manevi güzelliklerin yüzlerce farklı kelimeyle ifade edilmiş olması, insana hayranlık veriyor. Mesela çiçek kelimesinin beş bin farklı kelimeyle söylenişi, bize heyecan vermez mi? Bu ne harika bir güzellik ve zenginliktir ki her varlığa beş bin türlü seslenebilmekteyiz.

Dil, insanlığın ortak değeridir. Bize düşen kendi dilimizin güzelliklerinden alabildiğince istifade ederek onun imkânlarıyla fikir, sanat ve duygu ufuklarında alabildiğince at koşturmaktır. Etrafımızdaki güzellikleri, kendi dilimizle yeniden bezemek, âlemi saran güzelliklere kendi dilimizin güzelliğiyle iştirak etmektir.

Bu hususta edebiyatçılara, sanatkârlara çok büyük sorumluluk düşmektedir. Çünkü sanatkârlar kendi toplumlarının harçları, onları birbirlerine bağlayan çimento; kültürler arasında köprü konumundadırlar. Bu gönül ve kültür erleri, verdikleri eserlerle dil ve kültürleri inşa eder, toplumu ayakta tutan değerlerin koruyucu kaleleri olurlar.

Toplumlarına ufuk açan aydınlar için en doğru yol, birikimlerini, ana dilleriyle ifade etmeleridir. Gerçek aydınlar, toplumlarının diliyle eser yazarlar. İçinde yaşadıkları cemiyetin bilgi ve kültür seviyesini yükseltmeyi, daimi hedef olarak görürler.

Toplumuyla herhangi bir şekilde bağ kuramayan, daha doğrusu içinde yaşadığı cemiyete anlayacağı dil ile hitap edemeyen aydınların topluma herhangi bir şey vermeleri de mümkün değildir.

Bütün zorluklara rağmen ana dille konuşmak ve yazmak gerekir. Çünkü duygularımızın bütün inceliklerini, kalbimizin coşkun heyecanlarını, aklın derin yönelişlerini ancak ana dille daha iyi ifade ederiz.

Yukarda andığımız hassasiyetler korunursa, kültürler arasındaki farklılık, dil inkişâfı ve edebî zenginliğin kaynağına dönüşür. Önemli olan, bizi kuşatan bütün güzelliklerin farkına varmak, sonra bunu, ana dille, başkalarıyla paylaşmaktır.

Ele aldığımız konu üzerinde Nevai'nin gösterdiği hassasiyeti anmadan geçemeyeceğim. Nevai, konu hakkındaki görüşlerini meşhur eseri Muhâkemetü'l-Lugateyn'de dile getirmiştir:

"Yetenekli gençler, kendi dilleri dururken başka dille eser yazmamalıdır. Eğer her iki dille şiir yazabilecek kabiliyette iseler, kendi dillerinde daha çok eser vermelidirler. Hiç olmazsa başka dille yazdıkları kadar kendi dilleriyle de yazmaları gerekir."

Nevâyî ana dilinin güzelliğini keşfedebilmiş, eserlerinin çoğunu ana dilinde vermiştir:

"Türkçenin bunca genişliği gerçekti, ancak bu hakikat herkes tarafından bilinmiyordu. Türk dili bırakılmak üzere idi. Ben de gençliğimde geleneğe uyarak ilk şiirlerimi Farsça söyledim. Kendimi anlamaya başlayınca, güçlükleri yenmek isteğiyle Türk diline döndüm ve onu düşünmeye başladım. O zaman gözlerimin önünde on sekiz bin âlemden daha geniş bir âlem belirdi. O âlemin süslerle dolu göğü bana dokuz felekten daha yüksek göründü. İncileri yıldız cevherinden daha parlak olan erdem hazinesi bana açıldı. Orada gülleri, gökteki yıldızlardan daha parlak, içine yaban ayağı girmemiş, yaban eli değmemiş bir gül bahçesine rastladım. Fakat bu hazinenin bekçisi olan ejderleri kan dökücü idi. Güllerinin dikeni de sayısızdı. Düşündüm ki, sanat ehli, bu ejderlerin zehiri korkusundan bu hazineye girememişler. Gönlüme öyle geldi ki, şairlerin seçkinleri, bu dikenlerin korkusuyla bu bahçeden bir gül bile koparmadan geçip gitmişler. Ben bu âlemi bırakıp gitmedim ve bakmaya doyamadım. Her şeyin değerini takdir etmesini bilen zevkim, bu hazineden sayısız inciler ve mücevherler topladı. Gönlüm o bahçenin güzel kokularından sonsuz sayıda gül ve yâsemin derledi." [3, s. 181; 4, s. 140]

Nevâî'nin Türkçe yazmaktaki asıl gayesi ilim, irfan ve sanatın yüceliklerinden milletinin de nasiplenmesidir. [2, C. IV, s. 17]

Cemiyetin aydınlatılması gereğine inancı, Nevâî'yi ana diliyle eser yazmaya sevk etmiştir. O günün şartlarında Türkçe konuşan halkın Farsça ve Arapça konuşan insanların sâhip olduğu kültürel kaynaklara onlar kadar sahip olmaması, Nevâî'yi, Türkçe yazmaya adeta mecbur etmiştir.

Güzellikler evrenseldir, sanat evrenseldir, gerçekler evrenseldir, ancak ifadeler millidir. Bizler ana dilimizle, evrensel birikime katkı sağlarız.

Her dil gibi Nogay Dili de daha bir işlenmeli ve zenginleştirilmelidir. Bu konudaki en büyük gayret, Nogay kültürünün değerli temsilcilerine düşmektedir. Nogay aydınlarının ve sanatçılarının atacağı adımlarda Türkiye Türkçesi ve Türk Edebiyatı en güzel numune olarak önlerinde durmaktadır.

Nogay Dilinin yaygın kullanımında Türkiye radyo ve televizyonlarının takibi de büyük önem kazanmaktadır. Türk medyasını takip, Nogay Türkçesinin yerleşmesi ve gelişmesine büyük katkı sağlayacaktır. Çünkü bu şekilde her Nogay ferdi, farkına varmadan kendi ana diline yönelecektir. Türkiye Türkçesi onun dilinde, Nogay Türkçesi olarak yansıyacaktır.

Ayrıca Latin alfabesinin kullanımının yaygınlaşması da Nogay dilinin daha kullanılır ve yaygın bir dil olmasında çok büyük etken olacaktır. Bu yaygınlaşma, Türkiye ile olduğu gibi Batı dünyasıyla da iletişimi kolaylaştıracak, bütün dünyanın kapılarını Nogay toplumuna açacaktır. Evrensel güzelliklere ulaşmanın yollarını kolaylaştıracaktır.

Pek tabii olarak her Nogay ferdi Kiril alfabesini de bilmeli ve kullanabilmelidir. Yüzyıllarca beraber yaşadığı çevreyle şimdiye kadar olduğu gibi bundan sonra da uyum içinde yaşayabilmesi gerekir.

Kendim de bir Nogay evladı olarak bütün dünyadaki Nogay halkını, Nogay insanının dertleriyle

dertlenen aydınlarını saygıyla selamlıyorum. Bu bilimsel toplantıda konuşulacak hayati konularla, inşallah Nogay toplumu daha parlak bir geleceğe erişecektir. Buna yürekten inanıyorum.

Bu vesileyle Türkiye ile ilişkilerini komşuluktan öte, dostluk seviyesine çıkaran ve içinde barındırdığı bütün topluluklara yaklaşımındaki örnek tutumuyla bütün dünyaya öncülük eden Rusya Federasyonu yetkililerine, bu çağdaş anlayışları için teşekkürü borç biliyorum.

Sözlerime son verirken ana dilim Nogayca yazdığım bir şiir denememi arz ediyorum.

YANKI

Gobuzdung tellerinde
Kainattı tınglamak
Yankılangan her nağme
Şişek aşgan bir emek

Küpölöklör kanat aştı
Etrafında yıllı nefes
Küldüng üstünde bu ses
Közdüng körgeni aynı ses

Bu yoşku neler aytar
Negedir bu heyecan
Anıyaklar kele közgö
Gayrısı ötürük kalgan
Saygılarımla…

[1]. KAPLAN, Mehmet; *Nesillerin Ruhu,* Hareket Yayınları, İstanbul, 1967.
[2]. LEVEND, Agah Sırrı, *Ali Şir Nevai*, TDK. Yayınları, C. IV. Ankara, 1965.
[3]. NEVAİ, Ali Şir; *Muhakemetü'l-Lugateyn*, haz. F.Sema Barutçu Özönder, TDKY, Ankara, 1996.
[4]. TARLAN, Ali Nihat; *Prof, Dr. Ali Nihad Tarlan'ın Makalalerinden Seçmeler,* Ankara, 1990,
[5]. TOKEL, Dursun Ali; *Ontolojik Analiz Metodunun Baki'nin bir Gazeline Uygulanışı*,Yedi İklim, sayı: 74, Mayıs 1996.

Əli ŞAMİL

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası

BİRİNCİ BAKI TÜRKOLOJİ QURULTAYININ GÖRÜNƏN VƏ GÖRÜNMƏYƏN TƏRƏFLƏRİ

Али Шамиль

Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана
г. Баку, Республика Азербайджан

ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ I – ой ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В г. БАКУ

Rusiya işğal etdiyi ölkələrin əhalisini assimilə etmək üçün öncə onları xristianlaşdırmağı planlayırdı. Sovetlər ateist ideologiyaya söykəndiklərindən və çar hökumətinin əsarət altında saxladığı xalqları azad edəcəyini vəd etdiyindən assimilə siyasətinin formasını dəyişdirdi. O, xalqları kiçik qruplara parçaladıqdan sonra, onların dilini, mədəniyyətini, tarixini unutdurub ruslaşdırmağı planladı.

1926-cı ildə Bakıda keçirilən I Türkoloji Qurultay haqqında istər zamanında, istərsə də sonrakı illərdə çoxlu məqalələr, kitablar yazılmış, haqqında toplantılarda, radio və televiziyada çox danışılmışdır. Yazılanlarda və çıxışların əksəriyyətində Qurultayın keçirilməsinin görünən tərəflərindən söz açılmış, Sovet

hökumətinin xalqların mədəni inkişafına göstərdiyi qayğı və diqqət geniş araşdırılmağa çalışılmışdır.

Təəssüf ki, I Türkoloji Qurultayın keçirilməsində Sovet hökumətinin əsil məqsədlərindən demək olar söz açılmamışdır. Buna da səbəb həmin dövrün sənədlərinin bir çoxunun arxivlərdə gizli saxlanılması olmuşdur. 1930-cu illərdə Qurultay iştirakçılarının böyük bir qisminin həbs edilməsi və güllələnməsi bir çox araşdırıcılarda belə bir fikir yaradırdı ki, Sovet xüsusi xidmət orqanları millətçi, vətənpərvər insanları müəyyənləşdirmək və onları aradan götürmək üçün I Türkoloji Qurultayın keçirilməsinə şərait yaradıb. Lakin uzun illər bu bir ehtimal olaraq qalırdı. Onu təsdiqləyəcək sənədlər əldə yox idi.

SSRİ dağıldıqdan sonra bəzi respublikalarda gizli arxivlərin bir qismi açıldı. Oradan əldə edilmiş sənədlər ehtimalları doğru olduğunu təsdiqləmiş oldu. Azərbaycan Milli Təhlükəsizlik Nazirliyinin arxivindəki sənədlər onu göstərdi ki, qurultayda Dövlət Siyasi idarəsinin yetərincə agenti - informatoru olmasına baxmayaraq, toplantıdan heç bir ay keçməmiş təşkilat komitəsinin elmi katibi, Fransadakı Ali Siyasi Akademiyada təhsil alıb vətənə dönmüş Əli Yusifzadə həbs edilərək üç aya yaxın dindirilmişdir. Müstəntiqlər ən çox iclaslardan kənarda gedən söhbətlər, həmin söhbətlərdə iştirak edən insanlar maraqlandırmışdır.

Qurultayda iştirak edən 131 nəfərin arasında cəmi bir nəfə noqay olduğu göstərilir. O da Şimali Qafqaz Ölkəşünaslıq İnstitutunda gəlmiş Abdülhəmid Canıbekovdur.

Açar sözlər:

Giriş

Rusiya işğal etdiyi ölkələri daimi əsarət altında saxlamaq üçün orada yaşayan xalqları müxtəlif vasitələrlə öz kökündən ayırmaq, dilini, mədəniyyətini, dinini dəyişdirmək assimilə etmək istəyirdi. Dövlətin strategiyasını müəyyənləşdirən hakim təbəqə isə Noqaylara qarşı daha sərt mövqe tuturdular. Bu da səbəbsiz deyildi. Noqay Orda döyüşçülərinin cəsarətli və gözlənilməz hücumları ilə qələbəyə nail olmaları Rusların yaddaşından silinməmişdi. Ona görə də Noqaylara qarşı daha sərt mövqe tutaraq onları savaşlarda məhv etməklə kifayətlənmir, köç yollarını kəsərək yaşam şərtlərini ağırlaşdırır, aclığa məhkum edərək kütləvi məhvlərinə səbəb olur, daimi məskunlaşdıqları yerlərdən uzaqlaşdırmaqla kiçik parçalara ayırırdı ki, birləşib müqavimət göstərə bilməsin.

Rusiyanın işğalını qəbul edib ona vergi ödəyən sadə insanlar da hakim dairələr üçün təhlükə mənbəyi kimi görünürdü. Müstəmləkə zülmünə dözənləri də mədəni-maarif yolu ilə assimilə etməyə çalışırdı.

Bir tərəfdən kilisələr işğal olunmuş ölkələrin əhalisini xristianlaşdırmağa çalışırdısa, o biri tərəfdən də hökumətin xüsusi hazırladığı maarifçilər durmadan assimilə siyasətini reallaşdırırdılar.

N.İ.İlminski, A.E.Alekterov və N.P.Ostromov kimi maarifçi missionerlər gizlində raportlar, təlimatlar hazırlayıb hökumət idarələrinə göndərməklə kifayətlənmirdilər. Onlar fikirlərini açıq şəkildə mətbuatda da söyləyirdilər. A.E.Alektorov “Rusiyanın Doğusundakı xristianlaşdırma vəzifələrimiz haqqında bizim qəzetlər” məqaləsində xalqları ruslaşdırmaq üçün birinci növbədə onların qızlarını, yəni gələcəyin analarını xristianlaşdırmağın vacib olduğunu vurğulayırdı. Onun fikrincə, uşaqlar ailə içində milli və mənəvi dəyərlərdə tərbiyə olunurlar. Analar xristian olarsa, ruslaşdırma daha surətli və əsaslı həyata keçirilmiş olar (Özdemir Emin, 2007:45).

Professor L.N.Smirnov “Yerliləri ruslaşdırma və ruslaşdırma siyasətinin məqsədləri” məqaləsində ruslaşdırma siyasətinin təməlində yerliləri xristianlaşdırmaq durduğunu yazırdı (Özdemir Emin, 2007:18).

Rusiya Təhsil Nazirliyinin 27 mart 1870-ci ildə çıxardığı bir qanunla təhsilin səviyyəsini artırmaq adı altında məşhur missioner Nikolay İvanoviç İlminskinin (1822-1891) də üzv olduğu bir komissiya qurulur. Nikolay İlminski Rusiya Təhsil Naziri D.A.Tolstoyun “Vətənimizin sərhədləri daxilində yaşayan xalqların (O, işğal altına alınan xalqları nəzərdə tutur. -Ə.Ş.) təhsili onların ruslaşdırılmasına və qeyri-şərtsiz rus xalqı ilə qaynayıb qarışmasına xidmət etməlidir” - göstərişinə cavab olaraq yazırdı: “ İslam dini var olduqca rus hərflərinin ərəb hərflərinə qarşı savaşı çox çətin olacaqdır.”

Nikolay İlminskinin proqramına görə, Rusiyanın işğal etdiyi türk-müsəlman xalqlarının min ildən çox istifadə etdikləri ərəb əlifbası kiril əlifbası ilə əvəzlənməli, hər bir türk ləhcəsi üçün fərqli əlifba hazırlanmalı, bununla da yerli xalqlar keçmişlərindən və mədəniyyətlərindən uzaqlaşdırılmalı və bir-birləri

ilə əlaqəsi kəsilməlidir. Nikolay İlminskinin bu proqramı çar Rusiyası dövründə həyata keçmədisə də, Sovetlər onu çox bacarıqla və yerli ziyalıların əli ilə reallaşdırdılar.

Milliyətcə çuvaş türklərindən olan Aleksandr Alektorov 1892-ci ildə Həştərxanda rus dilində çap olunan "Astarxanskiy listok" qəzetinin 27-ci sayında çap etdirdiyi "Yerliləri ruslaşdırmada nələrə diqqət yetirilməlidir?" məqaləsində yazırdı: "Məktəb əsarət altında olan xalqların ruslaşdırılmasında əsas vasitədir".

Bu kimi faktların sayı olduqca çoxdur. Rusiya strateqləri yalnız ruslardan, xristianlardan missioner kadrlar hazırlamırdılar. İşğal altına aldıqları xalqlarından da müxtəlif yönlü kadrlar hazırlayırdılar. Bu kadrlar arasında azərbaycanlı Mirzə Kazım bəy kimi nüfuzlu professoru, Mirzə Fətəli Axundov kimi yazıçı - dramaturqu, altaylı Nikolay Fyoduroviç Katonov kimi professor və ictimai xadimi və b. görmək olar. Əslində xalqlarını maarifləndirmək, gerilikdə qurtarmaq istəyən ziyalıların bir çoxundan Rusiyanın strateqləri bacarıqla istifadə edirdilər. Onları təşviqi sayəsində ərəb əlifbasının latın və kiril əlifbası ilə əvəz edilməsi ideyası ilk dəfə 19-cu əsrin 70-ci illərində M.F.Axundov (1812-1878) irəli sürdü. O, yalnız Rusiyadakı əsarət altında olan xalqlar arasında reallaşdırmağa can atmaqla kifayətlənmədi. Hətta hazırladığı layihəni reallaşdırmaq üçün Osmanlı və Qacarlar imperiyalarının yetkililəri ilə də görüşdü, onlara müxtəlif yollarla təsir etməyə çalışdı. Ərəb əlifbasını dəyişməyi praktik həyata keçirilməsində ilk real təşəbbüs M.F.Axundovun davamçılarından olan Mirzə Riza Xana oldu. Rusiyada və Avropada təhsil görmüş, Rusiya qəzetlərinin Şərq ölkələri üzrə müxbiri olmuş, Rusiyanın II Dövlət Dumasına seçilmiş Məhəmmədağa Şaxtaxtlı (1846-1931) da ərəb əlifbasının dəyişdirilməsinə çox cəhd göstərmiş və bu yöndə layihələr də hazırlamışdır. Çar Rusiyası bu yöndə istəklərini reallaşdıra bilməmişdir. Lakin çarlara və çarizmə qənim kəsilən, Rusiyanı xalqlar həbsxanası adlandıran, hakimiyyəti silahlı üsyan yolu ilə ələ aldıqdan sonra demokratik, humanist görünmək, dünya ictimaiyyətini aldatmaq üçün hakimiyyəti ələ aldıqları ilk günlər "Rusiya xalqlarının hüquq bərabərliyi" və 1918-ci il yanvarında keçirilən 3-cü Ümumrusiya Sovetlər Qurultayında "Zəhmətkeş və istismar olunan xalqların hüquq bəyənnaməsi"ni imzalayan V.İ.Lenin və silahdaşları az sonra çar hökumətinin istəyini reallaşdırdı. Yəni ərəb əlifbasının ləğv ediləməsinə nail oldu.

1. Birinci Türkoloji Qurultaya gedən yol

Babalarının şücaəti və onların qurduğu qüdrətli dövlətlərə öyünən hökumdarlar, idarəetmədə islahatlar aparmadıqlarından və elmi-texniki tərəqqinin nailiyyətlərinə laqeid qaldıqlarından iqtisadi və hərbi qüdrətlərini itirərək xalqlarını çıxılmaz vəziyyətə saldılar. Getdikcə hərbi gücünü artıran Rusiya sürətlə qonşu ölkələri işğal etməklə ərazisini böyüdürdü. Lakin aqrar bir ölkə olan, əsasən hərbi gücə dayanan islahatlar həyata keçirilmədiyindən əhalinin güzaranı getdikcə ağırlaşırdı. Bu da ölkəni xaosa sürükləyirdi.

Rusiya işğalı altında olan türk-müsəlman xalqları isə ikiqat zülm altında idi. Onlar həm çar hökumətinin, həm də yerli məmur və imtiyaz sahiblərinin təziqi altında əzilirdilər. Millətin öndə gedənləri çıxış yolları arayırdılar. Avropada təhsil alıb geri dönənlər, eləcə də müxtəlif məqsədlərlə Avropaya səfər edənlər arasında bir Avropa heyranlığı yaranmışdı. Onlar xalqlarının Avropanın inkişaf etmiş ölkələrinin xalqları kimi yaşamasını istəyirdilər. Buna görə də yollar axtarırdılar. Bəzilərinə əlifba, bəzilərinə din, bəzilərinə milli dəyərlər buxov kimi görünün, ondan tezliklə qurtarmaq üçün yollar arayırdılar. Həmin dövrdə isə olduqca mühafizəkar ənənəsinə sadiq qalan, dinini dəyişməyən, əlifbası isə ərəb əlifbasından qat-qat çətin Yaponiya sürətlə inkişaf edirdi. Rusiya əsarətində olan türk-müsəlman xalqlarının öndərlərinin çox azı Yaponiyanı örnək göstərirdi. Əksəriyyəti necə deyərlər üzlərini Avropaya tərəf çevirmişdilər.

1917-ci ildə baş verənlər ölkədə bir inqilab əhval - ruhiyyəsi yaratmışdı. Yalnız dövlət quruculuğunda, idarəetmədə deyil, təhsildə, yaşamda da inqilab etmək istəyənlərin sayı artmışdı. Bu inqilabların xalqa nə verəcəyini, onları hara aparacağını düşünmədən dəyişikliklər istəyirdilər. Hətta futuristlər hər şeyi yenidən qurmağa, keçmişdə gələnlərin hamısını uçurmağa can atırdılar.

Yaranmış imkandan istifadə etməyə çalışan bir qrup türk-müsəlman öndəri də min illər böyü ata-babalarının istifadə etdiyi, xalqlarının maarifçiləri arasında birləşdirici rol oynayan ərəb əlifbasını islah

etməyə və ya tamam dəyişdirməyə girişdilər. Bu Rusiya strateqlərinin də işinə yaradığından onları dəstəklədilər.

1922-ci ildə Azərbaycan SSR Mərkəzi İcraiyyə Komitəsi yanında Yeni Əlifba Komitəsi (AYTƏK) yaradıldı. Bu komitə ərəb əlifbasının islahı ilə bağlı yeni layihələri gözdən keçirməklə yanaşı, ərəb əlifbasından tamamilə imtina edərək latın qrafikalı yeni türk əlifbası yaratmaq məsələsini də müzakirəyə çıxardı. (İsaxanlı İsaxan, 2006:43) . Az sonra isə bu təşkilat sonralar isə Ümumittifaq Mərkəzi Yeni Türk Əlifba Komitəsinə (ÜMYTƏK) çevrilir. Rəhbərliyinə də Azərbaycan SSR MİK sədri, habelə ZSFSR MİK sədrlərindən biri olmuşdur Səmədağa Ağamalıoğlu təyin edilir. Səmədağa Ağamalıoğlu hətda ərəb əlifbasının dəyişilmə məsələsini müzakirə üçün V.İ.Leninlədə görüşür.

Keçmiş SSRİ-də yaşayan türk xalqlarının ziyalılarının məsələyə münasibətini öyrənmək üçün Səmədağa Ağamalıoğlu başda olmaqla, Rusiya müsəlmanları arasında tanınan, "Molla Nəsrəddin" jurnalının redaktoru Cəlil Məmmədquluzadəni, Vəli Xuluflunu, Xalid Səid Xocayevi və b. texniki heyəti 1924-cü ilin sentyabrın 9-da bir vaqonda türklər yaşayan bölgələrə ezam edir. (Xalid S., 1929:17). Bu səfər bir aya qədər çəkir.

Aparılan uzun müddətli təşkilatı iş və danışıqlar nəticəsində Birinci Türkoloji Qurultayın Orta Asyada, ilk növbədə Özbəkistanda çağrılması planlaşdırılır. "Yaranan şərait-Qurultayın təcili çağrılmasını tələb edirdi və bu səbəbdən də Azərbaycan təşəbbüsü öz əlinə aldı". (1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı, 2006:350)

1926-cı il fevralın 26-da Bakıda Birinci Türkoloji Qurultayın açılışı olur.

2. Birinci Türkoloji Qurultayın milli tərkibi

Bakıda keçirilən Birinci Türkoloji Qurultayın nümayəndələri arasında qeyri türklər o qədər də azlıq təşkil etmirdilər. Toplantı Türk Qurultay adlandırılsa da əslində burada Rusiyada yaşayan xalqaların demək olar ki, hamsından nümayəndə vardı. Onların hər biri də azad və sərbəst şəkildə öz xalqlarının problemləeindən söz aça bilirdilər. Qurultaya qatılanların milli tərkibi aşağıdakı kimi qeyd edilib:

Azərbaycan Türkləri 19, rus 18 , kazan tatarı 15, özbək 9, Kırım tatarı 8, Başkurt 7, Qazax 5 , Türkmən 5, Osmanli türkü 3, Qaraçay 3, yakut(saxa) 3, alman 3, qırğız 2, Dağıstan türkü 2, çuvaş 2, adıgey 2, yəhüdi 2, balkar, qumuq, noqay, mişşeryak, xakas, oyrot (altaylı), uyğur, eston, macar, abxaz, avar, kalmik, osetin, inquş, çeçen, erməni, kürd, ukrain, teptyar, votyak, dagıstanlı(Feyzi Edhem Mustafa oğlu), İran türkü. (1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı, 2006:441-446)

Siyahıdan göründüyü kimi qurultayın təşkilində azərbaycanlılar fəallıq etdiyinə və qurultay Bakıda keçirildiyinə görə onlar saylarına görə birinci yerdə gedirsə, ikinci yerdə onlardan bir nəfər azla sayla ruslar, üçüncü yerdə isə dörd nəfər azlıqla kazan tatarları gəlir. Birinci Türkoloji Qurultayın stenaqrammasında Quzey Qafqaz və Dağıstandan gələn nümayəndələr adları və soyadları aşağıdakı kimi göstərilir:

Quzey Qafqaz Ölkəşünaslıq İnstitutundan göndərilmiş, müəllim, milliyətcə noqay Abdulhamid Şarşetveyeviç Canıbekov, Moskvadan gəlmiş, iş yeri və göndərən təşkilatın adı göstərilməyən, milliyətcə avar Abdulletif Şamxaliyev, Adıgey-Çərkəz Muxtar Vilayətindən (Krasnodar) göndərilmiş, adıgeylər Davud Xatiroviç Tsey və Seferbey Xatsutseviç Siyuxov, Qaraçay-Çərkəz (Kislavodski) Vilayətindən göndərilmiş qaraçaylar Abdulkerim Xubiyev (Qarçaylı) və Nana Hasanoviç Tokov, Kabarda-Balkar Vilayətindən göndərilmiş, balkar İbrahim Musayeviç Usbaşov, Güney Osetiya Vilayətindən göndərilmiş, osetin Aleksandr Arsenoviç Tibilov, Quzey Osetiya Vilayətindən (Vladikafkaz) göndərilmiş, osetin Aleksandr İsakoviç Kulayev, Çeçenistan Vilayət Mərkəzi İcraiyyə Komitəsindən göndərilmiş, çeçen Xalid Dudayeviç Oşayev, Quzey Osetiya Vilayətindən (Vladikafkaz) göndərilmiş, inquş Zaurbek Kurazoviç Malsatov, Kalmık Diyar Mərkəzi İcraiyyə Komitəsindən (Həştərxan) göndərilmiş, Xalq Maarif Şöbə müdiri, kalmık Xonin Kosıyeviç Kosiyev, Dağıstan Xalq Maarif Komissarlığından göndərilmiş Celaleddin Korkmasov, Abxaziya Elmi Cəmiyyətindən (Sxumi) göndərilmiş Simon Petrosoviç Bassariya, Rostov Mərkəzi İcraiyyə Komitəsindən göndərilmiş, qaraçay Umar Çaşuyeviç Aliyev var. (1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı, 2006:441-446)

Birinci Türkoloji Qurultaya qatılanların milli tərkibi fərqli olduğu kimi gəldikləri yerlər və danışdıqları dil, ləhcələr də fərqli idi. Milliyətcə Azərbaycan Türkü olan Cahangir Nağıyev Rostovdan, Rzaqulu

Nəcəfov Tbilisidən, Abdulla Tağızadə Leninqrad Şərqşünaslıq İnstitutdan, Əli bəy Hüseyinzadə İstanbuldan, mişeryak (mişer tatarı-Ə.Ş.) Mahaçqaladan, kazan tatarından Meçid Usmanov Səmərqənddən, Şamil Usmanov və İbrahim Yamankulov Moskvadan, Qani Utamişev Rostovdan, avar Abdulletif Şamxalov Moskvadan göndərilmişdi. (1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı, 2006:441-446)

Qatlılımcılardan 113 nəfəri rəsmi, 18 nəfəri isə şəxsi dəvət olunanlar idi. Sonradan KQB məmurları şəxsi dəvət olunanlarla daha çox maraqlanmış, onları kim dəvət etdiyi, hətta toplantı salonunda dinləyici kimi işdirak edənlərə içəri keçmək üçün kimlər sənəd verdiyi ilə ciddi maraqlanmışlar.

Qurultay nümayəndələri arasında yetərincə yüksək rütbəli dövlət məmurları olmasına baxmayaraq KQB agentlərini də oraya müxtəlif adlarla göndərmişdi.

Birinci Türkoloji Qurultayın rəsmi stenoqrammasında başqa İstanbuldan gəlmiş, milliyətcə Azərbaycan Türkü olan, professor Əli bəy Hüseynzadənin də maraqlı qeydləri var. O, yazır: " 16 Şubat 1926'da İstanbul'dan hareket ettik. Fuat Köprülü, Etnografya müzesi müdürü Mesaroş, Leningrad profesörlerinden Barthold, Strasbourg'da profesör Menzel beraberdik. 26 Şubat 1926 Cuma günü Samed Ağamaliyef kurultayı açtı. Birkaç nutuk irat edildi. Meclisten sonra Ali Haydar Karayef'le görüştüm".

3. Qurultayın gedişi və təbliği

Öncədən aparılmış təbliğata, təşkilatı işlərə baxmayaraq qurultay çox gərgin keçmişdir. Yeni əlifbaya keçidlə bağlı Ümumittifaq Mərkəzi Yeni Türk Əlifba Komitəsinin (ÜMYTƏK) hazırladığı layihədəki nöqsanlar kəskin tənqid edilməklə yanaşı, fərqli layihələr müzakirəyə təqdim edilmiş, fərqli-fərqli fikirlər irəli sürülmüşdür. Yüzillər boyu istifadə edilmiş, türk xalqlarının yazısında birləşdirici rol oynayan ərəb əlifbası üzərində dəyişikliklər istəyənlərin fikirləri daha təsirli görünmüşdür. Vəziyyətin gərginləşdiyini görən ÜMYTƏK sədri Səmədağa Ağamalıoğlu və rəhbər partiya-sovet işçiləri qurultaya qatılanlarla qeyri-rəsmi görüşlər təşkil etməyə, onlara təsir etmək, fikirlərindən daşındırmaq üçün müxtəlif vasitələrdən istifadə etməyə başladılar.

Səmədağa Ağamalıoğlu keçmiş səfər yoldaşı, yeni əlifbaya keçmək üçün türk xalqları arasında birgə iş aparmış Xalid Səid Xocayevdən xahiş edir ki, özbəklərlə və Türkiyədən gələnlərlə fərdi söhbətlər aparsın, onları ərəb əlifbasını islah etmək fikirndən daşındırıb yenin latın əlifbasına keçmə təklifinə rəy versinlər. Həmin günləri Xalid Səidin yaxın qohumu Qəmər Salamzadə belə xatırlayır: "Türkoloji qurultaya Türkiyədən də təmsilci heyəti gəlmişdi. Bu heyətdə Türkiyəli Köprülüzadə Muhammed Fuat ilə birlikdə, əslən Azərbaycanlı olan məşhur yazıçı və jurnalist Hüseyinzadə Əli bəy də vardı. Yeni Əlifba Komitəsinin üzvlərindən Xalid Hocayev bəy özbek idi… Xalid əfəndi Türkiyədən gələn qonaqları evinə dəvət etmişdi… Qonaqlar arasında Hüseyinzadə Əli bəy, Fuat Köprülüzadə, Mirzə Cəlil Məmmədquluzadə, Rızaqulu Nəcəfzadə, Hüseyin Cavid, Xalid əfəndinin qonşusu, Türkiyədə təhsil alan doktor Orhanbəyli də vardı." (Salamzade Qəmər, 1990:15).

Qurultay salonlarında kənaqrda, evlərdə təşkil edilən qonaqlıqlarda, höteldəki və şəhəri gəzərkən edilən fərdi söhbətlər öz təsirini göstərdi. Qurultay latın əlifbasına keçməyin vacibliyi haqqında qərar qəbul etdi.

Qurultayın 17 toplantısı keçirildi. Bu toplantılarda Türk xalqlarının dilinə, tarixinə, etnogenezisinə, etnoqrafiyasına, ədəbiyyat və mədəniyyətinə həsr olunmuş 38 məruzə dinləndi. 1926-cı il martın 6-da başa çatan Birinci Türkoloji Qurultayda qərara alındı ki, ikinci qurultay Səmərqənd şəhərində keçirilsin. (1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı, 2006:441-446)

Bakıda keçirilən Birinci Türkoloji Qurultaya hazırlıq, qurultayın gedişi, onun nəticələri haqqında istər Sovet, istərsə də xarici ölkə mətbuatında yetərincə məqalələri çap olunmuş, kitablar yazılmışdır. Bunların böyük əksəriyyəti tərənnüm xarakterlidir və ərəb əlifbasının latın qrafikalı əlifba ilə dəyişdirilməsinin xalqların mədəni inkişafına güçlü təkan verəcəyi göstərilir.

Mühacirətdə olan Azərbaycanın siyasi xadimləri isə Bakıda keçirilən Birinci Türkoloji qurultaya heç də birmənalı baxmırdılar. Sovetlərin ikiüzlü siyasətini açmağa çalışır, nöqsanları göstərir, yalnız türk xalqlarını deyil, Rusyanın əsarəti altında olan xalqları hansı təhlükələr gözlədiyini yazırdılar. Sovetlər Birliyi çökdükdən, gizli arxivlərin bir qismi açıldıqdan sonra onların nə qədər uzaqgörən olduqlarının şahidi olduq.

4. Birinci Türkoloji Qurultayın noqay nümayəndəsi və noqaylar haqqında

Bakıda keçirilən Birinci Türkoloji Qurultayda noqaylar bir nəfərlə təmsil edilmişlər. Qurultayın stenoqrammasında gəldiyi yer S.Kanq, göndərən təşkilat Qafqaz Ölkəşünaslıq İnstitutu, peşəsi müəllim, milliyəti noqay olan Abdulhamid Şarşetveyeviç Canıbekov sıradan bir iştirakçı olmamışdı. O, toplantıda çıxış etmək, yeni əlifbaya keçilməsində noqayların üzləşə biləcəyi problemlər haqqında danışmaqla kifayətlənməmiş, məruzəçilərə də suallar vermişdir.

SSRİ Elmlər Akademiyasından göndərilmiş, professor Aleksandr Aleksandroviç Millerin "Türk xalqlarının təsviri sənəti" mövzusunda məruzəsi ətrafında gedən qızğın müzakirədə çıxış edən professor Sergey İvanoviç Rudenko deyir: "Canıbekov noqaylar haqqında sual verir: noqay mədəniyyətinin hansı məqamları tədqiqat üçün daha maraqlıdır? Bu suala indi ətraflı cavab verməkdə çətinlik çəkirəm və güman edirəm ki, türklərin sonrakı tədqiqi məsələləri ilə məşğul olacaq komissiyada noqaylar məsələsi xüsusi olaraq qoyulacaq. İndilik isə xatırladım ki, noqaylar köçəri məişətini qoruyub saxlayan ən qədim türklərdir və buradan belə bir mühüm sual yaranır: köçəri mədəniyyətini qoruyub saxlayan türklər yeni, onlara yad həyatı neçə mənimsəyirlər və bu həyat onların öz həyatında neçə dəyişilir?" (1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı, 2006:98)

Abdulhamid Şarşetveyeviç Canıbekovun çıxışı İstanbul Universitetinin professoru, türk xalqlarının birliyi və inkişafı üçün ...... ideyasının müəllifi Əli bəy Hüseynzadənin də diqqətini özünə çəkmişdir. O, Birinci Türkoloji Qurultayda iştirak edərkən apardığı qeydlərdə yazır: "Cami Bey Nograni (yəni Abdulhamid Şarşetveyeviç Canıbekov-Ə.Ş.) Nogayca söylüyor, kendisi de tam bir Türk tipidir. Nogay Türklerinden bahsetti. Onların biraz şakacı (humoriste) olduklarını işaret etti ve buna dair misaller verdi".

5. Qurultayın görünməyən tərəfləri

Birinci Türkoloji Qurultayın stenoqrammasında Əli Yusifzadənin, Salman Mümtazın, İsmayıl Hikmətin, Cəfər Cabbarlının və b. adına rast gəlinmir. Amma başqa sənədlərdən aydın olur ki, onlar nəinki qurultayın toplantılarına qatılıb, qurultayın işində fəal iştirak edib, dəvət edilmiş qonaqlarla sıx ünsiyyətdə olublar.

Birinci Türkoloji Qurultayın katibi olan Əli Yusifzadə 8 dil bilirdi, 1920-1923-cü illərdə Parisə Ali Siyasi Elmlər Akademiyasında təhsil almışdı. Qurultay təşkilatçılarının belə bir kadra böyük ehtiyacı vardı. 1900-cu il yanvarın 1-də Şuşa şəhərində doğulan Ağaəli Cəlal oğlu Yusifzadə gəncliyində yazdığı milli ruhlu, üsyankar şeirləri və ictimai fəaliyyətilə diqqəti çəkmişdir. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti onu 1920-ci il yanvarın 14-də Parisə Ali Siyasi Elmlər Akademiyasına oxumağa göndərmişdi. Universiteti bitirib 1923-cü ilin iyulunda Bakıya dönərək "Kommunist" qəzetində işləyib. Dövlət Siyasi İdarəsi 6 fevral-20 may 1924-cü ildə onu həbs edərək istintaq apardıqdan sonra dilindən iltizam alib həbsdən buraxıb (Qəhramanlı Nazif, 2007).

1925-ci ilin fevralında Bakıda əsası qoyulan Azərbaycan Ədəbiyyat Cəmiyyətinin 21 qurucusundan birisi də Əli Yusif olub. Azərbaycan Tədqiq və Tətöbbə Cəmiyyətində, Azərbaycan Terminologiya Komitəsində işləyib. 1926-cı ildə Bakıda keçirilən I Türkoloji Qurultayın təşkilatçılarından olub (Qəhramanlı Nazif, 2007).

Qurultay başa çatandan iki gün sonra, yəni 1926-cı il martın 8-də Azərbaycan Fovlaladə Komissiyasının (KQB) əməkdaşı Vasin belə bir əmir hazırlayır: "Mən Az.ÇK-nın gizli siyasi şöbəsinin müvəkkili Zak.ÇK-dan alınan qərara görə qərara aldım: ...vətəndaş Əhməd Hacınski, Əli Yusifzadə, Dadaş Həsənov əvvəlcədən evlərində axtarış aparılmaqla həbs edilsinlər və Az.ÇK-nın islah evinə salınsınlar". Qərarda göstərilir ki, onu dəyişmək olmaz. (Qəhramanlı, 2010:145). Buradan belə anlaşılır ki, həmin dövrdə Azərbaycanda rəhbər vəzifədə işləyənlər də, Dövlət Siyası İdarəsinin (sonralar bu təşkilat KQB kimi tanındı-Ə.Ş.) rəhbərləri də bu həbsi durdura, qərarını dəyişə bilməz.

Həbsxana sənədindən aydın olur ki, yuxarıda adı çəkilən üç nəfər martın 11-də Az.ÇK-nın islah evinə gətirilir. Maddi sübut kimi Əli Yusifzadənin evindən bir qovluq da sənəd götürülür. Vasinin Əli Yusifzadəyə aşağıdakı sualları verir:

1. Siz nə vaxt, neçə nəfərə və hansı əsasla Türkoloji Qurultay keçirilən salona daxil olmağa sənəd veribsiniz?

2. Siz Əhməd Hacınski və Dadaş Həsənova qurultayda iştirak etmək üçün bilet verib sinizmi?
3. Siz xaricdən dəvət olunmuş alimlərin siyahısını haradan almısınız? (Qəhramanlı, 2010:147).

Suallar xüsusi xidmət orqanlarının hansı məsələdə həssas olduğuna aydınlıq gətirir. Qurultaydan sonra həbs, olunan, istintaqa cəlb edilən təkcə Əli Yusifzadə olmamışdır. Türkiyədən Azərbaycan ali məktəblərində dərs deməyə dəvət edilmiş İsmayıl Hikmət və b. da KQB tərəfindən dindirilmişdir.

Biz hələlik Azərbaycanda yaşayan, Azərbaycan arxivlərində olan sənədlərin bir qismi ilə tanış ola bilmişik. SSRİ-nin başqa bölgələrində yaşayan qurultay iştirakçılarının hamısının istintaq materialları ilə tanış deyilik. Bildiyimiz odur ki, onlardan bir qrupu quraltaydan az sonra istintaqa cəlb olunub həbs edilərək Solovki adlaraına gönrərilmişdir. Onların sırasında Əli Yusifzadə, Əhməd Hacınski, Dadaş Həsənova, (Ağaoğlu E.B. 2004:) qazax Ahmet Baytursunov (Şamil Ə, 2013:), saxa(yakut) Anempodist Sofronov (Şamil Ə. 2013)və b. var.

Türkiyə vətəndaşı İsmayıl Hikmət ölkədən çıxarılmış, professor Bəkir Çobanzadə etiraf məktubu çap etdirməyə, "Milli firqədən" çıxdığını elan etməyə məcbur edilmiş, mədəniyyət mələyi Asan Sebri Ayvazov KQB ilə əməkdaşlığa razılıq verməyə məcbur edilmişdir.

Sonuc

1937-ci ilin həbslərində də Bəkir Çobanzadəyə, Xalid Səid Xocayevə, Salman Mümtaza, Abdulla Şərifova, Abdulla Tağızadəyə və b. Bakıda keçirilən Birinci Türkoloji Qurultayla bağlı suallar verilmişdir. Verilən suallar və qurultay iştirakçılarının əksəriyyətinin repressiya qurbanı olması siyasi mühacirlərin söylədikləri fikirləri təsdiq etmiş oldu. Çar Rusiyasının assimilə siyasətini Sovet Rusiyası da davam etdirdi. Sovetlər ateist ideologiyaya dayandıqlarında onlar xalqları xristianlaşdırdıqdan sonra ruslaşdırmaq istəmədilər. Onlar xalqları bir-birində, dinindən, dilindən, mədəniyyətindən ayırmaqla ruslaşdırma siyasət yeritdilər.

Buna görə də latın əlifbasına keçilsə də türk xalqlarının vahid əlifba yaratmasına, termin birliyinə, ortaq ünsiyyət dili yaratmalarını əngəllədilər. Yeni yaradılan latın qrafikal əlifbalarda fərq o qədər çox oldu ki, türk xalqları bir-birinin yazısını oxuyub başa düşə bilməsin. Bu azmış kimi 1939-cu ildə də məcburi kiril qrafikalı əlifbaya keçirildi.

Bakıda keçirilən Türkoloji Qurultayın iştirakçılarının ömür yollarına tam aydınlıq gətirmək və onların mətbuatda yazdıqlarından başqa xüsusi xidmət orqanları üçün yazdıqlarını və söylədiklərini də gün işığına çıxardıqdan sonra Sovetlər Birliyinin və xarici ölkələrin assimlə siyasətinə, türk xalqlarını parçalama istəklərinə tam aydınlıq gətirmək olacaq.

---

1. Ağaoğlu B.E. (2004). Solovkidə gördüklərim, "Günəş" nəşriyyatı, Bakı.
2. Bünyadov Ziya. (1993). Qırmızı terror, "Azərbəşir", Bakı.
1. İsaxanlı İsaxan, Fərhad Ağazadə və latin alifbasına keçid, Journal of Azerbaijani Studies
2. Qəhrəmanlı Nazif. (2010). Vətən və istiqlal aşiqi Əli Yusif, "Avropa" nəşriyyatı, Bakı.
3. Özdemir Emin. (2007). 20. Yüzyilin baslarinda Kazakistan'da fikir hareketleri, (Doktora tezi), Gazi Üniversitesi Sosyalb İlimler Enstitüsü Tarih Anabilim Dali Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Bilim Dali, Ankara.
4. 1926-cı il I Bakı Türkoloji qurultayı (2006) (Stenoram materialları, bibloqrafiya və foto-sənədlər), Ruscadan tərcümə, ön söz və şərhlərin müəllifləri: professor Kamil Vəli Nərimanoğlu, Elmi işçi Əliheydər Atakişiyev. "Çinar-Çap" nəşriyyatı, Bakı.
5. Salamzade Gemer. (1990). "Küçük Pencereden Görünen Dünya", Azerbaycan Devlet Neşriyatı, Bakı.
6. Şamil Ali. Birleşik türk tatar devleti yaratmak uğrunda şehit olan Bekir Sıtkı Çobanzade \\ ученые записки таврического национального университета им. Вернадского. серия филология. социальные коммуникации. Том 25 (64), № 3, ч.1, seh.79-88.
7. Şamil Əli. Türk Dünyasının Məşhurları-09,Anempodist Sofronov, 2013, http://www.trtazerbaycan.com/trtworld/az/newsDetail.aspx?HaberKodu=387533b2-d879-44d6-a156-087e8fba4d4b)
8. Türkçülüyün qurbanları.(Qazaxıstan). "Elm və təhsil" nəşriyyatı, Bakı, 2013, 164 səhifə.
9. Xalid Səid. (1929). Yeni əlifba yollarında əski xatirə və duyğularım, Bakı.
10. Türkçülüğün ve Türk sosyalizminin babasi Ali Turan (Hüseyinzade Ali) . Məqalə İstanbulda çap olunan "Yeni İnsan" dergisinin 1969, Aralık, sayı: 84, ss. 6-28; və 1970, Ocak, sayı: 85, ss. 6-25 götürülüb. http://Gunaz.Tv/?Id=4&Vmode=1&Sid=2566&Lang=1

БАЙЧОРОВ М. Р.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Термин «языковая ситуация» является одним из ключевых понятий социолингвистики и употребляется при рассмотрении языка, как средства коммуникации на определенном временном отрезке. Обратившись к энциклопедиям, обнаруживаем следующее описание данной категории: «Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Однако это не означает, что они не могут меняться. Изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и т.п., – все это может так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов – кодов и субкодов. Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества и формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества. Понятие «языковая ситуация» применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это состояние социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования». [4]

Усложняет или упрощает языковую ситуацию региона в первую очередь его языковой состав, а также тот факт, совпадает родной язык этноса с титульным языком данного государства, который выполняет все социальные функции (используется в административной сфере, образовании, культуре и СМИ) или нет.[2]

Состояние языка определяется многими критериями, выработанными ЮНЕСКО, и в данном случае хотелось бы остановиться более детально на одном из них: системе высшего образования.

Как известно, ВУЗ является безальтернативным поставщиком педагогических кадров для работы в средних общеобразовательных учреждениях, где и дается базовое знание по тому или иному языку. И от качества их деятельности напрямую зависит абсолютное число говорящих среди носителей языка. На сегодняшний день для ВУЗов наиболее актуальной стала система так называемого «непрерывного образования», предусматривающая выполнение следующих функций: прагматической,в центре внимания которой прикладные знания и умения, прежде всего относящиеся к сфере профессиональной деятельности; просветительской, признающей самоценность знаний и учебной деятельности; адаптационной – образования как фактора постоянного приспособления индивида к изменяющимся условиям его жизнедеятельности; опережающего образования, основанного на предвидении социальных изменений; человекоцентрической (духовной), ориентирующей на пожизненное обогащение творческого потенциала личности и его реализацию. Также данная модель образования имеет следующие принципы: непрерывность образования, вариативность, открытость, индивидуализация образовательных программ, тьюторское (консультационное) сопровождение.[3]

Обучать языкам в ВУЗе и при этом в процессе обучения идти в ногу со временем, не принимая во внимание перечисленное выше, очень сложно. А связь качества преподавания при подготовке специалистов-филологов с языковой ситуацией в регионе, на наш взгляд, самая прямая. Данный вывод следует из очевидного факта, что кладезь знаний по языку среди его носителей – это, в первую очередь, преподаватель высшей школы, освоивший в рамках своей профессии соответствующую базу знаний и умений.

Рассматриваемый нами карачаево-балкарский язык является государственным и преподается в ВУЗах двух субъектов Российской Федерации: Кабардино-Балкарии и

Карачаево-Черкесии. В Кабардино-Балкарском государственном университете функционирует кафедра балкарского языка, а в Карачаево-Черкесском госуниверситете – кафедра карачаевской и ногайской филологии, эти две кафедры являются единственными, где ведется обучение карачаево-балкарскому языку на уровне университета. Помимо этого с 2010 года при КЧГУ им У.Д. Алиева функционирует филиал кафедры ЮНЕСКО, а при КБГУ – центр балкарской культуры, занимающиеся пропагандой родного языка и культуры своего народа. Итак, для демонстрации значимости каждой из кафедр и центра в деле сохранения и развития культуры и языка карачаево-балкарского народа приведем краткий обзор их деятельности.

Кафедра балкарского языка (до 2008 г. – кафедра балкарского языка и литературы) начала функционировать в Кабардино-Балкарском государственном университете в 1957 году, после возвращения балкарцев из депортации. В этом году на отделение балкарского языка и литературы были приняты сразу 33 студента на дневной вид обучения. Это отделение было популярным, поскольку у возвратившейся из ссылки молодежи наличествовал интерес к изучению родной культуры. В 2008 году кафедра балкарского языка и литературы была реорганизована в кафедру балкарского языка. За 57-летнюю деятельность во главе кафедры стояли такие видные ученые, как Умар Баблашевич Алиев, Аскер Макарович Аппаев, Далхат Муссаевич Маммеев, Ибрагим Хашимович Ахматов, Зейтун Хамитович Толгуров. Ныне кафедрой заведует Мусса Бахаутдинович Кетенчиев. Помимо учебной работы, включающей в себя предусмотренные программой дисциплины (практический курс балкарского языка, лексикология, введение в изучение тюркских языков, история балкарской литературы, древние языки и др.), кафедрой проводится также и воспитательная работа по следующим направлениям:

1. Нравственное воспитание студентов.
2. Проведение кураторских часов.
3. Организация подписки на газеты и журналы.
4. Организация встреч с деятелями науки и культуры.
5. Проведение Дня открытых дверей.
6. Проведение Дня родных языков.
7. Обсуждение результатов сессий и балльно-рейтинговых мероприятий. [5]

Кафедра карачаевской и ногайской филологии**.** История кафедры карачаевской и ногайской филологии тесно переплетается с историей вуза и трагическими периодами в истории народа: в 1943 году учебное заведение было закрыто в связи с насильственной депортацией карачаевского народа в Казахстан и Среднюю Азию. В 1957 году карачаевский народ вернулся на Родину, и коридоры филологического факультета вновь открылись для абитуриентов. Годы после возвращения карачаевцев на историческую Родину стали эпохой возрождения карачаевской культуры, языка и литературы.

Материалы исследований ученых кафедры послужили основой для создания академической грамматики карачаево-балкарского языка под редакцией проф. Н.А. Баскакова на карачаево-балкарском (1966) и русском (1976) языках. И. Х.-М. Урусбиев, М.А. Хабичев, Х.И. Хаджилаев являются авторами разделов этого фундаментального труда. Первые программы и учебники для школ подготовлены также учеными кафедры - У.Б. Алиевым, И. Х.-М. Урусбиевым, А.М. Байрамкуловым.

У истоков зарождения и дальнейшего развития кафедры карачаевской и ногайской филологии стояли Алиев У. Б., Урусбиев И. Х.-М., Байрамкулов А.М., Лайпанов К.Т., Хубиев М.А., Джанбидаева К.К., Хабичев М.А., Акбаев Ш.Х., Хаджилаев Х.-М. И. и др.

В разные годы кафедрой карачаевской и ногайской филологии руководили: к.ф.н., доцент И.Х.-М. Урусбиев (1959-1973), доцент А.А. Суюнчев (1974-1978), к.ф.н., доцент Ш.Х. Акбаев (1981-1987), к.ф.н., проф. З.Х. Байрамукова (1987-1991), к.ф.н., проф. А.-М.Х. Батчаев (1992 – 2012). С 2012 года кафедрой заведует д.ф.н., проф. Т.К. Алиева.

Сегодня научную и учебно-воспитательную работу кафедры карачаевской и ногайской филологии обеспечивают 4 профессора, 5 доцентов, 3 ст. преподавателя. Сохраняя лучшие традиции, кафедра развивается в новом качестве: научно-педагогическую и воспитательную деятельность строит в соответствии с требованиями современной системы российского высшего образования. С 1994 года на базе кафедры функционирует аспирантура по спе-

циальности 10.02.02 - языки народов Российской Федерации (карачаево-балкарский), где защищено 9 диссертаций.

Филиал кафедры ЮНЕСКО при КЧГУ – это комплексное научно-исследователь-ское, образовательное и экспериментальное подразделение Карачаево-Черкесского государственного университета, осуществляющее свою деятельность под эгидой Секретариата ЮНЕСКО (завфилиалом – д.ф.н., профессор Т.К. Алиева).Свою работу филиал проводит в тесном сотрудничестве с кафедрой карачаевской и ногайской филологии и другими кафедрами Института филологии. Конкретной целью филиала кафедры ЮНЕСКО является организация деятельности по сохранению и развитию родных языков. Эта цель реализуется в следующих направлениях: 1) социолингвистические исследования; 2) программа «Ретроспектива», которая работает над сохранением и пропагандой научного наследия ученых Института филологии, 3)научные и научно-технические мероприятия: круглые столы, конференции, семинары, дискуссии; 4)культурно-массовые мероприятия; 5)обеспечение школ и ДОУ учебниками и учебным материалом и др.[1]

Языковая ситуация в обоих регионах остается довольно сложной, так как уровень самосознания представителей нашего этноса, особенно молодежи, еще не поднялся на уровень, достаточный для качественного изучения родного языка и литературы. Количество студентов, обучающихся на данных специальностях, очень невелико. К примеру, в КЧГУ престижность обучения в отделении родных языков несопоставима с обучением в отделении иностранных языков или на факультете экономики и управления. Конкурентоспособность кафедры карачаевской и ногайской филологии поддерживается лишь за счет энтузиазма преподавателей. В соседней Кабардино-Балкарии ситуация немногим лучше и государственные языки региона не могут считаться защищенными от угрозы исчезновения. Однако, в государственных ВУЗах КБР, в отличие от высших учебных заведений Карачаево-Черкесии, родные языки преподаются на всех (!) факультетах как отдельная дисциплина с 1996 года. В большинстве случаев обучение длится два семестра, реже – один. Такой подход позволяет всем без исключения студентам — носителям языка получить или усовершенствовать знания по родному языку на уровне высшей школы. На наш взгляд, этот положительный опыт окажет самое позитивное воздействие на состояние карачаево-балкарского языка в КЧР[5].

Стоит обратить внимание на текущие работы и проекты, в которых принимают участие ученые ведущих университетов и научных центров КЧР и КБР:

1. Проект Федеральной целевой программы развития образования на 2012-2015гг. «Развитие учебно-методической и кадровой базы по формированию российской гражданской идентичности в условиях поликультурного образования» (филиал кафедры ЮНЕСКО при КЧГУ);

2. Социолингвистический проект «Трёхступенчатая модель сохранения родного языка в поликультурном пространтстве» (участвуют магистранты, аспиранты, преподаватели кафедры карачаевской и ногайской филологии, кафедры черкесской и абазинской филологии КЧГУ совместно с учеными из республики Калмыкия);

3. Проект «Языковая ситуация в КБР и КЧР» (инициаторы – КБГУ, КЧГУ).

Перечисленные выше кафедры и центр, безусловно, делают очень много для спасения языка и культуры карачаево-балкарцев, работают по разным направлениям, оказывая самое благотворное влияние на языковую ситуацию в обоих регионах. Однако, без должной поддержки и проявления энтузиазма этноса, шансов на благополучный исход очень немного.

1. Алиева Т. К. О деятельности филиала кафедры ЮНЕСКО при КЧГУ по сохранению и развитию родных языков// Алиевские чтения. – Материалы научной сессии: II часть. – С. 17-21.

2. Самойлова М. Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. - 2009. - № 1 (9). - С.160-165.

3. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования. От деятельности к личности: учеб. пособие/ 4-е изд. – М.: Академия, 2009.

Интернет-ресурсы:

4. Энциклопедия Кругосвет. - http://www.krugosvet.ru/node/39415?page=0,1

5. Официальный сайт КБГУ. - http://www.kbsu.ru/

БАТЧАЕВ А.-М. Х.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

МЕСТО ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИКЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА
(*на примере религиозной терминологии*)

Религия играла и играет немаловажную роль в развитии духовной культуры карачаево-балкарцев, выступая выразителем мировоззрения и мироощущения народа. В ней находят отражение взгляды людей на окружающую природу, человека, общество.

В свою очередь, в языке формируются определенные лексические средства для выражения соответстующих понятий и категорий, относящихся к религии.

Восприятие народом религии как стройной системы взглядов связано не только с установлением того или иного общественного строя, но и с существованием достаточно высокоразвитой культуры [3, с. 35].

Образ жизни, характер народа определяются условиями его жизни, которые не могут быть постоянными. Особенно часто они менялись в те исторические эпохи, когда шла борьба «за место под солнцем» между народами, и карачаево-балкарцы, занимавшие свои исконные земли, подверглись жестокому испытанию на многие годы. Постоянная потребность защищаться заставила их подчинить свой образ жизни военному делу. Необходимость защиты своих интересов, свободы обусловила систему воспитания карачаево-балкарцев и их образа жизни. Строгое воспитание приучало их сносить сильный зной и жестокий холод, без ропота переносить всевозможные лишения.

Судьба каждого народа во всех сферах своего проявления находится в тесной взаимосвязи со средой обитания. Именно эти условия накладывают глубокий отпечаток не только на физический облик народа, но и на культуру, традиции, обычаи, уклад жизни, характер, дух народа, его мышление, мировоззрение, мироощущение, на его язык, который отражает все изменения в жизни народа [1.с. 106].

Чтобы достичь, осмыслить, понять особенности карачаево-балкарского народа, его видение окружающего мира, узнать методы познания этого мира, необходимо изучить его культуру. Именно через культуру народ самоутверждается, это его поведение, дух и образ мышления. Карачаево-балкарцы на протяжении многих веков создали свою систему традиций, обычаев, которые служили ориентиром поддержания гармонии с природой и обществом. Их предки имели достаточно высокую культуру, о чем свидетельствуют многочисленные археологические раскопки. Кроме научно-исторической ценности, эти древние памятники служат блестящим подтверждением огромного культурного и морального влияния христианства, оказанного в древние времена на народы Северного Кавказа. Камни его древнехристианских храмов, особенности их архитектурного стиля, фресковая роспись, надписи на надгробьях и т.п. рассказывают о благотворном влиянии передовой византийской христианской культуры на приобщенных к христианскому вероучению карачаево-балкарцев, алан и других древних обитателей Северного Кавказа. Христианство не только прививало им более высокие, гуманистические моральные принципы, но и обогащало более высокой культурой, что находило отражение в архитектуре зданий живописи, музыке, зарождении письменности.

Разгоревшаяся в средние века на Северном Кавказе борьба между исламом и христианством отразилась и на религиозных представлениях карачаево-балкарцев. Для них был характерен синкретизм - смешение верований языческих, христианских и мусульманских. Видимо, такому положению послужило и то, что Кавказ издавна служил «этнической шахматной доской» народов, несущих вместе со своей культурой и свои верования, которые в то время служили основным выражением духовной культуры людей. С другой стороны, труднодоступность многих районов Северного Кавказа также способствовала сохранению прежних верований и последовательному их смешению. Едва одно-два поколения успевали усвоить одну веру, проникнуться ее духовными основами, как новая кровопролитная стычка загоняла отдельные племена в глухие ущелья, где отрезанные от всех влияний потомки

этого племени теряли воспринятое их отцами или дедами вероучение, сохраняя только внешние черты обрядов [3. с. 38].

Впрочем, у карачаево-балкарцев ни одно религиозное учение не прививалось столь прочно, чтобы окончательно вытеснить все прежние верования. Их религия всегда отличалась поразительной смесью ислама с христианством и язычеством. Таким образом, приспосабливаясь к меняющимся условиям жизни, вырабатывая свои взгляды, привычки, навыки, создавалась культура народа. Она постоянно совершенствовалась, наполняясь новым, еще более богатым духовным содержанием, играя не последнюю роль в традиционном укладе жизни народа [2. с. 145].

Такое положение вещей нашло свое отражение и в лексике карачаево-балкарского языка, в которой сохранились названия культовых явлений и предметов, относящихся ко всем верованиям, с которыми сталкивались носители этого языка.

Все религии всегда старались использовать самые важные мирские дела человека: рождение, брак, похороны, привязывая эти узловые точки зрения человеческого бытия к чему-то сверхъестественному, внушая мысль о нерасторжимости линий жизни и провидения. Ислам пошел еще дальше. Не только важные вехи личной жизни, но и самые мелкие бытовые моменты приковывал он к мысли о Боге, сверхъестественной силе, неразрывной связи всего сущего, реального, земного с «небесным», потусторонним, мистическим. Ислам формировал повседневные навыки поведения, бытовые привычки: омовение, месячный пост, отвращение к свинине и т. д. Именно такой ислам более устойчив.

Человек может освободиться от веры под влиянием образования, изменением социальной среды или каких-либо других причин, но не так просто освободиться от привычек. Чаще всего вера проявляется в следовании будничным предписаниям ислама, его обыденным регламентациям, в исполнении ставших привычными ритуальных действий. Перед омовением, молитвой, перед началом поста мусульманин должен произнести сакральную формулу. Этим ритуальное действие связывается с мыслью о Боге. Перед работой, учебой, перед любым занятием и даже едой необходимо произнести слова другой формулы: Биссимиллахи-р-рахмани-р-рахим (Во имя Аллаха милостивого, милосердного).

Сходным путем многие религии внедрялись в человеческое сознание, вернее, в подсознание. И у христиан обязательны молитвы: утреннее, вечернее, в продолжение дня (перед началом всякого дела и после него, перед учением, перед и после вкушения пищи), перед работой, дальней дорогой и т.п. Даже перед сражением «христолюбивое войско» становилось на молебен. Все это тоже, несомненно, вырабатывало подсознательный, но глубокий комплекс привычек, привязывало поступки верующего к мысли о Боге. «Без бога ни до порога», — гласит старая русская пословица.

Практика обращений к Богу в подобных случаях распространена во многих религиях, так и ислам вырабатывает у своих приверженцев привычку совершать житейские дела непременно во имя божье. Публикуются наставления, где, помимо основных догматов ислама, правил поста, описанием всех телодвижений при молитве, даются правила совершения омовения, т.е. правила личной гигиены: как и после чего умываться, как мыться, сморкаться, полоскать рот и т.п. При этом подчеркивается, что во время омовений необходимо повторять слова основной священной формулы ислама: Ля иляха илль Аллаху ва Мухаммадуи расулю-лаххи (Нет бога кроме Аллаха и Мухаммад - посланник Аллаха). Так, вместе с бытовыми навыками усваивается главный догмат мусульманской веры, самые обыденные вещи связываются с именем Аллаха и пророком Мухаммадом.

Общепринято убеждение, что человек, не соблюдающий заповедей мусульманства, навлекает на себя гнев самого Аллаха. Среди карачаево-балкарцев распространены суждения типа: когда наши души покинут тело и предстанут перед Аллахом, он спросит с упреком: я даровал вам веру, чтобы вы жили в соответствии с его законами, почему же вы пренебрегли моим даром?» По поверьям, после смерти человека его душа уходит от него, и ангелы носят ее 6 недель по тем местам, где он грешил. На 3, 9, 20, 40 дни душа ходит на поклонение к Богу, после чего является на суд, где происходит взвешивание его добрых и злых дел. Представление о мытарствах перед божьим судом, о взвешивании на весах грехов и добродетелей, о переправе праведников в рай через огненную реку соответствует не только мусульманскому учению, но и христианскому.

Полагают, что моральные ценности изначально религиозны (Шрейдер, Рагзопз). Еще Э. Кант доказывал, что «мораль строится на принципах, которые определяют и делают необходимыми все наше поведение и тем самым получают статус божественных». Набожность наделяет человеческое существование определенным смыслом. Живя в соответствии

с принципами этики, полагаясь в остальном на благосклонность Бога, карачаево-балкарцы убеждены, что их участь и судьба находятся в руках божьих, поэтому они неуклонно исполняют свой моральный долг в надежде и полной уверенности, что человеку зачтутся добрые дела. Среди верующих карачаево-балкарцев распространено понятие *муслиманлыкъ* «мусульманство», что означает соблюдение принципов этики, которые должны сопровождаться знанием божественной книги — Корана, исполнением религиозных обрядов, ритуалов. В сознании карачаево-балкарцев концепт *мулиманлыкъ* сопоставим с культурным акцентом *адамлыкъ* «человечность» и в карачаево-балкарской языковой картине мира эти два понятия неразрывны. В их жизни моральный и религиозный долг образуют единую абсолютную ценность, настолько они соединены. Самые основные моральные принципы карачаево-балкарцев как человечность, почтительность, благоразумие, мужество, честь приобрели особый смысл, возвышенный, карачаево-балкарская этика воспринимается как божественное предначертание. При этом повышается чувство ответственности за дела, соблюдение определенных нравственных правил. Несомненно, это создает благоприятную почву для утверждения традиционного гуманистического ислама, где доминирует культура мира, согласия, взаимопонимания.

У карачаево-балкарцев единство морального и религиозного долга, отражение различных верований, обрядов и обычаев зримо просматривается на примере текстов благопожеланий, клятв, функционирующих в их повседневной жизни. Вера в магическую силу Бога породила многие виды клятв и благопожеланий, заклинаний. Клянутся не только именем Аллаха, но и небом, землей, хлебом, Кораном, солнцем и луной, всем тем, что священно у карачаево-балкарцев. Считается, что такие клятвы утратили свою магическую силу и почти всегда произносятся машинально. Нам же кажется, что это не всегда так. Вера в силу Бога у народа сохранилась. Ни одно благопожелание *(алгъыш)* не произносится без упоминания имени Бога, к нему обращаются с просьбами претворить в жизнь все хорошее, что пожелали. И верят, что это сбудется, если попросить искренне, от души.

1. Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. – Нальчик; Эльбрус, -2000 с.

2. Батчаев А.-М. Х. Восточные заимствования и их место в карачаево-балкарском языке // Слова... и чувства, и мечты. – Черкесск, 2008, - 252 с.

3. Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. – Нальчик: Эльбрус, 1997, - 227 с.

БОТАШЕВА Ф. Т.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ КАРАЧАЕВЦЕВ И НОГАЙЦЕВ

Анализ использования слов русского языка в родной речи обнаруживает различия между значениями, на первый взгляд, эквивалентных слов русского и родного языков. В определенной степени употребление билингвом слов двух языков в родной речи зависит и от закономерностей их употребления. Оказывается, что некоторая часть русских слов может вступать в определенные функционально-семантические отношения с соответствующими им словами в родных языках. Эти слова претерпевают семантические изменения, выражающиеся в образовании новых значений или оттенков значений, привносимого носителем родного языка в соответствии с преследуемой коммуникативной целью. Наблюдения показывают, что слова двух языков, базирующиеся на единой предметно-логической основе, могут приобретать в речи значения, которые нельзя признать полностью совпадающими, более того, часто носят контрастный и фрагментарный характер.

Известно, что значение каждого знаменательного слова включает в себя понятие, основанное на различении отдельных признаков обозначаемых предметов и явлений дей-

ствительности. Считается, что «эти признаки являются общими в том смысле, что они позволяют объединять различные единичные предметы или явления в классы и являются существенными в том смысле, что достаточны для осмысления данного понятия» [6, с.76]. Отраженная в значениях слов действительность по-разному членится этими значениями в разных языках [1, с.64].

Наблюдения показывают, что слова двух языков, базирующиеся на единой предметно-логической основе, могут приобретать в речи значения, которые нельзя признать полностью совпадающими, более того, часто носят контрастный и фрагментарный характер.

Специалисты отмечают,- что в лексических значениях слов находит выражение национальное своеобразие, которое в действительности складывается в результате особых отношений системы языка к предметам и явлениям действительности, которые составляют содержание осуществляющихся в языковых формах процессов мышления» [4, с.441].

Итак, слова различных языков функционируют по своим особым законам, выступая в речи в каждом конкретном случае индивидуально и специфично. Мы хотели сравнить интерферирующее влияние русского языка на устную речь карачаевцев и ногайцев.

В связи со всем сказанным, хочется привести следующий пример. Информантам, приехавшим в город из сельской местности, был задан вопрос: «Почему вы вместо слов родного языка *кладка (карач.), кладка (ног.) (лёгкий мостик) или кёпюр(карач.), коьпир (ног.)(мост)* в предложении «Надо перейти через мост» употребляется *Мостну юсю бла барыргъа керекбиз ,* употребляете слово *мост,* а не слово родного языка? Ответ оказался совершенно неожиданным. Объяснения сводились к следующему: слово *кладка* в языковом сознании носителей карачаевского и ногайского языков ассоциируется с небольшим сооружением через речку. А под словом *мост* имеется в виду мощное сооружение через большую реку. В родных языках есть полносемантическое слово *кёпюр* и *коьпир,* которые передают полное значение слова мост, но значительно чаще употребляется мост, а не *кёпюр* и *коьпир*. Например, *мост через Кубань – Къобанны мосту* вм. *Къобан сууну кёпюрю* (карач)*; мост через Кубань –Кобаннынъ мосты* вм. *Кобаннынъ коьпири (Кобан сувдынъ коьпири* (ног.) Следует отметить, что для информантов из городской местности слова *кладка* и *мост* являются взаимозаменяемыми. Следовательно, слово *мост* более четко дифференцирует понятие для слушающего. Между языками и выделенными ими признаками возникает перераспределение связи, а также перераспределение функций между двумя словами из разных языков.

Употребление этого слова основано на различии значения русского и соответствующего ему родного слова и на различии семантических полей родного и русского языков. Таким образом, образовалась своего рода новая семантическая дифференциация, которой раньше не было ни в родном, ни в русском языках. Это различие основано на обозначении русским словом нового признака, привнесенного носителем родного языка.

Частотность использования русского и родного слов в родной устной речи билингвов и их семантическая соотнесенность свидетельствуют о характере взаимосвязи предметов и явлений действительности, что находит свое отражение в речи.

В карачаевской и ногайской устной речи слова русского и родного языков обычно ограничены в возможности подмены, т.к. вне границ соприкосновения они весьма различаются и по значению, и по употреблению. Употребляемое в родной речи слово из русского языка может обладать большей или меньшей широтой значения. Русское слово иногда может оказаться более узким по значению, чем слово родного языка. Приведем пример: *Къурманлыкъмы этгенсиз? —* Огъай*, вечеринка (карач.) и вечер(ног.)*. Отвечающий под словом *къурманлыкъ* подразумевает торжество, на которое приглашается много гостей. Используя в речи русское слово *вечеринка, вечер* информант более четко дифференцирует свою мысль. Он подчеркивает, что пригласил своих близких родственников и друзей. В данном случае употребление слова *вечеринка (*карач.), *вечер* (ног.) объясняется узостью его значения по отношению к слову *къурманлыкъ (*ног.*курманлык)*.

Таким образом, значение русского слова в речи может определяться не только его отношением к предмету, но и отношением к значению, семантической наполняемости родного слова.

«Слово своим значением устанавливает категорию, под которую подводятся все новые предметы, обладающие признаком данной категории. Вместе с тем определение того или иного признака, на основе которого происходит указанный процесс обобщения, устанавливает пределы применения данного слова и отграничивает значение одного слова от значения (даже и очень близкого) другого слова» [5, с.449].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что определение признака устанавливает границы функционирования слов родного языка и возможность употребления русского слова в устной речи билингва и различает их значения.

Нередки случаи, когда большое несоответствие между содержанием признаков в русском и родных словах может привести к появлению в речи билингва двух самостоятельных слов. Это возможно «...главным образом, в условиях эквивалентности значения, когда в слове, в значении которого происходят сдвиги, можно предполагать и старый и новый смысл, без влияния на суммарное значение, передаваемое всей фразой» [5, с.452]. Например: 1) *Мен бек уллу нагрузка бла ишлейме* (карач.) *Мен уьйкен нагрузка мен ислеймен (*ног.). *— Я работаю с большой нагрузкой. (Мени быйыл джюгюм уллуду, или ...ишим ауурду(*карач.) - *исим авыр*(ног.) ; нагрузка — *джюк(*карач.)- *юк(*ног.), *иш(*карач.) – *ис*(ног.). Употребление слов родного языка контекстуально, в то время как слово *нагрузка* в этом отношении не ограничено.

Широкое распространение в устной речи билингва имеет русское слово *свежий.* В русском языке значения слова *свежий* связаны полисемией, в то время как в карачаевском и ногайском языках значения его распределены по разным лексемам.

Свежий, -ая, -ее 1. свежий; *джангы* (карач.), *янъы* (ног.): *свежее молоко - джангы саулгъан сют*(карач.), *савылган суьт* (ног.); свежее мясо -*джангы союлгъан*(карач.), *сойылган эт*; 2. чистый; *кирсиз* свежий воздух - *кирсиз хауа* (карач.), *кирсиз ава* (ног.). 2. прохладный *салкъын, джел* (свежий ветер — *салкъын джел* (карач.), *салкын ел* (ног.); 3. не утративший яркости; *бети джарыкълай турады (*карач.) *туьси авмай турады* (ног.) *;* свежие краски — *онгмагъан, джарыкъ бояула* (карач.) *авмаган ярык бояклар (*ног.); 4.чистый; *кийилмеген, кирсиз кёлек*(карач.); *кирсиз таза коьйлек*(ног.)–чистая свежая рубашка; 6. со свежими силами — *солуб, арыгъынчы* (карач.); *тыншайып* (ног.)*;* 5. свежие новости — *джангы хапарла* (карач.), *янъы хабарлар) (ног.);* 6. *перен.* (встал со свежей головой — *саф баш, солуб, башым солуду (*карач.): *сав бас, басым тыншайды* (ног.).

Вероятно, существует какая-то связь между характером полисемии и типом языка. Русское слово *свежий* имеет много признаков. Видимо, эта особенность данного слова и учитывается, «схватывается» билингвом как нечто, отличное от особенностей выделения этого значения словами родного языка.

В устной речи билингвами в качестве модальных слов часто используются модальные слова русского языка. Например: *конечно — Хо, да, конечно(карач.).* Заметим, что ногайцы гораздо реже употребляют это слово, чаще свое *аьше*, напр*., аьше, сага еткишей* (ног.). (Да, конечно, пока до тебя дойдет).

Также используется в качестве модального слова русское прилагательное *любой. Любой адам айтырыкъды сеннге аны.* (Любой (каждый) человек в этом случае тебе так скажет). *Любой джерде табарыкъса иш, излесенг.* (В любом месте (везде) найдешь работу, если будешь искать)

Как видно из примеров, слово *любой* употребляется в устной речи билингвов в значении качественно-характеризующего слова с обобщающим компонентом: *все без исключения, любой человек, в любом месте,* т.е. *везде.*

По всей вероятности, проникновение такого рода слов, например, в карачаевскую или ногайскую речь вызвано потребностью облегчить коммуникацию, когда необходимо разграничить сигнификаты. т.е., если слово из родного языка может обозначать как единичный признак, так и их совокупность, то употребляемое русское слово выполняет лишь одно из этих условий.

В устной речи билингвов распространено употребление слова *пожалуйста.* Это слово в основном используется в значении выражения согласия. Например: *Мен, пожалуйста, эркинлик береим(карач.) /Мен, пожалуйста, эркинлик берейим.(ног.)/* Пожалуйста, я дам разрешение/.

Значение русского слова *настроение* в карачаевском языке передается словами *кеф, хал, кёл*. В устной речи используется слово *настроение* и оно используется и ногайцами и карачаевцами. *Например: Ишлерге настроением джок(*карач.) */ Ислемеге настроением йок*(ног.) – Нет настроения работать/.

Ученые отмечают, что «слово обладает не только предметно-логическим содержанием, оно употребляется не только для передачи мысли, — оно наделено также и эмоциональным или экспрессивным элементом, через его посредство человек выражает свои эмоции» [5, с.317].

Некоторые русские слова, например, в карачаевской устной речи приобретают новые смысловые и эмоциональные оттенки. По-видимому, такие слова вводятся тогда, когда говорящий не находится в родном языке слова, содержащие в себе необходимую экспрессию. Сама возможность их использования в речи заложена в свойстве этих слов передавать понятийно-оценочное содержание.

В зависимости от цели высказывания делается выбор слов из двух языков. Большинство изменений значений является результатом стремления говорящего приспособить речь еще более близко к тем функциям, которые они должны выполнять. «Когда два языка сосуществуют независимо у индивида, он имеет возможность, говоря на одном, черпать из словаря другого языка слова, которые кажутся ему нужными; но из всего предшествующего следует, что тогда он заимствует из другого языка прежде, чем слова, те понятия или их оттенки, ту их окраску, наконец, которые кажутся ему необходимыми по какой-либо причине» [6, с.49].

Словарный состав карачаевского и ногайского языков располагает достаточным количеством синонимов, что дает возможность речи придавать различную эмоционально-экспрессивную окраску.

Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на два больших разряда: с положительной и с отрицательной окраской.

В подавляющем большинстве случаев подобного рода русские слова в устной речи билингва чаще всего используется отрицательное в экспрессивно-стилистическом отношении средство. Например: *Бусагъатдагъы молодежь аллай образованныйды, кесинден уллуну айтханына эс бёлмейди*(карач.) // *Соьлеги замандагы молодежь сондай образованный, оьзиннен уьйкеннинъ айтканын этпейди* (ног.).–*Современная (нынешняя) молодежь такая образованная, что даже не прислушиваются к словам старших*.

В этом высказывании вместо слов *билимли, акъыллы*(карач.) *и билимли, акыллы*(ног.) употреблено русское *образованный,* которое является смысловым и эмоциональным центром высказывания. В данном контексте и русское слово *образованный* и *билимли (*карач.,ног.) имеют одинаковое значение. Однако под воздействием оценочной окраски консетийная соотнесенность этих слов оказалось различной. Слово *образованный* в этом контексте заключает в себе иронию. Если заменить русское слово *образованный* карачаев-ским *билимли* и ногайским *билимли,* смысл высказывания не изменится. Однако исчезнут эмоциональные оттенки, связанные именно с использованием русского языка.

Отбор и сочетание слов билингвом производится в зависимости от того, что он хочет сообщить, а «следовательно, в зависимости от способности слов и их сочетаний передать нужную информацию. Однако значимым в слове является не только его «предметное» значение (понятийное содержание), но и его экспрессивно-стилистическая окраска...» [2, с. 64].

Отсюда следует, что в приведенном примере значим факт выбора и употребления русского слова и дополнительный эмоционально-стилистический элемент, вытекающий из самого использования этого слова. Дело в том, что мы, используя перевод, теряем полностью стилистическую окрашенность, эмоциональную функцию, которая как известно, в разговорной речи играет большую роль, что подтверждает позицию Шмелева, когда значимым является не только предметное значение, но и экспрессивно – эмоциональная окраска.

В живую речь билингвов из русского языка проникают и слова, выражающие понятия, содержанием которых является чувство. Например: *Чакъыр только, с удовольствием келирбиз* (карач.). *Шакыр только, с удовольствием келермиз (ног.)*. (Только позови, с удовольствием придем).

Использование таких слов, по всей вероятности, основано на том, что информант считает их наиболее пригодными для передачи эмоционального содержания высказывания, т.е. он выбирает из двух языков средства соответствующие его внутренней установке.

Как уже было сказано выше, выбор слов из двух языков производится в зависимости от того, что хочет сообщить билингв. Однако выбор слов может определяться «не только задачами непосредственной передачи информации, но и в какой-то мере ситуацией, в которой делается сообщение» [3, с.203]. Другими словами, ситуация — толчок для употребления русского слова.

Наблюдения также показывают, что в живую речь билингва часто проникают дублеты из русского языка. Т.е. в устной речи сосуществуют взаимозаменяемые слова русского и родного языков. Эта взаимозаменяемость обусловлена тем, что слова двух языков несут одинаковую функциональную нагрузку. Сам говорящий чаще всего не замечает эти взаимные подстановки. Приведем примеры: *Свекрухагъа барама* (карач.) – *Свекрухага бараман (ног.)*./К свекрови иду./; *Школда окъуйма (*карач.). – *Школада окыйман (*ног.). /В школе учусь/и т.п.

Из сказанного следует: проблемы культуры речи включают в себя широкий круг вопросов, связанных с функционированием и развитием национального языка, они устанавливают внутренние связи между повышением речевой культуры общества с развитием национальной культуры, анализирует процессы, происходящие в речевой практике, способствует совершенствованию литературного языка с учетом его общественных функций.

---

1. Аминова А.А. Двуязычие как объективная необходимость//Актуальные проблемы развития межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания.– Казань, 1989. – 128 с.

2. Ахунзянов Э. М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция.– Казань, 1978. – 64 с.

3. Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия//В.В.Иванов, Н.Г.Михайловская и др.; Отв. ред. В. В. Иванов.– М.: Наука, 1999. – 203 с.

4. Звегинцев В. А. Разграничение между языком и речью как выражение двойственности объекта лингвистики// Язык и речь. –Тбилиси, 1977. – 441 с.

5. Кононов И.М. К вопросу о языке и речи//Пражский лингвистический кружок.– М.,1967. – 317 с.

6. Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина//Культура русской речи и эффективность общения.– М.:Наука,1996.

7. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике.- Изд-во Ленинградского ун-та,1958,с.499.

8. Къарачай – малкъар орус сёзлюк /Под ред. чл.-корр. АН СССР Э.Р.Тенишева и канд. филол. наук Х. И.Суюнчева /.– М., 1989.

9. Русско-карачаево-балкарский словарь /Под ред. Х.И.Суюнчева и И.Х.Урусбиева/.– М.: Советская энциклопедия, 1965.

БИРАБАСОВА М. А.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР г. Черкесск, Россия

СПЕЦИФИКА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на значительный шаг в деле научного изучения грамматики, лексики и диалектов ногайского языка, вопросы синтаксиса, а именно сложного предложения, не нашли самостоятельного исследования в ногайском языкознании. Отдельные вопросы синтаксиса рассматривались в работах известных тюркологов Н.А. Баскакова, С. А-Х. Калмыковой, М.К. Милых, Д.М. Шихмурзаева, К.К. Джанбидаевой. М.А. Бирабасовой выпущено учебное пособие для учителей родного языка и студентов высших учебных заведений «Синтаксис ногайского языка»[5].

Краткий обзор синтаксиса ногайского языка дает проф. Н.А.Баскаков в книге «Ногайский язык и его диалекты». По его мнению, «...сложное предложение в ногайском язы-

ке состоит из несколько простых предложений, соединенных между собой механически, усложненных специальными оборотами, которые условно называются придаточными предложениями» [4].

Проблема сложного, в частности, сложноподчиненного предложения – одна из наиболее спорных не только в ногайском языке, но и в тюркологии в целом. Сложноподчиненное предложение – это качественно отличная от простого предложения синтаксическая единица, и синтаксические отношения в нем складываются особые.

В ногайском языке при построении сложноподчиненного предложения его предикативные части должны повторять структуру именно обычного простого предложения, а не распространенного причастного или деепричастного оборотов.

Такой подход к исследованию сложноподчиненного предложения ногайского языка, как и во многих других тюркских языках, является, на наш взгляд, наиболее перспективным направлением, т.к. он позволяет четко дифференцировать простые предложения с причастными и деепричастными конструкциями, показать роль подчинительных средств между компонентами в структуре сложноподчиненного предложения и определить типы придаточных предложений в нем.

Сложноподчиненное предложение состоит из предикативных частей, неразрывно связанных между собой различными грамматическими средствами. Характеризуя сложноподчиненное предложение, нужно рассматривать главное и придаточное предложения как две части неделимого целого и изучать их в связи друг с другом. Это не исключает рассмотрения каждой из этих частей в отдельности, определения их места и значения в образовании данной сложной единицы. Структурно-семантический метод исследования сложноподчиненных предложений способствует выявлению типов синтаксических конструкций, характеристике соотношений их предикативных частей, а также роли и места каждой лексической единицы в формировании значения и синтаксических отношений между частями сложного предложения.

В тюркологии, как и в индоевропеистике, аксиомой является то, что сложное предложение должно состоять не менее чем из двух простых предложений. «Раз сложное предложение строится на базе простых предложений, составные части сложного целого также должны обладать грамматическими признаками предложения» [1].

Простое нераспространённое предложение, состоящее только из подлежащего и сказуемого, должно выражать логически законченную мысль: например, *Ребёнок играет*. Всякое предложение - это раскрытие признака. В данном случае мы назвали предмет и раскрыли его процессуальный признак. Личная форма глагола не только даёт возможность назвать этот признак, но и определённым образом соотнести его с его носителем, поэтому наилучшим средством обеспечения выражения логически законченной мысли являются личные глагольные формы.

Акад. Б.А. Серебренников прав, когда отмечает, что деепричастие никогда не может выступать в роли действительного сказуемого, и сочетание именительного падежа с деепричастием не способно образовать предложение [8]. Такого же мнения придерживается известный синтаксист А.З. Абдуллаев, который отмечает, что некоторые тюркологи почему-то думают, что какая-то чудодейственная специфика некоторых тюркских языков способна превратить указанные обороты в придаточные предложения. На самом деле никакая специфика языка не способна изменить сущности деепричастий и других неличных форм глагола [2].

По мнению М.И.Черемисиной, грамматическое описание разносистемных языков – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, кавказских – несёт на себе явный отпечаток синтаксических концепций русистики; они «отталкиваются» от эталонного представления о сложном предложении. Автор подчёркивает, что признаки, присущие большинству моделей русского, английского, немецкого, французского сложного предложения, а именно - финитная организация обеих частей и союзный характер связи между ними, - для языков агглютинативного строя в целом вовсе не характерны. Сочетание форм «имя субъекта действия – спрягаемое деепричастие в соответствующей личной форме» мы рассматриваем как предикатный узел, конструирующий зависимую предикативную

единицу. Инфинитные формы остаются формами глагольного слова, сохраняя важнейшее свойство глагола – способность вступать в предикативные отношения с именными и прономинальными формами, организуя предикативный центр зависимого блока полипредикативной конструкции. Отсюда видно, что М. Черемисина относит к сложноподчинённым предложениям предложения с причастными и деепричастными оборотами [9]. Такого же мнения придерживается проф. М.З. Закиев, который считает, что теория об обязательности личной формы глагола для предложения не применима, ибо в этих языках предложения со сказуемыми в безличной форме являются обычными, закономерными [6].

Н.З. Гаджиева пишет, что причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты являются результатом трансформации: «Тюркские языки не могут создавать придаточные предложения европейского типа, вводимые союзами. Если имеются два логически связанных между собой события, то их можно связывать между собой только одним способом: одно предложение должно поглотить другое предложение, которое нужно так видоизменить, чтобы получилось, по существу, одно предложение» [5].

Однако такое мнение многими современными тюркологами (Абдуллаева З.А., Ахматов И.Х. и др.) не разделяется. Ими на основе обширного материала из разных стилей литературного языка созданы научные труды по синтаксису простого и сложного предложений. В этих исследованиях по-новому поставлены и решены многие теоретические вопросы синтаксиса тюркских языков, в частности, относящиеся к безличным предложениям и критериям определения придаточных предложений.

Тюркологи, в первую очередь азербайджанские языковеды (Абдуллаев А.З., Ширалиев М.Ш.), вскрыли коренное различие между оборотом как развёрнутым членом предложения, лишённым предикативности, и придаточным предложением, обладающим предикацией [10].

Н.А. Баскаков, проанализировав генетические корни различных типов сказуемого в тюркских языках, приходит к заключению, что сказуемое простого предложения на протяжении всей истории тюркских языков никогда не выражалось посессивной формой.»Сказуемое в тюркских языках, - пишет Н.А. Баскаков, - может быть выражено только личной формой, но не притяжательной (посессивной) формой *(мен келгенде, меним келгенимде и т.д.)*. Посессивные конструкции выступают как особый тип словосочетания. Предложение же как реализация в языке акта предикации остаётся всегда номинативным»[4].

Большинством лингвистов важнейшая роль в формировании предложения отводится сказуемому. Сказуемое признается не только как исходный пункт в развёртывании состава предложения, но и как носитель значений наклонения и времени, в которых выражается предикативность предложения. Наконец, грамматическое выражение сказуемого определяет тип предложения – именной или глагольный, а в языках агглютинативного строя развитие структуры предложения вообще, самым тесным образом связано с природой сказуемого.

Наблюдения над связной ногайской речью позволяют констатировать значительную частотность употребления синтаксических конструкций осложненной и смешанной природы, а не классических простых и/или сложных предложений. В ногайском языке особенно выделяются в этом плане предложения с полупредикативными оборотами, сопровождаемыми деепричастными оборотами на *–ып – ип – п*. Например, предложение «*Асан, китабын алып, мектебке кетти – Асан, взяв свою книгу, отправился в школу.*

Предикативность есть не что иное, «как сопоставление данному предикату его актантов» [3]. Предикативность предполагает понятие о времени, лице или безличности и модальности.

Предложение имеет как формальную, так и смысловую структуру, взаимодействие которых представляет собой сложный процесс. Соотношение между формой и содержанием предложения сложно и неоднозначно. При изучении предложения необходимо исходить из принципа единства формы и содержания, которые диалектически связаны между собой. Сущностная характеристика категории предикативности заключается в том, что она как

синтаксическая категория является одним из грамматических признаков предложения, формирует его в соответствии с существующими грамматическими правилами данного конкретного языка сообразно тому замыслу, который вложен в содержание данного конкретного предложения со стороны категории модальности, и тем самым обеспечивает отнесённость содержания предложения к действительности. Природа проявления предикативности определяется тем, что она, пронизывая всю структуру предложения, связывает все компоненты предложения в единое целое при помощи предикативной, сочинительной и подчинительной связей.

Категория модальности, которая наличествует в любом предложении, показывает устанавливаемую говорящим соотнесённость содержания речи с реальной действительностью, выражается при помощи наклонения глагола, модальных слов и модальных частиц [1]. Языковая категория модальности, являясь синтаксической категорией, функционирует при формировании предложения как один из его основных грамматических признаков в плане его содержания, который составляет целостную систему модальных значений от простого повествования до эмоциональной экспрессии, выражаемых разнообразными языковыми средствами. Понятие модальности включает в себя процесс выражения и отнесения к реальной действительности замысла говорящего лица, заложенного в единицу речи – предложение. Модальные значения, передаваемые в предложении, гораздо богаче и многообразнее, чем те, что передаются в оборотах, ибо предикат предложения выражается всеми формами наклонения, а предикат оборота лишён этого.

В отличие от оборота, в предложении для передачи модальных значений используются различные частицы, вводные слова.

Простые предложения, которые объединяются в сложное целое, должны представлять собой интонационное единство. И если простое предложение, утрачивая свою интонацию завершённости, становится составной частью сложного предложения, то, наоборот, выделившись из последнего, оно приобретает ту или иную интонацию сообщения, свойственную отдельному предложению. Интонация выполняет модальную функцию, эксплицируя разнообразные оттенки эмоционально-экспрессивного восприятия говорящим того, о чём сообщается в предложении.

Особенно велика роль интонации там, где другие средства грамматической связи слов (порядок расположения членов предложения, формы слов, примыкание и управление) теряют свою функциональную значимость. Только интонация помогает установить границы словосочетания и предложения. Ср.: *Бу бала «Этот ребёнок» — Бу бала «Это ребёнок»*. Все эти функции интонации говорят о том, какое большое значение имеет она в процессе формирования предложения, в реализации его смысла, а также в коммуникативной и субъективно-модальной дифференциации вариантов одного и того же предложения.

Деепричастные, причастные и другие обороты лишены этих качеств, поэтому их нельзя считать придаточными предложениями.

Если говорить о формально-фонетическом признаке оборотов, выраженных неличными формами глагола или имени, то у них отсутствует интонация законченности, даже относительная, которая свойственна придаточным частям.

Хотя обороты тоже сопровождаются паузой, превышающей паузу между частями сложноподчинённого предложения, нужно иметь в виду, что пауза - это одна из слагаемых интонации как сложного просодического явления (и причём не решающих).

Важнейшее условие, что отличает оборот от придаточного предложения, состоит в том, что в нём нет полноценной коррелятивной связи подлежащего и сказуемого, которая конституирует предложение как структурную и коммуникативную единицу.

Из сказанного следует, что обороты, сказуемое которых представлено деепричастиями и причастиями в формах косвенных падежей, мы не можем рассматривать как придаточные предложения. «Учитывая, что обороты с субъектным именем в плане содержания являются полными семантическими аналогами придаточных, а в коммуникативном плане – частью целого сообщения, их целесообразно квалифицировать как особые полупредикативные синтаксические конструкции» [7].

Опираясь на результаты исследований учёных, занимающихся проблемами сложного предложения в тюркских языках, и, проанализировав факты ногайского языка, мы пришли к следующим выводам:

1. Морфологическим выразителем субъекта является лично-предикативный аффикс, а оборота – притяжательный.

2. Оборот обладает модальностью, но лишен остальных признаков предложения, потому это не предложение, а входит в его состав как член предложения.

3. Значение времени в оборотах (которое важно в ногайском языке) передается через морфологическое выражение главного слова оборота (*окыган, окып турган* + отрицательная форма).

4. И оборот, и придаточное предложение входят в структуру предложения, не являются самостоятельными синтаксическими единицами.

5. Основными средствами связи придаточной части с главной служат подчинительные союзы, союзные слова, частицы и условная форма глагола, а в оборотах - различные аффиксы.

В силу указанных выше доводов мы не считаем деепричастные, причастные и другие обороты придаточными предложениями. Предложения с оборотами целесообразно именовать осложнёнными конструкциями.

В школьной практике, при обучении синтаксического строя сложноподчиненных предложений, учителя родного языка сталкиваются с трудными и сложными случаями при разборе синтаксических сложных конструкций. На уроках используются два источника, имеющиеся в ногайской грамматике [5,6].

В школьном учебнике простые предложения, осложненные деепричастными оборотами, рассматриваются как сложноподчиненные, например: *Куьннинъ коьзи ерди йылытып баслаганда, баьри ян-януварга ян энди* [6]. *«Вся живность просыпалась, прогретая первыми лучами солнца»*. *Прогретая первыми лучами солнца* - деепричастный оборот, который употребляется не в качестве придаточного предложения, а как развернутый член осложненного предложения (деепричастный оборот). Деепричастия, подобно наречиям, представляют собой неизменяемую форму и выполняют в предложении функции обстоятельства. В роли самостоятельного предложения употребляется «основная часть» – *Вся живность просыпалась*.

В учебном пособии сложноподчиненные предложения проанализированы и классифицированы. Например: *Мен соьле язып кутылайым да, оннан сонъ кетермиз. «Как только я закончу писать, мы сразу уедем»* — сложноподчиненное предложение состоит из главного — М*ы сразу уедем* и придаточного предложения времени *Мен соьле язып кутылайым да,* соединенные между собой частицей *да* [6].

Изучение материалов ногайского языка дает нам основание утверждать, что наряду с оборотами в языке существуют и употребляются сложноподчиненные предложения, которые рассматриваются на основе единства и связи его компонентов. Как особая единица языка придаточное предложение (или часть) имеет свой характерный грамматический признак. Отсюда не всякую единицу языка можно назвать придаточным предложением. Как единица языка она (как и всякое предложение), в отличие от других единиц языка (слова, словосочетания), обладает присущим только ему признаком – признаком предикативности (сказуемости).

В двусоставных предложениях предикативность, как известно, находит свое выражение во взаимосвязи подлежащего и сказуемого, соотнесенной с реальной действительностью.

---

1. Абдуллаев А. З. Сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке: Автореф. дис... доктора филол. наук. – Баку, 1963.

2. Абдуллаев А.З. Бессоюзное сложноподчиненное предложение //Советская тюркология, № 4, 1971.-. 30-36.

3. Ахматов И.Х. Полипредикативные конструкции с субъективными оборотами в тюркских языках // Советская тюркология. – Баку, 1988,№2.-С.24-32.

4. Баскаков Н. А. Сложное предложение в каракалпакском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть 111. Синтаксис. — М., 1961.-230с.

5. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты – М-Л, ИАН СССР,1940 –раздел «Синтаксис».

6. Бирабасова М.А. Синтаксис ногайского языка. Уч. пособие.- Ставрополь, 2000.
7. С.А-Х. Джанибекова-Калмыкова, К. К. Джанбидаева. Ногай тилининъ грамматикасы. 7-8 кл. – Черкесск, 1984.
8. Гаджиева Н.З. Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т.3 Синтаксис. – М., 1961
9. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань ,1963.
10. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. – Элиста, 1979.- С.140-163.
11. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.,1986.-С.272-289.
12. Черемисина М. И. Сложное предложение как знак языка// Синтаксис алтайских и европейских языков. -Новосибирск: Наука, 1981.
13. Ширалиев М. Ш. Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении. – СТ, № 4.-Баку,1971.- С.13-14. 61.

БУЛГАРОВА М. А.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА

Краткая лингвистическая справка о ногайском языке:

1. ***Национальный язык*** современных ногайцев, проживающих в следующих субъектах Российской Федерации: Карачаево-Черкесская республика, Республика Дагестан, Ставропольский край, Астраханская область, Чеченская республика; за пределами Российской Федерации: республики Средней Азии, Крым, Турция, Болгария, Австрия, Голландия и др.
2. ***Родной язык*** для большей части ногайцев во всем мире.
3***. Государственный язык*** Карачаево-Черкесской республики и Республики Дагестан, наряду с языками субъектообразующих народов, проживающих в этих республиках.
4. Ногайский язык **генетически** принадлежит к кыпчакской группе тюркской семьи языков. Ближайшие к ногайскому языки – каракалпакский и казахский, вместе с которыми ногайский язык образует кыпчакско-ногайскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков.
5. ***Язык с письменной традицией.*** Ногайский язык не является младописьменным языком, каковым он был обозначен в 20-х XX века, в начале зарождения и становления ногайского языкознания. Предки ногайцев, древние тюркские племена, в прошлом использовали такие системы письма, как:

а) руническая письменность, которой пользовались древние тюрки (VII-VIII вв. н.э.);
б) уйгурское письмо (VIII—XIII вв.);
в) арабское письмо (XI—XX вв.).
Арабское письмо использовалось активно с XVIII в. вплоть до 30-х годов XX в.
г) В советский период ногайский алфавит менялся дважды. В 1928 году арабское письмо было заменено латинским, а в 1938 году латинский алфавит – кириллицей. С некоторыми изменениями алфавит 1938 года (в 1944 исключены диграфы Гъ гъ, Къ къ, в 1950 г. добавлены Аь аь; л) функционирует и в настоящее время.

Как самостоятельная дисциплина ногайская лингвистика начинает оформляться в 20-х годах 20 века, когда в первую очередь решались актуальные задачи культурного строительства– создание алфавита современного ногайского языка, разработки основ грамматики, составления учебников и учебных пособий для школ. С самого начала исследователями ногайский язык был отнесен к младописьменным языкам, что не могло не отразиться на становление и развитие ногайской лингвистической мысли. В то время, когда советскими учеными-лингвистами активно исследовались и разрабатывались вопросы истории старописьменных языков (узбекский, туркменский, азербайджанский, татарский, башкирский и др.) с широким привлечением данных древнетюркских памятников, расшифровки их

текстов, материалы ногайского языка практически не упоминались и не учитывались. Но, уже в 60- 70-ые годы XX века, благодаря основополагающим трудам отечественных ученых-тюркологов: В. Радлова, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова, Кононова А. Н., Н.К. Дмитриева, В.М. Жирмунского, Э.Н. Наджипа, Н.А. Баскакова, К.М. Мусаева и др., а также исследованиям старшего поколения научных сотрудников Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (позже института гуманитарных исследований) С. А. Калмыковой, А.И-М. Сикалиева, Р. Х. Керейтова, Ш.А. Курмангуловой, затем последующих поколений ученых-ногаеведов (Б.Б.Кочекаев, Л.Ш. Арсланов, Д.С. Кидирниязов, В.В. Викторин, В.В. Трепавлов, А.Х. Курмансеитова, Суюнова Н.Х., Ю.И. Каракаев и др.) стало возможным вплотную подойти к решению таких вопросов, как происхождение ногайцев и истории языка, определению места ногайского языка среди других тюркских языков, отношения древнетюркских памятников к ногайскому языку. Приоритет в изучении вопросов истории ногайского языка, о месте ногайского языка в системе тюркских языков, об отношении древнетюркских памятников к современному ногайскому языку по праву принадлежит А.И. Сикалиеву, известному ногайскому ученому-фольклористу. Результаты своей многолетней кропотливой исследовательской работы по данной проблеме он впервые доложил на Всероссийском тюркологическом конгрессе в Ленинграде [20]. Если в 50—60-е годы XX в. еще продолжали писать о ногайском, как о младописьменном языке, то исследования вышеперечисленных ученых опровергли это устоявшееся в науке определение: письменная культура ногайцев корнями уходит в седую древность, предки современных ногайцев пользовались руническим, уйгурским, уйгуро-найманским, арабским письмом. И это резонно, ведь как отмечает А.И. Сикалиев: «Большинство древненогайских племен в эпоху создания орхоно-енисейских рунических памятников находилось на той территории, где обнаружены эти памятники. А названия некоторых племен (канглы, конгар или кангар, кенгерес и др.) встречаются в самих текстах.»[21,с.44]. Факт сохранения рунических букв в фамильных тамгах современных ногайцев, а также тамг на надгробных памятниках в прошлом и настоящем, консервация древнетюркских этнонимов в составе современных ногайских фамилий: *канглы<Канглиев, уйсун<Исунов, кереит<Керейтов, кипчак/кыпшак<Купчаков, найман<Найманов и др.*) свидетельствуют о живой связи между древнетюркской и ногайской культурами [1; 9; 10; 13].

Одним из ранних письменных памятников кыпчакского языка является известный словарь «Дивану лугату ит-тюрк». Первый тюрколог Махмуд Кашгарский – автор бессмертного «Дивану лугат ит-тюрк» («Словаря тюркских языков», точнее «Собрания тюркских наречий (языков»), оставил потомкам ценнейший памятник тюркских языков XI века, который, по определению А.Н. Кононова, представляет собой «золотые россыпи любопытнейших и тончайших наблюдений над фонетикой, грамматикой и лексикой ряда тюркских языков, единственное в своем роде сочинение, донесшее до нашего времени бесценные лингвистические, этнографические, фольклорные, географические сведения о хаканских (караханидских) тюрках, туркменах, огузах, ягма, чигилях, кыркызах» [11, с.16-17]. Труд Кашгарского давно и широко используется исследователями тюркских языков, как ценный источник для лексико-семасиологических исследований, для восстановления архетипов многих слов и форм, выявления сужения или расширения значений отдельных слов, определения степени совпадения лексики языков того времени и лексики современных конкретных языков. Исследователям ногайского языка еще только предстоит в полной мере использовать материалы Словаря для правильного освещения истории ногайского языка. Здесь уместно привести слова профессора К.М. Мусаева: «В определении отношения тюркских письменных памятников к той или иной группе тюркских языков большую роль играл и продолжает играть «человеческий фактор». Первые их исследователи знали турецкий язык, и все памятники сближали с этим знакомым языком. В современном мире подобных фактов встречается немало. Индийский посол в Турции утверждал, что турецкий язык и хинди родственны. Это утверждение у него возникло не потому, что он исследовал тюркские языки, а из-за того, что не знал других языков. Знатоки каждого из современных языков готовы считать тот или иной письменный тюркский памятник древности памятником только своего языка, поскольку, естественно, между ними находят множество сходных черт» [15, 19-20]. В Словаре Махмуда Кашгарского невозможно не заметить высокую степень совпадения лексики того времени с лексикой современного ногайского языка. Приведем

лишь некоторые примеры из словаря М. Кашгарского и их соответствия из современного ногайского языка. В «Диване...» широко представлены географические названия, названия городов и местностей: *Ak Say, Ak Terek, Çimkend, Ertiş, Etil/Itil, Kara Yalga, Katun sInI, Kuyas, Oküz, Kümi;* ногайские топонимы: Аксай, Ак Терек, Шымкент, Эртиш, Эдил, Кара Йылга, Пишесын, Коясыл, Алты Оьгиз, Куьми и др. Этнонимы: *Bulgar, KanglI, KIfçak/KIpçak, Türkmen*; ногайские соответствия: Булгар, Канглы, Кыпшак, Туьркмен и др.антропонимы: *Badruk, Begi, Bektur, Inal, Ishak, KadIr Xan, Mahmud, Nuh, OtamIş, Zukkarneyn;* ногайские соответствия: Бодрак, Беки, Бектур, Инал, Исхак, Кадыр, Махмуд, Нух, Оьтемис, Зулкарнай и др. Список нарицательных слов: *agIr, agIz, aguz, axsak, axsam, ak, akIm, akru, al, alang, alkas, kImIz, kIsIr, kölük, kamcI, kapak, kulak, kumgan, oglan, söz, tolu, yüzük, yay;* авыр, авыз, увыз,аксак, аксам, ак, агым, акырын, ал, алан, алгыс, кымыз, кысыр, коьлик, камшы, капак, кулак, кумган, увыл, соьз, толы, юзик, яй и др. [3, s.1-9; s.256; s. 263; s. 321; s.359; s.535; s.571; s. 637; s.763; s. 828; s.829-860].

Выдающиеся памятники средневековой и золотоордынской культурной эпохи, творчество известных поэтов-философов также были известны ногайцам. «Имена и художественные творения Юсуфа Баласагуни, Кет-Буга Найманлы, Ахмеда Ясави и других пользовались популярностью как литературное наследие предков», — отмечает А. Сикалиев [21, с.44]. Литературоведы определяют наследие великих поэтов и философов средневековья источником, питающим современную ногайскую словесность, способствующим поступательному ее развитию. «Памятники караханидской и золотоордынской культурных эпох, продолжали широко распространяться среди ногайских племен и в национальный период, после 14 века, в рукописных списках (тептерах), а позже – в виде печатных изданий, осуществленных в Казани, Ташкенте, Бухаре» [22,с.52]. Исследователь памятников письменности Гасан Оразаев также отмечает: «Ногайская письменная традиция, как одна из основных и непосредственных преемниц богатой золотоордынской, была занесена ногайцами на Северный Кавказ в период их переселения на Кубань, Терско-Кумское междуречье и другие места северокавказского региона и заселения ими этих мест в XVI—XVIII в. она бытовала тут еще в XIX веке» [16, с.86]. При исследовании памятников тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. автор использует дифференцирующий термин «тюркоязычный» и это объясняет следующим образом: «...он служит для обозначения языка рассматриваемых документов, независимо от того, представителем какого этноса создан тот или иной документ. Ибо известно, что в средневековом Дагестане и в Чечне тюркский язык употреблялся при создании письменных материалов не только собственно тюркскими народами, проживающими здесь, — кумыками, ногайцами, азербайджанцами, терекеменцами, но и нередко и носителями нетюркских яхыков – андийцами, кайтагцами, казикумухцами, аварцами, лезгинами, чеченцами и др.» [16, с.4]. Ногайский, как один из тюркских языков Кавказа, использовался не только, как язык деловой письменности, но и как язык межнационального общения. Вплоть до 19 века на Северном Кавказе ногайский язык выполнял функции лингва франка. Еще в далеком прошлом народы пестроязычной Карачаево-Черкесии, испытывая практическую необходимость в постоянных экономических, культурных контактах, понимали, что эти отношения невозможны без знания языков. Традиционно это поощрялось, знатоки языков соседей пользовались особым уважением в народе. Как отмечает Н.Г. Волкова: «Ногайские поселения имелись в Хусу-Фараке, Кета в Дигории, в местности Зеюко в Карачаево-Черкесии. В том же Зеюко жители рассказывали, что в прошлом от Кубани до Черного моря жили ногайцы, часть территории которых заняли кабардинцы. Ногайцы составляли население плоскости, а экономическое общение с плоскостными районами делало необходимым знание горцами ногайского языка. Этот язык длительное время, даже в I половине XIX в., в некоторых районах Северного Кавказа выполнял функции лингва франка. [6, с.80]. В.Г. Садур подчеркивает: «Владычество Золотой Орды в степях Предкавказья только укрепило влияние кыпчакской культуры и кыпчакского языка. Уже в XIII веке этот язык носил над-

диалектный характер... В XV—XVI веках позиции кыпчакских языков на Северном Кавказе укрепились с появлением здесь ногайского языка» [19, с. 66-67]. «Так складывалась судьба народов Карачаево-Черкесии, что билингвизм с древних времен у них являлся жизненной необходимостью. Еще с далеких времен языки Карачаево-Черкесии взаимодействовали не только друг с другом, но с абхазским, балкарским, кабардинским, мегрельским, осетинским, сванским и др. языками. Исторически, как отдельные островки в пестроязычном Западном Кавказе, существовали абхазо-карачаевское, карачаево-балкарско-осетинское, кабардино-карачаевское, балкаро-сванское, абазино-кабардино-черкесское, адыгейско-карачаевское и т.д. двуязычия»- писал М.А. Хабичев [24, с.80]. К этому списку мы могли бы добавить ногайско-черкесское, черкесско-ногайское, осетино-ногайское двуязычия на территории Северного Кавказа, о чем свидетельствуют изыскания профессора Б.А. Алборова о говоре осетин-иронцев Моздокского региона: «От мала до велика, даже в настоящее время, — отмечает автор, — осетины-хуторяне говорят на ногайском языке, не говорящие понимают на этом языке. Ногайский язык являлся интернациональным языком не только для осетин, но и для живущих рядом с ними черкесов, армян, грузин...» [2, с.275-276].

Известный памятник средневековья «Кодекс Куманикус» справедливо считается общим достоянием тюркоязычных народов и признан учеными полезным источником, который «может и должен служить одним из главнейших достоверных источников для сравнительно-исторического (компаративного) и сопоставительного (контрастивного) изучения многих современных тюркских языков и, конечно, в первую очередь, кыпчакских – кумыкского, караимского, карачаево-балкарского, крымско-татарского, а также татарского и башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского, кыпчакских диалектов узбекского и т.д....»[23, с.40]. Но, к сожалению, отношение «Кодекс Куманикуса» к ногайскому языку пока не стало предметом специального исследования. А.Н. Кононов в свое время отметил данный памятник, как один из самых древних памятников крымско-татарского языка (степного и северного языка) [12,с.250]. Исторически, как известно, степные и северные районы Крыма были заселены ногайцами, следовательно, памятник имеет отношение и к языку крымских ногайцев, проживавших, проживающих в степных и северных районах Крыма *[М.Б]*. Махмутов Х., исследовавший загадки «Кодекс Куманикса», приводит татарские параллели куманских загадок, отмечает наличие преемственности между ними. В своей работе, приводя и исследуя большое количество параллелей, автор останавливается на одной из куманских загадок: «*Àê k'üjmäni? avzu jok. Ol yumurtqa*». Приводя разнящиеся взгляды известных тюркологов (Ю. Немет, С.Е. Малов, В.В. Радлов, А. Титце) в чтении и толковании данной загадки, Х.Махмутов пишет: «В загадке может подразумеваться или фургон со сводчатой крышей, или навес кочевника, имеющий некоторое внешнее сходство *с яйцом*.»[14, с.94]. Но здесь, безусловно, имеем ногайское слово *küyme* – белая юрта на повозке для новобрачных. Таких примеров, когда при исследовании памятников письма тюркских народов, материалы ногайского языка незаслуженно выпадают из поля зрения исследователей, можно привести в достаточном количестве. Тот факт, что много общего и идентичного обнаруживается в материалах и лексике данного памятника и материалах современного ногайского языка свидетельствует о преемственности древних письменных традиций. История ногайского народа, его языка, культуры неразрывно связаны с историей и языками тюркских народов. По справедливому определению А.М. Щербака: «Тюркские народы вправе гордиться высоким уровнем развития культуры в столь отдаленное время, обретением специфических форм государственности и связанных с ними самобытных институтов, ощутимым вкладом в развитие мировой цивилизации» [26, с.4]. Ногайским языковедам еще предстоит изучить древнетюркские памятники письменности, памятники средневековья, а также памятники деловой переписки (ярлыки-послания, договоры и шертные грамоты и т.д.) и исследовать их отношение к ногайскому языку.

Но, несмотря на неблагоприятные перипетии в развитии ногайского языкознания: а) отсутствие программы подготовки кадров (за все время существования КЧИГИ только один специалист был направлен в целевую аспирантуру Института языкознания); б) сужение социальных функций языка (вследствие потери народом административно-территориальной целостности, объявления астраханских ногайцев татарами, бабаюртовских –кумыками 50-60-ые гг. стали известны в истории ногайского народа, как годы резкого сужения социаль-

ных функций языка и отчуждения от духовных корней, национальной культуры, традиций и обычаев), ногайская лингвистическая мысль развивалась. Начало систематическому изучению ногайского языка было заложено Н.А. Баскаковым. Его «Грамматика ногайского языка и его диалекты» стала первой монографией, в которой впервые была произведена научная классификация диалектов, описаны их фонетические, лексические и грамматические особенности[4]. В 1956 и 1963 годах были изданы двуязычные «Русско-ногайский словарь», «Ногайша-орысша соьзлик» (Ногайско-русский словарь) под редакцией профессора Н.А. Баскакова [17]. Становление и развитие ногайской диалектологии неразрывно связано с именем С.А. Калмыковой, первого специалиста по ногайскому языку, получившего академическую подготовку в аспирантуре Института языкознания АН СССР. Монографическому изучению был подвергнут диалект кубанских ногайцев [8]. Изыскания в области ногайской диалектологии позволили С.А. Калмыковой внести поправку в определении количества диалектов в ногайском языке. Заметным вкладом в тюркологию стала нормативная «Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология»[7]. Участие языковедов в международных лингвистических проектах способствовали популяризации ногайского языка и введению его материалов в широкий научный оборот. В 80-ые годы XX века сотрудники института С.А. Калмыкова и Е.С. Айбазова участвовали в международном проекте «Лингвистический атлас Европы». Большую роль в нормализации ногайской общественно-политической терминологии сыграл «Русско-ногайский словарь общественно-политических терминов» [18]. Ногайские грамматические термины нашли отражение в «Словаре грамматических терминов тюркских языков»[5]. Ногайскую лексикографию обогатил труд известного лингвиста-ногаеведа Д.М. Шихмурзаева «Фразеологический словарь ногайского языка» [25]. Следует отметить неоценимый вклад в становление и развитие ногайской филологии, в подготовку национальных кадров таких известных ученых-тюркологов, как У.Б. Алиев, М.Б. Балакаев, Ф.Г. Исхаков, Е.И. Убрятова, М.К. Милых, Э.Р. Тенишев, М.Ш. Ширалиев, К. М. Мусаев, Юсупов и др.. В настоящее время в области ногайской филологии успешно трудятся их ученики: Е. С. Айбазова (фонетика, словообразование, терминология, диалектология), Ю.И. Каракаев (архаическая лексика ногайского языка, диалектология, лексикография), М.А. Булгарова (топонимия, антропонимия, лексикография, социолингвистика), С.А. Кукаева (отраслевая лексика, лексикография), М.Кидирниязова (лексикология, лексикография), М.А. Бирабасова (синтаксис), Ф.Атакаева (лексикология, грамматика) и др. В Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований завершена работа над большим «Ногайско-русским словарем». Словарь проходит ответственное редактирование в Институте языкознания РАН, которое возложено на профессора, доктора филологических наук, главного научного сотрудника К. М. Мусаева. Составление словарей всех типов, документирование отраслевой лексики ногайского языка, который включен в Список языков, находящихся под угрозой исчезновения – важнейшая и ответственная задача лингвистов-ногаеведов как в рамках программ Юнеско, так и в рамках программы РАН «Словари XXI века». Современное ногайское языкознание, опираясь на достижения российской и мировой тюркологии, ставит целью дальнейшее исследование актуальных вопросов ногайского языкознания. Ногайский язык все активнее становится предметом специального изучения во многих тюркологических центрах мира. Об этом свидетельствуют издания за рубежом последних десятилетий [27; 28; 29; 30; 31].

---

1. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму//Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. – Симферополь, 1927. – Кн.1.

2. Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района// Известия 2-го Северокавказского пединститута им. Гадиева. Т. 9.— Орджоникидзе, 1932.

3. Atalay, Besim.1991: Divanu lugat-it-Turk Dizini 4.cilt, TDK Yayinlari, 3.Baski, Ankara. s.1-9; s.256; s. 263; s. 321; s.359; s.535; s.571; s. 637; s.763; s. 828; s.829-860.

4. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. — М.-Л. , 1940.

5. Bulgarova M.A. Nogay Gramer terimleri // Turk Dunyasi Gramer Terimleri. — Ankara. 1997.

6. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М.:Наука, 1974.

7. Калмыкова С.А., Саруева М.Ф. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973.

8. Калмыкова С.А. Акногайский диалект ногайского языка. Автореф. Дисс. канд.филол. наук.- М.,1965.

9. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев. — Ставрополь, 1999.

10. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. -Ставрополь: 2009.-464 с.
11. Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» //Советская тюркология. – Баку, 1972, №1.
12. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период.- Л., 1982.
13. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века).- Черкесск:КЧИГИ, 2009.-216 с.
14. Махмутов Х. Татарские параллели куманских загадок.// Советская тюркология.— Баку, 1971.
15. Мусаев К.М. Морфология пракыпчакского языка: Монография.— М.: Тезаурус, 2010. -274 с.
16.Оразаев Г. М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. — Махачкала. 2002.
17. Русско-ногайский словарь. /Под ред. Н.А. Баскакова; [сост.: Ф.А. Абдулжалилов, К.К. Джанбидаева, С.А. Калмыкова, М.К. Курманалиев]; КЧНИИ. - М.: 1956.- 734 с. : Орысша-ногайша соьзлик. / Под ред. Н.А. Баскакова. [сост.: С.А. Калмыкова], — М. 1963.- 562 с.
18. Русско-ногайский словарь общественно-политической терминологии. / Сост.: Э.А. Джанибеков, С.А. Калмыкова, С.И. Капаев, Б.А. Карасов; КЧНИИ.- Черкесск: 1981.- 187 с.
19. Садур В.Г. Тюркский элемент в языковой ситуации на Северном Кавказе до 1917 г. // Национальная культура и общение (материалы конференции). – М., 1977.
20. Сикалиев А.И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы.// Советская тюркология.1970.-№4. – С.131-132.
21. Сикалиев А.И.-М. (Шейхалиев). Ногайский героический эпос. –Черкесск, 1994.-326 с.
22. Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века. Москва: ИМЛИ РАН, 2006. – 254 с.
23. Улаков М.З., Чеченов А.А. Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). -Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. – 52 с.
24. Хабичев М.А. Развитие национально-русского двуязычия и методы его изучения// Социалистический образ жизни и языковые отношения в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1985.
25. Шихмурзаев Д.М. Ногай тилининъ фразеологиялык соьзлиги. — Черкесск, 1991.
26. Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования.- Санкт-Петербург: Наука, 2001.
27. Alpargu, Mehmet. 1996: Dunden Bugune Kafkasya'da Nogaylar, Tarih boyunca Balkanlardan Kafkaslara Turk Dunyasi Semineri, U.U. Ed. Fak. Tarih Arastirma Merkezi, Ed. Fak. Basimevi, Istanbul, s. 193.
28. Csato Eva, Karakoc B. 1998: Noghay, The Turkiye Language(Edited by Lars Johanson and Eva A. Csato). — London and New York (Routledge).
29. Ergönenç Akbaba Dilek. 2009: Nogay Tйrkçesi Grameri. Ses ve ºekil Bilgisi. — Ankara.
30. Ergönenç Akbaba Dilek. 2011: Kazak ve Nogay Turkcesi Yazi Dillerinde Tasvir Fiilleri. — Ankara.
31 .Jankowski, Henrik. 2000: Baskakov's Classification of Noghai Dialects Revisited, Studia In Honorem Stanislai Stachowski Dikata, Folita Orientalia. Vol. XXXVI, Krakow. S. 149-157.
32. Karakoç, Birsel. 2001: Studien zum finite Verbalsystem des Nogaischen, Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Akademischen Grades eines Dr. Phil, Mainz.
33. Karakoç, Birsel. 2002: Nogayca ve Türkiye Türkçesinde Tümleç Yan Cümlelerinde Yüklemleºtiriciler.*Scholarly Depth and Accuracy-Lars Johanson Armagani*.(Editor: Nurettin Demir-Fikret Turan)/ Grafiker Yayinlari, Ankara.
34. Karakoç Birsel. 2001: Studien zum finite Verbalsystem des Nogaischen, Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Akademischen Grades eines Dr. Phil, Mainz.
35. Türkiye Diºindaki Türk Edebiyatlari Antolojisi. Nogay Edebiyati Antolojisi. XXI.cild. (Düzenler: M.A. Bulgarova, A.H. Kurmanseitova, N.H. Suyunova). -Ankara. 2002.-448 с.

ДОДУЕВА А. Т.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В когнитивной лингвистике, которая позволяет связать все языковые процессы с познавательной деятельностью человека, с актами категоризации и концептуализации мира, на переднем плане находятся системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов. Систематизация всех типов знаний, сопряженных с познавательной и коммуникативной деятельностью человека и заложенных в семантике языковых единиц, осуществляется через описание когнитивной функции языка. Она обеспечивает многогранное взаимодействие языка, мышления и действительности, предопределяет направление смысловых отношений и связей в наименованиях предметов, явлений, действий и отражает процесс восприятия и осмысления

действительности в типичных для того или иного языка концептах, представляющих собой своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс [3; 1]. Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы [6].

Человек и окружающий его мир составляют цельную и единую систему. Осознание самого себя и окружающего мира, построение в мозге особой картины мира являются проявлением когниции. Когниция ярко отражает сущность разумного человека, его взаимодействие с внешним миром, познание мира и обозначает познавательный процесс или же совокупность психических процессов.

Человек выражает свое познание мира с помощью языка. Способность говорить, оценивать окружающий мир относится к когнитивным способностям человека. Когнитивный аспект слова можно раскрыть лишь в процессе речевой деятельности, т.е. в данном случае слово берется не изолированно, а в контексте. Контекст дает возможность наиболее полно выявить значение этого слова, его лексико-семантические особенности.

Проблемы представления знаний в языке на современном этапе развития лингвистики являются чрезвычайно актуальными и рассматриваются в новом аспекте с опорой на когнитивность. В основе когнитивной науки лежит исследование общих принципов, управляющих мыслительными процессами. Когнитивное направление в науке традиционно существовало в рамках философии и психологии. С античных времен предметом изучения философии являлись вопросы познания внешнего мира, разума, когниции. В настоящее время когнитивная наука является междисциплинарной наукой, которая связана с оперативным мышлением, процессами познания мира и объединяет разные науки для интерпретации определенных аспектов человеческого сознания (философия, психология, лингвистика, логика, антропология, нейрофизиология, кибернетика). Когнитивная наука, возникшая как междисциплинарный элемент по изучению природы, структуры и функционирования сознания, продолжается в современной лингвистике. Когнитивность - взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах его внутренних состояний.

Когнитивная лингвистика позволяет связывать все языковые процессы с познавательной деятельностью человека, с актами категоризации и концептуализации мира. Одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в понятийной классификации поступающей к нему информации, является концептуализация. Процесс концептуализации тесно связан с категоризацией, направленной на объединение в более крупные разряды единиц, проявляющих сходство в том или ином отношении или характеризуемых как тождественные. Когнитивный подход к языку - это убеждение, что языковая форма в конечном счете отражает структуры человеческого сознания, мышления и познания [[6; 5,с.126].

При функционально-когнитивном подходе к изучению языка исследователи исходят не из языковых форм, как в классическом языкознании, а из понятийных категорий или более частных понятий, которые должны быть переданы средствами языка. В когнитивном аспекте языковые категории рассматриваются как категории, отражающие определенные пласты человеческого опыта и передающие различные типы знаний о действительности. Лингвисты разрабатывают так называемую активную грамматику, изучающую язык не от формы к значениям, а от мыслей, значений, подлежащих выражению, к формам. Концепция знаний принимается в качестве базисной в исследовании языковых явлений. Новые когнитивные подходы дают возможность на основе единой концептуальной базы эффективно объединять как собственно лингвистические знания (фонетические, морфологические, синтаксические, семантические), так и экстралингвистические (фоновые знания о мире, коммуникативной ситуации, целях и планах участников коммуникации). В лингвистике приобретают значение описания когнитивных моделей, представляющих отношение языка к знаниям, опыту и раскрывающих механизмы формирования, хранения и передачи знаний.

По признанию многих специалистов, язык представляет собой лучшее свидетельство существования в нашей голове разнообразных структур знания о мире, в основе которых

лежит такая единица ментальной информации, как концепт. На смену атомарным понятиям типа «сема», «семема», «архисема», приходят новые ментальные образования - «концепт», «фрейм», «сценарий», «схема», «прототип», которые помогают обнаружить все типы знаний, получающих актуализацию в речи.

Когнитивный подход может быть применен к анализу разных лингвистических явлений как грамматического, так и лексического плана. С опорой на когнитивность анализируются части речи, отдельные классы слов (глаголы, предметные имена), словообразовательные процессы, функционально-семантические категории.

Описание глагола с когнитивной точки зрения как части речи, которая отражает вполне определенный пласт человеческого опыта, дает возможность установить его ментальное содержание во внутреннем лексиконе человека и объяснить, какое именно представление о мире фиксируется глаголом, к наречению каких сущностей он приспособлен, какие структуры знания стоят за ним, как информация вербализуется. Глагол способен свернуть информацию и о времени, и о пространстве (среде), называя чаще всего определенные виды движения, но включая в обозначение то представление о субъекте действия, то представление о его объекте или инструменте и т.д.

Глагол как часть речи имеет сложнейшую семантическую конструкцию. По Е.С. Кубряковой, каждым глаголом (при его произнесении или прочтении) активизируется некая сцена или совокупность таких сцен. Глаголы по своим когнитивным характеристикам ориентируются на отражение процедурального значения и способа бытия объектов во времени и пространстве. Это и делает категорию глагола базирующейся не столько на одном-единственном концепте, сколько совмещающей самые сложные для человеческой мысли концепты времени и пространства с их достаточно условным, но антропоцентрически ориентированным членением [7, с. 289-290].

Выражение двух главных логико-грамматических категорий - «сферы субъекта действия, состояния» и «сферы объекта действия» является универсальной чертой языка. Отношение и семантическая направленность признакового слова на ту или иную сферу предопределяет содержательную и формальную валентность данного глагола.

Когнитивность позволяет представить в новом ракурсе лексическую систему языка, преломив ее через призму перцепций и мышления человека. Переход семантических исследований на новый уровень анализа с опорой на когнитивность позволяет по-новому решать проблему лексического значения слова. Словарный состав языка можно систематизировать с опорой на глобальные концепты в составе ЛСГ, лежащие в основе языковой картины мира.

В этой связи лексическое значение слова можно рассматривать как вербализованное выражение некоторого общего метазначения, которое формируется у человека. Под лексическим значением слова понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы. В понятии отражается реальная действительность, вместе с тем понятие не тождественно значению, поскольку последнее имеет лингвистическую природу и включает неконцептуальные и другие коннотации [2, с. 104]. А.Н. Леонтьев пишет: «Мы воспринимаем предметный мир не только в координатах пространства и времени (в движении), но и еще в одном квазипространстве... — это пространство значений. Но значения имеют и свое реальное существование в языке, которое является хотя и особым (идеальным), но объективно-историческим продуктом. Субъект лишь овладевает языковыми значениями, которые опосредуют его общение - другими людьми, а в этом общении также и в связи с чувственно открывающимся ему миром» [8, с. 46].

В свете когнитивности лексическое значение рассматривается как отражение определенных пластов знаний и опыта, зафиксированных в языке и тесно связанных с деятельностью человека, т.е. лексическое значение - это весь комплекс знаний об обозначаемом, в том числе включающий потенциальные и ассоциативные признаки. Переход семантических исследований на новый уровень анализа с опорой на когнитивность позволяет систематизировать словарный состав языка с учетом концепции знаний и способов их представления в семантике слов. Понятийные категории представляют результат человеческого опыта.

Ядро предикатной лексики составляют глаголы. С их семантическими классами связаны и основные типы признаковых значений, также важнейшие типы предложений.

Глаголы пространственной локализации представляют собой важное и в то же время экономное средство лексической репрезентации пространственной семантики. В них обо-

значается не только пространственное нахождение предмета, становление нахождения, его изменения, — они способны обозначать позицию локализованного предмета (стоячую, лежачую, сидячую, висячую) и его местонахождение по отношению к другим предметам, а также к самому пространству (внутри, вне, на поверхности и т.п.). Кроме того, в семантике глаголов отражается единство пространственного и временного параметров мира: они способны выражать не только абсолютное время в его локализованности в прошлом, настоящем и будущем (в соответствующих морфологических формах времени и в сочетании со специальными лексическими средствами выражения темпоральности), но и давать пространственному нахождению объектов более конкретные относительно-временные, а потому часто квантифицированные характеристики.

Исследуя глаголы пространственной локализации русского языка, В.Л. Ибрагимова отмечает, что центральная роль глаголов пространственной семантики в поле пространственности находит отражение и в их высоком деривационном потенциале, а также в способности группировать вокруг себя другие языковые средства выражения пространственного значения (лексические, морфологические, словообразовательные), объединять их в процессе коммуникации в единицах синтаксического уровня [4, с.: 148].

«Местом» формирования и отстаивания новых лексико-семантических вариантов глагола (ЛСВ) является текст, который поддерживает и обеспечивает равновесие между абстрактным и конкретным в значении глагола, стабильность его семантического объема, дублирует его семантику, обеспечивая адекватность понимания и надежность коммуникации. В тексте выявляется взаимодействие конкретного и абстрактного, появляются новые ЛСВ, фиксируемые словарями.

---

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - /1 М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - С. 767.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка.- Л.: Просвещение, 1981. - 295 с.
3. Демьянков В. З. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изд. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1983. - Т. 42. - Вып. 4. - С. 320 - 329.
4. Ибрагимова В. Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. — Уфа: Изд-е Башкир. ун-та, 1992. - 172 с.
5. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М., 1997. - 330.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: Изд-во политической литературы, 1975. - 302 с.

İsmail Doğan

NOGAY DESTANLARININ KELİME HAZİNESİ

Исмаил Доан

Орду Университет,
г. Орду. Турция

ЛЕКСИКА НОГАЙСКИХ ДЕСТАНОВ

Türk kültürünün en berrak aynaları, hiç şüphesiz Türk boylarının tarihleri boyunca yarattıkları destanlardır. Çünkü destanlar, tarihin derinliklerinden, çağımıza kadar Türk boylarının yaşadığı önemli olayları, belli bir gelenek içinde bize anlatan kültür ve sanat eserleridir. Bunu destanların kelime hazinesinde görmek mümkündür.

Destanlar, toplumların, özellikle de uzun süre sözlü geleneğe ağırlık vermiş toplumların, hem "millî hafızası" hem de "millî şuuru"nu ihtiva eden mirasıdır.

Nogay Türklerinin yaşadıkları coğrafya bu kadar geniş ve dağınık olunca kendilerine ait yazılı ve sözlü ürünlerin tespiti de o kadar o zor olmaktadır.

İlk kez Altınorda Devletinde özellikle Berke Han zamanında karşılaştığımız Nogay sözü tarihi süreç içerisinde Kuzey Kafkasya başta olmak üzere değişik coğrafyalarda karşımıza çıkmaktadır.

Geçmişten günümüze kadar erimeden kalan Nogay Türkleri; Hazar bozkırında, Kuzey Kafkasya'da, Kırım'da, İdil-Ural havzasında, Batı Türkistan'da, Litvanya'da, Dobruca'da, Deliorman bölgesinde ve Türkiye'de yaşamaktadırlar.

Nogay Türklerinin yoğun olarak yaşadıkları Dağıstan ve Karaçay-Çerkesk Bölgelerindedestanları haklarında yapılmış bazı neşriyatlar bulunmaktadır.

Aslında, Nogay Türkleri arasında Kırk Batır Destanları olarak bilinen destanların tamamı tespit edilerek yazıya aktarılabilmiş de değildir.

Tebliğimizde, Türk Dil Kurumunda Türk Dünyası Destanları Projesi çerçevesinde yayına hazırladığımız Nogay destanları içerisinde yer alan destanların kelime hazinesi üzerinde duracağız.

Kitabı oluşturan 16destan içerisinde, Arslan Biy (Arslan Bey), Aysıldıñ Ulı Ahmet (Aysılın Oğlu Ahmet), Azavnur (Azavnur), Bozyiğit (Bozyiğit), Edige (Edige), Edil Soltan (İdil Sultan), Er Şoban (Er Çoban), Karaydar Man Kızıl Gül (Karaydar ile Kızıl Gül), Tölegen Men Kız-Yibek (Tölegen ile Kız Yibek), Koplanlı Betir (Koplanlı Batır), Mamay (Mamay), Nogaydıñ Kırk Betiri (Nogay'ın Kırk Batırı), Stambılga Köşüv (İstanbul'a Göçüş), Şora Batır (Çora Batır), Yas Pan Kız (Genç ile Kız), Tahir Man Zuhra (Tahir ile Zühre) destanları bulunmaktadır.

Bu destanlar yaklaşık 48.500 kelime tutmaktadır. Bağlaç, edat, ünlem sayı adları gibi dil unsurlarını çıkardığımızda ise 3.172 farklı kelimenin kullanıldığı görülmektedir. Bu sayı içerisinde 602'si fiillerin kullanımı olup 2.570 isim soylu kelime kullanılmıştır.

İnsanın yaş, sosyal durum ve akrabalıkları gösteren kelimeler:

abay: anne, **adana:** kardeş, **adanas:** öz kardeş, **aga:** ağa, ağabey, **aka:** ağabey, amca, **aksakal:** aksakal, büyük, yaşlı, **alal antlas teñi:** kankardeşi, **alganşık:** evdeş, **ata:** baba, **avır ayaklı:** hamile, **bala:** yavru, çocuk, **betir:** kahraman, **biyke:** hanım, kız, prens, **cien:** yeğen, **dabır:** kabile, **daya:** dadı,**ëgiz:** ikiz, **epte:** abla, **erkek:** erkek, **hanım:** hanım, **hatın:** hatun, **ini:** kardeş,**kantulık:** kısır,**kardaş:** kardeş, **karı:** yaşlı, **karındaş:** kardeş,**kart:** yaşlı, ihtiyar, **kavım:** aile,**kayın:** kayın,**kede:** çocuk, **keniş:**arkadaş, **kıskayaklı:** kadın, **kız:** kız, **kızteke:** erkeksi, **kiev:** güveyi, damat, **konak:** misafir, **koñsı:** komşu, **kurtka:** yaşlı,**küev:** damat, **külegeş:** melez,**malay:** çocuk,**nagaş aka:** amca, **nart:** kahraman, yiğit, **op:** soy, **op-sop:** soy sop,**ögey:** üvey,**öksiz:** öksüz,**pişe:** kadın, **teñ:** arkadaş,**tevke:** kadın, **tul:** dul, **ul-ulı:** çoluk çocuk, **uvıl:** çocuk, oğul,**yeñge:** yenge, **yetim:** yetim, **yukli:** hamile.

Hayvan ve hayvanla ilgili isimler:

añ: av, **añşı:** avcı, **argımak atı:** yarış atı, **arıslan:** arslan, **arslan:** arslan, **ayvan:** hayvan, **balık:** balık, **balıkşı:** balıkçı, **balşıbın:** bal arısı, **bedev:** koşu atı, **bie:** tay, **bil:** fil, **bilbil:** bülbül, **bödene: bıldırcın**, **böri:** kurt, **buga:** boğa, **bugı:** geyik, **bulan:** ceylan, **buzav:** buzağı, **davıl:** karga **doñız:** domuz,**düldil:** Hz. Ali'nin atı Düldül,**ëşek:** eşek, **eşki:** keçi,**ier:** eyer,**iyt:** köpek, **kaban:** domuz,**karagus:** kartal,**karga:** karga, **karlıgaş:** kırlangıç, **karşıga:** ala doğan, karınca, **kaskır:** kurt, **kaz:** kaz, **kızgış:** tavus, **kis:** samur, **kiyik:** geyik, **koplan:** kaplan, **koraz:** horoz, **koş:** koç, **koy:** koyun, **koyan:** tavşan, **koyın:** koyun, **koyşı:** çoban, **kozı:** kuzu, **kögerşin:** güvercin, **kulan:** at yavrusu, **kunan:** aygır, **kus:** kuş, **kusşı:** kuşçu, **kuv:** kuğu, **kuyıska:** semer, **kuyıskanı:** atın dizgini, **kuyrık:** kuyruk, **kuzgın:** kuzgun, **küzen:** kokarca, **laşın:** şahin, **müyiz:** boynuz, **nal:** nal, **nokta:** yular, **ögiz:** öküz, **öksiz:** öksüz, **pepiy:** ördek, **samır:** avcı, **sazan:** sazan, **serke:** teke, **sıyır:** sığır, kısrak, **sona:** suna, **suñkar:** alıcı doğan, **suvlık:** gem, **sülik:** sülük, **süyrik:** bıyıklı balık, su yılanı, **şakal:** çakal, **şıbın:** sinek, **şışkan:** sıçan, **şipiy:** civciv, **şortan:** turna balığı, **tana:** dana, **tasbaka:** tosbağa, **tavık:** tavuk, **taza:** tazı, **teke:** teke,**totıgus:** tavus kuşu,**tuvar:** sığır, **tuvarşı:** malcı, **tuvgan:** doğan, **tuyak:** toynak, **tüe:** deve, **tük:** tüy, **tükli:** tilki derisi, **ulak:** oğlak, keçi yavrusu, **üyir:** sürü, **yaialak:** baykuş,**yelke:** yele, **yılan:** yılan, **yılav:** yılan, **yılkı:** at sürüsü, **yılkışı:** yılkıcı, **yuven:** dizgin, kırbaç, **zöñgi:** üzengi.

Ağaç, bitki ve bunlarla ilgili kelimeler :

agaş: ağaç, **agaşlık:** orman, **ak kuvrayıñ:** yabani, **arpa:** arpa, **arpaşı:** arpacı, **aslık:** tahıl, **badracan:** domates, **bakşa:** bahçe, **balankı:** diken, **biyday:** buğday, **dömbek:** kütük, **ëgin:** ekin, **ëmen:** meşe ağacı, **kalınlık:** orman, **kamıs:** kamış, **kapısta:** lâhana, **karagay:** çam ağacı, **koga:** kavak,**kuba tal:** çalı çırpı, **kuvray:** yabani ot,**mamık:** pamuk, **nar:** nar, **orman:** orman, **ot:** ot, **otar:** otlak, **otıñ:** odun, **ölen:** ot, **öris:** otlak, **öris:** otlak,**sap:** sap,**selpi:** servi, **sulı:** darı**,suma:** mısır**,şay:** çay, **şeşek:** çiçek, **şım:** çimen,**tarı:** darı,**tegenek:** çiçek, **terek:** ağaç, **togay:** çayır, **yapırak:** yaprak, **yemen:** meşe, orman, **yik:** ot, **yuzim:** üzüm, **zapıran:** safran.

Eşya, alet edevat isimleri :

adirne: yay bağı,**balta:** balta, **besik:** beşik, **biyda:** çivi, **bugav:** kelepçe,**bügedek:** boyunduruk, **davıl:** davul, **dombra:** dombra, **dürbe:** dürbün, **ebe:** silâh, **egev:** eğe, **esik:** eşik, kapı, **kalpak:** kalpak, **kama:** bıçak,**kamışı:** kamçı, **kanşı:** makas, **kapşık:** torba, **kargı:** kargı, **kasık:** kaşık, **kazan:** kazan, **kelpetin:** kerpeten, **kendir yılı:** balık ağı,**kert:** oyun kağıdı, **kın:** kın, **kıncal:** hançer, **kise:** kese, **kiyiz:** keçe, **kobız:** kopuz, **koltık:** koltuk, **koñırav:** çıngırak, **konıs:** çadır, **köylek:** gömlek, **kusak:** kuşak, **kuyıs:** kamçı, **kuyıska:** kemer, **küpşek:** tekerlek,**kürek:** kürek, **kürev:** kürek, **nayza:** mızrak,**og:** ok,**oltırgış:** sandalye,**pışak:** bıçak, **sadak:** ok kutusu, **saban:** saban, **sal:** sal, **savıt:** silâh, **savıt-sadak:** silah**, şanşar:** kama, mızrak, **şapşak:** fıçı, **şatır:** çadır, **şege:** kilit, **şelek:** bakraç, kova, **şılbır:** urgan, **şımıldık:** perde, **şıñ:** porselen, **şırak:** lamba, **şökiş:** çekiç, **şölmek:** çömlek, **şömiş:** çömçe, **tarak:** tarak,**teben iyne:** çuvaldız,**tebingi:** dizgin, **tebingiler:** eyer örtüsü, **teger:** teker, **telege:** araba, **terlik:** eyer örtüsü, **tizgin:** dizgin, **tokış:** tokuç, **tokpak:** tokmak, **tübek:** tüfek, **tüyimşi:** bohça, **tüyme:** düğme, **tüyregiş:** iğne, **urşık:** iğ, **yalav:** kamçı, **yastık:** yastık, **yaşçik:** sandık, **yavlık:** örtü, **yay:** yay, **yelken:** yelken, **yurkan:** yorgan.

Askerlik ve savaşla ilgili kelimeler :

aldap: hile ile, **aldaspan:** ikiyüzlü, **aldav- :** aldatmak, **aldav:** hile, **aldavlı:** aldatıcı, **aldaytagan:** aldatan, **askakka:** astırmak, idam ettirmek, **elşi:** elçi, **eñ- :** yenmek, **erkin- :** kurtulmak, **erkin:** güç, **erkin:** özgür, serbest, **esker:** asker, **karanıl:** bekçi, **karavıl:** gözcü, **kazak:** asker, **kazavat:** savaş, **küzet:** nöbet, **küzetşi:** gözcü, **narat:** inci, **nöger:** asker, **okşı:** okçu, **saklav:** muhafız, **saklavşı:** koruma, **saldat:** asker, **sogıs:** savaş, **şabıs:** yarış, **şabuvıl:** savaş, **şapkın:** akıncı, **şaya:** cesur, **taptav:** yağma, **tona- :** talan etmek, **tonavşı:** yağmacı, **tutnak:** hapis,**tutvak:** hapishane, **yesir:** esir.

Organ adları :

bilek: bilek, **büyrek:** böbrek, **emşek:** meme, **eñ:** kol, **iek:** çene,**iyn:** omuz, **kabırga:** kaburga,**karak:** göz bebeği,**omırtka:** omurga,**öd:** safra,**öpkebavır:** ciğer,**öpkelikten:** ciğerinden,**til:** dil,**yavır:** omuz, **yurek:** yürek,

Sayı adları:

alpıs: altmış, **altı:** altı, **bes:** beş, **bir:** bir, **eki:** iki, **elli:** elli, **etpis:** yetmiş, **kırk:** kırk, **miñ:** bin, **on bir:** on bir, **otız:** otuz, **san:** sayı,**seksen:** seksen, **toksan:** doksan, **yeti:** yedi, **yırma:** yirmi, **yuz:** yüz.

Yiyecek içecek adları :

as: aş, **aşagan:** yiyen, **aşşı:** aşçı, **boza:** boza, **bulgır:** bulgur, **em:** yem, **kasap:** kasap, **kazanşı:** aşçı, **kazı:** at eti, **kımız:** kımız, **sagız:** sakız, **sorpa:** çorba, **süt:** süt, **tuz:** tuz, **yahi:** yemek, **yem:** yem, **yemis:** yemiş, **yımırtka:** yumurta, **yuvırt:** yoğurt.

Renk adları :

ak: ak, beyaz, **ala:** benek,**alagaz:** benekli, **ap-ak:** apak, **apat:** renk, **boz:** boz,**kızıl:** kızıl, **kuba:** kızıl, **torı:** doru,**yiyren:** boz, sarı.

Tabiat olayları ve coğrafi adlar :

balşık: balçık, **dañıl:** bozkır, **deriya:** derya, deniz, **Kap tavı:** Kaf dağı,**Kara-Deñiz:** Karadeniz, **Kaspiy:** Hazar, **kuyas:** güneş, **kuyın:** kasırga, **kün:** gün, **kün:** güneş, **küntuvar:** doğu, **kün-tün:** gece-gündüz, **şaşın:** şimşek, **şöl:** çöl, **şuvak:** güneş, **tañ:** şafak, **tañ:** tan, **tarla:** tarla, **tav:** dağ, **töbe:** tepe,**teñiz:** deniz, **topırak:** toprak, **tüz:** ova, **yamgır:** yağmur, **yazı:** ova,**yel:** yel, **yuldız:** yıldız,

Yerleşik hayatla ilgili adlar :

dari: ipek, **devit:** divit, **dörtkil:** dörtgen, **kervan:** kervan, **kına:** kına, **köpir:** köprü, **otav:** otağ, **ötles:** küme, **sabın:** sabun, **sır:** boya,**sıya:** mürekkep,**şear:** şehir,**şeten:** çit, **şıgarak:** baca, boru, **tamga:** damga, **tandır:** tandır, **tirmen:** değirmen, **tirmenşi:** değirmenci, **uşpa:** çatı, **yabalgı:** yapağı.

Sosyal hayat ve adetle ilgili adlar:

ellevşin: dilenci, **kalım:** başlık parası, **kasar:** yoksul, **kömek:** yardım, **külpara:** başlık

Millet ve şehir adları :

Kıpşak: Kıpçak, **Korasan:**Horasan, **Meskev:**Moskova, **Moñgul:**Moğol, **Orıs:**Rus, **Orıska:**Rusya, **Samarkan:**Semerkant, **Stambıl:**İstanbul, **Türk:** Türk, **Türkşe:**Türkçe, **Urım:**Rum.

---

1. 48.500 kelimelik söz hazinesi içerisinde sınırlı sayıda konular olmasına rağmen Nogay destanlarında 3.172 farklı kelimenin kullanılması Nogay Türkçesinin zenginliğinin temel göstergesidir.

2. Yine sınırlı konu ve kelime sayısı içerisinde kullanılan 602 fiil dilin hareketlilik ve anlatım zenginliği demektir.

3. Nogay destanlarında sıklık açısından kullanım **İnsanın yaş, sosyal durum ve akrabalıkları gösteren kelimeler, Hayvan ve hayvanla ilgili isimler, Ağaç, bitki ve bunlarla ilgili kelimeler, Eşya, alet edevat isimleri, Askerlik ve savaşla**

ilgili kelimeler, Tabiat olayları ve coğrafi adlar, Yiyecek içecek adları, Organ adları, Sayı adları, Yiyecek içecek adları, Renk adları, Yerleşik hayatla ilgili adlar,Sosyal hayat ve adetle ilgili adlar, Millet ve şehir adlarıgibi konularda ön sıralarda yer almaktadır.

4. Destanlarda, konusu gereği savaş, tabiat, hayvan ve insanın kahramanlıkları kavram alanı içerisinde yer alan kelimelerin çeşitliliği dikkat çekmektedir.

5. Destanlarda yerleşik hayatla ilgili kullanılan kelimelerin çeşitliliği Nogayların yaban hayatı dışında yerleşik hayatta da zengin bir kelime hazinesine sahip olduğunu göstermektedir.

6. Destanlarda geçen millet, urug adları yanında yerleşim yerleri adları Nogay coğrafyasının genişliği, muhatap oldukları milletler hakkında da bilgi sahibi olmamızı sağlamaktadır.

7. Destanlardaki bu dar kapsamlı kelime hazinesi değerlendirmesi, bize müstakil siyasi bir devlet yapıları olmamasına rağmen neden Nogay Türkçesinin yazı ve edebiyat dili olduğunu da göstermektedir.

DILEK ERGÖNENÇ AKBABA

Gazi Universitesi
Ankara, Türkiye

NOGAYCADA EMİR KİPİNE EKLENEN PEKİŞTİRİCİLER

ДИЛЕК ЭРГЕНЕНЧ АКБАБА

Гази Университет.
г. Анкара, Турция

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА

Nogaycada kiplerin anlamını kuvvetlendirmek için gelen ek veya edat şeklinde unsurlar bulunmaktadır. Nogayca gramerlerde "edat" denilen bu unsurlar (Kalmıkova 1973: 246, Kumratova 1994: 148) Rusçada "çastitsa" olarak geçer. Kiplere değişik anlamlar katan bu unsurlar enklitik, ek-edat, kuvvetlendirme veya pekiştirme edatı, parçacık, kiplik işaretleyicisi vb. çeşitli terimlerle işaretlenmektedir. Bu bildiride pekiştirici terimiyle karşılanacak olan ve kiplik anlamlar veren bu unsurlar, genellikle emir kipinde kullanılmakla birlikte, pekiştiricilerin diğer kiplerle de kullanıldığı Nogayca metinlerden tespit edilmiştir. Nogaycada bu pekiştiriciler şu şekildedir:

1. **-şı, -şi; -ş, -aş, -eş:**

Bu pekiştirici istek ve ricayı işaretlemekte ve emri yumuşatmaktadır. Ekler sadece 2. teklik ve çokluk şahıslarda kullanılmaktadır. -şI eki ünsüzle biten fiillere, -ş eki ünlüyle biten fiillere gelmektedir. -Aş eki ise ünsüzle biten fiillerden sonra gelmektedir. Baskakov'a göre -şI Kara Nogay ve Asıl Nogay ağızlarında, -Iş ise Ak Nogay ağzında kullanılmaktadır (Baskakov 1940: 94). Nogayca metinlerde pekiştiricinin -Iş şekline rastlanmamıştır. Kumratova'nın gramerinde pekiştirici, -Aş şeklinde tanıklanmıştır (1994: 148).

-Qondırşı... -dep tileydi. B, 46

"-Yatırsana... , diye rica etti."

Qala aytaşıñız -kim mennen uzak qoltas atqan? -dep esirigi barğan sayın basına şığa berdi Amittiñ em ol köylegin ağatıp omırawın yalañaşladı. SY, 35

"Haydi söylesenize, kim benden uzağa el taşı atmış? diye sarhoşluğu gittikçe başına vurdu Amit"in ve o gömleğini çözüp göğsünü açtı."

Zañırawlı	*"Tıngırtılı*
Qobız teller astına	*Kopuz tellerinin altına*

Yıllarımdı	*Yıllarımı*
Yasırıp-aw salaş sen,	*Saklayıp koysana,*
Olardı tek	*Onlar için yalnız*
Sağa senip bolaman,	*Sana güveniyorum,*
Al, Muratxan,	*Al, Murathan,*
Qobızıñdı tartaş sen.	*Kopuzunu çalsana."*

TM, 23

-Xasan oqış ta sosılardı, -dedim men. SY, 48

"-Hasan okusana şunları, dedim ben."

Baladıñ qasında bolayaq-bolmayaqtı söylemeş! -dep sözdi qoydırdı. SY, 62

"Çocuğun yanında olacağı olmayacağı söylemesene! diye susturdu."

-Qaraş ta ol oğırsız urqalay sawısqandı, ekewimizdi de käpiykke sanamağanın! –dep artına qaradı. AMS, 126

"Bak sen şu uğursuz hırsız saksağana, ikimizi de bir para saymamış!" diye arkasına baktı.

Yetinşi ayda orınıñnan da qozğalmaş qaldıñ. AMS, 129

"Yedinci ay da yerinden kıpırdayamadın."

Qaraş betsizge. Tınış tappağır öziñniñ qobızıñnañ! –dep birew sökti. QAP, 135

"Bak şu yüzsüze. Rahat yüzü görmesin kopuzundan!" diye biri beddua etti."

-Eger körgeniñ az bolıp aqılıñ äli de yıyılmağan bolsa da mağa sosınday sorawlarıma yawap bereş te. TQ, 307

"Eğer gördüklerin azsa, aklın hâlâ başına gelmediyse benim şu sorularıma cevap ver."

-Qoyaş ta sosı sen, bolayaq-bolmayaq zattı söylep terbemeş. ÜB, 16

"-Bırak şunu, olmayacak şeyi söylemeye devam etme."

2. -sana, -sene :

-sAnA pekiştiricisi daha çok teşvik ve istek ifade etmektedir. İşlek olmayan pekiştirici, şart kipi olan -*sA* ekine 2. teklik şahıs ekiyle «*A*» ünleme edatının eklenmesinden meydana gelmiştir.

Bazen şart kipi Türkiye Türkçesinde olduğu gibi 2. teklik şahısta, şahıs ekinin sonuna gelen bir «*a*» ünleme edatıyla beraber kullanılmaktadır (*-sA-n-A*). Böylelikle kip, emrin yumuşatılmasıyla ortaya çıkan bir istek, temenni anlamını işaretler.

-*Sennen maslağat sorayaq bolaman, a sen mağa közildirikti sawqat etip bersene, dos, deysiñ. GNY, 299*

"-Senden tavsiye isteyecek oluyorum, ama sen «Bana gözlüğü hediye olarak versene dost» diyorsun."

3. -tağı; -tağa :

Bu ek, genellikle emrin daha yumuşak bir tarzda ifade edilmesini sağlar. Rica ve istek anlamı kuvvetlidir. Bu durum Türkiye Türkçesine -*sAnA* ekiyle aktarılabilir. Bu ek, emir kipinin bütün şahıslarından sonra gelebilmektedir.
"taËı/ daËı/ da?ı/ dagı" edatı tarihî Türk lehçelerinde bağlama ve pekiştirme işleviyle kullanılmaktadır. Genellikle aynı değerdeki iki cümleyi birbirine bağlayan edat, kelimeler arasında sıralama da yapar.
Bu edat tarihî metinlerde çeşitli ses değişmelerine uğramıştır. Eski Türkçede "taËı" (DLTD, 562) şeklindeki bu bağlama ve pekiştirme edatı; 11. yüzyılda Oğuzca'da "daËı" (DLTD, 165); Eski Anadolu Türkçesinde

“tagı” (ETT, 107), “daЁı, dagı, da?ı” (TS, 969-977); 13.-14. yy. Kıpçak Türkçesinde “taЁı” (Kİ, 99; TDE, 239), “tagı” (CCD, 113- 114), “tağı” (EDPTC, 466), CCD, 113-114; GT, 240), “dağı” (Ett, 163), Altınordu sahasında “taЁı” (KHŞ, 193/ 214), “tağı” (EDPTC, 466), “dağı” (KHŞ, 248/1160); 15. yy.dan itibaren Çağatay Türkçesinde “taЁı” yanında “da?ı, dağı” (EDPTC, 466), “dağı” (Hacıeminoğlu, 1971: 138, 239) şeklinde işaretlenmiştir (Özmen, 1987: 74) (Ergönenç 2004: 963).
Bugünkü Türk lehçelerinden Kazan-Tatar ve Kumuk Türkçesinde “tağı”; Nogay Türkçesindekine benzer şekilde tanıklanmaktadır. Saadet Çağatay; Kazan lehçesinde “tagı”nın “daha” anlamına geldiğini, ayrıca “dahi”den kuvvetli bir tekit anlamını taşıdığını, bu unsurun cümlenin veya tekit edeceği tabirin sonuna geldiğini ifade eder (Çağatay, 1978: 172). Kumuk Türkçesinde de daha çok emir ve şart kipinden sonra gelen “dağı” istek ve rica anlamlarını işaretlemektedir (Pekacar, 2000: 201) (Ergönenç 2004: 966).

Nogay Türkçesi edebî dilinde -*tağı* şeklinde olan eke (NT, 148) -*tağa* şeklinde de rastlanır. -*tağı* ve -*tağa* sadece emir kipine değil, başka kip eklerine de gelmektedir (Ergönenç 2004: 963-974). Bu kiplerde -*tağı* veya -*tağa*, zaman anlamını pekiştirmektedir (Ergönenç 2004: 963-974).

Sol sebepten bolartağı, Medew Fatimağa aqırın: SY, 21

“Bu sebepten olacak, Medev Fatma”ya yavaşça:”

-Tübi men pişege endireyek edimtaga. QQ, 164

“-Elimin tersiyle kadına indirecektim.”

“Tağı / tağa”, aslında Eski Türkçeden bugüne kadar Türkçenin her döneminde işlek olarak kullanılmış “taЁı/ daЁı/ da?ı/ dagı” bağlama ve pekiştirme edatıdır. Ancak bu edat Nogaycada diğer birçok yazı dilinden farklı bir şekilde, “kip pekiştiricisi” olarak da kullanılmaktadır.

-*Ayxay da, yardam etermen, sennen qızğanğan küşimniñ xayırın körmeyimtagı, dep şirkey ızıldap ketti. QPŞ, 14*

“-Hay hay yardım ederim, senden esirgediğim gücün hayrını görmeyim, diye sivrisinek vızıldadı.”

-Ayatağı, abayım,	*“-Acısana, anneciğim,*
Bal tatığan baladı!...B, 56	*Baldan tatmış çocuğa!...”*

-Kötereñiz de birge söylemeñiztağa, kezüw men aytıñız, aytayagğñız bar bolsa, söz alıp soñ ayta beriñiz. SY, 46

“Hepiniz birlikte konuşmasanıza, sıra ile konuşunuz, söyleyeceğiniz varsa, söz alıp sonra söyleyiniz.”
-Uyqıda tınşaysıntağı üylede biraz, - dep özindikin ayta berdi Dcamilya. B, 9
“-Öğlen uykuda biraz daha dinlensin, diye kendi düşüncesini söyledi Dcamilya.”

Bir az suwğa tüstağa. SY, 69
“Biraz daha suya in bakayım.”

4. -ğır, -gir; -qır, -kir

Bu ek GNY’da istek kipi olarak yer almaktadır (GNY, 249). Türkiye Türkçesine 3. teklik şahıs emir kipiyle aktarılan bu ek, genellikle karşıdaki kişiye kötü dileklerde bulunmak, beddua etmek maksadıyla kullanılmaktadır. Bu pekiştirici bazen de dua etme anlamıyla cümlede yer almaktadır. Ercilasun bu pekiştiricinin tarihî metinlerde yaygın olarak *–GIl/-KIl* ve bundan çıkmış olan *–GIn/ -KIn* şeklinde kullanıldığını ifade eder (2006: 787). Sertkaya da tarihî metinlerde emir kipinde yer alan *–GIl* ekinin aslında emir eki değil, kuvvetlendirici olduğunu belirtmektedir (1988: 141). Schönig pekiştiriciyi *yap*- anlamına gelen *kıl*- fiiline bağlarken (2003: 2), Caferoğlu bu unsurun Türk dili tarihi boyunca ilk şeklini değiştirmediğini ve sadece lehçe ayrılıkları yüzünden son seste bazı fonolojik değişmeler olduğunu ifade etmektedir (1971: 10).

Ek, Nogaycada tonsuz ünsüzle biten fiil tabanına -*kIr*, tonlu ünsüzle ve ünlüyle biten fiil tabanına ise -*gIr* şeklinde gelmektedir.

Talaw tiygir! GNY, 248

“Üzerine direk düşsün!”

Közin şıqqır! GNY, 248

“Gözün çıksın!”

Sizden bezip barayatırman, Allax bezdirgirler, sizdey qoñısıñ bolğannan bolmağanı mıñ kere qolay! TQ, 109

“Sizden gittikçe daha çok beziyorum, Allah kahretsin, sizin gibi komşunun olmaması olmasından bin kere iyi!”

Näsiplisiñ, Yemisxan, balañnın balasınıñ balasın körip turğan, näsibiñ köp bolğır. QQ, 57

“Nasiplisin Yemishan, çocuğunun çocuğunun çocuğunu görmüş, nasibin çok olsun.”

SONUÇ

Nogaycada genellikle emir kipine gelerek istek ve ricayı işaretleyen ve emri yumuşatan “-şı, -şi; -ş, -aş, -eş” istek ve teşvik anlamı bildiren “-sana, -sene”, beddua veya dua anlamı veren “-ğır, -gir; -qır, -kir”, rica, istek, yalvarma bildiren, belki, herhalde, yine vb. anlamları işaretleyen “tağı / tağa” gibi pekiştiriciler bulunmaktadır. Edebî dilde işlek olarak kullanılan bu pekiştiriciler hem diğer tarihî metinlerde hem de çağdaş Türk lehçelerinde tanıklanabilmektedir.

Kısaltmalar:

AMS: Atam Man Söylesüw

B: Bulaq

GNY: Grammatika Nogayskogo Yazıka

QAP: Qobızşı Aqında Povest

QQ: Qazqulaqtıñ Qartları

QPŞ: Qarlığaş Pan Şirkey

S: Sülder

SY: Soñgı Yaz

TM:

TQ: Toğız Qaptal

ÜB: Üyimniñ Bosağasında

ИОНОВА С. Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА В АБАЗИНСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Современный абазинский язык обогащается за счет собственных ресурсов, расширения сферы применения слов, диалектной лексики, а также заимствованных слов из адыгских, арабского, иранского, тюркских, русского и др. языков.

В данной статье речь пойдет об этих, последних, заимствованиях, т. е. тюркизмах в абазинской ономастике.

Заимствование иноязычной лексики не единовременный акт: оно шло в течение длительного времени. В разные исторические периоды заимствовалась та или иная лексика в зависимости от исторической и политической обстановки, интенсивности контактов, уровня развития производительных сил и т. д.

Начало проникновения тюркизмов в абазинский язык связывается с появлением на Кавказе тюрко-монгольских племён [XIIIв.] [1, 355с.)] Но как предполагают, большинство

тюркизмов попало в абхазо-адыгские языки во время Золотой орды и в период турецко-крымской экспансии на Северо-Западном Кавказе (XVIIв.) [14,с.177-179]

Тюркские слова заимствовались абазинами ещё до их переселения на Северный Кавказ. Об этом свидетельствует тот факт, что многие тюркизмы абазинский язык разделяет с абхазским. Для сравнения см.: тьоабаз. *байа,* абх. *а-бейа* «богач», «богатый», абаз. *багIвча,* абх. *а-бахъуча* «кошелек, бумажник», абаз. *гвагвыщ,* абх. *а-гуагуышь, а-кIуакIуышь* «индюк, индейка» и т.п.

Переселившись на Северный Кавказ, абазины вошли в контакт и с носителями тюркоязычных языков (ногайцы, карачаевцы, татары).

Тюркскими заимствованиями в абазинском языке являются: часть названий диких животных и домашних птиц (*асльан* «лев», *къапльан* «тигр», *кьдыр* «мул», *бабыщ* «утка»); названия большинства предметов домашнего обихода, орудий и предметов труда (*гвагван* «металлический кувшин с узким горлышком»), названия тканей, видов одежды, обуви (*башлыкъ* «башлык», *чухIа* «сукно»); немногие названия кушаний и напитков (сокв (ног.) «блюдо из предварительно распаренного, затем прожаренного пшена, заправленное молоком, сметаной», *чагIыр* «вино»); слова из области торговли и денежных отношений (*ахча* «деньги», *сату* «торговля»); часть слов, относящихся к растительному миру (*къамыш* «камыш», *къаб* «тыква»); некоторые военные термины (*топ* «пушка» (и мяч), *къамчы* «плеть») и др.

Тюркизмы обнаруживаются и в ономастике (топонимии, антропонимии), в которой, однако, подавляющее большинство названий относится к исконному фонду и объясняется на материале собственно абазинского языка.

Например: *Нибна*, лес в районе пос. Курджиново, на р. Большая Лаба. Состоит из элемента *н-*, восходящего к абх.-абаз. *а-нчва// -нчва* «бог» и апеллятива *бна* «лес» с аффиксом посессива *–й-* «его». «Бог (его) лес», «Божий лес». Топоним встречается и в абазинском фольклоре: *Ауат мачIра йцама-щардара йцама, йцауамца Нибна ачвыцIа йыцIал*тI.[11,с. С.64] «Мало ли, много ли они, идя, идя зашли в гущу леса Нибна», а также в поэме П.Цекова: «*Йъачпауа Льаба мачхъвынцIа, Нибна цIлажвпIараква рпны...*»[13, с.31] «Там, где Лаба (р.) делает поворот (изгиб) в гуще леса Нибна...»

Цаца лыцIла (Цаца лыцла), местность на территории а. Инжигчикун в Абазинском р-не. Означает «Дерево Цацы (ж.)». По данному топониму у Л.И. Лаврова указано следующее: «В сел. Инджигчикун рассказывают, что абазины поклонялись деревьям, из которых одно нашло название «Цаца лыцIла», т.е. «Дерево Цацы». Говорят, что Цаца была дочерью князя. К этому дереву привешивались в качестве жертвы лоскутики от одежды, оружие и прочее. Можно думать, что Цаца – имя забытой абазинской богини... В связи с этим, продолжает Л.И. Лавров, сопоставим слова Сталя, писавшего в 1852г. о развалинах древней церкви в верховьях Б. Зеленчука: «Жители называли её Цацум-хара (правильно – Цаца *лымхIара* – Цаца лымхара – С.И.), вторая часть термина, очевидно, должна считаться «амхара», т.е. помещение, предназначенное для невесты. *Таким образом, развалины византийского храма считались абазинами амхарой Цацы»,*[10, с. 5-47] заключает Л.И. Лавров (подчеркнуто нами).

Тюркизмы в абазинской топонимии выступают в виде георафических апеллятивов, этнонимов и антропонимов: *къваш* «кош», *къвым* «пустыня», *кьвий* «колодец», *урам* «переулок, улица», *сырт* «хребет», *тоба* «холм» и др.; нагIвай «ногайский народ», *къарча* «карачаевский народ», *къазан* «татарин» и др. Последнее абазины употребляют применительно к казанским и крымским татарам.

Приведем несколько односложных абазинских топонимов тюркского происхождения:

Алтогвыз (Алтогуз), речка л.пр.р. Кубань, впадает в р-не а. Кубина Абазинского ра-йона «Шесть волов», «На шести волах». С помощью данного термина образовано 12 топонимов. И ещё: *Алтогвыз* – абазинский (красновосточный) вариант наименования *а. Къвбина* (Кубина) и его жителей – *алтогвызква* «алтогузы». Местность, где располагается а. Кубина, речку, балку ногайцы называют Алты-Оьгиз. В прошлом эту местность занимали ногайцы.

БалтачапгIан (Балтачапган), л.пр. р. Кубань, впадает в а. Кубина. Означает «Место скачек», «Там, где бежала кобыла» По преданию, здесь часто устраивали скачки, в которых принимал участие человек на кобыле (за неимением коня). И он, якобы, брал призовые места. По другому варианту, он занимал последнее место.

На наш взгляд, в первой части названия правильнее усматривать антропоним *Балта// Батал.* ср. ног. *Балта авылы* «Балта (его) аул». См. и абаз. мужские имена *Балта, Батал.* С помощью данного слова в абазинских аулах Кубина, Инджигчикун, Карапаго Абазинского р-на образовано 9 топонимов;

ДжьаманджьалгIа (Джаманджалга), дорога с-з. а. Псыж, на л.б.р. Кубань. С ногай-ского означает «плохое ущелье». Другое название *НагIвай кIвар* «ногайская балка»;

Къазма (Казма), территория в междуречье Урупа и Большого Зеленчука. Здесь расположены абазинские аулы – *Тапанта, АбазахIабльа, Малоабазинск, Старо- и Новокувинск.* Переводится (с ног.) как «Плодородная земля»;

Чатльауыкь (Чатляук), местность ю.-з. а. Псыж Абазинского р-на. Из ног. *Шетлевик* «Ореховое дерево». «Там, где растут ореховые деревья (в изобилии).

АлбыргIан (Албырган – Эльбурган) – официальное название аула в Абазинском р-не. Расположен на пр.б.р. Малый Зеленчук. Основан в 1865г. В ауле живут абазины-тапанта (кубино-эльбурганский говор). Численность населения 2486 человек. В ауле сохранились кварталы *Макьар хIабльа* Макеровых// Мекеровых квартал», *Джьандар хIабльа* «Джандаровых квартал».

Термин Эльбурган этимологизируют с ногайского языка как «Селение на повороте».

Чуть шире остановимся на истории а. Эльбурган. До 1865г. аул находился на *р. Марыхв* (Маруха), в 1853 -1857 гг. – в районе современного аула *Кайдан,* затем в местности Джанатоши, где в недалёком прошлом было расположено с. Новогеоргиевское.[4, с. 8] Старое название аула – *Бибаркт.* Жители а. Тапанта (переселенцы из а. Эльбурган) называют, его и как *Акытыжв* – «Старый аул». *Бибаркт* состоит из *Бибард* – абазинская княжеская фамилия (а так-же название племени *бибард* из тапанта) и апеллятива *кыт* «аул». «Бибердова аул». В исторических документах имеем «Бибердовский».

Исходя из того, что в основе названия абазинских аулов лежали фамилии князей, то в советское время аул *Бибаркт* был переименован в *Эльбурган.*

Многие исторические, археологические, географические и т.д. данные о племени *бибард* и ауле *Бибаркт,* как и впрочем обо всем абазинском народе, встречаются в документах и материалах зарубежных и российских авторов, в фольклоре, народных преданиях и т.д.

В 1920г. в Эльбургане состоялся 1-й съезд горцев Баталпашинского отдела.

В.Б. Тугов – ученый-литературовед, фольклорист, чье имя широко известно в научных кругах Кавказа и России – в одном из своих трудов отмечает следующее: «В истории каждого народа есть центры, в которых сосредотачиваются его духовный, культурный и нравственный потенциал. Таким центром для абазин явился аул Эльбурган. Этот старейший абазинский аул, владетели которого были известны с древнейших времен – ещё до переселения абазин на Северный Кавказ с побережья Черного моря, - аккумулировал в себя потенциальные, интеллектуальные и художественные силы народа. Один из первых медресе на территории нынешней Карачаево-Черкесии был открыт в Эльбургане. Как бы не относиться к медресе, - продолжает В.Тугов, - следует признать, что они сыграли заметную роль в развитии культуры. Обучение в медресе велось на арабском языке. Пусть не все ученики, но наиболее талантливые из них получали неплохие первоначальные знания арабского языка, что, в свою очередь, открывало дорогу к высокому арабоязычному образованию, к фундаментальному знакомству не только с Кораном, но и с восточной поэзией, философией, риторикой...» - завершает В.Б.Тугов. По его же словам, Бибаркт – Эльбурган – колыбель абазинской культуры.

Аул Бибаркт, находясь в довольно живописном месте, дал более 250 географических названий, а с помощью старого и нового названия аула *Бибаркт – Эльбурган* образовано более 25 топонимов.

Далее приведем группу топонимов, в первой части которых налицо тюркское слово: *Алмаст лбзазарта,* местность. Из *алмасты и лбзазарта* «её местожительство». «Алмасты (её) местожительство»[1]; *Алтогвыз акІадза,* косогор. Из *Алтогвыз* и абаз апеллятива *кІадза* «косогор» с аффиксом поссесива «его» (кл.в.). «Алтогвыза косогор»; *Атоба хъыгъагъа,* холм. «Круглоголовый холм», *Къанджьаль шкІвокІва,* степь, поле. Из *къанджьаль* «жесть» и абаз. *шкІвокІва* «белый» - «Белая жесть», *Къвмач абыхъв,* гора. «Гора (местности) Къвмач», *ТобахърыгІвра,* местность. Из тюрк. Тоба «холм» и абаз. *хърыгІвра* – «просорушка» (круглая с плоским верхом). «Холм-просорушка» и др. Топоним образован по подобию.

Абазинские топонимы, во второй части которых – тюркизмы: *ЛиргІа рсырт,* хребет. Из абаз. фамилии *Лий-ргІа – агІмыстаду* «большой (главный) дворянин» и тюрк. *сырт* «хребет». «Лиевых хребет». «...По сведениям 1839г. в отарах аха (*ахІы* – С.И.) Саралыпйпа Лова (*Лоова* –С.И) и агмистаду Мазана Лиева имелось по 7000 овец...» [12, с.134]; *Анфокъва йытоба,* холм. «Анфокова холм»; *ШватыкъыргІа ркъвий,* колодец. «Шавтиковых колодец» и т.д.

Встречается группа топонимов, образованных с использованием материалов из разных языков: *БалтачапгІан афермаква,* местность. Из тюрк. *баталчапгІан* – см. выше + русск. ферма, осложненный абазинским аффиксом притяжательности *а-* «его (кл.в).» и формантом множественного числа *–ква.* «Фермы (местности) БалтачапгІан»; *Къвайдан//Къвидан* – аул. В *Къвайдан* усматривают тюрк. (ног.) *къвий* «овца» и осет. – *дон//дан* «вода». [6, с.37] Для сравнения см. и абаз. *къви-дз* «колодезная вода», каб.-черк. *псыкъуий* – то же. Должно быть, в абаз. и каб. –черк. вариантах имеем тюрк. *къвий* «колодец» вместо *къвай-// къвой* в значении «овца»; *Урышв къвмач,* местность. Из *урышв* – абазинский вариант наименования русских, т.е. этноним – «русский» + тюрк. *къвмач* – «русский кумач» и т.д.

Как видно из приведенных примеров, тюркизмы (вообще любое заимствование в топонимии) часто оформляются абазинскими слово- и формообразовательными аффиксами – *та//-рта* «место», тара «вместилище», аффиксом поссесива *–р-* «их», й «его», *-л* «её», *-а-* «его (кл.в.), каузативным аффиксом *р-*.

Укажем и на то, что степень участия тюркских слов в образовании топонимов в диалектах неодинакова. Использование иноязычных элементов больше характерно для тапантского диалекта абазинского языка (чем ашхарского).

Абазинская антропонимия, как и во многих других языках мира, неоднородна по своему составу. Наряду с исконно абазинскими именами встречаются и заимствованные (арабские, персидские, адыгские, еврейские, русские, интернациональные и т.д.). Естественно, что исконно абазинские антропонимы, как и топонимы, являются самыми древними: (см.: *Щаща* –ж. «Кровь+кровь» - «Кровинушка», *Хьырпыс* –м. «Золотой юноша», *КІважва* –ж. «Маленькая княжна», *Шварах* –м. «Олень», *Ладу* –м. «Большеглазый», *АрхъаныхІв* –м. «Святилище бога степей») и т.п.

Остановимся на некоторых абазинских антропонимах с тюркской основой: *Аслан* –м. В такой форме встречается почти у всех народов Ближнего Востока. Его правильное произношение – *Арслан.* «... Слово арслан входило как составная часть в почетные прозвища туркестанских ханов... Излюбленным титулом было Клыч Арслан (букв. «меч-лев»)... у древних тюрков название льва было табуировано, доказательством чему может служить само слово арслан. ...Арслан состоит из двух слов: арсл// арсыл «дикий» и ан «зверь», — говорит А . Гафуров [5, с. 49]. *Бабыщ* –м. и ж. –букв. «утка», *джьалдуз* –ж. «звезда», *къара* –м. и ж. «смуглая, черная», *уагІвырльы* – м. «добрый, счастливый» и т.п.;

Иноязычные имена, образованные с помощью тюркских титулов: *НагІвай-хан// НагІвихан* –ж., из этнонима *нагІвай* и титула *–хан, Къральхан* – ж. Къраль «страна, государство» + *хан, ГІидхан* –ж. *–гІид* – араб. «религиозный праздник по окончании уразы» + хан, *Трыквхан //Тырквхан* – ж., из этнонима трыкв «тюркские народы» + *хан, Хангьарий* – м. – из двух титулов *–хан и гьарий* «заслуженный, достойный» и т.д. Как видно, титул *–хан* встречается как в препозиции, так и в постпозиции.

С помощью титула *бек* (в абазинском – *бакь*) «господин, начальник» образован ряд антропонимов: *Асльам-бакь,* м., *Зауыр-бакь-* м., *Батыр-бакь* – м., *Къальабакь* и др.

Небольшое число антропонимов встречается и с термином – къан «кровь», «царь», «воспитанник»: *Къан-хъапщ* –ж., *-хъапщ* – в абаз. «золото», *Къан-итат* –ж., *Къан-амат-* м., *Къан-амий-* м., *Мырза-къан-* м., *Къан-мырза* – м. и т.д. Термин *–къан* стоит как в постпозиции, так и в препозиции.

От титула *–бий-* «господин» образованы имена и фамилии: *Амыр-бий-* м., *Къраль-бий* –м., *Адаль-бий* –м., *МухIамад-бий* –м., *Джьальаль-бий-* м., *Пасар-бий* –м., *Джьаным-бей (бий)* –ф. и др.

В абазинской антропонимии встречаются и фамилии, в основе которых лежат этнонимы-тюркизмы: *НагIвай-* «Ногаев» (а. Красный Восток), *Къарча* «Карачаев» (а. Псыж), *Къалмыкъ//Къалмых* – «Калмыков» (а.Эльбурган, Тапанта), *Къвмыкъв* – «Кумуков» (а. Тапанта).

Здесь укажем и на то, что любое заимствование – процесс двусторонний. Абазинские слова в той или иной форме также могут встречаться и в языках народов Карачаево-Черкесии. Хотя это предмет другого исследования, в данной статье приведём несколько абазинских антропонимов, встречающихся в именниках соседних народов: *Багъ* «Багов». Абазины-тапанта и абазины-шкарауа. Встречается в аулах –Апсуа, Красный Восток и Инджигчикун, а также в кабардинской антропонимии. В абхазском именнике встречается в древней форме – *Багъба*. Фамилия образована от названия одного из шести племён абазин-шкарауа *-багъ* + патронимический формант *–ба* «сын»., «баг (его) сын», *Дзыба*, встречается в кабардино-черкесском и адыгейском именниках означает «Сын воды», где *дзы* «вода», *-ба* –«сын»; *Хвбий* – см. и карачаевское *Хвбий* «Хубиев». В первой части антропонима – абх. –абаз. *хв(а)* «гора, скала», во второй – фонетически искаженный абх. – абаз. патронимический формант –ба «сын». В целом – «Сын гор», «Горец»; Для варианта *–ба –бий* см. и абазинский топоним *Хвыба йкIвар* «Хуба (его) балка»; *Марчан-* абазины-шкарауа. См. и карачаевское «Маршанкулов», каб.-черк. «Мэршэнкъул». В форме *Маршан* сохранилось и у садзов. «Хорошо известно, что издревле вплоть до середины XIX в. весь район верховьев р. Кодор до самого хребта был занят исключительно воинственным абхазским племенем (с особым цебельдинским говором) во главе с многочисленным родом Маршан. Маршаны господствовали не только в Дале и Цебельде, но и в Медовее и некоторых других горных обществах (среди абазин известны под именем Марчан)»... «Горы принадлежат Маршанам», — гласят предания. И ещё: ...«В горах на южных склонах хребта располагались следующие абазинские общества: Ахчипсоу в верховьях Мдзымта, где жило 200 семей Маршаниев...», — отмечено в одной из работ Н. Волковой [7, 355с.] *Тамбий*. Встречается в каб.-черк. и карач. именниках. В абхазском бытует в исконной форме *Тамба*, где *там-* название абаз. (шкарауа) племени там + абх. – абаз. патронимический формант *–ба* «сын». ...«В обществе Цабал встречались такие фамилии: Циба, Тамба...» [2, 244с.] Антропоним в целом означает «Сын племени Там» и мн. др.

В заключение отметим, что тюркизмы (как и арабизмы, персизмы, адыгизмы, русизмы), попадая в абазинский язык, претерпевают соответствующие фонетические и семантические изменения.

1. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. — М., 1971
2. Булгарова М.А. Ногайская топонимия. — Ставрополь,1999.-с.122.
3. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII- начале XXвв. — М. «Наука», 1974.
4. Волкова Н.Г. Указ. с.
5. Генко А.Н. Абазинский язык.Грамматический очерк наречия Тапанта. — М., 1954.
6. Гафуров А. Лев и Кипарис (о восточных именах). — М.1971.
7. Данилова Е.Н. Абазины//Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIXв. — М., 1984.
8. Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. — Сухуми, 1976.
9. Коков ДЖ.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. — Нальчик, 1974.
10. Лавров Л.И. Абазины/ Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. — М. 1955.
11. Тобыль Тальустан. Арахвхча Бати ауи йпхIа Зачи ртурых /Абаза турыхква, Ставрополь, 1947
12. Тугов В.Б. Бибаркт-Эльбурган – колыбель абазинской культуры // Бибаркт –АлбыргIан. — Черкесск, 1996.
13. Цекъва Пасарбий. БхъвыкI ахъазла гIахIвахра. — Черкесск, 1969.
14. Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. — Нальчик, 1963.

КАЛИЕВА С. Е., ТУСУПБЕКОВА Г. А.

Семей қаласының Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті
Семей қаласы, Қазақстан Республикасы

ҰРПАҚ ДҮНИЕТАНЫМЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫНА ҰЙТҚЫ БОЛАТЫН РУХАНИ-ТАНЫМДЫҚ ҚАЗЫНА – ҚАЗАҚ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРІ

Бүгінгі таңда елімізде өскелең ұрпаққа өрелі білім, өнегелі тәрбие беру ісі заманына лайық жаңаша сипат, жаңаша қарқын алып отыр. Әлемдік білім беру кеңістігіне ену барысында XXI ғасыр педагогтары алдында да, білім беру жүйесі алдында да үлкен міндеттер туындауда. Ол – білім беру мекемелерінде жаңа әдіснамалық платформа тұрғысында білім беру жүйесін ұйымдастыру және дамыту. Яғни, жаңа тұлғаны рухани адамгершілікке тәрбиелеуде, олардың біртұтас дүниетанымын қалыптастыруда әлемдік сапа деңгейіндегі білім, білік негіздерін меңгертуде жаңаша білім мазмұнын құру.

Әлемдік тәжірибеде білім беру үрдісін жаңа бағытта ұйымдастыру инновациялық білім беру парадигмасына сүйене отырып жүзеге асатыны белгілі.

Қазақстандағы құрылымдық, идеологиялық түбегейлі өзгерістер негізінде білім беру мазмұнын жаңарту, жаһандану құбылыстарына сәйкес білім сапасына қойылатын талаптарды арттыру қажеттілігіне алып келді. Білім берудің жаңа формасы жасалды. Мұндағы басты мәселе формада емес, мазмұнда болмақ. Әр халық өзінің ұлттық мәдениеті мен дәстүрін, тілі мен ділін, дінін сақтай отырып жаңа ұлттық үлгіні қалыптастыруы қажет.

Профессор Қ.Шаяхметұлы: «... жаһанданудың жойқын екпіні күн сайын үдеп бара жатқан уақытта ғылым-білім мақсаттары жолындағы тілдік қызмет дүниежүзілік өткір де өзекті мәселеге айналып отыр.

...Ұлттық өміршеңдік әлуеті мен жеке адамның жан қуаты ретінде тіл, әсіресе, ғылымдық арнада төтенше сынға түседі. Оның әдебилігінің үкімдік серті мен үстемдік шарты да ғылыми тұтынымдар стилі бар немесе жоқ екендігінде. Мұндағы шаруа оңалмайынша, қандай тілдің болса да көсегесі көгермек емес» [1, 206 б.], - дегендей бүгінгі таңдағы басты мәселе – ана тілі, оның қызметі.

Ұлттық мәдениетті жете меңгертуде, интеллектуалдық өрісі жоғары жастарды тәрбиелеуде ана тілінің рөлі ерекше.

«Тіл ғылымы басқа ғылымдардан өзгешелеу, оның табиғаты нәзік, танымдық мәні зор, ол ұлт тағдырына тікелей байланысты. Оның ашқан жаңалығы мен қол жеткен табысын, техникалық ғылымдардай емес, дүниежүзілік стандартпен өлшеуге келмейді. Қазақ тілінің мәні де, сәні де тек қазақ топырағында ғана ... бағаланбақшы», - деп академик Ә.Қайдар [2] айтқандай ұлт мәдениетінің сақталуы ұлт тілімен тікелей байланысты болғандықтан, тілсіз мәдениеттің, рухани байлықтың сақталуы мүмкін емес екені мәлім.

Елімізде қазіргі таңда туған тілін терең меңгерген, тілі дамыған, терең білімді, тәрбиелі, рухани бай, ұлтжанды, халқының салт-дәстүрін, әдет-ғұрпын құрметтеуші жеке тұлғаны қалыптастыру көзделген. Яғни, жас ұрпақтан болашақта үлкен үміт күтіледі. Ғұлама халықтың баға жетпес тағылымдық мұралары кешелі-бүгінді замандардағы ұрпақ зердесін ашар сарқылмас рухани қазынасы болып келген тіл байлықтарын сақтауды талап етеді.

Түркі халықтарының дана перзенті М.Қашқариды шығыстанушы ғалымдар маржан тіл мен терең ойдың адамы деп ғибрат тұтып, оның мұраларын шығыс пен мұсылман ілімдерінің алтын бесігі ретінде бағалады. Қашқари түркі сөздерінің тәрбиелік үлгісін ғылыми тұрғыда терең саралаған танымы зерек, тіл білімінің асқан ойшылы ретінде, артында тәлімдік-тағлымдық мұра қалдырған данышпан-ұстаз ретінде дараланды. Оның:

«... Жеткіз менің сөзімді білімді адамдарға

Ұрпақ өссе естілер өмірге алаңдар ма?
Үш адамды жақсылыққа бастағанды ғалым біл,
Оның ісін жұртқа жайып, қолдан келсе тәлім...» [3, 45 б.]
деген өсиеттері ұрпақ дүниетанымының қалыптасуына ұйтқы болатын рухани-танымдық қазына екені анық.

Халықтың рухани тәлімдік мұраларын ол мақал-мәтелдер және бабалар өсиеті тұрғысында сақталып келгендігін айта келе: «...Ұлым, менің өсиетіммен жанды аузыңа қаратқын. Ғалым болып, біліміңді ел ішіне таратқын...» [3, 72 б.], - деген тағылымдық өсиеттер арқылы жас ұрпақтың тағдыры мен болашағына деген алаңдаушылығын білдіреді.

Әр ұлт өз болмысы мен танымдық қасиеттері арқылы дараланып көрінеді және де туған тілін дамытуға, сөздік қорын байытуға өз үлесін қосады. Қазақ тілінің болашағы – өткенді білумен құнды болмақ. Өткенді білу – қазақ ұлтының мәдени өмірінің ерекшеліктері ретінде танылатын тілдік бейнелі сөз орамдары – фразеологизмдердің, қанатты сөздердің, нақыл сөздердің ұлт мәдениетін танытудағы рөлін бағалау, түсіну.

Қазақ ұлтының тіл байлығын арттыра түсетін, мәдени өмірінің ерекшеліктері ретінде танылатын тілдік бейнелі сөз орамдары – фразеологизмдер ұлт өмірінің әр кезеңдерінде алуан түрлі құбылыстар мен оқиғаларды өрнекті тілмен суреттеп бүгінгі уақытпен үндестіреді. Яғни, бабалар ұрпағына аманат еткен тағылымы мен танымы мол ой маржандары ата тарихымыздың көне дәуірі менен бүгінгі дәуірін жалғастырары хақ.

«Тіл байлығының терең де тұңғиық сырларын ашып шебер де ұтымды қолдана білген сол халықтың кемеңгерлігі мен даналығы. Әрбір халықтың даналық болмысы сол халықтың өз тілінде, өз даналары мен ақылмандарының, ділмәр-шешендері мен айтқыштарының ой-толғаныстарының мәнді де маңызды, қысқа да нұсқа үлгілері негізінде қалыптасады» [2, 8 б.].

Фразеологизмдердің қалыптасу негіздерін халықтың ұлттық мәдениетімен байланыстыра талдау заман талабы. Ұлттық мәдениет ұлт өмірінің барлық саласынан көрініс табады. Ол оның тұрмыс-тірлігінен, тілінен, салт-дәстүрінен, әдет-ғұрпынан, тәрбиесінен және әлеуметтік-экономикалық тұрмыс жағдайына байланысты алып зерттегенде байқалады.

Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігінде: АЙ ТҰЯҚ [БОЗ ҚАСҚА] ШАЛДЫ – *құрбандыққа мал (жылқы) сойды.* (Діни сенім бойынша «құдайға құлшылық» істеп, аяулы малын садақаға сою). *Ханның көз нұры суалған шақта күндердің бір күнінде ханша құрсақты болып... бір қыз тауыпты. Ай тұяқты боз қасқа шалып, азан шақырып, Айбарша деп ат қойыпты* (Т.А.) [4, 21-б.]; БОЗ ҚАСҚА, АҚ САРЫ БАС ШАЛДЫ ● БОЗ ҚАСҚА СОЙДЫ – *мал сойып, құдайы берді. Боз қасқа қойын сойғызып, Үлкенге басын қойғызып, Ақтұяққа ер салғызды* (Жамбыл). *«Құдайы-ай», «Пірім-ой!» бұл не деген заман болды!, «Алда-ай!» «Ақсары бас!», «Ой, алда-ай, боз қасқа!» деп қазақ өгіздей өкіріп жылай бастаған* (С.С.) [4, 120-б.] – деп берілген. Берілген сөйлем мен сөздіктегі мысалдардың мағынасы жалпы діни наным-сенімге байланысты (құрбандық шалу) ұқсас болғанымен әр түрлі рәсімдердің орындалуына байланысты айтылған.

– Өзекті жанға өлім бар – хандарың тура келген ажал оғынан қаза тапса, көлденең жабысқан кеселден көз жұмса елге кім иелік етеді? Күні кеше ғана, Хақ Назар хан шәйіт болған сәтте қырық тарапқа тарттыңдар, ақыры немен тынды? Басыңа сол зобалаң қайта тумасын ойла. Қабырғаңмен кеңес. Әкесі ер деме – өзі ез шығар. Жасы кіші деме - қара қанжар шығар. Ата салтында алтын тақ – ағадан ініге мұра. Менімен бірге туған деп, немере деп жақындатпа, шөбере деп, шөпшек, туажат деп алыстатпа – батыр інілерімнің, білікті бауырларымның бірін қалаңдар, қалаңдар да қалға сайлаңдар! – деді (М.Мағауин).

Берілген сөйлемдегі *шәйіт болған* тұрақты тіркесі діни мағынадағы фразеологизм өзінің тура мағынасында беріліп, адамның қайтыс болғанын, дүниеден өткенін білдіреді. Араб тілі арқылы енген, Құранда кездесетін бұл тұрақты тіркестің бойындағы стильдік экспрессияның мәні зор. Тыңдаушы, оқырман қауымға әсерлілігі басым. Қазақтың жалпыхалықтық тілінде адамның қайтыс болуына байланысты мағынаның өзі астарлы

түрде айтылады. Қазақта өлім туралы тура айту жоқ. Ал қазақ тілінің фразеологиялық сөздігінде мағыналас түрлері келесідей тұрақты тіркестермен берілген:
КӨЗ ЖҰМДЫ **1.** *Нар тәуекелге басты.* **2.** *Өлді.* **3.** *Түк көрмедімге басты* [4, 257-б.].
ҚАЗА БОЛДЫ [ТАПТЫ] ● ҚАЗАҒА ДУШАР БОЛДЫ ● ҚАЗАҒА ҰРЫНДЫ [ҰШЫРАДЫ] *Өлді, дүниеден қайтты, қайтыс болды* [4, 303-б.].
ҚАЙТПАС ЖОЛҒА САПАР ШЕКТІ **1**. *дүниеден өтті, қайтыс болды, дүние салды.* **2**.*Өте хауіпті, қатерлі жолға аттанды* [4, 307-б.].

ҚАЙТЫС БОЛДЫ *Өлді, дүниеден қайтты* [4, 307-б.].

Қабырғаңмен кеңес тұрақты тіркесі де діни тіркестер қатарына жатады. Ауыспалы мағынада беріліп тұр // ҚАБЫРҒАМЕН [ҚАБЫРҒАСЫМЕН] КЕҢЕСТІ [АҚЫЛДАСТЫ] *Жақын кісілерімен келісті, ақылдасты; өз-өзімен ойласты.* («Қабырға» дегенге дос-жар әйел, жан ашыр туысқан кісілер жатады. Қырғыз тілінде де: «Кеңешчиң болбосо қабырғаңмен кеңеш» деген фраза бар. Мұның да мағынасы қазақ тіліндегідей) [4, 301-б.].

Қара қанжар тұрақты тіркесі ҚТФС – де ұшыраспағанымен (ҚТФС – де мағынасы ұқсас *қара қамшы* фразеологизмі берілген) мағынасы контексте сөйлем бойы ашылып тұр. Бұл авторлық қолданыстағы фразеологизм. Яғни, автор адам мінезінің қайсар, батыр, қаһарлылығын дәл беруді көздеген // ҚАРА ҚАМШЫ. *Қара күш иесі, қаһарлы, өктем адам* [4, 325-б.].

Ата салт ежелден, көнеден келе жатқан осы күнге дейін қолданыстан түспеген фразеологизм. Оның тілімізде қолданылатын басқа да варианттары кездеседі // АТА ЖОЛЫ [ЖОРАЛҒЫСЫ, САЛТЫ, КӘДЕСІ]. *Ескілікті үлкен кісілерден, ата-бабадан қалған дәстүр* [4, 56-б.].

Алтын тақ тарихи (көнерген), ауыспалы мағынадағы фразеологизм. *Алтын* эпитет сөзінің *тақ* сөзімен тіркесіп келіп, заттық мағынада қолданылып тақтың жай емес ерекше екенін көрсетеді. ҚТФС – де мағыналас *алтын тәж* фразеологизмі берілген // АЛТЫН ТӘЖ КИДІ. *Басына бақ орнады; билік құрды (патшалық белгіге ие болды)* [4, 38-б.].

Берілген мысалдардан сөйлем бойы контексте *қалға сайлау* фразеологизмінің ата салт-дәстүрге байланысты хан тағының мұрагерін сайлау екендігі аңғарылады. Осындай әдет-ғұрыптар халықтың өмірге деген көзқарасына байланысты туып, пайда болып кейінгі ұрпаққа жетіп отырған. Олар көптеген ғасырлар бойындағы тәлім-тәрбиенің жемісі. Қазақтың ұлттық мәдениетінің сарқылмас бұлағының бірі – осы салт-дәстүрлері деп білеміз.

Жүсіп Баласағұнның әлемге әйгілі «Құтты білік» атты еңбегінде, адамзат перзентінің бойындағы ең асыл қазыналарының бірі ақыл мен білім дүниесі деп өсиет қалдырған. Оның кім ақылды бойына жинай білсе, оған қоса білімді игерсе, оның гуманистік қасиеті арта түседі деген өсиеті қай кезеңде болмасын биік тұрады.

Халықтың ықылым замандардан қалыптасып келген рухани-мәдени мұраларын сақтау мен қастерлеудің бірден-бір жолы – ол дүниелерді ұрпақ санасына жүйелі түрде сіңірудің тәсілін іздестіру әрекеті болмақ. Тіліміздегі тұрақты тіркестер мен мақал-мәтелдерді, афоризмдерді дана бабаларымыздан қалған өсиет деп білсек, бұл – ұлт даналығын араға талай ғасыр салып, бүгінгі ұрпаққа мән-мағынасын жоғалтпай жеткізіп отырған ана тіліміздің құдіретін алдағы уақытта да сақтай отырып тәлім-тәрбиелік құндылықтарға барынша талдау жасап, нәтижесінде оның ұрпақ жадында сақталуына қыруар еңбек етуіміз қажет.

---

1. Тіл білімі: ҚР ҰҒА академигі М.С.Серғалиевтің 70 жасқа толуына орай өткізілген «Қазақ тілінің стилистикасы және тіл мәдениеті» респ. ғыл.-теор. конф. мат-ры. 4-кітап. – Астана: Л.Н.Гумилев ат.ЕҰУ баспасы. – 375б.

2. Қайдар Ә. Халық даналығы. – А.: Тоғанай Т, 2004. – 560 б.

3. Қашқари М. Түбі бір түркі тілі (Диуани лұғат ит-түрік). – А.: Ана тілі, 1993. – 192 б.

4. Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – А.: Ғылым, 1977. – 412 б.

КАРАКАЕВ Ю. И., КАРАКАЕВА Э. Ю.

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

НОГАЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Язык как общественное явление чутко реагирует на изменения, происходящие в реальной жизни, особенно его лексический уровень. Начавшиеся в 1985 г. бурные события: развал тоталитарного государства, перестройка социально-экономических и духовных основ общественной жизни, пробуждение национального самосознания народов бывшего Советского Союза, повышение интереса к национальной истории, литературе, языку, культуре — все это отразилось и в лексике современного ногайского литературного языка. Предпринимаются большие усилия по сохранению родного языка, как основного коммуникативного средства ногайского общества. Возвращаются в активный словарь многие вытесненные в советскую эпоху в пассивную лексику слова, особенно арабо-персидского происхождения. Меняется стилистическая окраска ряда слов. Выходят из употребления слова, связанные с коммунистической идеологией. В этой связи особый интерес проявляется к общественно-политической терминологии. За годы перестройки на страницах ногайской периодической печати, в частности на страницах газет «Ленин йолы» (ныне «Ногай давысы», Карачаево-Черкесия) и «Шоьллик маягы» (ныне «Шоьл тавысы», Дагестан) поднимались вопросы возрождения и сохранения родного языка, усовершенствования некоторых букв алфавита, составленного на основе кириллицы и т.д. К сожалению, происходят и негативные процессы, а именно: вытеснение некоторых русско-интернациональных терминов и замена их исконно ногайскими или арабо-персидскими заимствованиями: перестройка — *баскартув,* культура — ма*даният,* член — *агза* и др. Возвращение некоторых устаревших общественно-политических терминов характерно и для русского языка. Например, *Государственная дума, земство, губернатор, департамент* и др. Однако в последний период наблюдается наплыв общественно-политических, экономических и иных терминов англоязычного происхождения. Употребляясь иногда без надобности, они, безусловно, засоряют русский язык, а через него и ногайский, так как многие значения данных терминов остаются непонятными для большинства носителей самого русского языка: *шоумен, гангстер, плейбой, рэкет, ток-шоу* и др.

Общественно-политические термины ногайского языка можно разделить на две группы:

1) дореволюционные;

2) послереволюционные.

В нашем сообщении речь пойдет о трудных вопросах ногайской общественно-политической терминологии послереволюционного периода.

Активная терминологическая работа по ногайскому языку, в том числе по общественно-политической, развернулась после Октябрьской революции. В 30-е годы XX столетия просветителем ногайского народа А-Х.Ш. Джанибековым были составлены и изданы ряд терминологических словарей по химии, математике, естествознанию, а также словарь общественно-политической терминологии. Данные словари ныне являются библиографической редкостью.

В 1938 году М.К. Милых опубликовала статью «Заметки о построении ногайской терминологии» [2].

М.Ф. Саруева в 1959 году затронула «Некоторые приемы образования терминов в современном ногайском языке» [4].

Вопросы терминологии и возникающих при этом трудностях подняла в своей статье «О развитии ногайского литературного языка в советскую эпоху» С.А.Калмыкова [1].

В 1981 году в Черкесске был издан «Русско-ногайский словарь общественно-политической терминологии» (составители Э.А. Джанибеков, С.А. Калмыкова, С.И. Капаев, Б.А. Карасов), который содержит около 10000 русских слов-терминов общественно-

политического содержания с характерными сочетаниями и выражениями, переведенных на ногайский язык [3].

За годы Советской власти было немало переводов общественно-политической и публицистической литературы на ногайском языке.

Анализ текстов газет, книг, издающихся на ногайском языке, позволяет выделить несколько периодов в развитии общественно-политической терминологии послереволюционного времени: первый период - до 1935 г., второй - с 1935 г. по 1967 год, третий - с 1967 г. по 1985 год и четвертый период - с 1985 года по настоящее время. Каждый из этих периодов характеризуется своими определенными особенностями. В разработке общественно-политической терминологии были свои успехи и недостатки.

Так, в 1938-1940 годах XX столетия в связи с переходом ногайского письма на русскую графическую основу, наблюдается чрезмерное увлечение русскими и интернациональными словами, употребление их без надобности. На страницах ногайских газет тех лет можно найти множество примеров варварского отношения к ногайскому литературному языку, засорение его заимствованиями при наличии своих эквивалентов. Например, в ногайской газете «Кызыл Черкес» («Красная Черкесия») мы находим такие фразы: *Ийги молодежлар комсомолга туьседилер»* — «Хорошая молодежь вступает в комсомол» (№1 - 23 июнь, 1938) или *«Странадынъ оборонасын крепить этемиз»* - «Будем крепить оборону страны» (№7 за тот же год).Такая картина наблюдалась до середины 60-х годов.

Терминология ногайского языка становится предметом специального обсуждения на неоднократно созываемых совещаниях по вопросам алфавита, орфографии и терминологии . Так, например, совещание по вопросам орфографии и терминологии, состоявшееся в июне 1961 года с участием видного ученого-тюрколога, профессора Н.А.Баскакова, дало правильное направление развитию терминологии; источником ногайской терминологии в первую очередь являются лексика ногайского языка, затем русская терминология и заимствуемая через русский язык интернациональная терминология.

Но, несмотря на то, что в последние годы терминологическая работа несколько оживилась, недостатки в этой работе продолжают оставаться.

Видный ногаевед С.А.Калмыкова считает, что основными недостатками ногайской терминологии в части использования средств родного языка являяется: во-первых, недостаточный учет диалектов ногайского языка, выражающийся в отсутствии согласования в разработке терминологии. Это порождало взаимное непонимание отдельных терминов, встречающихся в печати ногайцев Дагестана и Карачаево-Черкесии. Так примеры: совет -*кенъес* (АН), *маслагат* (КН); соревнование - *базласув* (АН), *ярысув* (КН); достижение - *етимис* (АН), *уьстинлик* (КН); активно - *кадавлы* (АН), *белсинли* (КН); страна - *кырал* (АН), *эл* (КН); война - *кавга* (АН), *согыс* (КН) и др. Во-вторых, определенным недостатком в разработке и установлении терминов был и неудачный подбор эквивалента того или иного понятия в родном языке, что приводило к искажению содержания. Например, термин «политехнические знания» в ногайском языке был принят в форме *«политик-техник билими»*, что значит «политико-техническое образование».

По-прежнему продолжает сохраняться терминологический разнобой в ногайских газетах Дагестана и Карачаево-Черкесии. Неоднократно созываемые совещания с целью унификации наиболее употребительных общественно-политических терминов не дают желаемых результатов.

Большое затруднение представляет собой орфография заимствованных терминов. Из-за отсутствия определенных и твердых принципов правописания заимствованных слов каждый автор, переводчик, работник газеты, радио, телевидения и издательства оформляет заимствованные термины по своему усмотрению.

В упорядочении терминологии и улучшении переводческой работы, конечно, определенную роль сыграл вышеупомянутый «Русско-ногайский словарь общественно-политической терминологии».

С начала 50-х годов прошлого столетия вопросами терминологии ногайского языка стал заниматься Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ныне КЧИГИ) с участием работников печати, издательства, учебных заведений, с привлечением представителей со всех регионов проживания ногайцев.

Хотя в свое время была создана Терминологическая комиссия при Карачаево-Черкесском облисполкоме, которая проводила совещания, однако в последнее время терминологическая работа пущена на самотёк. Понятно, что индивидуальное терминотворчество приводит к большому разнобою в терминировании одних и тех же понятий.

В отношении употребления общественно-политической терминологии в среде ногайской интеллигенции намечаются две противоположные тенденции (за и против). Отказ от прогрессивной русско-интернациональной терминологии является шагом назад, считает наш старейший языковед С.А.Калмыкова. Другие (И. Капаев, Р. Керейтов, А.Сикалиев, К. Кумратова, С. Батыров, М. Авезов, М. Заргишиев и др.) выступают за «чистоту» ногайского языка. Мы полагаем, здесь разговор должен идти о культуре речи, о разумном сочетании в употреблении спорных общественно-политических терминов, т.е. выбрать «золотую середину», а время, объективная действительность подскажут правильное решение проблемы.

В заключение, говоря о трудных вопросах общественно-политической терминологии в ногайском языке: необходимо разработать общие методологические положения, определить подлинно научные принципы создания терминологии, учесть опыт тюркологической науки в этом вопросе.

1. Калмыкова, С.А. О развитии ногайского литературного языка в советскую эпоху / С.А.Калмыкова // Труды КЧНИИ. Серия филологическая. - Черкесск, 1968. - Вып. - С. V 287-346.

2. Милых, М.К. Заметки о построении ногайской терминологии / М.К. Милых // Ученые записки факультета языка и литературы Ростовского педагогического института. - Ростов - н/Д, 1939 . Т. 1.

3. Русско-ногайский словарь общественно-политической терминологии. -Черкесск, 1981.

4. Саруева, М.Ф. Некоторые приемы образования терминов в современном ногайском языке / М.Ф. Саруева // Сб.трудов КЧГПИ - Нальчик, 1959. -Вып.2.-С.161-156.

АН – ногайский диалект

КН – караногайский диалект

КУКАЕВА С. А.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВИТАЛЬНОСТИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА

В современном мире в условиях социально-культурных изменений, определяемых процессами глобализации и модернизации, усиливающимися миграционными процессами, типами массового билингвизма, особую актуальность приобретают проблемы связи языка и идентичности, сохранения языкового и культурного разнообразия. Беспрецедентная в истории широкомасштабная пропаганда через СМИ западной массовой культуры, связанная с ней деформация этнокультурного самосознания, переориентация с национальных духовно-нравственных ценностей и норм на западные ценности и стереотипы жизни, распространение нетрадиционных течений, движений, культов негативно влияют на общественное сознание, разрушают коренные этнические социокультурные традиции и ценности [6]. Подобные радикальные перемены порождают особые, ранее неизвестные языковые проблемы, влияющие на языковую ориентацию населения, на речевую культуру разных этносов, на функционирование языков. В последние десятилетия стало ясно, что проблема этнолингвистической витальности (жизнеспособности) языка является весьма актуальной для всех народов мира вне зависимости от их статуса. В новейшей истории исчезновение малых языков приобретает угрожающие размеры, все миноритарные языки охвачены бурным ростом количества не владеющих, слабо владеющих родным языком, не изучавших его в школе. В условиях дисперсного проживания ногайского этноса в раз-

личных регионах РФ, особенно актуальными становятся изучение степени устойчивости и динамики изменчивости ногайского языка.

Витальность языка – способность к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и функциональных качеств языка[15, с.37].В науку термин «этнолингвистическая жизнеспособность» (ethnolinguistic vitality) был введен в работе британских лингвистов Х. Джайлс, Р. Бурхис и Д. Тейлор в 1977 году, хотя американский ученый Дж. Фишман писал о такой категории как «visible vitality» еще в 1972 году.

Устойчивость языка зависит от многих причин. При оценке угрозы для того или иного языка используются следующие критерии: общее число носителей языка; доля носителей языка в общей численности населения; государственная политика в отношении данного языка, включая его официальный статус и использование; наличие письменной традиции; передача языка от поколения к поколению и др. [15, с.37].

В российской науке исследования взаимосвязи языка и этнической идентичности проводятся на различных уровнях анализа: социолингвистическом, этносоциологическом, этнолингвистическом, социально-психологическом и др. Вопросы языковой политики и языковой ситуации подробно рассматриваются в работах В.М. Алпатова, В.А. Аврорина, В.И. Беликова, Т.Г. Н.Б. Бахтина, Н.А. Баскакова, Т.А. Бертагаева, М.Н. Губогло, Ю.Д. Дешериева, В.Ю. Михальченко, В.М. Солнцева, Э.В. Хилхановой, А.Н. Биткеевой и других лингвистов. Однако в обширном круге социолингистических исследований отсутствуют работы по оценке этноязыковой витальности ногайского языка с учетом таких параметров как демографическая и коммуникативная мощность, институциональная поддержка, статусный фактор, корпусное планирование и др.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. ногайцев в России 103660 человек, из них количество владеющих ногайским языком составляет 87119 чел., владеющих русским языком – 98081 человек. В условиях, когда, согласно результатам переписи, более 90 % респондентов заявили о свободном владении русским языком, следует иметь в виду, что «если 70% носителей малочисленного языка двуязычно, уже необходимо принять защитные меры по спасению языков, ибо за этой гранью ожидается потеря языка, культуры и национальных особенностей» [12, с.5].

В полиэтническом обществе в качестве одной из главных задач выступает построение справедливой языковой политики. Особенностью современной языковой политики является «стремление, с одной стороны, сохранить этнический язык и культуру, с другой – необходимость освоения мира для адаптации к новым реалиям современного общества»[13]. Речь идет о необходимости дальнейшего совершенствования языкового образования подрастающего поколения с учетом интеграционных процессов, происходящих в многонациональной России и мире. Отсутствие государственной поддержки отрицательно сказывается на судьбах миноритарных культур и языков и «по степени своего негативного воздействия уступает только прямой репрессивной политике» [17].

Несмотря на длительную письменную традицию, наличие многожанровой литературы, государственный статус, использование в сфере образования, витальность ногайского языка и перспективы его сохранения и дальнейшего развития вызывают обоснованную тревогу по ряду этнодемографических и социолингвистических причин. Современная лингвистическая теория исходит из понимания языка как культурного кода нации, средства трансляции социально-значимого и духовно-ценностного опыта носителей языка, как формы этнического сознания, отражающей национально-культурные особенности мировидения и миропонимания. Как показывает культурная история ряда современных наций, письменность имеет не меньшее значение для формирования национальной идентичности, чем сам язык. Ногайский литературный язык до его современного состояния прошел длительный и сложный путь развития. Истоком его является древнетюркский язык, представленный памятниками VII-XIX вв. на рунической, древнеуйгурской, арабской графике [14, с.131-135]. В послереволюционный период современный ногайский язык сменил 2 алфавита: до 1928 года применялся арабский, до 1939 года – латинский, пока не утвердился новый алфавит, созданный на основе русской графики. Переход на совершенно новые системы письма нанес невосполнимый урон развитию национальной духовности ногайцев и сыграл отрицательную роль в истории развития ногайского языка. Значительная часть культурного наследия ногайцев, зафиксированная уйгурским письмом, затем арабицей и латиницей, остается невостребованной в многочисленных архивах России и зарубежья. Таким образом многие тюркские народы с давней письменной традицией лишились письменности,

«дважды уничтожалось культурное наследие, дважды большое количество людей стало неграмотным»[11,с.21], что вызвало массовое безразличие к проблемам развития языка.

Успехи языкового строительства, осуществленного в 20-30-е гг. прошлого века хорошо известны: ликвидация неграмотности, создание письменностей и норм для десятков языков, подготовка национальных кадров, рост образования и др. Однако вся эта политика имела лишь частичный успех. В конце 50-х – начале 60-х гг. почти прекратилось образование на языках меньшинств, началась «бескровная языковая революция» с ее ярко выраженной тенденцией к ассимиляции [4]. В 1957 г. учащиеся Карачаево-Черкесской автономной области обучались в 0-4 классах на родном языке с преподаванием русского языка как предмета, в 5-10 классах преподавание проводилось на русском языке, а родной язык продолжали изучать как предмет. С середины 60-х годов в автономных республиках и автономных областях и округах (за исключением Татарии, Башкирии и Дагестана) РСФСР в национальных школах с первого класса детей стали обучать на русском языке, а родной язык преподавали как предмет. В 1968 году Карачаево-Черкесский обком партии принял постановление «О переводе нерусских школ области на учебный план русской школы с изучением учащимися языка автономной области». В документе отмечено преимущество обучения детей коренных национальностей по учебному плану русской школы. Намечено перевести в новом 1968/1969 учебном году все учебные первые классы нерусских школ на учебный план русской школы с изучением учащимися языка автономной области, утвержденного Министром просвещения от 7 февраля 1967 года за № 20.

Государственная политика в отношении языков и культур национальных и этнических меньшинств, которая заключается в отсутствии определенной политики, когда миноритарные культуры предоставлены сами себе, является довольно распространенной. В СССР не проводился «намеренный курс на русификацию, а государственная политика заключалась «во всемерном продвижении и расширении функциональных возможностей общепонятного для всего государства языка. Судьбами остальных языков центр не интересовался, и уровень их поддержки зависел от республиканских и местных властей. Достижение всеобщего национально-русского двуязычия, ставшее стандартным лозунгом с 1970-х годов имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности – советских людей» [2,с.21]. Картина языковой ассимиляции нерусских народов бывшего СССР позволяет предположить о «существовании этнических групп с «сильной» и «слабой» идентичностью, во-вторых, о наличии более или менее лингво-ориентированных культур. Группы с сильным ощущением и осознанием своей этнической идентичности, также как и лингво-ориентированные, имеют более крепкие связи с языком своей этнической группы, в то время как группы со слабой идентичностью, меньше придающие значение языку, легче ассимилируются и расстаются со своим языком» [17].

Ногайский народ прошел сложный, разнообразный по формам государственности, условиям общественной жизни, этногенезу исторический путь. Ряд трагических событий в истории ногайцев: не прекращавшаяся на протяжении веков междоусобная борьба, джунгарское нашествие (17в.), массовые миграции и массовый исход в Турцию в период Кавказской войны (18-19вв.), карательная экспедиция А. Суворова в Западном Предкавказье (1783г.), бесчисленное перекраивание территорий проживания ногайцев уже в советское время (1922г., 1924г., 1928г., 1944г., 1957г.,) – обескровил этнос, воспрепятствовав тем самым поступательному наращиванию его духовного потенциала [9; 16, с.7]. Геополитические и социально-экономические условия существования, дисперсное проживание, языковая политика советского государства, а также процессы социокультурной модернизации привели к трансформации и ослаблению культурно-языковой устойчивости ногай-ского этноса.

На современном этапе одной из важных особенностей национального вопроса ногайского народа является интенсивность трудовой миграции. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность ногайцев в Ханты-Мансийском автономном округе составляет 5323чел., в Ямало-Ненецком автономном округе –3504 чел., Красноярском крае –950чел, крупные ногайские общины образованы в городах Якутск, Москва, Санкт-Петербург. Высокий уровень миграции ведет к нарушению этнодемографического баланса, отторжению от национальной культуры, потере языка, разрушению коренных этнических традиций и ценностей. Одним из важных параметров, определяющих витальность любого

языка, является демографическая мощность языка, определяемая числом лиц, владеющих данным языком, а не количеством лиц, входящих в этническую группу [15]. Ногайцы, проживающие в иноэтнической среде малыми диаспорами, быстро ассимилируются, начинают забывать свой язык уже во втором поколении, что приводит к деформации этнокультурного самосознания и разрушению этнических социокультурных традиций. Самым губительным для малых языков предрассудком, широко распространенным в разных странах и доставшимся современному цивилизованному миру «как тяжелое наследие недоброго взгляда на малые языки в прошлом, является представление о том, что полностью овладеть языком большинства, открывающим путь к образованию и карьерному росту, можно только отказавшись от своего этнического языка» [7, с.19].

Радикальные изменения, происходящие как в мире, так и в российском обществе в последнее время, актуализировали тему этнического бытия. Адекватной реакцией на процессы глобализации стали «этническая революция», «этническая экспансия», «этническая мобилизация» во всех сферах жизни социума, еще большее стремление народов сохранить свой язык, культуру, идентичность, традиции и обычаи. Нарастание этнических конфликтов заставило многих ученых кардинальным образом пересмотреть прежние парадигмы, отказаться от старого «наследства», от теорий «естественного угасания этничности». Россия приступила к поиску собственного пути национального государственного строительства с учетом богатейшего наследия прошлых веков» [6].

Основой регулирования языковой ситуации является законодательная правовая база. По законодательству РФ все граждане обладают правом пользоваться родным языком независимо от места проживания. В настоящее время в девятнадцати республиках — субъектах Российской Федерации – приняты законодательные акты, закрепляющие статус национальных языков как государственных. Статус государственного имеют такие языки, как абазинский, аварский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карельский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, хакасский, якутский и др. Тем самым эти разные по уровням структурного и функционального развития, количеству носителей и длительности письменных традиций языки получили равный юридический статус. Закон «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» принят Народным Собранием КЧР в 1996 году. Провозгласив язык государственным, республика должна «принять на себя комплекс обязательств в отношении преподавания этого языка во всех общеобразовательных школах, средних и частично высших учебных заведениях, в издании учебно-методических пособий, художественной и научно-популярной литературы, использовании языка в СМИ. Вместе с тем необходимо соблюдать приоритеты в употреблении общегосударственного и государственного языка республики, не допускать дискриминации как титульного, так и не титульного населения» [1].

С начала 90-х годов 20 века предпринимаются различные меры по поддержке миноритарных языков: принимаются государственные программы развития языков, законы о государственных языках, повышающие их статус, ведется работа по нормированию языков, издается литература на национальных языках и др. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. Это объясняется тем, что «доминантная культура воспринимается национальными меньшинствами как более престижная. Культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство является устойчивой и долговременной тенденцией» [18]. В данном случае мы полностью разделяем мнение профессора В.Р. Ярцевой, что «только отношение народа к своему языку даст больше гарантий его сохранения, чем усилия всех лингвистов мира» [19, с.14].

Существует прямая зависимость между количественным показателем социальной функции языка и жизнеспособностью этого языка и его использованием в важных сферах общественной жизни (в сфере образования, науки, массовой коммуникации, административной деятельности, суде, социально-политической деятельности и др. [3]. Как известно, национальные языки, в том числе и ногайский, не используются в федеральных и региональных органах власти, в местных административных единицах, в суде и законодательных органах и т.д.

Рассмотрим более подробно собственно лингвистические параметры, влияющие на витальность ногайского языка.

Современный ногайский алфавит состоит из 37 простых и сложных букв. Он построен на основе русского алфавита с добавлением четырех букв, обозначающих специфические звуки ногайского алфавита: сонорного *нъ* и гласных *аь, оь, уь.* Алфавит ногайского языка

в количественном отношении сравнительно небольшой, что является положительной стороной. Однако в качественном отношении его нельзя считать вполне удовлетворительным, т.к. в нем имеются недостатки, присущие многим алфавитам. Как известно, использование двузнаковых букв *(аь, оь, уь, нъ)* считается недостатком любой графики.

Удобство алфавита определяется, прежде всего, его соответствием фонетической системе, полным отображением в знаках-буквах гласных и согласных звуков-фонем данного языка[8, с.14-15]. В этом отношении ныне действующий ногайский алфавит имеет серьезные недостатки: ряд знаков-букв используется для обозначения различных по количеству и качеству звуков. Так, буква **«и»** в ногайском языке употребляется:

а) для передачи краткого редуцированного ногайского звука [и]: *билим* «знание», *кийим «одежда»* и др.; б) для передачи русского узкого звука [и] в заимствованиях: *институт, телевизор, Интернет, физика и др.;*

Буква **«у»** в ногайском языке обозначает:

а) редуцированный полуузкий [у] : *ун* «мука», *уста* «мастер» и др.; б) русский лабиализоваанный звук [у] в заимствованиях: *указ, устав, студент;*

Буква **«в»** в ногайском языке обозначает:

а) губно-губной [в,] *соот.w*]; *тав* «гора», *вакыт* «время», *увыт* февраль; б) губно=зубной русский согласный [в]: *вагон, взнос, вокзал и др.;*

Буква «**к**» употребляется для обозначения двух звуков:[къ]-[к]: *кол-коьл, кыр-кир,кул- куьл;* буква »г» употребляется для обозначения звуков [гъ]-[г] *кагыт,соган; сегиз, йигит и т.д.*

Много вопросов возникает по орфографии сложных слов *(туздаьм –туз-даьм; бесиктой – бесик той, сувяга –сув яга*); заимствований *(тарих – тарыйх – тарийх, шайыр-шаьйир-шайир, насыйхат –насихат),* отдельных лексических единиц*: шегертки-шегертке, оьрмекшин-оьрмекшен, куьлетки - коьлетки* и др.

Реформирование ногайского алфавита и правил орфографии обусловлено тем, что современный ногайский алфавит и орфография не исходят из основных особенностей звукового состава и законов орфографии современного ногайского языка. Затрудняет работу отсутствие Орфографического словаря ногайского языка. Изданный небольшим тиражом Свод орфографических правил ногайского языка (1999) не охватывает всего многообразия возможных вариантов правописания слов. Актуальными остаются проблемы совершенствования орфоэпических норм современного литературного языка, разработка функциональных стилей, подготовка и издание академической грамматики, словарей различных типов и др.

Как известно, словари являются одним из важных компонентов национальной культуры. С горечью приходится констатировать, что в XXI веке ногайская лексикография располагает лишь несколькими словарями: Русско-ногайский словарь (М., 1956); Ногайско-русский словарь (М., 1963); Русско-ногайский словарь общественно-политических терминов (Черкесск,1981); Ногай тилининъ фразеологиялык соьзлиги (Черкесск, 1991), Ногайский язык, его лексическое богатство, уникальная культура ногайского народа, в связи с отсутствием словарей, остаются недоступными для носителей других языков.

Следует отметить острую нехватку кадров – специалистов по всем отраслям ногаеведения (социология, искусствоведение, культурология, лингвистика, литературоведение, фольклористика, история); наряду с сохранением и развитием традиционных отраслей исследований предстоит освоение новых (этнолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, лингвистическая география, этнология и др.)

Устойчивость языков возрастает, когда они становятся формой национальной культуры, художественной литературы. Книгоиздание на языках малочисленных народов нуждается в государственной поддержке, отсутствие которой может привести к полному исчезновению книжной культуры. Книгопечатание на языках народов Карачаево-Черкесии развивалось, когда Государственный комитет РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат РСФСР) централизованно финансировал и жестко контролировал издание национальной литературы в автономных республиках и областях. Под особым контролем находилось печатание учебников и методических пособий по родным языкам и литературе, учебники на национальных языках переиздавались один раз в четыре года. В 2000 г. выпуск национальной литературы в Карачаево-Черкесском республиканском книжном издательстве (КЧРКИ) значительно снизился. В 2002-2004 гг. выпуск учебников и методических пособий (а также художественных произведений писателей и поэтов) на родных языках народов Карачаево-Черкесии из-за отсутствия средств был прекращен.

В указанный период в КЧРКИ на национальных языках ее народов не вышло ни одной книги. Из 6 учебников, запланированных к изданию в 2005 г. не опубликовано ни одного. В 2000–2013 гг. Карачаево-Черкесским республиканским книжным издательством на ногайском языке издано 15 названий книг, однако в данном репертуаре полностью отсутствует детская литература. В настоящее время национальная школа КЧР испытывает острый дефицит учебной литературы, так как она обеспечена по абазинскому, карачаевскому, ногайскому и черкесскому языкам и литературе менее чем на 50%. В XXI в. учащиеся Карачаево-Черкесии должны получить новые учебники по родным языкам и литературе, написанные в соответствии с современной Концепцией образования Российской Федерации»[10, с.149,152]. Следует отметить ограниченное количество интернет-ресурсов о ногайском народе, языке и культуре; должно появиться гораздо больше разных источников информации, чтобы ребенку в век информационных технологий было интересно обучаться родному языку.

Одним из важных факторов, влияющих на сохранение языка, являются оценочные установки самой этнической группы по отношению к языку, ведущие к желанию или нежеланию учить его и передавать следующим поколениям. Действительно, если сам этнос решает, что выгоднее или престижнее говорить на языке большинства, то процесс языкового сдвига (термин Дж. Фишмана) набирает темп, и, наоборот, языковой сдвиг можно замедлить, а возможно, и остановить, если носители миноритарного языка осознают его национально-культурную ценность [17].

С целью сохранения и всестороннего развития ногайского языка, расширения его общественных функций как одного из государственных языков КЧР, неотложной задачей является разработка, принятие и дальнейшая реализация Программы по сохранению, изучению и развитию ногайского языка. Культурное наследие прошлого и культурное достояние современной России – это совокупность языков и культур всех народов, населяющих нашу необъятную страну, и сохранение этого достояния – одна из приоритетных задач государства и общества.

1. Баскаков А.Н. Тюркские языки: судьбы и прихоти //Татарский мир. –2003. – №15.

2. Беликов В.И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. – М., 2001.

3. Булгарова М.А. О проблемах функционирования современного ногайского языка //Язык и общество на пороге тысячелетия: итоги и перспективы. – М., 2001. – С.33-35.

4. Губогло М.Н. Переломные годы. Мобилизованный лингвицизм. – М., 1993. – Т. 1.

5. Данакари Р.А. Феномен этнического бытия: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2007.

6.Джанабаева Г.Д. Эстетика каракалпакской народной художественной культуры: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук.– Москва, 2003.

7. Представление языков народов России и стран СНГ в российском сегменте Интернета. Семинар Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегионального центра библиотечного сотрудничества в рамках Международной конференции «EVA 2007 Москва»: Сборник докладов. – М.:Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008.

8. Калмыкова С.А., Саруева М.Ф. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1973. – Ч. 1.

9. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. – 2000.

10. Курмансеитова А.Х. Книжное дело народов Карачаево-Черкесии на рубеже XX – XXI вв. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2009. – №6 ноябрь-декабрь. – С. 149, 152.

11. Мусаев К.М. Современные проблемы терминологии на тюркских языках СССР // Советская тюркология. – Баку, 1986. – № 4. – С. 18-30.

12. Мусаев М.-С.М. Современные социолингвистические проблемы в северокавказском полиэтническом регионе //Актуальные проблемы синхронного, диахронического и контактного анализа языков Дагестана и Северного Кавказа на пороге третьего тысячелетия.– Махачкала, 2001.

13. Самойлова М.Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание.– 2009. – №1.

14.Сикалиев А. И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы. // Советская тюркология. – 1987. – № 4. – С. 131- 135.

15. Словарь социолингвистических терминов/Отв. ред.: В.Ю.Михальченко. – М., 2006.

16. Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2006.

17. Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2009.

18. Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н., Шилов Н.В. Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов РФ: поиск модели // «Регионология» (Саранск) – 2009. – №2.

19. Ярцева В.Н. О судьбах языков в современном мире // Известия /АН СССР. Т.52. – №2. – С.3-15.

ҚҰЛЖАНОВА Б. Р.
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
г. Алматы, Республика Казахстан

ОРТА ҒАСЫР ТҮРКІ ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІ ТІЛІНДЕГІ ЛЕКСИКАЛЫҚ-ТАҚЫРЫПТЫҚ ТОПТАР

.

Ақиқат дүние заттардың қалай болса солай жинақтала салынған қоймасы емес. Заттар өзара байланысып, белгілі бір заңдылықтар, тәртіптер бойынша ұштасып жатады. Нақ осылайша сөздер де сөздік құрамда кездейсоқ жинақталмаған, олар да өзара байланысып, жүйе-жүйе болып жатады. Заттар мен құбылыстардың белгілерін, амал-әрекеттерін жалпылау, өздеріне тән ерекшеліктерін анықтау – олардың арасындағы байланыстарды ашу деген сөз. Ақиқат дүниедегі заттарда, құбылыстарда өмір сүретін жеке-жеке белгілер, қасиеттер сөз арасындағы байланыстың негізі болып қаланады [1, 19-б.]. Әлбетте, заттар арасындағы байланыс пен сөздер арасындағы байланысты ашу үшін лексика-тақырыптық топтарға бөлу тәсілі тіл білімінде жиі пайдаланылады.

«Қутадғу билиг» және «һибат-ул хақайиқ» ескерткіштері тілінде ұшырасатын зат есімдерді лексикалық-тақырыптық топтарға бөлгенде олардың қай әдеби мұраға тән екендігін де көрсетіп отырмыз. ҚБ – «Қутадғу билигке» ғана тән, һХ – «һибат-ул хақайиққа» ғана тән, ҚБ, һХ екі ескерткішке де тән деген мағына береді. Сонымен қатар осы мақалада ескерткіштер тілі мен қазақ тіліне ортақ сөздердің өзге түркі тілдерінен фонетикалық формасы жағынан қандай өзгешеліктері бар деген сұраққа да мүмкіндігінше жауап қайтарылды.

1. **Адамның дене мүшелеріне байланысты атаулар:** *йүрәк* ҚБ (жүрек), *меңгиз* ҚБ (бет, жүз), *тамур* ҚБ (тамыр), *бурун* ҚБ (мұрын), *баш* ҚБ, һХ (бас), *алын* ҚБ, һХ (маңдай), *қан* ҚБ, һХ (қан), *eң* ҚБ, һХ (бет, жүз), *агыз* ҚБ, һХ (ауыз), *тиш* ҚБ, һХ (тіс), *тил* ҚБ, һХ (тіл), *адақ* ҚБ, һХ (аяқ), *көз* ҚБ, һХ (көз), *қаш* Қб, һХ (қас), *йүз* ҚБ, һХ (бет, жүз), *елиг* ҚБ, һХ (қол), *йилиг* һХ (сүйек майы), *сүңәк* һХ (сүйек), *көкс* һХ (кеуде), *бут* һХ (бұт) т.б.

Адамның дене мүшелеріне байланысты атаулардың көпшілігі көне түркі жазба ескерткіштеріне ғана емес, қазіргі түркі тілдеріне де ортақ. Бұл олардың түркі тілдері лексикасының ең көне қабаты екендігін көрсетеді. Ескерткіштерде жиі пайдаланылатын сөздерді қазіргі оғыз, қарлұқ-ұйғыр, қыпшақ тілдеріндегі ұқсас сөздермен өзара салыстырғанда мынадай фонетикалық айырмашылықтар байқалады: **баш** түр., аз., башқ., қырғ., тат., түркм; ұйғ., **бош** өзб., **бас** қаз., ног.; **тиш** башқ., қырғ., өзб., тат., ұйғ.; **диш** түр., аз.; **дииш** түркм.; **тіс** қаз., ног.; **қаш** түр., башқ., қырғ., тат., ұйғ; **ғаш** аз.; қош өзб.; **ғааш** түркм.; **қас** қаз., ног. Сөз соңындағы **с** – қыпшақ тілдерінің белгісі болса, **ш** – оғыз тілдерінің белгісі.

2. **Туысқандық қатынасты білдіретін атаулар**: *ата* ҚБ, һХ (әке), *ана* һХ (шеше), *огул* ҚБ, һХ (ұлы, баласы), *оглан* ҚБ (ұлы, ұлан), *күдәгү* ҚБ (күйеу), *евчи* ҚБ (әйел), *тиши* ҚБ, һХ (әйел), *қадын* ҚБ (қайын ата), *қарындаш* ҚБ (бауыр), *қадаш* ҚБ (қандас, бауыр), *уры* ҚБ (ер бала, ұрпақ), *кенч* ҚБ (сәби), *өг* Қб (өгей шеше) т.б.

3. **Адамның сапа, қасиеттеріне байланысты атаулар**: *өгә* ҚБ (дана), *бөгү* ҚБ (данышпан), *тоңа* ҚБ, һХ (теңдесі жоқ батыр), *агын* ҚБ (мылқау), *саран* ҚБ (сараң),

қунуқ ҚБ (көзбояушы), *телтүк* Қб (жарымес), *йаңшақ* ҚБ (мылжың), *көзсүз* ҚБ (соқыр), *билигсиз* ҚБ, һХ (надан), *туңу* ҚБ (мылқау), *бөгә* ҚБ (батыр), *теши* ҚБ (мешкей), *йавуз* ҚБ, һХ (жауыз), *ақылық* ҚБ (жомарттық), *аваг* ҚБ (қыңырлық, кесірлік) т.б.

«Қутадғу билиг» те, «һибат-ул хақайиқ» та дидактика тақырыбына арналған поэзиялық туынды. Оларда үгіт-насихат, ақыл-кеңес беріліп, адамдарды адамгершілікке, шыншылдыққа, сыпайылыққа, шынайы кісілікке, тағы басқа асыл қасиеттерге тәрбиелейді. Шығармаларда бастан-аяқ адам факторына көңіл бөлінгендіктен, адам туралы, адамның табиғаты, көңіл күйі, психологиясы, мінез-құлқы, әдет-ғұрпы, салт-санасы туралы сан алуан атаулар қамтылған. Тақырыптық топтарға бөлгенде олардың үлесі көп болатындығы осы себептен.

4. **Мамандықты, кәсіп иесін білдіретін сөздер**: *етүкчи* ҚБ (етікші), *күтчи* ҚБ (шопан), *отачы* ҚБ (дәрігер), *идишчи* ҚБ (шарап құюшы), *тончы* ҚБ (киім тігуші), *тугчы* ҚБ (барабаншы), *ишчи* ҚБ (жұмысшы) т.б.

5. **Діни наным-сенімдерге байланысты атаулар**: *байат* ҚБ, һХ (құдай), *бирлыг* һХ (құдайдың жалғыздығы, даралығы), *савчы* ҚБ (Алланың елшісі), *йалавач* ҚБ (елші, хабаршы), *йек* ҚБ (жын, пері), *тамуг* ҚБ (тозақ), *тамулуг* ҚБ (тозақтық), *уган* ҚБ, һХ (құдіретті, тәңірі), *тәңрилиг* ҚБ (тәңірілік, құдайға ұнайтын), *уштмаһ ~ уджмақ* ҚБ (жұмақ), *иди* ҚБ, һХ (жаратушы құдай, ие) т.б.

«Қутадғу билиг» пен «һибат-ул хақайиқ» ескерткіші тілінің бір ерекшелігі орхон-енисей ескерткіштерінде өте жиі қолданылатын **тәңірі** (құдай) атауы қолданылмаған. Ол кейбір туынды сөздердің құрамында ғана кездеседі. Сірә, бұл көп құдайшылық сенімін ығыстырған ислам дінінің әсерінен болса керек. Сондай-ақ қазіргі түркі тілдерінде аса жиі пайдаланылатын жаратушы есімдері **Алла** мен **Құдай** да өлең жолдарында бірде-бір рет айтылмаған. Соңғы екі сөзді кейінгі замандардың жемісі деп түсінеміз. «Расул, пайғамбар» сөздерінің орнына **савчы, йалавач** сөздерінің қолданылуы да XI-XII ғасырлар ақындарынынң әлі де ескі сарыннан арыла алмағанын, ислам терминологиясының қалыптаса қоймағанын көрсетеді.

6. **Аспан денелерінің атаулары**: *Қозы* ҚБ (Қозы шоқжұлдызы), *Учық* ҚБ (Шаян шоқжұлдызы), *Улгу* ҚБ (Таразы шоқжұлдызы), *Йашық* ҚБ (Күн планетасы), *Йалчық* ҚБ (Ай планетасы), *Үлкәр* ҚБ (Үркер шоқжұлдызы), *Бақыр* ҚБ (Қызыл жұлдыз, Марс планетасы*), Севит* ҚБ (Шолпан планетасы), *Көнәк* ҚБ (Көнек шоқжұлдызы), *Қучық* ҚБ (Шаян шоқжұлдызы), *Ай* ҚБ (ай), *йула* ҚБ (аспан шырақтары), *йулдыз* Қб (жұлдыз) т.б.

7. **Жыл мезгілдерін, уақытты білдіретін сөздер**: *йаз* һХ ~ йай ҚБ (жаз), *қыш* ҚБ (қыс), *күз* һХ (күз), *ай* ҚБ (ай, уақыт, өлшемі), *тогар* ҚБ (шығыс), *таң* һХ (таңсәрі, азан), *түн* ҚБ, һХ (түн), *күн* ҚБ, һХ (күн, күндізгі мезгіл), *күндүз* ҚБ, һХ (күндіз) т.б.

8. **Үй жануарларының аттары**: *мал* һХ (мал), *йылқы* ҚБ (жылқы), *қой* ҚБ (қой), *уд* ҚБ (сиыр), *ат* ҚБ (ат), *қозы* ҚБ (қозы), *титир* ҚБ (түйенің бір түрі), *тай* ҚБ (тай), *бугра* ҚБ (бура), *өкүз* ҚБ (өгіз), *буқа* ҚБ (бұқа), *қатыр* ҚБ (қашыр), *көгүт* ҚБ (ат), *ит* ҚБ (ит), *көпәк* ҚБ (көпек ит), *мүйүз* ҚБ (мүйізді жануарлар), *үгүр* ҚБ (табын), *йунд* ҚБ (жылқы) т.б.

9. **Металл аттары**: *бақыр* ҚБ (мыс), *темур* ҚБ (темір), *алтын* ҚБ (алтын).

10. **Киім-кешекке байланысты атаулар**: *бөрк* ҚБ, һХ (бөрік), *чөгә* ҚБ (шапан), *кедзүт* ҚБ (халат), *кедим* ҚБ, һХ (киім), *өрүм* ҚБ (жүннен тоқылған көйлек), *тон* ҚБ, һХ (киім), *кейим* һХ (киім), *йадзым* ҚБ (төсеніш), *төшәк* ҚБ (*төсек*), *көшик* ҚБ (перде), *ешүк* ҚБ (жамылғы), *йақа* ҚБ (жаға) т.б.

11. **Әшекей атаулары**: *безак* ҚБ, һХ ~ *бедиз* ҚБ (әшекей), *туш* ҚБ (алтын белбеу), *үстем* ҚБ (алтын шашбау), *авынчу* ҚБ (білезік), *кисаһ* һХ (кісе) т.б.

12. **Әлеуметтік, қоғамдық-саяси атаулар**: *хақан* ҚБ (қаған), *хан* ҚБ (хан), *орун* ҚБ (тақ), *орду* ҚБ (орда), *қаршы* ҚБ (хан сарайы), *йезәк* ҚБ (қарауыл), *йумуш* ҚБ (елшілік), *қул* ҚБ, һХ (құл), *бек* ҚБ, һХ (бек, билеуші), *чылбаши* һХ (хан сарайындағы шен), *қарабаш* ҚБ, һХ (қызметші әйел), *йармақ* ҚБ (ақша), *төрә* ҚБ (заң), *йосун* ҚБ (әдет-ғұрып), *түнәк* ҚБ (түрме), *йарлық* ҚБ (бұйрық), *байлық,* Қб, һХ (байлық), *ачыг* ҚБ (тарту-таралғы) т.б.

13. **Әскери-соғыс ісіне қатысты атаулар**: *чериг* ҚБ (әскер), *тоқыш* ҚБ (соғыс), *туг* ҚБ (барабан), *оқ* ҚБ, һХ (оқ), *қалқан* ҚБ (қалқан), *күвруг* ҚБ (барабан), *бөгдә* ҚБ (қанжар), *тохум* ҚБ (қару-жарақ), *кемә* ҚБ (қайық), *йа* ҚБ (жақ), *тума* ҚБ (қалқан), *йышыг* ҚБ (сауыт), *қуйаг* ҚБ (сүңгі), *қылыч* ҚБ (қылыш), *кесимчи* ҚБ (сарбаз, жауынгер), *тамга* ҚБ (мөр) т.б.

14. **Әр түрлі құрал-жабдықтардың, саймандардың аттары**: *ав* ҚБ (ау), *тузақ* ҚБ, һХ (тұзақ), *аг* ҚБ (тор), *қармақ* ҚБ (қармақ), *тор* Қб (тор), *шату* ҚБ (саты), *үзәңү* ҚБ (үзеңгі), *кишән* ҚБ (кісен), *чигән* ҚБ (жүген) т.б.

15. **Дерексіз ұғымдарды білдіретін зат есімдер:** *көни* ҚБ, һХ (адалдық), *емгак* ҚБ, һХ (бейнет), *ердам* һХ (қасиет, өнер), *кевинч* ҚБ (қуаныш), *уқуг* ҚБ (ұғым), *шат* ҚБ (батылдық), *керту* һХ (шын, ақиқат), *йалган* ҚБ, һХ (жалған), *чын* ҚБ, һХ (шын), *ал* ҚБ (алдау) т.б.

Жоғарыда санамаланған тақырыптық топтардың арасында мына зат есімдер қазіргі түркі тілдерінде жиі пайдаланылады: **темүр** қаз., қырғ.,ног., өзб.; **демир** түркм., түр., **дәмир** аз., **тимир** башқ., түркм., **төмүр** ұйғ., **темир** ног.;; **алтын** түр., башқ., қаз қырғ., ног., тат., түркм., **олтын** өзб., **алтун** аз., ұйғ.; **йақа** түр., аз., тат. түркм., ұйғ., **йаға** башқ., **жаға** қаз., **джақа** қырғ., **йоқа** өзб., **яга** ног.; **оқ** түр., өзб., қаз., қырғ., ног., түркм., ұйғ., аз., **уқ** башқ., тат.; **қалқан** түр., башқ., қаз., қырғ., тат., ұйғ., **ғалқан** аз., түркм., **қалқон** өзб., **қылыч**. **қылыш** түр., қаз., қырғ., ног.,өзб., тат., түркм., ұйғ., **қылынж** аз., **қылыс** башқ.; **тузақ** түр., **дузағ** аз., **тозақ** башқ., ұйғ., тат., **дузақ** түркм., **тузоқ** өзб., **тұзақ** қаз., қырғ., ног.;; **қудуғ** еск.**, қуйу** түр., **ғуйу** аз., **қойо** башқ., **қойы** тат., **ғуйы** түркм., **қудуқ** қырғ., өзб., ұйғ., **құдық** қаз.;**куйы** ног.;**бичағ** аз., **бисақ** башқ., **пышоқ** өзб., **пишақ** тат., түркм., ұйғ., **пышақ** қаз.,ног.; **безәк** ұйғ., өзб., **безек** қаз., ног., түр., **бәзәк** аз., **бизәк** башқ., тат., **безег** түркм.; **бусаға** башқ., тат., **босоғо** қырғ., **босаға** қаз., ног.,өзб., түркм. [5, 1183 б.]

Орта ғасырлардағы түркі жазба ескерткіштерінің тілі жөнінде Б. Сағындықұлы былай деп жазады: «Дұрысы, әр нәрсені өз атымен атаған орынды. XI-XII ғасырлар аралығындағы халық арасында тараған жазба әдебиеттің кез келген үлгісін **Көне түркі әдеби тілінде** жазылған деп есептесек қателеспейміз. «Көне әдеби тіл» деген түсінікке қазіргі әдеби тіл ұғымы тұрғысынан келу қисынсыз. Мәселе ертеректе бір

әдеби дәстүрдің, бір әдеби тілдің әр түрлі аймақта, әр түрлі кезеңде сан алуан рең алып, өз ерекшеліктерімен көрінуінде. Нақтырақ айтқанда, көне түркі әдеби тілінің бірнеше тармақтары, немесе варианттары болды. Мысалы, оғыз-қыпшақ, көне түрікмен, көне өзбек, қыпшақ-оғыз т.б. әдеби тілі деп жүргеніміз Еділ өзені бойында, Орта Азия мен Қазақстанда қалыптасқан көне түркі әдеби тілінің әр түрлі тармақтары немесе көріністері. Олардың қай-қайсысының да диалектілік негізі – белгілі бір тайпаның тілі. Біз әңгімелеп отырған Қарахан мемлектінің әдебиетіне қай тайпаның тілі диалектілік ұйтқы болған? Біздіңше, **арғу, чығыл** (чігіл) тайпалары. Мұны атышулы Махмуд Қашғаридің мәліметіне сүйеніп айтып отырмыз. Ол өзінің сөздігінде көптеген сөздердің тұсына лексикалық белгі қойып, қай тайпа тіліне қатысты екендігін, яғни сол тайпадан өзге тайпаларда кездеспейтіндігін көрсетіп отырған. Қарахан әдебиетінде жиі және жаппай қолданылатын бірқатар сөздердің арғу, чығыл тайпаларының сөзі екендігі қалтқысыз дәлелденіледі. Мысалы, *үрүң* (ақ), *ажун* (дүние), *йарлыг* (жарлық), *оң* (сол емес), *құм* (құм), *мүч* (мысық) – чығыл сөздері болса, *байат* (құдай), *тархан* (лауазым атауы), *қану* (қайсы), *чыган* (кедей) т.б. – арғу сөздері. Мұның үстіне арғу, чығыл тайпаларының Махмуд Қашғари көрсеткен фонетикалық, грамматикалық белгілері «Құтадғу билиг» пен «Һибат-ул хақайиқта» жеткілікті.

Осы пікірге қосыла отырып, екінші жағынан, арғу, чығыл тайпаларының мұрагерлері жоқ екендігін, өздері заман ағымына қарай бірнеше ұлттың құрамына еніп сіңісіп кеткендігін ескере келе, «Құтадғу билиг» пен «Һибат-ул хақайиқ» *Көне түркі әдеби тілінің огыз вариантында* жазылған деуге, біздіңше, толық негіз бар. Зат есімдерді түбегейлі зерттеу барысында осындай тұжырымға келіп отырмыз. Әлбетте, болашақтағы ізденістер бұл қорытындыны тереңдете түсетіні шүбәсіз.

1. Сағындықұлы Б. Қазіргі қазақ тілі. Лексикология. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 1-бөлім. – 101 б.
2. Томанов М. Тіл тарихы туралы зерттеулер. – Алматы: Ғылым, 2002. – 616 б.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Под ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с.
4. Сағындықұлы Б. «Һибат-ул хақайиқ» – XII ғасыр ескерткіші. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 184 б.
5. Karşılastırmalı türk lehçeleri sözlüğü. – Ankara: Kültür Bakanlığı, 1991. – 1183 s.

МАГОМЕДОВ Д. М.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра РАН
г. Махачкала, Россия

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Языковая форма пословиц в значительной степени определяется их основными чертами: обобщающим характером содержания, фольклорным происхождением, а также преимущественно обиходно-разговорной сферой употребления.

Анализ синтаксической структуры пословиц аварского языка показывает, что они существуют в виде разнообразных предложений: простых и сложных. Простые предложения делятся в свою очередь на повествовательные и побудительные. Повествовательные предложения могут иметь как утвердительную, так и отрицательную семантику, например, ср.:

Метер семиялдаса жакъа рагъи лъикI «Лучше сегодняшняя драка, чем завтрашняя ссора». *МагIарде гIазу бани, гIурухъе цIорой кколеб* «Если снег выпадет в горах, у речки становится холодно». *Араб жо нахъ буссунареб* «Что прошло, не вернется». *Араб къо буссунареб, къокъав халалъуларев* «Ушедший день не вернется, короткий (человек) длинным не становится». *Араб кIоченчIесда бачIунебги лъазе бегьулеб* «Тот, кто не забыл прошлое, возможно, узнает и будущее» *Араб те, щвараб ккве* «Ушедшее оставь, нашедшее держи» и др.

Предложение в аварских пословицах и поговорках распадается на две группы составляющих его элементов: группу подлежащего и группу сказуемого.

В аварском языке падежом подлежащего могут быть именительный (абсолютив), эргативный и дательный падежи, например, ср. ***Эбел*** *йихьун, яс яче, эмен вихьун, дурц гьаве* «смотря на маму, женись на ее дочери, смотря на отца - заведи зятя». ***Васас*** *лъади ячиндал гьетIараб эбелалъул мугъ, яс росасе индал битIарабила* «Когда сын женился, согнулась спина у матери, когда дочь вышда замуж, выпрямилась спина у матери». ***Васасдаги*** *божуге, дурго beралда гIадин* «Сыну не верь, как глазам своим». ***Васасе*** *ирсалъе тараб месед-гIарацалдаса гьесие къураб махщел бергьунебила* «Чем богатство(золото-серебро), оставленное сыну в наследство, лучше мастерство». ***Васасе*** *ригьин, лъидаго гьикъичIого, гьабе,* ***ясалъе*** *ригьин, нусгоясда гьикъичIого, гьабуге* «Свадьбы сыну сыграй, не спрашивая никого, свадьбу дочери не играй, пока не спросишь у ста (человек)».

Многопадежность в оформлении подлежащего в аварском языке объясняется особым синтаксическим типом данного языка. Аварское предложение считается предложением эргативной конструкции, так как основным критерием, согласно которому то или иное предложение считается предложением эргативной конструкции, является оформление подлежащего эргативом. Известно, что падеж подлежащего, следовательно, и тип конструкции предложения, в языках эргативного строя, к которым относится и аварский язык, зависит от семантики и характера глагола-сказуемого. Вследствие этого в предложениях, где сказуемое выражено переходным глаголом, подлежащее оформляется эргативом.

Абсолютив в аварском предложении может выполнять функции подлежащего при непереходных глаголах, например: *Оц хвани – гьан, гьоко хвани – цIул* «Если бык сдохнет – мясо, если карета сломается – дрова». *Оц хIалакълъичIони, хъизан гIорцIулареб* «Если бык тощим не станет, семья не будет сытой». При этом основным значением абсолютива, кроме субъектного, является также и объектное. Указания на способность абсолютива выполнять функции субъекта и объекта содержится во всех работах по синтаксису или падежным системам дагестанских и других языков эргативной типологии.

Сказуемое в аварском языке может быть глагольным или именным со связкой. В качестве глагольного сказуемого в аварских паремиях выступают простые, производные и сложные глаголы, например: *Лъай гьечIевгIан чиясе* ***мальъаризе бокьулебила*** «Чем меньше знаний у человека, тем больше он **любит поучать** других». *Махщалица нилъеда квен* ***гьаруларо****, жинцаго нилъее* ***къола*** «Мастерство **не просит** у нас пищи, а само **дает** нам».

Глагольная связка в аварском языке наличествует и в настоящем времени. В роли связок в паремиях выступают *буго* «есть» и *букIине* «быть, становится». Например: *Квешаб* ***жо*** *гIемер* ***буго****, бищунго квешазул цояб* ***мискинлъиги буго*** «Плохих **вещей** очень **много**, одна из самых плохих **(вещей)** – **нищета**». *ГIадамазда гьорлъ вукIине лъайги кIудияб* ***гIелму буго*** «Умение находиться среди людей **есть** большая **наука**».

Среди аварских поговорок встречаются также односоставные предложения, характеризующиеся отсутствием глагольных форм, состоящие из одного подлежащего, выраженного именем существительным и распространенного относящимся к нему определениями, например: *ЦIорода чIараб хIама гIадин* (о беспомощьном человеке) «(остаться) как осел на льду». *Какалдаса квен цебе* «раньше молитвы – еду». *Катие – бертин, гIонкIкIое – балагь* «кошке – свадьба, мышке – трагедия». *Катил тухум – цойила* «кошачье семейство – одно» и т.д.

Побудительные предложения могут выражать побуждение совершить то или иное действие или запретить производить какое-либо действие с глаголом в повелительном наклонении, например, ср.: *Оцода бече гьабеянги абуге, гIака гьакидаги баге* «не проси быка родить теленка, не запрягай корову в телегу». *Нахъ буссун дудаго речIчIулеб чIор рехуге*

«не пускай стрелу, которая к тебе же вернется». *Кванай вакъидал, рокьи гIолохъанго гьабе* «ешь если голоден, люби смолоду». *Нахъа мунго рекIекълъулеб рагIи бицунге* «не говори слово, из-за которого потом пожалеешь». *Каву къаси рахай, гьамас кидаго рахай* «ворота закрывай вечером, сундук закрывай всегда». *Нахърател, лъимал гIисин рукIаго, гьабе* «экономь, пока дети еще маленькие». *Кваналел ратани, кванай, хIалтIулел ратани, хIалтIе* «если найдешь работающих (людей), работай, если найдешь кушающих (людей), кушай». *Нильерго хъорщода чиниги тун, чияр горда бугеб щагIида бахиллъуге* «не замечая на своей полке эмалированной посуды, не завидуй керамической посуде на чужом окне». *Катида цебе мохмох тоге, гIун хадуй рокьой ясги тоге* «не оставляй сала перед кошкой, не оставляй взрослую дочь дома».

Корпус аварских пословиц, имеющих структуру сложного предложения, включает как сложносочинённые конструкции, так и сложноподчинённые, например, ср.: *МагIарде вахани-ги, гьитIинав кIодолъуларевила, гвандиниве реханиги, кIудияв гьитIинлъуларевила* «если даже поднимется на гору, маленький (человек) взрослым не станет, если держать большого (человека) в яме, он маленьким не станет». *КваначIого хIалтIани, черх нахъе кколеб, хIалтIичIого кванани, рукъ нахъе кколеб* «если работать, не поев, здоровье будет слабым, если кушать, не работая, достатка в доме не будет». *Жакъа кваназе кколеб метералде тейила, метер гьабизе кколеб жакъаго гьабейила* «что можно поесть сегодня, отложи на завтра, что можно сделать завтра, сделай сегодня». *ГъветI къалбаз ккола, гIадан гьудул-гьалмагъзаз ккола* «дерево держится корнями, человек силен друзьями». *Квешав чияс рагIул магIна квешаб рахъалде цIалеб, лъикIав чияс лъикIаб рахъалде цIалеб* «плохой человек понимает значение слова в плохом смысле, хороший человек понимает значение слова в хорошем смысле».

В количественном отношении в аварском языке богато представлены паремии со структурой из простых повествовательных предложений и паремии со структурой сложных предложений, части которых соединены интонацией.

Самой типичной лексико-семантической чертой пословично-поговорочных единиц является образность, которая присуща большинству аварских паремий. Образность может быть полной, ср. *Халат арав вуссаравила, къокъид арав вуссинчIевила* «тот, кто пошел по длинной дороге, вернулся, тот, кто пошел по короткой дороге не вернулся». *РагIарав нусго нугIасдаса бихьарав цо нугIго лъикIавила* «лучше один увидевший свидетель, чем что услышавших свидетелей». *Ихдалил къоялъ лъагIалица кваназарулел* «весенний день весь год кормит». *Мальарасул кIал бекулареб, кIанцIарасул бох гурони* «у учившего рот не сломается, а у прыгнувшего нога сломается».

Компонентами образных пословиц часто выступают наименования предметов, растений и животных из народного быта или фольклора, ср.: *цер* «лиса», *хIама* «осел», кето «кошка», *гьой* «собака», *цIум* «орел», *чу* «лошадь», *гIункIкI* «мышь» и т.д.

В аварском языке встречаются такие пословицы, которые выражаются только в буквальном смысле, т. е. не**о**бразные, например: ср. *МалъичIеб гьабуге, гьикъичIеб бицунге* «чему не научили – не делай, на то, что не спросили – не отвечай». *ТIаде лъим бачIунареб хIор хеккого къунеб* «озеро, куда не поступает вода, быстро сохнет».

Яркость, выразительность и экспрессивность формы паремий, а также устойчивость лексического и грамматического состава усиливается наличием у многих из них фонетических и семантических особенностей, а также специальными речевыми средствами организации их структуры.

Фонетические особенности заключаются в том, что компоненты фразеологических единиц связаны между собой эвфоническими средствами, т. е. звучанием. Структурные элементы паремий в аварском языке могут иметь одинаковые звуки или слоги, которые создают **аллитерацию**, ср.: ***Ра**гIал **ба**хъараб, **ра**кьан **ба**хъичIеб каламалдаса цIунаги* «опасайтесь речи без начала и без конца». *МагIи**ца** квен босар**ай**, кочIо**ца** рос восар**ай*** «плачем еду купившая, песней мужа купившая». *МагIу хвали**лъ ахIе**, кечI берта**лъ ахIе*** «плач исполняйте на похоронах, песню исполняйте во время свадьбы».

В аварском языке встречаются пословицы-предложения, компоненты которых связываются одновременно и аллитерацией, и рифмованием компонентов, ср.: *РагIи рагIуде бачI**уна**, гIор къодукье бачI**уна*** «слово возвращается к слову, река возвращается к мосту». *Макьу тол**еб жо** – ургъел, гIадан хол**еб жо** – **хиял*** «бессонница – от забот, человек умирает от (несбывшейся) мечты». ***Ме**седалдаса **ме**седил кверал лъикIал* «лучше золота – золотые руки».

Следует отметить, что рифмующиеся компоненты представляют собой смысловые центры пословиц.

Характерной фонетической особенностью языка пословиц в аварском языке является своеобразный ритм (поэтический размер), создаваемый вышеперечисленными особенностями структуры пословиц. Ритм свойственен как поэтическим, так и прозаическим пословичным выражениям:

Меседги какула, кодой щвечI**они**, *Какизе бегьилищ, дуе щвечI**они*** «золото критикуют, когда нет в руках, разве можно критиковать, если не тебе досталась».

Наконец, яркость и выразительность формы пословичных предложений, усиливается лексическим и синтаксическим параллелизмом точно соответствующих друг другу структурных частей, например: *Меседил **лъикIлъи** – кьаву чIван**гутIи**, чиясул **лъикIлъи** – гьереси бицун**гутIи*** «достоинство золота – то что (оно) не ржавеет, достоинство человека – то, что (он) не лжет». *Мискин**лъи** рогьо **гуро**, бече**лъи** гьунар **гуро*** «бедность – не порок, богатство – не достоинство». *Ханас**да** цеве**санги** чо**да** нахъа**санги** вильъунге* «не ходите впереди царя и позади лошади». Параллельные структуры обнаруживают в основном описанные нами выше особые нестандартные синтаксические структуры.

Семантическая спаянность компонентов в пословицах создаётся не только тавтологичностью, но также наличием в их структуре антонимичных слов. Антонимия в составе фразеологических единиц этого разряда в аварском языке может одинарной и бинарной. Например: *Ихдал хур рехун тоге, хасало рукъ рехун тоге* «весной поле (без ухода) не оставляйте, зимой – дом не оставляйте». *Мальулел гIемерлъани, гIенеккулел дагьлъула* «если учителей много, слушатели уменьшаются». *Мискинав вукIа, бечедав вукIа, доре унелъул – цого мусру* «будь бедным, будь богатым, когда умрем – один саван».

Таким образом, паремии в аварском языке включают три типа пословиц и поговорок: полностью образные, частично образные, необразные выражения. Кроме того, аварскому языку присуще наличие в составе пословичных сочетаний уже сложившихся фразеологизмов. Образный перенос носит как метонимический, так метафорический характер.

Как известно, вариативность является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех единиц языка.

Варьирование паремий — это часть общей проблемы фразеологической вариантности, которая, несмотря на ее широкое освещение в литературе, до сих принадлежит к числу дискуссионных. При всех частных расхождениях относительно варьируемости фразеологизмов, в том числе пословиц и поговорок, споры сводятся в основном лишь к масштабам охвата и распространения варьирования фразеологизмов, а также к самому характеру их изменчивости.

В лингвистической литературе иногда встречаются утверждения о том, что они выступают в речи в качестве неразложимого и неварьируемого целого, т.е. без каких бы то ни было изменений [6]. Однако мы считаем это утверждение противоречащим фактам реального использования паремий в языке и в речи. Для многих паремий имеется не только одна («основная» или «нормальная») форма, зафиксированная в словарях, но и два и более вариантов. Широкие исследования на материале разных языков доказали, что паремии могут иметь варианты. Одна группа ученых считает, что по сравнению с фраземами границы варьируемости паремий не велики. Другие, напротив, отмечают массовидный и разнообразный характер изменений паремий в процессе их функционирования в речи. «Для пословиц, пословичных выражений, афоризмов и т.п., — пишет, например Е.Н. Саввина, — как ни для каких других единиц, характерна вариативность» [5, с. 200]. Анализ нашего материала подтверждает справедливость второй точки зрения.

Большой вклад в разработку проблемы вариантности пословичных выражений внес А.В. Кунин [3]. Вариантность пословиц и поговорок, также как и вариантность всех фразеологизмов вообще, изучается в связи с общей проблемой их устойчивости.

В связи с проблемой выделения вариантов и разграничения этих вариантов и структурных синонимов (т.е. установления предела вариантности), в лингвистической литературе принято различать два типа вариантов - узуальные (традиционные, языковые) и окказиональные (речевые). Под узуальными вариантами подразумеваются закрепленные нормой языка видоизменения материального состава фразеологических единиц. Они

представляют собой фиксируемые в словарях более или менее различающиеся способы выражения одного и того же смысла, например: *Хвалил зигара байги – чIагоязе кумекила* «выражение соболезнования – помощь живым». *Иш лъалев анцIгоясдаса хIалтIулев цо чи лъикIав* «лучше один работающий человек, чем десять человек, знающих дело». *Хвалчаца къотIичIеб мацIалъ къотIулеб* «то, что не отрежет сабля, отрежет язык». *Малъарасул кIал бекулареб, кIанцIарасул бох гурони* «не сломается рот научившего (человека), а сломается нога прыгнувшего».

Релевантным признаком узуальных вариантов является наличие семантического тождества с исходной формой. Отсутствие этого признака приводит к образованию окказионального варианта. Окказиональные варианты представляют собой нерегулярные структурно-семантические преобразования, затрагивающие семантику исходной единицы. Окказиональные варианты относят не к традиционным вариантам, принадлежащим системе языка, а к авторским преобразованиям, как наиболее эффективным приемам преобразования фразеологизмов в прагматическом аспекте. Окказиональные варианты характеризуются одноразовостью употребления и обычно связаны с определенными контекстами.

В отличие от вариантов, которые представляют собой разновидности одной и той же пословицы, структурные синонимы являются образованиями по аналогии, или по наличным в языке моделям пословиц. Это отличие состоит в том, что в пословице как единице большей линейной протяжённости могут иметь место более широкая вариация лексем (одного, двух или даже более компонентов), а также изменения словопорядка, синтаксической структуры, либо изменения синтагматического характера (нераспространённые и распространённые формы пословиц). Например: *Махщелги гьунарги хвалчаца къотIулареб* «умение и мастерство сабля не рубит». *КIал гIемерав вохичIо, вуцIцIарав пашманлъичIо* «болтливый не обрадовался, молчаливый не огорчился». *МацI кIалдиб те, кIал богIое те* «оставь язык во рту, рот оставь для еды». *КIал квешалдаса лъади куц квешай лъикIай* «лучше иметь уродливую жену, чем злословную» и т. д.

1. Абрамов Б.А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания. – М., 2003.

2. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1967.

3. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского словаря: Автореф. дис...докт. филол. наук. – М., 1964.

4. Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. // Вопросы языкознания. – №5, 1962.

5. Саввина Е.Н. О трансформации клишированных выражений в речи // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984.

6. Швыдкая Л.И. Пословицы и афоризмы английского языка как единицы постоянного контекста и структура их значения // Стиль и контекст. – Л., 1972.

МАГОМЕДОВ М. И.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра РАН
г. Махачкала, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РАЗНОТИПНОСТЬ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе языка фразеологизмы вступают в парадигматические и синтагматические отношения. Семантическую парадигму в сфере фразеологии образуют отдельные значения многозначного фразеологизма, между которыми устанавливаются определенные смысловые связи и отношения.

Группа фразеологических оборотов, равнозначных слову или словосочетанию, обладает значением, во всех отношениях аналогичным лексическому значению слова. Это значение может быть во фразеологизме единственным как, например, в русском языке: *нечистая сила; оставить в дураках* и др.

Различия между фразеологическими оборотами в смысловом значении не ограничиваются тем, что одни обороты выступают как однозначные, а другие как многозначные. Они отличаются друг от друга и самим характером значения, его специфическими особенностями и проявлением в устойчивом сочетании слов.

Семантическая структура фразеологизмов может быть простой, однозначной и сложной, многозначной. Однако фразеологических единиц, обладающих несколькими значениями, намного меньше, чем слов.

Системные отношения внутри одной фразеологической единицы, обладающей двумя и более значениями, несколько иные, чем у многозначных слов, так как в кругу фразеологизмов полисемия наблюдается значительно реже.

Существенную роль в развитии многозначности фразеологизмов играет особенность их семантической структуры. Так, если фразеологизм семантически слитен, неделим на составные компоненты и не мотивирован живыми связями языка, то появление новых значений, как правило, бывает затруднено и наблюдается редко.

Материал аварских народных сказок позволяет сделать заключение о том, что многозначность не чужда и фразеологической системе аварских народных сказок. Она является одной из семантических особенностей фразеологизмов, структурно соответствующих словосочетаниям. Например, фразеологизм *бетIер сверизабизе* имеет два значения: 1) «голову кружить кому-то»; 2) «гнуть свою линию, настаивать на своем».

Одной из важных особенностей структурной типологии фразеологизмов является выделение лексико-грамматического центра или стержневого слова во фразеологизме, т.е. слова, которое подчиняет все другие слова, составляющие фразеологизм. Очевидно, стержневым словом должно быть слово, весомое в грамматическом плане, и тогда в глагольных фразеологизмах стержневым словом будет глагол, в именных – имя существительное и имя прилагательное, у наречных – наречие.

В отнесении фразеологического оборота к той или иной части речи большое значение имеет характер стержневого слова, однако лексико-грамматическое значение стержневого слова далеко не всегда совпадает с лексико-грамматическим значением фразеологизма.

С точки зрения эквивалентности фразеологических оборотов той или иной части речи М.И. Фомина делит их на такие группы:

1) глагольные фразеологические обороты;
2) субстантивные фразеологические обороты;
3) наречные фразеологические обороты;
4) адъективные фразеологические обороты;
5) междометные фразеологические обороты [3, с. 347].

Наиболее богатыми и продуктивными, а также структурно более или менее однотипными в аварском сказочном жанре являются фразеологические обороты первых трех групп.

Обширную и разнообразную группу составляют глагольные фразеологические единицы. Структурно-синтаксическим центром в них является глагол, а семантико-фразеологический центр как бы смещается и переходит на именную часть, которая распространяется различными определительными словами. Распространенность соответствующих фразеологизмов объясняется конструктивным богатством глагола. «Глагол, – отмечает В.В. Виноградов, – самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [1, с. 422].

Глагольный компонент, выполняя в составе фразеологизма грамматически господствующую роль, является носителем, показателем грамматических форм одной и той же фразеологической единицы.

Анализ лексического состава и определения главных компонентов глагольных фразеологических единиц, которые составляют единые, устойчивые сочетания, показал, что основ-

ные компоненты состоят из слов литературного языка, но с точки зрения их употребления они близки к разговорной речи. Глагольные фразеологизмы более наглядно обозначают то или иное действие, процесс, состояние, а поэтому заключают в себе дополнительную семантико-стилистическую характеристику.

Глагольные фразеологические единицы конструктивно являются сочетаниями двух частей: основная часть + вспомогательная часть: *ракIалде бачIине* (на сердце прийти) «вспомнить» и *ракIалде щвезе* (букв. до сердца дойти) «вспомнить»; *ракI аваданлъизе* (сердце быть весёлым) «радоваться, веселиться» и *ракI боххизе* (сердце радоваться) с тем же значением; *берал чIахIа* (глаза крупно) «глазастый» и *берал кIодо* (глаза + *кIодо* – краткая форма от *кIудияб* «большой» («глазастый»; *бетIер битIизабизе* – понуд. (голову исправлять) и *бетIер сахлъизабизе* (голову вылечить) со значением «похмелиться»; *хъат къабизе* (ладонь ударить) и *хъат чIвазе* (ладонь ударить, вбить) со значением «аплодировать»; *гъванща чIвазе* (затылок ударить, вбить) и *гъванща бухине* (затылок бить) со значением «наказать»; *мукъулукъалде щвезегIан* (до горла пока дойдет) и т. д..

Сочетания слов в субстантивных фразеологических единицах основаны на атрибутивной конструкции, причем определительное слово морфологически может быть именем существительным или именем прилагательным, а определяемое слово – именем существительным или отглагольным субстантивным образованием.

По структуре данная категория фразеологических единиц распадается на такие морфологические сочетания:

1) Имя существительное + имя существительное. К данной группе фразеологических единиц относятся словосочетания с определительным словом. Приведем примеры из сказок: *Дол бацIги цIеги гIадин руго* «Они живут как волк и коза» (букв. «Они живут как волк и коза», т.е. живут недружно). *Доз гIемераб цIам-чед цадахъ кванан буго* «Они много времени живут вместе» (букв. «Они много хлеб-соль вместе ели»).

2) Имя существительное + имя прилагательное. К данной группе относятся фразеологические единицы с определительным словом, являющимся именем прилагательным. Например: *Досие квер халатал гIадамал рокьуларо* «Он не любит ленивых людей» (букв. «Он не любит длиннoруких людей»). *Квер гIатIидав ватаги, дир вас мун* «Чтобы ты был щедрым, мой сын» (букв. «Чтобы ты был с широкой рукой, мой сын») и т.д.

3) Имя прилагательное + имя существительное. Примеры: *Тушманасул махIцараб ракIалъ нилъее асар гъабуларо* «Подлое сердце врага на нас не повлияет» (букв. «Вонючее сердце врага на нас не повлияет»). *Васас щулияб рагIи къуна* «Сын дал твердое слово» (букв. «Сын дал крепкое слово»).

4) Имя существительное + глагол. Примеры: *Ханасе къадар щвана* «Царь умер» (букв. «Царь судьбу получил»). *Жиндир мал къезе ккелилан чIана гьобол* «Гость стал требовать, чтобы вернули его богатство». *Дов вукIана дуниял гьабизе лъалев чи* «Он умел жить» (букв. «Он был человеком, умеющим мир делать»).

Объем и границы наречной фразеологии определяются исследователями неодинаково. Одни лингвист [4, с. 220-222] существенно сокращают фонд наречной идиоматики, не считая фразеологизмами устойчивые предложно-именные выражения. Другие лингвисты [2, с. 31-53], напротив, включают в наречную фразеологию и неидиоматичные образования. Наречные фразеологизмы со стороны своего значения и формы соприкасаются и пересекаются в системе языка с глагольными, предикативными и адъективными фразеологизмами.

Фразеологические единицы с наречно-структурным стержнем выражают обстоятельственные отношения. Они в предложении воспринимаются целиком и в большинстве случаев располагаются компактно, выступая в основном в функциях обстоятельства времени, образа действия и места.

Непосредственное отношение к структурной типологии фразеологизмов могут иметь сравнительно многочисленные случаи, когда компоненты фразеологизмов находятся между собой в отношениях синонимов и антонимов: компоненты фразеологизмов – синонимы («с ног до головы» – «с головы до пят», «с горем пополам» – «с грехом пополам»); компоненты фразеологизмов – антонимы («и во сне и наяву»).

Образующие тот или иной фразеологический оборот слова выступают в устойчивом сочетании слов или как морфологически неизменяемые, или как реализующие какие-либо

грамматические формы, которые им свойственны в свободном употреблении. Поскольку это наблюдается в пределах фразеологического оборота, условно можно говорить о морфологических свойствах фразеологизма, постоянно, однако, имея при этом в виду, что речь идет, по существу, лишь о морфологии составляющих его компонентов. Так, например, в русских фразеологических оборотах «считанные дни», «битый час», «ясное дело» слова не изменяются совершенно, они закреплены в одной форме.

Как видим, несмотря на одинаковую структуру (прилагательное + существительное), отмеченные фразеологизмы серьезно отличаются друг от друга своей «морфологией».

Морфологические свойства слов в пределах фразеологического оборота зависят от целого ряда причин, в первую очередь от его лексико-грамматического значения и степени семантической слитности.

Фразеологические обороты всегда предстают перед нами как морфологически неизменяемые, если с точки зрения эквивалентности той или иной части речи они принадлежат к числу наречных, междометных, модальных и союзных.

В адъективных фразеологических оборотах способностью к образованию форм обладают лишь такие члены, как прилагательные и глаголы. Данная категория состоит из сочетаний: Имя прилагательное + имя существительное. Например: *чIегIераб ракI* «черное сердце»; *чIегIераб гьумер* «черное / хмурое лицо» и т.д.

Ограничения в реализации морфологических форм слов в пределах именных оборотов, представляющих собой модель «прилагательное + существительное», касаются лишь образования форм числа и зависят от характера значения синонимичного обороту слова: если последнее имеет абстрактное значение и форм числа не имеет, не будет его иметь и равнозначный ему по семантике фразеологизм («запретный плод» и «желаемое»).

Таким образом, фразеология аварских сказок характеризуется наличием разнообразных конструкций. Однако наиболее ярким типом устойчивого словосочетания в них являются фразеологические сращения, характеризующиеся архаичными грамматическими формами, а также наличием в их составе слов, вышедших из употребления и потому непонятных для современного человека. Основным признаком сращений аварского сказочного фольклора является их семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов.

В аварских народных сказках в качестве одного из стилистических приемов употребляются и фразеологизмы-синонимы.

Фразеологические синонимы, будучи сходными с лексическими, характеризуются тем, что имеют различия в оттенках значения, сфере употребления, стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической роли, соотносятся с одной и той же частью речи, бывают сходными и различными по структурно-грамматическим признакам. Если в некоторых случаях они, как и синонимы, вообще, употребляются с целью избежать повторения, то в других моментах их используют тогда, когда хотят обратить внимание слушателя на эту или иную сторону явления, на те или иные его качества, особенно свойства. Этим достигается большая яркость красок, используемых сказителем в описании событий и явлений. Наличие оттенка значения или добавочного смысла помогает семантически четко отличать один синонимичный фразеологизм от другого и выбирать наиболее точный. Например: *квер гIатIидав* «щедрый» и *квер цIалтарав* «щедрый»; *мугъ берцин гьабизе* «уходить» (букв. «спину красивой делать») и *мугъ рехизе* «повернуться спиной», *ахираталде ине* «умереть» (букв. «в вечность отправиться») и *ахираб хIухьел босизе* «умереть» (букв. «испустить последний вздох») и т.д.

В аварском сказочном фольклоре устойчивые синонимические сочетания слов наблюдаются почти во всех группах фразеологических оборотов, которые можно выделить, имея в виду их лексико-грамматическое значение. Но богаче всего фразеологическая синонимия представлена во фразеологизмах глагольного характера. Например: *ахIи базе* – в значении «поднять крик; позвать кого-либо на помощь»; *бетIер къулизе* 1) в значении «приветствовать кого-либо, поклониться кому-нибудь», 2) подчиниться, повиноваться, 3) в значении «опуститься» (морально); *мугъ чIвазе* – в значении «оказать помощь кому-либо, поддержать кого-либо» (букв. «спину подпирать») и т. д.

Фразеологизмы-синонимы в сказках ценны тем, что они расширяют возможности передавать мысли не повторением простых словосочетаний одного типа, а употребляя различные понятия в художественной форме, характеризующие те или иные черты героя. Точно также и при описании явлений объективной действительности: с помощью фразеологизмов-синонимов достигается большая выразительность, точность. С одной стороны, синонимичные фразеологизмы расширяют семантические возможности языка, с другой – повышают художественность.

Во многом сходна и функционально-стилистическая роль антонимичности во фразеологизмах. В исследовании фразеологических единиц данный аспект имеет важное значение. Изучение антонимических связей в кругу фразеологизмов дает возможность более глубоко раскрыть их основные свойства, анализ антонимичности во фразеологизмах способствует лучшему усвоению значений фразеологических оборотов и помогает обстоятельнее охарактеризовать их с точки зрения лексической сочетаемости и стилистических возможностей. Контрастность, противоположность фразеологизмов по значению предполагает одновременно и наличие какой-то общности между антонимическими парами. Чаще всего, члены антонимического ряда в аварских сказках, как правило, обозначая предметы, свойства, явления одного порядка, относятся к одной и той же категории объективной действительности. Они однородны по своей лексико-грамматической характеристике, т.е. выражают глагольность, предметность.

Обязательными условиями проявления антонимии слов и фразеологизмов в аварском сказочном фольклоре является семантическая противопоставленность; приведем такие примеры: *дове-гьаниве ине* «туда-сюда идет»; *квешаб рекъел лъикI лъикIаб рагъудаса* «лучше худой мир, чем добрая война»; *гьацIулъ хIеги хIанилъ расги камуларо* «в меде можно встретить воск, а в сыре – волос», *сордоги къоги цоцаца хисана* «ночь и день поменялись друг с другом» и др.

Очень часто в сказках слова-антонимы играют решающую роль в структурно-грамматической организации компонентов пословичных выражений. Например: *кIал бугев – чода, чу бугев – лъелго* «языкастый – на коне, а без языка – пеший»; *гIадамал хIаклтIуде, гьав – кваназе* «люди на работу, а он на обед»; *гIорцIарасда вакъарав лъаларо* «сытый голодного не разумеет»; *цояв гIорцIун бецIлъула, цогидав – вакъун* «один слеп от того, что сыт, а другой от того, что голоден» и др.

С точки зрения семантической структуры фразеологизмы в аварском сказочном фольклоре можно объединить в следующие группы: фразеологизмы, выражающие внутренний мир человека, выражающие неприязнь, недовольство, угрозу, связанные с социально-экономической жизнью, выражающие добрые пожелания, приветствия, выражающие недобрые пожелания, проклятия, фразеологизмы клятвенные и поэтические фразеологизмы. При классификации фразеологизмов использованы фольклорные фразеологизмы и общенародные.

Среди множества языковых средств для характеристики персонажей особое место принадлежит фразеологизмам, обладающим богатыми возможностями для более точной, яркой и образной передачи художественной идеи, поведения человека. Некоторые из них бичуют, к примеру, пороки и недостатки людей. Такие как: *квер халатав* «ленивый, неповоротливый» (букв. «длиннорукий»); *божи гьечIев* 1) «ненадежный», 2) «трудный» (букв. «веры не имеющий»); *божуда рекIкIав* «вероломный» (букв. «веру обманывающий»; *бетIер гьечIев* «недалекий, безмозглый» (букв. «не имеющий головы»; *дуниял кварав* «истративший большое состояние» (букв. «мир съевший»); *нич тIагIарав* «бессовестный, бесстыжий» (букв. «стыд потерявщий») и др.

Фразеологизмы в аварских народных сказках свидетельствуют о высокой речевой культуре, глубоких жизненных познаниях, мастерском использовании богатых и выразительных языковых средств и мудрости народа.

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947.
2. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. – М., 1957.
3. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 2001.
4. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972.

МОМЫНОВА Б. К., САТКЕНОВА Ж. Б.

Казахский государственный университет им.аль-Фараби,
г.Алматы, Республика Казахстан

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Невербальные способы – способы вспомогательного характера, которые в языковой коммуникации выполняются наряду со словами и принимаются коммуникантами. Их участие при речевом акте имеет разный характер, они могут быть обязательными, их выполнение могут быть необязательным, только через эти способы может наступить понимание. Как бы то ни было, только при участии упомянутых способов в передаче и обмене информации они становятся невербальными. «Наряду с речевым восприятием коммуниканты воспринимают большой объем информации невербального характера и реагируют на нее, причем происходит это зачастую за порогом их сознания, на нерациональном или иррациональном уровне восприятия. При взгляде в лицо собеседника человек фиксирует и интерпретирует мельчайшие изменения в выражении глаз, движении мускулов лица. Он не имеет возможности остановить процесс общения и осмыслить все это на уровне сознания. Но в этом и нет необходимости, поскольку невербальная информация все равно достигает цели. Скорость передачи невербальных сообщений чрезвычайно высока и осуществляется на подсознательном уровне, что позволяет человеку воспринимать бесконечное их количество», – пишет исследователь З.Темиргазина /1:40/.

Отмечая важность мимики и жестов для коммуникации, автор подробнее объясняет: «Иными словами, человеку, находящемуся в сфере незнакомой культуры, помимо знания словаря и правил грамматики, необходимы дополнительные сведения о поведении носителей данной культуры, чтобы правильно и эффективно действовать в иноязычном и инокультурном окружении. И, по мнению Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, это задача сопоставима по важности с овладением чужим языком» /1:41/. Это мнение раскрывает важность языка жестов и актуальность исследования мимики и жестов, также оценивает функции невербальных элементов при коммуникации. Указывает на их место в жизни и быте людей.

Действительно, знак, слово, звук в языке – особое явление, потому что каждый из них имеет признаки, свойственные только им, но ни один из них не может отрицать друг друга. По функции и значении в устном и письменном языках и семантике они являются разными объектами исследования.

Вспомогательные средства речи состоят из нескольких частей, комплекса знаков, вспомогательных звуковых средств, телодвижений, мимики и жестов. В связи с этим принять называть их параэлементами, парасредствами, невербальными способами, вспомогательными средствами речи. Область исследования всех в совокупности называется паралингвистикой и играет определенную роль в компетентности коммуникации .

Коммуникативная компетентность формируется постепенно и крепчает по мере роста человека как личность. Человек как личность увеличивает свою коммуникативную компетентность через освоение, владение, понимание и правильное использование не только вербальных, но и невербальных способов, потому что невербальные способы являются важными при языковой коммуникации, в некоторых случаях обязательными, даже в каких-то ситуациях единственно применяемыми и выполняющими коммуникационную функцию коммуникативными способами.

Мимика и жесты, относимые учеными в ряд элементарных признаков и признанными новой ступенью семиозиса, явление, стоящее отдельного исследования, они выполняют важную роль при языковой коммуникации. Даже начиная с национальных традиций и ритуалов, положения тела или позы, и телодвижения при танце и мимика и жесты лица бывают разные, имеют разные аспектные значения. По способности передачи информации, значениям и важности классифицируются по-разному.

Место мимики и жестов с семиотической точки зрения заслуживает отдельного анализа. С семиотической точки зрения мимика и жесты относятся к сложным знакам, их мотивированность

создания и культурное семиотическое происхождение не похожи на другие знаки. А с генетической стороны считается одной из семиотик, возникших историческими процессами человечества, неприрожденная, но появляющаяся потом. Таким семиотикам относятся мимика, жесты, пантомимика, интонация, характер, манера одеваться, этикет, религия, искусство, этнические (естественные) языки [2:174]. Автор упомянутого труда выражает свое мнение о важности мимики и жестов во время ритуала, танца и игры актеров: «Жестикуляция и мимика – эти самые близкие к природе из семиотик человека – лежат в основе тех физических движений и действий, которые составляют действенно-образное наполнение таких языков человечества, как ритуал, танец, игра актера. Из названных феноменов самый древний ритуал, а самый древний компонент в ритуале – это знаковое физическое движение» [2:178].

Ритуал состоит из трех компонентов:

ритуальных (символичных) движений;

мифологических картин;

словесных формул.

Из них ритуальные движения считаются первыми из первых с филогенезисной точки зрения и относятся к семиотическому процессу. Обратим внимание на оценку места семиотических знаков, включая параэлементов, при рассмотрении относительно языка: «Согласно новейшим исследованиям язык символических действий как в истории отдельного человека, так и в истории человечества предшествует словесному языку и служит базой для усвоения последнего» /3:351/.

Исследователи архаических культур приводят факты о превосходности места в древней истории человечества древних невербальных элементов или ритуалов, не подлежащих интерпретации словами. Они, то есть интерпретируемые словами невербальные ритуалы по сравнению с первыми были второго уровня и в процессе развития истории человечества не смогли превратиться в обязательные по характеру применяемости, поэтому у них преобладал символичный характер. «В связи с вопросом об относительной хронологии символического движения и вербального компонента ритуала показательна этимология слов *клятва и присяга.* Современное сознание воспринимает *клятву* и *присягу* прежде всего как словесные ритуальные акты. Однако судя по этимологии, первоначально в основе клятвы и присяги лежало не слово, а телодвижения, жест», - пишет Н.Б. Мечковская [2:179]. Если проводить специальные исследования по этимологии подобных слов в тюркских языках, можно было сделать такие выводы по тюркским языкам, потому что в истории человечества много встречаются общие моменты, общие ситуации, сходство определенных этапов развития. При этом не будет лишним напомнить о том, что существует смысловые сходства пословиц и поговорок, философских умозаключений, считающихся достижением человеческого разума, несмотря на то, что они появляются в разных уголках нашей планеты.

Через традиции и обряды, свойственные только одному народу, познается особенность его обычаев, характера и мировоззрения. В трудах, художественных произведениях, охватывающих традиции и обычаи казахского народа, описываются невербальные способы, в которых ясно выражаются традиционные действия и обряды, например:

сарқыт беру – дать гостинцы с праздничного стола, босағасына мал (аң) байлау – привязать скот к порогу юрты , күйеуге (жездеге) төс беру – подать грудинку зятю, ақ байлау – привязать белое к чему-нибудь, төрге шығару - посадить или проводить на почетное место, босағадан ұзатпау – посадить или не давать пройти к почетному месту держать у порога, отырған орнынан тұрып,ілтипат көрсету – проявлять уважения вставанием, баланың бетіне күйе жағу (көз тимесін деген ырым***) – помазать лицо ребенка сажой, чтобы не сглазили, малды теппеу – не пинать ногой скота, сүтті (сүті бар ыдыстың жуындысын) аяқ басатын жерге төкпеу – не выливать молоко на людное место, босағаны кермеу - не стоять опершись на дверные косяки, қамшыны алдына тастау (***сөз сұрау кезінде***)- бросать камчу (плеть) перед кем-то (выпросить слово), жағасын ұстау (қорқынышты сезім әсерінен жасалатын ишарат я болмаса таңқалуды білдіреді) – хвататься за воротник, төс түйістіріп, құшақтасу - бітімге, келісімге келу (***Екі жақтың игі жақсылары бітім болғанына қуанысып, ***төс түйістіріп құшақтасты*** /Ә.Кекілбаев. Үркер (роман),стр.283/ – обняться соприкасаясь грудью***, құранға қол апару //тигізу – ант беру – дать клятву держа Коран на руках,*** *сөзінің, ісінің адалдығына құранды* ***куәге тарту (***Ханнан кейін ***Құранға*** Бөкенбай батыр

қол апарды) /Там же, стр.349/ – показать Коран в доказательство честности, в правдивости сказанного слова т.б.

К жестам, которые часто применяются в быту и получившие национальный характер, можно отнести жесты, используемые для выражения завершения чаепития:

Әбілқайырдың бетіне өң жүгіріп, көз алдының да әлгі бір қабарыңқы кіреукесі тарап, ***кесесін төңкерді*** (там же,стр.39). *Перевернул чашку – кесесін төңкеру.*

Мәті *кесенің аузын алақанымен қағып* шай ішіп болғанын білдірді /там же, стр.47/. Алақанмен қағу – несколько раз соприкасаться ладонью верх пиалы.

Әбілқайыр кесесін сарқып, *бетін алақанымен басты* (там же, стр.51/; Кесенің бетін алақанмен басу - прикрывать верх пиалы ладонью.

Шал сөзін үзіп, *кесесін төңкерді* /там же, стр.54/. В приведенных примерах жесты *кесесін төңкерді – перевернул пиалу, кесенің аузын алақанымен қақты, бетін алақанымен басты, кесесін төңкерді* обозначают то, что человек напился чаю, утолил жажду.

Существуют следующие виды жестов с национальным характером, которые выполняются при приветствии:

Табалдырықтан аттай *сала қамшысы салаңдаған оң қолын омырауына апарып, тағзым етті* /там же, стр.7/. Данный жест относится к сложнокомпонентным, комплексным жестам, потому что выполняется сразу несколько действий. Ключевая информация, передаваемая данным жестом – *обращение с приветствием, поклонение простого народа к хану, восседавшим на почетном месте.* Данный жест кроме приветствия также обозначает подчинение, повиновение.

К видам жестов, связанных с приветствием и поклонением, можно привести следующие примеры. Их вербализация не похожа друг на друга. Различие не только в версии вербализации, но и в передаваемых ими значениях. Например:

1.Үйдің оң жағына шығып, қарап тұрған әйел қарсы жүруге қаймығып, анадайдан ***тізе бүгіп, сәлем етті*** (там же,стр.24/. ***Тізе бүгіп, сәлем етті*** - приседая на колени совершил приветствие.

2.Ортадағы сары ала шатырға жеткен соң бәрін шыр айнала қоршап тұрып ап ***мінажат қылды.*** *3.**Иіліп-бүгіліп бастарын үш рет жерге тигізіп тағзым етіп,** орындарына кеп отырды* /там же, стр.144/.

В 2-м примере показан жест, выполняемый при обращении к богу, при чтении молитвы (*мінажат қылды*). *Прикасание головой сажде три раза и при чтении молитвы отличается по смыслу* от обращения с молитвой к богу, которое означает поклонение к богу. Они – разные и по форме, и по смыслу.

О национальном характере жестов этнограф С.Кенжеахметулы выражает свое мнение так: «В традициях и обычаях родного народа, сформированных еще в древности, много встречаются психологические действия, достойные внимания. Среди них имеются содержащие определенный смысл, интересные и грозные понятия, в которых ощущение чувства, настроения, действий передается мимикой, жестами и которые их точно изображают. Их называют традиционными жестами. Наш народ умел четко выражать свои мысли и мнения и совершать дела не только действиями, силой или речью, но и безмолвно – мимикой лица, телодвижениями» /4:25/.

Существуют виды жестов, похожие на окказиональные слова. В качестве примера можно привести жест *(Мұрнының ұшына күлкі ойнаса*) в романе А.Кекильбаева «Уркер» «*Мұрнының ұшына күлкі ойнаса*, Бөкенбайдың көңіліне онша жаға қоймайтын сөз айтылып жатқаны» (стр 118) - (буквальный перевод: *мұрнының ұшына күлкі ойнаса* - смех на кончике носа). Можно отметить, что это очень редко употребляемый жест или жест, встречаемый только в произведении А.Кекильбаева.

Выражаемые человеческой мимикой *улыбка, смех*, или чувство *грусти* с культурной точки зрения являются условными. В данном случае жесты превращаются в средства выражения положительных и отрицательных чувств, эмоции и считаются их стереотипами. Общее для всего человечества смех при радости и плачь при печали – типичные по семиотике явления. Счастье и радость, удовлетворенность и волнение, чувства благодарности и печали проявляются через смех и плачь. Даже и их значения по ситуациям бывают разные.

Виды мимики и жестов – жестовые единицы, их значения меняются по коммуникативным обстоятельствам.

При выражении жеста смущения и признания вины наблюдаются иногда сходства между просодическими и кинесическими способами: *Бала **төмен қарады** /М.Мағауин.Аласапыран (роман).-32-б./. Төмен қарады – стыдливо смотрел вниз.*

Признание вины, чувство смущения передаются и другими кинесическими способами. Например, *Қабай **мойны салбырап,** атын жетектеген күйі күймемен қатарласа жүрді* (Там же, 36-б.). Мойны салбырау – опустить голову.

Просодические способы или же средства, которые образуются с помощью звука при коммуникации на казахском языке, можно разделить на группы:

а) способ подачи голоса с целью обратить внимания людей:

Әз ханым болмашы жөткірініп, сәл-пәл қозғалақтады. Откашливание (жөткіріну) выполняется путем подачи голоса, но это не кашель, т.е. человек хочет что-то сказать или в *казахских традициях уважаемый человек может откашливаться,* чтобы призвать к тишине, тем самым намекая на предоставление слова. В таких случаях собравшиеся успокаивались и обратили все внимание к откашлявшему. Как правило, такое поведение было дозволено уважаемым, почитаемым народом старикам, власть имущим или ораторам.

ә) просодический способ в значении намерения, просьбы разрешить войти в дом. Например, в странице 6 романа «Уркер» (А.Кекильбаев), который раскрывает судьбу народа во время правления Хана Тауке, затем Хана Абулхаира, действия хана, связи казахов с джунгарами и ойратами, причины присоединения к России, есть предложение «Оң жаққа келіп *тамағын кенеді*». Жест – *покашливание*. В традициях казахов пришедший человек, чтобы не поставить домашних в неловкое положение, подождав у двери, выражает свое намерение войти в дом, таким образом. ***Покашливание*** – параспособ, выполняющий полную коммуникационную функцию и передающий информацию.

Предложения с этим жестом встречаются в нескольких местах «хан *тамағын кенеді*» (стр.26), «манадан бері сөзге араласпаған Сары *тамағын кенеді*» (стр.152), «Батыр *тамағын кенеді*» (стр.293), «Тевкелев тағы да *тамағын кенеді*» (стр.336), «Таймас келіп *тамағын кенеп* қойды» (стр.355), «Бір уақытта әлдекімнің қасына кеп үсті-үстіне *тамақ кенегенінен* оянып кетті» (стр.324). По предыдущим или последующим за этими фразами предложениям можно определить его конкретное значение.

Введение мимики и жестов в речевой состав для уточнения определенного значения без участия голоса и уточнение значения мимики и жестов словами автора выполняется каждым автором по-разному. Приведем примеры из романа «Уркер»:

Хан қабағын шытынды (стр.7). Жест в данном предложении **- қабағын шытынды – хмуриться, хмурить брови**. Причины этого жеста невозможно узнать из этого предложения. Но в национальном сознании казахов формирован стереотип о том, что если человек обижается, не доволен или мучается, он хмурить брови. Однако бывает и отклонение от стереотипа, в этом можно убедиться, прочитав следующее после приведенного предложение: *Хан қабағын шытынды. Онысы «әңгімесін бұзбай тыныш отыр!» дегені болса керек (намек на соблюдение тишины).* Так автор своими словами разъясняет и причину, и значение жеста.

Таким образом, обозначение, определение места и изучение в языковой коммуникации системы невербальных способов, в которых национальная специфика с преобладающей национальной семантикой на одном уровне с национально-культурными, ореольными словами, словосочетаниями, упорядочивание, уточнение путей передачи вербальными способами (определение лексико-грамматических способов), определение особенностей при переводе, описать омонимические, синонимические, полисемические, антонимические характеры, т.е. стильные окраски, также создание полной лексикографической характеристика – актуальная проблема исследователей казахского языка и в традиционном направлении, и в новом антропоцентрическом направлении.

1. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар,2002. – с.106.
2. Мечковская Н.Б. Семиотика, язык, природа, культура. – М., Академия, 2004.с.178.
3. Иванов В.В. Примечания//Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985 /а/. с.364.
4. Кенжеахметұлы С. Ұлттық әдет-ғұрыптың беймәлім 220 түрі. - Алматы: Санат, 1998.- 25б.

СИМБАЕВА С.

Институт повышения квалификации педагогических работников
Восточно-Казахстанской области
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ АНТРОПОНИМОВ В КАЗАХСКИХ ЖЫРАХ ПЕРИОДА НОГАЙЛЫ

В современную эпоху в силу интенсификации межкультурных контактов, одной из основных культурных проблем, по всей видимости, встанет вопрос относительно возможной утраты национальной самобытности народов. И лучшей гарантией недопущения подобного явления является, в первую очередь, осознание ценности национальных языков, как отражений неповторимых складов мышления, как кладези и средоточия культуры, прежде всего словесной.

Казахская, ногайская и каракалпакская поэзия XIV-XVI веков сложилась в Ногайской Орде и в последующие периоды сохраняла основные традиции этого времени. Исследование ономастических названий, встречающихся в ногайлинско-кипчакских жырах, изучение и раскрытие семантики неэтимологизированных слов дает возможность пролить свет на данный, еще не изученный, пласт лексики вышеназванных языков.

Актуальность темы заключается еще и в раскрытии соответствий между казахским языком и языком племен, которые входили в ногайско-кипчакскую консолидацию, показать традиции преемственности, а также в обозначении роли изучаемой эпохи в становлении казахского литературного языка.

Многочисленные племена Ногайской Орды кочевали от Урала до Днепра, в том числе в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, в Крыму. В XVI в. она распалась на Большую и Малую Орды, которые впоследствии еще более раздробились. Большая Ногайская Орда кочевала в Нижнем Поволжье, Малая – по правому берегу Кубани, Азовскому побережью и на юге Украины, между Днепром и Доном.

Ногайский народ имеет своеобразную, самобытную культуру.Чрезвычайно богатый эпос ногайцев изучен в контексте эпического наследия тюркских народов академиком В.М. Жирмунским [3], а первым исследователем ногайского эпоса является известный фольклорист Ашим Сикалиев, в трудах которого эпические памятники ногайского народа подвергнуты глубокому историко-фольклорному анализу [12]. Его исследования являются значительным вкладом в мировое эпосоведение.

Многие легенды, сказки, поэмы, эпосы, обычаи, традиции казахов и ногайцев переплетаются. Доставшиеся в наследие от древних племен легенды одинаково дороги этим народам: «Ертостик», «Жиренше шешен», «Алдар Косе», а также эпические поэмы «Алпамыс», «Кобланды», «Камбар», «Ер Таргын», «Ер Косай», «Ер Сайын» «Едиге», «Ер Жабай», «Ер Шора», «Орак Мамай», «Сорок батыров Крыма» и др.

Собственные имена, встречающиеся в текстах эпосов, связаны с менталитетом и понятиями, самобытностью этноса. Некоторые из них употребляются до сих пор, а некоторые встречаются только в текстах жыров. Для того, чтобы определить семантику антропонимов, следует выявить их истоки.

Антропонимы, в отличие от других собственных имен, имеют свои особенности. Их истоки, закономерности развития, мотивация непосредственно связаны с историей этнических групп и изменениями в языке. В семантиках антропонимов можно заметить познание, понятие, мечты и желание народа. Здесь надо учитывать роль детонанта, потому что он является одним из словообразующих факторов. В текстах жыров в период ногайлы встречаются многие антропонимы, которые требуют раскрытия семантики. Например, о значении имени героя эпоса «Ер Таргын» существуют разные точки зрения. По мнению А. Коныратбаева, *Таргын* означает «герой в тигровой шкуре» **[**9**]**, а в исследовании Н. Ораза: «Жыр свойственен двум народам: ногаям и казахам. Только у ногайцев называется «Ер Таргыл» и, как отметил

академик В.В. Радлов, слово «тарғыл» означает «рыжий» [12, 104]. В переводе с арабского языка значение «таргын» – 1.даренный; 2. сердитый, разгневанный.

Здесь можно отметить,что мнения всех авторов близки, так как «герой в тигровой шкуре» - в значении «рыжий», с преобладанием эмоционального оттенка, является символом смелости и быстроты. Все высказывания авторов взаимодополняемы , отсюда мы можем сделать вывод, что семантика слова «тарғыл» связана с названием тигра.

Рассмотрим антропонимы, встречающиеся в жыре «Кобыланды батыр». О семантике «Кобыланды» в казахском фольклороведении А. Коныратбаев и Е. Жубанов пишут, что слово происходит от названия рода. Слово означает «кыпчак» и состоит из таких частей «қуба» и «батыр», «мальчик». Эти слова употреблялись как синонимы понятия *кипчак. Оглан и огул* (мальчик, родной сын). Тас-оғлан // олан (дитя, ребенок); ағуз оғлан (грудной ребенок); кіч оғлан (маленький мальчик, мальчишка); қыз оғлан (девушка, девица); өгей оғлан (неродной сын, пасынок); КК, АФ, ЕФ, ПД. – оғлан; Абу Х. –оғлан // овлан; МҚ – оғла // оғлан; ДТС –оғлан (ребенок, мальчик, сын, 363). Позже превратились в общественно-политические термины, обозначающие степень, должность (қазақша – ұлан, орысша – улан, т.б.) [12, 59]

Кобыланды – историческая личность и современник хана Абулхайыра (XV в.). Основа слова – «Кобылан» + «ды» - аффикс прошедшего времени глагола. Эти аффиксы (-ды /-ді), как отмечает М. Кашқари, присоединяются к основе имен героев, которые были свидетелями какого-либо события. В жырах имя героя встречается в виде производного слова.

Қобыланды – на казахском языке «қоблан» - в переносном смысле «храбрый», «смелый» [8, 26]. В жырах этот антропоним встречается в сочетании *Каракыпшак Кобыланды*. Каракыпшак – по казахской родословной - одна из ветвей средневекового племени. Изучив языковые особенности эпосов, Т. Коныратбаев отмечает, что слово *каракыпшак* употреблялось с XVIII века и этот этноним был в составе этнонимии узбекского народа. Следует отметить, что этноним зафиксирован и в ногайской этнонимии. Это племя существовало до этнизации тюркских народов. Первая часть «қара» имеет семантическое значение *большой, священный, почтенный*, *могучий* [11, 80].

Синтагматическое употребление этнонима *каракыпшак* указывает на патриархальность, т.е в патриархальной эпохе вместо имени человека употреблялось название племени. Такое сочетание строилось следующим образом: род-племя-имя как традиционная антропонимическая формула. Например: *Қаракерей Қабанбай, Қанжығалы Бөгенбай.* Поэтому к языку надо подходить с точки зрения культуры, понятия, истории народа. Антропоним Қобыланды – поэтическо-видоизмененная языковая единица. *Қоблан, Қаблан* – ее варианты.

Құртқа – в эпосе она верная супруга, советчица главного героя Кобыланды. По семантике - одна из видов дорогих рыб, обитающей в глубоких водоемах [11, 519]. А Е. Жубанов выражает свое мнение так: «Слово *Құртқа* не встречается на исконном казахском языке. В других тюрских языках означает старую, мудрую бабушку. Құртка хотя молодая, но знает много. О том , что Тайбурыл будет хорошим скакуном, она предсказала, когда он еще был в утробе. С первого же дня его появления на свет она стала ухаживать за ним. Когда настал день отправиться в бой, Құртка не дала коня батыру Кобланды, ссылаясь на то, что скакун еще не готов к такому серьезному бою. Что предстоит своему возлюбленному, она тоже могла предполагать. Имя *Құртқа* употреблено в переносном значении и означает всемогущественность» [4, 125-126]. .

Есть еще один герой Салимбай (Сәлімбай). Слово *Салим* в переводе с арабского языка:1 здоровый, целый, полный;2 настоящий, правдивый, натуральный, целостный;3 простой, верный [2, 111].

Сейіл – араб. праздник весны, народное гуляние [2, 111].

Бекауыл – 1. исторический термин, титул: администратор после хана в феодальном строе.; 2. крепкий, прочный.«Компонент *бек* в переводе с казахского языка означает »могучий, сильный, неприступный, крепкий». В раннее время титул «бек» использовался отдельно от имени, он давался султанам, имеющим власть лицам. В наше время в именах термин бек служит суффиксом [2, 120].

Имя главного героя эпоса «Едиге» имеет следующее толкование: «В переводе с тюркского языка *Едиге* означает – хороший, добрый» [2, 31].

Семантику имени отца Едиге//Эдиге *Бабай тукти Шашты Азиз (Бабай түкті Шашты*

Әзиз) кратко объяснить невозможно. Он считается священным человеком. А в кочевой жизни тюрки его считали идолом. Такое имя встречается в текстах многих эпосов.

Слово «бабай» происходит от слова «баба» . *Баба* – прадед, ұлы ата [10, 73], а ***– й*** – словообразующий суффикс.На казахском языке можно привести множество примеров такого словообразования*: апа+й (обращение к старшей) , ага+й (обращение к старшему)*

По мифологии *Бабай тукти Шашты Азиз* считался и у других тюркских народов священным человеком. В доказательство можно привести этнографические данные: у бурятов *«Кутайын Бабайы» (Құтайын бабайы)* по сегодняшний день считается хозяином земли, а якуты преклоняются *«Бабай ане»* (мать Бабай) [9,118]. Такие аргументы свидетельствуют, что в верах родственных тюрских народов много общего и указывают на общую духовную основу.

Имя Косай в жыре «Ер Косай» толкуется так: «Термин *кос* образовался от казахского слова *хош,* которое переводится – приятный, веселый, радостный, милый; *ай* - луна» [2, 40].

Имя верной супруги главного героя Алпамыса в эпосе «Алпамыс батыр» *Гүлбаршын*: «Гүл (цветок) + баршын (парча)». А встречающиеся в древних уйгурских письменных памятниках XII-XIV вв. истоки имен *Barca togmis* и *barca tojn* уходят в средневековье. В древне-тюрском словаре слово «*Barca*» переводится как *все, всю,* а *Barcin* - «шелковая ткань». В жыре по характеру это слово вполне подходит главной героине Гулбаршын.

В героических эпосах встречается антропоним Камбар. *Камбар* – арабское слово. На арабском языке Хамбар – сильный человек. «В переводе с арабского языка слово *камбар* означает «человек, имеющий огромную силу, силач» [2, 126].

Это слово на казахском языке известно как покровитель лошадей. Например, покровитель лошадей Камбар ата у тюрков известен как сопровождающий; слуга имущих правителей; прислужник Азирет Али (Әзірет Әлі). У казахов сохранилась легенда, что когда был великий потоп, первым от корабля Нух (Ной) пророка до Казыгурта дошел Камбар ата. У кыргызов тоже Камбар ата рассматривается как покровитель лошадей, и самому красивому, статному коню они дают прозвище «Камбар ата» [1, 33].

В словаре персидского языка есть такая форма *«һәмавәр»,* которая может быть основой «қамбар»: производитель, самец.

В основе имени *Шора* слово *шора* – начальник, господин» [2, 221].

В эпосах «Алпамыс», «Кобыланды батыр» встречаются такие имена, как Караман, Каражан, Каракоз. Эти слова однокоренные и производные. Они имеют семантику иногда этнонимическую, иногда географическую, иногда социальную, а иногда связаны с цветами и указывают на тюркское мировоззрение. Слова қара (черный) в тюркских языках имеет много переносных значений и употребляется не только как имя прилагательное, но и в субстантивной форме, как имя существительное. Оно в некоторых контекстах означает «сильный, ударный, хваткий»; а в других – «жестокий, матерый». В эпосе слово Қараман в контексте употребляется в значении «сильный, крепкий». А имя Қаражан употребляется как символ жестокости; «свирепый; немилосердный». В переводе с персидского ман – «человек, сильный человек» [2, 94].

Тайша и Тайшык - в эпосе «Алпамыс батыр» антропонимы социального характера. В основе лежат названия титулов младших и высокопоставленных чиновников ойратов (Хунтайшы-хонтайшы).

Алпамыс – тюркское слово. Похожие на него слова встречаются в литературных наследиях. В родословной Рашид- ад-дина встречается человек по имени Калмыш из конырат, с огузских времен известны такие имена как Тогурмыш, Калмыш. Отсюда можно сделать вывод, что эти имена очень древние, образуются при помощи суффикса «мыш» и созвучны слову Алпамыс. Имена Бамсы и Бамыш близки по образованию и семантике. Возможно, что антропоним Бамсы употребляется в форме Бамыс (Бамыш). Если впереди слова поставить эпитет «алып» («великан», «исполин», «гигант», «колосс»), который употребляется для тюркских героев, тогда имена меняются на Алып Бамыш-Алып Мамыш. Наше предполжение подтверждает высказывание: «В переводе с таджикского языка слово алп означает» богатырь, герой, сильный» [5, 11].

Тама – герой эпоса «Тама батыр». По нашему мнению, происхождение этого антропонима связано с казахским названием племени и рода. О варианте слова «тама- туба» Н.М. Ядринцев

пишет: «Что касается туба, то под этим именем в Сибири слывут самоеды: это же название присваивают себе Сойеты, и именем туба называют себя лесные татары Алтая» [1, 121]. Значит, слова *туба,тума* употребляются среди тюркских народов в Сибири.

В Атырауских и Манкыстауских регионах название тама или туба употребляется в первоначальной форме как тума, это название племен, которые входят в состав Младшего Жуза с названием реки Дон. Дон на греческом языке звучит как Танаис. Слово *танаис* состоит из двух компонентов: *тана+ис.* О значении второго компонента *ис (ус)* у Э.М. Мурзаева: «...монгольское *ус*, восходящее к орхоно-енисейскому *угуз,* тюркское с*у*, иранское *аб, об,* помимо основного значения «вода», в географических названиях употребляются в значениях «речка, небольшая речка», а иногда «озеро» и «канал» [5, 194]. Ономаст-ученый Т. Жанузаков о компоненте *–аш* этого древнего топонима пишет так : «...второй компонент *–аш* – часто встречается в урало-алтайской общности языков в различных фонетических вариантах: *-аз, -ас, -ес, -ыс, -иш, -ус* в значении «вода, река» [2, 9]. Отсюда вывод: компонент *–ис* в составе слова *танаис* надо рассматривать как «река, вода» и тогда название *танаис* обозначает «племена, обитающие вдоль реки».

Ономастика живо реагирует на происходящие в обществе изменения, поэтому она может служить хронологизатором текстов произведений, а также письменных памятников. Имена собственные сохраняют свидетельства более древнего состояния языка и содержат большую языковую и внеязыковую информацию, получить которую можно только лингвистическими исследованиями.

---

1. Боранбаев С. Ескі қыпшақ тіліндегі есімдерді салыстырмалы-тарихи тұрғыдан зерттеу (Арабша – қыпшақ сөздігі бойынша, XIV ғ.). – Алматы, 2000. – 133 б.
2. Жанұзақов Т. Есіміңіз кім? – Алматы: Қазақстан, 1995. – 355 б.
3.Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос.- Л.: Наука, 1974.
4. Жұбанов Е. Эпос тілінің өрнектері. – Алматы: Ғылым, 1978. – 163 б.
6. Казахские имена / отв. ред. Т. Жанұзақов. – Алматы: Кочевники, 2004. – 455 с.
7. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі: 10 томдық / бас ред. А. Ысқақов. – Алматы: Ғылым, 1978. – 4 т. – 685 б.
8. Қазақ фольклористикасы / Жалпы ред. басқ. проф. М. Ғабдуллин. – Алматы: Ғылым, 1972. – 297 б.
9. Комлев Н. Г., Ономасиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности, в кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков, М., 1968.
9. Қоңыратбаев Ә. Қазақ эпосы және түркология. – Алматы: Ғылым, 1987. – 368 б.
10. ҚТТС- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1974 – 1978. – 2 т. – 259 б.
12. Ногайцы // Тюркские народы: энциклопедический справочник. / Гл. ред. Б.Г. Аяган. – Алматы: ЗАО «Қазақ энциклопедиясы», 2004.- 384 с
13. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск: КЧИГИ, 1994.– 328с.

ХАПАЕВА С. М.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева

г. Карачаевск, Россия

АНА ТИЛНИ САКЪЛАУДА СЁЛЕШИУ КУЛЬТУРАНЫ МАГЪАНАСЫ

Хар миллетни да культура эм тарих традициялары тилде сакъланадыла. Хар адамны да миллет ангысын къурагъан затланы ичинде эм уллу магъана тилге бериледи. Халкъыбызны иги адетлери, джорукълары бла къалай махтана эсек, тилибиз бла, аны байлыгъы, сейирлиги бла да алай ёхтемленебиз.

«Орус тил байды, уллуду, кючлюдю», — дегенди белгили орус джазыучу. Бу оюм бизни къралда хар адамны да мыйысына сингдирилгенди, анга «огъай» дерик табыллыкъ тюлдю.

Бизни тилибизни сёз байлыгъы, сёз хазнасы орус тилден кем тюлдю. Орус тилге башха тилледен киргенча бир сёзню къошсакъ а, бизни тилибиз орус тилден да бай боллукъду. Философиялыкъ сагъышланы да, не тюрлю сезимни, оюмну да билдирирге мадар береди тилибиз. Анга шагъатха талай назму тизгин келтирейик: «Нек тууады бу джашаугъа бу къадар джан? Дуния шартха нек талпыйды чиририк сан? Нек келебиз бу дуниягъа къууанч эте? Джер юсюнден нек кетебиз джылау эте? Дун-дунияны арасында адам инсан – Ангы болгъан, оюм этген джангыз бир джан... Ким буюрду анга джерге тюгенирге? Ёлюм кёрмей джашар онгнга термилирге? Бу соруула хар акъылда къайнайдыла, Джууабларын кече-кюн да сакълайдыла... Адам а не... - заба юсде бир къумурсха, джукъ кёралмай алам деген уллу чарсда...» [4, с. 105]. «Джер – кёк тенгизде джюзген кемеди, Джетишеди толкъун, къоркъуу да анга, Адам къайгъыргъандан къайгъыра келеди Аны хар кюнден бегирек ангылай» [3, с. 34]. «Турлукъду хар зат, тургъаны кибик: Ёлюм джашауну джауу болгъанлай, Бир тубан басыб, бир да кюн тийиб, Кюнюбюз кете, джауум джаугъанлай...» [3, с. 17].

Мисалгъа къара сёз бла джазылгъан болмай, айырыб, назму тизгинлени нек алабыз дегеннге, Джырчыны сёзлери бла джуукъ берирге боллукъбуз: «Назму деген накъырда тюлдю, Джюрекге эшик ачады».

Бизге ата-бабаларыбыз къойгъан сейирлик тилни ёмюрю къаллай бир боллукъду? Ол бизни къолубуздады. Ана тилибизге уллу кёллюлюк этиб, анда сёлеширге ыйлыгъыб башласакъ, ол унутуллукъду. Юй-турмуш джумушланы баджарса да, литература тилибиз тас боллукъду. Къачан да къарачайлыланы тиллери ариу, адебли, намысха кёре ушагъыулу болгъанды. Ушагъыусуз сёлешиу адебсизликге, оспарлыкъгъа саналгъанды.

Сагъыш бир этейик: ариу, таза къарачай тилде сёлешген кёб адам билебизми? Миллионла бла адамла сёлешген, джюрютген орус тилни дараджасы тюшеди деб, орус алимле да, джазыучула да, кърал къуллукъчула да бек къайгъырадыла. Сора биз, гитче миллетчик, тилибизни тас бола баргъанына къуугъун нек этмейбиз?

Бу табсыз иш бизни миллетни арасында да кёб адамны джарсытады: школ устазланы, газетледе ишлегенлени, джазыучуланы, окъуучуланы да. Джангыз кърал къуллукъчуланы, оноу этерге, ишни тюзюне бурдурургъа мадарлары болгъан къауумланы джюреклери къайгъырмайды бу ауур ишге.

Тилни сакълауда сёлешиу культураны уллу магъанасы барды. Орус тилни джюрютгенлени арасында тилни стиль джаны бла сёлешиу культурасы тюшгенди деб къралыбызны башчыларына дери бушуу этедиле. Бизни тилибизни джюрютгенлени уа, къарачайлыла бла малкъарлыланы, сёлешгенлерине тынгыласакъ, эшитгенинг – къуру орус тилден неда европалы тилледен орус тилни юсю бла кирген сёзледиле. Керек болса, болмаса да, кесибизни тилибизде болгъан сёзлени орнуна тыш тилледен кирген сёзлени хайырландыра, эки сёзню къарачайча, ючюнчюню орусча айта сёлешебиз. Алай тукъум сёлешсек, кесибизни уллу билимли, культуралы адамлагъа санайбыз, культурабызны кемлигине шагъатлыкъ кесибиз этгенибизни ангыламай.

Бусагъат заманда бизни къралда сёлешиу тилни культурасыны дараджасы кемсиз тюшгени себебли, школланы гитче классларындан башлаб, баш билим берген учреждениелеге (вузлагъа) дери тил чемерликге, сёлешиу усталыкъгъа юретиу, окъутуу юзмегенлей бардырылыр мадар бериледи.

Окъуучуланы тилни системасындан билимлерин ёсдюрюу процесс окъутхан бла къалмай, юретиу борчланы да толтурургъа тыйыншлыды.

Тилни, аны джорукъларын, мадарларын билиу, риториканы – сёлешиу искусствону – билиу, кесинги кёлюнгдегин толу ачыкъларгъа хыйсаб берген бла къалмай, башха адамланы ангыларына кесинг излегенни сингдирирге, ётдюрюрге да, муратларынга, излегенинге джетерге да болушады, себеб болады.

Бу башында айтханыбыз, бизни кёлюбюз бла, этиллик ишлени, борчланы, муратланы кескин белгилерге мадар береди: ана тилни юсюнден, аны байлыгъыны, тил мадарларыны, къурулушуну, джашауда хайырландырылгъан формаларыны юсюнден толу билим берирге; сёлешиу культураны тамаллары бла, литература тилни тюрлю-тюрлю нормалары бла, аны вариантлары бла шагъырей этерге; ораторлукъ искусствону баш шартларына юретирге; адамлагъа бир-бирин ангылауда сёлешиу баш мадар болгъанын кёргюзюрге д.а.к.

Башхача айтсакъ, бусагъатдагъы къарачай-малкъар тилни хайырландырылгъан сфераларында, аны сёлешиу эм джазма формаларында да джюрютюлген тилни билиуню эм ол тилде сёлешиуню дараджасын ёсдюрюу хар къайсыбызны да къайгъыртхан, амалсыз этиллик, баш борчланы бириди.

Тил – историялы халда, ёмюрлени узагъына тюзеле, джарашдырыла баргъан, адамлагъа бир-бирин ангыларгъа, кёллериндегин билдирирге мадар берген тауушланы, сёзлени, грамматика мадарланы системасыды.

Бу системаны адам туугъанындан билиб башлайды. Бешик джырла, таурухла, тёгерекдеги адамланы сёлешгенлери – бары да ана тилни тауушларыдыла. Юч – беш джылына сабий талай сёзню биледи, айтымла къураб башлайды, кеси да эсгермегенлей, тюз сёлешеди, грамматика джаны бла тилни джорукъларын бузмай хайырландырады. Кесини кёлюндегин ангылатады, айтылгъанны ангылайды. Алай а сабий ана тилге системалы халда школда, вузда юренеди (орус тилге уа – сабий садлада, лицейледе д.а.б.). Тилге юрене, окъуй баргъаны бла, адам къуру тилни системасын билген бла къалмайды, аны ангысы ёседи, ол халкъыны тарихин биледи, тёгерекдеги дуния бла шагъырей болады.

Алимле айтханнга кёре, тил – эм уллу, эм кючлю устазды. Белгили къаджар поэт, философ Саади XIII ёмюрде былай джазгъанды:

Акъыллымыса сен, телимисе,
Онглумуса, онгсузмуса,
Билмейбиз биз, алкъын
Сен сёз айтмагъанса!

Сёз, сёлешиу – адамны культурасын кёргюзедиле, аны ангысыны айныгъан дараджасын белгилейдиле. Аны себебли, ана тилин билиу, аны бла хайырланыу – джамагъатны арасында онглу орун алыргъа излегеннге амалсыз керекли затладыла.

Тилибизни сакълауда, аны сыйын кёлтюрюуде сёлешиу культураны магъанасы бек уллуду, ол кеси да бу затладан къуралады: литература тилни, аны ауз эм джазма формаларын тынгылы билиуден; сёлешиу болумгъа кёре, коммуникациялыкъ борчланы тыйншлы толтургъан тил мадарланы хайырландыра билиуден; сёлешиуде этикалыкъ джорукъланы сакълаудан.

Алайды да, сёлешиуню культурасы юч компонентден къуралады: нормативли, коммуникативли, этикалы.

Эм алгъа, эм биринчи, сёлешиу культура литература тилни нормаларын бузмай хайырландырыуну излейди, алай дегенибиз, тюз сёлешиуню. Тил культураны ара багъанасы – тил нормады. Сёлешиу культурада уа нормативли аспект эм магъаналыгъа саналады. «Тюз сёлеше билиу – ол махтау (махтанырча зат) тюлдю, тюз сёлеше билмеу а – бедишди, - дегенди белгили оратор Цицерон. – Нек десек, тюз сёлешиу уста ораторну ашхы шарты тюлдю, хар гражданинни да (хар адамны да) амалсыз шартыды» [2, с. 119].

Окъууу, билими болмагъан адамны сёлешген заманында тилни джорукъларын бузууу, терс, табсыз, ушагъыусуз сёлешиуюю аны культурасыны, ишленмеклигини, ангысыны дараджасы къолайсыз болгъанына шагъатлыкъ этедиле. Окъууу, билими болгъан адамны тилинде халатла уа ол адамны кесини ишине, борчларына, тёгерегинде адамлагъа уллу эс бёлмегенине, «хо-хо» деген кёзден къарагъанына шагъатлыкъ этедиле. Эм алгъа бу школлада, вузлада, радиода, газетде, телевидениеде, къырал учреждениеледе ишлегенлени юсюнден айтылады: джамагъатны аллында сюелгенлени юсюнден.

Сёлешиу культураны коммуникативли аспектини магъанасы – айтыргъа излегенибизни кескин, тыйыншлы билдирир ючюн, керекли тил мадарланы сайлауду. «Лингвистикалыкъ джаны бла мийик культуралы джамагъатны баш мураты «хар излемни - кесини мадарлары» деген оюм болургъа керекди», - дегенди белгили алим Г.О. Винокур [1, с. 175].

Сёлешиу культураны этикалыкъ аспекти хар белгили болумда энчи сёлешиу джорукъланы билиуню эм хайырландырыуну излейди. Сёлешиуню этикалыкъ нормалары деб сёлешиу этикетге айтадыла: саламлашыуну, тилекни, соруну, алгъышлауну, разылыкъны танытыуну д.а.к.; «сен» неда «сиз» дегенни, адамны атын толусу бла неда къысхартыб айтыуну, айланыуну джорукъларын – быланы билиу сёлешиу культураны амалсыз шартыды.

Сёлешиу этикетге сёлешген адамланы джыллары, социал статуслары, аланы араларында келишиуню халы: официал, официал болмагъан, тенглик, ички (интим халда), заман, орун эм алача башха факторланы уллу магъаналары барды. Сёлешиу культура оспар тилде сёлешиуге, сыйсыз сёзлени хайырландырыугъа, ауазны кёлтюрюб, къычырыб, хыны халда сёлешиуге тыйгъыч салады.

«Хар тиллини кесини тили Болады анга джулдуз да, Ай да, Ана тилин сюймеген – джарлы, узун сёзню къысхасы - алайды», - деб джазады Лайпанланы Б. [3, с. 47]. Алайды да, поэтни бу сёзлерине разы бола, къайсыбыз да, айтхан сёзюбюз, ким да ангыларча тюз, таб къуралгъан, ариу, адебли, кескин, таза болурун излесек, дурус эди.

1. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. - М.,1991
2. Вопросы стиля художественной литературы: сборник статей. - М.,2007
3. Лайпанланы Билал. «Бусакъла». – Черкесск, 1986
4. Семенланы Сымайыл. «Джырла бла назмула». – М., 1992

ХУЖЕВА Л. К.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ЯЗЫКОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Как известно, народы в ходе своего развития контактируют друг с другом, вследствие чего происходит взаимовлияние, взаимообогащение не только культур, но и языков. Вопрос о степени взаимовлияния языков определяется историческими, лингвистическими условиями, в которых происходят контакты между языками разных народов.

Адыгско-тюркские этнолингвистические связи имеют многовековую историю. Как отмечает А. К. Шагиров, «абсолютное большинство тюркизмов попало к адыгам, надо думать, во время татарского ига и в период турецко-крымской экспансии на Северо-Западном Кавказе» [9:99]. В процессе экономических, политических и культурных связей с тюркскими народами (балкарцы, карачаевцы, ногайцы, татары и др.) в лексику кабардино-черкесского языка вошло много заимствований из области торговли, военного дела, растительного мира, названий орудий труда, названий предметов быта, религии и т.д. Тюркские языки для кабардино-черкесского языка также стали языками-посредниками, и посредством их заимствованы некоторые лексемы из арабского, персидского, иранского языков, как, например: андез/амдез «омовение перед молитвой», ног. абдес, к.-балк. – абдез; гуэныхь «грех», ног. куьна – заимствованы из персидского языка посредством турецкого; насып «счастье; участь, удел», ног. наьсип, к.-балк. насыб – из арабского посредством турецкого и мн. др.

Большинство тюркизмов были заимствованы в связи с заимствованием обозначаемых ими понятий: жызум «виноград», шынакъ «чашка глубокая» (ног. – шынак, шынъ аяк «фарфоровая чашка»), сату «торговля» (ног. сатув), къамэ «кинжал» (ног. кама) и др.). Некоторые же слова заимствовались для устранения многозначности слов в кабардино-черкесском языке, для того, чтобы конкретизировать сферу употребления. Для примера возьмем заимствованную лексему хьэуа «воздух» (ног. ава «то же») и исконное кабардино-черкесское слово жьы в значении «воздух; ветер». Здесь заимствованное слово «хьэуа» суживает значение исконного слова «жьы», «хотя и не устраняет его исходной полисемии» [4:222].

Причиной других заимствований явилась замена некоторых двух-, трех-составных названий в кабардино-черкесском языке: вместо щхьэгъубжэӀупӀэ «ставни» (каб.-черк.)

(состоит из щхьэгъубжэ «окно»+lупlэ от глагола lупlэн «закрыть») – (тюрк.) къэбакъ, (ног. капак); тхьэджэд «индюк» (из тхьэ «бог, божество»+джэд «курица»; букв.: курица бога, божества) –тюрк. гуэгуш, ног. коькис; псыджэд «утка» (из псы «вода»+джэд «курица»; букв.: водяная птица») –тюрк. бабыщ, ног. бaьпий и др. В языке присутствуют заимствования, которые вошли в кабардино-черкесский язык как параллели к исконным лексемам, образуя синонимические ряды (тхьэ – алыхь «бог», нур – нэху «свет», жьы – хьэуа «воздух», хы – тенджыз «море» и др.). Такие же пары возникли и на базе заимствованных лексем (хьэлэч – Iисраф «очень плохой, испорченный», къэлэн – борш «долг, обязанность».

Многие тюркские заимствования органически вошли в кабардино-черкесский язык. О полном их освоении говорит то, что они получили повсеместное распространение, сыграв существенную роль в обогащении лексической системы кабардино-черкесского языка, и носителями кабардино-черкесского языка они не воспринимаются как заимствования.

Не менее значительна роль заимствований в образовании фразеологических единиц кабардино-черкесского языка, где они выступают в роли стержневых элементов (сэкъат щlын «искалечить», ног. сакат «калека, инвалид»; насып тlуащlэ «двойное счастье»; аразы щlын «удовлетворить кого-либо», ног. разы «довольный, удовлетворенный» и мн. др.). Приведенные примеры показывают степень ассимиляции заимствованных тюркских лексем на новой языковой почве, т.е. в лексической системе кабардино-черкесского языка.

Как видим, тюркские заимствования, как и многие другие, отражая экономические, культурные связи, обусловили не только количественные, но качественные изменения в лексической системе кабардино-черкесского заимствующего языка.

Со временем некоторые тюркские заимствования были заменены исконными новообразованиями или заимствованиями из русского языка. Тем не менее, в своем большинстве они прочно вошли в кабардино-черкесский язык, некоторые из них укоренились в языке в новых значениях. Одной из главных особенностей данных заимствований является их использование для образования новых, свободных и устойчивых слов и словосочетаний, их переосмысление с лексической точки зрения, а также стилистической. Использование тюркских заимствований способствовало значительному расширению функциональных возможностей кабардино-черкесского языка.

Слова, присутствующие в кабардино-черкесском и тюркских языках, и имеющие одинаковые звучания, можно разделить на следующие группы:

1. слова из области мифологии и религии:

ажал, аджал «смерть, смертный час» (ног. аьжел, к.-балк. аджал), ахърэт «загробный мир» (ног. ахырет, к.-балк ахырат), ефэнды «эфенди» (ног. аьпенди, к.-балк. апенди), жыхьэнэмэ «ад» (ног. яханем, к.-балк . джаханим), бытыр «подаяния по случаю окончания уразы; пожертвование после уборки урожая» (ног. битир), къады «судья (мус.)» (ног. – кады), молэ «мулла» (ног. – молла);.

2. слова из области просвещения:

дерс «домашнее задание, урок», в турецком в значении «урок, лекция, курс» [9:90], ног. – дерис, в к.-балк. – дерс в том же значении, как в кабардино-черкесском языке; нагъыщэ «знак (грам.)» (тур. «разрисовка, раскрашивание; рисунок [там же], хьэрыф «буква» (ног. – аьрип) и др.

3. слова с абстрактными понятиями:

акъыл «ум, разум» (ног. акыл, к.-балк. акъыл); борш «долг» (ног. борыш, к.-балк. борч); къаугъэ «скандал» (в тюрк. языках «шум, крик; спор, ссора; скандал» [9:84]), (ног. кавга «l.1.война, 2.скандал; ll. (уст.) кожаное ведро», в к.-балк. – къайгъы, а также къаугъа «тревога, ссора»); мурад «цель, намерение; желание» (ног. мырат, к.-балк. мурат); нэмыс «честь, достоинство, приличие (в тур. то же, и еще «совесть» [там же]), (кар., ног. – намыс «честь, совесть»); уэсят «завещание, завет» (ног. оьсиет, к.-балк. осият);

4. общественно-политические термины:

къэрал «страна, государство» (в турецком в значении «царь не магометанский, король» [9:88]), к.-балк. кърал; къэрэгъул «стража, караул, охрана, сторож, часовой» (в турецком - «стража, пикет» [7:88]), ног. караул, к.-балк. къарауул; пащтыхь «царь, государь, король,

падишах» (в турецком из персидского в значении «падишах, султан; монарх, государь» [9: 89]), ног. патша, к.-балк. патча; тутнакъ (хьэпсэ) «тюрьма, карцер, темница», ног. тутнак, к.-балк. тутмакъ и др.

4. слова из животного мира:

алашэ «мерин», в тюркских языках в значении «мерин, кляча» [9:90], ног. аласа в значении «I. мерин; II. низкий, невысокий», к.-балк. алаша; алъп «сказочный конь-богатырь», в тюркских языках в значении «исполин, великан, богатырь, герой» [9:90], ног. алып; былым «скот», в тюркских языках билим в значении «знание, познание»; мэл «овца», в тюркских – «крупный рогатый скот, домашние животные», ног. мал «скотина; богатство, состояние, имущество», к.-балк. мал в том же значении; пыл «слон», к.-балк. – пил; къундуз «выдра», к.-балк. къундуз из арабского в значении «куница» [10:69], существует и в значении «бобр»;

5. названия, связанные с растительным миром:

хъыуан «дыня», ног. кавын, к.-балк. хауун; къэрэмфил «гвоздика», ног. карампил, к.-балк. къалампир; пкъынэ «хна», ног. кына, карач.къына; чэрэз «вишня», в турецком в значении «черешня» [9:98]; балий «вишня», к.-балк. балий; хъарбыз «арбуз», ног. карбыз, к.-балк. харбыз [3:58-59] и др.

6. названия предметов и явлений неживой природы:

борэн «буран, метель» (ног.,к.-балк. «боран»), гуэл «озеро» (ног. коьл, к.-балк. кёл), тенджыз «море» (ног. тенъиз, к.-балк. тенгиз), толъкъун «волна» (ног. толкын, к.-балк. толкъун), нур «луч, сияние» (ног. нур, к.-балк. нюр) и др.

7. названия металлов: жэз «медь; латунь», ног. ез; мэлъхъэдис «магнит», к.-балк. – мукълэдис; ахъшэдэщ «квасцы», к.-балк. ачыуташ;ног. ашувтас; налкъут «изумруд», в турецком - «рубин» [9:101], к.-балк. - накъут, къызыл накъут «рубин»); нэлмэс «алмаз», к.-балк. – налмаз; налкъут-нэлмэз «драгоценные камни», к.-балк. – накъут-налмаз «драгоценности всякого рода» [11:118] и др.

8. названия предметов быта, орудий труда:

бэлагъ «лопатка для размешивания, вымешивания мамалыги, пасты» (от тюрк. былга-, болга-, булга- «мешать, размешивать» [9: 101]), ног. балак; бру «бурав», ног. бурав, к.-балк. буруу; къумгъан/къубгъан «металлический кувшин с узким горлом для омовения или умывания», ног. кумган; сабын «мыло», ног. сабын, к.-балк. сапын; табэ «сковорода», ног., к.-балк. «таба»; тепщэч «тарелка», ног., к.-балк. «тепшек»;

9. названия строений, их частей:

къакъырэ «сарай, навес», ног. какыра; сэрей «замок, дворец; высокий забор, ограда», в турецком языке из персидского в значении «дворец»; къалэ «город; замок; квартал», ног. кала «1.крепость; 2. город», к.-балк. къала «замок»; уэнжакъ «дымоход» (в турецком «очаг, камин, дымоход»[9:108]), ног. ожак, к.-балк. оджакъ «дымоходная труба»; хьэмам «баня», ног. амам, к.-балк. хамам и др.

10. названия продуктов питания:

жэрумэ «домашняя колбаса из требухи и кишок», ног. йоьрме; къэлътамэ «лепешки, жаренные в растительном масле», ног. катлама; къундэпсоу «сыворотка», к.-балк. «пахта» лэкъум «лепешки, жареные в растительном масле» (в турецком из арабского в значении «пирожок с молоком и миндалем» [9:110], ног. локум; хьэлыуэ «халва», ног. алува, к.-балк. халыуа [3:58-59] и др.

11. названия одежды и их частей:

башлыкъ «башлык», ног. баслык, к.-балк. башлыкъ; куэншыбэ «корсет», ног. шыба, к.-балк.- чуба; къэптал «кафтан, бешмет», ног. каптал, к.-балк. къаптал; шырыкъу «ботинки, сапог», ног. шарык, к.-балк. чурукъ и др.

Существуют факты заимствования из кабардино-черкесского в другие языки. Заметное место занимает лексика кабардино-черкесского языка в карачаево-балкарском языке. Возьмем, к примеру: хантус (к.-балк.) хьэнтхъупс (каб.-черк.) «суп с крупой, похлебка»; баста (к.-балк.) – пIастэ (каб.-черк.) «паста; быхъы (к.-балк.) – пхъы (каб.-черк.) «морковь» [3:58-59]; ; бехция (к.-балк.) – бохуцей (каб.-черк.) «платье»; гоша (к.-балк.) – гуащэ (каб.-черк.) «княгиня; госпожа; свекровь»; керох (к.-балк.) – кIэрахъуэ (каб.-черк.) «наган,

пистолет» [1: 243]; наша (к.-балк.) – нащэ (каб.-черк.) «огурец» [11:120]; хаух (к.-балк.) – хьэху (каб.-черк.) «напрокат» [11:120]; адакъа (к.-балк.) – адакъэ (каб.-черк.) «петух» [там же] и мн. др.

Известный исследователь Б.Х.Балкаров отметил присутствие в разных областях осетинского языка значительного количества кабардино-черкесских заимствований. Так, например: 1. слова-понятия, имеющие общественный характер: дзылла (осет.) – жылэ (каб.-черк.) «общество, население, мир, человечество», уынаффа (осет.) – унафэ (каб.-черк.) «совет, решение, распоряжение», цъеин (осет.) – щlеин (каб.-черк.) «имущество в наследство, полученное от несчастного случая», уынаут (осет.) – унэlут (каб.-черк.) «прислуга» и др.

2. лексика флоры: затха (осет.) – зэнтхъ (уст., каб.-черк.) «овес», апха (осет.-пхъы (каб.-черк.) «морковь», цывзы (осет.) – шыбжий (каб.-черк.) «красный перец», гедгин/джедджын (осет.) – джэдгын (каб.-черк.) «чебрец» и др.

3. слова, обозначающие орудия труда: хъогъанца (осет.) – кхъуэхьэнцэ (каб.-черк.) «лопаточка для чистки лемеха от земли», гуыффа (осет.) – гуфэ (каб.-черк.) «кузов телеги», джида (осет.) – джыдэ (каб.-черк.) «топор» и др. По мнению того же Б.Х.Балкарова, в осетинском языке присутствуют кабардино-черкесские лексемы из области военного дела, искусства, национальной кухни и т.д. [2: 8-65].

Следует отметить, что в кабардино-черкесском языке мы имеем слова, в которых присутствует тюркский аффикс -сыз «без»: динсыз «безбожный», имансыз «безнравственный» и др. Данный аффикс не употребляется с исконными кабардино-черкесскими словами, его заменяет суффикс –ншэ в том же значении: напэншэ «бессовестный», зеиншэ «сирота» и т.д.

Сближение с русским народом привело к тому, что в кабардино-черкесский язык пришло много слов и выражений, которые в своем звучании претерпели много изменений:*(бочка – бошк1э, тачанка – тешанк1э, чайник – шеныч; лента – лентlэ, стол – стlол, платок – бэльтоку, конфета – кlэнфет, копейка – кlэпlейкlэ, капуста – къэбыстэ,шахта –шахтэ, собрание – собранэ* и др.). Но встречаются русские заимствования в кабардино-черкесском языке, которые не изменили свой фонетический облик *(колхоз, совхоз, бригадир, трактор* и др.). Здесь же необходимо отметить, что в настоящее время в речи черкесов часто используются русские слова без изменения их фонетического звучания (*телевизор, холодильник, компьютер, радио, трамвай, троллейбус, автобус, такси и мн. др.)*. Некоторые исследователи пытаются сделать дословный перевод русских заимствований для их дальнейшего использования в литературном кабардино-черкесском языке, как, например: *сабэлъэф «пылесос», щlылlалъэ «холодильник», щхъэтхылъ «паспорт», шыкъуэлэн «зебра», lэрыкlгъэж «скульптор»* [6:117, 124, 127], сабэщlэф «пылесос» и др. Как нам кажется, роль заимствований от их написания или звучания не уменьшается, они обогащают язык, делая его более гибким, не ущемляя самобытности заимствующего кабардино-черкесского языка, поскольку сохраняется основной словарь, а также присущие этому языку фонетические, грамматические законы. А такие искусственные переводы в какой-то степени искажают язык, и мы не видим необходимости в таких переводах.

---

1. Апажев М.Л. Современный кабардино-черкесский язык.— Нальчик, 2000.
2. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке.— Нальчик, 1965.
3. Кукаева С.А. О генетических пластах названий земледелия в ногайском языке //Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг.– СПб., 2003.
4. Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков.— М.: Наука, 1972.
5. Ногайско-русский словарь.- М., 1963; Карачаево-балкарский словарь.— М.: Русский язык, 1989.
6. Черкесов А. Материалы для толкового словаря кабардино-черкесского языка.— Нальчик, 2009.
7. Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков.— Нальчик, 1962.
8. Шагиров А.К. Вопросы сравнительно-исторических и этимологических исследований лексики адыгских языков.— Нальчик, 1971.
9. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков.— М.: Наука, 1989.
10. Эбзеева Ф.П. Структурно-семантические и функционально-стилистические особенности зоонимов карачаево-балкарского языка.— Нальчик, 2012.
11. Эркенова Ф.П. Некоторые источники пополнения карачаево-балкарских синонимов // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. — Черкесск, 1993.

ШИШКАНОВА А. В.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

НОГАЙСКО-РУССКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

Исследование дружественных взаимоотношений и лингвокультурных контактов народов Российского государства продолжает иметь непреходящее значение не только в научном плане, но и в плане интернационального воспитания подрастающего поколения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года численность ногайцев в РФ – 103660 человек. Из них в Республике Дагестан – 40407, на Ставрополье – 22006, в Карачаево-Черкесской Республике – 15654, в Чеченской Республике – 3444 человек. Основная часть ногайского этноса – активные носители национально-русского двуязычия, поэтому остается актуальным вопрос о дальнейшем развитии и совершенствовании национально-русского двуязычия как важнейшем государствосберегающем факторе.

Согласно данным Минобразования и науки КЧР, в республике ведется изучение ногайского языка в 9 общеобразовательных школах. Считаем, что для изучения ногайского языка необходимо продолжить его преподавание как предмета в многонациональных школах, а также вести обучение на ногайском языке по всем предметам в однонациональных начальных школах. На русско-национальном отделении Карачаево-Черкесского университета целесообразно готовить переводчиков с русского и ногайского языков, журналистов для СМИ. Немаловажно разработать учебники и учебные комплексы нового поколения с учетом диалога культур соседствующих народов, а также методику преподавания ногайского языка как неродного.

Неродственность и разносистемность русского и ногайского языков, длительное (в историческом плане) сосуществование всех национальных языков России способствовали широкому распространению в северокавказском регионе национально-русского двуязычия. В современный период русский язык как язык межнационального общения, общегосударственный язык РФ, один из пяти международных языков, выступает в качестве основного социокультурного фактора стабилизации и модернизации государства, способствуя общероссийской и мировой интеграции этносов. Наряду с изучением общегосударственного русского языка, важной государственной задачей является сохранение и дальнейшее развитие всех национальных языков Российской Федерации.

Известно, что основным компонентом в формировании ногайского этноса являются половцы-кипчаки. Русские летописи зафиксировали, что в 1094 году тмутараканский князь Олег-Михаил с помощью половцев захватил Чернигов [3].

Дружественные связи ногайцев с русскими имели место уже в конце ХУ века. Так, ногайские послы впервые прибыли в Москву в 1489 году. В посольской книге №1 по связям России с Ногайской Ордой зарегистрирован приезд послов в Москву в 1489 году к великому князю Ивану Васильевичу ...от Муссы мырзы и от Ямчургея мырзы» [3]. В конце ХУ века и в первой половине ХУI века в Москву прибывали и другие ногайские посольства.

Одним из первых заимствований из русского языка того времени считается слово «русский»: орыс – в ногайском языке, орус – в карачаево-балкарском, урыс – в кабардино-черкесском, урышв – в абазинском языке. Проникновение этнонимов (урыс, урышв, орыс, орус) как в лексику горских народов, так и в русскую речь (половцы, кипчаки, обезы, касоги, керкеты, аланы и др.) было вызвано устанавливаемыми контактами с Россией.

Древняя ногайская поговорка гласит: *«Орыстынъ дини – наьлет, тили – наьвмет!»*, т.е. русские – иноверцы, но язык русский – великое благо! (смысловой перевод А.Сикалиева), так как ногайцы по религиозной принадлежности входят в мусульманский культурно-религиозный ареал Северного Кавказа и Юга России.

В советский период под влиянием русского языка начали интенсивно обогащаться лексика ногайского языка, совершенствоваться его грамматический строй, эволюциони-

ровать выразительные средства, произошла функционально-стилевая дифференциация ногайского литературного языка. Например, изданный словарь общественно-политической лексики и терминологии ногайского языка [5] констатирует, что ногайский язык, частично имевший исконную терминологию, пополнился одним из основных пластов лексики – общественно-политической лексикой и терминологией. Она вошла из русского языка или через его посредничество путем прямого заимствования, калькирования русских слов, их семантического освоения, морфологического и фонетического оформления элементами родных языков, а также на базе исконного материала.

Лингвокультурное взаимодействие этносов, следовательно, и их языков привело к тому, что русские названия ныне широко используются как топонимы в речи ногайского населения Карачаево-Черкесии: станицы *Кардоникская, Красногорская, Исправная, Преградная, Зеленчукская, Сторожевая, Верхняя Ермоловка, деревня Грушка, хутор Важный* и т.п. И наоборот, в речи русских общеупотребительны ногайские топонимы, к примеру, *Кызыл-Тогай, Кызыл-Юрт, Эльбурган, Эркин-Юрт, Икон-Халк, Адиль-Халк, Эркин-Халк, Эркин-Шахар, Эркин-Юрт* и т.п.

О влиянии национальной речи на русскую речь жителей Карачаево-Черкесии свидетельствует тот факт, что в русскую речь из родной речи народов Карачаево-Черкесии вошли такие, например, тюркские лексемы, как *аксакал, тамада, карандаш, сундук, таган, айран, хычин, тузлук, сохта, джерме, берек, казан, кумган, арба, баслык* (башлык), ногайские лексемы *сабантуй* (сабантой), *йогурт, ногай-шай* и другие, связанные с названием предметов национального быта, кухни, частей тела и др.

В современный период из русского языка, а чаще – через его посредничество – в ногайский язык продолжают входить русские и интернациональные заимствования. Как показал анализ собранного материала, ногайский язык пополнился следующими группами иноязычной лексики:

1) общеупотребительная лексика, связанная с демократическим устройством российского общества, общественно-политическая терминология и др., напр.: *референдум, вице-президент, мэр, спикер, саммит, парламент, Дума* (в значении парламент), *приватизация, телемарафон, толерантность, менталитет, проект, рейтинг* и другие;

2) лексика, связанная с распространением компьютерных и нанотехнологий, напр.: *компьютер, интернет, монитор, сканер, принтер, джойстик, файл,* цифра (в значении «цифровая аппаратура»), *фотоаппарат, флешка, мобильный, телефон,* и др.;

3) лексика, связанная с названиями строительных материалов, элементов интерьера: *цемент, клей, пластик, ламинат, обои, гипсокартон, металлопластик, линолеум* и т.п.;

4) наименования продуктов питания, новых бытовых приборов и приспособлений, напр.: *кетчуп, оливье, ассорти, микроволновка (печь), миксер, кондиционер, фен, мультиварка* и др.;

5) наименования профессий, организаций, отраслей знаний, концепций: менеджер, колледж, лицей, кооператор, бизнесмен, омон, электроника, менеджмент, управление (специальность), аудит, полпред, риелтор, программист, эколог, дизайн, информатика, мониторинг и др.;

6) лексика, связанная с рыночными отношениями, напр.: коммерция, акция, котировка, инфляция, офис, список, инвестиция, спонсор, бизнес, аукцион, лицензия, бизнес-план, тендер, маркетинг и мн. др.;

7) спортивная лексика и терминология, напр.: самбо, футбол, волейбол, баскетбол, бокс, гол, фристайл, боулинг, бобслей, биатлон, дзюдо, каратэ, нокаут, нокдаун, тренер, гимнастика и т.п..;

8) названия автомобилей иностранного производства, напр.: джип, ауди, опель, фольксваген, линкольн, фиат, рено, форд, тойота, мерседес, мицубиси, субару, мазда, пежо и др.;

9) многочисленные аббревиатуры, напр.: СНГ, КЧР, КБР, РФ, ОМОН, ОАО, ЮФО, ВТО, ЗАО, ЕГЭ, САО (Специальная астрофизическая лаборатория РАН в поселке Нижний Архыз КЧР) и т.п.

Таким образом, как свидетельствует анализ лексических заимствований русского и ногайского языков, русский язык оказывал и продолжает оказывать значительное влияние на обогащение лексического фонда ногайского языка, а ногайский язык вносит свои особенности в региональную русскую речь жителей Карачаево-Черкесии. Ногайский язык

адаптирует иноязычные элементы, входящие из русского языка или через его посредничество, как собственно русские, так и интернационального характера, как и другие живые языки народов мира, которые развиваются, лишь вбирая в себя все новое и новое.

В постсоветский период, на последних этапах перестроечного процесса в РФ, начала осуществляться политика множественности государственных языков. Так, Конституцией КЧР ногайский язык назван одним из пяти государственных языков Карачаево-Черкесской Республики. На ногайском языке в КЧР издаются газеты «Ногай давысы», детский журнал «Мальметекей», художественная, публицистическая, научная, научно-методическая литература и др. В ноябре 2013 г. в Карачаево-Черкесии проведена презентация спектакля на ногайском языке, приуроченного к открытию Ногайского театра.

Немаловажно отметить, что в последние годы происходит также значительная активизация собственных языковых ресурсов ногайского языка: восстанавливаются бывшие ранее в употреблении названия и параллельно с ними используются заимствования из русского языка. Так, например, в современных языках народов Карачаево-Черкесии, наряду с исконными, бытуют и русские названия месяцев года и дней недели [6]. Приведем примеры параллельного функционирования ногайских и русских лексем с названиями месяцев года в речи ногайцев: каты кыс // канъытар – январь; увыт – февраль; навруз – март; коьктек ай – апрель; куралай, мамыр ай – май; тамбыз // тамыз – июнь; шилле // яй шилле - июль; сарытамыз - август; кырккийик // орак ай – сентябрь; кели айы// казан айы – октябрь; конъыр куъз //караша ай – ноябрь; карагыс – декабрь.

Имеют место примеры параллельного использования в речи ногайцев лексем, называющих дни недели: дуьйсемби – понедельник; сальи – вторник; саьрсемби – среда; бийсемби – четверг; юма – пятница; юма эртеси- суббота; каты куьн // базар куьн – воскресенье.

Таким образом, русский язык является одним из источников развития общественно-политической и специальной ногайской терминологии. Многочисленные лингвокультурные контакты ногайцев и русских свидетельствуют об историческом взаимодействии, добрососедстве этносов и их языков.

---

1. Данные Интернет-ресурса.
2. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Том 1. – Ставрополь, 1967.- С. 231.
3 . Р.Х. Керейтов. О вхождении ногайцев в состав России // Россия в исторических судьбах народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 2009. – С. 98 – 107; А.Х. Курмансеитова. Посольская переписка правителей Орды с российскими государями // Вестник КЧИГИ. Выпуск 3. Черкесск, 2004.- С.77 – 78.
4. И.Х. Калмыков, Р.Х.Керейтов, А.И.Сикалиев. Ногайцы. — Черкесск, 1988. – 232 с.
5. Русско-ногайский словарь общественно-политической терминологии /Сост. Джанибеков Э.Х., Калмыкова С.А., Капаев С.И., Карасов Б.А. — Черкесск, 1981.
6. В публикациях Р.Х.Керейтова даются подробная характеристика и этимологии исконных наименований месяцев по григорианскому календарю. См.: Р.Х. Керейтов. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев. // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1989. – С. 91 – 142

ЭБЗЕЕВА Ф. П.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР г. Черкесск, Россия.

РОЛЬ ЗООНИМОВ В ПРОЦЕССЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ

Зоонимы активно участвуют в процессе номинации различных предметов и явлений. Например, они лежат в основе номинации растений, болезней животных и людей, животноводческих предприятий, предметов быта, станов и стойбищ, отары, стада и стай, игр, цветов (окрасок), построек для содержания скота, антропонимов, топонимов и др.

Довольно распространенными являются названия растений, производные от зоонимов. Среди них выделяются названия:

1) бахчевых: *мал чюгюндюр* «кормовая свекла», *тонгуз чыгъана* (балк.) (один из видов лопуха), *тонгуз хыяр* (балк.) «кабачки» и др.: *Хастанны тёгерегинде кёб мал чюгюндюр да джыйгъандыла (Залийханланы Дж.)* «Вокруг сарая собрали много кормовой свеклы»;

2) травянистых: *ит дугъум* «паслен», *эшек джууала* «грибы», *эшек чыгъанакъ* «чертополох», *эшек шинжи* «осока», *джылан сют* «малочай», *джылан эмизик* «клевер ползучий», *ит-тил-чапыракъ* «подорожник», *марал-чёб-башы* «борщевик» и др.: *Ары-бери чабыб, марал-чёб-башланы уруб, токъмакъларын чортлатыб башлайбыз (Чотчаланы М.)* «Бегаем туда-сюда, бьем [палками] по головкам борщевиков, которые падают»; *Сюрюлмей къалгъан сабанлада, бахча къыйырлада джылан сют кёб тюбейди* (КЪМТАС) «На незасеянном поле, возле огородов малочай встречается часто»;

3) древовидных: *эчкиагъач* «вяз», *бёрюагъач* (букв.) «волчье дерево» (дерево, из которого делали ткацкие челноки), *айю / айыу* (балк.) *тырнакъ* (вид дерева с мягкой корой): *Джангы чакъгъан эчкиагъашчыкъ джелден къалтырай, бутагъына къарылгъашчыкъ къонады джырлай («Джилтинле»)* «Только зацветший вяз трясется от ветра, на ветку его садится ласточка и поет».

Большая часть травянистых растений получила свое название на основе сравнения с частью тела животного: *ат къулакъ, джылкъы къулакъ* «конский щавель» (*ат* «конь, лошадь» и *къулакъ* «ухо»), *айючач / айыучач* (балк.) «ковыль» *(айю / айыу* «медведь» и *чач* «волосы»), *чыпчыкъкёз* «жасмин» *(чыпчыкъ* «птичка» и *кёз* «глаз»), *бёрюкёз* «паслен персидский» *(бёрю* «волк» и *кёз* «глаз»), *айютабан / айыутабан* «аконит» (*айю / айыу* «медведь» и *табан* «пятка»), *тюлкюкъуйрукъ* «дикое просо» (*тюлкю* «лиса» и *къуйрукъ* «хвост») и др.: *Хаджланы да, адамланыча, бизге шоху, тушманы барды! джауларыбыз: ма залыкъылды, кёбдюрюб ёлтюргенин ат къулакъ (Ёртенланы А.)* «У хаджев (паломников), как и у других [людей], есть враги и друзья для нас! Враги наши: вот рододендрон, конский щавель, от которого опухают животы и умирают»;

Приведенные факты опровергают мнение, согласно которому в основе номинаций растений лежат лишь некоторые зоонимы (Шаваева 2009: 89).

Названия построек для содержания домашних животных, в основном скота, в основе которых лежат зоонимы, также представлены широко. В них обычно передаются понятия: «место, загороженное место, навес, хлев, сарай, стойло», предназначенные для определенного вида скота, птиц и т.п.: *къой орун* «овчарня», *ат орун* «конюшня», *мал орун* (*тууар орун*) «сарай», «хлев», *эчки бау* «хлев для коз», *ийнек орун* «коровник», *тонгуз орун* «свинарник», *бузоу орун* «телятник», *тауукъ орун* «курятник», *кёгюрчюн орун* «голубятник», *къой бау* «овчарня», *ит орун* «конура» и др.: *Председатель мал орунну бирси джанында атланы къатларына келиб тохтады* (Толгъурланы З.) «Председатель [колхоза] пришел и остановился на той стороне сарая [помещения для скота], возле лошадей»; [Анасы Мурадиннге:] *Акъырын кир да, тауукъ орунда адакъаладан бир уллурагъын келтир* (Ахматланы И.) «[Мать своему сыну Мурадину:] Бесшумно зайди в курятник и принеси петуха покрупнее».

Как видно из примеров, в приведенных сложных названиях первый компонент, являясь видовым названием животного, указывает на принадлежность постройки, а второй передает понятия «место», «хлев», «сарай», «конура».

Следует отметить, что односоставные названия построек тоже включают в себя понятие принадлежности какому-либо определенному виду скота и некоторых других животных: *джатма* «навес, *хлев* (крупного скота)», *бырын* «закут (угол в овчарне для ягнят или слабых овец)», *ылышкыра* «каменная ограда для овец», *кюрке / курка* (балк.) «берлога (логово медведя)», *мишеген* «мышиная норка со съестными запасами, собранными мышью» и др.: *Кёзлери чарс кёре, [афенди] атла джыйылгъан джатманы тюбюне барыб къарагъанында, бир осал ат тагъылыб тура эди* (Аппаланы Х.) «Когда он [эфенди], мутно видя, подошел к навесу, где обычно находились лошади, обнаружил лишь одну привязанную клячу»; *Ёнгелеген къойну бырыннга атханлай* (погов.) «Подобно тому как овцу, отказавшуюся от ягненка, бросили в закут»; *Айю кюркеге киргенлей* (погов.) «Как медведь в берлоге».

Распространенными являются и названия предметов быта, в составе которых содержатся зоонимы, являющиеся наименованиями тяглового скота: *ат илкич* «коновязь», *ат чалман* «специальная плетень для привязи», *ат къыргъыч* «скребок», *ат джер* «седло», *ёгюз арба* «воловья повозка», *ёгюз гебен* «средний стог (больше копны)», *ат арба* «конная повозка»,

эшек джиб (ц.д.) «длинный аркан, изготовленный из кожи вола, быка» и др.: *Аджирни иеси, бухар бёркюн бюклеб, къолуну аязына къагъыб, башына джангыдан джарашдыра, ат илкич таба кёз джетдирди* (Къобанланы Д.) «Хозяин жеребца помял бухарскую шапку и ударил ею о свою ладонь, собираясь ее одеть на голову, бросил взгляд на коновязь»; *Ёгюз арбагъа миниб джырлаб баргъан кишиле бизни соруубузну эшитирге да кюсемедиле (Токъумаланы Дж.)* «Мужчины, которые сидели на воловьей повозке и пели, не обратили внимания на наш вопрос».

Из других названий предметов, упомянутых выше, которые связаны с зоонимами, более или менее употребительны следующие:

1) названия болезней: *къоян ауруу* «эпилепсия, падучая», *эшек гуммос / губус* (балк.) «злокачественая опухоль», *ат сирке* «лишай, экзема», *ит ауруу* (эвф.) «горячка», «всякая тяжелая заразная болезнь», *макъа* «зоб», *къоянчакъ* «болезнь сухожилий»: *Дохтур эшек гуммосунг барды дегенден сора, акка кюнден-кюннге азыб башлады (Сылпагъарланы К.)* «После того, как доктор сказал, что он болен раком, дед изо дня в день стал худеть»;

2) названия животноводческих предприятий: *тауукъ ферма* «птицеферма», *джылкъы ферма* «конеферма», *ат завод* «конезавод»: Бизни *тийреде тауукъ ферма ишленнгенди (Байрамукъланы Х.)* «В нашем округе построена птицеферма»; *Бизни бёлюм ат заводда малы эм кёб бёлюмдю (Хапаланы З.)* «Наш отдел является самым богатым по количеству скота в конезаводе»;

3) названия отары, стада, стаи: *къой сюрюу* «отара овец», *эчки сюрюу* «отара коз», *туuар сюрюу* «стадо коров», *къаз сюрюу* «стая гусей», *тюе сюрюу* «стадо верблюдов»: *Къар джаумагъаныны хайырындан, ноябрь, декабрь айлада совхозну юч къой сюрюую да къауданда кечиннгендиле (Къудайланы Х.)* «Благодаря тому, что снег не выпал, в ноябре, декабре все три отары овец совхоза паслись на сухой траве (на корню)»;

4) названия игр: *къоян къачыу* (игра – один, убегая, гонит плетью свою юлу в снег, остальные догоняют, догнавший потом сам убегает, его догоняют), *эшек секириу* (м. гов.) (игра типа чехарды), *ат оюн* «горцевание», *бёрю оюн* (детская игра «Волки и пастухи»): *Асхат эшек секириу оюнда аллында энишге ийилиб тургъан Муратны юсю бла секириб ётмей, аркъасына олтуруб къалады (Таумырзаланы Д.)* «Асхат при игре в чехарду, не перепрыгивая через стоящего перед ним в согнутом положении Мурата, уселся на его спине»;

5) названия стана, становища, стоянки, стойбища: *къой къош* «овечий *стан,* чабарня», *туuар къош* «стойбище крупного рогатого скота», *джылкъы къош* «стоянка табуна»: *Нелляй бир джюрюгенин ким билсин, айлана барыб, Къарашауай ол кече нартны туuар къошунда къалады («Нартла»)* «В ту ночь Карашауай остался в стойбище, где находился крупный рогатый скот нарта»;

6) названия цветов (окрасок): *джумарыкъ бетли* (м. гов.) «цвета улара» (рябой), *джылан-ала* «пестрый как змея», *кёгюрчюн бетли* «серо-голубой; сизого (сизо-голубого) цвета»: *Джылан-ала чепкенинг къаматады кёзлени. (фольк.)* «Твое платье, пестрое как змея, ослепляет глаз.

Зоонимы активно используются и в культурно обусловленных номинациях человека. Как пишет А.И. Геляева, «русские и карачаево-балкарские антропонимы через множество коннотативых нитей связаны с разными семантическими зоонимами: названия животных и растений» (Геляева 2002: 125). В этой связи можно говорить о фамилиях карачаевцев и балкарцев, производных от антропонимов, обозначающих домашних и диких животных: *Айюлары / Айыулары* (балк.) *от айю / айыу* (балк.) «медведь», *Биттирлары от биттир* «летучая мышь», *Киштиклары от киштик* «кот, кошка», *Кючюклары от кючюк* «щенок», *Къочхарлары от къочхар* «баран-производитель», *Текелары от теке* «козел-производитель», *Эчкилары от эчки* «коза», *Токълулары от токълу* «ягненок (возрастом от шести месяцев до года)», *Улакълары от улакъ* «козленок», *Хубоклары от хубол* «медвежонок», *Шунгарлары от шунгар* (уст.) «сокол»: *Къочхарланы Бияслан Къабарты-Малкъар къырал унриверситетни математика бёлюмюн 1968 джылда бошагъанды (Балаланы О.)* «Кочкаров Бияслан математическое отделение Кабардино-Балкарского государственного университета закончил в 1968 году»;

Широкое распространение имели, особенно до XX века, также личные имена, производные от зоонимов: *Уку* «сова», *Къаплан* «тигр», *Аслан* «лев», *Джумарыкъ* «горная индейка»,

Айю / Айыу «медведь», *Къундуз* «бобр» и др.: *Хыбыйланы Уку, Аликаланы Афука, Гузеланы Мухаммат, Хулчаланы Махти Уллу Ата джурт къазауатха бир элден (Огъары Джемталадан) бир кюн кетген эдиле (Къулбайланы А.)* «Хибиев Уку, Аликаев Афука, Гузеев Мухаммат, Хулчаев Махти в Великую Отечественную войну были призваны из одного села (Верхней Джемталы) в один день».

Подобные имена Х.Ч. Джуртубаев относит к так называемым «обманным» («охранным») именам. По мнению исследователя, их появление сопряжено с «желанием родителей оградить их или напугать» (Джуртубаев 2004: 12). Такого же мнения придерживается Б.Х. Мусукаев: Выбор родителями имени для ребенка был обусловлен, в частности, верой в охранительное значение имени (Мусукаев 2007: 46).

Возникновение значительного количества топонимов также связано с зоонимами. В одних топонимах отражены социальные отношения (*Ёгюзле уруучу* «куда волов загоняли», *эчки орун* «козий загон», *Къой сюрюлген* «где овец угнали», *Къой баула* «загон для овец», *Гылыу туруучу* «гылыу стоянка» (гылыу «осленок») и др.), в других культовые обряды (*Киштик тюшген* «куда кошка упала», *Кукук кычыргъан* «место, где кукушка куковала» и др.), в третьих - происходившие события, *Къой чабхан* «где побежала овца», *Къабан ёлген къол* «балка, где пал кабан», *Къозу ойнагъан* «где ягнята резвятся», *Бёрю къозлагъан (*мыры) «где ощенилась волчица», *Джылкъы акъгъан* «где погиб табун», *Эшекле тохтаучу* «где останавливаются ослы (где кончается дорога)», *Бёрюле улуучуу* «где воют волки», *Тууарла туруучу* «где содержат скот»: *Ёгюзле уруучуда къош ишлеб, къысыр тууарланы къыш анда кечиндирирге планыбыз барды (Токъумаланы Дж.)* «Планируем построить кош в урочище Ёгюзле уруучу («куда волов загоняли») и содержать зимой яловых коров там»;

Среди топонимов, образованных от названий животных, односоставных (простых) мало: *Джыланлы* «Змеиная», *Тюеле* «Верблюды», *Кийикчи* «Охотник»: *Быйыл Джыланлыда былтырдан эсе эки кере чакълы кёб гебен этилгенди (Къулийланы Х.) «В этом году в [урочище] Джыланлы заготовлено почти в два раза больше копен, чем в прошлом году».*

---

1. Геляева А. И. Человек в языковой картине мира. –Нальчик: Издательство КБГУ, 2002 .

2. Джуртубаев Х.Ч. Лексический состав и семантические типы карачаево-балкарских антронимов:Автореф. дис...канд.филол. наук. –Нальчик: 2004.

3. Немеет Ю. Балкаро-кумыкский словарь. – Будапешт, 1911.

4. Шаваева Ш.А. Многозначность зоонимов и их омонимия в карачаево-балкарском языке//Русский язык как язык межнационального общения в образовательном пространстве в полиэтнической России//Материалы всероссийской конференции.– Магас: 2007.

Словари:

1. Баишев Т.Г. Терминологический словарь по зоологии.– Уфа, 1952.

2. Боташев М.О. Карачаево- балкарско- русский терминологический словарь объектов природы.– Кисловодск, 1998.

3. Карачаево-балкаро-русский словарь (КБРС)..– М., Русский язык, 1989..

4. Краткая Российская энциклопедия.–М.: Большая Российская энциклопедия, ОНИКС 21 век.–2004.

5. Кумыкско-русский словарь (КРС).– М.: Советская энциклопедия, 1969.

6. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ.1-3т. .(КъМАС). – Нальчик, 1996, 2002, 2005, 1т.- 1016 б; 2т. – 1168 б; 3 т. – 1156 б.

5. Русско-карачаево-балкарский словарь (РКБС).–М.: Советская энциклопедия, 1965..

6. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. (ТСКБЯ).В трёх томах. Нальчик, 1996 (1018с.),2002(1171с.), 2005 (1159 с.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

СУЮНОВА Н. Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВ НОГАЙСКОЙ ПРОЗЫ В XX В. И В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Ногайский фольклор и литература (*соьз оьнери*) – единая и непрерывно эволюционирующая метасистема, к классике которой восходит жанрово-поэтическая специфика словесного искусства XX века, то есть, современная литература – наследница устной и письменной традиции донационального и средневекового национального периода: древнетюркской орхоно-енисейской руники, *поэзии йырау* и просветительства. Эстетика, поэтика, стилистика, язык этих памятников – живой, плодотворный источник развития современной тюркоязычной словесности (исследования И. Стеблевой, Бомбачи, фон Габен, Х. Короглы, А. Сикалиева) [1].

Художественно-эстетическое освоение действительности фольклорным сознанием ногайцев на протяжении веков осуществлялось в жанрах обрядовой, магической, историко-героической, лирической поэзии: *айтыс* (состязания певцов), *баьтир йыры* (историко-героическая песня, баллада), *насыйхат* (назидание), *мактау* (ода), *орнау* (посвящение), *ашыклык йыры* (лирическая песня), *муньлау* (элегия), *сарын* (причитание), *бозлау* (плач), героико-эпический и лиро-эпический *дестан* (поэма), *айту* (сказание), *энгиме* (легенда), *таварых* (историческое предание), *толгау* (монодиалог – философское размышление), *шежере* (нарративная генеалогия исторических личностей) и др.

Эти жанровые формы генетически предшествовали средневековой индивидуальной эпической *поэзии йырау*, традиции которой получили новую жизнь в XX веке и актуальны для современного ногайского многожанрового литературного эпоса, включая роман.

В средние века (XIV–XVII вв.) литературный эпос (эпическая поэзия ногайских *йырау*) Шал-Кийиза, Асана Кайгылы, Казтувгана Суйиниш улы, Досмамбета Азаулы, сохраняя тесную связь с фольклором, синтезировал мировоззренческий опыт донациональной литературной классики, жанрово-стилистические накопления общетюркской литературы Баласагуни, Ясави, Кутба, Сараи, мусульманской суфийской этики и эстетики. Теперь на этой почве, как отражение и художественное воплощение уже национальных исторических реалий, зародилась образцовая философическая и дидактическая поэзия ногайцев, в жанровых формах соответственно *толгау* (философический монодиалог) и *насыйхат* (назидание). Традиции, в частности, *баьтир йырлар* – героико-эпических песен, баллад, сложившихся позже в героический эпос, обнаруживают аналогичную по устойчивости преемственность. «Ногайский эпос историчен и сложился уже после образования в XIV веке Ногайской Орды» (А. Сикалиев), поэтому он отражает важные исторические события в жизни ногайского пле-

мени (борьба с монгольскими завоевателями, с золотоордынскими ханами, с джунгарским нашествием, противостояние междоусобной войне в среде ногайской аристократии), а также судьбы реальных исторических героев племени [2: 172]. В историко-героической песне, балладе (*баьтир йыры*) масштабные исторические проблемы осмысливались на материале судеб отдельных героев – необыкновенных личностей с доблестным характером. Они – лучшая часть народа, его честь и сила. Так утверждалось героическое в жизни, в художественном слове. Жанр баллады (*баьтир йыры*), вырос из традиции прославления подвига батыров в древнетюркских памятниках в честь Куьлтегин (Большая и Малая надписи), Билге-Каган. Впоследствии, неся в себе черты и эпоса, и лирики, и драмы, черты, как документальности, так и условности, явил мощный потенциал для жанровых трансформаций в ногайской прозе более поздних этапов литературного развития (историко-революционный роман начала и середины XX века, литература о Великой Отечественной войне, историко-художественные жанры прозы новейшего времени). Так, в первом ногайском романе, написанном в начале XX века в европейской жанровой традиции (Б. Абдуллин *«Кыр баьтирлери»* – «Герои степей», 1934), драма первой мировой войны и последующих революционных событий воплощена в судьбе главного героя Явгайтара, на которого возложена миссия спасителя народа от врага, преобразователя, созидателя, защитника завоеваний нового, справедливого мироустройства. Он же – носитель всего комплекса черт, характеризующих эпического батыра и Б. Абдуллин психологически достоверно создал образ этого героя с символическим именем (Явгайтар – «повернувший вспять врага»). В 20–30-е гг. XX века, ввиду приоритетности функциональной роли советской литературы в эпоху исторических потрясений и смены формаций, наиболее востребованными для воплощения образа реалистичного героя, меняющегося в новых реалиях, и утверждения позитивного восприятия обновленной жизни стали *очерк, зарисовка, новелла, рассказ с дидактическим содержанием, повесть.* В этом ряду уместно назвать очерки и рассказы 30-х годов Ф. Абдулжалилова: «Рассказы для детей», «Что видел Мурат в городе», «Два мира», повесть «Двое из многих». Предпочтительность, популярность в художественно-публицистической по жанру литературе этого времени обозначенных форм прозы со схематичной сюжетной моделью, фактографичностью основана на их функции плодотворно, оперативно отражать революционные преобразования, протекавшие с калейдоскопической быстротой. Столь же функциональна проза Х. Булатукова (повесть *«Эки яшав»* – «Две жизни). Объективированный образ народной жизни, похожий на черно-белую кинохронику, на летопись, стилизованный портрет героя-функции в центре повествования – то, что можно было сказать о прозе 20–30-х гг. Сюжетная схема такой прозы представляла собой упрощение в виде бинарных осей добро-зло, к предсказуемой развязке действие вели знаковые персонажи. В качестве типологических жанрообразующих признаков этой прозы выступают: эпицентричность, однолинейный сюжет, четко выстроенная и завершенная фабула, авторская модальность, связанная с этико-идеологическими устремлениями писателя.

Устойчивость традиций историчного в своей основе героического эпоса ногайцев, его малой формы – баллады (*баьтир йыры*), малых форм народной прозы: *айту, энгиме, таварых, хикаят,* позднее стали благодатной почвой для утверждения в ногайской прозе канонов европейских жанров *рассказа, повести (в том числе лирической, философической), романа.* Такое плодотворное слияние ресурсов в 50–60-е годы XX века стало началом магистрального пути ногайской прозы в освещении историко-революционной тематики, остававшейся главной на протяжении нескольких десятилетий второй половины XX века, так как отражала важные моменты в жизни этноса, вступившего в ускоренный период своего развития.

Вплоть до начала 70-х годов XX века (развитие исповедальной прозы И. Капаева, В. Казакова, Б. Кулунчаковой) не был востребован в нарративных жанрах индивидуальный опыт самовыражения писателя – главное достояние ногайской классической словесности, хотя драматический период ломки общественных и личностных отношений объективно требовал этого.

На рубеже XX–XXI вв., консервативность и жанрообразующий потенциал классического *толгау* вызвали к жизни новые трансформации, теперь уже в ногайской прозе: выделились самостоятельные жанры новейшего литературного эпоса ногайцев (*толгау* –

философическая повесть, *толгау* – роман-судьба, роман-характер в творчестве С. Капаева, И. Капаева). Для становления *толгау* – современного эпического жанра – также органичными оказались традиции зарубежной литературы «потока сознания». В основе актуализации такой формы самовыражения автора – усиление в литературе личностного начала, индивидуализация миропонимания. Миф, условно-метафорическая символика, психология подсознания и другие приемы модернистской поэтики, реализованные в многожанровой прозе И. Капаева, позволяют говорить о новом уровне осмысления действительности в ногайской литературе. В формировании жанровых модификаций современного ногайского романа, в эволюции повести, в становлении жанра историко-философского эссе, активно используется опыт целого ряда историко-функциональных жанров средневековья (*баьтир йырлар, толгау, таварых, хикаят, нарративное шежере*). Опыт *энгиме, айту* оказывают плодотворное влияние на эстетику и поэтику соответственно лирической прозы, и малых жанров (новелла, рассказ).

Тяга к экзистенциальному самоопределению, выдвижение на первый план «биографического» как социального феномена с середины XX века обусловили развитие в литературе жанра автобиографической повести. Если в середине века это *«Меним йылларым»* («Мои годы») С. Заляндина – писателя-фронтовика, то в 70–80-х – это характеризующаяся ретроспективностью в отборе фактов, в их освещении и оценке исповедальная проза И. Капаева («Куржун, в котором спрятано детство», *«Сынтаслы акында толгау»*), «Звезда Бабай» В. Казакова, повести Б. Кулунчаковой «Бозторгай» («Степной жаворонок»).

Роман в современных характеристиках этого жанра быстро занял прочные позиции в жанровой парадигме ногайской литературы последней трети XX века, в силу накопления им соответствующих «родовых» и «видовых» традиций еще в историко-революционных романах Б. Абдуллина («Герои степей», «Красные цветы»), Ф. Абдулжалилова («Бурный поток»), С. Капаева («Бекболат») и др. В этих произведениях, с опорой на фольклорные традиции ногайского эпоса, накапливался опыт создания панорамных картин национального триумфа и трагедии в период исторических испытаний, создания образа выразителя героического духа народа – строителя новой жизни.

На первый взгляд появляется реальное ощущение того, что происходит это лишь под влиянием советской литературы, традиций шолоховского творчества, но при внимательном изучении поэтики произведений, в центре которых – героизация революции, становится очевидной ее связь с национальными эпическими традициями осмысления исторической реальности, с методами создания героя в эпической традиции. Истоки ногайского романа разнородны. Их составляет не только эстетика индивидуальной *поэзии йырау*, но и национальный эпос ногайского народа: *мифы, эртеги, айту, энгиме, таварыхи, нарративное шежере, толгау* и др.

Роман, являясь одним из ведущих жанров современной ногайской литературы, что-то воспринял от каждого из вышеназванных форм, синтезировав и переплавив их элементы в современную новую сложную художественную структуру. Две особенности характеризуют национальный роман – сюжетность, унаследованная от *дестанов, таварых и айту* и одновременно присутствие высокого удельного веса лирического элемента. Отсюда и монологическая сосредоточенность героев на собственных размышлениях: раздумья – *толгау* – один из сугубо традиционных «восточных» элементов ногайского романа. Именно поэтому так органичны оказались традиции популярной во второй половине прошлого века так называемой литературы «потока сознания» (М. Пруст, В. Вулф, Дж. Джойс, Р. Стивенсон Ф. Достоевский, Л. Толстой) в романах И. Капаева «Вокзал», *«Суьлдер»* («Отражение»). Монологи главного героя «Отражения» Кобека Карамова – одного из ипостасей сквозного героя (Карамова) ряда произведений И. Капаева, аккумулировавшие в своем содержании философские основы авторского мышления, а также эстетическая значимость художественной концепции романа сделали возможным авторское определение жанра «Отражения» как *ногай толгау.*

Эстетические преобразовательные функции и возможности *толгау*, в которые средневековые авторы-исполнители вкладывали все свое мастерство, жизненный и профессиональный опыт, мировоззренческие принципы, неоспоримы. Такой мощный ресурс авторского самовыражения плодотворно задействован в творчестве ногайских романистов новейшего времени («Сынтаслы акында толгау» («Толгау о Сынтаслы») И. Капаева, его же «Вокзал», «Отражение», роман в стихах *«Келеектен атлы»* («Всадник из вечности») К. Кумратовой).

В многонациональной прозе рубежа XX–XXI веков, в условиях смены культурных ориентаций общества, сохраняя приверженность к многовековой жанровой и стилевой дифференциации, к традиции национальной литературы советского времени, современная ногайская проза – проза отдельных писателей, – на пути поиска новых форм художественности. И уже сейчас можно утверждать, что эти жанрово-стилевые новации складываются на основе синтеза самобытных форм и влияния межлитературного художественного опыта. Фактором, обеспечивающим качество такой синтетической базы, является все возрастающий интерес национальных писателей к архаическим слоям духовной культуры, мифоэпическим универсалиям и архетипам, а также их открытость тенденциям современного литературного процесса.

Возможность взаимодействия различных эстетических систем, сосуществования творческих методов, жанровых парадигм, стилевого многообразия выводит на первый план личность писателя, объясняет востребованность неканонических жанров, с неустоявшимися признаками дифференциации. К ним следует отнести, прежде всего, такой жанр художественно-публицистической формы авторского самовыражения, как эссе. Именно такой универсальный, с размытыми границами, жанр «удобен», как способ оперативной творческой реакции на явления быстро меняющейся действительности, особенно в переломные моменты истории.

Накопление отдельных признаков и черт собственно жанра эссе в ногайской литературе началось с 20–50-х гг. прошлого века, когда новописьменная литература, развиваясь в русле общесоветской культурной динамики, стала активно обогащать свою жанровую палитру. Это стало возможным за счет сохранения в культурной «памяти» народа традиционных фольклорно-эпических традиций. В них содержались фактически зачатки всех разновидностей жанров, ставших впоследствии самостоятельными в творчестве первых ногайских советских писателей. Так, постепенно формировалась система универсальных жанров прозы: очерк, новелла, фельетон, рассказ, повесть, роман, а в поэзии – элегия, содержащие в разной степени интенсивности признаки эссе.

Заметный интерес к собственно жанру проявили в середине XX века писатели-шестидесятники и их последователи в 70–80-х, а также литературоведы, и связано это было с причинами, обусловленными явлением и процессом «оттепели»: оживлением литературной жизни, индивидуализацией литературного творчества, начинающейся энтропией догматических принципов и подходов к созданию и изучению литературы, обогащением историко-культурного контекста творчества писателей за счет включения традиций древнетюркской руники, поэзии *йырау*. Так, еще не оформленное как жанр, эссе, точнее, его признаки, присутствовали в очерках прозаиков, публицистических статьях, эпистолярном наследии, лирике ногайского поэта «оттепели» Г. Аджигельдиева, в те годы – студента Литинститута им. Горького. Затем – лирико-философские этюды с выраженным авторским началом появились в раннем творчестве К. Кумратовой, К. Темирбулатовой. Эссе, известно, – пограничный жанр. Обусловленность временем, соотнесенность с настоящим – придает ему публицистичность. С наукой (как правило, гуманитарной), его роднит общность объекта мысли. Эмоциональность, аналитическое начало роднит эссе с художественным творчеством. И чем больше доминирует в произведении функция убеждения, чем больше обособлена роль автора, полемизирующего с традиционной трактовкой темы, со стереотипным отношением к явлению, тем более ярко проявляются признаки, стиль классического эссе.

В ногайской литературе эссе стало приобретать жанровую оформленность к концу XX века (Е. Булатукова *«Айкаскан йоллар»* («Скрещенные дороги»). Однако, только в прозе Исы Капаева рубежа XX–XXI веков интенсифицировался процесс последовательной апробации, утверждения формальных свойств этого жанра. Исторические эссе, составившие содержание книг И. Капаева («Уплывающие тени», 1999, «Бессмертная степь», 2004, *«Мойынтымар»* – «Мониста», 2009, *«Ялын янлы Сарайшык»* – «Пламенная душа Сарайчика», 2012), значительно обогатили эстетику национальной словесности, в том числе за счет актуализации родовых черт ногайских средневековых историко-функциональных жанров, прежде всего

толгау (философическое размышление-монолог героя в судьбоносный момент), *нарративное шежере* (повествовательные родословные хроники). Укрепление взаимодействия многонациональной советской литературы, частью которой являлась и ногайская литература, с участниками мирового культурного процесса, формирование творческой личности Исы Капаева на переднем крае творческого общения – в литинститутской среде, на всесоюзных творческих площадках - способствовало тому, что эссе в его прозе вобрало и европейский опыт формирования жанра, накапливавшийся со времен появления «Опытов» М. Монтеня, трудов немецких романтиков, продолженный в русской классике А. Герцена, Ф. Достоевского, позже – в творчестве Б. Пастернака, К. Паустовского, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, О. Сулейменова и, конечно, в творчестве ногайских «шестидесятников».

Первые опыты Исы Капаева в жанре эссе – многолетние лирические дневники, философические миниатюры в прозе, исповедальные этюды, включенные впоследствии в сборник «Мониста». Здесь же ранние автобиографические рассказы («Выдержал»), лирическая повесть («Куржун, в котором спрятано детство»), диалоги с современниками («Сказание о Сынтаслы», «Вокзал», «Гармонистка»), литературная обработка целого пласта исторических *таварых* (преданий) («Уплывающие тени») и затем, посредством масштабных обобщений, переход к собственно жанру – серия исторических эссе («Мародеры Великой Степи», «Бессмертная степь», «Пламенная душа Сарайчика»).

На стыке науки, публицистики и художественного творчества в них представляется авторская версия историко-культурных реалий в судьбоносные периоды многовековой истории ногайцев, раскрывается роль отдельных исторических личностей, что стало возможным благодаря вновь открывшимся фактам в годы перестройки массового сознания. Динамичность общественных процессов в 90-е годы прошлого века актуализировала эссе – как наиболее плодотворный ресурс для незамедлительной реакции на фактологические новации в научном и культурном пространстве конца века, осмысленные сквозь призму авторского видения. Этот большой по объему и значимости материал требовал систематизации, научной оценки. Пока наука накапливала свидетельства, необходимые для формирования доказательной базы версий, литература уже могла действовать. Выдвижение гипотез, конструирование версий исторических ситуаций далекого прошлого, выстраивание логики развития событий было посильной задачей для прозы в жанре эссе. Тем более такой быстрый способ обнародования фактов историко-культурного контекста был необходим для развития начавшегося в обществе процесса национальной самоидентификации, для самопознания, чем объясняется востребованность эссеистической литературы, в основном, в интеллигентской среде. Аналитическое, рассуждающее начало в таких нарративах культивировало приверженность к размышлению.

Десятилетия игнорирования политического и культурного прошлого, в частности, тюркоязычных народов в XX веке, замалчивание и сознательное принижение роли этих народов в мировой истории, с наступлением эры гласности, вызвали мощную компенсаторную реакцию [3: 43].

Иса Капаев, накопивший за годы творчества солидный опыт аналитического исследования сложных явлений действительности, достигший необходимого уровня мастерства, реконструирует в своих эссе историко-культурную реальность, этническую родословную ногайцев. Апеллирование писателя к научным изданиям, архивным источникам, авторитетному мнению ученых стали убедительной основой для разрушения устоявшихся стереотипов, опровержения неплодотворных гипотез, восполнения сознательно созданных лакун, склонения читателя к принятию именно его авторской версии воссоздания реалий.

Таким образом, оригинальность содержательного и жанрового компонентов ногайской литературы в XX веке, её философских, этических и эстетических начал во многом обусловлены плодотворностью фольклорно-литературных отношений. Доминирующий показатель здесь – жанровая преемственность, которая в начале века больше являлась следствием

объективного воздействия фольклора на художественное творчество, а в последней трети XX века – результатом сознательной актуализации ногайскими писателями этого мощного художественного ресурса.

---

1. Стеблева И. Поэзия тюрков VI–VII веков. – М., 1965.
2. Стеблева И. Развитие тюркских поэтических форм в XX веке. – М., 1971; Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в ранне-классический период. – М., 1976 и др.
3. Габен А. Древнетюркская литература. // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – Вып. 1.; Бомбачи А. Тюркские литературы. Введение в историю и стиль. // ЗТ. Вып. 1., 1986.
4. Короглы Х. Древнетюркская литература. // Советская тюркология, № 3, 1988; Короглы Х. Узбекская литература. – М., 1968.
5. Сикалиев А. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.
6. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М., 2001.

АХМАТОВА М. А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

ОТРАЖЕНИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К НОГАЙЦАМ В НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Концепт «гостеприимство» является одним из важнейших культурных концептов и актуален для всех культур, так как связан с традициями этноса, в силу чего дает представление о культурной картине мира социума.

Карачаево-балкарский институт гостеприимства берет свое начало в мифологии, поскольку в основе культуры лежат освещенные мифологической символикой, нормы и образцы поведения людей, определяющие особый уклад и строй народной жизни, своеобразие национальной картины мира. Как показывают тексты карачаево-балкарского нартского эпоса, через обычай гостеприимства раскрывается менталитет народа, его моральные и духовные качества. Он является важнейшей составной частью народной мудрости. Обычай гостеприимства традиционно сопряжен с тем, что хозяин дома несет ответственность за благополучие гостя и всех его дел.

Рассматриваемый феномен в карачаево-балкарском языке вербализуется посредством целого ряда клишированных дескрипций и предикативных единиц. Национальная специфика его проявляется в использовании таких определений, например: **сау кел** «*добро пожаловать*» (букв. *приходи живым*), **жууукъ бол** «*добро пожаловать*» (букв. *будь близким*), **бери бурулмай кетме** «*не уходи, не заворачивая сюда*» и т.д. Об отношении к гостю красноречиво свидетельствует следующая карачаево-балкарская паремия: **Къонакъ Аллахны къонагъыды** «*Гость является гостем от Аллаха*».

В эпических текстах, наряду с воспеванием радушного гостеприимства, народ осуждал неуважительное отношение к гостю, так как обычай гостеприимства для нартов священен, желание гостя – закон. Обычай радушного гостеприимства воспитывал в человеке общественное сознание.

Интересен тот факт, что в некоторых нартских сказаниях даже чудовища исполняли «священный долг гостеприимства», достойно встречая нартских богатырей: **- Кюн ахшы болсун, сиз акъыллыла, эслиле, эсепчиле, тергеучюле, - деп Сосурукъ саламлашды. – Сау болугъуз, сау келигиз, хыйлачы нарт улулары! – дедиле (эмегенле)** «*Добрый день, мудрые, сообразительные, расчетливые (эмегены), - приветствовал их Сосурук. – Спасибо, добро пожаловать, хитрые сыны человечьи! – ответили (те)*.

Доброжелательная встреча гостя и старание во всем угодить ему особенно наглядно отражено в карачаево-балкарском нартском эпосе в цикле «Ёрюзмек и Ногайчик»: **Ногъайчыкъ Ёрюзмекге баргъанды, - Эй, юйде ким барды? – деп соргъанды. Ёрюзмекни жашы**

эшикге чыкъгъанды. – Къонакъ аламысыз? – деди Ногъайчыкъ. – Айхай, алабыз, тюш атынгдан! – деди жашчыкъ, - Эй, жууукъ бол, къонакъ! – деп айтханды *«(Однажды) Ногайчик к Ёрюзмеку приехал. – Эй, кто есть в доме? – крикнул (он). (На зов) сын Ёрюзмека вышел. – Гостей принимаете? – спросил Ногайчик. – Конечно, принимаем, сойди с коня! – сказал мальчик, - Добро пожаловать, гость, - пригласил (он его в дом)».*

Когда Ногай приехал в гости к Ёрюзмеку, он сразу предупредил его о том, что будет гостить у него целый год. И только через год Ёрюзмек спрашивает гостя о цели его приезда. Согласно обычаю карачаево-балкарского гостеприимства, гостя не расспрашивают о цели приезда, пока он сам об этом не скажет, по крайней мере, не раньше чем через три дня гостеприимства.

– Да, мен сизге жыл къонакъгъа келгенме, Журтугъузгъа хурметими береме. Хар кюн сайын бир ирик ашарыкъма, Атым кюнден бир гебенни бошарыкъды.	—Так я к вам в гости на год приехал, Прими мое уважение вашему дому. Каждый день я буду одного валуха съедать, А мой конь в день будет копну (сена) съедать.

В данном отрывке речь идет о таком феномене, как «год гостевания», соответственно о годе годичного гостеприимства.

В рассматриваемом сказании речь идет о том, что у одной старухи было три сына. Два старших сына погибли в борьбе с эмегенами. Третьего сына – одного из героев песни, входящей в цикл сказаний об Ёрюзмеке, зовут Ногъайчыкъ. Услышав о славе Ёрюзмека, он пришел к нему за помощью. Он представлен как могучий богатырь, который намного сильнее самого Ёрюзмека, которого он берет в сотоварищи для свершения кровной мести эмегенам.

– Мен ашарыкъ излей келмегенме, Не да кийим тилей келмегенме. Нарт батырса деп, андан келгенме санга. Сени бла сюйгенме айланыргъа.	– Я не за едой приехал И не одежду просить приехал. Я считал (тебя) батыром нартским, поэтому к тебе приехал. Хотел в набег с тобой отправиться.

Общеизвестен тот факт, что эпические сказания в определенной степени отражают историю этноса. Представленное выше сказание также имеет отношение к этому, о чем пишут У.З. Байрамуков и М.У. Байрамуков. По их мнению, данное сказание отражает борьбу ногайцев с калмыками и помощь оказанную ногайцам предками карачаево-балкарцев [1, с. 120]. Данный факт отмечен и М. Джуртубаевым: «Чаще других в эпосе встречается этноним ногайцы, что вполне понятно – ногайцы сыграли очень большую роль в истории Северного Кавказа» [3, с. 276].

Конечно, каждый народ в своем эпосе изображает героев по своему подобию и согласно своим идеалам, как и нравы, и обычаи этих героев. Ёрюзмек, как и положено настоящему богатырю-воину, не спрашивая ни о чем, отправляется с ним в путь.

Алай эсе, айхай, къонагъым, кёзюм, Айланырбыз болмаз ол затха сёзюм.	—Если так, конечно, гость мой, душа моя, Поедем, против этого у меня не будет возраже-

Черты, присущие нартам, для которых ими данное слово, долг и честь не пустые понятия, проявляются и в заботе Ёрюзмека о матери его путника Ногайчика, погибшего в схватке с эмегенами. По одной версии: **Тебиреди Ёрюзмек, Ногъайны анасын излеп, Барды, тапды ол аны, Алып келди ол аны. – Тюшюрмейик тахтадан аны ёлгюнчю, Ногъайны анасын, — деди** *«Отправился Ёрюзмек разыскивать мать Ногая, Поехал, нашел он ее, Привез он ее (домой). – До самой смерти не снимем ее с престола, Матушку Ногая, - сказал он».*

По другой версии:

Нарт Ёрюзмек анга ашау бергенди, Сора къайтып юйюне келгенди.	Ёрюзмек же ее (мать Ногая) всем обеспечил, А затем к себе домой вернулся.

Можно предположить, что в сказании «Ёрюзмек и Ногайчик» речь идет о событиях, происходящих в начале 18-го века, когда ногайцы и калмыки вели мелкие войны между

собой. Влияние Ногайской орды ослабло, а калмыки, поддерживаемые русской империей, все дальше внедрялись на Кавказ, о чем пишут историки, в частности З.Б. Кипкеева: «Ногайский этнос к 18 веку распался на три группы. Основная масса Большой Ногайской орды кочевала от степей Предкавказья и Северного Причерноморья до р. Прут. С обширных степей Предкавказья их постепенно вытеснили калмыки, составившие основу российского воинства в этом регионе» [4, с. 12]. В этом отношении небезынтересно и мнение Н.М. Будаева, который отмечает, что «время с XV до середины XVIII в. явилось периодом наивысшего могущества Османской империи и ее вассала – Крымского ханства. Русское правительство стало использовать и раздувать противоречия между теми народами и их правителями, которые находились под протекторатом или под сильным влиянием Османской империи и Крыма – ногайцами, украинцами и т.д. Переселило из-за Волги калмыков (на условиях службы Русскому государству)» [2, с.127].

Таким образом, как свидетельствует вышерассмотренный фактологический материал, в представленном сказании освещается давняя дружба двух родственных народов через институт гостеприимства, который весьма релевантен для носителей тюркской культуры в целом.

---

1. Байрамуков У. З., Байрамуков М. У. Нартиада. Опыт сравнительного анализа. – Черкесск, 2012. – 520 с.
2. Будаев Н. М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XX вв. – Черкесск, 2007. – 239 с.
3. Джуртубаев М. Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. - Нальчик: Эльбрус, 2011. – 484 с.
4. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 432 с.
5. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994. 654 с.

ӘБДІЛМАНАТҚЫЗЫ Ә.

Семей қаласының Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті
Семей қ., Қазақстан

НОҒАЙЛЫ ДӘУІР ӘДЕБИЕТІ — ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ МҰРАСЫ

Қазіргі Орта Азия елдерінің көпшілігі XIY-XYI ғасырларда ноғайлы аталғаны бізге сол кездегі тарихи жазбалардан, әдеби мұралардан, жыраулардың шығармашылығынан мәлім. «Тегінде ноғай-қазақ түбіміз бір,

Алтай, Ертіс, Оралды қылған дүбір» деген сөздер ел аузында текке сақталмасы анық. Қазақ, қарақалпақ, ноғай, қырғыз халықтары «Ер Төстік», «Жиренше шешен», «Алдар көсе» сияқты ертегі-аңыздарды, «Ер Қосай», «Едіге», «Ер Сайын», «Қырымның қырық батыры», «Ер Тарғын», «Ер Шора» т.б. жырларын төл әдеби тумалары деп танып, Сыпыра, Асан, Қазтуған, Шалкиіз, Доспамбеттей жырауларды әр ұлт өзіне теліп, туған әдебиетінің өкілдері санатына жатқызады. Жыраулардың шығармашылығы XX ғасыр басында өмір сүрген Ғабдолла Мұштақ деген бүркеншік есіммен қазақ ақыны Ғұмар Қараш құрастырып, 1910 жылы Орынборда басып шығарған «Шаир, яки қазақ ақындарының басты жырлары», 1967 жылы «Ертедегі әдебиет нұсқалары», 1971 жылы жазушы-әдебиет зерттеушісі М.Мағауин құрастырған «Алдаспан», 1982 «XY-XYIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы», 1984 жылы «Бес ғасыр жырлайды», 1978 жылы Ленинградтан шыққан «Поэты Казахстана» жинақтарында жарияланып келді. Көптеген қазақ ғалымдары Х.Досмұхамедов, М.Әуезов, С.Сейфуллин, М.Мағауин, Ә.Дербісәлин, Қ.Сыдиықов, Х.Сүйіншәлиев, Р.Сыздық, Ж.Тілепов т.б. жыраулар поэзиясын зерттеп, толғауларының тілдік құрылымына, тақырыптық-көркемдік ерекшелігіне, идеясына талдау жасап, толғау мәтіндеріндегі ішінара кездесетін деректерден олардың өмірі, қоғамдағы орны, ортасы, қай елді-мекендерде өмір сүргендігін барлады. Ал осы тұлғаларды М.Османов 1883 жылы «Ноғай уа құмық шиғырлары», А.Жәнібеков 1935 жылы Махач-

калада шығарған «Ауыл поэзиясы иа де ноғай әдебиеті», 1979 жылы Черкесскте шыққан «Яшав сокпаклары» жинақтарында, А.Сикалиевтің 1975 жылы Черкесскте «Сынап қарап, сырласып» деген атпен шыққан ғылыми жұмысында ноғай ақындары ретінде зерттеу жүргізеді. Қарақалпақ ғалымы К.Мәмбетов аталған жырауларды қарақалпақ әдебиетінің көрнекті өкілі деп қарастырады.

Тарих беттерінен түбі бір түркі тілдес халықтардың ноғайлы елі атанып, бір хандықта болуы, кейіннен жеке-жеке ел болып, ұсақ хандыққа, ұлыстарға бөлінуі жағдайында бұндай құбылыстың болуы заңды. Ғалым Ханғали Сүйіншәлиев В.В.Радловтың, С.Сейфуллиннің зертеулеріне сүйеніп, «Ноғайлы» деген атауға түсінік беріп, төмендегідей мәліметтерді келтіреді: «Ноғай – кісі аты. Ол Шыңғыс хан ұрпағынан шыққан хандардың бірі. Жошы ханның немересі. Жошы ұлысының белді батыры. Ол Алтын Орданың ханы Беркенің тұсында біраз көшпелі түрік ұлыстарын біріктіріп, өз әмірін жүргізген. 1306 жылы өлген. Осы Ноғай ханға қараған рулар ноғайлы немесе ноғай елі атанып кеткен. Ілкі кездерде бір одаққа қараған, кейін бөлек ұлыс-халық болған, қазіргі Орта Азия халықтарының көпшілігі ұзақ жылдар бойы ноғайлы ұлысы саналып келген: өзбек ноғай, қазақ ноғай, көшпелі ноғай, ұлы ноғай, кіші ноғай, қырым ноғай, сар ноғай, қарақалпақ, карашай ноғай болып бөлініп, әртүрлі аталып кеткен» [1, 195 б.]

Ақын-жыраулардың тек өнер иелері емес, мемлекеттің саяси істеріне араласқан қоғам қайраткерлігі, қолбасы батыр, жорық жыршылары болғандығына бізге жеткен шығармашылығы куә. Ұлан-ғайыр жерді мекендеген біртұтас ноғайлы елінің бүлінуі, жан-жаққа тарауы, тарихи-қоғамдық жағдайға елінің қатты қайғыруы, қынжылысы толғаулардан көрініс береді.

Қазтуған:

...Өзіне тиген дұшпанын
Қарт бурадай тіздеген –
Мен – Қарғабойлы Қазтуған,
Қайғыланып асып барамын
Ноғайлы-қазақ елімнен. [2, 17 б.]

...Атаңа нәлет кәпірдің
Пайдасына қалмаса игі еді
Ноғайлы, қазақ жұртымның
Кейінгі туған балдары-ай! [2, 16 б.]

Шалкиіз:

Орманбет би өлген күн,
Он сан ноғай бүлген күн.
Жез қарғылы құба арлан
Жетіп түлкі шала алмай,
Жалған аңын ала алмай,
Қорашыл төбет болған күн.
Оң қанатын теріс соғып,
Лашын құс қу ала алмай қалған күн [2, 31 б.]

Мұхтар Мағауин «Қобыз сарыны» атты еңбегінде Құрбанғали Халидтің «Тауарих хамса» атты кітабындағы Асан қайғының шыққан тегі туралы айтылып, ел ауызында сақталған мына жолдарды келтіреді:

Асанның асыл түбі ноғай деймін,
Үлкендердің айтуы солай деймін.
Тегінде қазақ, ноғай түбіміз бір,
Алтай, Ертіс Оралды қылған дүбір.
Ормамбет хан Ордадан шыққан күнде,
Асан қайғы қайғырып айтыпты жыр [3, 105 б.]

Көптеген дереккөздерде Алтын Орданың ыдырауы салдарынан ағайынды қазақ пен ноғай елінің айырылысуына байланысты шыққан деп төмендегі жыр беріледі:

Жылау, жылау, жылау күй,
Жылаған зарлы мынау күй.
Қазақ пен ноғай айрылды,
Қазақ сартқа қайырылды.
Ноғайлының ну елі,
Күңіренді, қайғырды [1, 221 б.]

Осындай тарихи тамырластықтан туған мұраларды қазақ ғалымдары Қ.Өмірәлиев, Р.Сыздық, М.Мағауин т.б. қазақ, қарақалпақ, қыпшақ, ноғай тәрізді халықтарға ортақ туындылар деп санайды.

Ата-жұртымызға иелік еткен, кезінде біртұтас ноғайлы елі атанған ноғай ордасының территориясы Еділ мен Жайық арасы болғандығын білеміз. Ноғайлы дәуір әдебиетінің көрнекті өкілдері Асан, Қазтуған, Доспамбеттердің толғауларының негізгі арналарының бірі – жер мәселесі. Еділ-Жайықты қызғыштай қорыған жорықшы бейнесі, кең байтақ жерге көзін тіккен жаулардың пиғылдары шығармаларында жіті жырланады. Ел басына түскен нәубетті Еділ мен Жайықпен сырласқандай, назымен бөліскендей күй кешеді:

Қазтуған:

Қайран менің Еділім,
Мен салмадым, сен салдың [2, 14 б.]/14 бе/

Доспамбет:

Айналайын Ақ Жайық,
Ат салмай өтер күн қайда?! [2, 21 б.]

Қазтуған:

Адыра қалғыр көк Жайық,
Аңырап қалған қонысым! [2, 16 б.]

Еділ мен Жайық арасындағы құнарлы кең алқаптың ноғайлы-қазақ еліне жайлы қоныс болатынын тебірене жырлайды. Құтты қонысты иеленбекші болған өзге елдердің жасаған қам-қарекетін, одан келер залалды болжап отырған. Қимастықпен жырланған жермен қоштасу сәттері де әсерлі бейнеленген.

Қазтуған:

...Ел қияға қонғай ма,
Еділ, Жайық арасы,
Кеңшілік қоныс болғай ма? [2, 14 б.]

Қазтуған:

Еділ мен Жайық арасы,
Ноғайлының ұлына.
Қайырлы қоныс болғай ма?
Жағасы босап сол қазақ,
Сол қонысқа қонғай ма? [1, 249 б.]

Асан:

Еділ менен Жайықтың
Бірін жазға жайласаң,
Бірін қысқа қыстасаң,
Ал қолыңды маларсың
Алтын менен күміске!.. [2, 9 б.]

Қазақ әдебиетінің тарихында XIY-XY ғасыр - жыраулық өнер пайда болып, жыраулық дәстүрдің негізі қаланған, толғау жанрының үздік үлгісі туған «жыраулар поэзиясының алтын дәуірі» саналатын айтулы кезең.

Сыпыра жырау, Асан, Қазтуған, Шалкиіз, Доспамбеттер салған жыраулық дәстүр қазақ поэзиясында бүгінгі күнге дейін жалғастығын тауып, қазіргі қазақ ақындары шығармашылығынан да көрініс береді. XIX ғасыр әдебиетінің көрнекті ақыны, жорықшы жырау Махамбет Өтемісұлының толғауларында да Еділ мен Жайықты сөз етер тұстары мол.

Еділді көріп емсеген,
Жайықты көріп жемсеген,
Таудағы тарлан шұбар біз едік. [2, 230 б.]

Еділ үшін егестік,
Тептер үшін тебістік,
Жайық үшін жандастық. [2, 230 б.]

Еділ мен Жайық жер еді-ау,
Мен еткен шаруаға
Жағасы қорған жай еді-ау. [2, 231 б.]

Ноғайлы дәуір әдеби мұраларының көпшілігі басқа халықтарға қарағанда қазақтардың игілігіне айналған. Ауыздан ауызға жыршылық дәстүрдің арқасында жеткен мол мұралар бүгінгі күні қазақтың рухани құндылығы. Қазтуған жыраудың шығармашылығын

жеткізушілердің бірі, XIX ғасырда өмір сүрген зар заман ақыны Мұрат Мөңкеұлы. Ақынның шығармашылығында Қазтуған толғауларымен сарындас, үндес келетін жерлері де бар.

Қазтуған

Еділді алса – елді алар,
Енді алмаған не қалар?
Жайықты алса – жанды алар,
Жанды алған соң не қалар?
Ойылды алса – ойды алар,
Ойлашы, сонда не қалар? [2, 15 б.] деп торықса,

Мұрат:

Еділді тартып алғаны –
Етекке қолды салғаны.
Жайықты тартып алғаны –
Жағаға қолды салғаны.
Ойылды тартып алғаны –
Ойындағысы болғаны. [2, 309 б.] деп налиды.

Бұл үзінділерден жер мәселесі сонау ерте кездерден басталып, көркем өнердің XIX ғасырдың екінші жартысына дейін жырланған өзекті тақырыбына айналғандығын көреміз.

Қазіргі XXI ғасыр қазақ поэзиясында жыраулық дәстүр нышандарын байқауға болады. Ассонанс, аллитерация, анафора, эпифора, риторикалық сұрау, 7-8 буынға құрылуы тәрізді жыраулар поэзиясының ерекшелігін шебер қолданып, қазіргі поэзияда жыраулық өнердің үлгісінде өлең жазатын ақындар бар. Мәселен, ақын Жанат Әскербекқызының «Баба жұртына оралу» өлеңінде Қазтуған үлгісін көреміз. Жұрт сөзін эпифоралық қайталау арқылы өлеңнің мәнін үдете түскен: *Шалкиіз жырау шалған жұрт, Қазтуғаннан қалған жұрт, Доспамбеттей қыршын ер, Соңғы демін алған жұрт, Ақтамберді толғанып, Махамбет атой салған жұрт.* Ақын Нұрлан Мәукенұлының поэзиясында жыраулардың сөз саптасының сарынын танимыз: *Жылқыдағы боз айғыр, Шұрқыраса болар ма? Сойылды жау сыдыртып, Үйірді алса, қалар ма?* немесе *Күннен құдірет қашқаны – қара бұлттың басқаны, Айдан айбын қашқаны – айдын көлдің тасқаны.*

Жыраулардың толғауларының бірінші жолы немесе тирадалардың бастапқы жолдары біріңғай тіркестермен қайталанып келуі де қазіргі ақындарда кездеседі: Нұрлан Мәукенұлында «Тасқын, тасқын, тасқын су», «Отар, отар, отар қой», «Қара, қара, қара түн», Есенғали Раушановта «Жолдар да жолдар, жолдар-ай», «Жасыл да жасыл, жасыл бел», «Сеңгір де сеңгір, сеңгір-ай» т.б.

Бұл мысалдардан жыраулардың жұрнағы қазақ арасында сақталғанын, жыраулық дәстүрдің қазіргі әдебиеттен жалғастығын тапқанын көре аламыз. Қазіргі ақындар ата жұртымыз үшін, ел тыныштығы үшін, жер тұтастығы үшін қасықтай қаны қалғанша күрескен, айбынды жырларымен халқына рух берген жыраулар шығармашылығын ғана емес, олардың өр тұлғаларын да әспеттейді.

Жоғарыда аталған ноғайлы дәуір әдебиетінің өкілдерін қазақ әдебиетінің тарихын дәуірлеуде ғалымдар «XY-XYIII ғасыр әдебиеті» деген кезеңге жатқызады. Қазір қазақ филологиясы мамандығының студенттеріне Асан қайғы, Қазтуған, Доспамбет, Шалкиіз жыраулардың шығармашылығын таныстыратын «Жыраулар поэзиясы», «XY-XYIII ғасыр әдебиеті», «Хандық дәуір әдебиеті» атты пәндер жүргізіледі.

«Ноғайлы дәуір әдебиеті – бағзы бір заманда «ноғайлы» деп аталып жүрген туыс түркі елдерінің мұрасы. Ноғайлыларға ұйытқы болған және ноғайлы мәдениеті мен әдебиетінің негізгі мұрагерлерінің бірі- қазақ халқы» [4, 397 б.].

Ноғайлы дәуір әдеби мұраларын қазақ халқының игілігіне жарап отырғандығы, туындылардың басқа туыс халықтарға қарағанда қазақ халқында толық сақталғандығынан. Еліміз тәуелсіздік алғаннан бергі уақытты әдеби-мәдени құндылықтарға аса назар аударылып, қазіргі таным тұрғысынан жете зерттеліп, келер ұрпақ кәдесіне жарату мақсатында игі істер атқарылып жатыр. Соның айғағы, биыл «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасының негізінде қазақ әдебиетінің інжу-маржаны – қазақ фольклорын қамтыған «Бабалар сөзі» 100 томдық жинағы жарық көрді. Ортақ әдеби мұраларды, жырларды, аңыздарды қамтыған, әлемде теңдесі жоқ бұл жинақтың шығуы бүкіл түркі тілдес халықтарды қуантарлық жайт.

1. Сүйіншәлиев Х. Қазақ әдебиетінің тарихы. Оқулық. –Алматы, «Санат», 2006. -904 б.
2. Нар заман мен зар заман поэзиясы: Асан қайғыдан Кердері Әубәкірге дейін. Жыр-толғаулар. Құрастырған Е.Дүйсенбайұлы. – Алматы: Раритет, 2007. -376 б.
3. Мағауин М. Қобыз сарыны. Алматы: Жазушы, 1968. – 156 б.
4. Қазақ әдебиеті. Энциклопедиялық анықтамалық. – Алматы: «Аруна Ltd.» ЖШС, 2010. – 576 б.

БЕКИЗОВА Л. А.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В КЧИГИ

Основанный в 30-е годы XX века Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы в лице первых его сотрудников, в частности, филологов, определил задачи научного осмысления путей формирования художественной культуры народов – карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев. В центре внимания оказалась глобальная проблема, связанная с решением целого ряда научных задач: исследованием процессов жанрового развития литературы, роли национальных этно-художественных традиций, усвоение опыта развитых литератур, русской в первую очередь.

Особое значение имело и то, что карачаевская, черкесская, абазинская и ногайская литературы формировались с опорой на национально-художественные традиции своего народа в процессе взаимодействия с литературами близкородственных по языку и фольклору народов Северного Кавказа. На первом этапе становления науки в КЧНИИ была задействована проблематика фольклора, всех его жанров. Начался сбор и изучение фольклорного наследия, а в дальнейшем исследование его жанровой системы, решение проблемы взаимосвязей фольклора и литературы. Дальнейшая деятельность первых ученых отдела была нацелена на решение значимых проблем взаимодействия с учеными, филологами родственных институтов Кабардино-Балкарии, Адыгеи, с ИМЛИ РАН, Институтом языкознания.

Сам факт и дата создания института под грифом научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, представляющие большое структурное объединение разных научных направлений гуманитарных наук – филология, история, фольклор, литература, язык, основанных на родстве языков (кавказской и тюркской языковой группы), близости этнической и эстетической, определил поиски ученых-первопроходцев в исследовании процессов становления и развития научной мысли – литературоведения и фольклористики. Главное направление первого этапа становления литературоведческой науки определялось связью гуманитарной науки с обществом.

Внимание ученых-первопроходцев было нацелено на решение конкретных задач, связанных с процессом зарождения и развития национальных литератур, на процесс формирования литературной жанровой системы, на сбор и публикацию, изучение фольклорного наследия народов Карачаево-Черкесии

Комплексный подход к изучению художественного наследия народов КЧР, осмысление роли национально-художественных традиций в формировании, становлении и развитии литературной жанровой системы у народов Карачаево-Черкесии предполагал исследование динамики становления и развития национальных литератур, процесса формирования литературных жанров, исследование творчества зачинателей литератур, заложивших основы жанров поэзии, прозы, драматургии.

На этом пути имелись определенные трудности, т.к. имена зачинателей национальных литератур оказались под запретом. Их обвинили в национализме, сослали, сгноили в местах ссылки. Репрессированы были и их произведения. Это романы черкесов М.Дышекова, Х.Абукова, стихи Б.Хабекирова, повести ногайца Х.Булатукова, карачаевца А.Уртенова, абазина Т.Табулова и многих других, чьи произведения были возвращены, в лоно национальных литератур.

Литературоведам и фольклористам предстояло изучить творческое наследие репрессированных поэтов и прозаиков, исследовать их вклад в развитие литератур.

В исследовательских поисках литературоведов и фольклористов в центре внимания оказалась основополагающая проблема, связанная с эволюцией художественного сознания народов — карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев. Процесс обретения нового качества

художественного воссоздания жизни в ходе взаимодействия и взаимообогащения литератур страны. В центре исследовательского внимания оказалась также проблема фольклорных истоков формирования литературных жанров.

Становление науки шло и от изучения фольклора, фольклористики. Это был сбор и публикация фольклора, проведение экспедиций. Сформировался особый тип ученого, способного к научному осмыслению историографии и всего комплекса культур. Достижением явился новый тип исследователя-литературоведа и фольклориста – филолога, который исследует начало слова в фольклоре. Свободно рассуждая об историографии можно говорить, о сложившейся практике исследовать литературу в контексте и взаимосвязях с генетически родственными литературами и степени их пассионарности.

Научные задачи фольклористов и литературоведов, исследующих пути становления и развития на новом этапе исследования литературной жанровой системы, их путь от фольклора к литературе, а также жанры фольклорного наследия, отражают особенности художественного восприятия мира народами Северного Кавказа.

Перед первыми литературоведами встала задача исследования теории и практики историко-литературного процесса, исследования творчества родоначальников национальных литератур, их вклад в становление и развитие литературных жанров поэзии и прозы. Было необходимо изучить историко-литературные предпосылки процесса становления литератур, осмыслить роль зачинателей литератур в формировании жанров поэзии и прозы, исследовать их вклад в этот процесс.

Гуманитарные основы, заложенные учеными- литературоведами П. И. Балтиным, А.И. Караевой, Л. Бекизовой, В. Туговым нашли продолжение на новом этапе дальнейшего развития науки, в 70-80е годы XX столетия.

Одновременно ученые приступили к сбору и публикации фольклорного наследия народов КЧР, изучению его жанрового состава, к сбору и публикации эпического жанрового наследия, нартского эпоса, в частности, сбору сказок, пословиц и поговорок. Научные поиски в этом направлении связаны с именами первых фольклористов – М. Мижаева, А. Сикалиева, Р. Ортабаевой и другими. Они не только исследовали, но и активно собирали фольклор карачаевцев, черкесов и ногайцев, который лег в основу первых исследований по фольклору.

Дальнейшее развитие филологической науки определялось и шло в русле общесоюзных процессов советского литературоведения, его традиций. Вкладом в советское литературоведение явилось семитомное академическое издание «Истории советской многонациональной литературы» под грифом ИМЛИ РАН (1974). В числе ее авторов А. Караева, Л. Бекизова. Существенным вкладом в литературоведческую науку явился коллективный труд – проект ИМЛИ РАН «Литературы народов России: XX век. Словарь» (2005), (ответственный редактор Н.С. Надъярных), в которых приняли участие литературоведы института Л. Бекизова, Н. Суюнова. В научных сборниках ИМЛИ РАН в разные годы сотрудники отдела литературы и фольклора народов КЧР опубликовали ряд проблемных статей *(работы Л. Бекизовой, Н.Суюновой)*.

Изучение творческого наследия писателей-просветителей народов КЧР, заложивших основы литературных жанров, с опорой на национальный фольклор и русскую литературу, стало важным фактором научного осмысления историко-литературного процесса.

Благодаря просветителям, чье творчество носило универсальный характер, как и их осознание в XX веке определился универсализм сознания, который был обозначен в этнической художественной традиции – в мифе и ритуале.

Первые исследователи национальных литератур проследили их становление и развитие. Об этом свидетельствуют Очерки истории литератур (карачаевской, черкесской, абазинской) А. Караевой, Л. Бекизовой, В. Тугова. Они проследили динамику процесса формирования жанровой системы в карачаевской, черкесской, абазинской литературах, осмыслили динамику становления и развития гуманитарной мысли, филологической науки – литературоведения и фольклористики в Карачаево-Черкесском НИИ на базе многонациональной художественной культуры народов Карачаево-Черкесии.

Фольклористы отдела исследуют национальный фольклор, его жанровую систему, публикуют памятники фольклора, исследуют мифоэпические и эпические традиции фольклорного наследия. Научные основы, заложенные первыми фольклористами – М.

Мижаевым, А. Сикалиевым, Р. Ортабаевой, В. Меремкуловым, достойно продолжены фольклористами: Х. Братовым. Л. Бороковой, А. Каплановой, А. Астежевой. Сбором и исследованием фольклора казачества в контексте многонационального фольклора занимается О. Гудимова.

Новый этап историко-культурного развития народов Карачаево-Черкесии связан с исследованием историко-культурного и литературного творчества северокавказских просветителей — черкесских, карачаевских, абазинских, ногайских просветителей. В центре внимания ученых феномен зарождения литературной жанровой системы в многожанровом творчестве адыгских, ногайских, карачаевских, абазинских просветителей.

В изучении современной историографии литературного развития мы опираемся на традиции русской академической науки, на труды М.Бахтина, А.Веселовского, Ю.Лотмана, В.Жирмунского. Нам близка концепция единства литературного слова, близости и единства национальных литератур в контексте развития национальных культур. Научная программа, разработанная ИМЛИ РАН получила резонанс в научных институтах. На страницах сборников под символическим названием «Литературная классика в диалоге культур» **(выпуски I, II и др.)**

Отдел участвует в разработке ряда общероссийских научных проблем, в том числе ИМЛИ РАН (проект совместных разработок, к примеру «Литературная классика в диалоге культур»). В настоящее время вышли из печати два выпуска одноименного труда «Литературная классика в диалоге культур». Сотрудники отдела ИМЛИ участвуют в качестве руководителей, ответственных редакторов филологических трудов, монографических исследований (Н.С. Надъярных - ответственный редактор книги Л. Бекизовой, А. Алиева – сборника филологических и историографических трудов).

В настоящее время у исследователей карачаевской, черкесской, абазинской и ногайской литератур конца XX века по-прежнему актуальна историографическая тема, связанная с изучением национальных литератур, созданием историй вышеназванных литератур. В центре внимания историографическая проблема, по-прежнему актуальны проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. В отделе формируется универсализм исследователя-литературоведа и фольклориста.

Новый этап развития науки о литературе в КЧИГИ связан с постановкой и решением литературоведческих проблем, поиском новых идей. В наших научных изысканиях мы опираемся на литературоведческие традиции, реализованные в трудах российских литературоведов – Л. Тимофеева, Г. Ломидзе, Р.Юсуфова, З.Кедриной, З. Османовой, Н.Надъярных, Г. Гамзатова.

Накоплен значительный опыт по исследованию генетически близких литератур Северного Кавказа. Литературоведы и фольклористы Кабардино-Балкарского, Адыгейского НИИ создали целый ряд фундаментальных трудов по научному осмыслению литературного и фольклорного наследия. Мы опираемся на издания близкородственных институтов КБР и Адыгеи.

В центре внимания ученых находится глобальная проблема, связанная с исследованием роли русской литературы в процесса формирования литературной жанровой системы карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев в контексте многонациональной литературы народов России.

За 80 лет пройденного пути КЧИГИ было решено много научных проблем при участии ИМЛИ, Отдела литератур народов РФ и СНГ. Филологи института принимают активное участие в подготовке научных кадров – филологов, литературоведов и фольклористов через аспирантуру и докторантуру. Среди них доктора наук: Л.Бекизова, Н. Суюнова, кандидаты наук Р. Ортабаева и др. Только за последнее время на специализированных ученых советах Тбилиси, Нальчика, Майкопа, Махачкалы защитили диссертации Карданова С., Мамчуева Ф., Пазова М., Дзыба А., Каракотова М.

Филологи отдела внесли весомый вклад в становление и дальнейшее развитие фольклористики и литературоведения, создали труды, в которых исследовали пути формирования и развития литератур республики. Гуманитарные основы, заложенные первыми исследованиями, определили и определяют на сегодняшний день направления и содержание формирования и развития теории и практики многонациональной литературы народов Карачаево-Черкесии в контексте литератур Северного Кавказа и России.

36 Заказ

БИТТИРОВА Т. Ш.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
г. Нальчик, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОГЕНТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В ФОЛЬКЛОРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Последние десятилетия характеризуются небывалым подъемом национального самосознания народов России. Публикуются исторические источники, издаются монографии, сборники статей, посвященных гражданской, политической истории, этнологии и культуре этносов. В этом ряду изучение новейшей истории и вопросов этногенеза тюркских народов Северного Кавказа в контексте исследований даже соседних народов заметно отстает. Такое положение обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К первым следует отнести утерю нашими предками письменности при смене религиозных представлений. Несколько книг религиозного содержания, изданные в мусульманских регионах России, не имели сколько-нибудь существенного значения для зарождения и развития науки. С изменением государственного строя и взятием большевиками курса на всеобщее образование стали возможны исследования этнокультурного содержания. Однако репрессии 20–30-хх годов, геноцид 40-х, когда была физически уничтожена первая плеяда светской интеллигенции, представители которой стремились и не успели заняться научными проблемами, отражающими все компоненты культуры этноса, не дали возможность нашим ученым наравне с другими представителями народов России активно приступить к научным разработкам проблем этногенеза.

В период сталинских репрессий 20 века одновременно уничтожались и материальные свидетельства жизни наших предков – архивные документы, музейные экспонаты, эпиграфика, археологические и архитектурные памятники. Но что хуже всего – многие исторические события искажались и интерпретировались в угоду политике, известные античной и средневековой историографии факты переходили в учебники по истории других этносов.

Депортация балкарцев и карачаевцев, крымских татар в 1943–1957 гг. усугубила положение северокавказских тюрков в исторической науке, подготовленные уже Советской властью специалисты не смогли реализовать свой научный потенциал. При этом следует помнить, что историей народов Северного Кавказа начали активно заниматься именно в послевоенное десятилетие, когда были целенаправленно подготовлены научные кадры историков в лучших вузах и Академических институтах страны. В это время были выработаны концепция, хронология, методология исторических исследований по Кавказу.

После выселения карачаевцев, балкарцев, крымских татар перед учеными была негласно поставлена задача – стереть с политической карты Северного Кавказа наказанные Сталиным народы. Однако и сегодня мы свидетели того, что официальная наука продолжает игнорировать существование и активное влияние на исторические процессы Северного Кавказа, Юга России, да и Закавказья предков современных северокавказских тюрков. В федеральных учебниках по истории народов России кумыкам, карачаево-балкарцам, ногайцам отведено, в лучшем случае, несколько абзацев, содержание которых не выдерживают критики. Не лучшим образом представлены они и в региональных изданиях. В этой связи необходимо подчеркнуть, что вопрос профессиональной подготовки специалистов-историков остается открытым и сегодня. Но как писал Басият Шаханов сто лет назад, пока сами балкарцы молчат, не балкарцы пишут о них все, что им заблагорассудится [1]. Высказывание известного публициста и общественного деятеля можно отнести ко всем тюркским этносам Северного Кавказа.

Ввиду отсутствия полномасштабных разработок гражданской истории тюркских народов Северного Кавказа, всем, кто занимается научными проблемами национальной культуры и литературы, приходится искать и находить историческое объяснение многим очевидным фактам этнической близости карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев на уровне духовной культуры. Прежде всего, это – языковая близость. Нам неизвестна статистика лексических схождений, но несомненным остается факт, что основной лексический пласт языка трех народов идентичен. Карачаево-балкарцы, ногайцы и кумыки понимают друг

друга без переводчика. Трудно сегодня сказать, когда началось самостоятельное этническое существование названных народов, но, если судить по лингвистическому материалу, это произошло, возможно, позже распада государства Золотой Орды. Об этом говорит весь комплекс духовной составляющей названных народов.

Фольклорный материал дает нам право уверенно говорить о типологическом единстве. Единство проявляются как в идентичности жанрового его состава, так и близостью содержания. Каждый тюркский этнос мира непременно обладает эпическим наследием. Не исключение и северокавказские тюрки. Устное творчество балкарцев, кумыков и ногайцев представлено героическим эпосом («Нарты», «Эдиге», «Минкюллю»), сказками, историко-героическими песнями, несказочной прозой, детским фольклором, лирическими песнями, лирико-философскими раздумьями, малыми жанрами – загадками (у балкарцев – *элбер*, у карачаевцев – *элберген жомакъла*, у ногайцев – *юмаклар*, у кумыков – *чечеген ёмакълар*), пословицами (у карачаево-балкарцев – *нарт сезле*, у ногайцев – *такпаклар*, у кумыков – *аталар сезлери*), поговорками (у карачаево-балкарцев – *айтыула*, у ногайцев – *айтувлар*, у кумыков – *айтывлар*), благопожеланиями (у карачаево-балкарцев – *алгъышла*, у ногайцев – *алгыслар*, кумыков – *алгъышлар*), проклятьями (у карачаево-балкарцев – *къаргъышла*, у ногайцев – *каргыслар*, у кумыков – *къаргъышлар*) и т. д. Детский фольклор карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев (жанры которого достаточно консервативны и архаичны) содержит много идентичных произведений – *Шатман, Шертмен, Озай* (новогодние колядки), *Как-как, каргалар* (стихи о воронах), стихи о котенке, басня «Волк и Барсук» и т. д. Детские познавательные прибаутки о строении человеческого тела – пальчиков, рук, ладони, ног, лица имеют также одинаковые семантические и лексические компоненты.

Духовную общность трех народов можно проследить, начиная с архаичных жанров фольклора. Это и трудовые песни (нужно отметить, что названия песен этого цикла близки по звучанию – *Гюдюрбай – ЫIндырбай* – песня молотильщиков пшеницы, *Ийнай – Ананай* – песня жниц и т. д.), и магические тексты, и сказочный эпос, и паремии. Песни, сказки и легенды карачаево-балкарцев содержат много ярких параллелей с ногайским героическим эпосом «Эдиге». Эпические сказания об Эдиге (Идегее) бытуют у всех тюркских народов России и стран СНГ (ногайцев, татар, башкир, каракалпаков, узбеков, киргизов, казахов, барабинских и омских татар, крымских татар), история которых так или иначе была связана с Золотой Ордой.

Многие мотивы эпоса встречаются в кумыкском и карачаево-балкарском фольклоре. В зачине «Эдиге» говорится о чудесном рождении героя и таком же происхождении его отца Кутлу-Кая и деда Баркая. Баркая был рожден девушкой, забеременевшей при вдыхании белого порошка, в который был превращен, найденный пастухом – отцом девушки, череп. Эта сюжетная линия была записана у балкарцев в Хуламе в конце XIX века Н.П. Тульчинским и опубликована в «Терском сборнике» в 1903 году как самостоятельная легенда «Происхождение Аксуек» И в эпосе и в легенде совпадают все составляющие части повествования. В балкарской легенде надпись на черепе гласила: «При жизни мой обладатель погубил сто душ. И мне, мертвой голове, роком предопределено погубить тоже сто душ». В эпосе «Эдиге» говорится, что обладатель черепа погубил 10 тысяч душ, надпись на черепе зловеще предупреждает, что погубит сорок человек. Предсказания обеих надписей сбываются также при схожих обстоятельствах.

Обращает на себя внимание примечание Н. Тульчинского к названию легенды – «В прежнее время горские таубии также именовались *«ак-сюек»* (*ак* – белый, *суек* – кость)». Белая кость, оставшаяся после попыток сжечь череп, в балкарской легенде имеет двоякий смысл, как сакральный предмет и как предтеча балкарских князей.

Второй по значимости эпос ногайцев – «Шора сын Нарика». Мотивы данного эпоса встречаются в сказочном и песенном фольклоре карачаевцев и балкарцев. Существовал и самостоятельный его поэтический вариант, о чем свидетельствует запись фольклориста Махмуда Дудова 1952 года от Абаева Хажимырзы [2, с. 108]. Этот текст – один из самых хорошо сохранившихся вариантов ногайского эпоса. Ему характерны полнота эпического повествования и в нем достаточно достоверно сохранились исторические реалии XVI века, когда в противостояние Московского царства и Крымского ханства были вовлечены все народы региона. Эпос «Чора сын Нарика», записанный в карачаево-балкарской диаспоре, является одной из уникальнейших произведений карачаево-балкарского фольклора, как в отношении содержания, так и по красоте поэтического слога.

Ногайцы называют Эльбрус «Аскартау», что в переводе с ногайского означает «Снежная гора асов». Как пишет фольклорист А. Сикалиев, известный и своими историческими исследованиями, в этническом сознании ногайцев асы – это предки карачаево-балкарцев и ногайцев [3, с. 17].

Аскартау встречается в качестве оронима и в кумыкской детской считалочке *«Алты тав»* – «Шесть гор»:

Ва алты тав, алты тав, Алты агъанг тюгюлмю? Арасында Асхар тав, *Чинг уллусу тюгюлмю?*	О шесть гор, шесть гор, Они разве не твои шесть дядек? Между ними гора Асхар, Разве она не самая большая?

(Здесь и далее подстрочный перевод – наш)

В карачаево-балкарском фольклоре, в разных его жанрах, имеется множество упоминаний о ногайцах. Автор монографии «Карачаево-балкарский героический эпос» М. Джуртубаев пишет: «Чаще других в эпосе встречается этноним «ногайцы», что вполне понятно – ногайцы сыграли очень большую роль в истории Северного Кавказа» [4, с. 23]. Есть даже персонаж нартского эпоса Ногайчык, который «представлен в нем могучим батыром, намного превосходящим в мощи самого Ерюзмека...» (4, с. 36). Ногайцы часто выступают как второстепенные герои сказок, легенд, песен и т. д. В некоторых произведениях, таких как легенда «Азнауур Жанхотов», – и как самостоятельные исторические персонажи. В ней говорится:

«Старший из ногайцев Шидак был дядей Азнаууру по матери». В поэтической версии этой легенды есть строки:

О Азнауур! Азнауур! Болмаз саурусхан, Ногъай байталланы таугъа сюре тауусхан.	О Азнауур! Азнауур! Не будет саурусханом (?) Истощил ногайские табуны, угоняя в горы...

Народная память хранит также этногенетические предания о родстве с ногайцами. Так, некоторые узденьские фамилии (Ахматлары, Озарукълары, Трамлары, Жазалары, Мирзолары и др.) Чегемского ущелья считаются выходцами из Ногая. Существуют и документальные подтверждения этнического родства князей Чегемского ущелья и ногайцев. Ученым-этнологом Б.Х. Кучмезовым в ЦГАДА обнаружено обращение чегемских таубиев к царской администрации, в котором говорится о том, что они издревле происходят из Большого Ногая [5]. Надо сказать, что антропометрические признаки этого родства среди чегемцев можно наблюдать и сегодня.

В более поздних фольклорных произведениях – лирических песнях и дастанах упоминания о ногайцах встречаются реже. В то же время есть множество ийнаров, который восходит к кумыкскому фольклору. С развитием светской культуры фольклорные традиции, претерпев определенную жанровую трансформацию, закономерно перешли в письменную литературу, обогатив корпус авторских произведений. Начиная с 1903 года – с изданием типографским способом книг на кумыкском языке в Темирхан Шуре, в Балкарии и Карачае произведения кумыкских авторов получили распространение и признание наравне с Дагестаном. Имена и произведения Абдурахмана Какашуринского, Абусуфьяна Акаева, Нухая Батырмурзаева органично вписались в карачаево-балкарскую духовность. Карачаево-балкарскими авторами было написано множество стихов религиозного содержания, переводных и оригинальных, навеянных этой литературой. Наиболее ярко данная культурная ситуация проявилась в творчестве классиков карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева, Исмаила Акбаева, Исмаила Семенова, Саида Шахмурзаева и др.

Этническая близость и общность художественных истоков нашли отражение и в современной литературе. Старейшина ногайской литературы Солтан Суюнов в стихотворении, посвященном родству Балкарии и Ногая, – «Близнецы», пишет:

Брат мой балкарец!
Мы вышли из одного чрева.
Наши кони бежали вместе
От кургана к кургану...
В одно время, в один час
Вся страна была разрушена.
Ее постигло горе,
Вековые дубы погнулись,
Гордость была затоптана,
Словно ударом молнии
Были рассечены надвое...
Балкарцы и ногайцы долгие века
Были вместе.
Но, выйдя из одного корня,
Не смогли потом встретиться.

В этом стихотворении-балладе содержится историческая информация о том, что ушедшая из Ногая часть народа была поселена на берегу Жылгы. В Балкарии есть две небольшие речушки с таким названием, одна из которой находится именно в Чегемском ущелье.

Мы привели небольшой перечень примеров, иллюстрирующих единство нашей культуры, нашу историческую общность. Тем не менее, они дают достаточно оснований говорить о едином этногенетическом стволе, от которого отпочковались карачаево-балкарцы, кумыки и ногайцы. И необходимость совместных усилий ученых карачаево-балкарцев, ногайцев и кумыков в исследовании комплекса проблем, связанных с историей и культурой наших родственных народов очевидна.

1. Шаханов Б. Избранная публицистика. Вводная статья, составление, комментарий Т. Ш. Биттировой. – Нальчик, 1991,
2. Кипкеева З. Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. – Ставрополь, 2000.
3. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.
4. Джуртубаев М. Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. – М., 2004.
5. ЦГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 12, ч. 5, л. 209 об.

ЖОРОКПАЕВА М. Д.

Государственный медицинский университет,
г. Семей, Республика Казахстан

МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕРДЕГІ САНДАР ҰҒЫМЫ

Әр ұлттың мәдениеті мен дәстүрі, дүниетанымдық ұстанымдары мен көзқарастары мақал-мәтелдерде айқын көрініс табады. Мақал-мәтелдерде адам мен табиғат, қоғам мен адам, адам мен адам арасындағы қатынастарды береді. Қатынастар адамгершілік (гуманизм) пен парасаттың, ақыл мен ойдың, қайрат пен сезімнің бірлігі, біртұтастығы түрінде сипатталады. Мәселен, «өзін табиғаттың «бел баласы» санаған қазақтың философиялық толғанысы: *Адамгершілікке арналған үш сауал бар: шөлге құдық қазған бір сауап, өзеңге көпір салған бір сауап, жолға ағаш еккен бір сауап, Жаңбыр бір жауса, терек екі жауады.*

Рухани жағынан ұрпақтан-ұрпаққа жалғасып келе жатқан салт-дәстүрлер жүйе құрайды десек, оның басты атрибуттарының бірі *жеті аталық дәстүр* қазақ ұғымында ұлт рухының өміршеңдігін ұстап тұратын генеалогиялық тілдік тұғыр болып саналады. *Жеті атасын білмеген – жетімдіктің белгісі. Жеті атасын білген ұл, жеті жұрттың қамын жер. Адамға екі нәрсе тірек-тегі, бірі – тал, бірі – ділің жүректегі. Жетімнің қарны жетеу* т.б. тілдік модельдер арқылы көрініс береді.

Сөз саптауда адам мен адам арасындағы қарым-қатынастағы рөліне айрықша ден қойған қазақы діл оның алғы шарттары *Көп сөздің емі – бір-ақ сөз, құр сөзге дауа жоқ. Мың сөз де бір істің жарымына татымайды. Мың сөзді бір сөзбен тоқтатар. Мыңға татыр бір сөз бар. Мақтан тілге – мың бәле. Отыз тістен шыққан сөз, тоғыз рулы елге тарайды. Арлы адамға бір сөзде жетеді, арсыз адамға мың сөз де жетпейді* т.б. деп көрсетеді.

Қазақ этносының дәстүрлі тұрмыстық өмірлік көзқарастарға қатысты сан арқылы кодқа түсірілген ұғым-түсініктегі тұрақты теңеу, фразеологизм, мақал-мәтел, жұмбақ, нақыл сөз, поэтикалық сөз-бейнелер т.б. этнолингвистикалық арналардың барлығынан табылады. Сандарға негізделген мақал-мәтелдерді «киелілік» және «дәстүрлік» сипатына қарай қарастыру шынайы өмірлік жағдаяттар астарындағы рухани-мәдени және қоғамдық-әлеуметтік факторларды айқындауға мүмкіншілік береді.

Қазақта 3, 7, 9 және 40 сандары дәстүрлік ұғым тұрғысынан қасиетті, киелі болып есептеледі. Киелі сандарға қатысты этникалық білім қорындағы бейнелі пайымдар мақал-мәтелдерде былайша көрініс береді: *Үшеудің бірі шарана, төртеудің бірі қаймана, Үш тағанның бірі қисайса, қалғандары құлайды, Үш нәрсе тұрақтамайды: Бірі – саудаға түспеген мал (дүние), екіншісі – таласқа түспеген ғалым, үшіншісі – саясаты жоқ патша, Үш болмайтын екілік жоқ, Түйе мінген адам үш бүктетіле алмайды, Жаман мерген теке атқан жеріне үш барады, Жыланды үш кессе де кесірткелік әлі бар* т.б. үш санына қатысты мақал-мәтелдер арқауына басы бір нүктеде тоғысатын үш тірек бағандық және үш қаттық дүние моделі алынып, үш саны кез келген құбылыстың тұрақтылығы мен орнықтылығын бейнелейтін сан қилы үштік одақтар мен өзара тығыз байланыстағы үштік құрылымдардың (триада) символикасы ретінде жұмсалатыны байқалады.

«Жеті» санының киелі сипат алуы ертеде «Жеті қарақшы» жұлдызына оны киелі санауына тікелей қатысты деуге болады. Адам болмысының тігімен үш қат, көлденеңнен төрт құбыла, ал екеуінің қосындысы жеті, сондықтан жеті бүкіл әлемнің символы. Бүкіл дін саласында «жеті» ерекше рөл атқарады, христианның дініндегі крес те осыған байланысты.

Сандарға негізделген мақал-мәтелдердің ең жиі кездесетіндері де жеті санына негізделген. *Қарғыс жеті атаға жетеді, Жеті кедей жиналғанмен ортасынан бір бай шықпас, Кедейдің жеті қаңтары бар, Жетім бала жеті күлшеге тоймас, Жетімге жеті бидай да тамақ,* деген мақал-мәтелдер пәле, дау, жетімдік, жоқшылыққа байланысты болса, *Айла алтау, ақыл жетеу, Жеті атасы би болған, жеті жұрттың қамын жер. Қыстың соңы жеті тоғыс, көктем басы бес тоғыс,* қырағылық, жолсапар, тектілік, заман уақыт мағынасын береді, *Жігіт бір сырлы, сегіз қырлы болсын, Алты аға бірігіп әке болмас, жеті жеңге бірігіп ана болмас, Алты жастан жинасам асырам, жеті жастан жинасам жеткізем, Жетелі мен іскерге жеті күннің бәрі сәтті.*

Тоғыз санының қатысуымен жасалған *Тойған үйге тоғыз бар, Егістікті бір рет сыйламасаң, ол сені тоғыз рет қинайды, Отыз тістен шыққан сөз, тоғыз рулы елге тарайды. Тоғыз ат бір қазыққа байланбас* т.б. мақал-мәтелдердің негізіне әлем тоғыз бөлектен құралады деп таныған жалпыалтайлық дүние моделімен сабақтасатын көне әдет-ғұрыптар, ескі наным-сенімдер, дәстүрлі тұрмыстық мәдениеттің элементтері алынады. *Жақсы атаның аруағы қырық жыл сүйрейді, Қырық жыл қырғын болса да, ажалы жоқ өлмейді, Қызға қырық жігіт сөйлеседі, бірі алады, Қыз қырық жанды келеді, Бір қыз күйеуге шықса, қырық қыз түс көреді, Қыз алмаған жігіттің қырық қызда дәмесі, Қырыққа келсе де, ырыққа келмеген, Құлықсыздың қырық желеуі бар, Қырсық қырық ағайынды, Қырық кісі бір жақ, қыңыр кісі бір жақ,* сияқты тілімізде «қырық» саны ұйытқы болып келетін көптеген мақал-мәтелдер молынан кездеседі. Қырық санымен кодқа түсірілген мифтік-танымдық және діни сипаттағы сан алуан ақпараттар орын алады.

Қазақ этносының тым көнеден жалғасым тауып келе жатқан санау жүйесінде айрықша «киелілік» сипатымен ерекшеленетін сандардан басқа да, мағыналық-мәндік өрісі этностың дәстүрлі ұғым-түсініктеріне қарай жетелейтін сандар орын алады. Дәстүрлі сан есімдер қатарына бір, екі, төрт, бес, алты, он екі, жүз, мың сандары жатады.

Мақал-мәтелдер құрамында екі саны тақ пен жұп, аздық пен көптік, жақсы мен жаман аралық қарама-қайшылықты бейнелейді. *Екі кошқардың басы бір қазанға сыймас, Екі қылыш бір қынапқа сыймайды, Күн екіге бөлінбес, ай екіге жарымас, Ер жігіттің екі сөйлегені өлгені, Екеуге иық көрсеткен біреу – өзінің соры, біреуге иық көрсеткен – елінің соры.*

Төрт санының қатысуымен жасалған *Төрт аяғы тең жорға, сүдігерге сүрінеді, Төрт түліктің төресі түйе* сияқты мақал-мәтелдер мал шаруашылығына байланысты болса, *Дұшпан көзі төртеу, Екі аяқтыда құрдас тату, төрт аяқтыда бота тату* деген мақал-мәтелдер достық пен дұшпандыққа байланысты, *Өтірік екеу, шын төртеу, Өтірік пен шынның арасы төрт елі, көзбен көрсең шын, құлақпен естісең өтірік* деп шындық пен өтірік байланысты айтылса, *Төрт тұрманы түгел бай, тырнақтай тарту алады, Төртеу түгел болса алар, алтау ала болса алды-*

рар деп ынтымақ-бірлікке байланысты айтылады. Сонымен, төрт саны дүние моделіне енетін белгілі бір құрылымның бүтіндігін сипаттап, оны құрайтын барлық элементтердің түгел екенін білдіреді. «Төрт» сан атауының «тұтастықты», «бүтіндікті» бейнелейтін символдық мағынасы жалпы адамзаттық дүниетанымдық құндылықтардың тұғырына алынатын дүние жаратылысының төрттік элементі от, су, топырақ, жел және оның түс-түрлік (ақ – су, қызыл – от, қара – жер, сары – жел), бағыттық (1.Шығыс, 2.0ңтүстік, 3.Батыс, 4. Солтүстік), діни (төрт халифа, төрт қасиетті кітап, төрт періште т.б.) т.б. семантикалық түрленімдерінен бастау алады.

Мифтік-танымдық, тұрмыстық, шаруашылықтық, мәдени, діни, жаугершілік сияқты өмір тынысының көптеген қырына байланысты ұғым-түсініктердің (бес аспап, бес анық, бес парыз, бес жақсы, бес қару т.б.) негізін құрайтын бес саны даналық қазынасында *Аласыға алтау аз, бересіге бесеу көп, Айдағаны бес ешкі, ысқырығы жер жарады, Алдыңа бір қарасаң, артыңа бес қара, Алпыс батпан көтерген кісі бес батпан қосқаннан қорықпайды, Бес саусақ бірдей емес, Бестің басы болғанша, алтының аяғы бол, Білмесіңді бес жасар баладан сұра, Бесіктегі бала бес түлейді, Күніне бес рет балық асса да балықшы болдым демейді* т.б. мақал-мәтелдердің жасалуына ұйытқы болады. Олардың компоненттік құрамдық және жалпы мағынасы бес санының аздық пен көптік ұғымды өз бойына қатар жинақтайтынын көрсететеді. Демек, бес саны көнеден келе жатқан сандық жүйеде аздықтың шегі, көптіктің басталар тұсының белгісіне алынатыны байқалады.

Дәстүрлі сандардың бес санынан кейінгі атауыштық мағынасына мақал-мәтелдер құрамында көптік реңкі үстемелене бастайды. Мысалы: *Алпыс күн тасыған су алты күнде қайтар, Алты күн атан болғанша, алты күн бура бол, Туғанда алтау едік, өле-өле жетеуміз, Алпысқа келгенде, алты ағаң болсын, жетпіске келгенде, жеті жеңгең болсын, Сегіз кессе сіркедей қан шықпас, Жаманның аяғы сегіз, бірі шалмаса, бірі шалады, Сексен де сегіз байлық, сегіз жарлық, Мың қосшыға бір басшы, Батыр мың қолды бастайды, шешен тар сөз бастайды, Жүзден біреу шешен, мыңнан біреу көсем, Жүзден жүйрік мыңнан тұлпар,* т.б. *Жалқауға мың сылтау, Жын соққаннан, мың соққан жаман, Жақсының бір-ақ сөзі – мың алтын, Жүз жылдығын ойлаған жығылмайды,* т.б.

Қорыта айтқанда, қазақ этникалық салт-дәстүрлерінің, қоғамдық-әлеуметтік қарым-қатынас жүйесінде жинақталған тәжірибенің пайымдық санау жүйесіне қандай да бір қатысы барларының «киелі» және «дәстүрлі» сандар арқылы кодталуы тілдің куммулятивтік қызметімен астасып жатады.

---

1 Қайдар Ә. Қазақ этнолингвистикасы // Қазақ тілінің өзекті мәселелері: Актуальные вопросы казахского языка. Алматы: Ана тілі, 1998. -356 б.

2 Қайдар Ә. Қазақ этнолингвистикасы // Қазақ тілінің өзекті мәселелері: Актуальные вопросы казахского языка. Алматы; Ана тілі, 1998.8-29 бб.

3 Жәрдем Кейкін. Қазақы атаулар мен байламдар. Алматы: «Өлке» баспасы. 2000, -256 б.

4 Дүсіпбаева Қ.С., Ахмеджанова Ф.Р. Қасиетті сандар қатысқан қазақ ескіліктері. Өскемен, 2001.

5 Құралұлы А.,Оспанова Г.Б., Әбдірахманова З.Б. Сандардың құпиялары мен мағыналары. Шымкент,2003. -80 б.

ИНАРКАЕВА С. И.

Чеченский государственный университет
г. Грозный, Россия

О ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И О ЗНАЧЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДА В ПЕРЕЛОМНУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В связи с глобализацией экономических, политических, культурных связей между народами под угрозой оказалось существование индивидуально-национального в человеке. Осмысление исторического опыта ушедшего столетия, анализ причин этнических конфликтов, переоценка внешнеполитических реалий современного мира возродили интерес к проблеме национального характера, которая волнует сегодня как зарубежных, так

и отечественных исследователей, опирающихся в дискуссиях по этому поводу на историко - философское наследие прошлого.

Особенно остро эта проблема стоит в среде национальных культур, так называемых, малых народов бывшего СССР. Горько осознавать, что языки, к примеру, северокавказских народов ЮНЕСКО признаны умирающими. И в такой ситуации, безусловно, очень важно определиться с тем, что называют национальной уникальностью, ментальностью того или иного народа, закрепить представление об этом в истории мировых культур. Важно также в этих условиях понять, что литература является одной из тех духовных сфер деятельности человека, в которой особенно культивируются понятия «национальный характер», «национальная ментальность».

Однако очевидно, что с изменением социально-политических условий могут меняться и отдельные структурные элементы национального характера, но при этом константа социального бытия, заложенная в фундаменте национальной самобытности, остается неизменной.

В современных условиях происходит сложный процесс изменения социально-культурных моделей, и самоидентификация личности происходит в значительно более сложных условиях. Если ранее относительно устойчивая национальная культура являлась основой для формирования мировоззренческих установок и норм, то современная социальная ситуация предлагает индивиду самостоятельный выбор ориентиров.

О взаимосвязи русского национального характера и российской государственности большое количество глубоких идей было внесено М. А. Бакуниным, Н. А. Бердяевым, С. М. Соловьевым, П.Я. Чаадаевым и другими. Для выяснения социально-психологических особенностей национального характера наиболее интересны работы по этнической психологии А. Н. Леонтьева, Л. Н. Гумилева.

В отечественной научной литературе крупные монографические исследования национального характера русского народа появились к середине сороковых годов в работах Д. С. Лихачева, П.И. Кушнера, в которых обосновывалась консолидирующая роль национального характера в исторической памяти народов.

Начиная с середины семидесятых годов, появилось значительное число исследований, посвященных проблеме национального характера (Ю.В. Бромлей, К.О. Касьянова, В .И. Козлов, Н.Н. Чебоксаров и др.).

Субъективированной формой проявления национально специфического является национальное самосознание, которое в самом общем виде можно определить как чувство принадлежности к определенной социально-этнической общности, выражающееся в отнесении себя как данной национальной группе. Объективированной формой проявления национально специфического является национальный характер, который выступает как внешнее, проявляющееся в особенностях ментальности и социальном поведении, отличие одной национальной группы от другой.

В западноевропейской традиции аналогом отечественной теории этноса стала теория нации. Термин «нация» происходит от латинского слова nation – народ. Он восходит к Античности и Средним векам, когда этим словом обозначали большие группы людей, связанных экономическими и политическими интересами, а также общим происхождением. [2.С.77] Современный смысл понятия «нация» сформировался в конце XVIII века и был связан с Великой французской революцией.

Со времен Французской революции ведет свою историю и другой термин, трактуемый в наши дни неоднозначно, - национализм. Это понятие связывалось с правом каждого народа на создание своего государства. Русский ученый А.Градовский считал, что «каждая народность, то есть совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую единицу, то есть государство». [3. С.10]

Для современных полиэтничных государств, к которым относится и Россия, признание такого права становится разрушительным. Очевидно, что поэтому в современном лексиконе понятие «национализм» в России в отличие от западных стран связывают исключительно с проявлением крайних форм этнической и религиозной нетерпимости, шовинизмом и расизмом.

Тем не менее, необходимо уяснить, что в этнической картине мира человек рассматривается, прежде всего, как органичная часть природы и частица этнической общности, как духовное существо, то есть биосоциодуховная целостность. Одна из ценностей здесь – преемственность по отношению к предкам, верность традициям, обычаям.

Национальная (чеченская) литература, пережив в своей истории яркие эволюционные моменты (от эпохи формирования новописьменной литературы и до эпохи преодоления принципов нормированной эстетики соцреализма), сегодня вступила в новую фазу своего развития. Трагические события 1994-2000-х годов создали в российском обществе уникальную духовную атмосферу, на которую не могла не обратить своего внимания национальная литература. В этой связи необходимо сказать о том, что она активно пытается обозначить приоритеты, способные позитивно влиять на возрождение духовных ценностей чеченцев.

Одним из таких приоритетов является проблема формирования личности. Основополагающими признаками этого процесса стали специфические исторически сложившиеся черты национальной духовности, которые составляют ту национальную и общечеловеческую линию развития личности, связанную, прежде всего, с категорией свободы. Нужно признать, что глубина постановки и решения проблемы зависит во многом от мировоззренческой позиции писателя, его сопричастности с судьбой своего народа, в целом, - отечества. Художественное воплощение идеи свободы зависит ещё и от особенностей исторического развития народа, его вовлечения в общемировое культурное сообщество.

Понятие, применяемое в исследовании национального сознания, отражают реальные компоненты общественного сознания, которые определяют существование нации как духовной общности. В истории находим ее различные проявления, которые можно типологизировать как высокий и низкий (или вовсе нулевой) уровни развития национального сознания. Высокий уровень - это такое сознание нации, которая сопровождалась большими культурными, научными и художественными взлетами, которая отмечается подъемом общественной и политической мысли и подвигами ее выдающихся личностей. Национальное сознание является составляющей общественного сознания, существенным компонентом духовной жизни нации, самосознания.

Фольклор, или устное народное творчество, считается наиболее надежным источником сведений о национальном характере. Действительно, хотя в произведениях устного народного творчества стереотипны не только герои, персонажи, но и сюжеты, и сам факт, что они представляют собой коллективное творчество народа.

Последним по порядку, но и самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера.

Еще во второй половине XIX века вайнахскими просветителями Т. Эльдархановым, У. Лаудаевым, Ч. Ахриевым, А. Долгиевым были сделаны попытки создания цельных литературных произведений, в которых впервые обособилось понятие «национальный характер». По форме и содержанию эти произведения напоминали тип современного чеченского очерка. Но именно в них была сделана попытка понять и осмыслить тип горской личности, подчеркнуть ее национальную уникальность, ее адаптированную к общественной жизни суть поведения.

Первые чеченские авторы пытались определить в своих произведениях национальный колорит, воссоздать своеобразный духовный мир народа.

Обратившись к устному творчеству, писатели-просветители пытались подметить созидательную силу народа. Перспективу его духовного развития они видели в образовании и просвещении.

Для выражения национального характера народа, его культуры и национального своеобразия требовался довольно скрупулезный анализ действительного положения горцев в тот исторический период. Первые очерки носили историко-этнографический характер, но их авторы не только реалистически изображали нравы и обычаи, привычки горцев, опи-

сывали природу и быт, не просто фиксировали. В их произведениях впервые получили художественное воплощение типические картины жизни горцев.

Жанры устного народного творчества, широко представленные в форме бытовой сказки и притчи, со временем утратили черты фантастичности, необычайности ситуаций и приобрели реалистические черты. Это объяснялось тем, что народ пытался запечатлеть в своем творчестве действительные, реальные события.

Повествовательная манера фольклорных произведений (притч, преданий, бытовой сказки) стала предметом активного интереса вайнахских просветителей, что привело к обогащению ее новыми литературными приемами.

Большую работу в этом направлении проделал Ч.Ахриев. Им был изучен и обработан огромный пласт национального фольклора. Сказки, притчи, легенды, пословицы изданы им под общим названием «Из чеченских сказаний». Сказки, легенды, песни и другие фольклорные произведения фрагментами, а иногда целиком вводились им в очерково-этнографическую литературу. И это наряду с бытовыми зарисовками сосуществовало в целостной художественной картине как результат своеобразного авторского эстетического познания действительности.

Фольклорные детали придавали очерковому повествованию романтический характер, но основной акцент выстраивался все же на познавательной стороне. Сказители - герои очерков - старались сохранять достоверность материала уже в авторском зачине, используя художественно-достоверные детали быта, житейски-назидательный комментарий. В героях подчеркивались не только внешние черты - красота, физическая сила и сила характера, но и социальная принадлежность. Герои эпоса являлись выразителями народных чаяний, демонстрировалось противоборство добра и зла, вымысел вводился как элемент усиления героической деятельности необыкновенных людей, действовавших в экстремальных ситуациях.

Ч.Ахриев писал: «Замечательно, что почти каждый горный аул имеет предание о своем основании и вообще обо всех обстоятельствах, сопровождающих это событие. Во многих случаях история о прошлом ограничивается одними только преданиями об основании аула, тогда как обстоятельства и события позднейшего времени не удерживаются в народной памяти, причем эти предания, переходя из рода в род, не только не сокращаются в своем содержании, но еще больше увеличиваются от прибавления народной фантазии. Главной причиной живучести этих преданий надо считать то чувство уважения к своим предкам, которое в горском народе доходит до обожания». [1. С.5]

Подвергая предание художественной обработке, Ч.Ахриеву удается создать этнографическую зарисовку, повествующую о добре и зле, родственных узах. Созданный автором художественный комментарий к фольклорному произведению становится как бы самостоятельным произведением, в котором личность автора проявляется и в отборе материала, и в его эстетической обработке.

В историко-этнографическом очерке Умалата Лаудаева «Чеченское племя» сделана попытка дать наиболее точные сведения о происхождении, размещении чеченского племени (чеченцев и ингушей), об их нравах и обычаях. Но, преобладание конкретной информации сближает этот очерк с «деловой» литературой писем и путешествий. Тем не менее, очерк интересен не только точными сведениями, научными изысканиями, но и верно подмеченными деталями и подробностями быта, попыткой составить представление о национальном характере горца. «Чеченское племя» - это все-таки очерк с элементами, присущими художественной прозе. Бытовые зарисовки представляют собой небольшие новеллы, напоминающие фольклорные предания, но научно обоснованные; все высказанные гипотезы и выводы основываются на фактах или документах.

Запись, литературная обработка фольклорного материала не только способствовали формированию эстетического вкуса и художественного мышления, но и явились попыткой перейти от устного творчества к письменной литературе. Следует сказать, что этнографические и научные очерки просветителей стали самым ранним этапом становления че-

ченской литературы, в которой появилось понятие и представление (самое общее) о типе национального характера чеченца.

Очерки просветителей, безусловно, являются связующей нитью фольклора и письменной литературы. Бытовые, этнографические очерки, путевые заметки, произведения, написанные на фольклорный сюжет, - это своего рода литературная предыстория чеченского народа, первая попытка показать его уникальный и самобытный характер.

Деятельность просветителей явилась благом не только для формирующегося процесса становления национальной литературы, но и, прежде всего, общественно значимым фактом для приобщения чеченского народа к общемировым культурны ценностям. И задача современных авторов в том, чтобы скрупулезно изучать опыт просветителей, использовать его в своем творчестве, проявлять бережное отношение, как подобает проявлять его к богатому культурному наследию своего народа.

Один из принципиальных вопросов XX и начала XXI вв. — это вопрос о смысле человеческого существования, о ценности каждой человеческой жизни. Очень важно, наконец, признать простую истину: люди приходят в мир с разными потенциалами, творческими возможностями, одаренностью, талантом. Идея эта идет от Аристотеля, Фомы Аквинского. Однако, кому бы она не принадлежала, она неоспорима. И сегодня проблема в том, чтобы научиться измерять разность этих творческих потенциалов, своевременно выявлять разнонаправленность творческой одаренности и создавать условия (социальные и личностные) для наиболее полной их реализации на благо общества. Огромный потенциал творчески одаренных людей, тем более талантливых, может и должен быть поставлен на службу своему народу, национальным интересам своего отечества. Понимание и признание этой ситуации должно влиять на формирование национальной литературы в условиях глобализации мирового сообщества, в переломные исторические эпохи.

---

1. Ахриев Ч. Из чеченских сказаний. ССКГ. –Вып.4. – Тифлис, 1870. С.5.
2. Бережнова Л.Н., И.Л. Набок, В.И.Щеглов. Этнопедагогика. М.,2007. С.77..
3. Градовский А.Национальный вопрос истории и литературы. – СПб.,1873.С.10.
4. Лаудаев У. Чеченское племя. -Тифлис, 1872.

КАПАЕВ И. С.

г. Черкесск, Россия

ИЗ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НОГАЙЦЕВ [1]

Новые сведения из фольклора, мифологии, литературного наследия, как далекого прошлого, так и XX века, и ныне продолжают обогащать нашу духовную сокровищницу. Исторические катаклизмы в судьбах народов, идеологические установки на недопустимость чрезмерной актуализации наследия прошлого привели к утрате большого пласта культурной предыстории народов. Однако, многое еще можно восполнить. Ряд фольклорных легенд и песен, приводимых ниже, возможно, станет вкладом в дело возвращения утраченного наследия.

СУ-КЫЗЫ. Словосочетание *Су-кызы* буквально переводится с ногайского как Дочь воды. Это мифологическое существо, живущее в воде и имеющее облик девушки. В преданиях Су-кызы иногда вылавливают сетью, иногда видят выходящей из воды. По мнению казахского исследователя Серикбола Кондыбая, Су-кызы является дочерью Су-иеси (Владыки воды). В ногайской мифологии у Су-кызы и Алтыншаш (девушки из подводного царства, отличающейся воинственностью; см. главу «Алтыншаш») одинаковые светлые или золотистые волосы, что подчеркивает их родство. Впрочем, часто Дочь воды безымянна.

Возможно, образы Су-кызы и Алтыншаш являются представителями разных мифологических комплексов, пришедших в ногайскую мифологию в разное время. В преданиях существование Су-кызы непосредственно связано с жизнью человека. В одних случаях она становится матерью героя, в других утонувшие девушки превращаются в нее. Например, в легенде об Ак-топырак Су-кызы является матерью знаменитого мифологического персонажа Асана Кайгылы (в казахской мифологии Су-кызы – его жена). В легенде о Караколь, записанной нами, карагашские девушки стали Дочерьми воды.

ЛЕГЕНДА О КАРАКОЛЬ. В давние времена в этих местах проживали ногайцы карагаши. Название своего племени они получили от растущего здесь леса из карагача (*карагаш* - вяз). Возле леса протекает и речка Карасу (Темная вода), которая впадает в озеро Караколь (Темное озеро). С виду озеро казалось небольшим, но было глубоким, до его дна никто не мог достать. Возле озера и жили карагаши. Они были земледельцами, выращивали пшеницу, ячмень. А еще у них были великолепные сады. Выращенные стараниями карагашей яблоки и груши славились по всей земле, где жили кубанские ногайцы.

Неслыханная беда пришла на равнины Кубани. С берегов Волги напали ойраты во главе с ханом Дондуком. Он захватывал разрозненные ногайские племена одно за другим, полностью уничтожал мужское население, а детей и женщин обращал в рабство. После каждого его нападения кубанские равнины на сотни километров бывали усеяны трупами. Добрался хан Дондук и до возвышенностей, где текла речка Карасу. Печальная участь должна была постигнуть и карагашей, но хан изменил свои планы и решил оставить в живых это племя. Ему нужны были земледельцы на Волге. На подступах к аулу он остановился и послал человека для переговоров с собравшимися обороняться. Карагаши, зная, что только чудо может спасти от жестокого врага, сдаваться не собирались. Мужчины по опыту предшествующих битв сородичей с Дондуком знали, что и в случае повиновения они умрут, поэтому решили погибнуть в бою. Однако у них появилась надежда на чудесное спасение. Пришедший от хана посол сказал:

— Мангыты (*так ойраты называли ногаев*), наш хан дарует вам жизнь! Он переведет вас жить на берега Волги, там вы будете заниматься своим делом. Вы станете ясачными людьми хана Дондука! Собирайтесь в путь! До утра вас никто не тронет, а после приставят сопровождающих и доведут до места назначения.

Ханский посланец ушел. Карагаши собрали свой совет. Все были единодушны в том, что это предложение лучше, чем гибель народа. Некоторые высказали свои сомнения в искренности предложения хана. Да и все знали, что враг при удобном случае применит силу. Поэтому приняли решение: оружие не сдавать, а ценности с собой не брать. Они собрали все золото и серебро в кованый сундук, а затем нукеры князя на плоту вывезли его и сбросили в воду в известном только им месте.

В ауле было десять девушек неописуемой красоты. Каждая из них стоила целого состояния. О том, что сторожевые ойраты непременно их заметят, для всех было очевидно. Родители даже сказали, что заставят дочерей одеться в лохмотья и замазать лица сажей, но старики лишь рассмеялись: разве можно скрыть красоту сажей и лохмотьями! И тогда один из старейшин предложил: раз уж речь идет о спасении народа, то не лучше ли будет подарить хану десять красавиц? Такое предложение понравилось всем: вхождение девушек в ханский гарем обещало благосклонность правителя ко всему племени, а родителям обеспечивало вступление в близкие отношения с самим ханом...

Карагаши к вечеру собрали свои пожитки в арбы, погрузили на верблюдов войлочные кибитки и согнали скот поближе к обозу. Впереди обоза стояла распряженная свадебная арба, в которую посадили девушек. На них были лучшие платья с золотыми нагрудными застежками, мониста из серебра и золота, на талиях золотые пояса с драгоценными камнями, на руках серебряные браслеты, в ушах громоздкие ногайские серьги с камешками, а на головы надеты красные крымские шапочки. Когда девушки узнали о том, какая участь им уготована, одни кинулись в плач, а другие попытались бежать. Тогда их связали за руки одной веревкой и усадили в головную арбу.

На рассвете, когда карагаши собрались запрягать лошадей в арбы, обнаружилось, что девушки исчезли. Их начали искать. Но девушек нигде не было. Кто-то увидел плавающие на воде в середине озера красные крымские шапочки, и тогда карагаши поняли, что девушки утонули в озере. Кое-кто на плотах поплыл к тому месту, где плавали головные уборы. Но и в воде девушек не нашли.

Утром приехал конный отряд ойратов. И обоз, под плач родственников девушек, тронулся в далекий путь. С тех пор карагаши стали жить на Волге.

А на том месте, где прежде жили карагаши, одинокие охотники, что оставались ночевать возле озера Караколь, при свете яркой луны видели девушек, выходящих из воды. Одетые в дорогие платья и убранные драгоценностями, несостоявшиеся ханские невесты держали друг друга за руки и, образовав хоровод, танцевали на берегу, а перед рассветом исчезали под водой. Живущие неподалеку от озера в станице Темнолесской русские казаки рассказывали об этих русалках, одетых в необыкновенные наряды.

ЕЛМАЯ. *Елмая* – так ногайцы называли легендарную крылатую верблюдицу. Этот образ широко известен среди тюркских народов. По преданиям, Асан Кайгылы, Коркыт-Ата ездили на Елмае. Асан Кайгылы на Елмае искал землю обетованную, Коркыт-Ата – скрывался от смерти. Казахский исследователь Серикбол Кондыбай называет Елмаю «основным ездовым животным жреца, пророка».

Верблюд играл большую роль в жизни всех народов Азии, особенно в жизни кочевых народов. У ногайцев есть немало преданий, которые рассказывают о таких качествах этого животного, как терпение и выносливость. Недаром его называют «кораблем пустыни». Например, в век индустриализации, когда этих животных становилось все меньше и меньше, одинокий самец мог пройти более тысячи километров, чтобы найти свою пару. Верблюд мифологизирован даже в коранических сказаниях. Так, кораническое сказание о верблюде пророка довольно популярно среди ногайцев, но при этом связано с топонимикой.

ЛЕГЕНДА О ВЕРБЛЮД-ГОРЕ. Давным-давно в Бештав (так ногайцы называют Пятигорье) был один аул. И жили в этом ауле недобрые люди. Они не верили в Бога, во всем сомневались и были жестокими. Чтобы вразумить этих людей и обратить их души к Аллаху, однажды к ним приехал на верблюде Пайхамбар (пророк). Жители аула, собравшиеся у холма, с насмешкой встретили его. Пророк, ступив на землю, показал на верблюда:

– Это животное Создателя Вселенной. Оно устало от долгого пути и измучено жаждой. Пусть кто-нибудь из вас напоит его водой.

Но аульчане лишь ухмыльнулись, и чтобы навредить пророку, поручили это дело самому недоброму из своей среды. Тот отвел верблюда к речке и там, у самой воды, чтобы причинить еще больше страданий, острым лезвием порезал жилы на ногах изможденного животного... Верблюд, не в состоянии стоять на ногах, сел на берегу.

Всевышний, узнав о невероятном коварстве аульчан, очень сильно разгневался. Он потряс землю, так что аул провалился в нее, а место, где этот аул стоял, сравнял с землей, чтобы от жестокого народа не осталось никаких следов. Верблюд же, сидевший на берегу, превратился в большую гору, дабы напоминать о людской жестокости. Когда едешь с запада в сторону Пятигорья, то Верблюд-гора первой встречается на пути.

КОНЪЫР КАЗ, АК КАЗ. *Конъыр каз, ак каз* в переводе означает священные птицы. Гуси являлись одними из птиц божества Умай. *Конъыр каз* буквально переводится как коричневый гусь, ак каз – белый гусь. В ногайском фольклоре чаще упоминается *конъыр каз*. Его еще называют *конъыр анъ* (коричневая дичь). Конгыр каз помогает охотникам найти дорогу домой, казакам (бродячим рыцарям), оставшимся без помощи в степи, – донести весточку до родных. В песнях раненые, умирающие батыры обращаются к этой птице. Конгыр каз всегда оказывает помощь, залечивает рану, в трудных случаях даст разумный совет.

В фольклорных публикациях Таира Акманбетова (сборник «Коьзясым нур болсын») есть исторический бозлау (плач-причитание) от имени Конгыр каз, дочери Кейкувата (одного из сыновей Эдиге, полководца). Это песня-плач о смерти любимого мужа йырава. Ее горе приравнивается к утрате *Сарайшыка* (столицы Ногайской Орды – средневекового государства) и могущества ногайского юрта. Такое сравнение характерно и для других бозлау. Возможно, что они использовались как стихотворные клише в поздние века. В главах «Бозлау», «Сарайчик» они цитируются достаточно часто. Фольклор не всегда сохраняет изначальный вариант. Этот плач, как фольклорная эпическая песня, пережила многие века. Однако, в плаче эта песня приписывается конкретному автору.

Подобно «Плачу Ярославны» из «Слова о полку Игореве», в ногайской словесности популярен «Плач Дана-бийке» из эпоса «Адиль-Солтан». За счет популярности этой эпической поэмы и сохранился, видимо, текст «Плача Дана-бийке», так как эпическая песня для ногайского народа имела гораздо более высокую значимость, чем стихотворные баллады, бозлау, плачи-причитания. При этом удивительно, что «Плач Конъырказ», в отличие от «Плача Дана-бийке», дошёл до наших дней как самостоятельное фольклорное произведение. В бозлау прямо указывается на автора:

Коькиректен шыбын ян шыкса,
Кайтып кери ызына конмастыр,
Мен –Кейкуват кызы Конъырказ,
Мага олжа туьсуьв намыстыр.

(Из груди вылетевшая душа-муха
Обратно не вселится.
Я – дочь Кейкувата Конгырказ,
И для меня позор стать добычей врага.)

Здесь надо сказать о том, что имя Конгырказ почти не встречается в ногайской антропонимике. В древности знаменитые люди получали новые метафоричные имена, часто им присваивались и титульные имена. Например, девушки, выходя замуж, в новой семье получали ласкательные новые имена. Возможно, что Конгырказ и было таковым. Девушка с таким именем в песне олицетворяла древнее святое существо ногайцев.

Но суть песни-плача и в другом. Бозлау посвящен умершему мужу йыраву, певцу-импровизатору. И это – знаменитый Шал-Кийиз! Мы не знаем точных дат, однако известно, что Шал-Кийиз родился в год смерти Эдиге, в 1420 году. Конгырказ родилась от младшего сына Эдиге Кейкувата, а значит, Шал-Кийиз и Конгырказ могли быть современниками.

Шал-Кийиздинъ соьзин,
Ерде калдырман.
Аргымак оьлсе, майдан калар,
Йырав оьлсе, дестан калар.

(Шал-Кийиза слову
На землю не дам упасть.
После смерти аргамака, поле останется,
После смерти йырав, песня останется.)

Имя йырава прямо указывается в приведенном куплете. Конгырказ – верная жена поэта. Видимо, Шал-Кийиз ушел из жизни в смутное время, когда враг захватил Сарайчик. Конгырказ не может стать добычей врага прежде всего из-за своего статуса супруги знаменитого поэта.

Кыйын куьн басыма туьскенде,
Кыйналып юрген юйригим,
Кыямет куьн коьрискенди,
Кудай берсин, юйригим.
Бесикти Эдил сувына йибердим,
Бебемди ак коьбикке орадым.
Эки мурза давласты.
Давласты болса, не коьрди?
Юрт абдыраганын коьрди.
Яв алдына, кажымай, бараман,
Есирге туьссем – оьлермен намыстан.
Йыравсыз дуньяда яшагышай,
Оьлгеним артыкты кылыштан.

(В трудные дни мои
Со мною тяготы делил мой скакун.
В день светопреставления увидеться
Пусть даст Всевышний, мой скакун.
Упустила в Эдиль (Волгу) я колыбель,
Братика в речную пену завернула.
Два князя воевали,
Но что осталось от войны этой?
Наш дом разрушился,
Теперь и я на врага иду,
Нельзя мне обрести позор и стать добычей.
Чем жить на свете без йырава,
Мне лучше погибнуть от меча врага.)

Подстрочные переводы стихов – И. Капаева.

«Плач Конгырказ» – образцовое произведение ногайского средневекового стиха. Степень почитания в ногайской среде йырава – певца-импровизатора подчеркнута здесь с особой выразительностью.

---

1. Материал статьи может рассматриваться как дополнение к изданному тексту: Капаев И. «Опыт Мифологического словаря. Ногайские мифы, легенды и поверья». – М.: Голос-Пресс» – 2012.
2. Акманбетов Т. Коьз ясым нур болсын. Бозлавлар. – Махачкала. – 2009.
3. Кондыбай С. Казахская мифология. – Алматы - 2005.
4. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. – 1997.

КАПЛАНОВА А. И.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ЦИКЛ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ НОГАЙЦЕВ

Ногайская свадебная обрядовая поэзия имеет сложную жанровую структуру. Изучение жанров возможно в ходе её эволюции и исторической обусловленности. Семейная обрядность — непосредственный источник свадебной поэзии. Их можно разделить на три основные цикла: предсвадебную, свадебную и послесвадебную поэзию.

Предсвадебный цикл поэзии включает в себя фольклорные жанры, сопровождающие обряды: посыла «элшилер» (доверенных лиц), «кыз айттырув» (сватовство), «той соьйлесуьв» (назначение дня свадьбы), «тоьбешикте» (букв. на горке, девичник).

Сделав выбор, родители юноши посылали к родителям девушки доверенное лицо – элши (послов), у ногайцев говорят: «Элшидинъ кешиккени – аьрувь» (Если элши опоздал, признак хороший), а ещё этот визит называют «тилек салув» (ходить просить), для выяснения мнения и о возможном брачном союзе юноши и девушки. Они должны достойно и убедительно рассказать стороне невесты о причине своего визита с помощью устного народного творчества. Это не публичный акт, а предварительный запрос, засыл сватов в дом девушки для переговоров о предстоящем сватовстве с соблюдением тайны, секретности.

Издавна был твёрдо установлен обычай: посыл в дом девушки людей старшего поколения, состоящих из двух-трёх человек из числа мужчин, это проходило в узком кругу. В случае согласия нужно было обговорить фамильные и родственные связи в семи поколениях, чтобы обойти недоразумения. Дело в том, что «все шесть поколений наследуют материнские гены и лишь на седьмой год отцовские гены начинают превалировать над материнскими. О своей родовой принадлежности дети узнавали ещё в раннем детстве. В старину у ногайцев было принято в игровой форме спрашивать у детей имена их предков до седьмого колена с обязательным вручением небольшого приза за полный ответ. Это игра была эффективным средством воспроизводства генеалогической памяти, которая, как известно, является идейной основой социальной организации кочевников. [Гимбатова М.Б. с. 119]˙

Ногайская свадебная поэзия представляет собой сложный комплекс обрядовых действий, сопровождаемых песнями, шуточными куплетами (инарлар, диярлар), иносказательными выражениями «кенает соьз» (букв. тайная речь), записанный в своё время А.-Х. Ш. Джанибековым. Ногайцам свойственна неспешность в любом деле: «Алгасаган сувга етпес» (Спешивший (в жажде) не дойдёт до воды). «Отыз куьн ой, кырк куьн той» (Тридцать дней обдумывания, сорок дней пиршества). К свадьбе готовятся долго и тщательно: «Ат алсанъ - авылынъ ман, хатын алсанъ кавымынъ ман» (Коня купить – всем миром, жену взять – с родными). То есть, родители, родственники жениха ищут невесту, долго выбирают.

В ногайской семье самым счастливым, самым радостным и торжественным мероприятием была свадьба. Родители живут и мечтают дожить до свадьбы детей: «Атайлар улды – уяга, кызды – кыяга» (Родители – сыну гнездо, дочь из гнезда, то есть – в другой дом).

Родители живут и мечтают дожить до свадьбы детей: «Атайлар улды – уяга, кызды – кыяга» (Родители сыну гнездо, дочь - из гнезда. То есть в другой дом).

Дипломатия и умение произносить речь играла большую роль. Существуют серия этикетов, состоящих из устойчивых словосочетаний, приветствий и иносказательных выражений:

Ас-салам алейкум!
Уьйинъизге яхшылык!
Благополучие вашему дому!

В ответ:

Ва алейкум ас-салам!
Ийгиликке юринъиз!
Ходите по хорошим мероприятиям.

Или если женщины присутствуют:
Аьруьвсизбе!
Здорово ли живёте?!

В ответ:

Аьруьвмиз, савболынъыз!
Спасибо, мы в добром здравии!

Хош келдинъиз, конаклар!
Добро пожаловать, гости!

Гости:

Бизим келуьвимиз бос тувыл.
У нас причина есть для прихода, не просто

Обмен приветствиями происходил во дворе дома, хозяин, поняв важность прихода, приглашает гостей в дом. У ногайцев разговор продолжался за распитием традиционного напитка «ногай шай». Если сватовство не состоялось, никто не обижался, «Кызды ким айттырмаган, кымызды ким ишпеген» (Кто девушку не сватал, кто кумыс не пил) [с.96]. Этими словами успокаивали друг друга. Каков бы ни был исход встречи, гостеприимство - это показатель нравственности семьи, а значит, целого народа.

Если во время визита элшилер (послов) основной вопрос о будущем родстве решался положительно, то обе стороны договаривались о дальнейших действиях. При первом визите ни девушке, ни родителям подарков не преподносили, чтобы не вызывать неловкости и морального обязательства перед гостями.

Вторая часть предсвадебного цикла поэзии – «айттырув», «бегитуьв», «келисуьв» (сватовство, укрепление, соглашение). Мотивы благопожеланий и тостов несут вспомогательный характер для налаживания и укрепления новых родственных связей. После почтительных приветствий говорят элшилер (послы): «Элшиге оьлим йок» (Для элши, как говорят наши аксакалы, нет смерти). Мы пришли к вам с добрыми намерениями; породниться с вами». Пусть всегда люди переступают ваш порог с добром. Дай Аллах, чтоб умножил число ваших родных, пусть Аллах благоволит вам во всём...»

Ногайцы большое значение придавали высокой нравственности, соблюдению этикета и традиции. Об этом свидетельствуют следующие пословицы и поговорки:

В песнях сватания «Кыз-аьруьв йыры» мотив этой песни — подготовка к прибытию сватов:

Бет аьдет пен катса эти,
Кызармас бети.
Воспитанный в духе традиций не будет краснеть
Элде тутылса аьдет,
Элде болар даьвлет.
Если в народе чтят обычай,
будет в народе даьвлет (сила и мощь).

Тут бет аьдетин, татым болар миллетинъ.
Сохрани обычай, дружным будет народ.
Бек тутылса бет аьдет.
Оьрленер ногай оькимет [с. 46].
Если соблюдать обычаи.
Расцветёт ногайское государство.
(подстр. перевод наш. –А.К.)

Айт десенъиз айтайым,
Кыз аьруьвди маратып,
Кудалар кырдан келеди,
Кызымызды соратып.

Если просите спою
Про аьруьв — кыз я спою (хорошую девушку)
Сваты едут издалека
Сватать нашу дочь.

Тавлылардынъ аьдети,
Ашы болар каасы,
Он бес тувар, бир етек,
Бизим кыздынъ баасы [с.107].

Как требует горский адат
Большая невестки цена:
Пятнадцать голов скота
В придачу и лошадь одна. (подстр. перевод.).

Долгий спор о величине калыма наконец разрешается. После выпитого ногайского чая сваты договариваются: десять, всё-таки, а не пятнадцать голов скота! Три тулупа и золотое кольцо, лошадь очень высоко ценилась! Затем начинается застолье.

Песни предсвадебной обрядовой поэзии ногайцев исторически различны по жанру, мотиву, напеву: «Узатылаяк кыздынъ зары», «Тенъсизине берилген кыз йыры», «Етим кыздынъ йыры» («Досада девушки на выданье», «Песня девушки на выданье, за немолодого», «Песня девушки – сироты») и т. д.

Элшилер – делегация, уполномоченная для дипломатических переговоров, несла ответственность за исполнение последующих сценариев традиционного обряда.

Свадьба в целом представляла собой как бы сложную драматическую сцену, в которой реальное переплеталось с традиционно-условным, обобщенным и типическим. Все в ней подчинялось единой традиционной цели - показать, как складывается новая счастливая семья в праздничной обстановке. Родители и родственники жениха и невесты должны были вести себя как радушные, щедрые, хлебосольные люди. Отец и мать невесты должны были проявлять родительскую скромность.

Самую большую роль в свадебной обрядовой поэзии играла невеста и по месту, которое она занимала в нем, и по глубине ее психологических переживаний, прощаясь с родителями, подругами и со своей прежней жизнью в отцовском доме. Народ создал прекрасные поэтические строки о женской доле, а если это замужество связано с неравным браком, то лирические строки переполнялись драматизмом, этому свидетельствуют «Песни девушки на выданье».

Та же тема «неравенства» широко отражена и в песнях девичника, в ряде песен изображалась драматично.

Наряду с нежеланием невесты выходить замуж, проявлялись и другие мотивы, которые примиряли ее с будущей судьбой, об этом говорится в тексте песни, записанной А-Х. Ш. Джанибековым. Невеста, обращаясь к отцу, упрекает его в том, что она стала ему в тягость, что он отправляет её в далёкий чужой аул. «Узак ерге кеткен кыздынъ соьзлери» (Песня девушки, выходящей замуж далеко от родных мест):

Етегенде ети юлдыз, еттим, акам.
Авыр малынъ менде болса, кеттим, акам.
Яз келуьвим, кыс келуьвим койман, акам.
Аьвелгидинъ бир куьниндей болмам, акам [С.114]

Я до Большой Медведицы дошла (выросла), отец,
Если я была для тебя в тягость, я ушла, отец,
Летом, зимой навестить дом не забуду, отец.
Но не стану такой, как прежде, отец.

В момент расставания невеста могла тихо сквозь слёзы выразить свою печаль. Это была не только дань обычаю, не просто формальность. Часто невеста выражала этим своё искреннее чувство, что родители выдавали её замуж вопреки желанию:

Айланайым, куват, элинънен,
Ак кув ушсын коьлинънен,
Ак кувлайын занъырап,
Кеттим, куват, элиннен. [с.114]

Обойду я твой родной аул,
Пусть белая лебедь улетит с твоего озера,
Как лебедь, издав звон,
Ушла я из своего родного аула.
(подстр. перевод)

В основе благопожеланий матери выражены напутствия и наставления матери для дочери:

Бар, бар, балам, бар, бар, балам,
Барганда йолынъ болсын, ай балам
Барган еринъде бактынъ ашылсын.
Йолынъа сербет сувлар шашылсын

Иди, дитё моё, иди,
Пусть будет добрым путь, ребёнок мой
Пусть ждёт тебя счастливая судьба,
И будет сладкой, как шербет, твоя дорога.

Или:

Балам барган ерге, баьле, каза бармасын.
Пусть обойдут тебя все горести – напасти.
(подстр. перевод).

За три-четыре дня до свадьбы подруги девушки, снохи с одобрения старших поднимались на горку, устраивали девичник. В песнях девичника был отражен новый этап развития свадебного обряда. Переживания невесты в них изображались по-другому. В них уже не было ее желания как-то уйти от своей судьбы, и поэтому песни изображали невесту в канун свадьбы, примирившейся с ее неизбежным будущим:

Атам берди, мен бардым
Яхшы болса язувым.
Яман болса язувым
Атама болсын языгым

Отец выдал, я ушла
Пусть судьба откроется.
А если не судьба,
Отец мой в том виною.
(Подстр. перевод наш. –А. К.)

В целом все художественные произведения сватовства и девичника имели сложное внутреннее содержание. С большой лирической проникновенностью изображали переживания невесты, ее глубокую печаль, с другой стороны, выполняли важную психологическую функцию, поэтически выраженные в устной народной словесности.

Для родителей девушки в ногайской семье выдать дочь замуж – огромная ответственность. Проводы невесты часто проходят намного серьёзнее и ответственнее, чем Той-свадьба сына. Родители невесты грустят и радуются, если жених, будущий зять приглянулся им. И они искренне рады за свою дочь. Но так как дочь росла в особенной атмосфере любви и ласки, то родители переживают за её будущую семейную жизнь. Они радуются – дочь выросла красавицей, умницей, достойной своих родителей, и немного жаль её.

Провожая дочь, родители и родственники говорили ей напутственные слова в виде пожеланий:

Алла тала барган еринъде онъып-оьсип яшагандай этсин.
Барган еринъде балтадай бат.
Кайнатанъды, кайнананъды биздей коьр.
Артынъа айырылып кайтпа.
Бир Алла ярылка алсын. Амин!

Да сделает Аллах так,
чтобы жизнь на новом месте проходила в достатке.
Проживи там до глубокой старости.
Свёкра и свекровь чти, как родных родителей.
В родительский дом не возвращайся.
Пусть Аллах тебя убережёт.

Родственники:

Балам, йолынъ болсын,
Наьсибинъ узак болсын,
Коьзяс тоькпе, кыйын коьрме.
Йылап уьйге келме.
Оьзинъ мал-конак болып кел.

Дитя, пусть дорога твоя будет счастливой,
Счастье долгим пусть будет.
Чтоб слёзы не проливала,
Трудностей не видела.
Заплаканная, в отчий дом не приходила.
Чтобы приходила к нам только как дорогой гость

(Подстр. Перевод наш. –А. К.).

Схема благопожеланий и иносказательных выражений, используемые в обрядах, несут стабилизирующий мотив, в то время как их идейно-художественная функция заключается в эстетичности данной процессии, нередко эволюционируя, в связи с исторической обусловленностью, приобретают новую смысловую нагрузку и получают разное выражение.

Поэтические произведения предсвадебного цикла различны. Наряду с песнями невесты и песнями ее подруг исполнялись песни шуточного содержания. Общий характер предсвадебного обряда менялся, заканчивалась продолжительная программа «монолога»

невесты. Её психологическая настроенность раскрывалась при помощи самой различной поэтической символики. Изучение и «использование богатого внутреннего ресурса национальной символики и многовековой общетюркской культуры...- направлено в нём на реализацию главной установки – обеспечение исторического и духовного долголетия народа»[с. 29].

1. Акманбетов Т. А. Колым яхшылыкка тийсин (Пусть рука прикоснётся к добру). -Махачкала, 2012, -240 с.
2. Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX-начало XX века). - Махачкала 2007, - 343 с.
3. Капаев С.И. Ногайдынъ уьйи (Ногайский дом). - Черкесск, 1995, -215 с.
4. Ногай халк йырлары. - М., 1969, -216 с.
5. Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. - М.: ИМЛИ РАН, 2006. -254с.

КАРИМОВ М. К.

Государственный университет имени Шакарима
г. Семей, Республика Казахстан

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НОГАЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Ногайский и казахский народы, ранее жившие в едином евразийском степном пространстве, говорившие на очень близких наречиях кыпчакского языка, быт которых основывался на кочевом скотоводческом и земледельческом хозяйстве, одинаковых обычаях и нравах, имея при этом абсолютно одинаковый родо-племенной состав, волею судьбы отдалились друг от друга, но всегда оставались в духовном родстве. Казахи никогда не забывали своих волевых, храбрых и гордых ногайских собратьев.

Это проявлялось во-многом. Например, в 50-60-х годах XX века еще можно было услышать в народе, в репертуарах многих сказителей-жырау произведения, сказания и песни «ногайлы заманы».

Поскольку истоки литературы и истории наших народов общие, то и ногайским духовным ценностям в Казахстане по сей день уделяется большое внимание.

Первым среди казахских ученых изучением истории и культуры «ногайлинского периода» и превращением их в объект научного исследования стал заниматься выдающийся ученый-просветитель, гуманист Чокан Чингисович Валиханов. В частности, речь идет о его огромном внимании к фактам исторической основы и художественным достоинствам самого популярного среди казахов эпоса «Едиге батыр».

Эпос об Едиге он впервые услышал в 1841 году от жившего в Аманкарагайском округе акына Жумагула из рода кулан-кыпчак, и записал с его уст два варианта песни. Позже им была записана и третья версия от жыршы Арсланбая.

Чокан Валиханов, сравнивая жыр о такой исторической личности как Едиге, жившем в XV веке, с другими подобными произведениями, писал: «Самый замечательный исторический джир киргизский, это – Идиге, тот самый Идиге, Эдегу и Идигей, о котором говорится в ярлыке Токтамыша, тот самый бек и темник, который разил при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах»[1;с. 285], тем самым высоко оценив и историческую личность и песню о нем. Действительным историческим фактом является то, что Едиге в 1399 году 12 августа на реке Ворскла разгромил объединненные силы Витовта и Тохтамыша, тем самым показав свой выдающийся полководческий талант, сыграв при этом значительную роль в исторической судьбе и России.

Чокан Валиханов отмечает, что несмотря на то, что в 30-х годах XVII века, в том числе и по причине набегов калмыцких тайджи, устремившихся через Западный Казахстан к Волге, ногайцы и казахи – два близкородственных народа - разошлись, тем не менее, единое историческое прошлое, духовное родство сохранились в пережившем века эпическом, музыкальном, литературном наследии и исторических сказаниях.

Жыры и эпосы ногайского периода, как пишет Чокан Валиханов, сохранились и у киргизского, каракалпакского народов. В своем исследовании «История орд» Чокан Валиханов высказывает свои предположения о том, в какой период киргизы заселили территорию между Иссык-Кулем и Тянь-Шанем. Свидетельством тому стало сохранение в культуре киргизов «Ногайских преданий», относящиеся к XV веку. Например, оставшийся с ногайлинского периода в культуре степных народов знаменитый плач о трагедии по случаю смерти ногайского бия Ормамбета, повлекшего разорение ногайского юрта: «когда 10 тысяч ногайцев пришли в смятение, когда умер Урманбет-бий, когда черные леса орские загорелись, плач, существующий у киргиз, кайсаков и башкиров поется и их песнопевцами, ирчи». Тем самым это подтверждает знания об этом периоде киргизами.[2; с. 59-61]

В своем исследовании «О киргиз-кайсакских могилах и древностей вообще» Чокан Валиханов пишет: «Вероятно, ханы всех этих орд завещали хоронить себя в глубине степей, так мы находим могилу основателя Мангытской орды Эдигея на одной из Улутавских вершин, которая носит имя этого военачальника. Могила его – простая груда щебня, вероятно, она прежде имела определенную фигуру, но разрушилась, достоинство ее поддерживается очень удачно неприступностью горы, на которой она стоит».[3; с. 193] Здесь Чокан приводит подтверждающие факты о точном месте захоронения Едиге. И нам кажется эта версия наиболее вероятной, чем астраханская. В Центральном Казахстане, в Карагандинской области, действительно, одна из вершин горы Улутау названа именем Едиге.

Интересен тот факт, что, по народной молве, Едиге был захоронен рядом со своим главным врагом Тохтамышем. Исследователь эпоса «Едиге» М. Магауин доказывает, что Тохматыш погиб в Сибири и захоронен там.[8; с.4] О месте гибели Тохтамыша писал и выдающийся казахский историк, политический и государственный деятель Мухамеджан Тынышпаев: «на Иртыше, недалеко от города Тюмень». [9;с. 5] Многое еще подлежит кропотливому научному исследованию.

Первым, кто обратил внимание на первую версию «Едиге би» Чокана Валиханова, был его друг - известный русский ученый, профессор П.М.Мелиоранский. Он обнаружил записи после смерти Валиханова, когда начал систематизировать оставшееся после него научное и литературное наследие. Эпос «Эдиге» был издан в 1904 году под редакцией Н.И.Веселовского. По словам П.М.Мелиоранского, у эпоса не было заглавия. «Рукопись не носит никакого киргизского заглавия; заглавие «Едиге бий» дано мною». [4; с. 369]

Чокан Валиханов в свое время, с помощью своего отца султана Чингиса, записал три версии эпоса об Едиге, затем, после долгого сравнительного изучения, составил из трех версий одну, вышеупомянутую «Едиге би», текст которой переписал по его поручению человек по имени Ахмет. Вариант «Едиге би» Чокана Валиханова, по мнению многих исследователей, считается по художественному содержанию, по объему и времени записи самым ценным. Поэтому есть основания утверждать, что Чокан Чингисович Валиханов был первым казахским исследователем, придавшим большое значение ногайским эпосам и сказаниям. Об этом в Казахстане говорят с большой гордостью.

Среди тюркских народов известны более тридцати вариантов эпоса «Эдиге». Эта песня, кроме всенародной любви народов Великой Степи, испытала и ненависть идеологизированной власти Советов в середине XX века по причине именно той самой популярности. Известно, что эпос «Едиге» был подвержен репрессии. 9 августа 1944 года Центральным комитетом ВКП(б) было принято постановление «О состоянии и мероприятиях по улучшению массово-политической работы партийной организации Татарстана». В нем было отмечено, что историки Татарстана, особенно отмечая золотоордынский период, с почтением пропагандируют эпос «Едиге». [5; с. 119]

После этого постановления началось преследование этого «ханско-феодального эпоса», очернение «Едиге», как пережитка байско-феодальной эпохи в Казахстане. Гонениям подверглись ученые, работники культуры и образования, пропагандировавшие эпос. Этого необоснованного обвинения не избежал и выдающийся казахский ученый и первый президент Академии наук КазССР Каныш Имантаевич Сатпаев.

В современном Казахстане, активно развивающейся огромной державе, где духовное развитие народов, проживающих на территории страны, объявлено одним из национальных приоритетов, истоки духовности государствообразующего казахского народа сегодня – объект специального внимания. Новое звучание и актуальность, пристальное внимание исследователей и культурных деятелей приобретают произведения «Ногайлинского периода» — колыбели духовности казахов, которые у молодежи воспитывают нравственность, гражданственность и патриотизм.

1. Ч. Валиханов. О формах казахской народой поэзии. Собр. соч., т.1, Алматы, 1984.
2. Ч. Валиханов. История орд .Собр. соч., т.2, Алматы, 1984.
3. Ч. Валиханов. О киргиз-кайсакских могилах и древностей вообще. Собр. соч., т.1, Алматы, 1984.
4. П. М.Мелиоранский. Сказание о Едиге и Токтамыше по рукописи, принадлежащей Ч.Ч.Валиханову. Ч. Валиханов. Собр. соч., т.5, Алматы, 1985.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Москва, 1971.
6. Едiге батыр. Алматы, 1999.
7. М.Магауин. Кобыз сарыны. Алматы, 2008.
8. Е.Магауин. Едиге. «Егемен Казахстан», 14 ноября 1992.
9. М.Тынышпаев. Мырза Едиге батыр. «Дала дидары». 4-10 апреля 1991.

КУРМАНГУЛОВА Ш. А.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ФАЗИЛЬ АБДУЛЖАЛИЛОВ В НОГАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

В 2013 году во всех регионах Юга России, где проживают ногайцы, широко и торжественно отметили знаменательную дату – 100-летие со дня рождения Фазиля Апасовича Абдулжалилова (1913-1974), одного из основоположников ногайской советской литературы. С именем классика связано становление целого спектра основных жанровых форм профессиональной ногайской литературы.

В жизни и творчестве писателя своеобразно, но необыкновенно наглядно отобразилась сама эпоха – противоречивая, драматичная, но полная энтузиазма борьбы за переустройство действительности, за социальные перемены в жизни народа. Глубокое постижение бытия народа всегда было в ряду главных творческих задач писателя.

Ф. Абдулжалилов – автор более 30 книг поэзии, прозы, драматургии, критики. Его имя вписано в галерею творцов литературы советского времени, а творчество стало органической частью духовной культуры народов России. Детские книги дидактического содержания («Что видел Мурат в городе», «Два мира», «Мы строим социализм», «Керей-лодырь», «Разные рассказы для детей» (1932), пьеса «Побежденные враги» (1936), поэма «Много видевшая Кубань» (1940) и сборники стихов «Много видевшая Кубань» (1950) и «Шумит Кубань» (1955), «Когда отточено перо»; повести: «Двое из многих» (1940), «Семья сильных» (1950), «Асантай» (1957), «Хорошая примета» (1961), «В ауле на пригорке» (1962), «Дороги, дороги...» (1964), «Сын отца» (1968) и др. – наследие Ф.Абдулжалилова самого активного периода накоплений ногайской советской литературы. На русском языке вышли в свет его книги: сборник стихов: «Кубань – моя песня», романы «Бурный поток» (1959) и «Хороша нива у коллектива» (1966), повести «Крутые повороты», «На берегу

Аксу» (1961), «Когда приходит весна» (1972). Ф.А. Абдулжалилов работал и в области литературной критики. Его сборник «Адымнан адым» (Шаг за шагом) (1972) – на протяжении многих десятилетий является учебником в творческом деле для начинающих и уже известных ногайских писателей.

Фазиль Апасович прожил богатую творческую жизнь, подготовив почву для будущих поколений ногайских поэтов и писателей. Его последователи: А. Мурзабеков, С. Капаев, Т. Керейтова, К. Оразбаев, М. Киримов, Б. Карасов, А. Киреев, Г. Аджигельдиев, М. Аубекижев, К. Кумратова, К. Темирбулатова, И. Капаев, Б. Кулунчакова, А. Култаев, В. Казаков, М. Авезов и многие другие. Традиции творчества Фазиля Абдулжалилова и сегодня живут в нашей литературе, и еще долго будет проявляться их мобилизующая, притягательная сила.

В статье «Верность долгу» Ф.А. Абдулжалилов писал: «Как ответственна и почетна задача писателя, как высок его долг перед своим народом. Я тоже писатель. Но признаться, каждый раз, когда меня называют писателем, что или того громче – член Союза писателей СССР, меня неизменно охватывает, не то что неловкость, а какое- то внутреннее ощущение того, что я далеко не заслуживаю этого высокого звания. Нет, я, конечно, очень горжусь этим, тем более, что членом отряда советских литераторов я стал в 1935 году и билет мой в числе немногих товарищей из нашей области был подписан Алексеем Максимовичем Горьким. Но писатель, инженер человеческих душ, тот, кто создает духовное богатство народа, на чьих произведениях воспитываются тысячи и тысячи советских людей. Нет, это очень много. Это почетно. И это очень ответственно. Очень.

Может быть, именно поэтому меня никогда не оставляло и не оставляет чувство беспокойства и неудовлетворенности, сознание того, что я все еще сделал мизерно мало, чтобы в какой-то мере оправдать то высокое доверие, которое оказывается писателю народом.

Но вместе с тем, не скрою, во мне постоянно живет гордость за то, что я, сын крестьянина – бедняка из ногайского аула, оказался в числе тех первых литераторов области, которым путевку в жизнь дал великий родоначальник советской литературы А.М. Горький» [1].

Ф.А. Абдулжалилов осваивал диалектику сложной жизни вместе со своим народом, изучая их интересы, защищая их идеалы, национальные духовные ценности. Он является одним из первых представителей ногайской художественной интеллигенции в литературе, вошедший в неё под псевдонимом Фазиль Ногайлы. Не имея официального звания «народный писатель», он всегда оставался подлинно признанным народным писателем, ввиду народной природы своего таланта, мироощущения, выразившегося в тематике, идеях его произведений – будь то стихи или проза, в литературных образах. Создавая духовное богатство народа, он обогатил и поднял на новую высоту его национальную сущность. Фазиль вписан в литературную летопись страны, его творчество стало органической частью многонациональной литературы, созданной народами России.

Писатель родился 1 марта 1913года в а. Канглы (Куми) Терского округа Минераловодского уезда, ныне Ставропольского края. Детство и юность прошли в ауле Эркин-Юрт, расположенном на берегу бурной реки Кубань, которая стала его песней, его жизнью (сборник стихов «Кубань – моя песня»). Дед Ф. Абдулжалилова, Тигис, был грамотным человеком, свободно владел арабским, персидским языками, читал и толковал Коран. Он оставил в душе мальчика глубокий след. В юном возрасте Фазиль зачарованно слушал в его исполнении ногайский эпос, фольклорные песни. Так будущий писатель унаследовал любовь к песне, к родному языку. Чистота и напевность родной речи проникала в душу ребенка с самыми первыми детскими впечатлениями, радостными были они или горькими.

Ф. Абдулжалилов прожил трудную жизнь. Нищета преследовала их семью. Чтобы облегчить жизнь семьи, зимой он учился, а летом ездил в горы с односельчанами: работал кашеваром, погонщиком на сенокосе, за это получал определенную плату, покупал себе одежду, помогал родителям. Такой жизнью жили многие его сверстники. После о своем тяжелом, голодном детстве напишет в автобиографической повести о мальчике с трудной судьбой «Асантай».

С особой теплотой он вспоминал годы учебы в Черкесском педтехникуме. О своих педагогах он писал: «Всем, что у меня есть, я обязан Черкесскому педагогическому техникуму, педагогам, у которых учился в стенах этого техникума в 1927-1932 годах. Техникум и дверь в широкий мир – для меня одно и то же понятие» [2]. Именно здесь он начал пробу пера: писал стихи, рассказы. Свой творческий путь он, как и многие писатели Карачаево-Черкесии, начал со страниц газеты «Кызыл Черкес». Здесь он сложился как журналист, выработал концепцию и философию художественного мышления, здесь опубликовал первое стихотворение «Пришла уборочная пора» в 1931 году. Затем издает первые детские художественно – дидактические книги: «Что видел Мурат в городе». «Мы строим социализм», «Керей – лодырь», (1932), «Разные рассказы для детей» (1933), фактически заложив основы жанра детской литературы. 1932 году – он научный сотрудник Черкесского научно-исследовательского института, затем аспирант при НИИ, изучает общее языкознание, усиленно занимается историей языка и литературой ногайцев. Их обучали приглашенные профессора из Москвы и Ленинграда. Аспирантуру в 1934 г. закрыли и Ф. Абдулжалилов, работая в аппарате ОК ВКП (Б), серьезно стал заниматься литературным творчеством. 1936 году была издана его пьеса «Побежденные враги», повесть «Двое из многих», которая открыла писателю дорогу в большую прозу. В этих произведениях Ф. Абдулжалилов показал широкий тематический диапазон и впервые попытался, как и писатели Северного Кавказа, осмыслить прошлое в его многообразных связях с настоящим, найти перспективы развития новой жизни. Мастерство и талант поэта в полной мере проявились в его первом эпическом произведении – поэме «Коьпти коьрген Кобансув» («Многовидевшая Кубань»), где он не ограничивается простым описанием эпохальных событий. Содержание его поэмы отражает характер современной ему действительности. Она сыграла в дальнейшем большую роль в развитии эпического жанра в ногайской литературе. Ногайская литература формировалась в тесной связи с литературами народов Карачаево-Черкесии и, в первую очередь, русской литературой и под непосредственным ее влиянием. Абдулжалилов переводил Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого знакомил с ними ногайский народ и учился у них мастерству.

Трудно приходилось первым писателям, на их творчестве отражались несовершенство алфавита, неразвитость литературной жанровой системы. Фазиль Апасович вспоминал, что зачинатели нашей национальной поэзии жили и творили в другое время, в иных социально-исторических условиях. В те далекие годы их стихи – даже те, которые были отмечены жизненной печатью агитационных лозунгов и призывов, сыграли свою большую просветительскую роль. Его многочисленные стихи и рассказы тому свидетельство: «Один из многих», «Среди белого дня» «Шкура», очерк «Айшат», стихи: «Родина, тебя я люблю», «Освобожденным братьям», «Поэт – большевик» о Маяковском, «Слава героям» и др. Многие стихи посвящены знаменательным датам. От первых стихов, порой звучащих еще слишком декларативно, поэт приходит к стихам более глубоким, прочувствованным. В творчестве писателя отражены вехи культурного строительства, процесса становления и развития ногайской советской литературы. Активный, целеустремленный, впечатлительный он находился в центре всех литературных и жизненных событий. Этому способствовала и журналистская работа.

Идейному и творческому самоопределению поэта способствовали родная фольклорно-эпическая традиция, а также творчество ногайских средневековых йырау: Сыбра, Шал-Кийиза Тиленши улы, Досмамбета Азавлы, Асана Кайгылы, Сыдыкбая Алкайдара и др. Эта традиция питала молодого Абдулжалилова, дала, в конечном итоге, силу и долговечность его прозе.

Драматические события начала XX века, особенно 30-х годов, политика поддержки развития образования и творчества народов страны дала возможность, импульс для роста целой плеяде поэтов и писателей: Х. Булатуков, Ф. Абдулжалилов, М. Курманалиев, Б. Абуллин – первый романист, З. Кайбалиев, Р. Керейтов, А. Казаков, И. Атуов и др. со своими темами, знанием жизни, мирочувствием, несли народу функциональную по сути свою литературу. Но это было движением вперед, обретением опыта создания профессиональной литературы, основанной на фольклорных традициях.

Фазиль Апасович, работая в партийных органах, активно участвовал в создании колхозов в ногайских аулах, видел трудности и перегибы. Эти годы для страны были самыми трудными: завершалась коллективизация, она проходила в жестокой классовой борьбе.

В 1930-х годах в стране начались репрессии. Лучшие писатели, видные политические деятели, творческая интеллигенция народов страны были объявлены «врагами народа». Именно в эти годы репрессированы ногайские писатели, внесшие значительный вклад в формирование и становление ногайской советской литературы: Х. Булатуков, Б. Абдуллин, И. Мирзаев, Х. Карасов, И. Атуов и многие другие.

Репрессирован был и Фазиль Абдулжалилов. В 1937 году он работал первым секретарем ОК ВЛКСМ. 25 сентября 1937 года он арестован как враг народа. В своей автобиографической повести Фазиль писал: «Я всегда верно служил партии, родине, народу. В своей жизни пережил много трудностей, видел несправедливости, насилие зла, но никогда не думал, что в жизни человека может разыграться такая страшная, не постижимая уму трагедия, что могут быть в жизни случаи такого жестокого насилия лжи над справедливостью». Два года тюрьмы, два года ожидание исполнения приговора, два года он на допросах доказывал свою невиновность. В июле 1939 года Ф. Абдулжалилов был освобожден и полностью реабилитирован.

Ф. Абдулжалилов снова возвращается к литературной деятельности: он дополняет и переиздает повесть «Двое из многих», пишет вторую часть поэмы «Многовидевшая Кубань» (1940), активно печатается на страницах газеты «Кызыл Черкес». Активно он занимался литературно-критической деятельностью. Первую критическую статью он написал в 1935 году на пьесу Х. Булатукова «Фатимат», далее «Об одном термине», «Хорошо сделанная работа» о переводе М. Курманалиевым произведений А. Пушкина, «О ногайской литературе», позже сборник «Адымнан адым» («Шаг за шагом») и др.

Творческий путь Фазиля Апасовича Абдулжалилова был прерван и ВОВ. Он в 1941 году добровольно уходит на фронт, он был командиром радиовзвода, имеет боевые награды.

Не все вернулись с войны. Репрессия, потом война оголила ногайскую литературу. В послевоенные годы Фазиль Апасович, работая в партийных органах, не оставляет творчество. Ему приходилось работать в газете, писать учебники, составлять хрестоматии для школ. Вокруг него собираются начинающие поэты. Он помогает им стать художниками слова. Ф. Абдулжалилов пишет вторую часть поэмы «Многовидевшая Кубань» издает в 1946 году, а в 1950 году – поэтический сборник «Стихи и поэмы». Если ранний период творчества Ф. Абдулжалилова проходил под знаком утверждения его гражданской позиции, склонности к публицистичности и риторике, то в дальнейшем, особенно в сборнике стихов, опираясь на традиции фольклора, он создает произведения, в которых его поэтический голос становиться более лиричным. Многограннее стали и художественные средства. Творчество Ф. Абдулжалилова воспринимается как своеобразный синтез традиционно – национального и современного.

В 1950 году он выпускает повесть «Семья сильных», ставшая первой послевоенной повестью не только в ногайской литературе, но и в литературе области. Повесть была переведена на русский, абазинский, черкесский языки. «Семья сильных» произведение удачное и, можно сказать этапное в творческой биографии писателя. Достоинство повести – в ее непосредственности, в отсутствии всяческих длиннот, в четкой композиции. С неподдельной теплотой и любовью обрисованы автором характеры положительных героев Батала, Харуна, Мазана, Виктора, Рамазана и др.

В 1955 году увидел свет автобиографическая повесть «Асантай». Верно, что биография художника переходит в его произведения. Эта повесть большая удача автора. Психологически верно, зримо и выпукло, почти осязаемо удается нарисовать образ мальчика-подростка Асантая. Эти две повести переводятся на русский язык самим автором. Повесть «Асантай» единодушно оценена как замечательное произведение в ногайской литературе, свидетельствующее об успешном развитии ногайской прозы, о её идейно – художественном росте. Обе повести получают хорошую оценку критиков: Л. Ливанская – Москва, Б. Кабаченко и В. Туренская – Ставрополь, Н. Капиева – Пятигорск, Л. Бекизова–Черкесск. Отзывы в журнале «Дружба народов».

В сборниках стихов Ф. Абдулжалилова «Шумит Кубань», «Кубань – моя песня», «Когда отточено перо», видно, что он тонкий лирик.

Зрелость литературы определяется наличием прозы, особенно эпическим жанром-романом. На первом этапе становления новой литературы национальные традиции являются основой этих произведений, объединяя философию создаваемых образов, эпичность действия, масштабы событий. В отличие от Б. Абдулина и Х. Булатукова, чье творчество оборвалось репрессиями 1937 года, Ф. Абдулжалилову удалось продолжить прерванные традиции, своим творчеством, установить преемственные связи в развитии эпических повествовательных жанров ногайской литературы. В 1959 году издает свой первый роман – дилогию «Бурный поток» и «Хороша нива у коллектива». Он вывел ногайскую литературу на эпический охват материала, положив в основу своего романа глобальные проблемы, связанные с жизнью и судьбой народа, формированием новой личности, как активного участника революционных преобразований. В них показана как проходила коллективизация в ногайских аулах. Герои в романе предстают в социальной конкретности, историческом развитии. Именно жанр романа дал возможность наиболее глубоко раскрыть художественное исследование объективных процессов истории, взаимосвязи общества и личности.

Творческий подъем Ф. Абдулжалилова приходится на 60-70-е годы XX столетия, что дает нам возможность по-новому взглянуть на проблему художественного историзма в неразрывной связи с эпической фольклорной традицией. Этому свидетельство его повести и романы: «Крутые повороты» (1961), «Хорошая примета» (1962), «На берегу Аксу» (1962), «Дороги, дороги...», «Сын отца», (1968), «Серая пыль» (1970), сб. стихов «Когда отточено перо», (1966), В них автор поднимает тему современного аула, нравственно-этические темы, тему войны и др. В повести «Атадынъ улы» («Сын отца»), впервые на документальной основе, показывает подвиг Калмурзы Кумукова, Героя Советского Союза.

Фазиль Апасович был большим другом творческой молодежи. Они считали его поистине своим наставником, учителем. Его называли «учителем поэзии», «другом и единомышленником и преклоняли колени перед его светлым талантом» и др.

За короткую творческую жизнь Ф. Абдулжалилов сделал много и оставил потомкам бесценное духовное сокровище. Его имя вошло в «Историю советской многонациональной литературы», в «Большую советскую энциклопедию», «Литературную энциклопедию», в «Антологию поэзии Северного Кавказа», словарь «Литературы народов России. XX век» др.

Произведения Ф.А. Абдулжалилова вышли в свет на русском языке в переводах В. Максимова, В. Астафьева, В. Марьинского, И. Кашпурова, Н. Капиевой, И. Чумака, А. Седугина и др. Его художественным произведениям были посвящены научные труды: П. Балтина, Л. Бекизововой, В. Дрягина, А. Сикалиева, Ш. Курмангуловой, Л. Егоровой, В. Тугова, А. Караевой, В. Туренской, Н. Суюновой и др. [3].

Высокую оценку его творчеству дал поэт и литературный критик В. Максимов: «Есть литераторы, имена которых произносятся без добавочных титулов и эпитетов – скромное и беззаветные труженики писательской нивы, посвящающие всю свою жизнь служению самому прекрасному для них – литературе. Трудятся они изо дня в день без шума и помпы. Широкую, подчас незаслуженную славу «маститых» заменяет им любовь в небольших пределах родной области – круга читателей и глубочайшее уважение братьев по перу. К числу таких писателей – можно отнести с полным основанием ногайского поэта, прозаика и драматурга Ф.А. Абдулжалилова. Ему первому писателю родного народа, выпала нелегкая задача создания своей национальной литературы. Его можно сравнить с пахарем, прокладывающим борозду на вековой непочатой целине» [4].

Ф. Абдулжалилов сын своего народа. Его взрастил и вскормил родной ногайский народ. И он оказался верным и благодарным сыном. Он пел свои песни своему народу и творил для своего народа. Фазиль воплотил всю печаль и грусть народа, воплотил в ту единственную мелодию, которая выражает народный дух. Такой мелодии нет у других народов. Она родилась вместе с историей ногайского народа. Ф. Абдулжалилов с самого начало своего творческого пути понял это и пронес через все свои произведения. Его песни поют сегодня, будут петь завтра и всегда. В этом бессмертие поэта, прозаика, драматурга, критика Фазиля Апасовича Абдулжалилова.

1. Данные извлечены из личного архива Ф.А. Абдулжалилова, папка № 30, л. 264.
2. Там же. Папка №30, л. 227-228.
3. Балтин П.И. Первый роман //Ставрополье. – 1960. – №1. – С. 55-56; Фазиль Абдулжалилов //Писатели Карачаево-Черкесии: [Биограф. справки] /Сост.: В. Тугов. – Черкесск, 1966. – С. 13-14; Бекизова Л.А. Слово о ногайской литературе. – Черкесск, 1971. – С. 18-86; Курмангулова Ш.А. Зарождение ногайской литературы // Труды /Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы. – Черкесск, 1970. – Вып. 6. Серия филологическая. – С. 137-139; Курмангулова Ш.А. Ф.А. Абдулжалилов и проблемы формирования новой эпической традиции в повествовательных жанрах ногайской литературы //Вестник /КЧИГИ. – Черкесск, 2004. – [Вып. 3, ч. 2]. Филологические науки. Искусствоведение. Карачаево-Черкесия в русле российской цивилизации. – С. 101-111; и др.
4. Максимов В. Становление литератора //Советская Черкесия. – 1955. – 17 апреля.

КУСЕГЕНОВА Ф. А.

Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А. А. Тахо-Годи
г. Махачкала, Россия

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ НОГАЙЦЕВ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фольклорное наследие народов – это базовая, фундаментальная ценность, определяющая силу и историческую жизнеспособность духовной культуры его носителей. Только коллективные усилия ученых-гуманитариев способны выработать эффективную методологию фольклористики – науки о памятниках устного словесного творчества народов.

Богатый и выразительный фольклор ногайцев нуждается в комплексном изучении его жанров, в обобщающих исследованиях теоретического и историко-культурного плана. Ведение этой важной работы в широком контексте, лоне современной тюркологии, включая зарубежную, – принципиально важно.

Формирование и становление ногайской фольклористики как самостоятельной дисциплины ногаеведения имеет свою историю, связанную с приходом в науку в середине XX века национальных кадров, с введением в научный оборот, благодаря их усилиям, обширного материала, организацией большой системной работы по его осмыслению в контексте общетюркского фольклорного наследия.

Начало такой работе, как известно, было положено еще в XIX веке, в отдельных публикациях образцов фольклорных текстов. Первые их записи и издания, принадлежащие А. Шарапову, датируются 1830 г. В последующие годы известные в тюркологии публикации А. Рудановского, А. Архипова, М. Османова, Н. Семенова, В. Радлова, Ч. Валиханова, Г. Ананьева, П. Фалева и др. усилили интерес к фольклору ногайцев, подчеркнули актуальность вопроса о его специальном и глубоком изучении.

В истории ногайской культуры особый след оставил А.-Х.Ш. Джанибеков (1879–1955) как собиратель, исследователь и издатель устного народного творчества. С начала XX века в разных ареалах проживания ногайцев им записаны образцы фольклорных произведений разных жанров: пословиц, поговорок, загадок, сказок, песен – героических, лирических, календарно-обрядовых, казацких и др. Собранный материал был им систематизирован и составил впоследствии его рукописный многотомник *«Соьз казнасы»* («Сокровищница слов»). Часть этого собрания увидела свет в 1994 году в Камызяке Астраханской области, а другая – более значимая – в 2001 году издана отдельным сборником в Дагестане С.К. Рахмедовым (1935–2005) [1].

Работу по сбору, систематизации и изданию ногайского фольклора продолжила С.А.-Х. Джанибекова-Калмыкова (1928 г. р.), дочь А.-Х. Джанибекова. В 1955 году в Черкесске ею издан сборник *«Йырлар, эртегилер, айтувлар, юмаклар»* («Песни, сказки, поговорки и загадки»), а в 1969 г. в Московском издательстве «Наука» – *«Ногай халк йырлары»* («Ногайские народные песни»).

Работу по собиранию ногайского фольклора успешно проводил, будучи сотрудником ДНЦ РАН, ученый-языковед, исследователь ногайского фольклора Д.М. Шихмурзаев (1936–1993). Его наследие составил ряд научных статей, а также сборник *«Ногай халк эртегилери»* (Ногайские народные сказки), изданный в Махачкале в 1994 году.

В истории собирания и научного изучения ногайского фольклора особое место принадлежит творчеству ученого-фольклориста А.И. Сикалиева (1938 г. р.). Песенный фольклор, образцы эпического наследия ногайцев опубликованы им в таких книгах, как *«Айт десеньиз, айтайым...»* («Если просите, спою...»), *«Ногайдынъ кырк баьтири»* (Сорок ногайских богатырей) [2] и др. В сборник ученого *«Сынап карап, сырласып...»* [3] вошли статьи и рецензии по проблемам устного народного творчества и литературы.

А. Сикалиев – автор основательного монографического исследования героического эпоса народа. «Ногайский героический эпос» [4] – это глубокий и всесторонний анализ эпического жанра с точки зрения эстетики и поэтики. Особо ценны в монографии разделы, связанные с историей литературной поэзии, – творчеством ногайских средневековых *йырав*, а также мастерством народных сказителей.

Принципиально важны для работы по сохранению устного народного творчества ногайцев фольклорные экспедиции, системность в проведении которых была заложена А.-Х.Ш. Джанибековым, А.И. Сикалиевым и Д.М. Шихмурзаевым.

Труды ногайских ученых-фольклористов – важный источник для обогащения духовной жизни народа. Это важная основа для привития вкуса к чтению, любви к родному слову у подрастающего поколения, сохранения исторической и духовной памяти. Именно поэтому при составлении школьных программ, учебников по родному языку, организации внеклассных мероприятий на всех уровнях обучения (школа – колледж – вуз) фольклорный материал используется как основной источник.

В деле собирания и изучения фольклора велика роль подвижников от культуры, любителей и ценителей родного слова. Уникальный пример представляет собой деятельность заслуженного работника культуры Республики Дагестан Т.А. Акманбетова (1953 г. р.), занимающегося долгие годы собиранием, систематизацией, классификацией, изданием ногайского фольклора, причем тех его жанров, которые ранее не были удостоены внимания фольклористов, а также вариантов уже известных текстов, публиковавшихся по идеологическим соображениям в усеченном или отредактированном виде. Как пример такого текста – уникальный вариант дастана *«Бозйигит»* (2011), который значительно отличается от общеизвестных версий.

Тексты своих изысканий, обзоры, анализ фольклорного материала Т. Акманбетов регулярно печатал на страницах республиканских газет *«Шоьл тавысы»* («Голос степи»), *«Ногай давысы»* («Голос ногайцев»), альманаха *«Тувган ерим»* («Родная земля») и др.

Бесценным вкладом в ногайскую фольклористику является изданная им в последние годы серия сборников фольклорных текстов, атрибутированных изданий, с предисловиями, примечаниями, комментариями: *«Алал косак»* («Верная спутница»), *«Маьнели соьз малдан артык»* («Мудрое слово дороже богатства»), *«Куьмис алка»* («Серебряная застежка»), *«Коьз ясым нур болсын»* («Пусть слеза станет лучом»), *«Коньил юманышы»* («Отрада души») [5]. Книга *«Колым яхшылыкка тийсин»* («Пусть рука прикоснется к добру») [6] содержит материал по народной педагогике.

На труды Акманбетова ссылаются в своих работах ученые-фольклористы, опираются творческие работники – писатели, журналисты. Именно его фольклорные записи легли в основу книг «Ай, Айданак» С. Батырова и «Ногайские мифы, легенды и поверья» И. Капаева [7].

Издания «Пусть слеза станет лучом» и «Отрада души», в которых собраны песни-плачи (*бозлавлар*) и частушки (*сарынлар*), – фактически первое представление народу ранее не печатавшихся текстов малоизученных жанров ногайского фольклора. Уникальность этих изданий в том, что автором бережно сохранен оригинал текстов через форму, лексику, стиль.

Любая публикация фольклорных текстов ценна сохранением версии и в плане сюжетных линий, и арсенала изобразительно-выразительных средств, и мотивов. Эта особенность отличает собрания Т. Акманбетова.

Исследования в области современной тюркологии делают очевидной значимость но-

гайского фольклорного материала, особенно эпического жанра, для истории формирования словесной культуры родственных народов (казахов, каракалпаков, татар, башкир), с которыми ногайцев связывала генетическая, историко-культурная общность. Эпос «Эдиге», цикл о «Сорока ногайских богатырях», лирические дастаны, сложившиеся в Ногайской орде и затем уже распространившиеся в тюркском мире, являются общим достоянием многих народов. Варианты бытующих у них текстов на сегодняшний день достаточно хорошо исследованы в академиях наук этих республик. В Казахстане, к примеру, издан 100-томник фольклорного наследия казахов *«Бабалар соьзи»*, включающий в том числе и казахские варианты вышеназванных эпических произведений. Учеными-фольклористами Казахстана в течение последних десятилетий осуществлены сотни научных исследований по фольклористике. Именно поэтому укрепление научных контактов в области сравнительно-сопоставительных исследований вариантов фольклорных текстов видится одной из самых плодотворных задач современной международной тюркологии.

Ногайский материал, крайне не достаточно исследованный, в силу драматически сложившейся исторической судьбы народа, начиная со времени утраты государственности, несомненно, представляет большой интерес.

Ногайский фольклор бытует в разных этнических группах, на различной языковой основе, в вариантах, обусловленных национальным опытом этих этносов. «Так, среди кумыков – древних тюркоязычных кавказцев – слабо были развиты сказания о сравнительно поздних исторических событиях, связанных с историей тюрков при Тамерлане, Тохтамыше, Эдиге и др., и кумыки восполнили свой репертуар подобными сказаниями соседнего народа, язык которого близок к кумыкскому, – ногайцев» [8, с. 2].

Такого рода сравнительно-сопоставительные исследования уже стали предприниматься в самой ногайской фольклористике и это научное направление практически неисчерпаемо в своих внутренних возможностях и методологических решениях. Одна из таких работ – монография Ф.А. Кусегеновой «Ногайские дастаны» [9], исследующая народные лиро-эпические поэмы, их идейное содержание и художественное богатство, а также содержащая сравнительный анализ ногайских дастанов (ног. – *дестан*), их типологические характеристики, связи с аналогичными произведениями тюркоязычных народов и их роль в формировании современной профессиональной литературы.

Велика значимость проекта Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН по созданию Свода памятников фольклора народов Дагестана, который отражает все богатство дагестанского, в том числе и ногайского, устного народного наследия. Материалы его тем ценнее, что национальные тексты сопровождаются переводами на русский язык и оснащены комментариями. Это расширяет аудиторию читателей, выполняет функцию по сближению народов на основе взаимопознания, укрепления культурных связей. Сбор, систематизацию, паспортизацию и перевод на русский язык ногайских текстов Свода осуществили Т. Акманбетов и Ф. Кусегенова [10]. С научной точки зрения создание такого проекта, работа над которым является стимулом для оживления собирательской деятельности, – важный шаг вперед, свидетельство выдвижения ногайской фольклористики на новые рубежи.

Устное народное творчество чрезвычайно чувствительно к историческим переменам в жизни этноса, поэтому фольклор – наследие прошлого, настоящего, своими тенденциями, художественными достижениями устремленное в будущее – постоянно эволюционирует: при этом одни жанры исчезают, становятся реликтовыми, другие – трансформируются.

Фольклор и литература всегда взаимосвязаны, народная поэзия никогда не переставала обогащать письменную литературу эстетически и поэтически. Поэтому тема фольклорных взаимосвязей не перестает сохранять свою актуальность, не утрачивает позицию главного направления научного поиска в литературоведении. Отсюда – плодотворность исследований, выполненных на стыке литературы и фольклора.

Фольклористика в основе деятельности несет функцию по сохранению и популяризации музыкальной сокровищницы народа. Ногайский эпос традиционно исполнялся певцами-импровизаторами в сопровождении самобытных по устройству музыкальных инструментов. Современные исследования ученых-искусствоведов открывают множество граней этого искусства (публикации Б. Кардановой). Традиционная словесно-музыкальная культура ногайцев равностепенно проявляет себя в оригинальном или интерпретированном виде почти во всех сферах художественного творчества.

В наше время однозначно ценны для сохранения традиционной ногайской манеры исполнения записи С. Язлыбаева, А. Кумратовой, Я. Кудайбердиева, А. Романова, А. Султанбекова и др. Фольклорные праздники («Навруз-байрам», «Сабантой» и др.), актуализирующие в своих сценариях традиционное словесно-музыкальное наследие, свидетельствуют о том, что народное искусство во все времена востребовано самой широкой аудиторией, что непременно является залогом сохранения национального самосознания, исторической памяти народа.

К разряду все еще насущных проблем относится тот факт, что основная масса ногайского фольклорного фонда остается неизданной, включая, в первую очередь, рукописный многотомник А.-Х. Джанибекова. Большое количество собранных текстов и материалов по фольклору продолжает оставаться в рукописях, не обработанных и не введенных в научный оборот.

Значительный фольклорный материал, за исключением эпоса, до сих пор не стал предметом специальных исследований и обобщающих научных трудов в ногаеведении. Афористические жанры, мифология, несказочная и сказочная проза, являющиеся приоритетными объектами в фольклористике других народов, у ногайцев недостаточно изучены. Остались без должного внимания и проблемы жанровой классификации, поэтики ногайского фольклора.

Основные сложности развития фольклористики связаны с общей для всей гуманитарной сферы проблемой: неохотными инвестициями в нематериальную сферу по причине якобы невозвратности этих вложений. Такой подход породил, как это уже очевидно, массу проблем, нарушил взаимосвязи и взаимообусловленность многоступенчатой последовательной системы образовательного комплекса. В первую очередь это ударило по качеству преподавания родного языка в образовательных учреждениях, по системе воспроизводства научно-педагогических кадров в силу падения престижа профессии учителя.

Недобор на отделениях филологии вузов делает невыполнимой задачу привития первых навыков в деле сбора, сохранения и систематизации устного народного творчества студентами. В частности, русско-дагестанское отделение филологического факультета ДГУ (Махачкала) ежегодно осуществляло фольклорные экспедиции в места компактного проживания ногайцев. Эта практика ныне свернута.

Пропаганда и популяризация традиционного устно-поэтического творчества, имеющего огромный познавательный, художественно-эстетический и воспитательный потенциал, – в ряду важнейших задач фольклористики, образовательной системы и культурных учреждений, издательских центров. По-прежнему актуальны задачи фиксации все еще необработанного устного наследия народа, нового научного осмысления старых фондовых записей, переиздания базовых научных трудов, уже давно ставших библиографической редкостью. Целесообразно в образовательных организациях регионов проживания ногайцев открытие фольклорных кружковых занятий по народным инструментам, вокалу и хореографии, привитию начальных навыков в области народных ремесел, декоративно-прикладного искусства, а также развития речевых традиций, усвоения этикета (*бет аьдет*), с привлечением опыта народных умельцев, артистов, уважаемых жителей. При этом необходимо разрабатывать соответствующие методические комплексы, совершенствовать имеющиеся. В системе образования и культуры не хватает иллюстрированных книг для детей. Издание в современном полиграфическом исполнении сборников, антологий, сводов фольклора, а также адаптированных их вариантов для детей (сказки, пословицы, поговорки, загадки и др.), в какой-то мере содействуют улучшению сложившейся ситуации.

Одной из наиболее актуальных задач является подготовка квалифицированных специалистов в области ногайской фольклористики. В научно-исследовательских центрах регионов проживания ногайцев, за исключением Карачаево-Черкесской республики, нет ни одной штатной единицы специалистов по ногайской фольклористике, литературоведению. С учетом того, что все средневековое и Нового времени (до XX века) фольклорное наследие народа зафиксировано на арабице, отсутствие фольклористов-текстологов, переводчиков делает неэффективной и даже бессмысленной работу фольклористов, которых также приходится едва ли не по одному на регион. В первую очередь, эта ситуация применима к Дагестану – месту проживания наиболее многочисленной группы ногайцев в России.

Только государственное внимание к этим проблемам может изменить ситуацию. Речь идет прежде всего о финансировании фольклорных экспедиций, создании условий для аудио- и видеозаписи народных исполнителей, а также активной пропаганде фольклора в средствах массовой информации.

Сборники фольклорных текстов, изданные А.-Х.Ш. Джанибековым, С.А.-Х. Джанибековой-Калмыковой, Д.М. Шихмурзаевым, А.И. Сикалиевым, Т.А. Акманбетовым на родном языке, научные статьи о календарно-обрядовой поэзии, этнопедагогике Р.Х. Керейтова, работы по музыкальному фольклору Б.Б. Кардановой, Н.Г. Гайнуллиной, А.Р. Усмановой, монографические исследования А.И. Сикалиева, С.Ш. Гаджиевой, Ф.А. Кусегеновой – существенный вклад в развитие науки об устном народном творчестве ногайцев. Однако, ногайская фольклористика, хотя и представляет собой самостоятельную отрасль с уже устоявшимися традициями, о которых свидетельствуют уникальные фольклорные фонды, публикации лучших текстовых образцов и др., все еще остается одной из самых малоизученных областей ногаеведения.

---

1. Джанибеков А-Х.Ш. Сокровищница слов / Сост. С. Рахмедов. – Махачкала, 2001 (на ног. яз.).
2. Если просите, спою... / Сост. Сикалиев А.И. – Черкесск, 1971 (на ног. яз.); Сорок ногайских богатырей / Сост. Сикалиев А.И. – Махачкала, 1991 (на ног. яз.).
3. Сикалиев А.И. Статьи и рецензии. – Черкесск, 1975 (на ног. яз.).
4. Сикалиев А.И. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.
5. Акманбетов Т.А. Верная спутница. – Черкесск, 1985 (на ног. яз.); Мудрое слово дороже богатства. – Махачкала, 1991 (на ног. яз.), Серебряная застежка. – Махачкала, 1992 (на ног. яз.); Пусть слеза станет лучом. – Махачкала, 2009 (на ног. яз.); Отрада души. – Махачкала, 2010 (на ног. яз.).
6. Акманбетов Т.А. Пусть рука коснется домбры. – Махачкала, 2012 (на ног. яз.).
7. Ай, айданак / Сост. С. Батыров. – Махачкала, 1990 (на ног. яз.); Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья (Опыт мифологического словаря). – М., 2012.
8. Традиционный фольклор народов Дагестана. – М., 1991.
9. Кусегенова Ф. А. Ногайские дастаны. – Махачкала, 2007.
10. Свод памятников фольклора народов Дагестана: В 20 т. / ИЯЛИ ДНЦ РАН. Т. 1: Сказки о животных. – М.: Наука, 2011; Т. 3: Бытовые сказки. – М.: Наука, 2013; Т. 4: Мифологическая проза. – М.: Наука, 2012.

МАЛКОНДУЕВ Х. Х.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
г. Нальчик, Россия

ТЕМА НОГАЙЦЕВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ УСТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ОСОБЕННОСТЬ ЕЕ ОБРАЗНЫХ СИСТЕМ

Этноним «ногай» в карачаево-балкарской устной словесности встречается почти во всех жанрах фольклора, начиная с богатырского эпоса «Нарты», историко-героических, лирических, детских песен, легенд и преданий до детского карачаево-балкарского эпоса «Манас» [1], в котором ярко сочетаются сложившиеся веками сюжетные элементы и национальные мотивы известного киргизского памятника с собственно кавказским взглядом на жестокую реальность, имевшую место в период государственного деспотизма, связанного с депортацией целых народов. Насильственно оказавшиеся в другой этнической среде, малыши и подростки карачаево-балкарской национальности, восхищаясь мифологическими качествами богатыря Манаса, мечтают видеть в реальной жизни такого же спасителя своего народа, который мог бы вернуть их на свою родину, на Кавказ, по которому они очень соскучились.

Так, в записанном нами в Уллу Малкъаре (Большой Балкарии) на магнитную ленту цикле песен «Аче улу Ачемез и Тюклесхан», «Карашауай и Гемуда» в исполнении ряда сказителей употребляется выражающее понятие этнонима словосочетание «Къара Ногъай», который по контексту, очевидно, следует понимать как «могущественный Ногай». В

одной из песен повествуется о том, что конфликт между молодыми нартами и их извечными врагами происходит в Кара Ногаях и что огромное, широкое поле между Бузданом (Доном) и Итилем (Волгой) заполнено «саны болмагъан ногъай садакъчыла бла» («бесчисленными лучниками-ногайцами»), которые воюют на стороне нартских богатырей. Интересен повествовательными элементами один из текстов песен о молодом герое богатырского эпоса Карашауае, записанный в 1978 г. в поселке Хасанья из уст сказителя Бозиева Карамая, в котором говорится, что на скачках, проводимых «ногъай жерледе» – «в ногайских землях» на своем знаменитом скакуне Гемуде всех участников побеждает он.

Как известно, одним из прекрасных текстов карачаево-балкарской Нартиады является песенно-стихотворное сказание «Ёрюзмек и Ногайчык» [2], которое в данном случае носит национальный этнонимический характер. Неслучайно его употребление и в демунитивной форме: «Ногай+чык» – «Ногай+чик», где суффикс «-чык / -чик» традиционно на русском и в тюркском языках выражает уменьшительно-ласкательный оттенок.

Сюжет песни таков: «Ногайчык приходит в гости к предводителю нартского племени Ёрюзмеку за помощью, чтобы победить их извечных врагов – трех братьев великанов – эмегенов и поясняет, что они должны сперва разрушить железные ворота, отбить у великанов табун лошадей и гнать его по степи на юг; исход наездничества будет зависеть от поведения фантастической силы жеребца: если поразить сидящего на нем эмегена, он доставит второго, а если поразить его, конь доставит третьего, самого решительного великана, а если удастся одолеть и его, лишившись своих хозяев, жеребец вернется спокойно к табуну».

Когда они добираются на конях до определенного места, Ёрюзмек говорит Ногайчику, что дальше ему не знакомы места, на что тот отвечает, что он хорошо знает эти места, а потому надо следовать за ним. Доскакав до логова эмегенов, им надо разрушить железные ворота, за которыми находится табун великанов, а затем перегнать его с севера на юг. Один из нартов должен следовать за табуном, а другой стоять на дозоре и охранять их от преследователей-эмегенов.

Ногайчык просит у Ёрюзмека разрушить железные ворота врагов, но это не получается у прославленного нарта, тогда Ногайчык ударом ноги сам разбивает его и швыряет в сторону. Затем они договариваются, что Ёрюзмек будет стоять на дозоре, а Ногайчык перегонит табун в удобное для них место.

Сила ветра, исходящего из ноздрей того жеребца, была настолько мощной, что подняв Ёрюзмека высоко несет его в степи к тому месту, где находился Ногайчык. Поняв, что не под силу Ёрюзмеку выдержать натиск врага-великана, Ногайчык меняется с ним местами и стоит на дозоре, выжидая появление врага. Но он заранее делает завещание: в случае его смерти нужно привязать его тело к седлу и отпустить коня на свободу, так как животное хорошо знает дорогу домой.

Ногайчыку удается в схватке со своими врагами-эмегенами поразить по одному всех их троих и самому, смертельно раненному, встретиться с Ёрюзмеком и попросить исполнить его последнее желание, что было исполнено нартским богатырем согласно заветам его друга и сподвижника.

Ёрюзмека настолько тронули богатырские и рыцарские качества Ногайчыка, что он отправляется в степь, желая узнать что-либо о нем, и после долгого скитания видит старую кибитку, в которой проживала пожилая старушка. В ходе беседы она рассказывает Ёрюзмеку, что у нее было трое сыновей, двое из которых погибли от рук своих врагов-эмегенов, а третий – Ногайчык, отправившись к нарту Ёрюзмеку за помощью, домой вернулся мертвым на седле своего коня. Этим Ёрюзмек был весьма тронут. Прощаясь с ней, он оказывает всякую помощь старушке. Об этом так говорится в тексте:

Ёрюзмекни кёргенде, жарыгъанды,
Балалары келген кибик болгъанды.
Нарт Ёрюзмек анга ашау бергенди,
Сора къайтып юйюне келгенди [3].

Увидев Ёрюзмека, она просветлела,
Будто вернулись ее дети.

Ёрюзмек же ее всем обеспечил,
А затем к себе домой вернулся.
(Подстрочный пер. автора статьи)

В прошлом среди карачаево-балкарских историко-героических песен одной из самых популярных и часто исполняемых был текст произведения об отважном чегемском абреке «Чюерди» [4]. Внимательное изучение и сопоставление текстов богатырского эпоса «Ёрюзмек и Ногайчык» и исторической песни «Чюерди» дает основание для серьезного рассуждения, что в основу создания главных сюжетно-повествовательных элементов последнего могли лечь мотивы произведения «Ёрюзмек и Ногайчык».

К Чюерди из рода Хахуевых, проживающему в Уллу Чегеме прибывает группа молодых аристократов-кабардинцев из села Тыж-Кабак. Их щедро угощают знаменитым чегемским «къара сыра» – «черным пивом» и после трех дней куначества, Чюерди спрашивает о цели их визита к нему. На это они отвечают, что намерены совершить наездничество в далекие края и хотели бы, чтобы их предводителем был славный Чюерди.

Непрошенным гостям его старый отец Жанхот отвечает отказом, так как накануне видел нежелательный сон. Такого же мнения придерживается жена, которая долго уговаривала его воздержаться от похода. Когда уговоры не помогли удержать Чюерди, согласно канонам рыцарской этики Жанхот отвечает сыну, что честь выше человеческой души, а потому отправляйся в путь с Богом, береги себя.

Жена же, после долгих уговоров, произносит каргыш – проклятие, монолог которого весьма эмоционален и трогателен:

Мындан ары сен баргъын
Къабарты бийлеге ал болуп.
Артха уа сен алай келгин,
Туу байталынга сал болуп.

Экинчи «алгъышым» – сени адам сюймесин.
Чыпчыкъ кёзю да алай жазмагъан
Сени шкогунг Ногъай Сыртлагъа
Окъуна тюз тиймесин.

Кёкде жюзелле Ай бла жулдузла,
Бир бирлерине эрише.
Ногъай Тюзледе минг окъ тийсин.
Санга ол чабыууллукъ кюрешде.

Чтобы отсюда ты двинулся
В авангарде кабардинских князей.
Чтобы возвратился обратно ты
Мертвым, на своей (кобылице) Ту-Байтал.

Второе «пожелание» – чтобы ты стал изгоем,
Бьющее без промаха в птичий глаз,
Твое ружье пусть в Ногайские Степи
Даже прямо не стреляет.

В небе плавают Луна и звезды,
Соревнуясь друг с другом (кто быстрее).
Чтобы в Ногайских Степях тысяча пуль поразила
Тебя в поединке, в этом набеге.
(Подстрочный пер. автора статьи)

Особое внимание в тексте отводится романтическому образу кобылицы Ту-Байтал, от характера поведения которой будет зависеть успех или неудача в предстоящем походе. Если она подойдет к своей уздечке спокойно, то дружину ожидает удача, а если отойдет в сторону, неминуема трагедия. Когда гости подошли к кобылице близко, она встала на дыбы, начала бить копытами, ржать, уходить в сторону, будто предчувствовала неизбежность трагедии. Чюерди догадывается, что кобылицу привели во двор не по ее воле, и дает об этом знать гостям.

В дальнейшем события переносятся в Ногайские Степи, где дружина одолевает своих врагов и идет дальше, в Темир-Капу (Дербент). Никто не может разрушить толстые стены Темир-Капу, это было под силу только «къаудан быдырлы къарт байтал» – «старой кобылице с животом масти высохшей травы», т.е. Ту-Байтал, принадлежащей Чюерди. Ударом груди она разрушает эту крепость.

Наездники берут в плен много детей, забирают дорогие вещи, но на обратном пути их преследует конница ногайцев в составе трехсот всадников. С далекого расстояния Чюерди узнает, что отряд ногайского хана возглавляет его родной племянник, коварный и беспощадный к своим врагам Сокур Шидак. Он предупреждает своих сподвижников, чтобы те были особенно осторожны с ним, так как он вероломен, лицемерен, хитер, Его убивает сам Чюерди.

Далее описывается ход боевых действий и дается оценка почти каждому участнику сражения.

Так завершается один из вариантов песни, в котором мы не смогли найти ответов на ряд вопросов в содержательно-повествовательном плане. В этом отношении более информативен текст, записанный в 1958 г. в селе Кёнделен в исполнении местного жителя Жабелова Шамана Кайсыновича.

Интересно описывается здесь сцена возвращения абреков обратно по степи домой. В тексте несколько раз встречается словоформа «патчах», выражающая понятие «царь» или «хан». Когда они дошли до Баранников (Барагунов), табунщик докладывает своему хану о характере поведения враждебной дружины.

По ответу табунщика ногайский хан догадывается, что имеет дело с серьезным противником, и посылает за ними много гонцов.

Сопоставительный анализ текстов богатырского эпоса «Ёрюзмек и Ногайчык» и историко-героической песни «Чюерди» выявил ряд заимствованных мотивов, в которых переплетаются несколько сюжетных линий, на что никак нельзя не обратить внимание: в обоих случаях, пространственно-составляющими являются Ногайские Степи, где происходят бурные события; кони в этих текстах наделены мифологическими свойствами: так, кобылица Ту-Байтал ударом груди разбивает Железные Ворота Темир-Капу (Дербента); Чюерди поистине наделяется качествами эпического героя, он сам истребляет трехсотенную дружину ногайского хана; эту роль в эпосе выполняет Ногайчык в поединках с великанами-эмегенами; в обоих произведениях перед смертью Ногайчык и Чюерди завещают, чтобы их тела привязали к седлу их лошадей и отпустили на волю, так как они найдут верную дорогу к своим жилищам.

Выдающийся мастер поэтического слова XIX в., житель аула Уллу Чегем Шаваев (Абайханов) Дауд-Хаджи был автором большого поэтического текста «Хахуланы Борлакъ бла аны Акъ Атыны тауруху» – «Легенда о Хахуеве Борлаке и его коне Ак-Ате» [5], посвященного исследуемой теме. Почему-то на его родине в Чегеме Чюерди называли Борлаком.

Мы же кратко остановимся на другом его произведении «Жанхотланы Азнаур бла аны Къара-Буу атыны тауруху» – «Легенда об Азнауре из рода Жанхотовых и об его коне Кара-Бу» [6], где в центре всех основных сюжетных элементов и содержательно-повествовательных конструкций находится тема Ногая и ногайцев.

Князь из Уллу Малкъара – Большой Балкарии Азнаур Жанхотов со своей дружиной следует по берегу Кубани с целью совершить наездничество в чужие земли с целью отбивать табуны. Ему встречается старик-ногаец, к которому князь обращается с просьбой предсказать, что их ожидает в предстоящем походе: удача или поражение. В ответ на это он произносит длинный монолог, по содержанию напоминающий речь кудесника-волхва из «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина, и предсказывает неизбежность грядущей трагедии, в которой погибнет вся его дружина и он сам. «Твой конь постарается спасти тебя, но этому помешает коварство одного из степных князей, о чем ты не догадываешься, а потому возвращайся к себе в Уллу Малкар, где ждут тебя семья и родственники!» – говорит, посмотрев в глаза коня и на небо, полуязычник-звездочет старик-ногаец.

Монолог его, где дается описание Кара-Бу в художественно-образной системе мы бы охарактеризовали как проявление высокого мастерства авторского поэтического искусства. Приведем небольшой отрывок:

«Сен минесе, – деди, – тулпар атынга,
Ол кёп тенглик этип келгенди санга.

Ол бирча барады тюзде эм тауда,
Артха турмайд желде, боранда.

Сууукъгъа, иссиге да ол бирча тёзед,
Сууда, толкъунда да чабакъча жюзед.

Тауда секиреди терен къолладан,
Учханлай озады буз чырандан.

Ёзенде, тарпанча, тохтамай барад,
Къумда ол, тюеча, тёшледен чыгъад.

Агъачха кирсе, ол доммайча чабад,
Алына тюшген терекни аудурад.

Эрттеден келеди аны тамыры,
Хар ауруудан керед бауру.

Къара-Буу туугъанед Тотур айында,
Айтхылыкъ болалла ала тайында.

Тейри, Ногъай хан да минеред анга,
Къууаныып, ышарып чыгъаред тангнга.

Къара тамгъа барды къара атынгда,
Теренде ол турад, билинмей къатында.

Ажалынг боллукъду атынгы юсюнде,
Мудахлыкъ келликди, аны кёргенде» [7].

«Ты едешь, – сказал, – на богатырском коне,
Он много хорошего сделал тебе.

Он одинаково скачет в степи и в горах,
Не отступает от ветра, пурги.

Одинаково он переносит жару и холод,
В воде и в волнах плавает как рыба.

В горах он перепрыгивает глубокую пропасть,
Летит над вершинами ледников.

На равнине, словно тарпан, мчится, не останавливаясь,
В пустыне, словно верблюд, взбирается на возвышенности.

В лесу он, словно буйвол, мчится,
Сваливает попадающееся ему (на пути) дерево.

В глубь веков уходят его корни (порода),
Никакая болезнь не поражает его печень.

Кара-Бу родился в месяц Тотура,
Они бывают удивительны еще жеребенком.

Хотел бы на нем ездить и хан Ногая,
Радостным, веселым он бы встречал тогда рассвет.

Черная отметина есть на твоем черном коне,
В глубине она скрывается, незаметна тебе.

Смерть твоя наступит из-за твоего коня,
Наступит печаль, если заметить ее (отметину).

Взяв сюжет популярной карачаево-балкарской народной героической песни «Жанхот улу Азнаур», Д.-Х. Шаваев сумел привнести в нее много индивидуального, авторского, выделяя монолог как основной композиционный, детерминантный, повествовательный элемент произведения.

В отличие от фольклорных текстов, в пространственном плане действия здесь четко происходят в Ногаях и, как предсказал тот старик-ногаец, смерть князя Азнаура наступает в степи, когда он, поддавшись коварству, в окружении врагов, меняется конями с одним из своих сподвижников, который, сев на Кара-Бу, оставив друзей в беде, скрывается с людских глаз.

Наше исследование не будет полным, если кратко не коснемся ногайского фольклорного варианта поэмы-дастана на восточную тему «Бозйигит» [8] и карачаево-балкарской авторской поэмы Кязима Мечиева «Бузжигит» [9].

Сравнительный анализ ногайской, карачаево-балкарской и кумыкской версий данной поэмы подтверждает не только типологическую их близость, но и общность сюжетно-повествовательных мотивов и персонажей.

Во всех национальных вариантах главным персонажем остается Бозйигит (Бузжигит, Бозигит) – выходец из простой, скромной семьи, а красавица Зулейха (Сайбямал), в которую он безумно влюблен, является дочерью могущественного хана. Во всех версиях от этой любви страдает Бозйигит (Бузжигит), хотя она и носит взаимный характер.

Мы уверены, что в основу данного произведения легла выдающаяся поэма Фердауси «Юсуф и Зулейха», берущая начало из более ранних библейских и коранических мотивов.

Ряд детских и колыбельных песен карачаево-балкарского и ногайского фольклора настолько близок, что их можно рассматривать как общую устную культурную словесность.

Таким образом, изучение карачаево-балкарского и ногайского фольклоров показывает их давнюю духовную взаимосвязь, очевидно, уходящую корнями в глубину веков, когда они могли входить в общие родственные этно-государственные образования тюрков в VI–XVвв.

---

1. Манас // Нюр (детский журн. на балк. яз.). – Нальчик, 2009. – С. 10.
2. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука, 1994. – С. 101-104.
3. Там же. – С. 104.
4. Малкъар поэзияны антологиясы (Антология балкарской поэзии). – Нальчик: КБНИИ, 1959. – С. 67-71; Архивный фонд КБИГИ. Ф.ф. № 13, п. 6, п. 4.
5. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагъышла: Поэмала. Зикирле. Назмула (Раздумья о жизни: Поэмы. Стихи. Зикиры). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. – Т. II. – С. 126-135.
6. Там же. – С. 135-140.
7. Там же. – С. 140.
8. Ногай халк йырлары (Ногайские народные песни). – М.: Наука, 1969. – С. 47-67.
9. *Мечиев К.* Сайламала (Избранное). – Нальчик, 1959. – С. 28-34.

ОРАЗАЕВ Г. М.-Р.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
г. Махачкала, Россия

К АРХЕОГРАФИИ АРАБОПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ НА НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (XIX-нач. XX вв.)

Одной из самых важных вопросов археографии[1] старописьменных памятников, созданных на любом языке, является практика определения местонахождения таковых материалов, то есть эвристическая работа, и их научное описание. И лишь после разрешения этого вопроса, возможно приступить непосредственно к изучению и публикации текстов.

Исходя из этой аксиомы, в Отделе востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН) пристальное внимание уделяется научно-экспедиционной деятельности с целью выполнения первичной – эвристической – работы. Она проводится и ныне, чаще всего по научным грантам РГНФ. Практикуются также одиночные выезды или поездки в виде научных командировок. Обнаруженные материалы бесценны и они сосредоточены в специальном фонде восточных рукописей, входящем в состав общего Рукописного фонда ИИАЭ. [3].

Таким образом, сотрудниками Отдела востоковедении выявлены сотни и тысячи письменных памятников, созданных на арабской графической основе и написанных не только на арабском языке (а их подавляющее большинство), но и на турецком (османском), азербайджанском, кумыкском, на северокавказском варианте языка «тюркъ» и др.

Материалы созданные на ногайском варианте арабописьменного языка маркируемого в научной литературе как «северо-кавказской тюркъ», являются образцами одного из важнейших этапов в развитии письменной культуры, литературы, языка ногайцев. Они идут в одной генетической связке с письменными материалами, созданными в соседних регионах на «уральско-поволжском», «среднеазиатском», «закавказском (азербайджанском)» вариантах языка тюркъ, бытовавшего главным образом в регионах расселения разных тюркских народов.

Ногайский вариант языка «тюркъ» находился, по отношению к разговорному ногайскому языку, примерно в таком же типологическом соотношении, как разговорный турецкий язык – к османскому языку, или же татарский и башкирский народный языки – к «уральско-поволжскому языку тюркъ письменного употребления. Аналогии можно продолжить по отношению к другим региональным письменным и разговорным языкам.

Краткие сведения о региональных языках письменного употребления, известных под общим наименованием «тюркъ» здесь приводятся с целью пояснения того факта, что староногайские письменные памятники, исключая фольклорные записи, создавались именно на т.н. ногайском варианте языка тюркъ. Они сильно отличаются от фольклорных записей тем обстоятельством, что в них содержится большое количество арабо-персидской лексики, и пласт арабских и персидских слов достигает порою довольно значительных размеров, что зависело, очевидно, от культурных школ, в которых обучались сами писари и от общего уровня грамотности профессионального писаря, составившего то или иное сочинение (корреспонденцию или другое произведение нарративного жанра).

Северокавказский вариант языка тюркъ представляет собой, видимо, золотоордынское письменное наследие, оставшееся после территориального раскола этого государственного образования в XV веке, и был распространен в разных регионах Северного Кавказа и Предкавказья довольно продолжительное время – с конца XV по начало XX века.

Наиболее ранние из эпистолярных документов, связанных с ногайским этносом, фиксируются с XV века. Назовем, к примеру, один из них:

1436 г. – грамота хана Улуг-Мохаммеда эмиру Ябык-Мохаммеду – с признанием независимости Булгара в обмен на выплаты дани ногайцам и тюркским ханам и содержание тюркских ханов с их мурзами на время их службы Булгару. [1, с. 233].

В XV веке фиксируются также корреспонденции, адресантами которых выступают ногайские правители. Например:

1489 г. – три грамоты к великому князю Иоанну Васильевичу (Ивану III) из Ногайской Орды от царя Ибрагима Ивака, от мурзы Мусы и Ямгурчея, о желании их быть с государем в дружбе и братстве и об отпуске пленного Казанского царя Алегама в Орду. [8, л. 6] («Собрание Гос. грамот и договоров», Ч. 5. №№ 11, 12).

Такого же рода корреспонденции относятся к XVI веку. И их довольно много.

Что касается мест хранения материалов, созданных на староногайском письменном языке «тюркъ», можем констатировать, что их немало в Российском государством архиве (РГАДА) в Москве, Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД) в Махачкале, Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), Астраханском областном архиве и др.

Об архивных материалах, хранящихся в Москве, писалось немало. Издано несколько книг, содержащих их старые русские переводы [см., напр., 9; 16; 17].

ДАГЕСТАНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. В Архиве Кизлярского комендантства, хранящегося в составе ЦГА РД (фонд № 379), нами зафиксированы некоторые из писем XVIII века,

отправителями которых указаны ногайские адресанты. Это письма едисанских, джамбулукских и буджакских мурз, также других ногайских мурз и старшин-картов, адресованные на имя того или иного Кизлярского коменданта, представлявшего русскую власть на Северо-Восточной части Кавказа [11, с. 10, 85-86].

Может возникнуть вопрос, кто же служил при обмене корреспонденциями в качестве писарей или переводчиков, толмачей? Естественно, при написании писем от имени ногайских или любых иных корреспондентов с мест не указывалось имя писаря. Но зато в числе служащих в Кизлярской командантской канцелярии иногда указывается, кто именно из служащих в ней лиц именно занимался обработкой полученных корреспонденций. Чаще всего упоминаются в качестве письменных переводчиков – «оренбургский житель», «кизлярский дворянин», «терской житель» из дворянинов, служащие из Кизлярского полка Гребенского войска и прочие. Любопытно, что в их числе упоминаются не только русские, но и немало тюркских имен: Магомедрасул Телякаев, Халиль, Мамадгирей и Ибрагим Бадировы, Кельмамет Айтов, Магамет Усеин Ажикаев и пр. Среди них упоминается в нескольких документах Аллахберди оглы Мулла-Келакай, в русском написании – «Коротоицкого аула татарский мулла Келакай Аллабердиев[2] [11, с. 86-89]. Можно предположить, что последний был родом из населенного пункта Коротояк нынешней Воронежской области.

В числе материалов из Дагестана стоит упомянуть обращение дагестанских ногайцев 1860 года. В архивном деле оно имеет официальное название: «В Комитет, учрежденный для определения личных и поземельных прав [населения Кумыкского округа Терской области] кумыкских ногайцев Прошение» [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 136-139]. (Далее – «Прошение»). В деле имеется не только арабографический текст этого документа, но и старый русский перевод. Текст этого весьма интересного документа был подвергнут нами исследованию [12, с. 57-75, 167-176; 14, с. 203-238] – он издан в арабописьменном виде по оригиналу, транслитерирован на кириллицу, осуществлен новый перевод на русский язык и снабжен обширными комментариями.

Текст «Прошения» представляет немалый интерес для исследователей истории народов Северного Кавказа – ногайцев, кумыков, казаков и др. Но нельзя не отметить то обстоятельство, что события в нём отражены в сугубо местной интерпретации, не без влияния, однако, русской официальной историографии XIX в.

В тексте «Прошения» можно выделить несколько частей, исходя из его содержания: а) сведения о местах пребывания (кочевания) предков ногайцев на территории Дагестана с сер. XVI в. по XVII в.; имена известных им предков; б) сведения о пребывании ногайцев под влиянием кумыкских князей с кон. XVII по сер. XIX в.; в) краткое изложение некоторых ногайских обычаев – адатов; г) сведения о притеснениях, чинимых по отношению к ногайцам соседними феодалами и представителями российских административных властей. Оно весьма интересно и с точки зрения изучения истории языка.

Среди материалов, хранящихся в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН, имеется арабографическая рукопись на ногайском языке, которая называется: «История ногайцев Ачикулакского района». В качестве авторов этой рукописи значатся три человека: Хаджи Шагиртай сын Шакира, Хаджи Омартай сын Шакира и Хаджи Шангизтай сын Шакира. В ней повествуется об истории ногайских родов етисан, джембойлук и етишкуль, относящая ко времени с XIV по XIX вв. Об этой рукописи упоминает известная исследовательница старописьменной ногайской книги А.Х. Курмансеитова [7, с. 79]. Но, к сожалению, текст «Истории...» пока не подвергнут изучению и не переведен на русский язык.

Определенный интерес для исследователей истории ногайской и кумыкской литератур могут представить обнаруженные нами в 80-х годах прошлого века переводы известных ногайских эпосов на кумыкский язык. Так, в 1908 году некий Насрадин сын Молла-Абдулмуслима перевел поэтические тексты о Тохтамыш-хане и Адильсултане Крымском с ногайского на кумыкский язык («Токътамыш ханы хабары» и «Къырымлы Адилсолтанны гьикаясы»). Они были обнаружены в 1980 году в г. Хасавюрте [10, с. 31-32].

А предание о Мирзе Мамае переведена на кумыкский язык насколько раз. Арабографические тексты (под названием «Мамай-мурзаланы гьикаясы» были выявлены нами в 1986 году в составе одной сборной рукописи, находящейся в коллекции Буйнакской соборной мечети. Время переписки этой рукописи – 1879-1891 гг.

Другие переводы этого же произведения осуществили Абдулхамид сын Арслана из Чонтаула и другие местные переводчики. Предания о Мирзе-Мамае выявлены нами в том

же 1986 году еще среди жителей кумыкских селений Костек, Чонтаул, Алисултан-Янгиюрт, и городов Хасавюрт, Махачкала – у Каирбека Каирбекова из Маджагатюрта (1891 г.р.), Бийсолтана Гаджимурадова из Эндирея (1933 г.р.), Рашитхана Карамурзаева из Аксая (1904 г.р.). Однако, кумыкские переводы этих текстов пока не издавались.

К сожалению, мы не имеем возможности из-за ограниченности предоставляемого регламента, доложить в более полной мере о результатах археографических исследований, проведенных нами во время посещения ногайских аулов Ногайского, Бабаюртовского и Кизлярского районов Дагестана в 1985-1986 гг.

Ставрополь.

В Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) работал в 1989 году. Подавляющее большинство документов в этом архиве написано на русском языке. Встречаются отдельные тюркоязычные материалы. Хранящееся в фонде 444, опись 1, дело № 711 за 1838-1839 гг. называется «О притеснении Бештаво-кумских ногайцев приставами».

А в деле № 122 речь идет о «прошении ногайки Чума-Бик об освобождении её от крепостной зависимости князя Касая Аджигиреева», 1831-1836 гг.

Архивные фонды «Главного пристава магометанских народов кочующих в Ставропольской губернии» содержат материалы с 1800 по 1917 г., касающиеся пристава «ачикулак-джембулуковского, едиссанского и едишкульского народов» (Ф. 410. Д. 19); пристава «ачикулакского» (Ф. 418. Д. 54); пристава «калаусско-джембулуковских ногайцев и кызыларских татар» (Ф. 407. Д. 1529), пристава «калаусско-саблинского и бештаво-кумского народов» (Ф. 427. Д. 4). [4].

Во время своей кратковременной (10 дней) поездки в Ставрополь, в ГАСК удалось выявить немалое количество тюркоязычных документов XIX века, главным образом это письма-прошения, исходящие от разных кубов ногайцев, написанные на имя гражданских и военных ведомств Российской империи, находившихся на Северном Кавказе. Они хранятся в основном в составе архивных фондов №№ 249, 407, 408, 410, 418, 419, 427; а также частично в фондах административных учреждений – №№ 63, 101, 444 и др.

Нами опубликованы тексты двух памятников эпистолярного жанра, написанные в 1839 г. арабским шрифтом на ногайском варианте северокавказского тюркъ, в нашем переводе на русский язык и в транслитерации на кириллицу. Тексты сопровождаются комментариями. [14, с. 191-202, 284-286]. Содержание опубликованных писем, выявленных в ставропольском архиве: просьба бештаво-кумских ногайцев следователю Кавказского линейного батальона подп. Лойвису – устранить пятигорского окружного стряпчего (прокурора) Подобедова от присутствования при производстве следствия по обращениям («жалобам») ногайцев.

О некоторых старопечатных изданиях на ногайском языке.

Такого рода материалы известны в основном из работ исследователей этнической письменной культуры А.Н. Сикалиева, А.Х. Курмансеитовой и некоторых других. [5; 7; 19]. Об издании книг на ногайском языке в Астрахани писал немецкий автор Д. Шальттер еще в 1836 г. [21, с. 128] и русский советский исследователь Вл. Пятницкий в 1928 г. [18, с. 150]. Так, последний указывает на тот интересный факт, что на «ногайское наречие татарского языка» были переведены стараниями Эдинбургского миссионерского общества в начала XIX века и изданы в Каррасе[3] книги с текстами Библии – «Ветхий Завет» (4-7 книги), Псалмы Давида» (Псалтырь) и «Новый Завет». [18, с. 150].

Широко известная в истории ногайской и кумыкской литератур хрестоматийная книга, которая обозначается обычно условным названием как «Ногайские и кумыкские тексты», в действительности не имеет своего официального названия. Мы ознакомились с оригиналами этой книги в библиотеке Ленинградского университета. Она была «напечатана (наборной печатью и без знаков огласовок. – *Г.О.*) по определению восточного факультета» Петербургского университета от 18 декабря 1883 года, в типографии императорской Академии наук. Это «определение», т.е. рекомендация об издании книги, составленной еще в 1869 году Магометом-эфенди Османовым, подписано деканом восточного факультета В. Васильевым. На обложке книги, которая выполнена из тонкой бумаги темно-коричневого цвета, нет никаких записей. Размер книги 27,5 х 18 см.

В этой книге без названия и не содержащее предисловие, имеются два раздела, которые озаглавлены так: «Нагайское наречие», который охватывает страницы 1-105, и второй раздел – «Кумыкское наречие», который охватывает страницы 106-174 этой книги. [15].

Таким образом, арабографические тексты в составе сборников и отдельные книги издавались во многих местах – С.-Петербурге, Москве, Казани, Астрахани, Каррасе (Пятигорье, Северный Кавказ), Махачкала и др. Особенное старание приложил в дело публикации книг известный ногайский ученый-просветитель Абдрахман Умеров (1867-1933). Он имел весьма продуктивные дружеские связи с татарскими, дагестанскими и др. просветителями, в частности, с выдающимся деятелем просветительского и издательского дела в Дагестане, кумыком Абусуфьяном Акаевым (1872-1931) из с. Нижнее Казанище [6, с. 98-104].

Из числа казанских изданий любопытно упомянуть о книжке «Кысса'и уьч къыз» («Повествование о трех девах»), объемом 30 страниц, изданной на средства Мухаммад-джана и его брата Шериф-джана Каримовых в 1897 году в казанской типо-литографии наследников М. Чирковой. (Экземпляр хранится в библиотеке восточного факультета Ленинградского университета). Как указано на титуле, текст в ней – на ногайском и казахском языках («Нугай эм казак тилинде»).

К слову, небезынтересно относительно недавнее издание, осуществленное в Финляндии, правда, не на арабографическом, а на латинографическом шрифте. Речь идет об издании материалов кумыкского и ногайского языков, собранных в свое время – в сбмом начале прошлого века – финским ученым Г.И. Рамстедтом. При этом кумыкский текстовой материал обработала для этой книги известная турецкая исследовательница Эмине-ханым Гюрсой-Наскали, а тексты на ногайском языке подготовила для издания финский ученый-археограф Харри Халйн. Книга издана в Хельсинки в 1991 году. [20]. Она также имеет неоценимое значение для исследователей кумыкского и ногайского языков и литератур начала XX столетия.

---

1. Бахши Иман. Джагфар тарихи: Свод булгарских летописей. Том I. Изд. 2-е. София: ИД «Огледало», 2001. – 396 с.

2. Благова Г.Ф., Наджип Э.Н. Тюркъ // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

3. Гамзатов Г.Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Сокровищница памятников письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1982. Т. IX. С. 203-223.

4. Государственные архивы Ставропольского края и Карачаево-Черкесской автономной области. Краткий справочник. Ставрополь, 1987. – 350 с.

5. Курмансеитова А.Х. Древо познания: Письмена и книги. Черкесск, 1996. – 152 с. (На ногай. яз.)

6. Курмансеитова А.Х. Дружеские связи Абдрахмана Умерова и Абусуфьяна Акаева в начале XX века // Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность / Сост. и науч. ред. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 2012. С. 98-104.

7. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX- начало XX века). Черкесск: КЧИГИ, 2009. – 216 с.

8. Милютин Д.А. Материалы по истории Кавказа // Отдел рукописей Рос. гос. библиотеки (Москва). Ф. 169, 81.36.

9. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (Документы XVII-XVIII в.в.). Сост. – Д.С. Кидирниязов. Махачкала: ЗАО «Дагпресс», 1998. – 122 с.

10. Оразаев Г.М.-Р. Новые письменные материалы на тюркских языках, обнаруженные в 1979-1985 гг.: (К историческому и филологическому источниковедению Дагестана) // Изучение истории и культуры Дагестана: Археографический аспект. Сборник статей. Махачкала, 1988. С. 22-43.

11. Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в.: (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002. – 482 с.

12. Оразаев Г.М.-Р. «Прошение кумыкских ногайцев» 1860 г. как историко-этнографический источник // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв.: Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 57-75, 167-176.

13. Оразаев Г.М.-Р. Материалы Астраханского областного архива // Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Инв. 7432.

14. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII-XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2007. – 324 с.

15. Османов М. Нагайское наречие. Кумыкское наречие. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1883. – 174 с. (Араб. шрифт. На ног. и кум. яз.).

16. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. / Подгот. Н.М. Рогожин. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1984. – 100 с.

17. Посольские книги по связям России и Ногайской Ордой 1489-1549 гг./ Сост. – Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. – 360 с.

18. Пятницкий Вл. К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе // Публичная библиотека СССР имени В.И. Ленина. Сборник I. М.: изд-е Библиотеки, 1928. С. 132-154.

19. Сикалиев А.И. Проблемы изучения поэтических жанров ногайской литературы дооктябрьского периода // Традиции и современность. Метод и жанр. Черкесск, 1986. С. 162-181.

20. Cumucica & Nogaica: G.J. Ramstedt's Kumyk materials / edited and translated by Emine Gьrsoy-Naskali & G.J. Ramstedts nogajische Materialien bearbeitet und ьbersetzt von Harry Halйn. Helsinki: Suo malais-Ugrilainen Seura, 1991. – 172 с.

21. Schaltter D. Drьckstьcke aus einigen Reisen... St. Gallen-Berlin, 1836. (На немец. яз.).

---

[1] Археография – вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся разработкой методов публикации письменных исторических и литературных памятников; описание и издание старых письменных памятников.

[2] Здесь нами соблюдено старое написание, согласно архивным записям.

[3] Каррас – бывшая колония шотландских миссионеров в Кавказских Минеральных водах, возникшая в 1802 году у восточного склона горы Бештау.

РАХНО К. Ю.

Институт народоведения Национальной академии наук Украины
г. Киев, Украина

ОСЕТИНО-НОГАЙСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Средневековые аланы не исчезли бесследно, а приняли участие в этногенезе не только осетин, но и других народов Евразии, в том числе тюркоязычных. Оседлый образ жизни этого этноса определил его место в социальной структуре этнополитических объединений средневековых кочевников: в большинстве случаев аланы занимали более низкую социальную ступень, чем тюрки. Однако, в зависимости от конкретных политических обстоятельств, аланы-асы были приближены к правящим кругам номадов-завоевателей, которые активно использовали военный и экономический потенциал аланов. Как известно, аланы были частью этнического массива улуса темника Ногая [1, с. 184, 230-231, 234, 250-251], вероятно, впоследствии растворившись в нем.

Если углубиться в историческую этнографию осетин, являющихся потомками сармато-алан, и ногайцев, то у них найдется много сходного, особенно в общественном строе – в традициях обычного права, в правилах гостеприимства, в судопроизводстве, в религии и др. Например, некоторые религиозные представления и суеверия у ногайцев полностью совпадают с осетинскими. Так, ногайцы над могилой покойника ставили флаг. На такой же обычай у осетин в прошлом указывают источники. А удивительнее всего то, что ногайцы Северного Кавказа считали «своей обязанностью перед наступлением нового года сходить к урочищу Татартуп и поклониться духу гор». Известно, что Татартуп был глубоко почитаемым святилищем у осетин и под их влиянием ногайцы-степняки стали поклоняться горному духу на Татартупе. Последний являлся также местом «международной» торговли, где встречались представители горских народов, в том числе осетины, со своими товарами. Согласно священному обычаю, издавна существовавшему в Татартупе, всякий пришедший сюда пользовался правом убежища, он находился в безопасности. И, придя на Татартуп, где тогда пребывали ногайцы, осетины могли мирно встречаться с ними и совершать сделки. У ногайцев, как некогда у половцев, встречаем сказителей-певцов и двухструнные музыкальные инструменты – копии осетинского фандыра [10, с. 75-76]. Вполне естественно, что в фольклоре ногайцев встречаются заимствования от аланов, причем не только на Северном Кавказе, но и в Приазовье.

Прежде всего, это зафиксированное во второй половине XIX века местным краеведом, помещиком Платоном Дзяковичем ногайское предание о происхождении древнего порога правого берега реки Молочной вблизи Мелитополя, известного как «Каменная Могила», где находят петроглифы и памятники письменности различных эпох. Услышано оно было от старого ногайца в местном селе Константиновка, расположенном на противоположном берегу, на месте аула Единохта:

«Верстах в 2-х от этого селения, в ложбине на правом берегу р. Молочной, находится уединенная дикая скала, состоящая из хаотически нагроможденных громадных каменных глыб. Могила эта в народе называется Каменной, и у ногайцев существовало поверье, что камни эти нагромождены батыром Богуром, которому Аллах в искупление тяжкого греха (какого греха ногаец мне не сказал, ссылаясь на мое малолетство) повелел вырывать руками из ближнего горного кряжа [«Красная гора» – К.Р.] камни и сложить из них на берегу Молочной такой высоты гору, с которой во все стороны была бы видна степь. Исполняя веленье Аллаха, Богур рвал из кряжа громадные глыбы камня, переносил их на себе и складывал один на другой на указанном Аллахом месте; для скорейшего исполнения работы он прибегнул к хитрости, неплотно укладывая камни, и когда более чем наполовину работа была уже сделана, Богур, истаскивая глыбу, неосторожно оступился и провалился в умышленно оставленные им между камнями щели, завяз там и умер с голоду. Такое наказание постигло его за желание обмануть Аллаха! После этого Аллах повелел ветру засыпать песком все щели между камнями и тем закрыть тело батыра Богура, кости которого и поныне находятся ущемленными между камней; место же то стало называться Таш-даг, что значит Камень-гора. Несколько камней, вырванных Богуром, но которые он не успел снести к месту назначения, и до сих пор лежат у подножья горного кряжа, неподалеку от каменной могилы Богура.

Лет 8-10 назад один из терпеньевских крестьян пробрался подкопом в эту могилу и, говорят, нашел там клад, но при этом был сильно придавлен обвалом и долго болел. Как бы в подтверждение этого, между крестьянами с. Терпения начали появляться древние серебрянные монетки, и с помощью знакомого мне крестьянина, спустя уже несколько лет, мне удалось достать из них три штуки. Монетки оказались овальной формы, очень маленькие, московской чеканки, времен Великого князя Московского Василия. По имени батыра Богур Богур-дагом, (что значит Богурова гора) назван был ногайский аул, расположившийся вокруг высокого кургана, с которого Богур, по рассказам, при жизни своей высматривал себе жертвы для своих богатырских подвигов. На месте аула Бугурдаг теперь расположено селение Вознесенка Бердянского уезда, начинающееся верстах в 3-х от Мелитополя» [6, с. 26-27].

Жители этого поселка до сих пор используют ногайское название [4, с. 7]. Вероятно, оно восходит к слову bagyr, означающему в ногайском, киргизском, казахском, узбекском языках дословно 'печень' и использующемуся также в качестве народного географического термина для обозначения бока, склона горы [16, с. 18]. От него образованы топонимы Багырлы в Азербайджане, Багыр в Туркмении [11, с. 63]. Вспоминаются также древнетюркское baqu 'гряда холмов', чагатайское baqur 'большой', baquj 'старейшина племени', киргизское baqyj- 'быть громадным' [14, с. 95]. Богура сопоставляют с грешными богоборцами, нарушителями сакральности огня, в древнегреческой и индоарийской мифологии [4, с. 7; 3, с. 189].

Но данный мотив композиционно значительно больше связан с картвельским эпосом об Амиране, восходящим к сармато-аланской основе. Богатырь Амиран возгордился, стал считать себя равным Богу и перечить ему. Он бросил ему вызов и возжелал сразиться в поединке [5, с. 145-153, 155]. В схватке с Богом (или Христом) Амиран, естественно, потерпел поражение, и Всевышний приковал его к столбу или горе. В ряде вариантов говорится, что Бог сначала приковал кичливого героя к столбу, а затем накрыл сверху горой, «чтобы Амиран больше не видел неба и земли, лишился света и радости». Согласно одному варианту, Амиран был прикован к дубу, а сверху накрыт горой. В другом варианте Христос накрыл героя не горой, а ледником (mqənvarə daadga tavze). Существует еще и третий вариант, в котором утверждается, что герой накрыт горой подобно дому, из чего можно заключить, что внутри горы Амиран чувствовал себя как внутри дома. По уверению одного из сказителей, гора, под которой похоронен Амиран, является рукотворной, а не естественной, откуда следует, быть может, что Амиран похоронен внутри кургана [5, с. 154].

Аналогичный мотив находим в сванском предании, согласно которому богиня Дал, прогневавшись на охотника, обрушила на него скалу, а сваны и сегодня слышат стоны охотника, доносящиеся из чрева скалы [2, с. 253]. Не следует забывать, что в Сванетии весьма мощный аланский субстрат, а фольклор часто перекликается с осетинским. Ведь специфическая деталь в этом наказании – накрывание горой (точнее заключение героя

во чрево горы) – известна и в нартовском эпосе осетин: Бог, приняв вызов нартов, предложил им собраться у подножия горы Уаз на Хизской равнине: когда нарты собрались в указанном месте, Бог обрушил на них гору, которая похоронила под собой гордецов. Так оборвался нартовский род [12, с. 486]. Нарты олицетворяют гигантов, энергию которых нельзя укротить, а можно только «переплавить», опустив в хтоническую «печь». Именно это и происходит с ними под горой Уаз [18, с. 122].

Близкая аналогия находится в адыгской версии нартовского эпоса, в которой злобные нарты и великаны «зарыли Сосруко живым в землю, придавили его тяжелым камнем, засыпали землей и воздвигли курган» [7, с. 88; 5, с. 154]. Функциональная тождественность камня (кургана) скале не вызывает сомнений: курганы, по-видимому, были репликами Мировой Горы, олицетворяя мифический центр мира. Дальнейшие параллели прослеживаются в индоарийских и нуристанских мифах [5, с. 154-155]. Следовательно, мотив погребения грешного героя (героев) под горой (или внутри горы) имеет индоиранские истоки, а в ногайское сказание о Богуре проник из аланского эпоса.

Вторая легенда, услышанная Дзяковичем, касалась исторического района современного Мелитополя – Кизияра, бывшего в XIX веке пригородным селом:

«Начиная от р. Молочной, у рыбного базара города Мелитополя далеко в гору и потом горою за Кизиярскую церковь тянется балка, называемая Кизиярской, по имени которой Кизияром названо и селение, правильнее предместье Мелитополя. Кизияр это извращенное татарское слово Киз-яр, что значит «девичья балка». Название это по рассказу старого ногайца, из бывших жителей аула Единохты (ныне Константиновки, Бердянского уезда), слышанному мною в начале 60-х годов, происходит вот откуда: «Давно, давно еще до прихода в Крым татар, на этой балке Киз-яр (в те времена покрытой густым лесом) жила орда женщин (амазонок), которые только и делали, что воевали с ордами мужчин, живших с ними по соседству.

Это были храбрые женщины, прекрасно рубились, стреляли из луков, ездили верхом и очень часто побеждали и брали в плен мужчин. Управлялись оне и водились на войну своей царицей – прекрасной девушкой. Взятых в плен мужчин царица распределяла в мужья своим женщинам-воинам; но жизнь этих мужей была очень незавидна: они должны были исполнять самые тяжелые и черные работы, а если, же были ими недовольны, то их без церемонии убивали, а себе брали в плен новых мужей. Из родившихся детей оставляли только девочек, а мальчиков сейчас же убивали. И так это царство существовало, пока в одной из войн царица не была взята в плен мужскою ордой, где и влюбилась в царевича; но выйти за него замуж и подчиняться общей участи женщин она не захотела. Заплативши за себя дорогой выкуп, она возвратилась в свое царство, и, не будучи в состоянии победить своей любви к царевичу, с отчаяния сожгла себя на костре в этой самой балке Киз-яр. Войско ее, без храброй и умной царицы, разбрелось и было перебито, или забрано в плен. С тех пор балка называется Киз-яр, Киз – значит девица, а яр значит балка» [6, с. 24-25].

Наиболее близким соответствием ногайской легенде является знаменитый каракалпакский эпос «Сорок девушек», главная героиня которого, юная и прекрасная дочь бая Гулайым, со своими сорока подругами, обученными ратному искусству, в частности, стрельбе из лука и фехтованию, отважно вступает в бой верхом на коне. Они отражают нашествия внешних врагов одно за другим. В конце воительница становится женой хорезмийского богатыря Арыслана. В каракалпакских сказках тоже рассказывается о женском ханстве, сокрушенном воителем, сыном царицы. Отдельные намеки на существование девичьих дружин присутствуют и в фольклоре других среднеазиатских народов, в частности, огузов, узбеков, башкир, однако значительно более яркие аналогии дает нартовский эпос осетин о дочери Даргавсара, которая во главе девичьего войска, владеющего мечами и без промаха стреляющего из луков, сражается с врагами, влюбляется в погибшего впоследствии нартовского героя Болатбарзая. Образ женщины-богатырки появляется и в одном из периферийных малых циклов осетинских сказаний. Обращает на себя внимание насыщенность каракалпакского и осетинского эпосов, которые, несомненно, восходят к родственным или идентичным сказаниям иранского мира, гинекократическими и амазонскими мотивами. Ученые объясняют это тем, что восточноиранская этническая среда (скифы, исседоны, савроматы, саки, массагеты, аланы), послужившая древнейшей основой для формирования народов, оставивших эти произведения фольклора, характеризовалась высоким положением женщины, широким участием женщин в военных действиях, о чем

согласно свидетельствуют как археологические материалы, так и труды античных авторов. У осетин столетиями сохранялся высокий статус женщин, которые пользовались почетом в обществе, всячески уважались и главенствовали в своих семьях наравне с мужьями [16, с. 151-156; 15, с. 82-102, 117-119, 186-210; 17, с. 25, 251; 9, с. 49-56; 8, с. 28, 57, 112-122]. Соответствующие нравы ногайцев фиксирует турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби. Причем приводимые им архаические детали, уцелевшие вплоть до нового времени, поражают. В своей «Книге путешествия» Челеби описывает ситуацию, когда крымский хан уходит на войну, оставляя в тылу огромное количество пленных рабов. «По горам, садам и полям ходит тогда шестикратно по сто тысяч неверных со скованными руками и ногами, но каким-то чудом ни один из этих 600 тысяч неверных казаков сбежать с полуострова Крымского не может. Ибо когда крымские воины на войну с ханом выезжают, то вместо них все жены ногаев и бадыраков крымских садятся на коней, цепляют к поясу сабли, привешивают через плечо сагайдаки, и вместе с казаками выезжают в сады, в горы и на поля и так земледелием занимаются. Когда же мужья их из похода возвращаются, то находят урожай уже собранным» [19, с. 178]. Ясно, что перед нами – не классические татарские женщины, и что речь идет скорее о семейном быте тюркизированных потомков «женоуправляемых» сарматов. Они соблюдают обычаи и нормы поведения древних воительниц. Недаром упомянутой ногайской родоплеменной группе бадырак отдельные исследователи склонны приписывать аланско-буртасское происхождение.

Тот факт, что в историческом фольклоре ногайцев явственно прослеживаются отзвуки сармато-аланских мотивов, проливает свет на сложные процессы этногенеза в степях Северного Причерноморья. Положение о том, что приазовские ногайцы отчасти являются отдаленными потомками местных иранцев, в полной мере подтверждается, закрепляется данными народных сказаний. Видимо, последние представляют собой явление субстратного порядка. Кроме того, наличие таких мотивов в легендах тюркоязычных кочевников заставляет отнестись с большим вниманием к фольклору славянского населения Нижнего Поднепровья и Приазовья, прежде всего потомков запорожцев, у которых тоже может сохраняться субстратное сармато-аланское наследие.

1. Бубенок Олег. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII – XV вв.). – К.: Истина, 2004. – 324 с.
2. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М.: Наука, 1976. – 360 с.
3. Гуцуляк Олег. Пошуки Заповітного Царства: Міф – Текст – Реальність. – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2007. – 540 с.
4. Даниленко В. М. Кам'яна Могила. – К.: Наукова думка, 1986. – 152 с.
5. Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. – Цхинвал: полиграфическое производственное объединение, 2003. – 224 с.
6. [Дзякович П. К.] Очерк города Мелитополя и его уезда в географическом отношении / Составил П. К. Дзякович. – Мелитополь: издание Типо-Литографии Л. Л. Либермана, [1899]. – 56 с.
7. Дюмезиль Жорж. Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
8. Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. – 393 с.
9. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – 136 с.
10. Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX вв.). – Орджоникидзе: Ир, 1974. – 373 с.
11. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 654 с.
12. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т. А. Хамицаева и А. Х. Бязыров. – М.: Наука, 1989. – Кн. 2. – 494 с.
13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. – 349 с.
14. Татаринцев Б. И. Этимология тюркского названия богатыря // Советская тюркология. – Баку, 1987. – № 4. – С. 90-96.
15. Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. – М.: Наука, 1984. – 242 с.
16. Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. – М.: Наука, 1977. – С. 141-164.
17. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. – Владикавказ: издательство Северо-Осетинского университета, 2001. – 315 с.
18. Цагараев Валерий. Золотая яблоня нартов: история, мифология, искусство, семантика. – Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. – 300 с.
19. [Челеби Эвлия]. Книга путешествия: Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666 – 1667 гг.) / Перевод и комментарии Е. В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – 144 с.

РОМАНЕНКО В. П.

п. Нижний Архыз, Россия

АРХЕТИП НЕБА В ТЕНГРИАНСТВЕ И ДРУГИХ РАННИХ МИФОЛОГИЯХ МИРА

Архетип неба присутствует, как единое начало, во всех ныне известных системах мифов, и, поскольку каждая из них имеет космогонический характер, в каждом случае мы встречаемся с попыткой объяснить происхождение окружающего нас мира. И всякий раз в различных вариантах присутствует один и тот же сюжет начала – сотворение Неба и Земли.

Что такое Небо в понимании людей, живших в эпоху мифов? Из мифов мы узнаём, что Небо – это изначально противоположность водной пучине, устойчивая твердь в образе небесного свода.»Вначале сотворил Бог Небо и Землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И назвал Бог твердь Небом» [1].

Первое разделение, повлекшее за собой сотворение мира, осуществляется внутри самого Хаоса: неведомо откуда в нём зарождается изначальный импульс, возмущение, толчок – в нём возникает творящий Дух, трактуемый в библейском мифе как Слово. ***Мотив творения неба и земли*** из хаоса – это некоторая объединяющая общность большинства развитых мифологий мира – именно из Хаоса, из пустоты, из точки сингулярности – состояния, где нет ни свободного пространства, ни времени, ни материальных субстанций. В этом невообразимом состоянии происходит стихийное брожение – в нём возникает движение Духа, не ведающее преград. Это направленное движение в вакууме отделяет Свет от Тьмы – до тех пор, пока они не приобретают полярных свойств энергии света и неподвижности мрака, пока не возникают атомы материи – ощутимой материи Земли: так трактуется отделение Неба от Земли – центральный сюжет мифологического творения Вселенной.

Приведём в связи с этим некоторые примеры из наиболее древних мифологий.

В шумерском мифе брожение изначального Хаоса предстает как пляска богов в чреве праматери: «Собирались вместе братья-боги, туда и сюда сновали, Тиамат они тормошили, чрево Тиамат они волновали...»[4]. Это вызвало недовольство её супруга, первозданного хаоса – океана Намму, предложившего ей уничтожить их, «чтобы спать в покое», что и привело к битве богов с силами Хаоса, завершившейся основанием мира. Половина тела праматери-гидры осталась внизу как море, вторая образовала ***небесную твердь***, к которой были приделаны запоры, с тем, чтобы вода могла течь на землю лишь изредка – в виде дождя. {[5], т. «Месопотамия», с. 218}, [15].

В индийских ведах Творение, основано на стихийном и мощном Движении, а первым его результатом становится возникновение неба – или воздуха-ветра, наполняющих его, и архетипически равных ему понятий. Такую картину творческого динамизма, в котором рождается свет и возникает земля, живописно рисует «Махабхарата»:

«Изначально сияло бесконечное, подобное недвижимой горе
Пространство хаоса (акаша),
Затем, как вторая тьма, из тьмы возникла влага,
От этого брожения воды возник ветер;
Подобно тому, как надтреснувший сосуд кажется беззвучным,
Но при наполнении водой, воздух производит звук,
Так из воды, непосредственно охватывающей края небосвода,
Ветер, разрывая поверхность моря, вздымался с воем.
Так возникает Дьяус-Небо [6].

В древнеегипетской мифологии от спонтанного движения в хаосе, который назывался Океан Нут, возник первобог Атум, который заклинанием (словом!) создал сушу, а потом бога воздуха-ветра Шу (что в рамках мифа равнозначно Небу), а также богиню влаги Тефнут. От брака этой пары, в свою очередь, родились Богиня неба Нут и бог земли Геб {[11], с. 23-24}.

Интересно, что в ряде случаев боги – первотворцы, создавая небо, не оставляют себе функции владетеля, управляющего небом, передают их своим детям, которые становятся богами неба. Именно это прослеживается в египетском, частично в шумерском мифах и, как будет показано далее, в мифе о Тенгри.

В космогоническом акте первозданный хаос, либо сам порождает Небо и Землю (как в более архаичных космогониях), либо последние создаются из него демиургом (в развитых мифологиях, таких, как семитская, и в некоторых версиях ведийских мифов). Творение Неба из хаоса встречается в мифах Японии, Америки, Африки и Океании. Некоторое исключение составляет древнегреческая мифология, в ней из хаоса возникает сначала земля Гея, которая рождает затем своего супруга – Небо {[2], с. 196} . При этом в мифической космогонии появление Неба описывается как расчленение хаоса, выделение верха и низа, то есть Неба и Земли

Стоит обратить внимание на ещё один аспект мифов о небе – на совместное нераздельное их существование с последующим разделением. Отделение Неба от Земли в мифах мыслится одной из основ сотворения мира. И Небо, даже вне зависимости от своего мифологического пола, здесь играет мужскую, трансформирующую роль, а Земля — женскую, сохраняющую. Их слитность передаётся в мифах также как священный брак Неба-отца и Земли-матери.

В шумерской мифологии Небо-Ан и Земля-Ки или Ураш («земля») были рождены морем-матерью Намму и находились в нерасторжимом слиянии. Их разлучил сын: воздух-Энлиль, который также считался создателем Земли. В индийской мифологии владыка небесных вод Варуна разделяет Притхиви-Землю и Дьяуса-Небо [15].

В греческом мифе земля непрерывно рождала от небесного бога Урана чудовищ – сторуких гектонхейров и недовольный Уран, прятал их снова в чреве матери - Геи. Изнемогая от непрерывных рождений, Гея попросила Кроноса оскопить своего супруга. Сделав это, Кронос навсегда отделил Небо от Земли и закрепил это непреодолимое противостояние, на котором основывается мир. [2]

Нередко в более поздних мифологиях причиной удаления Неба от Земли является неправедная деятельность людей. Так, в одном из африканских мифов небо удалилось от земли, обидевшись на то, что неразборчивая хозяйка оторвала кусок небосвода для того, чтобы вытереть руки.

В космогонических мифах персонаж, который отделяет Небо и землю, действует активно (например, мифический предок алтайцев вставляет между Небом и Землёй стрелу, чтобы они вновь не сомкнулись); в тенгрианском мифе между небом и землёй устанавливается копьё или кол, который трактуется как центральная опора небесного шатра. Не случайно Полярная звезда получила у кочевых народов Азии название Алтын-Казак – Золотой Кол. Ведический Индра утверждает Небо на столпах, а в эллинских космологических описаниях присутствует персонажи, которые являются опорой Неба –Атланты (соответствуют хеттскому ***Убеллури*** [7]) и др.

Рассматривая различные мифологические системы, интересно сопоставить их с эпическими произведениями Северного Кавказа, где общим для большинства населяющих этот регион народов является широко известный эпос «Нарты». Начало этого эпоса также носит космогонический характер, и в нём содержатся взгляды людей эпохи мифотворчества на сотворение мира.

Культ Тейри (Тенгри) - это культ Голубого неба – небесного Духа-хозяина, Вечного неба, местом постоянного обитания которого было видимое небо. Кипчаки называли его Тенгри, татары – Тэнгри, алтайцы – Тенгери, тюрки – Танри, якуты – Тангара, кумыки – Тэнгири, карачаево-балкарцы – Тейри, монголы – Тэнгер, чуваши – Тура; но речь всегда шла об одном - о мужском неперсонифицированном божественном начале, о Боге-Отце. Тенгри-хан мыслился как Бог поистине космических масштабов, Он - творец мира, и Он сам есть мир. Ему подчинялось все в Мироздании, в том числе все небожители, духи и, конечно, люди.

«Тейри Солнца – глава, предводитель всех Тейри. Он мощный держатель мира. Тейри Солнца находится в бесконечной, бескрайней дали... Тейри Солнца сотворил Солнце. Тейри земли сотворил Землю.... После того, как Тейри были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди...» И далее – «Тейри неба будет посылать дожди» {[8], стр. 302} .

Содержание этого отрывка из эпоса на первый взгляд говорит о том, что мы имеем дело с обычным образцом политеизма, с набором божеств, олицетворяющих отдельные природные силы, но это – только на первый взгляд. Поскольку тенгрианство проникло на Северный Кавказ из степных районов Азии, из Монголии, имеет смысл обратиться к исследованиям образа Тенгри - Тейри, относящегося к более ранним эпохам. В них показано, что эта религия была по существу пра-монотеизмом. Тейри воспринимался, в том числе, как бог единый, благодетельный, всезнающий и правосудный. Поэтому, возможно, как это показано и в других мифах (например, в шумерском), данный сюжет следует понимать несколько иначе – Верховный Тейри создал тейри Неба (а значит – и само небо), тейри Солнца (то есть само Солнце) и т.д. Да и само слово «Тейри» (или «Тенгри») имеет, как утверждается в ряде источников, значение «небо» (кит. «Тянь»), а во многих других языках – «бог» (др-гр. – «тей», «тео»). Обращает на себя внимание и удивительное созвучие слов «тео» со словами «део», «деус» (значение «бог» в латинском и производном от него языках), а также со словом «день», так или иначе связанным с понятием дневного света, исходящего от неба. Очевидно, что с этими архетипами связан и древнеславянский Дий/Дый, дух вершины Небесного Дерева, происходящий от пра-индоевропейского бога Неба Дьяуса. «Мировое дерево предстаёт как поддержка небесному своду – его образ относится к универсальным образам многих мифологий, он связан с глобальной концепцией построения мира, эволюцией которого управляют небесные божества. Дерево представляется как связующее звено Неба и Земли, в верованиях древних боги спускались к людям по деревьям. Китайская стихия дерева соответствует понятию Неба и синему цвету» [16].

Важен ещё один интересный аспект рассмотрения архетипа Неба. Мифологические представления в своей совокупности во многом определяют мировосприятие создавшего их народа. Одна из основных в любой мифологической системе оппозиций – оппозиция небо-земля, т.е. вверх - низ – в мифологическом сознании тюркских степных народов Средней и Центральной Азии определяла место и значение человека во Вселенной. Небо – это, прежде всего, абсолютное воплощение верха, члена одной из основных семантических оппозиций. Его наблюдаемые свойства – абсолютная удаленность и недоступность, неизменность, огромность и мощь слиты в мифотворческом сознании с его ценностными характеристиками – трансцендентностью (недоступностью познания) и непостижимостью, величием и превосходством неба над всем земным... При этом Небо как бы морфологически повторяет Землю, которая является его зеркальным отражением.

В этом смысле показателен миф о боге Тенгри и птичьем хане, который после великого хаоса попросил у бога указать птицам дорогу для осенних и весенних перелетов. Тогда бог Тенгри взял пояс, опоясал им небо, появился на небе Млечный путь – птичья дорога, по которой летят птицы. И эта дорога была для людей мифологической эпохи реальной – но не земной, а небесной, звездной. Небо же считалось отражением земли с такими же дорогами, реками, обитателями, но не земными, а небесными [9]. С другой стороны, отражение неба на поверхности воды также считалось его реальной копией. Скорее всего, именно с этим связано то, что жители азиатских степей боялись находиться в воде во время грозы, т. к. были уверены, что отражённая в воде молния столь же опасна, как и молния небесная.

В мифологии Северного Кавказа архетип Неба играет весьма активную роль и выражен в многочисленных сюжетах, с небом связаны многие события и образы мифов. Это и рождение божественного кузнеца Дебета (Тлепша, Курдалагона), и появление героя Ёрюзмека (Урызмага, Урзамеса) из небесного камня (метеорита), и рождение солнечного юноши Сосруко, который присутствует под разными именами практически во всех национальных вариантах эпоса «Нарты», общекавказского эпического памятника. А черты Тейри (Тенгри) во многом повторяются в адыгском Тьха, Тьхашхо или в абазинском Анцва.

Продолжая линию стихийного безграничного творчества, боги Неба выступают как прародители и демиурги, и это их основная мифологическая роль. Небо создает пространство, освобождающее пра-мир от узости Хаоса. Земля мыслится материей, Небо получает

безинерциальную характеристику пустого пространства – свободной территории, в которой творится мир. Образ бескрайних просторов свободного пространства, представление о боге светлого неба соотносится с нашим современным образом творящего Космоса - вакуумом Вселенной, в котором постоянно рождаются и исчезают частицы материи. При этом в мифах хаос остаётся за пределами небесной тверди, а Небо противопоставляется Земле, на которую часто переходит образ Праматери.

В связи с этим можно задать вопрос: что же первично в мифотворчестве – идеальное или материальное? Мифы отвечают на него вполне конкретно. Первой была Мать, а мать и материя – слова одного корня. Однако, Саваоф, «отделяя воду от воды», сперва творит небесный свод, и только потом, собрав в образовавшемся пространстве вуды в одно место – море, убеждается в том, что старался не зря. Плод его усилий - суша: «и увидел Бог, что это хорошо». До того же, как появился свет, «земля была безвидна и пуста», а сотворение Неба и Земли началось после возникновения света [1].

Мы видим, что мифы не ставят акцента на двоичном противопоставлении идеальное-материальное: перед нами сразу триада – Небо, Земля и воды Хаоса, которые предстают как мать-материя. Но сам акт отделения Неба от Земли связывается с небесным, воздушным началом, подобно тому как Дух выступает активным по отношению к тёмной бездне и безвидной Земле, египетский Шу разделяет Нут и Геба, шумерский Энлиль – Анна и Ки, а древнеиндийский Варуна – Притхиви и Дьяуса. Именно в этом смысле творения, глобального изменения ситуации, активного отношения к миру – мужское, идеальное, небесное мыслится первичным.

Ясное Небо у всех народов олицетворяет единого Бога, высшего и равного ко всем созданиям, подобно тому, как светлый купол небосвода охватывает весь мир. Образ равного отношения Бога ко всем – архетипическая идея Неба. В мифах хранящее Землю Небо мыслится её творцом и демиургом Вселенной [10].

Даже в развитых религиях, где появляются другие претенденты на мировой престол, Небо сохраняет свою роль первого и изначального бога, выступая праотцом других богов. Так и шумерский высший бог Ан, и верховный бог Тейри создают Небо и повелевают родиться другим богам. Семантический комплекс Небо = верх = благо = власть = непостижимость = вечность - делается определением «божественности» вообще, и в число небесных богов включаются все те мифологические персонажи, которые отвечают такой концепции божественности. Китайское Небо Тянь мыслится как высшая божественная сила, создавшая пять стихий, т.е. основу существования. Поэтому понятие о верховной роли Неба наиболее ярко и кратко выражено именно в древнекитайской философии: «Мудрый всегда готов исполнять веления Небес».

С архетипом Неба неразрывно связан и архетип Солнца. На первый взгляд, оба они должны были возникнуть одновременно, но анализ различных мифологических систем показывает, что это не совсем верно. В большинстве из них наряду с небом, а иногда и раньше его, творение начинается со Света (Саваоф – «Да будет Свет!»). Свет – первое и самое естественное представление о безграничном созидающем начале Вселенной. Не даром позже имена Зевса или Януса также получили значение «Бог», Тей, то есть свет, это же значение имеет, как уже упоминалось выше, существующее во многих языках слово «день». К значению дневного света восходит также имя греческой титаниды Тейи, старшей дочери Неба-Урана, матери Солнца-Гелиоса, Луны-Селены и Зари-Эос: её имя переводится просто как «богиня», некогда единственная, само собой разумеющееся, абстрактная богиня. Высь Неба-Урана, начав творение, сначала родила свет – который потом создал светила. Значение света здесь смыкается с образом начальной энергии творения [10].

В мифе колумбийских индейцев демиург Чиминигагуа также стал прежде всего излучать из себя свет. Потом он подобно Саваофу, уже в освещённом мире сотворил светила и всё остальное. В африканском мифе догонов творец Амма, вступая в брак с Землей, порождает божественных близнецов, олицетворяющих свет и воду - главные животворные силы природы, и только потом – Солнце, луну и звёзды [5]. Это говорит о том, что источником света сначала мыслились не светила, а само Небо: ведь светло и в пасмурную погоду, когда в небе нет Солнца.

Таким образом, можно сделать справедливый вывод о том, что мифологический архетип Неба древнее архетипа Солнца, а последний соотносится с ним как часть с целым. Это позволяет утверждать, что начало возникновения архетипа Неба, относится не только

к до-этнической или к до-племенной эпохе, но даже к более ранним доисторическим временам. Возможно, он существует столько же, сколько существует как биологический вид сам человек – homo sapiens.

---

1. Библия. Бытие. Синодальное издание. М. 1989, стр.1
2. Гесиод. О происхождении богов (Теогония). М. «Сов.Россия», 1990.
3. Голан А. Миф и символ. М., 1993
4. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М. «Айрис», 2005.
5. Мифы и легенды народов мира. Собрание в 8 томах. М., «Мир книги»,2006 г.
6. Махабхарата. Выпуск V, книга I: Мокшадхарма. Ылым, 1983
7. Мифы и легенды древнего Востока, М. «Норинт», 2002
8. Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев. М. «Восточная литература», 1994 г.
9. Ольга Маркова.Мифология кочевых народов: www.arba.ru
10. Романенко В.П. Астрономические символы в мифологии и фольклоре Северного Кавказа. Образование, наука, творчество. Армавир, №2, 2006,
11. И. В. Рак. Мифы и легенды древнего Египта. С-Пб. «Летний сад», 2001
12. Токарев С. А., Ранние формы религии и их развитие, М., 1964
13. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности, М., 1978
14.Шеллинг Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии. Лекция 2; Собр. соч. Т.2 М., Мысль, 1989.
15. Крамер С. Шумеры.Первая цивилизация на земле. М. Центрополиграф», с. 132 – 133, 139.
16. Семира и Веташ. Свет небес. http://www.astrolingua.spb.ru/MYTH/mif6.htm

SÖYEGOVA AYNA M.

Türkmenistan İlimler Akademisi'ne ba lı Mahtumkulu Dil ve Edebiyat Enstitüsü.
Aşkabat / Türkmenistan

NOGAY YAZAR BASIR ABDULLİN'İN AŞKABAT'TA YAZDI I DRAMLAR VE SON DÖNEM TÜRKMEN CEDİTÇİLİ İNDEKİ YERİ

СОЕГОВА АЙНА М.

Институт языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменистана.
Ашхабад / Туркменистан

ДРАМЫ НОГАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ БАСИРА АБДУЛЛИНА, СОЗДАНННЫЕ ИМ В АШХАБАДЕ, И ИХ МЕСТО В ПОСЛЕДНЕМ ПЕРИОДЕ ТУРКМЕНСКОГО ДЖАДИДИЗМА

Türkmen Ceditçi yazarlar kendi halkının tarihî ilerleme açısından son ýüzyıllarda Avrupa milletlerinden geride kaldn gündeme getirmek ve ileri gitmenin yollarını aramak; Türkmenistan'ın sosyal durumunu değiş tirmek için ilk önce halka okuma-yazma öğretmeyi, bilim ve eğitim vermeyi çağda artlara uygun hâle getirmek; kadınların cemiyetteki durumlarını iyileştirmek, onların hak ve hukuklarını korumak; Türkmenlerin modern elbiseler giymelerini sağlamak; süreli yayınların toplum hayatında rölü ve önemi gibi çok sayıdaki o dönem için yeni ve aktüel meseleleri kendi eserlerinde konu edinmişlerdir.

Eserlerinde, Türkmenlerin aslında zeka bir millet olarak temsilcilerinin tarihin deişik dönemlerinde dünya medeniyetinin ilerlemesinde büyük etkide bulunarak şöhret kazanmış oldu undan söz edince Ceditçi yazarlar 'Pantürkçi', 'Milliyetçi', İnkılâp Düşmânı' atları takılarak suçlanmışlardır.

Bunların hepsine ramen Türkmenistan'daki Ceditçiliğin başlıca özelliklerini öğrenmek, çeşitli sebeplerden dolayı uzun süre bilim gündemine alınamamıştır. Son yıllarda yaptımız araştırmaları n sonuçları tespit ediyor ki Türkmen edebiyatının tarihinde Klasik dönemle Sovyet dönemi arasında yer

alan editçilik, özel bir dönem olarak meydana gelememiş sade e 20. yüzyılın başlarından 30'lu yıllarına kadar devam eden yo un bir edebî akım olarak kendini göstermiştir [Bkz: 7].

Bu yazımızda Akad. (Ord.) Prof. Dr. Muratgeldi Söyegov'un, Basır Abdullin'in (1892–1938) eserleri hakkında Türkiye Türkçesi ve Rusça olarak kaleme aldıçalışmalarından [1, 2, 6] yararlanarak sadece Nogay yazar'ın, Türkmenistan'ın başkendi Aşkabat'ta geçen asrın 20'lı yıllarında yazdıbazı dramlarının örneinde Ceditçilik konusuna kısaca de ineceiz. Önde gelen bilgin Muratgeldi Söyegov'a göre "çeşitli sebeplerden dolayı son yı llara kadar açılmamı ş bir tarla olarak kalmış olan Türkmen edebiyatında Ceditçilik konusu, araştırmacı Ayna M. Söyegova'nın gösterdii gayretlerin sonunda şimdi verimli bir inceleme alanı hâline geliyor." [Bkz: 3, s. 328]. Gerçekten bu konuda 1999 yılından itibaren şimdiye kadar kaleme aldımız onbeş civarında makale ve bildiri Türkmenistan'da çıkmakta olan deişik bilimsel yayınları n sayfalarında Türkmence ve Rusça olarak okuyucuya sunuldu [Bkz: 7]. Onların bazıları yurt dı şındaki yayınların sayfalar ında basıldı [8, 9]. Basır Abdullin'in, Aşkabat'ta meşhur Türkmen ceditçi ýazar ve bilgin Abdülhekim Kulmuhammedov'la (1885–1931) iş birli inde bulunmasından bahseden 'Eserler Nahili Döreyar' (Eserler Nasıl Yaratılıyor) adlı belgesel öykümüz edebî 'Garagum' (Karakum) dergisinin 2014 yılı Şubat'ta çıkan yeni sayıs ında yayımlandı [11, s. 121– 122]. Elinizdeki bu makale ise Türkiye Türkçesine aktarılarak yayımlanan ilk yazımız olacaktır.

A.H. Kurmanseitova'nı n çalışmalarında Basır Abdullin'in hayat yolu, edebî kiş ili i ve bilimsel mirasının başlıca özelliklerinden söz ediliyor [4, 5]. Ondan dolayı bu yazımızda Nogay yazarın sadece iki dramının üzerinde biraz detaylı duraca ız. Son yıllarda yapılan araştırmalara göre Basır Abdullin, e itim tarihinde di er Ceditçilerle aynı kaderi paylaşmış [10, s.124] ve bizce ilk eserleri de o alanda yer almış olmalıdır.

Abdullin, Türkmenistan'ın başkendi Aşkabat'ta kaleme aldı ı dramları, soyadını yazmadan ço unlukla kendi ad ı Bas ır sözcü üyle imzalamıştır. Sadece Rus yazar Lanskoy'un 'İnkılâp Yolunda' adlı 13 sayfadan oluşan broşürünün Türkmence tercümesini yaparken çevirmen olarak kendinin Abdullin soyadını kullanmıştır. 'Denksizlik' dramını n (Türkmenceye aktaran Bekmurat) ilk sayfasında ise yazarın Basır ad ıyla beraber do duk mekânı da Aştarhanlı (yani Astrahan kendinden olan) şeklinde gösterilmiştir.

1927 yıylında özel bir kitapçık şekilinde Aşkabat'ta neşredildiği 'Denksizlik' dramında ele alınan meseleler o zamanda Türkmen Ceditçili inin gündemine çıkarılan konula alakalı. Eserin ana düşüncesine yoğrulmuş aşağidaki olay anlatılır.

Annagüzel isimli kız ı Berdiniyaz isimli bir topala verirler. Kızın başlığının bir parçası olarak 40 deve, 15 put pirinç, 15 tane koyun ve 10 hırka verilir. Bu durumu değerlendirirsek, Berdiniyaz topal zengin ve güçlü olmalı. Ama daha sonra Berdiniyaz ve Annagüzel kendilerini fakir sayarlar. Bu iki düşünce aynı kalıba sığmaz. Aslına bakarsak bir kimse konuşurken "ben fakirim" der. Neyse, onlar dört sene karı-koca olarak yaşarlar. Bundan sonra tesadüften, Berdiniyazın köyüne Bayram gelir.

Anngüzel genç kı z iken Bayramla bir birini sevmişler. Bu olay şimdi açığa çıkıyor. Bayramı gören Annagüzel 'Beni gerçekten seviyorsan, hemen buradan götür' der. Elbetde, Bayram Annagüzeli götürmek istegiyle coş ar ve dört arkadaşı ile onu kaçırır. Bir bakıma bu olayın sonudur. Ancak öyle değil. Topal ve fakir olduğundan şikayetçi Berdiniyaz bu durumu haksızlık olarak değerlendirir, kardeşi Çarıyara danışı r. Hükümet mektebinde okumakta olan Çarıyar Bayram ile Annagüzelin bir birini sevdiklerine bakarak onları haklı bulur.

Burada pek çok tabii olmayan şey var. Örneğin neden Bayram daha önce Annagüzelden haber almadı? Bayram tesadüfen gerçekleşen görüşmelerde yine eskiyi hatırlayarak Annagüzeli götürmek istiyor. Neden bu olay dört sene sonra gerçekleş ir? Şunun gibi çözülmesi zor olan meselelere dayanarak yazar yeni dönemde her şey değişti, aile meselesinde de istedi ğin şekilde de hareket edebilirsin, devlet de seni destekler, denilen düşünceyi öne sürüyor. Böyle dü şüncenin çok olağanüstü olduğu tartışmasızdır. Bunun gibi düşüncelerin toplumsal çalışma (köyoluşumu) y ıllarında burjuva sınıf vekillerine "her şey ortak olacak ailende kendinde kendine ait olmayacakmış" denilen söylentilerin yayılmasına sebep olmuştur.

Doğru, bu yerde başka bir durum var. Niye yazar önceden Annagüzel'in Bayram'ı sevdiğini gizli tutmuş. Birden o ortaya çıkıyor ve herşeyi karıştırıyor.

Demek ki 'Denksizlik' dramının yazarı kendi önemli kahramanlarını gereği kadar tam gösterememiştir. Bu özellikle Bayram'ın kişiliğiyle ilgilidir. Onun kişiliği tam değildir. Annagüzel karakteri tam olsa da davranış ları şüphelidir. Kendi istegi üzere kaş tıktan sonar 'Bayrama gelince kalbim huzur bulamıyor' diyor. Şimdi o Bayramla geldikten sonra 'Kendim etdim kendim buldum' diye kendi kendini suçlamaya başladı. Acaba bunun sebebi nedir? Ama zamanla olaylar açıga çıkmaya başlıyor. Annagüzel Berdiniyaz'dan ayrıldığına pişmanlık duyar. Onun şimdi vijdanı sızlamaya başlar. Dört senedir ona eşlik

eden hayat arkadaşını terk edişi hala bır kelepçe gibi vurulmuştu akl ına. Asıl nedeni ise 'O,bir gariban fakir'. Sonra yine kendince mır ıldandı 'Benim yaşıtlar ımın hepisi istedigi ile evlendiler'. Ve tekrar 'Hayır hayır' diye ve kendince karara gelir.

Arkadaşlarını hatırladıkça Orazmammet'in kızı aklına gelir. O gariban Perman adında kör birisi ile evlendirilir ve şimdi beş yıldır onunla devam ediyor hayatına. Annagüzel, 'O da Bayram gibisini bulabilirdi aslında' diye düşünür. Demek, yazar hayatın ne olduğunu anlaması için Annagüzel'in başına her türlü işi salıyor. Zorluklarla karşı karşıya getiriyor. Mesele eserin bitiminden anlaşıldıgına göre, adaletsizlikte. Adaletsizliği ilk duyan Berdiniyaz'ın kendisidir. O fırsat buldukça sakatlığını, fakirliğini hatı rlıyor. Doğru, onun yeni okulda okula devam eden ağabeyside var. Ama ondan Berdiniyaz'a hiçbir faydası yoktu. Aksine, O, kardeşinin karısının götürülmesini onaylıyor, kardeş olarak ta ona hiç acımıyor.

Adaletsizliğin ne olduğunu onun insana nası l etki ettiğine yavaş-yavaştan Annagüzel de anlamaya başlıyor. Ama bu durum biraz geç, yani Berdiniyaz'ın evinden Bayramla kaçtıktan sonra gerçekleşmeye başlıyor. O, döndükten az sonra rahatsız olmaya, aklına sakat kocası Berdiniyaz gelmeye başlıyor. Onun kendi kendine konuşmaları, yani sahne monoloğ ları buna şahittir [Bu konuda daha yo un bilgi icin bkz: 1, 2].

'Denksizlik' dramında öne sürüldü ü genel düşünce kadı nlar ın o dönem Türkmen cemiyetindeki durumlarını iyileştirmek, onların hak ve hukuklarını korumaktır.

Basır Abdullin'in Türkmen Devlet Neşriyatı Basımevi tarafından 1926 yılında Aşkabat'ta broşür şeklinde, 'Denksizlik' dramı gibi Türkmen Arap yazısıyla neşredilen 'Sultan Sencer Mâzî' dramında edebî olaylar; iki Türkmen devletinin hükümdarları, yani Büyük Selçuklu İmparatorluğu'nun son sultanı Sencer'le (1086– 1157) Harezmşahlar Devleti'nin kurucusu Atsız ibn Muhammet'in (1098-1156) arasında meydana gelen karşılıklarla ilgili gerçekleştiriliyor. Hakikaten 1130'lu yılların sonundan 1140'lı yılların sonuna kadar 10 sene boyunca devam eden tarihî olaylar Beyik Selçuklu İmparatorluğu'nun çökmesi ve küçük beyliklere parçalanması Harezmin ise bağımsız bir devlet olarak kurulmasıyla sonuçlanmıştı.

Tarihî olaylar bakımından neticelendirirsek Basır Abdullin'ın dramı hakkında kesin olarak şunu söyleyebiriz ki, yazar kendi eserini 'Tarihî Piyes' hesaplıyorsa da o gerçekten Sultan Sencer hakkında Türkmen halkının arasında yaşamakta olan bir sürü

efsanelerin bazıları ndan vücuda getirilen bir eserdir. Buna ra men epey değişmiş bir halde olursa olsun, efsanelerde tarihî olayların izlerini bulmak mümkündür.

Merv'in hanı Sultan Sencer, Hive hanı Atsız ibn Muhammet'in kızı Corabike'nin vasıfını baş kalarından işidip kendisini görmeden ona aşık oluyor. Çünkü 40 yaşındaymış ama bekârmı ş. Sencer, kızıyla evlenmek isteğini anlatarak Atsı z'a mektup yazıyor ve Hive'ye elçilerini gönderiyor. Elçiler olumsuz bir yanıtla geri dönünce kızıyor ve Atsız'a ikinci kez mektup yollayarak eğer kızını kendisine vermezse Aral denizine dökülen Amuderya'nı n akış yolunu değiş tirip Hazar denizine döktürmüş ve Hive yurdunu susuz bir mekana çevirmiş olacağın ı belirtiyor. Atsız, bu mektubu şöyle yanıtlıyor: 'Ey Sultan Sencer! Amuderya'nın suyu Aral denizine dökülmeyip Kara denizine dökülürse de kızı m karın olmayacaktır ve beni korkutmak üzere yazdığın sözleri ise bir değnekle atılan dayakça da saymıyorum.'

Hayatında hiç bir kimseden böyle sert cevabı almayan Sultan Sencer, once Allah'a yalvarıyor: 'Ey Tanrım! Benim mal-u devletimi taç-u tahtımı al yerine sadece Corabike'yi bana ver.' Aynı zamanda da çok kızarak bunları dile getiriyor: 'Ben, Sultan Sencer kendimi suya atacağı m tam devletimi ateşe vereceğim. Kendimi de ateşe atacağım. Corabike sebebiyle kötülükler vahşîlikler yapacağım.' Daha once Atsız'a yazdığı mektubundaki sözü gerçekleştiriyor. Genoylu Karatal adlı yerde Amuderya'nın suyuna bent yaparak geçmişden kalan eski yolu üzerinden Hazar denizine dökülmesini sağlıyor. Sonuçta çaresiz Harezm halkı susuz kalarak pek çok zorluklarla karşılaşıyor, dağılmaya hatta açlıktan kırılmaya yüz tutuyor.

Atsız hanı n k ızı, hatta halkı tarafından babası ndan da büyük hürmete münasip olan, Corabike bir hile yaparak Harezm'deki kötü durumu değiş tirmek maksadıyla Merv'e gidiyor. Corabike'nin geldiğini görünce Sultan Sencer seviniyor ve 40 gece ve gündüz devam edecek düğün yapmayı, tutsakları hapisten serbest bırakmayı buyuruyor. Amuderya'daki bendi kırmaya da emir veriyor.

Bu anda kendi halkından bir ihtiyar zat Sultan Sencer'in Harezm halkına yaptığı zorlukların doğru olmadığın ı anlatarak öbür yandan da Corabike'ye de çok inanmamasını söylüyor. Fakat Sencer bu sözlere kulak vermiyor. Bana karşı çıkıyor Corabike'ye iftira ediyorsun bahanesiyle o ihtiyar zatı cezalandırarak çöle kovuyor.

Corabike, Sencer'e: 'Sen düğün yapıyorsun benim halk ım ise yas tutuyor. Eğer gerçekten askerlerine

Genoylu Karatal'daki bendi yıkmayı buyurmu ş isen ben de gideyim onu kendi gözlerimle göreyim yalnız düğünümde rahat olmam için.' Diyerek hile yapıyor ve sultanı aldatarak kendi yurduna dönüyor.

Sultan Sencer, kandırılmış olduğunu anlayınca Atsız ibn Muhammet'e tam Hive halkına karşı iki sene devam eden savaşa başlıyor. Sonuçta ordusu mağlubiyete uğratılıyor. Çünkü Atsız ibn Muhammet, k ızı Corabike'nin tavsiyesiyle, Sencer'in ordusunun bulunduğu yerlere Amuderya'dan su akıtarak bataklığa çeviriyor.

Sencer'in askerî bölükleri yorularak parçalanıyor çöllere gidiyor. Bazı askerler ise sultanın yanına geliyorlar. Sencer'in Amuderya'da ikinci kez bent yaparak Atsız'ın halkını zorlukta bırakmak planı da sonuç veremiyor. Çünkü bu alanda çalış an mühendisler ilkbaharda suyun fazla olması sebebiyle Amuderya'da yeni bir bent yapmanın mümkün olamacağını sultana anlatıyor. Başarısızlığa uğramış olan Sultan Sencer, çevresine daha sert davranıyordu.

Çöle kovduğu ihtiyar zatı sarayı na getirerek ondan kendisinin yakın gelecek kaderini öğrenmek için emir ediyor: 'Ben sana anlatmayı buyuruyorum!' İhtiyar bunlar ı söylüyor: 'Ey oğlum! Bana buyruk etmeye hiç kimsenin hakkı yoktur. Halkın ordun hepsi senden razı değildirler. Sen tüm halkı na ters gittin... Buğün taç-u tahtı ndan şah-u şevketinden ayırılmalı gün olacaktır... Şu andan bu yana bize senin gibi sultan gerekemiyor.' [Bu konuda daha geniş malumat icin bkz: 1, 2].

Dram, Sultan Sencer'in tahttan indirilmesiyle bitiyor. Eserde yazarın Sultan Sencer'e antipatisi göze çarpıyor.

Bilindi i gibi Ceditçi yazarların, kendi milletinin kahramanl ık tarihini konu edinen çok sayıda eserleri vardır. Basır Abdullin'in 'Sultan Sencer Mâzî' dramında da aynı konu halledilmiştir.

---

1. *Söyegov M.* Nogay Yazar Basır Abdullın'nin Dramları Üzerine Bir İnceleme // Kardeş Kalemler Aylık Avrasya Edebiyat Dergisi. Sayı: 63 Mart. İstanbul, 2012.
2. *Söyegov M.* Nogay Yazar Basır Abdullin'in Türkmenler Üzerine Yazdığı Dramatik Eserler (Makale: No 14) // Akademik Bakış Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler E-Dergisi. Sayı: 28 Ocak–Şubat. Celalabat, 2012.
3. *Söyegov M.* Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010.
4. *Курмансеитова А.Х.* Басыр Абдулин (1892–1938) // Цитируется по сайту Интернете. См. http:// rdinfo .ru/ article .php -mode =view& own_menu_id =30318 (11.01.2014).
5. *Курмансеитова А.Х.* Вклад астраханских ногайцев в книжное дело на ногайском языке // Цитируется по сайту в Интернете. См. http: //docs .podelise .ru/ docs/ index - 7935 .html -page =28 (15.01.2014).
6. *Соегов М.* Творчество Басира Абдуллина и вопросы ногайско-татарско-туркменских литературных взаимосвязей в начале XX века // Проблемы филологии народов Поволжья. Вып. 6. Москва, 2012.
7. *Соегова А.М.* Джадидское течение в туркменской литературе (с начала XX в. до 30-ых годов). – Автореф... канд. филол. н. – Ашхабад, 2014.
8. *Соегова А.М.* Заслуги представителей джадидского движения в изучении туркменского фольклора в первых десятилетиях XX века // Национальный фольклор народов Центральной Азии и проблемы духовного обновления общества. Нукус, 2008.
9. *Соегова А.М.* О драматических событиях из истории туркменского джадидизма // Вопросы тюркологии, № 7. Махачкала, 2011.
10. *Тарабановская Е.А.* Джадидизм и кадимизм на приграничной территории Российской империи: новые факты истории // Гуманитарные исследования, № 1 (45). Астрахань, 2013.
11. "Garagum" jurnaly, No. 2 (Fewral). Agabat, 2014

СУЮНОВА Н. Х., КАЗАКОВА Р. Э.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева

г. Карачаевск, Россия

НОГАЙСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ: ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА В XX веке

Необходимость системного анализа преемственных связей древних истоков и современного состояния ногайской культуры особенно актуальна для исследования драматургии и сценического искусства народа, их эволюции и жанровой специфики. И это потому, что многое здесь утрачено, и практически ничего не исследовано. Драма прошла длительный

путь развития от истоков, восходящих к древнейшим ритуалам, обрядам, фольклорным народным зрелищам, до современных ее жанровых форм с широким спектром разновидностей жанрового содержания и сложной природой конфликта.

Методология и общая теория драмы разработаны в трудах российских исследователей: М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, А.Д. Авдеева; тюркологов: М. Ауэзова, М. Кадырова, А. Маргулана и др. [1]. Материал общетюркского фольклора дает представление об эволюции драмы в многовековой культуре Степи, а также позволяет проследить формирование собственно драматических жанров письменной литературы, сценического искусства тюркских народов. Творцы магической поэзии: *бакшылар* (ритуальные музыканты), *камшылар* (шаманы), *сыхыршылар* (волшебники), *саьаршилер* (чародеи), *балшылар* (ворожеи), *ядылар* (колдуны), *сыншылар* (прорицатели) [2], а также: *ортекешилер* (кукловоды), *маскарабазлар* (комедианты), *шамакайлар* (паяцы), *йыршы супылар* (певцы-дервиши), *йыраулар* (певцы-импровизаторы героических песен), *ашыклар* (ашуги, певцы лирических песен), *айтысшылар* (участники состязания певцов) и др. – это далеко не полный перечень создателей древнего и средневекового тюркского искусства. Элементы драматизации, присущие ритуалу, тюркской обрядовой культуре, сказительскому, зрелищному искусству сформировали впоследствии устойчивые традиции и потенциал драматургии, в частности, ногайцев.

Такое богатое разнообразие духовных накоплений – в основе многожанровой обрядовой поэзии ногайцев: календарной, семейно-бытовой. Сложившиеся в рамках этих обрядов устойчивые игровые сюжеты стали впоследствии основой для формирования драматических жанров уже письменной литературы.

Жизнь обрядовой поэзии в духовном бытии ногайцев – это целые театрализованные представления. Так, приход *навруз ай* (месяца марта) и древнего праздника *навруз-байрам* сопровождался шествиями участников праздника с ветками терна и облепихи, украшенными подснежниками, массовыми зрелищными представлениями. Ключевое действо другого праздника *тепреш* – это катание с горки крашеных яиц. Праздник первой борозды *сабантой* сопровождался сюжетными постановками *выбора хана* праздника (поднимали на белом войлоке уважаемого человека), *выбора ханий* (по сценарию – жены хана, – мудрой, степенной, хлебосольной женщины, которая бросала первые зерна во вспаханную борозду) и *тотай* (юной красавицы – души праздника, по сценарию – дочери хана). Театрализованные представления устраивались участниками этих праздников, демонстрировавшими удаль, силу, ловкость, состязавшимися также в красноречии (*айтысы* известных певцов-импровизаторов и *сарыны* (частушки) юношей и девушек). В апреле наступал праздник *коьпек баьтир* – театрализованное шествие юношей с цветами, песнями, иных – в шубах, вывернутых наизнанку (элементы *маскара* – шутки); праздник *мал айдав* – выгона на пастбища скота. В летний и осенний периоды также зрелищно проходил обряд вызывания дождя (*такта куршак*), праздник первого снопа (*орак той*) и т. д. [3].

Календарные обряды ногайцев с их ритуальными отправлениями носили, как правило, земледельческо-скотоводческий характер. Богатый спектр сюжетных драматических элементов заключали в себе и семейно-бытовые обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, свадебные и погребально-поминальные обряды, которые живы и поныне во всех местах компактного проживания ногайцев.

Таким образом, огромное количество народных зрелищных игр с устойчивым сюжетом, ярких праздничных представлений, состязаний в силе, ловкости, сообразительности, красноречии (*айтыс*) испокон веков были содержанием духовной жизни наших предков. Без такой мощной основы невозможно было бы развитие ни одного вида современного искусства, в частности, словесного, сценического.

Богатый пласт лексики, рожденной ритуалом, народными обрядами, зрелищными действами, впоследствии вошел в профессиональный театральный словарь ногайцев (*сахна* – сцена; *тамаша* – представление, зрелище; *маскара* – шутка; *перде* – занавес; *ойын* – игра; *коьринис* – явление; *теке* – козел-шут; *ортеке* – деревянный козлик-марионетка; *куршак ойнатувшы* – кукловод и т. д.); он свидетельствует о богатой традиции драмы в тюрко-ногайской культуре.

В начале XX века (20- 30- е годы), в новых общественно-исторических условиях,

сценическое искусство, драматургические жанры в переживающей становление ногайской советской литературе оказались особо востребованными. В книге *«Байтеректинъ байлыгы»* (Древо познания) [4] ногайский историк А. Курмансеитова с опорой на архивные источники приводит сведения о судьбах целой плеяды представителей ногайской интеллигенции этого периода, получившей приличное для своего времени как религиозное, так и светское образование. Преподавание, писательская, журналистская – в целом, просветительская работа – это те сферы, в которых они прикладывали свои знания. Зариф-Мухаммед Алиев (?–1944), получивший образование в Стамбуле, Казани, владевший рядом языков, сделал выбор в пользу преподавания на рабфаке. С его именем связано создание школьных театров в Астрахани, для которых он написал ряд детских пьес «Шаян Ахмед», «Ашлык беясы». Его пьеса «Ногай кызы Нуржамал» в 1937 году была поставлена на сцене Астраханского театра. З-М. Алиев был известен и как театральный критик [4].

Как правило, первые драматургические сочинения национальных авторов начала XX века – это одноактные пьесы пропагандистского содержания, и отнесение их к собственно драматургическому жанру весьма условно. Главным предназначением их была функциональность, необходимая для внушения гражданам нового государства сути новых реалий и пропаганды среди них новых ценностных ориентаций. Такая зрелищная форма в преимущественно неграмотной среде в начале века наиболее эффективно решала задачу перековки сознания, просвещения людей в нужном русле. При этом внешний, большей частью этнографический, фон событий сохранялся в целях обеспечения органичности и упрощения восприятия зрителями нового.

Именно такую функцию выполняли первые пьесы ногайского просветителя Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова, проживавшего в Астрахани. Этнографическая пьеса *«Карагаш-ногай тойы»* (Свадьба у карагаш-ногаев), написанная им на ногайском языке, не была напечатана, но ставилась в 1918 году в Астраханском городском зимнем театре. Его же *«Сатлык мырзалар»* (Продажные мурзы) – инсценировка по мотивам ногайских казацких (вольных) песен, в центре сюжета которого тяготы крепостного права у кубанских ногайцев, также не вышла в свет, но ставилась в клубе аула Канглы Терского округа в 1925 году. В этом же ряду – *«Карайдар мынан Кызыл-Гуьл»* (Карайдар и Кызыл-Гуль) – инсценировка А.-Х. Джанибекова по мотивам лирико-драматической песни, считавшейся народной. Она также не печаталась, но ставилась в летнем клубе Ногайского района Астраханского уезда в 1925 году [5].

В 30-е годы развитие драмы (вернее будет сказать, количественные накопления в области жанра) продолжилось в творчестве соратников и единомышленников А.-Х. Джанибекова, ногайских писателей, впоследствии, в 1937 году, репрессированных новой властью и расстрелянных. Так, на Кубани увидела свет первая одноактная пьеса на ногайском языке «Фатимат» Хасана Шахимовича Булатукова (1907–1937) в составе авторского сборника, выпущенного в областном издательстве в 1932 г. Содержательно и формально она идентична пьесам А.-Х. Джанибекова: посвящена переменам, связанным с октябрьскими событиями 1917-го года в судьбе женщины. Сюжет основан на действительных событиях, происходивших тогда же в одном из ногайских аулов. Произведение было чрезвычайно популярно у ногайского зрителя во всех ногайских аулах Кубани, хотя стоило автору изрядного труда при его создании: «В условиях неустоявшихся орфографических, грамматических, стилистических норм ногайского языка чрезвычайно сложно пишется моя пьеса...» [6].

В начале XX века в жанре драматургии работал Басир Мажитович Абдуллин (1892–1937) [7], писатель трагической судьбы. Его пьесы *«Батрак», «Душпан енъилди»* (Враг побежден), *«Эмбек енъгенде»* (Когда побеждает труд) увидели свет в виде отдельных изданий на ногайском языке (латинская графика) в Махачкале в 1932–1934 годах и явились значимым вкладом в становление жанра. В них воплощена история меняющейся реальности в послереволюционной Ногайской степи.

Даже при очевидной схематичности художественных образов, сюжетов, черно-белых оценок явлений жизни в пьесах ногайских драматургов начала XX века, историко-культурная значимость этих произведений бесспорна. До сих пор восстанавливаются, документируются утерянные сведения об этих авторах, неизвестные страницы их биографии, история соз-

данных ими произведений, возвращаются в национальную культуру принадлежавшие их перу литературные тексты. Так, еще в начале 20-х годов, преследуемый новой властью по причине, в том числе и своего благородного происхождения, Басир Абдуллин вынужден был постоянно перемещаться: в течение двух десятилетий местами его жизни и творчества становились попеременно Астрахань, Казань, Ашхабад, Терекли-Мектеб, Махачкала, Черкесск. И везде, где бы ни приходилось ему жить, он оставлял яркий след в культурной жизни своих соплеменников. Воспользовавшись приглашением друзей, в начале 20-х годов XX века он уехал в Ашхабад. В Туркменистане, где ногайский писатель жил и работал несколько лет, внес значимый вклад в становление туркменской драматургии, даже литературоведы этой республики вплоть до нашего времени не располагали сведениями из его биографии. Было известно лишь то, что он родом из Астрахани, а по национальности, якобы, является татарином [8, с. 56]. В историю родственной литературы Б. Абдуллин вошел как автор первых драматургических произведений на туркменском языке. Он «владел этим языком, о чем красноречиво свидетельствуют драмы, созданные им в Ашхабаде, куда он мог быть приглашен друзьями-туркменами», – пишет туркменский ученый М. Соегов. Этими друзьями могли быть представители местной интеллигенции М. Гельдыев (1889–1931), Г. Алпаров (1888–1936), А. Сагиди, Х. Абиди и др. [9, с. 116].

О перипетиях жизни Б. Абдуллина: работа в 20-х годах в национальной туркменской газете (Ашхабад), затем – в ногайской газете *«Кызыл Байрак»* (Красное знамя), издававшейся в с. Терекли-Мектеб, в качестве редактора ногайского отделения Дагиздата в книге *«Байтеректинъ байлыгы»* (Древо познания) написала историк А. Курмансеитова [10, с. 65–70]. Ранее, в Послесловии к современному изданию сборника прозы Б. Абдуллина *«Кыр баьтирлери»* (Герои степей), о жизненном пути и трагической судьбе репрессированного и впоследствии посмертно реабилитированного писателя написала М. Султанбекова [11, с. 212–231].

В предисловии к своей драме «Юсуф и Ахмед», созданной по сюжету одноименного героического дестана туркменского поэта-классика XVIII-го века Курбанали Магруфи и изданной в 1927 году в Ашхабаде Туркменским государственным издательством на реформированном (джадидском) арабо-туркменском алфавите в объеме 280 страниц, автор Басир Абдуллин выражает благодарность знаменитому ученому и писателю А. Кульмухаммедову (1892–1931) за предоставленную возможность ознакомиться со старой рукописью дестана (эпоса), хранящейся в его личной библиотеке, а также за ценные консультации по теме [12, с. 4]. Б. Абдуллиным в Ашхабаде отдельными книгами выпущены также пьесы *«Солтан Санджар Мази»* (История Султана Санджара, 1926), *«Денгсизлик»* (Неравенство, 1927) и *«Чопан»* (Пастух, 1929) [13].

Эти пьесы во второй половине двадцатых годов прошлого столетия неоднократно ставились на сценах профессиональных и самодеятельных театров Ашхабада и других городов Туркменистана. Благодаря им, простые зрители сел и городов смогли наблюдать на сцене привлекательные образы и интересные события из повседневной туркменской жизни.

На материале произведений З.-М. Алиева, А.-Х. Джанибекова, Х. Булатукова, Б. Абдуллина можно проследить, как национальной художественной системой, работающей теперь уже с материалом новой складывающейся социалистической действительности, фактически заново осваивались законы драматургического жанра. «Память жанра» участвовала в этой эволюции на уровне лишь художественного подсознания первых ногайских советских авторов. Ключевую роль в сохранении национальной самобытности в этих произведениях играло фольклорное наследие и ногайский язык – хранитель культурного кода народа. В этом отношении чрезвычайную ценность и ныне представляет собой язык произведений Б. Абдуллина – кладезь исконной многостилевой ногайской лексики.

В середине XX века в послевоенной ногайской литературе возвращается интерес писателей к драме. Активно работает в этом жанре Магомет Яхъяевич Киримов (1927–2013). *«Таза суьюв – тав ярар»* (Чистая любовь – скалу расколет), *«Сыйдынъ аьлеги»* (О вреде старых обычаев), *«Кыйшык йол»* (Извилистый путь) – пьесы, опубликованные им в 1956 году, продолжили осмысление событий в жизни соплеменников, теперь уже связанных с послевоенным строительством, с изменением нравов в обществе.

Пьесы М. Киримова значились в репертуаре народного театра ногайского аула Эркин-Юрт (Орак эли) на Кубани.

С 80-х годов минувшего столетия ногайская драматургия стала развиваться в творчестве Р.Х. Керейтова (1943 г. р.), Б.И. Кулунчаковой (1946 г. р.), Д.М.Шихмурзаева (1936 – 1993 гг.), И.С. Капаева (1949 г. р.). Пьесы Р. Керейтова *«Авылдынъ курткашыгы»* (Радуга над аулом), *«Уъйинъизге яхшылык»* (Мир вашему дому), *«Адаскан елемик»* (Заблудившийся ветер), *«Атты ярыс оьлтирер»* (Коня битва погубит), *«Язда бир авылда»* (Летним днем в одном ауле) и историческая драма *«Шора баьтир»* (Шора батыр), написанная по мотивам ногайского эпоса [14], неоднократно ставились на сценах ногайских аулов Кубани и Дагестана силами народных театров, становились призерами Всероссийских конкурсов.

Значительную роль в развитии драматургических жанров в национальных литературах народов СССР, в развитии их сценического искусства, популяризации духовного наследия сыграла разработка управлением театров Министерства культуры РСФСР специального проекта по изданию драматических произведений писателей народов СССР в переводе на русский язык и организации их постановок на сценах больших и малых городов страны.

Одноактная пьеса-сказка «Белая дочь степей» ногайской писательницы Б.И. Кулунчаковой (1946 г. р.), выпущена отдельным изданием в 1979 г. в рамках этого проекта для детских театров страны. В ее основе - проблемы экологии духовности в современном мире. Позже пьеса издавалась в коллективном сборнике писателей в Киеве (1983), в Махачкале - в коллективном сборнике «Драматургия Дагестана» (1993). Первая постановка «Белой дочери степей» была приурочена к 125 – летию г. Братска и осуществлена силами городского юношеского театра. С 1980 по 1984 годы она ставилась на сценах кукольных театров Тулы, Саратова, Полтавы, каракалпакского театра оперы и балета в Нукусе. В 2006 году к 60-летнему юбилею Б. Кулунчаковой Лакский театр драмы (г. Махачкала) поставил спектакль на русском и лакском языках, затем гастролировал по лакским селам. В 2009 году «Белую дочь степей» ставил кукольный театр г. Мангыстау (Казахстан).

Новый общественно-исторический контекст, в котором бытуют традиции, нравственные ценности, общественные устои, формируются взаимоотношения поколений – в основе конфликта драмы Р. Керейтова, Б. Кулунчаковой.

В 1998 году в Махачкале увидела свет книга ученого, писателя Джалалдина Шихмурзаева *«Топыракта ыз»* (След на земле) [15], в которую, наряду с прозой, вошли драмы *«Козгалыс»* (Бунт) и *«Канлы йол»* (Кровавый путь), отражающие обновления в жизни степняков-ногайцев, переживших трагические события гражданской войны начала XX века. Драма *«Канлы йол»* ставилась ногайским народным театром в 1978 году в дагестанском Терекли-Мектебе. Гастроли прошли и в Карачаево-Черкесии.

Две пьесы: одноактная комедия «Суьйим ялынында» (Пламень любви) и драма *«Байлык эсириклигинде»* (В опьянении богатством), написанная по мотивам одноименной повести Б. Абдуллина, увидели свет в составе сборника произведений Сейдахмеда Рахмедова (1935–2005) *«Шоьлигимнинъ аьдемлери»* (Люди степи), изданного в Махачкале в 1994 году. [16] Эти и другие пьесы автора: *«Мен баьтирге ким баьтир!»* (Кто сильнее меня, сильного!), *«Айып этемен»* (Обида), *«Куьнтиймес»*), а также постановки по мотивам произведений С.Батырова («Албаслы»), пьеса *«Той уьстинде той»* (Праздник во время праздника) М. Киримова - заняли прочное место в репертуаре Ногайского театра Терекли-Мектеба.

С 2002 года, уже в статусе государственного, Ногайский театр обновил репертуар, осуществив постановки пьес Б.А. Джумакаева (1959 г.р.) (профессионального главного режиссера театра) *«Куьн коьрмеген куьн коьрсе»*, М.А. Авезова (1951г.р.) *«Турна кызы Турхан»*.

В рамках проекта Минкульта РФ, в 1983 году увидела свет пьеса «Аквариум», написанная Исой Капаевым в соавторстве с черкесским писателем Юрием Шидовым. В 1985 году в рамках того же проекта была издана пьеса Капаева «Ветеран», написанная по мотивам повести автора *«Дуныя оьмирли сенинъ коьзлеринъде»* («Вечен мир в твоих глазах»). Она была переведена режиссером Шахарбием Алиевым на карачаевский язык. Под названием *«Атай бла уйдегиси»,* премьерный показ спектакля состоялся в областном драматическом театре в г. Черкесске в 1986 году. Весь сезон 1986–1987 г. спектакль успешно шел на сценах Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Известность получили и другие драматурги-

ческие произведения И. Капаева, среди них – изданная в 1987 году в Москве, в рамках проекта Минкульта, пьеса для детей «Как Мархаба правду нашла», написанная по мотивам ногайской сказки «Мархаба».

В 2006 году в московском издательстве «Спутник» увидела свет двухактная пьеса И. Капаева «Маскарад по-ногайски» [17], написанная на основе реальных фактов, имевших место в одном из ногайских аулов, посвященная проблеме экологии реального и духовного пространства в жизни соплеменников. Пьеса «Письмо Султану» (написана в 2010 г.) - драма с элементами комедии, в которой повествуется о том, как приспосабливаются к реальной жизни представители современной национальной интеллигенции. Яркие, живые, узнаваемые характеры, острые коллизии, комические сцены на фоне общей, отчетливо наблюдаемой драматической картины современной социально-бытовой жизни героев – это то, что позволяет характеризовать «Письмо Султану» как талантливое произведение.

Традиции драматургического жанра с начала века развиваются в творчестве Таира Акманбетова (1953 г.р.). Подготовлены к изданию отдельным сборником его пьесы *«Кожа», «Шал-Кийиз», «Туьйин»* (Узелок), *«Ак явлык»* (Белый платок), «Ювыркан» (Одеяло), *«Оьлиге суд кесуьв»* (Суд над мертвецом).

Таким образом, выросшая из многовековой традиции, обретшая импульс для поступательного развития в творчестве профессиональных писателей XX века, ногайская драматургия вступает ныне в плодотворный период своей эволюции. Тесная связь ее с совершенствующимся сценическим искусством народа обеспечит необратимость этого движения вперед. Возросший интерес зрителей к работе и репертуару Ногайского государственного драматического театра (с. Терекли-Мектеб Республика Дагестан), а также Эркин-Юртского Народного театра (Карачаево-Черкесская Республика), ожидающего в скором времени изменения своего статуса на государственный, — важный стимул для эволюции ногайской драмы в XXI веке.

---

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975; Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. – М.: РОССПЭН., 2006; Авдеев А. Д. Происхождение театра. – М.: Искусство, 1959; Ауэзов М. Энкидиада: к проблеме единства миров кочевья и оседлости // Кочевники. Эстетика. – Алматы, 1993; История казахского искусства: В 3 т. Т. 1. – А.: Арда, 2007; Кадыров М.Х. Историко-типологические корни, связи, черты узбекского традиционного театра кукол. Музыкальное театральное искусство и фольклор. – Ташкент, 1992; Маргулан А. Искусство мифологии саков. – Алма-Ата, 1984; Куттыбекулы К. Ортекенi? 3000 жылды? тарихы бар // Айкын. – 2008. – 12 апр.

2. Сикалиев А. И. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1989.

3. Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии: Сб. научных трудов. – Черкесск, 1989.

4. Курмансеитова А. Х. Байтеректинъ байлыгы (Древо познания). – Черкесск, 1996 (на ног. яз.).

5. Джанибеков А.-Х. Ш. Мое жизнеописание. Гл. научные и литературные труды // Архив КЧИГИ. Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 8. – С. 6.

6. Цит. по: Карасов Б. А. Биринши карлыгаш // Булатуков Х.Ш. Эки яшав (Две жизни). – Черкесск, 1989. – С. 7 (на ног. яз.).

7. См.: Курмангулова Ш. А. Историзм прозы Б. Абдуллина и С. Капаева // Советский литературный процесс. Проблемы историзма. – Черкесск, 1989. – С. 53–68 (на ног. яз.).

8. Очерк истории туркменской советской литературы. – М., 1980; Söyegov M. "Sultan Sencer'in mazisi" dramı gerceği yansıtıyor mu? // Tarih Türk Dünyası Kültür Dergisi. Sayı: 261 Eylül. – İstanbul, 2008. – S. 26–28.

9. Соегов М. Творчество Басира Абдуллина и вопросы ногайско-татарско-туркменских литературных взаимосвязей в начале XX века // Проблемы филологии народов Поволжья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20 апр. 2012 г.). Вып. 6. – М., 2012.

10. Курмансеитова А.Х. Адабият айкасларында (Басир Абдуллиннинъ яратувшылыгыннан яркын сыдыралар). // Байтеректинъ байлыгы. – Черкесск. – 1996. – с. 65-70.

11. См.: Абдуллин Б.М. Кыр баьтирлери (Герои степей) // Пер. текстов с латинской графики, сост. и Посл. М.К. Султанбековой. – Черкесск, 1991 (на ног. яз.).

12. Басыр Абдуллин. Юсуп и Ахмет. Коне туркмен дестанларындан сахналашдырылан бир эсердир. – Ашгабат (Полторацк), 1927 (на арабской графике). – 280 с.

13. Басыр Абдуллин. Денгсизлик. Дорт чыкышда оюн китабы. Туркмен дилине гечирен Бекмурат. – Ашгабат (Полторацк), 1927 (на арабской графике). – 50 с; Басыр Абдуллин. Солтан Санджар мази. 3 горнуш, 6 чыкышда. Туркмен дилинде. – Ашгабат (Полторацк), 1926 (на арабской графике). – 50 с.; Басыр Абдуллин. Чопан. Драма. – Ашгабат, 1929 (на арабской графике).

14. Керейтов Р. Х. Авылдынъ курткашыгы (Радуга над аулом). - Черкесск, 1987; Язда бир авылда (Летним днем в одном ауле). – Черкесск, 1995.
15. Шихмурзаев Д.М. Топыракта ыз (След на земле). – Махачкала,1998 (на ног.яз).
16. Рахмедов С. К. Шоьллигимнинъ аьдемлери (Люди степи). – Махачкала, 1994 (на ног. яз).
17. Капаев И.С. Маскарад по-ногайски. – М.: Спутник, 2006.

СУЛТАНМУРАДОВ А. М.

Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия

О «НОГАЙСКОМ ЦИКЛЕ» СТИХОВ КУМЫКСКОГО ПОЭТА АТКАЯ

Языковая, религиозная, духовная, географическая, культурная, ментальная, историко-политическая близость кумыков и ногайцев, конечно же, способствовала установлению и тесных литературных связей между этими двумя тюркскими народами. Причем связи эти установились не в последние годы, а сложились издавна. Так, известный кумыкский поэт, просветитель, ученый и общественный деятель Магомед-Эфенди Османов, работая преподавателем восточного факультета Санкт-Петербургского университета, в 1883 году издал книгу под названием «Песни ногайцев и кумыков» («Ногъайланы ва къумукъланы йырлары»). Обращает на себя внимание тот факт, что составитель книги, сам являясь этническим кумыком, в ее названии на первое место ставит не кумыков, а ногайцев, тем самым подчеркивая уважение к родственному народу. В книгу М.-Э. Османова вошли: «Песни», «Предание о Нарике и Чуре Батыр», «Предание о Тохтамыш хане», «Предание о Мирза Мамае», «Предание об Адиль Султане Крымском», «Предание об Эрго Ахмеде, сыне Айсулу», «Предание об Эсен-булате», пословицы, поговорки, исторические и современные на тот период песни кумыков. По словам исследователя А.И.-М. Сикалиева, М.-Э. Османов собрал «полные и лучшие варианты ногайских дастанов» и ему принадлежит «выдающееся место в ногайской фольклористике», а его труд «оказал заметное влияние на последующих исследователей ногайского фольклора» [5]. Составителя «Песен ногайцев и кумыков» по праву можно считать основоположником кумыкской и ногайской фольклористики.

В XX веке кумыкско-ногайские литературные связи заметно укрепились, вышли на более качественный уровень. Одно простое перечисление имен кумыкских авторов и названий их произведений на тему ногайско-кумыкских отношений говорит само за себя: Абдул-Вагаб Сулейманов «Ногайская девушка» («Ногъай къыз»), Анвар Аджиев «Ногаец, поющий речитативом» («Толгъуйгъан ногъайлы»), Магомед Атабаев «Ногайской девушке» («Ногъай къызгъа»), Шейит-Ханум Алишева «...Кадрия моя!» («...Къадриям!»), Джаминат Керимова «Къадрия» («Кадрия») и др.

Рамки одной статьи, к сожалению, не позволяют нам охватить все вышеперечисленные произведения кумыкских писателей. В данной работе свой выбор мы решили остановить на Аткае (Аткае Аджаматове – 1910-1998 гг.) – народном поэте Дагестана, который «ногайской» теме посвятил не одно, а целый цикл своих произведений. Это такие произведения, как «Хранителю ногайской песни Джанибекову» («Ногъай йырны хазначысы Жаныбековгъа»), «В ногайском стиле» («Ногъай къайдада»), «Эх, бедолага» («Ай, пакъыр»), «Сломанная сабля» («Сынгъан шёшге»), «Ногайские трехстишия» («Ногъай уьчлюклер»), «Кадрии («Къадриягъа»), «Ногайская поэтесса Кадрия...» («Ногъайланы шаир къызы Къадрия...»).

Стихотворение Аткая «Хранителю ногайской песни Джанибекову», как видно из его названия, посвящено известному ногайскому просветителю, педагогу, фольклористу, драматургу А.-Х.Ш. Джанибекову (1879-1955 гг.). В первом же четверостишии автор в очень емкой форме отмечает тот вклад, который он внес в становление и развитие ногайской

фольклористики. Характеризуя А.-Х.Ш. Джанибекова характерным для устно-поэтической традиции изобразительно-выразительным средством – гиперболизированным эпитетом «седьмое небо» («еттинчи кёклер»), Аткай как бы лишний раз подчеркивает близкую, крепкую связь своего лирического героя с фольклором:

Ногайские песни, собранные тобою,
Предания и сказки
И на седьмое небо
Будто проложили путь.[1]

Сен жыйгъан ногъай йырлар,
Хабарлар ва ёмакълар
Еттинчи кёклеге де
Салгъан йимик сокъмакълар.

Но в анализируемом стихотворении Аткая большее внимание уделяется другому носителю прославленной фамилии – летчику-космонавту, дважды Герою Советского Союза, генерал-майору авиации В.А. Джанибекову (урожденному В. А. Крысину, женившемуся на дочери вышеупомянутого А.-Х.Ш. Джанибекова и взявшему фамилию своей супруги). И для характеристики В.А. Джанибекова поэт прибегает к весьма оригинальным изобразительно-выразительным средствам, которые также восходят к лучшим фольклорным традициям. Интересно отметить, что Аткай легендарного космонавта нарекает новым, тюркским, кумыкско-ногайским именем – Саныбек, означающим в переводе с обоих языков буквально «Телом («саны») крепкий («бек»)». Этим самым автор еще раз подчеркивает мужество, смелость, стойкость лирического героя, установившего не один космический рекорд по количеству и длительности полетов.

Джанибеков Саныбек–
Зять ногайцев –
Вверг в удивление
Звезды и Луну.

Жаныбеков Саныбек –
Гиевю ногъайланы –
Тамашагъа къаратды
Юлдузланы, Айланы.

По содержанию стихотворений «ногайского цикла» Аткая видно, что он достаточно хорошо знаком с историей, культурой, традицией, обычаями ногайцев. Поэт это подчеркивает даже в названиях своих произведений или эпиграфах к ним, взятых, как правило, из ногайской художественной словесности. Стихотворение «В ногайском стиле» – небольшое по объему, оно состоит из двух четверостиший и одного шестистишия. В содержательном плане данное произведение носит дидактический характер, в плане композиции оно построено в форме вопросов и ответов на них. В обоих четверостишиях в первых и третьих строках содержатся вопросы, а во втором и четвертом – ответы на них; в шестистишии же, которое заключает стихотворение, лишь в первой строке содержится вопрос, а остальные пять строк являются ответом на него. В своем произведении Аткай рассуждает о пяти человеческих, общественных пороках, таких, как отсутствие единства народа, отсутствие свободы в обществе, поражение на полях сражений, скорбь и готовность отдать жизнь за Родину. Первые четыре порока автор стихотворения раскрывает в очень емкой форме, а о пятом рассуждает более детально:

В-пьятых, что хуже?
Рука без пяти пальцев.
Если в день испытания,
Не взявшись за оружие,
Не погибнуть за Родину –
Вот это хуже всего!
Бешинчилей не яман?
Беш бармакъсыз къол яман.

Яв дегенде ялманып,
Савутлагъа чалманып,
Эл учун жан бермесе –
Барындан да шо яман!

Стихотворение «Ногайские трехстишия» построено в нетрадиционной для кумыкского стихосложения форме – форме трехстиший. В кумыкской стихотворной традиции представлены разные формы стихотворной организации: двустишия, четверостишия, шестистишия, восьмистишия, то есть такие формы, где наблюдается четное количество строк. Рассматриваемое же стихотворение Аткая в этом плане «не вписывается» в традиционную кумыкскую стихотворную организацию, стало быть, носит новаторский характер. «Ногайские трехстишия» – произведение сатирико-юмористического плана. Как и в выше рассмотренном стихотворении («В ногайском стиле»), автор здесь рассуждает о человеческих пороках, но делает это уже в ином, сатирико-юмористическом ключе. «Ногайские трехстишия» Аткая написаны в советский период, когда в моде была атеистическая пропаганда. Но в своем произведении автор занимает совершенно иную позицию по отношению к Богу, пророку, религиозным деятелям. В разгар атеистической кампании поэт, конечно же, не мог открыто вступить в их защиту. Но зато он тонко, умело, в саркастической форме обрушивается на атеистов. Это довольно-таки смелое по своему содержанию на тот период произведение.

Утверждают, что нет Бога,
но борются с тем, кого нет.
Клевещут на пророка, но считаются с ним.
Трусом обзывают муллу, но бьются с ним.

Аллагь ёкъ дей, ёкъ зат булан ябуша.
Пайхаммар бокъ дей, бокъ булан хабуша.
Молла кукай дей, кукай булан чабуша.

Рассуждает Аткай в «Ногайских трехстишиях» и о более «приземленных» человеческих пороках: подхалимстве, раболепстве, пресмыкательстве перед вышестоящим начальством, руководством. Людей, отличающихся этими качествами, автор стихотворения уподобляет клещу:

Коль старый начальник, уж больно переживают.
Коль новый начальник, они тут же рядом с ним.
В шею его всасываются, словно клещ.

Гьаким эсги буса, бек ичибуша.
Гьаким янгы буса, момент табуша.
Елкесине къасарткъыдай къарыша.

Захватывает своим интересным содержанием стихотворение Аткая «Сломанная сабля», походящее на мини-балладу, где говорится об истории одной сломанной сабли шамилевской эпохи. В экспозиции произведения говорится о том, как один чабан оказывается в гостях у ногайца. Обращает внимание, как автор кратко, буквально в одной строке, но в то же время полно, исчерпывающе говорит о ногайском гостеприимстве:

Для кунака готовится еда в тяжелом казане...
Къонакъ учун авур къазан асыла...

Но ногайский кунак охвачен думами, он чем-то огорчен. Его внимание привлек кусок железа, при помощи которого хозяин дома возится с костром и который, как выясняется потом, оказывается сломанной саблей периода Кавказской войны.

Гость-чабан охвачен думами, упреками,
Когда соскоблил сверху саблю,
Когда прочитал надпись «Шамиль»,
Очень озабоченно, стиснув зубы.

«Кто пламенем охвачен от сабельной раны,
Почему сабля сломана, почему в ржавчинах она?»
Ответы правильные на вопросы эти найдет
Тот, кто возился с костром в Ногайской степи.

Къойчу къонакъ къала дертли, оьпкели,
Уьстюн къырып къарагъанда шёшгени,
Охугъанда «Шамил» деген язывну,
Кёп ойлаша къыса туруп азывну.
«Шёшге яра булан кимлер отлангъан,
Шёшге неге ярты, неге тотлангъан?»
Соравлагъа тюз жаваплар табажакъ
Ногъай тюзде йылгъын отда хотгъангъан.

Как известно, в истории ногайской художественной словесности яркий, заметный след оставила талантливая поэтесса Кадрия (Кадрия Темирбулатова – 1948-1978 гг.), чья жизнь трагически оборвалась в расцвете творческих сил. Оценивая талант Кадрии, ее поэтическое своеобразие, тот вклад, который она внесла в развитие ногайской литературы, исследователь Н.Х. Суюнова пишет: «Поэзия Кадрии – новый этап поэтического прочтения национального мира. В ней изжиты штампы, стереотипные картины национального бытия, выполнявшие экзотически-орнаментальные функции» [3, с. 217].

Выше мы уже упомянули имена кумыкских авторов (Ш.-Х. Алишева и Дж. Керимова), посвятивших свои произведения Кадрии. Не остался в стороне от данной проблемы и Аткай. Более того, ногайской поэтессе он посвятил не одно свое произведение («Ногайская поэтесса Кадрия...», «Кадрии»).

«Ногайская поэтесса Кадрия...» состоит из шести строк (четверостишие и двустишие), представляющее собою эпиграмму, и, скорее, написаннное при жизни поэтессы. Интересно отметить, что во второй строке анализируемого стихотворения автор умело обыгрывает название первого опубликованного поэтического сборника Кадрии – «Горы начинаются с равнин» (1971 г.):

Ногайская поэтесса Кадрия
Утверждает, что сначала равнины сотворены.
Кизлярская рыбачка Мария
Утверждает, что сначала озера сотворены.

Говорят, что с родины малой начинается этот мир.
И не прав тот, кто противостоит этому.

Ногъайланы шаир къызы Къадрия.
Башлап чёллер яралгъан деп гёрсете,
Къызлардагъы балыкъчы къыз Мария
Башлап кёллер яралгъан деп гёрсете.

Тувгъан юртдан башлана дей бу дюнья,
Шогъар къаршы ким турса да, терс эте.

Стихотворение «Кадрии», как становится ясным из его содержания, написано после трагической гибели ногайской поэтессы и передает всеобщее горе народа, всех тех, кто знал ее, в связи с этой тяжелой утратой. Произведение это изобилует оригинальными изобразительно-выразительными средствами (параллелизмы, метафоры, эпитеты, символы, сравнения, олицетворения, повторы, аллитерации, ассонансы, градация), и все они подчинены усилению передачи большого горя в связи с огромной утратой. В системе художественных средств анализируемого стихотворения обращают на себя внимание пейзажные зарисовки, окрашенные в печальные, грустные, унылые, мрачные тона:

Ногайская степь, грустный холм,
Тюльпан – на вершине холма.
Будто Дьявол вынес вердикт,
Сгорел цветок, остался пепел.

Ногъай чёл, пашман тёбе,
Тёбе башда тюльпан гюл.
Илбис гесгендей тёре,
Гюлю яллап, къалды кюл.

В последнем четверостишии автор еще раз высказывается по поводу великой утраты, по поводу того, что не все творческие замыслы Кадрии оказались осуществленными. Но в то же время проскальзывают и нотки оптимистического характера, связанные с тем, что ногайская поэтесса оставила после себя ценное литературное наследие, тем самым обессмертив свое имя. Кроме того, читателю сразу же бросается в глаза последнее слово в стихотворении – имя поэтессы, данное целиком заглавными буквами (конечно же, не без вмешательства в типографскую «кухню» самого Аткая).

Погибла поэтесса, но осталась песня,
Да такая, чтобы мир старый слушал ее,
Остались нераскрытые тайны
С цветка твоего, КАДРИЯ.

Йырав оьлюп, йыр къалды,
Тынглар йимик къарт дюнья,
Чечилмеген сыр къалды
Чечегингден, КЪАДРИЯ.

Резюмируя вышеизложенное, отметим:

1) между кумыками и ногайцами – двумя родственными тюркскими народами, географически проживающими по соседству, издавна сложились и успешно развиваются литературные связи;

2) «ногайская» тема занимает заметное место в истории кумыкской литературы, к данной теме в разные годы обращались многие кумыкские писатели;

3) среди кумыкских писателей, затрагивавших «ногайскую» тему, особо выделяется народный поэт Дагестана Аткай, который ее разработке посвятил целый цикл своих произведений;

4) в «ногайском цикле» рассматриваемого автора представлены стихи, раскрывающие разные стороны общественной, культурной жизни ногайцев, их истории, традиций, обычаев и т.д.

---

1. Аткай. Тропою надежды. Махачкала, 1991. (На кум. яз.). – 328с.
2. Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2012. – 400с.
3. Литературы народов России. XX век. Словарь. М.: Наука, 2005. – 368с.
4. Писатели Дагестана. XX век. Махачкала: Юпитер, 2004. – 336с.
5. Сикалиев А.И.-М. Фольклор ногайцев // Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. – 546 с.

[1] Здесь и далее подстрочные переводы наши.

СУЛТАНБЕКОВА М. К., ДЖАЗОВА М. М.

Карачаево-Черкесский государственный университет им У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

НОГАЙСКАЯ ПРОЗА НАЧАЛА XX В. БАСИР АБДУЛЛИН

Басир Мажитович Абдуллин – один из основоположников ногайской советской литературы — жил и творил в 30-е годы XX века. Он ввел в ногайскую литературу эпические и драматические жанры. В литературном наследии Абдуллина – романы «Герои степей»

(«Кыр бaьтирлери») и «Активист» («Белсен йигит»), повести «В опьянении богатством» («Байлык эсириклигинде») и «Красные цветы» («Кызыл шешекейлер»), пьесы «Батрак», «Душпан енъилди» («Враг побежден»), «Эмбек енъгенде» «Когда победит труд». Эти произведения опубликованы на латинской графике в 1932 – 1934 годах в Махачкале.

Долгие годы произведения Абдуллина были недоступны широкому кругу читателей. В 90 - е годы прошлого столетия ученые Д. Шихмурзаев, Ш. Курмангулова, И. Капаев проявили интерес к творчеству Б. Абдуллина. Ими были опубликованы на страницах ногайских газет статьи и очерки, посвященные писателю, напечатаны также отрывки из его произведений, была дана оценка творчеству ногайского прозаика.

Профессор, академик АН Туркменистана Муратгелди Соегов, в своей работе «Творчество Басира Абдуллина и вопросы ногайско-татарско - туркменских литературных взаимосвязей в начале XX века» дополнил творческую биографию «знаменитого ногайского писателя» описанием его литературной деятельности в Туркменистане: «Б.Абдуллин наряду с родным ногайским и русским языками владел туркменским языком, о чем красноречиво свидетельствуют драмы, созданные им в Ашхабаде»: «Юсуф и Ахмед» (1927), «Солтан Санджар Мази» («История Султана Санджара», 1926), «Денгисизлик» («Неравенство», 1927) и «Чопан» («Пастух», 1929). [Соегов, 2012. С.116 - 121].

Б. М. Абдуллин родился в ауле Тиек под Астраханью в 1892 году, учился в мусульманской школе и после её окончания продолжил своё образование в медресе Астрахани, а затем в Казани. Владел арабским и русским языками, интересовался литературой родственных народов. Писатель был близко знаком с ногайскими просветителями А-Х.Ш. Джанибековым, М.К. Курманалиевым.

В первые годы советской власти Абдуллин занимался политической деятельностью в Астраханской области, затем в 30 - е годы переехал в Караногай. В Терекли - Мектебе работал в газете «Красное знамя» («Кызыл байрак»), занимался литературным творчеством. Во второй половине 30-х годов Абдуллин работал редактором ногайского отделения Дагиздата в Махачкале, участвовал в составлении учебных пособий и школьных учебников. В 1935 г. Абдуллин выпустил хрестоматию для начальных классов, содержащую краткие сведения о творчестве ногайских писателей. О себе он написал очень мало, фактически указал только год своего рождения.

Б.М. Абдуллин в последние годы жизни работал ответственным секретарем ногайской газеты «Красное знамя» («Кызыл байрак»). Политические репрессии не миновали классика ногайской литературы. В 1938 году писатель был арестован и после неправедного суда был расстрелян.

Б. Абдуллин уже в первых эпических произведениях («Герои степей» («Кыр бaьтирлери») и «В опьянении богатством» («Байлык эсириклигинде»), определив их жанр как роман, создал художественную панораму строящейся новой действительности. Кунтувган-эфенди – олицетворение уходящих реалий, во главу угла ставивших материальные ценности и патриархальные устои. Конфликт романа достаточно схематичен и строится на противостоянии молодого героя Явгайтара Кунтувгану, настроившемуся отнять его счастье - любимую Назлыхан. Однако, для переживающей становление ногайской прозы начала века – это был опыт художественности. Нравственное превосходство молодого героя романа над представителями темных сил, упорство в самообразовании, закалке воли помогли ему обрести новые качества, стать сильным, чтобы противодействовать злу. Духовная эволюция Явгайтара происходила под влиянием учителя Дуйсали, в романе – олицетворения новой, передовой, просвещенной интеллигенции. Такая закалка и обретенные знания помогли Явгайтару вынести тяготы новых испытаний: тюрьмы, войны на фронтах гражданского противостояния, чтобы потом уже воссоединиться с любимой Назлыхан. Панорамные картины всеобщего подъема на строительстве новой жизни: открытие «медпунктов, ветпунктов, клубов, красных уголков, школ, в сельском хозяйстве развиваются полеводство, животноводство, птицеводство...» - свидетельства воцарившейся справедливости создаются автором, который внутренне принимал это обновление, глубоко и свято верил в справедливость происходящего.

Образ ветра олицетворяет в романе новую жизнь. Именно он принес новые веяния в жизнь степняков. Теперь у этой степи другие герои: Кунтувгану на смену пришел Явгайтар, его время.

К роману «Герои степи» тематически близка повесть «В плену богатства» (1934). Однако, уровень художественности здесь несколько иной. Абдуллин здесь шире опирается на фольклорно-эпические традиции, использует художественный этнографизм, исконное лексическое богатство ногайского языка и этот арсенал поэтических приемов позволяет и ныне называть повесть «В опьянении богатством» в ряду художественно значимых произведений прозы начала XX века. События повести происходят среди астраханских ногайцев «карауьйли ногайлар» (ногаи-карагаши), на берегах реки Эдиль (Волга), а события также связаны с периодом революционных преобразований первых десятилетий XX века.

Б.Абдуллин дает в повести запоминающиеся картины жизни своих соплеменников, проводящих все свое время в постоянном и тяжелом труде. Это жители приволжского аула, издревле занимавшиеся рыболовством, огородничеством, садоводством, и, казалось бы, ничто не сможет сбить их с привычного ритма, оторвать от уже устоявшихся забот и отвести нависшую безысходность. Однако, конфликт зреет по классическому сценарию литературы того времени: богач Болат хаджи - «самый крупный кулак», «таких богачей можно на пальцах пересчитать» - готовится к приёму гостей из города, да не простых людей. За этим же столом договорился о том, чтобы выгодно устроить жизнь своей дочери, выдав за сына самодовольного тамады. Легкость, с которой совершается безнравственная сделка, демонстрируется Абдуллиным фразой, когда была всего лишь короткая молитва прочитана - и судьба решилась.

Бедняк Касай представляет противоположную сторону конфликта. Отношение к нему автора содержится в характеристике: «Касай был среднего роста, крепкого телосложения. Среди бедняков аула он был известен как самый сильный джигит». [Перевод наш - С.М.], он живёт в маленькой землянке. Четыре года батрачит у хаджи, но оплату за свой труд не видел. Когда Касай решил рассчитаться с хаджи и уйти, тот хитростью удержал его: «Ты, сынок, не дури! Разве сейчас время рассчитываться? Твой покойный отец всю жизнь проработал у меня. Теперь ты куда хочешь от меня уйти? Везде будешь батрачить. А если так, то оставайся у меня». [Перевод наш - С.М.]. Касай, «руки которого, как железные клещи, готовы разорвать стальную цепь, остался работать у хаджи всего за пятьдесят рублей в год».

Повесть богата этнографическими картинами народного бытия. Свадебные обычаи и обряды представлены во всей их последовательности, полноте и эмоциональности. Свадьба Акбике и Ажи-Керима демонстрирует поэтапно отправление этого ритуала со всей пышностью и церемониальными атрибутами. Это не может компенсировать отвратительность неравного брака. «Люди, посмотрев на жениха, сказали: он недостоин этой девушки». Особая роль отведена в повести образу ногайской гармошки. «Ногайская девушка по - своему играет на гармошке, она на ней сыграет то, что не сможет сказать словами: она похвалит своего друга и отругает недруга. На всём белом свете только ногайки могут так общаться с музыкой. Поэтому отец девушки покупал ей гармошку ещё в раннем детстве. Когда её сватали, жених тоже дарил гармошку». Это было самое беззаботное время в её жизни». [Перевод наш - С. М.].

Далее одни обычаи сменялись другими. Гостей завели в дом, рассадили. Перед ними расстелили ритуальный платок, на который все стали бросать деньги. И опять заиграла музыка: «нежная музыка трогала сердца молодых и словно просила у них яства. Она хвалила жениха, а невесте напоминала о том, что должна покинуть отчий дом. Эх, печальная музыка ногайки! Кто научил тебя так красиво играть! Кобыз! Кобыз! Кобыз! Умение заставить говорить гармонь – это большое искусство» [Перевод наш - С.М.].

Первая встреча с нежеланным женихом описана очень подробно, с соблюдением обряда. У жениха для выкупа должен быть подарок. Ажи-Керим отдал «целых двадцать пять рублей»! Это большая честь.

Подробно описано убранство комнаты, где встретились молодые люди: «Комната была аккуратно убрана. На тактамете под плюшевым покрывалом лежали взбитые перины, в таких же плюшевых чехлах золотистого цвета подушки, которые излучали особый свет. На подоконнике рядом с тактаметом стояла шкатулка, накрытая вышитой салфеткой. Всё это говорило о том, что хозяйка комнаты была дочерью состоятельного человека». [Перевод наш].

Приведенный материал интересен для понимания путей вхождения этнографических традиций фольклора в новую жанровую форму. Фольклорно-этнографический материал, щедро введенный в повесть, служит не только для воссоздания облика героев в духе поэтических представлений народа, особую значимость представляют характеристики действующих лиц, их поведение в тесной связи с их же социальной средой.

Зреющий на почве неравенства конфликт между Акбике и Ажи-Керимом осложняются включением в его развитие любимого Акбике - батрака Касая. За него в повести говорит автор, как бы защищая его перед читателем: «Касай не такой джигит, чтобы просить помощи со стороны, он верит в свои сильные руки, в свой труд. Он может делать любую тяжёлую работу. Поэтому хаджи, чтобы оставить его у себя, иногда ему давал на три – пять рублей больше, чем остальным».

В повести «В опьянении богатством» автор показал иной, чем у Явгайтара, путь прозрения, эволюции героя. Если Явгайтар учился, совершал ратные подвиги, то Касай уезжает в город, вливается в рабочую среду и в этой пролетарской среде проникается пониманием происходящего.

В творчестве Б.М. Абдуллина осмыслен и такой масштабный процесс начала века, как коллективизация сельского хозяйства. Ее он называет благом для ногайцев, только благодаря этому народ может обрести подлинную независимость, раскрыть свои творческие способности, утвердиться как хозяин новой жизни. Этому масштабному процессу посвятил Б.Абдуллин роман «Активист» и повесть «Красные цветы». Жизнь ногайского аула на широком фоне процессов коллективизации сельского хозяйства, борьбы за победу социализма в деревне. «Активист» Абдуллин обозначил в жанре романа, однако, исходя из небольшого объёма, незначительного количества героев, масштабов разрешаемых проблем, его можно определить как повесть. Новый тип руководителя («Активист»), новая генерация молодых людей – строителей новой жизни («Красные цветы»), созданные Абдуллиным, передают энергию нового, веру в справедливое мироустройство. Образ молодой, решительной труженицы - ногайки для большей убедительности показан в целой галерее женских образов: Кошбике, члены её бригады – Патимат, Тансылув, Кундеарув, Айсылув, Кыйбат. Массовость сторонников нового, необратимость происходящих перемен демонстрирует эта галерея образов. Кара-Болат называет их «красными цветами».

Драматические произведения Б. Абдуллина, опубликованные в 30- е годы XX века, рассчитаны на более эффективное воздействие на сознание своих соплеменников. Пьесы ставились в самодеятельных театрах и постановки доступнее были для понимания идеи произведения. Пьесы «Батрак», «Когда победит труд» («Эмбек енъгенде»), «Враг побежден» («Душпан енъилди»), увидевшие свет в 1932-1934 гг., осмысливают жизнь ногайцев – степняков.

Творчество Басира Мажитовича Абдуллина – истинное достояние ногайской литературы начала XX века. Новое прочтение его наследия позволяет разглядеть в нем черты складывающейся профессиональной литературы. Ногайская действительность этого бурного времени социальных потрясений под его пером стала объектом осмысления литературы.

1. Абдуллин Б. М. Кыр баьтирлери – Герои степей/ Б. М. Абдуллин. - Черкесск, 1991 -230 с.
2. Бекизова Л. А. От богатырского эпоса к роману/ Л.А. Бекизова. – Черкесск, 1974. – 288с.
3. Курмангулова Ш.А. Историзм прозы Б. Абдуллина и С. Капаева Ш.А. Курмангулова// Советский литературный процесс. Проблемы историзма. - Черкесск, 1989. - С.53-68.
4. Курмангулова Ш. А. Адабият толкынларында – На литературной волне/ Ш. А. Курмангулова. - Махачкала, 2012. - 240с.
5. Курмангулова Ш. А. Ногайская советская литература/ Ш. А. Курмангулова. Динамика формирования и развития. Автореферат, диссертации кандидата филологических наук. Махачкала, 1986. – 18 с.
6. Соегов М. Творчество Басира Абдуллина и вопросы ногайско-татарско – туркменских литературных взаимосвязей в начале XX века / М. Соегов. – М.: 2012.

CUMALI UTAŞ*

Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimlere Enstitüsü
YL Ordu / TÜRKİYE

EDİGE DESTANINDA GEÇEN KADIN UNSURLARI

Destan kelimesi «tarih, hikâye, tahkiye» anlamlarına gelen Farsça bir kelimedir. Bu kelimenin Türkçe konuşan halklar arasında ilk defa ne zaman kullanıldığını tespit etmek mümkün olmamakla birlikte, araştırıcılar, kelimenin İslâmiyet'in kabulünden sonra kullanılmaya başladığı görüşündedir. Yapılan araştırmalara göre, «destan» kelimesinin Türkçe de yaygın olarak «hikâye, kıssa, manzum kıssa, masal» karşılığında kullanıldığı anlaşılmaktadır[E.Ş.1986.145-155.s].

Edige de Türk dünyasında Nogay mahreçli olmakla birlikte birçok versiyonu [S.R.,1998.] bulunan bir destandır. Edige destanı tarihi zemin olarak Altın Ordu devletinden öncesi yani Bulgar ve Kıpçak Türkleri arasında da sözlü gelenek olarak anlatıla gelen Altın Ordu döneminde ise artık yazma eserler halinde yaygınlaşmış bir destandır. Biz çalışmamızda Dr. Rüstem Sulti'nin yayınını [Su. R. 1998] esas alarak burada geçen kadın unsurlarını tespit etmeye çalıştık. Bunu yaparken daha önce yapılan benzeri çalışmaları [Z.Ç.2009, 184.s] ve literatürü tespit edip onlardan da istifade ettik. Bu çalışmaları da dipnotlarla gösterdik. Edige destanında geçen kadın unsurlarını ve onların özelliklerini alfabetik sıra halinde ele aldık.

Aile bütün toplumlar için daima en önemli kavramlardan biri olmuştur. Küçük sosyal gruplar içinde sürekli ve vazgeçilmez olanı ailedir. Bu sosyal gurubun içinde soyun devamını sağlayan sadakati ve fedakârlığı ile önemli bir yere sahip olan kadın unsuru ise Türk destanlarında bazen erkeği ile ata biner bazen ise erkek kahraman kadar yiğit ve tehlikeler karşısında uyanık olur. Ele aldığımız kadın kahramanlardan olan Yenike Hatun'un Edige'yi Toktamış'a karşı sınamak istemesi eşini kimi konularda uyarmaya çalışması bu duruma örnek gösterilebilir. Yine Edige'nin eşlerinden olan Akbilek'in Edige'ye yardım edip Alp'ın öldürülmesini sağlaması bir diğer örneğimizdir.

Destanlardaki kadın kahramanların kuvvet, kudret ve cesaret yönünden erkekten hiç farkları yoktur. Kadının destanlardaki yeri sosyal hayattaki üstün mevkiinin aynıdır. Analık görevi, Türkler arasında kadına büyük değer kazandırmış, onu ilâhî bir varlık konumuna sokmuştur [Y.M.2002]. Destanın sonuna doğru Edige'nin eşlerinden olan Aytulı'nın oğlu Noradın ile yaptığı öğüt dolu konuşma destanlardaki Türk kadın tipinin Edige'deki yansımasıdır.

Edige destanında kadın tipi olarak sırasıyla **Akbilek, Aytulı, Haneke, Köneke** ve **Yenike** tipleri ele alınmıştır.

Akbilek:

Aksak Timur'un kızıdır. Edige'nin, Kara Tigin Alp'i yenmesine yardımcı olmuştur. Bu bölüm destanın aşağıdaki mısralarında anlatılır.

…Akbilek kız o ara
Alpin elini kaldırdı,
Pirinç göğüslük açıldı,
Akbaşlı erin döşü, diye,
Tam yüreğin üstü, diye
On iki tutam serpi oku
Edigey nişan alıp atınca
Havadan gelen kurşun ok
Yüreğini geçip Alpın
Altında yatan kara taşa
Kara taşı yarıp saplandı.
(92/2675–2685)

Bu kadın kahramanın adı onun sahip olduğu özelliklerin birer göstergesidir. Zaten ismin **ak** ve **bilek** kelimelerinden oluşması da bu durumu kanıtlar niteliktedir.

Ay gibi yüzü ışıldayan
Gün gibi yüzü dolgunlaşan(98/2950)
Ak bilekli kız oldum
Ak bileğim koparılıp
Bir gâvura kul oldum(91/2620)

Yukarıda geçen mısralar da düşüncemizi desteklemektedir.

Akbilek'in, Kara Alp'ın yenilmesine yardım etme yeteneğinden başka, özellikleri olduğunu destanda verilen örneklemelerde görmekteyiz.

Bu özellilerden biri Akbilek'in çalgı çalma ve ağıt yakma özelliğinin bulunmasıdır. Aşağıdaki mısralar bunu göstermektedir.

Altın şalı çan kopuz
El kopuzunu çınlatıp
Ağlayıp şarkı söylüyor(91/2615)

Akbilek, destanda güzelliği ve zarafeti yönünden tuti (papağan) ve sunaya benzetilmektedir. Bu görenleri bayıltacak efsuna sahip olağanüstü bir güzelliktir. Aşağıda geçen mısralarda bu özellik vurgulanmaktadır.

Tuti kuş gibi taranan
Kuğu gibi süslenen
Suna gibi boyanan
Başörtüsünü eğri bağlayıp
Görenleri bayıltıp
Huri kızı gibi oturan
Güzeli gördü Edigey(91/2610)

Aytulı:

Destanda geçen bir başka kadın kahraman ise Aytulı'dır. Aytulı, Edige'nin eşlerinden olup Al Ömer Han'ın kızıdır. İsmi, **ay** ve **dolu**nun birleşmesinden meydana gelmiştir.

Aytulu'nun güzelliği;
Bir yüzü ay gibi parlayan

Bir yüzü gün gibi parlayan (49/675) mısraları ile dile getirilmiştir.

Yine bu dizeyi takip eden bir diğer dizede, ondan **cofar** gibi kokan güzel olarak bahsedilir. Derisi ve hoş kokusuyla tanınan bir hayvan olan cofar burada benzetme unsuru olarak kullanılmıştır. Yalnız, cofar benzetmesi sadece Tatar halk destanlarında geçen ona mahsus bir motiftir [Z.Ç.2009, 184.s] .

Bulgar derisi gibi parlayan
Cofar gibi kokan (49/675)

Aytulu'nun, Edige'den bir oğlu olur. Destanda bu olay şu dizelerle anlatılır:

Ay takdir edip gün doğdu
At başı gibi oğul doğdu(51/765)

Daha sonra adının Noradın olduğunu öğrendiğimiz bu oğlun Aytulı ile bir konuşmasına şahit oluruz. Bu konuşma Aytulı'nın oğluna verdiği öğütlerden ibarettir.

Yine söyledi anası
Ey Noradın Noradın
Bir agaçta bin dal
Onu keseyim dedin mi?
Tek başına bin kişi
Onu ezeyim dedin mi?
Cevap verdi Noradın

Ey anneciğim anneciğim şeklinde devam eder.(156/5610–5620)

Haneke ve Köneke:

Toktamış Han'ın Yenike Hatundan olan ikiz kızlarıdır. Babaları Toktamış Han ölünce, Edige'nin elinde tutsak olmuşlardır. Noradın'la aynı zamanda doğmuşlardır. Edige'nin oğlu Noradın doğduğunda yapılan toylar ikiz kızların doğduğunda da yapılmış yine doğumlarda analıklar (yaşlı kadınlar) ve atabeyler (yaşlı erkekler) in çağrılması kadınlarla erkeklere verilen önemin aynı derece olduğunu göstermektedir. Haneke ve Köneke'nin güzellikleriyle destanın çeşitli bölümlerinde karşımıza çıktığı söylenebilir.

Ak nilüfer gibi göğsü
On parmağı kınalı
Köpürüp üste kalkan
Haneke gibi güzeller
Köneke gibi hanimlar(160/57–75)
Haneke gibi güzeli
Köneke gibi zarifi(171/6310)

Yenike:

Toktamış Hanın eşi, Haneke ve Köneke'nin annesidir. Destanda onu eşinin kimi düşüncelerine katılmayan, kimini destekleyen korkusuz ve hisleri kuvvetli bir kadın olarak görürüz. Nitekim Noradın'ın ülkeden gitmesine sebep olan Yenike, Toktamış'ın da öldürüleceğini hisseder. Toktamış da eşinin dediklerini yapar tavsiyelerini dinler ve uyar.

Han hatuna Yenike
Dizgine gelip asıldı:
Aman çıkma bozkıra
Kanat, tüylü başını
Çakıp alır Edigey (128/4280–4285)

Bunların yanında Yenike, kıskançlık ve sinsilik havasına bürünmüş olarak da karşımıza çıkar:

Öfkesinden agarıp
Kıskançlığından ğögerip
Yenike hatun söz aldı (102/3090)
Haneke gibi güzeli,
Köneke gibi şirini,
Yenike gibi hatunu,

Birdenbire ganimet: ulca kıldırdım (130/4360) mısralarından kızları ile birlikte kendisinin de Edige'nin eline düştüğü anlaşılmakta fakat bu konu ile ilgili ayrıntılı bilgi destanda verilmemektedir.

Edige destanı her ne kadar Nogay Türkleri kaynaklı olsa da daha çok Kıpçak gurubu Türk boyları arasında yayılmış oralarda muhtelif varyantları da söylenegelmiş ve bunların bir kısmı yazıya aktarılmıştır. Edige destanı üslup, olayların gelişimi, kahramanlar ve diğer motifler açısından da benzeri Türk destanları ile örtüşür. Edigede gördüğümüz 5 kadın tipinin sosyal hayat içindeki yerleri, kahramanlıkları, güzellikleri, becerileri de benzeri destanlardaki kadın tipleri ile örtüşmesi buna örnek olarak gösterilebilir.

ELÇİN, Ş., «Türk Dilinde Destan Kelimesi ve Mefhumu», **Halk Edebiyatına Giriş.** Ankara. 1986. s. 145–155.

SOLTAEV, R.,, **Edige Destanı**, Ege Üniversitesi Türk Dünyası Araştırmaları Enstitüsü, (Basılmamış Doktora Tezi), İzmir, 1998

SULTİ, R., **Edigey**, TÜRKSOY Yay. No: 10, Ankara, 1998

ZARİPOVA, Ç., Çolpan, Türk Halk Destanlarında Hediye Çeşitleri, **S.Ü. Türkiyat Araştırmaları Dergisi,** 25. S, Konya Bahar 2009, 184.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

АКБЕРДИЕВА А. У.

Школа искусств имени Сраждина Батырова,
с. Терекли-Мектеб, Республика Дагестан, Россия

КИЙИЗ (ВОЙЛОК) В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НОГАЙЦЕВ

Прикладное народное искусство ногайцев уходит своими корнями в глубокую древность. О древних истоках производства *кийиза* свидетельствуют, найденные на территории проживания ногайцев, изделия из войлока. Профессор Б.Б. Кочекаев подробно описал производство войлока у ногайцев, данную тему исследовала также С. Ш. Гаджиева [1].

Значительное место в народных промыслах ногайцев занимало производства войлока и различных войлочных изделий, которыми ногайцы укрывали снаружи и утепляли изнутри юрты. У ногайцев юрта называется *«терме»* – одно из древнейших видов передвижного жилища, получившая широкое распространение в среде кочевых народов и сохранившая древнюю форму до наших дней. В ногайских произведениях устного народного творчества упоминаются изделия прославленных мастеров войлока. В эпосе «Эдиге» сказано: «Ты украсил шатер свой коврами из мягкого ворса».

Женщин, занимавшихся изготовлением войлока *кийиз*, называли *исли* – мастерица или *ислибийке*. Ногайские женщины изготавливали войлок техникой валяния. Это древняя технология использовалась древними кипчаками, встречается в материальной культуре не только ногайцев, а также казахов, каракалпаков, туркмен в Средней Азии, и на Северном Кавказе у балкарцев и карачаевцев. Изготовлением войлока *кийиз* занимались ногайские женщины. Однако войлоки для покрытия юрт с наружной стороны, доходившие длиной до 5–6 метров валяли мужчины.

Для валяния войлока *кийиз басув* приглашали родственниц, соседок, опытную мастерицу *исли,* которая руководила процессом валяния войлока. Этот процесс очень тяжелый и трудоемкий, поэтому женщины поочередно заменяли друг друга. Процессу валяния привлекали девушек и девочек – подростков, наблюдавших за работой взрослых женщин и помогавших им.

О технологии валяния войлока у ногайцев С.Ш. Гаджиева пишет: « ... шерсть очищают, моют, перебирают и пропускают сквозь специальный деревянный гребень *юнтарак* с металлическими зубьями, затем ровным слоем раскладывают ее на циновке *шыпта*. Циновка изготавливается из камыша, переплетенной грубой ниткой. Разложив шерсть на циновке, придают определенную форму, толщину и величину. Для ковра шерсть расстилают в виде прямоугольника, а для бурки в виде трапеции. Шерсть на циновке сбрызгивают кипятком, свернув вместе с циновкой в трубку. Перевязав трубку веревкой, и сделав три воздушные петли для рук, ее утрамбовывают, три женщины берутся за эти петли и бьют трубкой о землю 30–40 минут. Затем войлок разворачивают, сбрызгивают еще раз кипятком и снова, свернув трубку без циновки, основательно женщины валяют войлок предплечьями обеих рук. Применяют еще другой способ валяния войлока: четверо женщин, две с одной стороны, две с другой, садятся друг против друга и каждая пара по очереди отталкивают ногами свернутый в трубку войлок. Этот процесс продолжается 1,5–2 часа. Затем войлок еще раз разворачивают, и, сложив, опять катают. При этом одна женщина садится на одном конце

циновки, другая – на другом. Они по очереди тянут войлок к себе, держа за концы, чтобы подравнять его, если отдельные части оказываются неровными. Затем войлок, сложенный вдвое в длину, вдвоем свертывают в трубку, перевязывают посередине веревкой и, поставив вертикально, сверху обливают водой. Войлок сушат в тени....» [1].

Для изготовления войлока брали шерсть в основном естественного цвета ногайской породы овец – это белый, бежевый, коричневый, темно-коричневый, серый. Соответственно у ногайцев бытовали войлоки указанных расцветок.

Войлок валяли не только из овечьей шерсти, но и из верблюжьей. Указанный войлок был тоньше, он использовался для изготовления мужских головных уборов *баслык, башлык*. Войлок из верблюжьей шерсти был очень мягким и чрезвычайно теплым, из него изготавливали теплое одеяло для младенцев.

Народные мастерицы передавали из поколения в поколение секреты мастерства искусства аппликации, вышивки, национальные орнаменты. Многие из них являются древними – это космогонические, зооморфные, геометрические и другие орнаменты. Например, зооморфный орнамент *кошкар муьйиз* (бараньи рога) – это древний орнамент многих тюркоязычных народов. Роговидные орнаменты, очень похожие на зооморфный орнамент *кошкар муьйиз*, были обнаружены на войлочных коврах в Пазырыкском кургане, на Алтае. Эти изделия датируются учеными V веке до нашей эры. В прикладном искусстве ногайцев *кошкар муьйиз* (бараньи рога) сохранился в разных вариациях: *доьрт кошкар муьйиз* – учетверенные бараньи рога, *сегиз муьйиз* – восемь рогов, *кырк муьйиз* – сорок рогов, *сынган муьйиз* – сломанная рога, *кос муьйиз* – парные рога.

Роговидный орнамент кошкар муьйиз у ногайцев встречается не только на изделиях войлочного коврgоделия, но и на изделиях ювелирного искусства, аппликационной и золотой вышивок. Этот орнамент у кочевников символизировал материальное благополучие, богатство. Занятие животноводством давало кочевнику пищу и одежду. Свое благополучие кочевник-ногаец видел в увеличении стада овец и поэтому на многих предметах прикладного искусства ногайцев отражается стилизованное изображение бараньих рог. Этот орнамент встречается также у казахов, каракалпаков, балкарцев, карачаевцев, туркмен..

Ногайские *кийизы* подразделяются на следующие типы ковров: настенные, постилочные, молитвенные, войлочные занавески для юрты. К настенным коврам относятся войлочные ковры из белой шерсти, вышитые аппликационной и узорной вышивкой. Среди настенных ковров *келин кийиз* (ковер невесты) был наиболее красивым и нарядным. Данный ковер являлся частью приданого невесты, его вышивала сама невеста, ей помогали и родственницы. Этот ковер при совершении свадебного обряда *бет ашар* (открывание лица невесты), невеста дарила старшему по возрасту мужчине со стороны жениха. *Келин кийиз* вешали на самом видном месте, в нем мастерицы использовали орнаменты растительного, зооморфного мотивов, древние солярные знаки *куьн* (солнце), *тоьгерек куьн* (круглое солнце), *куьннин коьзи* (глаз солнца).

Настенный ковер – это *ак кийиз* (белый ковер). *Ак кийиз* вышивали узорной вышивкой коричневыми или темно-коричневыми нитками. Рисунок орнаментов был лаконичен, изящен. Аппликацию на нем использовали реже. К настенным коврам относился и ковер *ала кийиз* (двухцветный ковер). Он изготавливался из шерсти двух цветов — белой и черной техникой вваливания орнаментов.

К постилочным коврам относятся *тоьсев кийиз, алабай кийиз* (пестрый ковер), они использовались для утепления полов в юрте. Пестрый ковер валяли из шерсти естественных цветов – белого, бежевого, коричневого, серого. Основой этого ковра служила шерсть темно-коричневого цвета. Из-за разных цветов шерсти лицевая часть *алабай кийиза* приобретала мягкую, теплую окраску с расплывчатыми разводами. Его вышивали каймовыми видами орнамента – *йылан бавыр* (змеиное брюшко), *бака коьз* (глаза лягушки), *тавык тырнак* (куриные коготки), *туье оьркеш* (горб верблюда), *шышкан ыз* (мышиный след), *бызав тис* (зубы теленка), *кус бурын* (клюв птицы), *булша* (пуговицы), *сув* (вода). Центр ковра *алабай кийиз* был однотонный без узоров.

Тоьсев кийиз (постилочный ковер) изготавливали из войлока коричневого или темно-коричневого цвета. Его фон мастерицы вышивали белыми шерстяными нитками. Настенные и постилочные войлочные ковры ногайцев были в основном размером 150–240 см., но были

и больших размеров. Войлок очень добротный материал по своим качествам, не пропускает холод, сохраняет тепло. *Кийиз*, изготавливаемый ногайскими мастерицами, очень прочный, легкий, прекрасно сохраняется в течение 60–70 лет. Качество ногайского *кийиза* отмечали многие русские и иностранные исследователи ногайского быта.

Ногайские женщины изготавливали из войлока небольшие коврики – *намазлык* (80–120см.). Молитвенные коврики (*намазлык*) служили для совершения мусульманской ритуальной молитвы – намаз. Для них подбирали войлок естественно цвета, для женщин – светлый, для мужчин – темный. Края *намазлыка* вышивали геометрическим орнаментом *дувашык* треугольной формы, в переводе означает «талисман». «Треугольники» симметрично окаймляли края молитвенного коврика. Из сукна зеленого, голубого, красного цвета использовали аппликацию для этого коврика. Он был украшен символическим знаком ислама – полумесяц со звездой, здесь же были вышит орнамент космогонического мотива *ай* (полумесяц), *юлдыз* (звезда), *тоьгерек куьн* (круглое солнце) рядом с орнаментами зооморфного мотива *доьрт кошкар муьйиз* и антропоморфного – *аьдем* (человек).

Другой небольшой по размеру войлочный коврик *эсик кийиз* (80х150 см.) представлял собой ярко вышитый аппликацией войлок. Его применяли как дверную занавеску для юрты в летнее время. Из войлока *кийиз* изготавливали занавески для двери, свадебный флаг, обувь, одежду, плащи, бурки многое другое.

Ногайские мастерицы по войлоку вкладывали в свои изделия информацию об окружающем мире – это изображение космоса, человека, животных, птиц, растений, цветов. Мастерицы на войлочных коврах использовали аппликацию. Эта вышивка является древнейшей вышивкой кочевников-скотоводов, использовавшаяся у ногайцев, казахов, каракалпаков, туркмен, балкарцев, карачаевцев.

Аппликацией мастерицы украшали занавеску для невесты – *келин шымылдык*, дверную занавеску для юрты – *эсик кийиз*, настенные сумки *дорба* (от 50х70 см. до 70х120 см.), использовавшиеся для хранения вещей, небольшие сумки – *бокша* (30х30 см.) для хранения ниток, *калтай* – кошелек (15х30 см.), кисет (14х17 см.). Особый вышитый свадебный флаг – *оьгиз байрак* прикрывал лобную часть головы вола, его спину укрывали ковриком, вышитым из кусков сукна ярких цветов. Во время свадебной процессии повозку (*коьк куьйме*) невесты, а также запряженного верблюда украшали ярко вышитым маленьким белым ковриком с аппликационной вышивкой, лентами с узорами, выполненными в технике безворсового ковра. Шею верблюда украшали лентой с аппликацией и колокольчиком.

Аппликации из тонкого белого войлока использовали при изготовлении мужских шляп – *боьрк*, для стекол на лампе изготавливали чехлы – *шырак сисе кап* конусообразной формы. Этот вид вышивки был также на войлочных чулках – *уйык*, женском головном уборе *шылауш, шаш кап* – накоснике, повязке *шаш бав*, закрывавший лоб и волосы молодой невесты после свадьбы. Для аппликационной вышивки использовали покрашенный войлок или сукно желтого, красного, зеленого, голубого цвета.

Лучшие мастерицы вышивали занавеску *келин шымылдык*, украшенный аппликацией. Для занавески использовали шелковую ткань красного или бордового цвета на подкладке четырехугольной формы (1,5х1 м.). Занавеска *келин шымылдык* являлась частью приданого невесты.

После свадьбы эта занавеска служила ширмой, закрывавшей постель молодоженов и украшением интерьера юрты *отав*. На занавеске *келин шымылдык* мастерицы применяли орнаменты геометрического мотива — это *уьшкил* (треугольник), *доьрткил* (четырехугольник), *баурсак* (ромб) и орнаменты в виде полосок. Треугольный орнамент *уьшкил* – это оберег от порчи и сглаза всегда использовался при изготовлении данной занавеси. Для состоятельных невест *келин шымылдык* вышивали и золотой вышивкой ока тигуьв, бахромой, кисточками.

Аппликации на изделиях имели определенную композицию, в них использовались орнаменты зооморфного, космогонического, растительного, антропоморфного мотивов.

Войлочные изделия, выполненные ногайскими женщинами, отличались высоким художественным вкусом и мастерством. Благодаря им в традиционной аппликационной вышивке (*безек* – орнамент, безеклеп тигуьв) сохранились и передавались из поколения в поколение древнейшие орнаменты *куьн, тоьгерек куьн, куьннинъ коьзи, доьрт кошкар муьйиз* (учетверенные бараньи рога), *аьдем* (фигурка человека) и многие другие орнаменты.

В Ногайской степи до сих пор помнят имена женщин по аппликационной вышивке А. Менълакаевой (с. Огузер Кизлярского района), А.Шаудановой (1912 г.) из Ново-Дмитриевки Тарумовского района, М. Джамаловой (1922 г.), Б. Толубаевой (1930 г.) из с. Кумли Ногайского района, С. Заргишиевой (1938 г.) из Ново-Дмитриевки Тарумовского района Республики Дагестан, а также М. Кульчикову из с. Сары-Су Шелковского района Чеченской Республики.

В каждом ногайском ауле были мастерицы по изготовлению войлочных ковров *кийиз*, по аппликационной и стеганой вышивке. В народе сохранились имена мастериц из с. Кунбатар Ногайского района Республики Дагестан: Ш. Межитовой (1912 г.), А. Межитовой (1912 г.), М. Янполовой (1924 г), М. Межитовой (1924 г.), А.Савкатовой (1924 г.), А. Сабутова (1924 г.), А. Япаковой (1926 г.), Ю. Апчиковой (1927 г.), А. Межитовой (1932 г.), У. Кудайбердиевой, А. Кусегеновой, М. Караевой, А. Аджиниязовой, А. Айтманбетовой, К.Саитовой, З.Айтманбетовой.

В настоящее время традиции древнего производства *кийиз* (войлока), ковров из них продолжают мастерицы из с. Кунбатар – это Елетхан Озганбаева, Аминат Оразбаева, Марие Янполова, Насипли Айтманбетова, Софья Ярлыкапова и многие другие. (Информанты С. Куруптурсунова, Р. Межитова). В ауле Кумли Ногайского района Республики Дагестан известны мастерицы: Таушева Кадырбийке, Мурзаева Оьлмесхан, Бегалиева Марие, Абдулкеримова Куьмис, Кокешова Емисхан и др. (Информант О. Мурзаев).

Во всех регионах проживания ногайцев женщины занимались производством войлока. Однако этот вид домашнего промысла особенно во второй половине XX века начал исчезать. В XXI в. производство войлока сохранилось в Республике Дагестан в селах Кунбатар Ногайского района и с. Сангиши Кизлярского района, а также в с. Сары-Су Шелковского района Республики Чечня. В школе искусств имени С. Батырова в с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан обучают детей изготовлению изделий из войлока.

---

1. Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. – Алма-Ата, 1973. – С. 98-101.

2. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX–нач. XX вв. – М., 1976. – С. 89-91.

3. Материалы полевых исследований автора.

КАРДАНОВА Б. Б.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

НОГАЙСКО-КАЗАХСКИЕ ЭТНОМУЗЫКАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Формирование ногайской народности на протяжении многих столетий сопровождалось этногенетическими и этнокультурными, в том числе этномузыкальными, взаимодействиями со многими народами. В этой связи особый интерес представляет сравнение этногенеза и всей традиционной музыкальной культуры ногайцев и родственных с ними казахов. В первую очередь для нас важны результаты сопоставления традиционной музыки, сложившейся в ранний исторический период (до образования Ногайской государственности): обнаружить сходные песенные жанры, средства музыкальной выразительности, выявить их типологическое сходство, и, может быть, общность. Такой методологический подход правомерен в связи с тем, что до конца XIV в. (до распада Золотой Орды) этнородственные с ногайцами народы, в том числе и казахи, составляли единый родоплеменной Союз, с общим языком и традиционной культурой. Вся эта атрибутика сохранена в разной форме и мере до настоящего времени.

Решение поставленной задачи побуждает нас обратиться к положению И. И. Земцовского, согласно которому, «...для утверждения этнической общности сравниваемых народов необходимо сопоставить результаты исследования этномузыкологии с данными других исторических наук (антропологии, истории, этнографии, языкознания и других)» [8, с. 20]. Однако при такой установке не следует забывать, что результаты разных научных направлений в определении специфики народной музыки могут быть неравнозначными.

Из числа перечисленных наук заметно выделяется антропология, данные которой нам кажутся решающими при установлении этногенетического родства сравниваемых народов. И соответственно, близость данных о системе мышления, в том числе и музыкального, с антропологическими данными, может привести нас к неожиданным результатам. Информация же об антропологическом типе народа нам важна в силу его непосредственной связи с типом интонационного мышления народа по параметрам «одноголосие-многоголосие» [7].

В меньшей степени в научной литературе рассмотрены проблемы этномузыкальных контактов сравниваемых народов. К числу исследований в этом направлении можно отнести кандидатскую диссертацию татарского этномузыколога А. Р. Усмановой [18], в которой проводится сравнительный анализ традиционной музыки ногайцев и казахов, проживающих на территории Астраханской области. В целом же отметим, что работы такого рода единичны, и не дают нам полного представления по обозначенной проблеме

Принадлежность ногайцев и казахов к восточному расообразовательному стволу подтверждается разными научными направлениями.

Антропологический тип ногайцев и казахов, по свидетельству ведущих отечественных ученых, включает, как монголоидные, так и европеоидные элементы, при этом, европеоидный элемент до IX-X в.в. был ведущим [8, с. 4].

Ногайскими и казахскими исследователями равно подчеркивается факт вхождения в этнический состав обоих народов одних и тех же племен. Для убедительности сошлемся на сводные таблицы племен, входящих в состав обоих народов, приведенные ногайскими и казахскими учеными (Р. Х. Керейтовым [10, с. 45], М. Тынышпаевым [17, с. 38]). Исследователь А. И-М. Сикалиев утверждает, что в состав Ногайской Орды, отделившейся в 1391 г. от Золотой Орды, входили племена, которые составили субстрат других, родственных с ногайцами народов, в том числе и казахов [15, с. 232].

Важную роль в определении этногенетического родства любых народов играет языковой фактор. Однако следует учитывать, что языковое сходство не всегда является показателем этногенетического родства. Но при этом связь национального языка с поэтическим текстом народной песни может играть существенную роль в определении ее национально-стилевой специфики, что необходимо учитывать при рассмотрении этномузыкальных взаимодействий. Языковую общность ногайцев и казахов отмечает отечественный лингвист Н. А. Баскаков: «Ногайский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков, внутри которой ногайский язык вместе с каракалпакским и казахским языками образует кыпчакско-ногайскую подгруппу» [2, с. 165].

Этногенетическое родство ногайцев и казахов подтверждается и фольклористами: «Устно-поэтическая традиция позволяет предположить существование у племен, участвовавших в этногенезе казахов (огузов, конгратов, *ногайского племенного союза*) всех основных жанров фольклора, вплоть до эпоса» [16, с. 66]. В предисловии к монументальному казахскому изданию «Кобланды-Батыр» находим следующие строки: «Ногайцы (ногайлинцы), ногай - кочевые племена, участвовавшие в этногенезе казахской народности» [11, с. 441]. Изучая генезис казахского героического эпоса, исследователи приходят к единому мнению о том, что источниками его (эпоса) были сказания племен западнотюркского каганата (VI-VIII в.в.) — ...населения Белой и *Ногайской Орд* (XIII-XVI в.в.), потомки которых образовали казахский народ [16, с. 241].

В сохранившемся до наших дней казахском песенном фольклоре довольно точно запечатлены важнейшие вехи в исторических судьбах двух народов, к примеру, описано трагическое событие - момент разделения некогда единого полиэтнического союза (1496 г.), в который входили племена, составившие позже основу ногайского и казахского народов [13, с. 10].

Исторические взаимоотношения двух народов описаны и видным казахским просветителем XIX в. Ч. Ч. Валихановым: «Ногаи с казаками (казахами), своими соседями на юго-западе...были в отношениях близких и приязненных, по крайней мере, предания киргиз, где говорят о блаженных временах соседства ногаев и казахов, и все джиры их, близкие этому времени, начинаются так» [4, с. 419].

Любопытные сведения о ногайско-казахских этнокультурных) параллелях предоставляет нам этнографическая наука. Многочисленные наблюдения показывают, что много общего у обоих народов наблюдается в календарных, семейно-общественных праздниках и обрядах. Например, большое сходство обнаруживается и в празднике встречи Нового года Навруз (у ногайцев), Наурыз (у казахов), который приходится на день весеннего равноденствия и встрече земледельческого Нового года. Бытование этого обряда у ногайцев описывает С. Ш. Гаджиева: «В конце марта к весеннему празднику «Навруз» ребята брали колючий кустарник — дерезу и ходили с ними по дворам с песней. В каждом дворе ребятам дарили какие-нибудь подарки (кисеты, платки и т. д.), которые вешали на ветки дерева, а также сладости, фрукты, которые они вместе съедали, собравшись в одном из домов» [6, с. 116]. Аналогичный обряд, распространенный у казахов, описан В. М. Беляевым [3, с. 60].

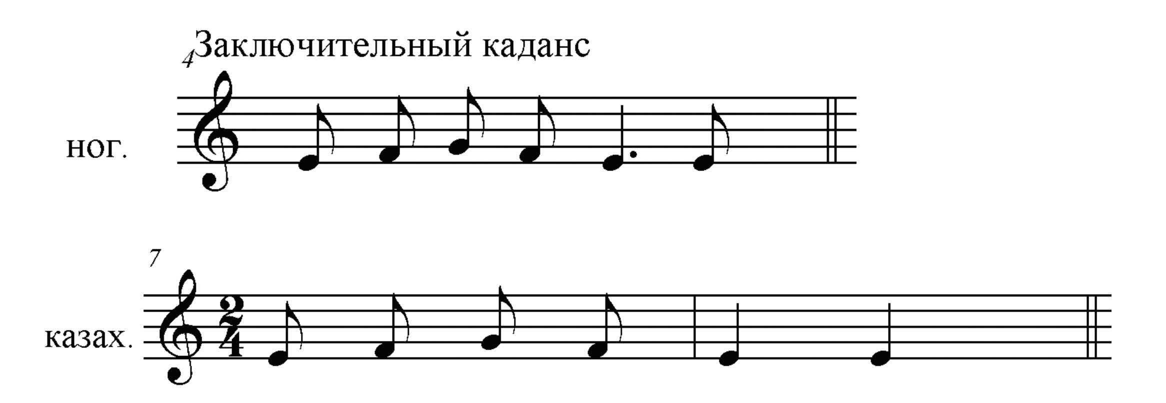
По точному наблюдению А. Р. Усмановой, свадебная и похоронная обрядности обнаруживают много сходного преимущественно в узловых моментах обрядов: осыпание монетами (у ногайцев – акша шашу, ачка шашу, у казахов – шашу), обряд бракосочетания (у ногайцев – неке къыюв, никах кыйдеру, у казахов – неке кыю) и др. Сходство многих ритуалов ею объясняются соблюдением тюркскими народами норм ислама или правил, закрепившихся в народном сознании как религиозные. [17, с.32].

Как видим, исследователями разных научных направлений подтверждается этническое родство казахского и ногайского народов. В контексте же обозначенной темой статьи проблемы нам необходимо выявить общность у ногайцев и казахов традиционного (преимущественно архаичного) фольклора (который был сформирован до их разобщения, и, предполагается данный пласт музыкального наследия этих народов должен содержать максимум общих элементов). Для подтверждения нашей гипотезы необходимо рассмотреть музыкальный фольклор народов по параметрам: жанровый состав песен, их бытование, функционирование, содержание, период возникновения, стилевые особенности, принципы интонационного мышления и др.

В состав традиционного песенного фольклора обоих народов входят приуроченные жанры, возникшие на базе скотоводческого уклада жизни народов. Разделение видов трудовой деятельности на мужские и женские обусловили бытование сходных жанров: песен табунщиков («жылкышы анны» - у казахов, «йылкышы йыр»- у ногайцев); песен чабанов («койшы йыр»- у ногайцев, «койшы аны» - у казахов). Лишь в более поздний исторический период появляются песни, опосредованно связанные с трудом, в содержание которых проникает социальная тематика (казахская «Песня пастуха», ногайская «Песня о волке»).

Идентичность обрядов у ногайцев и казахов повлекла за собой наличие типологически схожих обрядовых жанров. Из календарных годовых циклов сохранился (и широко бытует в настоящее время) праздник встречи земледельческого нового года Навруз. Отмечая функционирование праздника у казахов, В. М. Беляев пишет: «...этот весенний праздник приурочивался первоначально к весеннему празднику нового года, а затем приурочен ко времени мусульманского праздника Рамазана» [3, с. 60]. К сказанному добавим, что песни, исполняемые казахами в праздник Рамазана, назывались, как и у ногайцев, «шарамазан». Также отметим, что у ногайцев песни «навруз» пелись в канун весеннего нового года, а в праздник Рамазан исполнялись песни «шарамазан». Идентично у обоих народов и функциональное назначение песен – оповещение односельчан о приходе праздника, выпрашивание подарков. Исполнительские традиции этих жанров также схожи: они пелись подростками (песни Рамазана – могли петь и взрослые неимущие люди), унисонным многоголосием с элементами гетерофонии. Сходное функционирование песен породило сходство их структур с наличием обязательных формульных рефренов.

Свадебная обрядность обоих народов также имеет много общего. Удивляет сохранность схожих, приуроченных к определенным моментам свадьбы, песенных жанров с идентичными

названиями. Например, начало свадебного застолья сопровождалось песнями открывания пира: «той баслар» - у ногайцев, «той бастар» - у казахов. Бытовали песни-диалоги: «яр-яр» - у ногайцев, «жар-жар» - у казахов. Идентична у сравниваемых народов функция этих песен – состязание в красноречии и умении импровизировать в музыкально- поэтическом диалоге. В основе песен «яр-яр» лежит ритмоинтонационная формула с обязательным рефреном. Выделяются исторически утвердившиеся типовые варианты мелоформул серединных и заключительных кадансов:

В песнях-диалогах используются типовые ладоформулы, амбитус которых варьируется в диапазоне терции - кварты. Песни «яр-яр» у обоих народов являются разновидностью песен-состязаний «айтыс». В. М. Беляев пишет об этих песнях следующее: «Поются они на свадебном пире попеременно группами мужчин и женщин. Содержание их чрезвычайно разнообразно, начиная от тем серьезного величального и наставительного характера до веселой шутки. Иногда в них встречается элемент спора и состязания в остроумии между группами родственников жениха и невесты» [3, с. 56].

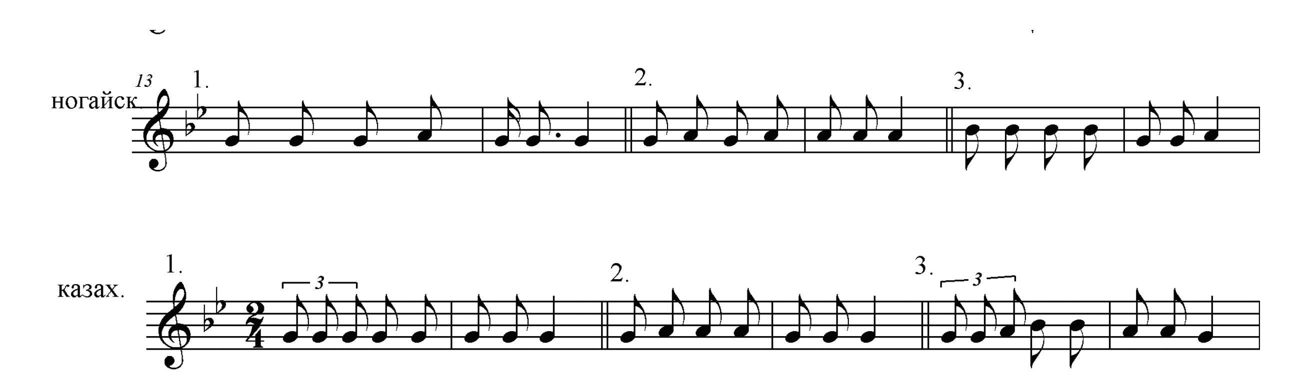
Много общего у двух народов в похоронных плачах («йоклав» - у ногайцев, «жоктау» - у казахов). Например, большинство плачей имеют вступительные и заключительные припевные рефрены, мелодические построения вокализного типа с распевом нескольких слогов или отдельных слов. Встречаются общетиповые мелодические модели - кружение в диапазоне терции или кварты; нисходящее движение или восходяще-нисходящее, завершающееся естественным всхлипыванием, плачем или глиссандированием.

В колыбельных песнях («бесик йыр» - у ногайцев, «бесик жыры» - у казахов) во многом обнаруживается сходство тематики, общетипового метроритма, нисходящего мелодического движения с верхним опорным звуком.

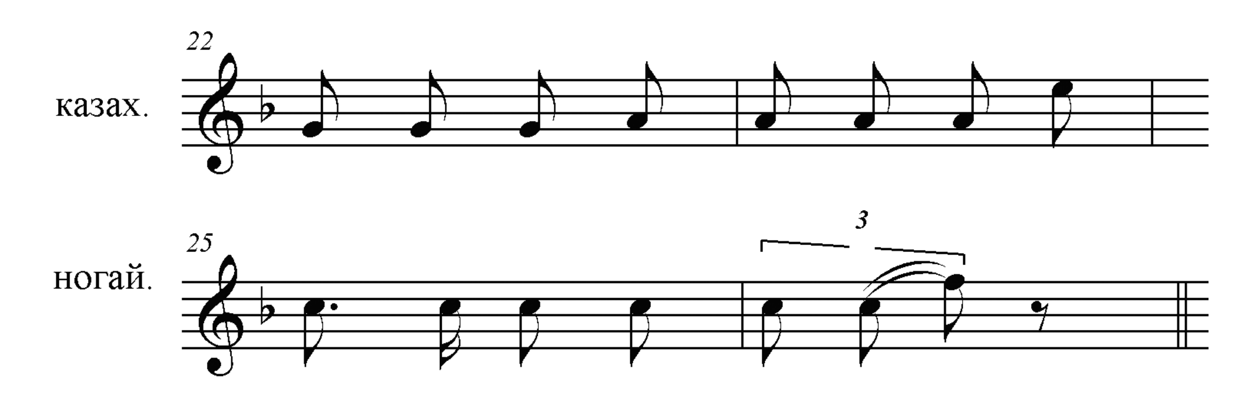
У обоих народов во многом совпадает эпос: общими являются эпические герои (Шора, Эдиге, Копланлы-Батыр (Кобланлы), Эр-Таргын, Манас (Манасши) и герои лироэпических дестанов (Тахир и Зухра и др.); идентичны их сюжеты, период создания, манера и форма исполнения, функционирование в быту.

Мелодические напевы эпических произведений имеют сходные композицонно-структурные построения. Совпадает во многом и выбор интонационно-выразительных средств в мелосе: роль фермато, мелизмов, интонационных оборотов, интервалов и их соответствие композиционным особенностям напева.

Идентичны тирадные типы поэтических текстов и типы стихосложений. Специфика казахского эпоса замечена В. М. Беляевым: «Законченные разделы – «абзацы» казахского сказа, что обычно и для эпоса других народов не имеют четкого строфического строения, и состоят из различного количества стихотворных строчек. Исполнение этих разделов часто начинается вступительными возгласами в верхнем регистре голоса, после чего следует декламация текста поступенным спуском в низкий регистр к тонике лада» [3, с. 81].

Идентична декламационная основа музыки эпоса - ритмоинтонационные формулы на одном, двух и трех звуках, лежащие в основе попевок, соответствующих одной строке поэтического текста:

На манеру пения ногайских певцов в свое время обратил внимание русский исследователь XIX столетия С. В. Фарфоровский, писавший, что «...певцы приятным тенором начинают строфу, причем первая ее половина произносится громко и отчетливо, с возвышением голоса на некоторых строфах, другая медленней, каждая строфа кончается пианиссимо» [19, с. 25]. Аналогичное обнаружено В. М. Беляевым в казахских песнях: «Что касается мелодий нисходящего типа, то они обычно начинаются с громкого протянутого вступительного возгласа, на верхней грани диапазона — в широко развитых построениях, с октавы или ноны, после чего идет постепенный спуск к тонике, на которой мелодия и получает свое завершение» [1, с. 76].

Создатели эпических произведений используют однотипные интонационные приемы, например, кварто-квинтовые восходящие скачки в конце мелодического построения как средство обогащения музыкальной выразительности речитативного раздела тирады:



У народных исполнителей заметна тенденция к незначительному интонационному завышению отдельных ступеней при нисходящем движении мелодии и занижению при восходящем.

Возникновение эпоса происходило в один и тот же исторический период - эпоху Золотой Орды и после ее распада (XIV в.); период создания дестанов — XV—XVI в.в. У ногайцев и казахов в прошлом распространена практика приглашения певцов-сказителей на свадебные и другие торжества. О практике приглашения певцов у ногайцев пишет этнограф С. Ш. Гаджиева: «Знатные и богатые ногайцы за песни, прославляющие их род, одаривали певцов скотом, деньгами и другими подарками. Некоторые заранее договаривались с певцами, чтобы те на свадебном торжестве воспевали их» [6, с. 86]. Об аналогичной практике приглашения певцов у казахов упоминает музыковед А. Б. Кунанбаева [12, с. 178].

Основой ногайского и казахского стиха считается семисложник, остальные стихотворные формы являются производными от него и образуются путем расширения или сужения искомого. Количество слогов в стихотворной строке может изменяться при пении — сужаться за счет элизии: «В казахском, как и киргизском, народном стихе происходит элизия последней гласной предыдущего слова, если следующее слово начинается также с гласной буквы» [3, с. 76].

Расширения происходят за счет вставок отдельных слогов - восклицаний, одного слова или группы слов в любой части стихотворной строки. Такие приемы используются в песнях более позднего происхождения. В отдельных стихотворных текстах встречаются вставные слова «гана», «дийдам» и другие, семантика которых в настоящее время утрачена.

Конструктивной основой традиционных песенных текстов является строфическая форма: однострочная (одностpофная), двухстрочная (полустрофная), четырехстрочная, самая распространенная и многочисленная. Другие формы образуются за счет повторения отдельных строк.

Основой интонационного мышления сравниваемых народов является монодическое пение; черты многоголосного мышления проявляются в коллективном унисонном пении (преимущественно в обрядовых и религиозных песнопениях) с элементами гетерофонии; в песнях позднего формирования развито вокально-инструментальное многоголосие.

Господствующим ладозвукорядом в песенных напевах у ногайцев и казахов является диатоника. Часто встречающаяся олиготоника не выявляет национальной специфики лада, но является признаком древнего происхождения песенных напевов. Весьма характерны лады с субквартой, гиполады, незаполненные звукоряды с пропущенными ступенями. Типичны ладовые переменности со сменой основных тонов на секунду, терцию и кварту, принципы ладовых переходов во многом аналогичны.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ песенного фольклора ногайцев и казахов позволяет сделать соответствующие выводы.

Музыкальный материал убедительно подтверждает прямую связь генетического и этномузыкального родства ногайцев и казахов. Общность элементов музыкального искусства обоих народов не является следствием заимствования и взаимовлияния, а есть показатель их этногенетической общности. Черты музыкальной культуры обоих народов формировались до XIV в., т. е. до разделения единого многоплеменного государственного образования, начала миграционных процессов и формирования древних народов. Общность прослеживается во всех элементах музыкальной культуры народов: жанровом составе, их бытовом функционировании, лексико-семантическом значении жанров, формах исполнения и исполнительских традициях жанров, историческом периоде их формирования, интонационном мышлении, выборе типовых моделей песенной мелодии и т. д.

Безусловно, наш анализ является лишь начальным этапом такого рода сравнений, но результаты исследования подтверждают правомерность выбора подобного научного метода и требуют дальнейших изысканий в данном направлении.

1. Адамбаева Т. Музыкальная культура каракалпакского народа дооктябрьского периода. – Автореф. дис. ...канд. ис-я. - Алма-Ата, 1967. -36 с.

2. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. - М.-Л., 1940. -165 с.

3. Беляев В. М. Очерки по истории музыки народов СССР. - М.: Музгиз, 1962. – 268 с.

4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 томах. - Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1961. – Т.I. – 758 с.

5. Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX - вначале XX в.- М.: Наука, 1976.-225 с.

6. Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX в. - М.: Наука, 1979. -172 с.

7. Земцовский И. И. Этногенез в свете музыкального фольклора.- Белград, 1989. -24 с.

8. Калмыков И. Г. , Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк.– Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1988. – 232 с.

9. Керейтов Р. Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей).- Ставрополь, 1999. – 176 с.

10. Кобланды-Батыр. Казахский героический эпос /под ред. А. А. Петросян. - М.: Наука, 1975. - 446 с.

11. Кунанбаева А. Б. Проблема казахской эпической традиции (на музыкальном материале 1960-80-х годов). - Дис. ...канд. иск-я. – Ленинград, 1984. – 192 с.

12. Магаулин М. Кобыз и копье.- Алма-Ата: Жазушы, 1970. -159 с.

13. Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края //Известия общества археологии, этнографии и истории. Казань, 1893-1901. - Т.XII - С. 1-67; Т.XIV. - С. 265-296.

14. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск:, 1994. -328 с.
15. Смирнов Н. С. Очерки истории казахского фольклора. Т.1. - Алма-Ата, 1968. – Т.I. -241 с.
16. Тынышпаев М. История киргиз-кагахского народа. - Актебе, 1993. – 88 с.
17. Усманова А. Р. Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов) Астраханской области. - Дис. ...канд. иск-я. - Астрахань, 2008. - 216 с.
18. Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. - Тифлис, 1909.-34 с.

КАРДАНОВА Б. Б., ГАГУА Л. А.

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
г. Карачаевск, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОГАЙСКОЙ МУЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ

В последние десятилетия музыкальная культура ногайцев привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных музыковедов. Все чаще появляются научные работы, посвященные фольклору ногайцев, проживающих в различных регионах России и за ее пределами. Объектом интересов исследователей становится преимущественно этническая музыка: характеристика отдельных песенных жанров (Н. Г. Гайнуллина), исполнительские традиции отдельных ногайских субэтнических групп (М. Н. Нигмедзянов, А. Р. Усманова) и др. При этом совершенно неизученной частью музыкальной культуры ногайцев остаются самодеятельное и профессиональное композиторское творчество, и, тем более, вопросы интерпретации музыкального фольклора народа в творчестве композиторов Северного Кавказа.

Впервые интерес к ногайской музыке у региональных композиторов появляется с 70-80-е гг. прошлого столетия, с формированием множества очагов национальных композиторских школ и появлением на музыкальной арене профессиональных художников, интересующихся традиционной культурой не только своего народа, но и соседних. На этот же период приходится расцвет ногайской авторской песни, а становление ногайской профессиональной композиторской школы обозначено лишь началом XXI столетия. Эта область музыкальной культуры требует особого внимания исследователей, и предполагает посвящение ей специальных научных работ.

Таким образом, в разные годы к ногайской музыке обращаются композиторы - представители разных национальностей: карачаевцы (М. Ногайлиев), адыгейцы (К. Туко), русские и евреи (С. Крымский, Г. Сусид) и др. Ногайская тематика у этих композиторов представлена в самых разных классических жанровых направлениях: хоровые и вокально-хоровые миниатюры, вокальные и инструментальные циклы, программные пьесы для фортепиано и баяна, аккордеона и хроматической гармоники, произведения для духового оркестра. Инструментальные и вокально-хоровые аранжировки ногайских народных песен являются для современных композиторов средством адаптации традиционной музыки к новому звукоидеалу и реалиям жизни - их новому восприятию и осмыслению.

Взаимодействие фольклора и композиторского творчества образует сложную систему, обусловленную особенностями этнической музыки и уровнем композиторского профессионализма. Степень и форма использования фольклора, по утверждению известного музыковеда И. И. Земцовского, может рассматриваться как мировоззренческая тенденция, на которой строится отношение композитора к действительности [1].

В фокусе нашего исследования обозначены проблемы использования северокавказскими композиторами ногайской этнической музыки, а также типология авторской интерпретации фольклорных жанров. Изучение музыкальных произведений, в которых современные композиторы в разной степени прибегают к ногайской тематике, и одновременно учет

неоднородности творческих индивидуальностей самих музыкантов, их стилевых предпочтений, позволяют нам выделить фольклорные сферы, к которым они обращают свой взор. К таким относятся песня, танец и в меньшей степени обрядность. Из многообразия методов (или типов) интерпретации ногайского фольклора выделяются наиболее часто встречающиеся у названных композиторов: обработка, аранжировка, цитирование и стилизация.

Наиболее простой из них можно отнести обработку фольклорного материала, которая позволяет наиболее адекватно использовать музыкально-стилевую лексему песенно-инструментальных жанров, фактурные особенности, свойственные ногайской народной монодии и многоголосию, закономерности звуковысотной и ладово-ритмической организации ногайской этнической музыки. В самостоятельную группу выделяются авторские обработки, в которых фольклорный материал искусно соединен с академическими жанрами и формами. В таких произведениях довольно ярко проявляются черты композиторской индивидуальности. Принципиально иной уровень осмысления традиционной музыкальной аутентики представляет собой стилизация фольклорного материала. Этот метод основывается на создании авторской темы в народном духе. Северокавказскими композиторами используются все перечисленные виды взаимодействия ногайского фольклора и композиторского творчества.

Нами выделены жанровые разновидности сочинений малых форм с использованием фольклорного материала:

— вокально-хоровые, хоровые и инструментальные обработки народных песен и песен современных композиторов-песенников;

— инструментальные и оркестровые миниатюры на этнической песенно-танцевальной основе;

— инструментальные произведения на основе «свободного фольклоризма».

Данная систематизация показывает всю концертно-сценическую стилевую палитру и исполнительские приоритеты в современной культуре ногайцев. Это и несложные обработки народных образцов, предназначенные для самодеятельных исполнителей, и относительно сложные обработки фольклорного материала, адресованные более подготовленным исполнительским коллективам.

Вокально-хоровые обработки в европейском стиле карачаевского композитора М. У. Ногайлиева вошли в сборник «Йырым меним, ушып кет» («Лети моя песня», 1973 г.) [2]. Все миниатюры представляют собой переложения для смешанного трех-, четырехголосного женского хора, по сути — это академические аранжировки ногайских народных песен. В большинстве миниатюр используется аккордовая четырехголосная фактура («Тувган эдим», «Янсарай», «Меним суьйгеним» и др.), соответствующая нормам западноевропейской классической гармонии. В другой группе миниатюр («Сенсинъ шушли», «Оьмирге сени», «Тувган элим», «Йыр») используется более упрощенная фактура (бурдонное и гетерофонное двухголосие), характерная для архаичных жанров (календарных, земледельческих песен) и песен позднего формирования (шынъ).

Традиционное гетерофонное пение ногайцев предполагает непроизвольное разделение голосов в терцию, реже – кварту. При этом непроизвольные расщепления голосов происходят в пределах одной-двух мелодических фраз, преимущественно перед полукадансом или же заключительным кадансом. Отсутствие в хоровых миниатюрах специфической фактуры М. Ногайлиев компенсирует использованием, характерных для ногайской песенности, интонаций – второй фригийской (пониженной) ступени в конечных фразах и диатонических ладопопевок.

В инструментальных миниатюрах композиторов С. Крымского и А. Сусид заметно выделяются произведения с четко высвеченным песенным началом. В программных пьесах «Софият», «Лирическая песня» С. Крымского, «Лети, моя песня» А. Сусид бережно сохранена лирическая основа первоисточника.

В ряде миниатюр заметны неожиданные драматургические решения, например, смысловые перевоплощения содержания первоисточника. Так, в пьесе «Кукушка» довольно драматичная семейно-бытовая баллада превращается в программную пьесу обобщенного типа, интонационно-ритмической основой которой становится подражание кукушке.

В песенно-инструментальных миниатюрах используется все разнообразие способов тематического развития: имитационное повторение, стреттное проведение тематического материала и др. Изначальная песенность пьес «Танец» и «Наигрыш» С. Крымского показана сквозь призму танцевальности. В этом жанровом симбиозе песня и танец предстают на равных: вокальная основа рельефно подчеркнута танцевальным ритмическим рисунком и структурной периодичностью.

В пьесе «Ногайская девушка» А. Сусид использованы различные композиционные принципы тематического развития: вариантная повторность основного тематического зерна, характерная для танцевальной музыки, и импровизационность (во второй части), структурно выделенная единой фактурой в самостоятельный раздел.

Особую группу составили инструментальные миниатюры, претворяющие ногайскую танцевальность. Эти пьесы передают атмосферу свадебной обрядности, праздничного настроя либо воссоздают картинку народного быта. Примером таких произведений могут быть миниатюры из цикла «Девять гармошечных наигрышей» для хроматической национальной гармоники, баяна и аккордеона А. Сусид. Программные названия одних пьес определяют их обрядовую принадлежность («Величальная», «Свадебная»), названия других пьес соответствуют названиям традиционных ногайских танцев («Узын», «Кадау», «Тогерек», «Танец стариков», «Праздничный танец»). Вторая группа произведений отличается темповым разнообразием: пьесы «Узун», «Кадау» - зажигательные парные танцы, исполняющиеся в быстром темпе, пьесы «Молодежный круговой танец», «Тогерек» - массовые круговые танцы умеренного темпа. Объединяет эти пьесы четкий танцевальный ритм, преобладание квадратной структуры, гармошечных принципов тематического развития.

Более глубокое претворение ногайской этнической музыки наблюдается в оркестровом творчестве адыгейского композитора К. Туко. Более тридцати миниатюр на основе ногайского фольклора (и авторских песен) вошли в его сборник «Мир, вам, люди!» (Майкоп, 1994). В аннотации к разделу «Ногайские народные песни и танцы» (для духового оркестра) убедительно обозначено отношение композитора к данному музыкальному пласту: «Ногайские песни и танцы...щедро наполнены контрастными и вместе с тем яркими образами. Однако в музыке, ее ладотональном содержании легко обнаруживаются только ей характерные национальные признаки. И Каплан Туко бережно сохраняет их, а порой даже выпукло подчеркивает для слушательского восприятия» [3, с. 136].

Национальная основа оркестровых пьес К. Туко проявляется в широком обращении к песенно-танцевальным жанрам, как архаичным, так и позднего формирования: семейно-бытовые песни («Колыбельная», «Песня-плач»), инструментальные наигрыши («Молодежный танец»), любовные песни («Азамат», «Любимый», «Жажду твоего взгляда», «Софият»), песни о природе и родном крае («Икон-Халк», «Моя родина», «Родной город», «Пой, моя река»), шуточные песни и частушки («Шуточная», «Частушки»).

В оркестровых миниатюрах композитора высвечивается единство фольклорного и профессионального, которое проявляется в смелом обращении с фольклорным материалом (вычленение тематического зерна, ритмических клише, ладовой специфики), сочетающееся с использованием методов тематического развития, не характерных для фольклорного произведения: смешение полифонических и аккордово-гармонических приемов.

Этнические черты можно обнаружить и в жанре ногайской авторской песни. Фольклорность во многих современных вокальных произведениях проявляется по-разному. Чаще всего авторы обращаются к народно-песенным жанрам: благопожеланиям («Тойда тилек» - музыка А. Кумротовой, слова Ф. Абдулжалилова); «Тилек» (музыка М. Сеитова, слова Ф. Абдулжалилова); колыбельным - «Бесигим» (Музыка Я. Кудайбердиева, слова М. Авезова), календарным песням - «Навруз-Байрам» (музыка и слова Р. Сеитова), детским игровым песням – «Как, как» (музыка Я. Кудайбердиева). Однако подлинно народных тем композиторы не используют, а прибегают к стилизации. Например, в песне «Как, как» умело воспроизведены музыкально-стилевые атрибуты жанра детской игровой песни: ее ритмики, мелодинтонаций и ладовой специфики.

Застольная песня «Тилек» Мурата Сеитова, не смотря на жанровую связь с народными застольными песнями, звучит современно за счет своей особой мелодичности, плавности, даже некоторой вальсовости, не свойственных данному жанру.

К совершенно новому явлению, и отчасти к «свободному фольклоризму», относится вокальный цикл для сопрано в сопровождении фортепиано (на стихи Кадрии Темирбулатовой) профессионального композитора из Дагестана Аиды Джафаровой. Основной лейттемой цикла (а в него вошли шесть вокальных номера) является размышление зрелой женщины, пережившей жизненные невзгоды, но ищущей смысла в жизни. Доминируют в цикле поэтическое слово, и в еще большей степени - эмоции, передаваемые не вокальной партией, а интонациями фортепианного сопровождения, которое намного богаче и полнее отражает, скрытые за отдельными фразами, чувства одинокой женщины.

Композитор весьма свободно использует арсенал современной гармонии: здесь присутствуют и сложные пяти-шестизвучные кластеры, различные нетерцовые альтерированные аккорды, постоянно охватывающие контрастные регистры, смелые тональные смещения, откровенные контрастные сопоставления фактур, полиритмия, атональные эпизоды. Вокальная партия имеет ярко выраженную хроматическую основу, с использованием широких и альтерированных интервалов.

Вокальный цикл А. Джафаровой — ярчайший образец современного вокального произведения, в котором своеобразно сочетаются национальное и профессиональное, классическое и современное. По содержанию и исполнительским возможностям это вокальное произведение предназначено для исполнения профессиональными вокалистами.

Итак, сочинения северокавказских композиторов с ногайской тематикой составляют «поле стилевых поисков». Доминирующей конструктивной основой этих произведений является песня и танец. Для профессиональных композиторов они являются важнейшим средством создания национального звукообраза.

---

1. Земцовский И. И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. — М.-Л.: Советский композитор, 1978. - 176 с.

2. Йырым меним, ушып кет /сост. М. Ногайлиев. – Черкесск, 1973. – 80 с.

3. Туко К. С. Мир, вам, люди! – Майкоп: Адыгея, 1994. – 1015 с.

КУДАЙБЕРДИЕВ Я. Т.

с. Терекли-Мектеб, Дагестан, Россия

ИСТОКИ НОГАЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиционная музыкальная культура ногайского народа является своеобразным отражением его социальной, духовной и историко-культурной жизни на различных этапах развития. Музыкальное искусство – результат длительной исторической эволюции народа, особенности которой связаны с образом жизни этноса.

В процессе общественно-исторической практики произошел отбор именно таких видов и родов художественного творчества, которые были наиболее приемлемы для мира кочевых народов. У ногайцев ими стали поэзия и музыка. В течение многих веков музыкально-поэтическое инструментальное искусство сосредоточило в себе духовные силы народа, выражало его нравственные законы, взгляды и убеждения. Ногайская национальная инструментальная культура развивалась по трем направлениям: домбровая, сыбызговая и кобызовая. Наиболее полным на сегодняшний день по количеству сохраненных и исполняемых сазов является домбровая исполнительная школа. Традиционная инструментальная музыка носит программный характер. Раньше перед исполнением саза музыканты в устном сообщении «анълама» излагали его содержание. К сожалению, в настоящее время, в связи с изменением форм бытования народной музыки, эта традиция не всегда сохраняется: многие легенды и рассказы о происхождении «кюев – сазов» забылись, а то и вовсе исчезли.

Домбра – душа ногайского народа. Она способна раскрывать самые тонкие чувства, передать глубокие переживания, утешить в тяжелые минуты горя. Домбра мудрость народа. От поколения к поколению передавались *«сазы-кюи»*, которые обобщали опыт жизни народа, несли знания о природе, мироздании. В них воплощены философские взгляды человека, его религиозные представления и верования, закреплены категории и нравственные убеждения. Домбровые сазы были важным фактором межпоколенной преемственности и служили межвременным средством общения.

Домбра – это своеобразная история кочевого народа. Через века и тысячелетия она прошла, как память о первых страницах истории кочевников. Сам инструмент и музыка были включены в древние культовые ритуалы и обряды. Домбра была свидетелем многих исторических событий, которые сыграли решающую роль в судьбе наших предков. Она стала музыкальной летописью жизни народа. История уходит в глубь веков. Свидетелем древнего происхождения домбрового искусства стали археологические открытия. При раскопках древнего Хорезма были найдены терракотовые статуэтки музыкантов, играющих на шипковых двухструнных. Ученые отмечают, что хорезмийские двухструнники, бытовавшие не менее двух тысячелетий назад, имеют типологическое сходство с настоящей домброй и были одним из распространенных инструментов среди ранних кочевников, живших на территории Дешти-Кипчака.

О древности домбровой традиции свидетельствуют сохранившиеся сазы – легенды. Они в историческом прошлом сопровождали обрядовые действия, отражали архаичные верования, были связаны с древней мифологией. Одна из особенностей кочевой культуры заключается в том, что на протяжении многих столетий она эволюционировала только в сольных формах исполнительства. Это способствовало выдвижению ярких индивидуальностей в различные исторические эпохи. История сохранила имена ее лучших представителей: Асана Кайгылы, Шал-Кийиза Тиленши улы, Казтувгана, Аканъ Курува и Отархана.

Подлинным расцветом традиционного домбрового искусства стали XIX и начало XX столетия, которые представлены авторским творчеством домбристов, профессионалов устной традиции. Искусство каждого домбриста отличалось яркой индивидуальностью стиля, характерной образностью и кругом средств музыкальной выразительности, высоким уровнем исполнительского мастерства. Традиционная музыкальная культура продолжает развиваться и в наши дни. На современном этапе развития в нем происходят большие перемены, связанные с изменением социальных функций, форм исполнения. Но по-прежнему, как и сотни лет назад, содержанием домбровой музыки остаются чистые искренние чувства народа, переживания за судьбу будущих поколений, мечты и вера в счастье. Беспокойный мир кочевников в бесчисленных междоусобных войнах и родовых распрях оставлял свой след и в музыке. Историческими памятниками музыкальной культуры являются инструментальные сазы – кюи, отражающие драматические события прошлого. Эти трагические события оставляли глубокий след в памяти народа. Сквозь века дошли до нашего времени, такие сазы-кюи, как *«Казак – ногайдан айырылувы»* («Разлука ногайцев и казахов»), *«Орманбет бий оьлгенде, он сан ногай боьлингенде»* («Смерть Орманбета и прощание с десятью родами ногайцев»), *«Ногайдынъ зары»* («Плач ногайцев») и кюй Асана Кайгылы *«Эл айырылган»* («Разлука родов и всего мира ногайцев»).

Еще более тяжелые испытания выпали на долю ногайского народа в борьбе против джунгаров. Джунгарская эпоха отражена творением великого Казтувгана Суюниш улы в бессмертной его песне *«Ногайым»* («Мои ногайцы»), где говорится трагических днях в жизни народа, когда люди вынуждены были оставить родные земли и переселяться в другие, более спокойные: *«Бири кетти Урымга, / Бири кетти Кырымга, / Баьтир Элдинъ балалары / Биз де кетип барамыз / Бийик тавдынъ кырына»*.

Народное музыкальное творчество, уходящее своими корнями в далекое прошлое, создало прочный фундамент для формирования и становления ногайской профессиональной музыки. Истинные творцы явились летописцами своего времени, и в их произведениях нашла отражение общественная жизнь ногайского народа. В прошлом отсутствие музыкальной грамоты не давало возможности записать песни и сазы, вследствие этого немногие дошли до нас в форме устной традиции. Особо значительные из этих творений сохранились в памяти народа, некоторые перерабатывались последователями и передавались от поколения к поколению.

Музыкальное исполнительство получило широкое распространение благодаря странствующим певцам, в прошлом они были единственными носителями народной музыкальной культуры. Их творчество в дальнейшем определило новые пути развития различных жанров профессиональной музыки. Обладая композиторским даром, сочетая в одном лице композитора и певца, талантливые выходцы из народа создавали инструментальные произведения – сазы на исторические, эпические, сказочные, трудовые темы и сюжеты, в которых музыка становилась выразителем мыслей и чувств ногайцев.

Саз – слово, которое давно существует в нашем музыкальном лексиконе. Под словом «саз» ногайцы понимают инструментальную музыку, написанную для домбры, сыбызгы, сурная и кылкобыза. Еще в древности в ногайской степи называли инструментальную музыку – саз. Глубина ногайского языка, наличие чистых музыкальных виртуозных приемов, программный характер изложения этих легенд говорят о том, что на территории Ногайской орды была хорошо развита инструментальная культура. Именно ногайлинский период для многих тюркских народов является расцветом их национальной музыкальной культуры, о чем свидетельствуют высказывания известных ногаеведов. Многие исполнители не ограничивали свое творчество рамками одного аула. Они нередко отправлялись в дальние путешествия. Ни один праздник не обходился без музыки. Странствующие музыканты всегда пользовались всеобщим уважением, а их творения быстро и широко распространялись по всей степи. Другим ярчайшим музыкальным инструментом у ногайцев был кылкобыз, на котором играли народные исполнители, а также шаманы. Они использовали его, как инструмент, посредством, которого выражали общественные и личные мысли, чувства и переживания. Что бы ни случилось в жизни: народный музыкант передавал игрой на кылкобызе. Вместе с тем у шаманов – бакшы кылкобыз оставался культовым инструментом, применяемым во время ритуальных заклинаний и врачеваний от болезней.

Ногайская национальная музыкальная культура по сей день не изучена и ждет своих первооткрывателей. Молодым специалистам с базовым теоретическим музыкальным образованием нужно изучать сокровищницу народного музыкального искусства.

Событием огромной важности в области национальной музыкальной культуры стало создание в 1994 году Ногайского государственного оркестра народных инструментов, который предопределил основу развития профессионального искусства ногайцев на последующие годы. Нет сомнения в том, что именно оркестр стал толчком развития музыкального наследия ногайского этноса.

Инструментальная музыка ногайцев, прежде всего домбровая, имеет тысячелетние корни. Она создана народными композиторами – профессионалами и доведена до совершенства простыми исполнителями, а также мастерами – виртуозами, блистательными домбристами XX века, как Юмагельди Кудайбердиев, Каирбек Межитов, Якуб Оразгулов, Солтан-Ахмед Язлыбаев и т. д. Сегодня эти произведения по праву занимают достойное место в репертуаре оркестра и отдельных исполнителей.

Ногайский оркестр уникален по своему составу и звучанию. Органичное тембральное сочетание домбровых, смычковых групп и духовых саз – сырнаев придает оркестру мягкий национальный колорит. За 20 лет своего существования оркестром накоплен хороший репертуар. На радио и телевидении Дагестана, Карачаево-Черкесии и г. Астрахани записаны концертные программы. В репертуаре оркестра особое место занимают произведения дагестанских композиторов Г. Гасанова Н. Дагирова, М. Гусейнова, М. Касумова, Я. Кудайбердиева, М. Максутова, а также творения композиторов Ближнего зарубежья. За эти годы выросло и исполнительское мастерство артистов оркестра. В концертной программе коллектива звучат произведения из репертуара известного всему миру неоднократного победителя международных конкурсов академического государственного оркестра народных инструментов им. Курмангазы, государственного фольклорно-этнографического оркестра *«Отрар сазы»*, Алма-атинского оркестра государственной консерватории Республики Казахстан. Это говорит о том, что нашему оркестру под силу исполнять сложные музыкальные полотна. Основное место в концертной деятельности занимают произведения ногайских композиторов.

Радуют своих зрителей прекрасные исполнители, вокалисты инструменталисты Рашид Менълигулов, Мурат Байгазиев, Аминат Кудайбердиева, Зульфия Аджигеримова, Рахмет Толубаев, Румия Шаникеева, Руслан Ярыков, Бегали Куруптурсунов.

За годы становления Ногайского государственного оркестра народных инструментов руководитдством коллектива много сделано для подготовки национальных кадров в области музыкального искусства. Сегодня плодотворно работают в оркестре четыре дирижера: Яхья Кудайбердиев, Анвар Аджибаев, Кельдимурат Куруптурсунов, Кызыл-Гуль Кудайбердиева – выпускники высших академических вузов России. Руководит коллективом выпускник Астраханской государственной консерватории, Член общественной палаты Республики Дагестан Бекмурза Кудайбердиев.

Особо радует нас творчество молодого солиста оркестра Бийсолтана Джамалова, лауреата Международных и Всероссийских конкурсов среди исполнителей на народных инструментах. Выпускник Казахской национальной консерватории им. Курмангазы г. Алма-Аты, постигший тонкости исполнительского мастерства домбровой школы Казахстана.

Появление ногайского оркестра народных инструментов в музыкальном мире активизировало профессиональное творчество композиторов, поэтов, отдельных исполнителей, певцов и инструменталистов. Вырос интерес у подрастающего поколения к инструментальной музыке и этой творческой профессии. Чему свидетельством служит количество обучающихся студентов в музыкальных училищах и вузах страны. Музыкальная культура развивается от простого народного фольклора и массовой самодеятельности к профессиональному творчеству. Богатая традициями, уникальными оркестровыми возможностями, музыка находит отклик в народе. Доведенное до исполнительского совершенства прекрасными музыкантами и дирижерами, национальное искусство становится значимым и необходимым обществу.

---

1. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.
Ногайцы. Черкесск. - 1988г.
а. Нигмедзянов М. Народные песни волжских татар. – М.:Советский композитор.- 1982.
2. Ерзакович Б.Г. Музыкальное наследие Казахского народа. Алма-Ата. - 1979г.
а. Аравин П.В. Даулеткерей и казахская музыка XIX века. – М.:Советский композитор.- 1984г.
3. Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч.2. – М.:Советский композитор. - 1988.

КУЗЕЕВА З. З.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
г. Махачкала, Россия

НОГАЙСКОЕ НАРОДНОЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО
(К вопросу о перспективах анализа этнокультурной семантики традиционного орнамента).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 14-34-01266 а2

Радикальные изменения во всех сферах жизни, происходящие в современном мире, вызывают сложную и противоречивую социокультурную ситуацию в обществе. В свете таких событий, как экономические и социальные изменения, влияние западной массовой культуры технический прогресс, активное развитие и пропаганда исламской культуры, назревает проблема осознания этносоциальной культуры, обращения к своей этничности, как стабильной и значимой ценностно-нормативной системе.

Орнамент – как одна из ранних и устойчивых символических форм самовыражения человеческого сознания, в котором воплощены сформировавшиеся в веках нравственные и эстетические идеалы народа, осмысление образа картины мира, наиболее точно определяет своеобразие национального характера, ценностные ориентации и культурное развитие общества.

Изучение ногайского народного орнаментального искусства в аспекте этнокультурной традиции является основой для выявления целого ряда параметров своеобразия народного творчества, важно для сохранения и развития народной культуры и поддержания национальной системы ценностей.

Для комплексного решения данной проблемы главным представляется создание базы данных по народному орнаменту ногайцев, его всесторонний анализ и реконструкция как единой структурной системы художественно-стилистических традиций, в которых воплотились представления о целостной картине мира.

Ногайское народное орнаментальное искусство характеризуется недостаточной изученностью. В фундаментальном исследовании С. Ш. Гаджиевой «Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в.» [1], рассмотрены некоторые виды орнамента и орнаментальные мотивы в контексте декора одежды, стилистики украшений и предметов быта. Одним из первых искусствоведческих исследований, в котором проанализированы вопросы развития орнаментального искусства ногайцев на примере узорных войлоков, является статья П. М. Дебирова «Современный войлочный орнамент ногайцев Дагестана» [2]. Особенности орнаментации войлочных изделий описаны также в работе О. И. Казакбиевой «Войлочные изделия у ногайцев в XIX – начале XX в.» [3]. Наиболее глубоко ногайский орнамент изучен в работах Ф. Ю. Каноковой, в которых дан обширный искусствоведческий анализ народного творчества [4,5]. Труды этих исследователей внесли большой вклад в изучение ногайского народного орнамента.

Орнаментальное искусство ногайцев развивалось в специфических условиях кочевой жизни. Несмотря на этническую дробность ногайского народа, сформировавшегося преимущественно из различных тюркоязычных племен и родов, в его искусстве выработалась своя определенная система стиля, которая, вобрав в себя комплекс исторических и духовных ценностей культурных напластований отдельных родов, стала нормативной культурной моделью объединенного народа. При этом необходимо отметить, что корни и структурная база орнаментального искусства на всех этапах развития в большинстве своем оставались неизменными, несмотря на внешние воздействия.

Сходство древнейших орнаментальных образов и мотивов не только в искусстве народов, имеющих общее происхождение, но даже у совершенно далеких друг от друга культур является весьма удивительным феноменом. Такое явление некоторые исследователи объясняют мифологичностью древнейшего предметного мира, в котором природа орнамента обуславливается происхождением вещи – его носителя. Мифологические сюжеты на предметах представляли «собой вариации на извечные, общие для всего человечества темы: родственные отношения, добыча пищи и культурных благ, защита от внешних угроз, объяснение миропорядка, актуализация базовых эмоций: страха, полового влечения, голода, агрессии и т. п.» [8]. Однако исторические процессы, происходившие на разных этапах развития общества, влекли за собой психологическую перестройку общественного сознания, что, в свою очередь, в той или иной степени, сказывалось на системе взглядов и принципов социумов. Если, к примеру, обратиться к временному отрезку, начиная от первобытного общества до современного мира, можно четко увидеть, что на разных уровнях эволюции человечества менялась и сама структура картины мира.

Несомненно, архаические пласты орнаментального творчества, как одного из видов сформированного в древности целостного порядка картины мира того или иного общества, имеющего неизменное семиотическое происхождение, в процессе перехода этноса, культуры на новую ступень развития, могли сохраниться в неизменном виде, неся ту же смысловую нагрузку. Однако, взаимопроникновение культур, появление монотеистических религий оказало влияние на стилизацию орнаментального искусства, и в частности на традиционный орнамент ногайцев. В условиях кочевого быта, такая трансформация была естественной.

Например, древнейшие элементы простейшего геометрического орнамента в дальнейшем дополнялись деталями зооморфного и растительного характера, порой, видоизменяя в общем композиционном строе единую его структуру.

На современном этапе народный орнамент выступает как декоративный элемент, состоящий из многообразной системы символов. Практически каждый ногаец, имеющий хоть какое-то отношение к народному творчеству, знает значение таких символов как *«кошкар муьйиз»* (рога барана), *«ай»* (луна), *«куьн»* (солнце), *«ийрек»* (зигзаг), *«кус канат»* (крыло птицы), *«туье мойын»* (верблюжья шея), и т.д. Но знание определенных сюжетов не решает проблему сохранения и развития этнокультурной традиции. Важно изучить художественные особенности стилистических моделей народного орнаментального искусства ногайцев, выявить причины и особенности формирования новых элементов и мотивов в орнаменте, определить степень самобытности и преемственности, особенности новых традиций и путей их проникновения.

Необходимым является и обращение к фольклорной традиции, а именно к песням, сказкам, мифологическим сюжетам, обычаям, ритуалам. Правда, не всегда такой подход может дать исчерпывающие ответы на все вопросы, так как устное народное творчество и система ритуалов также моделировались, передаваясь из поколения в поколение, в связи с принятием новой религии, миграционными процессами, брачным обменом, насаждением иной культуры и т.д. Тем не менее, проведенные параллели в некоторой степени облегчат интерпретацию различных элементов и сюжетов, дадут возможность понять особенности мышления ногайского народа, нашедшего отражение в народном творчестве. То, как мыслит человек, как и в какой форме передает информацию, совокупив это эмоциональной окраской, является одним из не менее важных факторов для осмысления традиционного искусства. Например, вышивая, ногайские женщины пели, и каждый вышитый ими узор соответствовал песенному слову. Выстраивая композиционный орнаментальный ряд в песне, женщина тем самым передавала для будущих поколений богатую информацию о мировосприятии общества, в котором развивалось это искусство, передающееся через сложенный в процессе творчества песенный текст и вышитую орнаментированную вещь. И здесь не столь важно, что слова в песне, как и сам орнамент, с каждой передачей менялись или дополнялись, важно то, что один вид искусства имел возможность сохраниться в другом. Отсюда вытекающая оценка того, насколько человек вкладывал частичку себя и свое понимание окружающей действительности в создаваемое им творчество, насколько традиционное искусство для человека являлось главным критерием на всех вехах развития.

Рассматривая орнамент как один из видов прикладного искусства с позиции этнографического и искусствоведческого анализа и раскрытия семантики отдельных символов, многие исследователи до недавнего времени упускали вопросы, касающиеся психологических и культурно-антропологических принципов исследования. Если обратиться к первобытному обществу, когда человек, не имея достаточно полного представления о предметном мире, выражал свое отношение к действительности и связь с окружающим миром через знаки и символы, изображая их на камнях, дереве, на стенах пещер, то исследование данного вопроса в психологическом контексте является необходимым. Существует мнение, что «древний человек не воспринимал орнамент исключительно как изображение, несущее определенную информацию, оно являлось такой же естественной частью мира, как и все окружающие человека предметы и явления» [6].

Возможно, впоследствии, с освоением человеком пространства, установка естественного восприятия единства человека и природы изменилась, и возникло орнаментальное искусство как знаковая система ценностей, несущая в себе глубокий сакральный смысл. Однако и здесь психологический и культурно-антропологический подходы в изучении не теряют своей значимости. Например, надевая на себя орнаментированные украшения, ногайские женщины верили в их магические охранные качества. Наряду с оберегающими и очистительными свойствами украшения выступали знаками, определяющими периоды возрастной стратификации женщины [7, с.178], что объясняется теорией телесности и

чувственности, когда предмет неразрывно связан с телом. При этом каждый нанесенный орнамент на изделиях имел свое магическое и символическое значение и не был отделен от предмета-носителя. Отсюда следующая взаимосвязь орнаментального искусства ногайцев как части ритуальной практики взаимодействия человека с предметным миром, который находился в неразрывной связи с его духовными представлениями, состоявший из богатой системы знаков с мифологичностью мира, выражавшаяся в контексте теории единства человека и природы.

При этом необходимо отметить высокий уровень декоративного и художественно-эстетического исполнения ногайского народного орнамента, который на протяжении веков развивался, стилизовался и, практически, утратив для современного человека свой первоначальный мифологический смысл, дошел до наших дней как высокохудожественный декоративный элемент. Изучение орнамента в искусствоведческом аспекте позволит выявить эстетический вкус ногайского народа, мастерство, любовь к искусству и традициям.

Предложенная система междисциплинарного подхода анализа этнокультурной семантики орнаментального искусства ногайцев, позволяющая сопоставить художественно-стилистические модели с системой духовных и психологических представлений, в контексте историко-социальной сферы развития, предполагает раскрытие исторически и психологически обусловленной картины мира ногайского народа.

---

1. Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX в. – М.: Наука, 1976. – 228 с.

2. Дебиров П. М. Современный войлочный орнамент ногайцев Дагестана // Искусство Дагестана в контексте современной художественной культуры. – Махачкала: Изд-во Даг. филиала Академии наук СССР, 1988. – С. 120-133.

3. Казакбиева О. М. Войлочное производство у ногайцев в XIX – начале XX в. // Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2006. – 195 с.

4. Канокова Ф. Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев // Дисс. ... канд. искусствоведения. – М., 2012. – 191 с.

5. Канокова Ф. Ю. Ногайский орнамент // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА им. С. Г. Строганова. – М., 2011. № 1 – С. 151-154.

6. Кривдин А. А. Орнамент как способ постижения мира в символической форме // URL: http: // cyberleninka.ru (дата обращения 12.03.2014).

7. Кузеева З. З. Головные украшения ногайских женщин XIX – начала XX века // Вестник Института истории, археологии и этнографии – Махачкала, 2014. № 1. – С. 166-187.

8. Малкова А. С. Мифологические сюжеты как результат самоорганизации // URL: http: // spkurdyumov. narod. ru (дата обращения 12.03.2014).

ПЕТЕНИНА Т. П.

Музей этнографии «Дагестанский аул»
г. Махачкала, Россия

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО НОГАЙЦЕВ

В Дагестане в связи с догмами мусульманской религии, запрещающей изображение всего живого, изобразительное искусство начало развиваться только после революции. Как и в другие национальные окраины страны, профессиональное ИЗО в республику было привнесено культурной революцией вместе с радикальными переменами во всех сферах духовной жизни общества постреволюционной эпохи. При этом многонациональная культура советского Дагестана, обладая рядом общих черт, характерных для искусства социалистического реализма в целом, имела свои неповторимые черты, связанные с историей и богатейшей народной культурой края. Этот главный вектор развития дагестанской художественной культуры, заложенный еще в начале века академиком живописи Е.Е. Лансере,

оказал определяющее воздействие на дагестанское изобразительного искусства на всем пути его развития и на формирование национальной школы живописи. Повышенная декоративность, экспрессия, интерес к народной культуре с ее орнаментальностью и знаковостью и как следствие – абстрактность эстетического мышления, изначально присущи дагестанской живописи. Развиваясь на мощной основе народной культуры, дагестанское изобразительное искусство в своей сути синкретично, и хотя каждый художник подсознательно привносит в свое искусство определенные ментальные черты своего народа и своей культуры, невозможно говорить о национальных школах Дагестана, то есть аварской, даргинской, лезгинской и т. п. живописи или скульптуре.

Ногайское же профессиональное изобразительное искусство находится в этом плане в исключительном положении. Во-первых, оно начало развиваться позднее, чем у других дагестанских народов, что связано с кочевым (в основном) до начала XX века образом жизни и уникальной культурой кочевников, отражающей их мировоззренческие и эстетические представления. Перейдя к оседлости, ногайцы постепенно начали приобщаться к новым формам художественной культуры и искусства. Но этот процесс не мог быть быстрым, искусственно ускоренным, понадобились десятилетия, чтобы творческий потенциал народа дал плоды именно в этих новых формах. Причем, эти плоды с самого начала оказались яркими, самобытными, необычайно талантливыми. И первым из первых в этом пока еще немногочисленном ряду, безусловно, стоит Сраждин Батыров — этнограф, поэт, прозаик, музыкант, фольклорист, хореограф, живописец, прикладник, дизайнер одежды, реконструктор национального костюма – этот список можно продолжить. Трудно выделить какое-то отдельное направление его деятельности: в любой ее сфере он мог достичь необычайных высот, но он занимался всем, и того, что успел Батыров за свои 40 лет, хватило бы на несколько, причем, весьма наполненных жизней. Этот универсализм свидетельствует не только о многогранности личности и дарования, и тем более не о разбросанности натуры, а скорее об особой миссии, с которой Батыров пришел в этот мир.

При всей артистичности своей натуры и внутренней свободе, он был очень структурированным человеком и, не размениваясь на неглавное, достойно шел к своей цели, скорее всего, не формулируя ее себе и не декларируя другим. А цель была – ни много, ни мало – пробуждение самосознания своего народа. О беспредельной любви Батырова к родному народу свидетельствует вся его короткая, но такая яркая жизнь. Он гордился его прошлым и переживал за настоящее. Он прекрасно знал ногайскую традиционную культуру и стремился собрать и сохранить разбросанные во времени и пространстве осколки этого богатейшего наследия. Все, что он делал – сбор фольклорных и этнографических материалов, музыкальных инструментов, костюмов и предметов быта, реконструкция по крупицам старинных танцев, костюмов и украшений к ним, создание на их основе эскизов традиционной ногайской одежды, итогом чего явилось создание ансамбля «Айланай», - все это было о ногайцах и для ногайцев. А еще были поэзия и проза, живопись и графика – и это тоже было о родном народе и для него.

И все же живопись – особая область его творчества, его особая любовь. Батыров был первым профессиональным ногайским художником. Он создал более 200 станковых произведений, этюдов и эскизов, в которых воспел родной край и свой народ.

На его картинах мы видим только ногайцев: мужчины и женщины, подростки и дети, старики и юные девушки, изображенные в типичном окружении: степь, ногайский аул, интерьер ногайского дома. Старуха, греющаяся на солнце возле глинобитного домика, на крыше которого сушится кукуруза («Осенью»), женщины, ведущие неторопливую беседу за пиалой ногайского чая («В гостях»), девушки в великолепных, подробно выписанных национальных костюмах, исполняющие в степи старинный танец («Ритуальный танец») – вот мир Батырова.

Но даже в самых незамысловатых житейских сценках художник поднимается до глубочайшего философского осмысления бытия. Атрибуты национального быта не являются самоцелью, не заслоняют главного – изображение жизни Народа в его вечном движении из прошлого через настоящее в будущее. Через традиционные формы жизни ногайцев художник раскрывает духовную сущность народа вообще, которую мы постигаем как свою собственную независимо от национальной принадлежности.

Батыров называл себя *«эльгезер»*, что означает «путник, странник». Если отвлечься от его личной биографии, полной сложностей, перипетий, бытовой неприкаянности и вечного отсутствия пристанища, и рассматривать художника только в контексте его творчества, то картины Батырова – это, действительно, странствия во времени и пространстве: от первых детских воспоминаний («Из детства», «Ливень воспоминаний», «Утренние кони») до старинных ритуальных обрядов («Невеста», «Ритуальный танец», «Мой танец»), от встречи с японским поэтом XVII века («Уже утро, Басе-сан») до изображения жизни современного ногайского аула («Осенью», «Бегущая девочка с красным флажком», «В гостях»); от мучительных фантасмагорий («Сиротство гнезд», «Автопортрет в огне», «Расчлененная муза») до сценок еще бытовавшей традиционной культуры («Валяют войлок», «Пекут хлеб», «Ортеке»). Но все это многообразие жизни и исторического материала изображается в едином, пусть и безбрежном пространстве земли ногайцев – в ногайской степи. Вообще, тема пространства и времени в творчестве Батырова требует отдельного серьезного разговора.

Степь, выжженная палящим солнцем земля, воздух, напоенный степными ароматами, сообщили живописи Батырова свою цветовую гамму. Поэтому его картины, выполненные преимущественно в охристо-зеленовато-оливковых тонах, так узнаваемы. Очертания предметов порой расплывчаты, они воспринимаются будто через призму идущего дождя или через марево раскаленного воздуха, что нередко придает его абсолютно реалистическим картинам некую ирреальность. Пожалуй, феномен Батырова как художника заключается именно в умении простыми средствами передавать вещи сложные, многомерные, не поддающиеся простому логическому толкованию.

Батыров жил и работал в эпоху застоя, когда авангардное искусство в российском и дагестанском ИЗО носило полулегальный характер, однако, он застал и перестройку, когда смогли легализоваться многие авангардные течения современной культуры. Сраждин общался, дружил со многими представителями этого искусства, в частности был очень близок с Ибрагимом Супьяновым, хорошо знал творчество этих художников, был благодарен им за поддержку и понимание, но внутренне был далек от их поисков и шел своим и только своим путем, ни разу не уступив новым тенденциям. И это не консерватизм его как личности, не неспособность воспринимать новое, не ограниченность раз и навсегда усвоенными эстетическими принципами, а потрясающая цельность натуры, четкое понимание своей жизненной и творческой цели. Душа Батырова по своей сути была космичной, внутренний мир всеохватен, любовь ко всему живому на земле и вне ее беспредельна – и именно это позволяло ему высокое увидеть в простом, постичь тайны бытия не выходя за пределы своего аула. С любовью, тщательно выписывает он травы, диковинные растения, животных, каждую морщинку на мудром лице домбристки Абубекеровой... Мир Батырова при всем его драматизме гармоничен. Здесь живет таинственная лесная фея Албаслы, влюбленные летают по поднебесью, мальчишки шлепают босиком по теплым лужам, а женщины валяют войлок или пекут хлеб. Это мир простых, но незыблемых ценностей, на которых зиждется жизнь человека, и поэтому даже в самых трагических произведениях, не приемля зло в любом его проявлении, художник оставляет нам надежду.

Сраждин Батыров был не только талантливым живописцем. Великолепно зная историю и культуру своего народа, влюбленный в старинные ногайские песни и танцы, долгие годы собирая произведения ногайской материальной культуры, он сумел создать изумительные эскизы костюмов для фольклорно-этнографического ансамбля «Айланай», у истоков которого он стоял. Но спектр его интересов и знания национальной культуры разных народов был необычайно велик, и поэтому до сих пор востребованы его эскизы костюмов для ансамблей «Лезгинка», «Песни и танцы народов Дагестана», чечено-ингушского «Вайнаха», Каракалпакского ансамбля песни и танца.

С. Батыров не только заложил основы ногайского изобразительного искусства, он определил главный вектор его развития. И все художники последующих десятилетий «вышли» из Батырова: не будучи эпигонами, не подражая его каким-то внешним приемам, они в меру своих возможностей продолжают, развивают заложенные им традиции художественной культуры. И именно эта преемственность позволяет нам говорить о наличии ногайской школы живописи.

Творчество Алтын Акбердиевой во многом перекликается с творчеством Сраждина Батырова. У нее тот же круг сюжетов: повседневная жизнь ногайского аула, женщины, ведущие неторопливую беседу за пиалой ногайского чая, извечные женские хлопоты... Главное, что отличает эту интересную художницу – горячий, огненный колорит ее живописи. Ее излюбленные цвета – ярко-красный, оранжевый, желтый с редкими вкраплениями белого и темного. Это цвета ее детства, ослепительного степного солнца, горячей крови предков-кочевников.

В картинах Алтын тоже живет ногайская степь, ее дух, но опосредованно – через это испепеляющее огненное солнце, особую монументальность образов, идущую еще от древнего искусства предков-язычников, высекавших в степи половецких каменных баба. Нет излишней детализации, одной плавной линией она очерчивает красивый женский силуэт, песчаный бархан за ее спиной, орнаментальный мотив на войлочном ковре... Порой же фон картины совершенно нейтрален. И поэтому кажется, что ее героини не живут, а пребывают, не совершают какие-то действия, а предстоят, как бы находясь в особом состоянии медитации. И это придает, казалось бы, их простым действиям особый ритуальный смысл, а образам некую возвышенность, и даже иконописность. Кроме живописи, Алтын уже много лет преподает в школе искусств им. С. Батырова, а также серьезно занимается изучением декоративно-прикладного искусства ногайцев, в частности войлочного ковроделия.

Вообще, у всех ногайских художников, независимо от того, в каком жанре, в каком виде и технике они работают, наблюдается некая духовная, мировоззренческая и художественно-стилистическая общность. Эта внутренняя общность просматривается и в творчестве ногайского художника из Карачаево-Черкесии Юрия Карасова. Его серия пастелей, выполненная в серо-коричневой гамме, отличается удивительной стилистической и образной цельностью. Круг сюжетов у него также традиционен: несущиеся всадники, на скаку прицеливающиеся из лука, соколиная охота, музыкант, перебирающий струны домбры, борющиеся мужчины, сцена чаепития, вечная тема материнства... Но на каждом листе изображено не просто бытовое действие, а как бы его формула, отчеканенная на века. Карасов – прекрасный рисовальщик, обладающий удивительным даром создавать обобщенные компактные композиции, очерченные единой музыкальной линией и словно заключенные в круг или овал. Его образы также отличаются особой монументальностью, вызывающей в памяти каменные степные бабы – *балбалы.* При этом он замечательный стилизатор с ярко выраженным декоративным даром.

И если графика Ю. Карасова скульптурна, то его живопись, скорее, графична. Его триптих «Ногай эл» решен плоскостно, а яркие контрастные цвета скорее решают декоративную задачу, нежели формообразующую. Композиция построена подчеркнуто симметрично, фон нейтрален, но несет большую эмоциональную нагрузку за счет разделения на три вертикальные части ярких контрастных цветов. В центре изображена свадебная юрта, по обеим сторонам которой – две предельно стилизованные женские фигуры с поднятыми к солнцу-тамге руками. Достаточно скупыми художественными средствами автор говорит об очень большом и важном. Его персонажи несут в себе или энергию покоя, подобно сжатой пружине, или мощь безудержного движения – наследия кочевого прошлого. Но всегда работы Карасова отличаются утонченным вкусом и высоким профессионализмом.

Стилистически близко к работам Карасова творчество первого и пока единственного профессионального ногайского скульптора Кошали Зарманбетова, который шел к своей мечте стать ваятелем долго и упорно. Вольный дух предков, любовь к родной земле, прекрасное знание истории и культуры своего народа сообщили его, обычно, небольшим по размеру произведениям особый колорит и выразительность, ставя их в отдельный ряд современной дагестанской скульптуры. Уже в ранней пластике К. Зарманбетова (серия «Степь») мы наблюдаем внутреннюю энергичность при внешней статике композиции и монументализм как главные отличительные черты эстетического сознания ногайцев. Небольшие по размеру, компактные по объему эти произведения малой пластики, будучи увеличенными в десятки раз, станут полноценными станковыми и даже монументальными произведениями скульптуры.

Замечательна графика Зарманбетова. Его черно-белые графические листы, в которых экспрессивные динамичные образы из ногайского эпоса, обрамленные великолепной вязью традиционных орнаментов, смотрятся удивительно стильно и выразительно. Удивительно малыми художественными средствами он передает очень многое. Творчество Кошали Зарманбетова – еще одна выразительная страница современного ногайского изобразительного искусства.

Весьма интересна графика молодого художника Алибека Койлакаева, работающего в технике тушь и перо. На художественной авансцене дагестанского ИЗО он появился несколько лет назад, но широкому зрителю стал известен после персональной выставки в Этно-центре г. Махачкалы, прошедшей в 2013 г. А. Койлакаев весьма плодовит, несмотря на скрупулезную, сложную графическую технику. Его рисунки выполнены не в черно-белой стилистике, а в более мягких коричневато-бежевых тонах и напоминают сепию.

Художник работает преимущественно в жанре исторической реконструкции. Сюжеты его картин практически полностью связаны с героическим прошлым ногайцев, среди его героев – Эдиге, предводитель гуннов Атилла, казанская ханша Сююнбийке и др., есть и обобщенные образы героев и батыров. Это всегда очень мужественные, физически и духовно сильные, собранные люди, обычно верхом на коне, в полном воинском снаряжении, с суровыми словно из камня высеченными лицами. Под стать мужчинам и женские образы. Даже в Сююнбийке, славящейся своей красотой, он подчеркивает не ее женские достоинства, а силу духа, характер. Ханша сидит на троне как воин, всегда готовый отразить удар.

Можно спорить о портретной и психологической достоверности героев Койлакаева, но видно, что художник очень тщательно подходит к своей работе, опираясь на серьезные исторические и литературные источники, а искусство, как известно, оперирует образными категориями, весьма зависимыми от субъективного воображения автора. Несомненно одно: история родного народа и ее герои А. Койлакаевым сильно романтизированы, ощущается культ сильной личности, независимо от последствий ее деяний для человечества. Хотелось бы пожелать молодому художнику, копать историю не только вширь, но и вглубь, постигать глубинные пласты духовной жизни своего народа.

В заключение, хотелось бы еще раз сказать об общих этногенетических корнях ногайской культуры в целом, и изобразительного искусства, в частности. Несмотря на немногочисленность ногайских профессиональных художников, мы можем смело говорить о формировании ногайской школы ИЗО. Ведь за их творчеством стоят века великой народной культуры, земля, напоенная степными ароматами, бескрайняя степь и бескрайнее небо, испепеляющее солнце, храп и ржание коней, звуки домбры, купол юрты, ногайские женщины, вышивающие на войлочных коврах древние знаки...

УСМАНОВА А. Р.

Областной методический центр народной культуры
министерства культуры Астраханской области
г. Астрахань, Россия

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ НА ПРИМЕРЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА ЮРТОВСКИХ ТАТАР И НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблема двуязычия/полиязычия не нова, но остается одной из актуальных в современной науке. Она тесно связана с проблемами межэтнических контактов в полиэтнических регионах, находящихся в центре внимания историков, этнографов, этномузыковедов, этнолингвистов. Смешение культур, возникающее в результате взаимодействий, приводит к неоднородности культур. Тем актуальнее представляется выявление степени влияния или восприятия инородной культуры, а также прояснение характера культурных взаимоотношений: диффузии, комплиментарности, либо иных форм пересечений.

В сфере этномузыкологии, в которой как нельзя лучше отражаются и прослеживаются этнокультурные взаимодействия, понятие «фольклорного двуязычия» трактуется петербургским исследователем В.А. Лапиным как *научная историко-культурная категория* [5, с. 30]. По мнению ученого, «фольклорное двуязычие представляет собой особое состояние традиционной культуры, возникающее при длительном и глубоком межэтническом этнокультурном взаимодействии и, в свою очередь, формирующее специфическую фольклорную среду» [5, с. 30].

Следуя позиции В.А. Лапина, рассмотрим понятие «фольклорного двуязычия» как вышеуказанной категории на примере механизмов этнофольклорного взаимодействия юртовских татар и ногайцев-карагашей Астраханской области.

Нижнее Поволжье в XVI–XVIII вв. обладало всеми благоприятными условиями, чтобы привлечь самые различные народы, преимущественно кыпчакского происхождения: татар, ногайцев, казахов. В результате всевозможных многовековых контактов этнические группы, заселившие регион, испытывали многовековое смешение и взаимовлияние в сфере языка, общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры. Так, Л.Ш. Арсланов предполагает, «что отдельные случаи контактов между предками ногайцев Дешти-Кипчака и предками казанских татар – булгарами происходили еще в золотоордынский период, т.е. до выделения Ногайской Орды из Золотой Орды» [1, с.6]. Отметим, что в работах этнолингвиста-диалектолога Л.Ш. Арсланова татаро-ногайские/ногайско-татарские фольклорные связи рассматриваются неоднократно. Ученый отмечает общность почти всех жанров фольклора татар и ногайцев Астраханской области (пословиц, загадок, сказок, песен и эпоса), обусловленную этнокультурными, экономическими и политическими связями [1, с. 6-7].

Культурное взаимодействие в этнической истории ногайцев с этнически близкими тюркскими народами (в частности, с астраханскими татарами), на территории Нижнего Поволжья отмечает этнограф-ногаевед Р.Х. Керейтов [4, с. 96].

Взаимопроникновение культур шло и через образование. Так, у астраханского ногайского просветителя А.И. Умерова обучались татары, казахи, туркмены, ногайцы [3, с. 303]. При этом все же можно говорить о сохранившихся диалектных особенностях и в языке, и в сфере духовной культуры, как юртовских татар, так и ногайцев-карагашей. Изучение музыкально-фольклорных параллелей позволяет выявить как наддиалектные, общие, так и локальные, диалектные жанрово-стилевые особенности.

Жанрово-стилевая общность музыкально-поэтического фольклора юртовских татар и ногайцев-карагашей отражает этнокультурную близость двух этнических групп. Характеристика вокальных и инструментальных пластов музыкального фольклора по принципу функциональности: месту, времени, обстоятельству исполнения в сравнительном аспекте юртовских татар и ногайцев-карагашей позволяет сделать следующие выводы:

1. Вокальный и инструментальный фольклор представляют собой равнозначимые пласты и обнаруживают жанрово-стилевую типологическую общность в татаро-юртовской и ногайско-карагашской традиционной исполнительской практике.
2. Современный свадебный ритуал выполняет функцию централизующего компонента, в котором сосредоточены как приуроченные, так и неприуроченные жанры вокальной и инструментальной татаро-юртовской и ногайско-карагашской традиций.
3. Общерегиональное (ареальное) проявляется двухуровнево: первый уровень – бытование общих жанров у этнических групп; второй – восприятие иноэтнической песенной традиции.

Учитывая данные фольклористов-этнографов, экспедиционные материалы, а также сохранившиеся в активной традиции жанры вокального пласта, двуязычность прослеживается в единых для двух этнических групп фольклорной традиции жанрах. Прежде всего, феномен двуязычия характерен для эпического жанра юртовских татар и ногайцев-карагашей *хушаваз/кошаваз;* для календарных песен *навруз,* свадебных песен и напевов, (отражающих сложные отношения родства): плачей невесты при прощании с родителями, песен-пожеланий *«тойда тилек»/алгыш.* Следует отметить, что отсутствие *хушаваза/кошаваза* в жанровой системе как ногайцев, так и татар основных массивов этносов, позволяет выделить этот жанр в качестве локального (диалектного) и одновременно ареального, объединяющего

музыкальные традиции двух соседних этнических групп.

Хушаваз – повествовательный жанр, признаками которого являются сказительность, ситуативность (праздники семейно-бытового цикла, сельские торжества), мужской тип исполнения с возможностью аккомпанирования на музыкальном инструменте (у карагашей на домбре, у юртовцев – на кобызе). Этот жанр – яркий пример «фольклорного двуязычия», возникшего на основе глубоких межэтнических контактов и подтверждающегося на уровнях жанра, стилистических компонентов и исполнительства. При этом каждая из этнических групп сохраняет свою сюжетную и содержательную специфику. Уникальность жанра, как и уникальность его бытования, риск исчезновения из активной фольклорной среды явились основанием для его включения от ОГБУК «Областной методический центр народной культуры» министерства культуры Астраханской области в единый электронный реестр (каталог) объектов нематериального культурного наследия Российской Федерации.

В то же время локальную традицию ногайцев-карагашей составляют песни свадебной традиции: «открывания лица» величальных «*яр-яр*», «*бет ашар*»; частушек «*шын*»; похоронно-поминальных плачей *бозлав,* песни обряда вызова дождя «*яв-яв, янгыр*», что не позволяет объединить две жанрово-структурированные традиции в одну, унифицированную. В свою очередь юртовско-татарская традиция, находясь в историко-культурном окружении средневолжско-татарской со второй половины XIX века, не могла оставаться изолированной и не воспринять некоторых из жанров музыкального фольклора средневолжских татар, о чем свидетельствуют величальные песни на напевы «*урам кий*», свадебные такмаки, лирические песни поздней традиции средневолжских татар).

Типологически сходные признаки прослеживаются в общем для этнических групп жанре свадебной песни «*Яр-яр*». Результаты исследования сходных жанрово-стилистических характеристик вокально-инструментальных пластов юртовского и карагашско-ногайского музыкального фольклора подводят к их типологизации. В качестве стабильных элементов видится ритмическая организация, объединяющая разножанровые напевы не только внутри одного пласта, но и вокальный, и инструментальный пласты.

К общерегиональным стилевым признакам можно отнести ладовую организацию, сочетающую в себе гемитонную и ангемитонную структуры. Гемитонные (диатонические) структуры представлены, главным образом, в локальных жанрах вокальных и инструментальных пластов юртовского и ногайско-карагашского фольклора. К типологическим явлениям относятся особенности ладоинтонационной организации напевов и наигрышей. Так, в интонационных словарях выделены группы интонем, обладающие свойствами типовых и выступающие в качестве стабильных компонентов. К типовым можно отнести терцовую, квартовую и квинтовую интонемы. Они значимы как в приуроченных, так и неприуроченных напевах и наигрышах. Повтор конечного звука в качестве утверждения основного ладового устоя характерен как для *такмаков*, так и «уличных напевов», а также игровых песен, свадебных песен «*Яр-яр*».

Объединяющей сферой музыкального фольклора является инструментальная музыка, как органично впитавшая в себя песенные традиции, так и сохранившая уникальные образцы инструментального творчества.

Раннее песнетворчество рассматриваемых этнических групп связано со струнным инструментом *кобызом*, а точнее с одним из его разновидностей волосяным кобызом *кылкобызом.* Игра на *кылкобызе* сопровождала исполнение эпических жанров. Определенную роль в юртовской, карагашской инструментальной практике играл другой струнный инструмент – домбра. В середине XIX века в инструментальную традицию юртовских татар и астраханских ногайцев-карагашей прочно вошла саратовская гармоника. Устойчивость бытования саратовской гармоники в среде юртовских татар связана с женским исполнительством. На свадьбе всем незамужним девушкам дарили гармоники с пожеланием научиться игре на этом инструменте.

В инструментальной музыке татар и ногайцев Астраханской области одно из лидирующих мест отводится инструментально-хореографической традиции. Приуроченная инструментальная музыка в полной мере проявляется в юртовской и карагашской свадебной традиции и, тем самым, отличается наибольшей локализованностью. Между тем, именно в этом пласте проявляется и региональная общность юртовских татар и ногайцев-карагашей, отражающаяся как в общих названиях, так и стилевых признаках.

Ранняя инструментально-хореографическая традиция выступает показателем региональной общности свадебно-музыкального цикла юртовцев и ногайцев-карагашей. Современная фольклорная ситуация показывает, что наиболее жизнестойкими являются свадебные приуроченные наигрыши, бытующие в исполнительской традиции юртовских татар и ногайцев-карагашей под общими названиями и обладающие едиными стилевыми признаками. Названия наигрышей отражают свадебные блоки или части свадебного действа: *Кияувсый кий* – название свадебного вечера потчевания жениха на стороне невесты, *Ак шатыр* – свадебный (белый) шатер.

В инструментальном фольклоре как юртовских татар, так и ногайцев-карагашей наряду с вариантностью характеризующим признаком остается импровизационность. Импровизационность, как «система фольклорного исполнительства, обеспечивающая определенную систему высказывания, ограниченную порождающими ее моделями, но не препятствующая переходу из одной модели в другую» [7, с. 79], является основой возникновения множества вариантов наигрышей с одним и тем же названием в репертуаре как одного исполнителя, так и в разных сёлах.

Объединяющим инструментальным жанром юртовских татар и ногайцев-карагашей, является *сазда солэйшу* («разговор на сазе»). Впервые у астраханских татар этот жанр был зафиксирован этномузыковедом М.Н. Нигмедзяновым, охарактеризовавшим его особенность тем, «что определённые мелодико-ритмические формулы выражают конкретный смысл, конкретные слова, понятные жителям какого-либо населенного пункта, членам одной семьи или даже только двум-трем людям» [6, с. 117]. Астраханский этномузыковед Биканова Р. зафиксировала в экспедициях «разговоры» в виде свадебных наигрышей, связанных с выражением особого праздничного настроения сватов: *Кодалар заркылма кий*, с разговором подружек невесты: «*Кызлардан тойда монгланып, сазбан ойнап сойлеген кий*» [2, с. 56].

Ладоинтонационный анализ показывает, что ладовая организация вокальных и инструментальных пластов двух локальных этнических групп – татар и ногайцев-карагашей Астраханской области – опирается на две самостоятельные, но проникающие друг в друга ладовые системы: ангемитонику в ее полном проявлении (от малых узкообъемных ладов до ладов в объёме сексты, октавы) и гемитонную диатонику, наиболее полно проявляющуюся в локальных напевах и наигрышах вокального и инструментального творчества обеих этногрупп. Совмещение двух ладовых структур в пределах одного напева и наигрыша – диалектная особенность вокально-инструментальных пластов обеих рассматриваемых этнических групп.

Ритмическая организация вокальных и инструментальных пластов татар и ногайцев-карагашей также обнаруживает типовые формулы, раскрывающие закономерности музыкальной ритмики напевов и наигрышей. Основные характерные ритмоформулы выявляются в ранних (диалектных) пластах обеих локальных групп: в неприуроченных жанрах (трудовых, календарных, игровых напевах, эпическом жанре *хушаваз*) и приуроченных (свадебных прощальных), выступая, таким образом, в качестве полифункциональных.

Можно констатировать, что юртовские и карагашские инструментальные наигрыши не имеют песенного источника, расслаиваются на приуроченный (свадебный) и неприуроченный пласты. Сравнительный анализ вокально-инструментальных традиций астраханских татар и ногайцев-карагашей обнаруживает сходство и общность жанров, стилистических признаков и исполнительских форм в зависимости от выполняемых в обряде функций, роли в социальной среде, традиционного мировоззрения и народной философии.

Таким образом, при плотном и длительном межкультурном взаимодействии юртовских татар и ногайцев-карагашей сложился богатый фольклорный пласт, представленный уникальными жанрами традиционной народной культуры. При этом, с одной стороны, данный пласт четко ареален, локален, а с другой открыт для восприятия жанрово-стилевых особенностей, как основного массива этноса, так и для соседних, неродственных культур. Категории «фольклорного двуязчия» соответствует и тот факт, что при гармоничном взаимодействии, каждая из этнических групп сохраняет исходное этническое самосознание.

Фольклорные параллели и процессы взаимовлияний, а также предложенные вслед за ведущими этномузыкологами понятия *«историко-культурной зоны»* и *«фольклорного двуязычия»* раскрывают процессы межэтнических взаимодействий с новых позиций.

1. Арсланов Л.Ш. К вопросу о ногайско-татарских фольклорных связях // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 9-10 июля 2004 г. – Астрахань: ОГОУ ДПО АОИУУ, 2004. – 164 с.

2. Биканова Р.С. Музыкальный фольклор астраханских ногайцев-карагашей (музыкально-этнографический аспект): дипл. раб. Астрахань: АГК, 1998. – 79 с.

3. Г. Гомэри. Фэнни биографик жыентык. Казан: Рухият, 2002. – 384 с.

4. Керейтов Р.Х. О культурном взаимодействии народов Юга России в этнической истории ногайцев // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: материалы Всероссийской. научно-практической конф. / Ред. Сызранов А.В. – Астрахань: Астрахан. пед. ун-т, 2000. – 253 с.

5. Лапин В.А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология. Сб. науч. ст-й, посв. 60-летию И.И. Земцовского / Отв. ред. и сост. Н. Ю. Альмеева [и др.] – СПб.: РИИИ, 2002. – 350 с.

6. Нигмедзянов М.Н. Народные песни волжских татар. – М.: Советский композитор, 1982. – 135 с.

7. Хрущева М.Г. Удмуртская обрядовая песенность – М.: Композитор, 2001. – 248 с.

БОРЛЫКОВА Б. Х.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
г. Элиста, Россия

ДОМБРА В ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ КАЛМЫКОВ

Неотъемлемым компонентом музыкальной культуры калмыков являются народные музыкальные инструменты. История их формирования и развития неразрывно связана с историей формирования и развития этносов, процессами межэтнического взаимодействия. Конструкция, ладово-акустические, исполнительские возможности музыкальных инструментов отражают социокультурную, этническую, природно-географическую среду их бытования, художественные вкусы, мастерство создателей и исполнителей.

Типологически разнообразным, богатым, многофункциональным, активно функционирующим является традиционный музыкальный инструментарий калмыков.

Наиболее распространенным на сегодняшний день музыкальным инструментом калмыков является *домбр* (домбра). Традиционный музыкальный инструмент домбра - двухструнный щипковый инструмент, имеющий корпус обычно грушевидной формы и гриф с 7-8 навязными ладами. Длина инструмента - 1000-1200 мм. «Для изготовления корпуса домбры использовались разные породы дерева: клен, ива, береза, акация, но чаще всего тутовое и абрикосовое деревья, в редких случаях домбру мастерили из сосны» [Луганский 1987: 27]. Струны применялись жильные, они изготовлялись из бараньих кишок. Современный реконструированный инструмент имеет треугольную форму и гриф с 19 ладами, которые разделяются деревянными (металлическими, костяными) порожками. В качестве струн применяются рыболовные лески. Калмыцкая домбра имеет две разновидности строя: квартовый и квинтовый.

История возникновения рассматриваемого инструмента уходит в глубь веков. Если судить по письменным памятникам, *домбра* и подобные ей инструменты были распространены в значительной части материка Азии и на восточных окраинах европейской части России. Эти инструменты, принадлежа к одному и тому же типу, носили близкородственные собой наименования (каз. *домбыра*, ног. *домбыра*, кирг. *домбура*, тув. *домра*, чув. *тумра, тӑмра* и др.). Вероятно, все они происходят из общего древнейшего корня, который необходимо искать в каком-нибудь из центров более древней цивилизации. Искомым образцом, по мнению Т. Вызго,

можно признать древний арабско-персидский *тунбур* (*танбур*)□, о котором имеются письменные сведения во второй книге «Большого трактата о музыке» Абу-Наср Мухаммед Фараби, писателя X века [Вызго 1980: 78].

Этимологии слова *домбра* посвящено немало исследований.

Так, известный тюрколог Э.Р. Тенишев в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» отмечает, что рассматриваемое слово происходит из иранского языка (< du:barb□t). В учебном пособии «Казахская музыкальная терминология» [1991] дается обзор мнений ученых об этимологии слова *домбыра.* Например, А.К. Журбанов предполагает, что слово *домбыра* происходит от арабских слов *дунба* и *бурээ* ‘курдюк ягненка’. Название дано по внешнему виду инструмента – его овальный корпус напоминает бараний курдюк. К. Жузбасов полагает, что лексема *домбыра* состоит из двух слов – *дем* и *беру* ‘дать дыхание, воодушевлять, побуждать к деятельности’ - тесно связанных с музыкальным исполнительством. С. Джансеитова полагает, что этимология слова *домбыра* связана с фоносемантическим материалом. «В казахском языке от звукоизобразительной формы *дом-*, *доң-*, *даң-*, *дуң-* образуются производные: *даңрыр* ‘звон’, ‘шум’, ‘гомон’, ‘громыхание’; *даңрыра* ‘вид ударного инструмента’; ‘громыхать’, ‘звенеть’, ‘шуметь’; *дуңгір* ‘глухой звук домбры’; *діңгір* ‘низкий звук домбры’. Общим для всех названий с данным значением является сонорный *-ң*. Употребление именно этого согласного в звукоизобразительных словах, обозначающее звонкое, резонирующее звучание, объясняется образованием носоглоточного резонатора, создающего ощущение мягкой вибрации, гулкого звона» [Джансеитова 1991: 73].

В калмыцком языке широко представлены слова, обозначающие части домбры. Так, корпус домбры называется - *домбрин цоқц* (*домбрин бий, домбрин көврдг*), верхняя дека домбры – *домбрин элкн*, нижняя дека домбры – *домбрин нурһн*, резонатор (голосник) – *домбрин ә һардг нүкн*, имеющаяся на верхней деке под струнами подставка (кобылка) – *домбрин тевк*; гриф домбры – *домбрин иш*, лады домбры – *домбрин берн* (верхний лад – *деер берн*, средний лад – *дунд берн*, нижний лад – *дор берн*); струны домбры - *домбрин чивһсн*; колки домбры – *домбрин чикн*, головка домбры – *домбрин толһа*.

Ц-Д. Номинханов в статье «Музыкальные инструменты и их части» [1975] дает следующие калмыцкие термины с их параллелями в тюркских языках. Так, аналоги калм. *домбр* ‘двухструнный щипковый музыкальный инструмент’ в каз. *домбыра*, кирг. *домбура*, тув. *домра*, чув. *тумра, тăмра*; калм. *тевк* ‘кобылка, подставка для струн’ в каз. *тиек*, тув. *тепке*, хак. *тикпе*; калм. *берн* ‘лад’ в каз. *перне*, ног. *перне*.

Сведения о существовании домбры в быту у калмыков дошли до нас в записях путешественников, в трудах ученых: П.С. Палласа ««Sammlungen histor. Nachrichten über die Mongol. Volkerschaften» (1776-1801), «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1809), Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (1834), П. Небольсина «Очерки быта калмыков» (1852), И. Житецкого «Очерки быта астраханских калмыков» (1893) и др.

Одно из первых по времени кратких описаний калмыцкой домбры содержится в фундаментальном труде П.С. Палласа «Sammlungen histor. Nachrichten über die Mongol. Volkerschaften» (1776-1801). Он пишет, что «у калмыков лучшие музыканты – девушки, почти все умеющие играть на двухструнной лютне (Laute), называемой домр (Dommer). Струны проволочные или кишечные, настроенные в унисон» [Pallas 1776-1801: 150].

Известный русский историк, этнограф П.И. Небольсин в «Очерках быта калмыков Хошоутовского улуса» (1852) отмечает: «Музыка у калмыков двоякая – духовная и домашняя. … Инструменты, употребляемые калмыками в домашнем быту: 1) обыкновенная двухструнная балалайка, «думбуръ», 2) «хуръ», 3) «ятга».

Подробное описание калмыцкой домбры и игре на ней оставил И. Житецкий: «Музыкальный инструмент, под игру которого производятся танцы, - это «домбыр». «Домбыр» имеет большую аналогию с великорусской балалайкой, хотя форма ее более разнообразится, чем последняя. Устройство ее такое: к невысокому ящику 3-х угольной или закругленной формы (фиг. 40) приделана длинная ручка, так что весь инструмент в длину бывает 1 аршина. Струн в домбре две – бас и прима, настроенные в унисон: на ящике струны привязываются к колышкам и

поддерживаются, как в скрипке подставкой («тепке»), а на ручке натягиваюся двумя колышками («чикен») вдоль ручки расположены 8 ладов («берне»), навязанных из струн.

Игра на домбре производится так как и на балалайке, то есть легкими движениями рук слева на право ударяют по струнам и, само собою разумеется, что звуки получаются глухие, тихие, и сама игра совершенно однохарактерна. Только благодаря небольшому пространству кибитки пляска под домбыр возможна; иначе звуков инструмента не было бы слышно; при больших собраниях иногда разом играет 2-3 домбры. Инструмент настолько не сложен, что обыкновенно его делает каждый калмык себе и только немногие покупают. Цена хорошей домбры 2 р. Струны для неё выделывают калмыки из кишек овец».

Отдельные высказывания о домбре встречаются в художественной литературе и устном народном творчестве калмыков.

Труды, имеющиеся в научной литературе о калмыцкой домбре и домбровой музыке, немногочисленны. В искусствоведческом плане исследованы учеными А.Д. Рудневым [1909], М. Л. Тритузом [1965], Н. Л. Луганским [1987], Э. У. Омакаевой, Н. Б. Бадгаевым [1989], Г. Ю. Бадмаевой [1999], К. В. Кутушовой [2001], Б. Х. Борлыкова [2012] и др.

Становление калмыцкой домбровой музыки связано с деятельностью исполнителей на домбре – *домбрч*. Они являются и композиторами и исполнителями в одном лице. История сохранила имена лучших домбристов: Булгун Инджиева, Матрена Зубова, Нина Бураева, Булгун Манджуракова, Елизавета Ванькаева, Борис Очаев, Николай Дуладжиев, Бовуш Амбекова и др. Искусство каждого домбриста отличается яркой индивидуальностью стиля, характерной образностью и средствами музыкальной выразительности, высоким уровнем исполнительского мастерства.

По этническому составу калмыки делятся на четыре группы (дербеты, торгуты, бузавы, хошуды), внутри которых имеется еще и множество родовых разделений. Субэтнический признак накладывается на характер исполнения на домбре, кроме того у каждого субэтноса есть танцевальные мелодии и песни под аккомпанемент домбры.

Одним из замечательных представителей живой исполнительской традиции на домбре дербетов является Булгун Манджуракова. В ее репертуаре преобладают в основном острохарактерные танцевальные мелодии, наигрыши и песни.

В танцевальных мелодиях Булгун Бюрчиевны («Туулан би» (Танец зайца), «Дөрвдә товшур» (Дербетовский товшур), «Эргдг би», «Биилдг би») выражены характерные для каждого танца ритм и темп. Для них свойственен **квинтовый строй** домбры, музыкальные размеры 2/4 и 6/8. Метроритмическую структуру танцевальных мелодий обогащают синкопы, триоли и технические приемы игры на домбре: «*шавдур»* ‘щелчок по деке’, «глушение», «пережим».

О творчестве домбристки В. Дорджиев пишет: «Петр Тимофеевич, раскрыв в Булгун Бюрчиевне свои творческие замыслы и показав ей отдельные танцевальные движения, попросил именно под них подобрать соответствующие их ритму и шагу мелодии. Танцевальная композиция должна была отразить самобытный танцевальный ход – «товшур», с притопыванием пяткой ход, характерный именно для дербетовского танца. Творческая работа – мучительный процесс. Булгун Бюрчиевна, загоревшись идеей Петра Тимофеевича, по ночам даже вскакивала с постели от пришедшей в голову мелодии, сама примеряла ее к танцевальному шагу, пришлепывая босиком по полу, и наутро спешила к Надбитову с новой идеей. Так были подобраны шуточная песня о девушке Котуш, собирающейся замуж, и магтал, украсившие танцевальную композицию «Товшур» [Дорджиев 1998: 4].

Булгун Манджуракова не только мастер исполнения танцевальных мелодий на домбре, как уже отмечалось выше, она — замечательная исполнительница народных песен. Пение – это скорее продолжение и составная часть ее исполнительской деятельности как музыканта-инструменталиста. Для всех песен Манджураковой характерна четкая стиховая организация художественной системы. Рифма, ритм, особый порядок расположения поэтических тропов в той или иной песне строго соответствует игре на домбре. Структура песен основана на четырехстрочной строфе, образующей сдвоенный период повторного строения (abb). К примеру, куплет из песни «Матуша Санҗ»:

Паарлулад татсн хойр кер мөрнь 1-й период: А (abb[1])
Парвляна уульнцар гүүлгнәд бәәнә гинә.
Партин сурһульта Матуша Санж гинә 2-й период А[1](abb[1])
Партин гинә хургтнь дутг болад бәәнә гинә.

В песенном репертуаре Булгун Бюрчиевны большой пласт занимают любовные лирические песни. К примеру, «Буханкин Бадм» («Байда»), «Котуш», «Һәрән Боован күүкн», «Хулхачин Булһн», «Цернә Буля күүкн» «Булһн» и др.

В калмыцких любовных песнях под аккомпанемент домбры находили свое воплощение многие традиционные стороны жизни народа. В них регламентировались отношения между девушками и юношами, утверждались принципы благородства, этики и морали, давались определения красоты. Все это передавалось в музыкально-поэтических образах в виде афоризмов и других образцов народной мудрости.

Ярким примером любовной народной лирики является песня «Буханкин Бадм». Влюбленный парень Бадма из поселка Калмыцкий базар везет подарки 17-летней девушке Байде. В кульминации песни девушка просит своих родственников выдать ее замуж за Бадму.

Хар улан Буханкин Бадм гинә
Хальмг Базраснь хәәһәд ирсн бәәҗ гинә,
Хальмг Базраснь хәәһәд ирәд бәәхнь гинә
Хәәртә иньг Байдаһан хәәһәд ирсн бәәҗ.
….
Арвхн долата Аакин Байда күүкн
Ах бергн хойрасн зөвшәл сурад бәәвл гинә,
Ах бергн хойрасн зөвшәл сурад бәәхнь гинә
Амрч йович, җирһҗ йович.

Булгун Манджуракова хранит в своей памяти песни, созданные певцами северных районов республики, представителями дербетских родов. К примеру, «Хоҗин Әәт майор», «Матуша Санҗ», «Депутат Манҗин Байн» и др. В рассматриваемых песнях воспеваются люди, ставшие символами своего времени: герои войны, депутаты, труженики. Эти песни, являясь исторической памятью народа, проникнуты не только мотивами горечи, невосполнимости утраты, но и утверждают гуманистические идеи о том, что жизнь не стоит на месте, она не прерываема.

Необходимо отметить, что в репертуаре Булгун Бюрчиевны имеются песни собственного сочинения: «Комсомолын шунлт», «Герой Эрдни Деликов». Песня «Герой Эрдни Деликов» посвящена герою Великой Отечественной войны (1941-1945), земляку домбристки.

Булгун Манджуракову по праву считают активным пропагандистом калмыцкой народной музыки. Ее манера игры на домбре особая, ее почерк профессионалы узнают мгновенно. Ещё в 1977 г. известный композитор А.Г. Флярковский, прослушав несколько раз виртуозную игру Булгун Бюрчиевны, не смог переложить ее мелодии на ноты, сказав: «Очень каверзная какая-то мелодия. С вами запись не получается» [Айтаев 1992: 3]. К сожалению, до сих пор никому из музыкантов не удалось более точно переложить музыку домбристки Булгун Манджураковой на ноты.

Калмыцкие народные песни и мелодии исполнительского репертуара Булгун Манджураковой, записанные фольклористом к.ф.н. М.Э. Джимгировым, сотрудниками Гостелерадио РК Б.М. Ченкалиевым, С.Д. Манджиевым, хранятся в фонотеках научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, архива Гостелерадио РК.

---

1. Айтаев В. Домбра Булгун Манджураковой – и вся ее жизнь // Известия Калмыкии. 28 октября 1992. С. 3.
2. Бадмаева Г. Ю. Калмыцкая музыка в контексте культур Азии: Вып.1. Музыкальные традиции буддизма; Вып. 2. Музыкальный инструмент в культуре калмыков и народов Азии: учеб. пособие / кафедра Истории зарубежной музыки Московской Государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М.: МГК им. Чайковского, 1999. 48 с.
3. Борлыкова Б. Х. Калмыцкая музыкальная терминология: Монография. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 179 с.
4. Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии. М.: Музыка, 1980. 191 с.

5. Джансеитова С. С. Терминология казахской музыки: уч. пособие. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во худож. лит., 1991. 128 с.
6. Дорджиев В. Спасибо за талант, дорогая Булгун Манджуракова! // Известия Калмыкии. 14 сентября 1998. С.4.
7. Кутушова К. В. Евразийский ренессанс музыкальной культуры калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 125 с.
8. Луганский Н.Л. Калмыцкие народные музыкальные инструменты. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1987. 63 с.
9. Номинханов Ц-Д. Музыкальные инструменты и их части // Материалы по изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. С. 172-175.
10. Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Калмыки (ойраты) в инструментальном музыке казахов // Инструментальная музыка народов Поволжья, Урала и Сибири (по полевым и архивным материалам). Докл. и сообщ. Всесоюзной конф. – Йошкарала, 1989. – С. 25-27.
11. Руднев 1909: Руднев А.Д. Мелодии монгольских племен // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб., 1909 с. 10 – 424
12. Тритуз М. Л. Музыкальная культура Калмыцкой АССР. М.: Музыка. 1965. 110 с.
13. Pallas P.S. Sammlungen histor. Nachrichten über die Mongol. Volkerschaften. СПб., 1776-1801. T.I.

Танбур - струнный щипковый инструмент, род лютни. Существуют разновидности танбура в зависимости от количества струн: дутар - 2-струнный, ситар - 3-струнный, чартар - 4-струнный, панжтар - 5-струнный, шаштар - 6-струнный. Используется при исполнении макамов, макомов, мукамов как аккомпанирующий инструмент, а также в ансамбле и оркестре народных инструментов.

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

ALTINTAŞ MUSTAFA
KONYA, TÜRKİYE

TÜRKİYE'DE NOGAYLAR

АЛТЫНТАШ МУСТАФА
г. Кония, Турция

НОГАЙЦЫ ТУРЦИИ

Nogaylarin Osmanlı İmparatorluğu ve Türkiye Cumhuriyeti Devletindeki durumu hakkında birçok kaynakta bilgiler bulunmaktadır. Orta Asya'dan doğan, Göktürklerin devamı olduğunu söyleyen göçebe topluluğu günlerin getirdiği sosyoekonomik, kültürel, savaş, baskı gibi nedenler sonucu dünyanın çeşitli bölgelerine yayıldıkları görülmektedir. Bugün Avusturalya'dan Amerika' ya, Moğolistan' dan Avrupa' ya kadar birçok devlet ve bölgede Nogay Topluluklarına rastlıyoruz. Bu toplulukların Nogay dili, kültürü ve etnoözellikleri konularındaki seviyeleri ve birikimleri farklıdır.

Bu çalışmada özellikle Türkiye' deki Nogayların Tarihi ve bugünü hakkındaki bilgileri paylaşmaya çalışacağız. Eldeki çalışmalardan nasıl bir bakış açısı getirildiğini göreceğiz.

NOGAYLAR KİMDİR?

Nogaylar Türk ırkının Kıpçak Boyunda oldukları yapılan birçok araştırmada belirtilmektedir. Türk tarihinde Nogay veya Nokay sözüne ilkolarak, bir Türk İmparatorluğu olan Avar (Apar) Devletinde, bilhassa 492 ile 506 yılları arasında hükümdarlık yapmış Nokay (Nogay) Kağan devrinde rastlamaktayız. Yalnız Avar döneminde Nogay ismi bir boy ismi olmamıştır. İkinci defa ise yine bir Türk İmparatorluğu olan Anltınordu Devletinde bilhassa Berke Han döneminde görülmektedir. Nogay; üstün kabiliyeti, büyük teşkilatçılığı sayesinde Altınordu Devletinin en yüksek mevkilerine çıkmıştır. 13.yy' daki Moğol istilası sonucu ortaya çıkan ve Aşağı İdil (Volga) boyunda kurulmuş bir Türk – Moğol Devleti olan Altın Orda Devleti, başta Kıpçaklar, Bulgar Türkleri, Hazarlar, Slavlar vb. pek çok kavmi içinde barındırmıştır(Alpargu 2007: 30)

Kıpçaklar ile idareci kesim içinde görülen Mangıt, Kongrat gibi Moğol boyları dışında, eski Türk Topluluklarından bir kısmı da Nogayların etnik yapısı içinde yer almıştır. Bunlar arasında Peçenek, Kanglı gibi boyların yanında Aslar gibi eski sekeneden kalmış boylara da rastlanmakta, Türkmen, Keneges ve Nayman boyları da bu yapıya katılmaktadır. Alpargu' nunKeldesov' a dayanarak verdiği bilgiye göre, Nogayları oluşturan bu etnik yapının %50' si Kıpçak, % 30'u Peçenek, geriye kalanı ise diğer boylardır, ancak Alpargu,bu oranları ihtiyatla karşılamak gerektiğini ifade eder (2007: 30-32). Nogayların oluşumunda Kıpçak yapı çok önemli bir yere sahiptir. Kıpçaklar,Altın ordu ve onun devamı olan bir çok hanlıkta olduğu gibi Nogay Hanlığı' nda da idari ve sosyal bakımdan büyük rol oynayan bir güç olmuştur (Öner 1998: 17) Alpargu (2007:32) Nogayların oluşumunda Moğol Mangıtların, yerli Asların, Kıpçak, Kanglı,Türkmen, Kongrat gibi Türk boylarının da rol oynadığı belirlenmektedir.

Kereytov ‘ a göre (1998:2) Nogayların etnik yapısında yer alan kabile ve soylar şunlardır: Uysun, Kıpçak, Nayman, Kereyit, As, Kıtay, Durmen, Kongrat, Nukus, Kenegis, Tama, Mangıt, Bıdrak, Borlak, Kanglı, Kobek, Bayis, Saray, Kongut, Majar, Ming, Korkıt, Baydar, Bulgar, Uygur, Seyıc, koban, Abaz, Kırgız, Türkmen, Kalmık, Kumuk (Alpargu2007 : 33). Ayrıca Nogay, Kazak, Kırgız, Özbek ve Başkurtlar arasında akrabalık bağları vardır, bunlar hemen hemen aynı boylardan oluşmaktadır ve Boyların kabile ilişkileri bakımından birbiriyle önemli bağları vardır.(Alpargu 2007: 34)

Kavim adı olarak da ‘Nogay’ adının nasıl kullanılmaya başlandığı konusunda farklı görüşler mevcuttur. Alpargu’nunKafalı’ya dayanarak verdigi bilgiye göre, Cuci ulusunun en önemli kabilelerinden birisi olan Mangıtlar, açıklanamayan sebeplerden dolayı ‘Nogay’ adını almışlardır. Altın Ordu şehzadelerinden Nogay’ın, ölümünden iki yüz yıl sonra Mangıt topluluğuna isim olması (15. Yüzyılın sonları) anlamlı gözükmemektedir. Bunun yanında Nogay Türkleri arasında Nogay hakkında bir hatıra, destan veya efsane bulunmamaktadır.

Cuci’nin oğlu, dolayısıyla Cengiz Han’ın büyük torunu olan Nogay Karadeniz’inkuzeyinde kurulmuş olan Altın Orda Devleti yönetiminde söz sahibi olan bir tümen beyidir. Annesicariye olduğundan dolayı yasaya göre “han” olamamıştır.Nogay, Don nehri ile Dinyper (Özü) nehirleri arasındaki topraklarda büyük nüfuz kazanmışve Altın Orda Hanlarından Berke Han’ın ölümünden sonra bağımsız bir han gibi hareket etmiştir.1259-1299 yılları arasında ortalama 40 yıla yakın Altın Orda Devleti’nin mukadderatına hâkim olmuştur. Komşu yabancı devletlerle bir takım ilişkiler kurduğu gibi Altın Orda Devleti’niniçerisinde meydana gelen taht mücadelelerinde de rol oynamıştır. Rus prensleri arasında nizamısağladığı gibi, 1285’de Kıpçak ülkesinde kıtlık başlayınca Lehistan ve Macaristan’a akınlar düzenlemiş, hatta Bulgaristan’ı kendisine bağlamıştır. Altın Orda Devleti’nin taht kavgalarına da müdahale eden Nogay, Tula Buğa’ya karşıTokta’yı 1290’da tahta çıkarmıştır.1290-1312 yıllarıarasında Altın Orda tahtında bulunan Tokta, Nogay’ın etkisiyle birçok Nogay beylerini öldürtmüştür. Nogay’ın himayesinde Altın Orda tahtına geçen Tokta (Tohtu), Nogay ile anlaşmazlığa düşünce kendisiyle uzun bir mücadeleye girişmiş, neticede 1299’da Kafkasya Dağlarıönündeki “Kökenlik” denilen yerde Nogay’ın ordusunu yok etmiş, Nogay da savaş alanında öldürülmüştür şahıs olarak Nogay’ın başarıları, büyük olmakla beraber devlet içinde devlet gibihareket etmesi Altın Orda Devleti’nin iç mücadeleler sonucunda zayıflamasına neden olmuştur. Nogay tarihte, özellikle Altın Orda-İran savaşında 1252-1269 tarihinde kazandığı zaferle veMısırlılarla kurduğu münasebetlerle adından bahsettirdiği görülmektedir.

Nogayların tarihinde Edige Bey’in Nogay’dan daha çok adı geçmektedir. Mangıtların beylerinden biri olan Edige, Nogay gibi istediği şehzadeyi tahta çıkarabilen cesur bir beydir. Nogay Ordası’nın bütün bey ve mirzaları Edige soyundandır. Nogayların atalarının Edige olduğu hakkında eski kaynaklarda bilgilere rastlanmaktadır (mesela bir Osmanlı kaynağı olan Cenabi’de). Edige ile ilgili yaygın bir destan da vardır (Alpargu 1996: 194—?195). Üzerinde kesin bir bilgi olmamasına rağmen, araştırmacılar Edige’nin isimlerinden birisinin Nogay olabileceği ihtimali üzerinde durmaktadırlar (Alpargu 1996: 195).

OSMANLI – RUS – NOGAY İLİŞKİLERİ

Rusların 1552’de Kazan Hanlığı’nı 1556’da AstrahanHanlığı’nı işgal etmesiyle OrtaAsya’ya doğru Rus yayılmacılığın başlangıcı olmuştur. Çariçe II. Katerina döneminde başlayan ve1768-1774 yılları arasında 6 yıl süren Osmanlı-Rus Savaşı’nın sonunda Osmanlıların ağır biryenilgiye uğraması Rus yayılmacılığını hızlandırmıştır. Altı (6) yıllık savaş sonunda imzalanan1774 Küçük Kaynarca Anlaşmasıyla Kırım kaybedilmiştir. Kırım’ın kaybedilmesiyle ilk önceKafkaslar ardından Orta Asya için bir dönüm noktası olmuştur. 1783’de Kırım’ın Ruslar tarafından ilhak edilmesiyle Deşt-i Kıpçak’ın kapıları da Ruslara açılmıştır. 1853-1856 Osmanlı-Rus Savaşı (Kırım Savaşı) esnasında Kırım Tatarları, Nogaylar ve diğer Kafkas halklarınınOsmanlı Devleti’nden yana tavır koyması üzerine Rusların bu bölge üzerinde daha etkili bir şekildefaaliyete girişmelerine sebebiyet vermiştir.

Özellikle bölgeyi Ruslaştırmak amacıyla bir yandan bölgenin asıl sahibi olan Türklere aşırıvergi yüklenmiş, topraklarına el konularak fakirleşmesini sağlamıştır. Diğer yandan bu bölgeyeRus kökenli insanları iskân etmeye başlayarak bölge Ruslaştırılmaya başlanmıştır. 1854’de Rusların Karadeniz kıyısında oturan tüm Müslümanları iç bölgelere göç ettirmek istemesi üzerine katliamdan korkan bölge halkı kitleler halinde göç etmeye başlamıştır. Kırım Savaşı ve sonrasındabaşlayan Çerkez, Tatar ve Nogayların çoğunluğunun Adana, Halep, Suriye ve bir miktarı daKonya’ya sevk edildiği bilinmektedir. 1856’da başlayan göçlere rağmen 1860’a kadar gelengöçmenlerin sorunlarının halledilebileceği bir teşkilat oluşturulmamıştır.

Osmanlı-Nogay ilişkileri, XVI. yüzyılın başlarına kadar inmektedir. Fakat budönemdeki ilişkiler üst düzeyde olmayıp, bireysel olarak Osmanlı topraklarınıkullanarak hacca gidecek olan Nogayların karşılaştıkları güçlükleri izale etmektenibaretti. Bugelişmeler karşısında Osmanlı Devleti'nin bölge halkları ile daha yakın ilişkilerkurma zorunluluğu ortaya çıkmıştır. Soğucak Muhafızı Ferah Ali Paşa'nıngayretleri, bunun gerçekleşmesini sağlamıştır (Bice 1991: 66). Osmanlı-Nogay ilişkileri, Rusların Kırım'ı işgal etmelerinden sonra farklı ve çok dahaciddî bir boyut kazanmıştır. Bu olaydan sonra Ferah Ali Paşa yeni yurt içinyardım isteyen Nogayları Kafkasya'da Hacılar ve Anapa Kaleleri ile Hatukayyöresine yerleştirmiştir (Gökçe 1979: 59-72). Osmanlı-Nogay ilişkisi KırımSavaşı'na kadar artarak devam etmiştir (Togan 1947: 163-166).

OSMANLI İMPARATORLUĞUNA GÖÇLERİ

1854 sonlarına doğru Rus Çarı, Karadeniz kıyısında oturan tüm Müslümanlarıniç vilayetlere göç ettirilmesini istemiştir (Firuzoğlu 1999: 687-696). Birsoykırımdan korkan bölge halkı da kitleler halinde bir kaçış hareketi başlatmıştır.Osmanlı Devleti'nin 300.000 göçmeni kabul edeceğini bildirmesi, göçmen akınının başlamasına neden olmuştur. Osmanlı Devleti'nin bu tavrıkimilerince göçü teşvik olarak değerlendirilmektedir. Olayların gelişimi biziaynı kanaate yönlendirmemektedir. Biz bunu "kurtaran yok mu" çığlıklarınaverilen; "biz buradayız" cevabı olarak yorumluyoruz. Nitekim Türk toplumuhangi devirde olursa olsun ırk, mezhep, din farkı gözetmeksizin yurtsuz kalanherkese kapılarını açmıştır.

Kafkaslardan Anadolu'ya yapılan göçün gönüllü ve çoğu kez Osmanlı'nınözendirmesi ile gerçekleşmediği, Osmanlı Devleti'nin öncelikli hedefinin bölgehalkını olduğu yerde korumak olduğunu Viyana Konferansı'na memurolan Ali Paşa'ya verilen talimatta görmek mümkündür. Bu talimatta; "Kırım, Çerkezistan ve Dağıstan'ın Rusyalının pençe-i kahrından kurtarılmasının"politik ve insani açıdan en doğru yol olacağı belirtilmektedir (Türkgeldi 1987:344). Bu da bize Osmanlı Devleti'nin temel hedefinin bölge insanını yerindekorumak olduğunu göstermektedir.

Bölge halkını yerinde koruyamayan Osmanlı çaresiz kapılarını onlara açmış veyarım yüzyılı aşkın sürecek olan göçler başlamıştır. Osmanlı Devleti'ne:1856'da başlayan bu yoğun göç dalgasına rağmen, 1860 senesine kadar ilticaeden muhacirlerin ekonomik ve sosyal sorunlarının halledileceği bir teşkilatoluşturulmamıştır. İltica oldukça sınırda bulunan ilgili sancak beylerine gönderilenemirlerle halledilmeye çalışılmıştır (Eren 1966: 39). Ancak bu durum, ozamana kadar göçmenlerle ilgilenilmediği anlamına gelmemektedir.

Kırım Tatarları için en uğursuz gelecek göstergesi, Kırımın kuzeyindeki ve batısındaki ülkesinden ayrılmak zorunda bırakılmış olan Osmanlı İmparatorluğunun Liman kentlerine giderken Kırım ülkelerini bir uçtan öteki uca geçen onbinlerce Nogay Tatarının Kırımda görülmesi oldu. Nogaylara; ya Rusya ' nın başka bölümlerinde daha az istenebilir nitelikte bölgelere göçmek için kendi yurtlarını terk etmek, ya da Osmanlı İmparatorluğuna göçmek seçeneği verilmişti. Böyle olunca, onların kardeş halkı Kırım tatarları, ancak kendilerine de az sonra sıranın gelmesini bekleyebilirlerdi.

Nogay tatarlarının göçü 1860 ' lı yıllar boyunca sürdü. Kırım Tatarlarından da bu göçe katılanlar oldu. Göçmenleri onları karşılamak için hiç de hazırlıklı olmayan bir Osmanlı İmparatorluğuna geldiler. Kırımlıların yığınsal göçünü gözlemlemiş kişiler (Osmanlıda bu kişileri ülke içinde uygun yerlere aktarıp yerleştirmek için) yeterince para ve çadır, yiyecek ve ulaşım aracı bulunmadığını belirtiyorlardı. Çok sıkışık yaşam düzeninin bulunduğu göçmen kamplarında sağlık koşulları ağlanacak durumdaydı.sürgün edilmiş tartların toplanma ve geçici olarak yerleştirme merkezlerinden biri olan DobrucaMecidiye de belki günde 50-60 bin insan ölüp gidiyordu, göçmenlerin geldiği diğer bölgelerdeki durum da aynı idi. En az 300000 tatar göç ettirilmişti.

Osmanlı İmparatorluğunun parçası olan Romanya, Bulgaristan sınırlarıyla, Türkiye' nin birçok bölgesiyle yapılan araştırmalardan Suriye ve çevresinde Nogayların yerleştiği görülmektedir.

Kırım Savaşı ile birlikte göç ve göçmen işleri Şehremaneti'ne verilmiştir. Ancakbaşkentte artan Çerkez ve Nogay göçmen sayısı sadece göçmenlerleilgilenecek bir teşkilatın kurulmasını zorunlu hale getirmiştir. Bu amaçla02.01.1860 tarihinde Trabzon Valisi Hafız Ali Paşa başkanlığında bir MuhacirinKomisyonu'nun kurulması kararlaştırılmıştır (BOA. MAD, nr, 9072,varak 10/b; Eren 1966: 39-56). Bu komisyonun kurulması ile ilgili yayınlanannizamnamenin 15. maddesinde Çerkez, Tatar ve Nogayların ekserisininAdana, Halep, Suriye ve bir miktarının da Konya'ya sevk edilmekte olduğu,ayrıca Zor Sancağı'na iskânın da uygun olacağını belirtilmektedir (Eren1966: 96–113). Varna ve Selanik'te olup buralara iskân edilecek olan muhacirlerinAntalya, Silifke, Mersin, İskenderun, Trablusşam, Akka ve Hayfalimanlarına gönderileceği bildirilmiştir.(Eren 1966: 110).

Ayrıca, Osmanlı hükümeti Kırımlı Müslümanların naklini Türk donanmasına ait gemilerle de gerçekleştiriyordu. Bu nedenle, Osmanlı donanmasının üçte ikisi Tatar muhacirlerin taşınması için

kullanıldı. 1860"ta Türk hükümeti Kırımlı 300 Tatarın daha uyruğuna geçmesine izin verdi. Sadece 1860'ın Nisan-Ağustos ayları arasında Kırım'dan göç eden Tatarların sayısı 100 bindi. Rus yazar A. Andreyev'in yazdığına göre, «Ellilerin sonu ile altmışlı yılların başlarında (XIX. yy.- A.A.) Tatar sürgünü çok büyük boyutlara ulaştı: Tatarlar yığınlar halinde çelik çubuklarını bırakıp adeta Türklere koşuyorlardı. 1863 yılına doğru, sürgün bittiğinde, yarımadadan gidenlerin sayısı uzadıkça uzuyordu. Yerel bir istatistik komitesine göre, gidenler, her iki cinsiyetten 141 bin 667 kişiydi.

Tatarların ilk göçünde yer alanların çoğu dağlıydı, ama bu kez sürülenlerin neredeyse tamamı düzlük yerlerdendi».Türk tarihçisi Abdullah Saydam, Kırım ve Kafkasya'dan Osmanlı İmparatorluğu'na yığınsal sürgünlere ilişkin araştırmasında, «Kırım savaşından 1860 yılına dek göç edenlerin sayısının en azından 141 bin 667 kişi olduğunu» belirtmektedir. «1862 yılına gelindiğinde muhacirlerin sayısı 369 bin 28"e ulaşmıştır. Bu sayıya sadece Kırım'dan gelenler dahildir.»Türk tarihçi Kemal Karpat'ın verilerine göre, 1783–84 yıllarında Kırım'dan Osmanlı İmparatorluğu'na 80 bin civarında Tatar göç etmiş ve bunlar Besarabya, Dobruca ve Anadolu'da iskân edilmişlerdi.

1861–64 yıllarında Kırım'dan 227 bin 627 kişi daha göç etti (126 bin 2 erkek ve 101 bin 605 kadın). Kemal Karpat, 1783 ile 1922 yılları arasında Osmanlı İmparatorluğu'na göç etmiş olan Kırım Tatarlarının toplam l milyon 800 bin kişi olduğu sonucuna ulaşmaktadır.

Kırım Tatarlarının ardından, Nogay ve Kuban steplerinden Nogaylar da, Gunib köyünün Ruslara geçmesi ve Şamil'in tutsak edilmesine sert tepki göstererek, Osmanlı İmparatorluğu'na göç ettiler. Nogaylar'ın toplu olarak Osmanlı İmparatorluğu topraklarına resmî göçü, 1860 yılında, hacca giderek Kâbe'yi tavaf etmek bahanesiyle yapılmıştır. Nogaylardan Galauz-Sablinlerin, Beştovokumların ve Galauz-Cem boylukların tamamı Türkiye'ye göç etmişlerdir. Çoğu Rusya'ya birkaç kez geri dönüp tekrar göç ettiklerinden, Osmanlı İmparatorluğu'na göç eden Nogayların sayısını tam olarak tespit etmek zordur. Türk araştırmacı Kemal Karpat'ın verilerine göre, bunların sayısı 46 bin ile 50 bin arasındadır. Rus yazarı Tomilov'un verilerine göre ise, Kırım Savaşı'nın ardından 20 bin Nogay ailesi Rusya'yı terketmiş ve bunlar Adana ovasına yerleştirilmişlerdir.

Çerkezlerin yığınsal göçlerinde, Kırımlı Tatarlar ve Nogayların Osmanlı İmparatorluğu'na gelmelerinin belirgin bir rolü olmuştur. Herşey bir yana, Kırımlı Tatarlar ve Nogaylar, Kuzey Kafkas Müslüman boylara öncü ve örnek olmuşlardır. Bazı Türk uyruklu Tatar ve Nogaylar, önce kendi kendilerine, sonraları ise Osmanlı hükümetinin teşvikiyle, kendi örneklerini izleyerek hak dininin halifesinin ülkesine göç etmeleri için, Kuzey Kafkas boyları arasında hararetli bir acitasyon başlattılar. Bu propaganda amacına ulaştı ve dağlıların çoğu İslâm halifesinin ülkesinde mutlu bir yaşam rivayetine kandı. Meselâ, 1864 göçü sırasında pek çok mahrumiyete katlanan Çerkezlerin çoğu, kendilerini, «İslâm halifesinin ülkesinde hepimizi bir tas pirinç bekliyor» düşüncesiyle teselli ediyorlardı.

Türkiye Cumhuriyeti Devleti'ne dört bir taraftan gelen göç dalgalarının sebebine değinmiş ve bu göç dalgalarının içinde en kalabalıktopluluklar arasında Kırım Hanlığı'nın halkı olan Kırım Tatarları ile Nogayların yeralmasından bahsetmiştir. "Öte yandan, yüz binlerce Kırım Tatarı'nın ve Nogay'ın göçüOsmanlı Devleti'nin ve onun halefi olan Türkiye Cumhuriyeti'nin demografik yapısında dakayda değer fevkalade değişikliklere yol açmıştır.

Çerkezlerin bu şekilde iskân edilmesine karar verildikten sonra Nogaylar üzerinde durulmuştur. Nogayların tek parça halinde iskân edilmek konusundaki ısrarları.Bu durumda Erkan–ı Harbiye Binbaşısı Hasan Tevfik Efendi başkanlığında aralarında Nogay temsilcilerinin de bulunduğu bir heyet kış ayının sonlarında Adana ve Çukurova bölgelerinde bir dizi keşif ve muayenede bulunmuşlardır. Özellikle 104 hane ve 587 nüfustan oluşan bu kalabalık gurubun tek parça halinde iskân olunabilecekleri bir bölge aranmıştır.

Yapılan incelemeler neticesinde Adana eyaleti sancaklarından Üzeyr Sancağı dâhilinde bulunan ve deniz kenarında bulunduğundan uygun bir havaya sahip olan Ayas arazisi uygun görülmüş ve buranın keşfi için bir heyet gönderilmesine karar verilmiştir. Çukurova bölgesinde akan Ceyhan nehrinin kenarında uzanan Yarsuvant bölgesinin bu iskân için uygun olduğuna karar verilmiştir. Nogay muhacirlerinin Adana bölgesinde iskânına karar verildikten sonra, bunların iskan olunacakları bölgelere gönderilmesi için direkt olarak Mersin limanına getirilmesi istenmiştir. Ancak Çerkez muhacirler içinde mevzu bahis olan bazı sıkıntıların Nogay muhacirleri içinde geçerli olması aynı önlemlerin burası içinde alınmasını zorunlu kılmıştır.

Ayrıca gerek hanelerin inşası ve gerekse ulaşımda karşılaşılan zorluklar göz önünde bulundurulduğunda, bu iskân faaliyetinin uzun sürebileceği düşünülerek hem Çerkezlerin hem de Nogay muhacirlerinin 10 sene vergiden, 25 sene de askerlikten muaf tutulmasına karar verilmiştir.Mersin limanına ulaşan Nogay muhacirleri Tarsus'a götürülerek buralarda ikamet ettirilmiştir

1860 – 61 yılında bir gurup Çerkez ve Nogay muhaciri hava muhalefetinden dolayı zorunlu olarak Samsun limanına çıkmışlar ve buralarda iskân olunmuşlardır.

Samsun'a gelen muhacirlerden Amasya Sancağı dâhilinde bulunan Zaltun ve Varay (Gediksaray) kazaları ve Tagıtaşan Dağı civarında bulunan boş devlet arazilerine yerleştirilecek olan nüfus önceleri 4 hane iken peyderpey devam eden muhaceret neticesinde bu yekûn beklenmedik bir şekilde 393 kişi ve 68 haneye yükselmiştir. 1860 yılındaki bu göç dalgasının akabinde Amasya'da iskân edilen muhacirlerin bir bölümü Konya ve Haymana bölgesine gönderilmiştir

Deş-ti Kıpçaktan kafileler halinden Osmanlıya doğru gelen Nogaylar öncelikli ve ağırlıklı olarak Karadeniz Kıyıları, İstanbul çevresi, Adana , Mersin, Anadolu'nun dört bir yanına yayılmışlardır. Bunlardan Adana, Konya, Eskişehir, Sivas, Amasya, Bursa, Balıkesir, Kocaeli, Isparta, Ankara, Afyon, Çorum, Edirne, Gaziantep, Giresun, Kayseri, Kırıkkale, Kırşehir, Kırklareli, Tekirdağ, Tokat, Yozgat, Yalova varlıkları hissedilen şehir merkezlerinden bazılarıdır. Kafkasya' dan gelen Muhacilerle birlikte yaşamak için Kayseri, Maraş bölgesinde Çerkez olarakda adlandırılmışlardır ve aynı kültürün çocukları olarak da beraber yaşamayı tercih etmişlerdir.Daha öncede belirtildiği üzere toplu ve ferdi yerleşimler olmuştur. Toplu yerleşimlerde geleneksel kültür ve dil günümüzedeğin yaşatılarak gelmiş, tekli yerleşimlerde ise geleneksel dil ve kültür, baskın yöre kültürünün altında ezilerek kaybolmuş ancak bazı kelimeler yiyecek ve içecekler, giyisiler ve alışkanlıklar bir eser olarak günümüzdede varlığını sürdürmektedir.

GÖÇ SIRASINDA YAŞANILAN ZORLUKLAR

Nogay Muhacirlerin yaşadığı sorunları;

-Nakil sırasında yaşanan zorluklar, -Karışık iskan sorunu,

-Osmanlı Hukuk Sistemine uyum problemleri, -Salgın hastalıklar,

-Nogay Beylerinin Osmanlı tabiiyeti ile birlikte kendi halkları üzerinde nüfuzlarını kaybetme endişesi ile geriye dönüşü teşvik etmeleri,

-Yerli aşiretlerin olumsuz tavırları

-İklim şartlarına alışılamaması,

MUHACİRLERE SAĞLANAN YARDIMLAR

Devletin göçmenlere yaptığı yardımların büyük kısmını Muhacirlerin Komisyonu vasıtasıyla yürütülmekteydi. Ancak bu komisyon tarafından yapılan harcamalardan başka gönderilmedikleri vilayetlerde yerel yönetimler ve halk tarafından da önemli miktarda yardımda bulunulmuştu. Muhacirlere yapılan yardımları nakil masrafı, yevmiye iskan evleri, aşevi, öküz ve tohumluk yardımları gibi başlıklar altında toplamak mümkündür.

Toplu olarak iskan edilecek her göçmen aileye nüfuslarına uygun birer ve hane ve muhacirlerin yanlarında getirdikleri köle ve cariyeler içinde hanelerine birleşik odalı meskenler inşa edilmiştir. Aynı şekilde karışık olarak iskan edilen muhacirlere de iskan evleri yapılmıştır. Ancak bu evlere devlet tarafından değil, yerleştirildiği köy ahalisi tarafından yapılmıştır.

Devlet, muhacirlerin yerleşip üretici duruma gelmelerinden sonrada gerektiğinde yardımlarda bulunmaktan kaçınmamıştır. Ceyhan Nehri boylarına yerleştirilen Nogay Muhacirleri birbirine gelip gitmekte güçlük çekmeleri üzerine 10.000 kuruş bedelli bir salın yapılması kararlaştırılmış ve Muhacirlerin muafiyetleri kalkmasına kadar ücretsiz yararlanılması sağlanmıştır. Ayrıca vergi ve askerlikten muaf tutulmuşlardır.

GÜNÜMÜZDE NOGAYLAR

Bugün Türkiye' nin dört bir yanında yaşayan Nogayların kültür, dil vb. özelliklerini yaşatma çabasındadırlar. Köy ve kasabalarda Kültür , gelenek ve dil genellikle yaşamaktadır. Fakat şehirlerde bu unutulmaya başlamıştır.

Yemekler, sorba, inkıl, uykan, kasık börek, bavursak, lukum, koyan kulak palye, çiğbörek, tava börek, Nogay çay, kalakay, maylıkalakay , şoyünötbek yaşatılmaya çalışılan kültürlerdendir.

NE YAPILABİLİR?

Örgütlenerek kendi kültür ve dillerini koruma çalışmaları devam etmelidir. STK örgütleri çalışmaları teşvik ve desteklenmelidir.

Ayrıca STK tüm Nogay yerleşimlerindeki soydaşlarla işbirliği içine girmeleri ve araştırma yapmalarıdır. Bu da Nogay Türk kültürünü ve dilini canlı tutacaktır.

Dil üzerindeki çalışmaları arttırmalı, Nogay Bölgelerinde ki dil çalışmalarıyla entegre olmalıdır. Çünkü dil üzerinde yapılan tartışmalarda unutulan bir kelimenin diğer bir Nogay ilinde yaşadığı

görülerek tekrar hatırlanmasına ve yaşatılmasına vesile olacaktır.

Karşılıklı yayın paylaşımı yapılmalıdır. Kültürel yönden zengin edebi eserlere sahip bölgelerden diğer bölgelere kitaplar gönderilerek ortak yayın kültürü pekiştirilmeli, öğrenilmeli ve hatırlanmalıdır.

Ortak web siteleri kurulmalı, Rusça, Türkçe, Nogayca yayın yapılmalı, Nogay dilin ağırlık olmalıdır. Genel kültürler paylaşılmalıdır.

Genellik organizasyonları desteklenmeli ve oluşturulmalıdır. Tüm Nogay geneli bir dijital ortamda buluşmalıdır.

Öğrenci değişimi teşvik edilmeli ve yapılmalıdır.

Sabantoy, Şölen, Fuar ve yarışmalarla Nogayların buluşması sağlanmalıdır.

Nogay tarihi üzerine çalışmalar arttırılmalı, Nogay tarihi, kültürü, değerleri vb. konularında veri bankası oluşturulmalıdır.

Ticari ilişkiler arttırılmalı, fırsatlar yaratılmalı ve kullanılmalıdır.

Akrabalık bağları tesis edilmelidir.

Karşılıklı ilişkiler Nogay Kültürüne,diline, müziğine, oyununa olan ilgiyi arttırmıştır.

-Alpargu. (2007). *Nogaylar.*İstanbul : Değişim Yayınları.

-Bayraktar. (2008). *Kırım Savaşı Sonrası Adana Eyaleti ‘ ne Yapılan Nogay Göç ve İskanları (1859 – 1861).* Selçuk Üniversitesi.

-Çağ.(2013). *19. Yüzyılda Çerkes ve Nogay Göçmenlerin Anadolu’ da İskanı ve Çankırı Örneği.* Çankırı Karatekin Üniversitesi İktisadi ve İdari bilimler Fakültesi Dergisi.

-Ergöneç Akbaba. (2013). *Nogay Adı ve Nogayların Kökeni Üzerine.*TDD/JofEL

-Gündüz.(2012). *XIX. Yüzyılda Kırşehir’e Yerleştirilen Nogay Muhacirleri (1861-1863)* .TurkishStudies.

-Nogay. (2011) . *Nogay Ordası.* Nogay Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği Genel Merkezi.

-http://www.akintarih.com/kafkasya/kafkassavaslarivedaglilar.html

ИДРИСОВ Э. Ш.

Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Астрахань, Россия

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТНИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НОГАЙЦЕВ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Актуальным вопросом для жизнеобеспечения любой этнической общности является возможности дальнейшего воспроизводства. Согласимся с мнением, что в современных условиях этнокультурное развитие все более приобретает конструируемую форму [12]. Традиционные основы хозяйственной деятельности и материальной культуры в течение XX в. ушли в прошлое. Вместе с этим изменилась социальная организация и духовная культура этноса. Значительная часть в этнокультурной сфере теперь зависит от складывания профессиональных форм искусства и литературного творчества. Рассмотрим данный вопрос на примере ногайцев, народа имеющего ряд исторически сложившихся особенностей этнического воспроизводства.

Ногайский этнос сформировался в результате этногенетических процессов золотоордынской эпохи XIII–XV вв. Основным определяющим фактором его развития был кочевой образ жизни с последующим переходом к оседлости и переходом на стационарное воспроизводство. В средине XVI в. – начале XVII в. их собственное государство, Ногайская Орда, распадается на мелкие орды, начинается процесс миграции ногайцев за пределы первоначальной территории своего расселения (междуречье Волги и Урала), они расселяются на юго-западных оконечностях евразийской степи. К XVIII в. складываются крупные массивы ногайского населения в Нижнем Поволжье, Северном Кавказе и Северном Причерноморье. В дальнейшем некоторые группы мигрируют на территорию Турции. Существовавшее ранее

широкое взаимодействие между этнотерриториальными группами ногайцев прерывается, особенно в XX в.

После распада Ногайской Орды развитие ногайцев все больше зависело от характера взаимоотношений с региональным этническим окружением. Только в современных условиях происходит становление новых отношений между этнотерриториальными образованиями ногайцев. Сегодня можно говорить о возникновении этнокультурного движения этого народа с охватом всех территориальных групп и тенденций формирования общеногайского этнического самосознания.

Таким образом, современное дисперсное положение ногайского этноса напрямую связано с его предшествующим кочевым образом жизни. По Всероссийской переписи 2010 года в России насчитывается 103660 человек ногайской национальности. В субъектах Юга Росси ногайцы компактно живут в Астраханской области (7589 чел.), Дагестан (40407 чел.), КЧР (15654 чел.), Ставропольский край (22006 чел.) и Чечня (3444 чел.). Это традиционные регионы проживания ногайцев. Кроме этого, за последние два десятилетия образовались довольно представительные, в рамках ногайского этноса, массивы населения в таких субъектах, как Ханты-Мансийский автономный округ (5323 чел.) и Ямало-Ненецкий автономный округ (3479 чел.) [1].

Следует выделить следующие этнотерриториальные ногайские группы. В Дагестане ногайцы проживают в следующих муниципальных районах и поселениях: Ногайский район (караногайцы), Кизлярский район (караногайцы), Тарумовский район (караногайцы), Бабаюртовский район (бабаюртовские ногайцы), пос. Глав. Сулак (сулакские ногайцы). В Чечне в Шелковском районе (шелковские ногайцы). В Ставропольском крае: Нефтекумский район (ачикулакские ногайцы), Степновский район (ачикулакские ногайцы), Минераловодский район (кумские ногайцы) [8].

Об астраханской группе хочется сказать отдельно. Вслед за Л.Ш. Арслановым, В.М. Викториным выделим ногайцев по переписи: это карагаши, проживающие в Красноярском районе, в с. Растопуловка Приволжского района, в с. Лапас Харабалинского района, пос. Кири-Кили, пос. Свободный, пос. Янго-Аул и мкр. Бабаевского г. Астрахани; кундровцы, проживающие в с. Тулугановка Володарского района и лиц ногайского происхождения: юртовцы, проживающие в селах Приволжского и Наримановского районах и утары, проживающие в с. Янго-Аскер Наримановского района и с. Зензели Лиманского района, а также ногайцев переселившихся из северокавказских субъектов, проживающих в основном в Трусовском районе г. Астрахани и селах Приволжского района [3].

Вопросами этнокультурного воспроизводства ногайцев в основном занимались в 1990-е годы. Данной проблеме посвящены работы работы Калиновской К.П., Маркова Г.Е., Викторина В.М., Суюновой Ф.С. [7,4, 9] и др.

После распада СССР между всеми территориальными группами активизировалось общение и взаимодействие. В силу этого усилился процесс формирования общеногайского самосознания. Уровень и степень его выраженности в середине 2000-х гг. была исследована в работах К.Н. Казалиевой [6]. В 2006 году в городе Санкт-Петербург прошла международная конференция, на которой также поднимались вопросы перспектив этнического развития ногайцев [11].

Определяющими современными факторами формирования общеногайского самосознания являются:

- рост этнического фактора в общественной жизни, как следствие актуализации проблем этнокультурного воспроизводства;
- миграция из регионов традиционного проживания;
- межрегиональные мероприятия и деятельность общественных этнокультурных организаций;
- развитие современных информационных технологий, как средство постоянного общения.

Кроме этого, можно отметить и базисные основы сохранения общеногайских этнических характеристик, отраженные в самосознании представителей данного народа. Это, прежде всего, память об историческом прошлом, сохранение устойчивых черт родного языка

и культуры, и наличие стойких представлений о прошлых родоплеменных объединениях. Внимание к ним за последнее время актуализировалось.

Ногайцы РФ в основной массе проживают в сельской местности. Это является важным условием сохранения функционирования родного языка и традиционно-бытовых особенностей. Влияние урбанизации, из традиционных регионов проживания, более всего ощущается в г. Астрахани. Как мы знаем, здесь естественному процессу переселения из сельской местности в город, сопутствовало искусственное переселение из зоны Астраханского газоперерабатывающего завода. В результате ускорились процессы аккультурации и ассимиляции в среде астраханских ногайцев [10].

Среди крупных событий начала и развития общеногайского этнокультурного движения можно назвать празднование в 1991 г. 600-летия эпоса «Эдиге» в с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан, а также проведение в 2004 году Международного фестиваля ногайской культуры «Ногай Эл» в г. Махачкала. Эти мероприятия с одной стороны, имели событийное значение для современников, с другой стороны, стали символами модели общеногайского единства на последующий период.

Установилась традиция проведения некоторых постоянных межрегиональных мероприятий. Среди них следует особенно отметить – Джанибековские чтения. Они стали проводиться с 1992 г. в Астраханской области, приуроченные ко Дню рождения ногайского просветителя А.-Х. Ш. Джанибекова. С 2007 года в молодежной среде сложилась традиция проведения Всеногайского открытого турнира по вольной борьбе «Степные богатыри».

Кроме культурных мероприятий также взаимодействие происходило в направлении политической мобилизации. В 1989 г. проводился Второй Всеногайский съезд. На нем обсуждался вопрос об объединении ареалов проживания ногайцев на Северном Кавказе, и было принято решение о создании межрегиональной общественной организации «Бирлик». В мае 2011 г. прошел Третий Всеногайский съезд на котором было принято решение о создании Межрегионального совета, а в октябре 2012 прошел Четвертый Всеногайский неофициальный съезд, на нем было принято обращение к Путину о создании территориальной автономии [2, 13].

О положении ногайцев на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане, есть опыт обращения в международные организации. Пример – председатель общества «Бирлик» Республики Дагестан Я. Аджиев выступал на 9-й сессии Постоянного Форума ООН в мае 2010 года. Прежде всего, акцентируется внимание на земельный вопрос и трудности этнокультурного воспроизводства.

Здесь хотелось бы отметить, что в этнополитической практике ногайского этноса часто используется опора на историческое прошлое, особенно на период могущества Ногайской Орды, а также драматический период окончательного вхождения ногайцев в состав Российской империи.

Во время принятия закона о национально-культурной автономии в 1996 г. некоторые эксперты обосновывали его на примере этносов, таких как ногайцы, не имеющих этнотерриториальное образование в составе РФ. Об этом, на примере ногайцев, не раз в своих устных и письменных выступлениях говорил Р. Абдулатипов.

Впервые попытка образования Федеральной национально-культурной автономии ногайцев предпринята в начале 2000-х годов. В то время возникли региональные национально-культурные автономии в Дагестане и Карачаево-Черкесии. Но в силу отсутствия единства по вопросам руководства и региона нахождения руководящего органа этот вопрос так и не был решен. Новые попытки возобновилась в 2012-2013 гг. К этому времени оформилось региональная национально-культурная автономия ногайцев Ставропольского края. Последнее мероприятие – конференция-съезд 24 сентября 2013 г. в Махачкале. На нем выбран высший совет из 15 человек, из состава которого в начале ноября 2013 года был выбран председатель ФНКА ногайцев «Ногай Эл» К. Янбулатов.

В связи с этим на повестку дня выносится главный вопрос – насколько будет работать Закон «О национально-культурной автономии» для сохранения и этнокультурного развития ногайцев. Не секрет, что пока более или менее Федеральные структуры национально-культурных автономий работают у народов, имеющих государства за пределами России.

Получается, что регистрируемая Федеральная национально-культурная автономия ногайцев – это пока основная форма политической межрегиональной мобилизации этнической общностей, не имеющих в составе РФ этнотерриториального образования.

Другая развиваемая форма межрегиональной координации – это договоры между муниципальными образованиями регионов традиционного проживания ногайцев. В конце 2012 года был подписан договор в с. Красный Яр между Красноярским, Володарским районами Астраханской области и Ногайским районом Дагестана и Нефтекумским районом Ставропольского края [5]. Оценку эффективности данного способа взаимодействия еще предстоит сделать в дальнейшем.

Важное направление межрегиональной координации этнокультурной общности ногайцев – создание единого информационного пространства. Опыт деятельности печатных ногайских СМИ имеет свою историю. Самый значительный след оставил литературно-публицистический журнал «Половецкая луна», издававшийся в начале 1990-х годов. На сегодняшний день издаются региональные газеты на ногайском языке «Шоьл тавысы» в Дагестане, «Ногай Давысы» в Карачаево-Черкесии, а также детские журналы «Лашын» в Дагестане и «Мьаметекей» в Карачаево-Черкесии.

По общественной инициативе ногайцев г. Москва в начале 2000-х годов стала издаваться газета «Эдил», которая прекратила печататься после выхода 4 номеров, а затем опять возобновившаяся в 2012 г. Некоторое время свой печатный орган имела Астраханская общественная организация «Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге». В 2011 г. в Карачаево-Черкесии стала издаваться газета «Ногайский вестник». В целом необходимо отметить, что при формировании достаточно полноценных выпусков газет существует проблема их распространения по регионам.

На региональных уровнях в Дагестане и Карачаево-Черкесии развивается телевидение и радио на ногайском языке. В начале 90-х годов радио - и теле- передачи на ногайском языке выходили в Астраханской области. Этот вопрос вновь был поставлен на повестку дня в связи с созданием нового телеканала «Астрахань 24».

Но основная действенная форма межрегионального информационного взаимодействия это Интернет. Действует несколько сайтов, такие как Ногай Эл, Ногайру, Ногайцы в исламе и др. Общая специфика ногайского Интернет-движения это то, что в основном сайты модерируются молодежью, отсюда возникает вопрос о качестве предоставляемой информации по историко-культурным вопросам и нестабильность обновления информации.

Важно отметить, что сложилось условное разделение в рамках общего этнокультурного движения ногайцев России: функцию культурного центра выполняет Ногайский район Республики Дагестан, в качестве научного центра и методического центра по ногайскому языку признана Карачаево-Черкесия, где находится ногайское отделение в Институте гуманитарных исследований при Правительстве КЧР и ногайские отделения в Карачаево-Черкесском государственном университете и Карачаево-Черкесском педагогическом училище, просветительским центром и центром работы с молодежью признана Астраханская область.

Этностатусно, в административно-территориальном выражении, ногайцы организованы только на муниципальном уровне. В Дагестане имеется МО «Ногайский район», а в 2007 г. муниципальное образование с подобным названием было создано в Карачаево-Черкесии. О роли и перспективах развития данных муниципальных образований можно встретить разные оценки. Но, в общем, в рамках этнической общности, факт наличия муниципальных районов с обозначением как «ногайские», является важным для этнического самосознания.

За последнее время актуализировался интерес к ногайскому вопросу со стороны представителей родственных ногайцам народов. Ногайским движением охвачена, прежде всего, научная и творческая интеллигенция, а также молодежь башкир, татар, казахов и каракалпаков. Наблюдаются явления индивидуальной реминисценции ногайского самосознания у представителей рода «ногай-казак» в составе казахов.

В каждой из этих этнических общностей есть своя концепция отражающая ход ногайской истории, которая соотносится или нет со сложившимися представлениями внутри ногайского этноса, но в любом случае ведет к усилению внутренней этнической сплоченности ногайцев.

Оценивая в целом перспективы межрегионального этнического воспроизводства ногайцев РФ в современных условиях, можно отметить следующее. Во-первых, возникает вопрос об этнокультурных ориентирах, какие приоритеты будут выбраны, чтобы дальше развивать межрегиональное единство. Вопрос не праздный и лежит в плоскости актуальной практической деятельности. Все больше набирает в общественном мнении сторонников точка зрения, которая ратует за развитие культурного наследия сложившегося в средневековый период (обобщенно «культуры домбры»).

Во-вторых, представителям ногайского народа необходимость определиться и создать действенную форму межрегиональной координации. Несмотря на деятельность по этнокультурному воспроизводству на региональных уровнях, пока нельзя говорить о едином сложившемся центре, который координирует и задает стандарты культурной деятельности для всех ногайцев России. Это касается также научно-исследовательской деятельности и вопросов сохранения родного языка.

В-третьих, это развитие единого информационного пространства традиционными и инновационными средствами. Все межрегиональные попытки издавать газеты или модерировать Интернет-сайты пока выглядят частными инициативами, без достаточного концептуального осмысления и всеохватывающего распространения.

Ногайский этнос за период своего существования прошел сложные этапы воспроизводства. Можно сказать, что в силу катаклизмов, возникших в результате распада Ногайской Орды, мы постепенно наблюдаем угасание первоначальной традиции, смену направленности ее развития. Исторически первые предпосылки аккумуляции традиционного наследия сложились в начале XX века и проявились в деятельности ногайских просветителей Нижнего Поволжья. В советское время центром развития ногайской культуры и языка становится Северный Кавказ. В рамках этнокультурного движения ногайцев сегодня сложились новые условия переосмысления прошлого наследия с учетом региональных особенностей и создания базы для дальнейшей перспективы сохранения этнической идентичности.

1. Итоги Всероссийской переписи 2010 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

2. Сайт Ногай.ру: http: // noghay.ru; сайт Bizim yazi: http://www.bizimyazi.com/?p=1498;

3. Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Кто такие астраханские ногайцы // Политическая агитация. – 1988. – № 20. – С.11-15.

4. Викторин В.М. Астраханские ногайцы // Ногайцы сегодня (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Документ № 44). – М.: [ИЭА РАН]. – 1993. – С.20-31.

5. Джуманов Р. У. Вопросы консолидации ногайских этно-территориальных дисперсных групп России на современном этапе // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. – Вып. 2. – Материалы «Джанибековских чтений». – Астрахань, 2013. – С. 28-31.

6. Казалиева К.Н. Межэтнические отношения ногайцев на Юге России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1 – (34). – С. 171-180; Казалиева К.Н. Этническая идентичность ногайцев России: автореф. дисс... канд. соц.. наук. – СПб: СПБГУ, 2006.

7. Калиновская К.П., Марков Г.Е. Ногайцы – проблема национальных отношений и культура // Советская этнография. – 1990. – №2. – С.15-22; Калиновская К.П. Марков Г.Е. Ногайцы: Этнокультурные проблемы и межнациональные отношения // Вестник МГУ. – Сер. 8: – История. – 1991. – №4. – С.59-70.

8. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. – Черкесск, 1988.

9. Ногайцы в контексте этнополитических отношений на Северном Кавказе: социальный статус и проблемы воспроизводства культурной самобытности. / Отв. ред. С.И. Смыгин. – Ростов на Дону, 1999.

10. Сариева А.К., Идрисов Э.Ш. Проблемы этнической адаптации вынужденных переселенцев санитарно-защитной зоны Красноярского района Астраханской области к городским условиям // Геология, география и глобальная энергия. – Издательство: Астраханский университет. – 2006. – № 1. – С. 175-179.

11. Современное положение и перспективы развитие ногайского народа в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции Санкт-Петербург 2-4 ноября 2006 года. – СПб., 2007.

12. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Науч. ежегодник ИЭА РАН. – Вып. 11. – М.: Изд-во Наследие Моск. методол. кружка – МКК . 2005 – С. 144-167.

13. Ногайский вестник: ежемесячная историко-публицистическая газета. – 2012. – №7.

ИМАШЕВА М. М.

Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии
г. Астрахань, Россия

УЧАСТИЕ ЮРТОВЦЕВ И НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ В СОЦИАЛЬНО – ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

В 1830-1840-е гг. в структуре мусульманского предпринимательства региона происходят значительные изменения. В результате изменения границ Российской Империи, целый ряд территорий в Азии включаются в состав России. На границе со Среднеазиатским регионом образуется новый центр русско-азиатской торговли – Оренбург. Эти обстоятельства приводят к падению торговых оборотов узбекских предпринимателей в Астрахани.

Их место в астраханской торговле быстро занимают представители местных тюркских этнических элементов: юртовцы, средневолжские татары-переселенцы и ногайцы-карагаши.

Получив возможность вести активную предпринимательскую деятельность, мусульманские предприниматели региона в целом, и указанные этнические группы, в частности, в рамках рассматриваемого периода, начинают все настойчивей проникать в общественно-политические процессы региона. Главной формой этого участия, на первых порах, стало участие в городском самоуправлении.

Одной из значительных фигур астраханского делового мира во второй половине XIX в. стал юртовец, купец второй гильдии Валит Адельшинов. 22 декабря 1842 года в Астраханской казенной палате был зарегистрирован Указ «о причислении в Астраханское 3 гильдии купечество юртовского татарина Валита Адельшинова (1790 г.р.) с сыном Ахметом (1826 г.р.), из юртовских татар Царевского селения» [1]. С этой указа и начинается история династии купцов Адельшиновых.

В 1843-1862 гг. Адельшинов Валит состоял в 3 гильдии астраханского купечества. После изменения сословного законодательства в 1863-1889 гг. [2].

Адельшинов Валит (до своей смерти в 1883 или в1884 г.) и его старший сын Адельшинов Ахмет Валитович (до исключения в 1890 г. в мещане) состояли в постоянных астраханских 2 гильдии купцах.

Валит Адельшинов был грамотен, уверенно подписывал по-татарски [3] и, даже, по-русски [4] (для этого периода очень редкое явление для мусульман) различные документы, участвовал в делах городского управления. Так, в трехлетие 1849-1852 гг., он состоял членом Астраханской Торговой депутации, вместе с другим депутатом – видным астраханским купцом Осипом Мадатовым, составлял ежегодно ведомости и отчеты по «поверке торговли, производимой в городе» [5]. В 1860-70-х гг., в числе других астраханских купцов, участвовал в сословных собраниях в доме, занимаемом городской управой [6].

В 1871-1874 гг. В. Адельшинов и его старший сын Ахмет были гласным Астраханской Городской Думы [7]. В это четырехлетие общественной деятельностью активно занимался уже последний. 14 января 1871 г. он был выбран членом торговой депутации Астраханской Городской Думы и в комиссию по переоценке домов для поземельного сбора [8].

Принятие манифеста 17 октября 1905 г. оживляет политический процесс в России. Появляются новые, организационно оформляются старые партии и движения. В условиях острой конкурентной борьбы, впервые в России, политические партии начинают борьбу за голоса избирателей.

Это сегодня, в принципе не важно, кто идет на выборы: русский, татарин, казах, украинец и т.д. Главное – это наличие гражданства. В условиях становления российской демократии в начале XX века электоральное поведение той или иной этноконфессиональной группы, особенно в условиях многонационального региона, каким являлась и является

Астрахань, могло существенно повлиять на исход выборов, в целом. Люди тогда голосовали не столько за партии и их программы, а «за своих» или «против чужих», выставляя в качестве критериев самые разные аспекты, в том числе, и национальную и религиозную принадлежность. Не случайно, в составе Государственных дум российской Империи, существовала отдельная фракция – фракция мусульман.

Средняя и мелкая мусульманская буржуазия города Астрахани, с ее традиционной замкнутостью и круговой поддержкой, становится одним из главных электоральных элементов, способных оказать серьезное влияние на результат политического выбора горожан. Не последнюю роль здесь играли представители ногайской этнической группы.

В день выборов в первую Государственную Думу, 28 января 1906 г., на 6 избирательном участке по списку блоков партий кадетов и социал-демократов, было представлено 17 человек, в том числе: Муртаза Ильясович Шабанов (собрал 1083 голоса), Ахмет Канеев (1084 голоса), ГабдуллаИльязов (1083 голоса), Курбан Гали Усманович Эрембетов (1082 голоса), Самигулла Нигаметуллович Абжалилов (1082 голоса), Мухаммед-Сафа Абдулкеримов (1083 голоса), Карим Батыров (1083 голоса), Искак Ильясович Абдурахманов (1083 голоса). Из перечисленных 3 последних были представителями ногайцев Астраханского края.

По списку монархистов также проходили 17 человек, в том числе Мухамеджан Нугайбекович Якупов (417 голосов) и Уразали Ахметов (421 голос), оба юртовца.

Кроме того, на этих выборах, по 4 участку от кадетов и социал-демократов значился Умер Искакович Мухаммедов (415 голосов) – юртовец, от того же блока по 3 участку - Хасян Рахметуллович Арсланов (778 голосов), по 2 участку – Иляжетдин Нигметуллович Ягудин (1534 голоса) [9].

В 1906 г. создается общество астраханских мусульман «Шурай-Ислам». Деятельнейшим членом этого общества, бессменным членом Правления был мулла ногайской мечети Фарит Шаммазов, происходивший из крестьян юртовского селения Солянка. Именно ему астраханская махалля обязана созданием первой джадидистской школы – «Даруль-Эдеп».

Другим видным деятелем общественного движения астраханских мусульман был юртовец Хабибулла Умеров, выполнявший функции делопроизводителя общества, издававший юмористический журнал «Топ» и привлеченный к следствию по этому делу [10]. Хабибулла Умеров стал делегатом от астраханских мусульман на 5 съезд партии «Иттифакаль-Муслимин» в 1908 г. в Нижнем Новгороде.

В декабре 1907 г. из 23 членов правления общества «Шурай-Ислам» - 7 были представителями астраханских ногайцев: Мулла Фарит Муртазаев, Мулла Бикалей Мухамедов, Мулла Рамазан Агаев, Ахмед Каратаев, Ходжа МухамедАйтмухамедов, ХабибуллаУмеров.

В 1907 г. возникло и другое мусульманское общество в Астрахани, стоявшее на праволиберальных позициях и оказавшееся в оппозиции к «Шурай-Ислам» - «Джаммияти-Исламия» [11]. Одним из главных идейных лидеров этого общества стал просветитель и богослов ногаец-карагаш Абдрахман Умеров. О творчестве и жизненном пути А. Умерова написано достаточно [14].

Он издавал газету «Идель» в 1907-1913 гг., основал первую тюркоязычную типографию в городе, являлся имамом мечети №8, учителем второго русско-татарского училища в городе. За свою просветительскую и общественную деятельность в 1913 г. А. Умеров был привлечен к следствию, осужден и выслан из Астрахани в 1913 г.

В начале XX века была предпринята первая попытка создания культурно-просветительского общества сельскими ногайцами-карагашами Астраханской губернии. В декабре 1910 г. крестьяне села Сеитовка Сеитовской волости Красноярского уезда «возбудили ходатайство» перед губернатором о регистрации устава «Благотворительного общества села Сеитовки».

В качестве инициаторов выступили жители села: Сейфа Мулюк Кошалиев, Хаджи-МахмутАльбеков, указный мулла Кошмухамед Султанов. Имамазам Рахимбердиев, Сарсембе Темаков, Султанала Ильясов, Мурзале Иралиев, указный мулла Камалетдин Ишмухамедов, Имамагзам Кошалиев, Баубек Узбеков.

Предполагалось установить членские взносы для членов общества – 3 руб. в год. Почетные члены должны были единовременно внести по 100 руб. каждый. Членами предпо-

лагаемого общества мог стать любой мусульманин мужского пола, достигший 20 летнего возраста [12].

К сожалению, дальше прошения дело не пошло. Общество так и не было создано и зарегистрировано. На наш взгляд, тому есть два объяснения – малочисленность и неграмотность местного населения, во-первых. Во-вторых, бедность и отсутствие лишних денег, которые могли бы быть потрачены на дела благотворительности и просветительства.

Хотя в самом городе в 1894-1918 гг. действовало попечительство о бедных татарах города Астрахани, в деятельности которого принимали и представители городских ногайцев – мелкая и средняя буржуазия, осевшая в 5 и 6 участках города, на Тияке (как, например родители А. Умерова) и получившая с течением времени сословное звание астраханских мещан.

Развитие общественной активности ногайцев Астраханского края, как впрочем и всех остальных этнических и социальных групп, была прервана революционными событиями 1917 г. Последнее, в чем учувствовали представители ногайского народа – были выборы в Городскую думу в июне 1917 г. в рамках этой избирательной кампании был сформирован особый избирательный список №5 – астраханских мусульман. По нему от 5,7 тысячного населения города проходили 17 кандидатов, как минимум 5 из которых были ногайцами[13].

---

1. Государственный архив Астраханской области (далее - ГААО) ф.480, оп.2, д.194, л.1; ф.687, оп.1, св.199, д.2, л.2; ф.687, оп.1, св.238, д.14, л.1; ф.542, оп.1, д.9., л.1; ф.480, оп.1, д.1620, лл.1-52; ф.94, оп.8, д.3, л.4об.-5; ф.480, оп.1, д.2005, л.20об; ф.480, оп.1, д.2006, л.12.

2. ГААО, ф.480, оп.1, д.2957, лл.8, 1аоб; ф.542, оп.1, д.13, лл.1, 27, 53, 78; ф.94, оп.1, д.3430, л.47об; ф.94, оп.1, д.5148, л.18; ф. 94, оп. 1, д.31466, л.1.

3. ГААО, ф.480, оп.1, д.915, л.1.

4. ГААО, ф.480, оп.1, д.3008, л.11.

5. ГААО, ф.480, оп.1, д.1346, л.14.

6. ГААО, ф.480, оп.1, д.3008, л.11.

7. ГААО, ф.480, оп.1, д.2984, л.1

8. Астрахаснкие губернские ведомости. – 1871. – №4.

9. Астраханский вестник. – 27 января 1907 г. – №5184.

10. ГААО. Ф.286, оп.2, д.297, л.3об.

11. Там же, л.86-88.

12. ГААО, ф.286, оп.2, д.297, л.159, 163.

13. Астраханский вестник. – 11 июня 1917 г. - №125.

14. Курмансеитова А.Х. Байтеректинъ байлыгы (Древо познания) –Черкесск, 1996; Курмансеитова А.Х. Редактор газеты «Идель» Абдрахман Умеров: этническая самоидентификация // Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее, будущее – Астрахань, 2007; Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX- начало XX века). – Черкесск, 2009; Рахимов С.Т. Абдрахман Умеров – Казань, 2003;

КАРДАНОВА А. Х., ТАТАРШАОВ А. Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Демократические преобразования в стране в конце прошлого столетия стали толчком к созданию многочисленных общественных объединений и движений. В общественно-политические процессы, происходившие в стране в начале ее демократических преобразований, активно был вовлечен не только Центр, но и субъекты Федерации. Этому значительной мере способствовали решения сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КППСС, принятая им Платформа КПСС «О национальной политике партии в современных условиях», Деклара-

ция Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными всех репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными всех репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Эти документы, встреченные широкой общественностью Карачаево-Черкесии с одобрением и надеждой, активно и заинтересованно обсуждались в партийных и комсомольских организациях, трудовых коллективах автономной области.

Партийные и советские органы Карачаево-Черкесии в соответствии с указными документами приняли меры, направленные на укрепление единства автономной области и дружбы между её народами, создание благоприятных условий разрешения возникающих проблем. Вопросам межнациональных отношений посвящались единые политдни, занятия в системе политической учёбы, партийные и комсомольские собрании, дискуссии, встречи за «круглым столом» и другие мероприятия.

Свидетельством роста политической активности масс, пробуждения национального самосознания народов Карачаево-Черкесии явилось впервые в их истории национальных общественных объединений. Первой такой организацией в области стало общество «Джамагат» за перестройку». Появление первой самодеятельной национальной общественной организации жители автономной области встретили неоднозначно: одни – с одобрением и надеждой, другие – с определённым сомнением и настороженностью.

Почин активистов общества «Джамагат» был подхвачен представителями других народов Карачаево-Черкесии: в автономной области начался активный процесс формирования национальных объединений, движений и организаций. 11 ноября 1989 года учредительный съезд черкесского народа принял реолюцию, в которой объявил о создании общественной организации «Адыгэ-Хасэ».

Были созданы общественные организации абазин «Адгылра» и ногайцев «Бирлик» в соответствии с решениями учредительных съездов абазин (28 ноября 1989 г.) и ногайцев (март 1990 г.). В начале 90-х годов было создано общественные организации казачества Карачаево-Черкесии. В этот же период в Карачаево-Черкесии возникли и начали функционировать национальные общественные организации русских – «Русская община», Конгресс русских общин, греков – «Кали Архи», осетин – «Фарн», армян – «Масис», Карачаево-Черкесская региональная национально-культурная автономия российских немцев и другие.

Цели и задачи, созданных общественных организаций области, области идентичны: всемерное укрепление дружбы народов, воспитание молодёжи в духе подлинного интернационализма, уважения к другим народам, их проблемам, обычаям и традициям, защита интересов всех этносов, вести культурно-просветительную и воспитательную работу по изучению, сохранению и пропаганде культурных ценностей.

Но при этом необходимо подчеркнуть, что при всём сходстве целей и задач общественных организаций, созданных по этническому признаку, они на первый план ставили самые болевые проблемы, которые не решались десятилетиями. Так «Джамагат» ставил вопрос о полной реабилитации карачаевского народа, «Адыгэ-Хасэ» - об укреплении связей и сотрудничества с черкесской диаспорой, «Адгылра» и «Бирлик» - о создании национальных районов для двух народов.

В условиях проводившихся в стране глубоких преобразований активизировала свою деятельность интернациональная по своему составу Карачаево-Черкесская областная общественная организация женщин. Стали возникать новые, в основном мононациональные по составу, объединения женщин-горянок, казачек. Своей основной целью они ставили содействие решению таких проблем, как укрепление семьи и семейного очага, воспитание детей, развитие прогрессивных традиций народов, сохранению мира и добрососедских отношений между народами Карачаево-Черкесии. Так, состоявшееся 1 июня 1991 года в осетинском селе Коста Хетагурова заседание общества «Цадиш», обсудив доклад Л. Сидаковой о проблемах воспитания молодёжи, возрождения национальных традиций, определило своей основной задачей «вести борьбу с негативными явлениями в обществе, воспитывать

у подрастающего поколения бережное отношение к культурному наследию прошлого». Участники совещания наметили пути содействия формированию коммуникативной культуры и толерантности у населения [5].

В этот период повсеместно стал рождаться традиционный для северокавказских народов институт старейшин: были созданы и зарегистрированы советы старейшин практических всех народов Карачаево-Черкесии. Их уставы не отличались от программных заявлений и установок соответствующих национальных объединений и движений.

Названия национальных общественных объединений и движений «Джамагат» – общество, «Хасэ» – собрание, «Адгылра» – объединение, «Бирлик» – единение, Казачий круг, «Русская община» и другие содержали символические, характерные в исторически недалёком прошлом формы организации и регламентации общественной жизни народов.

Со второй половины 90-х годов XX века у народов Карачаево-Черкесии довольно широкое распространение получило организационное оформление традиционных для форм республики фамильных связей, родовых содружеств. Фамильные, родовые объединения провозглашали своей целью обеспечение строго уважения и соблюдения российских законов, общественного порядка, традиционных прогрессивных горских обычаев и традиций, установления братских взаимоотношений между семьями и ветвями рода, воспитание подрастающего поколения на традициях, примере жизни и деятельности их лучших представителей, оказание помощи и поддержки в случае необходимости. По их необходимости проводились фамильные, родовые сборы, собрания, встречи. Их участники знакомились с историей рода, составляли анкеты его членов, принимали уставы, программы действий, создавали благотворительные фонды, в отдельных случаях утверждали герб, флаг, выбирали руководящие органы – комитеты, советы.

Родовые, фамильные содружества ставили целью решать не только свои внутренние проблемы, но нередко принимали активное участие в общественно-политической жизни муниципальных образований, в целом и Карачаево-Черкесии. Они через представителей пропагандировали идеи национальных объединений и организаций, политических партий и движений. К этому времени были созданы и новые интернациональные по составу детские, юношеские и молодежные организации: «Вертикаль» и «Союз молодёжи КЧР».

Национальные общественные организации, в том числе и молодежные с первых же дней своей деятельности стремились установить связи с соотечественниками, проживающими за рубежом. Исполком народных депутатов КЧАО, «учитывая многочисленные пожелания общественных самодеятельных формирований, необходимость развития связей и культурного обмена с зарубежной диаспорой коренных народов области (абазин, карачаевцев, казачества, ногайцев, черкесов), 22 марта 1991 года принял решение «Об образовании Карачаево-Черкесского отделения советского общества по связям с соотечественниками за рубежом – общества Родина» [1].

Принятие такого решения находилось в русле демократических преобразований, происходивших в российском обществе. Она во многом способствовало установлению более тесных культурных связей общественных организаций Карачаево-Черкесии с соотечественниками за рубежом, а в отдельных случаях объединению этнически близких национальных общественных организаций, созданию их единых органов руководства. Были сделаны практические шаги по объединению самостоятельных славянских народов Карачаево-Черкесии.

Серьёзной попыткой объединения представителей русскоязычного населения Карачаево-Черкесии явился учредительный съезд русского народа и казачества, состоявшегося 7 декабря 1991 года в Черкесск. Съезд объявил о создании общественно-политического движения «Русь» в целях отстаивания интересов русского народа и казачества Карачаево-Черкесии.

Съезд в обращении к народам Карачаево-Черкесии призвал русское население и казачество области поддержать движение «Русь», «создать в городах и районах, населенных пунктах структурные подразделения, проявлять выдержку и организованность, не допускать

случаев проявления национализма и недружелюбия к представителям других народов, не поддаваться ни на какие провокации [8].

Движение «Русь» быстро завоевало авторитет и популярность, приобрело массовый характер, с ним довольно активно сотрудничали не только национальные объединения, отделения политических партий, но властные структуры, администрации городов и районов, руководители предприятий и организаций Карачаево-Черкесии. Наибольшего своего размаха движение достигло к 1995 году.

Наряду с указанными общественными организациями в Карачаево-Черкесии, как и по всей стране, создавались различные новые местные, интернациональные по составу благотворительные, спортивные, профессиональные самодеятельные общественные формирования. Возникли организации ветеранов, воинов-афганцев, офицеров запаса Российской армии, участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и другие. Обновлялись уставы, руководства творческих объединений Карачаево-Черкесии республиканских отделений союзов писателей, журналистов, композиторов, художников, театральных работников.

С первых же дней своей деятельности национальные общественные организации Карачаево-Черкесии под флагом защиты демократии, интересов народов, возрождения их культур, языков, обычаев, традиций, укрепления дружбы и межнациональных связей всё настойчивее стали выдвигать и политические требования, выступая, по сути, в роли национал-патриотических партий.

Особую активность общественные объединения и в первую очередь национальные самостоятельные организации проявляли в решении проблем, связанных с проведением демократических реформ в Карачаево-Черкесии, её преобразованием в республику, реабилитацией репрессированных народов и национально-государственным устройством. При этом каждая организация XXXII отчетно-выборной областной партконференции по отношению отдельных общественных формирований и их лидеров. «Находятся люди, которые провоцируют национальную рознь, гражданское неповиновение, экстремистские выходки, - говорилось тогда в отчетном докладе. - Они пытаются выйти на создание параллельных структур власти. И всё это делается под знаменем более решительного проведения перестройки. Своими действиями они навязывают конфронтацию, прикрывая честолюбивые намерения широковещательными заявлениями и народном благе [3].

Лидерами общественных объединений в большинстве своём стали бывшие партийные и советские работники. Многие из них, проповедавшие в недавнем прошлом коммунистические идеи, перешли под демократические и национальные знамена. «Демократическими лозунгами бравируют и те, кто действительно боролся за коренные преобразования в обществе путем отстаивания плюрализма, многопартийности, многообразия и равенства всех форм собственности, рынка, социальной защищённости людей, и те, кто ещё вчера всё это начисто отрицал и отвергал», - писал известный учёный-юрист Ю. Калмыков о поведении многих лидеров общественных организаций [7, с. 6].

Однако со второй половины 90-х годов XX столетия с усилением влияния национальных элит на общественные объединения и движения, возрастанием степени их финансовой зависимости от них к руководству многих организаций стали приходить ставленники влиятельных людей, кланов Карачаево-Черкесии. В результате в деятельности общественных объединений и движений республики, в первую очередь национальных, наметилась устойчивая тенденция их отхода от первоначальных программных заявлений и уставных требований. Они всё больше превращались в организации по пропаганде идей и достижения политических целей национальных элит. Всё это, естественно, ослабляло влияние общественных объединений и движений группировок, течений, направлений, даже образования параллельных, иногда самостоятельных общественных организаций.

В деятельности общественных объединений и их лидеров отрицательно сказывалось отсутствие практики конструктивного взаимодействия между общественными организациями и государственными органами. В повседневной жизни чётко проявлялись как неэффективность деятельности государственных органов, медленно осваивающих новые функции в меняющихся демократических условиях, так и отсутствие конструктивных

усилий общественных объединений по выявлению, согласованию и согласованному отстаиванию своих интересов.

Другая важная причина недостаточной эффективности взаимодействия органов власти и общественных объединений – отсутствие законодательной базы, обеспечивающей реализацию конституционного права граждан на объединения в стране и на местах, а также механизмов государственной поддержки институтов гражданского общества, социально значимых общественных инициатив.

Базовыми документами, определившими содержание и формы взаимодействия между государственными органами и общественными объединениями, явились Закон СССР «Об общественных объединениях», а также постановления Верховного Совета РСФСР от 15.01.91 и Совета Министров РСФСР от 13.03.91. В соответствии с указанными документами Глава КЧССР 12 мая 1992 года подписал постановление «О регистрации общественных объединений в Карачаево-Черкесской ССР» [2]. В ходе реализации положений документа в определённой мере удалось навести порядок в регистрации общественных объединений и движений, привести их деятельность в соответствии с законодательством.

Среди общественных организаций наибольшим авторитетом и влиянием в массах пользовались национальные общественные объединения, сформированные на базе этнической идентичности, общности конкретной территории обитания языка, традиционной культуры, исторической судьбы.

Каждый народ Карачаево-Черкесии поддерживал «своё» национальное объединение, движение в надежде на то, что оно будет решать этнические проблемы, защитит их интересы, содействовать выходу из кризисного состояния, в котором оказалось республиканское общество в целом. С другой стороны их тревожили участившие случаи правонарушения, насилия с националистическим подтекстом, проявления экстремизма в речах, заявлениях некоторых политиков, лидеров общественных объединений и движений, имевших определённое влияние на массы. Всё это естественно способствовало распространению мнения о том, что национальные общественные организации в этой конкретной ситуации являются единственными подлинными защитниками социально-экономических групповых и этнических интересов.

Процесс формирования общественных объединений, движений, республиканских и региональных отделений всероссийских политических партий, составы, программные заявления, первые их шаги на пути к взаимодействию с местными официальными органами государственной власти свидетельствовали о том, что в новых исторических условиях они становились взаимозависимыми субъектами этнополитической жизни Карачаево-Черкесии. Их первые шаги говорили не только об отсутствии у сторон демократических традиций партнёрства в решении значимых проблем, но и о способности и готовности общества к самоорганизации по национальному признаку при отсутствии политической культуры, устойчивых традиций к объединению в масштабах многонациональной республики.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что общественные объединения и движения, отделения общероссийских политических партий явились инициаторами начала многих политических движений «снизу». Они стали активными участниками выработки**???** и носителями публичной политики этнонационального возрождения.

---

1. Центр документаций общественных и партий КЧР (ЦДОДиП КЧР). Ф. 1, оп. 71, д.359, л. 4.

2. Борисевич В. На пути дружбы и добра //Ленинское знамя. – 1990. – 23 марта.

3. Аскерова Л. Проблемы – в нас самих //Ленинское знамя. – 1991. – 6 июня.

4. ЦДОДиП КЧР. Ф. 1, оп.71, д.1, л. 209-210.

5. Калмыков Ю.Х. Национальные движения: проблемы демократии // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994. – С. 6.

6. Государственный архив КЧР (ГА КЧР). Ф. 399, оп. 1, д. 2984, л. 76.

7. Обращение к народам Карачаево-Черкесии //День Республики. – **год???** – 13 декабря.

8. ГА КЧР. Ф. 942, оп. 1, д. 11, л. 143-144.

КУРМАНСЕИТОВА А. Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО КНИГОИЗДАНИЯ НА НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

В эпоху перестройки, «в конце 80-х годов прошлого века, в рамках активно развивавшихся в стране перестроечных процессов, началось реформирование одной из самых значимых сфер идеологической деятельности партии, тогда еще «руководящей и направляющей силы советского общества», – книжного дела» [1, с. 5]. В 1990 г. принят закон «О печати и других средствах массовой информации», давший возможность развитию негосударственного книгоиздания. С.А. Кондратов пишет: «Некоторые исследователи называют 1990 г. годом «создания многоукладной издательской системы». Нам представляется, что более правильно говорить о создании негосударственного книгоиздания, еще не играющего существенной роли в книгоиздательском деле страны» [2, с. 94].

Закон «О государственном предприятии» и «Закон о кооперации», принятые в 1987 г., положили начало независимому книгоизданию в Советском Союзе. Однако постановление Совета Министров СССР «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с «Законом о кооперации в СССР» от 29 декабря 1989 г. ограничил деятельность частных предпринимателей, запретив им издавать научную и художественную литературу, книги по искусству.

В конце 80-х годов XX века началось становление негосударственного книгоиздания в СССР. В XXI веке сформировалось мнение, что «следствием многолетней борьбы за реализацию слова было появление альтернативного коммуникационного канала, служившего для обхода цензурных барьеров официальной власти, – самиздата» [3, с. 187]. В советское время некоторые авторы, рукописи которых оказывались под запретом цензуры, размножали их на ротапринте или несколько экземпляров печатали на пишущей машинке и тайком распространяли среди узкого круга читателей. Эти издания называли «самиздат».

В 1990-х годах началось активное формирование рынка услуг по изданию книг, что дало авторам возможность самостоятельно издавать свои рукописи. В этот период появилось большое количество новых периодических изданий, открывались модернизированные типографии и издательства. В то же время в регионах Российской Федерации наблюдается спад книгоиздания и стремительно падают тиражи книг в государственных издательствах. Эта тенденция характерна, как для Республики Дагестан, так и для Карачаево-Черкесской Республики.

В 1994 г. в Карачаево-Черкесской Республике насчитывалось 19 учреждений, имеющих лицензию на издательскую деятельность, из них: 1991 г. – 8 лицензий, в 1992 г. – 8 лицензий, 1993 г. – 3 лицензии [4, с. 46]. Между тем негосударственное книгоиздание на ногайском языке, как в Карачаево-Черкесской Республике, так и в Республике Дагестан, начало весьма слабо развиваться с 1990-х годов.

В 1992-2012 гг. в негосударственных издательствах и в частных типографиях ногайцами выпущено 54 названия книг, установлен тираж 44 изданий – 31348 экз., из них на ногайском языке издано 38 названий книг, тираж 28 изданий – 17348 экз.; на русском языке опубликовано 16 названий книг общим тиражом 14500 экз.

В репертуаре ногайской книги значительное место занимают поэтические сборники – 15 названий, установлен тираж 10 изданий – 7398 экз.; прозы – 10 изданий, тираж 8 изданий – 4350 экз. Издано 4 сборника песен с нотами (3000 экз.), 2 фольклорных сборника (1525 экз.), ногайско-русский (тематический) словарь – 1 (500 экз.).

На ногайском языке вышли в свет сборники стихов Х. Джентемирова «Мои тайны в моих стихах», М. Казаковой «Белый пароход», М. Киримова «Пусть будет красив мир», М.-А. Ханова «На рубеже веков», А. Капланова «Мелодии Чубутлы», З. Булгаровой «Гранатовый рассвет» и др. Проза представлена книгами Б. Кулунчаковой «Поговорим на равных», Т. Дышековой «Плач песков», М.А. Казаковой «Рабият – дочь Хаджимурата». Отрадно

отметить, что с 2011 г. на ногайском языке в издательстве «Голос-Пресс» (г. Москва) начали выпускать собрание сочинений И.С. Капаева в четырех томах, издано три тома. Это новое явление в новейшей истории России, когда в одном из столичных издательств на ногайском языке выходит книга.

В 1994-2006 были изданы сборники песен с нотами: Я. Кудайбердиев «На небе вижу утреннюю звезду» и «Мои мелодии», У.Д. Ваисов [«Звезды, поющие в вышине»], М. Османов «Сердце поет».

Вышли в свет «Ногайско-русский (тематический) словарь» ([Черкесск], 2005) и «Русско-ногайский разговорник» (Ставрополь: Юркит, 2010). Однако данные издания не удовлетворяют запросы читателей, так как они изданы малыми тиражами, лексика ограничена. В регионах проживания ногайцев, ни в библиотеках, ни в частных коллекциях русско-ногайские или ногайско-русские словари невозможно найти.

В постсоветский период книгоиздания на ногайском языке отсутствует переводная литература с русского языка или других языков. Исключением является перевод с фарси на ногайский язык сборника стихов Омар Хайяма «Рубайяты. Образцы восточной поэзии», переводчик и составитель Т.Х. Джемакулов.

На русском языке в основном были изданы художественные произведения: прозы – 11 названий, тираж 9 изданий – 10800 экз.; поэзия **8** названий книг (5100 экз.). Значительная часть художественной литературы в жанре прозы составляют произведения известного ногайского писателя И.С. Капаева: «Уплывающие тени», «Бессмертная смерть», «Синие снега», «Мониста», пьеса «Маскарад по - ногайски». Были изданы также повести и рассказы М. Киримова «Сквозь бури».

Поэтические сборники на русском языке выпустили А. Нургишиева «Возвращение в будущее», М. Киримов «Ожидание», З. Юлбалдыев «Сказание о Ногаях» и другие.

В Москве издательство «Голос-Пресс» на русском языке выпустило мифологический словарь «Ногайские мифы, легенды, поверья» И.С. Капаева.

В настоящее время книжная продукция негосударственных учреждений при полиграфическом оформлении книжной продукции зачастую выходит с нарушениями ГОСТа. Автор сдает рукопись непосредственно в частную типографию, минуя книжное издательство, тем самым экономит материальные средства на издательские расходы. Однако в типографии рукопись издают в том виде, в каком она поступила от автора. Об этом Д. Кшицова пишет: «Единственно, чего не достает, – это непременно участия в изданиях высококвалифицированных корректоров, которых не способен заменить никакой компьютер. Автор в этом деле беспомощен, потому что своих ошибок не видит. Эта проблема настолько важна для процветания издательского дела, что необходимо бороться за восстановление этой почти исчезнувшей у нас профессии» [5, с. 334]. Книги издаются с явными нарушениями ГОСТа по оформлению книжной продукции. Особенно много ошибок по оформлению титульного листа книги, так как среди негосударственных изданий книг на ногайском языке выявлены издания, в которых отсутствуют сведения о выходных данных: не указаны место и год издания. Книги издаются без корректорской правки, литературного и технического редактирования.

В Советском Союзе был разработан алгоритм продвижения книги к читателю: **рукопись – издательство – типография – книжный магазин**. В издательстве рукопись тщательно готовили к печатанию в типографии. Корректор читал текст и вносил исправления, редактор правил рукопись, технический редактор готовил макет книги. В типографии готовили гранки будущей книги и возвращали в издательство, текст которой неоднократно вычитывали корректор, редактор, а также технический редактор рассматривал их соответствие макету книги. Каждая рукопись проходила три редактуры и три корректуры в издательстве, лишь после этого она была готова к изданию, что содействовало высокому качеству книжной продукции.

В начале 1990-х годов книжные магазины в Карачаево-Черкесской Республике приватизированы и перепрофилированы, поэтому в районных центрах и сельской местности они отсутствуют. В Черкесске лишь в магазине «Дом книги» продают литературу на языках местных народов, в том числе и на ногайском языке. В Ногайском районе Республики Дагестан в райцентре Терекли-Мектеб имеется небольшой книжный магазин, принадлежащий частному лицу. Авторы выкупают тиражи своих книг в типографиях и сталкиваются с большими трудностями их распространения, так как в Карачаево-Черкесской Республике, как и в Ногайском районе Республики Дагестан, отсутствует книготорговая сеть.

Библиотеки в регионах проживания ногайцев последние 20 лет не комплектуются литературой на ногайском языке, не приобретаются книги, посвященные истории и культуре ногайцев. Как отмечает К.М. Сухоруков: «Важным индикатором состояния книжного дела любой страны является положение дел в области библиотечного комплектования, поскольку именно от него в развитых странах зависит конституционно гарантируемый доступ граждан к полной и бесплатной информации социально значимого характера [6, с. 162]. В регионах проживания ногайцев сельские и школьные библиотеки регулярно должны комплектоваться литературой на родном языке и книгами о культуре и истории ногайцев.

Информацию о выходе в свет новых книг на ногайском языке, а также о литературе по истории и культуре ногайцев регулярно сообщают средства массовой информации почти во всех регионах проживания ногайцев. В Интернете на сайте «Одноклассники» ногайской молодежью создана группа «Книги о ногайцах», которая регулярно дает сведения о книгах, изданных на ногайском языке и литературе, посвященной ногайцам. Здесь размещаются также их электронные версии.

Как было уже сказано, ногайцы, дисперсно проживающие в пяти субъектах Российской Федерации, в каждом из них они находятся в меньшинстве. Ученые отмечают: «В России... ныне остро стоит вопрос духовного возрождения населяющих ее народов, втянутых почти на всем протяжении последнего века в процесс стремительной ассимиляции... коренные народы уже утратили важные черты своей этничности, а у некоторых из них под угрозой оказался основной её признак – родной язык невозможно, представить себе национальное возрождение народа вне сфер функционирования его материнского языка. ...с исчезновением языка может исчезнуть и сам этнос. Такая угроза тем вероятнее, чем дисперснее расселена этническая группа» [8, с. 94]. Угроза исчезновения ногайского языка вполне очевидна, так как ногайцы с 1970-х годов и в настоящее время в поисках работы выезжают на работу в Сибирь и на Крайний Север. Большая часть ногайцев проживает за пределами Карачаево-Черкесской Республики и Республики Дагестан.

Традиционно ногайская семья была трех поколенной, старшее поколение рассказывало внукам сказки, предания, загадки, развивали их речь при помощи скороговорок и считалок, а также других жанров фольклора. Ногайские певцы (йырав) пели старинные ногайские эпические и лирические песни, часто проводили состязания певцов. Дети изучали и развивали родной язык в лоне традиционной ногайской языковой среды. В настоящее время мамы для своих детей не поют колыбельные песни на родном языке, дедушки и бабушки не рассказывают сказки. Постепенно в ногайском обществе на смену многопоколенной семье приходит семья, состоящая из папы, мамы и ребенка, таким образом, медленно отмирает институт дедушек и бабушек. Работающие родители отдают детей в ясли – садики, в которых все говорят на русском языке. В школе, как язык обучения, так и язык общения – русский язык. Среда бытования ногайского языка сужается в пределах семьи, в которой работающим родителям совершенно не хватает времени заниматься с детьми развитием речи на родном языке.

Количество носителей ногайского языка катастрофически уменьшается, в связи с этим возрастает роль книги, в которой родной язык в письменном виде будет сохранен для подрастающего поколения. Огромное влияние на формирование личности оказывают телевизионные программы и современные электронные технологии (Интернет и т.д.). В связи с этим возрастает роль книги, которой предстоит сохранить родной язык, так как издание фольклорных памятников, произведений писателей, научно-популярной литературы позволит зафиксировать ногайский язык и сохранить в печатном виде для подрастающего поколения. Книговеды пишут: «Основным же средством фиксации и сохранения языка, важным двигателем его развития и наиболее значительной формой его общественного функционирования является письменность, в частности, книжная культура. Следовательно, без последней в конечном итоге немыслимо духовное возрождение народа» [9, с. 94]. Важно отметить, что книгоиздание на родном языке является главной составляющей духовной культуры ногайского этноса.

В России обеспеченность книгой на одного русского жителя 18 книг, в национальных республиках этот показатель гораздо ниже. Например, в Татарстане «книгообеспеченность на одного жителя русской национальности по республике составляет 10,6 экз., татарской национальности – 2,4, чувашской – 0,8, удмуртской – 0,7» [10, с. 136]. По данным на 1января 2014 г. обеспечение книгой на родном языке на одного ногайского читателя – 0,22 экз.

С середины 1990-х годов по 2013 год Карачаево-Черкесская Республика и Республика Дагестан находятся в числе тех регионов, в которых наблюдается резкий спад выпуска книжной продукции на языках местных народов. В аналитике В.Ц. Худавердяна «Национальное книгоиздание в России: состояние, тенденции, перспективы» указано, что Карачаево-Черкесия входит в число тех республик, в которых «сокращение книгоиздания настолько значительно, что можно говорить об исчезновении национальной книги» [11, с. 46].

На протяжении последних пятнадцати лет художественная литература народов Карачаево-Черкесии находится в стагнации, так как произведения писателей и поэтов печатаются мало. Оценку ситуации начала 2000-х гг. дал известный ногайский писатель Иса Капаев: «...ни одной книги на бюджетные средства ... не издано – ущерб четырем коренным народам и русскому – ни одной, даже переводной не вышло в свет. ... Издаваемый в свое время журнал «Половецкая луна» так и не удалось возродить, даже с периодичностью альманаха один раз в год» [12, с. 9].

Для выхода из кризиса книгопечатания на ногайском языке важно создание ногайского межрегионального книжного издательства с современной полиграфической базой. Необходимо подготовить специалистов в области издательского дела и полиграфического производства. Возрождение книгоиздания на ногайском языке возможно лишь при государственной поддержке, так как книги малочисленных народов выходят малыми тиражами и никогда не бывают рентабельным.

В соответствии с современной концепцией образования в Российской Федерации для сохранения и развития духовной культуры ногайцев необходимо издание учебников по ногайскому языку и литературе. Научная литература по истории и культуре ногайцев должна печататься не только на русском, но и на родном языке. Необходимо включить ногайский язык во все сферы жизнедеятельности ногайского общества, так как язык, функционирующий лишь на бытовом уровне, медленно угасает. Книгопечатание на ногайском языке должно развиваться по всем отраслям знаний.

На рубеже XX – XXI вв. из книжной продукции на ногайском языке совершенно исчезли переводная, общественно-политическая и научно-популярная литература. В репертуар ногайской книги необходимо включить ногайские эпические произведения и другие памятники фольклора, лучшие художественные произведения на языке оригинала, а также издания переводов известных классиков русской, советской и иностранной литературы. Особое внимание должно быть уделено формированию круга чтения для детей. Богатый и разнообразный репертуар ногайской книги будет способствовать сохранению и развитию родного языка ногайского этноса.

Ногайцам, проживающим в Карачаево-Черкесии, Дагестане, Астраханской области, Ставропольском крае и других регионах Российской Федерации необходимо установить единое информационное пространство для рекламы и распространения книг на родном языке и литературе по истории и этнокультуре ногайцев, проводить книжные ярмарки и даже аукционы редких книг.

Необходимо разработать программу по семейному чтению книг на родном языке и её реализацию в каждой семье. Сохранение родного языка является важнейшим условием выживания ногайского этноса. Ногайский язык будет сохранен только тогда, когда каждый ногаец будет осознавать значимость его знания, будет говорить на родном языке с детьми и внуками, а также как можно шире будет использовать его в общении не только на бытовом уровне, но и на общественных мероприятиях. Особое внимание надо обратить на формирование домашних библиотек и создание репертуара ногайской книги, чтобы привить любовь к чтению на родном языке у подрастающего поколения. Учитывая, что книга на родном языке всемерно содействует развитию ногайского языка, ежедневное семейное чтение литературы на родном языке должно быть обязательным в каждой семье. Известно, что читающие родители – это читающие дети.

---

1. Ленский Б.В. Книгоиздание: региональный аспект // Книга. Исследование и материалы. – М., 2008. – Сб. 88. В 2-х частях. Ч. 1. – С. 5-17.

2. Кондратов С.А. Особенности развития частной инициативы в условиях разрешительного характера книгоиздания (1987-1990) //Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2010. – №1, январь-февраль. – С. 89-95.

3.Савенко Е.И. Новая эра самиздата //Наука о книге: Традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга. Исследования и материалы. – М, 2009. – Ч. 1. – С. 187-188.

4. Худавердян В.Ц. Национальное книгоиздание в России: проблемы и тенденции // Книга: Материалы и исслед. – М., 2002. – Сб. 83. – С. 46.

5. Кшицова Д. Печатное дело и компьютеризация //Наука о книге: традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга и материалы. – М., 2009. – Ч. 1. – С. 334.

6. Сухоруков К.М. О мерах поддержки издания и распространения социально значимой литературы //Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2010. – №2, ... – С. 160-169.

7. Аджиев Я.Б. Этноязыковая, этнодемографическая, этноэкологическая ситуация в Ногайской степи: (История и современность) //Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке. – СПб., 2007. – С. 56.

8. Хамракулова Х.Д., Худавердян В.Ц. Национальное книгоиздание в России: состояние, тенденции, перспективы //Книга: Исслед. и материалы. – М., 1994. – Сб. 68. – С. 94.

9. Там же.

10. Нурмухаметова А.С. Двуязычное чтение в аспекте диалога культур //Наука о книге: Традиции и инновации. – М., 2009. – Ч. 2. – С. 136.

11. Худавердян В.Ц. Национальное книгоиздание в России: проблемы и тенденции // Книга: Материалы и исслед. – М., 2002. – Сб. 83. – С. 46.

12. Лукин Б. В поисках утраченного единства: [Интервью с И. Капаевым] //Российский писатель. – 2005. – № 6 (105), март

КЫДЫРАЛИНА Ж. У.

Институт истории государства
г. Астана, Республика Казахстан

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ПОЛИЭТНИЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

...Испокон веков объединяющие этнос ценности – язык, религия, традиции, менталитет, культура, история. Любой язык – это культурный код, который формирует философию жизни человека, его систему ценностей, стиль поведения, образ мышления. Главной политической ценностью является государство, а главной культурной – язык. Язык – необходимое условие существования нации, об этом говорил ещё в XVIII веке немецкий философ Готфрид Гердер.

Каждый национальный язык уникален. По своему лексическому составу и способам выражения казахский язык достаточно богат. Дар красноречия присущ казахам, как у всех тюркских народов, исстари. У народа всегда почиталось и сегодня ценится мастерское, искусное владение словом. Русские исследователи, работавшие в разное время в Казахстане, оставили в своих трудах глубокие наблюдения и оценки о духовном облике казахского народа, красоте и выразительности его языка. Одним из них был востоковед, член Русского Географического общества, первый исследователь культуры и литературы казахского народа немец Василий Васильевич Радлов (Фридрих Вильгельм Радлофф). В своем очерке «Средняя Зеравшанская долина» он дал довольно лестную характеристику казахскому языку: «Язык киргизов (казахов - авт.) плавен и красноречив; они остроумны и часто колки и находчивы в вопросах и ответах, иногда даже удивительно ловки, и всякий, даже самый необразованный, киргиз владеет языком в той силе, в какой мы это в Европе замечаем только у французов и у русских. Если они рассказывают, оборот их речи свеж и приятен». И в другом очерке «Из Сибири» Радлов щедр в оценке: «Киргизы (казахи – авт.) выделяются среди своих соседей даром речи. Речь каждого киргиза течет плавно и свободно. Киргиз так владеет словом, что он не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная его речь отличается определенным ритмом в построении фраз и периодов, так что и она нередко подобна стихам. Она образна, выражения ясны и точны, так что киргизов с полным основанием можно назвать французами Западной Азии. Нет ничего удивительного в том, что именно у такого народа возникла особенно богатая народная литература» [1].

...Казахский язык является не только хранителем всего богатства древней культуры, но и ядром современной казахстанской языковой полиэтнической среды. С первых лет независимости в стране проводится гармоничная языковая политика, учитывающая интересы всего народа Казахстана, которая обеспечивает соблюдение языковых прав всех этносов страны. В республике созданы все возможности для развития культуры даже самых малых этнических групп - ассирийцев, рутулов, лакцев и многих других. Казахская земля объединила более 100 этносов. Сегодня главным фактором, цементирующим нацию, является казахский язык - язык государства.

На самом высоком государственном уровне поставлена цель к 2017 году овладения государственным языком 80% населения республики, а к 2020 году не менее 95%, к 2020 году доля населения, владеющего английским языком, должна составить не менее 20% [2].

Поставлена задача популяризации казахского языка и выработки эффективного механизма содействия гражданам страны, не владеющим государственным языком, в его изучении; привлечения к этой работе всех государственных и общественных институтов. Н. Назарбаев отметил в Послании: «когда казахский язык будет широко функционировать во всех сферах жизни и по сути будет выполнять роль государственного языка, мы будем называть свое государство «Казахским государством». Сегодня в стране осмысливается предложенная недавно Президентом Казахстана идея о переименовании названия государства в Казак ели.

Глава государства предложил разумно подойти к модернизации казахского языка, «сделать язык современным; сохраняя традиции языка, развивать все его богатство, разнообразные его лексические пласты; искать консенсус в вопросах терминологии». Он критически отозвался о некоторых попытках перевода устоявшихся международных терминов на казахский язык: «Есть одинаково принятые во всем мире термины, они обогащают любой язык. Мы же сами себе начинаем усложнять жизнь, вносим путаницу и сумятицу в умы, копошимся в архаике» [3].

Известно, что язык - самовоспроизводящаяся система, живой организм, развивающийся по своим внутренним законам. Функционирование языков в стране является социальной стихией, которую нельзя быстро в одночасье изменить с помощью нормативных актов. Она в значительной мере инертна и зависит от сложившейся языковой традиции. Эксперты констатируют большую силу языковой инерции, набранной в прошлом, и фактически доминирующие позиции в языковом пространстве по-прежнему русского языка. А причины всего этого уходят в недавнюю историю.

Казахский язык претерпел все те изменения, которые пришлись на долю народа. До революции в царской империи казахи занимали шестое место по численности среди народов Российской империи. В первой советской энциклопедии казахи – «самая крупная тюркоязычная национальность СССР». По подсчетам Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, сделанным в 1920 году, численность казахов в 1916 г. составляла 5,2 млн. человек (Государственный архив РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 440. Л. 7 об.). Но и эти сведения, по замечанию российского историка С.М. Исхакова, скорее всего, преуменьшают численность местного тюркского населения [4]. И это относительное благополучие рухнуло в начале 30-х. В 1926 году после потерь в годы революции и гражданской войны казахи насчитывали 6 млн. 200 тыс. человек. В результате насильственной коллективизации и голода 1932-1933 гг. погибло 2 млн. казахов (треть этноса), около 1 млн. откочевало за пределы республики, в Китай, Иран и другие страны. В первые годы освоения целины численность казахов снизилась до 29% от общей численности населения республики. Так казахи стали этническим меньшинством на своей исторической родине. В этих условиях казахский язык всё больше и больше терял свои позиции, становился необязательным для изучения. Случилось так, что коренные жители Казахстана стали стесняться говорить на нём. Долгие годы образование шло в русле традиционной и унифицированной советской системы. В 60-е годы русский язык стал основным языком вуза и науки, происходило сокращение количества школ с казахским языком обучения. В эпоху «застоя» 95% книг и 70% телепередач выходили на русском языке, на нем велось все делопроизводство.

Но и в годы суровых лишений старшее поколение сумело сохранить родной язык и передать его детям. При этом как раз в те трудные годы сформировалось поколение, выросшее в русскоязычной среде. Так исторически сложилось двуязычие, и большинство на-

селения Казахстана является носителями двух языков: казахского и русского. Билингвизм – конкурентное преимущество, дарованное нам общим прошлым, и сегодня его усиливает полиязычие.

Казахстан – одна из немногих стран, которая разрешила проблемы языковой политики без острых коллизий и конфликтов. В стране реализуются Закон «О языках», Концепция языковой политики и новая Государственная программа функционирования и развития языков на 2011-2020 гг. Государство всемерно поддерживает процесс развития языков, в том числе продолжается сохранение общекультурных функций русского языка. Наряду с государственным языком в государственных организациях, а также в органах местного самоуправления официально употребляется русский язык. Он изучается повсеместно, является обязательным предметом в государственных и негосударственных учебных заведениях.

Русский язык исторически и традиционно имеет сильные позиции. ...Бесспорно, он проложил дорогу к развитию, к общению. И сегодня большой поток информации из внешнего мира мы получаем посредством русского языка. Сохранение сферы функционирования русского языка отвечает стремлению Казахстана к интеграционным процессам и является мощным конкурентным преимуществом Казахстана в условиях глобализации.

Знание государственного и владение несколькими языками становится фактором личной конкурентоспособности граждан страны. На государственном уровне вырабатываются установки, что каждый казахстанец должен владеть как минимум тремя языками: казахским, русским и английским. Это откроет перед человеком огромные возможности для самореализации, поможет ему значительно расширить кругозор и стать максимально полезным своей стране. В условиях суверенитета и новой государственной языковой политики в Казахстане выросло поколение молодежи, ориентированное на иные, чем прежде, ценности, участвующее в формировании новой языковой ситуации. «Срез» глобальной этноязыковой ситуации показывает, что по численности носителей наиболее распространенным после китайского является английский язык. Около 500 млн. жителей планеты признают его родным языком, а свыше 1 млрд. человек пользуется им в качестве второго языка-макропосредника.

Трехъязычие, по сути мультилингвизм, безусловно, обогащает. Исследователи характеризуют преимущества мультилингвизма: «...это существенный фактор становления глобалистского менталитета» [5]; «это способность не только говорить на нескольких языках, это еще и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких цивилизаций, иначе, мышление, открытое к диалогу» [6].

С 1 сентября текущего года в 32-х вузах Казахстана начата подготовка 5500 учителей для преподавания предметов на английском языке. Поставлена цель — создать развитые системы дистанционного и онлайн-обучения, активно развивать государственный язык и трехъязычие. Со следующего учебного года начнется переход на трехъязычие во всех школах Казахстана, будет вводиться изучение английского языка с первого класса, а в дальнейшем - отдельные предметы будут преподаваться на английском языке.

Создание оптимального языкового пространства государства требует четкого определения функционального соотношения языков, которое помогают раскрыть следующие данные статистики.

Население Казахстана на 1 апреля 2013 г. составляет 16 970 тыс. человек [7]. В полиэтничном Казахстане проживают представители более 130 наций и народностей. Среди них наиболее многочисленными являются 7 этносов - казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы, на долю которых приходится 95,6% населения страны.

В процентном соотношении этническая структура населения Казахстана в 2012 году выглядела следующим образом. Наибольший удельный вес в общей численности населения занимают казахи – 64,55 % и русские - 22,35 %. На долю других этносов и этнических групп приходится 13,2% населения республики. Из них 2,96 % - узбеки, 1, 88 % - украинцы, 1,42 % - уйгуры, 1,22 % - татары, 1,08% - немцы [8].

Численность населения в Казахстане в 1999 г. составила 14 млн. 955 106 человек, в 2009 г. – 15 млн. 982 343 человек, в 2010 г. - 16 млн. 204 617 человек [9]. За межпереписной период между общенациональными переписями Казахстана 1999 и 2009 гг. численность казахов увеличилась на 26,1 % и составила 10 098,6 тыс. человек. Увеличилась численность узбеков на 23,3%, составив 457,2 тыс. человек, уйгур – на 6%, составив 223,1 тыс. человек.

Снизилась численность русских на 15,3 %, составив 3797,0 тыс. человек, немцев – на 49,6 %, составив 178,2 тыс. человек; украинцев – на 39,1 %, составив 333,2 тыс. человек; татар – на 18,4 %, составив 203,3 тыс. человек; других этносов – на 5,8 %, составив 714,2 тыс. человек [10, с. 22]. Таким образом, судя по социокультурной, демографической динамике, около 70 процентов в Казахстане составляют казахи, и доля казахского населения растет каждое десятилетие.

А вот так выглядит «языковой» срез структуры этнокультурного образования в республике. На начало 2011/2012 уч. года численность учащихся в общеобразовательных школах республики с казахским языком обучения составляла 1 590,7 тыс. человек, с русским – 819,5 тыс., с узбекским – 77,9 тыс., с уйгурским – 14,4 тыс., с таджикским – 3,8 тыс., с немецким – 0,2 тыс., с английским – 1,7 тыс. [11]. В вузах Казахстана в 2010/2011 уч. году обучалось по национальностям: 471,2 тыс. казахов, 102,5 русских, 7,1 тыс. украинцев, 8,5 тыс. узбеков, 2,0 тыс. белорусов, 0,5 тыс. киргизов, 5,8 тыс. татар, 4,1 тыс. немцев, 18,7 тыс. – других национальностей [12].

Но есть еще любопытные данные статистики, затрагивающие ментальные, психологические основания этноязыкового бытия людей. 62% всего населения Казахстана, согласно итогам общенациональной переписи, проведенной в 2009 году, свободно владеет государственным казахским языком. При этом понимают устную речь на государственном языке 74% населения Казахстана; свободно владеют русским языком 84,8% населения, 94,4% - понимают устную речь на русском языке. Английским языком свободно владеют в Казахстане 7,7% населения страны, в два раза больше людей понимают устную речь на английском.

98,4 % казахов понимают устную казахскую речь; 2,3 % свободно читают; 93,2 % свободно пишут и читают. В пояснениях статагенства указывается, что лицо, умеющее свободно писать, как правило, свободно читает и понимает устную речь; а лицо, умеющее свободно читать, как правило, понимает и устную речь [10, с. 23].

Однако ряд экспертов считает эти цифры обманчивыми. В этом кроется этнопсихологический фактор: казахи из чувства стыда не хотят признаваться в незнании родного языка. Языковой фактор как главный идентификационный признак нации весьма чувствителен и значим. По этому маркеру дифференцируют казахоязычную и русскоязычную части казахской нации. С болью в душе наиболее мыслящая часть этноса говорит о все еще существующей раздробленности самого казахского социума по принципам связи или отрыва от корней, территориальности, родовой принадлежности: «нагыз» (истинные) и «шала» (смешанные) казахи; «западные-восточные, северные-южные»; «городские-сельские»; есть и вернувшиеся на историческую родину соотечественники. Поэтому чрезвычайно важно всеми силами укреплять внутреннее единство казахского общества. Современные казахи, следуя традициям веков, должны показывать пример единства, толерантности и патриотизма. И язык здесь является главным фактором интеграции.

Сейчас в Казахстане активно обсуждается один из исторически важных вопросов - переход казахского письма на латиницу. Президент страны, убеждая в необходимости этого шага, создающего «условия для интеграции в мир, лучшего изучения нашими детьми английского языка и языка Интернета, и самое главное – для модернизации казахского языка» [3], обозначил сроки завершения этой работы - 2025 год, хотя часть общественности предлагает ускорить этот процесс и решить его уже к началу международной выставки ЭКСПО-2017 в Астане. Реформа казахской графики – это внутреннее дело самого народа и потребность в модернизации и развитии казахского языка; и оно не направлено на попрание прав представителей других этносов. Лингвисты отмечают, что действующий сейчас на основе кириллицы казахский алфавит не точно передает фонетическую систему родного языка. Латинская графика может компенсировать эти недостатки. Сейчас в казахском алфавите имеются 42 буквы - 33 буквы русского языка и девять собственных специфических букв. А звуков в фонетической системе казахского языка всего 28. В латинском алфавите 26 букв.

Вопрос о латинизации казахского алфавита дискутировался еще с 1989 года, когда был принят закон о языках в Казахстане. Затем он поднимался и позже, причем Лидер государства предлагал тщательно изучить возможности.

В истории казахов перевод алфавита осуществлялся не раз. С 1929 по 1940 годы по инициативе советского правительства казахи использовали латиницу. В тюркоязычных ре-

спубликах тогда были противоположные мнения, к примеру, казахский просветитель Ахмет Байтурсынов, не приветствуя латиницу, предлагал остановиться на усовершенствованной арабской графике, автором которой и был, и ею пользовались казахи до 1929 г.

Когда-то всё возвращается на круги своя. Время вновь напомнило о необходимости смены алфавита и тюркской интеграции. В 1992 году в Турции состоялся тюркологический конгресс с участием представителей тюркоязычных народов независимых государств (ныне их в мире 7), на котором говорилось о необходимости создания унифицированной графики для тюркских народов. К тому времени на латиницу уже начали переходить Узбекистан, Азербайджан и Туркменистан.

Сегодня осуществляются шаги по упорядочению терминологии тюркских языков и созданию сравнительных терминологических словарей. Так, при Тюркском совете, совещательном органе, созданном по инициативе и при поддержке глав четырех тюркоязычных стран: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции, образован Теминологический комитет. Тюркский мир объединяет ныне 200 млн. человек. Это такой же общецивилизационный рынок, как, к примеру, и Таможенный союз с населением входящих государств около 170 млн. человек.

Однако общественное мнение по вопросу о внедрении латиницы в Казахстане разделилось на два направления. Сторонники апеллируют к тому, что это будет только благоприятствовать информационному обмену с другими странами, в особенности, с тюркоязычными странами. Часть даже питает надежды и уверена, что переход на латинскую графику и внедрение новых норм в языке придаст новый импульс развитию самого казахского языка. Противники же мероприятия приводят аргументы, что это потребует больших финансовых затрат и возникнет угроза потери духовно-культурного наследия, сформированного в течение 70-80 лет.

Третьи же приводят в пример Китай, Корею, которые, хотя используют из века в век никому не понятные, кроме них самих, иероглифы, но это не мешает им динамично развиваться и достигать чудес как в экономической, так и в информационной сферах.

Между тем в мире уже вернули латиницу Молдова, Туркмения, Узбекистан, Азербайджан, а также славяне бывшей Югославии. Пока казахстанцы легко переписываются в социальных сетях и «набирают» SMS-ки на латинице, лингвисты разрабатывают несколько вариантов обозначения специфических букв казахского языка в латинской транскрипции. Самый простой из них - использовать диакритические, т.е. дополнительные надбуквенные и подбуквенные знаки. По некоторым данным, сейчас имеется около 100 проектов. Все их можно подразделить на несколько типов: первые предлагают использовать 26 букв английского алфавита, другие – диакритические знаки. Дискуссии продолжаются до сих пор и вокруг дилеммы: нужна ли вообще латиница. Между тем политическое решение принято, и сегодня вопрос состоит в выработке плана и конкретного алгоритма действий.

При всех спорах и сомнениях по поводу в целом языковой ситуации и ее перспектив - очевидно одно: постепенно, неуклонно и методично всё идет к достижению желаемых целей в языковой политике и нациестроительстве.

Реализация языковой политики должна основываться на чувстве патриотизма и ни в коем случае не на нетерпимости и негативных эмоциях. Для успешной реализации целей этноязыковой политики нужна очень кропотливая, многолетняя работа. Потребуется время, смена поколений для того, чтобы желание и умение разговаривать на казахском языке стали естественными для каждого гражданина Казахстана. «Елу жылда – ел жана» (За пятьдесят лет и народ новый), гласит казахская народная мудрость.

---

1. Радлов В.В. Тюркские степные кочевники. Т. 3. - Астана: Алтын кітап, 2007. С. 152

2. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XVII сессии Ассамблеи народа Казахстана // Казахстанская правда. - 2011. – 19 апреля.

3. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // Казахстанская правда. – 2012. – 15 декабря.

4. Исхаков С.М. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии // Транскаспий, 27 ноября 2000 года. URL: http://tatar-history.narod.ru/azia-tyrk.htm (дата обращения: 27.11.2000 г.).

5. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов // Социол. исследов. - 2011. - № 4. - С. 55.

6. Арынгазиева Б.Б. Мультилингвизм как условие диалога культур // Вестник РФО. - 2009. - № 2. - С. 73.
7. Основные показатели социально-экономического развития Казахстана на 1.04.2013 г. URL: http://www.stat.kz/Pages/default.aspx (дата обращения: 15.04.2013 г.).
8. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. – Астана: Агентство РК по статистике, 2012. С. 22.
9. Демографический ежегодник Казахстана. 2009. - Астана: Агентство РК по статистике, 2010. С. 15.
10. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Аналитический отчет. - Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011. – С. 22.
11. Казахстан в 2011 году. Статистический ежегодник. - Астана: Агентство РК по статистике, 2012. - С. 47.
12. Казахстан за годы Независимости. 1991-2010 гг. Статистический сборник. - Астана: Агентство РК по статистике, 2011.

ЛЫСЕНКО Ю. М.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
г. Махачкала, Россия

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НОГАЙСКОЙ СТЕПИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

На современном этапе развития вопросы экологии, сохранение и рациональное использование главного национального богатства — земли, являются самой важной проблемой, в том числе и в Ногайском районе РД.

Территория Ногайского района представляет особый хозяйственно-экономический подрегион Дагестана, основную часть его составляет — Ногайская степь, часть которой административно относится к Ставропольскому краю и Чеченской республике. Центральная и юго-восточная часть Ногайской степи, «буруны», — наиболее крупный район весенне-летне-осенних пастбищ, составляющий главную базу овцеводства ногайцев. Основным типом пастбищ являются злаковые и разнотравно-злаковые. Овцы на таких пастбищах содержатся в степи почти в течение всего года на подножном корме. Восточная и северная часть Ногайской степи - Бажиганская злаково-прутняковая, Прикумская и Приморская полынно-солянковые степи в основном использовались под отгонное животноводство.

Природные условия Ногайской степи были благоприятны для развития в ней как животноводства, так и земледелия. Период вегетации сельскохозяйственных культур здесь составляют 230—240 дней. Но из-за недостатка выпадающих в весенне-летний период осадков и слабого развития орошения, часто повторяющихся засух земледелие здесь было ограничено, и наиболее приемлимой отраслью является - животноводство.

Благодаря отсутствию зимой снегового покрова овцы обычно содержались здесь на подножном корме с осени и до поздней весны. [6, с. 54] Район отгонных пастбищ - наименее обжитая и хозяйственно освоенная часть Ногайской степи. Выпас овец на зимних пастбищах производился путём перекочёвки отар от одного пастбищного участка к другому. [6, с. 56]

В 1957 г. Караногайский (Ногайский) район наряду с территорией бывшего Кизлярского округа (Крайновский, Кизлярский, Тарумовский и районы) по просьбе обкома ДАССР был передан ей из Грозненской области.

Включение Кизлярского, Тарумовского и Ногайского районов в Дагестан, среди прочего обосновывалось малым числом пашен и пастбищ в ДАССР, а присоединение равнинной территории в какой-то мере решало многие проблемы развития сельского хозяйства республики. Отличительной особенностью хозяйства Дагестана является наличие системы отгонного животноводства, в соответствии с которой два раза в год — весной и осенью — осуществляется перегон скота, в основном овец, с летних на зимние пастбища и обратно. Площадь земель отгонного животноводства составляет почти 1.700.000 гектаров (из кото-

рых 362.600 га – летние пастбища) и была закреплена за 837 сельхозпроизводителями. Площадь земель зимних пастбищ составляет 1.437.400 га. Протяжённость скотопрогонных маршрутов составляет 3.200 км. [1, С. 46]

На территории Ногайского района Дагестана, имеющего площадь 887113 гектаров земель, более чем за 200 хозяйств и организаций различных форм собственности из 31 горного района республики Дагестан, арендовали 582170 гектаров земли, т.е. 65,7% территории района. Все эти хозяйства получили земли ногайской степи в аренду в бытность Советского Союза, для обеспечения мест зимовки скота из высокогорных районов республики.

Каким же образом, получилось, так, что экологическая ситуация в Ногайской степи и других равнинных районах в начале XX1 века приблизилась к катастрофической? Таковое положение явилось следствием непродуманных государственных мер, по передачи земли хозяйствам, административно относящихся к другим районам, а также небрежным отношением человека к природе.

Из-за многократной перегрузки пастбищ и вследствие климатических изменений резко сократилась их кормовая ёмкость. Территория степи представляет собой плоскую песчаную равнину, большей частью, лежащую ниже уровня мирового океана. Песчаный грунт здесь покрыт довольно тонким плодородным слоем, разрушение которого в XX столетии приобрело характер экологической катастрофы.[7]

В практике ногайцев, перекочёвка преследовала цель не только обеспечить скот достаточным кормом и водопоями, но и не допустить излишнего стравливания пастбищ скотом, для того, чтобы они оставались пригодными для многолетней эксплуатации. Места кочевания заранее распределялись между отдельными кочевыми коллективами в зависимости от количества скота, который должен был пастись на выделенных кочевьях. Кроме того, учитывалось наличие водоёмов на кочевом пути, и заранее определялись сроки эксплуатации отдельных пастбищных участков.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что у ногайцев земля всегда была исключительно в общественной собственности. В документах Ногайских дел (обширные архивные материалы Посольского приказа, состоящие из дипломатической переписки, статейных списков и отчётов русских послов в ногайской Орде, ЦГАДА) содержатся многочисленные указания на то, что в Ногайской орде действовала уже достаточно чётко оформленная система кочевания с определёнными маршрутами перекочёвок и планомерным использованием зимних, весенних, летних и осенних пастбищ, установленных для каждого кочевого коллектива. Перекочёвка представляла собой довольно сложную производственную операцию, требовавшую досконального знания степи и её производственных возможностей применительно к нуждам экстенсивного кочевого скотоводства.[1, С. 47] Однако сегодня, этот производственный опыт практически не используется.

Отрицательные последствия процессов опустынивания в Республике Дагестан привели к потере продуктивности пастбищных угодий до 30-40% северных районов на площади более 1.500.000 га. Это составило в кормовом отношении до 500.000 единиц. Эта величина эквивалентна количеству кормов, необходимых для содержания 0,5 млн. голов овец.

Необходимо помнить о том, что Ногайская Степь является в большей степени пастбищами для отгонного животноводства. Пастбища занимают 2,5 млн. га. Здесь ежегодно зимовало в 50–60-е годы более 3 млн. овец, много крупного рогатого скота. [3, С. 42]

Вопрос улучшения использования Черных земель и Кизлярских пастбищ возник еще в середине XX века. Исследования показали, что в ряде мест нарушался установившийся порядок их эксплуатации. Они примерно насыщены были скотом, что производило к уничтожению растительного покрова. Уже в 1967 г. на отгонных пастбищах северной зоны оказались оголенными 200 тыс. га пастбищ. [3, С. 42]

Не раз вопрос превышения пользования содержания скота поднимался и в республиканских органах власти, и в районных. Многие работники животноводства содержали личный скот совместно с общественным, используя для его содержания постройки и корма хозяйств, что отрицательно сказывалось на развитии общественного животноводства и экологического положения.

Данный вопрос обсуждался на заседаниях райисполкома и сельских советах района. Принимались меры, но в целом эти проблемы оставались в перманентном состоянии.

Многими хозяйствами, за которыми были закреплены земли, грубо нарушали порядок использования пастбищ отгонного животноводства (ежегодно оставались на лето 40-500 тыс. голов овец, участились факты вспашки пастбищ под бахчу и другие культуры), отсутствовал контроль над использованием пастбищных земель. [4, с.87]

Передача земли, являющейся государственной собственностью, приобрела широкий размах. Государственные чиновники, не очень заботясь о возможных последствиях такой практики и не считаясь с увеличением населения на равнине, плотность которого в 70-е–80-е гг. резко возросла, продолжали отдавать под новые переселения и под кутаны все большие площади плодородных сельскохозяйственных угодий.

Практически все сельские горные районы получали сельскохозяйственные угодья на равнине. На территории Ногайского района 79,9% сельскохозяйственных угодий использовались хозяйствами 15 горных районов Дагестана. В Тарумовском районе 56,6% сельскохозяйственных угодий использовалось землепользователями других районов. [5, с. 301]

Помимо планового переселения, ведшегося в рассматриваемый период, шло и так называемое «стихийное», которое имело место быть и после окончания переселения планового. В постановлении от 13 января 1984 г. бюро Дагобкома КПСС «О населенных пунктах горных районов, возникших на равнинных отгонных пастбищах» приводятся цифры о более чем 25 тысячах человек, проживавших ранее в горных районах, и стихийно поселившихся на прикутанных землях равнины Дагестана. Также отмечено, что этими переселенцами самовольно, без заранее утвержденных проектов постройки было построено 106 населенных пунктов. Данное переселение велось без учета потребностей коллективных хозяйств в рабочих руках и общего количества земли, закрепленной за равнинными селами. [3, с. 44]

Исследованиями, проводимым Прикаспийским институтом биологического развития ДНЦ РАН установлено, что в результате неразумной хозяйственной практики оказались «сбитыми» в средней, сильной и очень сильной степени около 70% всех пастбищ степи, а 25% земель оказались засоренными вредными и ядовитыми для животных травами. При норме выпаса «одна голова на гектар», этот показатель возрос до 4 голов овец на гектар.

Интенсивно использовавшиеся под пастбища южные и юго-восточные участки Ногайской степи превратились в песчаные пустыни. В прошлом для укрепления песков здесь проводились посевы трав (песчаный овес и др.), создавались сосновые, можжевельниковые и тисовые насаждения, которые в очень небольшом количестве сохранились в южной части степи. На данный момент эти работы не ведутся. [2]

Другая причина истощения почвенных ресурсов степи – нерачительный подход к осуществлению нефтегазодобычи. В западной и северо-западной ее частях это привело в выведению из хозяйственного оборота не менее 80 тысяч га пастбищных угодий. Бесхозяйственно эксплуатируются крупные месторождения высокоминерализованных гидротермальных вод – Южно-Сухокумское, Терекли-Мектебское, Кочубеевское. В их пределах почва и подпочвенные горизонты отравляются химически активными сбросовыми водами. В их пределах почва и подпочвенные горизонты отравляются химически активными сбросовыми водами. За последние три десятилетия только на одном Южно-Сухокумском нефтегазовом месторождении попутно было извлечено и сброшено на поверхность без экологического обезвреживания свыше 2 млн. тонн химически активных рассолов. Очень нерационально формируется в степи и дорожно-транспортная сеть. Ее площадь ныне в 2-3 раза превосходит нормативные потребности.

Происходит объединение видового разнообразия растительности, полностью исчезли отдельные виды представителей промысловой фауны животных. Идет усиление активности передвижения песков. Поэтому в настоящее время сильно увеличились процессы опустынивания. Проблема опустынивания из отраслевых проблем перешла в категорию проблемы общего народнохозяйственного значения.

Таким образом, увеличение количества населения, нерациональное использование ими земли, увеличение содержащегося скота негативно влияют на экологию Северного Дагестана. Наибольшую обеспокоенность вызывает в данном случае положение самого

северного района республики — Ногайского. Это район в недавнем прошлом славился высокоразвитым животноводческим хозяйством. Большую роль район играл в развитии овцеводства для высокогорных районов республики. Однако количество содержащегося скота в Ногайской степи, Кизлярских зимних пастбищах, Черных землях превышало допустимые нормы. Огромное количество животных содержавшихся на равнине привело к тому, что большие площади земель оказались вытоптанными, в Ногайском районе идет опустынивание земель, загрязняется окружающая среда, сокращается численность диких животных и всех видов рыбы, неэффективно используются поверхностные и подземные воды и т.д. и т.п.

В последние десятилетия здесь в результате нерационального использования земель резко ухудшился экологический фон, образовались обширные массивы развиваемых песков и злостных солончаков, появились новые очаги опустынивания. По этой причине многократно уменьшилась емкость пастбищ и продуктивность сельхозугодий. Разработанные и предлагаемые различными НИИ и проектными организациями программы по борьбе с опустыниванием земель, не дают ощутимых результатов. Что же касается специальных постановлений Совета министров Российской Федерации и Совета министров республики Дагестан по борьбе с опустыниванием черных земель и кизлярских пастбищ, то они остались не до конца выполненными из-за отсутствия финансирования.

Таким образом, увеличение количества населения, нерациональное использование им земли и увеличение содержащегося скота негативно повлияли на экологию Ногайской степи.

---

1. Кидирниязов Д.С. К вопросу об экологической безопасности Ногайской степи в XX1 веке // Эколого-экономические проблемы общества в системе ценностей молодежи. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 274-летней годовщине города Кизляра (г. Кизляр, 24-26 сентября 2009 г.). Махачкала, 2009. С. 46-48. С.46. 47

2. Кусов О. Ногайская степь // http://www.svoboda.org/content/ transcript/ 24196737.html (дата обращения 07.02.2014)

3. Лысенко Ю.М. Влияние переселения горцев во второй половине XX в. на проблемы экологии Северного Дагестана //Эколого-экономические проблемы общества в системе ценностей молодежи. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 274-летней годовщине города Кизляра (г. Кизляр, 24-26 сентября 2009 г.). Махачкала, 2009. С. 41-45. С. 42. 44

4. Мудуев Ш.С. Перспектива развития земельной реформы в республике Дагестан // Государственное регулирование экономики Республики Дагестан. Махачкала, 2001. С. 85-89. С.87.

5. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину. Махачкала,2000. - 336 с. С.301.

6. Ширяев С.Д. Грозненская область. Грозный, 1955. – 268 с. С. 54. С. 56.

7. Эльдаров Э. Ногайская степь//http://dagestan.rgo.ru/o-regione-2/pamyatniki-prirody/ravninnyj-dagestan/nogajskaya-step (дата обращения 08.03.2014).

САНГЛИБАЕВ А. А.

Карачаево-Черкесский филиал Московского
финансово-промышленного университета «Синергия»
г.Черкесск, Россия

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ традиционно считается одним из конфликтогенных регионов РФ. Это обусловлено наличием здесь критического уровня противоречий в сфере национально-государственного устройства и межэтнических отношений., в основе которых лежит конкурентная борьба этнических и политических сил за перераспределение власти и ресурсов: земли, производственных мощностей, источников финансовых поступлений, и свое выражение эта борьба находит в разнообразных движениях народов Северного Кав-

каза: за реабилитацию репрессированных народов, повышение статуса народа в иерархии национально-государственных образований

Перед Россией стоит задача создания новой Стратегии национальной политики в Российской Федерации с акцентированным вниманием к республикам Северного Кавказа. Достижение полной идейной самостоятельности по РФ, есть насущная задача российского государства и его политической элиты. Россия больше не должна оглядываться на Запад и строить свою государственность, учитывая менталитет многонациональных регионов.

Для Северного Кавказа характерна очень высокая этническая мозаичность: на его территории проживают многочисленные группы некоренного населения и около пятидесяти коренных народов, самыми крупными из которых являются: дагестанская группа, вайнахская группа, тюркская группа, абхазо-адыгская группа.

Первые две группы занимают, в основном, территорию восточного Кавказа, вторые доминируют на западном. Многие нынешние нации Северного Кавказа суть конструкции уже советского периода, когда происходило или объединение десятка разнообразных групп, как, например, в аварскую нацию, или, наоборот, из, в прошлом, черкесов произошло выделение кабардинцев, черкесов и адыгейцев. Взаимоотношения же между этими народами были сложными, какими остаются и сейчас.

Советская система сдержек и противовесов, созданная на Северном Кавказе, функционировала при выполнении ряда условий, в первую очередь, мощного силового и социального обеспечения такой политики. С ослаблением государства выполнить эти условия стало невозможно и система начала активизировать заложенные в ней взрывоопасные механизмы.

Одной из форм их активации стало религиозное движение салафитов (ваххабитов), основной целью которого является установление исламского правления на Северном Кавказе и превращение подобного теократического образования в важнейший фактор мировой геополитики, с помощью которого претензии исламского мира на свою долю ресурсов и благ модернизации в глобальном масштабе выглядели бы более весомыми. Контроль над Каспийско-Черноморским транспортным коридором позволил бы воинствующим исламистам добиться от развитых стран больших уступок в плане культурного и политического доминирования в важнейших регионах планеты. Движение активно поддерживается из-за рубежа, однако, если западные организации видят в нём лишь инструмент для редуцирования российского влияния в регионе и в мире в целом, то исламские фонды, организации и некоторые государства стремятся обеспечить на Кавказе своё цивилизационное доминирование.

Среди западных государств, пытающихся использовать данный «инструмент» можно выделить Великобританию и США. В любом случае западные державы, стремясь обеспечить достижение двух основных целей (безопасность транзита энергоносителей и монополию на их разработку, а также геополитическое ослабление России путём поддержания кавказского участка «дуги нестабильности» и управляемых конфликтов в регионе) действуют, в основном, через легальные структуры ООН и правозащитных организаций (таких, как не столь давно закрытый в Ставрополе офис Датского совета по беженцам), которые оказывают административную, дипломатическую и финансовую поддержку инсургентам, в первую очередь тем, кто выступает под знамёнами национально-освободительной борьбы. Примечательно, что в последнее время ваххабитские структуры пытаются как можно более тесно (по крайней мере, на пропагандистском поле) связать себя с чеченским и дагестанским сепаратистским движением, и придать своей борьбе более цивилизованную форму (так, при атаке Нальчика в октябре 2005 года нападению подверглись только вооружённые структуры государственной власти при минимальных жертвах со стороны мирного населения). Однако основную финансовую поддержку формированиям воинствующих исламистов оказывают неправительственные исламские фонды, базирующиеся, по большей части, в странах Персидского залива.

В этой связи нужно отметить, что российские власти на Северном Кавказе до сих пор не имеют цельного представления о том, как взаимодействовать с исламским духовенством и наиболее активной частью северокавказской уммы. Опыт Советской власти в подавляющем большинстве ситуаций не соответствует нынешним реалиям Северного Кавказа,

опыт Российской Империи представляется более адекватным, но для его использования придётся создавать цельную систему «государственного присмотра» и патронирования традиционного ислама.

Анализируя особенность взаимодействия региональных политических элит и неформальных общественно-политических этнонациональных движений и духовенства на Северном Кавказе за последние 20 лет с точки зрения социокультурного процесса, надо отметить, что она происходила как отстаивание официальными республиканскими властями, независимо от индивидуальных мотивов их представителей, уже сложившейся к 90-м годам у народов России государственности как культурной ценности, в противоположность оппозиции, выдвигавшей задачу построения этнической государственности. Эта борьба была нацелена на разрушение уже достигнутых форм государственности, и заведомо блокировала использование для государственного строительства современного типа его основу - всеобщность гражданских прав.

Рассматривая с этой позиции этнополитический процесс на Северном Кавказе можно выделить его главное противоречие как борьбу сил, утверждающих современный тип государственности, который во всем мире характеризуется полиэтничностью населения, зашитой прав личности, а не социальных групп, и сил, отстаивающих ценности локального общества, защитить которое призвано этнократическое государство. Диспозиция этих политических сил определяет политическое пространство региона.

Государственная власть в различных сегментах политического пространства Северного Кавказа может иметь различную степень насыщенности, может проявляться как стабильная или конфликтная. Конфликтность проявляется в сецессионных установках и действиях региональных политических этнолидеров и проекции их на общественные настроения населения республик.

Предметом политического процесса является борьба за изменение статусных позиций этносов, что проявляется, прежде всего, на уровне борьбы этноэлит. Наиболее наглядно она представлена в многонациональных республиках Северного Кавказа. Так, Дагестан и Карачаево-Черкесия являются двумя республиками, с несколькими государствообразующими этносами (в Дагестане их 12, в Карачаево-Черкесии - 5). В обеих республиках существует большое сходство в организации этносоциального пространства, в частности, численно доминирующими среди государствообразующих этнических групп здесь являются горские этносы.

Реорганизация принципов функционирования политической системы российского общества вызвала стремление многочисленных и титульных этносов укрепить свой социально-политический статус экономическими и юридическими средствами, что являлось важным актом в условиях дефицита ресурсов жизнеобеспечения. В результате, при равных «стартовых» позициях, но с учетом численного доминирования, титульности, внутриэтнической сплоченности, произошла дифференциация объемов политического капитала.

События в Карачаево-Черкесии дошедших до вооруженных столкновений народов, во время выборов Главы республики в мае 1999 года убедительно показали, что в перспективе функции политической власти в сфере межнациональных отношений должен осуществлять не весь народ в целом, а политик, который приходит к власти не на гребне политической волны, какую бы национальную окраску она не имела, а через свободные выборы, добиваясь права на власть своими новыми идеями и программами, получившими признание в общественном мнении всего населения и поддержку всех народов. Физическое или иное принуждение в сфере межнациональных отношений, как показывает опыт, не дает положительных результатов. Нашему обществу предстоит многое переосмыслить, ибо с критического осмысления действительности начинается движения в сторону познания причин, порождающих конфликтные ситуации в регионе.

Эта необходимость заслуживает внимания, поскольку выборы глав и президентов в многонациональных субъектах Российской Федерации всегда вызывают обострение межнациональных противоречий, перерастающих часто в конфликты. Это имело место в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии. Однако, избежать прямых столкновений народов кандидаты которых выдвигаются на главу республики можно избрать через Парламентские выборы депутатами регионов. Что сейчас пытаются утвердить

в своих законах республики СКФО. Но это временное явление по выборам глав регионов во избежание межнациональных конфликтов и столкновений. А на сомом деле широкая демократия для народов региона требует всенародных прямых выборов.

Общественно-политическая стабильность в КЧР, складывающаяся из гражданского согласия, межнационального и межконфессионального мира – важнейшее условие успеха социально-экономических преобразований, активно проводимых в настоящее время в Карачаево-Черкесской Республике. Такая взаимообусловленность, этих двух важных составляющих жизни общества предполагает сплоченность, слаженность, консолидированность усилий всех ветвей и органов власти, а также гражданского общества нашей республики в реализации общей стратегии – превращение Карачаево-Черкессии в процветающий регион Российской Федерации.

В КЧР, согласно переписи населения 2010 года в дружбе и согласии проживают свыше 100 национальностей, исповедующих ислам и православие.

Самые многочисленные из них: карачаевцы – 41%, русские – 31,6%, черкесы – 11,9%, абазины – 7,8%, ногайцы – 3,3%, осетины – 07%, армяне – 0,6%, украинцы – 04%, другие национальности составляют - 2,7%.

В конце 2011г. Министерством КЧР по делам национальностей массовым коммуникациям и печати при содействии ученых Отдела социально-политических проблем Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований проведено специальное социологическое исследование по теме «Межэтническое и межкультурное взаимодействие в молодежной среде в Карачаево-Черкесской Республике». Объектом исследования были молодые люди в возрасте от 16 до 23 лет.

Анализ ответов в анкетах показывает, что молодежь хорошо знает культуру народов, проживающих в КЧР, потому что включена в систему общения с другими народами в силу объективных причин: совместного компактного проживания – 44.1%, имея друзей разных национальностей – 47.4%, 41% респондентов считают, что школа – важный источник знаний о культуре и традициях народов республики.

На вопрос «Как Вы думаете, общение с людьми разных национальностей (их приезд к вам в гости, встречи на разных мероприятиях, общие праздники) полезны для Вас? (один вариант ответа)»

– думаю, что это очень важно и полезно, так как мы живем среди людей разных национальностей – 51.3%;

– я с удовольствием общаюсь с людьми разных национальностей – 27.3 %;

– не знаю, мне лучше с представителями своей национальности – 8.8 %;

– мне спокойней, когда рядом только представители моего народа -5,5 %;

– затрудняюсь ответить, другое – 7 %;

Ответы показывают, что для молодежи КЧР важным и ценным представляется понимание между народами. Настораживающими являются последние две цифры, которые отражают состояние общественного сознания у части молодых людей – 12%, предположительно, не уверены в необходимости межкультурного взаимодействия. Это достаточно высокие показатели для молодежи, наиболее мобильной и неустойчивой в плане ценностных ориентаций части населения в полиэтническом обществе.

Ответы на вопросы показывают, что несмотря на достаточно высокий уровень знания другой культуры и внутренней ориентации на понимание в межэтническом общении, значительная часть (более 38.7% молодых людей), чувствуют себя не совсем уверенно в общении с людьми другой национальности. Если есть такого рода противоречия в сфере сознания, значит, есть противоречия объективного характера, которые необходимо выявлять и разрешать.

Вполне понятно, что важнейшими условиями становления гражданского общества в любом полиэтничном регионе являются единство и целостность конституционно-правовой системы, единство системы государственной власти и управления на всей территории, единство судебной системы, обеспечение государством прав и свобод человека и гражданина, а также соблюдение гражданами государства своих конституционных обязанностей по отношению к государству и обществу.

Пример распавшегося СССР, со всей наглядностью свидетельствует о том, что разделение суверенитета гибельно для федерации. Всякий поиск политического компромисса в данном вопросе может привести только к обострению

сепаратизма и к гибели федерации. Вся мировая практика свидетельствует, что в развитых федерациях абсолютное большинство граждан идентифицирует себя с государством, к которому они принадлежат.

В России этого не произошло. Анализ социально-политической ситуации в стране показывает неспособность государственных структур справиться с обострением межнациональных отношений и этносепаратизмом. Так, закрепленная в Конституции РФ 1993 г. модель федерации декларируется как симметричная, однако на практике государственное устройство нашей страны сочетает в себе элементы как федеративного, так и конфедеративного союза. Дело в том, что фактически бывшие российские национальные автономии, получившие статус этнотитульных субъектов-республик, оказались в привилегированном положении в сравнении с другими субъектами-краями, областями. Получается, что на конституционном уровне одни этнонациональные общности имеют более высокий статус, чем другие. Фактически был реализован на практике принцип приоритета титульного этноса, а республики-субъекты федерации — стали государствами этнонаций, давших им имя, а не всех этнических групп, проживающих в данном регионе. К примеру, чтобы как-то заполнить эти упущения утвердили Федеральный Закон о «О создании национальных культурных автономиях», для малочисленных народов. И этот Закон, еще не полостью отвечает современным требованиям малочисленных этнических групп. К примеру в течении 15 лет национально-культурным автономиям (НКА) ногайцев КЧР, Дагестана, Ставропольского края и Астрахани нет должной государственной поддержки, а в республиках Чечни и Краснодарского края не созданы. В настоящее время по инициативе (НКА) ногайцев КЧР, Дагестана и Ставропольского края, создана Федеральная национально-культурная автономия ФНКА ногайцев РФ, избраны руководящие органы. Основной своей целью они считают сохранение языка, историю развития, самобытность культуры, обычаев и обрядов, наладить связь с диаспорами ногайцев, вынуждено покинувших свою Родину и родные места своих предков. В это происходит на базе развития демократического развития и совершенствовании прав человека на самоопределение, посредством широкого электронно- информационного пространства и СМИ. В перспективе не за горами и создание межгосударственной ассоциации ногайцев всего мира для сохранений языка, культуры, истории в определении Основных направлений совершенствовании развития своей нации, в духе солидарности, дружбы между народами и взаимоуважения. Аналогичные варианты по самоидентификации малочисленных народов в Российской Федерации мы должны ожидать. Таким образом, в самом Конституционном праве РФ, были заложены нормы, ослабляющие межнациональный статус и российскую государственность, которые приходится исправлять и дополнять на практике.

ТАНГАТОВ Ё. Х., ТАНГАТОВА А. Ё.

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия
г. Черкесск, Россия

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В АПК КЧР НА ОСНОВЕ КООПЕРАЦИИ И АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Одним из важнейших направлений стабилизации аграрного производства и повышения его экономической эффективности является всестороннее развитие сельскохозяйственной кооперации, которая способствует преодолению экономического кризиса, позволяет объеди-

нить ресурсы сельхозтоваропроизводителей, обеспечивает концентрацию производства и рациональное использование земли, труда и техники.

Принимая участие в работе XXII съезда АККОР, В.В. Путин отметил важность развития малого предпринимательства в РФ и что фермерство состоялось как экономическая и социальная сила и что теперь надо активнее объединять потенциал сельскохозяйственной потребительской, сбытовой кооперации, создавать инфраструктуру заготовки, переработки реализации продукций. Так, в Республиканской целевой программе «Развитие молочного скотоводства в КЧР на 2012-2015 гг. предусмотрено создание интегрированных формирований по производству, переработке и реализации молока и молочной продукции, расширение базы и восстановление комбикормовой промышленности и другие. Это связано с тем, что в Республике преобладает мелкотоварное производство. В структуре товарной продукции продукция ЛПХ занимает 80%, продукция КФХ—5%, а продукция СПК 15%, т.е. основными производителями с/х продукции являются личные подсобные и крестьянские фермерские хозяйства. СПоК нашла своё развитие в Малокарачаевском и Прикубанском районах, г.Черкесске. Кооперация позволяет модернизировать экономику АПК на уровне муниципальных районных территорий.

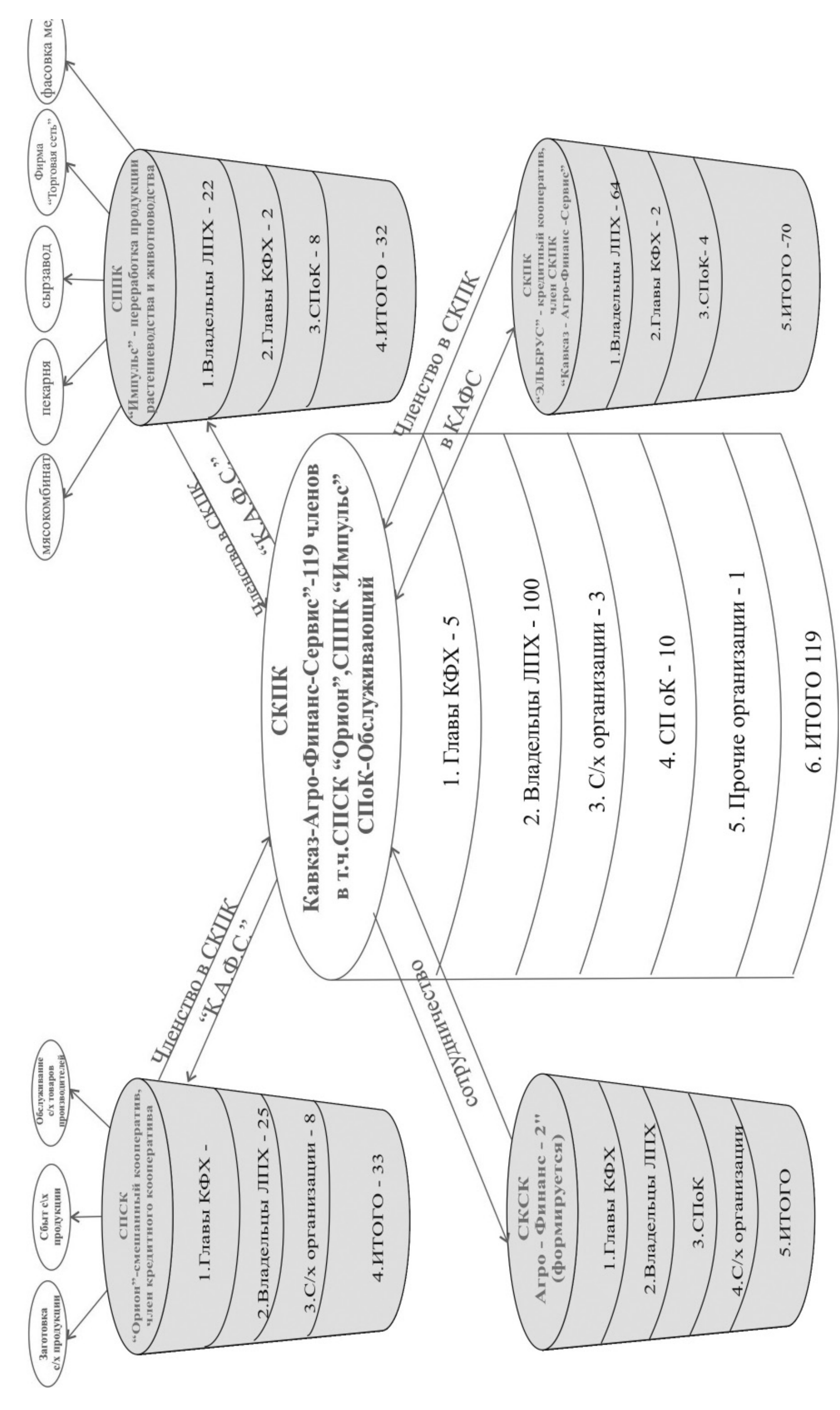
В качестве примера приводим работу СПоК Малокарачаевского района КЧР, где сельскохозяйственное производство базируется на мелкотоварной основе и преимущественно в виде личных подсобных и фермерских хозяйств. Эта малая форма хозяйствования эффективно развивается в условиях сельскохозяйственных потребительских кооперативов по снабжению материально- технических ресурсов; сбыту и переработке произведенной продукции; обслуживанию; кредитованию и другие направления. Это связано с тем, что мелкотоварное производство не в состоянии справиться с перечисленными функциональными обязанностями. Этим вызвана необходимость кооперации. Как следствие, все вопросы решаются сельскохозяйственными потребительскими сбытовыми, снабженческими, смешанными, кредитными и другими кооперативами.

В Ногайском районе КЧР около 400 ЛПХ и несколько десятков фермеров. Кроме того имеются - 2 СПК, одно ООО «Лидер». Площадь сельхозугодий составляет 15000 га, пашни - 12000 га. Раньше на этой территории функционировало 3 крупных хозяйства: плодосовхоз «Эркин-Шахарский», совхоз имени К. Кумукова и совхоз «Эркин-Юртский». Работало в этих хозяйствах в среднем 1500-1700 человек и они были рабочими, а теперь стали владельцами земельных паев.

Владельцы ЛПХ и главы КФХ сами выбирают в какой кооператив им объединиться – сбытовой, перерабатывающий, снабженческий, обслуживающий, смешанный или кредитный. Но важнейшим из всех видов потребительской кооперации все же является кредитный кооператив, в котором его члены пользуются кредитами, получая их в короткие сроки. К тому же меры государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей расширяются. На съезде АККОР В.В. Путиным было подчеркнута необходимость «ставить перед собой новые цели, добиться большего, и сделать так, чтобы государственной поддержкой могли пользоваться одинаково эффективно все сельхозтоваропроизводители - не только крупные агрокомплексы, но и фермерские хозяйства, семейные фермы. Тем самым можно решить такой серьезный вопрос, как трудоустройство безработных, сократить отток молодых семей за пределы района в поиске высокой оплаты, что повлияет на численность населения Ногайского района КЧР.

То есть возникла объективная необходимость в организации кооперативов различных видов – в создании новой модели их взаимосвязей и функционирования на конкретной сельской территории. Так, в Малокарачаевском районе КЧР создается такая модель СПоК, в котором связаны кредитные, сбытовые, снабженческие, перерабатывающие и обслуживающие кооперативы. Такое решение приняли члены СПоК района, сделав для себя выводы, что в одиночку в сложившихся рыночных отношениях просто не выжить, а тем более - не обеспечить рост и развитие собственного производства, пока не объединят-

ся в потребительские кооперативы, и не создадут стройную и эффективно выстроенную систему на территории района. /Рис. 1 Новая модель организации и управления СПоК в Малокарачаевском районе/.



В Малокарачаевском районе первым потребительским кооперативом стал СКПК «Кавказ – Агро – Финанс – Сервис», который был создан в 2006 году. За пять лет своего функционирования этот кредитный кооператив значительно окреп. Его членами являются 100 владельцев ЛПХ, 5- глав КФХ, 3 – сельскохозяйственные организации, 10 – СПоК, в т.ч. СПСК «Орион», СППК «Импульс», СКПК «Эльбрус» и еще создается СКПК «Агро- Финанс». Согласно создаваемой организации и управления СПоК кредитный кооператив

СКПК «Кавказ – Агро – Финанс – Сервис» находится в сотрудничестве с другими потребительскими кооперативами. В этой системе обслуживаются 213 - владельцев ЛПХ, 9 - глав КФХ, 22 - СПоК, 11 – сельскохозяйственных организаций. Сельскохозяйственные организации занимаются производством зерновых и кормовых культур, главы КФХ - разведением поголовья крупного рогатого скота и овец; сельскохозяйственные потребительские кооперативы – заготовкой, сбытом, переработкой и реализацией продукций переработки по розничной цене, а также обслуживанием и кредитованием сельхоз товаропроизводителей – членов кооператива.

Так, СПСК «Орион» - смешанный кооператив, в нем 33 члена кооператива, из которых 8 членов – сельскохозяйственные организации, а остальные 25 членов – владельцы ЛПХ; специализирован на заготовке и сбыте сельскохозяйственных продукций, а также осуществляет обслуживание своих пайщиков. Он же член СКПК «Кавказ - Агро – Финанс – Сервис».

СППК «Импульс» - перерабатывающий кооператив, в котором 32 члена кооператива, из которых 8 членов – СПоК, а 22 члена – владельцы ЛПХ и 2 члена – главы КФХ. Как член СКПК «Кавказ – Агро – Финанс – Сервис» в 2009 году за счет кредитных ресурсов, полученных от своего кредитного кооператива им приобретены производственные объекты на сумму 3,5 рублей и ведется строительство комплекса на сумму 12,4 млн. рублей. Общая сумма инвестиций – около 16,0 млн. рублей. Как видим СКПК «Кавказ - Агро – Финанс – Сервис» успешно выполняет посредническую функцию между государством перерабатывающим кооперативом.

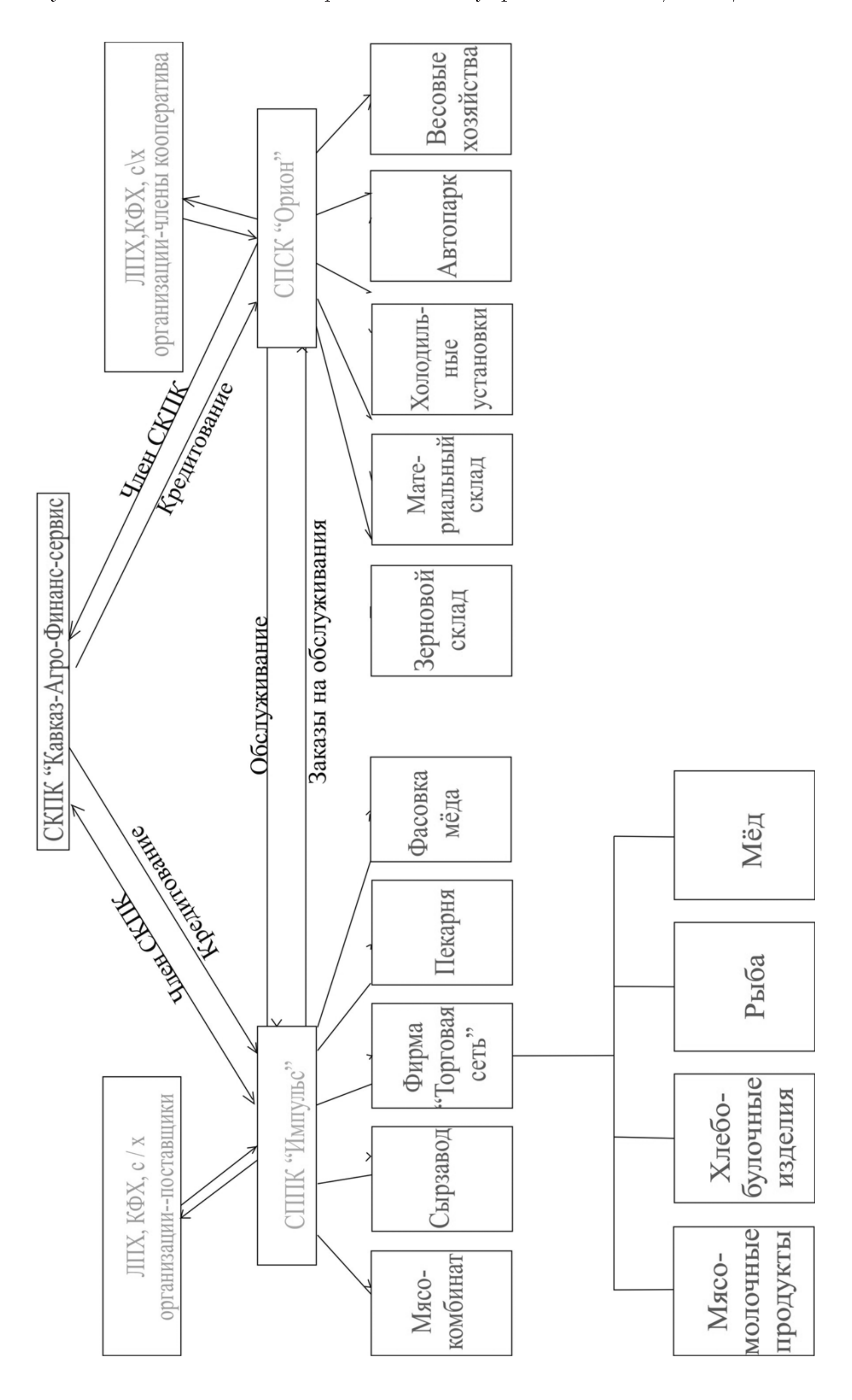
Следующий член СКПК «Кавказ - Агро – Финанс – Сервис» - СКПК «Эльбрус», в котором 70 членов кооператива, из которых64 члена – владельцы ЛПХ, 2 члена – главы КФХ и 4 – СПоК. Для обеспечения кредитами членов кооператива, в т.ч. и потребительские кооперативы СКПК «Кавказ - Агро – Финанс – Сервис» прибегает к приобретению заемных средств в банке. Но потребность в кредитах с каждым годом возрастает у сельхозтоваропроизводителей. Поэтому возникла необходимость в создании еще одного кредитного кооператива в Малокарачаевском районе - СКПК «Агро-Финанс».

К тому же программа развития семейных ферм продлена до 2020 года, т.е. развитие молочного скотоводства будет осуществляться не только путем строительства крупномасштабных комплексов на новейшей технологии, но и путем создания семейных молочных ферм. Для последних объединение всей технологической цепочки – производство – переработка- перевозка и реализация остается одной из сложнейших проблем.

В такой ситуации вернее чем объединение усилий сельхоз товаропроизводителей и создание потребительских кооперативов – другого направления не предвидится. В противном случае необходимо перейти к крупному производству.

Есть и другие программы государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей - субсидирование проектов по первичной переработке мяса и птицы и их процентных ставок по кредитам на проекты. Государство создает наиболее благоприятные условия для развития малых форм хозяйствования на селе.

Рассмотрим взаимодействие СПоК в условиях новой модели организации и управления ими. СПоК в условиях новой модели организации и управления ими. /Рис.2/.



Перерабатывающий кооператив СППК «Импульс» специализируется на переработке молока, зерна и фасовке и меда. Члены данного кооператива формируют семейные молочные фермы, увеличивая поголовье коров, повышая их продуктивность и качество производимой продукции. Рост поголовья скота в частном секторе системы потребительской кооперации будет зависеть от перерабатывающих мощностей кооператива. В данном случае поставщики сырья (молока и поголовья скота) на договорной основе строго по графику должны поставлять свою продукцию.

Продукция переработки передается фирме «Торговая сеть» и реализуется по розничной цене. Розничная торговля является главным источником накопления взаимосвязанных между собой потребительских кооперативов. Такая система вполне себя оправдывает в вопросах приобретения основных средств, строительства комплексов и обеспечения членов кооперативов кредитными ресурсами представляя уникальную возможность быстро получить кредит, сделать заказ материально- технических ресурсов для сельскохозяйственного производства, сбыт произведенной продукции, предварительно переработав ее и реализовать по розничным ценам. При этом прибыль от реализации продовольственных товаров распределяется пропорционально вложенным затратам в производство, переработку, доставку и реализацию.

Так, перерабатывающий СППК «Импульс» принимает от своих членов – владельцев ЛПХ и глав КФХ молоко, поголовье мясного скота, перерабатывает их и продукцию переработки продает через свою фирму «Торговая сеть». Мясокомбинат и сырзавод изготовляет колбасные изделия, сыры и другие молочные продукты, необходимые местному потребителю в первую очередь, а затем – продовольственный рынок будет расширен по мере развития перерабатывающего кооператива.

Кроме того, кооператив имеет пекарню, которая изготовляет хлебобулочные изделия. Главными поставщиками продовольственного зерна являются сельскохозяйственные организации. Отдельные члены кооператива занимаются пчеловодством и поставляют мед в свой кооператив для фасовки и продажи в кооперативной торговой сети по розничным ценам. И наконец, сбыт рыбной продукции и продажа ее в торговой сети.

Смешанный кооператив – СПСК «Орион». Он располагает складскими помещениями, автопарком, весовым хозяйством, необходимые для использования при заготовке, сбыте и обслуживании членов кооператива.

Развитие системы потребительской кооперации на селе, совершенствование организации и управления ее кооперативами при непосредственной государственной поддержке может оказать толчок подъему сельскохозяйственного производства, развитию ЛПХ, семейным молочным фермам, отдельным сельскохозяйственным организациям и потребительским кооперативам.

Приведенные примеры вполне приемлемы для ЛПХ и КФХ Ногайского муниципального района т.к. через объединение ресурсов, концентрацию производства и рациональное использование земли можно значительно повысить эффективность сельскохозяйственного производства, значит необходимо смело внедрять кооперативную форму организации производства.

1. Ё.Х. Тангатов, А.Ё. Тангатова «Организация сельскохозяйственных кооперативов», (Учебное пособие с грифом Министерство образования и науки КЧР) г. Черкесск, 2011г.

2. Ё.Х. Тангатов, А.Ё. Тангатова «Управление сельскохозяйственными кооперативами», (Учебное пособие с грифом Министерство образования и науки КЧР) г. Черкесск, 2013г.

3. Годовые отчеты с/х потребительских кооперативов Мало-Карачаевского района КЧР.

ЩЕРБИНА Е. А.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
г. Черкесск, Россия

НОГАЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Внимание к проблемам российской молодежи становится одной из приоритетных задач органов власти всех уровней и субъектов гражданского общества. Для решения проблем молодежи приняты различные федеральные и региональные программы. В «Концепции государственной молодежной политикив в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2012 года № 506 – р., отмечено, что по данным Всероссийской переписи населения 2010 в СКФО в возрасте от 14 до 30 лет проживает 30,5 % общего числа жителей и это является одним из самых высоких показателей в Российской Федерации. Актуальной на Северном Кавказе проблемой становится обособленность молодежи от жизни страны в целом, ее замкнутость внутри этнических общностей. В то же время опыт проведения межрегиональных и всероссийских мероприятий показывает стремление молодежи Северного Кавказа к интеграции в жизнь страны, межрегиональному и межкультурному взаимодействию и сотрудничеству. В Концепции отмечено, что в этих условиях эффективная государственная молодежная политика становится одним из определяющих факторов повышения стабильности политической и социально-экономической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе.

В Карачаево-Черкесской Республике основой регионального законодательства в отношении молодежи является республиканская целевая программа «Молодежь Карачаево-Черкесии на 2011-2015 годы», которая утверждена постановлением Правительства КЧР от 03.11.2010 №401. Среди основных направлений государственной молодежной политики, реализуемой в Карачаево-Черкесской Республике, можно выделить: профилактику злоупотребления наркотических средств, алкоголизма и табакокурения; развитие студенческого самоуправления; развитие творческого, интеллектуального и инновационного потенциала молодежи; воспитание гражданственности и патриотизма; профилактику экстремистских проявлений в молодежной среде; развитие и поддержку массовой физической культуры и спорта; пропаганду толерантного поведения.

В Карачаево-Черкесской республике проживает около 138, 9 тысяч молодых людей, что составляет 29,4% во всей структуре населения. Наибольшее количество молодежи в КЧР в возрастной группе от 20 до 24 лет (41584 чел.). В целом, молодежь по территории республики распределена неравномерно. В Черкесске проживает пятая часть всей республиканской молодежи (22,5%). Наименьшее число молодых людей зарегистрировано в Адыге-Хабльском, Ногайском, Абазинском районах (3,3%, 4,0%, 4,2% соответственно).

Таблица №1 [1]

Тип поселения	Количество молодежи *(чел.)*	Доля молодежи по отношению к общему количеству молодежи в регионе *(%)*
г. Черкесск	31 227	22,5
г. Карачаевск	17 742	12,7
Абазинский район	5 769	4,2
Адыге-Хабльский район	4 579	3,3
Зеленчукский район	15 697	11,3
Карачаевский район	8 780	6,3
Малокарачаевский район	10 504 5	7,5
Ногайский район	497	4,0
Прикубанский район	9 557	6,9
Усть-Джегутинский район	14 300	10,3
Урупский район	7 160	5,1
Хабезский район	8 100	5,9
Всего по республике	**138912**	**100**

В Адыге-Хабльском и Ногайском районах, то есть в местах компактного проживания ногайцев, фиксируется наименьшая численность молодых людей. При этом нужно учитывать, что молодежь уезжает на учебу в города — это временная миграция, часть из них возвращается домой, к родителям. Другая часть молодых людей стремится переехать в республиканский центр, крупные региональные и российские города на постоянное место жительства. Говоря о перспективах развития Ногайского района необходимо учесть, что сохранение молодежи в районе или её возвращение туда после учебы, должно стать, на наш взгляд, одной из приоритетных задач как районного руководства, так и глав местных поселений. Конечно, для этого необходимо создать современные условия для жизни, работы, проведения досуга молодых людей. Что, в свою очередь, предполагает реализацию социально – экономических программ развития района, мер, предусмотренных в региональных и республиканских программах, в частности, молодежной.

Далее в статье, на основе проведенных в течение ряда лет социологических исследований проблем молодежи, мы попытаемся представить социальный портрет ногайской молодежи, проживающей в республике.

В 2008 году нами изучались этносоциальные установки, степень этнокультурной компетенции, уровень межэтнического взаимодействия и готовности к сотрудничеству детей двух возрастных групп 11-13 лет; 14-16 лет. Часть детей были участниками детских национальных творческих коллективов КЧР, то есть регулярно участвовали в концертах и других мероприятиях, проводимых в КЧР и других регионах России, тесно взаимодействовали с детьми - представителями народов республики и России. Другая часть детей не принимала участие в деятельности творческих коллективов. Среди опрошенных было 11,4% детей – ногайцев. На наш взгляд, полученные результаты интересны не только как срез общественного мнения, но еще и потому, что в настоящее время опрошенным детям от 17 до 22 лет и последующие результаты социологических опросов показывают, изменились ли их взгляды.

В опросе выяснялась степень этнокультурной компетенции детей: знание истории и культуры народа, к которому принадлежали опрошенные дети и историю и культуру других народов, рядом с которыми они живут. Результаты опроса показали, что 100% детей - ногайцев считают, что знают собственную культуру и традиции хорошо. Историю абазин, по мнению 44,4% ногайцев, они знают недостаточно и 44,4% совсем не знают. Культуру и традиции карачаевцев совсем не знают 55,6% и знают недостаточно 44,4%. Культуру и традиции русских 44,4% знают недостаточно, 33.3% совсем не знают и 22,2% считают, что знают ее хорошо. Культуру и традиции черкесов 88,9% детей – ногайцев совсем не знают и 11,1% знают недостаточно. Таким образом, дети - ногайцы демонстрируют высокий уровень знания культуры и традиций своего народа и невысокий уровень знания культуры других народов. У детей других национальностей также зафиксирован недостаточно хороший уровень этнокультурной компетенции для представителей небольшой республики, с учетом того фактора, что большинство населенных пунктов в КЧР полиэтничны, высок уровень межнациональных браков, сильны традиции добрососедства. Еще на тот период мы выразили тревогу, что дети всех других национальностей, проживающих в республике, показывают самый низкий уровень знания культуры ногайцев. Для одного из народов республики, статус которого конституционно закреплен, фактор низкого уровня знаний культуры, традиций, обычаев ногайцев у других народов, безусловно, должен служить тревожным сигналом. На наш взгляд, необходимо расширять «поле знания» истории и культуры ногайцев, в настоящее время ограниченное собственным этносом.

Выяснение этносоциальных установок и уровня готовности к межэтническому взаимодействию позволило определить желание детей – ногайцев дружить с детьми другой национальности. Так, дети – ногайцы выражали желание дружить с абазинами (55,5%), карачаевцами (66,6%), но отметили, что не хотят дружить с черкесами (77,8%) и русскими (55,5%). На основе результатов опроса было установлено, что у детей сформированы собственные этнонациональные установки, которые можно выделить в условные парные конструкции:

- **абазины** – абазины; абазины – русские; абазины - карачаевцы;
- **карачаевцы** – карачаевцы; карачаевцы – абазины; карачаевцы – ногайцы.
- **ногайцы** – карачаевцы; ногайцы – абазины;
- **русские** – все народы;
- **черкесы** – черкесы; черкесы – русские; черкесы – абазины.

Для установления устойчивости указанных установок и определения степени готовности к межэтническому сотрудничеству, детям было предложено задание, в котором они должны были определить команду из своих сверстников, зная только один показатель – национальность. **Ногайцы** показали стойкое стремление к ограничению контактов с представителями других национальностей и предпочли бы мононациональную команду. Но при необходимости выбора, они выбрали бы больше всех карачаевцев. Конечно, есть объективные причины таких ответов, в первую очередь связанные с проживанием ногайцев и абазин «по соседству», близостью языков, культуры, обычаев ногайцев и карачаевцев. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо формировать у детей – ногайцев этносоциальные установки и готовность к межэтническому взаимодействию с детьми всех народов республики и России, чему в первую очередь должна способствовать школа.

В ноябре 2011 года был проведен опрос по проблемам межэтнического и межкультурного взаимодействия среди молодежи республики. Объем выборки – 1000 человек. Выборка репрезентативная, территориально – географическая, квотированная. Квотирование произведено по поло – возрастному принципу. Опрашивалась молодежь двух возрастных групп: 16 – 19 лет (59,1%), 20 -23 года (40,9%). Было опрошено 44% мужчин и 56% женщин. Среди них было опрошено 6,3% ногайцев. Опрос был направлен на выявление уровня этнокультурной компетенции молодых людей, степени и уровня межкультурного взаимодействия, выявления проблем в сфере межэтнических отношений. Таким образом, цели и задачи, поставленные в этом опросе, были аналогичны тем, которые ставились в опросе 2008 года. Возрастной состав молодых людей - респондентов сходен с возрастом, которого к тому времени достигли дети, опрошенные в 2008 году.

Ногайская молодежь под этнической культурой понимает: культуру моего народа – 83,9% и культуру моих предков – 12,9%. Демонстрируют высокий уровень этнокультурной компетенции (так же, как дети в 2008 году): считают, что знают культуру своего народа очень хорошо, потому что интересуются ею - 41,9%, в рамках обычного поведения – 53,2%. В целом, ногайская молодежь показывает достаточно высокий уровень знания родного языка и интереса к нему через чтение газет (более 60%) и просмотр передач (19,4% регулярно, 64,5% - редко). При этом 33% респондентов отметили, что в их ауле не показывает ТВ на родном языке. Большинство молодых людей отметило, что достаточно хорошо знает культуру и традиции народов республики -37,1%; знают немного – 35,5%; не очень хорошо – 24,2%. Для того чтобы определить содержательный характер знаний молодежи о культуре не собственного, а других народов, проживающих в Карачаево-Черкесии, был задан открытый вопрос- задание: «Назовите, пожалуйста, известных деятелей литературы, культуры, науки и искусства – представителей других народов КЧР». Мы получили обширную «мозаичную» информацию, показывающую, что молодые люди — ногайцы, достаточно хорошо знают имена писателей, художников, певцов — жителей КЧР. Среди них: А. Дауров, Х. Готов, Крымшамхалов, С. Капаев, И. Капаев, М. Керимов, Тхагалеков, Хапсироков, Х. Байрамукова, Х. Гашоков, Д. Лагучев, К. Мхце, М. Абдоков. Источником знаний культуры других народов для большинства ногайцев являются:

— друзья разных национальностей – 58,1%;
— мы в школе изучаем культуру, традиции народов КЧР — 30,6% респондентов;
— мы живем рядом с людьми другой национальности» – 30,6%;
— из рассказов родителей, родственников – 27,4%.

При общении с представителями других народов большинство молодежи чувствует себя комфортно – 72,6%; по – разному – 19,4%.

Таким образом, сопоставительный анализ результатов опросов показывает, что уровень и содержательный характер этнокультурной компетенции с возрастом растет и расширяется за счет, в первую очередь, круга общения.

Культуру других, по мнению ногайской молодежи, надо знать, чтобы сохранить мир и стабильность республике – 22,6%; это необходимо для того, чтобы мы лучше понимали

друг друга – 48,4%. Ответы показывают, что чем взрослее человек, тем лучше он понимает значимость «других» в своей и общественной жизни.

Молодые люди ногайской национальности рассматривают русский язык как:

- фактор объединения народов России – 67,7%;
- он нужен мне, чтобы интегрироваться в общество в любом регионе России – 51,6%;
- он нужен мне для общения с друзьями – 38,7%.

Большинство молодых людей – ногайцев (64,5%) никогда не сталкивались с негативным отношением к себе из-за своей национальности; 35,5% сталкивались с таким явлением, что является настораживающим фактором. С этой точки зрения легче объяснить ответы детей, которые стремятся к ограничению общения в рамках своей этнической группы.

Выделяя структуру идентичности, ногайцы ощущали себя:

- гражданином РФ – 58%;
- жителем КЧР – 51,6%;
- представителем своей этнической группы – 29%;
- как жителя своего населенного пункта и жителя КЧР ощущали себя по 27,4% молодых людей.

Таким образом, у молодых людей ногайской национальности в структуре идентичности преобладает гражданская и этническая идентичность.

Молодежь Карачаево-Черкесии, несмотря на возраст, хорошо знает общественные организации, действующие на территории республики, при этом знание в значительной степени определяется национальностью респондентов. Респонденты – ногайцы знают «Бирлик», «Русь», «Ногайшан», «Шарпны», «Джамагат», «Лига молодежи».

В конце 2012 года в районах КЧР был проведен опрос по выяснению ситуации с потреблением наркотиков. В рамках опроса выяснялся вопрос о тех проблемах, которые волнуют молодежь. На первое место в 2012 году ногайская молодежь поставила безработицу – 90%; качество дорог – 75%; нехватку жилья – 65%; состояние жилищно-коммунальной сферы – 60%; алкоголизм и качество медицинского обслуживания – по 45%. Аналогичный опрос был проведен в начале 2014 года. Ответы несколько изменились: в качестве основных ногайцами были названы проблемы:

- качества дорог – 51,9% респондентов;
- алкоголизм – 48,8%;
- качество медицинского обслуживания – 42,4%;
-состояние жилищно-коммунальной сферы – 41%;
- наркомания – 38,7%;
- безработица – 34,3%;
- преступность – 30,1%.

По результатам опросов видно как поменялась структура ответов и именно по ней можно судить о тех изменениях, которые произошли в республике за полтора года. Самым важным, на наш взгляд, являются изменения в общественном сознании, а конкретно, переход в оценке приоритетности экономических проблем к приоритетности проблем социальных.

Ответы, в которых молодые люди высказали свое мнение о степени распространенности наркомании, отличаются от места проживания респондентов. В районах процент ответивших «наркомания очень распространена» колеблется в диапазоне от 4% (Хабезский район, Абазинский р-н – 4,7%, Прикубанский – 5,8%) до 10% (Адыге – Хабльский и Ногайский районы) *(результаты опроса 2012 года).* Проблема наркомании в Карачаево-Черкесской Республике является городской проблемой, хотя тревожной является её распространенность, по мнению самих ногайцев, в местах их компактного проживания. При этом, 95% ногайской молодежи отрицательно относятся к наркомании, считая, что её распространение связано с излишней свободой, незанятостью молодежи – 65%; с неудовлетворенностью жизнью, социальным неблагополучием – 40%; плохой работой правоохранительных органов – 40%; с безработицей, экономическими проблемами – 30%. 90% опрошенной ногайской молодежи считает, что у них недостаточно возможностей для того, чтобы интересно проводить свободное время в своем населенном пункте. Для того чтобы это стало возможным, по мнению респондентов, необходимо иметь бассейн – 65%; новый спортивный клуб – 50%;

новые парки, зеленые территории – 45%; торгово – развлекательные комплексы – 45%. Большинство молодых людей (75%) отметили, что от употребления наркотиков их удерживает осознанное отрицательное отношение.

Среди наиболее значимых ценностей большинство респондентов – ногайцев отметили: здоровье - 95%; интересная работа – 80%; материально – обеспеченная жизнь – 75%; наличие хороших и верных друзей – 65%; счастливая семейная жизнь – 45%.

Таким образом, высказывая озабоченность степенью распространения наркомании в своем населенном пункте, молодые люди - ногайцы связывают её распространение с нерешенностью экономических и социальных проблем, с отсутствием базы для интересного времяпрепровождения.

Сделанный нами анализ статистических данных и вторичный анализ результатов социологических опросов, проводимых в республике в течение ряда лет, показывает, что ногайская молодежь ориентирована на отъезд из своих населенных пунктов, для нее характерен достаточно высокий уровень этнокультурной компетенции при в общем-то не очень высоком уровне готовности к межэтническому взаимодействию. Молодежь уезжает, потому что испытывает дефицит в рабочих местах, трудности в достижении определенного уровня материальной обеспеченности, что важно для большинства современных молодых людей, недостаток мест для проведения досуга.

Перспективным направлением для сохранения молодежи в местах компактного проживания ногайцев, в частности в Ногайском районе, можно рассматривать решение обозначенных проблем в рамках определенной администрацией района политике, в первую очередь:

-стимулирование развития малого бизнеса в районе;

-социальной политике, направленной на повышение качества жизни населения;

-политике, направленной на рациональное использование трудового потенциала и прогнозирование профессиональных потребностей для района. [2]

---

1. Распределение молодежи по типам поселений в Карачаево-Черкесской Республике.
2. http://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/youth/youth1/. Официальный сайт Ногайского района// http://noghay-rayon.ru/index/o_rajone/0-6

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ НОГАЙСКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

АЮБОВА С. А.

Карачаево-Черкесский институт повышения квалификации работников образования
г. Черкесск, Россия

СИНОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА

Лексика является проводником в историю, этнографию и культуру народа; она открывает широкую картину прошлого и настоящего, определяет эстетические вкусы и взгляды данного народа. Как справедливо отмечает К. М. Мусаев, «...язык представляет собой кладовую историю народа – его носителя, и непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа. Ни фонетика, ни грамматика языка не может показать нам условия жизни народа так полно, как лексика. Лексика тюркских языков раскрывает перед нами сложный путь развития этих языков, их взаимодействие между собой, контакты с другими языками мира» [4, с.9]. Иначе говоря, богатство лексики свидетельствует о богатстве любого языка. А основным фондом обогащения лексики языка является синонимия, которая показывает развитость литературного языка и служит для уточнения и углубления смысловых оттенков словаря, делает речь более яркой, образной и выразительной.

Синонимия – явление всегда глубоко национальное, она создается в разных языках различными путями. Синонимы появились в ногайском языке в результате пополнения словаря за счёт лексики территориальных диалектов и в результате заимствования из лексики других языков. Обогащение словарного состава языка и появление синонимов – обычное следствие взаимодействия разных народов, их духовного роста, развития науки и техники, экономических и культурных отношений. Лексический состав синонимов ногайского языка создавался в течение веков.

Причины возникновения синонимов обширны и разнохарактерны, образование их происходит за счёт проникновения в ногайский литературный язык:

— диалектных и просторечных слов;

— слов, появившихся в результате полисемии;

— синонимичных парных существительных;

— заимствованных слов (местных, арабо-персидских, русских), прочно вошедших в словарный фонд языка, но основным источником лексической синонимии выступают исконно ногайские слова из разговорной речи, устного народного творчества (пословиц, поговорок, песен, сказок) и т.д.

В процессе развития ногайского языка лексика, как наиболее подвижный его компонент, непрерывно изменялась. Развитие лексики сопровождается, с одной стороны, пополнением ее новыми словами, т.е. обогащением, с другой – выпадением из словарного фонда определенного количества слов, которые переходят в категорию архаизмов.

В обогащении исконной лексики ногайского литературного языка, в основу которого положен акногайский диалект, немалая роль принадлежит диалектной лексике. Диалекты ногайского языка – акногайский и караногайский – передали из своего арсенала в литературный язык большое количество слов [3, с.103]. Одни из них пополнили литературный язык и функционируют в нем одновременно на равных правах с литературными параллелями в качестве синонимов. Так, наряду со словом *юван* – «толстый», в литературном языке употребляется, как его синоним, и слово *«домбай»*, вошедший из акногайского диалекта. Слово *хатын-кыз «женщина»* имеет в литературном языке «равноправный» синоним *«кыскаяклы»*, вошедший из акногайского диалекта и имеющий иногда преимущество в употреблении.

Как известно, диалектизмы не всегда являются лишними, ненужными, засоряющими литературный язык. Среди них есть такие, которые украшают речь, делают ее более выразительной, эмоциональной, красочной.

В литературном тексте прослеживаются обязательные нормы, регулирующие речь носителей данного языка и определяющие степень грамотности каждого индивида.

В то же время язык художественной литературы включает в себя разговорно-бытовую речь, местный диалект, говор различных категорий людей для создания наиболее полного представления местного колорита. Это один из основных условий лексического обогащения литературного языка.

В определении синонимов в грамматике ногайского языка подчеркнута лишь одна сторона – близость по значению. Другая сторона синонимии, не менее значимая – различие в оттенках значения (многозначность), в употреблении, в частности, в сочетаемости, в стилистической окраске – дается лишь как дополнительные сведения.

Следующим источником пополнения синонимического фонда являются просторечные слова, которые вошли в литературный язык и функционируют в нем в качестве синонимов.

Некоторые из них являются стилистически окрашенными и носят общенародный характер. Например: *аштамак* «прожорливый», *«аш, тоймаган»* «голодный» (лит.), *аьшкин* «обжора» (разг.); *тавыкбас* «несерьёзный» (разг.) *тербиясыз* «неуравновешенный» (лит.) и т.д.

Одним из основных показателей богатства тюркских языков, в том числе и ногайского, является наличие в нем синонимичных парных существительных: *ушсыз-кыйырсыз* «бесконечный», *азык-туьлик* «еда, кушанье», *аьбир-шуьбир* «имущество, достояние» и др.

К числу парных сложных имен существительных относятся слова, которые образуются путем сложения пары слов, компоненты которых выражают значение собирательности, обобщения, усиления экспрессивной окраски слова и др. Компоненты в парных словах равнозначны, между собой не связаны грамматическими показателями.

Характерной особенностью синонимичных парных существительных является:

1.Наличие в обоих компонентах реального лексического значения и относящихся друг к другу как синонимы.

К ним относятся сложные существительные типа: *казан-аяк* «посуда», *ата-ана* «родители», *карын-шек* «требуха», *окув-билим* «учение, знание», *баьле-каза* «беды, несчастья» и т.д.

Эти компоненты используются часто в чисто стилистических целях, а также для эмоциональной окраски. Например:

Балам барар ерге, баьле-каза бармасын (посл.). Пусть беда обойдет стороной тот дом, куда попадёт моя дочь.

Ага-инидинъ каьдирин ялалы болсанъ билерсинъ, ата-анадынъ каьдирин балалы болсанъ билерсинъ (посл.). Цену братьев узнаешь, когда останешься один, цену родителей узнаешь, когда у тебя появятся дети.

2. Сложные имена существительные, один из компонентов которых относится как часть к целому или целое к части. Такие синонимичные пары имеют чаще всего значение собирательности, обобщения. Например: *яс-явка* «молодежь», *курт-кумырска* «насекомое», *савыт-саба* «посуда», *ас-сув* «пища» и др.

К активному способу образования парных существительных относятся и такие средства, которые в современном ногайском языке появились под влиянием русского языка, или пришли в готовом виде путём заимствования, в частности, арабизмы:

1. Синонимичные парные существительные, где один из компонентов является иноя-

зычным, например, арабо-персидским словом: *куьш-куват* «сила, энергия», *кабыр-туьбир* «могила, камень» и т. д.

2) Синонимичные парные существительные, где имеющиеся оба компонента являются заимствованными: *хабар-тебер* «новость, рассказ», *кавыф-хаьте* «беда, несчастье, опасность» и т.д.

Таким образом, синонимичные парные существительные являются активным источником обогащения лексики ногайского языка и служат показателем богатства словарного состава ногайского языка.

Общеизвестно, что нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. Развитие культурных, политических, научных и других отношений между различными народами, несомненно, оставляют свой след на их языке, и, прежде всего, на их лексике.

Синонимичные ряды ногайского языка включают в себя слова, вошедшие из различных языков:

а) арабские и персидские;

б) местные заимствования;

в) русские и через русский язык.

Многовековое влияние ислама наложило свой отпечаток на лексику всех народов. Большое количество арабо-персидских слов органически вошли в живую речь ногайцев. К ним относятся такие синонимичные слова, как *хыйлы* (перс.), *коьп, коьлем* (ног.) «много»; *уьмуьт* (араб.) *сенуьв* (ног.) «надежда» и др.

Чаще всего, новое слово приходит вместе с новым предметом, вещью. «В этом случае заимствованные слова либо проникают в другой язык вместе с заимствованными предметами и понятиями, либо создаются по аналогии с соответствующими словами в другом» [1, с.108].

Женские украшения, как и другие элементы культуры, тесно связаны с историей народа и отражают исторические взаимосвязи с соседними народами.

Обязательным элементом в женском наряде были серебряные браслеты.

Билезик – «браслет». Слово функционирует также в ряде современных тюркских языков: туркм., ног., к-калп. *билезик*, азерб. *билярзик*, *билязик*, кирг. *билерик*, узб. *билекизик* «браслет».

Общепринятая в тюркологии этимология «билезик» принадлежит В. В. Радлову, по которому «*билезик* – сращение определительного словосочетания *билек* и *юзук* «кольцо для запястья».В русском языке слово употребляется в форме *блязик* и *базилики*.

Заимствование русских слов ногайцами происходило на протяжении нескольких столетий и охватило разные пласты лексики: *боькшоь* – «бочка»; *шапшак; машок* – «мешок», *шувал, дорба; туьрме* – «тюрьма», *тутнак; касинке* – «косынка», явлык; *шарф* – «шарф» и др.

Русское по происхождению слово *косынка* (от *косой*) проникло в ногайский язык в послевоенное время. Данное заимствование заменило почти все названия платков, которые бытовали до недавних пор, несмотря на то, что во многих тюркских языках функционирует слово «*яулык*» «головной платок» в различных фонетических вариантах: ног. *явлык*, тат. *йаулык,* к.-балк. *джаулукъ* и т.д.

Интересна история развития слова *кофта*. Являясь русским заимствованием, данная лексема функционирует в некоторых тюркских языках. По мнению А.Г. Преображенского, слово *кофта* – тюркского происхождения и является производной тюркского слова *кафтан*. Соглашаясь с мнением А.Г.Преображенского, отметим, что слово «лексическим бумерангом» в чуть измененной форме вернулось в тюркские языки.Уместно отметить также, что корнем слова *кофта* от *кафтан* является тюркский корень *кап*.

Богатая синонимика – одно из ярких свидетельств словарного богатства ногайского языка. Она дает возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, возможность разнообразить речь, делает её более образной, действенной, выразительной.

1. Будагов Р. А. Слово и его значение. – Л., 1947.-108 с.

2. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Лексика. – М., 1954.

3. Калмыкова С. Х. Лексические заимствования в акногайском диалекте. Сб. трудов института. – Ч., 1959. -103с.

4. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984, с. 9.

5. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М., 1965.

АКМАНБЕТОВ Т. А.

с. Терекли-Мектеб, Дагестан, Россия

НОГАЙ ТИЛИНИНЪ СОЬЗ БАЙЛЫГЫ

(Дерислерде кулланув уьшин материал)

Аьр-бир аьдемге дуныя юзинде энъ де ыспайы, энъ де таьтли, энъ де исси — ана тили. «Ногай тили – бай тил, ногай тилин терен бил», – деген асыл соьзлер бизге ата-бабаларымыздынъ киели оьсиети болады. Ана тили аьдемге тек ят элде тувыл, оьз элинде де баа болмага тийисли.

Ногай шоьлде ел эссе, шанъ борайды, ак шанъ басыма, бетиме конады, тек ак шанъды ана тилине кондырмайман, ана тилимди байытпасам да, ярлы этпеймен, баска халктынъ тилин оьзимнинъ тилимнен артык коьрмеймен.

Ногай тилимизде ата-бабаларымыз «Эдиге», «Аьдил-Солтан», «Шора баьтир» баьтир дестанлар, «Бозйигит», «Тахир эм Зухра», «Кызйибек» ашык дестанлар, аьдет, бесик, казак йырлар, сарынлар, бейитлер, шынълар, бозлавлар, кыска кужыр хабарлар, сынамалар, юмаклар, янъылтпалар, асыл соьзлер эндиргенлер. Халкымыздынъ авызлама яратувшылыгы – оьлшемсиз уьйкен байлык, халкымыздынъ оьктемлиги, тилимиздинъ аьлемет оьрнеги болады.

Халкымыздынъ соьз казнасы ман балаларды тербияламага, коьнъиллерин оьстирмеге, акылларын теренлетпеге, ногай адабият бавы ман таныстырмага бизим асыл парымыз болады.

Ногай адабиятында Сыбырадынъ, Асан Кайгылыдынъ, Шал-Кийиздинъ, Казтувганнынъ, Досманбет Азавлыдынъ эм сондай коьплеген баскалардынъ толгавлары, ай ярыгындай болып, бир-неше оьмирлерден бери коьринедилер. Ногай адабиятында Фазиль Абдулжалиловтынъ, Суюн Капаевтинъ, Гамзат Аджигельдиевтинъ, Куруптурсын Оразбаевтинъ, Кадриядынъ, Келдихан Кумратовадынъ, Мухарбий Аубекижевтинъ, Сраждин Батыровтынъ, Солтанбек Аджиковтынъ, Тайбат Керейтовадынъ яратувшылыгынынъ юлдызлары оьлимсиз ярыгын тоьгедилер. Джалалдин Шихмурзаевтинъ халк авызыннан язып алган айтувлары, такпаклары, шыркыраган шилледе асыл соьзлердинъ ямгырындай болып, явадылар.

«Ясы уьйкенди тынъламаган, баьлеге йолыгар» дегенлей, ясы кишкейлер карт эм эсли аьдемлерден акыл алып, яшавды кайтип яшамага болаяктынъ сулыбын билип, соьз эм ис оьнерине уьйренип, несилден-несилге коьшетаган ийги аьдетлерди тутып, тил шеберлиги мен сукланып, оьмир суьрмеге тийислилер.

Ак сакаллылардынъ асыл соьзлерине кулак салып тынълав – аьр баладынъ шаркына юккан кылыктынъ энъ ийгиси болмага керек.

«Карт койнында колаш бар» деп, айтадылар ногайда. «Колаш бар» деген эки соьз неди анълатады? «Колаш бар» деген – карт аьдемнинъ аьли де куьши, кайраты, куваты бар деген маьнеди билдиреди. Колаштан оьзге картларда акыл, ой, яшав сулыбы бар, олардан яслар акыл алып яшамага керек.

«Авырув атан йыгар» деп халк арасында бу куьнлерде де айтылады. Атан деген уьйкен айван, туье. Авырув уьйкен айванды йыгады, аьдемди йыкпага авырувга бир зат та тувыл деген маьнеди туьсиндиреди.

«Келиннинъ аягыннан, шобаннынъ таягыннан» деген айтувды сыйлы атамыз А.-Х. Ш. Джанибеков язып алган. Кайбиревлер шопа деген соьзди анъламай, шабаннынъ, койшыдынъ таягыннан дейдилер. Шопа деген мифтен келген соьз, ян-януварлардынъ иеси деген маьнеди билдиреди.

Ногай халкы шашырап калды, эм буьгуьнлерде сол кайгылы ислердинъ сырагысы елкемизди кеседи. Ана тилдинъ асыл соьзи юрегиме кызыл гуьлдинъ ийисиндей, ана тилиндеги ят соьз – юрегиме кызыл гуьлдинъ шоькириндей. Боьри инин, балшыбын балшетенин кирлемейди. Биз де ана тилимизди ят соьзлер мен кирлемеге керек тувылмыз. Эгер биз тилимизге ят соьзлерди катыстырсак, ана тилди оьркенсиз калдырмага боламыз. Ана тилге ят болмайык, ата юртка уят болмайык.

Аьлиги яшавда коьп яслар амалсыздан сувык якларга акша казанмага кетедилер. Алыска кеткенлердинъ аьруьв ягы да бар – акша казанадылар, авылда ярасык мекан саладылар; яман ягы да бар - балалары ана тилде соьйлемейдилер. Торгайга аявлы уясы, балага аявлы ана аясы. Алыста Симбирде тувган балаларга ана тили анадынъ аясындай аявлы болмага керек.

«Ювсан тамырсыз болмас, ногай йырсыз болмас», – деп ти ата-бабалар. Ювсаннынъ тамырындай аьвелде ногайлардынъ йырлары да болган. Аьлиги заманда коьп санлы койлар туяклары ман яйлакларда ювсанды тамырсыз калдырадылар, Симбирде тувган балалар ана йырсыз каладылар. Куьн коьзи кевдеди йылытар, ана тилдинъ соьзи юректи йылытар. Сога коьре, алыста тувган балалардынъ юрегин ана тилдинъ соьз йылувы ман йылытайык.

Ногай шоьлде Ногай районынынъ авыл мектеблеринде ана тилинде уьйретуьвде авырлыклар коьп.«Орысша-ногайша» соьзлиги Москвада 1956 йыл баспаланган, аьлиги заманга келиспейди, эскирген. Ногай тилди оьрлендируьвге методикалык китаплар йокка эсап.Ногай тилден дерис беруьвдинъ саьати кемиген.

Ногай окув китаплар мектеблерде етиспейди. «Ногай адабияты», 9-ншы класста 25 балага бир китап. Бир китаптан балалар кайдай билим алсынлар? Окув китаптынъ тили балалардынъ юрегинде ана тилине суьйим кондырмага, енъил,таза тил мен язылмага тийисли. Ногай шоьлде кулланылмайтаган соьзлер окув китапларда коьп расадылар, олардынъ маьнелери де анълатылмайды, сондай етиспевликлер китап окымага аваслыгын уьзеди. Ногай окув китапларын туьзуьвшилер ногай шоьлининъ сулыплы окытувшылары ман маслагат этсе, артыклык этпес. Окув китаптынъ иштелиги акында, ногай тилдинъ окытувшылары, макала язып, оьзлерининъ ойлары ман боьлиссе экенлер.

Бесиктен алып бала бавга дейим, биринши класстан мектебти окып битиргишей,балады ана тилге уьйретип турув керек болады.

Кайбир ата-ана ана тилге уьйренуьвге иркуьвлик этеди. «Бала орыс тилди аьруьв билсин, ногай тилди билмесе де, болады»-дейдилер. Олар балаларынынъ келеегин ойламайдылар. Эгер бала тилин, аьдетин, динин билмесе, олар балаларын не затка уьйретип болаяклар? Ногайлар бирибири мен орамда орысша соьйлейдилер, ол эрши касиет, мактаншык зат тувыл. Бала ана тилин билмесе,оннан кыйын, селеке зат дуныя юзинде барма экен? « Пискоькектинъ оьз уясы йок, доьмбединъ оьз тили йок» — дейди ногай халкында. «Тилин муткан, элин мутар» — деп те айтадылар. Элди, тилди, динди мутпайык. «Тил бир болса, ис оьр болар», – деген атайлар. Авызбирлик исимизди бийикке еткеретаган баскышы болсын,уьстинликлердинъ ашкысы болсын. Соьзимди Курай-йырав Лукмановтынъ айтканы ман битиргим келеди:

Ата элиме суьйимсиз
Урмасын юрегим.
Ана тилине суьйимсиз
Яшамасын увылым.

АГАСПАРОВ Й. А.

с. Терекли-Мектеб, Дагестан, Россия

НОГАЙДЫНЪ БУРЫНГЫ АЙТЫСЛАРЫ

(Дерислерде кулланув уьшин материал)

Ногайымыздынъ коьп аьдет-йоллары мутылып бараятырлар. Боьтенде халкымыздынъ авызлама яратувшылыгы ман байланыслы, юбанышта аьдемлердинъ коьнъиллерин коьтерген айтыслар мутылып бараятырганлары оькиништи тувдырады.

«Казкулактынъ картлары» деген китабында Суюн Капаев айтыс акында булай язады: «Айтыс... Бу соьз соьле бизим бир кесеклеримиздинъ кулагына кужыр болып та шалынаяк болар. Неге десенъ соьле биз бетте айтыспайдылар. Бурынларда онсыз ногайдынъ тойы, яхшылыгы озбаган. Йырга усталар, соьзге шеберлер, акылы юйриклер бири-бири мен базласып, эрисселер, халк, авызын ашып, тынълаган». Боьтенде кыз бан яс айтысканлар. Бас деп кыз яде яс айтысты баслайды, анав бириси янме-ян сол бас деп айткан аьдемнинъ айтканына йыр этип келисли явап айтпага керек болады. Эне суьйтип айтысып, бир-эки саьат халкты юбантатаган болганлар. Мысалга, мине мунавдай эки шувмакты келтирейим:

Кыз, домбырады шерте берип, айтады:
Коьзинънинъ туьбин коьгертип,
Кайырбек, кайда барасынъ?
Кызлардан кызды сайлап-ав,
Оьзинъ-ав кимге ярайсынъ?

Яс, ойланып, явабын аьзир этип, келистирип, янме-ян айтпага керек болады. Ястынъ орнында болсам, мен буьйтип явап кайтарар эдим:

Коьзимнинъ туьбин коьгертип,
Эректе элге карайман.
Айтканынъ акыл тувыл-ав,
Коьплерге оьзим ярайман...

Казахлардынъ да тойлары айтыссыз озбайдылар. Олардынъ карты да, ясы да домбырады шертип, айтысадылар. Домбыра, юйрик аттынъ юрисиндей болып, шертиледи, айтыс, аккан сувдай болып, куйылады, дейдилер казахлар. Булайда Джамбулдынъ Айкуьмис деген кыз бан айтысканын караягынъыз:

Атымды терлетип, келдим тойга,
Айкуьмис, аьвелден-ав болдынъ ойда.
Коьнъилим басылмаган йигит аьдем,
Басылсын коьнъилим деп, сени коьрдим.

Сонъ Айкуьмис айтады:

Асыгып келип, аманласпай,
Аьдетти уьйренмейсинъ, Жамбыл ястай,
Яде басынъда ой етиспейме-ав,
Соьзинъди айтсанъ-ав, аспай-саспай.

Кыздынъ тийгистип айтканын анълап, Джамбул булай соьйлейди:

Айкуьмис, асыкпавга амалым бар ма?
Яслык урындырады талай ярга.
Сен уьшин ятсам-турсам ойланаман,
Ем болып, кетерме деп яманларга...

Айтысларды мен оьзим де коьрип калганман. Аталык кавгасына дейим, авылларда айтыссыз кешликлер озбайтаган эдилер. Айлак та бек кыз бан яс айтысатаган эдилер. Бир-эки мысалды келтиргим келеди.

Кыз:

Алтын ока юзик сала-сала,
Бармакларым ойылды.
Ян досымды ойлай-ойлай,
Бар акылым йойылды.

Кеде:

Суьюв деген кыйын зат,
Акылы йок билмейди.
Суьйгенинъ мен болмасанъ,
Бир шатлыгынъ келмейди.

Кыз:

Колымдагы юзигим,
Кандай кызыл касы бар.
Сен яшаган авылда,
Юрегимнинъ басы бар.

Кеде:

Кара болар буьлдирген,
Кайгылы болар кыз суьйген.
Сенинъ кайгынъ тувылма
Мени солай куьйдирген..

Энди мен Али Аджимурзаевтинъ (Шешен Республикасынынъ Мирный авылыннан) архивинде сакланатаган Аким Бекболатовтынъ авызыннан язылып алынган айтысты келтиргим келеди: «Бир ярлы кеде уьйленмеге шагы келгенде, бир кызга рас болады. Олар уьйленмеге токтасадылар, тек не хайыр, той этпеге я акшасы, я малы болмайды. Кыз айтады: «Той этпеге керек». Кеде: «Акшам йок, тавып болмайман» Кыз: «Карашалай деген ерде кыр донъызлар бар. Сонынъ бирисин атып, орысларга сатсанъ, акша болар».

Кеде анъшылавга барады, ама бир затсыз кайтып келеди. Ол келгенше, кыз ойланып, той этпеге зат йок болган сонъ, коьгем терек болып, ерге кирип кетеди. Яс пан кыз сол ерде эриседилер.

Кеде:

Коьгем мен терек болып,
Ерге биткен сен болсанъ,
Шапкалы балта болып,
Шавып алсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Шапкалы балта сен болып,
Шавып алган сен болсанъ,
Сабан туьрен мен болып,
Ерге кирсем, кайтерсинъ?

Кеде:

Сабан туьрен сен болып,
Ерге кирген сен болсанъ,
Сегиз оьгиз мен болып,
Тартып алсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Сегиз оьгиз сен болып,
Тартып алган сен болсанъ,
Коьк коьгершин мен болып,
Ушып кетсем, кайтерсинъ?

Кеде:

Коьк коьгершин сен болып,
Ушып кеткен сен болсанъ,
Каршыга кус мен болып,
Кагып тутсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Каршыга кус сен болып,
Кагып туткан сен болсанъ,
Алагаз шабак мен болып,
Сувга кетсем, кайтерсинъ?

Кеде:

Алагаз шабак болып,
Сувга кеткен сен болсанъ,
Темир ыргак мен болып,
Кагып тутсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Темир ыргак сен болып,
Кагып туткан сен болсанъ,
Авлакта тары болып,
Яйылып кетсем, кайтерсинъ?

Кеде:

Авлакта тары болып,
Яйылып калган сен болсанъ,
Балалы тавык мен болып,
Шоьплеп алсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Балалы тавык сен болып,
Шоьплеп алган сен болсанъ,
Аллахтан эмир болып,
Авырып калсам, кайтерсинъ?

Кеде:

Аллахтан эмир болып,
Авырып калган сен болсанъ,
Багувшынъ сенинъ мен болып,
Багып турсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Багувшым меним сен болып,
Багып турган сен болсанъ,
Аллахтан эмир болып,
Оьлип кетсем, кайтерсинъ?

Кеде:

Аллахтан эмир болып,
Оьлип кеткен сен болсанъ.
Ак кебининъ мен болып,
Шырмалып калсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Ак кебиним сен болып,
Шырмалып калсам, кайтерсинъ?
Алагат тактанъ мен болып,
Кысып турсам, кайтерсинъ?

Кеде:

Кабыр тактам сен болып
Кысып турган сен болсанъ,
Топырагынъ мен болып,
Басып турсам, кайтерсинъ?

Кыз:

Топырагым сен болып,
Басып турган сен болсанъ,
Бас казыгынъ мен болып,
Катып турсам, кайтерсинъ?

Кеде:

Бас казыгым сен болып.
Катып турган сен болсанъ,
Уьстинде кара язув мен болып,
Карап турсам, не этерсинъ ?

Ата-бабаларымыздан калган шебер тилимизди, бай халк авызлама яратувшылыгымызды, ярасык аьдетлеримизди саклап, аявлы кепте кулланып, арка аркадан коьширмеге борышлымыз эм яс оьспирге сол ойды синъдирмеге тийислимиз.

ЕСЕНЕЕВА М. Х.

МКОУ «СОШ а. Адыге-Хабль»
а. Адыге-Хабль, Карачаево-Черкесская Республика, Россия

РАЗВИТИЕ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Современное образование связано, в первую очередь, с развивающими и воспитательными функциями, с личностно-ориентированными технологиями обучения. Это предполагает необходимость всестороннего развития речевых способностей ученика, формирование коммуникативной, лингвистической, языковой и лингвокультурологической компетенции школьников, развитие орфографической и синтаксической грамотности, интенсификации устной и письменной культуры речи учащихся.

Навыки связной речи развиваются при изучении любого предмета. Но особую роль здесь играют уроки родного языка и литературы. В частности, занятия по грамматике имеют огромное значение для развития логического мышления учащихся и упорядочения их речи.

Одним из основных видов работ по развитию речи учащихся является сочинение. Именно в сочинении, в формулировке его темы, в изложении своих переживаний, намерений и суждений проявляются творческие способности учащихся.

Когда мы говорим о содержательности речи школьников, то имеем в виду, что она обеспечивается анализом содержания литературных произведений, которые дают материал для ученических высказываний, или использованием личного жизненного опыта школьников, результатов их наблюдений, собиранием необходимых сведений у окружающих людей (например, на экскурсиях) и т.д.

При этом, когда учащимся приходится излагать содержание литературного произведения, они должны показать отношение автора к изображаемому, чтобы отразить творческий замысел автора в собственных работах; когда учащиеся излагают материал из личного жизненного опыта, важно, чтобы они показывали свое собственное отношение к изображаемым явлениям, не ограничиваясь только констатацией фактов, делали необходимые выводы и обобщения.

Полнота содержания (должное раскрытие темы, достаточная конкретность, наличие необходимого фактического материала и обобщающих выводов), соответствие действи-

тельности, показ своего отношения к изображаемому — вот важнейшие требования к содержанию ученических сочинений.

Здесь мы приведем лишь некоторые примеры работы над сочинениями-описаниями на уроках ногайского языка в старших классах.

Нецелесообразно предлагать пятиклассникам для описания природы широкие темы, требующие показа изменений в природе, например «*Куьз*» («Осень») или «*Язлык*» («Весна»). Опыт показывает, что пятиклассникам трудно разграничить разные периоды осени или весны, признаки, типичные для данного времени года, и явления «сегодняшнего дня». Лучше предложить более конкретные темы, например: «*Бавда*»(«В саду») (в определенный осенний, зимний или весенний день), «*Бизим Кобан*» («Наша Кубань») (зимой или весной), «*Агашлыкта*» («В лесу») и т.п.

Прежде чем приступить к письменной работе, ученики должны собрать необходимый материал. В данном случае большое значение имеет предварительная организация наблюдений. Учителю следует провести экскурсию с учениками для изучения объекта описания, но, если это не удастся сделать, надо дать учащимся план самостоятельного проведения наблюдений. Так, например, если учащиеся должны описать сад в определенный осенний день, им может быть предложен такой план работы:

1. Табиаттынъ коьриниси *(ямгырлы, ямгырсыз, куьн йылтырайды, ама йылытпайды, булытлар, ава, коьктинъ куьмпези, ел).*

2. *Бавдынъ* коьриниси:

а) тереклер, куслардынъ бос калдырган уялары, ерде яйраган япыраклар, ердинъ аьли, япыраклардынъ туьслери, туьрлилери;

б) бавдынъ куьзги яшавшылары, туьрли тавыслар, ийиси, турмысы, аьли.

3. Окувшыдынъ оьз ойы, коьнъили.

Учащимся дается задание отмечать то, что характерно для осени, они должны отметить и личное отношение к наблюдаемым фактам. Важно, чтобы школьники в своих сочинениях показали, как они воспринимают осеннюю природу: как что-то печальное, наводящее грусть, или, наоборот, очаровывающее своеобразной красотой, бодрящее, пробуждающее силы.

На основе проведенных наблюдений желательно провести беседу, в процессе которой ученики делятся своими впечатлениями, при этом учитель поощряет проявления наблюдательности, заботится о подборе детьми нужных слов. Так, например, школьники могут отметить: *япыраклардынъ азлыгыннан себеп, тереклердинъ бутаклары эректен коьринеди; куслардынъ уялары да коьзге бириниши болып тиеди; япыраклар саргайганлар; олар курып, юмаракланганлар; тоьгерек як мунълы болып коьринеди; ер дымлы,; тоьгерек якта тыныклык сезиледи; япыраклардынъ шувылдавы тынган эм с.б.*

Учитель может напомнить ученикам отрывки из тех художественных произведений, описывающих осень, с которыми они знакомы, и прочитать новые, с целью показать, какие настроения пробуждала осень у поэтов и писателей.

Все это отмечается не для того, чтобы ученики копировали «чужие» изобразительные приемы, а для того, чтобы показать возможность относиться по-разному к явлениям осени, даже в последнюю пору ее, в зависимости от настроения, от погоды и т.д.

С другой стороны, чтение литературных образцов покажет, с каким мастерством ногайские писатели изображают осень, как яркие, образные выражения, которыми они пользуются, зависят от художественного замысла, авторского отношения. Словарная работа при подготовке к сочинению должна вылиться в поиски собственных ярких слов и выражений. Необходимо обратить внимание учащихся на то, что при описании явлений природы поэты и писатели часто используют яркие, художественные определения: *«мунълы куслар», «таза ава», «алтын куьз», «улыган ел», «сыбырдаскан тереклер», «алтын япыраклар».*

За несколько дней до проведения письменной работы на уроках отводится время для небольших устных описаний отдельных объектов, намеченных в плане (*табиат, йоллар, бавдагы оьсимликлер*).

На основе наблюдений могут также выполняться сочинения на темы «Наступление весны», «Наступление вечера», «Вечером в деревне» и т.д., предполагающие изображение природы в процессе ее изменения. И здесь необходимо использовать образцы авторского

текста. Без опоры на языковой текст невозможно научить учащихся по-настоящему чувствовать язык, видеть средства его выразительности. Например, можно проанализировать очень динамичное описание весны у С.И. Капаева в стихотворении «Язлык шаклары». С точки зрения грамматики, можно отметить обилие глаголов, указывающих на возникновение явлений: *тасыйдылар (шокыраклар), буьрленеди, тоьгип туры (йырларды), бийлеп алды (кырларды), ябысты, кавысты, сарктылар, тоьгилди эм с.б.*

Автор сам говорит о «совершавшихся в природе переменах», причем в одних случаях отмечает уже происшедшие изменения, в других —происходящие. Анализ данного стихотворения раскрывает и другую особенность–использование ярких эпитетов автором: *«яс тереклер», «яс коьгоьлен», «билбил торгай», «сувык куьнлер», «кенъ данъыллар», «явын булытлар» эм с . б.*

Как правило, успешным оказывается путь, который связывает своеобразие личностного восприятия ученика с предполагаемым авторским замыслом, воплощающимся в лексических, синтаксических, стилистических закономерностях данного текста.

Устное народное творчество является основным средством развития речи учащихся. Загадки обогащают словарь детей, помогают увидеть вторичные значения слов, формируют представления о переносном значении слова. [4, с.112]. Отгадывание и придумывание загадок оказывает влияние на разностороннее развитие речи детей. Необходимо при отгадывании загадок ставить перед учеником конкретную цель: не просто отгадывать загадку, а доказать, что отгадка правильна. Загадки можно использовать на разных этапах урока родного языка. Они учат говорить ярко, образно, просто, они обогащают память детей подлинными жемчужинами родного языка. Уроки с использованием загадок проходят интересно и не утомляют учащихся.

Разные типы загадок могут быть применены на уроках ногайского языка при изучении определенных тем, например, «Ат», «Сыпат», «Глагол».

Отгадывание их можно рассматривать как процесс творческий, а саму загадку – как творческую задачу. Например: *Оьзи кызыл эм таьтли, а кийгени яп-ясыл (карбыз). Язда кийинеди, кыста шешинеди (терек). Кызарып писти, ерге туьсти (йийлек) эм с.б.*

Пословицы также широко используются в обучении, как с воспитательной целью, так и для развития речи. В речи самих учащихся пословицы сравнительно редки и имеют тенденцию убывания к старшим классам. Какой бы короткой ни была пословица, это всетаки законченное художественное произведение. Его и запомнить гораздо легче: *Ислемеген — тислемес. Яздынъ бир куьни кыс асырар эм с.б.*

Пословицы отличаются устойчивой художественной формой. Нередко они имеют рифму, иногда очень затейливую: *Эт — этке, сорпа — бетке. Куьлме доска — келер баска эм с. б.*

Системная работа над пословицами прививает учащимся любовь к устному народному творчеству, учит внимательно относиться к метким образным выражениям, интересоваться народной мудростью.

Пословицы и поговорки, созданные народом, составляют неоценимое богатство ногайского народа. Знакомство с ними в школе развивает мышление учащиеся, способствует лучшему усвоению учебного материала и более глубокому изучению родной литературы.

Особую роль в воспитании речевого развития составляет и культуроведческий аспект, он будет наиболее действенным, если на уроках родного языка и литературы учащиеся будут знакомиться с разными видами искусства, и прежде всего с живописью.

Работа по картине на уроках родного языка имеет образовательно-воспитательное значение, она вызывает у них определенное отношение к действующим лицам и дает возможность сделать оценку их поступкам. Рассматривание картины и высказывания учащихся под руководством учителя помогают детям осознать содержание картины: где происходит действие, когда, кто участники действия, их взаимоотношения и т.п. Такой анализ формирует восприятия детей и организует в них способность в логической последовательности ясно излагать свои мысли на родном языке.

Таким образом, использование всего многообразия видов творческих работ, каждый из которых служит развитию определенных навыков, помогает достижению единства обучения и воспитания, повышению активности учащихся. Только система, основанная

на определенных принципах, вытекающая из специфики используемого материала и из психолого-педагогических условий обучения, может дать в развитии речи учащихся положительные результаты.

1. Ерохина Е. А. Письменные работы в старших классах казахской школы.– Алма-Ата, «Мектеп», 1971.

2. Жинкин Н. И. К вопросу о развитии речи. - М., Советская педагогика. 1954, № 6-43 с.

3. Мальцева К. В. Развитие устной речи учащихся национальной школы на уроках русской литературы. – Л., «Просвещение», 1975.

4. Сидорова С. А. Игры и загадки на уроках русского языка. — М., Начальная школа. 2004, №10. – 112 с.

КАМАЛОВА К. С.

МКОУ «Терекли-Мектебская СОШ имени А.-Х. Ш. Джанибекова»
с. Терекли-Мектеб, Дагестан, Россия

СОЬЙЛЕР БИЗИМ СОЬЗИМИЗ...

(Окытув сулыптан)

Ногай халкта «Тилин муткан – Элин мутар», «Тизимнен суьриндирсенъ де, тилимнен суьриндиртпе», «Тили йоктынъ эли йок » деген эм сондай баска бек коьп айтувлары, такпаклары бар. Атаклы шайирлер, язувшылар, аьлимлер аьдем яшавында тилдинъ туткан орнына бек бийик баа бередилер. Дуныяга энген саьбийге анадынъ, оны бесикке боьлеятып, ана тилинде йырлаганы бек керегеди. Анасынынъ суьти мен бирге ол, тувган тилининъ сондай да бир йылувлыгын, юмсаклыгын, ыспайлыгын, сол тилдинъ оьзи уьшин ювыклыгын коьнъилине синъдиреди.

Тил йойылса, халк та йойылады. Тил халктынъ ойынынъ теринлигин, акылын, ишки дуныясын, яшав йосыгын коьрсетеди.

Йойтпадылар
Шебер шешен тиллерин,
Сол тили мен
Аьли яшап барады.
Баска халклар
Арасында йойтылмай,
Ногайман деп,
Ногай болып калады,–

деп язады,шебер шешен тили мен оьктем болып, белгили язувшымыз Суюн Капаев.

Окытувшы оьз окувшыларына коьрим болмага тийисли. Аьр бир окытувшы оьз дерисин кызыклы, сейирли, окувшылардынъ эслеринде калгандай этип, бермеге ымтылады.

Ана тилимиздинъ тазалыгын йоймаска шалысып, бар болган билимимди аямай, дерислерди беремен, кызыклы этип озгарар уьшин, коьп туьрли куллыклар этпеге тийисли боламан. Ногай тил дерислеринде соьзлик диктантлар кайсы ерде де келисли. Сондай диктантлар оьткен темаларды кайтаралав, янъы материалды анълатув, окувшылардынъ билимлерин теренлетуьв ягыннан уьйкен пайдасын береди. Исимде туьрли соьзлик диктантлар кулланаман: карав, сайлав, тувдыртпа эм с.б. Олардынъ аьр бирисининъ оьз баскалыклары бар. Карав диктантты язбага коьп туьрли карточкаларым бар: ясылшалар, емислер, тереклер, куслар, елеклер. Аьр бирисин керекли ерлерде кулланаман. Дерислеримде коьшируьв (авдарув) ислерин белсинли кулланаман: орысшадан ногайшага, ногайшадан орысшага коьшируьв исти балалар бек яратадылар эм кызыксынып ислейдилер. Сондай амаллама окувшылардынъ орыс эм ногай тилин байытувына бек коьмек этеди. Белги беруьвши

(«сигнальный») карточкаларымды боьтенде бек янъы темады озгарган сонъ, билимлерин бегитуьв уьшин кулланаман. Мысалы: сингорманизм законына бойсынмайтаган эм бойсынатаган соьзлерди аьруьв этип айырар уьшин, окувшылар оьзлерининъ белги карточкаларын коьтерип:дурыс болса «+», дурыс болмаса «–» белгиди коьрсетедилер. Окувшыларды тез ойланувга уьйретер уьшин, туьрли ярыслар озгараман: «Ким тез, ким коьп?», эстафета «Кимде – ким?».

Адабиат дерислеринде пьесалар уьйкен орынды тутады. Окувшылар шыгармады роль мен окымага суьедилер. Эстетика ягыннан билимлерин куьшлендируьв уьшин, пьесаларда, оьзлерин ойнатып, инсценировка этемен. Аьр геройга келисли окувшыды айыраман. Оьзлери ойнаганда, олар аьр бир геройдынъ келбетин ашык этип коьредилер. Х.Булатуковтынъ «Фатима», М. Киримовтынъ «Яв ман коьзбе коьз» пьесаларын, И. Капаевтинъ «Мархаба» адабиат эртегисин, спектакль кебинде салып, коьрсеттик. Балалардынъ тербиясын эдап ягыннан коьтеруьвге бек пайдалы болады. Ногай халктынъ оьз тербия йосыклары бар, оларды мынълаган йыллардынъ ишинде йоймай, несил-несилден коьширип, аьлиги куьнлерге еткерген. Соьйтип мен де дерислеримде такпаклардынъ, айтувлардынъ уьйкен маьнеси бар экенин, тилди байытувга бек ярдамы болганын анълатып, тербиялав мыратта кулланаман.

Халкымыздынъ тарихин терен билмегенимизге уялмага керекпиз. «Халк авызлама яратувшылыгы» деген темага багысланган дерислерде Суюн улы Иса Капаевтинъ «Мифология соьзлигиннен» кызыклы хабарларын окувшыларыма окып эситтиремен. Мысалы айтканда: «Кырк – 40» – бу сан бизди ойландырмай болмайды. Неге десе 40 куьннен сонъ бизим халк баладан ийт коьйлекти шешеди. Бурында балага 40 кесек кумаштан коьйлек кийдиретаган болганлар. Онынъ соьйтип этуьвининъ бир себеби болган. Халк авызлама яратувшылыгында 40 пан байланыслы айтувлар бар:

«Кырк болды – тырк болды»;

«Кыс шилле – кырк куьн, яз шилле - кырк куьн»;

«Кыска куьнде кырк туьрленуьв»;

«Кыз тувса, кырк туварынъ хайырлы болсын» эм с.б.

Аьлиги замандагы педагогика балага уьйкен сый берип янасады. Эм ол анъламлы: халк педагогикасы оьз тамырын бурыннан алып келеятыр. Соьйтип айтатаганымнынъ маьнеси бар – ногайларда тербия соравына уьйкен эс эткенлер. Балады сыйлаганы неден билинеди? Ога, элбетте, йылы каравдан. Халк «Бала – басын сыйпагандыкы», «Балам барган ерге баьле-каза бармасын», «Кус уясында не коьрсе, ушканда да соны этер» деп, балады кишкейлей тербиялавга уьйкен маьне берген.

Тербиясыз аьдемди эпке аькелуьв, оны янъыдан тербиялав – буьгуьнги педагогикадынъ авыр соравларынынъ бири болып саналады. Халктынъ тербия соравына караганына коьре, тербиялавда аьдем акырыкка, кышкырыкка, боьтенде тоьбелевге сенмеге керек тувыл. Халк билмей айтпаган: «Йылы соьз – йыланды иннен шыгарар». Сонынъ уьшин халк, тербиялав соравында балага караганда ныcамлы, ойлы, шыдамлы, намыслы болмага керегин билдирген.

Программа бойынша, мектеблерде бурынгы оьмирлердеги шайирлердинъ асарлары ман танысамыз. Окувшыларга сол материалды анълатувды енъиллетер уьшин, китаплардан, ногай газеталарыннан туьрли макалалар, хабарлар излеймен. Солардынъ бирисин келтирейим:

«Сыбыра, тоьсек тартып яткан мезгилде, оннан:

–Сен уьш оьмирден артык яшадынъ, не коьрдинъ? – деп сораганлар экен.

–Бир эсиктен кирдим, баска эсиктен шыгып бараман, – деген йырав. – Яшав туьбине, аргымак минип, кувсанъ да, етип болмаяксынъ. Ялган дуньяда оьлмей бирев де калмаяк. Тот басып, кылыш топыракка доьнеек, тек ийгилик этип, элге кенъ танылган аьдемнинъ аты халк эсинде яшаяк. Сонынъ уьшин «Калдырма канлы пышак, калдыр ийги атак» дегендей, аьр бир аьдем яшавда тек яхшы соьзлер мен эскерилетаган йоллар калдырмага тийисли.

– Айтшы, олай болса, ийги кылыклы, ийги касиетли болмага кимнен уьйрендинъ? – деп сораганларына , Сыбыра – йырав:

– Аюв – уйкышы, соны коьрип уйкыга амырак болмадым. Ийт, суьек уьшин ырылдап, таласады... Соны эслеп, тенълерим мен явласпай-таласпай оьмир суьрдим. Анъсыздан оьлен астыннан шыккан йылан ысылдайды, соны билип, отлы авыз болмаска, соьз юритпеске

токтастым. Ер-ерди тескен шышканды коьрип, сога усамаска соьз бердим. Аьдемлерге зыян этпеске ант эттим. Кумырска оьз кевдесиннен юз кайта авыр юкти коьтереди. Кумырскадан ис суьерликке уьйрендим. Мине соьйтип оьмир суьрдим»,– деп явап берген атаклы Сыбыра *(Т. Акманбетовтан)*.

Окувшыларды эдап ягыннан тербиялавга бу хабар керекли материал деп ойлайман.

Оныншы – он биринши классларда дерислерди лекциялар ман беремен. Дерис-конференцияды эм дерис-семинарды окувшылар кызыксынып аьзирлейдилер, сол зат белгилер салувга да ярдам этеди.

Халктынъ тили акында айтувлы ногай йыравы Шал- Кийиз Тиленши улы булай толгаган:

...Халктынъ соьзин соьйлеген,
Халк улынынъ оьзи оьлсе де,
Халк ишинде соьзи сав...
Сиз де оьлерсиз,
Оьлер бизим оьзимиз.
Оьлгенде юмылар эки коьзимиз.
Биз оьлген сонъ, калганлар
Соьйлер бизим соьзимиз...

Бу толгавда халктынъ соьзи мен, ана тили мен соьйлеген, ата юртына, онынъ аьдетлерине алал болып, ога пайда аькелмеге шалыскан инсаннынъ аты бир де оьлмееги акында айтылады. Ана тилди бек суьйип, сыйлап билмеге керек. «Ана тилди ят этпейик, ата юртка уят болмайык», – деп, окытувшылык исимди юритемен.Тил – ол халктынъ оьзге миллетлерден баскаланатаган, оьз оьктемлигин белгилейтаган энъ де биринши нышаны, онынъ тарихы, аьвелгиси эм келеектегиси.

КАНГЛИЕВА М. З.

МКОУ «СОШ им. А. Х. Уракчиева а. Адиль-Халк»
а. Адиль-Халк, Карачаево-Черкесская Республика, Россия

НОГАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА

Особую культурную ценность ногайского народа составляет созданный им на протяжении многовековой истории богатейший фольклор.

Приобщение учащихся к миру словесного искусства происходит на произведениях художественной литературы и устного народного творчества. Время требует от нас поиска новых форм и приёмов работы, чтобы прививать любовь к родному языку, истории, культуре, обычаям и традициям Использование фольклорного материала ногайского народа на уроках и внеклассной работе – неотъемлемая часть нравственного воспитания школьников. В фольклорном наследии ногайцев содержится целый комплекс продуманных воспитательных рекомендаций, выражающих народное представление о человеке, о формировании личности, об умственном, нравственном, трудовом воспитании.

Фольклор ногайского народа богат и разнообразен: колыбельные песни, сказки, пословицы, поговорки, игры, загадки, притчи и др. На уроках с учащимися изучаем фольклорные произведения разных жанров, пытаемся осмыслить отношение детей к устному народному творчеству, выявить степень влияния народных идеалов, народной культуры, фольклорной поэзии на формирование мировоззрения, мировосприятия.

Такой урок воспитывает у школьников бережное отношение к фольклору, любовь к искусству слова, родной классической литературе.

Обращение к фольклору позволяет глубже понять и почувствовать дух собственного народа, миросозерцание, культуру, историю. Но, помимо этого, изучение фольклора расширяет и обогащает восприятие литературы.

В конце XIX - начале XX века значительный вклад в сбор и осмысление ногайского фольклора внес видный просветитель ногайского народа А. Ш. Джанибеков. В историю ногайской культуры он вошел как собиратель, исследователь и издатель фольклора. Результатом его тридцатилетней собирательской деятельности (1905-1935гг.) явилось создание рукописного четырехтомника текстов ногайского фольклора, названного им «Соьз казнасы» – «Сокровищница слов». Труд А.-Х.Ш.Джанибекова дает достаточно полное представление о ногайском фольклоре, о его жанровом и эстетическом богатстве. В «Сокровищницу слов» вошли почти все жанры ногайского устно-поэтического творчества.

Исторический путь ногайского народа оставил глубокие следы в фольклоре. Посредством фольклора ногайцы воспитывают у ребенка чувство патриотизма и любви к родной Отчизне, гордость за родной народ, любовь к родной земле. Стремление геройски защищать родную землю воспитывается и в цикле поэм «Сорок ногайских богатырей». В фольклоре ногайцев мужчина –защитник Отечества. Ногайский эпос насчитывает в своем составе десятки богатырских поэм *(баьтир йырлары)* и лирических дестанов *(ашыклык дестанлары)*. Наиболее известны поэмы «Ахмет, сын Айсыла», «Эдиге», «Эр Таргыл», «Шора батыр», «Адиль –Солтан» и другие. Наряду с героическими, в ногайском фольклоре значительное место занимают лирические поэмы– «Боз-йигит», «Тоьлеген и Кыз-Йибек», «Тахир и Зухра»и др.

В ногайском народном творчестве представлены языческие заговоры и заклинания, древняя календарная поэзия скотоводов и землепашцев, песни, сопровождавшие ногайцев от рождения до смерти. Среди них широко распространены колыбельные, детские, игровые, трудовые, лирические, песни-назидания, частушки, казацкие, исторические песни. Во всех торжественных случаях в жизни ногайца звучат песни, поучительные рассказы, устраиваются состязания исполнителей. Стихотворные жанры ногайского фольклора неразрывно связаны с фольклором музыкальным. Среди сохранившихся музыкальных инструментов кобыз, домбра, дутар, сыбызгы, кабал, зурнай, даулбаз и др.

Большое развитие получило у ногайцев афористическое творчество. В пословицах, поговорках и загадках запечатлены вековые наблюдения народа, его мудрость и жизненный опыт. В них отразились представления минувших поколений о призвании человека, о труде, о добре и зле и т.д

Загадки, восходящие к глубокой древности, служили средством испытания ума, развивали наблюдательность, смекалку, помогли глубже познавать окружающий мир. Они передавали подрастающему поколению накопленный опыт и знания предков. Загадки были особенно популярны среди детей. Объектом загадок служили явления природы и повседневной жизни.

В сказках, песнях, загадках, пословицах и поговорках отражаются нравы и обычаи, интересы и потребности, желания и воля народа, стремление воспитать детей здоровыми, умными, трудолюбивыми, нравственно чистыми. Формы и методы воспитания ногайцев разные, одна из форм через назидание:

«Шоькир шашсанъ, тегенек орарсынъ»;
«Кисиге шонъкыр казсанъ, оьзинъ атыларсынъ»;
«Буьгуьнги исинъди эртенге калдырма»;
«Алгасаган сув теньизге етпес».

Сказки — один из древнейших и распространенных жанров ногайского фольклора. Своеобразна и поэтика ногайской сказки. Зачин её настраивает слушателя на определенный лад, создает эмоциональный фон, подчёркивает древность происходящих в сказке событий, когда ещё существовали чудеса. Конец сказки почти всегда счастливый: добро побеждает, зло наказано.

Ногайский фольклор сохранил тексты песен, которые исполняются в дни Навруз-байрам, во время обрядовых праздников «Коькек баьтир», земледельческих праздников «Сабантой», «Орактой», календарного обряда вызывания дождя «Такта куршак ойыны» и др. Отмеченные праздники имеют педагогические мотивы: семейные и общественные праздники учат детей бережно относиться к духовному наследию предков, воспитывают чувство любви к родной земле, семье, создают атмосферу взаимоуважения и взаимопонимания.

Благодаря систематическому проведению занятий с использованием элементов этнопедагогики, уточняются и систематизируются нравственные чувства и представления, лучше осознаются и прививаются этические эталоны.

Вот, к примеру, несколько из них:

Яхшыга йолдас болсанъ — етерсинъ мырадка,
яманга йолдас болсанъ — каларсынъ уятка;
Кыйшык олтырсанъ да, туъз соьйле;
Тириликтинъ куьши – бирликте»;
«Намысы бардынъ – наьсиби бар» и др.

Пословицы и поговорки выполняют воспитательную функцию, выступают как источник разума, как пример для подражания, как добрый советчик и наставник.

Фольклор — это «величайшее богатство нации, совершенное творение многих веков», это искусство народной мудрости. Воспитание любви к родному языку, народному творчеству, национальной культуре – дело сложное и важное. И если мы сохраним богатство традиций, культуры — то главным образом мы сохраним и наш язык.

КАПАЕВА К. М.

Карачаево-Черкесский институт повышения
квалификации работников образования
г. Черкесск, Россия

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Из всех языков, существующих в мире, самый главный для нас тот, на котором впервые научились называть окружающий мир – язык семейного опыта и наших первых взаимоотношений в обществе. «Любой язык, преисполненный своих собственных традиций, настроений и творчества, столь же бесценен и уникален, как каждая человеческая жизнь» [6].

Родной язык – важнейшая ценность нации, открывающая первоначальную возможность познания мира человеком. Приобщение в детском возрасте к живой народной речи и народному творчеству, постижение глубинных истоков народного духа, мудрости и красоты народных сказок, песен, пословиц и поговорок, загадок, отражающих особенности национального характера, родной природы, быта — все это способствует формированию твердых нравственных устоев, выработке способностей к восприятию эстетических категорий. Таким образом, предоставляя возможность человеку чувствовать себя членом определенного национального коллектива, родной язык находится у истоков формирования того чувства, которое со временем, развиваясь и обогащаясь, закладывает основы патриотизма – любви к своей родине, земле, где родился и вырос, где жили предки.

Перед нами, учителями родного языка и литературы, сегодня особенно остро стоит проблема духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. В современных социальных условиях существенно возрастает роль семьи и школы в преодолении целого ряда острых духовно-нравственных, межэтнических проблем, прежде всего таких, как огромный дефицит духовности, нравственности, элементарной воспитанности, понимания людьми друг друга и милосердия. Родной язык как учебный предмет несет чрезвычайно высокую познавательную ценность: привитие любви к слову, осмысление общечеловеческих ценностей, воспитание личности с высоким чувством гуманизма и патриотизма.

Интерес к языку – это эмоциональное отношение к родному слову, которое вызывает желание познать больше и стимулирует увлечение предметом. Именно интерес прямо влияет на активность детей. На первых порах интересует учащихся занимательная сторона урока, но дальше они познают практическую пользу этого предмета. Исходя из этого, вычленяются

такие этапы в развитии учащихся: занимательно, потому и интересно; вера в слово учителя о значимости родного языка; осознание практической потребности в знаниях по предмету. Развивают интерес к родному языку оформление урока, элемент новизны, личные наблюдения самих учащихся, наглядность, техническая оснащенность, дидактический материал [2,206-210].Увлекают учащихся рассказы о возникновении языка, о происхождении слов, о лексическом фонде языка, о фонетических и лексических изменениях в языке, этимологии отдельных слов.

Одной из главных задач обучения на уроках родного языка является овладение лексикой. Это делает необходимым систематическое ведение словарной работы. Словарная работа – это специально организованное обогащение словарного запаса и неотъемлемая часть каждого урока. Систематическая работа над лексикой обогащает словарный запас, повышает речевую культуру учащихся, расширяет познание окружающей действительности. Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, но бесконечное множество понятий, воззрения на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка. Таков этот «великий педагог – родное слово». Тексты упражнений, диктантов, изложений должны давать пищу и уму, и сердцу: тексты, несущие не только познавательную информацию, но и влияющие на понимание нравственных ценностей в жизни. Огромное значение в воспитании учащихся имеют творческие работы, которые даются для закрепления новых слов.

Несколько уроков в каждом классе нужно уделить заимствованной лексике. Заимствованная лексика в любом языке является наиболее красноречивым свидетелем исторического диалога культур народов. Пути и характеры проникновения иноязычного слова в другой язык так же различны и многообразны, как и формы соприкосновения и сосуществования этносов. Одни слова сохранили печать чужеродности, другие с момента появления становятся родными. Заимствованная лексика представляет собой богатый материал, который при умелом пользовании активизирует деятельность учащихся, повышает интерес к языку. Очень много тюркских слов в русском языке: *батыр, орда, буран, яр, башка, очаг, арба, аргамак, сундук, сазан, судак, тамга, шакал, караул, саман, майдан, каракуль, ясак, шайтан, камыш, кушак, туман, башлык, карандаш и т.д.*

Лишение детей возможности овладеть родным языком, многовековой культурой своего народа порождает опасность деградации и исчезновения этой самой культуры, в конечном счете, создает опасность исчезновения самого носителя этой культуры – народа. Надо беречь и развивать родной язык и возвышать его как средство общения, орудия мысли. Тогда поднимется и уровень культуры, будет накапливаться богатство добрых отношений между людьми. Планомерная работа по воспитанию школьников непременно дает положительные результаты, потому что молодое поколение научится находить правильные ориентиры, формировать систему отношений к тем или иным событиям.

Огромными возможностями в духовно-нравственном развитии детей обладает богатое фольклорное наследие ногайского народа. Ногайские пословицы и поговорки, загадки и песни – энциклопедия народной жизни, мудрая школа становления личности. Родную речь, колыбельные песни ребенок должен слышать с рождения: так создаются у него зрительные и слуховые образы, связанные с фольклором. В ногайских пословицах и поговорках народ утверждает нормы, которым должны следовать человек: любовь к Родине, к родному языку, к своей семье, осуждает людские пороки. В пословицах и поговорках – многовековая мудрость народа, его историческое прошлое:

«Яхшыдан калма – яманга баспа», «Яхшы ярастырар – яман таластырар», «Яман ман эгескенше, яхшы ман кеньес», «Яхшыдан уьйрен – яманнан йийрен», «Яхшыга янас, яманнан каш», «Баланъ яхшы болса - ердинъ уьсти яхшы, баланъ яман болса - ердинъ асты яхшы», «Эки яхшы бас косса - кыл оьтпейди арадан, эки яман бас косса - кол кетпейди ягадан», «Берген –алар, эккен –орар», «Аьдем тастан берк, гуьлден наьзик», «Шакырганга бар, шакканнан каш» и др.

Заметную роль в становлении, развитии и обогащении ногайского литературного языка сыграл язык произведений С. И. Капаева – автора более тридцати поэтических сборников и прозаических книг. Характерная черта всех произведений С. Капаева – пристальное, настойчивое внимание к национальной истории и традициям, стремление возродить их, широкое использование фольклора, народной речевой стихии. «Очаг», «Старики Казгулака»,

«Ногайский дом» - произведения С.И. Капаева, пронизанные любовью к своему народу и желанием донести до потомков свои знания, не упустив при этом ни одной крупицы накопленного богатства. Утрата традиций – это утрата таких человеческих качеств, как честь, совесть, доброта, без которых жизнь утратит духовное содержание [5, с.99-101].

Аскербий Киреев – классик ногайской литературы для детей и юношества. Великолепно владея юной аудиторией, А. Киреев осознает и свою ответственность перед ней, как поэт, и как воспитатель. Основанные на фольклорных ногайских традициях, стихотворные сказки, колыбельные песни, загадки, прибаутки, стихи басенного жанра, стихи-диалоги наполнены огромным воспитательным потенциалом, утверждают традиционные национальные ценности.

Героизм, патриотизм, самоотверженность, трудности и радости грозных лет войны нашли отражение в повести «Семья сильных» Ф. Абдулжалилова, в поэме «Кырлув» и повести «Полноводная Тазасу» С. Капаева, в стихотворениях С. Заляндина, поэмах А. Култаева, пьесах М. Киримова и др. Эти и другие произведения писателей на тему войны направлены на патриотическое воспитание. А патриотизм – это любовь к Родине, готовность служить ей и защищать ее.

Каждый народ несет в себе духовный заряд многих поколений. Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения всегда основывалось на проверенных временем обычаях и традициях предков, уважении семейных традиций, сохранении памяти о прошлом. Жизненная мудрость, мораль и нравственность народа «оседали» в его памяти и передавались из поколения в поколение.

Заявленная тема – нравственное воспитание средствами родного языка и литературы – неисчерпаема. Каждый учитель ищет свои методические и психологические подходы к ее неординарному, нестандартному решению.

«Все мы родом из детства...». Неважно, кем сказаны эти слова, важно, что сказаны для многих из нас. Именно детский жизненный опыт, эмоции, впечатления, открытие мира для себя и себе делают нас теми, кем мы становимся во взрослой жизни. Именно в детстве может произойти такое событие, которое сильно повлияет на будущую жизнь ребенка. И поэтому очень важно, чтобы рядом с ребенком был Учитель, любящий детей и свой предмет – родной язык и родную литературу.

1. Капаев С. И. Уьш топламалы шыгарма.1 том. – Черкесск, 2012.
2. Капаева Е.М. Осенние мотивы. – Черкесск. 2010 г. – С. 206-210.
3. Капланова-Шутукова А.И. Проза Суюна Капаева: национальные особенности и новаторские искания. – Невинномысск, 2004.– С.99-104.
4. Киреев А.С. Алтын сандык.– Черкесск, 2011.
5. Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия века.– М.:ИМЛИ РАН ,2006.
6. Электронные курсы ИИТО ЮНЕСКО для педагогов.

КАПЛАНОВ А. У.

а. Эдиге, Дагестан, Россия

ТИЛИ ЙОКТЫНЪ ХАЛКЫ ЙОК

(Дерислерде кулланув уьшин материал)

Буьгуьнлерде ана тилдинъ аьли, бактысы кайсы халктынъ да аьдемлерин, ян авырувшыларын бек навасызландырады. Бизим ана тилимиз – ногай тилдинъ маьселелери коьбеймесе де, неге ди кемимейди. Ногай халкы кайдай кайгылы авыр вакытында да, тилининъ аьлемет ярасыклыгын йоймай саклаганы акында, айтувлы шайиримиз Кадрия «Тил байлыгы – эл байлык» деген макаласында, кайдай аьжейип тенъълестируьвлер де тавып, булай язады: «Эпсиз бек бай ногайымыздынъ ынжыдай тизилген, такпакланган,

айтувланган, тоьбеден туьскендей оьткир, коьпти коьрген аксакалдай каьмбил, зерли нагыс койылган зарбабтай оьрнекли тили».

«Тилимнен суьриндирме...» деген макаласында белгили шайиримиз Мурат Авезов та, тил маьселесин коьтере келип, ногай тилининъ куватлы келбетин булай суьвретлейди: «Ногай тил коьплеген оьмирлердинъ аявсыз эм аш отларынынъ коькке шапшыган ялыны, шегерткидей сансыз душпанлардынъ сызгырыклап ушкан увлы оклары, оьзлерининъ асылынынъ кайдан басланатаганынъ билмеген, ана тилди мисетсинмеген каьриплердинъ арам май баскан коьнъиллери арасыннан оьтип, сонда да оьзининъ тазалыгын, байлыгын, ярасыклыгын, куватын, шоьл ювсандай оьмезли куьшлилигин йойтпай келеди. Бизим тилде кылыштай оьткир, ясыноктай яркын, данъылды сыйпаган елдей салкын эм енъил, тандырдай йылы, янъы пискен, аьлемет ийиси мен оьзине тарткан оьтпектей даьмли, ердей юмарт соьзлер бар. Эгер бу ойларым оьтирик болса, эгер айтканыма шексинетаган инсанлар табылсалар, окып карасынлар олар бурынгы ногай йырларды. Бурынгы ногай йырларда, эртегилерде, толгавларда, таварыхларда, такпакларда, айтувларда, бозлавларда, юмакларда – дуныядынъ оьлшеминдей оьзине баьри затларды сыйдырган тенълестируьвге, коьз етпеген ерге соьз еткерип болган янландырувларга эм йогары шайирликтинъ баска коьплеген амалларына расамыз биз».

Шайирлеримиз эм оьз адабиятына, маданиятына яныплы коьплеген инсанларымыз тилимиздинъ байлыгын, тазалыгын саклавга, ят соьзлер мен аьвликпеске, куьнделик яшавымызда коьрнекли ян алатымыз – ана тилимизде уялмай, белсинли эм таза соьйлевге талаплайдылар, энъгимели ата-бабаларымыздай кайратлы, шешен болувга онълайдылар. Ногай тилининъ дережисининъ тоьменлевин мен мунавдай себеплерден коьремен. Окытувшылардынъ айтувына коьре, коьп мектеблерде ана тилден окув эм туьрли методикалык китаплардынъ, туьрли ярдамшы окув яракларынынъ, соьзликлердинъ етиспеви эм йоклыгы. Окув планы бойынша ана тилден дерислерге саьтлердинъ эпсиз кытып шыгарылувы. Тенълестирип карайык. Татарстан эм Шешен республикалары оьз тиллерин орыс тил мен тенъ уьйретуьвди талаплайдылар; бизге кардаш эм тенъ казах, кыргыз, оьзбек тиллери оьз кыралларында бас тиллердинъ биреви боладылар. Байыр оькимети ер юзининъ тап яртысын япкан, оьнердинъ, яшав сулыбынынъ байлыгы дуныя халкларынынъ ян-коьнъил карзынасына оьлшемсиз косым эткен ногай халкынынъ маданиятын коьтеруьв – кайсы дережеде олтырган басшыдынъ да бас борышы болув керек, деп санайман.

Озган 20-ншы оьмирдинъ 80-нши йылларында элимиз янъыртув йолларына туьсти. Бу оьзгерис яшавдынъ кайсы тармагында да ныкласкан маьселелерди шешуьвге мырсат ашты. Мен билистен, Дагыстаннынъ мектеблеринде 1-4 классларда баьри дерислер де ана тилде берилип басланды. Ногай районда да сондай окув планына коьшуьв акында Б. А. Кельдасовтынъ яныплыгы ман коьп соьз юритилди, тек, оькинишке, ийги ымтылыс соьнип калды. Ногай тилиннен баслангыш классларга окув китапларынынъ йоклыгы бу дурыс иске оравлык этти, дедилер. Экиншилей, баслангыш классларда ана тилге коьшсек, ногай балаларга орыс тилин уьйренмеге авыр болар деген ой да иркуьвлик эткендей коьремен. Бу илмиге эш таянмаган, сай ой. Белгили аьлимлер, балаларды окытканда, ана тилге аркаланмага шакырады, «ана тил мен байланыс» деген талаплав окытувда негизлилердинъ биреви. Оннан сонъ, тиллерди уьйренуьв аьдемнинъ акылынынъ, коьз карасынынъ, ишки дуныясынынъ кенъеювине, баювына, буьрленуьвине уьйкен себеп этеди.

Ама тилимиздинъ карувы кемириле-кемириле (тап шоьлимиздей) энди мине куьнде оннан да эрши аьлге аькелди. Кайбир ногай миллетли ата-аналар балаларын юмада ана тилден берилетаган 3 саьат дерислерге йибермеймиз деген хабар юректи сызлатады. Мундай ата-аналар (наьсипке,баьри тувыл) оьзлери билмейдилер, не уьшин дуныяга энгенин, не уьшин инсанга яшав берилгенин, аьдемге ана тили не уьшин кереклигин. Неге уьйретер олар оьз балаларын? Окытувшылардынъ оьзлерининъ арасында кайбиревлердинъ ана тилге сувык каравын тез-тез сезесинъ. Ким-ким, ама окытувшы болган, яратувшылыктынъ сондай мырады тапшырылган аьдемлер анъламага керек: ана тилин, миллет тамырын, маданиятын билмеген – сав эм окымыслы аьдем деп аталып болмайды. Ана тилди билмесенъ, оьз халкынънынъ яратувшыларынынъ, калем усталарынынъ асарлары ман таныспага эп болмайды.

Коьп авылдасларымыз, ясларымыз аьеллери мен куллык излеп кетип, тувган ерлерине ят бола берединер. Бек авыр ис. Боьтенде ясларымыздан тувган саьбийлеримиз ана тилди неше несил окымавы ян тамырымызды сызлатады. Мен оьзим Уренгойда эм Тюмень тарапларында куьр яшаган ногайлардынъ балаларына ЮНЕСКО-дынъ ана тилге уьйренуьвге ыхтыярын коршалайтаган токтасы еткерилсе экен, деген уьмитти каьрлеймен.

Элбетте, элимиздинъ бас законы да, миллетлер ара организациялардынъ токтаслары да миллет тиллерди яхшы коршалайдылар. Ама йогарыда коьрсетилген терисликлер ер тапкан сонъ эм коьплеген балаларымыз арка-аркадан ана тилин уьйренмеген сонъ, бу маглуматлар толысынша коршаламаган болып шыгады. ООН-нъ токтасы ман увыт айдынъ 21-де йыл сайын ана тилдинъ куьни байрамшыланады.Сосы байрамды ярасыклы,эстеликли уйгынлав энди тек оьзимиздинъ колымызда. Ногай язувшылардынъ оьнерли асарлары, орыс тилине коьширилип, 100-ге ювык миллетлердинъ адабият онъысына белгили косым болады,шет тиллерге де авдарылып, атымыз-данымыз ер юзи бойынша ийги яктан яйылады.

Халкымыздынъ бурынгы авызлама дестанлары,англисше тилине коьширилип, дуныя карзынасынынъ мине деген оьзеги болады. Ногай баспалары «Шоьл тавысын», «Ногай давысын», «Лашынды»,«Маьметекейди», «Байтеректи» актарып алсанъ,талаплы окытувшылардынъ, язувшылардынъ, хабаршылардынъ, халк авызлама яратувшылыгын билген ясы уьйкенлеримиздинъ акында кызыклы хабарларды суьйип окыйсынъ. Сосы баспалардынъ билдируьвине коьре, мектеблерде балаларды ана тилине бавлайтаган уйгынлы шаралар озгарылады; миллет адабиятымызды, маданиятымызды таралтувда ялпылдап юрген ян авырувшылардынъ «тоьгерек столлары» уйгынланады; номай юрсенъ — ногай шыгар алдынъа дегенге усап, коьплеген алыс кыраллардагы ногайларымыз акында узак йыллар кулагымызга шалынмаган хабарларды окыймыз. Бу ийгиликлер шынтысы ман коьнъилинъди увыс-увыс шувак пан орайды. Не уьшин де сенемен, бизим ногай язувшыларымыздынъ сувыган юрекке йылув соккан сыдыраларын, язлык данъылда рахимли йыр этип йырлармыз, шынъ шынълап шынълармыз, диярга салып диярлармыз, домбыра шекте шоьрелермиз, далалайга ялгап, данъыл йолды кыскартармыз, бесик шайкап аналар, саьбийлеримиздинъ басында айдиявлар. Не уьшин десе сенемен, ана тилимизди саклап болармыз; кайсы ерде яшасак та, коьп болып – аз болып яшасак та, балаларымыз тувган тилин толысынша уьйренерлер; келеекте олардан язувшылар, йыравшылар, суьвретшилер шыгарлар, ата-бабаларымыз аманат этип кеткен адабиятка, маданиятка, саниятка аьлемет уьлислерин косарлар.

---

1. Альманах «Родные края» (на ног. яз.). – Махачкала,1975г.
2. Альманах «Родные края» (на ног. яз.). – Махачкала,1986г.
3. Газета «Ногайский вестник», №1, январь, 2014г.

КАРАСОВА Р. А.

МКОУ «СОШ а. Кызыл-Тогай»
а. Кызыл-Тогай, Карачаево-Черкесская Республика, Россия

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ НОГАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(Материал для школьной олимпиады по ногайскому языку)

Многие важные элементы материальной и духовной культуры, целых систем обычаев, обрядов, религиозных верований сохранились в богатейшем фольклорном наследии ногайского народа. Этнографическая лексика является удивительно богатым, незаменимым источником изучения исторического прошлого народа, его мировоззрения, национального самосознания, художественно-эстетических взглядов, элементов материальной культуры. Традиционная культура ногайского народа выступает в качестве «ценностного фонда,

который концентрирует в себе богатство и многообразие материальных, духовных и художественных достижений»[6,с.4].

Сведения о богатой и своеобразной материальной и духовной культуре ногайского народа: занятии населения, укладе жизни, поселениях, предметах быта, обычаях, обрядах, символах, нашли широкое отражение в языке ногайского фольклора.

В фольклоре мы находим упоминание: а) об орудиях труда: *сабан* «плуг», *орак* «серп», *шалгы* «коса»; б) предметах быта: *сыпыра* «столик», *«текене»* деревянное корыто», *шыпта* «циновка», *элек»* сито», *бияла* «зеркало», *бесик* «колыбель» *и др.;* в) предметах одежды, обуви, украшениях: *боьрк* «шапка», *этик* «сапоги», *белбав* «пояс», *ыдырык* «постолы», *сырга* «серьги», *тоьстуьйме* «серебряное нагрудное украшение», *билезик* «браслет» и др; г) пище и продуктах питания: *талкан* «мука из жареной кукурузы», *йоьрме* «домашняя колбаса», *соьк* «блюдо из жареного пшена», *боза* «буза»; д) музыкальных инструментах: *сыбызгы* «сыбызгы», *домбыра* «домбра», *кылкобыз* «комуз», *кабал* «рожок» и др.

В ногайских пословицах и поговорках обобщен ценный опыт земледельцев и животноводов, накопленный в течение многих веков:

Кырк йыл сабан айдасанъ, бир йыл туьренинъ алтынга тиер «Если сорок лет будешь пахать, лемех твоего плуга в один год коснется золота».

Савды ок шолак этер, шолакты орак ток этер «Здорового стрела сделает калекой (безруким), безрукого (неумеху) серп сделает сытым».

Касык тары ботка болмас «Из ложки проса каши не сваришь».

Мал семиз болса, тоьл эгиз, ер семиз болса, масак эгиз «Если скот жирный - приплод двойной, если земля жирная - колос двойной» [3].

Среди трудноразрешимых, заведомо невыполнимых испытаний, преодолеваемых героями сказок, есть и земледельческого характера: «*...бир оймак тарыды берип, бу тарыды буьгуьн эм шашсын, эм битирсин, эм орсын, эм бастырсын, сонъ аьветип, туьй этсин* «... дав наперсток проса, велит: пусть это просо за день и посеет, и вырастит, и пожнет, и обмолотит, и получит пшено»[1, с.85]. Или «*...бир артпак тарыды бир артпак бийдай ман карыстырып, айырмага буйырды* «...смешав суму проса с сумой пшеницы, приказывает отделить (перебрать)»[1, с. 86].

В ногайских паремиях широко представлены лексические единицы, обозначающие наименования одежды:

Таныган ерде бас сыйлы, танымаган ерде тон сыйлы погов. «Встречают по одежке, провожают по уму» (*букв.* «В знакомом месте ценят ум, а в незнакомом – одежду»).

Боьри атар – боьркиннен погов. «Молодца видно по шапке» (*букв.* «Того, кто застрелит волка, видно по шапке»).

Анадан коьрген тон пишер, атадан коьрген ок йонар погов. «Подражая матери, дочь кроит шубу, подражая отцу, сын точит стрелу».

Тогыз кабат торкадан токлышактынъ териси артык погов. « Шкурка ягненка дороже девяти слоев шелка».

Ценным материалом при изучении этнографической лексики служат загадки. Самыми многочисленными в ногайском фольклоре являются загадки о предметах быта, орудиях труда, продуктах питания:

Авызы йок, бурны йок, бир тостакай суьт ишер. «Без рта, без носа, целую пиалу молока выпивает» (*талкан* «жареная мука»).

Бир ийтим бар, уьрмес, каппас, уьйге киси киргистпес. «Есть собака у меня, не лает, не кусает, а в дом никого не пускает» (*кирт* «замок»).

Байласанъ – юреди, шешсенъ –токтайды. «Привяжешь – ходят, развяжешь – останавливаются» (*шарык* «чувяки»).

Аягы йок – юреди, авызы йок – соьйлейди. «Нет ног, а ходит, нет рта, но говорит» (*саьат* «часы»).

Особое видение мира в каждом языке создается путем метафоризации и косвенных наименований. Фразеологические единицы создают неповторимую в своем национальном колорите языковую картину мира. Это возможно благодаря самой функции фразеологизма как способа и источника сохранения, передачи информации и опыта, накопленных поколением людей в познании окружающего мира и запечатленных в национальной культуре,

традициях, обычаях[7]. В ногайском языке названия предметов быта выступают в качестве слов-компонентов — мотиваторов фразеологических единиц: *сокыр тавыкка баьри де тары* «слепой курице все кажется просом»; *тили мен туьйирмен уьйируьв* «бездельничать» (*букв.* «языком мельницу молоть»); *боьркти шекеге кондырув* «зазнаваться» (*букв.* в шапке набекрень); *орак тилли* «язвительный, насмешливый» (*букв.* «язык как серп»); *динкдей туьсируьв* «обмануть, обвести вокруг пальца» (*«динк»* приспособление для обмолота зерна»); *элек пен сув тасув* «заниматься бесполезным делом» (*букв.* «носить воду решетом»).

Развитие земледелия и животноводства у ногайцев способствовало выработке различных обрядовых праздников, подчиненных календарю, быту и культуре народа: *сабантой* «сабантой» (*букв.* «праздник плуга»), праздник первой борозды, означавший собой начало нового сельскохозяйственного года, *орактой* (*букв.* «праздник серпа») праздник, проводившийся перед жатвой; *ындыртой* (*букв.* «праздник тока») праздник, посвященный окончанию жатвы; *тепреш* праздник весны; *такта куршак ойыны* (*букв.* «игра в деревянную куклу») обряд вызывания дождя (в диалектах *«Аьндир – Шопай»*) и др.

Фольклор — одна из форм самосознания этноса, лучший хранитель социально-исторического опыта народа. Многовековая материальная и духовная культура ногайского народа своеобразно и неповторимо отразились в ногайском языке, в его устной и письменной формах, в памятниках различных жанров.

1. Бурын-бурын заманда/ Туьзуьвши Б. А. Карасов.– Черкесск, 1994.
2. Джанибеков А. Ш. Соьз казнасы. 1кесек. – Камызяк,1994.
3. Йырлар, эртегилер, айтувлар эм такпаклар. – Черкесск, 1955.
4. Капаев С. И. Ногайдынъ уьйи. – Черкесск, 1995.
5. Кукаева С. А. Лексика земледелия в ногайском языке: Автореф. дисс....канд. филол. наук.–Махачкала, 2005.
6. Шибаева М.М.Введение в философию культуры. - М., 1998.

КЕРЕЙТОВА Ф. Т.

МКОУ «СОШ а. Адиль-Халк»
а. Адиль-Халк, Карачаево-Черкесская Республика, Россия

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Духовные ценности народа, его традиции, нормы поведения в течение многих веков всегда играли решающую роль в воспитании и становлении подрастающего поколения. Язык как элемент культуры является фундаментальным основанием образовательного процесса. Формируя речевые умения на родном языке, мы одновременно воспитываем эстетическое отношение к природе, человеку, обществу, искусству. Задача школы – привлечь внимание к образным средствам выразительности, звучности родного языка, уместности использования языковых средств и тем самым заложить основы эстетического отношения к языку. Особое значение для этого имеют художественное слово, словесное творчество и художественно-речевая деятельность самих детей.

Представляемый мной опыт работы в своей основе содержит развитие темы «Проектная деятельность в процессе изучения родного языка и литературы».

Целью работы является развитие творческого потенциала школьника. Работая над проектами-исследованиями, учащиеся овладевают навыками системной поисковой работы, они учатся выдвигать гипотезы, стараются доказательно отстаивать свою точку зрения, быть логичными и последовательными. А главный результат – все новое и новое желание учащихся работать творчески.

Применение компьютерных технологий имеет ряд преимуществ при организации учебного процесса: делает занятия интересными и развивает мотивацию; представляет больше возможностей для участия в коллективной работе, развития личных и социальных навыков; учащиеся начинают работать более творчески и становятся уверенными в себе.

Предлагаю вашему вниманию исследовательскую работу с презентацией на тему «Фразеологизмы с компонентом цветообозначения в ногайском языке».

Цвет имеет огромное значение в жизни человека. Зачастую от него напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Понятно, почему столь популярны исследования в области цвета у психологов. Языковеды и этимологи исследовали десятки языков и пришли к выводу, что существует ряд универсальных черт в системе цветообозначения. Кроме того, различные отношения к тому или иному оттенку отражается в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в определенном языке. Именно эти факты и обосновали выбор темы данной работы.

В системе фразеологизмов ногайского языка существуют группы фразеологизмов с цветовым компонентом, каждая из которых обладает особой символикой и образными значениями. В ногайском языке наблюдается параллельное употребление «основных» цветовых терминов (например, *ак* «белый» устойчиво сохраняет самые положительные коннотации, а *кара* «черный» является его противоположностью).

Анализируя цвета, входящие в состав ногайских фразеологизмов, были выделены 6 цветов, которые регулярно, но с разной частотой используются ногайцами в несвободных словосочетаниях: *кара* «черный» (32), *ак* «белый» (18), *кызыл* «красный» (5), *сары* «желтый» (6), *коьк* «синий» (10), *ясыл* «зеленый» (6).

1. Фразеологизмы с цветовым компонентом *кара* «черный».

Исследование показало, что цветообозначение *кара* в ногайском языке воспринимается неоднозначно, поскольку имеет очень много значений.

В словаре ногайского языка зафиксировано несколько форм слова кара:

1) *кара* «черный»; 2) *караньа* «темный»; 3) *карагошкыл* «черноватый».

При использовании их в составе фразеологических единиц на первый план выходит не цветовое значение этих слов, а их переносные, оценочные значения.

Воздействие черного цвета на сознание людей, оставляющее мрачное впечатление, а также физическое восприятие цвета зрением, своеобразно взаимодействующее с психическим ощущением, привели к тому, что среди переносных значений черного цвета во фразеологизмах ногайского языка преобладают отрицательные.

Прилагательное *кара:*

а) входит в состав значительного количества фразеологизмов, которые связаны с человеком, частями и органами его тела:

кара юрек «коварное злое сердце» (*букв*. черное сердце); *кара коькирек* «злой человек» (*букв*. черная грудь);_*кара юзли* «с коварным лицом» (*букв*. с черным лицом); *кара басым* «мучаться одной» (*букв*. черная головушка) и др.

б) символизирует народ и реализует значение 1. многочисленный; 2. простой, незнатный; *кара халк* «бедный, простой народ», «чернь», «арестанты», «тюремщики» (*букв*. «черный народ»); *кара кимик* «очень много»;

в) указывает на отсутствие чего-либо (жира, молока) и реализовывает значение «без вкуса или цвета»:

кара шай «чай без вкуса, без сахара» (*букв*. черный чай);

кара оьтпек «ржаной хлеб» (*букв*. черный хлеб);

г) является цветом скорби, траура:

кара каза «большая беда» (*букв*. черное горе);

кара киюв «надеть траур» (*букв*. надеть черное);

д) используется для обозначения негативных качеств человека:

кара ниет тутув «иметь грязные намерения»;

кара ислер «темные дела» (*букв*.черные дела);

е) выражает количественные отношения:

кара буьртик де йок (*букв*. даже черного зернышка нет);

кара оьгиз бузавлагышай (*букв*. когда черный буйвол отелится).

и) присутствует в фразеологизмах, которые называют атмосферные явления:
кара къюз «поздняя, глубокая осень» (*букв.* черная осень);
кара кыс «сильный мороз» (*букв.* черная зима);
кара давыл «большая опасность» (букв. черный ветер).
Фразеологизмы с компонентом *кара* часто используются в проклятиях:
кара кан кускыр! прокл. «чтоб ты чёрной кровью харкал!»
кара канга боялгыр! «будь ты проклят!»
С прилагательным *кара* встречаются пословицы и поговорки:
Дос кара къюнде билинер. «Друг познается в беде»;
Кара акша кара къюнге ушырар. «Грязные деньги приведут к беде».

Слово *кара* в составе личных имен и географических названий встречается чаще, чем слово *ак*: *Карамурзай, Карасув, Кара- Тоъбе, Карагер, Карайдар* и т.д. При использовании их в поэзии на первый план выходит не цветовое значение этих слов, а их оценочные значения.

2. Фразеологические единицы с цветовым компонентом *ак* «белый».

Белый цвет является самым светлым по сравнению с другими цветами спектра, проявляет наивысшую отражательную способность и характеризуется отсутствием цветового тона. Этот цвет обладает огромным эмоциональным воздействием на сознание человека. Поэтому спектр представлений, вызываемых белым цветом, очень широк:

акка кара деп турма «говорить неправду» (*букв.* называть белое черным);
агын-карасын айырып болмав «не может отличить хорошее от плохого, правду от лжи» (*букв.* не может отличить чёрное от белого);

В богатой семантике фразеологизмов с компонентом *ак* преобладают положительные значения:

Ак ниетлидинъ аты арымас, арбасы тозбас. (У человека с благими намерениями лошадь не устанет , телега не сломается)
Арам батар, ак калар. (Плохое уйдет, хорошее останется)

3. Фразеологизмы с цветовым компонентом *кызыл* «красный».

Сфера функционирования красного цвета весьма широкая: он встречается во всех жанрах фольклора и художественной литературы. Как цвет он характеризует внешность человека, одежду, названия различных животных и птиц, растений, плодов и других элементов окружающей среды. Кроме того, он имеет и художественно символическое значение.

Красный цвет выделяется на фоне других цветов своей яркостью и красотой.

Красный цвет - это цвет крови, огня и восходящего солнца. Он в ногайском языке символизирует жизненную энергию, власть, любовь.

Красный цвет – это символ красоты и молодости, хорошего настроения и радости жизни.

Кызынъ яман болса, кызыл кийгист. «Если дочь некрасивая, одень в красное»
Койнынъды кызыл юмырткага толтырув. «Бесполезное обнадеживание, обещание».
Кызыл тилге кыздырып коъсев басув «заставить замолчать».

4. Фразеологизмы с цветовым компонентом *сары* «желтый».

Авыздан сарысы таймаган «желторотый птенец» (о молодом, наивном и неопытном человеке) ;

Сары майдай ириме (*букв.* растаять как сливочное масло) обозначает «сильно похудеть в результате переживаний, трудностей».

Сабыр тоъби –сары алтын. «Терпение лучше золота».

5. Фразеологизмы с цветовым компонентом *коък* «синий».

Прилагательное цветообозначения *коък* «синий» служит для обозначения синего цвета. В ногайском языке исходным значением слова *коък* принято считать значение «небо».

Коък коъзлер а) «голубые глаза»; б) «голубоглазый»; *коък коъгершин* «сизый голубь»; *коък ава* «голубой воздух»; *сувыктан коък болув* «от холода осинеть»; *коъкшешекей* «василек»; *коъктас* «медный купорос»; *акты коъктен айырып билуьв* «знать, отличать правду от лжи»; (букв. «уметь отличать белое от синего»)

5. Фразеологизмы с цветовым компонентом *ясыл* «зеленый».

Зеленый цвет в ногайском языке передается сочетанием *ясыл туьс.* Символика зе-

леного цвета многогранна. Это цвет возрождения и надежды, цвет растительного мира, пробуждения, молодости, силы.

Определение зеленого цвета дается в словарях через сравнение с живой природой или же другими цветами.

Ясыл в ногайском языке многозначное слово:

1) зеленый // зелень; *ясыл япырак* «зеленый лист»;

2) ясыл болув «зеленеть, становиться зеленым»

3) «неспелый, незрелый, недозрелый, зеленый»; *ясыл алма* «неспелое (зеленое) яблоко».

Проведенное исследование подтверждает, что именно во фразеологии наиболее ярко, точно и образно отражается национальная самобытность мировоззрения ногайского народа, его мудрость, менталитет, обычаи и традиции.

1. Джанибеков А-Х. Ш. Соьз казнасы. Ногай фолькморы. 1 кесек.– Камызяк, 1994.
2. С.И. Войнова. Сравнительный анализ фразеологизмов с компонентом цвета.– М.,1978.
3. Мусаев К.М. Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода.– М., 1975.
4. С.И. Суровцева. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования.– Курган, 1967.
5. Д. Шихмурзаев. Ногай тилининъ фразеологиялык соьзлиги.–Черкесск,1991.

КРОЛОВА Г. А.

МОУ «СОШ №1 с. Канглы»
с. Канглы, Ставропольский край, Россия

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ К УРОКАМ РОДНОГО ЯЗЫКА

Познавательный интерес, возникающий в процессе учения, является самым действенным и должен вызывать эмоциональный интерес ребенка к приобретению знаний. Л.С.Выготский характеризовал познавательную деятельность как «сознательную и свободную, с высоким уровнем развития интереса». Становление познавательных интересов, воспитание активного отношения к учению происходит, прежде всего, на уроке. Основное назначение уроков ногайского языка состоит в формировании коммуникативных умений владения языком, понимания на слух, чтения и письма. Родной язык открывает учащимся доступ к огромному духовному богатству ногайского народа, обеспечивает интеллектуальное развитие ребенка. Учитель должен формировать у детей желание учиться, развивать творческие способности. Поэтому я ставлю перед собой цель – сделать все возможное, чтобы ребенок полюбил мой предмет, стремился узнать больше, учился с увлечением. Ибо только тот, кто знает свой язык, свои истоки, способен уважать другие языки и культуры. Только при условии кровной связи с национальной почвой можно приобщиться к культуре других народов.

Для активизации познавательной деятельности и повышения интереса к учению использую наиболее эффективные формы и средства обучения. Первоклассники владеют очень скромным запасом слов на родном языке, потому не всегда могут правильно осознать содержание прочитанного, а тем более рассказать о прочитанном, подобрать нужное слово, правильно построить предложение. Поэтому пользуюсь системой обучения, которая позволяет создать оптимальные условия для овладения ногайским языком.

Самый наглядный пример – живое устное слово учителя, которое дети слышат с первых уроков. В каждом классе урок начинается с речевой зарядки. Работа заключается в правильном произношении парных гласных: *А-Аь, У-Уь, О-Оь, Ы-И*, их употреблении с согласными (*ар-аьр, от - оьт, то - тоь, ув - уьв*), в словах (*оьлен, оьтпек, коьйлек* и др.), скороговорках. Учитывая возрастные и психологические особенности школьников, стараюсь разнообразить урок играми, загадками, яркой наглядностью. От разнообразия эффективных приемов закрепления изученного на уроке зависят глубокое понимание и прочное усвоение учебного материала. Известно, что к концу урока притупляется внимание, падает

работоспособность, нарастает умственная напряженность. Поэтому целесообразно в игровой форме привлечь внимание к завершающему этапу урока. Большое внимание уделяется оформлению классной доски. Помогают занимательные рисунки, опорные таблицы. Работать над правописанием гласных помогает веселый грамматический человечек с «узелками на память» в ушах. Он «оживит» и конец урока при закреплении изученного: В каком месте слова пишется гласная *оь*? *аь? уь?* Назовите слова, в которых слышен звук этой буквы и переведите на русский язык и др.

Например, при изучении темы «Правописание гласных» составляю небольшие ребусы, кроссворды, карточки. Учащиеся любят работать по карточкам с индивидуальными заданиями. Широко использую механизм работы с учебником. Слабому ученику разрешается обращаться к сильному ученику, учебнику. Орфографическая зоркость учащихся совершенствуется в условиях комплексной работы: обозначаются морфемы слова, используется подчеркивание и цветное выделение орфограммы, подбор и запись аналогичных примеров из текстов. Такая работа соединяется с различными видами анализа слова. Школьники обращаются к толкованию лексического значения (пользуются разговорником), затем к определению части речи, к разбору слова по составу. На каждом уроке стараюсь создать оптимальные условия для овладения ногайским языком. Работу над произношением слова тесно увязываю с работой над их правописанием.

По мере изучения различных тем, для повторения и закрепления провожу работу по группам. Класс делится на группы, каждая группа получает задание. Например, из ряда слов выбрать названия диких животных, перевести их на русский язык, составить с ними предложения, составить маленький рассказ. Такая работа позволяет получить эмоциональную и содержательную поддержку, создает возможность включенности в общую работу класса даже самых слабых учеников. Детям очень нравится такой вид работы. Они учатся слышать и слушать друг друга, работать сообща и прийти к верному выбору. В коллективных играх формируются и нравственные качества ребенка. В ходе игры дети учатся оказывать помощь товарищам, считаться с мнением и интересами других. У детей развивается чувство ответственности, коллективизма, воспитывается дисциплина, воля, характер.

Много лет под моим руководством учащиеся проводят «лингвистические экспедиции» по селу. У людей старшего поколения ребята собирают пословицы, поговорки, загадки, сказки, устаревшие слова, записывают их на диктофон. Весь материал собираем в классную копилку. Собранный материал классифицируем по темам, переводим на русский язык, учимся употреблять их в речи, используем на обобщающих уроках. Такая работа способствует привитию интереса к родному языку, развитию устной речи. Постичь пословицы, значит, глубже познать жизнь, обычаи, традиции своего народа. Включение игровых моментов делает процесс обучения интересным и занимательным, создает у детей бодрое, рабочее настроение. При обучении родному языку интересна работа над загадками. Процесс отгадывания загадок является своеобразной гимнастикой, мобилизующей и тренирующей умственные силы ребенка, оттачивает и дисциплинирует ум, приучает детей к четкой логике, рассуждению и доказательству. Отгадывание загадок можно рассматривать как процесс творческий, а саму загадку как творческую задачу. Они учат детей говорить ярко, образно, просто. Работа над загадкой – это упражнение в самостоятельном развитии мышления, сообразительности, воображения. Они обогащают память подлинными жемчужинами родного языка. Работу над загадкой использую на разных этапах урока: при объяснении и закреплении материала, самостоятельной и выборочной работах. Любая работа над загадкой оказывает эмоциональное воздействие на развитие познавательной способности детей. Малые жанры фольклора – пословицы, поговорки, загадки – прекрасный материал для уроков развития речи, письма и нравственного воспитания детей. Сфера использования этих миниатюрных произведений народного творчества на уроках практически неисчерпаема.

Развитию правильной выразительной речи учащихся способствует драматизация. Она обладает большой привлекательностью, так как по своей сути близка к игре. Необходимый педагогический эффект драматизации достигается при условии активного участия детей в деятельности на всех этапах: написание сценария, распределение ролей, режиссура, костюмирование и т.д. Ребята с большим интересом работают над постановкой сказок, пьес и др. На уроках развития речи, литературы с учениками готовим «радиопередачи» («У нас в

школе», «Из страниц истории моего народа», «Национальные музыкальные инструменты»), «телепередачи» («Народные праздники», «Обычаи, традиции ногайского народа», «Час общения на родном языке», «Национальная кухня народов Северного Кавказа»), передаем « концерты по заявкам» учащихся. Эти работы являются результатом долгосрочной проектной деятельности, направленной на создание развивающей речевой среды, на развитие творческих способностей учащихся.

Использование информационных технологий позволяет модернизировать учебный процесс, повысить эффективность, мотивировать учащихся к познавательной деятельности. Ресурсы сети Интернет – незаменимый источник для проведения заочных экскурсий, поиска информаций по теме. В кабинете создан уголок «Интернет – ресурсы». Ученики собирают материалы по истории, литературе, культуре народов Северного Кавказа.

Научить читать, чувствовать характер художественного слова, сделать увлекаемым чтение, научить любить труд чтения – вот задача, которую я постоянно ставлю перед собой. Учу своих учеников связно говорить, выразительно читать, часто использую газетный материал, детскую периодику (литературно-художественные журналы «Маьметекей», «Лашын»). Результат кропотливой работы – ученики качественно усваивают школьную программу, у них высокий уровень сформированности учебно-познавательного интереса к урокам ногайского языка.

Урок не только увеличивает запас систематических знаний учащихся, но и воспитывает желание и умение учиться. Эмоциональный фон урока помогает детям лучше и глубже усвоить содержание материала. Только учебная деятельность, построенная с доминированием элементов, форм и правил игровой деятельности, с ее живостью, непосредственностью способствуют желанию учиться с радостью и удовольствием.

КУКУЕВА Н. М.

МКОУ «Геметюбинская СОШ»
а. Геметюбе, Дагестан, Россия

НОГАЙ ТИЛИН ЭМ АДАБИЯТЫН БАБАЮРТ РАЙОНЫНЫНЪ МЕКТЕБ ОКУВ ПЛАНЫНА КИРГИСТУЬВ АКЫНДА

Ана тилим, ана суьт пен
Канга синъдинъ, янга синъдинъ.
Дуныя коьрип, сени билип,
Сокпак сайлап, йолга миндим.
Ана тилим – ногай тилим,
Мен тирмен сени минен.
Сенсиз болган бир куьнимди
Тенъ этермен оьли минен.

С. И. Капаев.

Ногай тил – дуныяда кенъ яйылган тюрк тиллерининъ бири. Ол ярасык эм бек анълы. Белгили ногай язувшысы Ф. Абдулжалилов ятлавында ногай тили акында булай язады:

Калай байсынъ,
Тувган тилим, ана тил,
Калай терен,
Калай бир сен туьпсизсинъ!
Байлыгынъды
Байыр этип ким алар,
Карзынанънынъ
Энъ туьбине туьссин ким?

Ногай тилинде шебер халк эм адабиат шыгармалары сосы соьзлерге шайыт болып келеди, сондай асарлар бизди оьзлерине эс эттирмей калмайдылар. Тарихимизде болган кыйынлыклар, туьгилислер, куьреслер Бабаюрт районында яшайтаган ногай аьдемлерди конъысы кумык халктынъ тилин окымага буйырды. Ама аьдемнинъ каны тамырына тартпай болмайды. Биз де ана тилимизге, халкымызга тартылып басладык. Ногай халкы ана тилинде соьйлемеге, окымага, язбага суьйди.

Яшавда аьр-бир аьдемнинъ энъ биринши соьзи «ана» болады. Мен эм мендей коьплеген Бабаюрт районынынъ яшавшылары ана тилимизди бираз кешигип уьйренип басладык. Ана тилди ийги билмеге керек экенин халк анълады, соьз байлыгынынъ тазалыгын сакламага эм оьстирмеге ымтылады. Сосы затларды мен, Геметюбе авыл мектебининъ окытувшысы, оьзимнинъ окувшыларыма да еткермеге шалысаман.

1992-нши йыл Ногай районнынъ Терекли-Мектеб авылында Хасавюрт педагогикалык училищесининъ (аьли колледж) филиалы ашылды. Сонда ногай тил эм адабият окытувшыларын аьзирлев уьйгирленди. Районнан мени мен бирге бир неше кызды онда окувга йибердилер. Сол билим меканында ногай тилди уьйренуьвде биринши абытларымыз эттик. Уьйкен муьсирев терен билимли, сулыплы окытувшыларымыз С.Б. Аджиева, Ф. Я. Ярлыкапова, Н.М. Нурлубаева, Н.К. Койлакаевага эм с. б. Олар бизге халкымыздынъ тарихининъ теренлигин билдирип, ногай тилининъ ярасыклыгын ашыклап, юрегимиздинъ энъ туьбине салдылар.

1996-ншы йылда биз ногай тил эм адабиятынынъ окытувшысы болып кайттык эм оьз авылларымызда мектеблерде биринши ногай тилинде дерислер берип басладык. Коьп туьрли оравлыкларга да йолыктык. Коьптен йойылган тилди кайтармага кыйын, окувшылардынъ ата-аналарына да ногай тилининъ кереклигин анълатув тыныш борыш тувыл. Китаплардынъ йоклыгы, китапханаларда методикалык кулланмалардынъ, класстан тыс материаллардынъ йоклыгы ногай тилди уьйренуьвде биринши абытларды баспага уьйкен оравлык этти. Тек бу куьресуьвде биз ялгыз калмадык. Китаплар йыймага яс уьйкенимиз, насыйхатшымыз, тарихшы Б.А. Келдасов (1932–2009) ярдамласты. Мектебимиздинъ етекшиси Ш.Х. Эль-кайдаровтынъ эм завучи Р.С. Амангуловадынъ ярдамы ман ногай тилин окымага суьйген балалардынъ саны коьбейип баслады.

Мен ис йолдасларым ман бирге ана тилден методикалык билимимизди оьстирмеге 2006–2011-ншы йылларда Дагыстан оькимет университетининъ дагыстан филологиялык факультетинде ногай тил эм адабиат боьлигин де окып кутардым. Онда окытувшылар М.И. Кидирниязовадынъ, Ф.А. Кусегеновадынъ уьйкен ярдамы ман анъламларымды тереnлеттим. Сол йылларда алынган билимлер мен кеспили йолымда пайдаланаман. Он сегиз йылдан бери халкымыздынъ бир кесегин акка кайтардык, бу исти биз оьз дерислеримизде мукаят бардырмага шалысамыз.

Балалардынъ яшавында дерислер коьп боладылар, тек кайсы бирлери олардынъ канъянларына синъип, яшав бойларына эслеринде каладылар. Аьр бир деристи балалардынъ коьнъиллерине еткерип этпеге керек, юреклеринде айырым орын таппага деп, ногай ойынларын эм йырларын уьйретпеге айырым эс этемен. Адабияттагы шыгармалар коьп туьрли жанрлар ман язылган: эртегилер, юмаклар, ятлавлар, хабарлар, хикаелер, романлар. Олар окувшыларды тербияламага амал бередилер, ер юзинде дурыслык, тенълик, дослык уьшин куьресип, куллыкка сый берип, кавга шыгарувшыларга карсы турувга уьйретедилер. Сол ойды мен окувшыларыма ана тилинде анълатпага амал этемен.

Программа ман карарланган баьри ис те – текстлерди окув, оларды айырув уьшин салынган соравлар, план туьзуьв, текстлер бойынша язув ислер толтырув, яттан уьйренуьв – окувшыларды эдаплык, ярасыклык, куллык суьювшилер этип тербиялайды, окув-билимге уьйретеди, олардынъ акыл-анъламларын оьстиреди.

Кирис яде тамамлав, хабарласув, текстке келискен суьвретти айырып, балаларда деристинъ темасын анълавга кызыксынув тувдырмага эм оны дурыс айырмага ярдам этемен. Китапларга кирген шыгармаларды дурыс, анълавлы, соьйленисли эм тез окып, уьлги коьрсетемен эм балалардан солай окымага талап этемен.

Дерислерде окувшыларымнынъ алдына дурыс, анълавлы, толы тергевдинъ мырадын саламан. Окувшылар текст пен ислегенде, ондагы логикалык ургыларга, ярасыклав амалларга – эпитетлерге, тенълестируьвлерге, янландырувларга эм с. б. айырым эслерин каратаман.

Балаларды тербиялав борышларын шешкен заманда, класстан тыс окув белгили орынды алады, ол окувшылардынъ класста алган билимлерин оьстиреди эм теренлетеди. Китапханалардан китап алдырып, онынъ ишиннен керекли материалды таптырып уьйретемен. Окувды суьювшен эм баьрин де билмеге шалысувшан этип тербиялайман. Аьр бир окувшыдынъ кызыгатаган затларын билип, олардынъ оьсуьвине ярдам этемен.

Балаларды окытув эм тербиялав йолында кыйынлыклар ман да йолыгамыз. Районымызда ногай тил эм адабиятты баслангыш классларда окылмай, тек 5-нши класстан басланады. Соннан себеп биз бир йылдынъ ишинде бес йыл окылатаган программады алгасап уьйренемиз. Соьйтип этпесек, окувшылардынъ билимлери бек артта калаяк. Окув китаплардынъ, методикалык кулланмалардынъ эм окув программалардынъ йоклыгы исимизди бардырмага бурршав болады. Оькинишке, бизим районнынъ баьри ногайлар яшайтаган авылларында да ана тилимиз окылмайды. Солды да, коьплеген ногай балаларымыз аьли де кумык тилин уьйренедилер.

Тек янъыларда ана тилинде бир соьз де айтып билмеген балалар ногайша соьйлегенде, ятлавлар айтканда, йырлаганда, куьезленмей болмайсынъ, кыйынынънынъ босына кетпегенине суьйинесинъ. Окувшыларынъ йогары билим алып, тувган авылына ана тилиннен эм адабиятыннан окытувшы болып келгени, коьнъилинъди коьтереди эм исинънинъ дурыслыгын, оны тагы да мукаят этуьв керегин анълатады.

НУКОВА (МАЙЛЫБАЕВА) С. А.

МБОУ «Карагасская СОШ»
а. Карагас, Дагестан, Россия

АНА ТИЛ ДЕРИСЛЕРДЕ КЫЗЫКЛЫ ГРАММАТИКАДЫ КУЛЛАНУВ

(Окытув сулыптан)

Деристи кызыклы этуьв – аьр бир окытувшыдынъ биринши борышы. Ана тилден методикалык кулланмалар аз болганнан себеп, оьз уьлисимди косайым деген мырат пан ис этемен. Аьр бир деристи кызыклы этер уьшин, окувшылар ман тоьменде берилген кызыклы амалламаларды белсинли кулланаман.

1. «Элиппе» деген тема бойынша «Оьзинънинъ еринъди тап» деген ойын. Окувшылар уьш куьпке бесерден боьлинедилер эм бесер карточкады аладылар: 1. (А, Т, П, З, Б); 2. (Д, Б, С, Ш, Ю); 3. (Й, Н, Э, К, М).

Окувшылар карточкада язылган соьзлерди элиппе бойынша салмага кереклер: *карсак, боьри, йылан, юмыран, туьлки, эшки, аюв, донъыз, зил, пил, сайгак, йолбарыс, арслан, буга, шылавшан, тыйын, шегертки, балмысык, кундыз, йылан.* Солай ок элиппе бойынша оьсимликлердинъ атларын да салмага болады: *акканат, маьметекей, шаьбден, оьмирзая, калемпир, ясмин, туьетабан, майталкан, каратаспа, боьригоьз, кышыткан, майталкан, кыркбувын, аткулак эм с.б.*

2. Балалардынъ саклыгын тергев уьшин ойын.

Точкалар орнына келискен аьриплерди салынъыз: *та...кан (м, р, с, л), са...лы (в, п, з, к), зоь...ги (т, н, нъ), куь...ги (с, н, з), са...дык (н, п, т), Шо...пан (т, л, к), шо...тан (р, с, к),ка...ык (т,р,с) эм с. б.*

3. Юмаклы соьзлерди шешип ойнав: *бракма (бармак), трыкна (тырнак), юзлыд (юлдыз), ншаыл (лашын), бкасамак (басамак), треке (терек), йгаыл (йылга), аынъш (анъшы), юкма (юмак).*

4. Туьрли ребуслар туьзуьв: *е1, к10ак, а20, к3ли, 5лик, 7мис, 100ик, туь1, куь1денуьв, т7к, к6равык, 40 кийик, 6н.*

5. «Созык эм тартык сеслерди оьткенде, эсапка усатып кызыклы борышты толтырмага боламыз: А–АЬ; О–?; Б–П; ?–К; ?–УЬ; Ы–? В–?.

6. «Ким созык сеслерден басланган соьзлер коьп язар?» **О** – *орман, оймак, омырав, ойыншык, отлык, оюв, ок эм с.б.*; **Оь** – оьркен, оьзек, оьлен, оьтпек, оьрнек, оьгиз, оьт, оьрис

эм с.б.; **У** – *увылдык, урлык, урлакай, уршык, улпа, ун, увыс, увыз, уя эм с.б.;***Уь** – *уьлги, уьлле, уьмит, уьйре, уьстинлик, уьлертки, уьзик, уьй эм с.б.*

6. Юмаклардан сингармонизм законына бойсынмайтаган соьзлерди табув:
Каймакты суьетаган, уьндирикке минетаган,
Сыйпаганды билетаган юмсак айван – ол кимдир? *(Мысык)*.
Эртегиде кенжепайы семиз этти суьймеген,
Сизинъ аранъызда бар ма оны билмеген? *(Тайтериш)*.
Газетада язылады, радиода айтылады
Ийги инсан акында аьр заман да ... *(макала)*.
Суьттинъ уьсти куйылады, калемпир де косылады,
Ногайдынъ суьйген асы, асларынынъ энъ басы *(шай)*.
Неше туьрли зияпет тетем оннан этеди,
Ийислерин кокытып, уныкларын куьтеди *(ун)*.

Балалардынъ оьзлерине де сингармонизм законына бойсынмайтаган соьзлерди кулланып, юмаклар ойламага борыш беремен.

7. «Туьсирилген соьзлерди косынъыз» деген ойын: *тоьбеси ... етти, ... басына кийди, ... тик турды, аягы ... тиймейди, мойныум ... йинъишке, ... туьрип ислейди.*

8. «Кимде ким?» деген эстафета ойыны: *сыйырда – бузав, атта – кулын(тай), койда –козы, туьеде – бота, ийтте – куьшик, эшкиде – улак, коянда – коьжек, куста – балапан, тавыкта – шипий, аювда – мердек, боьриде – буьлдирик, эшкиде – улак эм.с. б.*

9. «Кусты суьйсенъ – атын бил» деген ярыс (сынас) бек кызыклы болып озады, балалар, бири-бирисиннен озбага шалысып, куслардынъ атларын ногайша уьйренедилер, орысшага да коьширип айтадылар: *аккув – лебедь, ак шаьвке – чайка, бозторгай – жаворонок, бил-бил – соловей, боьдене – перепел, булдырык – рябчик, данъыл тавык – тетерев, дувадак – дрофа, карагус – орел, караторгай – скворец, карашаьвке – грач, карга – ворона, карлыгаш – ласточка, каршыга – коршун, каскалак – лысуха, куркылдай – ремез, коьгершин – голубь, коьгалагаз торгай – синица, коькек – кукушка, кыртавык – куропатка, токылдак – дятел, тотыгус – павлин, турна – журавль, лашын – сокол, савыскан – сорока, япалак– филин, кутан – цапля эм с.б.*

10. «Аьр баганада маьнесиз соьзлерди тап» деген ойын:

тар	буз	коьз	шаш	саз	кал
так	буьл	коьн	шат	сак	кам
тас	бур	коьп	шет	сас	кар
тан	бир	коьк	шык	сар	кап
тын	был	коьг	шуьм	сап	как

11. «Йо» ман ким коьп соьзлер ойлар:
а) глагол: йо... (йонув), йо... (йортув), йо... (йорав), йо... (йолланув);
б) ат: йо... (йолдас), йо... (йорга), йо... (йосык), йо... (йолбарыс).

12. «Тувдыртпа диктантлар» балалардынъ яратувшылык ойларын теренлетеди. Мысалы: *ералма, казан, эт, пыхы, ясылша, ун, сув, сармысак, бурыш, туз.* Сосы соьзлерди кулланып, хабар туьзуьв. Кайдай ас астынъыз?

13.«Ногай асларымыз» деген кишкей ярыс та озгармага болады. Аслардынъ атларын ким айтар? *(Лакса, катлама, шай, иримшик, курт, сорпа, куьрлеме, ювырт, торта, бавырсак, локым, инкал, торта, казан боьрек эм* с. б.)

13. «Соьзден соьз ойла» деген ойын. Мысалы: *«куванышъ»* деген соьздеги аьриплерден кайдай соьзлер ясамага болады: *ув, ак, кына, шык, шувак, аш, уш, ык, шак, кан, кышув эм с. б.*; *«курткашык»* деген соьзден: *куртка, шык, аш, ык, уш, ашык, так, ут, ур, ура, карт, как, каш эм с. б.*

14. «Берилген соьзлер мен дайымлык соьз биригуьвлер айт» деген ойын. ***«Кол»*** – *колы енъил, колы алтын, колы сук, кол коян болув, оьзинъди колга ал, колга карав эм с. б.;* ***«аяк»*** – *аякка турув, аяктынъ астында оратылув, юрек аякка кетуьв, бир аягы ман аргы дуныяда, аягы баскан ерди коьзи коьрмейди, юрек аякка кетуьв, аякты баспав эм с. б.;* ***«коьз»*** – *коьз тиюв, оьткир коьзли, коьзи коьтермев, коьзден кетсин, онъ коьзи мен карав, коьзге коьринмев, сувык коьз, коьздинъ нурын алув эм с. б.;* ***«бас»*** – *уьйди баска киюв, басты коьтеруьв, бастан акыл кашув, басты айландырув, бас йоюв, ярты бас, басты сатып алув, баста ел ойнав, басты сатып алув, басты акашув эм с. б.*

15. «Сан атлы такпакларды ким коьп айтар?» деген ярыс-ойын.
* Бир шешекей мен яз болмас.
* Ети кере оьлше, бир кере кес.
* Он бармагы – он алтын.
* Элли йыл ашлык болса да, эл аьдетин мутпа.
* Атасы бирдинъ малы бир, анасы бирдинъ яны бир.
* Алты яслык конак келсе,алпыс яслык алдына шыгар.
* Конак биринши куьн – алтын, экинши куьн – куьмис.
* Токсансыз торгай шырламас,тоймай етим йырламас.
* Оьксизге де бир куьн тувар.
* Алганга алты да аз, бергенге бес те коьп.
* Элли йылдан эл янъырар.
* Отка барган пишединъ отыз авыз соьзи бар.
* Онъганнынъ эки досы бир келер, онъмаганнынъ эки борышы бир келер.
* Яманнынъ аягы сегиз, бир тиймесе, бир тиер.

16. Метаграммалар. Метаграммады шешуьв уьшин, соьздинъ тек биринши аьрибин туьрлендирмеге керек.

1. «Б» ман кишкей саьбиймен,
«К» ман айлак уьйкенмен (бала, кала).
2. «Ш» ман мени ишерлер,
«М» ман асты суьерлер,
«Б» ман акшам аз тувыл,
«Т» ман атым йок тувыл (шай, май, бай, тай).
3. «Н» ман манак дейдилер,
«Т» ман каты дейдилер,
«Б» ман мактап алалар,
«К» ман кулакка саларлар (нас, тас, бас, кас)

17. «Соьзлердинъ ызларын язынъыз» деген борыш-ойын.
Кул... (кулакшын), бал... (балшыбын), бав... (бавшы), тана... (танапыс).
Так... (такта), тас... (тастар), коьз... (коьзилдирик), яр... (ярганат).
Бар... (баргы), тав... (тавлы), бас... (баспак) эм с. б.

18. «Кызыклы танапыс» деп атап, балалар ман туьрли сорав ойынларын уйгынламага болады. Мысалы, «Энъ-энъ»:
Энъ тажал айван (эшек).
Энъ узын айван (жираф).
Энъ муьсиревсиз уьй айван (мысык).
Энъ кишкей ат (пони).
Энъ сувык ер (Антарктида).
Энъ уьйкен остров (Гренландия).
Энъ ювык юлдыз бизге (куьннинъ коьзи).
Энъ уьйкен кумлы ер (Сахара).
Энъ баалы суьектинъ иеси? (пил).

19. «Соьзлерди ерли ерине салсанъ,такпакларды окырсынъ» деген ойын.
Суьйсенъ, туьр, балык,балак.
Яктырар, коьрсе, куьн, коьрмеген, куьн, куьндиз, шырак.
Казба, оьзинъ, досынъа, шукыр, туьсерсинъ.
Коьбеймес, бакылшы, байымас, куьнши.
Билмейди, барды-йокты, тилейди, бал, тамагым.

20. «Бир соьз бен айт» деген ярыс-ойын.
* Бир калыптан шыккандай – усайды.
* Уьйди баска киюв –ланъкалав.
* Арасыннан кыл оьтпес – татым.
* Ерден йылы коян тапкандай – суьйинуьв.
* Аягы баскан ерди коьзи коьрмев – оьктемсуьв эм с. б.

21. Тоьмендеги соьзлерди йылдынъ доьрт шагына боьлип,аьр шакка кишкей хабар туьз: *шилле, боран, буршак, ямгыр, батпак, исси, сувык, кар, елемик, ел, кургак, буз, куьртик, аяз,туншык, сувык, салкын, аслык, емис, ашык коьк, яланъаш терек, кара булыт, айындырык, арпа, бийдай, ювсан, кув шоьл, бав, бакша, бузлавык, туман.* Аьр бир шак не мен ярасык? Сиз йылдынъ кайсы шагын суьесиз, не уьшин? Соравлар салып, окувшылар ман хабарласув.

22. «Ана тилде кеспилер аты» деген кызыклы ойын.

Этикши, балыкшы, темирши, тоьреши, кобызшы, анъшы, окытувшы, язувшы, йыршы, туваршы, сыйыр савувшы, тербиялавшы, эмлевши, каравылшы эм с. б.

Сосындай туьрли ойынлар деристи кызыклы этедилер, эсте сакланып, тил байлыкты оьстиредилер. Сосы амалды аьр бир окытувшы оьз исинде белсен кулланса, ана тилимизге балалардынъ аваслыгын йоймаспыз деп, сенемен.

ОМАРГАЗИЕВА М. К.

МКОУ «СОШ №14 а. Тукуй – Мектеб»
а. Тукуй-Мектеб, Ставропольский край, Россия

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ И МНОГОЯЗЫЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Основополагающим принципом концепции обновления, развития и модернизации российских школ является реализация демократического и конституционного права обучения и воспитания подрастающего поколения на родном языке в условиях двуязычия. Двуязычие играет позитивную роль в процессах демократизации, языковая проблема в ряду актуальных проблем межэтнических отношений занимает весьма важное место.

Происходит переосмысление некоторых существовавших ранее взглядов на особенности развития двуязычия, его сущности и содержания. Усиливается интерес людей к истории и культуре своего народа, изучению родного языка, проблеме двуязычия, взаимодействия и взаимовлияния языков и культур народов Северного Кавказа, России. В результате комплексного подхода подрастающему поколению прививается подлинная культура межнационального общения, которая является частью общечеловеческой культуры. Родной язык рассматривается как средство воспитания основы интеллекта, формирования эмоциональной сферы, становления творческой личности подростка. При изучении родного языка учитываются национальные исторические традиции, культурные потребности, ориентация на формирование целостной картины мира, приобщение подрастающего поколения к национальной культуре, её обычаям и традициям, сочетание национальной и общечеловеческой культур, воспитание толерантности, любви к Родине, готовности её защищать.

В Нефтекумском районе Ставропольского края с 1982 года возобновлено преподавание ногайского языка и ногайской литературы, есть успехи и проблемы. Ногайский язык и ногайская литература изучаются в пяти общеобразовательных школах, основная проблема заключается в отсутствии учебников нового поколения, программ, стандартов.

В Нефтекумском районе проживают представители более пятидесяти национальностей. Перед общеобразовательными учреждениями особо остро встают вопросы сохранения духовности, культуры, обычаев и традиций; освоение родного языка через фольклор, литературу, историю народа. Сегодня перед школой стоит сложнейшая задача воспитать культурную творческую личность, умеющую найти своё место в сложной действительности. Решая задачу формирования общей культуры личности, необходимо научить бережному отношению к родному языку, истории, культуре своего народа. Язык, традиции, обычаи своего народа человек начинает постигать с раннего детства. Ведь все, что усвоено в школьные годы, остается с человеком навсегда.

Основное назначение изучения ногайского языка и литературы как образовательной области состоит в овладении учащимися коммуникативных умений, формирование языковой компетенции, включающей в себя знания о системе языка и умения пользоваться ими для достижения орфографической, пунктуационной и речевой грамотности и формирования культуры речевого поведения. Родной язык открывает учащимся непосредственный доступ к огромному духовному богатству своего народа, повышает уровень их гуманитарного образования. Посредством языка ребенок перенимает, присваивает опыт поколений, вбирает в себя культуру, происходит социализация личности. С помощью родного языка ребенок познает окружающий мир, родной язык формирует понятийно-категориальный аппарат, развивает абстрактное мышление, т.е. обеспечивает интеллектуальное развитие ребенка, ребенок формируется как личность, язык помогает ребенку готовиться к активному деятельному участию в общественной жизни.

Одним из основных проблем образования и изучения родного языка и литературы является обучение и воспитание учащихся на родном языке в условиях двуязычия в общеобразовательных учреждениях Нефтекумского района в местах компактного проживания ногайцев. Определены области знаний, учитывающие освоение программ и стандартов, населения предусматривающие:

– изучение грамматики ногайского языка, текстового материала по ногайской литературе;

– ознакомление с художественной литературой ногайских поэтов и писателей, включенных в учебную программу, повышение статуса гуманитарных учебных дисциплин;

– ориентацию на формирование целостной картины мира, системного мышления;

– приобщение подрастающего поколения к ногайской и общечеловеческой культуре;

– экологическое воспитание и образование, ориентировка на разумную обоснованную деятельность;

– подготовка детей к жизни и труду;

– воспитание толерантности, любви к Родине, готовность её защищать.

Создана инициативная группа «Будущее национальной школы» по проблемам дополнительного образования», творческая группа «Развитие национальной школы», центр воспитательной работы, музей национально– бытового направления.

Одним из эффективных приемов изучения родного языка является использование краеведческого материала. Каждому подростку интересно знать, где он живет, чем знаменателен, интересен его родной край. И не из одного лишь любопытства надо знать это, знания укрепят желание не расставаться с родными местами, могут оказать влияние на профессиональный выбор. А учитель отыскивает связь времен и передает свои находки будущему поколению, воспитывает чувство гражданственности и любви к Родине.

В своей работе я использую методику интегрированного преподавания различных дисциплин, в данном случае. ногайского и русского языков. Интеграция предметов не просто соединение разных частей, а объединение их в одно целое на основе общего подхода. Различны принципы и формы интегрированных уроков. Мир един, он пронизан бесчисленными внутренними связями, нельзя затронуть ни одного, важного вопроса, не задев при этом и множество других. В этом случае требуется сравнение, сопоставление, а это основание для интеграции. Общеизвестно, что порой успешное изучение школьниками одного предмета зависит от наличия у них определенных знаний и умений по другим предметам. Это касается изучения и русского, и ногайского языков, знания по тому и другому дополняют друг друга. Учителям русского и ногайского языков необходимо выявлять такие поля взаимодествия, которые сближают перспективные цели обучения. Уровень проведения интеграции проявляется в деятельности учащихся, они сами начинают сопоставлять факты, суждения об одних и тех же явлениях, устанавливать связи и закономерности между ними, применяют совместно выработанные учебные умения. В этот момент важно понять, что мыслить, работать самостоятельно становится внутренней потребностью ученика. Это одно из обязательных и основных требований интегрированного преподавания ногайского языки и литературы с русским языком и литературой, потому что интеграция неизбежно расширяет тематику, вызывает необходимость более глубокого анализа.

В Нефтекумском районе Ставропольского края действует комплексная программа развития национального двуязычия. Основные цели Программы:

— создание необходимых условий для качественного изучения родного языка;
— обновление содержания образования в соответствии с современными задачами;
— осуществление конкретных мер по материально-техническому обеспечению общеобразовательных школ;
— коренное обновление содержания и методов работы по патриотическому воспитанию молодежи;
— создание в общеобразовательных учреждениях условий для изучения родного языка, истории, культуры, традиций;
— организация цикла лекций и бесед по истории, культуре народностей Нефтекумского района;
— трансляция передач на языках народов, населяющих Нефтекумский район;
— проведение практических семинаров учителей ногайского языка в общеобразовательных учреждениях района;
— активизация деятельности учреждений культуры в селах по развитию национальной культуры, традиций;
— проведение ежегодного районного фестиваля народного творчества;
— обеспечение образовательных учреждений учебниками, учебно-наглядными пособиями, словарями, справочниками, художественной литературой;
— проведение олимпиад по ногайскому языку под девизом «Изучай и знай свой язык родной»;
— обобщение и распространение опыта передовых учителей ногайского языка и литературы;
— организация сбора материалов для создания школьных музеев и уголков в общеобразовательных учреждениях и культурных центрах;

Организация работы по изучению родного языка в населенных пунктах, где компактно проживают ногайцы, дает повод задуматься, все ли делается в Нефтекумском районе для изучения и сохранения ногайского языка? Во-первых, школы не обеспечены учебниками, обучение ведется по учебникам выпуска 80-х годов 20 века, нет новых программ, стандартов, в штатном расписании нет должности методиста, который курирует вопросы преподавания родных языков, учителя не повышают квалификацию со дня окончания учебного заведения и др.

Многонациональной российской школе предстоит проявить свое значение в деле сохранения и развития русского и родного языков. В разных условиях учителя делают одно большое дело, решая различные проблемы, преодолевая трудности. Среди учителей ногайского языка много действительно достойных, талантливых, интересных людей, самоотверженных творцов и организаторов педагогической работы, они по- настоящему любят своих учеников, помогают родителям формировать у воспитанников лучшие качества россиян. Все мы убеждены в важности и необходимости сохранения обычаев и традиций, культуры и языка. И эти убеждения прививаем подрастающему поколению, которому предстоит быть толерантными, целеустремленными, творческими, любящими свой народ, малую родину и Россию.

ЭСЕНАЛИЕВА И. Б.

МОУ «СОШ № 5, с. Балахоновское»
с. Балахоновское, Ставропольский край, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НА ЗАНЯТИЯХ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КУРСА

В докладе Международной Комиссии ЮНЕСКО о глобальных стратегиях развития образования XXI века отмечено, что человек, получая образование, должен осознать свои корни и тем самым мог определить свое место в мире и, с другой стороны, — образование

способствует привитию уважения к другим языкам и культурам. Каждый народ создает свою особую материальную культуру: дома, пищу, одежду, орудия труда в соответствии с условиями жизни, у каждого свои национальные виды искусства, свой язык и другие средства общения. У каждого народа есть своя система образования, воспитания и передачи национальных ценностей, традиций и ритуалов, выражающих взгляды и верования.

Более 100 национальностей и народностей проживают на огромной территории РФ, составившей на рубеже XX—XXI вв. 1/8 часть земной суши. При таком этническом многообразии актуален вопрос о необходимости формирования этнокультурной компетентности и развития этнокультурной терпимости. В условиях монокультурного и поликонфессионального российского общества, этнокультурное образование и воспитание способствуют пониманию представителей других культур и народов, урегулированию конфликтных ситуаций, а также становятся основой для межнационального и межэтнического общения граждан Российской Федерации как внутри государства, так и за ее пределами. Данная проблема является более актуальной и в связи с геополитическим расположением нашего региона. Кавказ – территория древнейшей культуры, тонкая и изящная кайма между цивилизациями Востока и Запада. Говоря о Кавказе, многие вспомнят снежные горы и теплое море, прекрасные песни и танцы, но еще одной важной составляющей является то, что именно на Кавказе проживает большое количество людей разных традиций. В связи с этим остро встает вопрос о необходимости сближения и взаимопонимания детей разных национальностей, формирование толерантной позиции учеников в условиях межкультурного диалога. В практике преподавания слабо учитываются возможности региональной, локальной истории в формировании межэтнической толерантности. Не случайно историки отмечают, что, «...на региональном уровне внимание должно быть сосредоточено на особенностях местных этносов, их внутренних связях, взаимодействии и взаимообогащении. Региональный компонент исторического образования нацелен на обогащение школьника знаниями, и на привитие ему толерантного, уважительного, внимательного отношения к этносам, а в некоторых случаях – и на идентификацию себя с этносом».

В связи с этим перед школой стоит задача не только обучения, но и воспитания личности, которая способна ориентироваться в сложнейших и противоречивых условиях современной общественной, политической и экономической действительности, готова к выполнению основных социальных функций, к общественно-преобразующей деятельности со сформированной гражданской позицией. Одной из важных целей школьного гуманитарного регионального компонента является воспитание в детях культуры межнационального общения, национально-исторического патриотизма, понимания и уважения к культуре разных народов.

Изучая программные материалы, можно заметить, что на краеведение в курсе истории России отводится малая часть изучаемого материала, чтобы восполнить данный пробел необходимо составить специализированные курсы краеведческого характера. Мною разработана программа специализированного краеведческого интегрированного курса по истории и культуре народов Северного Кавказа «Истоки познания культуры народов Северного Кавказа сквозь призму веков», на которых выносится проблематика, связанная с этнической историей и культурой народов Северного Кавказа и проводится углубленное изучение и знакомство детей с обычаями, традициями, обрядами разных народов, изучение их исторических корней. Прежде всего, обращается внимание школьников на то, что признание «другого» (человека, мнения, идеи) состоит в осознании права — быть «другим», отличным, особым. Развивается умение видеть и понимать «другое/другого»; способность смотреть на мир одновременно с двух точек зрения: «другой» и собственной. Следующим важным моментом является то, что формирование толерантной позиции детей и подростков наиболее эффективно в условиях межкультурного диалога ровесников.

Практика изучения истории родного края (краеведения) показала, что учащиеся с особым интересом воспринимают содержание полученной информации как старыми проверенными методами, так и новыми. Краеведение подразумевает работу в первую очередь практическую, где в паре, на равных условиях должны работать учащийся и учитель. Главным, как ни странно, в этой работе должен быть интерес учащегося, учитель же становится направляющей стороной. Не секрет, что, изучая историю своего края в рамках школьной программы, школьники получают лишь часть знаний, тонкости учащиеся на-

ходят самостоятельно, для этого необходимо найти такие источники получения знаний, которые будут интересны каждой из сторон учебного процесса. Таким источником может стать ученическое исследование, проектная деятельность, компьютерные технологии.

Исследовательская работа подразумевает творческую работу учащегося, направленную на познание окружающего мира, самостоятельность в приобретении знаний и нахождении истины. Исследовательская работа строится на четком понимании исследователем, что необходимо найти, узнать, сопоставить.

Для научно-исследовательской работы определяются формы, которые наиболее подходят в каждом отдельном исследовании. Формами исследования в данном случае были:

— интервью;
— работа в архивах;
— работа в музее;
— исследование исторических находок и документов с описанием;
— работа с фотодокументами;
— анализ и сравнение краеведческих источников;
— составление аналитических диаграмм и схем.

Не секрет, что изучение истории родного края переплетается с историей каждого живущего, с историей родного города, семьи, окружающих людей. В ходе работы дети сами увидели, как переплетается история семьи с историей родного края, с историей страны.

Метод проектов направлен на развитие самостоятельной деятельности учащихся, что немаловажно в изучении истории, а также для воспитания общечеловеческих ценностей. При использовании метода проектов необходимо учитывать специфику выбранных тем-проектов. Особенностью проектного метода в данном случае стало то, что после сбора материала и их анализа учащиеся на конечном этапе работы получили конкретные, «осязаемые» результаты, готовые к внедрению.

Результатом метода проектов может стать:

— выпуск фильма об истории своего народа;
— презентации по темам краеведения;
— альбомы «Традиции моего народа» и т.п.

Важным элементом работы над исследованием и проектом является активный контакт между школой и музеем. Необходимость использования такой работы продиктована самим временем. Посещение музея должно не повторять, а обогащать предмет. Музейная экспозиция, составленная совместно с работником музея способствует особому восприятию темы, достоверной оценке исторической подлинности события или предмета. Именно предмет является объектом всестороннего изучения со стороны музея, именно через предмет как памятник человеческой культуры, музей общается с посетителем. Поэтому одна из задач, решаемая на занятиях, заключается в создании предпосылок и условий для активизации посетителей музеев, в частности, для совершенствования контактов с музейными предметами, для организации восприятия заложенной в них информации.

Там, где ведется самостоятельный поиск новых, оригинальных способов решения исторических проблем, начинается подлинно творческая деятельность учащихся. Учитель в этом случае не передает готовые знания, не учит, а помогает учиться и развиваться, создает такие ситуации, при которых ребенок сам формирует понятие об изучаемом предмете, овладевает способами поисковой творческой деятельности.

На уроках необходимо уделять весомое место воспитанию общей культуры учащихся, толерантности, социального и межнационального согласия. Межнациональное согласие характерно для истории России. Примеры тому — объединение русских княжеств для борьбы с внешними врагами, создание централизованного государства с вхождением в него разных народов со своими религиями, традициями, обычаями и т. д. Апогеем сплоченности народов СССР стала Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Представители более 60 национальностей имеют золотые звезды Героя Советского Союза. Туркмены и казахи, буряты и татары, киргизы и таджики, десятки других народов делили кров и хлеб с миллионами русских, украинцев, белорусов, вынужденных покинуть оккупированные врагом территории. Все народы совместно восстанавливали разрушенное войной народное хозяйство, поднимали целину, строили Байкало-Амурскую магистраль. Росло число межнациональных браков, усиливалась миграция населения на добровольной основе и т. д. Опыт большой, и

есть что из него взять применительно к современности. Для предотвращения межнациональных противоречий в будущей России необходимо, наряду с углублением политических и экономических процессов развития, перестроить и усилить воспитание подрастающего поколения, студенчества в духе межнационального согласия. Внедрение в души и разум учащихся любви к малой родине, уважения к малым народам, а затем и общечеловеческих задач, особенно таких, как сохранение мира на Земле, развитие науки, техники, культуры, обеспечение прав человека, демократии и т. д., так как именно им предстоит завершать строительство демократической России и все это может быть достигнуто только в условиях взаимодействия и взаимопомощи. Существует многообразие культурных ценностей и традиций различных народов, которые являются достижением опыта его исторического развития. Только через диалог с другой культурой можно достичь определенного уровня самопознания, так как при диалогической встрече двух культур каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, одновременно обогащая другую.

---

1. Лебедева П.Г. Специфика работы с музейным предметом в Детском историческом музее // Музей XXI века: мечта и реальность.- С-П.: 1999.
2. Ивашина Н.Н. Методика подготовки выездной экскурсии //Белгородский краеведческий вестник. – Белгород, 2001.

SINAN KURT

ORDU ÜNİVERSİTESİ,
ORDU, Türkiye

TÜRKİYE'DE NOGAYLAR ve NOGAY TÜRKÇESİ ÜZERİNE YAPILAN ÇALIŞMALARIN TESPİTİ DENEMESİ

СИНАН КУРТ

Орду Университета,
г. Орду, Турция

НОГАЙЦЫ В ТУРЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Türkiye'de Nogaylar üzerine yapılan çalışmalar oldukça eskilere dayanır**.** Buna rağmen sayı olarak yeterli ölçüde olduğu söylenemez.

Bu çalışmalar, Ansiklopedi Maddeleri, Türk Dünyası ile ilgili kitap çalışmalarında bölümler, Müstakil makaleler, Lisans, Lisans Üstü akademik çalışmalar ve bu akademik çalışmalara dayanan kitaplar olarak çeşitlenmektedir.

Bu çalışmalarda Nogay tarihi başta olmak üzere özellikle Edige Destanı ve Kırkbatır destanları üzerine yapılan folklorik değerlendirmeler önde gelir.

Bunların yanında Nogay yer adları, şahıs isimleri gibi konuları müstakil olarak ele alan yazılar da bulunmaktadır.

Yine akademik çalışmalar çerçevesinde Nogay Türkçesi Grameri esaslarını ele alan tebliğ, makale ve kitaplar bulunmaktadır.

Çalışmamızda başta elektronik ortam olmak üzere kütüphane ve temin edebildiğimiz eserlerin kaynakçaları esas alınmıştır. Bu kaynaklara girmeyen özel çalışmalara ulaşmamız mümkün olmamıştır.

Daha önce Dilek Ergönenç Akbaba, Türkiye'de Nogayca Çalışmalarına Genel Bir Bakış[1] adıyla benzeri bir makaleyi yayınlamışsa da bu yayından sonra ve bu yayın dışında bulunan çalışmaları da bir araya getirerek ilgililere sunmaya gayret ettik.

Tebliğimizde, bu eserlerden dikkate değer olan birkaç çalışma hakkında açıklayıcı bilgi vererek, yayınların genel bibliyografyası verilmiştir.

Nogay Atasözlerinden Bir kaç Örnek

Künye: ÇAĞATAY, Saadet, *Nogay Atasözlerinden Birkaç Örnek, TDAY Belleten, 1961, s.47, Ankara.*

Çağatay, makalesinde Osmanov'un Nogayca atasözleri kitabından derlediği temasal olarak iyilik-kötülük ve erdem üzerine olan atasözlerine yer vermiştir. Söz konusu atasözlerinin Nogaycanın dil özelliklerini yansıtmasına dikkat etmiştir. Makalenin sonunda, atasözlerinin içinde geçen kelimeleri, fonetik ve morfolojik açıdan kısaca değerlendirmiştir.

Nogay Türkçesinde Hâl Eklerinin Zarf Yapma İşlevi Üzerine

Künye: ATAY, Ayten, *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, Bahar 2001, s.11, TDK, Ankara*

Ayten Atay, Nogay Türkçesinde Hâl Eklerinin Zarf Yapma İşlevi Üzerine başlıklı makalesinde, durum eki ulanmış ve kalıplaşarak zarf işlevi kazanmış Nogayca sözcüklere örnekler getirmektedir. isim çekim ekleri ulanmış kimi sözcüklerin yeni anlam kazanması Genel Türkçede görülen bir özelliktir. Atay, her durum eki için bir kalıplaşma örneği verirken, diğer Türk dillerindeki benzer biçimleri de göstermiştir. Ancak kaynakçasında, yurtdışında yayımlanmış bilimsel makale ya da eser bulunmamaktadır.

Nogay Türkçesinde İsim Çekim (Hâl) Ekleri

Nogay Türkçesinde İsim Çekim (Hâl) Ekleri makalesinde Nogaycada işletme eklerini ve işlevlerini incelemiş, çokluk ve soru ekini de ele almıştır.

Künye: GÜLLÜDAĞ, Nesrin, *Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, Bahar – 2002, s.13, TDK, Ankara.*

Nogay Türkçesi veya Nogayca

Künye: EREN, Hasan, *Nogay Türkçesi veya Nogayca, Türk Ansiklopedisi,C.XXII, s.311, Ankara.*

Hasan Eren, Türk ansiklopedisinin 22. cildinde Nogay Türkçesi veya Nogayca başlığıyla, Çağdaş Türk dillerini nasıl isimlendirmek gerektiği konusundaki farklı görüşlere gönderme yaptığı maddede, bu dili ana hatlarıyla tanıtmıştır.

Nogay Türkçesi ve Türkiye Türkçesi Arasındaki Yalancı Eş Değerler

Künye: AKBABA, D.E. *Bahsedilen çalışma Türk dil kurumu tarafından yürütülen bir proje olup, proje başkanları Ahmet B. Ercilasun-Leyla Karahan-Ş. Haluk Akalın ve M. Fatih Kirişçioğlu olup çalışmadaki Nogay Türkçesi ile ilgili malzemeyi hazırlayan Enver Mahmut'tur. Ankara.*

Nogay Türkçesi ve Türkiye Türkçesi Arasındaki Yalancı Eş Değerler adlı makalede, bu iki lehçe arasında ortak kökene dayanan, ancak anlam kaymasına uğramış sözcükler ele alınmıştır. Nogayca 9 eserden taranan kelimeler Türkçe kökenli ve alıntı olmak üzer iki gruba ayrılmış, alfabetik olarak dizilip; Eski Türkçedeki ya da kaynak dildeki biçimiyle birlikte verilmiştir. Ayrıca diğer Türk dilleri için yapılan benzer çalışmalar da zikredilmiştir.

Nogay Türkçesinde yat- Yardımcı Fiilinin Kip ve Tasvir Fiili Olarak Kullanılışı

Künye: AKBABA, D.E. *Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi (Özel Sayı), (2007b), Ankara.*

Bu makale, -A/-y ve –(I)p zarf fiil ekli asıl fiillerle birleşerek tasvir fiili olarak kullanılan ve bunun yanı sıra şimdiki zaman kipi de oluşturan yat- fiilini konu edinir.

Nogay Türkçesi Grameri

Künye: ERGÖNENÇ AKBABA, Dilek, *Nogay Türkçesi Grameri, Grafiker Yayınları, 2009, Ankara.*

Ergönenç'in Türk Lehçeleri Grameri'nde yer alan çalışması Nogay Türkçesinin gramer özelliklerini içerir. Makale; sırasıyla Giriş, Nogay Türkçesi Transkripsiyon Alfabesi, Ses Bilgisi, Yapım Ekleri, İsim, Sıfat, Zamir, Zarf, Fiil, Edat, Nogay Türkçesi Metinleri ve Kaynaklar olmak üzere 12 ana bölümden oluşmaktadır. Her bölüm çeşitli alt başlıklara ayrılmıştır.

Nogay Türklerinde Kişi Adları

Künye: AKBABA, D.E., *Nogay Türklerinde Kişi Adları, Dil Araştırmaları Dergisi, Sayı:10, Bahar 2012, s.99-122, Ankara.*

Ad verme, eski Türklerden beri Türk toplumunda önem verilen bir gelenektir. Günümüzde Aral ve Hazar grubu Türklerinden olan Nogay Türklerinde çocuğa ad verme toy yapılarak kullanılan bir olaydır. Bu çalışmada Nogay Türklerinde kullanılan adlar hem şekil olarak incelenmiş hem de ad vermede etkili olan anlam özelliklerine göre sınıflandırılmıştır.

Nogay Türklerinde Ölümle İlgili İnançlar ve Ağıtlar

Künye: AKBABA, D.E. *"Nogay Türklerinde Ölüm İle İlgili Dini İnançlar ve Ağıtlar", Milli Folklor, s.80, 2008, s.77-84, Ankara.*

Nogay Türklerinde ölüm töreni, çeşitli geleneklerin yerine getirildiği önemli bir törendir. Ölümden sonra ölenin yakınları üzüntülerini, feryatlarını ağıtlarla dile getirirler. Bu çalışmada Nogay Türklerinde

ölüm ile ilgili inançlar incelenmiştir. Nogay Türkleri ağıtlara "bozlav" demektedirler. Anadolu'da söylenen bozlavlar ile Nogay Türklerinin söylediği bozlavlar kelime olarak aynı kökten gelmektedir. Bu çalışmada Nogay Türkçesi ile yazılan bozlavlarda tespit edilmiş ve Türkiye Türkçesine aktarılmıştır.

Nogay Türkçesinin Söz Varlığındaki Divanu Lugati't-Türk Kaynaklı Oğuzca Kelimeler

Künye: *YILDIZ, Mustafa., ''Nogay Türkçesinin Söz Varlığındaki Divanu Lugati't-Türk Kaynaklı Oğuzca Kelimeler", Konya Selçuk Üniversitesi, Çağdaş Türk Lehçeleri Bölümü, Turkish Studies, V. 4/3 Spring 2009, s.2322-2336. Konya*

Mustafa Yıldız, Nogay Türkçesinin Söz Varlığındaki Divanu Lugati't-Türk Kaynaklı Oğuzca Kelimeler adlı makalede Divanu Lugati't-Türk'te Oğuzca olarak kaydedilmiş bugün Nogayca sözlükte yaşadığını tespit ettiği kelimeleri sunmuştur.

Nogay Edebiyatının Tarihi Seyri

Künye: *GÜLLÜDAĞ, Nesrin., ''Nogay Edebiyatının Tarihi Seyri", Karadeniz Araştırmaları, 2004, Cilt I, Sayı I, 58-81, Ankara.*

Bu makalede Nogay Türklerinin tarih serüveni içerisinde işledikleri edebiyat ele alınmıştır. Ayrıca makalede Nogay Türklerinin tarihi de işlenmiştir. Nogay Türklerinin etnik yapıları, dilleri ayrıntılı bir biçimde makaleye konu olmuştur. Rus istilası sonucu bir kısım Nogay Türkü asimile olmuş bir kısmı ise göç etmek zorunda kalmıştır. Bu göç sonucunda oluşan etkileşim makalenin konusunu oluşturmaktadır.

Kafkasya'daki Nogay Tatarlarının Etno-Politik Durumları Üzerine Sosyolojik Bir Analiz

Künye*: TAVKUL, Ufuk., ''Kafkasya'daki Nogay Tatarlarının Etno-Politik Durumları Üzerine Sosyolojik Br Analiz". Kırım Dergisi 11(41 – 44), 38 – 46, 2003*

Nogayların göç sahalarının geniş bir coğrafyaya yayıldığı bilinmektedir. Doğuda Altay dağları bölgesinden batıda Tuna nehri havzasına kadar uzanan geniş bir alan Nogayların göç sahasını oluşturmaktaydı. Nogayların esas kitlesi İdil ırmağının doğusunda, Yayık ve Emba ırmaklarının civarlarında yaşamaktaydı ve bunların bir kısmı daha doğuda Sır-Derya'ya kadar uzanırlardı. Nogay kabilelerinden yedisi "*Şırın*, *Arın*, *Kıpçak*, *Argun*, *Alçın*, *Katay* ve *Mangıt*" Yedisan adıyla biliniyorlardı. Kazan Hanlığı'nın Ruslar tarafından ele geçirilmesine kadar Nogay kabilelerinin göç sahasının kuzeyde Kama ırmağına kadar uzandığı bilinmektedir. Makalede bu ve bunun gibi bir çok etno politik incelemeler bulunmaktadır.

Nogay Destanlarında At Motifi

Künye: *KALENDEOĞLU, İhsan., Nogay Destanlarında At Motifi, Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, Bahar, 2006(55 – 76), Ankara.*

Tarihin bilinmeyen dönemlerinden günümüze kadar çok eski bir geçmişe sahip olan Türk milletinin hayatında, destanların büyük önemi vardır. Türk milleti yaşadığı coğrafyanın etkilerini içine alan, atlı göçebe kültürün de izlerini taşıyarak farklı dönemlerde birçok destan oluşturmuştur. Her Türk boyu kendi kültürünün etkisiyle farklı destanlar ortaya çıkarmıştır. Bu Türk boylarından birisi de Nogay Türkleridir. Yüzyıllar geçtikçe şartlara bağlı olarak destanlardaki hedefler, destanların konuları, kahramanları, coğrafî çevreleri de değişmiştir. Destanlardaki olağanüstü olaylar ve kullanılan birçok motif anlatıma canlılık ve heyecan katmıştır. Bunların en önemlilerinden birisi at motifidir. Atlı göçebe kültür olarak tarif edilen ilk dönemden başlamak üzere at, Türk toplumunun hayatının birçok döneminde yardımcısı olmuş ve destanların birçoğunda kahramandan sonra en sık bahsedilen motif olmuştur.

Türkiye'deki Kırım Tatar Ve Nogay Köy Yerleşimleri

Künye: *KIRIMLI, Hakan. Türkiye'deki Kırım Tatar ve Nogay Köy Yerleşimleri, Tarih Vakfi Yurt Yayınları, 2012, Ankara*

Kitap Teşekkür, Önsöz ve Metodoloji başlıklarının altında açıklamaların yer aldığı giriş mahiyeti taşıyan üç kısımla başlamakla birlikte; Birinci Bölüm: Türkiyede'ki Kırım Tatar ve Nogay Köy Yerleşimleri, İkinci Bölüm: Türkiye'deki Kırım Tatar ve Nogayların Yaşadığı Köyler adlı iki bölümden meydana gelmektedir. İki sayfalık önsözün içinde önce son iki yüz elli yıllık zamanın içinde Osmanlı Devleti'ne ve onun mirasçısı olan Türkiye Cumhuriyeti Devleti'ne dört bir taraftan gelen göç dalgalarının sebebine değinmiş ve bu göç dalgalarının içinde en kalabalık topluluklar arasında Kırım Hanlığı'nın halkı olan Kırım Tatarları ile Nogayların yer almasından bahsetmiştir. "Kırım Tatarlarının ve Nogayların yaşamış oldukları köylerin tespiti, bu toplulukların geçmişteki ve bugünkü dağılımını da hiç değilse kaba hatlarıyla ortaya koyabilecektir. Elinizdeki kitap bu ihtiyacı bir ölçüde olsun karşılayabilmek maksadıyla kaleme alınmıştır. Burada öncelikle, Kırım Tatarlarının ve Nogayların günümüz Türkiyesinde yaşadığı köylerin hangileri olduğu belirlenmeye çalışılmıştır. Neredeyse bütün Türkiye coğrafyasına yayılmış olan bu tür köylerin genel yapısının ve özelliklerinin analizi bu kitabın giriş bölümünü teşkil etmektedir. Bu kısımda hangi toplulukların Kırım Tatarı ve Nogay olarak adlandırılması gerektiği sorunu ve genel olarak iskân süreci ele alınmıştır."

Nogay Türkçesinde Kip Pekiştiricisi: Tağı / Tağa ·

Künye: *ERGÖNENÇ, D.E , "Nogay Türkçesinde Kip Pekiştiricisi: Tağı/Tağa", V. Uluslar Arası Türk Dili Kurultayı Bildirileri, Türk Dil Kurumu, Ankara, C.I, s. 963-974.*

Eski Türkçeden beri tarihî ve bugünkü yazı dillerinin hepsinde kiplerin anlamını kuvvetlendirmek üzere ek veya edat şeklinde birtakım unsurlardan faydalanılmaktadır. Nogay Türkçesinde de kip pekiştiricisi olan ve kullanıldığı yere göre kiplere değişik anlamlar katan çeşitli ek ve edatlar vardır. Bu tür ekler Nogay Türkçesi gramerlerinde "edat" olarak geçmektedir. "Tağı / tağa", aslında Eski Türkçeden bugüne kadar Türkçenin her döneminde işlek olarak kullanılmış "taÀı/ daÀı/ da?ı/ dagı" bağlama ve pekiştirme edatıdır. Ancak bu edat Nogay Türkçesinde diğer birçok yazı dilinden farklı bir şekilde, "kip pekiştiricisi" olarak da kullanılmaktadır

Nogay Türkçesi ve Türkiye Türkçesi deki Cümlelerin Bağlanma Şekilleri Bakımından Karşılaştırılması

Künye: *AKBABA, D.E., Prof. Dr. Leylâ Karahan Armağanı, Akçağ Yayınları, Ankara 2013, s. 113-131.*

Türkçede cümle çeşitleri konusunda terim ve sınıflandırma farklılıkları, hem Türkiye Türkçesinde hem de diğer Türk lehçelerinde devam eden bir problemdir. Türkiye Türkçesi gramerlerinde bu konu, çeşitli şekillerde ele alınmıştır ve alınmaya devam edilmektedir. Bağlanma şekilleri konusu, Türkiye Türkçesi gramerlerinde şimdiye kadar, yapı bakımından cümle çeşitleri başlığı altında incelenmiştir. Bu çalışmada öncelikle Türkiye Türkçesi ve Nogay Türkçesi gramerlerinde, cümlelerin bağlanma şekilleri konusunda kullanılan yöntem ve sınıflandırmalar ele alınmış, daha sonra her iki Türk lehçesindeki cümlelerin bağlanma şekilleri, Prof. Dr. Leylâ Karahan'ın 2004 yılında genişletilmiş baskıyla yayımladığı "Türkçede Söz Dizimi" adlı çalışması esas alınarak incelenmiştir.

Evliya Çelebi Seyahatnamesi'nde Nogaylar

Künye: *BAŞER, Alper. Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi, XI/2 (Kış 2011), s.117-128*

17. yüzyılın ünlü seyyahı Evliya Çelebi'nin bilgi verdiği topluluklar arasında Nogaylar da bulunmaktadır. Evliya, Seyahatnamesi'nde Tuna'dan Hazar kıyılarına uzanan bir coğrafyada yaşayan Nogayların siyasi, sosyal ve kültürel hayatları hakkında önemli bilgiler vermiştir. Bu bilgilerden özellikle Kalmuk-Nogay ve Çerkez toplulukları arasındaki ilişkiler, Nogayların Kalmuk istilasıyla yaşadıkları siyasi, toplumsal ve coğrafi değişimlerle ilgili olanları özel bir öneme sahiptir. Bu çalışmada Evliya Çelebi'nin Seyahatnamesi'nden hareketle 17. yüzyılın ikinci yarısındaki Nogay toplumu incelenmiştir.

YÜKSEK LİSANS VE DOKTORA TEZLERİ

Nogay Türkçesi Grameri

Künye : *GÜLLÜDAĞ, Nesrin, Fırat Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı, Yüksek Lisans Tezi, 1998, Elazığ.*

Bu çalışmada çoğunluğu Kuzey Kafkasya'da yaşayan Nogay Türkleri hakkındadır. Giriş kısmında Nogayların tarihi, yaşadıkları coğrafya, adet ve inanışları, eğitim durumları ve dilleri hakkında bilgi verilmiştir. Ardından Nogay Türkçesi'nin gramer özellikleri mevcut metinlerden hareketle üç bölüm halinde incelenmiştir.

Birinci bölümde Nogay Türkçesi'nin ses(fonetik), ikinci bölümde şekil (morfolojik) hususiyetleri ele alınmıştır. Üçüncü bölümde ise Nogay Türkçesi'nin sözdizimi (sentaks) incelenmiştir. Gramer özellikleri açıklanırken yararlanılan etinler, Latin harflerine aktarılmış olarak, çalışmamızın sonunda verilmiştir. Metinlerin anlaşılmasında kolaylık sağlamak için bir de sözlük eklenmiştir.

Böylece Nogaylar ve Nogay Türkçesi hakkında ilk kez akademik bir çalışma hazırlanmıştır.

Paşadağı Bölgesi Nogay Ağzı

Künye: *ATEŞ, Özlem, Paşadağı Bölgesi Nogay Ağzı, Selçuk Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Ortaöğretim Sosyal Alanlar Eğitimi Anabilim Dalı, Türk Dili ve Edebiyatı Öğretmenliği Bilim Dalı, Yüksek Lisans Tezi, 2004, Konya.*

Türkiye'de Türkiye Türkçesinin dışında, değişik zamanlarda Türkiye'ye göç etmiş farklı Türk topluluklarının konuştuğu Türk lehçeleri de bulunmaktadır. Bu lehçelerden biri de Paşa dağı bölgesinde konuşulmakta olan Nogaycadır. 1860 yılında Anadolu'ya göç eden Nogayların bir kısmı Konya'nın Kulu ve Ankara'nın Şereflikoçhisar ilçeleri arasında kalan Paşa dağı bölgesine yerleştirilmişlerdir. Yaklaşık yüz elli yıldır bu bölgede yaşayan Nogayların ağız özelliklerini belirlemek için, Konya'nın Kulu ilçesine bağlı, Köstendil, Mandıra, ve Ankara'nın Şereflikoçhisar ilçesine bağlı, Akın ve Doğan kaya köylerinden derlemeler yapılmış.Bu derlemeler üzerine yapılmış incelemelerde Paşa dağı Nogaylarının ağız özelliklerini, Türkiye Türkçesi ile ayrılan yönlerini ve Türkiye Türkçesinin ağız üzerindeki etkileri tespit edilmeye çalışıldı.

Nogay Masalları

Künye *: IŞIK, Murat, Nogay Masalları, Gazi Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Türk Dili Ve Edebiyatı Ana Bilim Dalı, Türk Halk Edebiyatı Bilim Dalı, Yüksek Lisans Tezi, 2010, Ankara*

Bu çalışmada, Nogay Türklerine ait orijinal masal metinlerinden hareketle Nogay masallarının yapısı ve içeriği incelenmiştir. Öncelikle Nogaylar ve Nogay masalları genel olarak değerlendirilmiştir. Sonra bu masallarda yer alan kahramanlar, motifler, nesneler, mekanlar, temalar ekseninde Nogay masal anlayışı ortaya konulmaya çalışılmıştır. Ayrıca, evrensel masal tasniflerinden yararlanılarak eldeki masalların tasnifi ve tahlili yapılmıştır. Üzerinde çalışılan masal metinleri, Türkiye Türkçesi'ndeki varyantları ile karşılaştırılmış ve metinlerdeki değişmeler tespit edilmiştir. Son bölümde, elde edilen Nogay masallarına ait metinlerin transkripsiyonu yapılmış ve bu metinler Türkiye Türkçesi'ne aktarılmıştır.

Kazak, Nogay Ve Kırım Çöl Türkçesi'ndeki Atasözleri Ve Bunların Şive Ve Ağız Yönünden Değerlendirilmesi

Künye: *DOĞAN,* Noyan, *"Oğuz, Kazak, Nogay ve Kırım Çöl Türkçesi'ndeki Atasözleri ve Bunların Şive ve Ağız Yönünden Değerlendirilmesi", İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yeni Türk Dili Anabilim Dalı, Yüksek Lisans Tezi, 1996, İstanbul.*

Bu çalışmanın hazırlanmasında dil ve edebiyat dünyasına kazandırılması ümit edilen faydanın yanında, yıllarca birbirlerinden tamamen ayrı milletlermiş gibi zihinlere yerleştirilmeye çalışılmış bu üç Türk topluluğunun hakikatte yalnızca tek bir boy olduğunu gün ışığına çıkarmaya gaye edinilmiştir. Aralarındaki 5000 kilometreyi aşkın bir coğrafi mesafe ve asırlar boyu devam eden kültür kopukluğuna rağmen, bu üç Türk topluluğunun aynı şiveyi konuştuğunu izah edebilmek için metin olarak atasözleri seçilmiş. Çünkü atasözleri, şekilleri mümkün oldukça kalıplaşmış, halk hafızasında yaşayan akıl sözleridir**.**

Nogaylar, Nogay Göçleri Ve Türkiye'deki İskânları

Künye: *DERİN PAŞAOĞLU, Derya, Nogaylar, Nogay Göçleri ve Türkiye'deki İskânları, Gazi Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Tarih Anabilim Dalı, Doktora Tezi, 2009, Ankara.*

Rusya'nın, 1552'de Kazan'ı ve 1556'da Astrahan'ı hakimiyeti altına alması, Türk dünyası aleyhine genişleme politikasında dönüm noktası olmuştur. 1774 Osmanlı-Rus savaşı sonrası Kırım'ın Rus hakimiyetine geçmesiyle, binlerce aile Osmanlı topraklarına göç etmek zorunda kalmıştır. Rusların, Kırım'da kolonileştirme programını uygulamaya başlamasıyla, 1810-1827 yılları arasında muhtelif büyüklükte göçler olmuşsa da özellikle Kırım Savaşı'nın sonlarına doğru Kırım'da, Rusların kendilerini Kazan'a gönderecekleri fikri yayılınca, 16 bin Kırımlı göç etmiş ve Dobruca'ya yerleştirilmiştir.

Göç hareketinin tam durduğu düşünülürken, 1859'da Şeyh Şamil'in teslim olmasıyla 16 bin kadar Nogay, Kerç ve Kefe üzerinden Osmanlı topraklarına geçmek üzere Kırım'a girmiştir. Kışı burada geçiren Nogaylar, Kırımlıları da etkilemiş, yeni bir göç dalgası başlatmışlardır. 1860-1862 yılları arasında Rus makamlarına göre pasaport alanların sayısı 227.361'dir. 19 Şubat 1862'ye kadar Osmanlı topraklarına ulaşan muhacirlerden iskanı gerçekleşenler 255.414'dür. 1859'da yüz binlerce Nogay ve Kafkas muhaciri Osmanlı sınırına dayanınca, göçmen işlerini yapmak üzere 5 Ocak 1860'da "Muhacir Komisyonu" kurulmuştur. Karadeniz'in kuzeyindeki, Kerç, Kefe gibi limanlarda aylarca bekleyerek, bulabildikleri gemilerle, tehlikeli yolculukların ardından Osmanlı topraklarına ulaşabilen Nogaylar, kışın geldikleri için iskan edilemeyip, geçici iskan yerlerine yerleştirilmişlerdir. Muhacirlere, yevmiye verilmiş, navlun ve araba ücretleri ödenmiş, evleri inşa edilmiştir. Ekebilecekleri araziler verilip, öküz, tohum ve inek temin edilmiştir. Halkın yardımlarına rağmen, ekonomik sıkıntılar nedeniyle zor duruma düşen Nogaylar'dan geri dönmek isteyenler olmuştur. 423 Toplamda 64.892'yi bulan Nogay muhacirlerinin, iskan edilecekleri yerleri, boş olan arazilerden kendilerinin seçmelerine, akraba ve kabileleriyle birlikte iskan edilme isteklerine izin verilmiştir. En fazla iskan 24.405 kişi ile Adana'da yapılırken, 15.364 kişi Konya'da, 7.265 kişi Ankara'da ve 4.945 kişi Dobruca'da iskan edilmiştir.

Nogay Türkçesi Grameri

Künye: *ATAY, Ayten, Nogay Türkçesi Grameri, Erciyes Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Doktora Tezi, 1998, Kayseri.*

Bu çalışma,; Giriş, Ses Bilgisi (Fonetik), Şekil Bilgisi (Morfoloji), Cümle Bilgisi (Sentaks), Sözlük ve Metin Örnekleri bölümünden oluşmaktadır.

Giriş bölümünde ilk olarak Nogay adının nereden geldiği belirtildi. Nogay Türklerinin etnik yapısı, tarihleri anlatıldı. Nogay Türklerinin bugünkü yaşadıkları yerler bir haritayla gösterildi. Nüfusları, edebiyatları, tarih içinde kullandıkları farklı alfabeler, bu şivenin Türk Dili dilindeki yeri gibi konular ele alındı.

Ses Bilgisinde, Nogay Türkçesinin ses özellikleri, tarihi ve yaşayan diğer Türk şiveleriyle özellikle Türkiye Türkçesi ve Anadolu ve Rumeli ağızlarıyla yer yer mukâyese edilerek belirtilmiştir.

KİTAPLAR

Nogay Türkçesi Grameri

Künye: *ERGÖNENÇ AKBABA, Dilek, Nogay Türkçesi Grameri, Grafiker Yayınları, 2009, Ankara.*

Bu eser sadece bir dil çalışması olarak kalmayıp aynı zamanda Nogayları da yakından tanımamızı sağlıyor ve her Türk topluluğu gibi büyük bir mazinin içinden gelen bu milletin günümüzdeki varlığını bize yakından hissettiriyor. Eser en ince ayrıntıya kadar incelenmiş ses ve şekil özellikleri ile gramer yönünden sağlam bir yapıya sahip olarak Kafkasya ve Kafkasya halkları üzerinde yapılmış çalışmalar arasında kendini gösteriyor.

Nogaylar

Künye: *ALPARGU, Mehmet, Nogaylar,Değişim Yayınları, İstanbul, 2007.*

Bulgaristan, Romanya, Türkiye, Macaristan, Litvanya, Kazakistan, Kırgızistan, Ukrayna ile Rusya Federasyonu içinde yer alan bölümün özellikle Terek ve Kuma nehirleri arasıdaki bölge ile Perekop şehri yakınında yoğun bir biçimde yaşadığı görülmektedir. Bunun yanında Çeçen-İnguş ve Karaçay-Çerkes Cumhuriteylerinde de önemli ölçüde Nogay yerleşimi olduğu bilinmektedir.

Güçlü oldukları devrelerde bölgelerinde etkin bir siyasi konuma sahip bulundukları kaynaklarının incelenmesinden anlaşılmakta olan Nogaylar, tarihi süreç içerisinde birliklerini koruyamamış ve bulundukları alanın önemi dolayısıyla siyasi ve askeri mücadelenin odağında yer almışlar, bölgedeki çeşitli güçler tarafından kendilerine baskılar yapılmış, zaman zaman göç etmeye zorlanmış, katliamlara maruz kalmış ve ekonomik zorluklar nedeniyle de sürekli olarak sıkıntılara uğramışlardır. Kültürel yapıları da bu zorluk ve sıkıntılardan siyasal yönden olduğu gibi etkilenmiştir.»

Türkiye'deki Kırım Tatar Ve Nogay Köy Yerleşmeleri

Künye: *KIRIMLI,Hakan, Türkiye'deki Kırım Tatar ve Nogay Köy Yerleşmeleri, İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2012.*

Osmanlı Devleti ve Türkiye Cumhuriyeti'nde, Kırım Tatar ve Nogay muhacirler büyük ölçüde köylere iskân edildiler. Öte yandan, şehir ve kasabalara da muhacirler yerleştirildiği gibi, köylere iskân edilenlerin veya onların soyundan gelenlerin pek çoğu da zaman içinde şehirlere taşındı. Hakan Kırımlı'nın tüm Türkiye coğrafyasını kapsayan elinizdeki çalışması, Kırım Tatarlarının ve Nogayların yaşamış oldukları köyleri, bu toplulukların geçmişteki ve bugünkü dağılımını ortaya koyuyor. Kırım Tatarlarının ve Nogayların günümüz Türkiye'sinde yaşadığı köylerin hangileri olduğunu belirleyen Kırımlı, neredeyse bütün Türkiye coğrafyasına yayılmış olan bu köylerin genel yapısını ve özelliklerini inceliyor. Çalışmanın ilk kısmında, hangi toplulukların Kırım Tatarı veya Nogay olarak adlandırılması gerektiği sorunu ile genel olarak göç ve iskân süreci ele alınıyor. Kitabın ikinci kısmında ise bahsedilen köylerin tarihî, etnografik, kültürel ve sosyal profilleri müstakil olarak sunuluyor.

Kazak ve Nogay Türkçesi Yazı Dillerinde Tasvir Fiilleri

Künye: *ERGÖNENÇ AKBABA, Dilek, Kazak ve Nogay Türkçesi Yazı Dillerinde Tasvir Fiilleri, Grafiker Yayınları, 2011, Ankara.*

Bu kitapta, Kıpçak lehçelerinde tasvir fiillerinin incelenmesi amaçlanmış; bunun için de bu grubu en iyi temsil eden lehçelerden birbirine yakın iki Kıpçak lehçesi olan Kazak ve Nogay Türkçesi yazı dilleri seçilmiştir. Çalışmada tasvir fiilleri tespit edildikten sonra, bunlar kullanılış ve işlev bakımından karşılaştırmalı olarak incelenmiştir.

ÇALIŞMALARIN GENEL BİBLİYOGRAFYASI

Ahmet Caferoğlu, Kafkasya Türkleri, **Türk Kültürü,** Yıl 4 S. 38, Ankara, Ekim 1976 , s. 73

Alangu, Mehmet, **Nogaylar**, Değişim Yayınları, İstanbul, 2007

Alpargu, Mehmet (1996). "Dünden Bugüne Kafkasya"da Nogaylar". **Tarih Boyunca Balkanlardan Kafkaslara Türk Dünyası Semineri** İstanbul: İ.U. Ed. Fak. Tarih Araştırma Merkezi, 193—?195.

Alpargu,, Mehmet; Nogaylar, **Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi**, C.XXXIII, İstanbul, 2007, s.202-203.

Atay, Ayten, **Nogay Türkçesi Grameri**, Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Basılmamış Doktora Tezi, Kayseri 1998.

Atay, Ayten. Nogay Türkçesinde Hâl Eklerinin Zarf Yapma İşlevi Üzerine (Bahar-2001, S: 11, s. 70-75. ***Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi****), TDK Yay. 2001, Ankara*

Bavbek, Osman, ''Nogay Türkleri'', **Türk Kültürü**, Yıl: XXIV, sayı: 275, TKA Enstitüsü, Ankara, 1980

Çağatay Saadet, Nogaylar ve Dilleri, **Türk Lehçeleri ve Örnekleri**, AÜ. DTCF Yayınları, Ankara, 1992

Çağatay, Saadet, ''Nogay Atasözlerinden Birkaç Örnek'', **TDAY-Belleten 1961**, TDK. Yay. II. Bs., Ankara, 1988.

Çeneli, İ. "Nogay Atasözleri", **Türklük Araştırmaları Dergisi,** İstanbul 1985

Ekrem, Mehmet Ali, Kırım ve Nogay Türkleri'nin Osmanlı Devrinde Dobruca'ya ve Tüm Rumeli'ye Geçmeleri ve Yerleşmeleri, VIII. **Türk Tarih Kongresi Bildirirleri**. Ankara 1983, C.III, s.1602.

Ekrem, Mehmet Ali, Nogay Türklerinde Kız İsteme, Söz Kesme ve Düğün, **IV. Milletlerlerarası**

Türk Halk Kültürü Kongresi Bildirileri, IV. Cilt. Gelenek, Görenek, İnançlar, Ankara 1992, s.91-95;[2]

Eren, Hasan, Nogay Türkçesi veya Nogayca, **Türklük Araştırmaları Dergisi**, c.22, s.311, Ankara.

Ergönenç Akbaba Dilek, **Nogay Türkçesi Grameri**, Grafiker Yayınları, 2009, Ankara.

Ergönenç Akbaba Dilek, **Nogay Türkçesinde Fiil,** Gazi Ünv. Sosyal Bilimler Enstitüsü, Basılmamış Yüksek Lisans Tezi, 1998, Ankara.

Ergönenç Akbaba Dilek, Nogay Türkçesinde Kip Pekiştiricisi: Tağı/Tağa", **V. Uluslar Arası Türk Dili Kurultayı Bildirileri**, Türk Dil Kurumu, Ankara, C.I, s. 963-974.

Ergönenç Akbaba Dilek. "Nogay Türklerinde Ölümle İlgili İnançlar ve Ağıtlar", **Millî Folklor,** S. 80, Ankara, 2008, s. 77-84.

Ergönenç Akbaba Dilek. Nogay Türkçesi ve Türkiye Türkçesi deki Cümlelerin Bağlanma Şekilleri Bakımından Karşılaştırılması, **Prof. Dr. Leylâ Karahan Armağanı**, Akçağ Yayınları, Ankara 2013, s. 113-131.

Ergönenç Akbaba Dilek., "Nogay Türkçesi ve Türkiye Türkçesi Arasındaki Yalancı Eş Değerler", **Bilig**, Yaz 2007, S. 42, 2007.

Ergönenç Akbaba Dilek., Nogay Türkçesinde Yat- Yardımcı Fiilinin Kip ve Tasvir Fiili Olarak Kullanılışı. **Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi**, Özel Sayı(153-161) Ankara, 2007

Ergönenç Akbaba Dilek., Nogay Türklerinde Kişi Adları, **Dil Araştırmaları Dergisi**, Sayı:10, Bahar 2012, s.99-122, Ankara.

Gulludag, Nesrin, Nogay Türkleri, **Türkler,** C. 20, Ankara, 1999

Güllüdağ Nesrin, XX.Yüzyıl Nogay Edip ve Şairleri , I.**Türk Tarihi ve Edebiyatı Kongresi** 11-13 Eylül 1996 Manisa.

Güllüdağ Nesrin, Nogay Türkleri ve Edebiyatı, **Yeni Türkiye (Türk Dünyası Özel Sayısı II),** Yıl 3, S. 16 (Temmuz-Ağustos 1997), s.1989-2002.

Güllüdağ, Nesrin, « Nogay Halk Edebiyatı Üzerine Yapılan Araştırmalar ve Şora Batır» Destanı», **Diriözler Armağanı, Prof. Dr. Meserret Diriöz ve Haydar Ali Diriöz Hatıra Kitabı,** Ankara 2003, s. 415-436

Güllüdağ, Nesrin, «Nogay Edebiyatının Tarihi Seyri», **Karadeniz Araştırmaları**, 2004, cilt 1, sayı: 1, 58-81,

İlmiye M.A., Nogaylar, **Türk Ansiklopedisi** , C.XXV, s.310-311

İlmiye M.A., Nogaylarda Toy, **İpekyolu Uluslar arası Halk Edebiyatı Sempozyumu Bildirileri (**1-7 : Temmuz 1993), Ankara 1995, s.263-266.

İNAN Abdulkadir, Nogaylar, **Türklük Araştırmaları Dergisi** c.25, s.310-311, Ankara.

Kalenderoğlu, İhsan, Nogay Destanlarında At Motifi, **Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi**, TDK Yay. Bahar, Ankara, 2006

Karakoç, Birsel, Kuzey Kafkasya Türk Halklarından Nogaylar: Dil, Edebiyat ve Kültürleri Üzerine, Edebiyat ve Dil Yazıları, **Mustafa İsen'e Armağan**, İstanbul, 2000

Kırımlı, Hakan, **Türkiye'deki Kırım Tatar ve Nogay Köy Yerleşimleri**, Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2012, Ankara.

Mahmud Nedret, Dobruca ve Kuzey Kafkasya Nogaylarının Folkloru Üzerine Genel Bir Bakış**, 3. Milletlerarası Türk Folklor Kongresi Bildirileri**, Ankara 1986, C.1, s.188

Özergin M.K., Çağdaş Türk Dünyasında Nogaylar, **Milli Eğitim Kültür**, C. VII, S.51 Ankara, 1985, s.74.

Saadet Çağatay, Nogaylar ve Dilleri, **Türk Lehçeleri ve Örnekleri**, AÜ. DTCF Yay. Ankara 1992, s.103

Tavkul, U. "Kafkasyadaki Nogay Tatarlarının Etno-Politik Durumları Üzerine Sosyolojik Bir İnceleme", **Kırım Dergisi.** S. 11 , Ankara, 2003.

Temir, Ahmet, Nogay Hanlığı, **Türk Dünyası El Kitabı** I., Ankara 1992, s.435.

Temir, Ahmet.Nogay Hanlığı ve Nogaylar, , **Türk Dünyası El Kitabı**, Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ayyıldız Matbaası A.Ş., Ankara, 1976.

YILDIZ Mustafa, **Nogay Halk Yırları**, S.Ü Sosyal Bilimleri Enstitüsü, (Basılmamış Yüksek Lisans Tezi), Konya -1997

Yıldız, Metin, "Nogay Türkçesi'nin söz varlığındaki Divan-ı Lügati't Türk kaynaklı Oğuzca Kelimeler", **Turkish Studies**, V. 4/3 Spring 2009, s.2322-2336.

1 Ergönenç, Akbaba Dilek Türkiye'de Nogayca Çalışmalarına Genel Bir Bakış, Türklük Bilimi Araştırmaları, 2010

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Altintaş Mustafa, глава администрации района Каратай, г. Кония, Турция. Konya, Türkiye, kaymakamaltintas@hotmail.com

AltiniŞik Yusuf – öğretim görevlisi (emekli), Harran üniversitesi türk dili ve edebiyati bölümü, Şanli Urfa, Türkiye, altinisikyusuf@gmail.com.

Әбділманатқызы Әsemgul – Семей қаласының Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті, Семей қ., Қазақстан, asemgul_abdilmanatkyzy@mail.ru.

Doğan İsmail – Doç. Dr., bölüm başkani, Ordu üniversitesi, Ordu, Türkiye, ismtogan@yahoo.com.

Ergönenç Akbaba Dilek – Doç. Dr., Gazi Üniversitesi, Ankara, Türkiye, akbaba.dilek@gmail.com.

Жорокпаева М. Д. - Мемлекеттік медицина университеті, қазақ және латын тілдері кафедрасының меңгерушісі, Семей қаласы, Казахстан.

Жылқыбаева А. Ш. – Семей қаласы мемлекеттік медицина университетінің қазақ және латын тілдері кафедрасының оқытушысы. г. Семей, Казахстан.

Sinan Kurt – Arş. Gör., Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü TDE Bölümü YL, Ordu, Türkiye, sinan_5878@hotmail.com.

Utaş Cumali Nazim – bilim uzmani, asistan, Ordu üniversitesi, Ordu, Türkiye, cumaliutas@yahoo.com.

Əli Şamil – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Folklor İnstitutu direktorunun Xarici Əlaqələr üzrə müşaviri, Baki, Azerbaycan, alishamil@yahoo.com

Абасова Асият Арсланбековна – преподаватель колледжа №3, г. Белоярск, Ханты-Мансийский автономный округ, Россия.

Агаспаров Йолмамбет Асан-Алиевич – с. Терекли-Мектеб, Дагестан,Россия.

Айбазова (Огурлиева) Елена Сидахметовна – лингвист-тюрколог, г. Черкесск, Россия.

Акбердиева Алтынбийке Умерзаковна – преподаватель школы искусств им. С. Батырова, с. Терекли – Мектеб, Дагестан, Россия, mdilyana93@mail.ru.

Акманбетов Тагир Ажакаевич – фольклорист, с. Терекли – Мектеб, Дагестан, Россия, maga.mago2012@yandex.ru.

Алиева Севиндж Исрафиловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, a.sevemin.i@mail.ru.

Алиева Тамара Казиевна – доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, г. Черкесск, Россия, tamali09@mail.ru.

Ахматова Мариям Ахматовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. Бербекова, г. Нальчик, Россия, mari.ahmatova@yandex.ru.

Аюбова Сафият Аскербиевна – кандидат педагогических наук, доцент Карачаево-Черкесского института повышения квалификации работников образования, г. Черкесск, Россия, faridaayubova@mail.ru.

Байчоров Магомед Русланович – аспирант Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, magomed8787@mail.ru.

Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук, проректор по безотрывным и дистанционным формам обучения Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия, muslim1971@yandex.ru.

Батчаев Али-Мурат Хасанович – кандидат филологических наук, профессор кафедры карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д.Алиева, г. Карачаевск, Россия, ali-murat1@yandex.ru.

Бекизова Лейла Абубекировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Бирабасова Мурзият Аскербиевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, murziyat.birabasova@mail.ru.

Биттирова Тамара Шамшутдиновна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия, tbittir@mail.ru

Борлыкова Босха Халгаевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, Россия, borlboskha@mail.ru.

Боташева Фатима Таубиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом карачаевского и ногайского языков Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, г. Черкесск, Россия.

Булгарова Мария Амербиевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, mbulgarova@yandex.ru.

Викторин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель НИЦ этнополитических исследований Астраханского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Астрахань, Россия, victvic@mail.ru, vignitor@gmail.com.

Гагуа Лейла Ахмедовна – старший преподаватель Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор, Президент АН Чеченской республики, г. Грозный, Россия.

Гимбатова Мадина Багавутдиновна – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия. gimbatova@list.ru.

Грибовськiй Владислав Володимирович – кандидат исторических наук, докторант Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина.

Додуева Аминат Таубиевна – доктор филологических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова, г. Нальчик, Россия, daminat57@mail.ru.

Джазова Мадина Менглибиевна – кандидат филологических наук, г.Санкт-Петербург, Россия.

Есенеева Маржан Харуновна – учитель ногайского языка и литературы СОШ а. Адыге-Хабль, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, eseneeva1953@mail.ru.

Зинеева Заида Залимхановна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, zineeva_zaida@mail.ru.

Идрисов Эльдар Шамигуллович – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Астраханского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Астрахань, Россия, idrisel@mail.ru.

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института народов Кавказа им. имама Шамиля, г. Хасавюрт, Дагестан, Россия, markes06@mail.ru.

Имашева Марина Маратовна – доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, г. Астрахань, Россия, imaschewa@yandex.ru.

Инаркаева Субран Исламовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной и мировой литературы Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия, inarkaeva67@mail.ru.

Ионова Сара Хасанбиевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Ишмухамбетов Рамиль Валитович – аспирант Астраханского государственного университета, г. Астрахань, Россия, ramil_0186@mail.ru.

Казакова Радима Эльмурзовна – магистрант Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, karas009@ mail.ru

Калиева Самал Ерболовна – кандидат филологических наук, и.о. доцента Государственного университета им. Шакарима, г. Семей, Казахстан, samal-1970@mail.ru.

Камалова Кумисхан Сулеймановна – учитель ногайского языка и литературы СОШ им. А.Ш. Джанибекова, с. Терекли-Мектеб, Дагестан, Россия.

Канглиева Мекке Заурбековна – учитель ногайского языка и литературы СОШ им. А.Х. Уракчиева, а. Адиль-Халк, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, svetlana2013@mail.ru.

Капаев Иса Суюнович – Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск, Россия, Isen_07@mail.ru

Капаева Капой Махмудовна – старший преподаватель Карачаево-Черкесского Республиканского института повышения квалификации работников образования, г. Черкесск, Россия.

Капланов Алибек Узбекович – учитель ногайского языка СОШ а. Эдиге, Дагестан, Россия, maga.mago2012@yandex.ru.

Капланова Аминат Исмаиловна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, kaplanova.aminat@mail.ru.

Каракаев Юмав Иманьязович – кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия.

Каракаева Эльмира Юмавовна – аспирант Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия.

Каракетов Мурат Джатдаевич – доктор исторических наук, вед.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, г.Москва, Россия, mdkaraketov@yandex.ru

Карасаев Ганий Мукашевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории государства, г. Астана, Казахстан, karasayev_gm@mail.ru.

Карасова Рабият Алиевна – учитель СОШ а.Кызыл-Тогай Карачаево-Черкесская Республика, Россия, rabijat.karasova@mail.ru

Карданова Ася Хусиновна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Карданова Бэла Баубековна – кандидат искусствоведения, доцент Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, beka-09@yandex.ru.

Каримов Мухтарбек Картыкович – кандидат исторических наук, профессор, директор Научного центра исторических исследований им. Манаша Козыбаева Государственного университета им. Шакарима, г. Семей, Казахстан, karimov_51@mail.ru.

Керейтов Рамазан Хусинович – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Керейтова Фатимат Темиржановна – учитель родного языка и литературы СОШ а.Адиль-Халк, Карачаево-Черкесская Республика, Россия.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала, Россия, daniyal 2006@rambler.ru.

Кипкеева Зарема Борисовна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики (филиал в г.Ставрополе), г. Ставрополь, Россия, zaremakipkeeva@mail.ru.

Кожа Мухтар – доктор исторических наук, профессор Международного казахско-турецкого университета им. Х. Ахмеда Ясави, г. Туркестан, Казахстан, mukhtar_kozha@mail.ru.

Кондратюк Григорий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь, Крымская республика, Россия. kondratjukkipu@gmail.com

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, профессор РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия, tkrasovitskaya@mail.ru.

Кролова Галина Асхадовна – учитель ногайского языка СОШ №1, с. Канглы, Ставропольский край, Россия.

Кудайбердиев Яхья Таймасханович – начальник отдела культуры администрации Ногайского района Республики Дагестан, Заслуженный работник культуры РФ и РД, с. Терекли-Мектеб, Россия.

Кузеева Зухра Залимхановна – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия, kuzeeva-zuhra@mail.ru.

Кукаева Сафият Алиевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, kukaeva5@mail.ru.

Кукуева Наида Магомедовна – учитель ногайского языка и литературы Геметюбинской СОШ, с. Геметюбе, Дагестан, Россия, gemetyubesosh@mail.ru.

Кулжанова Бакытгул Райхановна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Казахского национального университета им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, bahit777@mail.ru.

Курмангулова Шахидат Азаматовна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Курмансеитова Аминат Хасановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, akseit@yandex.ru.

Кусегенова Фания Анварбековна – кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего сектором родных литератур Дагестанского НИИ педагогики им. А. А. Тахо-Годи, г. Махачкала, Россия, faniyak@yandex.ru.

Кыдыралина Жанна Уркинбаевна – доктор исторических наук, первый заместитель директора Института истории государства, г. Астана, Республика Казахстан, kydyralina@mail.ru.

Лиджиева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, Россия, irina-lg@yandex.ru.

Лысенко Юлия Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия, Ljuma78@mail.ru.

Магомаев Ваха Хасаханович – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия.

Магомедов Даниял Магомедович – научный сотрудник Института языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, Россия, rafrus1@yandex.ru.

Магомедов Магомед Ибрагимович – доктор филологических наук, профессор, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, Россия, **rafrus1@yandex.ru.**

Малкондуев Хамид Хашимович – доктор филологических наук, зав.отделом карачаево-балкарской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, г. Нальчик, Россия.

Манышев Сергей Борисович – аспирант Института российской истории РАН, г. Москва, Россия. msergey1990@gmail.com.

Момынова Багдан Катаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой казахской филологии Казахского государственного университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, momynova_b@mail.ru.

Мусаев Ислам Лечиевич – кандидат исторических наук, доцент Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия.

Мусаева Улькер Кязимовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь, Республика Крым, Россия, musaeva_ulker@mail.ru

Нукова (Майлыбаева) Салимет Ахматовна - учитель ногайского языка и литературы Карагасской СОШ им. Кидирниязова, а. Карагас, Дагестан, Россия, msalimet@mail.ru

Омаргазиева Мутлихан Казбековна – учитель СОШ №14 а.Тукуй – Мектеб, Ставропольский край, Россия.

Оразаев Гасан Магомед-Расулович – старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала, Россия, orazaev47@mail.ru.

Панеш Аскербий Дзепшевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашевой, г. Майкоп, Россия, askerpanesh@mail.ru.

Петенина Татьяна Павловна – зав. отделом научной работы филиала Дагестанского государственного объединенного историко-архитектурного музея, г. Махачкала, Россия, lady.petenina@yandex.ru.

Рахаев Джамал Якубович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, г. Москва, Россия, jamal_rv@mail.ru.

Рахно Константин Юрьевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института керамологии – отделения Института народоведения Национальной академии наук Украины, г.Киев, Украина. krakhno@ukr.net.

Романенко Владимир Петрович – кандидат филологических наук, Нижний Архыз, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, rmko.vl@ yandex.ru

Самашев Зайнолла Самашевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана АН Казахстана, г. Астана, Республика Казахстан. archaeology_kz@mail.ru.

Санглибаев Абуталиб Алиевич – доктор политических наук, профессор Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Черкесск, Россия. sanglibaev09@mail.ru

Саткенова Жанна Багашаровна – кандидат филологических наук, заместитель заведующего кафедрой казахской филологии Казахского государственного университета им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.

Симбаева Салима — кандидат филологических наук, старший преподаватель института повышения квалификации педагогических работников по Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, salima.simbaeva@mail.ru

Соегова Айна Муратгелдиевна – старший научный сотрудник Института языка и литературы им. Махтумкули академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан, msoegov@gmail.com.

Султанбекова Маржан Кельдимуратовна – доцент кафедры карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия.

Султанмурадов Агарагим Магомедович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литератур народов Дагестана Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия, ansaraga@mail.ru.

Суюнова Насипхан Хусиновна – доктор филологических наук, профессор Карачаево-Черкесского государственного университета, главный научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия, soyunen@yandex.ru.

Сызранов Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Астраханского государственного университета, г. Астрахань, Россия, A_Sizranov@mail.ru.

Тангатов Ёлмамбет Хусейнович – кандидат экономических наук, доцент Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, г. Черкесск, Россия.

Тангатова Асият Ёлмамбетовна – ассистент-соискатель Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, г. Черкесск, Россия.

Татаршаов Азрет Хаджибекирович – кандидат исторических наук, доцент, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Тепкеев Владимир Толтаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, Россия. tvt75@mail.ru.

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета, г. Астрахань, Россия, itoropitsyn@mail.ru.

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, г. Москва, Россия. trepavlov@yandex.ru.

Тусупбекова Галия Аутовна – кандидат филологических наук, и.о. доцента Государственного университета им. Шакарима, г. Семей, Республика Казахстан, autovna67@mail.ru.

Уйсенбаев Арслан Абдурахманович – кандидат исторических наук, СОШ №14 а. Тукуй-Мектеб, Ставропольский край, Россия, tukui-mekteb14@yandex.ru.

Усманова Аделия Рустямовна – кандидат искусствоведения, Областной методический центр народной культуры министерства культуры Астраханской области, г. Астрахань, Россия, a.usmanova@rambler.ru.

Хапаева Светлана Магометовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д.Алиева, г. Карачаевск, Россия.

Хужева Людмила Корнеевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. отделом абазинского и кабардино-черкесского языков Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Черкесова Айна Аджиисламовна – магистрант Ростовской государственной консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону, Россия, aynanai@bk.ru.

Шишканова Антонина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Щербина Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия. adenas@list.ru.

Эбзеева Фатима Пахаратовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия.

Эсеналиева Ирина Борисовна – учитель истории и обществознания СОШ №5 с. Балахоновское, Ставропольский край, Россия.

Юсупов Юлдаш Мухамматович – зав. отделом этнологии Башкирского института гуманитарных исследований РАН, г.Уфа, Республика Башкортостан, Россия, ufa1980@yandex.ru

Ярлыкапов Ахмет Аминович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия. itbal@mail.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ

ЭТНОЛОГИЯ

ЛИНГВИСТИКА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ НОГАЙСКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НОГАЙЦЫ: XXI ВЕК

ИСТОРИЯ. ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОТ ИСТОКОВ – К ГРЯДУЩЕМУ

Материалы Первой Международной научно-практической конференции
г. Черкесск, 14-16 мая 2014 г.

НОГАЙЛАР: XXI ОЬМИР

ТАРИХ. ТИЛ. МАДАНИЯТ. АЬВЕЛГИДЕН – КЕЛЕЕККЕ

Биринши Халклар ара илми-практикалык конференциядынъ йыйынтыгы
Черкесск к., 14-16 мамыр 2014 й.

NOGHAIS: XXI CENTURY

HISTORY. LANGUAGE. CULTURE. FROM SOURCE TO THE FUTURE

Proceedings of the 1st International Scientific and Practical conference
Cherkessk, May 14-16, 2014

Художественный и технический редактор — *А. Я. Алимова*

Подписано к печати 14.04.14. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «PetersburqCTT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 60.
Усл. кр.-отт. 68,2. Уч.-изд. л. 61,1. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «ТИПОГРАФИЯ СТАВРОПОЛЬЕ»
355035, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.

УДК 902.7
ББК 63.3 (2Р37)
Н-76

Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему.
— Черкесск, 2014. с. 480.

ISBN 978-5-8307-0298-0